This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 9015 01457 9943

UNIVERSITY OF MICHIGAN

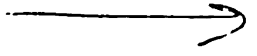
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

1905

no trim



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1963

Digitized by Google

Digitized by Google

Druzhinin Aleksandr Vasil'evich

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. В. ДРУЖИНИНА

OP. 18335 w.o 12222

Т. 7.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

(РЕДАКЦІЯ ИЗДАНІЯ Н. В. ГЕРБЕЛЯ)

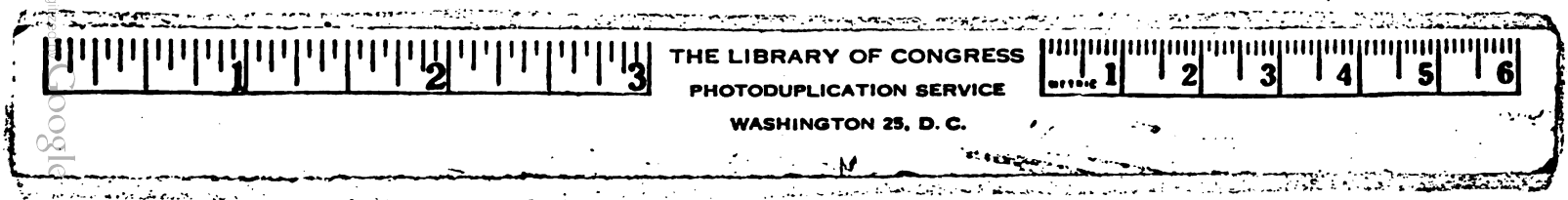
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 л., № 12)
1865

Digitized by Google

891.78
D7976
1865a
v.7

Digitized by Google

Digitized by Google


THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

61-328246

~~PG3330~~
~~.D9~~
~~1865~~

418491
31

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Digitized by Google

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

I.

«ГРЕЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ» Н. ЩЕРБИНЫ. ОДЕССА. 1850.

Если вѣрить газетамъ, которыя за двадцать лѣтъ тому назадъ лгали совершенно также, какъ лгутъ и теперь, — въ Греціи, около 1830 года, происходило достопримѣчательное торжество. Двое богатыхъ негоціянтовъ, имѣвшихъ обширныя владѣнія неподалеку отъ Аѳинъ, не жалѣя огромныхъ суммъ и трудовъ, рѣшились въ XIX столѣтіи воскресить одинъ изъ дней древней Греціи. Оба они получили блестящее образованіе въ одномъ изъ германскихъ или французскихъ университетовъ, оба носили имена, прославленныя въ войнѣ противъ мусульманъ, оба въ совершенствѣ знали старую словесность своей родины и пламенно сочувствовали древнему искусству. Въ ихъ земляхъ находилось нѣсколько историческихъ развалинъ, изъ которыхъ одна, именно храмъ Зевса Олимпійскаго, сохранилась болѣе другихъ. Храмъ этотъ былъ наскоро реставрированъ искуснымъ архитекторомъ, эллиномъ въ душѣ, украшенъ изваяніями и цвѣтами. По приглашенію обоихъ поэтовъ (безъ сомнѣнія, эти люди были поэтами въ душѣ), съѣхалась къ нимъ компанія археологовъ, художниковъ и знатоковъ древней словесности, и послѣ долгаго труда и преній составлена была длинная программа торжества, заключающаго въ себѣ народную процессію, игры и такъ далѣе. Заготовлены были изящные костюмы древнихъ временъ, свѣтильники, колесницы, оружіе, жертвенники и курильницы, — однимъ словомъ, всѣ принадлежности древней греческой жизни, до малѣйшихъ подробностей. Изъ поселянъ и пріѣзжихъ любителей выбраны были старики, юноши, женщины и дѣти, отличавшіеся красотою, которая еще не утратилась въ

Digitized by Google

нынѣшней Греціи. Гимны Каллимаха и другихъ поэтовъ положены были на музыку, оркестръ состоялъ изъ тетрахордъ, теорбъ и флейтъ. Многосложная археологическая задача рѣшена была съ помощію огромныхъ пожертвованій, и въ назначенный день открылось празднество, начавшееся шествіемъ къ древнему храму и окончившееся плясками и гомерическимъ ужиномъ. Этотъ день, важный для ученаго, былъ не менѣе блистательнымъ и для художника. Тоже солнце, которое сіяло надъ истмійскими играми, озаряло восторгъ нашихъ поклонниковъ древности; въ виду ихъ плескалось тоже море, по которому ходили корабли Ѳемистокла; на горизонтѣ виднѣлись тѣже лиловыя горы, на которыхъ покоились глаза Пиндара и Сократа.

Но могло ли подобное празднество дать непосвященному человѣку полное понятіе объ очаровательномъ бытѣ древней Греціи? Ни въ какомъ случаѣ не могло: въ торжествѣ, затѣянномъ поклонниками отжившаго міра, не было элементовъ прежней жизни; въ немъ былъ восторгъ, было удивленіе, было пламенное поклоненіе искусству, была скорбь о времени славы, — но не было того дѣтскаго, простодушнаго элемента, который такъ ослѣпительно сіялъ въ древней Греціи. И до того элемента не добраться болѣе современному человѣку, не смотря ни на его усилія, ни на его горячіе порывы къ эллинскому міру. Первая любовь съ своими сладкими, юношескими помыслами не приходитъ два раза; можно цѣлый годъ проспдѣть въ кружку граціозныхъ и рѣзвыхъ дѣтей, но время дѣтства все-таки не воротится.

Тѣмъ не менѣе сознательное влеченіе къ древнему міру, восторженная симпатія къ его остаткамъ, понятно и трогательно. Оно обильно своего рода поэзіею,—не тою поэзіею, которая ключемъ кипитъ въ сердцѣ осьмнадцатилѣтняго юноши, но тою, которая теплится ровнымъ пламенемъ въ груди человѣка, извѣдавшаго жизнь съ ея горемъ и радостію. По временамъ поэзія подобнаго рода достигаетъ истиннаго величія и хранитъ въ себѣ рѣзкую самостоятельность. Скажемъ болѣе: безъ этой-то самостоятельности всѣ произведенія словесности, внушенныя сочувствіемъ къ древнему міру и древнему искусству, носятъ въ себѣ характеръ слабости, подражательности, неестественности.

Признаемся откровенно, что, перечитывая почти всѣхъ антологическихъ поэтовъ, появившихся въ началѣ прошлаго и въ нынѣшнемъ столѣтіи, мы невольно помышляемъ о томъ праздникѣ въ честь древней Греціи, про которой мы сейчасъ говорили. Есть нѣчто чужое, холодное, безжизненное въ этихъ подражаніяхъ

Digitized by Google

эллинской словесности, подъ которыми, однако, значатся имена первыхъ писателей нашего времени. Кромѣ того, если подобнаго рода произведеніе и дѣйствительно пробуждаетъ въ насъ иногда сладкое чувство, то мы какъ будто боимся ему довѣриться: намъ кажется, что оно возбуждено собственными нашими воспоминаніями; мы очень хорошо знаемъ, что человѣку съ эстетическимъ вкусомъ довольно вспомнить одни имена Греціи, боговъ Олимпа, чтобы въ его душѣ зашевелилось вѣчно свѣжее и вѣчно милое ощущеніе. И чѣмъ длиннѣе произведеніе, возбужденное подражаніемъ древнимъ, тѣмъ болѣе въ немъ сухости и безжизненности. Самъ Гёте, такъ превосходно копировавшій поэтовъ антологіи, подарилъ насъ двумя скучнѣйшими вещами: «Ахиллеидою» и «Ифигеніею. Что̀ касается до большинства русскихъ поэтовъ, то можно сказать утвердительно, что наше поверхностное знакомство съ греческою словесностью привело насъ къ подражанію незавидному. Читая антологическія стихотворенія Пушкина, такъ и чувствуешь, не взирая на ихъ прелесть, что поэтъ немногое извлечетъ изъ этой богатой жилы для художника. Привязанность вообще всѣхъ поэтовъ къ подражаніямъ такого рода объясняется весьма легко: издавна воображенію самыхъ самостоятельныхъ дѣятелей въ словесности льстила та область фантазіи, гдѣ все такъ тихо, простодушно и свѣтло, куда не проникнули ни наши утонченныя страсти, ни треволненія современныхъ умовъ; умѣренность красокъ, рельефность очертаній, простота и несложность идей, — всѣ эти достоинства, къ которымъ пріучало ихъ изученіе древней словесности, казались имъ крайнимъ предѣломъ совершенства. Отъ безотчетнаго удивленія одинъ только шагъ къ рабскому подражанію, а рабское подражаніе прямо ведетъ къ новому недостатку, а именно къ слишкомъ близорукому, такъ сказать, одностороннему взгляду на вещи. Бо̀льшая часть поэтовъ, копируя древнихъ художниковъ, пришли къ узкому понятію о значеніи самого древняго̀ искусства.

Они не хотѣли посмотрѣть на предметъ съ болѣе важной точки зрѣнія: гоняясь за буквою, они опустили изъ вида духъ древняго искусства и такимъ образомъ оттолкнули отъ себя всякую попытку на самостоятельность въ произведеніяхъ, навѣянныхъ имъ древнею жизнью. Они не съумѣли извлечь всей пользы изъ той истины, что греческій міръ заключалъ въ себѣ сѣмена развитія, общаго всему человѣчеству. Все частное, временное, случайное умерло въ Греціи, истинное и общечеловѣческое передано намъ и живетъ у насъ или подъ другими формами, или въ даль-

Digitized by Google

нѣшемъ развитіи. Поклоненіе красотѣ, глубокое сознаніе успокоительной силы природы, простодушное проявленіе страстей, наука наслаждаться жизнью и тысяча другихъ идей высказывались въ эллинской жизни иногда съ полной ясностью, иногда смутно, иногда безсознательно. Уразумѣвъ эти истины, прослѣдя всѣ идеи, намеки, заключающіеся въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, всякій поэтъ увидитъ, что его собственная роль, его воззрѣніе на древній міръ измѣнились значительно. Онъ уже не безсиленъ, не ничтоженъ передъ красотами древняго міра, онъ уже не рабъ буквы древнихъ писателей, онъ уже не жалкій копіистъ, уныло сидящій передъ превосходною картиною: онъ скорѣе похожъ на отличнаго историка, заваленнаго грудою матеріяловъ для его будущей книги. Онъ начинаетъ понимать отдаленныя, скрытыя, невысказанныя мысли отжившаго народа и чувствуетъ, что можетъ передавать ихъ современникамъ въ стройномъ и цѣломъ изданіи. Онъ не грекъ да и не тянется къ невозможному достиженію древнихъ мелочей; но онъ и не просто современный человѣкъ: онъ поэтъ, котораго дарованіе широко раскинулось подъ вліяніемъ древнихъ образцовъ; онъ уже не копируетъ древней антологіи: онъ чувствуетъ, что можетъ подняться выше; онъ не подражаетъ однимъ только оборотамъ Анакреона и Ѳеокрита: онъ живетъ ихъ мыслью, дополняя ее согласно своему разуму, своему сердцу, сообразно своему пониманію древняго и новаго міра. Такой поэтъ не можетъ не любить древняго искусства съ горячею симпатіею; его мотивъ эти вдохновенныя слова Шиллера:

Schöne Welt, wo bist du? Kehre wieder
Holdes Blüthenalter der Natur!
Ach, nur in dem Feenland der Lieder
Lebt noch deine fabelhafte Spur!

Но, повторяя этотъ голосъ души при созерцаніи отжившей прелести, онъ, какъ человѣкъ своего времени, выискиваетъ въ древней словесности идеи и образы какъ можно болѣе близкіе къ нашей жизни, и на нихъ останавливается со страстью. Его твореній никто не смѣшиваетъ съ трудами Пиндара и Софокла; но дѣло въ томъ, что еслибъ Софоклъ и Пиндаръ проживали въ наше время то писали бъ по его способу.

То, что̀ сказано нами о большинствѣ современныхъ поэтовъ, увлеченныхъ рабскимъ подражаніемъ древней словесности, не можетъ вполнѣ относиться къ лучшимъ изъ нихъ. Возвышенные умы, подобные Гёте и Шиллеру, не могли не постигать, какой

Digitized by Google

могучій потокъ поэзіи заключался въ сліяніи древняго элемента съ современною жизнью; но оба поэта Германіи не ограничивали своей дѣятельности однимъ возсозданіемъ древнихъ идеаловъ; произведенія, навѣянныя имъ созерцаніемъ эллинскаго міра, не были ихъ исключительною спеціяльностью: то были этюды, совершонные съ любовью, только одна часть ихъ многосложныхъ трудовъ, одна сторона ихъ поэтическихъ привязанностей; оттого ни тотъ, ни другой не могли обратить на нихъ всего своего вниманія. Совсѣмъ тѣмъ они много сдѣлали по этой части, въ особенности Гёте, которому суждено было испытать всѣ роды дѣятельности, переходить отъ ложнаго къ высокому, отъ плохого къ художественному, отъ второй части «Фауста» къ «Коринѳской Невѣстѣ», отъ «Доротеи» къ «Миньонѣ». Въ томъ, что Гёте глубоко понималъ древнюю жизнь и могъ быть самостоятельнымъ въ ея изображеніи, можетъ служить доказательствомъ его «Прометей» и другія превосходныя стихотворенія. Какимъ же образомъ рядомъ съ этими вещами создались «Ахилленда» и рабскія подражанія антологіи, принадлежитъ къ одной изъ тайнъ этого олимпійскаго сфинкса.

Намъ кажется, что самостоятельности Гёте вредила во многихъ его произведеніяхъ изъ древней жизни излишняя безстрастность поэта; Шиллеру же, напротивъ того, служила препятствіемъ черезчуръ симпатическая, черезчуръ горячая его душа. Начиная спокойною картиною, Шиллеръ очень часто кончалъ восторженнымъ дифирамбомъ; но совсѣмъ тѣмъ это смѣшеніе родовъ составляло одну изъ прелестей его поэзіи. Въ книжкѣ, находящейся передъ нами, мы не разъ встрѣтимъ ту же манеру, страстную и неподготовленную; она и здѣсь хороша, потому-что тоже основана на безъискусственной, душевной симпатіи къ генію древней Эллады.

Есть еще одинъ блистательный поэтъ, уступающій двумъ названнымъ нами художникамъ въ силѣ дарованія и многосторонности направленія, но въ произведеніяхъ котораго съ необыкновенною прелестью выказываются идеи, зародышъ которыхъ почерпнутъ изъ древняго міра, — поэтъ, съ необычайной удачею слившій въ своихъ созданіяхъ поэзію греческой жизни съ поэзіей современною, и вслѣдствіе такого сліянія завоевавшій себѣ почетную самостоятельность. Мы говоримъ объ Андреѣ Шенье — писателѣ, родившемся во Франціи, нанесшемъ сильный ударъ псевдоклассической словесности своей родины, — той самой словесности, которая отъ рабскаго подражанія древнимъ правиламъ дошла до совершен-

Digitized by Google

ныхъ противорѣчій съ правилами древняго и новаго искусства, и умершемъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ блескѣ силы и таланта. Чтобъ быть совершенно справедливымъ, слѣдуетъ еще упомянуть о неизвѣстномъ у насъ британскомъ поэтѣ Китсѣ, современникѣ Байрона, отличавшемся замѣчательнымъ сочувствіемъ къ древнему міру и самостоятельностью въ произведеніяхъ, внушенныхъ этимъ міромъ. Читатель не любитъ сухихъ умозаключеній и совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Прослѣдивъ за нашимъ раздѣленіемъ поэтовъ-подражателей древности на два рѣзкіе отдѣла: поэтовъ рабски подражательныхъ и поэтовъ самостоятельныхъ въ самомъ подражаніи, онъ вправѣ просить насъ, чтобъ мы привели тутъ же примѣръ такихъ самостоятельныхъ подражаній, показали ему, какимъ образомъ даровитые люди досказываютъ мысли древнихъ и сообщаютъ имъ особенную, современную прелесть. На этотъ случай мы готовы, и примѣровъ искать долго не будемъ.

Всякому извѣстно, что древніе греки не любили умирать: ихъ понятія не были освящены идеями христіанства и земная жизнь казалась имъ высшимъ благомъ. Герои «Иліады» смѣло шли на бой: но, умирая подъ копьемъ врага, они тосковали, и «душа ихъ тихо вылетала изъ тѣла, плача о юности и сладкой жизни». Женщины Софокла и Еврипида умирали не со стоическимъ хладнокровіемъ, не съ сладкими надеждами, а со слезами о жизни; онѣ рыдали, покидая земныя привязанности. Положимъ, что поэту задана тема такого рода: сѣтованія юной женщины, которой грозитъ погибель. Изложеніе должно быть въ древнемъ вкусѣ. Что сдѣлаетъ съ подобною задачею поэтъ чисто подражательный, поэтъ антологическій, одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ мы такъ много видѣли въ послѣднее время. Онъ припомнитъ плачъ Андромахи, трогательные вопли софокловой Антигоны, простодушно сокрушающейся о томъ, что у ней не будетъ своего дома, что она не взроститъ въ немъ дѣтей, — пріищетъ еще сотню примѣровъ и, собирая въ одномъ мѣстѣ первую черту, въ другомъ вторую и третью, создастъ подражаніе, сколокъ съ древнихъ поэтовъ, — этюдъ, можетъ быть, замѣчательный. И не слѣдуетъ воображать, чтобъ подобный трудъ былъ легокъ: нѣтъ! для него потребно много художественной способности, много познаній, теплоты душевной, вкуса и умѣнья владѣть языкомъ. И не смотря на то, въ подобномъ произведеніи будетъ весьма мало самостоятельнаго.

Въ послѣдніе дни своей жизни, одинъ изъ поэтовъ, о кото-

Digitized by Google

рыхъ мы только что говорили, именно Андрей Шенье, имѣлъ случай вдохновиться совершенно тою же идеею. Эта исторія необыкновенно трогательна. Въ Сенъ-Лазарской темницѣ, гдѣ безвинно содержался поэтъ и откуда вышелъ онъ только для того, чтобъ сложить свою голову на эшафотѣ, находилась въ одно время съ нимъ аристократическая дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтства, именно дѣвица де-Куальи. Судьба юной красавицы была не совсѣмъ блистательна: смерть должна была подойти къ ней въ скоромъ времени; каждый день кровавый трибуналъ могъ извлечь ее изъ заточенія и послать на гибель. Видъ этого невиннаго существа, возбудивъ симпатію поэта, внушилъ ему стихи, едва ли не самые прелестные во всей французской словесности. Шенье былъ пропитанъ древнею словесностью, а потому исходная идея его стихотворенія и подробности его были чисто греческія.

Вотъ бѣдный переводъ этого превосходнаго стихотворенія.

«Колосъ, только что зазеленѣвшій, зрѣетъ на полѣ и не страшится серпа, не опасаясь тисковъ, виноградная кисть впиваетъ въ себя сладкое дыханіе Авроры: я также молода и прекрасна, и хотя настоящій часъ страшенъ и грустенъ, — я еще не хочу умирать.

«Пусть безчувственный стоикъ радостно встрѣчаетъ смерть, — я хочу только плакать и надѣяться, при мрачномъ порывѣ сѣвернаго вѣтра склонять голову и вновь поднимать ее. Въ жизни не все одна горечь — развѣ есть медъ, послѣ котораго не чувствуешь отвращенія? развѣ есть моря безъ бурь?

«Свѣтлыя мечты роятся въ моей груди: напрасно тяготѣютъ надо мною стѣны темницы, надежды мои имѣютъ крылья. Такъ Филомела, вырвавшись изъ силковъ жестокаго птицелова, живѣе, веселѣе прежняго взвивается подъ облака.

«Мнѣ ли умирать? я засыпаю спокойно и день мой проходитъ тихъ: я не знаю угрызеній совѣсти. Даже въ этой грустной обители всѣ смотрятъ на меня ласково; при моемъ появленіи, что-то въ родѣ радости видится на лицахъ унылыхъ узниковъ.

«Мой прекрасный путь не можетъ такъ кончиться: я только что начала его... я едва миновала первыя деревья по краямъ дороги. На только что начатомъ пиру жизни я только что успѣла взяться за чашу, и она еще такъ полна въ моихъ рукахъ!

«Я видѣла одну весну: мнѣ хочется видѣть дань жатвы; солнце совершаетъ свой годъ, переходя отъ лѣта къ зимѣ, и я того же желаю себѣ. Только что распустившись на своемъ стеблѣ и на-

Digitized by Google

чавши радовать весь садъ, я хочу дождаться до вечера: меня грѣли только утренніе лучи солнца.

«О, смерть! удались же, удались отъ меня, ступай утѣшать сердца, изголоданныя страхомъ, стыдомъ и отчаяніемъ. Для меня богиня природы хранитъ свои тѣнистыя убѣжища, для меня живетъ любовь съ ея поцалуями, музы съ ихъ вдохновенными пѣснями. Мнѣ еще рано... я не хочу умирать.»

Кто изъ людей, читавшихъ греческихъ писателей, не сознается въ томъ, что и основная идея и манера «Молодой Узницы» Шенье служатъ нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ идеи софокловой «Антигоны», манеры ѳеокритовыхъ идиллій. Юное и невинное существо, поставленное лицомъ къ лицу съ ожиданіемъ смерти, воспѣто поэтомъ, глубоко изучившимъ и духъ и букву древней словесности. А совсѣмъ тѣмъ сколько въ этой вещи самостоятельности, жизни, мыслей, общихъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ! Въ особенности наивное, невыразимое прекрасное обращеніе бѣдной дѣвушки, въ которомъ она проситъ смерть отойти отъ нея и убираться къ другимъ людямъ, полно такого граціознаго эгоизма, такъ ново и совсѣмъ тѣмъ такъ истинно, что можетъ равно примѣниться и къ чувствамъ древней и къ понятіямъ современной женщины. Но довольно объ Андреѣ Шенье. Пора обратиться къ книжечкѣ русскихъ стихотвореній, изданныхъ въ Одессѣ, въ 1850 году.

«Греческія Стихотворенія» г. Щербины съ перваго разу предупредили насъ въ свою пользу. Мы очень хорошо знаемъ, что стиховъ въ антологическомъ родѣ невозможно писать съ плеча, и признаемся, что мы болѣе всего боимся этого послѣдняго рода стихотвореній. Даже кажется намъ, что единственная причина обилія плохихъ стиховъ заключается въ томъ, что большинство поэтовъ очень любитъ знаменитый стихъ Гёте:

Ich singe wie der Vogel singt!

то есть, что они поютъ очень шибко и, на первыхъ порахъ оставаясь довольны своими пѣснями, поспѣшаютъ передавать ихъ тисненію. Во-вторыхъ, намъ легко было убѣдиться, что г. Щербина почти раздѣляетъ наши собственныя мысли касательно подражаній древнимъ, то есть почитаетъ необходимостью слѣдить не столько за буквой, какъ за мыслью греческой словесности. Эта мысль, если не ошибаемся, выражена самимъ авторомъ въ концѣ книги. Въ-третьихъ, стихъ вездѣ гладокъ, звученъ и правиленъ. Въ-четвертыхъ, книжечка красива и тонка; впрочемъ, это было только

Digitized by Google

первое впечатлѣніе: прочитавъ ее со вниманіемъ, мы отъ души пожалѣли о томъ, что она не толще.

Однимъ словомъ, «Греческія Стихотворенія» г. Щербины намъ чрезвычайно понравились, и мы спѣшимъ подѣлиться нашимъ удовольствіемъ съ читателями.

Въ короткомъ послѣсловіи, приложенномъ къ стихотвореніямъ г. Щербины, авторъ излагаетъ нѣсколько мыслей о значеніи древняго искусства и говоритъ о причинѣ, по которой назвалъ онъ свою книжку «Греческими Стихотвореніями». «Читатель можетъ подумать — такъ выражается поэтъ — что книга состоитъ изъ переводовъ; но въ ней переводныхъ стихотвореній только два: Изъ *Анакреона* и *Бакхилида*, — затѣмъ мѣньшая половина остальныхъ чисто антологическія пьесы. Что же касается до бо́льшей половины книжки, то стихотворенія, въ ней заключающіяся, принадлежатъ не къ антологическимъ, но собственно греческимъ стихотвореніямъ, навѣяннымъ автору, нѣкоторымъ образомъ, знакомствомъ его съ эллинской жизнью, наукою, искусствомъ, и *внушенныя ему симпатіей ко всему греческому*. То, что не явилось, или, можетъ быть, не дошло до насъ въ греческой лирикѣ и чуждо антологіи, *но что мѣстами мелькаетъ въ драмѣ, философскихъ и историческихъ сочиненіяхъ, образѣ жизни, характерѣ и убѣжденіяхъ грековъ, то иногда бралъ авторъ за тему своего стихотворенія, — словомъ, мысли и чувства, которыя можетъ внушить греческій міръ человѣку нашего времени*, служатъ основою бо́льшой части пьесъ въ книгѣ.»

Послѣдними строками авторъ самъ разъясняетъ передъ нами свое направленіе, и мы должны признаться, что этотъ-то послѣдній разрядъ стихотвореній удался г. Щербинѣ несравненно болѣе его переводовъ и антологическихъ стихотвореній. Въ сліяніи древняго элемента съ симпатіею современнаго человѣка и заключается поле для таланта г. Щербины; разработывая этотъ богатый рудникъ, онъ сразу завоевалъ себѣ нѣкоторую самостоятельность и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ людей, любящихъ поэзію, сочувствующихъ и древнему и новому искусству.

Тридцать шесть стихотвореній, составляющихъ содержаніе изящной книжечки г. Щербины, мы, сообразно его собственному указанію, раздѣлимъ на три разряда: стихотворенія переводныя, стихотворенія антологическія и стихотворенія самостоятельныя, хотя и внушенныя греческою жизнью. Мы уже сказали, что переводныхъ пьесъ только двѣ. Авторъ самъ произнесъ судъ надъ ними, сказавши въ особенномъ прибавленіи, что «никакой пере-

Digitized by Google

водъ не въ состояніи передать красотъ греческаго подлинника». «Новые языки — прибавляетъ онъ — совершенно иначе организированы, чѣмъ языкъ греческій, и стопосложеніе ихъ нисколько не похоже на стопосложеніе древнихъ». Переводчикъ, который такъ скоро кладетъ оружіе и такъ легко сознается въ своемъ безсиліи, не въ состояніи потратить много труда надъ небольшимъ оригинальнымъ стихотвореніемъ, не способенъ къ мелкой работѣ надъ каждымъ стихомъ, — словомъ, къ работѣ, напоминающей собою занятія ювелира. А безъ такого труда переводы изъ древнихъ невозможны. Мы вполнѣ соглашаемся съ авторомъ, что наше стихосложеніе отлично отъ стихосложенія греческаго; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ у насъ не было хорошихъ переводовъ греческихъ писателей. Мы говоримъ не о русской словесности, которая, дѣйствительно, бѣдна подобными переводами; нѣмецкій языкъ еще труднѣе нашего укладывается въ стройный и плавный стихъ; его рѣзкость не напоминаетъ собою сладкозвучія «эллинской рѣчи»; а между тѣмъ германская словесность можетъ похвастаться блистательными переводами изъ древнихъ. Вотъ какъ переводитъ г. Щербина тридцать-четвертую оду Анакреона:

Зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня,
Когда съ тобой встрѣчаюсь я,
И, въ цвѣтѣ жизненной весны,
Моей боишься сѣдины?...
Или, зачѣмъ не любишь ты
Живое пламя въ старикѣ?...
Вглядись, какъ много красоты
Въ искусно сплетенномъ вѣнкѣ,
Гдѣ возлѣ пышныхъ розъ видна
Лилѣи скромной бѣлизна.

Эти стихи вялы, прозаичны и не имѣютъ никакой картинности. Въ подлинникѣ, если не ошибаемся, нѣтъ послѣдняго эпитета *скромной* (лилѣи) — эпитета туманнаго и уничтожающаго образность стиха. Мы бы не привели этой пьесы, еслибъ не имѣли впереди десяти вещей истинно прекрасныхъ; указываемъ же на это стихотвореніе съ тѣмъ только, чтобъ читатель самъ убѣдился, какъ г. Щербина, которому тѣсно, когда онъ, скованный переводнымъ трудомъ, идетъ шагъ за шагомъ, умѣетъ возвышаться, когда дана полная свобода его фантазіи.

Уже въ антологическихъ стихотвореніяхъ болѣе простора его таланту. Въ этихъ пьесахъ уже есть мѣсто страсти и сочувствію, уже къ нимъ можно иногда примѣшивать современное воззрѣніе

Digitized by Google

на древнее искусство, — стало быть, поэту тутъ можно высказаться, и онъ начинаетъ высказываться. Прежде всего мы приведемъ изящное, чисто греческое стихотвореніе «Въ деревнѣ», которое кажется выхваченнымъ изъ древней антологіи.

Какъ-то привольнѣй дышать мнѣ подъ этимъ живительнымъ небомъ,
Какъ-то мнѣ лучше живется въ тиши деревенской:
Гаснутъ мечты честолюбья, тревожные сны улетаютъ;
Мыслей о будущемъ нѣтъ, — настоящимъ я полонъ.
Будто младенецъ прильнулъ я къ широкому лону природы,
Съ нею живу, ея тайнымъ велѣньямъ послушный:
Музамъ я утро свое посвящаю, вставая съ Авророй;
Знойнаго полдня часы провожу подъ наметомъ
Темнопрохладнымъ платана; на ложѣ забывчивой нѣги
Сладко дремлю я, вкусивши здоровыхъ и сытныхъ
Блюдъ деревенскихъ, облитыхъ крѣпительной влагою Вакха.

Въ этомъ стихотвореніи все дышетъ древностью: поэтъ еще вѣренъ своимъ образцамъ и будто боится отклониться отъ нихъ. Только въ двухъ, подчеркнутыхъ нами стихахъ:

Будто младенецъ прильнулъ я къ широкому лону природы,
Съ нею живу, ея тайнымъ велѣньямъ послушный —

уже слышится присутствіе мысли болѣе современной, сознательно развитой, и этотъ небольшой, поэтическій анахронизмъ придаетъ особенную прелесть, самостоятельность стихотворенію. Въ немъ дышетъ не одинъ древній міръ: въ немъ видна уже сама страстная натура поэта. Счастливъ писатель, дѣлающій подобные анахронизмы!

Вотъ еще два коротенькія стихотворенія, въ которыхъ оба указанные нами элемента сливаются съ рѣдкою прелестью:

СВИДАНІЕ.

Страстно просилъ я безсмертныхъ боговъ олимпійскихъ
Дать мнѣ минуту, одну-лишь минуту свиданья
Съ чудно-прекрасною смертною дѣвой. Настало
Это мгновенье. Увидѣвъ ее, у безсмертныхъ
Началъ просить я, чтобъ мигъ вожделѣнный свиданья
Въ вѣчность продлили они. Красоту моей милой
Я созерцалъ, и, какъ Тантал, все жаждалъ и жаждалъ,
Въ очи ей глядя, лобзая, томяся и плача,
Въ очи глядѣть ей, лобзать и томиться, и плакать...

МИГЪ.

Чудный былъ вечеръ весенній. Ужь солнце въ волнахъ потонуло,
Искрились тихія волны, и западъ въ послѣднемъ сіяньи

Digitized by Google

Медленно гаснулъ надъ нами, и Гесперъ ужь теплился ярко.
Робкой стопой серебристая дѣва-Селена изъ тучки
Въ темнолазурное поле небесъ выходила.

Все было тихо, прохладно, темно и прозрачно подъ небомъ;
Небо съ землей и съ душой человѣка дышало одною
Сладкой гармоніей, будто бы звучною грудью одною...
Счастливы мы, что живемъ, что родились, друзья-человѣки!...
Горе нежившимъ и горе отжившимъ!

Мы не будемъ долго распространяться ни о первомъ, ни о второмъ изъ нихъ: человѣкъ съ поэтическимъ тактомъ самъ пойметъ, что въ каждомъ изъ нихъ древняго и что именно современно и останется всегда вѣрнымъ и понятнымъ. Но нельзя не замѣтить, что въ нихъ обоихъ, особенно въ послѣднемъ, поэтъ уже смѣлѣе выступилъ изъ обычной границы антологическихъ стихотвореній. Такъ въ пьесѣ *Миг* г. Щербина обнялъ свѣтлымъ, философскимъ взглядомъ цѣлость картины и заключилъ ее мыслью, которую понимали, но не вполнѣ высказывали древніе наши учители:

Счастливы мы, что живемъ, что родились, друзья человѣки!
Горе нежившимъ и горе отжившимъ!

Страстное, сознательное преклоненіе передъ чудесами природы, пониманіе жизненныхъ благъ и наслажденіе жизнью, — всѣ эти чувства, выраженныя въ приведенныхъ нами двухъ стихахъ, сообщаютъ пьесѣ лирическій характеръ, дѣлаютъ это антологическое стихотвореніе гимномъ, высокимъ по содержанію, удачнымъ по выполненію. Говоря о поэзіи, природѣ, счастіи, — обо всѣхъ этихъ предметахъ полупонятныхъ сухимъ и охлажденнымъ сердцамъ, нельзя уберечься отъ такъ называемыхъ тонкостей, надъ которыми многіе такъ основательно смѣются въ наше время. Но мы не боимся тонкостей и скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣдней пьесѣ. Она навѣяна древнимъ міромъ; но горячее чувство, которымъ оно проникнуто, придаетъ ему достоинство другого рода, болѣе къ намъ близкое. Безспорно, греки любили природу и понимали ее, въ ихъ поэтахъ нетрудно отыскать гимны подобнаго рода, не одинъ грекъ думалъ о томъ, что онъ счастливъ, потому что живетъ; но всѣ эти чувства проявлялись въ сынѣ Эллады почти безсознательно, какъ проявляются они въ дитяти, играющемъ на солнцѣ, въ птицѣ, поющей среди только что распускающейся зелени. Въ ихъ поклоненіи природѣ слышится рѣзвый голосъ простодушнаго дитяти; въ нашемъ гимнѣ звучитъ отрадный вздохъ человѣка, отшатнувшагося отъ мучительныхъ бурь свѣта и съ восторгомъ простирающаго усталыя руки къ вѣчно юной богинѣ.

Digitized by Google

Это самое чувство измученнаго смертнаго передано г. Щербиною въ другомъ его стихотвореніи, которое не относится къ разряду антологическихъ, — стихотвореніи, немного неопредѣленномъ по содержанію, но принадлежащемъ къ одному изъ лучшихъ въ книжкѣ, — стихотвореніи, въ которомъ картинность и музыка стиха достойны нашихъ лучшихъ поэтовъ. Оно называется «Герой». Нельзя опредѣлить, что хотѣлъ выразить авторъ этимъ названіемъ; но его загадочность не портитъ дѣла: тутъ открывается нѣсколько путей собственной фантазіи читателя. «Герой», воспѣтый здѣсь, представляется читателю однимъ изъ великихъ аѳинянъ, спасшихъ свое отечество, прославившихъ его цѣною общественнаго своего спокойствія, извѣдавшихъ злобу и неблагодарность своихъ соотечественниковъ и наконецъ удалившихся въ изгнаніе, сладкое уже потому, что въ немъ они отрѣшались отъ всѣхъ заботъ бурной жизни. Пусть то будетъ Ѳемистоклъ, Аристидъ или Алкивіадъ — все равно.

Но мы еще не кончили съ антологическими стихотвореніями. Вотъ еще одно изъ нихъ, которымъ начинается книжка:

КУПАНЬЕ.

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
Моя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной...
Кто бъ любовался красавицей этой порою,
Какъ надъ потокомъ она будто лотосъ склонилась,
Змѣйкою станъ изогнула, и бѣлой погою
Стала на чорный обрывистый камень, и мылась,
Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока,
Кто бъ посмотрѣлъ на нее, облитую лучами,
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами,
И, какъ о мраморъ кристаллъ, разбивались, блѣднѣя:
Тотъ пожелалъ бы, клянусь я, чтобъ въ это мгновенье
Въ мраморъ она превратилась какъ матъ-Ніобея,
Вѣчно бъ здѣсь мылась грядущимъ вѣкамъ въ наслажденье.

По обыкновенію автора, пьеса заключается мыслью, составляющею какъ бы результатъ всей картины. Поэтъ желаетъ, чтобъ купающаяся красавица превратилась въ мраморъ, для наслажденія будущимъ поколѣніямъ. Идея граціозна и ловко выражена, но можетъ показаться нѣсколько изысканною; говоримъ это потому, что на-дняхъ одинъ изъ нашихъ пріятелей, отдавая полную спра-

Digitized by Google

водливость таланту г. Щербины, замѣтилъ, что окончаніе *Купанья* «отзывается манерностью» и потому очень отклоняется отъ древнихъ образцовъ. Смѣемъ увѣрить почтеннаго критика, что, во-первыхъ, особенность нашего поэта состоитъ въ независимости отъ древнихъ формъ, и во-вторыхъ, что нѣкоторая изысканность мысли не была чужда грекамъ, въ дѣлѣ граціи допускавшимъ нѣкоторую утонченность. Катуллъ, самый *греческій* изъ латинскихъ писателей, — поэтъ, котораго пѣсни читались въ Греціи и Александріи, говоритъ о покинутой Аріаднѣ, въ минуту отчаянія сдѣлавшейся «похожей на мраморную статую вакханки». Это сравненіе, нѣсколько сродное заключительнымъ стихамъ вышеприведеннаго стихотворенія, не только не признается манернымъ, но даже служитъ темою для восторженныхъ разглагольствованій по поводу латинской поэзіи...

Изъ остальныхъ стихотвореній въ томъ же родѣ мы можемъ указать на *Стыдливость*, *Тучу*, *Уединеніе*, *Просьба художника*, какъ на болѣе удачныя; къ неудавшимся отнесемъ слѣдующія: «Міръ и человѣкъ», «Стихъ», «Незнакомка» и нѣкоторыя другія. Слабость этихъ послѣднихъ пьесъ заключается иногда въ неясности мысли, иногда въ неловкости и прозаичности стиха, иногда въ туманности и запутанности изложенія. Недостатки таланта г. Щербины всего рѣзче выказываются въ одномъ стихотвореніи, съ котораго мы и начнемъ обзоръ третьяго разряда его трудовъ.

СТАТУЯ ЕЛЕНЫ.

Стою какъ рабъ предъ дивнымъ изваяньемъ,
Проникнутый нѣмымъ очарованьемъ;
Едва дыша, взираю на черты
Возвышенной античной красоты.

Скажите мнѣ, кто дерзкій тотъ художникъ,
Что божество съ Олимпа къ намъ низвелъ,
Которому вселенная — треножникъ
И блескъ небесъ — достойный ореолъ.
Не тукъ тельцовъ, не свѣтлый тукъ елея
Обычный даръ на алтарѣ твоемъ,
Но человѣкъ, восторгомъ пламенѣя,
Блаженствуя, приносится на немъ...
Какой Паросъ твой мраморъ возлелѣялъ?
Кто Прометей, воздвигнувшій твой ликъ,
Чтобы на все онъ жизнію повѣялъ,
Чтобы во все магически проникъ?

Digitized by Google

Какая мысль чело его палила,
Какъ на тебя рѣзецъ онъ свой вознесъ,
И какъ она его не сокрушила,
И надъ тобой онъ сколько проливъ слезъ?..
Но долу ты свои склонила очи...
Не подымай, молю, ихъ на меня! —
Подъ ними всѣ сокрылись тайны ночи
И весь огонь тропическаго дня.
Въ нихъ блещетъ все прекрасное природы,
Въ нихъ міръ души съ природою сліянъ,
Въ нихъ озера недвижимыя воды
И бурею изрытый океанъ...

Стою какъ рабъ предъ дивнымъ изваяньемъ,
Проникнутый нѣмымъ очарованьемъ;
Едва дыша, взираю на черты
Возвышенной античной красоты.

Начало пьесы прекрасно, стихъ твердъ и изященъ. Четыре строки, начиная отъ стиха

Какая мысль чело его палила

возвышаются до истиннаго лиризма; восторгъ, въ нихъ высказанный, переходитъ къ внимательному читателю; но тутъ и кончается достоинство гимна; начиная съ первой подчеркнутой строки до конца, онъ весь состоитъ изъ промаховъ и фальшиваго пафоса. Неопредѣленность мысли, довольно обычная нашему поэту, отсутствіе твердо обдуманныхъ выраженій приводятъ его къ смѣшному восторгу: онъ умоляетъ мраморную статую не поднимать на него своихъ глазъ! Глаза—послѣднее дѣло въ изваяніи, и какой поклонникъ искусства этого не знаетъ, точно также, какъ и того, что не только въ мраморныхъ, даже и въ живыхъ глазахъ никогда не блещетъ *весь огонь тропическаго дня*. Что же касается до *недвижимыхъ водъ озера и до бурею изрытаго океана*, которые опять-таки видятся поэту въ тѣхъ же глазахъ Елены, то намъ даже досадно говорить о такихъ выраженіяхъ. Пусть г. Щербина, обладающій несомнѣннымъ дарованіемъ, оставитъ подобныя фразы на долю поэтамъ, которымъ предстоитъ одинъ только путь къ извѣстности: именно эксцентрическія усилія въ дѣлѣ ломанія языка и вымысла невозможныхъ фантазій. Пусть стихотворцы такого разряда въ своихъ строкахъ *припекаютъ завитые локоны поцалуемъ*, пусть глаза ихъ милой *сіяютъ какъ бѣшеный фосфоръ;* имъ предоставляется идти по той же дорогѣ, по которой, съ довольно заслуженнымъ успѣхомъ, шли Викторъ Гюго и компанія;

Digitized by Google

но человѣку, страстно любящему древнее пѣтусство, воспитанному на Ѳеокритѣ и Софоклѣ, нечего увлекаться риторическими фокусъ-покусами.

Намъ очень пріятно сказать, что означенныя нами восемь строкъ о глазахъ статуи Елены самыя худшія во всей книгѣ. Сказавши это, мы уже съ чистымъ сердцемъ переходимъ къ тѣмъ изъ стихотвореній г. Щербины, которыя вполнѣ достойны названія прекрасныхъ.

Вотъ одно изъ нихъ — пзящное, спокойное, безукоризненное въ литературномъ отношеніи, стихотвореніе, котораго невозможно читать безъ сладкаго чувства. Оно составляетъ переходъ отъ произведеній антологическихъ къ произведеніямъ чисто самостоятельнымъ. Первая его строфа дышетъ необыкновенною прелестью и картинностью, выше которой невозможно подняться; тутъ нѣтъ ни одной черты лишней, ни одного слова некстати. Третья же и послѣдняя заключаетъ въ себѣ мысль всего произведенія, — мысль отрадную, хотя и грустную. Мы видимъ, что эта вещь принадлежитъ къ любимымъ произведеніямъ автора: его воображенію льстятъ картины, изображающія зрѣлаго и пострадавшаго человѣка, стоящаго лицомъ къ лицу съ тихою, вѣчно-юною природою, задумчиво улыбающагося при видѣ дѣтскихъ невинныхъ игръ. Скажемъ, впрочемъ, что, по всей вѣроятности, читателю, имѣющему мало сочувствія къ умѣренности и простотѣ древнихъ поэтовъ, названная нами пьеса едва ли понравится.

ДѢТСКАЯ ИГРА.

Дѣти рѣзвятся, бросая свой маленькій диск по дорогѣ;
Личики свѣтлы у нихъ и румяны, подъ туникой ножки
Живо бѣгутъ, и, колеблясь зефиромъ, по мраморной шейкѣ
Чорныя кудри струятся; смѣются уста ихъ и глазки.
Рады они и хохочутъ въ безумномъ весельи, малютки:
Весело имъ, что кузнечику ножки они оборвали...
Прыгать съ дороги въ пшеницу ужъ больше не станетъ,
Дѣти себѣ разсуждаютъ, смѣяся отъ чистаго сердца.

Чуждый товарищъ, стоялъ я межь ними, и слезы смочили
Старые вѣки мои, и на сердцѣ теплѣй становилось:
Дѣтямъ завидовалъ я съ умиленіемъ полнымъ отрады;
Годы сѣдые хотѣлось мнѣ сбросить, и юностью милой
Снова зажить, и безпечно рѣзвиться, какъ прежде рѣзвился.

Долго я грезилъ такимъ сновидѣньемъ, когда жь пробудился,
Стали мнѣ милы прожитыя лѣта, и дороги стали
Жизнію опытъ стяжанный и свѣточъ высокаго знанья...

Digitized by Google

Гордо вѣнецъ свой колючій на лобъ обнаженный,
Крона косою изрытый, опять я надвинулъ, и молча
Въ путь свой собрался... но — стыдно признаться — съ печальною думой.

Что же касается до насъ, то можетъ быть мы и ошибаемся, но намъ кажется, что нѣкоторыя мѣста изъ вышеприведенныхъ строкъ принадлежатъ къ тѣмъ рѣдкимъ, *сердцу понятнымъ* особенностямъ, по которымъ познаются истинные мастера своего дѣла. Какъ мило и полно изображеніе маленькихъ дѣтскихъ ногъ, живо бѣгущихъ подъ короткою туникою! Какъ возвышенно признаніе стараго путника, гордо надвигающаго свой вѣнецъ на морщинистый лобъ и говорящаго, что при видѣ неразумнаго дѣтства

Стали мнѣ милы прожитыя лѣта, и дороги стали
Жизнію опытъ стяжанный и свѣточъ высокаго знанья!

Теперь уже намъ предстоитъ одна только похвала таланту нашего поэта, тѣмъ болѣе, что рѣчь пойдетъ о томъ родѣ стихотвореній, которыя ему совершенно по средствамъ и гдѣ его самостоятельность можетъ высказаться съ полною отчетливостью. Мы говоримъ о тѣхъ пьесахъ, которыя, не принадлежа къ разряду чисто-антологическихъ произведеній, навѣяны поэту его знакомствомъ съ эллинскою жизнью и горячею симпатіею къ древнему искусству. Изящнымъ и вполнѣ соотвѣтствовавшимъ вступленіемъ къ этому разряду стихотвореній послужатъ слѣдующіе звучные, проникнутые страстью, стихи:

ЭЛЛАДА.

Окружена широкими морями,
Въ тѣни оливъ покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.

Я съ корабля сошолъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственномъ валовъ...
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ...

И видѣлъ я усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами
И Аполлонъ, и вѣчно-юный Вакхъ;

А въ гробѣ томъ красавица лежала
Нетлѣнная, печальна, но ясна...
Казалося, она не умирала,
Казалося, безсмертной рождена...

Digitized by Google

И пѣснь ея неслась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста;
И все вокругъ собой животворила
Уснувшая во гробѣ красота.

Выбравши содержаніемъ своего гимна (такъ будетъ всего приличнѣе назвать это стихотвореніе) грустное, но сладкое чувство при видѣ усопшей Эллады, нашъ поэтъ, по всей вѣроятности, зналъ, что его стихъ пробудитъ воспоминаніе объ импровизаціи другого поэта, на ту же тему, на нѣсколько вдохновенныхъ строкъ писателя, знаменитаго своею славою и бурною жизнью. Вотъ эти строки — нужно ли говорить, чьи они и откуда взяты? еслибъ читатель и не зналъ ихъ автора, онъ догадается объ его имени, по этому пламенному, отрывистому, блестящему началу:

He who hath bent him o'er the dead
Ere the first day of death is fled...

«Тотъ, кто наклонялся иногда надъ мертвецомъ, прежде нежели прошелъ первый день его усыпленія, — послѣдній день бѣдамъ и страху (прежде нежели палецъ разрушенія налегъ на черты, освященныя красотою), тотъ, кто ставалъ нагнувшись надъ тѣломъ и пожиралъ глазами послѣднюю прелесть, возвышенное спокойствіе, сіяющее на блѣдныхъ щекахъ, тотъ вѣрно, глядя на эти прекрасныя, безмятежныя черты, не разъ отказывался вѣрить, что надъ тою красотою, надъ тѣмъ спокойствіемъ уже царствуетъ злобная власть смерти. Таковъ видъ того берега, той страны — это Грецiя, но уже безжизненная Грецiя!»

Такъ или почти такъ (мы сократили отрывокъ) выражается великій бардъ Великобританіи: послѣ его вдохновенныхъ словъ уже трудно было сказать что-либо новое, достойное величія усопшей Эллады. Не желая соперничать съ поэтами, приносившими свою дань на могилу древней Греціи, нашъ поэтъ попытался сыскать самостоятельность въ простотѣ и, что̀ еще важнѣе, въ совершенно эллинской умѣренности изображеній. Въ «Элладѣ» г. Щербины есть четыре стиха, которые мы не можемъ произнести безъ сладкаго чувства: въ нихъ, какъ въ умной музыкальной ораторіи, есть нѣчто не подлежащее никакой критикѣ, нѣчто до чрезвычайности тонкое и привлекательное. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте объ этихъ строкахъ, изображающихъ гробницу Эллады:

И видѣлъ я усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами
И Аполлонъ, и вѣчно-юный Вакхъ...

Digitized by Google

Умѣренность (sobriété) въ прилагательныхъ здѣсь доходитъ до того, что Аполлону не придано ровно никакого эпитета, и отъ этого стихъ ни мало не проигрываетъ. Какъ изящны граціи, опустившія свои головы, и Вакхъ, вѣчно-юный! Собственныя наши воспоминанія, собственныя наши симпатіи къ древности, сливаясь съ картинами поэта, съ мелодіей стиха, доставляютъ намъ наслажденіе, — и поэтъ совершенно правъ, и поэтъ остается побѣдителемъ!

Совсѣмъ тѣмъ «Эллада» не можетъ назваться безукоризненнымъ стихотвореніемъ. Въ немъ авторъ заплатилъ обычную дань своей манерѣ неопредѣленно перескакивать отъ одной мысли къ другой, и вслѣдствіе того сдѣлалъ промахъ, нарушающій гармонію цѣлаго. «Какая пѣснь носилась надъ могилой усопшей красавицы?» спросимъ мы съ полнымъ педантизмомъ: — «развѣ она пѣла передъ тѣмъ, чтобы лечь въ свой саркофагъ?» «И можетъ ли пѣснь умершаго существа носиться надъ его могилой?»

Можетъ быть, автору «Греческихъ Стихотвореній» покажутся странными наши мелкія придирки, но мы утѣшаемся тою мыслью, что поэтъ, одаренный такимъ талантомъ и такъ живо сочувствующій искусству древняго міра, вполнѣ понимаетъ важность каждаго слова въ стихѣ, умѣетъ отличить вредъ каждаго неточнаго выраженія въ строгомъ и сжатомъ созданіи.

Въ томъ же, что нашъ авторъ умѣетъ цѣнить идею красоты и даже прилѣпился всею душою къ этой возвышенной идеѣ, которую никакія бури не способны изгладить изъ души правильно развитаго человѣка, увѣряютъ и насъ и читателей два истинно прекрасныя стихотворенія: «Невольная вѣра» и «Письмо».

Въ первомъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, очень слабы и неточны два стиха *), но зато семь стиховъ передъ ними восхительны въ полномъ смыслѣ слова. Второе далеко не такъ поразительно, но лучше выдержано. Вообще г. Щербина обладаетъ рѣдкимъ даровапіемъ сказать многое въ короткихъ словахъ.

Если силы наши соотвѣтствовали начатому нами труду, то мы успѣли уже достаточно познакомить читателя съ талантомъ г. Щербины. Еслибъ мы не боялись повредить успѣху его книжки, перепечатавъ въ своемъ журналѣ бо́льшую часть стихотвореній, въ ней заключающихся, мы бы помѣстили рядомъ съ выписанными стихотвореніями другія пьесы въ томъ же родѣ, не менѣе прекрасныя, какъ, напримѣръ: *Ваятель и натурщица*, *Гермесъ при-*

*) И мою полусонную лѣнь
Освѣжаютъ росой анемоны...

Digitized by Google

братних, *Древняя колонна* (которая, за исключеніемъ послѣднихъ шести строкъ, достойна назваться образцовымъ произведеніемъ), *Скрываемая страсть* и нѣкоторыя другія. Не смотря на такое похищеніе, въ тоненькой книжкѣ «Греческихъ Стихотвореній» осталось бы все-таки довольно вещей истинно замѣчательныхъ, а именно: *Тимонъ Авинскій*, *Сказка*, *Туника и поясъ*, *Жизнь и искусство*. Даже слабыя пьесы: *Афродитѣ*, *Уранiи*, *Софокловой Антигонѣ*, читаются не безъ удовольствія. При составленіи своей книжки, авторъ руководился строгимъ вкусомъ и, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ весьма понятнаго недовѣрія къ своимъ силамъ, исключилъ изъ нея много вещей, которыя бы могли составить репутацію поэта посредственнаго.

Въ первый разъ прочитавъ книжечку «Греческихъ Стихотвореній», мы поражены были обиліемъ прекрасныхъ вещей въ стихотвореніяхъ г. Щербины; но первое чувство удовольствія оказалось нѣсколько смутнымъ. При второмъ чтеніи мы признали автора истиннымъ поэтомъ, при третьемъ мы съ отрадою задумывались почти надъ каждою изъ пьесъ, имъ написанныхъ. Еще черезъ нѣсколько времени какъ-то случилось, что мы запомнили каждое изъ этихъ стихотвореній и вѣроятно долго его не забудемъ. Потому-то съ нашей стороны не будетъ лишнимъ одинъ совѣтъ читателямъ: мы предупреждаемъ ихъ, что талантъ г. Щербины не принадлежитъ къ разряду талантовъ, ослѣпляющихъ съ перваго разу и равно доступныхъ каждому; чтобъ оцѣнить вполнѣ дарованіе нашего автора, нужно вчитываться въ его произведенія, призывая по временамъ на помощь свои собственныя воспоминанія о древнемъ искусствѣ и свой личный поэтическій инстинктъ.

Что̀ касается до насъ, то мы смѣло причисляемъ г. Щербину къ числу замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ и даемъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ между тѣми изъ нихъ, которые еще пишутъ въ наше время. Уступая нѣкоторымъ изъ нихъ въ многосторонности, авторъ «Греческихъ Стихотвореній» далеко ихъ превосходитъ своимъ познаніемъ древней жизни и горячимъ, живымъ сочувствіемъ къ ея поэзіи. Что̀ у нихъ носитъ печать одной начитанности и раздраженія гдѣ-то захваченной мысли, у г. Щербины становится элементомъ понятнымъ и существеннымъ. Его легко можно упрекнуть въ нѣкоторой неопредѣленности выраженій и мысли; но что̀ вся эта неопредѣленность въ сравненіи съ чрезвычайною шаткостью и туманностью фантазіи во многихъ пьесахъ г. Фета, писателя съ замѣчательнымъ дарованіемъ. Авторъ «Невольной Вѣры» никогда не дойдетъ до такой степени причуд-

Digitized by Google

ливой слабости, чтобъ обращаться съ нео-германскими нѣжностями къ героинямъ Шекспира — къ Офелін, Дездемонѣ, и отпускать каждой изъ этихъ поэтическихъ страдалецъ цѣлый запасъ фразъ, не вяжущихся между собою. Поэтъ, сердцемъ понимающій Анакреона и Софокла, никогда не бросится въ галлюцинаціи, которыми такъ богато наше поколѣніе, вскормленное на скороспѣлой и дешевой эрудиціи.

Г. Щербина — поэтъ замѣчательный; «мы много можемъ отъ него ожидать въ будущемъ», желательно было намъ прибавить; но не лучше ли будетъ воздержаться отъ такой стереотипной фразы? Мы привыкли въ критическихъ статьяхъ изъявлять надежды подобнаго рода, не думая о томъ, что рѣдкому писателю онѣ бываютъ пріятны. Во-первыхъ, надежда въ будущемъ заставляетъ предполагать, что мы не совсѣмъ довольны настоящимъ, а мы протестуемъ противъ подобнаго предположенія; половиною «Греческихъ Стихотвореній» мы довольны вполнѣ, довольны окончательно. Во-вторыхъ, мы не желаемъ стѣснять поэта никакими ожиданіями; пусть онъ работаетъ, когда того захочется Аполлону, пусть онъ не стѣсняетъ себя временемъ и усиленнымъ трудомъ; если, черезъ нѣсколько лѣтъ, издастъ онъ десять томовъ въ родѣ нынѣ изданной книжки, мы будемъ чрезвычайно довольны; ежели черезъ десять лѣтъ онъ издастъ только десять стихотвореній, мы, можетъ быть, въ душѣ пожалѣемъ о лѣности поэта, но примемъ его трудъ съ благодарностью. Еслибъ можно было съ пользою подавать совѣты поэтамъ и литераторамъ, мы бы съ своей стороны не отказались сказать слова два автору «Греческихъ Стихотвореній», и имѣемъ слабость думать, что эти нѣсколько словъ не были-бъ лишними. А впрочемъ, отчего-жь и не изъявить готовность по части совѣтовъ? Положимъ, что г. Щербина желаетъ знать наше откровенное и, такъ сказать, частное мнѣніе о его талантѣ вообще, и о будущности этого таланта въ особенности: въ такомъ случаѣ мы сказали-бъ ему слѣдующее:

Изъ сорока почти стихотвореній, изданныхъ г. Щербиною, нѣкоторыя написаны въ 1843, другія въ 1847, остальныя въ промежутокъ между этими двумя годами. Самъ авторъ, выставляя число подъ каждою изъ пьесъ, облегчаетъ наши хронологическія соображенія. Лучшія вещи написаны въ 1846 и 1847 годахъ, но число ихъ невелико. Это обстоятельство заставляетъ насъ предполагать, что авторъ «Греческихъ Стихотвореній» пишетъ рѣдко и можетъ быть медленно. Съ другой стороны, всѣ пьесы въ книгѣ весьма коротки, въ общности ихъ нѣтъ строго обдуманной послѣ-

Digitized by Google

довательности, всѣ матеріяльные признаки показываютъ, что если г. Щербина безспорно заслуживаетъ названіе поэта талантливаго, зато онъ очень далекъ отъ того, чтобы быть трудолюбивымъ поэтомъ. Мы не понимаемъ слова трудолюбивый въ томъ безцвѣтномъ видѣ, какъ воображаютъ себѣ многіе; мы убѣждены всѣмъ сердцемъ, что любовь къ труду составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ всякаго замѣчательнаго писателя. Давно пора перестать намъ глумиться надъ идеею умственнаго труда и превозносить выше мѣры беззаботную, лѣнивую дѣятельность; можно бы намъ, кажется, помнить, что если праздная, вялая жизнь и порождала иногда хорошихъ поэтовъ, зато величайшіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Гёте, Данте, Шиллеръ, были трудолюбивѣйшими учеными до конца своей жизни. Грустное заблужденіе нашихъ свѣтскихъ людей и, что́ еще хуже, литераторовъ, по поводу важности науки и добросовѣстнаго труда въ дѣлѣ изящныхъ произведеній, заслуживаетъ ѣдкой сатиры, или трактата, или цѣлой статьи серьёзнаго содержанія.

Итакъ, намъ кажется, что талантъ г. Щербины можетъ усовершенствоваться и ярко развиться съ помощью труда. Мы не хотимъ вѣрить, чтобъ поэтъ съ его дарованіемъ не нашолъ себѣ новыхъ сюжетовъ и новой дѣятельности, чтобъ онъ не былъ способенъ довести свой стихъ до высшей степени правильности, красоты и въ особенности *точности*. Мы не знаемъ, составляетъ ли симпатія къ древнему міру самую сильную сторону въ дарованіи нашего автора и не можемъ сказать, удадутся ли ему попытки въ другомъ родѣ вдохновенія, но можемъ увѣрить его съ полнымъ сознаніемъ, что и этой стороны таланта довольно для дѣятельности всей его жизни. Пусть г. Щербина подаритъ насъ сотнею антологическихъ стихотвореній въ родѣ «Мига» или двумя стами такихъ прелестныхъ гимновъ, какъ «Невольная Вѣра», онъ можетъ быть увѣренъ, что не мы заговоримъ объ однообразіи. Если поэтъ охладѣетъ къ такому роду произведеній, передъ нимъ всегдаки широкое поле дѣятельности: на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одной поэмы изъ древней греческой жизни, и нѣтъ ея, какъ кажется намъ, по весьма простой причинѣ — по малой учености многихъ нашихъ поэтовъ. Что-то намъ говоритъ даже, что Лермонтовъ, написавши прелестный отрывокъ изъ поэмы, гдѣ говоритъ въ началѣ о гоненіи христіянъ при «грозномъ Тиверіи», остановился единственно потому, что его малая начитанность, поверхностно-энциклопедическое, свѣтское образованіе положили неодолимую преграду полету его музы. Стихотворенія г. Щер-

Digitized by Google

бины, его знакомство съ греческою словесностью показываютъ намъ, что ему нечего бояться, по видимому, прозаической, но въ сущности существенной преграды.

Но положимъ, что по той или другой причинѣ поэма не будетъ удачна. Тогда автору останется еще трудъ, за который всѣ русскіе читатели скажутъ ему истинную благодарность, — трудъ, для котораго мало десяти людей, одаренныхъ огромнымъ талантомъ. Софоклъ и Еврипидъ, Пиндаръ и Ѳеокритъ, Сафо и Каллимахъ, Анакреонъ и поэты антологіи у насъ еще не переведены, или если переведены, то плохо и невѣрно. Латинскіе поэты, по направленію своему приближавшіеся къ геніямъ древней Эллады, у насъ почти неизвѣстны: ни Горацій, ни Катуллъ, ни Тибуллъ съ Проперціемъ, ни Виргилій не приманивали еще собой русскихъ поэтовъ. Наши поэты отчего-то любятъ съ равнодушіемъ проходить мимо оды Анакреона и эпиталамы Катулла: они предпочитаютъ останавливаться надъ самыми неудачными изъ пѣсенъ Гейне или надъ скучнѣйшею балладою Уланда.

Но, скажетъ читатель, самъ г. Щербина признается въ своей книгѣ, что «никакой переводъ не въ состояніи передать красотъ греческаго подлинника». Въ этомъ позвольте намъ усомниться и привести въ свое оправданіе ту мысль, что всякій языкъ имѣетъ свои особенныя красоты, и что все дѣло состоитъ въ употребленіи этихъ кросотъ кстати. Переводчикъ, который бы сталъ ломать русскій стихъ на греческій манеръ, конечно, не имѣлъ бы удачи въ своемъ трудѣ; но, соображаясь съ духомъ отечественнаго языка, есть еще возможность снять вѣрную копію. Что бы мы сказали о живописцѣ, который, снимая масляными красками превосходную картину, писанную на стеклѣ, сталъ класть на полотно тѣже яркія краски, которыя онъ видитъ въ своемъ оригиналѣ? Для живописи перомъ, карандашемъ, красками, водяными и масляными, есть своя особенная манера, а между тѣмъ одна и таже головка можетъ быть писана всѣми этими способами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ стихотвореній, г. Щербина возвышается до такой умѣренности словъ и образности выраженій, которыя даютъ чрезвычайно точную идею о манерѣ древнихъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть эти строки изъ пьесы «Древняя колонна»:

Надъ теменемъ бѣлымъ утёса
Горѣло вечернее солнце,
И падало свѣтомъ волшебнымъ
На груды развалинъ, на море,

Digitized by Google

На дальнія горы и рощи.
Вилась надъ моею колонной
Прозрачно-лазурныя тѣни,
И лучъ догоравшій струился
По мраморнымъ ребрамъ колонны...

Это полная картина, которой скорѣе недостаетъ рамки, чѣмъ какого нибудь дополнительнаго штриха. Тутъ нечего ни прибавить, ни убавить, и кто изъ людей со вкусомъ не скажетъ, что Феокритова идиллія, еслибъ ее всю передать подобными стихами на русскій языкъ, будетъ достойна подлинника!

Книжка «Греческихъ Стихотвореній» издана лучше всѣхъ новыхъ петербургскихъ книгъ: шрифтъ и украшенія прекрасны, бумага замѣчательной бѣлизны и плотности. Это изданіе нестыдно держать на столѣ въ гостиной.

1850.

II.

А. С. ПУШКИНЪ И ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

1.

«Молчи и жди!» сказано было великому писателю, жаловавшемуся — и справедливо жаловавшемуся — на превратныя сужденія современниковъ о произведеніяхъ его вдохновенной музы. «Молчи и жди!» — можно было сказать Пушкину въ тотъ тяжкій періодъ его дѣятельности, когда критика встрѣчала его лучшія творенія враждебными отзывами, между тѣмъ какъ читатель громко говорилъ объ упадкѣ таланта Пушкина. Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ, что въ весьма неотдаленное отъ насъ время «Мѣдный Всадникъ» казался странною фантазіею, «Каменный Гость» — вялымъ заимствованьемъ и «Борисъ Годуновъ» — смѣлою, но не совсѣмъ удачною попыткою драмы изъ русской жизни! Седьмая пѣснь «Евгенія Онѣгина» подверглась разбору, какому нынче никто не подвергнетъ шуточной поэмы, темнаго произведенія, писаннаго темнымъ человѣкомъ, задорной книги съ претензіею на геніальность ея автора! Переносясь мыслью въ отдаленные годы нашего дѣтства, совпадавшіе съ годами лучшей дѣятельности Пушкина, мы находимъ себя въ необходимости сказать, что великая часть читателей дѣлила заблужденія критиковъ, враговъ Пушкина. Мы помнимъ дилетантовъ стараго времени, входившихъ въ гостиную съ книжкой «Современника» или «Библіоте-

Digitized by Google

ки для Чтенія», и говорившихъ: «исписывается бѣдный Александръ Сергѣевичъ; не даются больше стихи Пушкину!» Память наша ясно представляетъ намъ толстаго господина, сидящаго въ кругу дамъ и мужчинъ, за круглымъ столомъ, и читающаго комическимъ голосомъ «Пѣсни Западныхъ Славянъ». Слушатели внимаютъ съ выраженіемъ нѣкоторой грусти на лицахъ и все-таки смѣются такимъ страннымъ стихамъ, стихамъ такъ похожимъ на простонародную прозу! Надо прибавить одно только: читатель, вполнѣ раздѣляя заблужденіе цѣнителей по поводу упадка поэзіи въ Пушкинѣ, награждалъ себя тѣмъ, что вполнѣ восхищался его прозою. Успѣхъ «Капитанской Дочки» превосходитъ всякое описаніе, и мы опять помнимъ толстаго господина, съ наслажденіемъ читающаго это произведеніе въ томъ самомъ кругу слушателей, которой не находилъ ничего хорошаго въ монологахъ «Донъ-Жуана» или въ «Видѣніи Короля», посреди храма, съ боя взятаго турками! Дѣло въ томъ, что масса нашей публики не всегда понимала Пушкина, но любила его всегда, и размолвки ея съ музой Пушкина были *недоразумѣніемъ*, но не ссорою. Такъ ребенокъ-мужчина, полюбившій высокоразвитую женщину, часто не понимаетъ ея лучшихъ сторонъ, и гнѣвается на непонятныя для него проявленія ея высокихъ душевныхъ качествъ!

«Молчи и жди!» — можно было сказать Пушкину въ эпоху самыхъ сильныхъ колебаній поэта. Не вѣка и не отдаленныя поколѣнія готовили ему славу и полное сочувствіе — только малое число годовъ отдѣляло его отъ торжественнаго и полнаго примиренія съ читателемъ. Одна только ранняя кончина помѣшала нашему народному поэту быть истинно оцѣненнымъ, истинно понятымъ при жизни. Доживи Пушкинъ до обыкновеннаго предѣла жизни человѣческой — какъ возвышена и благотворна и величава была бы его роль между нами! Невыразимо грустно подумать о томъ, что мы сами, русскіе поэты и писатели настоящаго періода, слабые ученики вдохновеннаго мастера, — могли бы и теперь своими глазами видѣть Пушкина славнымъ старцемъ, слушать его рѣчи, окружать его нашимъ уваженіемъ и принести ему въ даръ наше безграничное, но не раболѣпное поклоненіе! Какъ прекрасна была бы старость поэта, сколько пользы русскому искусству принесли бы его совѣты, его указанія, его всегдашнее сочувствіе къ таланту, его возвышенное пониманіе труда и жизни! Судьба судила иначе; но, не взирая на ея строгость, вліяніе поэта, которымъ такъ справедливо гордится наше отечество, не угасло и за гробомъ. Изъ другого, лучшаго міра доносится къ

Digitized by Google

намъ голосъ Пушкина, и пока будетъ звучать на свѣтѣ русскій языкъ, будущія поколѣнія нашихъ соотечественниковъ станутъ помнить имя Пушкина. Его пѣсни будутъ восхищать «людей еще не рожденныхъ» — исторія его жизни станетъ поучать будущихъ тружениковъ искусства, изъ нея всякій русскій человѣкъ станетъ почерпать правила о томъ, какъ надо жить, любить, исправлять заблужденія своей жизни, трудиться, любить свой трудъ и свою родину.

Послѣднее изданіе «Сочиненій Пушкина», составляющее предметъ нашего этюда, по справедливости должно назваться первымъ памятникомъ великому писателю отъ потомства. На этомъ широкомъ и незыблемомъ фундаментѣ будущія поколѣнія могутъ строить все, что имъ будетъ угодно, во славу пѣвца Петра Великаго и карателя клеветниковъ Россіи. Изданіе появилось кстати и исполнено въ совершенствѣ. Оно пришло въ ту пору, когда многія изъ вдохновенныхъ пѣсней Пушкина могутъ быть примѣнены къ славнымъ событіямъ, только-что случившимся. Оно пришло въ ту пору, когда каждый членъ русской семьи жаждетъ сотворить что-нибудь благое для своего отечества, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, — или мечомъ, или словомъ, или созданіемъ искусства, или скромною жертвою. И наконецъ оно пришло въ ту пору, когда около имени Пушкина давно уже смолкли всѣ литературныя несогласія, — и воцарилось величавое спокойствіе, посреди котораго загробная рѣчь поэта начинаетъ раздаваться такъ ясно и такъ торжественно.

2.

Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина, изъ которыхъ станемъ мы извлекать всѣ данныя для нашего краткаго труда, составлены г. Анненковымъ съ рѣдкимъ талантомъ и съ рѣдкою проницательностью. Можетъ быть на Руси отыщется не одинъ вѣтреный читатель, способный упрекнуть біографа въ томъ, что онъ составилъ одну лишь *литературную біографію* Пушкина, но этому пособить никто не можетъ, ибо книги подобнаго рода пишутся для цѣлаго народа, а не для немногихъ дилетантовъ, ищущихъ въ жизнеописаніи извѣстнаго человѣка одинъ рядъ анекдотовъ, да двѣ или три имъ небезъизвѣстныя фамиліи. Ни въ одномъ образованномъ государствѣ не принято выводить на сцену, подъ предлогомъ біографіи — исторій о частныхъ интересахъ и о лицахъ еще живущихъ въ обществѣ, ни одинъ талантливый изыскатель не имѣетъ права устремлять любопытныхъ взглядовъ

Digitized by Google

въ святилища домашней жизни, хотя бы интересъ разсказа стократно возвысился черезъ подобную нескромность. Соображенія подобнаго рода, ставившія въ тупикъ многихъ біографовъ, и стремленія къ занимательности, такъ часто увлекавшія даровитыхъ людей за предѣлы литературнаго приличія, ни мало не повредили труду г. Анненкова, а напротивъ того, дали ему средства на дѣлѣ выказать весь тотъ артистическій тактъ, безъ котораго не создается ни одно прочное твореніе. Между двумя дорогами, изъ которыхъ одна вела къ сухому панегирику, а другая къ нарушенію скромности, издатель «Матеріаловъ» выбралъ третью тропу, по которой до него ходили весьма немногіе, и весьма славные люди. Не подаваясь колебанію, не спутывая себя хитросплетенными умствованіями, онъ поставилъ передъ нами весь вопросъ о Пушкинѣ въ его настоящемъ видѣ. Онъ разъяснилъ читателю, что передъ духовной жизнью поэта, его ежедневная жизнь отходитъ на второй планъ, что свѣдѣнія о процессѣ творчества въ Пушкинѣ должно быть интереснѣе для читателя, нежели самая копотливая, самая подробная повѣсть о житейскихъ дѣлахъ нашего писателя. Когда пройдутъ годы, когда настоящее сдѣлается былымъ, — найдутся люди, способные пополнить біографію пѣвца многими фактами и анекдотами, — но бесѣдовать съ публикой о тайнахъ Пушкина, какъ генія-труженика, можетъ только человѣкъ нашего поколѣнія. Пока намъ еще памятны литературныя дѣла прежнихъ годовъ, пока еще мы можемъ понять отношенія Пушкина къ его современникамъ, пока еще живы многіе изъ поэтическихъ сверстниковъ Пушкина, — надо было писать его литературную біографію, трудиться именно такъ, какъ трудился г. Анненковъ. Въ пониманіи своей задачи таится главная сила біографа. Успѣхъ его «Матеріаловъ» должно причислить къ успѣхамъ самымъ правильнымъ, законнымъ, постояннымъ. Литераторы, поэты, люди умственнаго труда первые подняли свой голосъ въ похвалу издателя «Сочиненій Пушкина». За ними послѣдовали всѣ люди, которымъ дорого русское искусство и его будущность, люди еще въ дѣтствѣ своемъ сдружившіеся съ поэзіей Пушкина. И наконецъ къ общему хору похвалъ присоединились голоса читателей, имѣвшихъ еще неполное понятіе о талантѣ пѣвца, и совершенно незнакомыхъ съ жизнію Пушкина, какъ литератора.

Едва ли не вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что до выхода въ свѣтъ настоящаго изданія «Сочиненій Пушкина» — одни только друзья покойнаго поэта знали вполнѣ до какой степени велика, до какой степени исполнена была благотворнаго поученія литера-

Digitized by Google

турная жизнь Александра Сергѣича. О высокомъ образованіи поэта, о его геркулесовскихъ трудахъ въ тиши кабинета, о его громадной начитанности и о совершенно гётевской способности прилѣпляться всей душой къ каждому предмету изученія — могли только догадываться читатели, удивленные стройнымъ величіемъ созданій Пушкина. Но и они даже не угадывали десятой части истины, и поэтъ казался имъ скорѣе какимъ-то фантастическимъ труверомъ, угадчикомъ, — но никакъ не великимъ труженикомъ. Мы помнимъ тысячи разсказовъ о Пушкинѣ и разсказовъ именно въ такомъ духѣ, — мы видали особъ, лично бесѣдовавшихъ съ поэтомъ, пользовавшихся его расположеніемъ и, не смотря на то, искренно утверждавшихъ, что ему вдохновеніе давалось легко, что онъ даже не любилъ трудиться. Въ воображеніи своихъ чтителей, Пушкинъ доселѣ рисовался въ видѣ добраго, насмѣшливаго, временами вспыльчиваго джентльмена, порхавшаго въ свѣтѣ, свѣтски-остроумнаго въ разговорѣ, немного свысока глядѣвшаго на словесность, читавшаго мало, неохотно и только въ праздныя минуты, — однимъ словомъ въ видѣ блистательнаго пришлеца въ міръ поэзіи, срывавшаго однѣ розы на томъ полѣ, гдѣ бѣдные поденщики искусства трудятся до кроваваго пота. О фундаментально-широкомъ образованіи Александра Сергѣича не говорилъ никто, какъ будто бы общество было наполнено людьми подобнаго же образованія, — правда, замѣчательной памяти Пушкина всѣ удивлялись, относя къ ея простымъ чудесамъ многосторонность его свѣдѣній. Горячность поэта во всѣхъ литературныхъ спорахъ приписывали его самолюбію, дурнымъ нравственнымъ сторонамъ его противниковъ, но рѣдкіе догадывались, что она проистекала изъ страстной любви къ искусству, изъ всегдашней готовности жертвовать всѣмъ на свѣтѣ для пользы родной словесности. Многіе изъ анекдотовъ, въ которыхъ дѣйствуетъ Пушкинъ, — анекдотовъ, по большей части придуманныхъ досужими разскащиками, представляютъ характеръ поэта въ постоянно одномъ и томъ же — беззаботно-насмѣшливо-разочарованномъ видѣ. Всюду рисуютъ они намъ свѣтскаго человѣка, разскащика, остряка, эксцентрика; но никакъ не истиннаго литератора. Кто не помнитъ этихъ анекдотовъ? Тамъ — Пушкину заказываютъ стихи на заданную тему, и онъ пишетъ одно изъ своихъ лучшихъ стихотвореній («Въ надеждѣ славы и добра») въ четверть часа времени, — тамъ онъ прибавляетъ стишокъ къ эпиграммѣ своего дяди и обращаетъ ея острее на самого автора. Одинъ разъ Пушкина упрекнули въ томъ, что «Бахчисарайскій Фонтанъ» навѣянъ поэмами Байрона и онъ отвѣтилъ

Digitized by Google

такими словами: «надо выучиться по англійски: я никогда не читалъ ни одной строки изъ Байрона»! Прибавьте къ анекдотамъ подобнаго сорта множество игривыхъ стихотвореній, тупыхъ сатиръ, приписанныхъ Пушкину, — и вамъ будетъ понятно, въ какомъ ложномъ видѣ до сихъ поръ представлялся воображенію нашему тотъ писатель, котораго начитанность и трудолюбіе могли идти на ряду съ трудолюбіемъ и начитанностью первыхъ поэтовъ когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ!

Съ появленіемъ послѣдняго изданія «Сочиненій Пушкина» подобное заблужденіе, столь обидное для его памяти, — становится невозможнымъ. Завѣса, скрывавшая отъ насъ посмертный бюстъ нашего поэта, падаетъ на вѣки. Передъ нами уже не вялое созданіе праздной фантазіи свѣта, а строгій мраморъ, изображающій собою истинныя черты того, кѣмъ мы гордимся! Съ благоговѣніемъ подходимъ мы къ хладному, вѣчному мрамору, и навсегда прощаемся съ тѣмъ небывалымъ Пушкинымъ, какой когда-то виталъ въ нашей фантазіи. Вотъ они, — истинныя черты художника, вотъ его взглядъ и поза, — вотъ его нелицемѣрное изображеніе! Мы видимъ, что передъ нами поэтъ истинный, — и, преклоняя свои головы, вновь и вновь рыдаемъ надъ его прахомъ!

Принимаясь за нашъ трудъ, мы не имѣли въ виду подробной бесѣды о самомъ изданіи «Сочиненій Пушкина», уже слишкомъ хорошо оцѣненномъ и публикою и всѣми рецензентами, почти безъ исключенія. Равнымъ образомъ мы не желаемъ разбирать поэтической дѣятельности Пушкина, ни въ историческомъ, ни въ критическомъ отношеніи: этотъ трудъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Пока не вышли остальные томы, издаваемые г. Анненковымъ, рано говорить обо всемъ этомъ. Рѣчь наша будетъ касаться только первой книги, именно той, которая заключаетъ въ себѣ біографію Пушкина, — но изъ нея даже мы выбираемъ себѣ одну сторону, выше мѣры для насъ интересную. Мы желаемъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, высказать наше мнѣніе о Пушкинѣ, какъ о литераторѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — и опираясь на превосходныя изысканія самого издателя, сообщить читателю о томъ, каковъ былъ великій нашъ поэтъ въ тиши своего кабинета, въ сношеніяхъ съ своими сверстниками и поклонниками, передъ лицомъ критики, и наконецъ въ отношеніяхъ своихъ съ читателемъ.

3.

Александръ Сергѣичъ Пушкинъ получилъ отъ природы всѣ качества, безъ которыхъ рѣдко родятся поэты истинные; къ

Digitized by Google

этому слѣдуетъ прибавить, что его способности находились между собой въ гармоническомъ сочетаніи. Въ жилахъ юноши текла африканская кровь, и натура поэта могла назваться страстною, но въ ней не было ничего порывисто-необузданнаго, ни дикаго или дерзко-заносчиваго. Обширная память, соединенная съ любознательностью, ставили мальчика-Пушкина выше его сверстниковъ, но вліяніе нашей сѣверной и поэтической лѣни мѣшало ему сдѣлаться геніальнымъ мальчикомъ, то есть существомъ болѣзненнымъ. Въ первой молодости Александра Сергѣича не имѣлось ничего несоразмѣрнаго, много-обѣщающаго, идіосинкрасическаго, натура его весьма мало сходствовала съ натурами двухъ поэтовъ-любимцевъ Пушкина, — мы говоримъ про Шиллера и лорда Байрона. Пушкинъ въ классной комнатѣ своего дома, и Пушкинъ въ Царскомъ Селѣ, былъ живымъ, бойкимъ и остроумнымъ мальчикомъ, но не чудомъ въ ряду другихъ юношей. Онъ не мечталъ о сочиненіи «Разбойниковъ», не влюблялся отчаянно, имѣя двѣнадцать лѣтъ отъ роду, не придумывалъ проказъ, вслѣдствіе которыхъ юность большей части геніевъ бываетъ такъ плачевна. Если первые годы его жизни въ обществѣ и не могутъ назваться вполнѣ свободными отъ заблужденій, то все-таки читатель не долженъ забывать, что заблужденія эти происходили отъ юности, неопытности, и вскорѣ загладились рядомъ благородныхъ поступковъ. Такъ смотрѣлъ на юношескія заблужденія нашего поэта Высокій Покровитель его генія, — и послѣ такого суда ни одинъ человѣкъ въ Россіи не осмѣлится сказать жосткаго слова о слабостяхъ юности Пушкина!

Воспитаніе, полученное Александромъ Сергѣичемъ въ домѣ родительскомъ, при всей его французской односторонности, имѣло свои хорошія стороны. Мы слишкомъ свысока смотримъ на системы стараго воспитанія, забывая о томъ, что многіе великіе люди прошлаго, да и нашего столѣтія воспитывались на французскомъ языкѣ, французской словесности и французскихъ понятіяхъ. Конечно, еслибъ всѣхъ младенцевъ, которымъ суждено быть поэтами, воспитывали на Телемакѣ, да на трагедіяхъ Расина, — результатъ могъ выйти не совсѣмъ успѣшнымъ, но никакое воспитаніе въ мірѣ не стремится къ заготовленію мыслителей или поэтовъ. И наконецъ, разбирая вліяніе домашняго воспитанія на талантъ Пушкина, мы все-таки признаемъ его полезность. Оно помогло Александру Сергѣичу быть человѣкомъ свѣта, сообщила его уму ту остроумную гибкость, безъ которой поэту невозможно творить на языкѣ, еще не вполнѣ установившемся, каковъ былъ

Digitized by Google

русскій языкъ въ эпоху дѣятельности Пушкина. Карамзинъ и Пушкинъ, столь много сдѣлавшіе для родного слова, были оба писателями свѣтски-образованными, знающими много языковъ, и особенно сильными во французской словесности. Законы французскаго языка, столь опредѣленнаго, сжатаго, обработаннаго и въ совершенствѣ развивающаго умственную гибкость пишущаго, — были имъ знакомы до тонкости, и такое знакомство не могло пропасть даромъ для людей, имѣвшихъ въ виду упрощеніе русской рѣчи, и сближеніе языка разговорнаго съ языкомъ письменнымъ. Оставляя этотъ предметъ и переходя къ вліянію французской словесности на фантазію Пушкина, мы опять видимъ результаты выгодные. Въ умныхъ, талантливыхъ дѣтяхъ сѣвернаго края есть одинъ недостатокъ, часто причиняющій великій вредъ ихъ развитію; этотъ недостатокъ — мечтательность, отъ которой, сколько можно судить по біографіи и разсказамъ лицъ, помнящихъ юность Пушкина, — нашъ поэтъ былъ совершенно свободенъ. И не мудрено: когда жажда свѣдѣній, стремленіе къ наслажденіямъ мысли побудили мальчика къ тайному похищенію книгъ изъ отцовской библіотеки, подъ руку его стали попадаться творенія можетъ быть скучныя, можетъ быть не совсѣмъ годныя для дитяти, — но никакъ не запутанныя, никакъ не сантиментальныя. Трагедіи, поэмы правильнаго устройства, историческія сочиненія будто вымѣренныя по циркулю, остроумныя письма, любезные стишонки, — вотъ чѣмъ питался молодой любитель чтенія — и такая пища, хотя по временамъ могла засорить желудокъ, но не была способна вполнѣ испортить пищевареніе. Изъ бесѣды своей съ классиками Франціи, Александръ Сергѣичъ вынесъ, кромѣ поклоненія особѣ Буало, нѣсколько началъ, впослѣдствіи имъ разширенныхъ и примѣненныхъ къ дѣлу — какъ то: сдержанность, осторожность поэзіи, уваженіе къ своимъ предшественникамъ, опредѣленность въ своемъ критическомъ взглядѣ на искусство.

Питать мечтательность въ юношахъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ; ее надо прятать, смягчать, ослаблять до того времени, пока лицо, къ ней наклонное, достигнетъ настоящаго юношескаго возраста, и до тѣхъ поръ достаточно окрѣпнетъ въ мышленіи. Тогда-то недостатокъ дитяти станетъ достоинствомъ отрока, поэзіей молодого человѣка. Тогда-то фантазія, опираясь на достаточно знакомую дѣйствительность, витая не въ туманѣ, но посреди предметовъ жизни, изукраситъ эти предметы своимъ золотымъ свѣтомъ. Тогда наступитъ для даровитаго существа блистательно-смутный періодъ жизни, когда всѣ впечатлѣнія бытія новы и пре-

Digitized by Google

лестны, когда кровь играетъ около сердца, когда поэзія является уже не туманнымъ (и часто удушливымъ) облакомъ, а настоящею женскою фигурою музы, такъ часто описываемой Пушкинымъ. Для Александра Сергѣича періодомъ такой поэтической мечтательности были года его пребыванія въ Царскомъ Селѣ въ семьѣ отроковъ, облагодѣтельствованныхъ великимъ государемъ, помѣщенныхъ близъ его дворца, въ виду тѣнистыхъ садовъ, еще полныхъ славою Великой Екатерины. И взгляните, какъ сознаетъ Пушкинъ значеніе Царскаго Села въ отношеніи къ развитію своего дарованія, какъ всю жизнь свою онъ рвется къ тому мѣсту, гдѣ онъ «забывался поэтомъ», какъ знаетъ онъ въ немъ каждую статую, каждую аллею, во сколькихъ видахъ является у него Царское Село, о которомъ онъ мечтаетъ и въ Одессѣ и на Кавказѣ, и посреди табора цыганъ, и въ перестрѣлкѣ съ турками, и въ своемъ сельскомъ домикѣ, одинъ справляя, 19 октября, день основанія Лицея! Въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» онъ воспѣваетъ музу, являвшуюся ему въ садахъ Великой Жены; проживая въ Петербургѣ, онъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село, и добравшись до тѣнистыхъ аллей, до дворцовъ, до бѣлыхъ статуй между зеленью, забываетъ все горе своей жизни! Въ подраженіе Данту, — ребенокъ убѣгающій отъ наставницы въ «великолѣпный мракъ чужого сада» — самъ Пушкинъ — поэтъ, бѣгущій «въ широкошумныя дубравы», когда божественный глаголъ вдохновенія касается его чуткаго слуха опять таки Пушкинъ, рвущійся къ поэтическому мѣсту своего воспитанія! Намъ неизвѣстно, что сотворилъ бы Александръ Сергѣичъ, еслибъ Господь далъ ему болѣе жизни, мы не можемъ рѣшить, на какой стезѣ прославился бы онъ новыми созданіями, образовался ли бы изъ него русскій Скоттъ или русскій Шекспиръ, но мы можемъ сказать одно съ полнымъ убѣжденіемъ, Пушкинъ написалъ бы поэму, въ которой мѣстомъ дѣйствія было бы Царское Село, — и посреди садовъ, такъ святыхъ для поэта, при блескѣ безчисленныхъ огней, въ толпѣ великихъ дѣятелей великаго времени, предстала бы намъ тѣнь Жены, передъ которой склонялась вселенная! Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ душѣ Александра Сергѣича зрѣлъ замыселъ подобнаго рода: замыселъ свято хранимый, можетъ быть, не повѣряемый никому до того благословеннаго часа, когда всему существу поэта предстояло задрожать надъ священнымъ палетомъ вдохновенія.

4.

Лицейскіе годы Пушкина мы смѣло причисляемъ къ періоду перваго пробужденія его поэтическихъ способностей. И могло ли

Digitized by Google

быть иначе? Александръ Сергѣичъ былъ окруженъ поэзіею и поэтами въ самомъ благородномъ и многостороннемъ значеніи этого слова. Онъ жилъ въ Царскомъ Селѣ и гулялъ по тѣмъ самымъ аллеямъ, гдѣ, казалось, еще ходили тѣни людей великихъ. Россія переживала періодъ славной борьбы и громъ побѣдъ русскаго оружія доносился до слуха пламенныхъ, юныхъ затворниковъ. Александръ Благословенный называлъ Пушкина и товарищей Пушкина дѣтьми своими, онъ далъ имъ наставниковъ, готовыхъ положить свою душу за лицей, наставниковъ, для которыхъ, какъ и для Пушкина, цѣлый міръ былъ чужбиной, а Царское Село духовной родиной. Кому изъ насъ, еще въ недавніе годы, не случалось изрѣдка встрѣчать этихъ лицейскихъ наставниковъ былого времени, старцевъ съ дѣтски-ясными душами, утонныхъ, какъ будто принадлежащихъ къ какому-то особенному завѣтному міру, гдѣ все такъ благотворно, возвышенно, тихо и отрѣшено отъ жизни съ ея суетою? Счастливъ человѣкъ, близко знавшій кого нибудь изъ этихъ старцевъ и со вниманіемъ слушавшій его трогательные разсказы о первыхъ годахъ Лицея, о Пушкинѣ, о его товарищахъ, тоже поэтахъ! «Не тотъ поэтъ, говорилъ Карлейль, что пишетъ огромную поэму, хотя бы и хорошую, но тотъ поэтъ, кто сдѣлалъ жизнь свою главою изъ героической поэмы!» А въ этомъ отношеніи лицейскіе сверстники Пушкина почти всѣ были поэтами, и провели жизнь свою не даромъ и прославили Лицей повсюду: въ заботахъ жизни и царской службы, и переплывая льды полунощныхъ морей, и посреди холоднаго блеска фортуны и на священныхъ жертвахъ бога пѣснопѣній. Трогательное чувство братства издавна связало сердца сверстниковъ Пушкина, и донынѣ день девятнадцатаго октября, день основанія лицея, справляется ими какъ семейный праздникъ.

Съ достовѣрностью можно сказать, что ни одному изъ литераторовъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ, публичное воспитаніе не дало такъ много всего хорошаго, сколько дало оно Александру Сергѣичу. Онъ не успѣвалъ во многихъ наукахъ именно потому, что всею душой былъ погруженъ въ главную науку своей жизни, давшую ему славу, а Россіи — поэта первокласснаго. Не смотря на свою наружную безпечность и даже шаловливыя наклонности, Пушкинъ изчерпывалъ все то, что давалъ ему лицей, Царское Село, наставники и товарищи. Какой отецъ, самый богатый и заботливый, могъ дать своему сыну все это, начиная съ невозмутимо-спокойныхъ праздничныхъ дней, посреди садовъ и лицейской библіотеки, до спасительной дисциплины строгого вос-

Digitized by Google

питанія, смягченнаго какъ лаской наставниковъ, такъ и юношеской рѣзвостью сверстниковъ? Какой изобрѣтательный педагогъ имѣлъ бы возможность окружить своего Эмиля подобными товарищами? И гдѣ наконецъ, кромѣ лицея, могъ испытать будущій поэтъ ощущеніе въ родѣ испытаннаго имъ въ тѣ минуты, когда Державинъ, сѣдой бардъ Екатерины, явившись на лицейскій экзаменъ, съ умиленіемъ прослушалъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» — первый плодъ юнаго вдохновенія? Подобныя ощущенія дѣлаютъ человѣка поэтомъ. Державинъ могъ разхвалить Пушкина въ его родительскомъ домѣ, оцѣнить его первый опытъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, но во сколько разъ сильнѣе подѣйствовало его благословеніе, данное посреди величавой залы лицея, при многочисленныхъ зрителяхъ, въ день торжества, многолюдства, похвалъ, трепетнаго ожиданія? Записки Пушкина, разсказъ его объ этомъ трогательномъ днѣ своей жизни, вполнѣ выражаютъ чувства истиннаго художника, впервые вкусившаго славы. Съ той минуты, когда старикъ Державинъ замѣтилъ нашего юношу, поэтическая звѣзда Пушкина загорѣлась на русскомъ горизонтѣ!

Лицейскіе товарищи Пушкина и самъ Пушкинъ, какъ это безъ сомнѣнія извѣстно каждому читателю, — еще на школьныхъ скамьяхъ пробовали свои силы по части литературной; — большая часть изъ нихъ, не смотря на юный возрастъ, обладала начитанностью, которой можетъ быть позавидовалъ бы не одинъ изъ современныхъ намъ литераторовъ. Между учениками, трудившимися надъ изданіемъ какого нибудь «Лицейскаго Мудреца», находились юноши, коротко знакомые съ нѣмецкою литературой, читавшіе Осокрита, Виргилія и даже разсуждавшіе о томъ, что изученіе одной французской словесности недостаточно для человѣка, осмѣливающаго готовить себя въ служители Музъ и Аполлона. Пѣснь Жуковскаго, страница Карамзинской прозы цѣнились по заслугамъ въ кругу молодыхъ людей, помышлявшихъ о томъ, какъ бы въ день публичнаго экзамена подойти къ старцу-Державину и поцаловать руку, начертавшую «Фелицу». Вотъ въ какой школѣ совершалось образованіе Пушкина какъ литератора! вотъ судьи, произносившіе свой отзывъ надъ изліяніями его рѣзвой музы и въ первый разъ давшіе ему замѣтить, что «прекрасное должно быть величаво!» Между сверстниками поэта самымъ благотворнымъ совѣтникомъ былъ баронъ Дельвигъ, и о немъ то мы позволимъ себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ, въ видѣ отступленія.

До сихъ поръ еще многіе изъ нашихъ литературныхъ цѣнителей не произнесли своего окончательнаго приговора по поводу даро-

Digitized by Google

ваній Дельвига и въ особенности его вліянія на талантъ Пушкина. Большей части изъ нихъ благоговѣйныя чувства Александра Сергѣича къ памяти усопшаго друга, вмѣстѣ съ отзывами пѣвца «Полтавы» о литературномъ значеніи Дельвига, кажутся не болѣе, какъ дружескимъ заблужденіемъ. Перечитывая довольно слабые труды стихотворца, которому первый изъ русскихъ поэтовъ платилъ дань повидимому ничѣмъ неоправданнаго поклоненія, они смѣло называютъ Пушкина пристрастнымъ судьей, судьей подкупленнымъ дружескими чувствами. По ихъ мнѣнію, теплая душа нашего поэта прямо привела его къ незаконному возвеличенію того человѣка, который съ дѣтскихъ лѣтъ былъ къ ней близокъ: отзывы эти кажутся намъ несовсѣмъ справедливыми. Дельвигъ точно не былъ поэтомъ первоклассныхъ,— скажемъ болѣе, онъ даже и не обѣщалъ быть замѣчательнымъ поэтомъ. Въ этомъ человѣкѣ, какъ во многихъ юношахъ нашего времени, творческія способности были гораздо слабѣе способности къ анализу, способности чисто критической и почти всегда вредной для поэзіи. Не изъ лѣности, не изъ гордости Дельвигъ писалъ мало; писалъ онъ мало потому, что былъ жестокимъ судьею какъ своихъ, такъ и чужихъ произведеній. Онъ былъ силенъ для замысла, слабъ для исполненія, блѣденъ какъ художникъ, но великъ какъ цѣнитель. Изъ людей подобнаго разряда образовываются иногда отличные критики, а еще чаще Зоилы, желчные, сумрачные и тѣмъ болѣе опасные, что они обладаютъ тактомъ несомнѣннымъ. Въ Дельвигѣ были всѣ элементы истиннаго критика, предсѣдателя литературныхъ споровъ, рѣшителя поэтическихъ думъ, между тѣмъ какъ мягкость его характера, теплота души,— ручались въ томъ, что изъ него никогда не выйдетъ Зоила. Дельвигъ читалъ много, любилъ древній міръ, былъ поэтомъ на столько, на сколько это нужно лучшему критику,— а что выше всего, глубоко уважалъ званіе литератора. Воспитывая геній свой въ тиши (и даже въ дремотѣ), онъ былъ беззаботенъ какъ человѣкъ,— но гордъ какъ писатель. Дельвигъ, по признаніямъ Пушкина и разсказамъ лицъ его знавшихъ, въ своемъ взглядѣ на званіе писателя былъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ впереди своего времени. Мнѣнія его о томъ, что такое поэтъ и какъ долженъ держать себя поэтъ, высказаны въ лучшихъ нѣсколькихъ Пушкина. Снисходительный на словахъ, но взыскательный по ихъ тону и значенію, Дельвигъ осуждалъ слишкомъ легкое направленіе во многихъ вещахъ своего друга, совѣтовалъ ему *учиться и учиться*, дѣлился съ нимъ своими познаніями, разжигалъ его фантазію, набрасывая очерки воображае-

Digitized by Google

мыхъ созданій, очерки, на составленіе которыхъ онъ всегда былъ такой мастеръ. Въ эпоху зрѣлаго возраста, въ періодъ полнаго развитія своихъ творческихъ силъ, Александръ Сергѣичъ любилъ вспоминать о *планахъ*, роившихся въ головѣ Дельвига, о его бесѣдахъ, о его взглядѣ на литературное дѣло. Дельвигъ не говорилъ Пушкину: — «изучай такого-то писателя» — «ознакомься съ поэзіею того или другого народа», его совѣты были живою импровизаціею, плодомъ собственнаго опыта, поэтическимъ переводомъ того, что волновало душу молодого человѣка. Для Пушкина, начитавшагося французскихъ классиковъ и на первыхъ порахъ склоннаго къ подражательности, подобнаго рода импровизаціи были путемъ въ новый міръ, ключомъ въ заповѣдную область поэзіи. Счастливы литературные круги, имѣющіе своихъ Дельвиговъ, — блаженъ поэтъ, имѣющій въ лучшемъ своемъ другѣ испытаннаго путеводителя!

Литературная дѣятельность Пушкина началась подражаніями, и подражаніями весьма блѣдными, съ этимъ согласится всякій, кто со вниманіемъ перечитывалъ его лицейскія стихотворенія. Во время ученическихъ годовъ Александра Сергѣича стихи писалъ всякій, стало быть намъ нельзя сѣтовать на то, что будущій авторъ «Онѣгина», не имѣя двадцати лѣтъ отъ роду, писалъ вещи совершенно ничтожныя, что бы о нихъ ни говорили послѣдующіе критики. Для молодыхъ товарищей, для лѣнивыхъ дилетантовъ стараго времени, можетъ быть, имѣли цѣну эти фальшиво-игривыя описанія деревенскаго уединенія, веселыхъ пиршествъ, и такъ далѣе; но для насъ онѣ не имѣютъ никакого значенія. Будто на зло будущимъ своимъ біографамъ, даровитый юноша воспѣвалъ именно то, къ чему не имѣлъ никакихъ наклонностей, прославлялъ предметы, передъ которыми его сердце молчало, подражалъ писателямъ, съ которыми не имѣлъ и не могъ имѣть ничего общаго. Ранній, незаслуженный успѣхъ этихъ юношескихъ попытокъ могъ бы повредить Пушкину, еслибъ онъ въ это опасное для своей славы время не питалъ ума чтеніемъ или бесѣдами съ людьми подобными Дельвигу. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ его юнаго возраста мы видимъ уже знакомство съ древней поэзіей, съ итальянскими и германскими образцами; скачущія строфы, небогатыя числомъ слоговъ, попадаются рѣже; Хариты, и вѣчный Вакхъ съ Комомъ рѣже являются на сцену, тамъ и сямъ посреди вялыхъ страницъ начинаетъ мелькать живой пейзажъ, мѣткое выраженіе, сжатый стихъ, не лишонный гармоніи. И вотъ наконецъ, въ эти сонныя, прѣсныя воды стремительно врывается но-

Digitized by Google

вый потокъ; зародившійся въ сердцѣ, прямо текущій изъ сердца! Онъ бѣжитъ искристой длинной полосою, какъ теченіе рѣки посреди дремлющаго залива, ясно обозначая свой слѣдъ, устремляясь все далѣе и далѣе. Пушкинъ влюбленъ первою любовью, любовью можетъ быть минутною, можетъ быть головною, можетъ быть мечтательною... намъ какое дѣло? Онъ пишетъ свои первыя элегіи, свое «Желаніе», свое стихотвореніе «Къ Морфею» (*Морфей до утра дай отраду*), свое посланіе «Къ друзьямъ» (*Къ чему, веселые друзья*), оканчивающееся такъ плѣнительно; наконецъ тотъ популярный романсъ «Слыхали ль вы», въ которомъ слабость содержанія выкупается гармоніей стиха, какъ напримѣръ пріторность модной пѣсенки выкупается ея обворожительной музыкой. Съ тысяча восемьсотъ шестнадцатаго года Александръ Сергѣичъ уже не «юный поэтъ, много обѣщающій въ будущемъ», уже не ребенокъ, способный украшать ученическими опытами листки альманаховъ, — а даровитый литераторъ, подготовленный къ своей дѣятельности ученіемъ, чувствомъ такта и нѣкоторою опытностью въ сердечныхъ ощущеніяхъ.

5.

Здѣсь не мѣсто разбирать жизнь Пушкина по годамъ, переносясь изъ С.-Петербурга въ Одессу, изъ Одессы въ Кишиневъ или на Кавказъ, или въ село Михайловское. Какъ ни интересна каждая замѣтка о домашней жизни человѣка, столь много сдѣлавшаго для русской словесности, мы не увлечемся анекдотической стороной біографіи, имѣя въ виду другую цѣль, ясно опредѣленную. Не смотря на развлеченія свѣта, не взирая на перемѣну мѣстъ, — дѣятельность Пушкина по части усовершенствованія своего таланта не уменьшилась, а увеличилась послѣ прощанья съ лицеемъ. Отдавая часть своего времени заботамъ и веселостямъ житейскимъ, онъ съ тѣмъ большею радостью уединялся въ тишину своего кабинета, и читалъ и мыслилъ и учился и думалъ объ искусствѣ, честно приготовляя себя къ тѣмъ моментамъ, когда подступалъ къ нему священный холодъ вдохновенія, къ тѣмъ моментамъ, когда надлежало творить не разсуждая. Когда корифеи старой нашей критики упрекали Пушкина въ лѣности, трунили надъ нимъ за то, что онъ воспѣваетъ шаловливую безпечность, когда они прозвали его баловнемъ-поэтомъ, — ихъ баловень, ихъ лѣнивецъ трудился такъ какъ едва ли трудился въ то время хоть одинъ изъ современныхъ ему русскихъ писателей. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ наши писатели того времени вели жизнь не трудолюбивую — Жу-

Digitized by Google

ковскій, Батюшковъ, Карамзинъ, Катенинъ, Гнѣдичъ принадлежали къ образованнѣйшимъ людямъ всей Россіи, — но Александръ Сергѣичъ превосходилъ ихъ именно потому, что былъ моложе, да сверхъ того богаче поэтическою способностью. Во всякій трудъ вносилъ онъ эту способность, прилѣпляясь душой къ своему труду, становясь фанатикомъ той или другой книги, исчерпывая до дна предметъ своихъ наблюденій, озаряя его свѣтомъ поэзіи и въ этомъ отношеніи напоминая собою великаго Гёте. То Байронъ, то Аріостъ, то Шлегель, то русская сказочная старина, то древній міръ увлекали собой молодого поэта; для него не существовало книгъ скучныхъ, разсказовъ незанимательныхъ. Вотъ чѣмъ и должна объясняться постоянная снисходительность Пушкина къ дѣламъ своихъ сверстниковъ по литературѣ, какъ старшихъ, такъ и младшихъ. Всюду являлся онъ съ своимъ собственнымъ даромъ, при чтеніи «давая автору частицу самого себя» — по прекрасному выраженію Карлейля. Поэмы Баратынскаго воспринятыя Пушкинымъ и разцвѣченныя его собственной фантазіею кажутся ему классическими вещами; читая переводы Катенина, онъ вызываетъ передъ себя величавую тѣнь Корнеля; планы будущихъ твореній Дельвига его поражаютъ, излишняя туманность новыхъ романтическихъ поэтовъ представляется Александру Сергѣичу залогомъ чего-то невыразимо прекраснаго. Ж. П. Рихтеръ разсказываетъ, что онъ въ юности любилъ слушать чтеніе неудобо-понимаемыхъ книгъ и во время чтенія строить собственныя варіаціи на тэму автора — прихоть понятная въ такихъ поэтахъ каковы Рихтеръ и Пушкинъ! Болѣе и болѣе привязываясь къ чтенію, нашъ молодой поэтъ переходитъ къ прекрасной системѣ замѣтокъ и выписокъ; — въ совершенствѣ изучивъ всю русскую словесность, Пушкинъ привязывается къ ней на вѣки, признаетъ свое значеніе, и выше всѣхъ благъ свѣта чтитъ свою молодую славу, свое званіе русскаго литератора.

Здѣсь намъ слѣдуетъ опять сказать нѣсколько словъ въ опроверженіе свѣтскаго предразсудка о томъ, что Пушкинъ былъ литераторомъ-дилетантомъ, то есть писалъ безъ особенной страсти къ родному искусству, на литературные круги взиралъ съ улыбкою свѣтскаго человѣка и свои общественные успѣхи ставилъ выше своихъ успѣховъ какъ поэта. Къ такому обвиненію (для многихъ оно кажется не обвиненіемъ, а похвалою) поводъ подали отчасти мода стараго времени, но еще болѣе возвышенная деликатность души Александра Сергѣича. Около двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія въ свѣтѣ властвовала особенная, если позволено

Digitized by Google

будетъ такъ выразиться, *разочарованная фривольность*, типъ которой мы находимъ въ Байронѣ, властителѣ думъ Пушкина. Байронъ наслѣдовалъ пренебреженіе къ литературѣ отъ лондонскихъ вельможъ прошлаго столѣтія и мало того что наслѣдовалъ, но возвелъ эту вредную слабость въ какой-то идеалъ или по крайней мѣрѣ въ оригинальную прихоть. Европу, преклоняющуюся передъ творцомъ «Гарольда», очень тѣшило то, что этотъ поэтъ самъ смѣется надъ романтическимъ направленіемъ своихъ сочиненій, хвалитъ французскихъ классиковъ, шутками отвѣчаетъ на восторженные дифирамбы читателя, связывается съ пустоголовыми львами Лондона и гордится не созданіями своей фантазіи, а искусствомъ въ верховой ѣздѣ или стрѣльбѣ въ цѣль изъ пистолета! О вліяніи Байрона на всѣхъ его современниковъ не можетъ имѣть понятія человѣкъ, не бывшій личнымъ свидѣтелемъ всѣхъ странностей, прихотей, модныхъ подражаній, порожденныхъ иногда его геніемъ, иногда его прихотью. Пушкинъ, вступая въ свѣтъ, засталъ въ полномъ ходу байронизмъ, сумрачныя страсти, насмѣшливую мизантропію, увядшую жизнь неизвѣстно почему сочетавшуюся съ наружнымъ щегольствомъ, черные плащи, небрежно повязанные галстухи, обиліе Донъ-Жуановъ и презрѣніе къ честному литературному труду. Хотя собственныя его убѣжденія ни мало не согласовались съ этой послѣдней модою, хотя онъ видѣлъ старшихъ русскихъ писателей (Карамзинъ, Жуковскій и др. уже были слишкомъ самостоятельны для того, чтобъ увлечься байронизмомъ) братски протягивающихъ руки каждому труженику на общемъ полѣ, — но Александръ Сергѣичъ по лѣтамъ своимъ не могъ идти противъ моды. Облачаясь въ байроновъ плащъ онъ поступилъ также, какъ поступаетъ юноша не смѣющій сшить себѣ широкихъ панталонъ, въ то время какъ вся молодежь ходитъ въ узкихъ. Вотъ разгадка небрежныхъ замѣтокъ о своихъ твореніяхъ, невѣжливыхъ эпиграммъ на своихъ недруговъ, безпрерывныхъ обѣщаній не писать болѣе безцеремонныхъ отступленій въ началѣ «Онѣгина», толковъ о себѣ и опять о себѣ, однимъ словомъ: тѣхъ литературныхъ шалостей, которыя одно время много вредили Пушкину въ глазахъ лицъ, серьезно взирающихъ на искусство.

Между тѣмъ, прошли года, байроновскій дендизмъ всѣмъ надоѣлъ до крайности, самъ Александръ Сергѣичъ, заплативъ своему кумиру должную дань въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и первой главѣ «Онѣгина», пересталъ увлекаться слабыми сторонами Байрона. Но нѣкоторая наружная холодность возрѣнія на литературныхъ людей, на литературные во-

Digitized by Google

просы, осталась при Пушкинѣ. Онъ продолжалъ быть уклончивымъ и какъ-то особенно-вѣжливымъ въ своихъ сужденіяхъ, къ горячимъ спорамъ, изъ которыхъ такъ часто родится истина, онъ, по видимому, питалъ отвращеніе. Иногда позволялъ онъ себѣ говорить по прежнему — *я пишу затѣмъ, что мнѣ деньги нужны;* находили на него минуты, когда онъ, для краснаго словца въ кругу свѣтскихъ знакомыхъ, отзывался о поэзіи съ небрежностью. Но уже всѣ лица, коротко знавшія Александра Сергѣича, не вдавались въ обманъ, не роптали на его безпечный диллетантизмъ,— ибо они хорошо знали какая бездна любви, поэтической гордости, страсти къ искусству, уваженія къ труду кроется подъ этимъ лоскомъ, обманчивымъ только для близорукаго свѣта!

У всякаго истинно-русскаго человѣка,— а Пушкинъ былъ чисто русскимъ человѣкомъ, находится въ душѣ одна чисто народная и возвышенная черта, заключающаяся въ той святой деликатности духа, которая дѣлаетъ всѣ наши сильныя ощущенія столь немногорѣчивыми, сдержанными и какъ будто робкими. За эту черту нашего характера, вслѣдствіе которой русскій человѣкъ молча свершаетъ свои подвиги, молча любитъ и даже ненавидитъ своихъ враговъ молчаливой ненавистью, иноземцы, не понимающіе толка въ людяхъ, зовутъ насъ холоднымъ народомъ. Сказанной чертой характера Пушкинъ обладалъ въ высшей степени: оттого онъ такъ великъ и славенъ, оттого поэзія его богатая тихимъ, интимнымъ колоритомъ, будетъ веселить русское сердце и въ отдаленные отъ насъ годы. Во всѣхъ своихъ привязанностяхъ какъ и въ антипатіяхъ, Александръ Сергѣичъ былъ истинно деликатенъ, пренебрегая обычаемъ поэтовъ открыто изливать свои ощущенія передъ своей публикой. Всѣ произведенія его подтверждаютъ справедливость нашихъ словъ, а исторія кабинетныхъ работъ Пушкина отстраняетъ даже тѣнь сомнѣнія по этому поводу. Какъ выбрасываетъ онъ изъ своихъ вещей все то, что имѣетъ въ себѣ интересъ частный, что можетъ выдать свѣту любимое имя, что можетъ дать слушателю путеводную нить къ лабиринту привязанностей его сердца! Не стѣсняясь потребностью славы, Пушкинъ безжалостно уничтожаетъ превосходнѣйшія строфы, имѣющія отношенія къ его святѣйшимъ личнымъ воспоминаніямъ, — и мало того, онъ временами маскируетъ свое чувство, отводитъ глаза читателя, скрываетъ слезу подъ улыбкою, радостное воспоминаніе подъ слезою. Онъ иногда стоитъ будто на распашку передъ читателемъ, сообщаетъ ему о томъ, какъ ѣлъ устрицы, ходилъ за кулисы и купался въ морѣ, какъ будто собирается ввести

Digitized by Google

его въ міръ своихъ привязанностей, и настроивши васъ на тотъ ладъ, какой для него нуженъ, быстро ускользаетъ отъ жадныхъ взоровъ, не выдавъ себя ни словомъ ни мыслью. Много ли мы знаемъ о женщинахъ, нравившихся Александру Сергѣичу въ юности? есть ли хотя тѣнь нескромности въ его задушевныхъ пѣсняхъ въ родѣ «Заклинанія» или «Для береговъ отчизны дальней» или «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной?» Ни разлука, ни пароксизмы горести, ни отдаленіе, ни самая смерть неспособны вовлечь Пушкина въ малѣйшую нескромность, такъ извинительную для поэта! Въ посланіяхъ къ друзьямъ своимъ онъ шутливъ, веселъ, безпеченъ; но кто не видитъ сколько нѣжности, *способности на дружбу* въ этихъ посланіяхъ? И когда, воспѣвая любимыхъ сверстниковъ своей юности, Пушкинъ изрѣдка даетъ волю своему горячему сердцу (напримѣръ въ извѣстномъ произведеніи: «Теряетъ лѣсъ багряный свой уборъ»), духъ нашъ потрясается поэтическимъ смущеніемъ, — и читатель, догадываясь объ океанѣ любви, таившемся въ душѣ поэта, невольно говоритъ: «какъ же умѣлъ любить Пушкинъ, если онъ таковъ въ своихъ дружескихъ привязанностяхъ?»

Деликатностью души Александра Сергѣича мы объясняемъ себѣ его осторожную уклончивость въ литературныхъ мнѣніяхъ, его наружную холодность къ дѣлу искусства. Въ свѣтѣ онъ имѣлъ многихъ недоброжелателей, людей неразвитыхъ или вѣтреныхъ, которымъ его слава колола глаза, — въ литературѣ Пушкинъ «былъ богатъ врагами», по выраженію своего любимаго поэта. Серьозно воевать съ тѣми и другими, и грозно уединяться на высоты олимпійскія, Александръ Сергѣичъ не былъ въ состояніи, да и не желалъ. Съ его тактомъ, благодаря зоркому взгляду на вещи, онъ очень хорошо видѣлъ, что поэтъ, гордящійся званіемъ поэта, только можетъ уронить свое достоинство черезъ борьбу съ людьми, недоросшими до его пониманія. Сознавая всю *новость* своего положенія въ обществѣ, Пушкинъ боялся разлада съ свѣтомъ, — истинно, сердцемъ любя русское искусство, онъ желалъ дѣлать ему добро всѣми средствами. Но къ сожалѣнію, чѣмъ болѣе нашъ поэтъ прилѣплялся къ русской литературѣ, чѣмъ благороднѣе держалъ онъ себя съ товарищами-писателями, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ насколько русскій литературный міръ его времени былъ ниже его идеала. За исключеніемъ весьма немногихъ первокласныхъ писателей, уже нами упомянутыхъ, вся литературная братія только могла обманывать надежды Пушкина. Онъ требовалъ критики, — у насъ не было тогда критики; онъ желалъ, чтобъ про-

Digitized by Google

изведенія его разбирались добросовѣстно, но вмѣсто эстетическихъ замѣтокъ видѣлъ въ разборахъ одни придирки къ словамъ, иногда даже обидныя личности. То, чему онъ не придавалъ цѣны, восхвалялось журналами; труды, на составленіе которыхъ Пушкинъ клалъ свою душу, проходили незамѣтно. «Чорная Шаль» возбуждала восторги, «Борисъ Годуновъ» признанъ былъ промахомъ. Романсъ: «Подъ вечеръ осени ненастной» обошелъ Россію, тогда какъ позднѣйшія стихотворенія, брилліанты въ поэтическомъ вѣнцѣ Пушкина, утопали въ альманахахъ, никѣмъ не замѣченныя. Журналисты, вмѣсто того, чтобъ идти впереди публики, въ одно время наставлять и ее и самого поэта, разсуждали о томъ, прилично ли г. Алеко, лицу хорошаго происхожденія, водить на цѣпи медвѣдя. Одинъ критикъ обидѣлся тѣмъ, что въ «Евгеніи Онѣгинѣ» сказано о провинціальныхъ барышняхъ передъ баломъ: «*Дѣвчонки* прыгаютъ заранѣ», между тѣмъ какъ крестьянка въ другомъ мѣстѣ поэмы названа *дѣвою*. Но не однѣ подобныя ребячества со стороны цѣнителей оскорбляли Александра Сергѣича — его во сто разъ болѣе удивляло то, чего наша тогдашняя критика не сказывала. Онъ не могъ представить себѣ того, по какой причинѣ тѣ мѣста изъ его поэмъ, тѣ стихотворенія, которыя вносили столько новаго въ словесность, не возбуждали ни замѣтокъ, ни вниманія. Картины природы, художественные очерки, лирическіе порывы, улыбки сквозь слезы, однимъ словомъ вся поэзія, живымъ ключомъ бьющая въ его твореніяхъ, не находила себѣ привѣта въ критикѣ. Публика въ этомъ отношеніи была выше своихъ руководителей, она награждала поэта какъ могла; сверхъ того, намъ извѣстно, что Пушкинъ иногда получалъ письма отъ незнакомыхъ лицъ, по временамъ даже побуждавшія его на дружескій отвѣтъ. Могло ли при такихъ обстоятельствахъ существовать полное сочувствіе между Александромъ Сергѣичемъ и большинствомъ литераторовъ его времени? И не правъ ли былъ поэтъ, скрывая свою пламенную любовь къ искусству подъ личиной вѣжливой холодности? И не былъ ли онъ еще правѣе, рѣшившись самъ сдѣлаться единственнымъ судьею своихъ произведеній, высказывая въ своемъ стихотвореніи «Поэтъ не дорожи любовію народной», свой взглядъ на трудъ поэтическій.

6.

Около 1825 года, въ ту пору когда Александръ Сергѣичъ обдумывалъ своего «Годунова» и набрасывалъ лучшія пѣсни «Онѣгина», взглядъ поэта на искусство не только получилъ всю долж-

Digitized by Google

ную самостоятельность, но значительно опередилъ всѣ понятія, въ то время ходившія между нашими писателями. Изъ писемъ Пушкина, относящихся къ этому времени, изъ его замѣтокъ, изъ его объясненій по поводу своихъ вещей, мы видимъ уже до какой степени правдивъ былъ взглядъ поэта на теорію словесности. Пушкинъ, безспорно принадлежа къ разряду людей высокообразованныхъ, не могъ назваться ученымъ человѣкомъ; но его прямой русскій умъ служилъ для него аріадниной нитью въ тѣхъ туманныхъ областяхъ критики, гдѣ, по временамъ, заблуждались люди строгой учености. Иногда онъ подступаетъ къ литературному вопросу безъ приготовленій, овладѣваетъ имъ прямо и рѣшаетъ его такъ, что приговоръ и донынѣ остается истиной; по временамъ, Пушкинъ колеблется, охватываетъ обѣ стороны задачи, склоняется то на ту, то на другую, и уже потомъ устанавливаетъ свое непреложное сужденіе. Приговоръ его о комедіи Грибоѣдова, высказанный сгоряча, небрежно, до нынѣ остается нерушимымъ: всѣ послѣдующіе цѣнители только перифразируютъ замѣтку Александра Сергѣича. Въ сужденіяхъ Пушкина о законахъ драмы, мы встрѣчаемъ, напротивъ того, колебанія, о которыхъ говорилось выше. Сперва, онъ совершенно раздѣляетъ понятія нашихъ аристарховъ о псевдоклассицизмѣ, радостно встрѣчаетъ переводы Катенина, преклоняясь, подобно Байрону, передъ александрійскимъ стихомъ и тремя единствами. Черезъ какой нибудь годъ времени, онъ смотритъ на все дѣло очами такъ-называемой романтической школы, повторяя съ Мерсье, что изъ всѣхъ фарсовъ, когда-либо придуманныхъ человѣкомъ, нѣтъ фарса уморительнѣе, какъ французская правильная трагедія. Оба мнѣнія намъ кажутся уважительными, не взирая на свою противоположность, уважительными, именно потому, что Пушкинъ говорилъ ихъ не съ чужихъ словъ, не для желанія сказать что нибудь, а вслѣдствіе своей горячности въ пониманіи обѣихъ сторонъ вопроса. И вотъ, наконецъ, наступаетъ пора, когда окончательное рѣшеніе становится необходимымъ, когда замыселъ драмы «Борисъ Годуновъ» нуждается въ формѣ. И тутъ-то, подобно полководцу въ рѣшительныя минуты, Александръ Сергѣичъ возвышается à la hauteur des circonstances, говоря смѣшаннымъ языкомъ его собственныхъ замѣтокъ. Что можно въ настоящія минуты, по прошествіи слишкомъ тридцати лѣтъ, прибавить новаго къ подобнымъ строкамъ поэта о законахъ трагедіи:

«Родъ этотъ не изслѣдованъ. Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а по существу своему драма исключаетъ правдоподобіе. Не говоря уже о един-

Digitized by Google

ствѣ мѣста и времени, да какое же, чортъ возьми, правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, одна половина которой наполнена 2,000 человѣкъ, а другая людьми, старающимися показать, что не замѣчаютъ первыхъ? 2) Языкъ. Напримѣръ: Филоктетъ у Лагарпа чистымъ французскимъ языкомъ отвѣчаетъ Пирру, выслушавъ его тираду: *«Увы! я слышу сладкіе звуки эллинской рѣчи!» Все это только условное неправдоподобіе.* Истинные геніи трагедіи понимали иначе: *они старались достигнуть только правдоподобія характеровъ и положеній.* А какъ смѣшны маленькія поправки въ принятыхъ уже законахъ! Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшную сторону *a parte*, уничтожаетъ эту уловку, но вмѣстѣ съ тѣмъ растягиваетъ монологъ до нельзя. Какое ребячество! Правдоподобіе положеній, истина разговора — вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу — но что за человѣкъ Шекспиръ? Я не могу придти въ себя отъ изумленія! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ — Байронъ, во всю свою жизнь понявшій одинъ только характеръ, именно свой собственный... Существуетъ и еще заблужденіе. Придумавъ разъ какой нибудь характеръ, писатель старается высказать его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, на подобіе мориковъ и педантовъ въ старыхъ романахъ Фильдинга. Злодѣй говоритъ *«дайте мнѣ пѣть»* какъ злодѣй, а это смѣшно. *Это однообразіе, этотъ придуманный лаконизмъ и безпрерывная ярость — все это далеко отъ природы; отсюда неловкость разговора и бѣдность его.* Но разверните Шекспира. Никогда не выдаетъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Оно говоритъ у него со всею беззаботливостью жизни, потому-что въ данную минуту, въ настоящее время, поэтъ уже знаетъ какъ говорить, сообразно характеру, имъ выражаемому!»

Вотъ какого рода понятія имѣлъ поэтъ, которому современные критики давали совѣты на счетъ замѣненія бѣлыхъ стиховъ рифмованными строками, — литераторъ, котораго угрюмые аристархи признавали баловнемъ, умѣющимъ пѣть пѣсни въ честь Бордо, нимфъ, увѣнчанныхъ розами, да иногда увядшей младости!

Можно имѣть совершенно правильныя понятія объ искусствѣ и имъ не слѣдовать; можно обладать великимъ чутьемъ критики, и, подобно Дельвигу, парализировать имъ свои творческія способности. Но критическая зоркость Александра Сергѣича только возвышала его талантъ, подобно тому, какъ рѣзкій воздухъ горныхъ странъ Европы, гибельный для слабыхъ организацій, еще болѣе укрѣпляетъ человѣка сильнаго. Слѣдя за процессомъ Пушкинскаго труда въ то время, когда издавались «Борисъ Годуновъ», «Полтава» и другія сильныя произведенія той же эпохи, мы съ изумленіемъ останавливаемся передъ чуткою и по временамъ безпримѣрною строгостью поэта къ самому себѣ. За ту часть біографіи, въ которой г. Анненковъ развиваетъ передъ нами сказанный процессъ, мы не находимъ словъ благодарить издателя: такъ новы, такъ исполнены высокимъ интересомъ свѣдѣнія имъ доставленныя. Пушкинъ набрасывалъ восхитительнѣйшія сцены «Евгенія Онѣгина», эпизоды изъ «Годунова» на черновыхъ тетрадяхъ, перемѣшивая стихи съ прозой, отъ возвышеннаго монолога переходя

Digitized by Google

къ легкой пѣсенкѣ, не имѣющей связи со всемъ твореніемъ, мѣнялъ работу, очевидно выжидалъ вдохновенія, кружился надъ предметомъ, какъ орелъ надъ своей добычей и, дождавшись вожделѣнной минуты, орломъ кидался въ ту сторону, куда призывалъ его духъ творчества. Въ подобныя минуты работа шла быстро, но тѣмъ процессъ не кончался. Окинувъ написанное зоркимъ взглядомъ, Александръ Сергѣичъ приступалъ къ исправленіямъ, перемѣщеніямъ, замѣнѣ однихъ словъ другими, и наконецъ къ исключенію тѣхъ мѣстъ, которыя, по его мнѣнію, вредили сжатости цѣлаго. Тутъ являются передъ нами, благодаря труду г. Анненкова, факты, послѣ которыхъ остается только склониться передъ поэтомъ въ невольномъ почтеніи. Повѣритъ ли читатель, что слѣдующія строки самимъ Пушкинымъ исключены изъ монолога Пимена, въ той граціозной сценѣ «Годунова», когда будущій Лжедимитрій изображенъ спящимъ въ кельѣ сѣдого инока, пишущаго лѣтопись. Инокъ говоритъ:

Передо мной опять выходятъ люди,
Уже давно покинувшіе міръ,
Властители, которымъ былъ покоревъ,
И недруги и старые друзья,
Товарищи моей прошедшей жизни...
Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и страсти?
Чуть-чуть ихъ слѣдъ ложится легкой тѣнью —
И мнѣ давно, давно пора за ними!...

Вмѣсто этихъ строкъ, единственно имѣя въ виду сжатость монолога, поэтъ подставлялъ два извѣстные стиха:

Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня...

Подобныхъ примѣровъ строгости находимъ мы множество, а вѣроятно только незначительная ихъ часть сохранена стараніями настоящаго біографа. Изъ книги г. Анненкова мы видимъ, между прочимъ, какъ Пушкинъ исключилъ изъ рукописи «Онѣгина» то мѣсто, гдѣ Татьяна спрашиваетъ у няни, когда и какимъ образомъ получилъ Евгеній ея посланіе. Внукъ или сынъ старушки, лично вручившій сосѣду записку разсказываетъ, что молодой баринъ, сидя на лошади, принялъ письмо и спряталъ его въ карманъ, не читавши. Весь разсказъ, весьма живой, зачеркнутъ безъ жалости, — той же участи подверглось, въ «Полтавѣ», описаніе сума-

Digitized by Google

сшедшей Маріи, описаніе грѣшившее немного мелодраматическимъ колоритомъ.

Исторія небольшого стихотворенія Александра Сергѣича «Воспоминаніе» *(Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день)*, стихотворенія писаннаго въ маѣ 1828 года, поучительна въ томъ же самомъ отношеніи. Послѣ заключительной строки (*Но строкъ печальныхъ не смываю*) слѣдовали (въ черновой рукописи) шестнадцать стиховъ, почти безпримѣрныхъ по красотѣ, энергіи, глубокому чувству въ нихъ разлитому, наконецъ по какой-то особенной, прерывистой ихъ музыкальности.

Со времени «Полтавы» и «Бориса Годунова», начинается значительный разладъ между Пушкинымъ и его цѣнителями, считая въ этомъ послѣднемъ разрядѣ и читателей, увлеченныхъ близорукою, а иногда и недоброжелательною критикою. «Полтава», какъ это всѣмъ извѣстно, была неблагосклонно встрѣчена журналами; «Борисъ Годуновъ», не возбудившій особеннаго негодованія въ журналахъ, подвергся несомнѣнной холодности со стороны читателей. Въ обоихъ случаяхъ русскіе критики того времени не выполнили своего долга: разборы «Полтавы» (даже похвальные) отличались дѣтскимъ незнаніемъ дѣла; «Годуновъ» же, произведеніе важное, требующее разъясненій, пособій отъ критики публикѣ, не имѣлъ даже и дѣтскихъ разборовъ. Нельзя достаточно надивиться этому обстоятельству. Исторія Карамзина, жадно читавшаяся во всѣхъ сословіяхъ, уже породила въ то время страсть къ родной старинѣ; между литераторами двадцатыхъ годовъ имѣлось много людей, способныхъ, по мѣрѣ своихъ силъ, сказать необходимое слово о новомъ твореніи, стать посредниками между авторомъ «Годунова» и нашей неопытною еще публикой: никто не помогъ Пушкину, никто не сталъ въ посредники! «Сцена Лѣтописца», помѣщенная въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1827 годъ, возбудила одинъ какія-то лѣнивыя прѣнія о стихѣ бѣломъ и риомованномъ, одно тщетное празднословіе о понятіяхъ стараго инока. Вліяніе подобныхъ толковъ оригинально подѣйствовало на живую натуру Александра Сергѣича. Онъ не озлобился, какъ поступилъ бы Байронъ на его мѣстѣ, не окинулъ своихъ цѣнителей олимпійски-равнодушнымъ взглядомъ Гёте; но на первыхъ порахъ весь отдался откровенному, трогательному разочарованію. «Я каюсь въ своихъ ошибкахъ», говорилъ онъ въ одномъ письмѣ, по видимому, заготовляемомъ для печати: «мнѣ чудилось, что вкусъ публики, утомленный правильностью древнихъ классиковъ и блѣдностью ихъ подражателей, ищетъ новыхъ ощущеній въ кипящихъ источникахъ

Digitized by Google

новой, народной поэзіи... Но для чего писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть своимъ языкомъ, не смотря на грамматическія оковы... Все это сильно поколебало мою авторскую увѣренность; я началъ подозрѣвать, что трагедія моя есть анахронизмъ... Воспитанные въ правилахъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ этою критикою и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны и, кажется, не нужны...»

Переходя къ частностямъ своего произведенія, поэтъ выражается такъ: «Мнѣ казалось, что характеръ Пимена вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ твореніи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателя. Что жь вышло? нашли мнѣнія Пимена запоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ рифмъ назваться стихами? Г-нъ З. предложилъ промѣнять сцену «Бориса Годунова» на картинку «Дамскаго Журнала». Тѣмъ и кончился судъ почтеннѣйшей публики...»

Есть нѣчто возвышенно-прекрасное во всѣхъ здѣсь приведенныхъ замѣткахъ. Это не протестъ гордаго пѣвца, заносчиво ставящаго себя выше всѣхъ своихъ читателей, не вопль уязвленнаго самолюбія, а благородная жалоба благороднаго труженика, обманувшагося въ своихъ надеждахъ и вдавшагося въ минутную грусть, такъ знакомую сильнымъ сердцамъ. Вы сознаете, что сказанная грусть — одно облако, что поэты, подобные Пушкину, не теряютъ своихъ силъ отъ испытаній подобнаго рода.

6.

«Съ «Бориса Годунова» — сообщаетъ намъ авторъ «Матеріаловъ» для біографіи Александра Сергѣича — «Пушкинъ ушелъ въ самого себя, распростился на время съ прихотливымъ вкусомъ публики и ея требованіями, сдѣлался художникомъ *про себя*, уединенно творящимъ свои образы, какъ онъ вообще любилъ представлять художника». Самъ поэтъ писалъ около этого времени: «Не имѣя болѣе надобности заботиться о прославленіи непзвѣстнаго имени и первой своей молодости, я уже не смѣю надѣяться на снисхожденіе, съ которымъ былъ принятъ доселѣ. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды... Публика и критика расплати-

Digitized by Google

«лись со мной совершенно. Съ этой минуты ихъ строгость или «равнодушіе будутъ имѣть на мой трудъ только одно малое влія«ніе». Чувство, подъ вліяніемъ котораго были начертаны только-что приведенныя строки, осталось за Александромъ Сергѣичемъ на всю его жизнь, принося огромную пользу его поэтическому дарованію и нѣкоторый ущербъ теоретическому взгляду самого поэта на родное искусство. Въ незрѣлости, дѣтствѣ нашей критики, Пушкинъ не хотѣлъ видѣть никакихъ залоговъ къ ея усовершенствованію; а вскорѣ и совсѣмъ пересталъ думать о критикѣ. На сбивчивыя и еще невыяснившіяся потребности публики, Александръ Сергѣичъ сталъ глядѣть то слишкомъ унылымъ, то слишкомъ насмѣшливымъ взглядомъ. Объ этомъ недостаткѣ воззрѣній поэта мы еще скажемъ нѣсколько словъ, говоря о «Современникѣ» и о Пушкинѣ, какъ журналистѣ.

Но въ замѣнъ того, до какой степени плодотворна, роскошна, обильна благами и обильна надеждами была поэтическая дѣятельность Пушкина за указанное нами время! «Семиверстными шагами» шолъ нашъ поэтъ по пути творчества, и гибкій, многосторонній его талантъ производилъ чудо за чудомъ. Въ тиши сельскаго уединенія, съ счастливой любовью въ сердцѣ, посреди тревожныхъ вѣстей о холерѣ, въ то время еще невиданной гостьѣ — Александръ Сергѣичъ, въ первый разъ, насладился сладостью труда въ одно время и долгаго, и ничѣмъ не прерываемаго, и вполнѣ успѣшнаго. Онъ зажился до глубокой зимы въ своемъ нижегородскомъ имѣніи, не имѣя силы распроститься съ порой вдохновенія, хотя обстоятельства требовали его присутствія въ столицѣ. Но выѣзжая изъ села Болдина, онъ приготовилъ для печати послѣднія главы «Онѣгина», «Домикъ въ Коломнѣ», «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Каменнаго гостя», «Пиръ во время чумы»; да сверхъ того болѣе тридцати стихотвореній, между которыми надо отличить: «Бѣсы», «Капризъ», «Мадонна», «Разставанье», «Минувшихъ лѣтъ угасшее веселье», «Странникъ» и — «Первое подражаніе Данту» *(Въ началѣ жизни школу помню я)*; о другихъ пропзведеніяхъ, подготовленныхъ въ это же время, мы еще скажемъ нѣсколько словъ въ свою очередь.

Критически всматриваясь въ сущность здѣсь указанныхъ твореній, мы нѣкоторымъ образомъ проникаемъ въ тайникъ души Александра Сергѣича, и, если будетъ позволено выразиться, въ лабораторію его генія. На время отрѣшившись отъ свѣта съ его хлопотами, отъ литературныхъ круговъ, съ ихъ, подчасъ, странными требованіями, поэтъ остался наединѣ съ своей мыслью и поэтами

Digitized by Google

имъ любимыми. Онъ читалъ много, читалъ съ наслажденіемъ, выписывая запасы книгъ изъ Петербурга и нетерпѣливо поджидая ихъ прихода. Онъ задумывался надъ прочитаннымъ, дѣлалъ отмѣтки на страницахъ, выписывалъ въ особыя тетради то, что ему особенно правилось, пробовалъ передавать русскимъ стихомъ отрывки особенно его волновавшіе. На сколько мы можемъ догадываться, вслѣдствіе нѣкоторыхъ указаній біографа, Пушкинъ, у себя въ деревнѣ, посвящалъ чтенію все свободное время свое. Списокъ вещамъ, перечитаннымъ имъ за осень 1830 года, напоминаетъ своей длиною списокъ книгъ, читанныхъ Онѣгинымъ. Нашъ поэтъ читалъ Шлегеля, Шиллера, Шекспира, Данта, Скотта, своего любимца Монтеня; изъ новыхъ французскихъ поэтовъ — Гюго, Ламартина и Мюссе; впрочемъ вся новая французская словесность была ему не только знакома, но и обсужена имъ, можетъ быть, съ излишнею строгостью. Пушкинъ читалъ Вордсворта въ то время, когда, можетъ быть, во всей Европѣ (кромѣ Англіи) человѣкъ десять читали Вордсворта, нынѣ столь прославляемаго. Мильманъ, Вильсонъ, Кольриджъ, Берри-Корнвельсъ, поэты или только-что выступавшіе на сцену, или только-что входившіе въ извѣстность, уже, временами, вдохновляли Пушкина; а на ихъ темы онъ позволялъ себѣ фантазировать. Мало того, мы имѣемъ полную причину думать, что нашъ поэтъ былъ знакомъ съ твореніями драматурговъ Елисаветинскаго періода, предшественниковъ Шекспира, по выпискамъ Лема или по лекціямъ Гезлита. Александръ Сергѣичъ получалъ два предводительствующія (leading) обозрѣнія: Quarterly и Эдинбургское; зналъ ихъ составъ, слѣдилъ за ихъ полемикой и, разсуждая объ основаніи критическаго журнала въ Россіи, указывалъ на нихъ, какъ на образцы подобнаго изданія. Сверхъ того Пушкину присылали большіе запасы разныхъ стихотвореній на всѣхъ языкахъ, ибо онъ считалъ необходимостью для каждаго поэта — слѣдить за трудами своихъ сверстниковъ, гдѣ только было возможно. Италіянскіе, испанскіе, португальскіе, восточные поэты являлись въ уединеніе нашего соотечественника въ подлинникахъ и переводахъ, въ отдѣльныхъ изданіяхъ, сборникахъ и даже хрестоматіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Сергѣичъ, получая и журналы и новыя книги, не былъ чуждъ литературныхъ вопросовъ, занимавшихъ за двадцать пять лѣтъ назадъ Францію, Англію и Германію; но равнодушіе нашего поэта къ критикѣ, а можетъ быть и простой случай, сдѣлали то, что мы не имѣемъ почти никакихъ замѣтокъ объ этомъ предметѣ. Читая великобританскія обозрѣнія

Digitized by Google

своего времени, онъ хорошо зналъ ходъ борьбы, тогда кипѣвшей между школой лекистовъ и послѣдователями Байрона, Скотта и Мура. Изъ его записокъ, мелкихъ статей, замѣтокъ по поводу прочитанныхъ сочиненій, мы изрѣдка почерпаемъ выраженія, явно заимствованныя изъ свѣтлыхъ критическихъ статей Джеффри, шутливыхъ рецензій Смита, полу-вдохновенныхъ, полу-взбалмошныхъ тирадъ Кольриджа. Въ высшей степени любопытно было бы знать, напримѣръ, мнѣніе Пушкина о поэзіи лекистовъ, объ этомъ вопросѣ, который еще до нынѣ не рѣшенъ въ Англіи; а между тѣмъ уже успѣлъ обойти всю Европу, отразиться во всѣхъ литературахъ и, съ разными видоизмѣненіями, перейти и къ намъ въ видѣ борьбы излишняго реализма съ преувеличенной идеальностью, мысли — съ картинностью, не ясно понимаемой патетичности — съ еще темнѣе понимаемой художественностью. Пушкинъ — нашъ Байронъ и Скоттъ — долженъ былъ, послѣ своей смерти, пріобрѣсти своего Вордсворта въ Гоголѣ и лекистовъ особеннаго рода въ людяхъ слишкомъ отдавшихся Гоголевскому направленію. Къ чести русской критики, столь юной, но уже достаточно здравомыслящей, должно присовокупить, что у насъ весь антагонизмъ въ направленіи Пушкина и Гоголя, высказался весьма умѣреннымъ образомъ, волнуя только весьма небольшое число людей, изъ числа занимающихся литературой, и ни разу не высказываясь въ выраженіяхъ, обидныхъ для той или другой стороны.

Но, какъ огромны ни были занятія Пушкина по части изученія поэтовъ своихъ и чужеземныхъ, какъ ни воспріимчива была его счастливая натура ко всему новому, смѣлому, оригинальному, — нашъ авторъ, по прежнему, двигался своимъ собственнымъ путемъ, не увлекаясь ни одною изъ школъ, тогда волновавшихъ поэтическіе круги всей Европы. Грубый, растрепанный реализмъ юной Франціи встрѣтилъ въ Пушкинѣ строгаго цѣнителя, что доказывается его статьями въ «Литературной Газетѣ»; неестественная, единообразная простота лекистовъ, такъ сходная съ простотой, которую нѣкоторые кружки тщились и въ наше время привить къ русской словесности, не нашла въ немъ вѣрнаго адепта. Остроумныя филиппики Шлегеля не унизили въ его глазахъ старой французской словесности, между тѣмъ, какъ ухищренія приторно многорѣчивой музы Ламартина были, можетъ быть, впервые разгаданы Александромъ Сергѣичемъ. Періодъ тридцатыхъ годовъ былъ періодомъ великаго смятенія во всей европейской поэзіи; это знаетъ всякій изъ нашихъ читателей; а критика чужестранная, не имѣя дѣтскихъ сторонъ россійской критики, — сходствовала съ нею по своей разно-

Digitized by Google

голосицѣ. Пушкинъ стоялъ выше всѣхъ школъ, выше всѣхъ совѣтовъ, ибо вѣрилъ въ самого себя и въ разумъ человѣческій. Съ русской терпимостью и съ русской снисходительностью, онъ глядѣлъ на все вокругъ него творившееся, и оттого взглядъ его не былъ близорукимъ взглядомъ литературнаго фанатика. Пушкинъ, *болѣе чѣмъ кто-либо изъ поэтовъ* умѣлъ примирять противоположности и становиться выше всѣхъ скоропреходящихъ вопросовъ объ искусствѣ.

Оттого-то такъ и изумляетъ насъ тотъ періодъ его поэтической дѣятельности, о которомъ здѣсь говорится. Сильный своими познаніями, убѣжденный въ своей самостоятельности, смѣло и благородно взирая на жизнь во всемъ ея безконечномъ разнообразіи,— поэтъ нашъ трудится, подобно истинному художнику въ тѣ минуты восторга, когда творецъ произведенія становится самъ себѣ лучшимъ судьею. Ни заданной мысли, ни стремленія провести какую нибудь отвлеченную теорію — не встрѣтите вы въ его созданіяхъ. Увлекаемый натурою своею ко всему величавому, прекрасному, отрадному въ жизни, онъ даетъ волю своей натурѣ и поетъ пѣсни, отъ которыхъ никогда не перестанетъ биться сердце русскаго человѣка. Онъ веселится, повѣсничаетъ, влюбляется, плачетъ и трепещетъ съ Донъ-Жуаномъ; въ лицѣ Сальери развиваетъ передъ нами страданія честнаго, но завистливаго труженика; въ «Скупомъ Рыцарѣ» переноситъ насъ въ фантастическій міръ среднихъ вѣковъ, въ «Пирѣ во время чумы» волшебною кистью рисуетъ намъ картину зачумленнаго города и оргію безумцевъ во время заразы. Всѣ эти созданія навѣяны честнымъ трудомъ; въ нихъ нѣтъ такъ хвалимой непосредственности; въ нихъ даже не имѣется народности, но можетъ быть есть нѣчто высшее. Прекрасно быть поэтомъ своей земли и своего края, но что можетъ помѣшать человѣку громаднаго дарованія пѣть для всего свѣта, переноситься въ края и эпохи, по чему либо кажущіеся ему поэтическими?

Въ наше время не найдется человѣка, который бы осмѣлился печатно упрекнуть Пушкина за названныя нами созданія—но между запоздалыми любителями ложнаго реализма, изъ числа слишкомъ исключительныхъ приверженцевъ Гоголя, людей неспособныхъ разомъ глядѣть на обѣ стороны вопроса, — намъ случалось встрѣчать нѣсколькихъ скрытыхъ противниковъ «Каменнаго Гостя», «Моцарта и Сальери», «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ». — «Для чего поэтъ бралъ предметы не изъ нашей вседневной жизни»? — такъ мыслятъ эти лекисты новаго времени — «изъ-за какихъ причинъ онъ облачалъ свою музу въ парчу, сталь и бархатъ, показавши

Digitized by Google

своими прежними трудами, что она хороша и въ скромномъ платьѣ Татьяны и въ еще простѣйшемъ, современномъ уборѣ? Для чего Пушкинъ черпалъ зародыши вдохновенія изъ книгъ, хотя и знаменитыхъ? зачѣмъ описывалъ онъ чуждые намъ нравы, почему не глядѣлъ онъ вокругъ себя, и, опираясь на дарованіе свое, не возводилъ мелочныхъ предметовъ въ перлъ созданія? Въ жизни рѣдки Моцарты и Донъ-Жуаны—ergo, поэтъ ихъ изображающій, изображаетъ не жизнь, при всѣхъ своихъ достоинствахъ! Отчего онъ не шолъ тѣмъ путемъ, который послѣ него указанъ былъ Гоголемъ—поэтомъ болѣе сильнымъ и оттого ближайшимъ нашему сердцу? Такъ говорятъ почтенные лекисты, забывая то обстоятельство, что Пушкинъ не разъ спускался въ рудники, изъ которыхъ добывалъ золото Гоголь,—между тѣмъ какъ муза Гоголя не могла и не смѣла никогда заноситься на ту міровую высоту, куда былъ, во всякое время, свободный доступъ музѣ Пушкина.

7.

Прозаическія произведенія Александра Сергѣича, за указанный нами періодъ, стоятъ особеннаго вниманія настоящихъ цѣнителей, — и намъ (можетъ быть мы и заблуждаемся) всегда казались страстными журнальные отзывы объ этихъ произведеніяхъ. Даже въ «Матеріалахъ» нами разбираемыхъ, г. Анненковъ какъ-то неохотно хвалитъ «Повѣсти Бѣлкина», упрекая ихъ въ бѣдности содержанія и прибавляя, что въ наше время нужна зоркость любителя для того, чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству. Съ такимъ отзывомъ мы согласиться не можемъ. «Повѣстей Бѣлкина», по нашему мнѣнію, не долженъ проходить молчаніемъ ни одинъ человѣкъ, интересующійся русскою прозою. «Повѣсти Бѣлкина» были первымъ опытомъ Александра Сергѣича въ повѣствовательномъ родѣ; эти повѣсти имѣли огромный успѣхъ въ публикѣ; а вліяніе, ими произведенное, отчасти отразилось чуть ли не на всѣхъ нашихъ романахъ и повѣстяхъ. «Повѣсти Бѣлкина» — книга увлекательная, прекрасная, свѣтлая, какъ лучшія изъ главъ когда либо написанныхъ Гольдсмитомъ, и подобно лучшимъ страницамъ Гольдсмитовыхъ твореній, уносящая своего читателя въ міръ ясныхъ ощущеній. Если насъ восхищаютъ поэты, знакомящіе съ смѣшною, темною стороной жизни, то по какому праву станемъ мы отказывать въ нашей хвалѣ писателю, раскрывающему передъ нами другую сторону той же жизни, — сторону спокойную, радостную и родственную душѣ нашей? Если мы по нѣскольку разъ съ наслажденіемъ перечитываемъ ссору Ивана Иваныча съ Иваномъ Ники-

Digitized by Google

форычемъ, «Носъ», «Коляску» и другія повѣсти въ томъ же родѣ, то какое право имѣемъ мы отказывать «Повѣстямъ Бѣлкина» въ содержаніи? Если Пушкинъ ласково смотрѣлъ на нашу сельскую жизнь и если шутка его была незлобива, то на какомъ основаніи смѣемъ мы требовать отъ него сатиры и карающаго юмора? Если Пушкинъ, человѣкъ много испытавшій въ жизни, страдавшій отъ клеветы друзей и обидъ холоднаго свѣта, — человѣкъ боровшійся, раскаявавшійся, заблуждавшійся, проводившій безсонныя ночи, лившій горькія слезы много разъ въ теченіе своей жизни, находитъ средство глядѣть на жизнь съ ясной привѣтливостью, — намъ ли осуждать за это Пушкина? Скажемъ болѣе: намъ его надо любить именно за это. Счастливъ человѣкъ, выносящій изъ жизненнаго опыта подобную незлобивость, подобную способность къ улыбкѣ, подобное радушіе къ людямъ, подобную зоркость взгляда на всю ясную сторону жизни! Иногда на идиллію надо имѣть болѣе силъ, чѣмъ на драму въ мизантропическомъ вкусѣ; очень часто сатира дается легче, чѣмъ милая шутка. Но мы пока еще не хотимъ признавать сказанной истины, ибо, по нашей насмѣшливой славянской природѣ, мы всегда готовы увлечься человѣкомъ потѣшающимся на нашъ счетъ и не идущимъ въ карманъ за жесткимъ словомъ.

Одинъ изъ современныхъ литераторовъ выразился очень хорошо, говоря о сущности дарованія Александра Сергѣича. «Еслибъ Пушкинъ прожилъ до нашего времени», выразился онъ: «его творенія составили бы противодѣйствіе Гоголевскому направленію, которое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, нуждается въ такомъ противодѣйствіи». Отзывъ совершенно справедливый и весьма примѣнимый къ дѣлу. И въ настоящее время, и черезъ столько лѣтъ послѣ смерти Пушкина, его творенія должны сдѣлать свое дѣло. Изучая прозу Пушкина, его «Онѣгина» — гдѣ изображенъ вседневный бытъ нашъ, какъ городской, такъ и деревенскій, его стихотворенія, внушенныя сельскими картинами, сельскимъ бытомъ, мы придемъ къ началу того противодѣйствія, той реакціи, которая такъ нужна въ текущей словесности. Что бы ни говорили пламенные поклонники Гоголя (и мы сами причисляемъ себя не къ холоднымъ его читателямъ), нельзя всей словесности жить на однѣхъ «Мертвыхъ Душахъ». Намъ нужна поэзія. Поэзіи мало въ послѣдователяхъ Гоголя, поэзіи нѣтъ въ излишне-реальномъ направленіи многихъ новѣйшихъ дѣятелей. Самое это направленіе не можетъ назваться натуральнымъ, ибо изученіе одной стороны жизни не есть еще натура. Скажемъ нашу мысль безъ обиняковъ: наша те-

Digitized by Google

кущая словесность изнурена, ослаблена своимъ сатирическимъ направленіемъ.

Противъ того сатирическаго направленія, къ которому привело насъ неумѣренное подражаніе Гоголю, — поэзія Пушкина можетъ служить лучшимъ орудіемъ. Очи наши проясняются, дыханіе становится свободнымъ: мы переносимся изъ одного міра въ другой, отъ искусственнаго освѣщенія къ простому дневному свѣту, который лучше всякаго яркаго освѣщенія, хотя и освѣщеніе, въ свое время, имѣетъ свою пріятность. Передъ нами тотъ же бытъ, тѣже люди,—но какъ это все глядитъ тихо, спокойно и радостно! Тамъ, гдѣ прежде по сторонамъ дороги видны были одни сѣренькія поля и всякая дрянь въ томъ же родѣ, мы любуемся на деревенскія картины русской старины, на сохнущія и пестрѣющія долины, всей душой привѣтствуемъ первые дни весны или поэтическую ночь надъ рѣкою,—ту ночь, въ которую Татьяна посѣтила брошенный домикъ Евгенія. Самая дорога, ѣдучи по которой, мы недавно мечтали только о толчкахъ и напившемся Селифанѣ, принимаетъ не тотъ видъ, и путь нашъ кажется не прежнимъ утомительнымъ путемъ. Невѣдомыя равнины имѣютъ въ себѣ что-то фантастическое; луна невидимкою освѣщаетъ летучій мракъ, малыя искры и небывалыя версты бросаются въ глаза ямщику и поэтическій полетъ жалобно-воющихъ дорожныхъ бѣсовъ начинаетъ совершаться передъ глазами поэта. Зима наступила; зима — сезонъ отмороженныхъ носовъ и бѣдствій Акакія Акакіевича,—но для нашего пѣвца и для его чтителей зима несетъ съ собой прежнія свѣтлыя картины, мысль о которыхъ заставляетъ биться сердце наше. Мужичокъ съ тріумфомъ несется по новому пути на дровняхъ; на красныхъ лапкахъ гусь тяжелый осторожно ступаетъ на свѣтлый ледъ, собираясь плавать, скользитъ и падаетъ къ полному своему изумленію. Буря мглою небо кроетъ, плача какъ дитя, завывая звѣремъ и колыхая солому на старой лачужкѣ; но и въ дикомъ воѣ зимней бури, съ мятелью, таится своя упоительная поэзія. Счастливъ тотъ, кто можетъ отыскать эту поэзію, кто славитъ своимъ стихомъ зиму съ осенью, и въ морозный день поздняго октября сидитъ у огня, воображеніемъ скликая вокругъ себя милыхъ друзей своего сердца, вѣрныхъ лицейскихъ товарищей и воздавая за ихъ дружбу сладкими пѣснями, не помня зла въ жизни, прославляя одно благо!

Таковъ Пушкинъ съ природой своего края,—и чей языкъ поворотится на то, чтобъ обвинить его въ преувеличеніи, въ идиллическости? Таковъ онъ и съ жизнью, которая, какъ мы знаемъ,

Digitized by Google

несла ему не однѣ радости; таковъ онъ съ людьми, часто его непонимавшими и часто наносившими его сердцу неотразимыя обиды. Не оптимизмъ, не стремленіе къ розовымъ краскамъ увлекали музу Пушкина: и она умѣла смѣяться сквозь слезы надъ людскими пороками, и она грозно глядѣла на невѣждъ, издѣвающихся надъ треножникомъ, надъ которымъ горѣлъ священный огонь ея поэзіи. Александръ Сергѣичъ, превосходя своихъ преемниковъ поэзіею, превосходилъ ихъ и силою души. Въ нашемъ заключеніи нѣтъ для нихъ ничего обиднаго, ибо душа Пушкина была душей необыкновеннаго, развитаго, любящаго, высокопросвѣщеннаго человѣка. Оттого и трудъ его такъ прекрасенъ, оттого его жизненный опытъ не принесъ съ собой горькаго плода. Въ горахъ острова Сардиніи есть одна необыкновенная долина, на которой всѣ растенія имѣютъ, отъ какихъ-то недостатковъ почвы, вкусъ горькой полыни: долина эта сходна съ душой многихъ поэтовъ, но никакъ не съ душой Пушкина. Къ этому пѣвцу ни одинъ изъ позднихъ потомковъ не обратится съ извѣстными, горькими стихами изъ Гетевскаго «Прометея»: «ты хочешь, чтобы я чтилъ тебя? — за какія за«слуги стану я чтить твое имя? Умѣлъ ли ты отирать слезы пла«чущихъ, уменьшать тоску страждущихъ?» — «Имя Пушкина будетъ навѣки обожаемо міромъ, ибо онъ свято выполнилъ назначеніе поэта, разсыпая вокругъ себя блага поэзіи, стихомъ своимъ возбуждая свѣтлыя улыбки собратій, плача вмѣстѣ съ удрученными, и своей веселостью усиливая радость счастливыхъ». Оттого-то и надо намъ произнесть слово вѣчной хвалы надъ прахомъ нашего незлобнаго, любящаго, великаго поэта; оттого намъ слѣдуетъ запомнить каждое слово когда либо имъ сказанное и смѣло устремиться по его слѣдамъ, на указанную имъ дорогу!

Мы, по видимому, увлеклись въ сторону отъ повѣствовательной прозы Александра Сергѣича; но, возвращаясь къ предмету, о которомъ начали говорить въ началѣ нашей главы, находимъ, что отступленіе наше, не смотря на свой нѣкоторый лиризмъ, вполнѣ передастъ тѣ идеи, которыя мы намѣревались развить болѣе послѣдовательнымъ образомъ. Дѣятельность Пушкина, какъ автора «Повѣстей Бѣлкина» (съ «Лѣтописью села Горохина»), «Капитанской Дочки», «Пиковой Дамы» и «Дубровскаго», кажется намъ дѣятельностью въ высшей степени благотворною. Проза нашего поэта есть не только необходимое дополненіе къ его поэзіи, но и предметъ полезнаго изученія для новѣйшихъ повѣствователей. Когда Пушкинъ началъ писать прозою, критики его времени, избалованные «красатой слога», находили его прозу черезчуръ простою. Нынѣ, можетъ быть,

Digitized by Google

найдутся цѣнители, готовые признать ея направленіе идиллическимъ и даже отклоняющимся отъ простоты вседневной жизни. Замысловатость, съ которой построенъ каждый изъ самыхъ маленькихъ разсказовъ Бѣлкина, можетъ быть, кажется чѣмъ-то сказочнымъ нашему лекисту нашихъ временъ. Что до насъ, мы думаемъ, что повѣсти Пушкина вполнѣ оцѣнятся, только когда начнется въ нашей литературѣ законная, безобидная реакція противъ Гоголевскаго направленія, — а этого времени ждать недолго.

8.

Мы уже достаточно знакомы съ частной жизнью Александра Сергѣича и оттого можемъ сказать утвердительно, что для него мѣсяцы, проведенные посредп труда, въ Болдинѣ или въ селѣ Михайловскомъ, были истинно сладкими періодами жизни. Оставляя въ сторонѣ наслажденія умственнымъ трудомъ, дружескія сношенія съ сосѣдями, мы все-таки видимъ очень ясно, что деревня и природа имѣли великую прелесть для поэта. Составитель «Матеріаловъ» не разъ даетъ намъ замѣтить противное въ продолженіе своего труда; но его замѣтки о страсти Пушкина къ свѣту и городскому шуму надо принимать *cum grano salis*. Юношескія произведенія Александра Сергѣича въ похвалу городку, уединенію, сельской природѣ и такъ далѣе — намъ кажутся не раздраженіемъ чужой мысли, а голосомъ дѣйствительной потребности. На одно стихотвореніе «Капризъ» (*Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой*), изображающее унылую сельскую сцену, мы найдемъ двадцать, совершенно противоположныхъ по духу. Если Наталья Павловна въ «Нулинѣ» видитъ изъ своего окна пейзажъ, наводящій скуку на сердце, зато Татьяна рисуется передъ нами посреди восхитительнѣйшихъ картинъ чисто русской природы. Г. Анненковъ съ обычной своей зоркостью взгляда подмѣчаетъ одно весьма характеристическое обстоятельство. Пушкинъ, набрасывая многія изъ своихъ сельскихъ картинъ, «подходящія къ пестрому сору фламандской школы», сѣтуетъ на самого себя за то, что былъ, далеко противоположный поэзіи Байрона и Шелье, тянетъ его къ себѣ невѣдомой силой. Но нашъ даровитый біографъ, указывая на строфы изъ «Онѣгина», въ которыхъ выражена эта мысль, не прибавляетъ того, что слѣдовало бы къ нимъ прибавить. Пушкинъ именно великъ потому, что умѣлъ у Бахчисарайскаго фонтана воображать передъ собой Зарему, не мечтая о фламандскомъ сорѣ, и впослѣдствіи изображать тихія картины русской природы и находить въ нихъ прелесть и не осуждать черезъ это фонтановъ съ Заремами. Много-

Digitized by Google

сторонность душевной воспріимчивости ставитъ Александра Сергѣича выше всѣхъ нашихъ поэтовъ. Онъ воспѣваетъ страну, гдѣ пѣлъ Торквато, гдѣ ростутъ гордый лавръ съ кипарисомъ, — но не умѣетъ съ кислой улыбкой отворачиваться отъ своей родной Псковской губерніи. Поэтъ крымскихъ береговъ не дослушался сѣверной природой, снѣговые верхи Кавказа, не испортили для Пушкина степей оренбургскихъ и лѣсистыхъ береговъ Волги. У Пушкина всему было мѣсто и душа его была способна давать свой отзывъ не на одни только громкіе призывы, не на однѣ яркія картины. Поэтъ строилъ свои зданія изъ матеріаловъ, находившихся у него подъ руками, не оставляя идеала для дѣйствительности, а дѣйствительности для идеала. Съ Дантомъ уносился онъ за дивной покровительницей суроваго изгнанника; нянюю свою Арину Родіоновну заставлялъ онъ разсказывать себѣ русскія сказки, и чуднымъ своимъ стихомъ передавалъ читателю простые разсказы старушки.

Мы съ намѣреніемъ останавливались такъ долго надъ періодомъ Пушкинской дѣятельности въ тотъ самый годъ, когда въ частной жизни поэта имѣло произойти радикальное и полезное измѣненіе. Кончая свою холостую жизнь и готовясь къ годамъ спокойствія, Александръ Сергѣичъ словно прощался съ молодостью и подводилъ итоги своимъ интеллектуальнымъ сокровищамъ. Творенія его за 1830 годъ показываютъ до какой степени былъ удовлетворителенъ этотъ итогъ. Изъ края въ край широкой русской земли могла носиться муза Пушкина, всюду свершая свое назначеніе, всюду сознавая себя сильною, извлекая поэзію изъ великихъ и малыхъ событій жизни, черпая предметы пѣснопѣнія изъ исторіи и сказокъ, останавливаясь съ равной готовностью и передъ радостной и передъ грустной стороной нашего существованія. Быстро подходила для поэта пора полной зрѣлости въ талантѣ, полнаго самосознанія въ направленіи. Стройныя массы превосходнаго войска стояли въ готовности; генію полководца оставалось только ихъ двинуть въ ту или другую сторону. «Въ это время, говоритъ нашъ составитель «Матеріаловъ» для біографіи Александра Сергѣича, Пушкинъ испытывалъ себя во всѣхъ родахъ поэзіи; для самого себя набрасывая переводы изъ поэтовъ особенно его поражавшихъ, повѣсти, драматическія сцены, тирады во вкусѣ Боало, монологи изъ Альфіери, явленія изъ небывалыхъ комедій, замѣтки, относящіяся къ исторіи своей и чужой словесности. Но въ то же время главный потокъ его творчества обозначался тѣмъ явственнѣе, чѣмъ обильнѣе кружились около него

Digitized by Google

мелкіе ручейки и рѣчки. Эпическое настроеніе, которое вслѣдъ за этимъ годомъ развилось у Пушкина и опредѣлило всю его поэтическую дѣятельность, проявляется передъ нами въ рядѣ спокойныхъ поэтическихъ разсказовъ, которые въ невозмутимомъ своемъ теченіи открываютъ мысли читателя далекое, необозримое пространство. Съ 1830 года (мы все-таки говоримъ словами г. Анненкова) мысль поэта начинаетъ преимущественно выбирать *повѣствованіе* для своего проявленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется величавому, строгому, спокойному изложенію, которое порабощаетъ читателя невольно, неудержимо и безпрекословно. Таковы стихотворенія: «Полководецъ», «Однажды странствуя среди долины дикой», «Онъ между нами жилъ», оба подражанія Данту и проч. и проч. Эпическій тонъ этихъ вещей ясенъ для слуха наименѣе изощреннаго. Стремленіе Пушкина къ эпосу, по всей вѣроятности безсознательное, *обнаруживается впервые съ 1830 года* (?) и за тѣмъ не оставляетъ его до конца поприща».

За многія изъ высказанныхъ здѣсь замѣтокъ, мы должны благодарить составителя «Матеріаловъ», хотя общій его выводъ кажется намъ не совсѣмъ правильнымъ. Мы не видимъ никакой причины признавать эпическое направленіе въ «Полководцѣ», не признавая его во многихъ предшествовавшихъ стихотвореніяхъ Пушкина, и въ «Мѣдномъ Всадникѣ» впервые усматривать тѣ черты, которыя и до него красили собой «Полтаву». Мы не знаемъ, отчего дивно-поэтическое начало неизвѣстной поэмы «Сводъ неба мракомъ обложился» составляетъ противоположность съ началомъ самыхъ послѣднихъ поэмъ Александра Сергѣича. Но если г. Анненковъ желаетъ сказать, что съ 1830 года, въ періодъ сильнѣйшаго развитія творческихъ силъ поэта нашего, онъ особенно полюбилъ эпическое направленіе и отдался ему со страстью — мы безпрекословно соглашаемся съ его приговоромъ. И согласившись съ нимъ отъ всего сердца, мы отъ всего сердца скажемъ, что Пушкинъ, дѣйствуя сказаннымъ образомъ, дѣйствовалъ какъ нельзя сообразнѣе со всѣмъ своимъ развитіемъ и съ сущностью своего великаго дарованія.

Нашъ поэтъ имѣлъ всѣ качества, нужныя поэту эпическому, не имѣя, напримѣръ, всѣхъ качествъ нужныхъ драматическому писателю. Образованность Александра Сергѣича, о которой мы говорили столько разъ, дѣлала для него легкими тѣ задачи, передъ которыми въ безсиліи останавливались менѣе свѣдущіе писатели. Муза нашего поэта, всегда гибкая, спокойная даже въ минуты увлеченія, обогащенная всѣми дарами жизни, наблюдатель-

Digitized by Google

ности и живой науки, влекла его къ повѣствовательному роду. По нѣкоторымъ качествамъ повѣствователя, какъ-то по способности замысла, по обилію поэтическаго чутья, облагораживающаго каждый предметъ взятый истиннымъ повѣствователемъ, — Александръ Сергѣичъ не имѣлъ поэтовъ себѣ равныхъ между величайшими поэтами нашего столѣтія. Если позволено будетъ здѣсь употребить терминъ, обычный въ разговорѣ о живописцахъ, мы скажемъ съ полной увѣренностью, что по *сочиненію* своихъ повѣствовательныхъ вещей, Пушкинъ превосходилъ и Байрона, и Мура, и Ламартина, и Крабба, и Вордсворта, и Кольриджа, и Гейне. Смѣемъ спросить, въ какой литературѣ за послѣдніе годы можемъ мы найти планъ поэмы, подобный плану «Цыганъ», по своей простотѣ, замысловатости и возвышенной мысли, такъ тѣсно слившейся со всею ея настройкою? «Онѣгинъ», задуманный въ то время, когда нашъ поэтъ находился подъ вліяніемъ Байрона, «задуманный болѣе для отступленія, чѣмъ для самаго разсказа», въ цѣломъ представляетъ одинъ изъ занимательнѣйшихъ романовъ, когда-либо приходившихъ на мысль самымъ высокодаровитымъ писателямъ. Уступая Байронову «Донъ-Жуану» во многихъ частностяхъ, на сколько превосходитъ онъ эту великую поэму по своей стройности, внѣшней занимательности, мастерскому сочетанію разсказа съ лиризмомъ, неожиданностью развязки, своему вліянію на любопытство читателя? «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ» — въ этомъ отношеніи весьма слабы; но за то Пушкинъ, первый изо всей публики, видитъ ихъ недостатки, сознаетъ ихъ *зелеными* произведеніями. Прежняя способность къ сочиненію снова отражается въ шуточныхъ поэмахъ, между которыми «Домикъ въ Коломнѣ» есть совершенство своего рода, и опять во всей славѣ является въ «Борисѣ Годуновѣ», въ «Каменномъ Гостѣ», произведеніяхъ, которыя, конечно, должно причислить къ поэмамъ, не смотря на ихъ драматическую форму.

Не надо забывать и того обстоятельства, что съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей поэтической дѣятельности, до послѣдняго ея года включительно, Александръ Сергѣичъ безпрерывно задумывалъ эпическія произведенія, писалъ начала новыхъ поэмъ, переводилъ мѣста изъ поэмъ, его особенно поразившихъ и постоянно пробовалъ свои *эпическія крылья*, поднимаясь по одному и тому же направленію. Весьма легко, просматривая его попытки, отличить простой этюдъ отъ начала вещи задуманной со страстью. Никто не скажетъ, что комическая тирада въ родѣ кн. Шаховского, найденная въ бумагахъ Пушкина г. Анненковымъ, должна была

Digitized by Google

служить краеугольнымъ камнемъ отличной комедіи; но что изъ отрывка «Кромѣшникъ» (или «Опричникъ») черезъ нѣсколько лѣтъ могла создаться поразительная поэма — этого, кажется никто отрицать не можетъ. Едва ли кто нибудь возмется утверждать, прочитавъ отрывокъ изъ «Альфіери», что Пушкинъ думалъ идти по стопамъ италіянскаго трагика; но великолѣпное начало «Валленрода», гдѣ описывается Нѣманъ, отдѣлявшій Литву отъ владѣнія нѣмецкихъ рыцарей, имѣетъ свою цѣль и свое значеніе. Начала поэмъ, за которыя въ разное время брался Пушкинъ, прекращая свой трудъ и выжидая минутъ вдохновенія, могутъ составить маленькій томикъ, исполненный великаго смысла. Какъ понимаетъ нашъ поэтъ всю поэзію той или другой исторической эпохи, той или другой страсти, того или другого момента изъ жизни человѣческой! Какъ рвется онъ душой ко всему трогательному, грандіозному, возвышенному; какъ налетаетъ онъ на свой предметъ и огненными словами вводитъ насъ въ самое сердце повѣствованія! Возьмите начало новгородской повѣсти, о которой мы, кажется, упоминали недавно «Сводъ неба мракомъ обложился» — что за открытіе разсказа, что за *mise en scène!* Кого не поразитъ эта картина Варяжскаго моря, этихъ суровыхъ береговъ, пріѣздъ лодки съ двумя путниками, ихъ отдыхъ у огня, ихъ характеристика и наружность! Далѣе, переходя къ разсказу стараго янычара въ отрывкѣ «Стамбулъ Гяуры нынче славятъ», мы видимъ ту же громадную способность сочиненія, уже окрѣпшую, уже устанавливающуюся и пророчащую такъ много! Нѣтъ сомнѣнія, что разсказы объ истребленіи янычаръ, объ этомъ событіи девятнадцатаго столѣтія, по своимъ ужаснымъ подробностямъ уносящаго наше воображеніе въ эпохи самыя отдаленныя, — сильно занимали Пушкина, и во время его нахожденія при нашемъ войскѣ, между городами и населеніями Азіятской Турціи, породили въ немъ мысль несравненной поэмы. Поэма не подвинулась далѣе начала, ибо владѣя великою способностью *сочиненія*, Пушкинъ все-таки сознавалъ, что она еще у него не вполнѣ выработалась. «Египетскія Ночи» были тоже началомъ поэмы, о прелести которой мы можемъ только догадываться — потребность спѣшной работы (и конечно богатство другихъ плановъ) побудило Пушкина втиснуть этотъ отрывокъ между страницами очень хорошаго разсказа, нейдущаго къ Египетскимъ ночамъ, точно также какъ «Египетскія Ночи» нейдутъ къ похожденіямъ г. Чарскаго.

Сознавая въ себѣ великія способности къ эпическому разсказу, сердцемъ прилѣпившись къ одному, извѣстному роду пропзве-

Digitized by Google

деній, Александръ Сергѣичъ все-таки сознавалъ съ ясностью, что способность сочиненія эпическихъ вещей ему трудно дается. Въ періодъ прежняго юношескаго безстрашія поэтъ творилъ сгоряча, иногда попадая въ цѣль, иногда дѣлая промахи: послѣ «Цыганъ» набрасывая, напримѣръ, «Полтаву», поэму обильную красотами всякаго рода, но несравненно слабѣйшую по своей конструкціи. Въ настоящую пору развитія силъ и строгости, — подобнымъ путемъ нельзя было дѣйствовать. Однимъ трудомъ, и неотступнымъ трудомъ, поэтъ сталъ вырабатывать себѣ то, въ чемъ онъ еще нуждался. Народные разсказы, къ которымъ онъ всегда питалъ расположеніе, поразили его послѣдовательной простотой своего изложенія, — Пушкинъ написалъ нѣсколько сказокъ, строго держась сказочной безхитростности и нѣсколько разъ уловилъ ее въ совершенствѣ. Его «Анджело», составленный около того же времени, грѣшитъ сухостью разсказа; но, какъ этюдъ — вещь замѣчательная. Сжатость формы, текучесть повѣствованія, бѣдность поэтическихъ украшеній поражаютъ насъ и въ «Пѣсняхъ Западныхъ Славянъ», переведенныхъ Пушкинымъ изъ извѣстной книги Мериме, поддѣлки, породившей столько толковъ, ничего не доказывающихъ. Намъ кажется, что, по временамъ, труды въ сказанномъ родѣ немного утомляли самого Пушкина; такъ, напримѣръ, безподобно передавая поэтическую легенду «Видѣніе Короля», онъ, какъ бы неохотно, подступаетъ къ другимъ пѣснямъ, болѣе бѣднымъ поэтической прелестью. Въ собственныхъ вещахъ поэта, относящихся къ тому времени, но оставшихся безъ отдѣлки, видимъ мы тоже стремленіе къ сжатости разсказа; но уже смягченное всегдашними красотами.

А между тѣмъ, рядомъ съ такими работами шли другія: Пушкинъ рылся въ архивахъ, издавалъ «Исторію Пугачевскаго Бунта», собиралъ матеріалы для «Исторіи Петра Великаго» и приступалъ къ изданію «Современника».

9.

Всѣ почти великіе дѣятели русской словесности были не простыми пѣвцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *учителями* своихъ читателей, принимая слово «учитель» въ его весьма прозаическомъ смыслѣ. Иначе и быть не можетъ въ обществѣ еще юномъ, еще недавно призванномъ къ образованію. «Пѣть подобно птицѣ», о которой говоритъ бардъ у Гёте, можно только посреди народа, изнѣженнаго давнимъ образованіемъ, немного одряхлѣвшаго и нуждающагося въ одномъ лишь умственномъ развлеченіи. Тамъ,

Digitized by Google

гдѣ масса избранныхъ читателей, по учености своей, сама способна давать совѣты поэту, — поэтъ можетъ мыслить только о своемъ талантѣ, приноровлять его къ требованіямъ строгихъ цѣнителей, не уклоняясь въ сторону отъ пути имъ обусловленнаго. У насъ, въ Россіи, великіе писатели всегда стояли впереди своихъ читателей, сами образовывая общество, поучая тѣхъ, кто жаждалъ познанія, трудясь надъ самымъ органомъ своихъ пѣснопѣній, то есть надъ русскимъ языкомъ, еще и по нынѣ не вполнѣ установившимся. Имъ не приходилось пѣть для самихъ себя и уединяться вдаль отъ русскаго народа, къ вершинамъ Геликона. Ломоносовъ не посвящалъ одѣ всей своей жизни, — онъ обрабатывалъ русскую грамматику, набрасывалъ историческія замѣтки, думалъ о русскомъ театрѣ, занимался естественными науками. Карамзинъ не отдавался одному какому-либо роду дѣятельности, но прерывалъ лучшіе труды свои для того, чтобъ сѣять вокругъ себя благіе начатки образованія, знакомить современниковъ съ ходомъ иностраннаго искусства, указывать писателямъ новые пути и руководить ихъ своимъ примѣромъ. Жуковскій дѣлалъ тоже самое, хотя не издавалъ ни журналовъ, ни критическихъ трактатовъ — своими переводами онъ привлекалъ вниманіе читателя къ чудесамъ нѣмецкой и британской словесности, знакомилъ его съ законами новой драмы, — въ тоже время пробуждая нашу дремлющую критику, посредствомъ вопроса о *романтизмѣ*, какъ его понимали въ то время. Пушкинъ въ этомъ отношеніи остался, по самому ходу вещей, совершенно вѣренъ системѣ своихъ предшественниковъ. Въ дидактическомъ своемъ вліяніи на русскую публику, онъ соединялъ въ себѣ Карамзина съ Жуковскимъ, подобно второму дѣйствуя черезъ прямое вліяніе примѣра, — и, по методѣ Карамзина входя въ болѣе прямое соотношеніе съ своимъ читателемъ. Лирикъ и историкъ, переводчикъ и романистъ, эпическій поэтъ и повѣствователь, Пушкинъ представилъ Россіи драгоцѣнные образцы дѣятельности во всѣхъ родахъ, даже ему не симпатическихъ. Но однихъ образцовъ оказывалось недостаточно — развитіе вкуса въ массѣ читателей шло слишкомъ медленно, по убѣжденію нашего поэта. Пушкинъ нашолъ возможность посвящать часть своего времени дѣятельности другого рода. Подобно Карамзину, въ лучшіе годы его дѣятельности, Александръ Сергѣичъ находилъ время на журнальное сотрудничество, на рецензіи, замѣтки, этюды, очерки, сатиры противъ того направленія словесности, которое казалось ему ошибочнымъ. Ни промахи нашей критики, ни личности задорныхъ противниковъ, ни дѣтская неразвитость жур-

Digitized by Google

нальныхъ дѣятелей, не были способны отклонить поэта отъ прямыхъ бесѣдъ съ публикой. Мысль объ изданіи газеты или журнала въ родѣ англійскихъ трехмѣсячныхъ обозрѣній, преслѣдовала Пушкина въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни. Смѣшно было бы утверждать, что авторъ «Мѣднаго Всадника», всегда неразсчетливый и всегда нуждавшійся въ деньгахъ, не видалъ денежной стороны во всемъ вопросѣ, а руководился только одной идеальной потребностью просвѣщать читателя. Но утверждать, что Пушкинъ имѣлъ въ виду одну корыстную цѣль — было бы и смѣшно и недостойно. Журналъ, въ то время, не могъ давать большихъ доходовъ. Вся предшествовавшая дѣятельность Пушкина — показывала въ немъ человѣка чуждаго всѣмъ мизернымъ разсчетамъ.

Совсѣмъ тѣмъ, переходя къ обзору дѣятельности Александра Сергѣича какъ журналиста, мы ощущаемъ какое-то невольное замѣшательство. «Современникъ» началъ выходить въ 1836 году; первыя его книжки, украшенныя именами первоклассныхъ дѣятелей русской словесности, возбудили общее одобреніе, — но одобреніе это относилось къ одному лишь чисто литературному отдѣлу журнала. Въ цѣломъ своемъ составѣ каждая книжка «Современника» была несравненно суше книжекъ соперничествовавшаго съ нимъ журнала; между тѣмъ какъ этотъ недостатокъ не выкупался ни какимъ особеннымъ достоинствомъ по критической части. Было даже что-то устарѣлое, альманашное въ краткихъ рецензіяхъ «Современника» на новыя книги, въ бѣдности мелкихъ статей и, главное, въ отсутствіи строгой, прочной системы по редакціи самого сборника. Г. Анненковъ сообщаетъ намъ, что причину основанія «Современника» должно прежде всего искать въ противодѣйствіи насмѣшливому, парадоксальному взгляду на словесность, начинавшему высказываться въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ журналовъ; но, въ такомъ случаѣ, Пушкинъ, какъ журналистъ, владѣя авторитетомъ перваго русскаго поэта, сдѣлалъ слишкомъ мало противодѣйствія тому взгляду, который ему такъ не нравился. Такія рецензіи, какъ, напримѣръ, рецензія альманаха «Мое Новоселье» («Матеріалы» стр. 418), такія похвалы, какъ, напримѣръ: «г. N идетъ впередъ. Желаемъ ему успѣха и надѣемся часто говорить о его произведеніяхъ», не могли особенно занять публику и возбудить въ умѣ ея должную реакцію противъ шутливаго направленія тогдашнихъ критиковъ. Составитель «Матеріаловъ» говоритъ, что богатство литературнаго отдѣла въ «Современникѣ» доказываетъ серіозное направленіе его редакціи. Съ этимъ намъ трудно согласиться, ибо мы знаемъ, что журналы того времени,

Digitized by Google

отличавшіеся шутливостью своихъ рецензій, равнымъ образомъ не были бѣдны изящными произведеніями, въ первые годы своего существованія. Не лучше ли будетъ намъ просто сознаться, что Пушкинъ или не имѣлъ всѣхъ достоинствъ нужныхъ редактору періодическаго изданія, или (что будетъ вѣрнѣе) не имѣлъ времени сдѣлать изъ «Современника» любимѣйшее чтеніе для русскихъ читателей? Не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что нашъ великій поэтъ, вступая въ свой величайшій періодъ творчества, не могъ съ любовью заниматься журнальнымъ дѣломъ, что онъ не имѣлъ дара группировать вокругъ себя молодые таланты, что онъ утратилъ охоту къ журнальнымъ словопреніямъ, и что въ Александрѣ Сергѣичѣ развивающійся богатырь поэзіи убилъ скромнаго, но неутомимаго журналиста? Слава нашего пѣвца такъ велика, что небрежность по изданію трехъ или четырехъ журнальныхъ книжекъ нисколько не можетъ повредить его памяти!

Не смотря на наше полное убѣжденіе въ томъ, что «Современникъ», за время его изданія Александромъ Сергѣичемъ, имѣетъ значеніе отличнаго альманаха, но никакъ не обозрѣнія, мы все таки должны смягчить нашъ приговоръ о журналистѣ-Пушкинѣ не однимъ похвальнымъ замѣчаніемъ. Поэтъ нашъ любилъ трудиться тихо и сверхъ того былъ зорокъ на собственные свои недостатки. Не разъ случалось нашему писателю слабо начинать дѣла, приведенныя впослѣдствіи къ блистательнѣйшему окончанію. Изъ первыхъ страницъ «Онѣгина», съ описаніемъ ресторація и замѣткой о красѣ ногтей, трудно было угадать читателю всю поэтическую прелесть романа, — по первымъ книжкамъ Пушкинскаго журнала нельзя еще съ полной увѣренностью судить объ Александрѣ Сергѣичѣ, какъ о редакторѣ. Не имѣя многихъ качествъ необходимыхъ журналисту, поэтъ нашъ владѣлъ другими достоинствами, безъ которыхъ всегда почти обходились славнѣйшіе изъ журнальныхъ дѣятелей, какъ старыхъ, такъ и новыхъ.

По многимъ дѣламъ Пушкина, видимъ мы его пламенную любовь къ родной словесности, уваженіе къ читателю, искренное, теплое участіе къ молодымъ талантамъ. Онъ первый привѣтствовалъ начинанія Гоголя, далъ ему два сюжета для двухъ его произведеній «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», и по поводу «Вечеровъ на Хуторѣ» сказалъ нѣсколько словъ о языкѣ и о ложной щепетильности читателей. Свою великую начитанность нашъ поэтъ не таитъ про самого себя и въ этомъ отношеніи способенъ приносить большую пользу каждому періодическому изданію. Онъ жаждетъ пересказать читателю, все его поразившее во время чтенія, позна-

Digitized by Google

комить его съ неизвѣстнымъ у насъ поэтомъ, разсказать ему анекдотъ, только что заставившій его смѣяться, — однимъ словомъ, считаетъ своимъ долгомъ становиться въ постоянные посредники между публикой и всѣмъ тѣмъ, что его самого занимаетъ. Взгляните какъ онъ хлопочетъ о томъ, чтобъ перевести Берри Корнваллія, чтобъ ознакомить публику съ живымъ сочиненіемъ госпожи Дуровой, доставившимъ ему столько удовольствія; какъ онъ излагаетъ своимъ мастерскимъ слогомъ приключенія Джона Теннера, въ сущности едва ли достойныя такой чести! Вмѣстѣ съ этими достоинствами у Пушкина, какъ у журналиста, является своего рода литературное рыцарство, такъ важное во всякую пору, но особенно характеристическое въ то время, такъ обильное литературными несогласіями. Онъ не бранится ни съ кѣмъ, но долгомъ считаетъ — укрыть кого только можетъ отъ несправедливыхъ нападеній. Ему замѣтили, въ какомъ-то мѣстѣ, что «Современникъ» будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты» Дельвига — и Пушкинъ, полный уваженія къ памяти друга, спѣшитъ заступиться за нее достойнымъ образомъ. Другой разъ, по поводу Вилландовой поэмы «Вастола», изданной Пушкинымъ, рецензенты дали замѣтить, что поэту лучше было бы выдать денежное пособіе переводчику поэмы, не позволяя ему прикрывать плохія произведенія любимымъ и знаменитымъ именемъ: «мы не ждали такого жестокаго обвиненія», пишетъ въ отвѣтъ Александръ Сергѣичъ: «переводчикъ Вилландовой поэмы, человѣкъ небогатый, но честный и благородный, могъ «поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму; но конечно «бы не принялъ милостыни отъ кого бы то ни было». Отрадно останавливаться на такихъ чертахъ, ясно подтверждающихъ неоспоримую для насъ истину о томъ, что высокое дарованіе всегда бываетъ неразлучно съ высокими душевными качествами. Рецензіи новыхъ книгъ, помѣщенныя Пушкинымъ въ «Современникѣ», при всей ихъ сухой торопливости, по временамъ заключаютъ въ себѣ искры, способныя превратиться, при должномъ трудѣ, въ полезный свѣтильникъ критики. Въ немногихъ строкахъ о второмъ изданіи «Вечеровъ на Хуторѣ» сказано, что «Старосвѣтскіе помѣщики» *есть шутливая, трогательная идиллія, заставляющая смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія*. Эти двѣ строки породили чуть не цѣлые томы со стороны послѣдующихъ критиковъ. Произнося отзывы по поводу книги: «Походныя Записки Артиллериста», — Александръ Сергѣичъ роняетъ такія слова: «*простые разсказы иногда вносятъ такую черту въ исторію, какой нигдѣ не дорешься*». Эта самая

Digitized by Google

мысль развита въ наше время Маколеемъ, въ рядѣ главъ, которымъ справедливо дивится вся читающая Европа.

Не мѣшаетъ, наконецъ, кончая нашъ выводъ о достоинствахъ и недостаткахъ Пушкина какъ журналиста, припомнить читателю самую цифру года, перваго года изданія «Современника». Первая книжка сказаннаго изданія появилась въ мартѣ 1836 года, послѣдняя, 4-я книжка выпущена была въ свѣтъ въ ноябрѣ, за три мѣсяца до кончины поэта. Въ этомъ году Пушкинъ пѣлъ въ своей наковальнѣ (какъ выражался Скоттъ) «Галуба», «Русалку» и «Мѣднаго Всадника». Въ этомъ году Пушкинъ трудился надъ исторіей Петра Великаго. Въ этомъ году зрѣла и близилась катастрофа, лишившая наше отечество перваго изъ его великихъ поэтовъ.

10.

«Русалка», «Галубъ» и «Мѣдный Всадникъ» представляютъ послѣднюю грань, до которой достигъ талантъ Пушкина; а читатель хорошо знаетъ, что изъ трехъ названныхъ нами произведеній, только послѣднее дошло до насъ конченнымъ; да и то напечатано послѣ смерти поэта, — значитъ, безъ окончательныхъ поправокъ, какія Александръ Сергѣичъ могъ бы ему придать, по своему усмотрѣнію. Не смотря на тотъ видъ, въ какомъ дошли до насъ названныя три произведенія, какой читатель не преклонится передъ этими тремя памятниками могучаго творчества, не преклонится, въ нѣмомъ благоговѣніи, сказавши, вмѣстѣ съ издателемъ разбираемой нами біографіи: «это не окончаніе поэтической дѣятельности, но скорѣе начатки чего то великаго!» «Пушкинъ начиналъ тяжело», говоритъ намъ г. Анненковъ. «Какъ дубъ, предназначенный на долгое существованіе, онъ вначалѣ развивался тихо, раскидывая вѣтви свои, съ каждымъ годомъ, шире и шире». Нельзя не согласиться съ такимъ замѣчаніемъ, пересматривая посмертныя вещи великаго поэта нашего; нельзя не подивиться правильной послѣдовательности пушкинскаго развитія; нельзя не сознать всей душою той неоспоримой истины, что въ Александрѣ Сергѣичѣ готовился міру поэтъ высочайшаго разбора, родной братъ Байрону, Гете и, можетъ быть, Шекспиру. Дѣятельность, послѣднихъ лѣтъ его жизни, не есть дѣятельность пѣвца, мѣстнаго, просто-талантливаго, предназначеннаго на славу въ одномъ только краѣ, и въ одномъ только столѣтіи. Подъ «Мѣднымъ Всадникомъ» и одновременными съ нимъ произведеніями — величайшій поэтъ всѣхъ временъ и народовъ, безъ стыда, можетъ подписать свое имя.

Есть своего рода прелесть въ неконченной картинѣ великаго

Digitized by Google

мастера; обильное поученіе таится въ твореніяхъ поэтовъ истинныхъ — твореніяхъ, ходъ которыхъ прерванъ безжалостной смертью. Здѣсь, иногда, недостатокъ законченности выкупается личностью самого труженика, неумѣвшаго укрыться отъ глазъ его поклонниковъ; между тѣмъ, какъ отсутствіе полной обработки позволяетъ намъ глубже проникнуть въ процессъ самого творчества. Знаменитѣйшія изъ произведеній Пушкина, изданныя въ первый разъ, послѣ смерти поэта, подобны статуямъ геніальнаго ваятеля, по которымъ еще не прошелъ инструментъ полировщика, и въ которыхъ иныя подробности еще не отдѣланы самимъ художникомъ. Сколько сокровенныхъ чертъ вдохновеннаго рѣзца открывается передъ нами: какъ великолѣпенъ видъ самаго матоваго, иногда угловатаго мрамора! какою особенною свѣжестью дышетъ все произведеніе, надъ которымъ его отецъ, кажется, еще сію минуту трудился! Поспѣшимъ же окинуть внимательнымъ взглядомъ трудъ, нами упомянутый и, по мѣрѣ силъ нашихъ, прослѣдить за послѣднимъ проявленіемъ генія въ нашемъ геніальномъ учителѣ.

Во всѣхъ трехъ поэмахъ (само собой разумѣется, что «Русалку» мы не намѣрены называть иначе, какъ поэмою) способность замысла, всегда такъ блистательная у Пушкина, достигаетъ своего апогея. По *сочиненію* «Мѣднаго Всадника», «Галуба» и «Русалки», Пушкинъ великъ какъ никто; долгій трудъ и работа надъ эпическими произведеніями, принесли за собой роскошный плодъ; плодъ такъ давно ожидаемый. Если «Мѣдный Всадникъ» такъ близокъ къ сердцу каждаго русскаго, если ходъ всей поэмы такъ связанъ съ исторіей и поэмой города Петербурга, — то все-таки поэма въ цѣломъ не есть достояніе одной Россіи: она будетъ оцѣнена, понята и признана великой поэмою вездѣ, гдѣ есть люди, способные понимать изящество. Передайте «Мѣднаго Всадника» на какой хотите языкъ, прозой или стихами, съ комментаріями или даже безъ комментаріевъ — и будьте увѣрены, что вашъ трудъ не пропадетъ напрасно. Тутъ важна не одна гармонія стиха, не одинъ мѣстный колоритъ.

Шекспиръ все-таки Шекспиръ и въ переводѣ Летурнера; Бёрнсъ прекрасенъ и въ прозѣ; а мы не вѣримъ въ величіе *мѣстныхъ* поэтовъ — поэтовъ одного уголка — поэтовъ, о которыхъ не знаетъ никто, кромѣ ихъ соотчичей. «Мѣдный Всадникъ» есть вещь общедоступная, произведеніе европейское. Онъ изобилуетъ совершенствами всѣхъ родовъ, начиная отъ своего величаваго начала, до послѣдней неслыханно-грандіозной сцены: когда гигантъ, на бронзовомъ конѣ, скачетъ за несчастнымъ юношей, потрясая мостовую

Digitized by Google

копытами металлической лошади и въ блѣдномъ сіяніи луны простираетъ впередъ свою грозную руку! Смѣлость, съ которою поэтъ сливаетъ исторію своего героя съ торжественнѣйшими эпохами народной исторіи — безпредѣльна, изумительна и нова до крайности; между-тѣмъ какъ общая идея всего произведенія, по величію своему, принадлежитъ къ тѣмъ идеямъ, какія родятся только въ фантазіяхъ поэтовъ, подобныхъ Данту, Шекспиру и Мильтону!

«Мѣдный Всадникъ» имѣетъ и свои недостатки — скажемъ это съ полной смѣлостью; но этими недостатками отчасти подтверждается величіе самого поэта, ибо тотъ, кто по красотамъ поэзіи возносится въ разрядъ міровыхъ дѣятелей, и судимъ долженъ быть не по общепринятому снисходительному кодексу. Мы сказали уже, что смѣлость, съ которою Пушкинъ противопоставилъ судьбу своего бѣднаго мальчика Евгенія, съ судьбой нашего роднаго Петербурга и памятью великаго Преобразователя Россіи, заслуживаетъ удивленія; но намъ слѣдуетъ добавить, что поэтъ, извлекая десятки красотъ изъ своей необыкновенной темы, по временамъ чувствуетъ какъ бы не ловкимъ свой поэтическій замыселъ. Предварительный трудъ Александра Сергѣича, отчасти переданный намъ его біографомъ, ясно показываетъ замѣшательство, про которое мы сейчасъ говорили. Начало поэмы, сохраненное въ мелкихъ стихотвореніяхъ, подъ названіемъ «Родословная моего героя», есть отрывокъ изъ «Мѣднаго Всадника». Нѣсколько другихъ отрывковъ, безъ жалости отброшенныхъ Пушкинымъ, свидѣтельствуютъ о его желаніи яснѣе обрисовать Евгенія и вмѣстѣ съ тѣмъ о трудѣ, какого ему стоила личность молодого человѣка. Въ этомъ отношеніи духъ анализа, тактъ критика, такъ сильно развившіеся въ Пушкинѣ вслѣдствіе его недавнихъ этюдовъ, по временамъ не даютъ воли его творчеству. Оттого Евгеній блѣденъ какъ лицо, и лицо такой великой поэмы, гдѣ все ясно, опредѣлено, пропитано поэзіей, доведено до крайнихъ предѣловъ изящества. Г. Анненковъ, на стр. 383 своихъ «Матеріаловъ» говоритъ намъ: «иначе и быть не могло. При опи«саніи катастрофы, которая одна должна занимать читателя, безъ «всякаго развлеченія, всякая остановка на частномъ лицѣ была бы «примѣтна и противохудожественна. По глубокому пониманію эсте«тическихъ законовъ, Пушкинъ даже старался ослабить и тѣ лег«кія очертанія, которыми обрисовалъ Евгенія». Не скроемъ нашего заключенія: подобныя строки были бы прекрасны въ устахъ панегириста, но никакъ не цѣнителя. Не смотря на все наше благоговѣніе къ памяти Александра Сергѣича, мы смѣло упрекаемъ его Евгенія въ безцвѣтности. О томъ, что можно и должно бы было

Digitized by Google

выйти изъ Евгенія, можетъ только судить поэтъ, подобный Пушкину. Ни наши предположенія, ни наши объясненія, ни наши панегирики не могутъ имѣть мѣста такъ, гдѣ высказываются геніальные люди, изъ ничего творя жизнь и образы.

Поэма «Галубъ», начатая въ 1829 году, неконченная и напечатанная только послѣ смерти Пушкина, въ его «Современникѣ», опять поражаетъ насъ великолѣпіемъ основной мысли. Исторія отрока, воспитаннаго посреди народа, съ которымъ и его характеръ и требованія нравственной природы вполнѣ разходятся, долго занимала нашего поэта и не могла остаться безъ окончанія, подобно многимъ другимъ блистательнымъ замысламъ. Мы знаемъ, что Александръ Сергѣичъ имѣлъ одно время въ виду планъ романа изъ старой русской исторіи, романа основаннаго на подобной же счастливой мысли, — но эпическое начало преодолѣло, а вторая поѣздка на Кавказъ, столь любимый нашимъ писателемъ, посѣлила въ его головѣ мысли еще болѣе глубокія, еще болѣе поэтическія. Объ исполненіи оконченныхъ частей Галуба мы не будемъ распространяться: и прелесть произведенія и его артистическая отдѣлка всѣми безпрекословно признаны.

Но о «Русалкѣ» мы умолчать не можемъ, хотя всѣ ея достоинства давно уже нашли себѣ восторженныхъ пояснителей. Тутъ мы видимъ Пушкина на одной дорогѣ съ Шекспиромъ, за готовымъ, вычитаннымъ планомъ, за простой легендою, за сказочкою, многими поколѣніями слушанной до нашего поэта, за одною изъ тѣхъ простыхъ темъ, о которыхъ сотнями сокрушаютъ себѣ крылья художники не первоклассные. И не смотря на неимовѣрную трудность задачи, все произведеніе дивитъ насъ какъ замысломъ и сочиненіемъ, такъ и высокой гармоніей подробностей. Поэзія, которой проникнута вся «Русалка», отъ первой строки до послѣдней, — безпредѣльна, какъ горизонтъ небесный; читая всю поэму, человѣкъ испытываетъ нѣчто подобное тому чувству, съ какимъ мы смотримъ на небо въ ясную ночь, когда звѣзда за звѣздой открывается внимательному глазу — и безконечныя, поражающія пространства, съ каждой минутой открываются передъ созерцателемъ. Нужно много словъ для того, чтобы перечислить красоты поэмы; но если мы захотимъ анализировать эти красоты, опредѣлить ихъ сущность, — слова покажутся слабыми. Анализировать поэзію «Русалки» намъ кажется труднѣе, нежели давать отчетъ о прелести удачнѣйшихъ музыкальныхъ произведеній Мендельсона. Въ этомъ посмертномъ твореніи Пушкина находимъ мы все, что составляетъ прелесть поэмъ безсмертныхъ и первоклассныхъ —

Digitized by Google

величественную стройность цѣлаго, безукоризненную прелесть въ малѣйшихъ подробностяхъ, силу замысла, роскошь фантазіи, простоту и общедоступность плана; а наконецъ стихъ, дѣйствующій на насъ, подобно великолѣпной музыкѣ, уносящей душу читателя въ тотъ заповѣдный міръ, гдѣ самые звуки простыхъ словъ рождаютъ собой и мысль и рой поэтическихъ образовъ.

Въ «Русалкѣ» Пушкинъ весь отдается *романтизму* (принимая это слово въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ Александръ Сергѣичъ), и избравши себѣ тему изъ древняго славянскаго міра, не стѣсняется ни исторіею, ни сценическими условіями, ни правами своихъ дѣйствующихъ лицъ. Его славянскій князь бродитъ по берегамъ, бывшимъ свидѣтелями счастливой любви и вспоминаетъ о своей возлюбленной; молодая мельничиха гибнетъ смертью Офеліи и отецъ ея произноситъ рѣчи исполненныя Шекспировской силы. По видимому — что за романтическія описанія, что за романтическое обхожденіе съ своими героями! Но не защищая романтизма, въ томъ значеніи какое ему придавали близорукіе поклонники Шлегеля и второклассные германскіе поэты, и русскіе поэты, жившіе въ одно время съ Пушкинымъ, мы должны сказать, что пѣвцы высокоталантливые, и въ числѣ ихъ авторъ «Русалки», имѣли свою теорію романтизма, невполнѣ высказанную ими самими, но проявлявшуюся въ ихъ лучшихъ твореніяхъ. По ихъ идеѣ, въ словѣ романтизмъ заключалась вся вдохновенная, поэтическая сторона жизни, съ ея нѣжностью, и обаятельной прелестью, сторона почти убитая поэтами XVIII столѣтія, скованная ложнымъ классицизмомъ, но существовавшая всегда, и только забываемая на время. Древнѣйшіе и величайшіе поэты были романтиками безпрестанно, не дѣлаясь оттого фантазерами и не вредя *правдѣ* своихъ произведеній. Гомеръ, описывая прощаніе Гектора съ Андромахой или видѣніе Ахиллеса на берегу моря — является романтикомъ. Софоклъ былъ романтикомъ въ послѣднихъ сценахъ «Антигоны»; Данте, описывая смерть Франчески или свое свиданіе съ безплотною Беатриче; Шекспиръ — во всѣхъ почти своихъ драматическихъ произведеніяхъ; Тассъ и Аріостъ въ поэмахъ. Въ романтизмѣ намъ надо видѣть поэзію изъ поэзіи, высшій полетъ вдохновенія, не фантазію и не дѣйствительность, а какой-то волшебный рубежъ, на которомъ и дѣйствительность и фантазія сливаются въ нѣчто цѣлое, прекрасное и сверхъ того правдивое. Маркизъ Поза не могъ, судя по исторіи, говорить суровому Филиппу того, что говоритъ онъ ему у Шиллера: а между тѣмъ Шиллеръ вѣренъ поэтической истинѣ. Ахиллесъ могъ любить своего

Digitized by Google

Патрокла и видѣть его тѣнь во снѣ, хотя передъ своимъ сномъ онъ влачилъ по полю тѣло героя Гектора и дико издѣвался надъ павшимъ противникомъ. Историкъ можетъ говорить намъ, что люди извѣстной эпохи были грубы, дики и даже глупы, — но поэтъ имѣетъ право открывать въ нихъ высоко поэтическія стремленія и быть правымъ, на столько же, на сколько правъ и противорѣчащій ему историкъ. Разъ добравшись до сокровеннѣшихъ струнъ сердца человѣческаго, поэтъ находится въ области ему принадлежащей и можетъ смѣло идти, по пути имъ избранному. Натура человѣка всегда одинакова; поэзія жизни во всѣхъ вѣкахъ одна и таже, только надо быть истиннымъ поэтомъ и имѣть великую силу на пониманіе натуры человѣческой.

Великая сила Пушкина вся сказывается въ «Русалкѣ» — образцовомъ твореніи по своей правдѣ и своей поэзіи. Глубокою, тонкою, обольстительною прелестью исполнены всѣ дѣйствующія лица поэмы; со всѣмъ тѣмъ, оставаясь вѣрными своей эпохѣ и своимъ характерамъ. Любовь, измѣна, послѣднее свиданіе князя и дѣвушки, свадебныя сцены — какъ все это въ одно время и вѣрно и плѣнительно! Но по мѣрѣ того, какъ произведеніе расширяется, начинаются страницы безпримѣрныя, какъ по своей обоятельности, такъ и по тонкости поэзіи, ихъ проникающей. Великолѣпно двигается впередъ поэма и совершенства ея возрастаютъ съ каждымъ стихомъ, до тѣхъ поръ, когда послѣ превосходной сцены русалокъ, на пустынный берегъ является самъ князь, увлекаемый къ грустному мѣсту невѣдомой силою и однимъ изъ самымъ поэтическихъ порывовъ души человѣческой — воспоминаніемъ о счастливой прошлой любви, разрушенной временною измѣною...

О томъ, что разговоръ князя съ мельникомъ достоинъ Шекспировскаго генія — было уже неразъ замѣчено русскими критиками.

Стихи, которыми написана «Русалка», по совершенству своему, до такой степени превышаютъ все писанное мастерами дѣла у насъ, что мы, по неволѣ, должны будемъ ихъ сравнивать съ бѣлыми стихами тѣхъ иностранныхъ поэтовъ, которые сдѣлали изъ такого стиха лучшій органъ, для передачи многихъ изъ своихъ вдохновеній. Бѣлый стихъ Байрона, въ «Манфредѣ», драмахъ и нѣкоторыхъ поэмахъ — рѣшительно уступаетъ стиху Пушкина; стихъ Вордсворта — превосходный по временамъ — всегда почти испорченъ стремленіемъ поэта къ картинности, — стремленіемъ, какого нѣтъ у Александра Сергѣича. Кромѣ Гёте и Мильтона съ

Digitized by Google

Шекспиромъ мы не знаемъ поэтовъ, которыхъ бѣлый стихъ могъ бы идти рядомъ съ безподобнымъ стихомъ, которому мы не можемъ достаточно надивиться, читая «Русалку» Пушкина.

Вотъ на какой ступени, по глубокому убѣжденію нашему, стоялъ народный русскій поэтъ, имѣя тридцать семь лѣтъ отъ-роду, въ тотъ самый годъ, когда смерть пресѣкла его жизненное поприще.

11.

Недавно мы говорили объ одномъ литературномъ предразсудкѣ нашего времени, а именно о малой вѣрѣ въ могущество труда; теперь же — заключая статью о Пушкинѣ — намъ придется указать на другой предразсудокъ, имѣющій нѣкоторое сходство съ сказаннымъ заблужденіемъ. И публика наша, и даже иные изъ пишущихъ людей почему-то думаютъ, что дѣло поэзіи неразлучно съ юнымъ возрастомъ производителя, или говоря другими словами, что лучшая пора для поэта истиннаго — есть періодъ его молодости. Изъ числа тысячъ, рыдавшихъ надъ прахомъ Александра Сергѣича, огромное большинство почитателей оплакивало въ немъ *поэта прошлыхъ произведеній*, блистательнаго дѣятеля на литературномъ поприщѣ, человѣка прекраснаго душою; но никакъ не пѣвца, которому, быть можетъ, смерть не дала сдѣлаться русскимъ Шекспиромъ или Мильтономъ девятнадцатаго столѣтія. Пушкину было тридцать семь лѣтъ; а его прошлая дѣятельность казалась даже его близкимъ друзьямъ дѣятельностью полною, почти законченною, совершенно соразмѣрною со способностями, въ немъ таившимися. Пламеннѣйшіе изъ читателей поэта, говоря другъ другу «сколько пѣсень унесъ онъ съ собою въ могилу», имѣли въ виду пѣсни подобныя *прежнимъ* пѣснямъ Пушкина; о пѣсняхъ міровыхъ, передъ которыми поблѣднѣли бы пѣсни Пушкинской молодости — едва ли кто рѣшался думать. Покойный поэтъ переступилъ еще передъ смертью Дантовскую *mezzo cammin di nostra vita*; ему было тридцать семь лѣтъ — и назвать Александра Сергѣича поэтомъ начинающимъ могъ одинъ только грубый невѣжда. А между тѣмъ онъ былъ поэтомъ начинающимъ. Онъ заканчивалъ свою дѣятельность, какъ великій поэтъ одной страны, и начиналъ свой трудъ, какъ поэтъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Ему было тридцать семь лѣтъ: Данте, въ тридцать семь лѣтъ отъ роду, только что обдумывалъ свою поэму «Divina Comedia». Для плеяды великихъ поэтовъ пора зрѣлаго возраста есть пора начинанія. *Изъ числа громадныхъ произведеній древней и новой поэзіи, ни*

Digitized by Google

одно не написано юношей. Обо всемъ нами сказанномъ, слишкомъ мало думала русская публика.

Предразсудокъ о томъ, что поэтическое дарованіе всегда идетъ рядомъ съ молодостью и можетъ только гаснуть съ наступленіемъ зрѣлаго возраста, дѣлится даже самыми поэтами. Повсюду встрѣчаются намъ люди съ обыкновеннымъ талантомъ, которыхъ примѣръ служитъ только къ наибольшему укорененію сказаннаго заблужденія. Свѣтъ наполненъ юными и блистательными поэтами, поющими только въ одну опредѣленную пору и затѣмъ или обращающимися къ прозѣ или окончательно прощающимися со стезей искусства. Они пожали обильную дань рукоплесканій, украсили свое чело вѣнкомъ, который, по ихъ мнѣнію, пригоденъ только для юнаго чела и затѣмъ сходятъ со сцены, довольные собой и свѣтомъ. Проза и зрѣлый возрастъ, юность и поэзія, старость и отрицаніе поэзіи — для нихъ проходятъ неразлучно. Бороться съ прозой они не дерзаютъ, сливать всю свою жизнь съ дѣломъ искусства они считаютъ за невозможность. Отступаясь отъ своей музы, они отступаютъ отъ нея съ улыбкой на устахъ, безъ слезъ и безъ тоски въ сердцѣ. Никто не смѣется надъ такимъ отступничествомъ; свѣтъ даже его одобряетъ. Воинъ, покинувшій свое званіе во время войны, заслуживаетъ порицаніе; ученый, переставши заниматься своимъ предметомъ, чувствуетъ угрызеніе совѣсти; честный администраторъ, безъ всякаго основанія прекращающій свою полезную дѣятельность, очень хорошо сознаетъ — какой ущербъ приноситъ онъ своимъ согражданамъ. Ничего подобнаго не происходитъ съ непостояннымъ поэтомъ. Онъ пѣлъ, подобно птицѣ, когда былъ молодъ; но когда насталъ другой возрастъ и ему пришлось пѣть, какъ человѣку, и зрѣлому человѣку, — онъ нашолъ это занятіе слишкомъ тяжелымъ. Будучи молодъ, онъ былъ не прочь увеселять собратій своими пѣснями; продолжать такое занятіе въ зрѣломъ возрастѣ — ему кажется жалкимъ дѣломъ. Пока дорога была усыпана цвѣтами, онъ шолъ по ней съ бодростью, но при видѣ терній и тяжелаго пути — свернулъ въ сторону, потерявъ и трудъ, и года, и всю свою прежнюю дѣятельность, и основу будущихъ пѣснопѣній и, можетъ быть, свою будущую славу. Такъ ли дѣйствуютъ поэты великіе душою — поэты, которыхъ одни имена возвышаютъ душу нашу? Развѣ и ихъ обманчивые года не клонили къ прозѣ? Развѣ и они не сомнѣвались въ своихъ силахъ? Развѣ и на ихъ душу не находила, по временамъ, та тоска, которая, по словамъ древнихъ, иногда находитъ на атлета въ минуту его сильнѣйшихъ усилій? Развѣ и

Digitized by Google

они не обращали умиленныхъ взглядовъ къ порѣ своей юности, и обманутые обманомъ чувствъ, не считали сказанную пору золотой годиной для своего дарованія? Все это было съ ними, и они все таки остались поэтами и подарили свѣту такія творенія, передъ которыми прахъ и тлѣнъ всѣ гармоническія пѣсенки ихъ же золотой молодости. Не къ юношамъ, увѣнчаннымъ цвѣтами, не къ красавцамъ-мечтателямъ сходитъ міровая муза, во многихъ отношеніяхъ сходная съ дамами феодальныхъ временъ, по десяткамъ лѣтъ испытывавшими своихъ поклонниковъ. Она сходитъ къ пѣвцамъ, какъ высшая награда за жизнь не по пусту прожитую, за геройство и страданія; она улыбается не счастливымъ юношамъ, а мужамъ и старцамъ, про которыхъ можно сказать: *«въ нихъ не жило сомнѣніе»!* (Doubt dwelt not in them!) Оно посѣщала слѣпого, изнуреннаго жизнью, престарѣлаго Мильтона, въ его тѣсной комнатѣ, дѣлила съ нимъ бѣдность, укрывала его отъ ожесточенныхъ враговъ и внушила ему пѣсни «Потеряннаго Рая». Она ходила за старымъ и суровымъ странникомъ въ францисканской одеждѣ, которому былъ такъ горекъ «хлѣбъ изгнанія»; провожала его въ Германію, во Францію, и въ чужіе города его родной Италіи. Она слетала въ темницу къ увѣчному испанскому инвалиду, не покидала Тасса въ пріютѣ безумія и бѣдствія! Молоды ли были названные любимцы музы, были ли они счастливы въ жизни? Пробѣгая умственнымъ взглядомъ ряды великихъ поэтовъ, мы не можемъ отыскать между ними, такъ какъ они намъ представляются, ни одного молодого человѣка. Какія старыя, величественныя лица! съ какимъ благоговѣніемъ останавливаемся мы передъ ними, какъ понятно намъ становится чувство иноплеменныхъ воиновъ, подступившихъ къ воротамъ Рима и въ смятеніи заколыхавшихся при видѣ патриціевъ вѣчнаго города, сенаторовъ, увѣнчанныхъ сѣдинами, величаво ожидающихъ своей участи, сидя на курульныхъ креслахъ! Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ, Сервантесъ, Аріостъ, Гете, Мильтонъ—развѣ это юноши, развѣ это не старцы, убѣленные сѣдинами? Всюду сѣдина и всюду морщины, даже на поэтахъ любви и веселія: Анакреонъ, Рабле, Беранже не представляются намъ юными пѣвцами! Поодоль отъ несравненной плеяды, представляется намъ сонмъ зрѣлыхъ людей, не успѣвшихъ свершить своего поприща, слишкомъ рано отозванныхъ небомъ отъ ихъ плачущихъ собратій — и впереди этихъ пѣвцовъ, погибшихъ преждевременно, мы различаемъ троихъ поэтовъ, юношей въ сравненіи съ ихъ великими предшественниками: Байрона — Ахиллеса искусства, Шиллера вѣчнаго юношу, и нашего Пушкина, унесшаго съ собой

Digitized by Google

въ могилу послѣднее слово своей поэзіи. Уступая обоимъ изъ названныхъ товарищей значеніемъ своихъ первыхъ трудовъ,—нашъ соотечественникъ превышаетъ и того и другого залогами своего будущаго значенія. Если молодость Александра Сергѣича не создала ничего подобнаго «Гарольду» и «Вильгельму Теллю», — зато въ его посмертныхъ тетрадяхъ остались «Мѣдный Всадникъ», «Галубъ» и «Русалка».

Разъ рѣшившись смотрѣть на поэзію, какъ на дѣло всей жизни поэта, разъ согласившись принимать юность писателя за періодъ его приготовительныхъ трудовъ, мы безъ труда увидимъ, до какой степени станетъ ясенъ весь вопросъ о значеніи Пушкина въ словесности. Отзывался ли голосъ нашего поэта въ сердцахъ его согражданъ? услаждала ли его муза наши досуги, разъясняла ли она передъ нами всѣ свѣтлыя стороны жизни, истолковывала ли она намъ тѣ смутные порывы душъ нашихъ, какіе мы ощущаемъ въ лучшія минуты нашего существованія? Голосъ всей Россіи отвѣчаетъ на такіе вопросы утвердительно. Таился ли въ послѣднихъ трудахъ Пушкина зародышъ чего-либо великаго? шло ли впередъ его дарованіе, поднималось ли оно на высоты, доступныя только поэтамъ, за которыми потомство утвердило титулъ первыхъ между первыми? Авторъ разбираемой нами біографіи не изъявляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія; всѣ строгіе цѣнители искусства подтверждаютъ его приговоръ единогласно.

Остается, стало быть, рѣшить еще одно сомнѣніе. Иногда громадные таланты носятъ въ себѣ зародышъ своего будущаго паденія, а сами поэты лишаютъ себя славы вслѣдствіе праздности, ложнаго взгляда на искусство, малаго уваженія къ своему собственному призванію. Имѣлось ли въ дарованіи или характерѣ Пушкина нѣчто подобное сказанному гибельному зародышу? Положа руку на сердце, съ чувствомъ полнаго безпристрастія, мы можемъ сказать — «не имѣлось». До послѣдняго дня дѣятельности Пушкина, какъ поэта, его талантъ крѣпнулъ и разростался. Трудъ благородный и упорный былъ жизнью для Александра Сергѣича. Никогда не былъ онъ самъ поклонникомъ какой либо теоріи, вредной для искусства, какъ бы она ни была блистательна и скоропреходяща. Онъ уважалъ своихъ сверстниковъ по литературѣ, уважалъ своего читателя, и собственное свое званіе русскаго поэта не промѣнялъ бы ни за какія сокровища. Смерть поразила въ Пушкинѣ литератора истиннаго, одареннаго всѣми качествами величайшихъ писателей и не имѣвшаго въ себѣ ни одного почти

Digitized by Google

недостатка изъ числа недостатковъ неразлучныхъ съ этимъ званіемъ.

Безполезно сѣтовать на событіе совершившееся и безплоднымъ сожалѣніемъ портить себѣ настоящее благо. Вполнѣ сознавая, что въ Пушкинѣ готовился поэтъ *европейскій*, что ранняя смерть отняла у него мѣсто возлѣ Данта, Шекспира и Мильтона, мы не желаемъ унижать и того что уже было сдѣлано *нашимъ* начинающимъ Пушкинымъ. Воспоминаніе о тѣхъ высотахъ, на которыя въ послѣдніе годы заносился геній поэта, да не вредитъ вѣрной оцѣнкѣ для всей его дѣятельности за все поприще. И пусть сердцу знакомый образъ рано умершаго пѣвца вѣчно носится передъ нами, не въ видѣ грандіознаго, туманнаго, неопредѣленнаго видѣнія, — но въ образѣ вѣчнаго юноши, какимъ онъ сошолъ въ преждевременную могилу!

1855.

III.

«ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ» ИВАНА КОЗЛОВА. СПБ. 1855.

Кто такой былъ Козловъ? когда умеръ Козловъ? въ которомъ году написалъ онъ своего «Чернеца», когда-то пользовавшагося популярностью въ Россіи? Отчего онъ называетъ себя слѣпцомъ-поэтомъ и оплакиваетъ потухшій свѣтъ своихъ глазъ? Былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ слѣпъ, или представлялся слѣпцомъ для красоты слога? Съ кѣмъ изъ своихъ литературныхъ товарищей Козловъ былъ особенно близокъ? Какъ смотрѣла современная ему критика на «Чернеца», «Наталью Долгорукую» и переводы слѣпца-Козлова? Самъ Козловъ, какъ кажется, былъ человѣкомъ весьма образованнымъ — гдѣ получилъ онъ свое образованіе? Во многихъ своихъ произведеніяхъ онъ упоминаетъ о царскихъ милостяхъ и о благосклонномъ вниманіи Августѣйшихъ особъ къ его музѣ — въ чемъ заключались эти милости, и чья благая рука поддерживала на трудномъ пути жизни слѣпца-Козлова, одного изъ образованныхъ, кроткихъ, полезныхъ дѣятелей нашей словесности? Когда началъ писать Козловъ, и когда кончилъ? Въ какую категорію поэтовъ надо намъ отнести Козлова, автора «Чернеца», переводчика прелестнѣйшихъ произведеній изъ Байрона, Скотта, Борнса, Тасса и Камбелля? Вотъ какого рода вопросы каждый русскій читатель, особенно молодой и не имѣющій большого собранія книгъ подъ рукою, вправѣ дѣлать человѣку или нѣсколькимъ человѣ-

Digitized by Google

камъ, издавшимъ въ свѣтъ «Полное Собраніе Сочиненій Ивана Козлова». У насъ нѣтъ еще пространныхъ энциклопедическихъ лексиконовъ (пока мы должны довольствоваться однимъ «Справочнымъ Энциклопедическимъ Словаремъ»), да еслибъ они и были, это не избавило бы издателя Козлова отъ необходимости приложить къ сочиненіямъ покойнаго поэта возможно-полную его біографію. Есть что-то небрежное и непріятное въ изданіи полныхъ сочиненій какого бы то ни было писателя, безъ біографіи, замѣтокъ и комментаріевъ на его произведенія. Если литераторъ писалъ и заслуживаетъ послѣ смерти своей быть изданнымъ въ приличномъ видѣ, — тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ подробнаго упоминанія о своей дѣятельности. Есть требованія литературнаго приличія, которыми нельзя пренебрегать безнаказанно. Издатели «Полнаго Собранія Сочиненій И. Козлова» поступили вдвойнѣ не ловко и въ отношеніи къ покойному поэту, и въ отношеніи къ читателю, а сверхъ того и сами себѣ нанесли вредъ, сдѣлавши все изданіе чѣмъ-то неполнымъ, бѣднымъ, недостаточнымъ, и — просимъ прощенія за простонародное выраженіе — «обгрызеннымъ». Если большинство людей, основательно занимающихся русской литературой, имѣютъ смутное понятіе о личности Козлова и о случайностяхъ его поэтической дѣятельности, — можно легко судить, до какой степени біографія поэта необходима къ собранію его сочиненій. Долгомъ считаемъ напомнить объ этомъ гг. издателямъ «Полныхъ Сочиненій Русскихъ Авторовъ», присовокупляя при томъ, что если бъ имъ дѣйствительно захотѣлось добавлять къ своимъ книжкамъ по хорошей біографіи нашихъ старыхъ писателей, они найдутъ для работы подобнаго рода много способныхъ людей и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Стоитъ только глядѣть на свое изданіе внимательно и желать ему улучшеній, а люди найдутся, — и за дѣльными статьями остановокъ не будетъ.

Нѣтъ сомнѣнія что біографія Ивана Ивановича Козлова, написанная со знаніемъ дѣла и съ теплымъ чувствомъ, способна будетъ навести читателя на благотворныя и полезныя мысли. Если жизнь всякаго существа, играющаго роль въ извѣстной сферѣ, стоитъ изученія и вниманія, какого же вниманія стоитъ жизнь человѣка благородно-развитаго, образованнаго, кроткаго духомъ, но удрученнаго всевозможными бѣдствіями, и въ собственномъ своемъ внутреннемъ мірѣ ищущаго силы на борьбу съ ними? Если поэзія и словесность на всѣхъ поприщахъ жизни нашей являются отрадными свѣтилами, — какой высокій интересъ принимаютъ онѣ, являясь во всемъ блескѣ ихъ утѣшительной силы, въ своемъ вліяніи

Digitized by Google

на жизнь несчастнаго поэта? Разбирая жизнь поэта Козлова, мы убѣждаемся въ одной истинѣ, которая стоитъ десяти великихъ открытій—въ той истинѣ, что поэзія есть дивное благо, сближающее человѣка съ духовною жизнью, умягчающее его горе, мирящее его со страданіями, благо — трудно замѣнимое. Тутъ-то увидимъ мы, какъ поэзія, многими изъ насъ до сей поры считаемая за роскошь жизни за возвышенное наслажденіе счастливыхъ дилетантовъ міра,— является насущнымъ хлѣбомъ страдающаго человѣка, свѣтлымъ лучомъ сходитъ къ одру недуга, озаряетъ пріютъ бѣдности облекается въ плоть и кровь, и, взявши за руку изнемогающаго труженика, говоритъ ему: «ты не все потерялъ, потому что я съ тобою»! Все, о чемъ мы говоримъ теперь, совершилось въ жизни Козлова. Волшебный міръ поэзіи для него не былъ волшебнымъ міромъ, пѣсни поэтовъ не казались ему отдаленнымъ голосомъ, книги для нашего страдальца были болѣе чѣмъ книгами: свѣтлая богиня вьявѣ подходила къ его бѣдному одру, и протягивала больному свою могучую руку. Поэтъ далеко непервоклассный и дѣятель не очень блистательный, Козловъ взялъ отъ поэзіи все, что она могла дать ему, — забвеніе бѣдъ, сладкія минуты мечтанія, двойную жизнь, часы полезнаго труда, духовное зрѣніе, замѣнявшее ему потухшія очи. Муза обошлась съ темнымъ своимъ поклонникомъ по царски, какъ царица, съ наслажденіемъ отирающая слезы страждущихъ и обремененныхъ, она осыпала своими дарами больного, темнаго, едва замѣтнаго труженика. Передъ музою Козловъ былъ великъ, потому что былъ несчастенъ и любилъ поэзію.

Иванъ Ивановичъ Козловъ родился въ 1774 году, въ Москвѣ, если не ошибаемся. Въ Москвѣ же прошли лучшіе года его свѣтлой жизни. Москва, московскія окрестности, московское общество занимали въ воспоминаніяхъ поэта, до самой кончины его самое замѣтное мѣсто. Изъ краткаго изображенія жизни Козлова, въ настоящую минуту находящагося у насъ передъ глазами, узнаемъ мы, что Козловъ «имѣя прекрасную наружность, будучи ловокъ, любезенъ и весьма хорошо образованъ, считался душею свѣтскихъ обществъ». Произведенія слѣпого поэта, какъ источники его біографіи, не поперечатъ такому отзыву. Изо всѣхъ пѣвцовъ, когда либо писавшихъ о старой Москвѣ (и Боже мой, сколько высокопарныхъ и восторженныхъ пѣснопѣній порождено было нашей древней столицей!), изо всѣхъ людей, говоримъ мы, вдохновлявшихся Москвою и московскими пріятностями, Козловъ лучше чѣмъ кто либо описывалъ свой любимой городъ и его знаменитыя окрестности. Къ Москвѣ, гдѣ промелькнули лучшіе дни поэта, гдѣ онъ стра-

Digitized by Google

далъ, любилъ и отдалъ свое сердце, къ Москвѣ тянулась вся его душа, и тамъ всего яснѣе и ярче видѣли глаза, сомкнутые недугомъ. Лучшія страницы Козлова внушены воспоминаніемъ о Москвѣ, картинами Москвы, историческою жизнью Москвы. Въ первый разъ испытывая силу своей фантазіи, пытаясь оторваться отъ душной дѣйствительности, — Козловъ рисуетъ себѣ Москву и говоритъ о ней съ Жуковскимъ:

Какъ ты, мой другъ, я не скитался
Въ чужихъ далёкихъ сторонахъ:
Все родина въ моихъ мечтахъ.
Однажды, какъ-то я забылся
Обманчивымъ, но сладкимъ сномъ:
И вдругъ далёко очутился
Одинъ на берегу крутомъ —
Тамъ, у родной Москвы. День знойный,
Мнѣ снилось, ярко догоралъ,
И вечеръ пламенно-спокойный
Во всей красѣ своей блисталъ;
Внизу Москва-рѣка сверкала,
Игриво рощу обтекала;
Въ дали гористой подъ селомъ
Былъ видѣнъ лѣсъ, желтѣли нивы,
А близъ Дербента надъ прудомъ
Тѣнистыя дремали ивы,
И зеленѣло за рѣкой
Дѣвичье поле предъ глазами,
И монастырь бѣлѣлъ святой
Съ горящими, какъ жаръ, крестами...
И зелень рощей и полянъ
Сливалась съ твердью голубою;
И стлался золотой туманъ
Надъ бѣлокаменной Москвою.

Стихи подобнаго рода не сочиняются вслѣдствіе раздраженія плѣнной мысли, не пишутся на тему, заблаговременно избранную. Въ нихъ очевидно лежитъ душа и кровь самого пѣвца, ихъ значеніе и горячность, не подлежа никакому сомнѣнію, представляютъ плодъ всей опытности писателя, соединенный съ гармоніей самой задушевной пѣсни.

И такъ, Иванъ Ивановичъ Козловъ, проживая въ Москвѣ, былъ веселъ, влюбленъ, любимъ и счастливъ. Онъ женился на любимой женщинѣ (гласитъ некрологъ, изъ котораго мы уже взяли три строки для сообщенія ихъ читателю) «и соединивъ такимъ образомъ

Digitized by Google

радости домашней жизни съ блескомъ и удовольствіями свѣта, былъ совершенно счастливъ; но вдругъ ударъ паралича лишилъ его ногъ, и, на 29 году жизни, приковалъ къ одру страданій, съ котораго Козловъ уже никогда не вставалъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ удара паралича, онъ лишился зрѣнія... Вмѣстѣ съ тяжкой болѣзнью, поэтъ былъ еще обремененъ бѣдностью. Иванъ Ивановичъ, пострадавъ около двадцати лѣтъ, умеръ въ 1838 году въ С.-Петербургѣ».

Короткое, грустное свѣдѣніе — къ сожалѣнію не совсѣмъ вѣрное по числамъ. Если Козловъ родился въ 1774 году и очутился на одрѣ болѣзни, имѣя 29 лѣтъ отъ роду, значитъ онъ занемогъ около 1804 года стало-быть страдалъ не двадцать, а *тридцать четыре* года, ибо кончина его послѣдовала въ 1838 году. Вѣроятно въ нашихъ матеріалахъ есть ошибка хронологическая. Но двадцать лѣтъ, или тридцать четыре года томился Козловъ въ своей болѣзни, для нашей задачи все равно, ибо намъ нужна сущность дѣла, а не разсчеты времени.

До своего несчастья, Козловъ никогда не пускался въ литературу, но обладая, какъ мы сказали, замѣчательнымъ для своего времени образованіемъ, любилъ читать и говорить о прочитанномъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ французскій и италіянскій языки, обладая хорошею памятью, могъ читать наизусть всего Расина, Тасса и многія мѣста изъ Данта. Успѣхи родной словесности не могли не занимать члена того общества, которое проливало слезы на берегахъ Лизина пруда и ѣздило гулять въ Кунцово съ Кларисой или переводами Стерна въ карманѣ. Карамзинъ, человѣкъ сдѣлавшій для русскаго просвѣщенія можетъ быть болѣе нежели для него сдѣлали всѣ наши величайшіе писатели, взятые вмѣстѣ, пользовался безграничнымъ обожаніемъ Козлова и (какъ можно судить по нѣкоторымъ стихамъ послѣдняго) былъ съ нимъ знакомъ лично. Идолъ всѣхъ своихъ друзей, находчикъ и открыватель всего геніальнаго и новаго для русскихъ читателей, — ораторъ «подъ сѣрымъ юберрокомъ», владѣющій даромъ увлекать и вразумлять головы самыя непонятливыя, Карамзинъ могъ казаться человѣкомъ безъ недостатковъ, за исключеніемъ одной слабости, то-есть чрезвычайно мягкаго духа, побуждавшаго его чтить убѣжденія во всякомъ человѣкѣ, хотя бы эти убѣжденія прямо шли на перекоръ всему, что чтилъ и любилъ Карамзинъ. Слабость эта впрочемъ сдѣлалась только тогда слабостью, когда ее перенимали и примѣняли къ дѣлу; она была слабостью поклонниковъ Карамзина, но въ немъ самомъ сказанная черта показывала натуру истинно свѣтлую, высо-

Digitized by Google

ко-вознесшуюся надъ міромъ, любящую родину и въ высшей степени способную на благо. Терпя псевдоклассицизмъ, поощряя и плохихъ поэтовъ, боясь рѣзкихъ сужденій въ критическомъ мірѣ, Карамзинъ поступалъ какъ великій и нѣжный наставникъ причудливыхъ, недостаточно развитыхъ поколѣній. Но поступая такимъ образомъ, онъ незамѣтно клалъ печать своей личности на всѣхъ своихъ поклонниковъ, и поклонники эти являлись просто слабы тамъ, гдѣ Карамзинъ былъ только снисходителенъ. Оттого просвѣщенное и благородное поколѣніе, воспитанное Карамзинымъ, не сдѣлало для литературы всего того, что оно могло для нея сдѣлать, не сбросило съ нея оковъ французскаго вкуса, не упростило достаточно литературнаго языка нашего, не подготовило насъ къ основательной критикѣ, не могло понять полной поэзіи дѣйствительности, и съ половиной своихъ сокровищъ обходилось, какъ съ опаснымъ даромъ. Въ самыхъ своихъ нововведеніяхъ оно дѣйствовало робко и какъ бы безсознательно, гоняясь за народностью, не имѣло рѣшимости быть народнымъ, обладая значительной начитанностью, не дѣлилось ею съ читателемъ, жаждущимъ знанія. Поколѣніе это знало всѣ недостатки подражательности литературной, а истинно оригинальнымъ быть не хотѣло. Оттого большая часть его зданій строилась на зыбкомъ фундаментѣ, и когда байроновскій элементъ, исполненный отрицанія, вторгнулся въ нашу словесность, онъ не нашелъ себѣ противодѣйствія, овладѣлъ всѣми умами и на нѣсколько лѣтъ превратилъ нашу литературу въ потѣшный маскарадъ, обильный москвичами въ гарольдовыхъ плащахъ, кіевлянами съ пиратскихъ острововъ Архипелага и горько улыбающимися мальчишками, поющими про

увядшій жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

Но мы отвлеклись отъ Козлова, который впрочемъ совершенно подходитъ къ нашему отступленію, представляя изъ себя образецъ литератора, воспитаннаго на тонкомъ, снисходительномъ, осторожномъ Карамзинскомъ направленіи. Другомъ Козлова былъ знаменитый поэтъ нашъ В. А. Жуковскій, другая натура нѣжная, тихая, сочувствующая всему прекрасному, всегда готовая на сладкія пѣсни, но отчасти пренебрегающая необходимой черной работой истолкователя, той работой, вслѣдствіе которой ея сладкія пѣсни могли бы сдѣлаться понятными для неразвитой публики. Въ кругу Шиллера, Виланда, Карамзина и ихъ горячихъ поклонниковъ, отлично было бы пѣть Жуковскому и за нимъ Козлову; но, увы! русская публика ихъ времени, не взирая на «Бѣдную Лизу» и пе-

Digitized by Google

реводы Стерна, была еще очень юна и не совсѣмъ понятлива. Когда ей подносили балладу, она желала бы спросить: что такое баллада, но не спрашивала, совѣстясь своего невѣдѣнія, — когда ее знакомили съ романтическими изліяніями нѣмецкихъ пѣвцовъ, публика хотѣла бы имѣть ясныя свѣденія о нѣмецкихъ пѣвцахъ и о поэтахъ — романтикахъ! Вслѣдствіе непонятливости съ одной стороны и идеальныхъ поползновеній съ другой, дѣятельность Жуковскаго и дѣятельность Козлова имѣютъ въ себѣ нѣчто неполное. Но оба поэта, не смотря на разность въ силѣ талантовъ, сходствовали въ томъ, что страстно любили искусство, и своимъ образованіемъ даже превышали образованіе окружавшихъ ихъ современниковъ.

Какъ мы уже сказали, Козловъ былъ пораженъ неизлѣчимой болѣзнью на тридцатомъ году своей жизни. Первыя пять лѣтъ страданія, какъ говоритъ онъ самъ въ своемъ посланіи къ Жуковскому, были для него самой тяжкой порою во всѣхъ отношеніяхъ — въ эти пять лѣтъ ему предстояло отказаться отъ всѣхъ радостей свѣта, встрѣтить нищету, проститься со всѣми надеждами и создать всю свою новую жизнь. Твердая вѣра въ Бога, заботы преданной жены помогли страдальцу пройдти весь переходный періодъ его существованія. Наука и поэзія, всегда дорогія Козлову, отплатили за его любовь такъ, какъ мы уже о томъ сказали. Не взирая на слѣпоту, Иванъ Ивановичъ выучился по-нѣмецки и по-англійски, и все, что ему читали на этихъ языкахъ, врѣзывалось въ его память. Занятіямъ предавался онъ съ горячностью, цѣня въ нихъ не одно временное развлеченіе, но дѣло всей жизни. Изучая первыхъ поэтовъ своей эпохи, Козловъ слѣдилъ не за однимъ ихъ вдохновеніемъ, но и за самыми поэтами, — по этой причинѣ англійская словесность, какъ наиболѣе разработанная и разнообразная въ своей исторіи, плѣняла его особенно. Иной любитель фантастическаго могъ сказать не безъ основанія, что души Скотта, Борнса, Байрона и Шиллера, перелетая моря и горы, по извѣстнымъ часамъ слетали къ бѣдному труженику и держали бесѣду около его постели. Въ стихахъ Козлова есть посланіе къ Вальтеръ-Скотту, въ которомъ слѣпецъ благодаритъ шотландскаго барда за всѣ доставленныя ему наслажденія, и наконецъ воображаетъ себя въ Абботсфордѣ, за чайнымъ столомъ, посреди дѣтей и внуковъ Скотта. Цѣлый вечеръ изъ жизни автора «Айванго» описанъ такъ, какъ развѣ могъ бы описать его старинный другъ его семейства. Замужняя дочь В. Скотта (Софія Локгартъ) разливаетъ чай, вокругъ хозяйки сидѣли гости-чужестранцы, прибывшіе изъ дальнихъ краевъ для свиданія съ абботсфордскимъ лердомъ, —

Digitized by Google

маленькія дѣти играютъ или дремлютъ на его колѣняхъ, разговоръ идетъ о народныхъ балладахъ, легендахъ и вѣдьмахъ... Въ заключеніе картины Козловъ говоритъ Скотту два стиха, изъ которыхъ послѣдній — лучшая характеристика писателя, доставившаго отцамъ нашимъ такія несравненныя наслажденія:

О какъ благословенъ твой вѣкъ,
Великій... добрый человѣкъ!

Дѣйствительно, для слѣпца-Козлова и Скоттъ, и Борнсъ, и другіе поэты, которыхъ перечислять слишкомъ долго, были не только поэтами, но и людьми: однихъ онъ любилъ съ особенною нѣжностью, къ другимъ (какъ, напримѣръ, къ Байрону) питалъ трепетное благоговѣніе. Духовный взоръ его, по ясности своей, часто замѣнялъ потухшія очи Козлова, услаждалъ его длинный досугъ, порождалъ иллюзіи, стоющія дѣйствительности. Исторія одного изъ его стихотвореній вполнѣ подтвердитъ наши слова.

Между друзьями, непокидавшими слѣпого пѣвца въ дни его страданій и бѣдности, находился одинъ иностранный дипломатъ, женатый на красавицѣ, какъ кажется итальянскаго происхожденія. Намъ неизвѣстно, видалъ-ли Козловъ эту молодую даму еще до своей слѣпоты, или онъ составлялъ о ея красотѣ понятіе изъ разсказовъ окружающихъ, только образъ сказанной особы для поэта постоянно сливался съ однимъ изъ плѣнительнѣйшихъ образовъ, когда-либо созданныхъ геніемъ человѣка. При имени графини Ф. слѣпцу представлялась Франческа ди-Римини, снова явившаяся на землю, но уже не для страданій, а для счастья и всѣхъ радостей семейной жизни. Эту двойственность представленія Козловъ передалъ намъ въ одномъ изъ самыхъ поэтическихъ своихъ произведеній подъ названіемъ «Сонъ». Этого сна невозможно читать равнодушно: еслибъ у нашего автора было много подобныхъ страницъ, мы признали бы его поэтомъ первокласснымъ. Въ морозный вечеръ онъ сидитъ у камина, подъ вліяніемъ недавно прослушанной пѣсни Данта, сонъ смыкаетъ его глаза и ему грезятся ужасы, воспѣтые вдохновеннымъ скитальцемъ. Не смотря на вольность перевода въ слѣдующихъ строкахъ, мы смѣло говоримъ, что ни одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ не передавалъ съ подобною плѣнительною вѣрностью знаменитаго Дантова эпизода:

И вихрь шумитъ, какъ бездна въ бурномъ морѣ,
И тѣни мчатъ, — и вихорь роковой
Сливаетъ въ гулъ ихъ ропотъ: «горе, горе!»
И всѣ крушатъ, стремясь во мглѣ сырой.
Въ слезахъ чета прекрасная, младая

Digitized by Google

Несётся съ нимъ, другъ друга обнимая:
Погибло всё — и юность, и краса,
Утрачены Франческой небеса!
И смерть дана — я знаю, чьей рукою...
И вижу я, твой милый другъ съ тобою!
Но гдѣ и какъ, скажи, узнала ты
Любви младой тревожныя мечты?
И былъ отвѣтъ: «О, нѣтъ мученья болѣ,
«Какъ вспоминать дни счастья въ тяжкой долѣ!
«Безъ тайныхъ думъ, въ привольной тишинѣ,
«Случилось намъ читать наединѣ,
«Какъ Ланцелотъ томился страстью нѣжной.
«Блѣднѣли мы, встрѣчался взглядъ мятежной,
«Сердца увлёкъ плѣнительный разсказъ;
«Но, ахъ, одно, одно сгубило насъ!
«Какъ мы прочли, когда любовникъ страстный
«Прелестныя уста поцаловалъ,
«Тогда и онъ, товарищъ мой несчастный,
«Но мой навѣкъ, къ груди меня прижалъ —
«И на монхъ его уста дрожали;
«И мы тотъ день ужь болѣ не читали».

Сцена перемѣняется и обманчивый сонъ переноситъ поэта въ другую область. Онъ въ какомъ-то замкѣ, гдѣ слышна музыка, гдѣ рѣзвятся молодыя женщины, гдѣ все такъ весело, кромѣ самого пѣвца, еще омраченнаго воспоминаніемъ о Франческѣ. Но вотъ къ нему подходитъ женщина съ длинными волосами, перевитыми жемчугомъ, въ черной бархатной одеждѣ, съ отрадной улыбкой на устахъ, со взглядомъ, въ которомъ свѣтится столько любви и счастія, со стыдливой улыбкой на устахъ.... Неужели это она, та Франческа, о которой поэтъ думалъ засыпая, которой исповѣдь онъ сейчасъ слышалъ, замирая отъ состраданія? Такъ, это она, это та женщина, которую онъ знаетъ, та женщина, которая, во всемъ блескѣ красоты и радостей, находитъ время думать о слѣпыхъ друзьяхъ, та, которой посвящено все стихотвореніе, нѣжная мать малютки-дочери, прекрасный утѣшитель безвѣстнаго слѣпца. Счастлива женщина, которой выпадаетъ на долю поэтическій привѣтъ такого рода! Счастливъ и писатель, испытывающій подобныя иллюзіи!

Изо всѣхъ стиховъ, приведенныхъ нами выше, можно съ ясностью заключить о томъ, какого рода дарованіе дано было въ удѣлъ Козлову, какъ поэту. Призваніе его не могло назваться призваніемъ непосредственнымъ и очень сильнымъ, а между-тѣмъ исклю-

Digitized by Google

чительное положеніе самого поэта не могло не препятствовать его усовершенствованію. Трудно быть поэтомъ великимъ, не имѣя глазъ тѣлесныхъ и никогда не покидая своей постели. Но Козловъ все-таки могъ назваться поэтомъ талантливымъ, поэтомъ несомнѣннымъ. Молодость его прошла не даромъ, онъ развилъ свой тактъ чтеніемъ, онъ любилъ русскую природу и былъ умнымъ русскимъ человѣкомъ. Обладая воспріимчивостью въ дѣлѣ поэзіи, изучая каждый день величайшихъ дѣятелей чужестранной словесности, Козловъ имѣлъ время работать, и любилъ работать. Какъ переводчикъ-поэтъ, онъ сдѣлалъ многое. По его книгамъ, читатель, не знающій иностранныхъ языковъ, можетъ составить себѣ понятіе о талантѣ Барона, Тасса, Манцони и десяти другихъ поэтовъ. Писатели съ теплымъ сердцемъ, не требующіе большей энергіи отъ переводчика, хорошо понимающіе природу и по своему міросозерцанію подходящіе къ Козлову, достойнымъ образомъ оживаютъ въ его страницахъ. У него есть стихотвореніе изъ Вордсворта «We are seven», въ которомъ маленькая дѣвочка, потерявшая брата и сестру, никакъ не хочетъ признать ихъ умершими, а играя на ихъ могилахъ повторяетъ: «насъ всѣхъ семеро дѣтей»; оно передано превосходно. Нельзя не упомянуть также объ извѣстномъ стихотвореніи Барона, по поводу полевой маргаритки, сорванной его плугомъ: тутъ Козловъ, не смотря на нѣкоторую неловкость стиха, почти возвышается до безсмертнаго оригинала. Намъ хотѣлось бы знать: почему Козловъ не захотѣлъ перевести другого стихотворенія Барона, однороднаго съ предыдущимъ: «Гнѣздо полевыхъ мышей, разоренное земледѣльцемъ»? Можетъ-быть, онъ по нѣкоторой современной робости считалъ предметъ слишкомъ *низкимъ*, можетъ-быть стихи о полевыхъ мышахъ казались Козлову униженіемъ поэзіи! Истинно жаль, что, при своемъ сочувствіи къ искусству, слѣпой поэтъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ предразсудковъ — слава отличнаго переводчика не казалась ему завидною славою, истинная простота мысли и изложенія подчасъ казались ему ничтожествомъ.

Было еще одно важное обстоятельство, отвлекшее Козлова отъ того рода произведеній, который могъ доставить ему весьма почетное мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Когда нашъ поэтъ началъ писать, литературный міръ всей почти Европы находился подъ вліяніемъ странной и блистательной карьеры лорда Байрона. Доселѣ-поръ еще повсюду свѣжи слѣды Байронова генія, но не смотря на то, наши ровесники и сверстники не въ силахъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о «Байроновскомъ ураганѣ»,

Digitized by Google

взволновавшемъ океанъ нашей поэзіи, налетѣвшемъ на всю жизнь современнаго общества и охватившемъ все, что только читало, мыслило и подражало въ Европѣ. Безпредѣльная энергія Байроновскихъ произведеній, соединясь съ безпредѣльно эффектнымъ вліяніемъ самого поэта, сдѣлали Байрона властителемъ думъ, незакатною кометою поэтическаго міра. Подобныхъ примѣровъ, подобнаго вліянія никогда не бывало на свѣтѣ. Много полезнаго и прекраснаго пробудила въ современникахъ муза лорда Байрона, но и много пороковъ со смѣшными слабостями было ею расшевелено. Обаяніе этой поэзіи, совмѣщавшей въ себѣ особенности несовмѣстимыя, нѣжность души съ горделивой сухостью, высокій лиризмъ съ презрѣннымъ франтовствомъ, геніальное фразерство съ трогательной мизантропіей, слезы съ хохотомъ, шутку съ безотраднымъ цинизмомъ, — было безгранично и въ дурномъ, и въ хорошемъ отношеніи. Люди, никогда не цѣнившіе поэтическаго восторга, со слезами вдохновенія отрывались отъ страницъ Байрона, и благоговѣйно преклонялись передъ силой его поэзіи. Души зачерствѣлыя пробуждались звуками этого мощнаго голоса. Но если многіе люди научались и вдохновлялись, слушая Байроновъ голосъ, другіе люди, слабые или порочные, становились еще порочнѣе и слабѣе. Примѣръ юнаго, блистательнаго, очаровывающаго барда, подчасъ хваставшагося своими дурными качествами и старавшагося представлять себя хуже, чѣмъ онъ былъ созданъ, тлетворно подѣйствовалъ на всѣхъ любителей лжи, на всѣхъ фразеровъ, даже на всѣхъ франтовъ и нахаловъ. Человѣку какъ-будто дозволялось быть надутымъ злоязычникомъ, невѣрнымъ любовникомъ, сухимъ развратникомъ, ложнымъ другомъ, безсовѣстнымъ эгоистомъ, — всѣ эти пороки были возведены великимъ пѣвцомъ вѣка чуть не въ героизмъ. Гнуснѣйшему гордецу не возбранялось пренебрегать меньшими своими братьями, изъ щегольства наружнаго сдѣлать занятіе всей жизни, вдаваться въ нравственное бреттерство, смѣяться надъ порывами душъ довѣрчивыхъ и нѣжныхъ. Лордъ Байронъ, идолъ всеобщій, прототипъ юнаго поколѣнія, служилъ для всего оправданіемъ. Какое дѣло было дурнымъ людямъ до того, что поэтъ «Корсара» и «Жуана» самъ обманывался въ своемъ сердцѣ, что онъ по натурѣ своей былъ ничто иное, какъ любящій юноша, къ несчастью страшно зараженный гордостью; кто могъ разсуждать о томъ, что Гарольдъ-Байронъ, сокрушитель сердецъ, лордъ и денди, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, умѣлъ любить, быть вѣрнымъ другомъ и разбрасывать неимущимъ почти все свое имѣніе? Кто могъ сообразить все нами сказанное,

Digitized by Google

кто рѣшился бы сознаться, что слабости и недостатки геніальнаго человѣка, привитыя къ людямъ, лишеннымъ геніальности, становятся не недостатками и слабостями, а отвратительными пороками?

При огромности Байронова вліянія на литературу нашу, легко понять, до какой степени важно долженствовало оно выказаться въ отношеніи къ писателямъ скромнымъ и не слишкомъ самостоятельнымъ, къ натурамъ честнымъ и тихихъ труженниковъ, подобныхъ И. И. Козлову. Нашъ переводчикъ Скотта и Бориса поспѣшилъ упасть во прахъ передъ юнымъ Ахиллесомъ поэзіи, явившимся на берегахъ сребристо-лучистаго Ксанѳа, во всемъ блескѣ скованнаго ему оружія. Многіе поэты, подобно младому Пріамиду Ликтону, стояли уже на колѣняхъ передъ сокрушительнымъ ратоборцемъ; къ нимъ присоединился и нашъ слѣпецъ. Для Козлова Байронъ сталъ существомъ неземнымъ, предметомъ поклоненія самаго пламеннаго. Робкимъ стихомъ своимъ силился нашъ переводчикъ передать хотя малую часть Байроновыхъ красотъ; но трудъ не оказался ему по-силамъ: кроткій пѣвецъ, съ очами, закрытыми навсегда, не могъ передавать огненной энергіи своего идеала. «Абидосская Невѣста» и отрывки изъ «Чайльдъ-Гарольда», въ стихахъ Козлова, являются весьма блѣдными и даже бѣдными; стремительный потокъ поэтической силы, одушевлявшій поэмы Байрона, не видѣнъ въ трудахъ его переводчика, между тѣмъ какъ слабыя стороны великаго поэта, какъ-то однообразіе мысли безпорядочная непослѣдовательность разсказа, лишась всей прикрывавшей ихъ судорожной мощи, выставляются впередъ съ полной ясностью. Противники Байроновскаго элемента могутъ изучить всѣ его слабыя стороны по передѣлкамъ Козлова.

Постоянно занимаясь искусствомъ и слѣдя за всѣми порывами собственнаго своего вдохновенія, нашъ слѣпой поэтъ медленно, но упорно готовился явиться передъ читателемъ въ образѣ писателя самостоятельнаго. Уже въ фантазіи Козлова послѣдовательно слагались тихія картины русской природы, уже свѣтлыя воспоминанія души любящей и нѣжной, наводили его на темы, стоящія серіозной обработки, когда талантъ Козлова перенесъ свое столкновеніе съ вліяніемъ Байроновскаго таланта. Скромная самостоятельность, начавшая-было развиваться въ русскомъ поэтѣ, внезапно остановилась въ своемъ развитіи. «Корсаръ» съ «Манфредомъ» и «Гяуръ» съ «Ларой» стали на дорогѣ Козлова, и запретили ему идти далѣе. Чтобы онъ ни замышлялъ, въ какія бы тихія области ни упоилась его муза,—всюду стоялъ на пути юный

Digitized by Google

красавецъ съ сумрачнымъ челомъ и повелительнымъ взглядомъ. Настроивая лиру свою для того, чтобъ пѣть Москву, Козловъ слышалъ, какъ струны ея бряцаютъ дѣянія греческихъ пиратовъ, воспѣвая Днѣпръ широкій, онъ забывалъ о Днѣпрѣ и пѣлъ угрюмыхъ незнакомцевъ, разрушительныя страсти, видѣнія при свѣтѣ луны, отчаянные бои и безнадежное отчаяніе. Подъ вліяніемъ такой борьбы создались двѣ лучшія поэмы Козлова, поэмы странныя и неполныя, то почти самостоятельныя, то исполненныя подражанія самаго рабскаго. Поэмы эти были «Черецъ» и «Наталья Долгорукова», стихотворенія весьма любимыя нашими отцами и до сихъ поръ достойныя вниманія читателей. Мѣстами эти произведенія смѣшны, какъ пародія, мѣстами они трогательны и поэтичны. Оба частью народны, частью исполнены чужестраннаго духа. Оба исполнены Байроновскихъ цвѣтовъ, вышитыхъ на русскомъ фонѣ. Оба покупались и нравились оттого, что, изображая русскихъ людей и Байроновскія страсти, равно увлекали и простого человѣка, и умника, слѣдившаго за иностранной словесностью. Въ обѣихъ поэмахъ Козловъ сказывается и какъ поэтъ, и какъ подражатель. Въ нихъ его сила и еще болѣе его слабости.

Въ «Чернецѣ» и сила и слабость слѣпого поэта выказываются рѣзче, нежели въ «Натальѣ Долгорукой». По видимому, когда Козловъ сочинялъ «Черноца», — фантазія самого сочинителя, и безпредѣльное увлеченіе Байрономъ слились въ немъ такъ, что онъ самъ себѣ не могъ дать отчета въ планѣ всего произведенія. Что тутъ принадлежитъ британскому барду, что тутъ создано самимъ Козловымъ, рѣшить трудно. Вся постройка поэмы или, вѣрнѣе, повѣсти очевидно взята изъ «Гяура», но самъ герой, существо тихое и вовсе не подходящее къ страстямъ, о которыхъ идетъ его разсказъ, вынесъ на себѣ черты самого Козлова, слѣды его тихихъ и неэффектныхъ страданій. Поэма открывается извѣстной картиной монастыря, картиной русскою, неподдѣланною, но за ней тотчасъ же выступаетъ «одинокій калоеръ», то есть гяуръ, бурный любовникъ Леилы, брошенной въ морѣ, калоеръ, кончающій свою жизнь въ уединенномъ греческомъ монастырѣ. Описаніе наружности черноца цѣликомъ взято изъ британскаго поэта, только не проникнуто его энергіей, а между тѣмъ — кто не вспомнитъ о Байронѣ послѣ такихъ стиховъ:

Утраты, страсти и печали
Свой знакъ ужасный начертали
На пасмурномъ его челѣ;
Гроза въ сердечной глубинѣ.
Судьба его покрыта тьмою...

Digitized by Google

Въ разсказѣ «Чернеца» звучитъ много струнъ истинно поэтическихъ, но какъ содержаніе его бѣдно, какъ оно прозаично, и, не смотря на свою прозаичность, какъ далеко отъ дѣйствительности! Сочинитель мелодрамы не погнался бы за подобнымъ сюжетомъ! И тутъ видимъ мы всю слабость тихой натуры самого поэта, съ усиліемъ стремящагося по пути своего идола. Содержаніе «Гяура», если хотите, вовсе необильно событіями, оно расположено точно также, какъ и сюжетъ «Чернеца». Молодой европеецъ любитъ женщину изъ гарема паши, за что бѣдная жертва зашита въ мѣшокъ и кинута въ волны. Юноша мститъ страшной местью и умираетъ, разсказавъ свою исторію. Такъ, все это просто — но здѣсь горитъ ненависть европейца къ мусульманину, теплится огонь сердца, разбитаго тяжкимъ страданіемъ Здѣсь люди скачутъ на вороныхъ коняхъ по каменному морскому берегу, подъ голубымъ небомъ Греціи, здѣсь кипятъ битвы на смерть, мститель смотритъ въ лицо умирающему врагу, и, кончивъ свое дѣло, идетъ умирать, не имѣя никакой привязанности въ жизни! Здѣсь судорожное могущество поэзіи, здѣсь жизнь и кровь, и потому вся поэма, по словамъ критика, похожа на роскошный цвѣтокъ, распустившійся одиноко, на развалинахъ взятаго штурмомъ города.

Мы достаточно знаемъ Козлова для того, чтобы понять, на сколько его собственное призваніе поперечило принятому имъ направленію. Будто сознавая свои недостатки, нашъ поэтъ дѣйствуетъ гораздо осторожнѣе въ своемъ второмъ оригинальномъ произведеніи, Замыселъ и экспозиція «Княгини Натальи Долгоруковой» по истинѣ прелестны — прелестны до нашего времени. Въ нихъ видна поэзія сердца и еще болѣе богато-развитый умъ Козлова; болѣе плѣнительной темы трудно добыть себѣ поэту и нашего времени. Ночная тѣнь приготовляется лечь на дымное поле; лучъ багряной зари, слабо пылая между сгустившихся облаковъ, угасаетъ мало-по-малу; передъ нами подмосковное село старыхъ временъ, съ барскими великолѣпными хоромами, утонувшими въ тѣни древнихъ садовъ. Запустѣлымъ великолѣпіемъ дышетъ отъ огромнаго строенія съ величавымъ графскимъ гербомъ, отъ широкаго двора, поросшаго травою, отъ зеркальной равнины соннаго пруда, въ который глядятся ряды старыхъ липъ. По владимірской дорогѣ идетъ молодая женщина въ бѣдной одеждѣ, согрѣвая у груди своей прозябшаго младенца. Глаза ея потускнѣли при видѣ древняго дома, исполненнаго памятниковъ старины и преданій знатнаго рода. Въ домѣ этомъ жилъ фельдмаршалъ Борисъ Шереметевъ; бѣдная женщина передъ старымъ строеніемъ — дочь по-

Digitized by Google

койнаго графа, Наталья Борисовна, послѣдовавшая въ ссылку за княземъ Долгорукимъ, своимъ супругомъ.

Здѣсь есть наша поэзія! Не споримъ о томъ, что краски поэта могли бы быть живѣе, что величіе древняго дома, переданное иначе, иначе бы говорило сердцу нашему, но мы не имѣемъ права требовать отъ Козлова того, что въ его время развѣ могъ бы намъ дать одинъ Пушкинъ. Замыселъ прекрасенъ, и за него мы умѣемъ быть признательными. Почти вся первая часть поэмы проникнута духомъ Козлова едва ли не болѣе, нежели всѣ его предъидущія и послѣдующія произведенія. Въ преданности Наталья Долгорукой, въ ея христіанской покорности передъ гнетущей рукой Провидѣнія нѣтъ ничего сантиментальнаго и неестественнаго, хотя ея невѣденіе о судьбѣ мужа, а еще болѣе невѣденіе сельскаго священника объ этомъ предметѣ, болѣе чѣмъ странны. Домъ священника и бесѣда его съ Натальей описаны хорото; а сцена передъ портретами, не безъ основанія, извлекала столько слезъ у читательницъ двадцатыхъ годовъ. За то вторая часть, за исключеніемъ изображенія Москвы въ лунную ночь, кажется намъ неудачнымъ винегретомъ, гдѣ можно найдти и видѣніе Лары, передѣланное на русскіе нравы, и длинныя разсужденія, навѣянныя Байрономъ въ минуты нѣжности, и отсутствіе движенія, и всѣ недостатки пѣвца, отклонившагося отъ своей собственной дороги. О третьей поэмѣ Козлова «Безумная» мы можемъ упомянуть только потому, что въ ней есть прекрасное вступленіе, обращенное къ Москвѣ.

Весь остатокъ своей жизни Козловъ оставался поклонникомъ Байронова генія, и не мудрено — изъ когтей ньюстидскаго орла могли только выбиваться пѣвцы, подобные поэту «Евгенія Онѣгина»! Но намъ пріятно прибавить, что лордъ Байронъ и его вліяніе, во многомъ обезсиливъ талантъ Козлова, не только не нанесли вреда жизни самого поэта, но содѣйствовали къ увеличенію его умственныхъ наслажденій. Ни скептицизма, ни сухости душевной не вынесъ слѣпецъ изъ бесѣдъ съ любимымъ своимъ бардомъ, — намъ кажется даже, что для Козлова худыя стороны великаго поэта не существовали — онѣ были закрыты самою силою поклоненія. Пѣвецъ «Манфреда», сокрушитель многихъ, Козлову являлся не иначе, какъ въ образѣ истиннаго Ахиллеса, «прекраснѣйшаго между юношами», вдохновеннаго друга, безукоризненнаго смертнаго. Говорить о Байронѣ Козловъ не могъ равнодушно; смерть поэта повергла его въ горесть, какъ смерть дорогого сына. Памяти лорда Байрона слѣпой писатель оставался вѣренъ до мо-

Digitized by Google

гилы, хотя въ послѣднее время, потерявъ всѣ надежды переводить его достойнымъ образомъ, часто брался за поэтовъ болѣе сродныхъ собственному призванію. Послѣ поэмы «Безумная». И. И. Козловъ въ оригинальномъ родѣ писалъ однѣ мелкія стихотворенія, изъ которыхъ многія стоятъ и упоминанія и прочтенія.

Вѣрный другъ поэта нашего, В. А. Жуковскій, оставался вѣрнѣйшимъ его другомъ до кончины. Его стараніемъ всѣ творенія Козлова были собраны и изданы въ 1840 году, третьимъ изданіемъ. Черезъ ходатайство Жуковскаго, Козловъ часто удостоивался знаковъ Высочайшаго вниманія. Всѣ лучшіе наши писатели уважали слѣпого поэта и бесѣдой своею смягчали для него часы тѣлесныхъ и душевныхъ страданій.

1855.

IV.

«ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ».—СОЧИНЕНІЯ В. Л. ПУШКИНА И В. Д. ВЕНЕВИТИНОВА. СПБ. 1855.

Всякій разъ, когда намъ случается, бывая въ Москвѣ, ѣздить по живописнымъ московскимъ улицамъ, глазъ нашъ съ особенною любовью останавливается на старыхъ, обширныхъ, просторныхъ, барскихъ строеніяхъ, въ которыхъ когда-то кипѣла московская жизнь прежняго времени, жизнь памятная многимъ, много разъ разсказываемая въ стихахъ и прозѣ, схваченная Грибоѣдовымъ съ сатирической точки зрѣнія, жизнь, конечно, имѣвшая много смѣшныхъ сторонъ, но нелишенная и нѣкоторой поэзіи. Для насъ, по крайней мѣрѣ, такъ много слыхавшихъ о жизни московскаго общества за первое двадцатипятилѣтіе нашего вѣка, помыслы о ней имѣютъ нѣчто свѣтлое, успокоительное, завлекательное. Эти древніе дома съ фронтонами, колоннами, эти зданія съ бельведерами и длинными боковыми флигелями, эти обширные пріюты стараго гостепріимства и старой здоровой гастрономіи — милы до крайности. Намъ жаль видѣть ихъ въ рукахъ спекуляторовъ и прижимистыхъ торговцовъ, намъ грустно думать, что эти добрые московскіе палаццо покинуты своими обладателями, отданы въ наймы клубамъ и содержателямъ пансіоновъ, не украшены старыми гербами старыхъ фамилій, не оживлены многочисленною прислугою и даже не будятъ въ большинствѣ проходящихъ никакого живого воспоминанія. Намъ жаль этихъ барскихъ почтен-

Digitized by Google

ныхъ домовъ съ такими тѣнистыми садами, съ такими большими залами, съ такими просторными столовыми! Новые дома ихъ бывшихъ владѣтелей, дома сооруженные на общій столичный манеръ, съ чугунными лѣстницами и небольшими теплыми комнатами, въ которыхъ наставлено столько произведеній Гамбса — Бенвенуто Челлини нашего прозаическаго времени, вовсе намъ не нравятся, если они стоятъ рядомъ съ старыми зданіями, сейчасъ нами описаннымъ. Всѣ наши симпатіи на сторонѣ старыхъ московскихъ зданій, и на новые отели въ новомъ вкусѣ мы глядимъ также косо, какъ глядѣлъ Пушкинъ на каменный многоэтажный домъ, дерзко занявшій мѣсто столь любимаго имъ домика въ Коломнѣ! Да, что бы ни говорили острословы, съ давнихъ поръ вмѣняющіе себѣ въ непремѣнную обязанность трунить надъ Москвою, Москва стараго времени имѣла свой любопытный періодъ, совершенно способный вдохновить нашихъ будущихъ Вальтеръ-Скоттовъ. Въ этой красивой, спокойной столицѣ, раскинутой по такимъ живописнымъ холмамъ, равно удаленной отъ глуши и отъ безмѣрнохлопотливаго Петербурга, изукрашенной свѣжими садами и опоясанной такими изящными бульварами, было много просторныхъ барскихъ домовъ, и въ домахъ этихъ жили люди, умѣвшіе веселиться. Русскій человѣкъ любитъ прерывать свою дѣятельность днями спасительнаго, полнаго отдыха; а для огромнаго количества нашихъ согражданъ, для отцовъ и дѣдовъ нашихъ, радушная Москва именно была мѣстомъ такихъ отдыховъ. Въ старой Москвѣ стекались люди самого разнообразнаго свойства и еще разнообразнѣйшихъ направленій, стекались не для дѣлъ, не для подражанія, не для того, чтобы удивлять другъ-друга, но съ единственною цѣлью отдохнуть и повеселиться, поглядѣть на людей, дать людямъ на себя насмотрѣться, приготовиться къ будущимъ трудамъ или навсегда успокоиться отъ прежнихъ, болѣе или менѣе полезныхъ трудовъ. Подобно тому какъ на европейскихъ минеральныхъ водахъ вся публика знакомится въ одинъ часъ и на весь сезонъ уже представляетъ одно сплошное общество, — точно также въ старой Москвѣ все сколько нибудь благообразное, воспитанное и имѣющее охоту выѣзжать, составляло одинъ постоянный кругъ почти-что безъ дѣленія на кружки и разряды. Человѣкъ съ глазами на своемъ мѣстѣ и имѣющій фракъ на плечахъ, прожившій въ Москвѣ годъ, считалъ за порочное дѣло не знать всей Москвы; вся же Москва его давно знала и извлекала изъ него все, что могъ дать ей новый человѣкъ, имѣющій на плечахъ фракъ пристойнаго покроя. Если московскіе старожилы, да и наши отцы, не

Digitized by Google

увлекаются въ своихъ разсказахъ чувствами понятнаго умиленія къ прошлому, то, основываясь на ихъ словахъ, мы можемъ сказать, что въ старой Москвѣ наука жизни была развита блистательно. Ни фатовъ, ни горделивыхъ нахаловъ, ни тщеславныхъ злоязычниковъ не было въ городѣ, ихъ не потерпѣла бы Татьяна Юрьевна и княгиня Марья Алексѣевна — зато и отдадимъ должную честь Татьянѣ Юрьевнѣ и княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ! Роскошь, этотъ ядовитый червь, гложущій большіе города, разторгающій связи семействъ, сокращающій жизнь нашу — этой роскоши почти не существовало въ городѣ, не взирая на почтенные палаццо, о которыхъ мы сейчасъ говорили, не взирая на кареты шестерикомъ, не взирая на обиліе двухаршинныхъ стерлядей. Пока англійскій клубъ не избаловалъ гастрономовъ и не нанесъ страшнаго удара семейной жизни, потребности самыхъ богатыхъ Москвичей поражали своей разумностью, той разумностью, безъ которой самое теплое гостепріимство приметъ колоритъ болѣзненно-тщеславный. Московскіе богачи, каждый день дававшіе обѣды на сотню человѣкъ, кормили своихъ гостей простыми кушаньями и сами не знали кухонныхъ ухищреній, приносящихъ съ собой раззореніе. Изъ Москвы прибылъ къ намъ тотъ афоризмъ, безъ котораго, по нашему мнѣнію, не существуетъ истинной гастрономіи: *человѣкъ долженъ видѣть, что онъ ѣстъ: всякая хитрая приправа кушанью можетъ только возбудить неудовольствіе гостя и навести подозрѣніе на хозяйскаго повара.* Почти такимъ же взглядомъ руководились распорядители и учредители общественныхъ увеселеній. Огромная зала дворянскаго собранія, въ наше время никогда не наполняющаяся вполовину, — въ старые годы бывала полна по два раза въ недѣлю, полна веселящейся публики, и публика танцовала въ ней до упаду, какъ на дружескомъ семейномъ вечерѣ. Какимъ дивнымъ путемъ директоры могли такъ часто наполнять свои залы? Система ихъ была весьма проста: они изгнали роскошь, не требовали роскоши отъ гостей, убѣждали дамъ одѣваться какъ можно проще и такимъ образомъ сдѣлали собраніе доступнымъ для всего хорошаго общества. Еслибъ красавицамъ старой Москвы сказали, что лѣтъ черезъ тридцать-пять наступитъ время, когда каждый выѣздъ семейства на балъ будетъ обходиться въ тысячу рублей, и когда самыя богатыя плясуньи станутъ сидѣть дома, не имѣя возможности бросать столько денегъ на одинъ вечеръ, — красавицы старой Москвы или подняли бы на смѣхъ пророцателя, или восплакали бы о своихъ дѣтяхъ! Рядомъ съ такой умѣренностью въ дѣлѣ увеселеній

Digitized by Google

шла изобрѣтательность, свойственная только людямъ образованнымъ, хорошимъ и дружнымъ между собою. Разспросите какихъ нибудь старушекъ о томъ, каковы были концерты московскаго собранія, маскарады, ужины, баснословные по дешевизнѣ и наконецъ знаменитые утренніе балы, утренніе балы, на которыхъ должно было блистать красотой и свѣжестью лица, никакъ не кружевами и не брилліантами. Боже! какой трепетъ и какое волненіе возбуждали эти утренніе балы, срочный экзаменъ для красавицъ, экзаменъ, отъ котораго отдѣлываться было нельзя, подъ страхомъ прослыть за старуху, употребляющую румяна! Такова была зимняя жизнь прежней Москвы, и лѣтняя ея жизнь имѣла тоже свою прелесть. О маленькихъ дачахъ, съ ихъ крашеной мизерностью и тѣснотою, такъ располагающей къ уличной жизни, — никто не имѣлъ понятія — на лѣто Москвичи или разъѣзжались по своимъ имѣніямъ, или проживая въ городѣ, въ своихъ собственныхъ садикахъ, во всякой свободный часъ посѣщали то или другое изъ барскихъ имѣній, постоянно открытыхъ всякому званому и незваному. Мудрено ли, что жизнь подобнаго рода находитъ себѣ до сихъ поръ восторженныхъ поклонниковъ между нашими отцами и тетушками? Мудрено ли, что и мы сами, наслушавшись ихъ разсказовъ о нашей старой Москвѣ, *merry old Moscow*, не можемъ видѣть стараго, запущеннаго барскаго дома на какой-либо московской улицѣ, — не можемъ видѣть такого дома и не призадуматься о всемъ томъ, чему такой домъ, нынѣ заброшенный или проданный, — былъ когда-то свидѣтелемъ!

Читатель, очень хорошо знающій, что въ началѣ предлагаемой ему статьи выставлены имена двухъ поэтовъ нашихъ, В. Пушкина и Вяземитинова, можетъ быть, сѣтуетъ на наши разглагольствованія о московской жизни и думаетъ при этомъ, «да какое же отношеніе можетъ быть между этой жизнью и рецензіею, которой я дожидаюсь? Но мы смѣемъ надѣяться, что половина нашего дѣла сдѣлана Впечатлѣніе, произведенное на насъ полнымъ собраніемъ стихотвореній Василія Львовича Пушкина, какъ нельзя болѣе сходствуетъ съ впечатлѣніемъ при видѣ старыхъ, почтенныхъ московскихъ домовъ, о которыхъ мы говорили недавно. Въ этихъ домахъ когда-то жили добрые, счастливые, умные люди, — умѣвшіе веселиться, въ этомъ поэтѣ жилъ духъ веселаго, образованнаго человѣка, хорошо понимавшаго науку жизни. О цѣломъ занимательномъ періодѣ московской жизни говорятъ намъ барскіе дома Москвы, — объ этомъ самомъ періодѣ напоминало намъ дарованіе В. Л. Пушкина, одного изъ образованнѣйшихъ москвичей стараго

Digitized by Google

времени. Съ этой точки зрѣнія труды Василья Львовича, слабые въ безусловномъ смыслѣ, имѣютъ нѣкоторое относительное достоинство. Въ нихъ сказывается намъ почтенный эпикуреецъ стараго поколѣнія, человѣкъ воспитанный и сочувствующій словесности, взросшій на Вольтерѣ и Горацiѣ, родственникъ и сопменникъ великаго пѣвца нашего, сверстникъ и другъ такихъ людей какъ Карамзинъ, Жуковскій, Дмитріевъ, князь Вяземскій и А. И. Тургеневъ.

Василій Львовичъ считался украшеніемъ стараго московскаго общества, и хотя по связямъ своимъ не разъ покидалъ любимую свою резиденцію, но Москва, по его собственному выраженію, была для него всегдашнимъ пріютомъ отъ бурь житейскихъ. Спокойная, разнообразная, нѣсколько лѣнивая жизнь старой нашей столицы, какъ нельзя лучше подходила къ понятіямъ и средствамъ поэта, стоявшаго на рубежѣ двухъ литературныхъ поколѣній, и этимъ самымъ отчасти обреченнаго на скромную дѣятельность. Не смотря на сатирическое направленіе нѣкоторыхъ произведеній В. Л. Пушкина, не взирая на его роль въ арзамасскомъ литературномъ обществѣ, не смотря на «*Грозный Вотъ*» (прозваніе Василья Львовича, сохраненное въ посланіи его племянника), намъ кажется, что дядюшка Александра Сергѣича, большой скептикъ по природѣ, глядѣлъ на каждое «піитическое упражненіе», какъ на умственную гимнастику, какъ на игру, честную, полезную игру и ничего болѣе. «*О радость, о восторгъ! и я.. и я — піитъ!*» возгласилъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, читанномъ на вечерѣ у Хераскова; но едва-ли восторженное восклицаніе, здѣсь приведенное, не было сказано для одной красоты слога, въ угодность пѣвцу «Россіады», всегда считавшему свѣтскаго Василья Львовича за вѣтрогона, пренебрегающаго прямымъ путемъ къ вершинѣ росскаго Пинда. М. А. Дмитріевъ, въ своихъ любопытныхъ замѣткахъ о литературѣ стараго времени, сообщаетъ намъ исторійку, основываясь на которой, мы и произнесемъ свое сужденіе. Одинъ разъ В. Л. Пушкинъ явился къ высокопарному автору «Кадма и Гармоніи» съ небольшимъ сверткомъ стиховъ, собираясь прочесть ихъ суровому старцу. Херасковъ, внѣ своего собственнаго признанія не признававшій никакихъ другихъ піитическихъ направленій, былъ убѣжденъ, что дѣло идетъ о какой-либо трагедіи, поэмѣ, одѣ и такъ далѣе. Пушкинъ развернулъ свертокъ, и вдругъ уши маститаго ветерана поразились слѣдующими звуками:

Digitized by Google

Чѣмъ я начну теперь? Я вижу, что — *баранъ*
Найдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ рифма — *барабанъ;*
Извѣстно вамъ, друзья, что галка не — *фазанъ*,
И что въ поэтахъ я казакъ, а не — *четманъ;*
Но васъ душой люблю и это не — *обманъ:*
Разсмѣйтесь — я счастливъ. Послушайте — *Арманъ*
Былъ добрый человѣкъ. Что наша жизнь? — *романъ*,
Онъ часто говорилъ. Что наша смерть? — *туманъ.*
А лучше что всего? биф-штексъ и — *лабарданъ.*
И если жъ я умру, пусть трупъ мой хищный — *вранъ*,
Какъ хочетъ, такъ и ѣстъ; смерть, грозный — *великанъ*,
Уноситъ все съ собой. И дубъ, и — *маяранъ*,
И червь и человѣкъ въ рукахъ ея — *воланъ:*
Поймаетъ вмигъ она, и спрячетъ въ свой — *карманъ;*
Оттуда не уйдешь ни въ Лондонъ, ни въ — *Миланъ.*
Арманъ мой справедливъ: смерть лютый — *звѣрь-кабанъ*,
Гіена, леопардъ; могила не — *диванъ:*
Когда подумаю, что лѣзть мнѣ въ — *чемоданъ*,
Что тамъ исчезнетъ все и голова и — *станъ*,
Поморщусь и вздрогну. Я въ — *Музулипатанъ*
Согласенъ хоть сейчасъ; пройду — *меридіанъ;*
Но пусть я буду живъ! Пусть жизни — *караванъ*
Въ дорогѣ будетъ вѣкъ. Французъ и — *молдаванъ*
Твердятъ, что смерти путь и трудепъ и — *пещанъ;*
А въ жизни мило все, крапива и — *тюльпанъ.*
Живу, люблю, горю; Амуровъ мнѣ — *капканъ*
Не страшенъ никогда. Уродливый — *Вулканъ*
И Марсъ, и Аполлонъ, Добрыня и — *Полканъ*
Амура чтили всѣ. Стамедъ и — *тарлатанъ* —
Прекрасно все на той, которой онъ — *колчанъ*
И стрѣлы далъ свои. Амуръ — *Левіаванъ* —
Въ романахъ говоритъ извѣстный — де-*Трессанъ.*
Амуръ богъ радостей, гласитъ намъ — *Унцельманъ:*
Прекрасной вѣрю я. И грекъ и — *музульманъ*
Готовы въ ротѣ быть, Эротъ гдѣ — *капитанъ;*
Захочетъ сильный богъ, красавецъ и — *губанъ* —
Пойду съ Темирой я въ огонь и въ — *океанъ.*

При первыхъ стихахъ Херасковъ съ недоумѣніемъ приподнялъ голову — а вслѣдъ затѣмъ разсердился на молодого поэта. Дѣло въ томъ, что стихи Василья Львовича были написаны на заданныя сумазбродныя рифмы, нарочно выбранныя съ трудомъ, для усиленія трудности въ задачѣ. Задача, какъ всякій самъ можетъ повѣрить, была выполнена прекрасно, и нѣтъ сомнѣнія, что

Digitized by Google

всѣ jeux d'ésprit Василья Львовича, еслибъ ихъ собрать въ одну книжку, составили бы сборникъ весьма характеристическій.

Между этими jeux d'ésprit, иногда принимавшими большіе размѣры и очень часто отдѣлываемыми съ великимъ тщаніемъ, необходимо надо упомянуть о поэмѣ, на которую не разъ ссылается А. С. Пушкинъ, въ V главѣ «Онѣгина» и въ своихъ мелкихъ замѣткахъ. Это шуточное произведеніе, содержащее въ себѣ разсказъ о томъ, какъ одинъ буйный и промотавшійся пріятель увлекъ автора въ собраніе гулякъ, неспособныхъ провести вечера не подравшись, знакомо всему свѣту и содержитъ въ себѣ признаки таланта истиннаго; а фигура Буянова, растрепаннаго господина, *въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ*, подтибрившаго рысаковъ у Пахома и мечтавшаго о томъ какъ бы лихо прокатиться по городу и подставить фонари своему ближнему—стоитъ передъ читателемъ какъ живая. Впечатлѣніе, оставленное въ насъ нѣкоторыми мастерскими подробностями всего разсказа, было такъ замѣчательно, что въ первый разъ увидавъ полное собраніе стиховъ В. Л. мы долго искали въ нихъ какихъ нибудь картинъ московскаго быта, набросанныхъ знакомой размашистой кистью,—но ожиданія наши были напрасны — поэтъ или не сознавалъ самъ своего дара или не умѣлъ извлечь изъ него полное для искусства примѣненіе. Жаль, истинно жаль, что между тысячами слушателей, толпившихся вокругъ Василья Львовича и съ хохотомъ внимавшихъ разсказу про Буянова, не нашлось ни одного строгаго цѣнителя, который сказалъ бы даровитому шутнику: «въ тебѣ кроется талантъ оригинальный, талантъ истинный, талантъ, котораго не слѣдуетъ тратить на шалости. Произведеніе твое исполнено мѣткихъ выраженій, живыхъ стиховъ, картинъ, достойныхъ фламандскаго живописца, юмора, которому надобенъ лишь просторъ и достойная тема. Будь же самимъ собою, пока еще время. Брось стихотворныя шалости, оставь шутки и подражанія Дмитріеву, будь самимъ собою и знакомь насъ съ русскою жизнью, безъ прикрасъ и риторическихъ умствованій!» Еслибъ у Василья Львовича нашелся подобный совѣтникъ, и еслибъ совѣты подобнаго рода затронули его за живое,—мы имѣли бъ однимъ оригинальнымъ поэтомъ больше, и имя Василія Пушкина не казалось бы ничтожнымъ именемъ, даже еслибъ его сказать тотчасъ послѣ имени Пушкина —Александра.

Послѣ всего сказаннаго нами, понятно будетъ читателю, много ли пользы и наслажденія получитъ онъ, пробѣгая полное собраніе сочиненій В. Л. Пушкина. Для человѣка, знакомаго съ старой Москвою и прежнимъ литературнымъ кругомъ — многія темныя мѣ-

Digitized by Google

ста покажутся ясными и стало быть книга отъ того выиграетъ. Для наблюдателя, имѣвшаго случай слыхать разсказы о литературномъ періодѣ времени Василья Львовича, чтеніе его стихотвореній не будетъ лишнимъ дѣломъ. Но для любителей истинной поэзіи, даже для поклонниковъ легкаго чтенія — едва ли разбираемый нами поэтъ въ силахъ дать что-либо пріятное. Дарованіе его слишкомъ неопредѣленно, и самъ онъ не вѣритъ въ свое дарованіе. Литература, какъ мы уже замѣтили одинъ разъ, для Василія Львовича была умственною гимнастикою, никакъ не дѣломъ всей жизни, не любимымъ трудомъ, не ежечасною борьбою въ пользу своего таланта. Воспитанный на французскомъ языкѣ, французскомъ умѣ и французскихъ поэтахъ, Пушкинъ старшій съумѣлъ остаться русскимъ по сердцу, — но его міросозерцаніе, его жизнь, его умъ, его капризы, наслажденія, предразсудки — все это было французскимъ. Въ Херасковѣ чтилъ онъ уваженіе къ псевдоклассицизму, въ Шишковѣ и парнасскихъ славянахъ ненавидѣлъ онъ пополэновеніе вражды съ заранѣе принятыми авторитетами. Умъ, или вѣрнѣе остроуміе, были божествами для Василія Львовича, разрядъ *головной* поэзіи былъ для него любимымъ разрядомъ; къ романтизму онъ не питалъ никакого сочувствія, къ блистательнымъ начинаніямъ своего великаго племянника онъ оставался холоденъ и даже полувраждебенъ, какъ говорятъ нѣкоторые. Такимъ образомъ воспитаніе и предразсудки пѣвца Буянова шли совершенно наперекоръ всему тому, что въ немъ таилось хорошаго, какъ въ литераторѣ. В. Пушкинъ умѣлъ писать живымъ, мѣткимъ, чисто разговорнымъ языкомъ, но даръ этотъ употреблялъ только изрѣдка, въ басняхъ, на всякомъ шагу не довѣряя себѣ и думая — не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко, не вдался ли онъ въ низость и тривіальность языка? Мастерски изображая типическія лица въ своихъ шуточныхъ (и стало быть ненапечатанныхъ произведеніяхъ), онъ избѣгалъ всякой картинности въ стихотвореніяхъ, назначавшихся къ печати и даже смѣялся надъ картинностью манеры въ молодыхъ поэтахъ. Зная нѣкоторыя черты русскаго быта и даже умѣя передавать нашу народную рѣчь, Василій Львовичъ считалъ, что подражаніе Горацію или мадригалъ Хлоѣ во сто-кратъ выше всякой картины изъ русскаго быта. Подобно тому какъ самыя хорошенькія маркизы стараго версальскаго двора считали неловкимъ выѣзжать въ гости непарумянившись, — такъ и нашъ авторъ считалъ неприличнымъ пускаться въ печать, не запасшись игривостью, шутливостью, остроуміемъ словъ, ловкими сближеніями въ концѣ каждой пье-

Digitized by Google

скп. Намъ кажется, что всякій разъ, когда фантазіи Василія Львовича представлялась мысль простая и мѣткая, выраженіе или народное или очень картинное, онъ говорилъ себѣ усмѣхаясь — это годится для «Опаснаго Сосѣда», но никакъ для серіознаго произведенія. Нашъ поэтъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобъ говорить высокопарнымъ слогомъ и возноситься къ *райскимъ кринамъ*, когда-то росшимъ въ изобиліи на высотахъ *росскаго Пинда*, но убѣгая отъ трескучаго фразерства, онъ не могъ спастись отъ другой Харибды старыхъ нашихъ литераторовъ, — то есть отъ той фальшивой, сладенькой простоты или полупростоты, жрецами которой были Богдановичъ и отчасти Дмитріевъ. Оттого все собраніе стихотвореній, нами разбираемыхъ, читается не легко, и по прочтеніи оставляетъ довольно приторное впечатлѣніе; даже своимъ подражаніямъ Горацію нашъ поэтъ придаетъ нѣчто изнѣженное, многословное. Лучшими вещицами Василія Львовича намъ кажутся нѣкоторыя изъ его басенъ, писанныхъ на извѣстныя приключенія и споры, волновавшіе литературу и свѣтскій кружокъ того времени.

Но пора кончить съ Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ, — насъ ждетъ другой представитель прежняго московскаго общества, юноша много обѣщавшій для искусства и угасшій безвременно, оставивъ послѣ себя лишь одни замѣчательныя начинанія. Отрывки его юношескихъ опытовъ помѣщены въ одной книгѣ съ сочиненіями В. Л. Пушкина; по этимъ слабымъ отрывкамъ мы должны судить человѣка, выказывавшаго всѣ залоги первоклассныхъ писателей. Мы говоримъ о Веневитиновѣ, котораго принято оплакивать какъ юнаго угасшаго поэта, тогда какъ намъ кажется, что наша словесность лишилась въ Веневитиновѣ не поэта съ большими надеждами, — а критика и литературнаго двигателя, изъ тѣхъ многосторонихъ дѣятелей, которые для насъ можетъ быть еще нужнѣй чѣмъ поэты.

Не знаемъ откуда издатели Смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ почерпаютъ краткія біографическія свѣдѣнія объ этихъ авторахъ, свѣдѣнія иногда прилагаемыя въ началѣ, иногда въ серединѣ книжекъ (часто впрочемъ ихъ и вовсе не прилагается), — но во всякомъ случаѣ поражающія чрезвычайной бѣдностью содержанія. Намъ кажется, что издатели, скупясь заказывать біографическія замѣтки о поэтахъ и прозаикахъ, входящихъ въ составъ ихъ предпріятія, даромъ берутъ матеріалъ изъ газетныхъ некрологовъ, изъ статей, набросанныхъ давно и уже устарѣвшихъ; но, соблюдая такимъ образомъ низерную выгоду, они подвергаются

Digitized by Google

самому справедливому, заслуженному нареканію со стороны читателя. Такъ и къ сочиненіямъ Веневитинова приложено странички четыре о жизни и трудахъ молодого писателя, четыре странички, какъ кажется, написанныя однимъ изъ друзей покойнаго, и украшавшія въ 1827 году изданіе его стихотвореній. Подумайте объ этомъ — къ писателю, изданному въ 1855 году, когда исторія отечественной словесности такъ разработана, приложенъ біографическій очеркъ, составленный *въ 1827 году, за двадцать восемь лѣтъ* до нашего времени! Нѣтъ спора, что крошечный очеркъ, о которомъ здѣсь говорится, составленъ грамотно, написанъ съ теплотой и не безъ пониманія дѣла, но все-таки ему двадцать восемь лѣтъ, и сужденія, въ немъ излагаемыя, не совсѣмъ ладятъ съ нашими теперешними литературными понятіями. Съ 1827 по 1855 годъ наша критика сдѣлала же какіе нибудь успѣхи, мы выучились же сколько нибудь разборчивости, и уважая голосъ современниковъ Веневитинова, можемъ же взглянуть на молодого поэта съ нашей собственной точки зрѣнія! Не находимъ достаточно словъ, чтобъ достойно упрекнуть издателей за такое непростительное, нерадивое, обидное для литературы и публики невниманіе. Дѣлая экономію на грошахъ, всегда потеряешь рубли, и намъ грустно сообщить, что изданіе «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ», начавшееся съ успѣхомъ, каждый годъ теряетъ во мнѣніи покупщиковъ, благодаря промахамъ издателей. Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! такъ не издаютъ людей, которымъ вся грамотная Россія одолжена такъ много, такъ не позволяется обращаться съ поэтами, имена которыхъ, всякій нашъ соотечественникъ благоговѣйно произноситъ! Во имя приличія, во имя всей нашей словесности, произносимъ рѣшительное и рѣзкое слово по поводу небрежныхъ книгопродавческихъ спекуляцій. Такъ не дѣлаютъ прочныхъ дѣлъ, такъ не создаютъ дѣльныхъ предпріятій, такъ не издаютъ первыхъ русскихъ писателей. Если хотите пріобрѣтать рубль на рубль и работать спустя рукава — издавайте Поль-де-Кока и Александра Дюма, но не подступайтесь ни къ Карамзину, ни къ Батюшкову, ни къ Державину! Пора однако кончить со всѣмъ этимъ и вернуться къ Веневитинову.

Такъ какъ В. Л. Пушкинъ былъ представителемъ стараго поколѣнія старой Москвы, поколѣнія выросшаго на французскомъ воспитаніи и мирно окончившаго свою дѣятельность посреди тихаго дилетантизма въ дѣлѣ благъ житейскихъ, — В. Д. Веневитиновъ былъ представителемъ поколѣнія болѣе юнаго, болѣе серьознаго, болѣе страстнаго по натурѣ и болѣе развитаго воспитаніемъ. Ве-

Digitized by Google

невитиновъ родился въ Москвѣ, 14 сентября 1805 года, въ настоящее время ему было бы пятьдесятъ лѣтъ и онъ жилъ бы между нами, еслибъ неисповѣдимыя пути Провидѣнія пощадили его жизнь, такъ обильную надеждами. Много отличныхъ писателей, много храбрыхъ вождей, много государственныхъ дѣятелей дано Россіи поколѣніемъ, къ которому принадлежалъ Веневитиновъ, молодой человѣкъ, отмѣченный печатью таланта первокласснаго. Не въ стихотвореніяхъ юноши надо искать слѣдовъ этой печати, но въ его воспитаніи, въ его блестящей умственной дѣятельности, въ его свѣтломъ взглядѣ на искусство, въ его широкомъ развитіи, правильномъ и послѣдовательномъ, не взирая на всю свою широту. Вотъ что говоритъ о молодомъ писателѣ его біографъ: «Веневитиновъ обучался дома. Рано обнаружились въ немъ необыкновенныя способности къ живописи и музыкѣ; но занятія важнѣйшія не позволяли ему предаться имъ совершенно. Прилежно изучивъ многіе древніе и новѣйшіе языки, онъ съ жадностью перечитывалъ творенія классиковъ, и въ свободные часы переводилъ отрывки, особенно его поражавшіе. Чтеніе критическихъ книгъ было также съ раннихъ лѣтъ однимъ изъ любимыхъ его занятій. Почувствовавъ со временемъ всю бѣдность сужденій, основанныхъ на однихъ частныхъ наблюденіяхъ, онъ ревностно сталъ изучать критиковъ нѣмецкихъ и съ жаромъ принялся за философію. Съ тѣхъ поръ предметомъ его размышленій было его собственное, внутреннее чувство. Повѣрять, разпознавать его, было главнымъ занятіемъ его разсудка. Отъ того, не смотря на веселость, даже на самозабвеніе, съ которымъ онъ часто предавался минутному расположенію духа, характеръ его былъ совершенно меланхолическій; отъ того и въ произведеніяхъ его господствуетъ болѣе чувство, нежели фантазія. Желаніе служить отечеству не только словомъ, но и дѣломъ, заставило его переселиться въ Петербургъ и опредѣлиться въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ занимался службою со всею ревностью юности. Но здоровье его было уже разстроено, и 15 марта 1827 года онъ скончался отъ нервной горячки». Вотъ почти все что говоритъ о Веневитиновѣ одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей покойнаго; — чтобъ ближе понять, какую утрату мы всѣ понесли въ молодомъ писателѣ, надо будетъ остановиться надъ сочиненіями, оставшимися послѣ его смерти.

Малое число стихотвореній юнаго поэта, дошедшее до насъ, отличается достоинствами скорѣе относительными нежели безусловными. На перекоръ всѣмъ начинающимъ стихотворцамъ, Веневитиновъ не строитъ себѣ литературныхъ кумировъ, не увлекается

Digitized by Google

подражательностью, не идетъ ни за старой риторической школою, ни за туманными теоріями современныхъ ему романтиковъ. Не имѣя возможности, по причинѣ своей великой молодости, имѣть своего собственнаго поэтическаго фонда, онъ пренебрегаетъ заимствовать у другихъ и хладнокровно ждетъ своего часа. Если бы Веневитиновъ жилъ ранѣе Жуковскаго и Пушкина, гладкость, свѣжесть, сжатость его стиха послужила бы образцомъ и укоромъ для поэтовъ стараго покроя. Его нельзя упрекнуть въ стремленіи къ сладенькой и условной полупростотѣ, гладкій стихъ юноши не напоминаетъ «стиха безъ мысли въ пѣснѣ модной», — напротивъ того, стихъ Веневитинова ровенъ и силенъ отъ присутствія мысли, отъ полнаго пренебреженія писателя къ общимъ мѣстамъ, при помощи которыхъ, такъ легко говорить стихами. Возьмемъ напримѣръ небольшое стихотвореніе «Жизнь», въ которомъ до сихъ поръ не отыскать ни одной устарѣлой фразы, ни одного выраженія, противнаго языку настоящей поэзіи.

Сначала жизнь плѣняетъ насъ:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ
И, какъ заманчивый разсказъ.
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.
Кой-что страшитъ издалека, —
Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньѣ
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривой —
Мы привыкаемъ къ чудесамъ;
Потомъ — на все глядимъ лѣниво,
Потомъ — и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

Смѣло можемъ сказать, что подъ выписаннымъ стихотвореніемъ самъ Пушкинъ не постыдился бы подписать свое имя всѣми буквами. И однако, не взирая на его несомнѣнное достоинство, мы скорѣе видимъ въ немъ трудъ сильнаго мыслителя, умнаго литератора, нежели поэта по призванью. Въ томъ, что тонко развитая натура Веневитинова была понятлива въ поэзіи, въ томъ, что она была роскошно одарена и способна на всякій трудъ, для насъ нѣтъ никакого сомнѣнья. Но этого еще мало для того, чтобъ признать Веневитинова поэтомъ. Изъ него могъ выйдти отличный поэтъ, какъ

Digitized by Google

можетъ выйдти отличный поэтъ изъ каждаго 22-хъ-лѣтняго юноши, блистательно образованнаго, любящаго и понимающаго поэзію. Продолжая заниматься стихами, Веневитиновъ могъ написать длинную поэму, книжечку пзящныхъ стихотвореній, но одно время могло рѣшить, готовился ли въ немъ поэтъ оригинальный, сильный, понятный для Россіи и понимающій поэзію Руси. По складу ума своего, молодой человѣкъ былъ далекъ отъ подражательности, отъ способности пѣть съ чужого голоса; но можетъ быть по складу же своего ума онъ былъ удаленъ и отъ чистой оригинальности въ области поэзіи. Можетъ быть рано развитая способность анализа опередила его творческія способности, можетъ быть его собственная личность еще не имѣла времени характеристически обрисоваться; во всякомъ случаѣ Веневитиновъ, какъ поэтъ, не является намъ въ какомъ нибудь, опредѣленномъ, ему собственно принадлежащемъ видѣ. Въ лучшихъ своихъ стихотвореніяхъ онъ является намъ не страстнымъ юношей, не живымъ человѣкомъ, исполненнымъ достоинства и слабостей, но мыслителемъ почти идеальнымъ, отрѣшеннымъ отъ дѣйствительности. Потому въ лучшихъ стихотвореніяхъ Веневитинова мы еще не имѣемъ права искать отвѣта на вопросъ, чѣмъ сдѣлался бы этотъ даровитый юноша въ зрѣлые года своей жизни. Попытаемся теперь разсмотрѣть прозу Веневитинова, эти disjectae membrae poetae, эти замѣчательные отрывки, писанные замѣчательнымъ языкомъ и несомнѣнно показывающіе юношу замѣчательнаго. Намъ кажется, что проза нашего автора дастъ намъ отвѣтъ, котораго мы тщетно допытывались отъ его поэзіи.

Прозаическія сочиненія Веневитинова начинаются «Письмомъ къ графинѣ N N о Философіи», первымъ письмомъ изъ ряда писемъ, по всей вѣроятности неоконченныхъ молодымъ авторомъ. Но уже перваго письма достаточно, какъ для того, чтобъ показать точку зрѣнія, съ которой нашъ писатель глядѣлъ на науку, такъ и для удостовѣренія читателя въ драгоцѣнной способности Веневитинова популяризировать идеи самыя отвлеченныя. На первыхъ страницахъ своего посланія онъ говоритъ: «когда письма мои покажутся вамъ темными, разорвите ихъ тотчасъ же», — такъ велика увѣренность Веневитинова, такъ горяча его любовь къ начатому дѣлу. И надо признаться — дѣло начато превосходно, слогъ письма поражаетъ простотою и прелестью, всѣ положенія, выходя изъ души, проникнутой живымъ сознаніемъ, не только ясны какъ день, но и высказаны привлекательно. Прозу Веневитинова можно только сравнить съ тѣми лучшими страницами Карамзинской прозы,

Digitized by Google

въ которыхъ незабвенный сочинитель «Писемъ Русскаго Путешественника», сдѣлавшій такъ много для просвѣщенія своихъ читателей, передаетъ имъ свои выводы о Шекспирѣ, французской трагедіи или свои бесѣды съ поэтами и мыслителями Германіи. Страстно любя науку и желая сообщить другимъ людямъ плоды своихъ познаній, Веневитиновъ имѣетъ все нужное для бесѣды съ массой читателей: его живое слово увлекаетъ и заставляетъ думать; а молодость самого автора придаетъ его поученіямъ, что-то горячее, свѣтлое, напоминающее изустную бесѣду немногихъ людей съ убѣжденіями въ жизни. Обративши вниманіе на другую, весьма замѣчательную статью нашего автора «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», мы еще болѣе утверждаемся въ нашихъ понятіяхъ о прозаикѣ-Веневитиновѣ. По письму о Философіи мы признали за нимъ способность къ увлекательному изложенію чужихъ идей, — теперь намъ открываются эстетическія воззрѣнія самого писателя на словесность его родины. Намъ было ясно, что Веневитиновъ владѣетъ отличнымъ органомъ; посмотримъ теперь, на какой предметъ думаетъ онъ употребить этотъ органъ — поле для наблюденій нашихъ оказывается очень широкимъ, ибо въ статьѣ своей, толкуя о направленіи какого-то замышляемаго имъ періодическаго изданія, Веневитиновъ, по обязанности своей, касается самыхъ тонкихъ и самыхъ глубокихъ вопросовъ какъ русской журналистики, такъ и всей русской словесности.

Послѣ первыхъ разсужденій о просвѣщеніи и самопознаніи народномъ, составляющихъ исходную точку всего проекта, молодой писатель ясно высказываетъ намъ ту мысль, что благодаря подражательному характеру современной ему русской литературы, наше положеніе въ литературномъ мірѣ есть положеніе отрицательное, неясное и странное. Безпечная толпа русскихъ литераторовъ, мало воспитанная въ эстетическомъ отношеніи, по видимому не подозрѣваетъ того, что для всякой словесности необходимы здравая критика, выводы литературнаго самосознанія, незыблемыя истины, изъ которыхъ бы истекало разумное творчество дѣятелей. «Мы, русскіе, говоритъ Веневитиновъ, получили форму литературы прежде самой ея существенности. Все наше просвѣщеніе мы получили извнѣ, оттого и произошло наше *чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но рабольпство.* У насъ прежде учебныхъ книгъ появились журналы, прежде дѣльныхъ переводовъ оригинальные типы. Литература стала не дѣломъ, а забавою. Журналы наши до сихъ поръ служатъ пищей невѣжеству, ибо забавляютъ насъ игрой ума и схватываютъ

Digitized by Google

верхи со всѣхъ познаній, и не проникая въ глубину науки, только льстятъ нашей умственной лѣности. Противъ такихъ уклоненій литературы отъ ея здраваго пути, необходимо бороться каждому человѣку, уважающему родное искусство».

Вотъ что говорилъ двадцати-лѣтній Веневитиновъ, вотъ какъ смотрѣлъ онъ на современную ему критику, на современные ему журналы, поселявшіе страхъ во многихъ поэтахъ болѣе зрѣлыхъ и болѣе знаменитыхъ! Но пойдемъ далѣе въ нашемъ анализѣ.

«Легче дѣйствовать на умъ», говоритъ нашъ авторъ — «когда онъ пристрастенъ къ заблужденію, нежели когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. Ложныя мнѣнія не могутъ всегда состоятся; онѣ порождаютъ другія; такимъ образомъ вкрадывается несогласіе, и самое противорѣчіе ведетъ къ своего рода движенію, изъ котораго наконецъ возникаетъ истина. Давно ли сбивчивыя сужденія французовъ о философіи и искусствахъ почитались въ Россіи законами? И гдѣ же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ, или разсѣяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ большой упорностью стараются представить намъ прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, если бы оно было дѣломъ сознательнаго разсудка; но къ несчастію оно не произвело значительной пользы, ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи, заключалась не столько въ образѣ мысли, сколько въ бездѣйствіи мысли. Мы отбросили французскія правила не отъ того, что могли опровергнуть ихъ какою либо положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнялись у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ... Однако изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности, была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ есть всегда признакъ легкомыслія: самыя поэтическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ. У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство нѣкоторымъ образомъ освобождается отъ обязанности мыслить, и прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія.... Надлежало бы нѣкоторымъ образомъ охранить Россію отъ подражательности, закрыть отъ ея взоровъ всѣ маловажныя произшествія въ лите-

Digitized by Google

ратурномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, и опираясь на твердыя начала науки мышленія, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе... Не безполезно было бы обратить вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія. Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ вѣрную пользу: находясь въ мірѣ совершенно для насъ новомъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, какія намъ представятся. Такимъ образомъ мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ предметомъ нашихъ изысканій»... Веневитиновъ кончаетъ статью новымъ заключеніемъ о необходимости строгой эстетической критики, критики основанной на выводахъ науки, способной дать намъ должную самобытность и твердость во всѣхъ дѣлахъ искусства.

Вотъ на какого рода страницахъ основываемъ мы настоящую славу Веневитинова, — вотъ какими строками показалъ намъ талантливый юноша малую часть сокровищъ, въ немъ заключавшихся. Всѣ эти слова, всѣ эти выводы, всѣ эти благородныя стремленія не утратили ничего и по прошествіи тридцати лѣтъ. Что за свѣтлый взглядъ, что за самостоятельность убѣжденій, что за любовь ко всему дѣльному и прекрасному! Такъ, въ Веневитиновѣ лишились мы литератора истиннаго, рѣдкаго, блистательнаго. Онъ унесъ многое съ собой въ могилу. Онъ принесъ бы великую пользу родной словесности. Уступая многимъ изъ своихъ товарищей въ поэтическомъ талантѣ, онъ головой превышалъ ихъ всѣхъ въ другомъ отношеніи. Въ немъ готовился руководитель словесности, критикъ съ достоинствами по видимому несовмѣстимыми въ одномъ человѣкѣ, критикъ богатый образованіемъ, полный горячности и терпимости, одаренный поэтическимъ талантомъ, усовершенствованный жизнію въ образованнѣйшихъ слояхъ общества, благородный, энергическій, и непреклонный въ своихъ убѣжденіяхъ. Двѣ статейки по поводу А. С. Пушкина, помѣщенныя въ разбираемомъ нами «Собраніи» (одна изъ нихъ написана прекраснѣйшимъ французскимъ языкомъ, безъ педантизма и *жаргона*, такъ несноснаго во французскомъ языкѣ не-французовъ), въ высшей степени характеризуютъ критическую самостоятельность Веневитинова. Одна изъ нихъ, писанная въ 1825 году (автору не было еще тогда двадцати лѣтъ), возбуждена черезъ-чуръ восторженною статейкою «Московскаго Телеграфа» о первой пѣсни Евгенія Онѣгина. Веневитиновъ, самъ чтитель Пушкина, но чтитель разумный и нелицепріятный, былъ глубоко возмущенъ раболѣпными колѣнопреклоне-

Digitized by Google

ніями критика, поспѣшившаго поставить первую пѣснь «Онѣгина» на ряду съ твореніями Данта и Байрона. «Что бы сказалъ Пушкинъ» — почти въ такомъ смыслѣ говоритъ нашъ критикъ — «еслибъ онъ прочелъ статью, въ которой, вмѣсто здраваго суда, дѣльныхъ похвалъ и замѣтокъ, поэту расточаются, можетъ быть изъ корыстныхъ редакторскихъ цѣлей, похвалы самыя неловкія и преувеличенныя? Ошибки подобнаго рода могутъ только распространять ложныя понятія о Пушкинѣ, да и обо всей поэзіи. Кто отказываетъ Пушкину въ превосходномъ талантѣ, кто сомнѣвается въ его заслугахъ на пользу нашей словесности? Но какое отношеніе можете вы находить между Пушкинымъ и Байрономъ, какъ осмѣливаетесь вы ставить на одну доску первую пѣснь только что начатой поэмы съ произведеніями, въ которыхъ сосредоточивается стремленіе вѣка, и которымъ предназначено только остаться въ лѣтописяхъ ума человѣческаго. Я говорю смѣло о Пушкинѣ: онъ стоитъ на такой степени, гдѣ правда уже не колетъ глазъ. При всѣхъ заслугахъ пѣвца «Кавказскаго Плѣнника», «Людмилы и Руслана» и другихъ имъ подобныхъ произведеній, мы не видимъ въ немъ ничего такого, чтобы *дѣлало честь вѣку*, мы не видимъ, чтобы онъ шолъ впереди своего поколѣнія и представлялъ намъ въ своихъ созданіяхъ нѣчто изумительное и міровое. Его еще нельзя равнять съ поэтами, поражающими весь свѣтъ звуками своего голоса».

Переходя къ первой пѣсни «Онѣгина» (какъ извѣстно, самой слабой изо всей поэмы), Веневитиновъ вглядывается въ нее съ проницательностью до крайности рѣдкою въ то время, когда о Пушкинѣ никто не говорилъ безъ колѣнопреклоненія или свирѣпства. Эта пѣснь ему кажется прекраснымъ цвѣткомъ въ русской словесности, пріятнымъ началомъ чего-то многообѣщающаго, но ни чуть не картиной Рафаэля, какъ утверждаетъ рецензентъ «Телеграфа». Народности, чисто русскаго элемента Веневитиновъ не признаетъ въ новой вещи Пушкина; ему видимо не нравятся мелочныя описанія бульваровъ, трактировъ — всѣ эти описанія, отъ которыхъ конечно «Онѣгинъ» не выигрываетъ. «Я не знаю», говоритъ Веневитиновъ, «что тутъ есть народнаго, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій. И во Франціи, и въ Англіи пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театръ и на балы». Разговоръ поэта съ книгопродавцемъ нравится молодому критику безусловно; а вторая глава «Онѣгина», появившаяся послѣ окончанія всей статьи, побуждаетъ его къ чистосердечной за-

Digitized by Google

мѣткѣ о томъ, что эта глава «несравненно превосходнѣе первой, какъ по изобрѣтенію, такъ и по изображенію характеровъ».

Вотъ какого рода цѣнители нужны русскимъ поэтамъ и прозаикамъ, не смотря на всѣ ихъ достоинства. Горячо нападая на неловкихъ хвалителей Пушкина, Веневитиновъ за то поднимаетъ свой голосъ, когда по видимому всѣ прежніе хвалители оставили поэта, когда любимое дитя Пушкинскаго генія, «Борисъ Годуновъ», не находилъ себѣ сочувствія въ публикѣ, когда пришло время сказать читателю — «открой свои очи и привѣтствуй поэта, гигантскими шагами идущаго къ кругу великихъ, истинныхъ поэтовъ!» По поводу сцены изъ «Годунова», въ первый разъ помѣщенной въ «Московскомъ Вѣстникѣ», Веневитиновъ говоритъ дѣльное и честное слово. Престарѣлый инокъ, кончающій свое «послѣднее сказаніе» при свѣтѣ лампады и Григорій Отрепьевъ, пробуждающійся отъ тревожнаго сновидѣнія, здѣсь оцѣнены по достоинству. Тихое величіе, которымъ проникнуто начало всей сцены, геройческая кротость Пимена, жадное любопытство разпросовъ Григорія — все это схвачено, понято, истолковано молодымъ критикомъ. Веневитиновъ понялъ все созданіе такъ, какъ мы его теперь понимаемъ, и преклонясь передъ поэтическимъ даромъ Пушкина, привѣтствовалъ его уже не какъ любезнаго и талантливаго стихотворца, но какъ сильнаго мужа, устремившагося къ дорогѣ, проложенной стопами Гёте и Шекспира.

Намъ кажется, что статья, про которую мы здѣсь говоримъ, не была нигдѣ напечатана. Зналъ ли о ней Пушкинъ, чувствовалъ ли нашъ поэтъ, что въ Россіи находился одинъ высокоразвитый пламенный юноша, вполнѣ достойный цѣнить его произведенія? Сознавали ли сверстники его, русскіе писатели Пушкинскаго періода, что въ средѣ ихъ формируется человѣкъ, можетъ быть предназначенный, не смотря на свою молодость, быть ихъ цѣнителемъ, судьею, руководителемъ, совѣтникомъ въ часы сомнѣнія, заступникомъ въ глазахъ вѣтренаго читателя, человѣкъ исполненный сладкихъ словъ и высокихъ мыслей, критикъ честный и самостоятельный, дѣятель еще небывалый въ нашей словесности?

Но судьба судила иначе: двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду угасъ писатель, осмѣлившійся разоблачать ничтожность нашей критики и слабыя стороны всей словесности. При началѣ дней своихъ погибъ юноша, смѣло рѣшившійся сказать строгое слово по поводу первой пѣсни «Онѣгина», и за сцену изъ «Бориса Годунова» привѣтствовать въ Пушкинѣ поэта европейскаго. Честь и миръ праху

Digitized by Google

Веневитинова! вѣчная память юношѣ, въ полномъ смыслѣ слова *обильному надеждами!*.

1855.

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. А. ФЕТА. СПБ. 1856.

Мы предоставляемъ себѣ право въ скоромъ времени поговорить съ читателемъ во всей подробности о замѣчательномъ поэтическомъ дарованіи г. Фета, взявши предметомъ статьи нашей всѣ до этой поры извѣстныя публикѣ его произведенія. При появленіи нынѣ вышедшаго собранія лучшихъ стихотвореній этого поэта, мы не можемъ, однакоже, не высказать нѣсколькихъ замѣчаній, не передать нѣсколькихъ мыслей, хотя бы въ видѣ введенія къ будущему труду нашему. Такія книги не часто выходятъ изъ типографій, такіе поэты не всякій годъ даются той или другой словесности, хотя бы изъ числа самыхъ богатыхъ въ Европѣ. Голосъ добросовѣстной критики обязанъ встрѣчать подобныя явленія какъ можно своевременнѣе. Поэтому и мы поднимаемъ нашъ негромкій голосъ, выговаривая себѣ право снова и снова возвращаться къ писателю, который такъ для насъ дорогъ, — къ поэту, доставившему намъ на долго столько истинно сладкихъ мгновеній.

Признаемся съ полной откровенностью — судьба книжки, нынѣ лежащей передъ нами, интересуетъ насъ до крайности. Имя Фета давно знакомо всѣмъ людямъ съ изящнымъ вкусомъ, всѣмъ дилетантамъ по части чистаго искусства, всѣмъ читателямъ, способнымъ понимать живую поэзію, свободно выливающуюся изъ души симпатическаго смертнаго; но все-таки намъ кажется, что большинство нашей публики еще не высказалось относительно поэта нашего. Въ Англіи, въ Германіи, у насъ во время Пушкина книжка, о которой говоримъ мы, выдержала бы нѣсколько изданій въ самое короткое время, такъ она плѣнительна и оригинальна, такъ богата она сокровищами самой ясной, самой благодатной поэзіи. А въ настоящее время — успѣхъ стихотвореній Фета есть еще для него дѣло загадочное. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что книжка разойдется быстро, что она доставитъ многимъ людямъ много наслажденія, но такой результатъ, лестный для многихъ даровитыхъ стихотворцевъ, не покажется намъ результатомъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Книжку Фета мы хотѣли бы вы-

Digitized by Google

дѣть разхватанною въ нѣсколько дней, изданною вновь и вновь, въ разныхъ форматахъ, мы хотѣли бы встрѣчать ее на всѣхъ столахъ и во всѣхъ библіотекахъ, намъ желательно, чтобъ ей нашлось мѣсто въ порт-сакѣ дорожнаго человѣка, и въ карманѣ молодой дѣвушки, и на дачномъ балконѣ, и въ классномъ пюпитрѣ студента, и въ портфелѣ занятаго чиновника. Поэтъ, способный сказать всякому читателю столько новаго, свѣтлаго и отраднаго, имѣетъ законное право на полное сочувствіе со стороны каждаго читателя. Для чего преклоняться передъ иноземнымъ, если у насъ есть свое, можетъ быть, получше иноземнаго? Если цвѣтистый и напряженный англичанинъ Альфредъ Теннисонъ выдержалъ десять изданій, то почему же А. А. Фету (принимая въ соображеніе меньшее число читающаго класса въ Россіи) не имѣть десяти изданій? Мы сейчасъ собирались принять въ соображеніе меньшее число читающей русской публики, сравнительно съ англійской, мы его и приняли. Если масса покупателей англичанъ значительно обширнѣе массы покупателей русскихъ, — зато, по нашему полному убѣжденію, свѣтлое дарованіе Фета далеко оставляетъ за собой вычурное дарованіе Альфреда Теннисона.

И такъ, мы боимся, что публика наша можетъ не оцѣнить новой книжки стихотвореній г. Фета по достоинству, но поспѣшимъ же прибавить къ отзыву нашему одно оправданіе для русской публики. Не изъ неразвитости и не изъ холодности наша публика можетъ не оцѣнить поэта, о которомъ здѣсь говорится — эта самая публика обожала талантъ Пушкина, разкупала стихи Лермонтова и списывала своей рукой экземпляры комедіи Грибоѣдова. Но не забудемъ того, что читателей нашихъ — вообще немного шаткихъ и насмѣшливыхъ — наша критика и журналистика въ теченіе долгихъ лѣтъ усиленно отвращали отъ сочувствія къ дѣлу поэзіи. Въ дѣлѣ по преимуществу деликатномъ, въ воззрѣніяхъ тонкихъ по существу своему, читатель былъ запутываемъ, сталкиваемъ съ прямого пути, развлекаемъ и заблуждаемъ. Съ одной стороны его заставляли преклоняться передъ поэтами, не имѣвшими никакого поэтическаго дара, съ другой стороны его сушили неодидактическими теоріями, по свойству своему враждебными всякому проявленію искусства чистаго. Одинъ журналъ возглашалъ, что публика должна преклониться передъ русскимъ Гёте, господиномъ такимъ-то; другой журналъ, въ то же самое время, опровергалъ всѣ заслуги русскаго Гёте, именуя его русскимъ Бавіемъ. Тамъ публикѣ говорили, что въ дѣлѣ стихотворства нѣтъ средины между *всѣмъ* и *ничѣмъ*, геніемъ и бездарностью, возвы-

Digitized by Google

шенной дидактикой и газрствомъ; въ другомъ мѣстѣ провозглашалась рѣшительная безполезность стихотвореній, даже хорошихъ, даже весьма хорошихъ. Критика сороковыхъ годовъ, прекрасная въ главныхъ своихъ представителяхъ, но сухо-мертвенная въ подражаніяхъ и варіаціяхъ, имѣла слабую сторону въ своемъ дидактическомъ направленіи. Имѣя много важнаго дѣла передъ собою, она смотрѣла на поэзію съ исключительной точки зрѣнія, и при всемъ своемъ достоинствѣ не вступалась за нее передъ публикою, не защищала ее отъ шутовъ и пародистовъ. Поэту начинающему и второстепенному не было уголка на русскомъ Пиндѣ того времени. Печальная повѣсть, при всей бездарности нувелиста, цѣпилась за мысль въ ней скрытую, но никто не цѣпилъ второстепеннаго поэта за изящную картинку, за теплое чувство, за искру небеснаго свѣта. Никто не давалъ руки и совѣта робкимъ пѣвцамъ, наболѣе нуждающимся въ помощи и совѣтахъ. Оттого отъ суровой школы, обильной дарованіями всякаго рода, осталось намъ самое малое число поэтовъ истинныхъ, да и тѣ вполнѣ развились, вполнѣ окрѣпли только послѣ реакціи, возбужденной въ ихъ пользу, послѣ того періода, когда наша критика наконецъ поняла всю нелѣпость гоненія на поэтовъ. Четыре человѣка вполнѣ даровитые, говоримъ мы, остались намъ, и теперь развиваются свободно, по вдушеніямъ музы, сопутствующей каждому. Мы говоримъ про г. Некрасова — сильнаго человѣка, умѣвшаго слить свою энергическую поэзію даже съ нео-дидактикой стараго времени, про г. Майкова, неутомимо трудящагося на пользу родной словесности, про г. Полонскаго, столько лѣтъ хранившаго свой скромный свѣтильникъ посреди холодности и невниманія цѣнителей, и наконецъ про г. Фета, котораго оригинальное дарованіе, приближающееся къ дару импровизаторовъ, или еще вѣрнѣе, древнихъ *труверовъ*, неспособно пострадать ни отъ какого литературнаго направленія.

Если поэты сильные и даровитые, въ былое время, какъ будто уклонялись отъ значенія и званія поэтовъ, то какъ же должна была публика смотрѣть на это значеніе и это званіе? Очарованіе было разрушено; слово Парнассъ возбуждало одни смѣшныя мысли; въ умахъ публики поэтъ представлялся существомъ безполезнымъ, безъ толку болтающимъ — почти что помѣшаннымъ. Онъ обязанъ былъ пѣть превосходно или не пѣть вовсе: среднихъ терминовъ не допускалось. Говорятъ намъ, что въ игрѣ на скрипкѣ не можетъ быть посредственности, но мы имѣемъ слабость думать, что самъ Паганини, хотя одинъ день въ своей жиз-

Digitized by Google

ни, а игралъ посредственно. Во всякомъ новомъ поющемъ голосѣ (а голоса эти являлись рѣже съ каждымъ годомъ) публика ждала Паганиніевыхъ совершенствъ, но совершенства сразу не сказывались, и публика переставала слушать и голоса умолкали при шиканьи остроумныхъ рецензентовъ. А такіе рецензенты являлись сотнями. Дѣйствительно, смѣяться надъ поэзіею весьма легко и выгодно. Для дѣльнаго слова объ ученой книгѣ надо знать науку, для разбора сноснаго романа или повѣсти не совсѣмъ глупой, потребно имѣть хоть какой нибудь эстетическій взглядъ, — но для глумленія надъ стихотвореніями требуется лишь бойкое перо и безсовѣстность передъ слабымъ.

И тутъ-то стали появляться шутки, фельетонныя разглагольствованія и совѣты начинающему дѣятелю, и насмѣшки надъ луною, и дионрамбы о старомъ времени, когда за удачное стихотвореньице давалась слава, и ребяческое заключеніе о томъ, что теперь мы уже не тѣ, о томъ, что мы серьозные люди, о томъ, что въ душѣ нашей возникаютъ великіе вопросы! На сколько все это вредоносное вліяніе могло отразиться на публикѣ? На сколько теперешній нашъ читатель охлажденъ къ дѣлу поэзіи? Достаточно ли исправили дѣло новая реакція противъ недавняго, ультрареальнаго воззрѣнія на стихотворцевъ и ихъ значеніе? Участь книги г. Фета будетъ отвѣтомъ на вопросы наши. Полагаемся на здравый вкусъ русской публики, на сочувствіе нынѣшнихъ цѣнителей литературы, и будемъ ждать результата, не безъ значительнаго любопытства.

Вернемся теперь къ самому поэту, и постараемся по мѣрѣ силъ нашихъ высказать кое-что о значеніи его произведеній. Вся масса читателей, послѣ прочтенія нынѣ изданныхъ стихотвореній, должна раздѣлиться на три разряда. Первый разрядъ читателей не ощутитъ никакого удовольствія при чтеніи и отложитъ книгу въ сторону, но не осудитъ автора, ибо имя его уже пользуется почетною извѣстностью. Такихъ читателей мы оставимъ въ покоѣ, не обвиняя ихъ ни мало: ежели я могу не любить музыки, если мой сосѣдъ холоденъ къ живописи, отчего же пріятель мой и моего сосѣда не имѣетъ права быть холоднымъ къ стихотворной поэзіи? Въ подобныхъ случаяхъ лучше всего быть откровеннымъ и не скрывать своихъ вкусовъ: пониманіе хорошихъ стиховъ не есть еще необходимая принадлежность всякаго хорошаго человѣка; наука поэзіи есть наука своего рода, къ которой мое сердце можетъ не лежать также, какъ оно не лежитъ, напримѣръ, къ химіи и механикѣ. Второй разрядъ, состоящій изъ людей зоркихъ,

Digitized by Google

развитыхъ и много испытавшихъ, да сверхъ того просвѣтленныхъ многосторонним литературнымъ воспитаніемъ, отдастъ г. Фету всю справедливость, полюбитъ его вполнѣ, если еще не успѣлъ давно къ нему привязаться, — къ этому разряду, конечно, примкнутъ лучшіе наши литературные дѣятели и лица, сближенныя съ понятіями артистическаго круга. Этому разряду незачѣмъ много говорить про Фета: онъ знаетъ его болѣе насъ, любитъ его еще болѣе, чѣмъ мы любимъ. Остается третій разрядъ читателей, и разрядъ самый многочисленный (численность его будетъ зависѣть отъ успѣха книжки нынѣ появившейся). Къ третьему разряду подойдутъ всѣ тѣ читатели, которые, съ наслажденіемъ читая поэта нашего, не выяснятъ себѣ его значенія, не будутъ въ силахъ охарактеризовать словомъ того наслажденія, которое они вынесли послѣ чтенія. Не одни очень молодые люди, не одни мечтательныя дѣвушки, не одни лица, мало привыкшія къ чтенію, составятъ этотъ третій разрядъ — въ него войдутъ люди очень опытные и искушенные въ дѣлѣ поэзіи, и очень глубокомысленные, и очень осторожные. Самъ поэтъ новъ и оригиналенъ, муза его глубока и по временамъ туманна. Надъ многими стихотвореніями Фета надо будетъ задумываться — тѣмъ эти стихотворенія и прекрасны. Замѣтки наши набрасываемъ мы для третьяго разряда Фетовыхъ читателей и почитателей. Имъ постараемся мы, въ сжатомъ видѣ, разъяснить нашъ собственный взглядъ на музу Фета, и поучая по возможности читателя, мы не прочь поучиться и сами.

Пусть теперь каждое изъ лицъ, съ наслажденіемъ прочитавшихъ то или другое стихотвореніе изъ новой книжки г. Фета, постарается выяснить себѣ смыслъ только что имъ испытаннаго наслажденія. Съ помощью какой силы, съ помощью какой особенности нашъ поэтъ произвелъ свое дѣло, остановилъ вниманіе читателя, заставилъ его сердце биться сильнѣе? Очевидно не обиліемъ внѣшняго интереса, не драматизмомъ описанныхъ событій — такихъ достоинствъ отъ поэзіи не требуется. Равнымъ образомъ у г. Фета не находимъ мы ни глубокихъ міровыхъ мыслей, ни остроумныхъ афоризмовъ, ни сатирическаго направленія, ни особенной страстности въ изложеніи. Поэзія его состоитъ изъ ряда картинъ природы, изъ антологическихъ очерковъ, изъ сжатаго изображенія немногихъ неуловимыхъ ощущеній души нашей. Стало быть сердце читателя волнуется отъ вѣрности этихъ картинъ природѣ, отъ мастерского исполненія антологическихъ очерковъ отъ умѣнья поэта ловить неуловимое, давать образъ и названіе

Digitized by Google

тому, что до него было ничѣмъ инымъ, какъ смутнымъ мимолетнымъ ощущеніемъ души человѣческой, ощущеніемъ безъ образа и названія. Но знаетъ ли человѣкъ о томъ, какую великую роль въ его жизни играютъ мимолетныя духовныя ощущенія, какъ сильно сплетаются они съ его существованіемъ, какъ крѣпко помнятся онѣ, какъ трепещетъ душа его при каждомъ о нихъ намекѣ? Сила Фета въ томъ, что поэтъ нашъ, руководимый своимъ вдохновеніемъ, умѣетъ забираться въ сокровеннѣйшіе тайники души человѣческой. Область его не велика, но въ ней онъ полный властелинъ, неспособный бояться никакого совмѣстничества. Вдохновеніе и вѣра въ силу вдохновенія, глубокое пониманіе красотъ природы, сознаніе того, что проза жизни кажется прозою лишь для очей непросвѣтленныхъ поэзіею — вотъ особенности г. Фета, обличающія въ немъ поэта несомнѣннаго, чистаго, неспособнаго къ скептицизму или колебанію въ своемъ призваніи. Сверхъ того у поэта нашего есть еще два драгоцѣнныхъ качества — зоркость взгляда, разгадывающаго поэзію въ предметахъ самыхъ обыкновенныхъ и неотступное упорство въ творчествѣ, неуспокоивающееся до тѣхъ поръ, пока данный и подсмотрѣнный поэтическій моментъ не переданъ съ безграничной вѣрностью. Любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ иногда г. Фетъ относится къ поэзіи его поразившей, поэзіи, просящей воплощенія, требующей словъ и размѣра для ея уловленія. Онъ кидается на свой предметъ, какъ орелъ на добычу и очень часто схватываетъ его съ перваго разу, схватываетъ вполнѣ, возсоздаетъ его небольшимъ количествомъ словъ, къ которымъ величайшій поэтическій геній не съумѣетъ прибавить одного лишняго слова. Но иногда дѣло, по неуловимости предмета, идетъ иначе. Поэтъ борется со своей темою, какъ съ упорнымъ противникомъ, пытается передать свои чувства музыкой стиха, смѣшиваетъ туманъ съ свѣтомъ и тѣнью, и иногда остается побѣжденнымъ, но чаще оканчиваетъ свою задачу съ безпримѣрнымъ успѣхомъ. Этимъ-то путемъ объясняемъ мы значеніе Фетовой дѣятельности во всей ея совокупности, обиліе прежнихъ стихотвореній слабыхъ по исполненію, еще бо́льшее количество другихъ вещей, въ которыхъ прелестная поэтическая искра чуть брезжетъ посреди тумана и нестройнаго хаоса. Но въ книжкѣ, которая теперь лежитъ передъ читателемъ, нѣтъ произведеній слабыхъ или недодѣланныхъ. Тутъ видимъ мы поэта нашего побѣдителемъ на всѣхъ пунктахъ. Здѣсь неуловимое является схваченнымъ: поэзія воплощена въ гармоническое слово, туманнѣйшіе моменты нашей жизни разъяснены и отдѣлены отъ тума-

Digitized by Google

на. Въ книгѣ своихъ стихотвореній нынѣ изданныхъ, Фетъ является тѣмъ, чѣмъ всегда долженъ быть поэтъ могущественнаго дарованія, то есть человѣкомъ зрячимъ по преимуществу, истолкователемъ нашей житейской поэзіи.

Взглянувши на все дѣло съ вышепоказанной точки зрѣнія, мы безъ труда выяснимъ себѣ всѣ особенности Фетовской поэзіи и — мало того — будемъ способны анализировать самое наслажденіе, ею доставленное. Поэтъ угадываетъ намъ мимолетные порывы собственныхъ сердецъ нашихъ, передъ той или другой сценой природы, выговариваетъ то самое, что мы сами сказать бы хотѣли. Онъ даетъ слово и голосъ восхитительнымъ грезамъ давнозабытаго дѣтства нашего, онъ говоритъ своему читателю (если этотъ читатель не чуждъ поэзіи): «вотъ что душа твоя чувствовала въ минуты хандры, въ сладкія лѣтнія ночи, въ зимнюю вьюгу, вотъ отчего именно билось твое сердце при приближеніи весны, вотъ какія черты поражали тебя въ степи вечеромъ, на снѣжной полянѣ, залитой лунными сіяніемъ. *Я не выдумываю моихъ напѣвовъ, я ихъ угадываю.* Тамъ, гдѣ я угадалъ, твой глазъ туманится слезой и сердце твое бьется сильнѣе, и поэтическія ощущенія нагоняютъ на тебя сладостную дрожь и весь ты начинаешь порываться къ прошлому». И надо признаться, для угадыванія тончайшихъ отношеній души человѣческой къ окружающему ея міру, для подсматриванія химической связи (проснмъ прощенія за метафору) между всѣмъ существомъ нашимъ и чудесами видимой природы — мы не знаемъ поэта щедрѣе одареннаго. Міровымъ, европейскимъ, народнымъ поэтомъ Фетъ никогда не будетъ; какъ двигатель и просвѣтитель онъ не совершитъ пути, пройденнаго великимъ Пушкинымъ. Въ немъ не имѣется драматизма и ширины воззрѣнія, его міросозерцаніе есть міросозерцаніе самаго простого смертнаго, его вдохновеніе не выдержитъ продолжительнаго напряженія. Но сами эти условія, отдаляя г. Фета отъ стези поэтовъ подобныхъ Пушкину, Шиллеру, Байрону, навѣки укрѣпляютъ за нимъ его собственную область, въ которой, какъ мы уже сказали выше, нѣтъ у него ни сверстниковъ, ни соперниковъ. Передъ лицомъ вѣчно спокойной антологической древности, на единѣ съ прелестями природы, подъ вліяніемъ немногосложныхъ, но нѣжныхъ ощущеній, г. Фетъ — поэтъ самаго высшаго разбора. Подъ стихотвореніемъ, которымъ начинается книжка, (*О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной*) имя Пушкина не возбудило бы никакого диѳленія въ читателѣ; мастерской, неслыханно-прелестный анто-у логическій очеркъ «Діана» сдѣлалъ бы честь перу самого Гёте, въ

Digitized by Google

блистательнѣйшій періодъ для германскаго олимпійца. Въ нашемъ отзывѣ нѣтъ и тѣни преувеличенія, хоть не одному читателю онъ можетъ показаться преувеличеннымъ. Выписываемъ оба стихотворенія въ знакъ того, что не боимся принять на себя полную отвѣтственность за свой отзывъ.

1.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайной,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять, и снова призывать:
Дыша порывисто, одинъ, ни кѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

2.

Богини дѣвственной округлыя черты,
Во всемъ величіи блестящей наготы,
Я видѣлъ межь деревъ надъ ясными водами.
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами,
Высоко поднялось открытое чело,
Его недвижностью вниманье облегло, —
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ,
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
Я ждалъ — она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межь древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинные... Но мраморъ недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

Въ обоихъ стихотвореніяхъ каждое слово на своемъ мѣстѣ, каждая подробность дышетъ изяществомъ. Всѣ силы, всѣ средства поэта направлены на одинъ пунктъ и совокупностью своего дѣйствія создаютъ передъ читателемъ картины безпримѣрно поэтическія. Тутъ нечего замѣтить, нечего поправить, нечего пожелать даже — и содержаніе, и картинность, и жизнь, и музыка стиха, и мастерская постепенность рѣчи, и великолѣпныя заключительныя

Digitized by Google

строки, все это само просится въ память, все это говоритъ нашему сердцу.

Въ двухъ вышеприведенныхъ нами стихотвореніяхъ г. Фетъ беретъ сцены и моменты, удобные для передачи. Трудъ его можетъ показаться легкимъ въ нѣкоторомъ смыслѣ. Описать прерывистымъ, страстнымъ стихомъ ощущенія влюбленнаго юноши посреди молчанья ночи тайной, ясными образами возсоздать впечатлѣніе, производимое мраморною статуей Діаны у спящихъ водъ, между зеленью, можетъ поэтъ не очень тонкаго разбора. Сюжеты ясны и неизбиты, ихъ поэзія сама просится наружу. Изслѣдуемъ же манеру господина Фета надъ задачами болѣе трудными, надъ темами или прозаическими или приближающимися къ общему мѣсту.

Кто, напримѣръ, изъ нашихъ поэтовъ не описывалъ заката солнца въ тихій лѣтній вечеръ, кто не вдохновлялся видомъ цвѣтущей степи и не пробовалъ возсоздавать ясными изображеніями ощущеній, производимыхъ подобными сценами природы на нашу душу? Для того, чтобъ по этой части сказать что нибудь особенное, надо быть художникомъ по преимуществу. На русскомъ языкѣ мы знаемъ безконечное число стихотвореній такого рода, между ними несомнѣнное первенство принадлежитъ отрывку изъ «Онѣгина» съ описаніемъ Татьянина перехода вечеромъ къ домику Евгенія. Лермонтовъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «какъ часто, пестрою толпою окруженъ», рисуетъ намъ изображеніе не менѣе плѣнительное: старый барскій садъ въ часъ вечерней зари, просвѣчивающей сквозь листы темной аллеи, въ виду пруда подернутаго зеленой сѣтью травъ и разрушенной теплицы. Послѣ подобныхъ безсмертныхъ картинъ, трудно создать что либо къ нимъ приближающееся. Но г. Фетъ, всегда чуждый подражанія, пробуетъ перенести насъ въ степь вечеромъ. И онъ выполняетъ свою тему блистательнымъ образомъ:

Клубятся тучи, мглья въ блескѣ аломъ,
Хотятъ въ росѣ полѣжиться поля,
Въ послѣдній разъ, за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.
Нигдѣ жилья не видно на просторѣ,
Вдали огня ни пѣсни — и не ждешь!
Все степь да степь. Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.
За облакомъ, до половины скрыта,
Луна совтитъ еще не смѣетъ днемъ.
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунь проплылъ, не шевеля крыломъ.

Digitized by Google

Покрылись нивы сытью золотистой;
Тамъ перепелъ откликнулся вдали,
И слышу я — въ изложинѣ росистой
Въ полголоса скрипятъ коростели.
Ужь сумракомъ пытливый взоръ обманутъ,
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ съ неба звѣзды глянутъ,
И какъ рѣка засвѣтитъ млечный путь.

Перечитавши это стихотвореніе, ничего не теряющее возлѣ вещей Пушкина и Лермонтова, мы тотчасъ же увидимъ и оцѣнимъ отличительные признаки поэта нашего. Онъ весь живетъ моментомъ имъ схваченнымъ, онъ какъ бы отрѣшается отъ своей личности и возсоздаетъ поразившую его картину, не выпуская изъ нея малѣйшей подробности. Пушкинъ, какъ художникъ близкій къ геніальности, набрасываетъ свое созданіе небольшимъ числомъ штриховъ неподражаемо вѣрныхъ, а затѣмъ оставляетъ читателя работать своимъ воображеніемъ. Лермонтовъ вноситъ свои личныя воспоминанія, свою собственную поэтическую грусть въ строки, о которыхъ мы говорили. Г. Фетъ, уступая обоимъ поэтамъ въ широтѣ кисти, въ энергіи замысла, восполняетъ неравенство черезъ группированіе и отдѣлку подробностей. Онъ схватываетъ всѣ мелкія черты, характеризующія вечеръ въ степи, онъ упоминаетъ о взлетѣвшемъ жукѣ и о коростеляхъ, скрипящихъ въ росистой ложбинѣ, онъ прилаживаетъ складъ своего стиха къ общему тону произведенія, и результатомъ своего труда можетъ гордиться по справедливости. Степь вечеромъ залегаетъ въ душу читателя и остается въ ней навѣчно.

Не смотря на нѣкоторую неправильность въ языкѣ, отъ которой г. Фетъ едва ли когда нибудь отдѣлается, авторъ нами разбираемой книжки въ высокой степени обладаетъ еще одной особенностью, рѣдкою въ нынѣшнихъ поэтахъ, а именно высокой музыкальностью стиха. Не многіе изъ нынѣ живущихъ служителей Аполлона до такой степени разумѣютъ значеніе *музыки* словъ, не многіе умѣютъ выбирать столь удачно размѣръ для своихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ чуткъ и тонокъ. У него есть вещи, бьющія въ цѣль по одной своей музыкѣ. Стихами г. Фета можно зачитываться до головокруженія; въ нихъ есть нѣчто обаятельное, звучащее какъ струны, волнующее сердце, какъ изящная музыкальная симфонія. Выписывать стихотворенія такого рода было бы слишкомъ долго, ибо мы не знаемъ стихотвореній г. Фета, составленныхъ немузыкально. Для успокоенія совѣсти укажемъ

Digitized by Google

на вещь «Растутъ, растутъ причудливыя тѣни» на — «Люди спятъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ», на «Серенаду» (*Тихо вечеръ догараетъ*), на романсы «Спи, еще съ зарею» и «На зарѣ ты ее не буди», уже положенныя на музыку, которая, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, едва ли стоитъ музыки словъ, написанной самимъ поэтомъ. Но не можемъ отказать себѣ въ одномъ удовольствіи — перепечатать одно произведеніе, менѣе другихъ замѣченное цѣнителями, но по нашему мнѣнію поражающее своей музыкальностью, далеко уходящею за границы, до которыхъ когда либо добиралась современная поэзія послѣ Пушкина.

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь!
Твой сводъ упалъ; кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.
И стеколъ нѣтъ, и свищетъ вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющь растетъ, да устремляетъ очи
Полночная луна.
И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ,
Блеститъ его уборъ —
И слышатся на помостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.
И грустную симфонію печали
Звучитъ во тьмѣ органъ...
То тихо все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны и органъ.

Зная это стихотвореніе наизустъ, перечитывая его множество разъ, мы до сихъ поръ не можемъ еще охладѣть къ эффекту, имъ производимому. Это совершеннѣйшее музыкальное notturno, не только рисующее передъ нашей фантазіей величавую картину развалинъ, озаренныхъ луною, но еще сверхъ того уносящее нашу душу въ отдаленнѣйшія области, о которыхъ трудно говорить сухою прозою.

Теперь остается намъ встрѣтить г. Фета при самомъ сильномъ развитіи его творческихъ способностей. Мы должны прослѣдить за его дѣйствіями на уловленіе неуловимаго. Много можно и даже должно говорить объ этой способности, много выписокъ изъ книги нами разбираемой должны бы мы сдѣлать по этому случаю, — но времени у насъ будетъ еще довольно, и мы не прощаемся съ г. Фетомъ на долго. Теперь же мы ограничимся только небольшимъ указаніемъ самыхъ сильныхъ заслугъ нашего поэта. Всякій, кто только жилъ, видѣлъ, чувствовалъ и подстерегалъ неопредѣленные

Digitized by Google

порывы своего сердца — обязанъ привѣтствовать автора лежащей передъ нами книги — какъ поучителя и объяснителя. Каждому изъ насъ, людей не совершенно очерствѣлыхъ душою, Фетъ имѣетъ сообщить многое и многое. Ему открыта, ему знакома область, по которой мы ходимъ съ замирающимъ сердцемъ и съ полузакрытыми глазами: эта область—область поэтическихъ ощущеній души человѣческой. Наши дѣтскія воспоминанія, наши дѣтскіе страхи, наши сладкія ощущенія въ часъ занимающагося утра и въ темную ночь, озаренную звѣздами, — наши свѣтлыя мысли посреди сельскаго затишья, наши волненія передъ свиданіемъ съ первою возлюбленною, наши минуты хандры и минуты порывистой веселости — все это олицетворено, высказано, слито съ образами и музыкою стиха. Если кто изъ насъ, читая книгу стихотвореній г. Фета, ничего не увидитъ и ничего не припомнитъ — значитъ ему никогда не надо читать стихотвореній. Умъ отказывается вѣрить, что нашъ поэтъ, на такомъ маломъ количествѣ страницъ, въ тоненькой книгѣ съ широкими полями, могъ наговорить намъ столько свѣтлаго, столько новаго, столько нетронутаго, столько перечувствованнаго! Чего нѣтъ въ его книгѣ, на какія стороны тихой русской поэзіи не даетъ она отголоска? Какихъ картинъ не набрасываетъ передъ нами авторъ, въ произведеніяхъ короткихъ и сжатыхъ, иногда немного туманныхъ, иногда краткихъ до странности! И цѣль его болѣе чѣмъ достигнута. Мы видимъ передъ собою родныя снѣговыя поляны, занесённую снѣгомъ ракиту возлѣ ветхой калитки, изъ которой выбѣгаетъ гадающая дѣвушка съ вопросомъ: «какъ тебя зовутъ?» — мы присутствуемъ при народныхъ гаданіяхъ, мы слѣдимъ за тѣмъ, какъ снѣговыя поляны таютъ и разрушаются, какъ душистая весна начинаетъ вѣять крыломъ, мы слышимъ громъ телеги по еще замороженному пути, мы переплываемъ Днѣпръ въ половодье, мы бродимъ у морского берега, за которымъ заливъ разкидывается серебряною ризою. И кромѣ того, сколько еще картинъ, сколько еще воспоминаній, сколько еще поэзіи, въ которой древняя пластика идетъ слѣдомъ за германской туманностью, чисто русская картина смѣняетъ страстный лепетъ, обращенный къ Офеліи! Г. Фетъ чуетъ поэзію жизни, какъ страстный охотникъ чуетъ невѣдомымъ чутьемъ то мѣсто, гдѣ ему слѣдуетъ охотиться. Никакая трудность задачи, никакая тонкость ощущенія не пугаютъ поэта нашего, его слово въ нѣкоторомъ отношеніи выше обыкновеннаго поэтическаго слова — такъ мѣтко и далеко оно бьетъ въ свою цѣль. Люди, хорошо знающіе артиллерійское дѣло, разсказывали намъ не разъ, что при пробѣ огромнаго количества самыхъ обык-

Digitized by Google

новенныхъ ружей, всегда выдается одно такое, которое кидаетъ пулю втрое и вчетверо дальше, чѣмъ другіе стволы, сдѣланные на одномъ и томъ же заводѣ, изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ, — подобныя ружья тотчасъ же пріобрѣтаются охотниками и цѣнятся страшно. На чемъ основано такое отличіе боя, такая фантастическая неправильность? Талантъ г. Фета во многомъ напоминаетъ намъ оружіе, о которомъ сейчасъ говорилось: оттого нашего поэта можно изучать, имъ можно наслаждаться, но подражать ему нѣтъ никакой возможности.

Все сейчасъ нами сказанное, должно быть подкрѣплено примѣрами и конечно, за примѣрами остановки не будетъ. Покажемъ же нѣсколько разъ, какъ силенъ г. Фетъ въ борьбѣ съ неуловимымъ, а затѣмъ предоставимъ остальныя изслѣдованія самому читателю. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе, о которомъ невозможно не вспомнить въ часы лихорадочной безсонницы, въ глухую безпокойную ночь, подъ вліяніемъ смутныхъ ночныхъ грезъ, иногда налетающихъ на человѣка. Содержаніе вещи сумрачно-неуловимо, какъ таинственный полумракъ между разсвѣтомъ и утренней мглой, но послѣ стиховъ, его характеризующихъ, оно кажется и точнымъ, и понятнымъ, и сейчасъ только прочувствованнымъ.

Полночные образы рѣютъ,
Блещутъ искрами ярко въ потьмахъ;
Но глаза различить не умѣютъ —
Много ль ихъ на тревожныхъ крылахъ.
Полночные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ;
Но о чемъ это стонутъ онѣ?
Полночные образы воютъ,
Какъ духовъ испугавшійся пёсъ;
То нахлынутъ, то бездну откроютъ,
Какъ волна обнажаетъ утесъ...

Какая фантазія и какая правда, какая смѣлость и какая строгость исполненія! Цѣлая тревожная ночь въ этихъ двѣнадцати строчкахъ! Теперь возьмемъ другую ночь и другое ощущеніе, несравненно отраднѣйшее. Поэтъ идетъ по старому рыцарскому Ревелю, ночью, послѣ представленія Веберова Фрейшица. Душа его полна впечатлѣніемъ отъ оперы; старинныя зданія, раскиданныя по неровной мѣстности, будто тѣснятся по узкимъ улицамъ; небеса, посеребренныя луною, сверкаютъ надъ головой, какъ ясная, неширокая рѣка, и гдѣ-то вдали на высотѣ, на освѣщенномъ балко-

Digitized by Google

нѣ, раздаются нѣжучіе звуки рояля. Все нами сказанное въ прозѣ, схвачено и пересказано поэтомъ. Впечатлѣніе, имъ испытанное, безъ всякой утраты передается душѣ читателя, и волшебною силою пѣсни передъ нами рисуется и старый городъ, и узкая линія серебряныхъ небесъ между древними домами, блестящій балконъ на воздушной высотѣ, и звуки музыки будто къ намъ доносятся. И собственныя воспоминанія, выхлынувъ изъ глубины души нашей, идутъ слѣдомъ за поэзіей, навѣянною стихотвореніемъ. Кто изъ насъ не застанавался ночью, слушая музыку въ какомъ нибудь старомъ городѣ? — кто не уходилъ изъ театра и не заѣзжалъ въ гости къ Шиллеру, по великолѣпному выраженію Гоголя?

Продолжая обозрѣніе наше, мы невольно придемъ къ стихотворенію «Пчелы», одному изъ самыхъ *фетовскихъ* во всемъ собраніи. Смѣло можно сказать, что на русскомъ языкѣ еще не бывало подобнаго изображенія весенней нѣги, доходящей до болѣзненности, смутныхъ душевныхъ порывовъ, не поддающихся даже тѣни анализа прозаическаго! Намъ кажется, что поэтъ, написавши подобное стихотвореніе, не могъ не ощутить нѣкотораго недовѣрія къ своей музѣ — такъ тонокъ и неудобовыражаемъ предметъ имъ взятый, такъ оригинальна манера, съ помощью которой умѣлъ онъ воплотить въ слова все тонкое и неудобовыражаемое въ своей темѣ. Перечитайте это стихотвореніе со вниманіемъ и вы поймете отчего мы такъ стоимъ за званіе угадчика поэзіи, званіе, которое принадлежитъ г. Фету, по преимуществу, изъ числа всѣхъ современныхъ намъ поэтовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Пропаду отъ тоски я и лѣни,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни...
Въ каждый гвоздикъ душистый сирени,
Распѣвая, вползаетъ пчела...

Дай хоть выду я въ чистое поле,
Изъ совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу...
Съ каждымъ шагомъ не легче на волѣ,
Сердце пышетъ все болѣ и болѣ,
Точно уголь въ груди я несу.

Нѣтъ, постой же! съ тоскою моею
Здѣсь разстанусь. Черемуха спитъ...
Ахъ, опять эти пчелы подъ нею!
И никакъ я понять не умѣю
На цвѣтахъ ли, въ ушахъ ли звенитъ.

Digitized by Google

Много могли бы мы сказать о другихъ произведеніяхъ поэта нашего, вдохновленныхъ тѣмъ же духомъ и тѣми же побужденіями, но мы и такъ уже позволили себѣ много выписокъ. Пусть любители новаго въ поэзіи сами прочитаютъ «Узника», въ которомъ передано восторженное ощущеніе затворника передъ близостью свободы и моря, стихотвореніе «Постой! здѣсь хорошо! зубчатой и широкой...» разительно прекрасное по стиху и по темѣ, которую мы не въ силахъ изобразить прозаическимъ словомъ, и порывистый весенній гимнъ «Ужь верба вся пушистая», и «Больного», и стихотвореніе «Люблю я пріютъ вашъ печальный» — проникнутое всей поэзіею сельскаго спокойствія. Многое еще могли бы мы назвать въ книгѣ, но г. Фетъ не нуждается въ рекомендаціяхъ. Лучше будетъ, если мы, заключая нашу рѣчь о дарованіи поэта на передачу неуловимаго въ жизненной поэзіи, кончимъ нашу рецензію послѣдней выпиской, послѣднимъ произведеніемъ истинно волшебнымъ по своей силѣ, оригинальности и стремительности. Хвалить стихи подобнаго рода почти что непозволительно, анализировать ихъ также невозможно, какъ анализировать иной плѣнительный сонъ, повергающій человѣка въ восторженное состояніе и залегающій въ его память на долгія лѣта. Подобные сны даются разъ или два въ жизни; подобныя стихотворенія рѣдко пишутся и самыми могучими поэтами. Это не жизнь и не фантазія, не призракъ и не дѣйствительность: это восторженная греза, навѣянная безпредѣльной любовью и безпредѣльнымъ чарованіемъ майской лунной ночи.

ФАНТАЗІЯ.

Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.
Что жь молчимъ мы? или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи мая?
Иль поетъ и ярко такъ и страстно
Соловей, надъ розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды,
И дрожа ревнивыми лучами
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звезды?
На суку извилистомъ и чудномъ
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,

Digitized by Google

Надъ водой качается жаръ-птица;
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры;
Много сновъ проносится знакомыхъ
И на сердцѣ много сладкой вѣры;
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ;
Мигъ еще... и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.
Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

Подобной высокой, безграничной, волшебной, изумительной поэзіи надо поискать и поискать во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Можетъ быть между читателями найдутся цѣнители, способные разобрать «Фантазію» по строкамъ и спросить очень серьозно о томъ — откуда могли взяться водометы и расписныя раковины, свѣтлыя насѣкомыя и жаръ-птица, качающаяся на суку извилистомъ и чудномъ? На ихъ замѣчанія и вопросы отвѣчать невозможно. Тотъ, кто самъ, въ свою молодость и въ майскую ночь, возлѣ любимой женщины не грезилъ восторженными грезами, не видалъ фантастическихъ чудесъ и призраковъ поэтическаго міра, никогда не согласится ни съ нашими похвалами, ни съ нашими замѣтками.

Когда нибудь, въ свое время, мы поговоримъ и о слабыхъ сторонахъ Фетовой поэзіи, о нѣкоторой туманности и неправильностяхъ въ языкѣ нашего автора, объ ухищренномъ германскомъ элементѣ поэзіи, отъ которыхъ г. Фетъ не отрѣшился еще окончательно, и такъ далѣе. Но теперь намъ не до погрѣшностей, тѣмъ болѣе, что въ нихъ нѣтъ ничего положительно вреднаго таланту. Арабы, говоритъ намъ Карлейль, веселятся въ день рожденія своихъ поэтовъ. Отчего и намъ не позволить себѣ самаго свѣтлаго настроенія передъ книжкою, которая дѣластъ столько чести *русской литературѣ и русской поэзіи?*

1856.

Digitized by Google

VI.

«ЗИМНІЙ ПУТЬ», ПОЭМА П. ОГАРЕВА («РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ», 1856, № 6).

Г. Огаревъ — поэтъ того періода нашей словесности, который не имѣлъ поэтовъ. Не многіе изъ нынѣшнихъ читателей и литераторовъ могутъ припомнить въ точности, когда г. Огаревъ напечаталъ свое первое стихотвореніе, много ли и гдѣ онъ работалъ, имѣли ли его скромныя пѣснопѣнія успѣхъ какого либо рода. Поэтъ нашъ пѣлъ лѣниво и не смѣло, рѣдко и какъ будто разсѣянно, посреди общей холодности къ дѣлу чистой поэзіи, въ бурномъ хаосѣ столкнувшихся теорій, при шумѣ полемики и борьбы, во время успѣха сатирическихъ, психологическихъ, ультрареальныхъ прозаиковъ. Если его стихотворенія когда нибудь выйдутъ въ свѣтъ полнымъ собраніемъ, читатель прочитаетъ ихъ, какъ произведенія поэта и новаго и стараго въ одно время, — а въ умѣ памятливаго цѣнителя промелькнетъ свѣтлое воспоминаніе о небольшомъ количествѣ истинно поэтическихъ вещицъ, давно-давно затерянныхъ въ журнальномъ хламѣ, но въ свое время заставлявшихъ задумываться не одного человѣка, сочувствующаго изящному. Воспоминаніе о чемъ-то миломъ, слабомъ, грустномъ, мечтательномъ какъ-то попеволѣ сливается со всякимъ отзывомъ о дарованіи и карьерѣ г. Огарева. Картины, имъ изображаемыя, могли трогать только записныхъ любителей поэзіи, масса читателей не могла съ особеннымъ радушіемъ на нихъ любоваться. Описаніе тихаго лѣтняго вечера, знойнаго полдня въ лѣсу, стараго, пустого дома, въ которомъ какъ-будто еще бродитъ тѣнь когда-то милой женщины, лунной ночи и печальныхъ думъ, навѣянныхъ ея вліяніемъ — вотъ въ чемъ состояла большая часть вещей г. Огарева. И надо признаться, много тихой грусти, много нѣжной задумчивости было въ этихъ произведеніяхъ. До сихъ поръ намъ памятно, слово въ слово, одно изъ стихотвореній нашего поэта; называется оно, кажется, «Въ дилижансѣ»; когда оно было напечатано, о томъ мы не можемъ сдѣлать даже предположенія. Въ сумерки, поэтъ садится въ почтовую карету, наполненную незнакомыми пассажирами. Ихъ бесѣда ему не по вкусу, онъ грустенъ и раздражителенъ, стукъ колесъ и безсмысленный говоръ сосѣдей причиняютъ ему терзанія. Какъ вдругъ одна изъ женщинъ поворотила свое лицо къ свѣту — въ очеркѣ ея лица было что-то плѣни-

Digitized by Google

тельное... но пускай самъ поэтъ разскажетъ намъ все происшествіе.

И изъ-подъ шляпки вился локонъ темный...
Какое сходство! Боже! Грудь моя
Стѣснилась, холодъ обдалъ тайный...
Опять оно, видѣнье прежнихъ дней
Передо мной возникло такъ случайно,
И я съ нея не могъ свести очей,
Сквозь тьму глядя на ликъ едва приметный;
Тревожно жизнь мою я повторялъ,
И снова былъ я молодъ, и привѣтно
Кругомъ съ улыбкой Божій міръ взиралъ!
И я любилъ такъ полно и глубоко,
О, какъ же я былъ счастливъ въ этотъ разъ!
И я бъ желалъ, *чтобъ намъ еще далеко*
Далеко было ѣхать, — чтобы насъ
Безъ отдыха везла, везла карета,
И не имѣлъ бы этотъ путь конца,
И лучшія я пережилъ бы лѣта,
Глядя на очеркъ этою лица!

Все это полно чувства и поэзіи. Стихотвореніе, часть котораго мы сейчасъ выписали, понравилось намъ еще по другой причинѣ. Въ немъ было менѣе унылаго, недовольнаго, грустно-лѣниваго элемента, который безпрерывно и безпрерывно проявлялся въ другихъ стихотвореніяхъ г. Огарева, сообщая имъ печать однообразія и, что еще хуже, *безсилія*. Послѣ стихотворенія, врѣзавшагося намъ въ память и здѣсь частью выписаннаго, мы уже почти не встрѣчались съ небрежной музой нашего поэта. Она стала еще лѣнивѣе прежняго; а рѣдкія пѣсни ея сдѣлались еще унылѣе. И когда на сцену выступилъ кругъ поэтовъ нынѣ дѣйствующихъ и нынѣ пользующихся успѣхомъ, когда и читатель и критикъ стали обращаться съ стихотвореніями гораздо деликатнѣе, нежели обращались съ ними прежде, талантъ г. Огарева не откликнулся на реакцію, въ пользу поэзіи. Посреди голосовъ свѣжихъ, сильныхъ, самоувѣренныхъ, иногда нестройныхъ, но во всякомъ случаѣ громкихъ, едва-едва слышался лѣнивый шопотъ нашего поэта, шопотъ какъ-будто насмѣшливый. Молодой поэтъ Майковъ могъ увлекаться природою и древнимъ міромъ, Фетъ сочинялъ свои произведенія, исполненныя жизни и свѣжести, г. Щербина отправлялся за вдохновеніемъ въ древнюю Грецію, г. Полонскій изображалъ намъ картины Кавказа, всѣ эти поэты дѣйствовали горячо и бодро, но примѣръ не увлекъ старшаго ихъ собрата. Изрѣдка раз-

Digitized by Google

давалось со стороны г. Огарева какое-нибудь грустное стихотвореньице, какъ какое-то литературное memento mori. Но наконецъ развитіе поэтической и журнальной дѣятельности разшевелило небрежнаго поэта. Первые номера «Русскаго Вѣстника» украсились вещью, подъ названіемъ «Зимній Путь» поэта г. Огарева. Всѣ читатели прочитали «Зимній Путь» и «Зимній Путь» понравился всѣмъ читателямъ. Никто изъ критиковъ и даже праздныхъ фельетонистовъ не сказалъ дурного слова о талантѣ г. Огарева. Многія лица, весьма развитыя въ поэтическомъ отношеніи, прочли «Зимній Путь» по нѣсколько разъ и запомнили изъ него цѣлыя страницы. Иначе и быть не могло, все произведеніе заслуживаетъ своего успѣха. Оно тепло и свѣжо, въ немъ есть мастерскія картины природы, два или три эпизода изъ временъ юности, набросанные съ талантомъ, наконецъ стихъ его легокъ и граціозенъ, удобенъ для чтенія, удобенъ для памяти. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неоспоримыхъ достоинствъ, «Зимній Путь» имѣлъ успѣхъ и имѣлъ бы успѣхъ еще бо́льшій, если бъ ему не вредила та странность въ дарованіи г. Огарева, до которой мы лишь мимоходомъ коснулись въ началѣ нашего очерка.

Никакой поэтъ не можетъ существовать безъ энергіи, безъ того живого и необходимаго элемента, съ которымъ лѣниво-грустная муза г. Огарева никакъ не можетъ поладить. Подъ словомъ энергія, мы разумѣемъ не пламенность, не особенную фактуру стиха, дѣлающую стихъ желѣзнымъ и алмазнымъ (любимые эпитеты старыхъ критиковъ), даже не выдержанность манеры, даже не трудолюбіе, такъ необходимое и первоклассникъ геніямъ. Подъ словомъ поэтическая энергія мы разумѣемъ убѣжденіе самого поэта въ томъ, что онъ имѣетъ право жить и пѣть во весь свой голосъ свершая тѣмъ призваніе, ему данное отъ природы. Для человѣка, одареннаго поэтическою энергіею, слово муза есть не пустая выдумка изъ старой миѳологіи, для него вдохновеніе существуетъ не въ видѣ метафоры, придуманной классиками, а въ формѣ духовнаго ощущенія, и знакомаго, и понятнаго, и уважительнаго. Поэтъ энергическій будетъ всегда твердо стоять на своихъ собственныхъ ногахъ, каковъ бы ни былъ успѣхъ его пѣснопѣній. Онъ не будетъ выставлять на показъ свою лѣпость, а небрежное обращеніе съ музой станетъ онъ считать почти-что за преступленіе. Къ темѣ, его вдохновившей, такой поэтъ не будетъ подступать неохотно, какъ иногда подходитъ отъ нечего дѣлать иной бальной кавалеръ къ некрасивой дѣвицѣ, никѣмъ не приглашаемой на танцы. Всякій предметъ, затронувшій его поэтическое чутье, будетъ ему казаться

Digitized by Google

высокимъ, прекраснымъ, или, по крайней мѣрѣ, живописнымъ до крайности. Онъ не станетъ двоить своихъ ощущеній и бросаться съ одного пути на другой, но схвативши извѣстный предметъ, отдастся ему весь, хотя бы на одно мгновеніе. Слѣдуя такой дорогой, поэтъ съ энергіею всегда будетъ имѣть свой вѣсъ и свою цѣну, хотя бы въ общей сложности своего направленія, онъ грѣшилъ противъ самыхъ важныхъ законовъ искусства. Жизнь и постоянство, сила и сосредоточенная мысль способны всюду влить настоящую кровь, всюду высказаться самымъ мѣткимъ способомъ. Не только поэтъ, поставившій своею цѣлью одно свободное служеніе чистому искусству, — но и поэтъ-сатирикъ, и поэтъ-дидактикъ будутъ полны значенія, если каждый изъ нихъ пойдетъ по своей тропѣ съ энергіею, про которую сейчасъ говорилось. Всѣ первые поэты стараго и новаго времени, всѣ второстепенные дѣятели, оставившіе послѣ себя почтенный слѣдъ въ искусствѣ, съ избыткомъ обладали элементомъ поэтической энергіи. Не въ одной словесности изящной, но и въ музыкѣ, и въ живописи, и въ наукѣ видимъ мы то же самое. Сколько осталось намъ великихъ и умныхъ книгъ, построенныхъ на ошибочной системѣ, на невѣрной гипотезѣ, на обманчивомъ парадоксѣ! Но ученые мужи, сочинители этихъ книгъ, вѣрили когда-то и ошибочной системѣ, и гипотезѣ, нынѣ опровергнутой, и парадоксу, нынѣ никому не кажущемуся истиной. И вѣруя въ свой предметъ, и энергически дѣйствуя въ его защиту, они создавали безсмертныя творенія, — скептики же и индефферентисты, жившіе съ ними въ одно время, ровно ничего не создали. Въ наше время музыкантъ Вагнеръ волнуетъ всѣхъ европейскихъ композиторовъ своими оперными нововведеніями — онъ можетъ быть весьма неправъ передъ общимъ ареопагомъ, но онъ богатъ энергіею, и можно смѣло ручаться, что слѣдъ его не пропадетъ въ искусствѣ. Живописцы фламандской школы были, по нашему мнѣнію, образцомъ полезной энергіи, они, мало того, что создали новую блистательную школу въ искусствѣ, но такъ сказать породили поэзію своего родного края. Что было бы изъ этихъ мастеровъ, еслибъ они принимались за свой трудъ безъ глубокаго убѣжденія въ его законности, если бы, рисуя окрестности Гаги, они сердцами улетали подъ ясное небо Италіи и глядѣли на свои родныя равнины съ небрежною усмѣшкою? Ихъ взглядъ раздвоился бы безплодно и вмѣсто гигантовъ въ родѣ Рюисдаля и Вандеръ-Нээра, мы имѣли бы какихъ нибудь Рафаэлей Менгсовъ, пригодныхъ на одно созженіе! Такъ велико значеніе энергіи поэтической, такъ огромна ея роль во всѣхъ искусствахъ, что каждое

Digitized by Google

уклоненіе отъ ея законовъ составляетъ нѣчто подобное диссонансу или смѣшной писклявой нотѣ въ оркестрѣ. Лордъ Байронъ, въ минуту хандры, пытается увѣрить Европу, что человѣку его званія непристойно писать стихи, что онъ считаетъ унизительнымъ брать деньги за свои поэмы — эта дѣтская выходка, опровергнутая всею жизнью и дѣятельностью поэта, остается смѣшнымъ пятномъ его біографіи. Пушкинъ, въ періодъ «увядшей младости» и «баловней поэтовъ», относится къ своей музѣ съ юношескою небрежностью; всѣ лучшіе поклонники Пушкина возстали на него, и самъ поэтъ не замедлилъ искупить своего промаха самымъ геройскимъ, самымъ энергическимъ служеніемъ дѣлу своей жизни. Поэты второстепенные всего чаще терпятъ отъ заблужденій подобнаго рода, тѣмъ чаще, что въ ихъ натурѣ болѣе шаткости, что ихъ скоро плѣняетъ обманчивая прелесть дидактики съ туманностью, небрежности съ поверхностнымъ юморомъ.

Пора, однакоже, перейдти отъ общихъ соображеній къ фактамъ и доказательствамъ. Мы уже сказали, что «Зимній Путь» г. Огарева есть явленіе отрадное и почтенное, но охарактеризовать его значеніе какимъ нибудь другимъ, болѣе опредѣлительнымъ словомъ, мы почти не въ состояніи. Намъ хотѣлось сказать, что оно оставило въ насъ свѣтлое впечатлѣніе, но этого мы сказать не можемъ, потому-что у г. Огарева самыя свѣтлыя картины зачернены унылыми пятнами, неизвѣстно для какой потребы набросанными. Сказать, что «Зимній Путь» навѣваетъ читателю мысли грустныя и полезныя, мы тоже не можемъ, потому-что унылыя отступленія съ примѣсью лѣниво-небрежнаго юмора не научаютъ насъ ровно ничему. Отыскать въ «Зимнемъ Пути» слѣды энергической дидактики, которая когда-то имѣла свою цѣну и теперь по временамъ сообщаетъ оригинальную красоту вещамъ г. Некрасова — мы также не въ состояніи. Всюду, гдѣ поэтъ высказывается и кидаетъ свой личный взглядъ на предметы, имъ воспѣваемые, встрѣчаемъ мы одну блѣдность, двойственность, колебаніе и нѣкоторую кислоту взгляда: проснмъ прощенія за смѣлость фразы. И надо отдать справедливость таланту г. Огарева, не смотря на эти важныя недостатки, ясно свидѣтельствующія о его бѣдности по части поэтической энергіи, вся вещь изобилуетъ замѣчательными страницами. Раздробивъ «Зимній Путь» и выбросивъ изъ него слабыя строки, о которыхъ мы говорили, мы все-таки получимъ въ результатѣ рядъ мелкихъ стихотвореній, поэтически задуманныхъ и отчетливо выполненныхъ.

«Зимній Путь», какъ и слѣдовало ожидать, начинается описа-

Digitized by Google

нѣмъ ночного выѣзда и ясной лунной ночи; при чемъ поэтъ сообщаетъ намъ не безъ юмора, что онъ любитъ съ мудрою заботой свершить обязанности дня, то есть, вкусить обѣдъ и ужинъ, потому-что прибавляетъ онъ: «Всегда порядокъ въ жизни нуженъ».

За исключеніемъ этого отступленія, въ которомъ мы не видимъ совершенно никакой надобности, идетъ рядъ очень хорошихъ страницъ, опять перерываемыхъ замѣчаніями поэта о томъ, что мѣста, по которымъ лежитъ путь «ему знакомы такъ, что даже скучно» и о томъ, что мерцающіе огоньки въ окнахъ и дѣвушки, прядущія ленъ, «тревожатъ міръ души его тоской болѣзненной и трудной». Это послѣднее замѣчаніе, уложенное въ нѣсколько стиховъ, идетъ непосредственно за картиной, прекрасно набросанной, а за нимъ идетъ картина еще лучшая, изображеніе доброй старушки-помѣщицы, молящейся и гадающей въ карты о своемъ внукѣ Ванѣ. Отдавая всю справедливость обоимъ очеркамъ, мы видимъ себя въ необходимости рѣшительно осудить отступленіе, ихъ раздѣляющее. Ежели картины, изображаемыя поэтомъ, наводятъ на него тоску болѣзненную и трудную, то для чего же онъ не пишетъ картинъ, которыя не наводили бы на него этого непріятнаго ощущенія, совершенно лишняго при творчествѣ? Или, если онѣ все-таки ему пріятны, не смотря на тоску, ими пробужденную, то поэтъ обязанъ передать ихъ такимъ образомъ, чтобы и читатель вполнѣ раздѣлилъ его воззрѣніе. Стало быть передъ г. Огаревымъ, какъ живописцемъ русскихъ сценъ, открываются двѣ дороги, двѣ манеры живописи. Онъ можетъ идти или за Пушкинымъ, картины котораго такъ свѣтлы, успокоительны и прелестны, или за Гоголемъ, придававшимъ всѣмъ своимъ пейзажамъ (за исключеніемъ украинскихъ) колоритъ мрачный, но совершенно опредѣленный и естественный. Вмѣсто того нашъ поэтъ остановился на какой-то средне-пропорціональной точкѣ, на которой предметы двоятся и туманятся, выводы его пошли совершенно наперекоръ представленіямъ и самъ онъ не могъ сказать читателю ничего опредѣлительнаго.

Вслѣдъ за тѣмъ поэтъ проѣзжаетъ мимо кладбища, на которомъ похороненъ одинъ изъ его деревенскихъ друзей, обрисованный очень коротко и блѣдно; далѣе за кладбищемъ и косогорами и за рядомъ глупыхъ вѣхъ (можетъ быть мы черезчуръ придирчивы, но намъ досадно, для чего невинныя вѣхи названы *глупыми*), чернѣетъ пустырь, на которомъ недавно стояло богатое село, исчезнувшее отъ пожара. При видѣ мѣстности, свидѣтельницы печальной катастрофы, картина пожара возникаетъ передъ вообра-

Digitized by Google

женіемъ путника и онъ передаетъ намъ съ большимъ успѣхомъ всю сцену ужаса и смятенія. Пожаръ случился ночью и зимняя вьюга разнесла пламень по кровлямъ. Стихи описанія весьма картинны и сжаты, для примѣра выписываемъ небольшое число ихъ, при окончаніи:

Хватались бабы за пожитки,
Спасать холсты, корыта, питки,
А по дворамъ раздался рёвъ
Въ огнѣ покинутыхъ коровъ;
Въ забытой люлькѣ визгъ ребячій
Безсильно замеръ въ общемъ плачѣ.
Спасенья нѣтъ! Толпа глядитъ —
Оцѣпенѣвъ — какъ все горитъ;
Багровый свѣтъ въ мерцаньи длинномъ
Ложится по снѣгамъ пустыннымъ...
Такъ въ пору ранняго утра
Я не засталъ уже на двора...
Безъ словъ, безъ дѣлъ, безъ помышленій,
Бродили люди, словно тѣни...

Все это очень хорошо и наводитъ на хорошія мысли, не смотря на то, что какая-то сѣдая баба мотаетъ *глупо* головой во время пожара, а становой уныло щелкаетъ языкомъ.

Шестая строфа, или шестая глава, или шестое отдѣленіе, состоитъ изъ лучшихъ страницъ во всей вещи. Лѣсъ, посеребренный луннымъ сіяніемъ, обступаетъ кибитку нашего путника: по снѣгу стелются тѣни длинныхъ стволовъ. *Далеко въ лѣсную глубь уходитъ взоръ.* А за лѣсомъ, на горѣ стоитъ и старѣется старый барскій домъ, когда-то хорошо знакомый поэту. Къ этому дому когда-то вела дубовая аллея, дворъ его окаймляется литой рѣшеткой, столѣтній садъ шумѣлъ за домомъ и все вокругъ было полно жизнью, веселостью, роскошью, радушіемъ. Въ домѣ жилъ старый богатый генералъ съ красавицей дочерью; поэтъ вспоминаетъ и о старикѣ и о его дочери, и о роскошной ихъ жизни, и о первомъ балѣ, на которомъ ему пришлось быть въ ихъ домѣ, и о томъ, какъ царица вечера, молодая сосѣдка, прошла съ нимъ вмѣстѣ польскій. Выписывать всѣхъ этихъ отрывковъ мы не будемъ, потому-что они и безъ насъ будутъ оцѣнены читателемъ. Скажемъ только, что заключительная страница эпизода, приводящая многихъ цѣнителей въ восхищеніе, вовсе не кажется намъ лучшею во всемъ отрывкѣ. Весь разсказъ веденъ прекрасно и мы не находимъ причины хвалить его окончаніе въ ущербъ началу и срединѣ.

Digitized by Google

Слѣдующимъ за тѣмъ эпизодомъ мы недовольны болѣе, чѣмъ всѣми другими недостатками поэмы, взятыми въ сложности. Дѣло идетъ о жизни и смерти какого-то школьнаго учителя, съ которымъ поэтъ вмѣстѣ воспитывался и долго поддерживалъ дружескія сношенія. Мужъ этотъ въ юности отличался любовью къ философіи, изученіемъ Шеллинга. Философія не выучила его ничему, Шеллингъ не далъ гроша въ карманъ, и бѣдный юноша

Вѣчно недовольный
И міромъ, и собой самимъ,
И тяжкой бѣдностью томимъ,
Пошелъ онъ, какъ учитель школьный,
Въ нашъ край печальный, и готовъ
Былъ съ добросовѣстностью милой
Учить читать *тупыхъ птенцовъ*
И по складамъ и безъ складовъ.
Но тщетно! Сила измѣнила!
Онъ сталъ грустить, *потомъ спился*
И помѣшался...

Вся эта тирада, съ ея сухостью, съ ея неестественнымъ и лишнимъ юморомъ, съ ея страннымъ тономъ, въ которомъ слышится все, что угодно, кромѣ твердаго поэтическаго голоса, есть совершенный диссонансъ, которому лучше было бы и на свѣтъ не появляться. Отъ нея такъ и вѣетъ слабой стороной отжившаго литературнаго періода, который былъ болѣе всего бѣденъ поэзіею, а богатъ хитросплетенностью теорій. Можно прикрывать свою поэтическую бѣдность шутливо-грустно-ироническими выходками, но при дарованіи г. Огарева мы не можемъ объяснить этой ошибки ничѣмъ, кромѣ того недостатка въ поэтической энергіи, о которомъ мы говорили такъ много. Ясно видимъ мы, что тема, служившая началомъ всего эпизода, взята нашимъ поэтомъ отъ нечего дѣлать, какъ бы изъ милости, безъ сердечнаго къ ней влеченія. Неопредѣленность замысла привела и къ неопредѣленности исполненія, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Что хотѣлъ сказать поэтъ личностью своего школьнаго учителя? Изобразить избранное существо, погибшее посреди житейской прозы? — но гдѣ же факты и гдѣ сочувствіе и гдѣ протестъ противъ невниманія людей къ избранному? Просто честнаго юношу, угасшаго безвременно въ скромной долѣ — но отчего же вмѣсто слезъ и теплаго сожалѣнія, поэтъ отзывается о своемъ героѣ съ пустымъ юморомъ? Педанта, непонимающаго дѣйствительности и за то уничтожившагося? — но авторъ даже не накидываетъ намъ слабаго

Digitized by Google

абриса, по которому мы могли бы судить такимъ образомъ. И наконецъ, неужели поэзія можетъ состоять въ томъ, чтобы о всѣхъ предметахъ говорить небрежно-прическимъ тономъ? Стерна упрекали въ томъ, что онъ льетъ слезы, говоря о мертвомъ ослѣ — не бросаются ли поэты нашего времени въ другую крайность, то есть въ стремленіе къ сатирѣ и юмору, тамъ, гдѣ по ходу дѣла, ни того ни другого не требуется?

Послѣднія страницы «Зимняго Пути» однакоже сглаживаютъ часть непріятнаго впечатлѣнія, оставляемаго вышеизложеннымъ эпизодомъ. Въ нихъ встрѣчаемъ свѣжее описаніе лѣтней пышной ночи съ соловьинымъ пѣньемъ, и нѣсколько строкъ, весьма вѣрно передающихъ ощущенія утомленнаго проѣзжаго въ глухую ночь, на короткомъ отдыхѣ въ станціонной комнатѣ, передъ нагорѣвшею свѣчою, возлѣ часовъ, смѣло пощелкивающихъ гдѣ-то въ уголку. Послѣднее описаніе, конечно, не можетъ назваться сіяющимъ или свѣтлымъ, но въ немъ авторская манера примѣнена къ дѣлу съ точностью, выдержена отъ первой строки до послѣдней, оттого и ведетъ къ желаемой цѣли какъ нельзя удовлетворительнѣе. Не одинъ дорожный человѣкъ вспомнитъ строки г. Огарева въ минуты, подобныя имъ описаннымъ, а это значитъ много и весьма много.

Короткой, но изящной картиной заканчивается все произведеніе. Ночь миновалась, путь кончается, и скоро долженъ показаться городъ, къ которому неслись мы вмѣстѣ съ нашимъ поэтомъ.

Но кони мчатся на востокъ;
Луна потухла. По немногу
Разсвѣта трепетный потокъ
Ясвѣй ложится на дорогу.
И свѣтомъ пурпурнымъ горя
Встаетъ студеная заря,
И солнце съ выси блѣдно-синей
Блеститъ надъ бѣлою пустыней.

Здѣсь оканчиваемъ мы разборъ съ немного тяжелымъ чувствомъ. Мы должны были высказать нѣсколько истинъ и, можетъ быть, не совсѣмъ пріятныхъ истинъ поэту, котораго уважаемъ и цѣнимъ отъ всего сердца. Но можемъ сказать съ полной искренностью: мы не позволили себѣ ни одного замѣчанія пристрастнаго, ни одного совѣта, непримѣнимаго къ дѣлу. Мы не тѣшили своего самолюбія и не позволяли себѣ, увлекаясь правами рецензента, строго говорить о талантѣ, заслуживающемъ общей

Digitized by Google

симпатіи. Именно оттого, что мы цѣнимъ г. Огарева и разсчитываемъ на его труды, мы позволимъ себѣ быть можетъ слишкомъ придирчивый взглядъ на его прошлую и настоящую дѣятельность.

1856.

VII.

«ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МАРТЫНОВЪ, ПЕРЕВОДЧИКЪ ДРЕВНИХЪ КЛАССИКОВЪ». СТАТЬЯ Г. КОЛБАСИНА. («СОВРЕМЕННИКЪ», 1856 г. №№ 3 и 4.)

Однимъ изъ существенныхъ, вредныхъ недостатковъ новой русской журналистики должно быть признано ея замѣчательное невниманіе къ дѣятелямъ нашей словесности, жившимъ до пушкинскаго періода. Этотъ недостатокъ навлекаетъ на насъ заслуженные упреки со стороны безпристрастнаго читателя, онъ зарождаетъ холодность между дѣятелями текущей словесности и представителями старшаго литературнаго поколѣнія, онъ даетъ въ руки людей, нерасположенныхъ къ дѣлу просвѣщенія, оружіе противъ всей нашей новой дѣятельности. Въ то время, когда англійскіе, французскіе и нѣмецкіе историки литературы усиленно разработываютъ родную свою словесность, когда біографіи старыхъ писателей тысячами выходятъ въ Европѣ, когда самому скромному дѣятелю старыхъ временъ, современная критика вездѣ воздаетъ свою дань признательности,—въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ мы не находимъ ничего подобнаго. Наши критики, рецензенты, обозрѣватели часто напоминаютъ своимъ поведеніемъ одного чудака-помѣщика, въ свободное время прочитавшаго три новыя книги и вслѣдствіе того неумѣющаго говорить ни о чемъ, кромѣ трехъ книгъ, имъ прочтенныхъ. На основаніи нашихъ новыхъ критическихъ статей легко подумать, что вся наша словесность началась съ Гоголя или съ Пушкина, что труды нѣсколькихъ поколѣній, подготовлявшихъ наше настоящее развитіе, прошли на вѣки, не оставивши за собой даже мимолетныхъ послѣдствій. О самыхъ второстепенныхъ повѣствователяхъ, нынѣ живущихъ, нынѣ дѣйствующихъ, журналы говорятъ болѣе, нежели когда либо говорилось о лицахъ, имѣвшихъ опредѣленное, важное, несокрушимое вліяніе на русскую науку, на русское просвѣщеніе. Незначительный очеркъ, неоконченный эскизъ, блѣдная повѣстушка, только что напечатанная, — порождаютъ толки и споры, иногда новую теорію,

Digitized by Google

иногда длинный психологическій трактатъ. Голословіе льется рѣкою, время тратится по-пустому, самолюбіе раздражается, журнальный жерновъ, способный молоть хлѣбныя зерна, мелетъ по-пустому, ибо ему молоть нечего. А года проходятъ между тѣмъ, и чѣмъ далѣе уходятъ они, тѣмъ труднѣе дѣлается задача будущихъ историковъ словесности. Съ годами тратится матеріалъ, мерзнутъ живыя воспоминанія, сходятъ въ могилу очевидцы-наблюдатели. Въ 1856 году, напримѣръ, легко писать біографію Гнѣдича, но легко ли будетъ писать ее черезъ двадцать лѣтъ, когда послѣдніе современники этого поэта удалятся на послѣдній отдыхъ. Въ наше время есть возможность, безъ большого труда, собрать матеріалы для трудовъ о Карамзинѣ, Нарѣжномъ, Батюшковѣ и такъ далѣе, а между тѣмъ ихъ никто не собираетъ; а люди, способные писать объ этихъ почтенныхъ дѣятеляхъ, предпочитаютъ болтать о томъ, на сколько господинъ К. художественнѣе господина М., или, что еще хуже, повторять всѣмъ извѣстныя общія мѣста о Пушкинѣ и о Гоголѣ! Такъ дѣла не могутъ идти долго. Съ такимъ безплоднымъ направленіемъ у насъ никогда не создастся строгая критика. Читатель не выучится уважать литературу въ томъ обществѣ, гдѣ для всякаго почти литератора вся литература есть ничто иное, какъ два-три новыхъ имени, двадцать или тридцать книжекъ, изданныхъ въ свѣтъ не раньше 1830 года.

Само собою разумѣется, мы не намѣрены повторять отзывовъ, въ которыхъ пристрастные судьи пытаются увѣрить читателя, что новая журналистика наша неріязненно смотритъ на всѣхъ старыхъ дѣятелей русской словесности. Въ подобномъ обвиненіи слишкомъ очевидны и хитрость и неблагонамѣренность обвинителей. Но, не раздѣляя ихъ мнѣнія, мы все-таки должны будемъ произнести свой приговоръ, и приговоръ довольно жосткій. Точно, новые наши критики, за весьма малымъ исключеніемъ, сбились съ своего прямого пути. Точно, они выказываютъ крайнюю холодность къ исторической части русской литературы. Точно, они сдѣлались фельетонистами и полемиками, но не полезными дѣятелями. И однако причина всей этой ложной дѣятельности не заключается ни въ нетерпимости, ни въ неблагодарности. Мы не разрывали нашей связи съ прошлымъ, мы не унижали (преднамѣренно) честныхъ дѣятелей русской словесности. Мы не Геростраты и не поклонники слѣпой моды. Но мы вѣтрены, заносчивы, лѣнивы и весьма бѣдны образованіемъ. Мы не любимъ говорить о старомъ только потому, что по этой части знаемъ весьма мало. Увлекаясь легкостью эфемерной работы, уклоняясь отъ всякаго упорнаго труда, мы размѣниваемъ

Digitized by Google

наши свѣдѣнія на самую мелкую монету, самаго послѣдняго штемпеля. Мы не умѣемъ сидѣть ночей въ пыльной библіотекѣ и встрѣчать туманное утро, согнувшись надъ пыльнымъ фоліантомъ. Если мы беремся за какой нибудь старый періодъ словесности, намъ хочется не изучать его, не посвятить ему долгіе часы долгихъ дней, но скорѣе охарактеризовать его ловкимъ эпитетомъ. Ловкій эпитетъ можно создать лежа на диванѣ, остроумное обобщеніе легко придумать, не роясь въ книгахъ. Если мы, по странному какому нибудь случаю задумываемъ писать біографію того или другого дѣятеля нашей словесности,—біографія эта должна сама явиться въ нашъ кабинетъ, сами мы со своей стороны не сдѣлаемъ одного шага къ ея пополненію. Знакомиться съ такимъ то современникомъ моего героя? добывать его письма и для этого ѣхать въ незнакомое семейство?—да развѣ такое занятіе совмѣстно съ нашей лѣностью, съ нашей великосвѣтскостью, съ нашимъ достоинствомъ? И стоитъ ли тратить столько времени для «ничтожной компиляціи», когда я могу, не выходя изъ халата, и не раскрывая ничего, кромѣ старыхъ журналовъ, написать цѣлое сочиненіе о значеніи «Мертвыхъ Душъ», о прелести пушкинской поэзіи, о романтизмѣ Жуковскаго, о повѣстяхъ господина А., о путевыхъ разсказахъ господина Б., которые оба, и г-нъ А., и г-нъ Б., вчера со мной обѣдали? И благодаря такимъ соображеніямъ, пишутся десятки печатныхъ листовъ, истины, давно уже высказанныя раньше насъ, повторяются до пресыщенія, и только не многіе, взыскательные читатели остаются въ накладѣ отъ моей вѣтренности, отъ моей скудности, отъ моего малаго образованія.

Если бы въ нашей текущей литературѣ не было малаго числа лицъ, оставшихся намъ отъ прежней поры, когда писатели страстно любили всю русскую словесность и знали ее до тонкости—трудно было бы рѣшить, до какой степени отодвинулась бы назадъ исторія нашей литературы. Вѣтрено обращаемся мы съ нею, и за то пожинаемъ горькіе плоды нашей вѣтрености. Говоря старинным слогомъ «вертоградъ современнаго русскаго Пинда, изобилуя цвѣтами благоуханными и плодами прелестными, полонъ крапивы и сорныхъ травъ, въ количествѣ ужасающемъ». Эта крапива, эти сорныя травы являются въ видѣ парадоксовъ, опрометчивыхъ сужденій, ложныхъ взглядовъ, односторонних выводовъ, наконецъ цѣлаго разсадника общихъ мѣстъ, сдѣлавшихся законами литературными. Въ сіяющемъ вертоградѣ, о которомъ говорится, невозможно ступить шагу, не наткнувшись на сорное растеніе, не зацѣпивши рукою куста съ крапивой. Не желаете ли перечня этихъ

Digitized by Google

общихъ мѣстъ? но лучше будетъ вкратцѣ припомнить нѣсколько случаевъ, ясно доказывающихъ ихъ существованіе. Давно ли мысль, кѣмъ-то высказанная по поводу «Иліады» Гнѣдича, мысль, доказывающая, что Гнѣдичъ былъ истиннѣйшій поэтъ, что его «Иліада» есть трудъ безсмертный — давно ли эта мысль была встрѣчена, какъ парадоксъ и смѣшной и дерзкій? За отсутствіемъ дѣльнаго труда, о дѣятельности и значеніи Гнѣдича въ литературѣ составился предразсудокъ о тяжеловѣсности, грубости, прозаичности, почти бездарности великаго переводчика «Иліады»! На Державина глядятъ какъ на поэта, лишеннаго всякой художественности, тогда какъ главная прелесть его поэзіи есть богатырская художественность, не скрытая ни недостатками языка, ни недостатками вкуса! Пойдемъ далѣе. У насъ въ литературѣ весьма часто упоминается имя Нарѣжнаго, хотя мы вполнѣ убѣждены, что изъ лицъ, упоминающихъ это имя, можетъ быть, одно или два знаютъ Нарѣжнаго не по наслышкѣ. И такъ, Нарѣжнаго принято признавать не бездарнымъ юмористомъ, имѣющимъ кое-что общее съ Гоголемъ, но все-таки писателемъ отжившимъ, нелѣпымъ, неудобочитаемымъ. Когда придетъ время, и этотъ въ высшей степени замѣчательный разскащикъ будетъ оцѣненъ по совѣсти, прежній вѣтреный предразсудокъ погибнетъ на вѣки, — но теперь этотъ предразсудокъ живетъ, и стоитъ несокрушимымъ общимъ мѣстомъ, кустомъ зловредной крапивы въ нашемъ вертоградѣ! А сколько еще подобныхъ кустовъ, сколько еще общихъ мѣстъ и вѣтреныхъ приговоровъ! Ни одинъ изъ старыхъ дѣятелей нашей словесности не оставался въ покоѣ, кусты крапивы растутъ около его пьедестала, часто заслоняя и самую статую, если въ ней нѣтъ ничего громаднаго. Что такое Батюшковъ? — человѣкъ понимавшій древнее художество и подававшій надежды. Лермонтовъ? — поэтъ, обладавшій желѣзнымъ стихомъ, представитель байронизма въ Россіи. Грибоѣдовъ? — сатирикъ съ озлобленнымъ умомъ, котораго «Горе отъ Ума» имѣетъ недостатокъ въ драматизмѣ. Романисты старой школы: Загоскинъ, Вельтманъ, Степановъ, Лажечниковъ? — добрые люди, которыхъ мы еще въ дѣтствѣ читали съ удовольствіемъ, но люди теперь намъ чуждые, ибо мы читаемъ другихъ, истинныхъ романистовъ. Полевой? — критикъ съ добрыми побужденіями, хорошій журналистъ, но дѣятель, не имѣющій таланта литературнаго. Сенковскій? — остроумнѣйшій фельетонистъ, направлявшій стрѣлы своего остроумія на все великое въ словесности. Вотъ малая частица общихъ мѣстъ и вѣтреныхъ выводовъ, сравниваемыхъ нами съ сорной травою. Если бъ эти выводы были

Digitized by Google

вконецъ ложны, ихъ было бы легко осмѣять и сокрушить на вѣки, — но они хуже, чѣмъ ложны — они *неполны*, они вѣтрены, они состоятъ изъ смѣшенія крупицы правды съ океаномъ невѣжественнаго пустословія. Ихъ не поразишь шуткою, ибо шутка безсильна противъ тѣни. Посреди жалкаго хаоса безплодно пропадутъ всѣ вспышки самаго жгучаго остроумія. Хаосъ исчезнетъ лишь тогда, когда что нибудь прочное создастся вмѣсто хаоса. Одинъ ясный, постоянный, солнечный свѣтъ страшенъ для всякой тѣни.

Вліяніе общихъ мѣстъ и жалкихъ литературныхъ предразсудковъ еще такъ сильно въ нашей журналистикѣ, что оно по-временамъ вторгается даже въ текущую словесность и вредитъ ей, и гнѣздится по угламъ журналовъ, и если его оттуда изгоняютъ, уходитъ прочь не безъ злобы и шипѣнія. Почти всякій изъ нынѣ дѣйствующихъ писателей извѣдывалъ на себѣ недоброжелательность критики и, не пріобрѣтая ничего изъ ея вялыхъ указаній, переносилъ отъ нея одно зло. Г. Островскій, напримѣръ, писатель дарованія необыкновеннаго, человѣкъ сильный и честный, достойный любви, сочувствія, уваженія со стороны всѣхъ пишущихъ, — на нашихъ глазахъ былъ провозглашенъ бездарнымъ дидактикомъ, выписавшимся драматургомъ школы Коцебу, дѣятелемъ слабымъ и недобросовѣстнымъ. Общее мѣсто было составлено, сорная трава разрослась окомо имени Островскаго. Лучшіе журналы наши (нынѣ давно уже перемѣнившіе свое мнѣніе, какъ слѣдуетъ всякому ошибающемуся, но честному изданію), лучшіе журналы позволяли себѣ печатаніе опрометчивыхъ статей по поводу комедій г. Островскаго: такъ велика сила общихъ мѣстъ и вѣтреныхъ предразсудковъ! И не надо думать (мы продолжаемъ говорить о дѣлѣ г. Островскаго, взятомъ на удачу изъ многихъ примѣровъ), чтобы предразсудокъ былъ на вѣки разрушенъ, разбитъ окончательно. Общее мѣсто о талантѣ Островскаго гнѣздится во многихъ умахъ. При первомъ послабленіи контроля надъ критикой, оно появится снова, снова попробуетъ вторгнуться въ журнальные приговоры. Если такъ ведетъ себя наша критика относительно дѣятелей живыхъ, энергическихъ, способныхъ защититься, — каково же должна она поступать съ литераторами стараго вѣка, съ дѣятелями прошлыхъ поколѣній? Поспѣшимте же всѣ, всѣми нашими силами вооружиться противъ хаоса, общихъ мѣстъ, противъ предразсудковъ, основанныхъ на маломъ знаніи дѣла! Будемъ трудиться въ потѣ лица, будемъ изучать *всю* нашу словесность съ добросовѣстностью, — и

Digitized by Google

тогда хаосъ уничтожится, а черныя тѣни исчезнутъ, какъ исчезаетъ всякая тѣнь отъ дневного свѣта!

Взвѣсивъ и оцѣнивъ мысли, сейчасъ нами высказанныя, всякій читатель безъ труда сообразитъ, съ какимъ отраднымъ чувствомъ привѣтствуемъ мы появленіе новаго труда, составленнаго человѣкомъ новымъ въ нашей литературѣ: мы говоримъ о сочиненіи г. Колбасина «Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ». Статьи подобнаго рода дѣлаютъ честь и тому, кто ихъ составляетъ, и журналу, въ которомъ онѣ помѣщаются, и словесности, въ которой онѣ появляются. Не обинуясь и не задумываясь, мы ставимъ всякое сочиненіе подобнаго рода гораздо выше новаго романа или новой повѣсти, хотя бы и художественно выполненныхъ. Конечно — сравнивать значеніе отличной повѣсти съ значеніемъ историческо-литературнаго этюда есть почти то же, что разсуждать о пользѣ теплаго сюртука сравнительно съ пользой хорошей шляпы, — но какъ бы то ни было, мы имѣемъ свое основаніе въ нашемъ отзывѣ. Большинство нашихъ литераторовъ бросается въ изящную словесность, имѣя къ ней лишь весьма слабое призваніе, и бросаясь въ нее, лишаетъ всѣ остальные отдѣлы литературы дѣятелей, къ нимъ подходящихъ. Даже лучшіе и образованнѣйшіе изъ нашихъ товарищей вдаются по этой части въ одну непзвинительную слабость — для нихъ всякая новая повѣсть есть вещь существенная, тогда какъ о трудѣ другого рода они говорятъ мало, или не говорятъ вовсе. Мы слыхали своими ушами отъ почтенныхъ, опытныхъ литераторовъ отзывы такого рода по поводу статей, въ родѣ И. И. Мартынова: «да, статья хорошая, но вѣдь это компиляція!» Умилосердитесь, господа литераторы и цѣнители! да развѣ въ словѣ компиляція есть что нибудь постыдное, развѣ человѣкъ съ душой и талантомъ, компилируя свой трудъ изъ разныхъ источниковъ, не живитъ его огнемъ собственнаго дарованія, развѣ можно положить какую нибудь грань между тѣмъ, что вы называете компиляціею, и тѣмъ, что достойно служитъ яснымъ проявленіемъ яснаго дарованія? Маколей въ своихъ этюдахъ былъ не болѣе какъ компиляторомъ, Скоттъ компилировалъ свои статьи о романистахъ Англіи, Карлейль составлялъ компиляціи по поводу Ж. П. Рихтера, Гете, Шиллера и старой нѣмецкой литературы! Нѣмецкіе цѣнители Шекспира не открыли ни одного неизвѣстнаго факта въ жизни авонскаго барда, — Муръ, составляя жизнь лорда Байрона, трудился надъ матеріалами, уже напечатанными или добытыми изъ чужихъ рукъ, чужими людьми, для его изданія. Послѣ такихъ умозрѣній — все, что только является въ

Digitized by Google

литературѣ по части исторіи, біографіи, путешествій, экономическихъ вопросовъ, ученыхъ изслѣдованій, все это компиляціи, все это жалкій трудъ и ничего болѣе. Господинъ К. изображаетъ въ повѣсти типъ сельскаго старосты — зато ему честь и слава, — но отчего же господинъ N. не имѣетъ возможности изобразить, по мѣрѣ силъ своихъ и таланта, портретъ великаго писателя, великаго воина исторической эпохи, великаго государственнаго мужа, великаго дѣятеля въ области просвѣщенія? Для чего господина К. за его трудъ, знающіе люди зовутъ художникомъ, а господину N. тѣ же знающіе люди лишь воздаютъ честь, какъ составителю компилятивныхъ произведеній? Для чего двое вѣсовъ и двѣ мѣры въ этомъ случаѣ? Пускай сантиментальныя Коринны благоговѣютъ передъ бельлетристами, и присылаютъ букеты цвѣтовъ поэтамъ и романтистамъ русскимъ, — но мы, люди опытные и твердые, должны быть безпристрастными по этой части.

Мы можемъ сказать, сколько ума, поэзіи, таланта, силы душевной надо писателю для всякаго труда, изящнаго или серіознаго, повѣствовательнаго или спеціальнаго, историческаго или стихотворнаго, юмористическаго или критическаго. Мы знаемъ, что первые историки нынѣшняго поколѣнія, всѣ безъ исключенія одарены высокимъ поэтическимъ тактомъ, мы можемъ назвать въ русской старой журналистикѣ ряды блистательныхъ критическихъ статей, неподражаемыхъ по энергіи и увлекательности изложенія. Какъ же послѣ этого намъ не цѣнить статей компилятивнаго значенія, и не перечитывать ихъ со вниманіемъ, и не отдавать справедливости таланту ихъ автора, если этотъ талантъ выказывается съ надлежащею ясностью?

Г. Колбасинъ, о сочиненіи котораго мы бесѣдуемъ съ нашимъ читателемъ, выказываетъ въ своихъ статьяхъ о Мартыновѣ талантъ неоспоримый, много обѣщающій. Онъ задумалъ благородное дѣло, и исполнилъ его самымъ благороднымъ образомъ. Послѣ его статей рѣдкій изъ людей, интересующійся исторіею русскаго просвѣщенія, не скажетъ самъ себѣ по поводу И. И. Мартынова — «и этого человѣка я не зналъ вовсе, и объ этой превосходной личности у насъ не было ничего писано». Авторъ разсказываетъ намъ, что Мартыновъ, оканчивая свое изданіе греческихъ классиковъ, посреди полной холодности публики, говорилъ своимъ пріятелямъ — «за границей, особливо въ Англіи, меня озолотили бы за мой трудъ». И дѣйствительно, если сообразимъ, что англійскій поэтъ Попъ, за свой переводъ или вѣрнѣе за передѣлку «Иліады», собралъ подпискою значительный капиталъ, купилъ себѣ богатую виллу и

Digitized by Google

до конца дней жилъ въ изобилiи, мы найдемъ кроткую жалобу Мартынова весьма справедливою. Но не одна публика и не за одинъ переводъ классиковъ Греціи, Мартыновъ могъ чаять себѣ великой награды отъ современниковъ и потомства. Его должны были возвысить біографы и историки нашей словесности, его должны были они прославить какъ дѣятеля просвѣщеннаго и честнаго, незлобнаго и неутомимаго, какъ человѣка христіански милосердаго, какъ одного изъ первыхъ двигателей нашего драгоцѣннаго просвѣщенія. А между тѣмъ и критики, и біографы, и историки литературы до сихъ поръ почти не произносили имени Мартынова. Всѣ заслуги этого благого и просвѣщеннаго человѣка никѣмъ не были разъяснены, и память о нихъ утратилась бы на-всегда со смертью его современниковъ и лицъ къ нимъ близкихъ. Отрадно думать, однако, что со стороны правительства Мартыновъ постоянно встрѣчалъ и почетъ и поощренія, и пособія во времена нужды, и вниманіе въ часы горести. Правительство щедро наградило честнаго труженика за все имъ сдѣланное, охранило его отъ бѣдности и заботъ о себѣ, постоянно давало ему просторъ для полезной дѣятельности, мало того, — ставило его въ возможность отирать слезы страждущихъ, ознаменовать свой вѣкъ дѣлами безконечнаго милосердія! Благодаря заботамъ нашего правительства, Мартыновъ не служитъ для насъ и отцовъ нашихъ живымъ упрекомъ. Человѣкъ, столь много сдѣлавшій для просвѣщенія, прожилъ свой вѣкъ безъ нужды и тяжкаго горя. На насъ — на публикѣ и литературныхъ цѣнителяхъ, остается одно пятно въ этомъ отношеніи: наше невѣдѣніе по части заслугъ Мартынова. Послѣ статей г. Колбасина и это пятно смыто.

Жизнь Ивана Ивановича Мартынова — жизнь русскаго человѣка старыхъ временъ, жизнь неутомимаго, тихаго, благороднаго дѣятеля, способнаго на величайшія гражданскія доблести. Мартыновъ произошолъ на свѣтъ отъ дворянской, но весьма бѣдной фамиліи; отецъ его былъ священникомъ въ Полтавской губерніи. Первое воспитаніе получилъ онъ въ полтавской семинаріи, гдѣ получалъ неоднократно награды за успѣхи въ греческомъ языкѣ и философіи. Съ раннихъ лѣтъ пробудилась въ немъ страсть къ стихотворству, и архипастырь Амвросій, которому Мартыновъ поднесъ свою оду, поощрилъ его такими словами: «и я, въ свое время занимался сочиненіями. Продолжай, Богъ благословитъ твои труды».

И Богъ благословилъ труды Мартынова. Ученическіе успѣхи его дошли до того, что онъ, еще не покидая учебнаго заведенія, занималъ въ немъ каѳедру греческаго языка. По повелѣнію импе-

Digitized by Google

ратрицы Екатерины Великой, изъ полтавской семинаріи нѣсколько лучшихъ студентовъ должны были отправиться въ Петербургъ, въ александро-невскую семинарію, для образованія въ учители. Мартыновъ, какъ и слѣдовало ждать, попалъ въ число этихъ избранныхъ; вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ Петербургъ, изъ полтавской и владимірской губерній, студенты Котляревскій и Сперанскій. Единственнымъ покровителемъ нашего молодого эллиниста въ Петербургѣ, былъ архипастырь Евгеній Булгаръ, основатель полтавской семинаріи; но необыкновенныя дарованія Мартынова и безъ покровителей скоро обратили на него общее вниманіе какъ товарищей, такъ и начальниковъ. Студенты александро-невской семинаріи, по установленному правилу, должны были по-очереди говорить проповѣди въ разныхъ церквахъ. Проповѣдь Ивана Ивановича заслужила огромный успѣхъ, не только по содержанію, но и по манерѣ изложенія, приближавшейся къ обыкновенному разговорному слогу. На молодого человѣка стали смотрѣть, какъ на замѣчательнаго ученика, способнаго принести много пользы, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ духовномъ званіи. Сердце Мартынова лежало къ занятіямъ свѣтскимъ, къ литературѣ, гражданской службѣ и семейной жизни; но митрополитъ Гавріилъ, отговаривая его отъ подобныхъ помысловъ, предсказывалъ ему блистательную будущность, со вступленіемъ въ монашескую жизнь. Надо было на что-нибудь рѣшиться, тѣмъ болѣе, что будущій переводчикъ греческихъ классиковъ успѣлъ влюбиться въ одну изъ своихъ ученицъ, бѣдную дѣвушку, которой давалъ уроки русскаго языка. Къ счастію, добрый архипастырь Евгеній устроилъ все дѣло, лично повидавшись съ митрополитомъ. Мартынову дали дозволеніе поступить въ гражданскую службу, а вице-канцлеръ графъ Остерманъ принялъ его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ со ста-тридцатью рублями жалованья. Такъ началась служба Ивана Ивановича, ознаменованная подвигами всякаго рода (1795 г.).

Литературныя занятія молодого Мартынова начались гораздо ранѣе. Въ мартѣ 1793 года, онъ напечаталъ въ журналѣ «С.-Петербургскій Меркурій» два свои стихотворенія: «Къ бардамъ» и «Взоръ на прошедшія лѣта» — первый литературный шагъ былъ лестенъ для юноши. Первый изъ всѣхъ товарищей, онъ выступилъ передъ публику *въ печатномъ нарядѣ*, познакомился съ Крыловымъ и Клушинымъ, издателями «Меркурія», раздѣлялъ ихъ труды, а по отъѣздѣ изъ столицы обоихъ издателей (въ старое патріархальное время такая безцеремонность не была рѣдкостью), велъ журналъ до его прекращенія. Само собой разумѣется, литератур-

Digitized by Google

ные доходы Мартынова были не велики, а говоря проще, совершенно ничтожны.

О литературной и служебной дѣятельности Ивана Ивановича отъ 1795 до 1802 г. мы не считаемъ возможнымъ распространяться, стѣсняясь предѣлами нашей статьи; но о томъ, какъ высоко цѣнились и та и другая, всего лучше скажетъ слѣдующее обстоятельство. Послѣ манифеста объ учрежденіи министерствъ, И. И. Муравьевъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, потребовалъ къ себѣ Мартынова, и сказалъ ему, что Государь возлагаетъ на него должность директора департамента министерства народнаго просвѣщенія. Велико было удивленіе скромнаго надворнаго совѣтника, велики были его недовѣріе къ своимъ силамъ, его благоговѣйное чувство къ высокому довѣрію Монарха. По утвержденіи штатовъ, Мартыновъ, не взирая на свой малый чинъ, остался директоромъ и занималъ эту должность до февраля 1717 года. Всего что́ было сдѣлано Мартыновымъ, при Мартыновѣ и черезъ Мартынова во время сказанныхъ 12-ти лѣтъ, трудно перечислить въ сжатомъ отчетѣ. Составленіе штатовъ министерства, образованіе с.-петербургскаго педагогическаго института (въ которомъ Мартыновъ, не взирая на свои занятія, читалъ лекціи эстетики съ огромнымъ успѣхомъ), дѣйствія по коммиссіи объ учрежденіи губернскихъ, военныхъ училищъ, составленія уставовъ для университетовъ дерптскаго, московскаго, казанскаго и харьковскаго, образованіе учебныхъ округовъ, уставы для гимназій, приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, составленіе цензурнаго устава, проектъ учрежденія царскосельскаго лицея, — вотъ главнѣйшія дѣла на пользу просвѣщенія, дѣла, при совершеніи которыхъ труды Мартынова всегда выдавались впередъ, привлекая на себя вниманіе и министра, и Государя Императора, и Цесаревича Константина Павловича. Постоянно обремененный занятіями, не имѣя праздныхъ часовъ и дней отдыха, Иванъ Ивановичъ доказалъ всю справедливость извѣстнаго афоризма — «люди наиболѣе занятые, наиболѣе трудолюбивые, всегда имѣютъ свободное время для занятій». На всякій новый благородный трудъ, на всякій призывъ Монарха, Мартыновъ откликался съ полною готовностью, и находилъ время для новой дѣятельности, и совершалъ геркулесовскіе труды, самъ не цѣня своихъ усилій. Императрица Марія Ѳеодоровна поручила ему надзоръ за учебною частью въ Имп. воспитательномъ домѣ, и Мартыновъ два года посвящалъ ему всякую свободную минуту, хотя Императрица милостиво писала черезъ своего статсъ-секретаря: «сія часть будетъ въ цвѣтущемъ состояніи, если

Digitized by Google

вы *только взглянете* хотя два или одинъ разъ въ недѣлю». Онъ засѣдалъ во многихъ комитетахъ, трудился по Академіи, которая избрала его своимъ членомъ, издавалъ журналы: «Лицей» и «Сѣверный Вѣстникъ», бывалъ въ обществѣ Державина, Крылова, Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, Нарѣжнаго; слѣдилъ за ходомъ изящной словесности, и, какъ увидимъ впослѣдствіи, ознаменовывалъ каждый день своей жизни дѣлами неизреченной благотворительности. Воображеніе нѣмѣетъ при имени этого сильнаго и безстрашнаго человѣка, труженика и просвѣтителя, истиннаго героя, полнаго жизни и добрыхъ помысловъ. Графъ Завадовскій, тогдашній министръ просвѣщенія и начальникъ Мартынова, отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ *труда неусыпнаго и пространнаго*. Выраженіе это и мѣтко и справедливо, какъ замѣчаетъ настоящій біографъ Ивана Ивановича.

Окончаніемъ служебнаго поприща заключается первая статья г. Колбасина о переводчикѣ греческихъ классиковъ, вторая и послѣдняя статья, заключающая въ себѣ подробности о послѣднихъ годахъ жизни Мартынова, о его огромномъ литературномъ трудѣ, о неудачахъ, бѣдствіяхъ и радостяхъ его преклоннаго возраста, несравненно занимательнѣе первой. Ясно можно видѣть, какъ авторъ, начавшій свое дѣло съ робостью начинающаго писателя, разгорѣлся подъ вліяніемъ симпатической личности имъ описанной, и достоинствомъ второй части своего этюда затмилъ даже достоинства первой части. Мы не намѣрены слѣдить за нимъ въ его выводахъ и указаніяхъ, мы надѣемся, что весь трудъ будетъ прочитанъ и оцѣненъ каждымъ умнымъ читателемъ. Потому-то мы не станемъ говорить много ни о частной жизни Мартынова послѣ службы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, ни о его ботаническихъ занятіяхъ, ни о наводненіи 1824 года, нанесшаго значительный ущербъ его благосостоянію, ни о сношеніяхъ Мартынова съ литературными знаменитостями его времени, ни о его огромномъ достопамятномъ трудѣ, за который, по выраженію почтеннаго старца, «его бы озолотили въ Англіи».

Всѣ эти предметы возвышенны, прекрасны, обильны поученіемъ, но о нихъ самъ г. Колбасинъ разскажетъ читателямъ лучше нашего.

Объ одной только особенности покойнаго Мартынова мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ, а именно о его безпредѣльной благотворительности. Иванъ Ивановичъ былъ христіаниномъ и другомъ меньшихъ своихъ братій, и вся его дѣятельность, всѣ его стремленія, всѣ его подвиги по этой части превосходно

Digitized by Google

очертаны біографомъ. Задача не могла зваться легкою, ибо у Мартынова правая рука не знала о благодѣяніяхъ, расточаемыхъ лѣвою, и самъ онъ, по причинѣ христіанскаго смиренія не придавалъ никакой цѣны своимъ дѣламъ милосердія. Но г. Колбасинъ съумѣлъ выспросить у современниковъ, достать кой-какіе матеріалы, собрать малое число полузабытыхъ разсказовъ и на основаніи данныхъ, которыя пропали бы безъ его изслѣдованій, возсоздалъ самое свѣтлое, сердцу-говорящее изображеніе русскаго благотворителя, защитника сирыхъ и беззащитныхъ, кормильца вдовъ и престарѣлыхъ тружениковъ, однимъ словомъ одного изъ людей, которыми гордится и должно гордиться всякое просвѣщенное общество.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ вставалъ очень рано, и около пяти часовъ отправлялся, вмѣстѣ съ другомъ своимъ академикомъ І—вымъ, въ какіе то дальніе, никому не извѣстные походы. Замѣчено было въ семействѣ, что наличныя деньги хозяйки всегда уменьшались послѣ прогулки; иногда Иванъ Ивановичъ приходилъ домой безъ часовъ, безъ кольца, безъ какой нибудь дорогой вещицы, которую носилъ до того времени постоянно; такъ одинъ разъ онъ отдалъ бѣдному семейству дорогой жалованный перстень. Жена догадывалась о томъ, куда идутъ деньги и вещи, но по добротѣ своей и по привычкѣ къ неприхотливой жизни, и не думала полагать предѣла добрымъ дѣламъ благого человѣка. Но только послѣ смерти Мартынова вполнѣ выказалась огромность его благотвореній. Толпы бѣдняковъ явились на похороны Мартынова, могила его украшалась цвѣтами, принесенными неизвѣстно кѣмъ и когда, одно бѣдное семейство сознавалось въ полученіи отъ него постоянной пенсіи, другое вспоминало о какомъ нибудь единовременномъ важномъ пособіи, третье начало жить безъ нужды подъ его покровительствомъ. Мартыновъ не былъ филантропомъ суровымъ и принципательнымъ, какіе (надо признаться) въ практическомъ отношеніи приносятъ огромную пользу, — но долгая практика изощрила его наблюдательность. Раздавая свой собственный избытокъ, онъ поддерживалъ тайныя сношенія съ богатыми благотворителями и, такъ сказать, служилъ лучшимъ посредникомъ въ ихъ дѣятельности. И отрадно видѣть, сколько чистыхъ, завидныхъ, ни съ чѣмъ несравненныхъ наслажденій извлекалъ онъ изъ своего милосердія! Съ какой юношескою радостью онъ устремлялся въ пріюты нищеты и лишеній; какими любовными, кроткими словами онъ привѣтствовалъ несчастливцевъ; какими деликатными способами вручалъ онъ имъ пособія; какъ тщательно скрывалъ свое

Digitized by Google

ния, и, наконецъ, покончивъ свое высокое дѣло, съ какими сладостными мечтами удалялся онъ куда нибудь на взморье, въ уединеніе, дабы мечтать о добрѣ, которое ему удалось совершить за день! Благословенна рука, расточавшая эти дары, и благословенно сердце, умѣвшее ими наслаждаться! Такъ была своя непзслѣдованная, утѣшительная сторона въ томъ обществѣ, котораго членомъ былъ Мартыновъ, въ той литературѣ, для благъ которой Мартыновъ дѣйствовалъ съ своей обычной неутомимостью. Намъ, людямъ черезъ-чуръ практическимъ и часто стремящимся выставлять себя съ худой, черствой стороны, кажутся дѣтскими, странными сантиментальные выходки писателей карамзинской школы, ихъ частыя рѣчи о томъ, какъ сладко отирать слезы удрученныхъ людей, ихъ готовность лить слезы при видѣ нищаго старца, ихъ поползновеніе воспѣвать добрые помыслы, приходящіе на мысль поэту у взморья или посреди сельскаго уединенія... Пріостановимъ наше осужденіе, — взглянемъ на предметъ, какъ это слѣдуетъ дѣлать взрослымъ людямъ, а не мальчикамъ начитавшимся Байрона и Фейербаха во французскомъ переводѣ. Много сердечной мягкости, много христіанства и милосердія жило въ душахъ нашихъ учителей и предшественниковъ. Карамзинъ плакалъ не объ одной бѣдной Лизѣ — хотя теперь едва ли кто знаетъ добрыя дѣла, сдѣланныя Карамзинымъ, Тургеневымъ, Жуковскимъ и ихъ друзьями-литераторами. Страницы Благопамѣреннаго, за неимѣніемъ другихъ обстоятельствъ, цифрами свидѣтельствуютъ о томъ, сколько нищихъ было призрѣно, сколько слезъ было осушено веселымъ А. Измайловымъ, писателемъ не для дамъ, пѣвцомъ фіолетовыхъ посовъ и витязей въ бронѣ сермяжной. С. Н. Глинка, первый ратникъ московскаго ополченія и издатель «Русскаго Вѣстника», по свидѣтельству стариковъ, его знавшихъ (а кто изъ старожиловъ Москвы и Петербурга не зналъ С. Н. Глинки?), отличался самой порывистою, необузданною благотворительностью, доходившей до крайностей забавныхъ, сказали бы мы, если бы осмѣлились употребить слово забавный въ этомъ случаѣ. Вотъ люди, вотъ ихъ дѣла, вотъ ихъ пафосъ, вотъ ихъ сантиментальность, и вотъ ихъ слезы, и вотъ ихъ милосердіе. Подумаемъ обо всемъ этомъ и укротимъ шутливость вѣтреныхъ приговоровъ нашихъ! А сколько, во времена Мартынова, между его литературными сверстниками, между его поклонниками и друзьями, находилось лицъ, подражавшихъ его жизни, завидовавшихъ его наслажденіямъ, ступавшихъ по его слѣду, осушавшихъ чужія слезы и облегчавшихъ чужія страданія? Человѣкъ такого рода не могъ быть исключе-

Digitized by Google

емъ изъ общаго правила, не могъ вырости самъ по себѣ, не могъ скончаться, не оставивъ по себѣ преемниковъ. Чьи деньги раздавалъ Мартыновъ, когда у него своихъ не оказывалось — отъ какого лица носилъ онъ по триста и по двѣсти рублей разомъ въ то или другое страдающее семейство? Не таилась ли гдѣ нибудь рука великаго М. М. Сперанскаго? не участвовали ли здѣсь какія нибудь другія лица, любимыя и чтимыя обществомъ? Кто разъяснитъ эту тайну, кто воздастъ хвалою тѣмъ людямъ, которые не искали ни похвалы, ни одобренія, — не искали ничего, кромѣ исполненія своего долга и, можетъ быть, одной сладкой слезы гдѣ нибудь у взморья, при одинокомъ помыслѣ о добрѣ, сдѣланномъ за день?

1856.

VIII.

«СТИХОТВОРЕНІЯ ГРАФИНИ РОСТОПЧИНОЙ». СПБ. 1856. — «СТИХОТВОРЕНІЯ Я. П. ПОЛОНСКАГО». СПБ. 1855. — «СТИХОТВОРЕНІЯ ИВАНА НИКИТИНА». ВОРОНЕЖЪ. 1856.

Три книжки стихотвореній! Какой обильный матеріалъ для критики! Лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ, онѣ произвели бы рѣшительную эпоху въ литературѣ. Теперь... Но развѣ мы успѣли такъ сильно состарѣться за какихъ нибудь пятнадцать, двадцать лѣтъ? Или справедливо, что матеріализмъ рѣшительно увлекъ нашъ вѣкъ, что нѣтъ у насъ времени для лирическихъ вліяній, что мы поглощены заботами о матеріальномъ благѣ? Какъ бы то ни было, всюду замѣчается упадокъ вліянія поэзіи на общество. Западная критика раздѣлила поэтовъ на художниковъ и публицистовъ, и не знаетъ еще, кому изъ нихъ отдать предпочтенье. Въ то время, какъ искусство медленно подвигается впередъ, пуристы стараго времени стараются очищать его отъ такъ-называемыхъ *посторонних примѣсей*. Поклонники лирической поэзіи раздѣлились на два противоположные лагеря. Одни требуютъ отъ нея повторенія прежнихъ мотивовъ сердца, другіе хотятъ чего-то новаго, новой жизни и содержанія, новыхъ идеаловъ. То же раздѣленіе существуетъ и въ самомъ искусствѣ.

Гдѣ же искать разгадки этого страннаго раздѣленія? Взгляните на все, что дѣлается вокругъ васъ, на этотъ ускоренный ходъ жизни — и вы, пожалуй, найдете ее, или, по крайней мѣрѣ, постигнете въ смутномъ предчувствіи. Но взглядъ вашъ теряется въ неу-

Digitized by Google

ловимой дали, и вы обращаетесь къ искусству, чтобъ оно само объяснило вамъ причины того патологическаго состоянія, въ которомъ находится. Нѣтъ, вы молоды, и все, что окружаетъ васъ, живетъ молодой, зеленѣющей силой. Прошлое представляется вамъ старикомъ-дѣдушкой. Вы исполнены жизненныхъ силъ, и чувствуете на себѣ безмятежное дыханье весны. Въ воздухѣ слышится чудный, едва уловимый духъ, и исчезаетъ въ пространствѣ. Отъ старика-дѣдушки вы ничего не узнаете — онъ пріютился на солнышкѣ, и вдыхаетъ въ себя живительный воздухъ восьмидесятой весны. Не тревожьте его. Не тревожьте его... Но что скажетъ вамъ искусство?

Оно также молодо, какъ и вы, и также увлекается неуловимымъ звукомъ, исчезающимъ въ небесныхъ пространствахъ. Но оно опытнѣе васъ. Оно призадумалось надъ слѣдующей глубокомысленной фразой... немного темноватой, правда... Но вѣдь она высказана, впервые, поэтами Германіи:

«Говорятъ, очень часто говорятъ, что литература есть выраженіе общественнаго духа. Кажется, она скорѣе выражаетъ прошедшее и будущее, чѣмъ настоящее. Посмотрите, одни изъ поэтовъ повторяютъ и воспѣваютъ старое, другіе оторвались и отъ прошедшаго и отъ настоящаго. Только немногимъ дано жить соками современной жизни; но такихъ насчитаешь не много. Лучшіе писатели и артисты, по бо́льшей части живутъ и жили въ прошедшемъ; настоящее и будущее не смѣютъ коснуться ихъ олимпійской думы.»

Искусству предстоитъ еще большая роль въ будущемъ, поэзія нашего времени ждетъ еще своихъ новыхъ и сильныхъ поэтовъ, но эти обстоятельства не должны мѣшать нашему сочувствію къ поэтамъ хотя не первокласснымъ, но благородно свершающимъ свое полезное поприще.

Передъ нами цѣлый рядъ стихотвореній, начинающихся съ... 1829 года и идущихъ вплоть до конца 1855. Ради Аполлона, если хотите быть справедливыми, не налегайте на нихъ всѣмъ патискомъ анализа, противъ котораго не устоитъ ни одно кристальное зданіе. Дѣло въ томъ, что вы, по счастливому случаю, перенесетесь къ памятнику, одна часть котораго — пьедесталъ — начата въ двадцатыхъ годахъ, другая отстроена въ сороковыхъ и, частью, въ пятидесятыхъ, третья, наконецъ (далеко еще не верхушка), только-что на дняхъ заложена. Много трудилось надъ сооруженіемъ памятника. Тѣмъ лучше.

Стихотворенія графини Евдокіи Ростопчиной, подъ «дѣтскимъ»

Digitized by Google

отдѣломъ которыхъ выставлены 1829 — 1832 годы, встрѣтили, совершенно неожиданнымъ образомъ, сильно пристрастный и неумѣстный протестъ со стороны критики. Опредѣленнаго мнѣнья о нихъ не высказано. Критика, не находя болѣе прочныхъ основъ для своихъ выводовъ, ограничилась опредѣленіемъ поэтической личности автора. А знаете ли, что̀ сказалъ одинъ изъ самыхъ сознательныхъ поэтовъ-критиковъ недавняго прошедшаго, Бёрне, о великомъ поэтѣ? «Отъ лирическаго поэта нельзя требовать, чтобъ онъ всегда и во всемъ оставался непоколебимо вѣренъ самому себѣ. Истинный поэтъ — натура, не только поэтически-настроенная, но и художественная — никогда не чувствуетъ самъ тѣхъ недуговъ, которые хочетъ изгнать изъ другихъ, не испытываетъ страданій, къ которымъ приходитъ на помощь.» Опредѣляйте же, послѣ этого, значеніе поэта изъ того, что̀ онъ говоритъ о самомъ себѣ! А ежели вы начнете нападать на личность поэта съ предумышленнымъ озлобленіемъ и выводами, полными обидной недобросовѣстности, вы даже перестанете быть критикомъ, и эту почтенную должность промѣняете на званіе всѣмъ ненавистнаго и всѣми презираемаго Ѳеректа.

А знаете ли почему, разбирая стихотворенія графини Ростопчиной, вы всего болѣе заговорили о личности поэта, тогда какъ при разборѣ другихъ писателей и писательницъ, прямымъ путемъ направляетесь къ художественности, пластичности и т. д.? Смѣшно сказать! По крайней мѣрѣ, вы удивитесь простотѣ разгадки. Потому, что даже въ самыхъ незначительныхъ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной смѣло проглядываетъ личность. Дѣло заслуживаетъ ближайшаго объясненія.

Мы не станемъ, въ эту минуту, по поводу перваго тома сочиненій графини Ростопчиной, распространяться о ея значеніи въ новѣйшей литературѣ. Такой подробный разборъ заставилъ бы насъ обратиться къ многочисленнымъ томамъ старыхъ и новыхъ журналовъ, въ которыхъ разбросаны ея стихотворенія и прозаическія статьи. Ограничимся изложеніемъ мыслей, которыя невольно приходятъ на умъ при сличеніи находящихся у насъ подъ рукой произведеній трехъ замѣчательныхъ поэтовъ.

Во всей массѣ текущихъ литературъ, произведенія женскія рѣзко отличаются отъ мужскихъ. Изъ опыта послѣдняго времени дознано, что ни одно талантливое дамское имя не скроется отъ публики за мужскимъ псевдонимомъ — тотчасъ узнаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Женщина проглядываетъ, и, можетъ быть, еще рѣзче обыкновеннаго, даже въ писательницѣ-юмористѣ, не смотря на

Digitized by Google

то, что юморъ очень долго не считался женскимъ дѣломъ, и что мы готовы отдать преимущество женской школѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ — идеальной, сантиментальной, во многихъ случаяхъ глубокомысленной, исполненной живѣйшей поэзіи — передъ новѣйшимъ направленіемъ дамъ-юмористовъ, перешедшихъ къ намъ съ холодныхъ береговъ Альбіона. Въ новѣйшей литературѣ не разъ встрѣчались цѣлые періоды времени, когда дамская изящная литература почти брала верхъ надъ мужской. Разработка основныхъ причинъ этихъ случаевъ уяснила бы, въ нѣкоторой степени, животрепещущій современный вопросъ о лиризмѣ. Когда насъ спросятъ, кто первый лирикъ новѣйшаго времени, вы остановитесь на имени творца Стеніо, Тремора, маленькаго Массачіо и проч. Но въ то время, какъ литература Англіи гордится именемъ госпожи Бичеръ-Стоу, наши идеалистки-писательницы все еще останавливаются на герояхъ, сродныхъ, по безплотности, барону послѣдней повѣсти госпожи Евгеніи Туръ («Старушка», въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), и только недавно, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, создаютъ jeunes-premier своихъ романовъ и повѣстей не нѣмцами, не италіянцами и не испанцами.

Дѣло въ томъ, что женская литература движется впередъ несравненно медленнѣе, чѣмъ мужская, но заимствуетъ отъ послѣдней извѣстнаго рода частицы, которыя потомъ, подъ рукой ея, созрѣваютъ въ зрѣлый и благоуханный плодъ. Женщина — за исключеніемъ весьма немногихъ дамъ-писательницъ — никогда не усвоитъ себѣ разнообразія поэтическихъ формъ. Воспѣвая Грецію и костюмъ гречанки, она и не подумаетъ подражать древнимъ или новымъ, которымъ не сочувствуетъ всѣми средствами своего таланта. Женщина-писательница всегда поддается чужому вліянію, и рѣдко хранитъ свою самостоятельность въ направленіи. По общему направленію таланта, графиня Ростопчина не богата самостоятельностью. Но въ пѣсняхъ ея есть и правда, и жаръ, и благотворныя убѣжденія, и музыка, и проявленіе честнаго сердца.

Теперь перенесемся къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ. Поэзія добывалась тогда довольно легко, по крайней мѣрѣ во второстепенныхъ поэтическихъ сферахъ, и никто изъ подражателей Жуковскаго или Пушкина не воображалъ, какого тяжкаго труда стоитъ поэтическій подвигъ. Послушайте нѣсколько строкъ изъ исповѣди графини Ростопчиной, и вы припомните давно знакомые аккорды, — но аккорды, запечатлѣнные глубокимъ чувствомъ искренности, вылившіеся въ очаровательномъ стихѣ.

Digitized by Google

Сухіе, желтые листы,
Предвѣстники поры печальной,
Вы любы мнѣ! Мои мечты,
Привыкши къ думѣ погребальной,
Сдружились съ мыслью неземной;
И есть родство, родство святое
Межъ всѣмъ тоскующимъ и мной —
Клеймо дней прежнихъ надъ душой.
Люблю я колоколъ унылый
Въ вечерній часъ, вдали суетъ;
Мое любимое свѣтило
Не солнце пышное — о нѣтъ!
Нѣтъ! — то луна подъ покрываломъ
Прозрачно-сизыхъ облаковъ...
Я въ храмѣ древнемъ, обветшаломъ
Молюсь теплѣй; среди лѣсовъ
Ищу не тополей красивыхъ,
Не липъ роскошныхъ, горделивыхъ, —
Но громомъ сломанныхъ дубовъ...
Златого утра блескъ роскошный
Встрѣчаю хладнымъ окомъ я;
Но бури шумъ, но вѣтръ полночный —
Вотъ, вотъ поэзія моя!...
И я отдамъ весну младую,
Со всею жатвой гордыхъ розъ,
За осень блѣдную, нагую,
Иль за порывы лѣтнихъ грозъ!

Повторяемъ: критикъ, который бы хотѣлъ мѣрить произведенія довольно дальняго времени на нынѣшнюю мѣрку, никогда не достигъ бы вѣрныхъ и справедливыхъ выводовъ. Стихотворенія графини Ростопчиной не возбуждаютъ въ васъ полнаго сочувствія. Но вспомните, что и Жуковскій, и Лермонтовъ, и, наконецъ, критика, отъ которой исходитъ собственная ваша дѣятельность, увлекались ими. И была на то причина. Графиня Ростопчина имѣетъ множество страстныхъ поклонницъ между женщинами, и женщины совершенно правы въ своей привязанности. Оцѣнка этого перваго тома укажетъ вамъ, какое важное общественное значеніе должны были имѣть, въ свое время, эти стихотворенія. Многимъ изъ нихъ нельзя не сочувствовать и теперь.

Въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной нѣтъ возможности сдѣлать никакихъ подраздѣленій на отдѣлы. Всѣ они вылились въ болѣе или менѣе однообразной формѣ, какъ мимолетныя впечатлѣнія почти всегда одинаково настроеннаго чувства.

Digitized by Google

Прислушайтесь къ первоначальной музѣ графини Ростопчиной: ея положительные идеалы, довольно слабы и неопредѣленны — полное чувство высказывается еще во всемъ безразличіи порывовъ, но въ прекрасномъ влеченіи своемъ отдастъ должную дань сочувствія всему прекрасному, его окружающему. Муза графини Ростопчиной далеко не сатирическая, а между тѣмъ вы глубоко сочувствуете тому благородному негодованію, которое выражается, довольно часто, въ стихахъ поэта. И если присмотритесь къ психологической сторонѣ ея стихотвореній, замѣтите тѣсную связь между положительнымъ и отрицательнымъ ихъ лиризмомъ.

«Кто поэтъ?» спрашиваетъ себя романтикъ. Предложите себѣ этотъ вопросъ прежде, чѣмъ услышите отвѣтъ графини Ростопчиной... «Тотъ, кто создаетъ художественныя вещи» — скажете вы, не заботясь подчинять фразой самого себя... И устыдитесь, когда услышите слѣдующій энергическій отвѣтъ писательницы.

Не тотъ поэтъ, кто въ очеркѣ обычномъ,
Кто въ обществѣ людей спокойно взросъ;
Кто вскормленъ былъ разсѣяньемъ столичнымъ,
Кто крестъ тоски на раменахъ не вѣсъ...
Не тотъ поэтъ, кто роскошью и счастьемъ
Взлелѣянъ былъ отъ колыбельныхъ дней,
Кто не зналъ бушующихъ страстей,
Съ ихъ промежуточнымъ безстрастьемъ;
Кто въ области святого идеала
Страданьями гражданства не купилъ...
Не тотъ поэтъ, кто слова правды рѣзкой,
Кто мощный стихъ отвагой молодецкой,
Безстрашіемъ своимъ не заклеймилъ;
Кто истины не высказалъ предъ свѣтомъ,
Чей слабый духъ порову былъ клевретомъ,
Кто потакалъ грѣху, и сильнымъ льстилъ...
Не тотъ поэтъ, кто съ странничьей клюкою
Изгнанья путь терновый не прошелъ;
Кто, прислонясь о камень головою,
Ночь бурную въ чужбинѣ не провелъ...
Поэтъ прямой, кто съ раннихъ лѣтъ обжился
Съ грозой небесъ и бурею души;
Кто чистому кумиру поклонился,
Но однокъ, въ убійственной глуши,
Младые дни свои сгубилъ въ тиши, и проч.

Не правда ли, эти прекрасные стихи, огнемъ своимъ, благородной безконечностью выраженныхъ въ нихъ стремленій, сильно

Digitized by Google

подѣйствовали на вашу душу, и огненный ритмъ ихъ на долго сохранится въ вашемъ слухѣ? Таково вообще первое слово романтизма, который имѣетъ великое значеніе въ исторіи поэзіи, какъ возбудительное слово, прорывающееся наружу, въ безконечномъ разнообразіи внутренняго содержанія, всякій разъ, когда нормальное, историческое развитіе искусства готово завершить одинъ изъ своихъ цикловъ. Романтизмъ никогда не относится враждебно къ новому порядку вещей въ искусствѣ, онъ только врагъ стараго, отживающаго, врагъ немилосердый, заклятый.

Графиню Ростопчину называли, когда-то, поэтомъ бала. По нашему мнѣнію это справедливо только отчасти и крайне несправедливо вообще. Женщина, воспитанная въ одномъ извѣстномъ кружкѣ, который, само собою разумѣется, долженъ былъ оставить сильное впечатлѣніе на ея душу; поэтъ съ безпредѣльными, но неясными стремленіями, романтикъ двадцатыхъ годовъ, она не могла не платить дани обычаямъ того общества, изъ котораго вышла. Она не рѣшается постоянно держать въ рукахъ тотъ «поэтическій посохъ», о которомъ мечтаетъ; не рѣшается, потому-что не сознаетъ опредѣленной цѣли своихъ стремленій. Но прислушайтесь къ ея бальнымъ стихотвореніямъ... они лишены той силы стиха, той теплоты чувства, которыми отличаются другія...

Но и здѣсь уже замѣтно благодѣтельное дѣйствіе романтизма на свѣтскую даму. Возьмите, за этимъ, сатирическую сторону стихотвореній графини Ростопчиной, и вы увидите, какъ раздражительное, мечтательное стремленіе къ идеаламъ, отрываетъ поэта отъ почвы, на которой онъ существуетъ. Все, отзывающееся пустотой и тщетнымъ блескомъ, кажется ему ничтожнымъ. Предаваясь такъ-называемымъ невиннымъ удовольствіямъ свѣта, онъ возстаетъ, съ свойственной ему энергіей, противъ того, что кажется ему ограниченнымъ и неблагороднымъ. «Невѣрной», «Равнодушной», «Разочарованной», «Отринутому поэту», «Совѣтъ женщинамъ» — во всѣхъ этихъ пьесахъ вы найдете сильный протестъ противъ многихъ сторонъ великосвѣтской жизни...

Мы опредѣлили уже, въ общихъ чертахъ, характеръ графини Ростопчиной. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о значеніи первоначальной ея дѣятельности. Въ то время, когда Пушкинъ смолкъ и Лермонтовъ едва начиналъ образовывать свою школу поэтовъ, появленіе такого блестящаго дарованія, какъ графиня Ростопчина, должно было произвести огромный эффектъ въ обществѣ. Энергическій романтикъ высказался въ первыхъ же, «дѣтскихъ» стихотвореніяхъ графини...

Digitized by Google

Безъ видимой цѣли, безъ твердыхъ общественныхъ вѣрованій, молодое сердце мчится вдаль, стремясь создать для себя поэтическій міръ въ настоящемъ. Ему хочется той поэтической простоты жизни, которая, какъ ей кажется, существовала въ прежнемъ быту; ему кажется, что вѣра теплѣй и религіозное чувство сильнѣе въ древнемъ храмѣ; ему кажется, что поэтъ не обыкновенный смертный; опо проклинаетъ все, что отравляетъ жизнь, и даже сѣверную зиму. Но при обаятельномъ дѣйствіи стремленій поэта на современное ему общество, протестъ его получаетъ полное значеніе именно потому, что самъ поэтъ не вполнѣ отторгся отъ общества и все еще готовъ увлекаться свѣтомъ. Посмотрите, какъ сильно его стремленіе къ правдѣ и уваженіе къ чистому дѣлу искусства: французская академія словесности отказываетъ принять въ составъ членовъ своихъ Виктора Гюго... графиня Ростопчина обращаетъ къ нему слѣдующее трогательное посланіе:

«Не избравъ ты... отвергнувъ ты... но слава
Своими лаврами осыпала тебя,
Въ тебѣ гонимаго радушнѣй полюбя... и т. д.

Поэтическая натура сама уже по себѣ воздвигаетъ себѣ памятникъ. Имя графини Ростопчиной перейдетъ къ потомству, какъ одно изъ свѣтлыхъ явленій нашего времени. Въ настоящую минуту лирическая поэзія ищетъ для себя новой плодотворной почвы, и, покамѣстъ, болѣе или менѣе, всѣ наши поэты ограничиваются тѣмъ же неопредѣленнымъ, болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ лиризмомъ, какъ и графиня Ростопчина. Если же, наконецъ, новое поколѣніе все ближе и ближе подходитъ къ цѣли, оставляя всторонѣ прежніе предметы вдохновенія, — справедливо ли обвинять поколѣніе прежнее, еще такъ недавно дѣйствовавшее и приносившее существенные плоды. Да и справедливо ли, что мы такъ далеко подвинулись впередъ? Во всякомъ случаѣ, даже самый строгій критикъ почувствуетъ истинный родникъ поэзіи во многихъ изъ нынѣ собранныхъ стихотвореній графини Ростопчиной. И въ настоящую минуту она принадлежитъ къ числу даровитѣйшихъ нашихъ поэтовъ. Огонь не потухъ еще на романтическомъ алтарѣ, и если писательница наша осталась вѣрной прежнему своему лиризму, — отдадимъ же полную справедливость этому прежнему направленію искусства и строго осудимъ вѣтреныхъ бумагомарателей, глумящихся надъ талантомъ, который былъ уважаемъ нашими учителями и предшественниками.

Яковъ Петровичъ Полонскій принадлежитъ къ числу безупречныхъ поэтовъ нашего времени. Мало того — онъ одинъ изъ талант-

Digitized by Google

ливѣйшихъ. Молодое поколѣніе знаетъ наизустъ многія стихотворенія г. Полонскаго; дѣти твердятъ его прекрасную пьесу «Солнце и мѣсяцъ». Все это служитъ неоспоримымъ ручательствомъ искренности и оригинальности нашего поэта. Между тѣмъ многіе, и даже талантливые критики, упрекали его въ безличности. По нашему мнѣнію, онъ одинъ изъ самыхъ *личныхъ* поэтовъ современности, послѣ гг. Огарева, Некрасова, Фета, Майкова. Въ чемъ же заключается оригинальная сторона произведеній г. Полонскаго?

Справедливо замѣчено, что появленіе великаго поэта оставляетъ по себѣ нѣкоторую пустоту въ литературѣ, когда великій поэтъ смолкаетъ. Нужно быть слишкомъ самостоятельнымъ для того, чтобъ не увлечься общимъ потокомъ. Нужно быть Кольцовымъ или Лермонтовымъ. Говорить ли о колоссальной личности Пушкина, отозвавшагося, съ свойственной ему геніальностью, на всѣ вопросы времени и искусства? Пушкинъ замыкаетъ собой прежній періодъ нашей литературы, или, лучше сказать, заслоняетъ собой прежнюю подражательную литературу и полагаетъ прочное основаніе національному творчеству до того прочное, что прежняго порядка вещей какъ бы уже не существуетъ съ его появленіемъ въ литературѣ. Наслѣдство Пушкина раздробилось на части между позднѣйшими нашими поэтами, тѣми, которые по справедливости называются второстепенными. Вмѣстѣ съ новыми, самобытными элементами своей музы, Пушкинъ внесъ въ литературу и широкое пониманіе образцовъ иностранныхъ. Онъ первый далъ намъ уразумѣть красоты поэтовъ Италіи, возвелъ насъ до пониманія Шекспира, далъ почувствовать прелести греческой антологіи, привилъ байроновскій жизненный элементъ къ русской поэзіи (вспомните, что современники сравнивали Байрона съ Руссо и находили огромное сходство между обоими великими писателями). Такимъ образомъ геніальностью одного человѣка введены были въ поэзію нашу и настоящее искусство, и настоящая жизнь. Послѣдующіе поэты поняли, что внѣ національности нѣтъ поэзіи, и что ни одно изящное произведеніе не можетъ быть признано поэтическимъ, не подѣйствуетъ на массы, не будетъ имѣть значенія, если окажется неудовлетворительнымъ въ художественномъ отношеніи. Отсюда начало раціональнаго изученія великихъ образцовъ искусства и начало жизненнаго творчества. И между всѣми отраслями нашей литературы существуетъ, въ этомъ отношеніи, прочное единство. Болѣе свободныя формы повѣсти и романа быстро двинулись впередъ, благодаря множеству замѣчательныхъ талантовъ, которые принялись разработывать эту свѣжую почву.

Digitized by Google

Присматриваясь къ послѣднимъ результатамъ нашихъ бельлетристовъ, нельзя не замѣтить, что они въ значительной степени подготовляютъ уже матеріалъ для лирическаго поэта, который тогда только можетъ могущественно начать свою дѣятельность, когда добыто будетъ для него полное жизненное содержаніе. Съ другой стороны, лиризмъ Пушкина все еще сохраняетъ за собой прежнее свое могущество. Да и что̀ новаго внести въ жизнь, когда вы, читатель, все еще живете Пушкинымъ!

Среди нѣкотораго застоя нашей лирической поэзіи, происходящаго не по недостатку новыхъ талантовъ, а по причинамъ чисто-историческимъ, нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ примкнули къ тому направленію, которое преобладаетъ въ новѣйшей бельлетристикѣ. Сравнительно, это огромный шагъ впередъ, и совокупная дѣятельность гг. Огарева, Хомякова, Аксаковыхъ, Майкова, Некрасова достигнетъ, можетъ быть, того, что и лирическая поэзія станетъ у насъ въ такія прямыя отношенія къ новѣйшей міровой жизни, въ какія романъ и комедія стали къ народной.

Послѣ названныхъ нами писателей, г. Полонскій всѣхъ болѣе отличается теплотою чувства, проявленіемъ симпатической личности въ своихъ стихотвореніяхъ. Прямому, сильному выраженію этого чувства препятствуетъ какая-то робость, весьма объяснимая въ наше время застоя лиризма. Но возьмите любое изъ оконченныхъ стихотвореній г. Полонскаго, наиболѣе заставляющихъ подозрѣвать въ себѣ присутствіе объективнаго творчества, и вы увидите, что поэтъ прибѣгъ для выраженія своего чувства къ иносказательной формѣ. Это напоминаетъ намъ отчасти древнія народныя пѣсни, въ которыхъ душевныя ощущенія выражались соотвѣтствующими имъ образами природы. Вы скажете, можетъ быть, что такимъ же образомъ выражается и г. Фетъ, и другіе пластики. Нѣтъ! Г. Полонскій не увлекается образами, рисуя ихъ, на сколько нужно ему для выраженія своего чувства. Таковъ отличительный характеръ нашего поэта. Чтобъ убѣдиться, прочтите превосходныя стихотворенія его: «Дубокъ», «Въ одной знакомой улицѣ», «Качку въ бурю», «Пришли и стали тѣни ночи», «Мысли», «Не жди», «Моя судьба», «Лѣсъ», «Колыбель малютки», и пр. и пр., — для полноты указанія намъ бы нужно было перебрать всю книгу. Въ этихъ-то стихотвореніяхъ скрывается натура поэта полная ссчувствія и въ высшей степени симпатичная. Отсюда получаютъ значеніе пьесы, написанныя на Кавказѣ подъ южнымъ небомъ, въ уединеніи, среди роскошной природы. Теплота и искренность разлиты въ этихъ задушевныхъ страницахъ г. Полон-

Digitized by Google

скаго. Мы не станемъ разбирать здѣсь, по многимъ причинамъ стихотворенія «Дубокъ»; но изъ граціозной пьески: «Затворница» такъ и просятся на память эти три стиха, которые говоритъ поэту дѣва его фантазіи:

«Послушай, убѣжимъ!..
Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ,
Туда возврата нѣтъ!»

Тамъ, гдѣ поэтъ старается одолѣть чуждый ему элементъ или остается подражателемъ, стихи у него выходятъ и слабы и холодны. Сюда нельзя не отнести, напримѣръ, «Узника», «Разсказа волнъ» и слабаго перевода Гётева «Рыбака». Зато какъ милы тѣ образы, которые онъ создаетъ подъ вліяніемъ собственнаго, непосредственнаго чувства! Что, напримѣръ, въ «Русой головкѣ», которую онъ воспѣлъ и которую воспѣваютъ цѣлыя тысячи пѣвцовъ? А между тѣмъ простая, веселая пѣсенка эта такъ оригинальна, что невольно ложится на музыку.

Какъ-будто противясь внутреннему своему стремленію, поэтъ нашъ, въ послѣднее время, болѣе и болѣе старается облекать лирическія мысли свои въ образы, и въ этомъ отношеніи начинаетъ уже мастерски овладѣвать формой. У него начинаетъ вырабатываться даже собственная манера. Прочтите, напримѣръ, слѣдующее маленькое, но полное содержанія стихотвореніе, въ которомъ личность художника какъ бы совершенно скрыта, и если вы хоть сколько нибудь знакомы съ нашимъ поэтомъ, вы скажете, что оно принадлежитъ г. Полонскому.

У АСПАЗІИ.

ГОСТЬ.

Чтобъ это значило? — вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
Между колонн занавѣсы приподняты;
Благоухаетъ смола;
Цитра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчесаны;
Ставятъ амфоры на столъ.
Ты же блѣдна, — словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей?

АСПАЗІЯ.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей.

Digitized by Google

Шумъ ея замеръ, и это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
Это — Периклъ говоритъ...
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ — весь городъ молчитъ!..
Чу! шумъ на площади... рукоплесканія...
Друга вѣнчаетъ народъ!..
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ въ эти двери войдетъ.

Таково же, если еще не выше, и другое изъ новѣйшихъ стихотвореній г. Полонскаго: «Агарь». Мы не упоминаемъ о стихотвореніяхъ, которымъ уже давно наша критика воздала должную дань хвалы и поощренія; такія пьесы, какъ: «Пришли и стали тѣни ночи», «Зимняя дорога», «Уже подъ ельникомъ, изъ за вершинъ колючихъ», «Качка въ бурю» давно оцѣнены по достоинству.

Теплый лиризмъ сквозитъ во всѣхъ произведеніяхъ Я. П. Полонскаго. Изъ-за образовъ вы видите поэтическую натуру, сочувствующую благороднымъ стремленіямъ времени. Посмотрите, какъ хороши у него всюду описанія природы, когда онъ касается ихъ мимоходомъ. Но г. Полонскій поэтъ лирическій по преимуществу,— онъ не увлекается, да и не можетъ увлекаться ими, точно также, какъ не въ силахъ былъ бы примкнуть и къ лиризму отрицательному, который не по плечу его кроткой, любящей, сочувствующей музѣ.

Какъ бы то ни было, книжка, лежащая передъ нами — плодъ свѣтлыхъ минутъ жизни одного изъ наиболѣе талантливыхъ современныхъ поэтовъ. Она составляетъ превосходный подарокъ литературѣ и, думаемъ, уже встрѣтила общее сочувствіе публики. Мы показали общій характеръ музы г. Полонскаго, не излагая подробно всѣхъ ея достоинствъ и не указывая на недостатки, неизбѣжные всякой дѣятельности. И что г. Полонскому въ нашемъ совѣтѣ? Совѣтъ лежитъ въ самомъ времени. Отъ начала до конца своего поприща онъ былъ постоянно преданъ искусству и совершенствовался. Чистое, постоянное, усердное служеніе своему призванію, и при холодности, и при невниманіи критики, и при многотрудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, служеніе ничѣмъ не возмущаемое и ничѣмъ не останавливое, вотъ заслуга Полонскаго, вотъ его дорогое право на уваженіе современниковъ. Теперь поэтъ

Digitized by Google

уже возмужалъ окончательно. Нагрянь въ литературу нашу счастливая волна лиризма, и поэтъ сдѣлаетъ многое.

Имя г. Никитина—третьяго изъ разбираемыхъ нами поэтовъ—невольнымъ образомъ заставляетъ вспомнить Кольцова. Какимъ долженъ выйдти у насъ поэтъ, воспитанный сельскимъ бытомъ и сельскими нуждами, поэтъ-самородокъ? Какое новое содержаніе внесли бы самородки въ литературу нашу, обратившуюся съ такимъ жаромъ къ изученію и разработкѣ народности? Вопросы эти пробуждаютъ живое любопытство, когда приступаешь къ знакомству съ новымъ самородкомъ.

По словамъ издателя только-что вышедшей книжки стихотвореній г. Никитина, мѣщанинъ-поэтъ рѣшительно лишенъ былъ возможности обработать свой прекрасный талантъ. Ему удалось развѣ только изучать Пушкина да Лермонтова. Вотъ ужь истинно поэтъ-находка, особенно когда вспомнимъ, какое всеобщее любопытство возбуждали первыя стихотворенія г. Никитина, напечатанныя въ «Москвитянинѣ» и въ «Библіотекѣ для Чтенія».

Мы хотимъ высказать г. Никитину откровенное мнѣніе наше о свойствахъ его таланта, и надѣемся, что онъ не посѣтуетъ на наши замѣчанія, какъ начинающій, передъ которымъ открыты всѣ пути и всѣ дороги.

Мы со вниманіемъ прочли книжку его стихотвореній, въ которой собраны мелкія и крупныя пьесы его, написанныя съ 1849 года по 1854 включительно. По окончаніи чтенія, мы невольно остановились на автобіографіи поэта, именно потому, что поэтическій характеръ г. Никитина, особенно по стихотвореніямъ, помѣщеннымъ въ первой половинѣ книжки, показался намъ загадочнымъ. Поэтъ говоритъ о себѣ, между прочимъ:

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной,
Неопытной рукой я струны пробуждалъ,
И пѣсни грустныя, какъ даръ небесный,
Какъ драгоцѣнный кладъ, таилъ и сберегалъ.
Быть можетъ, силой чувствъ и мыслію глубокой
Я струнъ одушевить не могъ и не успѣлъ;
Никѣмъ незнаемый, съ лѣтъ раннихъ, одинокой,
Какъ птица вольная, я безъ искусства пѣлъ.

Грустными стихами оканчивается автобіографія. Поэтъ жалѣетъ о прежнихъ дняхъ — глубокомолчаливыхъ, когда онъ одинъ, въ глуши, слагалъ свою пѣсню. Еще болѣе грустнымъ размышленіемъ

Digitized by Google

исполнено другое стихотвореніе, написанное на ту же тему: «Я помню счастливые годы». Поэтъ говоритъ, между прочимъ:

Пришла пора... Иныя строки
Въ страницахъ жизни я прочелъ,
И въ нихъ тяжолые уроки
Уму и сердцу я нашелъ.
О, если бъ, въ пору перехода
Отъ дѣтства въ зрѣлые года,
Широкій путь моя свобода
Нашла для скромнаго труда!
Согрѣтый мыслію живою,
Какъ гражданинъ и человѣкъ,
Быть можетъ, свѣтлою чертою
Тогда бъ отмѣтилъ я свой вѣкъ.
Но горекъ жребій мой суровый!
И много силъ я схоронилъ,
Пока дорогу жизни новой,
Средь зла и грязи, проложилъ!

Уже по этимъ строкамъ, по самому складу стиха, читатель видитъ, что знакомится съ молодымъ поэтомъ, воспитавшимся на пушкинской поэзіи. Еще съ большей силой приходитъ эта мысль на умъ при чтеніи стихотвореній г. Никитина, написанныхъ съ 1849 по 1853 годъ. Вы встрѣчаете большое умѣнье обращаться съ стихомъ, который звученъ и гладокъ, тамъ и сямъ вѣрные очерки природы, много мыслей, еще не глубоко затронувшихъ поэта, и — много подражаній образцамъ, которые возбудили въ немъ поэтическій жаръ, дали ему возможность высказаться. Независимо отъ силы бойко управлять стихомъ, вы видите въ г. Никитинѣ не только умнаго, но и мыслящаго человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, многія изъ первоначальныхъ стихотвореній г. Никитина, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, напоминаютъ вамъ Баратынскаго; напримѣръ, хоть на чинающееся стихами: «Присутствіе непостижимой силы таинственно скрывается во всемъ»... Во многихъ стихотвореніяхъ («Жизнь и смерть», «Успокоеніе», «Наслѣдство») встрѣчается очевидное и притомъ не всегда неудачное подражаніе Кольцову (особенно въ стихотвореніи «Наслѣдство»); но поэтъ всего болѣе сочувствуетъ раздумью нашего геніальнаго красола-пѣсенника. По этимъ признакамъ, мы можемъ предугадывать отчасти, каковъ бы былъ характеръ музы г. Никитина, если бы обстоятельства не помѣшали ей развиться вполнѣ. Прочтите замѣчательное посланіе его къ «Пѣвцу» — и вы поймете, что поэтъ не хочетъ выронить пѣснь

Digitized by Google

свою даромъ. Когда вы подумаете о судьбѣ г. Никитина, для васъ станетъ ясно, что не безъ причины великіе образцы поэзіи потрясли душу бѣднаго, одинокаго мѣщанина; что въ ней уже были задатки къ воспріятію ихъ. На первыхъ страницахъ книжки, вы невольно спрашиваете себя: въ чемъ-же заключается въ г. Никитинѣ та самостоятельность, которую не сомнѣвались найдти въ немъ послѣ знакомства съ его біографіею? Вамъ становится досадно, что поэтъ-самородокъ открытъ уже долгое время спустя послѣ того періода его жизни, когда онъ довольно-коротко познакомился съ нашей литературой. Вамъ бы хотѣлось прочесть, вмѣсто слабыхъ подражаній образцамъ мастеровъ, нѣсколько наивныхъ, задушевныхъ словъ русскаго человѣка; вамъ жадно хотѣлось бы уловить еще разъ волшебные звуки Кольцова....

Но одно и то же явленіе не повторяется два раза, и не въ одной только формѣ суждено выражаться поэту, воспитанному чисто народной жизнью. Въ стихотвореніяхъ г. Никитина есть начатки таланта несомнѣннаго.

По нашему мнѣнію, уважаемый нами поэтъ не принадлежитъ къ тѣмъ исключительно поэтическимъ натурамъ (какъ, напримѣръ, Кольцовъ), которыя сами, изъ родниковъ души своей, создаютъ для себя и стихъ, и гармонію, и пѣсню. Поэтическая натура его могла пробудиться отъ соприкосновенія другихъ, высшихъ поэтическихъ натуръ. Находясь подъ ихъ вліяніемъ, она еще не можетъ выйдти на самостоятельный путь, хотя и чувствуетъ сильное къ тому влеченіе. Лиризмъ Пушкина, Баратынскаго, Кольцова не могъ привиться къ ней можетъ быть потому, что уже нѣсколько поздно всколебалъ душу поэта. Но есть у г. Никитина стихотворенія, которыя вы прочтете съ полнымъ любопытствомъ и сочувствіемъ. Сюда принадлежатъ его баллады изъ простонароднаго быта: «Старикъ-другоженецъ», «Зимняя ночь въ деревнѣ», «Ночлегъ извощиковъ», «Ссора», «Упрямый отецъ», «Жена ямщика», «Неудачная присуха» и пр. Какъ только поэтъ, послѣ продолжительныхъ броженій, попалъ на свою колею, онъ сталъ подавать надежды на самостоятельность. И стихъ зашевелился бойче, съ быстротой, легкостью, картинностью, и описанія природы, и характеры—все это живописно ложится на бумагу. Замѣчательно, что почти всѣ позднѣйшія произведенія г. Никитина написаны въ этомъ родѣ, и поэтъ нашъ, какъ бы почувствовалъ свое призваніе. Онъ понялъ свои силы—и эта правильность инстинкта въ художникѣ не можетъ не радовать насъ: еще нѣсколько времени, еще нѣсколько самостоятельности—и баллады г. Никитина получатъ значеніе въ нашей литературѣ.

Digitized by Google

Замѣчательное дѣло! Даже въ мелочахъ, въ формальныхъ подробностяхъ — одинъ общій психическій законъ повсемѣстно управляетъ развитіемъ поэтическаго духа. По прочтеніи стихотвореній г. Никитина, невольно пришла намъ на умъ одна глава изъ сочиненія Филарета Шаля объ англійской простонародной литературѣ. И такъ, какъ у насъ, она выразилась въ двухъ главныхъ формахъ — пѣснѣ и балладѣ. Повѣрка справедливости этого закона сильно заняла насъ съ тѣхъ поръ, какъ мы открыли, отчасти, его оправданіе въ зрѣлыхъ начаткахъ г. Никитина. Посмотримъ, какихъ самобытныхъ результатовъ достигнетъ нашъ молодой поэтъ, которому мы отъ всей души желаемъ успѣха.

1856.

IX.

«МЕТЕЛЬ». — «ДВА ГУСАРА». ПОВѢСТИ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО. («СОВРЕМЕННИКЪ», 1856 г. №№ 3 и 5.)

Немногіе русскіе литераторы начинали свою дѣятельность такъ счастливо, правильно и разумно, какъ началъ ее графъ Л. Н. Толстой, авторъ «Дѣтства», «Отрочества», «Записокъ маркера», «Севастополя въ декабрѣ, мартѣ и августѣ», «Рубки лѣса» и послѣднихъ произведеній, названныхъ въ заглавіи нашей рецензіи. Мы и не говоримъ уже о томъ, что даровитый повѣствователь имѣлъ счастіе начать свою дѣятельность въ періодъ полнаго сближенія между русскими дѣятелями по литературной части, въ періодъ терпимости, дружелюбія и, по возможности, ясныхъ взглядовъ на искусство — это закулисныя обстоятельства русской журналистики, о которыхъ публика можетъ не знать ничего, или почти ничего, безъ большого для себя ущерба. Въ самой литературной карьерѣ графа Толстого, въ порядкѣ его произведеній, въ пріемѣ имъ сдѣланномъ, мы не можемъ не видѣть правильнаго, многообѣщающаго развитія, необходимаго всякому сильному таланту. Авторъ «Дѣтства», едва выступивъ на литературное поприще, не встрѣтилъ отъ публики ни холодности, ни мгновеннаго сильнаго успѣха, всегда почти дѣйствующаго на молодыхъ писателей довольно вредно. Масса читателей прочла его первую повѣсть съ удовольствіемъ, запомнила начальныя буквы, которыми было подписано произведеніе, и затѣмъ сохранила свои похвалы до дальнѣйшаго времени. Люди привычные къ пониманію поэзіи и зорко слѣдившіе за всѣми новыми явленіями въ отечественной

Digitized by Google

словесности, одни привѣтствовали появленіе новаго таланта съ горячностью: — такимъ образомъ успѣхъ произведеній графа Л. Н. Толстого прежде всего начался въ кругѣ писателей и истинныхъ дилетантовъ по литературной части. Извѣстность, начавшаяся такъ разумно, съ каждымъ годомъ увеличивалась въ самой правильной постепенности. Повѣсть «Отрочество» утвердила всѣ надежды, возлагаемыя на новаго писателя. «Записки маркёра» показали въ немъ человѣка, хорошо понимающаго многія грустныя стороны современной жизни. Рядъ кавказскихъ сценъ, называвшихся, если мы не ошибаемся, «Набѣгъ», привлекъ къ графу Толстому симпатію многихъ читателей военнаго знанія. Полный, неоспоримый, завидный успѣхъ новаго повѣствователя начался съ его очерковъ Севастополя, при началѣ, въ самомъ разгарѣ и при концѣ его знаменитой осады. Тутъ уже каждое слово, каждая мастерская подробность, каждое замѣчаніе талантливаго писателя, свидѣтеля великихъ сценъ великой драмы, было оцѣнено и встрѣчено общею симпатіею. Вся читающая Россія восхищалась Севастополемъ въ ноябрѣ, Севастополемъ весною, Севастополемъ въ августѣ мѣсяцѣ. Вся читающая Россія видѣла въ поэтическихъ разсказахъ графа Толстого не одни любопытные факты, сообщаемые очевидцемъ, не одни восторженные разсказы о подвигахъ, способныхъ воодушевить самаго безстрастнаго разскащика. Всякій читатель, одаренный здравымъ смысломъ, видѣлъ и зналъ, что на небольшомъ клочкѣ земли, приковывавшемъ къ себѣ взоры всего свѣта черезъ необыкновенныя дѣла, тамъ происходившія, находился настоящій русскій военный писатель, одаренный зоркимъ глазомъ, слогомъ истиннаго художника, писатель, готовый дѣлиться съ публикою исторіею всего имъ видѣннаго и пережитаго во время осады Севастополя. Замѣчательно, что изъ числа всѣхъ непріязненныхъ державъ, войска которыхъ бились подъ стѣнами нашей Трои, ни одна не имѣла у себя хроникёра осады, который могъ бы соперничать съ графомъ Львомъ Толстымъ, авторомъ немногихъ замѣтокъ о Севастополѣ, небольшихъ по объему и далеко не охватывавшихъ всего предмета. Наше увѣреніе мы произносимъ со знаніемъ дѣла, ибо не только во время войны внимательно слѣдили за корреспондентами иностранныхъ газетъ, но даже имѣли терпѣніе перечитать большое количество разсказовъ и записокъ, набросанныхъ какъ зрителями, такъ и участниками севастопольской осады. О Турціи и Сардиніи говорить нечего — первая не имѣетъ писателей, вторая подарила намъ только небольшое число страницъ, преисполненныхъ самаго смѣшного бомба-

Digitized by Google

ста. Французская литература представила книгу бездарнаго Базанкура, книгу почти единственную за все время, ибо статей и брошюръ военно-ученаго содержанія мы считать здѣсь не можемъ. Англія была богата отличными корреспондентами газетъ, и изъ нихъ нѣкоторые, особенно знаменитый корреспондентъ газеты «Times», превосходили графа Толстого великолѣпной художественностью изложенія, замѣченною всѣми европейскими читателями. И не смотря на огромность таланта, британскіе корреспонденты были все-таки ничѣмъ инымъ, какъ фельетонистами, хотя фельетонистами великаго дарованія. Они гнались за красотой слога, были бѣдны по части безпристрастія, наконецъ смотрѣли на дѣло не глазами поэтовъ и мыслителей, а глазами восторженной театральной публики, опьяненной видомъ красныхъ мундировъ, сверкающихъ штыковъ, скачущихъ коней и стрѣляющихъ орудій. Они были фразерами, сами того не вѣдая. Они довели страсть къ живописнымъ подробностямъ до такой степени, что за этими подробностями почти не видали смысла великой трагедіи, передъ ихъ взорами совершавшейся. Недавно въ Англіи вышли особою книгою разсказы Росселя, корреспондента «Times», разсказы, о которыхъ мы теперь упоминаемъ. Мы прочли ихъ съизнова, съизнова отдали полную дань похвалы ихъ блестящему автору, и все-таки остались при своемъ мнѣніи: замѣтки графа Толстого о Севастополѣ кажутся намъ произведеніемъ несравненно высшимъ. Эти замѣтки, въ которыхъ дѣйствуютъ вымышленныя лица, поражаютъ правдою и отсутствіемъ фразы, письма великобританскаго разскащика, въ которыхъ все списано съ натуры, озадачиваютъ внимательнаго читателя иногда стремленіемъ къ фразѣ, иногда положительною неправдою. Мы совѣтуемъ людямъ, читающимъ по-англійски, самимъ провѣрить наши замѣчанія. Пусть они возьмутъ изъ Росселевой книги, на выборъ, ея блистательнѣйшіе пассажи, повергавшіе всю Европу въ восхищеніе — какъ напримѣръ начало инкерманскаго дѣла, кавалерійскую атаку подъ Балаклавою, атаку русскихъ гусаровъ на шотландской полкъ сэра Колина Кембелля, изображеніе поля инкерманскаго ночью, послѣ битвы. Все это великолѣпно, поразительно, показываетъ въ авторѣ истиннаго художника — надо въ томъ признаться. Но во сколько разъ вѣрнѣе и трогательнѣе въ замѣткахъ графа Толстого изображеніе графской пристани, звѣздной ночи во время бомбардировки, перемирія для уборки тѣлъ, наконецъ Володи Козельцова, семнадцатилѣтняго артиллерійскаго прапорщика, въ первую ночь послѣ пріѣзда въ Севастополь. По части чисто-художественной, нашъ русскій авторъ

Digitized by Google

иногда не уступаетъ своему англійскому сопернику; чтобы въ томъ убѣдиться, достаточно прочитать тѣ страницы «Севастополя въ августѣ», на которыхъ разсказанъ переходъ братьевъ Козельцовыхъ съ сѣверной стороны на южную, въ темную ночь, при волнахъ, бьющихъ въ края моста, въ виду непріятельскаго флота, огни котораго какъ-то дерзко пробиваются сквозь мглу тягостной ночи! Но не одной картинностью изображеній силенъ нашъ русскій писатель. Мысль и поэзія неразлучны съ его очерками, и эта мысль есть мысль человѣка высоконравственнаго, эта поэзія не можетъ назваться театральною поэзіею. Англійскій писатель съ потрясающей вѣрностью рисуетъ намъ, въ какихъ изумительныхъ положеніяхъ лежали люди, убитые подъ Инкерманомъ — этотъ дагеротипный очеркъ, при всей его разительности, очевидно составленъ для праздная читателя, говорящаго за чаемъ: «я хочу знать все, все, и въ чемъ былъ одѣтъ непріятель, и что подумали иностранцы, увидавъ шотландскіе полки, лишенные самой необходимой части одежды!» До дагеротиповъ подобнаго рода графъ Толстой не доходитъ, его воздержность можетъ служить урокомъ всякому писателю, особенно начинающему. Изображая намъ перемиріе во время уборки труповъ, онъ не станетъ изображать намъ положеній, въ какихъ лежали жертвы недавняго боя, но онъ заставитъ читателя почувствовать то, что чувствовалъ самъ во время сказаннаго зрѣлища. Англійскій корреспондентъ, разсказывая про каваллерійское дѣло подъ Балаклавою, не смотря на всю свою горячность, подступаетъ къ своей задачѣ словно къ описанію великолѣпной скачки съ препятствіями. Графъ Толстой скупъ на великолѣпныя описанія, ибо хорошо знаетъ, что война кажется великолѣпнымъ дѣломъ только для поверхностныхъ зрителей, дилетантовъ. Подвиги, имъ изображаемые, не имѣютъ въ себѣ никакого великолѣпія, кромѣ великолѣпія нравственнаго, если позволено такъ выразиться. Его герои не скачутъ на кровныхъ лошадяхъ при трубномъ звукѣ — они сидятъ въ душныхъ блиндажахъ, геройски переносятъ операціи, лежа на окровавленной госпитальной койкѣ, поддерживаютъ раненаго товарища и безстрашно идутъ на вылазку, во всей трогательной прозѣ военной жизни, въ фуражкахъ и розовыхъ рубашкахъ съ разстегнутымъ воротомъ, иногда даже въ стоптанныхъ сапогахъ, потому-что недосугъ думать о сапогахъ, когда предстоятъ дѣла другого рода. Нужно ли сказывать, чьи картины вѣрнѣе и который изъ двухъ писателей оказалъ большую услугу массѣ своихъ согражданъ?

Превосходство нашего автора надъ многими хроникёрами

Digitized by Google

крымской кампаніи заключается не въ одномъ складѣ его дарованія, преисполненнаго правды и разумности. Графъ Толстой, въ своихъ разсказахъ о Севастополѣ, важенъ какъ человѣкъ военный, какъ счастливѣйшій представитель образованнѣйшей части нашего достославнаго воинства. Онъ попалъ въ Крымъ не въ видѣ зрителя и живописца по приглашенію, не въ видѣ туриста, любящаго сильныя ощущенія, даже не въ видѣ литератора, явившагося на поле борьбы за новымъ вдохновеніемъ. Нашъ новый повѣствователь и дорогой товарищъ — русскій офицеръ, начавшій свою службу на Кавказѣ, много ночей спавшій у костра, рядомъ съ артиллерійскими солдатами, видавшій въ свою жизнь военныя дѣла и уже присмотрѣвшійся къ той картинности военнаго быта, которая всегда неотразимо поражаетъ людей не знакомыхъ съ жизнью воина. Для него русскій солдатъ занимателенъ не въ однѣхъ массахъ и не въ одной полной парадной формѣ, такъ драгоцѣнной англійскимъ корреспондентамъ: графъ Толстой знаетъ и любитъ солдата во всѣхъ видахъ и во всѣхъ случаяхъ солдатской жизни. Для его ума, изощреннаго раннимъ наблюденіемъ, извѣстное число военныхъ людей уже не представляется какою-то безразличною массою одинаково одѣтаго народа, сходнаго между собой по нравамъ, какъ и по костюму. Все общее, случайное, даже давно уже отброшено нашимъ нравоописателемъ военнаго быта; все типическое, оригинальное, самостоятельное, прямо вытекающее изъ характера русскаго человѣка, предназначеннаго на военную дѣятельность, даетъ пищу графу Толстому какъ поэту и какъ простому разскащику. Оттого намъ какъ нельзя болѣе понятна та завидная популярность, какою пользуется нашъ писатель Л. Н. Т., то-есть графъ Толстой, между образованнѣйшими классами военнаго сословія. Можетъ-быть, онъ самъ не догадывается о размѣрахъ этой популярности; но по нашему собственному опыту, довольно многостороннему по этой части, ея размѣры, увеличиваясь со всякимъ днемъ, уже достигли самой завидной степени. Огромная часть читателей, служившихъ въ военной службѣ, горячо интересуется дарованіемъ новаго повѣствователя. Служащая молодежь читаетъ произведенія его съ жадностью. Много разъ намъ приходилось своими ушами слышать отзывы такого рода: «Никогда, ни одинъ русскій писатель не умѣлъ такимъ образомъ изображать русскаго военнаго человѣка.» «Набѣгъ» и «Рубка лѣса» привлекли къ графу Толстому вниманіе большой части кавказцевъ. Каждый изъ геройскихъ защитниковъ Севастополя съ наслажденіемъ читалъ севастопольскіе очерки, о которыхъ сей-

Digitized by Google

часъ говорилось; военные молодые люди зачитываются вещами графа Толстого и, можетъ быть, недалеко отъ насъ пора, когда они будутъ гордиться его дальнѣйшею дѣятельностью. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Петербургѣ скоро выйдутъ въ свѣтъ, отдѣльною книгою, всѣ военные разсказы нашего автора — успѣхъ изданія намъ кажется несомнѣннымъ. Когда оно будетъ кончено, мы еще разъ поговоримъ о графѣ Толстомъ, какъ о военномъ разскащикѣ; теперь же намъ предстоитъ сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ по поводу его послѣднихъ вещей, недавно напечатанныхъ въ «Современникѣ».

Подведя итогъ всему тому, что мы уже сказали о дарованіи молодого нашего повѣствователя, мы видимъ себя въ правѣ высказать мысль весьма утѣшительную. По независимости своего таланта, по разумности своего направленія, по отвращенію ко всякой фразѣ — качеству, до крайности рѣдкому въ наше время — графъ Левъ Толстой представляется намъ какъ одинъ изъ безсознательныхъ представителей той теоріи свободнаго творчества, которая одна кажется намъ истинною теоріею всякаго искусства. Невозможно предположить, чтобъ авторъ «Дѣтства» и «Двухъ Гусаровъ» дошелъ до этой теоріи путемъ долгаго опыта и изслѣдованіемъ вопросовъ о значеніи искусства; но всякій знаетъ, что натурамъ, блистательно одареннымъ, писателямъ, исполненнымъ истиннаго поэтическаго чутья, пониманіе правды дается вмѣстѣ съ самимъ талантомъ. Не одинъ очень молодой поэтъ, едва вступивъ на литературное поприще, открывалъ тѣ самые пути, около которыхъ опытные критики ходили много лѣтъ, ничего не видя и ничего не открывая. Все дѣло въ свѣжести дарованія, соединенной съ тою стойкостью натуры, безъ которой никогда не предпринимается ничего прочнаго. По первымъ произведеніямъ Л. Н. Т., въ немъ не трудно было распознать писателя вполнѣ независимаго. Самая тѣнь рутины не касалась его молодыхъ силъ. Онъ не зналъ многаго, но зато и не заблуждался во многомъ. Для него какъ-будто не существовало прошлаго; всѣ мелкіе грѣшки нашей словесности: ея общественный сантиментализмъ, ея робость передъ новыми путями, ея одностороннее стремленіе къ отрицательному направленію, наконецъ остатки стараго дидактическаго педантизма, отнявшіе столько силы у нашихъ современныхъ дѣятелей,—ни мало не отразились на талантѣ новаго повѣствователя. Когда постоянный рядъ успѣховъ наконецъ доставилъ графу Толстому почетное мѣсто въ строю русскихъ писателей, онъ уже твердо стоялъ на своихъ ногахъ, не чувствуя никакого расположенія увлекаться по-

Digitized by Google

дражаніемъ кому бы то ни было. Дорожа своей первой дѣятельностью, онъ ясно увидалъ, какъ безполезно рисковать ею, устремляясь съ своей собственной дороги на путь чуждый. Ни къ сантиментализму, ни къ дидактическимъ фразамъ любви онъ не чувствовалъ склонности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ далекъ и отъ другой крайности воззрѣнія, вслѣдствіе котораго искусство чистое, но понятое черезчуръ исключительно, становится проводникомъ мелкаго дагеротипнаго реализма, не оживленнаго никакой дѣльной мыслію. Вѣря въ себя и въ свое призваніе, онъ отшатнулся отъ всѣхъ преходящихъ воззрѣній и пошелъ по той дорогѣ, куда влекла его сила таланта. Судьба, такъ благосклонная къ нашему автору при самомъ началѣ его поприща, не измѣнила ему и въ минуту кризиса. Теперь для насъ не можетъ быть сомнѣнія въ дальнѣйшемъ направленіи всей дѣятельности графа Толстого. Онъ навсегда останется независимымъ и свободнымъ творцомъ своихъ произведеній. Ему нечего бояться литературной рутины: онъ не будетъ писать сантиментальныхъ диссертацій на современныя темы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не станетъ изображать какого-нибудь журчанья ручейка, если его собственное настроеніе не повлечетъ его къ журчащему ручью съ непреодолимою силою. Онъ будетъ прямъ и искренен въ проявленіяхъ своей поэтической фантазіи. Если ему вздумается написать идиллію — никакой авторитетъ не склонитъ его передѣлать идиллію въ сатиру. Если вдохновеніе застанетъ его въ минуты тяжелыя для души — графъ Толстой не станетъ насиловать себя для идиллической картины. Весь міръ раскроется передъ нимъ съ своими свѣтлыми и темными сторонами, а онъ не устремится къ той или другой сторонѣ міра по чужому указанію. Оттого въ графѣ Толстомъ, еще болѣе, нежели въ другомъ его сильномъ сверстникѣ — Островскомъ, мы видимъ правильное наступательное движеніе современной изящной словесности въ сторону истиннаго пониманія законовъ искусства. Г. Островскій, при всѣхъ его заслугахъ, при всей важности дѣла имъ совершеннаго, имѣлъ свои колебанія и склонялся къ дидактикѣ своего рода. Независимость и литературная самостоятельность автора «Дѣтства» были постоянно одинаковы во всѣ періоды его дѣятельности. Нельзя не подивиться и не порадоваться этой несокрушимой стойкости направленія, устоявшей противъ всѣхъ искушеній, противъ всѣхъ иллюзій молодости, противъ литературныхъ преданій, наложившихъ свое вліяніе на души талантливыхъ, самыхъ опытныхъ нашихъ товарищей. Можно находить многіе недостатки въ произведеніяхъ Толстого, но направленію ихъ не можетъ сдѣлать упрека критикъ самый при-

Digitized by Google

дирчивый. Тутъ нѣтъ ни преднамѣренной дидактики, ни идиллической несостоятельности передъ темной стороной жизни, — ни заранѣе накинутой на себя мизантропіи, ни розоваго свѣта, ни безстрастія, ни сантиментальности. Тутъ все твердо и свободно. Преднамѣренно-поучительна мысль не выглядываетъ отвсюду, какъ кость какого-нибудь сухощаваго оратора, наставительныя умозрѣнія не портятъ своимъ присутствіемъ поэзіи свободной и чистой,— чистая поэзія не исключаетъ серьезнаго взгляда на дѣла жизни. Все строго и соразмѣрено съ своей цѣлью, всѣ стороны міра равны передъ поэтическимъ взглядомъ писателя,—и самъ писатель твердо вѣритъ, что ему дано отъ судьбы полное право идти въ ту сторону, куда зоветъ его загадочная и талантливая сила, называемая вдохновеніемъ.

Наши критики часто грѣшатъ тѣмъ, что любятъ, по поводу каждаго отдѣльнаго произведенія, дѣлать общіе выводы о направленіи писателя, только-что напечатавшаго это произведеніе. Метода поспѣшныхъ журнальныхъ обозрѣній ведетъ къ сказанной погрѣшности и, слѣдовательно, ко всѣмъ вреднымъ результатамъ, отъ нея происходящимъ. По милости этой методы, у насъ всякій, сколько-нибудь порядочный писатель безъ всякаго дурного помысла выставляется человѣкомъ, поминутно мѣняющимъ свои воззрѣнія, прыгающимъ изъ одной крайности въ другую, безпрерывно творящимъ работу Сизифа, взбѣгающимъ на ту вершину, гдѣ стоитъ храмъ Славы, а потомъ низвергающимся въ пучину безсилія. Въ замѣнъ того у насъ очень мало статей, въ которыхъ разбирается писатель за извѣстное время своей дѣятельности, въ общей сложности своихъ произведеній. То, что мы теперь говоримъ, весьма важно, напримѣръ въ отношеніи къ графу Толстому, какъ писателю замѣчательной самостоятельности. У него одна вещь безпрестанно дополняетъ другую, вяжется съ общей массою повѣстей и служитъ новымъ выраженіемъ той свободы творчества, о которой мы столько говорили. По «Дѣтству» и «Отрочеству», взятымъ отдѣльно, никакъ не угадаешь сочинителя «Очерковъ Севастополя». Грустный реализмъ «Маркёра» совершенно не сходенъ съ тонкой прелестью «Набѣга», «Метель» не имѣетъ почти ничего общаго съ «Двумя Гусарами». А между тѣмъ о каждой изъ этихъ вещей говорилось и въ журналахъ, и въ литературныхъ бесѣдахъ, какъ о чемъ-то совершенно отдѣльномъ и вполнѣ выражающемъ автора. Намъ случалось слышать жалобы на недостатокъ внѣшняго интереса въ «Метели», на предубѣжденіе графа Толстого въ пользу стараго времени, предубѣжденіе будто-бы высказавшееся въ «Двухъ

Digitized by Google

Гусарахъ». О томъ же, сколько силы и смѣлости заключалось во всѣхъ его произведеніяхъ, взятыхъ въ общей сложности, и говорилось рѣдко, а писалось еще рѣже.

«Метель» и «Два Гусара», къ подробной оцѣнкѣ которыхъ мы теперь приступаемъ, дѣйствительно какъ-будто написаны двумя разными лицами. Одна вещь полна тонкой, почти неуловимой поэзіи, вторая есть ничто иное, какъ рядъ мастерски набросанныхъ сценъ самаго оживленнаго содержанія. Въ «Метели» даровитый авторъ создаетъ цѣлую фантастическую картину изъ предмета, о которомъ прозаичный человѣкъ не способенъ сказати десяти словъ къ ряду; — въ «Двухъ Гусарахъ» просто и почти жестко передаются событія, изъ которыхъ легко сдѣлать два романа. Тамъ — русская проза, подъ перомъ художника, по временамъ достигаетъ тѣхъ предѣловъ, къ которымъ и хорошій стихъ не всегда подходитъ; здѣсь — лица и событія истинно поэтическія, очеркнуты небрежными штрихами, широкими, но какъ будто рѣзкими по своему очертанію. Въ одной вещи авторъ раскрываетъ передъ нами область неуловимыхъ, личныхъ ощущеній, испытанныхъ имъ въ данный моментъ его дорожной жизни; въ другой онъ совершенно исчезаетъ самъ, оставляя жить и дѣйствовать своихъ героевъ. И между-тѣмъ оба произведенія, совершенно несходныя ни по манерѣ разсказа, ни по замыслу, суть прямое послѣдствіе тѣхъ разнообразныхъ задатковъ, которыми такъ богаты первыя произведенія графа Толстого. Человѣкъ, написавшій «Дѣтство» и «Отрочество», совмѣщалъ въ себѣ разныя стороны таланта, стороны, для разработки которыхъ всей жизни его едва будетъ достаточно. Обладая въ одно время и поэтическимъ инстинктомъ и твердымъ взглядомъ на жизнь, — и даромъ могущаго анализа и самобытной силой фантазіи, нашъ авторъ будетъ постоянно дарить своихъ читателей твореніями самаго многосторонняго значенія, твореніями, изъ которыхъ, какъ мы надѣемся, каждое будетъ представлять собою новую степень полнаго обладанія своимъ завиднымъ талантомъ.

Задача, которую далъ себѣ графъ Толстой, принимаясь писать «Метель», принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ задачъ искусства. Мы обманули бы и себя, и автора, такъ нами уважаемаго, еслибъ сказали, что задача эта выполнена вполнѣ удовлетворительно. У графа Толстого много дѣятельности впереди, его трудъ надъ своимъ талантомъ только-что начинается. Много разъ еще придется ему возвращаться въ свой лагерь безъ рѣшительной побѣды, много разъ еще увидитъ онъ несоразмѣрность молодыхъ своихъ силъ съ трудностью задуманнаго предпріятія, но все это ничего не значитъ:

Digitized by Google

тяжелая борьба нужна каждому таланту; успѣхи мгновенные, удачи, добытыя съ легкостью, даются лишь однимъ міровымъ геніямъ. Вещи въ родѣ «Метели», но отъ начала до конца проникнутыя поэзіею самыхъ тяжкихъ моментовъ человѣческаго существованія, до сихъ поръ удавались у насъ лишь Пушкину и Гоголю. «Евгеній Онѣгинъ» полонъ отрывками въ такомъ родѣ. «Въ Капитанской Дочкѣ» есть глава, не только по задачѣ, но и по нѣкоторымъ подробностямъ сходная съ «Метелью». Почти тоже находимъ мы въ иныхъ повѣстяхъ Гоголя и въ его «Мертвыхъ Душахъ» (для примѣра укажемъ на главу съ дорожными воспоминаніями дѣтства). Изъ писателей современныхъ, г. Тургеневъ, главная сила котораго заключается въ поэтическомъ складѣ таланта, обязанъ подобной задачѣ лучшими страницами «Записокъ Охотника». Г. Фетъ, какъ талантъ высоко-поэтическій, съ большей удачей разработалъ не одну тему въ родѣ «Метели». Но ни Фетъ, ни Тургеневъ не давали своимъ вещамъ того размѣра, который приданъ «Метели». Ихъ прекрасные опыты выигрывали отъ своей краткости, ибо въ вещахъ, преисполненныхъ тонкаго поэтическаго интереса, одна страница недостигающая цѣли, предположенной авторомъ, есть пятно на всемъ произведеніи. Пушкинское стихотвореніе «Бѣсы» потеряло бы половину своей изумительной прелести, если бъ въ немъ было хотя два стиха безъ поэзіи. Notturno Фета ни куда не годилось бы отъ одного прозаичнаго слова, поставленнаго для рѣмы. Съ прозой, въ родѣ «Метели», ея авторъ долженъ обращаться какъ съ стихотвореніемъ, и причина тому весьма понятна. Въ чемъ собственно состоитъ задача разсказа «Метель», это мы уже обозначили. Въ немъ авторъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ заблудился въ дорогѣ, въ зимнюю ненастную ночь; какъ его ямщикъ кружилъ около дороги, наконецъ увязался за обозомъ, такъ же сбившимся съ прямого пути, и наконецъ, послѣ долгаго утомительнаго переѣзда, съ разсвѣтомъ пріѣхалъ на станцію. Ясно, что при такомъ содержаніи дѣло не во внѣшнихъ событіяхъ, но въ драматическихъ положеніяхъ, не въ яркихъ картинахъ, но въ умныхъ мысляхъ. Зимняя ненастная ночь, про которую говорили мы, оставила въ душѣ поэта извѣстное неизгладимое впечатлѣніе, которое онъ, съ своей стороны, желаетъ передать читателямъ. Тутъ намъ и видна вся трудность темы. Всякое истинное и сильное впечатлѣніе поэта имѣетъ право быть переданнымъ, ибо въ основаніи его всегда лежитъ цѣлый міръ поэтическихъ ощущеній, тѣмъ болѣе неуловимыхъ и тонкихъ, чѣмъ предметъ ихъ немногосложнѣе. Графъ Толстой смѣло подходитъ къ своему дѣлу и ведетъ его мастерски, въ

Digitized by Google

томъ надо признаться. Зорко подмѣчаетъ онъ всѣ мельчайшія поэтическія подробности внѣшняго и внутренняго міра, съ безконечной правдой рисуетъ онъ намъ картину за картиною, и мѣстами, какъ напримѣръ въ описаніи своего тревожнаго сна, возвышается до поэзіи по истинѣ изумительной. Начало вьюги, описаніе обоза, сонъ, наконецъ разсвѣтъ и прибытіе на станцію — все это способно привести въ сумасшедшій восторгъ всякаго читателя, чующаго поэзію; но, къ сожалѣнію, это одни слабо-связанные эпизоды, между которыми самъ авторъ часто выказываетъ свое собственное утомленіе. Во всемъ разсказѣ есть подробности ненужныя, и мѣста необработанныя достаточно. Цѣль не достигнута съ одного разу— тогда, какъ по сущности задачи, безъ этого нельзя было обойтись. Съ той минуты, какъ читатель находитъ первую длинноту въ «Метели», — все произведеніе уже становится замѣчательнымъ эпизодомъ, но никакъ не оконченнымъ созданіемъ.

Мы не считаемъ ни полезнымъ, ни нужнымъ распространяться о томъ, какими путями графъ Толстой долженъ бы былъ дѣйствовать для того, чтобъ сдѣлать изъ «Метели» образцовое произведеніе, достойное стоять на ряду съ драгоцѣннѣйшими перлами русской поэзіи. Авторъ почти всегда есть хорошій судья своихъ собственныхъ произведеній; наша мысль становится еще вѣрнѣе въ ея примѣненіи къ трудамъ писателя столь самостоятельнаго и спокойнаго въ своихъ пріемахъ. Мы не скажемъ даже ни слова о томъ, что графъ Толстой и въ настоящее время можетъ поработать надъ «Метелью», избравши для этой тонкой работы какіе-нибудь мѣсяцы полнаго уединенія. Сокративъ въ разсказѣ то, что не можетъ быть выведено въ рядъ свѣтлыхъ образовъ, связавъ всѣ его эпизоды твердою нитью, пройдя по многимъ подробностямъ съ помощью своего поэтическаго рѣзца, авторъ можетъ сдѣлать многое, но ему одному приходится рѣшать — возмется ли онъ за трудъ такого рода. Графъ Толстой долженъ писать много, какъ всѣ таланты, имѣющіе сказать многое. Очень вѣроятно, что ему некогда смотрѣть назадъ, имѣя столько прямой дороги передъ собою, — и не мы станемъ обвинять его, если онъ забудетъ про «Метель», и подойдетъ къ новымъ задачамъ съ новыми силами. Есть что-то здоровое, вдохновляющее въ пылкой молодой дѣятельности разумнаго писателя, не уклоняющагося ни передъ какою трудностью, не задумывающагося ни передъ какимъ новымъ шагомъ. Пускай онъ набрасываетъ свои эпизоды и тѣшится многосторонними проявленіями собственной силы. Пусть онъ открываетъ какъ можно болѣе широкихъ путей для своей дальнѣйшей дѣятельности. Иному дана быстрота,

Digitized by Google

иному мѣшкотность творчества. Иной поэтъ можетъ сидѣть дни, обработывая одну страницу, другой этого дѣлать не въ силахъ. Кажется намъ, что пора усидчиваго труда еще не наступила для графа Толстого. Ему еще льстятъ и борьба съ своимъ дарованіемъ, и смѣлость натиска, и надежда на быструю побѣду. Онъ слишкомъ часто вдается въ эскизную живопись, какъ-будто сочувствуя вопіющему парадоксу Брюлова о томъ, что *копотливость труда есть признакъ безсилія*. Парадоксъ Брюлова принесъ много вреда дѣлу художества, но онъ имѣетъ и нѣкоторую разумную сторону. Въ періодъ разгара молодыхъ силъ, художнику еще рано возиться съ самимъ собою. Начинающимъ талантамъ полезно глядѣть впередъ, а не назадъ. Начинающему таланту полезны быстрота и изобиліе эпизодовъ — черезъ нихъ его способности пріобрѣтутъ многосторонность, достоинство весьма важное для художника.

Глядя на «Метель», какъ на этюдъ даровитаго писателя, мы не можемъ имъ не наслаждаться. Стройности въ немъ нѣтъ, это мы уже сказали. Но въ немъ есть жизнь, есть слогъ, есть то рѣдкое сліяніе могучаго анализа съ тонкой поэзіею, которое само по себѣ, безъ всякихъ посторонніхъ примѣсей, ставитъ графа Толстого прямо въ ряды первоклассныхъ русскихъ писателей. Примирившись съ недостатками разсказа и признавъ его эпизодомъ замѣчательнаго писателя, мы получаемъ возможность перечитывать его съ пользою и наслажденіемъ. Результатъ нѣкоторыхъ страницъ таковъ, что, по вторичномъ ихъ прочтеніи, мы думаемъ о томъ, что въ нихъ изображено, какъ о фактахъ и впечатлѣніяхъ, пережитыхъ нами самими. Останавливаясь надъ красотами вещи, мы незамѣтно приходимъ къ уразумѣнію другихъ ея, если можно такъ выразиться, отрицательныхъ достоинствъ.

Вещи въ родѣ «Метели», по временамъ пишутся любителями искусства чистаго на заданную тему, иногда какъ противодѣйствіе дидактическимъ повѣстямъ, иногда какъ попытка къ возсозданію поэтическаго ощущенія, въ сущности своей не вполнѣ прочувствованнаго. Оттого выходятъ или скука, или явная неискренность въ картинахъ и анализѣ ощущеній. Въ «Метели» нѣтъ ничего подобнаго. Авторъ мѣстами утомляется своей задачей, но онъ не говоритъ ни одного выраженія «для красоты слога». Онъ иногда бьетъ дальше своей цѣли и ошибается, не вслѣдствіе бѣдности, а вслѣдствіе обилія подробностей. Его собственныя впечатлѣнія не смутны и не сбивчивы, но часто черезчуръ изобильны, во вредъ общему ходу разсказа. Описаніе лошадей съ ихъ спинами, физіономіями, кисточками на сбруѣ, колокольчиками, изображеніе изво-

Digitized by Google

щиковъ со всѣми частями ихъ наряда, совершенно вѣрны, но мѣстами излишни. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ разсказа превосходно высмотрѣлъ и воспринялъ душою все то, о чемъ онъ бесѣдуетъ съ нами,—но нельзя ошибаться и на счетъ того, что онъ не сдѣлалъ надлежащаго *выбора* изъ своихъ впечатлѣній. Его воображеніе напоминаетъ собою молодой и смѣшанный лѣсъ, который мѣстами глохнетъ отъ собственной своей густоты. Поэтовъ часто сравнивали съ водолазами, ныряющими въ глубину моря за жемчугомъ, — подробное разсмотрѣніе всего процесса при ловлѣ раковинъ можетъ быть вполнѣ примѣнено къ предмету нашему. Ловецъ, ныряя въ глубину, видитъ на днѣ моря множество раковинъ, но онъ долженъ, въ короткій моментъ своего пребыванія подъ водою различить между ними тѣ, которыя стоитъ поднять. Въ иныхъ жемчужина слишкомъ мала, въ другихъ она едва начинаетъ формироваться. Молодой и горячій водолазъ обыкновенно забираетъ множество раковинъ, обременяетъ себя ношею и слишкомъ долго остается подъ водой, для малой выгоды. Его болѣе опытный товарищъ выноситъ гораздо менѣе добычи, но въ каждой раковинѣ, имъ добытой, имѣется по крупному зерну. Тоже и съ дѣломъ поэзіи. Прекрасно имѣть поэтическую душу. Прекрасно бросаться съ полной отважностью въ сокровеннѣйшія глубины своего сознанія; прекрасно выносить оттуда жемчужины всѣхъ видовъ и размѣровъ. Все это ступени художественнаго совершенства. Но есть еще одна послѣдняя ступень — *выборъ* поэтическихъ перловъ.

Къ драгоцѣннѣйшимъ страницамъ «Метели» мы причисляемъ воспоминанія автора, изнуреннаго холодомъ и долгимъ переѣздомъ...

Задача «Двухъ Гусаровъ» гораздо проще, чѣмъ задача «Метели», оттого все произведеніе уже вышло не этюдомъ, а прекрасной повѣстью въ двухъ отдѣленіяхъ, изобильною значительными красотами и страницами крайне поэтическими. Первая половина произведенія происходитъ въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія или вскорѣ послѣ кампаніи 12-го года. Лихой гусаръ, графъ Турбинъ, одинъ изъ героевъ Давыдовской школы, представитель старыхъ гусаровъ съ краснозыми носами, пріѣзжаетъ, промотавшись до-чиста, въ небольшой городокъ, гдѣ его встрѣчаютъ съ почетомъ и нѣкоторымъ страхомъ. Онъ кутитъ за десятерыхъ, даетъ подзатыльники своему денщику, очаровываетъ на балѣ барынь и барышенъ, *романсуетъ* съ одной изъ нихъ: вторгается въ ея карету, потомъ къ ней въ домъ, откуда убѣгаетъ въ чужой шубѣ, напивается у цыганъ, совершаетъ множество проказъ самаго

Digitized by Google

необузданнаго свойства, и исчезаетъ изъ города на лихой тройкѣ, съ колокольчиками и бубенчиками. «Бурцовъ, ера-забіяка» безъ сомнѣнія былъ бы приведенъ въ восторгъ дѣлами графа Турбина, но читатель нашего времени не старый гусаръ «съ киверомъ на бекренъ» и «винноточивою баклажкой». Онъ готовъ отозваться о героѣ повѣсти, какъ о гнусномъ буянѣ; но, къ счастію, между своими буйными подвигами, графъ Турбинъ мимоходомъ сдѣлалъ доброе дѣло, какъ Конрадъ лорда Байрона. Въ гостинницѣ, куда онъ прибылъ, живетъ молоденькій поручикъ Ильинъ, проигравшій казенныя деньги какому-то шулеру. Положеніе несчастнаго юноши обрисовано нашимъ авторомъ превосходно. Какая бездна правды, комизма и оригинальности въ этомъ небольшомъ отрывкѣ!

«Погубилъ я свою молодость», сказалъ онъ (Ильинъ) вдругъ самъ себѣ, не потому, чтобы онъ дѣйствительно думалъ, что онъ погубилъ свою молодость — онъ даже вовсе и не думалъ объ этомъ, но такъ ему пришла въ голову эта фраза.

«Что теперь я буду дѣлать?» разсуждалъ онъ. «Занять у кого нибудь и уѣхать.» Какая-то барыня прошла по тротуару. «Вотъ такъ глупая барыня»; подумалъ онъ отчего-то. «Занять не у кого. Погубилъ я свою молодость.» Онъ подошелъ къ рядамъ. Купецъ въ лисьей шубѣ стоялъ у дверей лавки и зазывалъ къ себѣ. «Коли бы восьмерку я не снялъ, я бы отыгрался.» Нищая старуха хныкала за нимъ. «Занять-то не у кого.» Какой-то господинъ въ медвѣжьей шубѣ проѣхалъ, будочникъ стоитъ. «Что бы сдѣлать такое необыкновенное? Выстрѣлить въ нихъ? Нѣтъ, скучно! погубилъ я свою молодость. Ахъ, хомуты славные съ наборомъ висятъ. Вотъ бы на тройку сѣсть. Эхъ вы, голубчики! Пойду домой. Лухновъ скоро придетъ, играть станемъ.» Онъ вернулся домой, еще разъ счелъ деньги. Нѣтъ, онъ не ошибся въ первый разъ: опять изъ казенныхъ недоставало 2,500 рублей. «Поставлю первую 25, вторую уголъ... на семь кушей, на 15, на 30, на 60... 3,000. Куплю хомуты и уѣду. Не дастъ злодѣй! Погубилъ я свою молодость.»

. . . . . .

«Ильинъ только-что кончилъ игру и, проигравъ всѣ деньги до копейки, внизъ лицомъ лежалъ на диванѣ изъ разорванной волосяной матеріи, одинъ за однимъ выдергивая волосы, кладя ихъ въ ротъ перекусывая и выплевывая. Двѣ сальныя свѣчи, изъ которыхъ одна уже догорѣла до бумажки, стоя на ломберномъ завалепномъ картами столѣ, слабо боролись съ свѣтомъ утра, проникавшимъ въ окна. Мыслей въ головѣ у него никакихъ не было: какой-то густой туманъ игорной страсти застилалъ всѣ его душевныя способности, даже раскаянія не было. Онъ попробовалъ разъ подумать о томъ, что ему теперь дѣлать, какъ выѣхать безъ копейки денегъ, что скажетъ полковой командиръ, что скажетъ его мать, что скажутъ товарищи — и на него нашелъ такой страхъ и такое отвращеніе къ самому себѣ, что онъ, желая забыться чѣмъ нибудь, всталъ, сталъ ходить по комнатамъ, стараясь ступать только на щели половицъ, и снова началъ припоминать себѣ всѣ мельчайшія обстоятельства происходившей игры. Онъ живо воображалъ, что уже отыгрывается и снимаетъ девятку, кладетъ короля пикъ на двѣ тысячи рублей, направо ложится дама, налѣво тузъ, направо король бубенъ—и все пропало; а ежели бы направо шестерка, а налѣво король бубенъ, тогда совсѣмъ бы отыгрался,

Digitized by Google

поставилъ бы еще все на не и выигралъ бы тысячъ пятнадцать чистыхъ, купилъ бы себѣ тогда вноходца у полкового командира, еще пару лошадей, фаэтонъ купилъ бы. Ну что же еще потомъ? да, ну и славная, славная бы штука была.

Онъ опять легъ на диванъ и сталъ грызть волосы.»

Графъ Турбинъ тронутъ положеніемъ мальчика; онъ идетъ въ нумеръ шулера и предлагаетъ ему играть съ собою. На отказъ артиста, отвѣчаетъ онъ ударомъ кулака, а затѣмъ кончаетъ дѣло съ обычной своею нецеремонностью. Деньги Ильина отобраны и возвращены законному владѣтелю. Въ первый разъ пробѣжавъ эту довольно жосткую сцену, мы посѣтовали на графа Толстого: по нашему мнѣнію, онъ могъ бы обработать ее гораздо занимательнѣе, если не мягче. Но при второмъ чтеніи мы почти отступились отъ своего приговора: въ самой рѣзкости и крутости разсказа показалось намъ нѣчто особенно подходящее къ личности графа Турбина. Съ отѣздомъ стараго гусара кончается первый эпизодъ повѣсти, о которой трудно забыть, разъ ее прочитавши. Фигуры Турбина, хорошенькой Анны Ѳедоровны, ея родственника, воображающаго себя кавалеристомъ, обыграннаго юноши Ильина, и живы и правдивы совершенно. Сцена у цыганъ исполнена поэзіи; не одинъ изъ любителей цыганскаго пѣнія, ее читавшій, говорилъ намъ о ней почти со слезами. Эпизодъ скорѣе грѣшитъ краткостью, нежели чѣмъ нибудь другимъ, — когда онъ кончается, намъ становится жаль и необузданнаго гусара и его провинціальныхъ знакомцевъ. Вторая половина повѣсти происходитъ въ наше время. Старый гусаръ умеръ. Ильинъ сдѣлался бригаднымъ генераломъ. Изъ старыхъ друзей читателя на сценѣ остаются лишь Анна Ѳедоровна и ея кавалеристъ родственникъ. Къ нимъ въ усадьбу приходитъ съ эскадрономъ сынъ графа Турбина, молодой гусаръ новаго поколѣнія.

Мы не намѣрены пересказывать читателю второго эпизода повѣсти «Два Гусара»; тонкая поэзія описаній и великая сила анализа, въ немъ проявившіяся, требуютъ слишкомъ долгаго труда для ихъ оцѣнки. Достаточно будетъ сказать, что графъ Турбинъ, сынъ, красивый и изящный юноша безъ всякой необузданности въ своемъ характерѣ, оказывается существомъ не въ примѣръ непривлекательнѣйшимъ, чѣмъ его родитель. При всей своей великосвѣтскости, при всемъ своемъ наружномъ лоскѣ, юноша не сохраняетъ въ себѣ и тѣни отцовскаго благородства. Его нельзя назвать существомъ порочнымъ вполнѣ, но онъ сухъ и черствъ душою, вконецъ разслабленъ пустой жизнью и жалкимъ воспитаніемъ. Онъ не стыдится жить почти на счетъ своего товарища,

Digitized by Google

холодно отзываться о памяти своего родителя, извлекать выгоды изъ самыхъ ничтожныхъ предметовъ, и дѣлать другія дѣла, еще болѣе предосудительныя. Потерявши горячность отцовской крови, юноша словно потерялъ вмѣстѣ съ нею и всѣ добрыя качества сердца. Съ первыхъ страницъ онъ становится ненавистенъ читателю, и когда честный корнетъ Полозовъ называетъ его дурнымъ именемъ, мы чувствуемъ, что для этого сухого и презрѣннаго юноши не можетъ существовать никакого другого названія.

Въ эпизодѣ, нами теперь разбираемомъ, есть опять поэтическія картины, опять лица вѣрно обозначенныя, — но главная его прелесть заключается въ томъ мастерствѣ, съ какимъ очертана вся личность молодого графа Турбина. Это типъ истинный, знакомый всякому. Авторъ обдѣлалъ его съ торопливостью, не потратилъ на него даже половины своей способности создавать живыя лица, — а между тѣмъ успѣхъ его труда истинно замѣчателенъ. Въ изображеніи всего лица, въ нѣсколькихъ мелкихъ подробностяхъ всей фигуры видны линіи, изобличающія твердую кисть могучаго мастера. Когда молодой Турбинъ говоритъ о производствѣ, показываетъ Полозову письмо какой-то дамы, переговариваетъ со своимъ нѣмецкимъ лакеемъ и располагается въ чужомъ домѣ не какъ гость, а какъ взыскательный хозяинъ — цѣлый типъ создается передъ нами. Впечатлѣнія, разъ сдѣланнаго такъ счастливо, уже не могутъ сгладить нѣкоторыя погрѣшности въ дальнѣйшемъ развитіи. Рисуя своего молодого героя, графъ Толстой безъ всякаго намѣренія столкнулся съ типомъ другого, сухого душой юноши, выведеннаго г. Тургеневымъ въ одной изъ его повѣстей за прошлый или предпрошлый годъ. Мы говоримъ про Астахова — кажется такъ называется герой Тургенева. Оба изображенія удались, но графъ Турбинъ несравненно живѣе, опредѣленнѣе Астахова. На этой дорогѣ, авторъ «Двухъ Гусаровъ» несомнѣнно опередилъ одного изъ самыхъ старшихъ своихъ товарищей. Обоихъ писателей мы любимъ до крайности, талантъ обоихъ истинно дорогъ нашему сердцу. Мы не имѣемъ никакого пристрастія къ одному изъ нихъ во вредъ другому. Но Астаховъ едва живетъ въ нашей памяти, мы даже не знаемъ навѣрное, такъ ли мы его назвали. Графа Турбина мы никогда не забудемъ, имя его черезъ много лѣтъ не выскользнетъ изъ нашей памяти.

Слѣдуетъ намъ теперь сказать нѣсколько замѣчаній о мысли, заключенной въ обоихъ эпизодахъ повѣсти «Два Гусара». Эта мысль есть мысль несомнѣнно независимаго художника, но никакъ не дидактика или современнаго моралиста; всякій ясно видитъ,

Digitized by Google

что во всемъ произведеніи нѣтъ ни пристрастія, ни преднамѣреннаго поученія. Старый гусаръ не принесенъ въ жертву молодому, и если молодой гусаръ оказывается непривлекательной персоною, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ его пороки были оправданіемъ отцовскихъ недостатковъ. Равнымъ образомъ видимъ мы, что графъ Толстой, рисуя два типическія лица, вовсе не представляетъ ихъ образцами цѣлаго даннаго сословія или относится къ нимъ съ слишкомъ общей точки зрѣнія. Эта слишкомъ общая точка зрѣнія есть ахиллова пята дидактиковъ, всегда готовыхъ олицетворить въ данномъ героѣ свои туманныя симпатіи или антипатіи къ цѣлому разряду смертныхъ. Старые гусары не всѣ сняты въ отцѣ Турбинѣ, молодые гусары вовсе не представлены въ лицѣ Турбина младшаго, — напротивъ того, каждое изъ двухъ лицъ живетъ своей собственной индивидуальной жизнію, разнообразною какъ всякая жизнь человѣческая. Авторъ вовсе не утверждаетъ, что кутила стараго времени прекраснѣе скромника временъ новыхъ, онъ никакъ не отнимаетъ у себя права, можетъ быть, въ послѣдующемъ своемъ произведеніи, взглянуть на тотъ же самый предметъ съ какой ему захочется точки зрѣнія. Къ обоимъ своимъ героямъ онъ относится безъ гнѣва и пристрастія, безъ всякихъ лирическихъ дифирамбовъ или хитроумнаго обобщенія. Для него оба Турбины — типы, взятые изъ извѣстнаго общества, изобилующаго самыми разнообразными типами. Нельзя относиться къ своимъ героямъ съ большимъ спокойствіемъ, скажемъ болѣе, съ большимъ артистическимъ безстрастіемъ. А между тѣмъ кто посмѣетъ сказать, что мыслящему человѣку нечему выучиться изъ «Двухъ Гусаровъ»?

Теорія независимаго и свободнаго творчества, — какъ мы это покажемъ въ одной изъ послѣдующихъ статей нашихъ,—вовсе не исключаетъ здраваго и даже современнаго поученія, какъ о томъ думаютъ иные поклонники поучительныхъ теорій искусства. Никакое художественное созданіе, если оно хорошо выполнено, не проходитъ даромъ для читателя, имѣющаго умъ, фантазію и воспріимчивость сердца. Кто-то сказалъ весьма остроумно и глубоко: «пусть человѣкъ, благородно мыслящій, напишетъ мнѣ десять строкъ, хотя бы о закатѣ солнца, — по этимъ десяти строкамъ всякій тотчасъ же узнаетъ человѣка мыслящаго благородно». Всякій сильный талантъ, творящій свободно, имѣетъ свое почти волшебное значеніе, до котораго не доберешься путемъ сухого умствованія. Пусть только читатель захочетъ поучиться, онъ найдетъ цѣлый курсъ житейской мудрости въ твореніяхъ каждаго истиннаго по-

Digitized by Google

эта. Иначе и быть не можетъ, потому что міросозерцаніе каждаго талантливаго, просвѣщеннаго и благонамѣреннаго писателя само собой высказывается во всемъ, надъ чѣмъ бы онъ ни трудился. Ему нѣтъ никакой надобности связывать себя извѣстными формулами и поучительными стремленіями: онъ долженъ передавать явленія окружающаго его міра такъ, какъ ясное зеркало передаетъ предметы, передъ нимъ поставленные. Затемните ясность зеркальной поверхности и всѣ образы будутъ вамъ казаться въ безобразномъ видѣ. Поэтическое зеркало графа Толстого поражаетъ своею безпримѣрною чистотою, оттого мы, не обинуясь, признаемъ нашего автора однимъ изъ писателей нашихъ, предназначенныхъ на наиболѣе блистательную будущность. Намъ случалось не разъ слышать, какъ слишкомъ взыскательные цѣнители упрекали иное произведеніе графа Толстого въ отсутствіи современной мысли; мы, съ одной стороны должны сказать, что каждая его страница кипитъ современностью, но современностью поэтической, а не поучительно-предпамѣренной. Во всякой вещи нувеллиста нашего сказывается намъ сильный и разумный человѣкъ нашего времени, писатель зоркій, правдивый, молодой по сердцу, молодой по убѣжденіямъ. Кто не способенъ оцѣнить моральной стойкости и твердости автора, тотъ едва ли способенъ оцѣнить что бы то ни было. Графъ Толстой положительно вѣритъ въ свой талантъ и въ свое право относиться ко всѣмъ предметамъ съ какой ему угодно точки зрѣнія. Онъ не увлеченъ никакими авторитетами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вдается въ погрѣшность большинства молодыхъ писателей, то есть не считаетъ себя непогрѣшимымъ учителемъ общества. Онъ имѣетъ свои твердыя, чистыя убѣжденія и крѣпко держится за нихъ, не воспринимая ни одной новой мысли безъ строгой оцѣнки. Его дальнѣйшее развитіе будетъ, можетъ быть, медленно, но оно не перервется ни минутами безсилія, ни годами горькаго разочарованія. Онъ можетъ дышать легко и свободно, ибо не принадлежитъ ни къ одной литературной партіи, ни къ одному изъ временныхъ направленій, за его время возникавшихъ въ литературѣ. Его примѣръ будетъ въ высшей степени полезнымъ примѣромъ для многихъ начинающихся литераторовъ.

Мы, однакоже, по видимому, отклонились отъ хода нашей рецензіи и отъ «Двухъ Гусаровъ». Намъ было уже сказано, что эта повѣсть, по видимому, набросанная безъ всякой поучительной цѣли, можетъ навесть мыслящаго человѣка на многія полезныя разсужденія,—и намъ кажется, что мы правы. Взглянемъ еще разъ хотя на вторую половину всей вещи. Ясно, что графъ Толстой, рисуя

Digitized by Google

личность молодого графа Турбина, нисколько не мѣтилъ на роль учителя или обличителя современныхъ слабостей. Онъ не вдался въ сантиментальность по поводу изящнаго, но испорченнаго юноши, не громилъ его какимъ либо страстнымъ дионрамбомъ, не обобщалъ въ его лицѣ всего современнаго юношества, не бичевалъ въ его особѣ никакихъ современныхъ пороковъ. А между тѣмъ результатъ его безпристрастнаго труда выходитъ во сто кратъ яснѣе результата отъ сантиментальныхъ или мизантропическихъ умствованій. Сухость сердца, великая язва поколѣнія нашего, никогда еще не была воплощена въ нашей легкой литературѣ такъ сильно и такъ отчетливо. Имѣйте только наклонность къ мышленію — и это воплощеніе *заставитъ* васъ подумать о многомъ, подумать и о дѣлѣ воспитанія, и о рано-начинающейся жизни нашихъ юношей, и о многихъ, многихъ сторонахъ нашей жизни! Неужели же мы, читатели, до такой степени крѣпкоголовы, что всякую истину надо класть въ наши головы непначе, какъ сваривъ ее по извѣстному способу, разжевавши и приправивъ поучительно-дополнительными соображеніями? Чтеніе не есть процессъ пассивнаго воспріятія чужихъ правилъ и чужихъ умозрѣній: то чтеніе достойно назваться полезнымъ, которое пробуждаетъ моральныя силы читателя и ведетъ его, черезъ созерцаніе житейской правды и искусства, къ роднику возвышенныхъ мыслей.

Изъ всего сказаннаго нами не слѣдуетъ предполагать, чтобы мы были защитниками вялаго безстрастія въ искусствѣ, того безстрастія, которое превращаетъ художество въ дагерротипную работу и ведетъ къ полному отрѣшенію поэта отъ интересовъ житейскихъ. Еслибъ мы даже и проповѣдывали подобное безстрастіе, трудъ нашъ прошелъ бы даромъ, ибо во всей исторіи европейской литературы, древней и новой, не бывало, нѣтъ и не будетъ истинныхъ поэтовъ, отрѣшенныхъ отъ міра съ его интересами. На дагерротипную работу способны лишь люди безталанные, — во всякомъ художественномъ изображеніи изображается всегда и человѣкъ его творящій, и среда, въ которой этотъ человѣкъ обращался. Наша критическая теорія есть теорія безпристрастнаго и свободнаго творчества, понятая не въ смыслѣ узкихъ ея почитателей, но въ смыслѣ, какой ей давали вожди и рѣшители важнѣйшихъ литературныхъ дѣлъ, поэты высочайшаго значенія: Шиллеръ, Гёте, Краббъ, Вордсвортъ и Кольриджъ. Эта теорія, часто опровергаемая эфемерными противниками, рѣдко понятая самыми критиками, и въ особенности мало извѣстная въ нашей литературѣ, твердо стоитъ одна изо всѣхъ критическихъ теорій, и, намъ

Digitized by Google

кажется, будетъ стоять вѣчно. По широтѣ своей, она совокупляетъ въ себѣ многое, что поверхностнымъ критикамъ кажется противоположностями; она совмѣщаетъ въ себѣ идеи, по видимому, несовмѣстимыя, ибо учитъ насъ свободѣ творчества и никогда не мѣшаетъ развиваться таланту на какомъ бы то ни было пути, если этотъ путь имъ избранъ искренно. Она требуетъ всесторонняго развитія поэтическихъ силъ человѣка, и въ ея лозунгѣ — *всесторонность* — находится прибѣжище для всякаго писателя, дѣлающаго свое дѣло свободно. Она идетъ лишь противъ вассальства въ творчествѣ, противъ временныхъ авторитетовъ, вовлекающихъ искусство въ міръ непричастный искусству, противъ элементовъ чуждыхъ поэзіи но усиленно вводимыхъ въ область, одной поэзіи доступную. Наша теорія придерживается извѣстныхъ словъ Лессинга: у всякаго человѣка свой слогъ и свой носъ. Каковъ бы носъ ни былъ, нельзя и не слѣдуетъ его рѣзать! Но прикладнымъ и фальшивымъ носамъ эта теорія не даетъ пощады, потому что все фальшивое и прикладное въ искусствѣ служитъ ко временному ущербу истины и самостоятельности искусства.

Мы знаемъ очень хорошо, что въ нашей литературѣ, еще весьма недавно находившейся подъ вліяніемъ теоріи отрицательной и дидактической критики, находится нѣсколько почтенныхъ талантовъ, хранящихъ нѣкоторую современно-поучительную складку, наложенную на нихъ годами ихъ перваго развитія. Съ ними мы будемъ часто спорить, но спорить какъ слѣдуетъ честнымъ оппонентамъ, ибо, во-первыхъ, отъ души уважаемъ ихъ дѣятельность, а во-вторыхъ вовсе не видимъ какого либо неизмѣримаго разлада между ихъ понятіями и нашей теоріей. По идеямъ независимаго творчества, всякой истинный талантъ, по складу своему увлеченный на дидактическую дорогу, будь онъ сатирикомъ или идеалистомъ, имѣетъ полное право свершать свое назначеніе, если оно искренно и проявляется въ художественной формѣ. Равнымъ образомъ никакой писатель не можетъ быть увлекаемъ на дидактическій путь, если онъ желаетъ быть творцомъ вполнѣ безпристрастнымъ. Тамъ, гдѣ пишетъ Скоттъ, найдется мѣсто и Гуду, гдѣ раздается голосъ Гёте, можетъ существовать и романъ Гуцкова. Но ежели бы Гудъ и Гуцковъ вздумали кидать грязью въ Гёте и Скотта,—а нѣчто подобное было въ Германіи и даже въ Англіи,—имъ всякій можетъ сказать, что они идутъ противъ своего начала, оскорбляя себя самихъ въ лицѣ оскорбляемыхъ ими поэтовъ. Дидактическое направленіе въ литературѣ, какими бы видами оно не проявлялось, всегда есть нѣчто временное и неспособное къ проч-

Digitized by Google

ному отдѣльному существованію. Какъ вѣтвь одного могучаго растенія, какъ побочная отрасль теоріи свободнаго творчества, оно можетъ принести великую пользу обществу, но для этого надобно, чтобъ оно твердо прикрѣплялось къ своему основанію, не отрываясь отъ корня, давшаго ей рожденіе.

Есть еще одно условіе, которое мы постоянно будемъ имѣть въ виду, относясь къ дарованіямъ преднамѣренно-дидактическаго свойства. Для талантовъ юныхъ и еще не установившихся, всегда имѣется нѣкоторая прелесть въ роли учителя своихъ собратій и карателя людскихъ пороковъ. Рѣдкій поэтъ двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду отказываетъ себѣ въ удовольствіи нахмурить бровь, кинуть яростный взглядъ на заблуждающееся человѣчество, а затѣмъ наложить на себя званіе исправителя людскихъ заблужденій. Такая забава не такъ невинна, какъ она кажется, ибо она ведетъ иногда къ извращенію таланта и къ совершенной потерѣ поэтической самостоятельности въ литературѣ. То, что сдѣлаетъ двадцати-двухлѣтній поэтъ-ребенокъ, могутъ дѣлать и критики и рецензенты и фельетонисты. Проведя цѣлые годы въ однообразномъ высказываніи непрочувствованныхъ мыслей, растерявъ и свой талантъ и свои силы, — наши учители человѣчества наконецъ придутъ къ пониманію своего заблужденія, но придутъ къ тому слишкомъ поздно. Слишкомъ поздно увидятъ они, какъ много образованія и глубокихъ познаній нужно имѣть дидактику для того, чтобъ его голосъ слушали съ уваженіемъ, сколько зрѣлости, сколько рыцарства надо имѣть ему въ частной своей жизни затѣмъ, чтобъ его уроки возбуждали сочувствіе, а не посмѣяніе. Слишкомъ поздно увидятъ они мизерность собственныхъ своихъ нравственныхъ качествъ, своего собственнаго знакомства со всѣми сторонами жизни. Они увидятъ, что оставили свѣтлый и широкій путь для пути труднаго и даннаго лишь немногимъ, что они, потѣшившись на первыхъ порахъ, впослѣдствіи заплатили за свою юношескую искренность потерею всего своего значенія. Для такихъ молодыхъ писателей, ступившихъ на дидактическій путь безъ всякаго къ нему призванія, мы будемъ несравненно взыскательнѣе, нежели для ихъ зрѣлыхъ и искренихъ сверстниковъ. Отдавая дань признательности просвѣщенному наставнику, мы не поклонимся наставникамъ эфемернымъ и непризваннымъ. Этимъ наставникамъ мы будемъ постоянно указывать одинъ и тотъ же путь, ихъ мы постоянно будемъ призывать къ тому, чтобъ они вмѣстѣ съ нами признали законность той теоріи, которой вѣрилъ великій Гёте. Съ критиками, которые бы устремились вновь воздвигать въ нашей словесности павшія отрицатель-

Digitized by Google

ныя теоріи, мы будемъ спорить объ ученіи свободнаго творчества,—и надѣемся, что наши споры не будутъ безплодными словопреніями. Будущимъ нашимъ беллетристамъ, которые бы увлеклись дидактическимъ настроеніемъ, мы постоянно станемъ указывать на графа Толстого, самаго младшаго по годамъ, но самаго самостоятельнаго, самаго энергическаго изъ нашихъ талантливыхъ повѣствователей. Пусть его творческая независимость наведетъ ихъ на благіе помыслы, а пускай его строгое, блистательное, оригинальное положеніе внѣ всякихъ литературныхъ партій заставитъ задуматься не одного начинающаго литератора!

1856.

X.

КРИТИКА ГОГОЛЕВСКАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАШИ КЪ НЕЙ ОТНОШЕНІЯ.

Упорствуя, *волнуясь и спѣша*,
Ты быстро шолъ къ одной высокой цѣли!
Н. Некрасовъ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, въ Лондонѣ, въ одно изъ представленій Шекспирова «Ричарда III», великій Гаррикъ игралъ съ необычайнымъ одушевленіемъ и успѣхомъ, рѣдкимъ даже для Гаррика. Публика безпрерывно переходила отъ громовыхъ рукоплесканій къ тому глубокому, душу возбуждающему молчанію, которое для великихъ трагиковъ считается выше всѣхъ шумныхъ признаковъ общаго одобренія. Во все время спектакля, одинъ только молодой лордъ, блѣдный и очевидно одержимый неизлѣчимымъ сплиномъ, произносилъ отрывистыя слова, не совсѣмъ согласныя съ общимъ настроеніемъ духа въ его сосѣдяхъ. Эти слова были: «жалко... очень жалко... чрезвычайно жалко!» Наконецъ кто-то изъ зрителей, всѣхъ ближе сидѣвшій къ молодому человѣку, спросилъ его: «да о чемъ же вы жалѣете?» — «Я жалѣю о томъ», отвѣтилъ печальный господинъ, «что отъ всего этого высокаго генія чрезъ тридцать лѣтъ не останется ровно ничего, кромѣ имени Гаррика!»

Участь знаменитыхъ журналистовъ и критиковъ во многомъ сходствуетъ съ участью геніальныхъ актеровъ, съ той только разницей, что, благодаря обычаю критиковъ нашего времени, не выставляющихъ своихъ именъ подъ статьями, сами имена ихъ

Digitized by Google

иногда не переходятъ къ будущимъ поколѣніямъ. Правда, статьи могутъ быть собраны, напечатаны вновь, разъяснены, изданы большою книгою — но встрѣтятъ ли эти disjecta membra poetae, черезъ одно и два поколѣнія, то сочувствіе, съ которымъ встрѣчали ихъ современники знаменитаго дѣятеля? Возбудятъ ли онѣ хоть десятую долю того восхищенія, того раздраженія, тѣхъ споровъ, тѣхъ убѣжденій, которыми бывало привѣтствовался ихъ первый выходъ? Нѣтъ, такого результата и самый великій критикъ произвести не въ состояніи. Слава поэтовъ, имъ прославленныхъ, будетъ безпрепятственно расти и расширяться, между тѣмъ какъ его собственная слава станетъ улетучиваться и меркнуть. Благодаря его критическому такту, благодаря его страстному слову, имена писателей второстепенныхъ останутся и могутъ быть любимы новыми поколѣніями, но его собственное имя отъ того нисколько не выиграетъ. Историки словесности, знатоки литературы своего края воздадутъ усопшему цѣнителю похвалою, которая, можетъ быть, со временемъ перейдетъ въ школьные учебники, и, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти критика, мальчики будутъ вытверживать какую-нибудь фразу о томъ, что такой-то благородный дѣятель во многомъ содѣйствовалъ къ просвѣщенію читателей стараго времени. Тѣмъ все дѣло кончится, и оно не можетъ кончиться иначе; оно даже не должно кончиться иначе, ибо извѣстный литературный цѣнитель, учитель извѣстнаго литературнаго поколѣнія, никакъ не будетъ учителемъ поколѣній послѣдующихъ. Всякій годъ приноситъ за собой новую идею, всякій періодъ народной жизни приводитъ съ собою людей, его разумѣющихъ. Новые художники порождаютъ новыхъ цѣнителей, и тотъ цѣнитель, который, не смѣя быть новымъ, станетъ робко повторять выводы своего предшественника, вдастся въ литературный фетишизмъ, какъ бы даровитъ ни былъ сошедшій со сцены человѣкъ, имъ выбранный вмѣсто кумира. Карликъ, взобравшійся на плечи великана, видитъ далѣе, чѣмъ видѣлъ тотъ, у кого онъ сидитъ на плечахъ. Если онъ станетъ не признавать и уничтожать того, черезъ кого онъ видитъ такъ далеко — позоръ падетъ на его собственную голову. Но если онъ нарочно станетъ гнуться и умалять горизонтъ своего зрѣнія, всякій будетъ вправѣ сдѣлать такой вопросъ: «для чего же ты, маленькій человѣкъ, взобрался такъ высоко?»

Во всемъ что мы говоримъ въ настоящую минуту, нѣтъ ничего горестнаго для критиковъ, разумѣющихъ свою дѣятельность. Точно, для литературнаго цѣнителя, даже геніальнаго, невозможна слава

Digitized by Google

Гомера и Шекспира, недоступна даже свѣтлая извѣстность Пушкина и Гоголя. Истинный критикъ, подобно Давиду Гаррику, есть дѣятель своего поколѣнія, источникъ нѣсколькихъ благотворныхъ преданій для потомства. Ему дано великое могущество, но срокъ этого могущества не дологъ. Поколѣнія, еще не родившіяся, не станутъ плакать надъ его страницами, но за то поколѣніе, живущее съ нимъ вмѣстѣ, будетъ полно его идеями и его стремленіями. Въ этомъ его сила и слабость, въ этомъ все его существо, все его значеніе. Онъ долженъ трудиться для потомства, думать о вѣковѣчныхъ законахъ искусства и науки, но все-таки ему нельзя забыть, что его дѣятельность есть посредственная, а не непосредственная; что онъ свершаетъ свое назначеніе, просвѣщая своихъ собратій; что онъ, двигая впередъ просвѣщеніе, готовитъ себѣ будущихъ судей, въ скоромъ времени имѣющихъ обратить его самого въ лицо подсудимое. Его поле дѣйствія — умы современниковъ, его оружіе — идеи и стремленія современнаго ему общества. Въ ежедневной и преходящей дѣйствительности таится причина его страсти, его увлеченій, его хвалы и его осужденія. Быть вѣчнымъ и безапеляціоннымъ Аристархомъ онъ никогда не можетъ. Ослабѣвши въ своихъ силахъ и состарѣвшись, онъ обязанъ безропотно сдать свою дѣятельность младшимъ труженикамъ, можетъ-быть, тѣмъ же карликамъ, взобравшимся на его великанскія плечи. Общество идетъ впередъ, не соображаясь ни съ какими критическими авторитетами; литература крѣпнетъ и развивается, не справляясь съ мнѣніями людей, когда-то оказавшихъ ей самыя великія заслуги. Оттого-то, по истеченіи каждаго литературнаго періода, строгій пересмотръ критики этого періода и необходимъ и благотворенъ. Оттого каждый сильный критическій дѣятель, образователь и наставникъ своихъ литературныхъ товарищей, долженъ радоваться, если на сцену являются новые художники и новые дѣятели, хотя бы становящіеся въ противоположность съ теоріями, имъ проведенными. Дѣло его сдѣлано, подвигъ его свершенъ честнымъ, достохвальнымъ образомъ. Онъ можетъ сказать бывшимъ ученикамъ своимъ: «идите и сѣйте доброе слово — ваши ученическіе годы кончились, я же могу быть вашимъ совѣтникомъ, но никакъ не учителемъ».

Читатель, какъ мы надѣемся, хорошо понимаетъ цѣль разсужденій нашихъ о критикѣ и значеніи даровитыхъ критиковъ. Собираясь выступить передъ публику, какъ дѣятели по части критики и исторіи литературы, мы обязаны прежде всего объяснить наши отношенія къ журнальнымъ судіямъ того періода, который былъ

Digitized by Google

прославленъ въ художественномъ отношеніи дѣятельностью Гоголя, а въ критическомъ — заслугами цѣнителей, разъяснившихъ намъ значеніе Гоголя, его предшественниковъ и его сверстниковъ. Между 1830 и 1848 годами русская критика, сосредоточивавшаяся въ журналахъ «Телеграфъ», «Телескопъ», «Отечественныя Записки» и «Современникъ», сдѣлала много для нашей науки и для нашей литературы. Она имѣла свои слабости, свои ошибки, свои увлеченія, свои худыя стороны, — но такъ велика была ея любовь къ просвѣщенію, такъ богата была она силами всякаго рода, что результатъ ея заслугъ много превышаетъ недостатки, отъ нея родившіеся. Она разработала исторію старой литературы нашей; она сдѣлала строгую повѣрку всѣхъ критическихъ начатковъ до нея существовавшихъ; она нанесла жестокій ударъ французской рутинѣ, много лѣтъ у насъ существовавшей; она оцѣнила дѣятельность всѣхъ нашихъ великихъ поэтовъ и прозаиковъ; она привѣтствовала геній Пушкина и первыя начинанія Гоголя; она внесла въ критику элементы, до той поры ей чуждые, то-есть горячность и пзящество, любовь къ наукѣ, безпредѣльное сочувствіе ко всему святому, прекрасному, справедливому, въ жизни и поэзіи. Рядомъ живыхъ, увлекательныхъ уроковъ она заставила холодную публику привязаться къ дѣлу родного искусства. По мѣрѣ силъ своихъ, она старалась популяризовать въ Россіи глубокія теоріи иностранныхъ критиковъ, черпая изъ нихъ то, что казалось ей вѣчнымъ, полезнымъ для искусства, согласнымъ съ понятіями нашими. На всякій талантъ, на всякое правдивое слово, на всякій полезный трудъ она откликалась радостнымъ голосомъ, и часто, увлекаясь своей восторженностью, заглаживала самыя свои ошибки съ помощью любви и воспріимчивости. Она воспитала новое поколѣніе литераторовъ и каждому изъ нихъ, въ трудныя минуты первыхъ усилій, протягивала дружескую и братскую руку. По самому ходу дѣлъ она должна была создать въ литературѣ множество поклонниковъ, учениковъ, подражателей, преемниковъ и — что гораздо хуже — ослѣпленныхъ жрецовъ, умѣвшихъ состряпать себѣ рутину отъ самаго начала, враждебнаго всякой рутинѣ. Значеніе критики Гоголевскаго періода таково, что всякій журналъ, всякій литературный цѣнитель, сколько-нибудь понимающій свое призваніе, не имѣетъ права не знать ея, не изучать ея вполнѣ, не провѣрить всѣхъ ея выводовъ, не опредѣлить собственныхъ своихъ отношеній къ этой сильной и благотворной критикѣ. Она живетъ и дышетъ всюду, даже въ упорныхъ своихъ ненавистникахъ. Она отразилась даже въ сужденіяхъ людей, въ юности своей смотрѣвшихъ на всю русскую сло-

Digitized by Google

весность сквозь очки Баттё и Лагарпа. Она не умретъ вся — хотя ея страсть, ея увлеченія, ея огонь, ея симпатіи и антипатіи во многомъ уже утратили свое значеніе. Она пришла кстати и сдѣлала много. Изъ нея, по всей вѣроятности, останется для будущихъ поколѣній, можетъ быть, болѣе, чѣмъ останется имъ отъ Менцеля, Мюльнера, Вильмена, Мишьельса, лорда Джеффри, Кольриджа и Соути. Если нашъ горизонтъ расширился, если теперешній критическій взглядъ видитъ болѣе и далѣе — мы никогда не забудемъ того, чьимъ усиліямъ мы обязаны своимъ возвышеніемъ. Но какъ бы велики ни были заслуги старой критики, какъ бы мы сами ни сознавали ея заслуги для нашего собственнаго развитія, мы никогда и ни за что не поддадимся тому критическому фетишизму, о которомъ говорилось недавно. Всѣ наши инстинкты возмущаются, когда намъ по несчастію приходится въ наше время, черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ окончился упомянутый нами періодъ, встрѣчать рабскія, блѣдныя, сухія, бездарныя копіи стараго оригинала. Въ русской литературѣ, которая во сто лѣтъ времени сдѣлала такіе гигантскіе шаги къ своему развитію, десять лѣтъ дѣятельности значутъ весьма много. Предположить, что въ эти десять лѣтъ мы всѣ, художественные и критическіе дѣятели, измельчали самымъ жалкимъ образомъ — мы не имѣемъ ни малѣйшей причины. Вообразить себѣ, что всѣ новые писатели, явившіеся за эти десять лѣтъ, не могутъ сообщить публикѣ ничего новаго, можетъ лишь одинъ какой-нибудь дикій труженикъ, лишенный всякой литературной зоркости. И однако подобнаго рода заблужденія не новость ни въ Россіи, ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни во Франціи. Первые годы послѣ всякаго сильнаго дѣятеля въ наукѣ и словесности никогда не обходятся безъ іереміадъ и какого-то затхлаго возвеличенія литературнаго безсилія. Звѣзда скатилась съ горизонта, Мы остались посреди темноты. Все пропало — сильнаго дѣятеля смѣнили карлики. Тотъ дерзокъ и глупъ, кто теперь силится сказать что-нибудь дѣльное. Надо повѣсить голову и вяло повторять то, что было сказано прежде насъ. Всякая самостоятельность литературнаго взгляда есть проявленіе дерзости и самодовольствія. Повѣрка прежнихъ выводовъ есть глумленіе надъ прахомъ великаго человѣка. Несогласіе съ нимъ должно считаться преступленіемъ! Такого рода возгласы раздаются послѣ смерти каждаго великаго ученаго, великаго поэта, великаго романиста и, въ особенности, послѣ кончины великаго критика. Добродушный Босвелль, послѣ смерти своего идола Джонсона, пересталъ восхищаться литературными знаменитостями, заперся въ Шотландіи, сталъ жить памятью о

Digitized by Google

Джонсонѣ; но въ Босвеллѣ это поклоненіе понятно. Его жизнь и молодость умерли съ его высокимъ фетишемъ, его золотое сердце, все выгорѣвшее въ одной безкорыстной привязанности, не могло знать другихъ привязанностей. Но что сказали бы мы о молодыхъ пріятеляхъ лексикографа, о Боркѣ или о Краббѣ, если бъ они, похоронивъ своего друга, дали одинъ другому слово жить его теоріями, отречься отъ всякой самостоятельности во взглядѣ? Мы могли бы привести пятьсотъ примѣровъ, однородныхъ съ сейчасъ разсказаннымъ, но, кажется, въ дальнѣйшихъ примѣрахъ не настоитъ никакой надобности.

Вполнѣ цѣня и уважая всѣхъ нашихъ товарищей по дѣлу современной русской критики, мы не можемъ не признаться однако же въ комическихъ впечатлѣніяхъ, иногда производимыхъ на насъ нѣкоторыми изъ отчаянныхъ поклонниковъ старой критики. Развѣ мы не видали, и много разъ, критическихъ статей о дѣятельности старыхъ русскихъ писателей, отъ Державина до Гоголя, статей, въ которыхъ просто и открыто высказывалась мысль такого рода: «сказанный писатель уже превосходно оцѣненъ критиками сороковыхъ годовъ; не имѣя возможности сказать отъ себя ничего хорошаго, приводимъ выписки изъ рецензіи, писанной около двадцати лѣтъ назадъ.» Не стыдимся признаться, что подобные отзывы, плодъ безсилія, соединеннаго съ упрямымъ фетишизмомъ, возбуждали въ насъ не одинъ только смѣхъ, но вмѣстѣ со смѣхомъ и порядочную досаду. Вмѣстѣ съ шутливымъ запросомъ новому критику: «а что же ты будешь говорить о писателяхъ, явившихся позже критики сороковыхъ годовъ?» мы готовы были спросить, и гораздо строже: «для чего же ты взялся за перо, новый критикъ, не имѣя ни силы, ни желанія сказать что-либо, кромѣ повторенія старыхъ литературныхъ выводовъ?»

Мы никогда не строили для себя литературныхъ кумировъ, никогда не принимали чужихъ мнѣній безъ строгой повѣрки, — и въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ смѣло можемъ сказать, что даже во времена полнаго владычества критики сороковыхъ годовъ, достаточно видѣли всѣ ея слабыя стороны. Искренно уважая эту критику, мы никогда не примѣняли къ ней словъ Рахили Фарнагенъ про Гёте: «Онъ — Гёте, и потому всякая мысль имъ выраженная, не можетъ не быть истиною.» Сохраняя всю нашу независимость въ тотъ періодъ, когда увлеченіе авторитетомъ было извинительно и возможно, мы не думаемъ разстаться съ нею въ настоящее время, время анализа и повѣрки прежнихъ теорій. Мы слѣдили за жизнью и словесностью Европы, видѣли разрушеніе

Digitized by Google

иллюзій, еще недавно считавшихся дѣйствительностью. Опытъ недолгихъ, но обильныхъ событіями годовъ не могъ не служить лучшей повѣркою многихъ прежнихъ ошибокъ. На нашихъ глазахъ вконецъ разрушились неодидактическія германскія теоріи, имѣвшія вѣсъ и силу въ сороковыхъ годахъ. Толпы европейскихъ дѣятелей, когда-то обѣщавшихъ многое, были сброшены въ хаосъ и не выполнили ни одного изъ своихъ обѣщаній. Женщины-поэты, являвшіяся восторженными пиѳіями, провозвѣстницами новыхъ истинъ, мирно сошли въ рядъ талантливыхъ писательницъ и отказались отъ своихъ прорицаній. Мыслители, ревностно бравшіеся за преобразованіе общества, науки, поэзіи, въ короткое время превратились въ пустыхъ говоруновъ, несостоятельныхъ передъ практической жизнью. Гонители искусства чистаго обратились къ служенію чистому искусству. Дидактики, ненавидѣвшіе Гёте за его невозмутимое поэтическое спокойствіе, распростерты во прахъ предъ пьедесталомъ великаго человѣка, ими когда-то оскорбленнаго. Всѣ эти перемѣны, всѣ эти перевороты въ области искусства и жизни не могли не утвердить нашей независимости во взглядѣ на жизнь и искусство. Ошибки старой нашей критики, еще смутно сознаваемыя нами въ періодъ ея преобладанія, нынче, въ слѣдствіе всего нами пережитаго и подсмотрѣннаго, стали и ярче, и осязательнѣе. Уваженіе наше къ ней осталось прежнимъ уваженіемъ, но отклоненіе наше отъ теорій, ею высказанныхъ, сдѣлалось и вполнѣ законнымъ, и вполнѣ понятнымъ, и даже вполнѣ необходимымъ.

Главная и существенная слабость критики Гоголевскаго періода заключалась не столько въ этой самой критикѣ, сколько въ той литературной средѣ, на которую и среди которой ей было суждено дѣйствовать. Критика сороковыхъ годовъ не имѣла ни надъ собою, ни противъ себя никакой основательной критики. Далеко ниже ея, въ невѣдомыхъ литературныхъ безднахъ, раздавалась пристрастная и жосткая полемика, не основанная ни на какихъ теоріяхъ, не приносившая съ собой никакого плода, никакой полезной замѣтки. Противники критики сороковыхъ годовъ или не поднимали противъ нея своего голоса, или позволяли себѣ нелитературную, задорную хулу, на которую никакой литераторъ, сознающій въ себѣ чувство собственнаго достоинства, никогда отвѣчать не станетъ. Критики, равной себѣ — добросовѣстной и твердой, обильной проницательностью и правдою — критика сороковыхъ годовъ никогда не имѣла. На всякій ея выводъ, на всякую мысль, ею высказанную, она встрѣчала въ литературѣ или полное

Digitized by Google

молчаніе, или проявленіе полной симпатіи, или жосткую брань, по существу своему безплодную: всего чаще, и то, и другое, и третье приходило разомъ. Возраженій искреннихъ, серьозныхъ, проникнутыхъ знаніемъ дѣла и желаніемъ истины, она не встрѣчала ни разу; даже до сихъ поръ, когда ея слабыя стороны признаны почти всѣми дѣятелями новой словесности, мы можемъ назвать лишь весьма малое число страницъ, на которыхъ означенныя слабыя стороны разобраны безпристрастно. И такъ, не встрѣчая ни откуда основательнаго противодѣйствія, критика, теперь нами оцѣненная, должна была понести вредъ отъ избытка собственной своей силы. Она стала утрачивать терпимость и хладнокровіе, такъ необходимыя для пониманія истины. Привыкнувъ къ жосткости и неправдѣ своихъ шумливыхъ соперниковъ, она слишкомъ привыкла видѣть жосткость, отсталость и неправду во всякомъ противорѣчіи. Потерявъ благоразумный контроль надъ собою, она вдалась въ парадоксы, поспѣшныя заключенія, крайности всякаго рода, — и могло ли быть иначе, когда парадоксы, ею высказываемые, не встрѣчали серьознаго противорѣчія, когда ложныя заключенія и крайности не возбуждали возраженій, достойныхъ быть принятыми къ свѣдѣнію? Пересматривая блистательнѣйшія и благотворнѣйшія изъ критическихъ статей Гоголевскаго періода, мы безпрерывно подмѣчаемъ въ нихъ страницы невыносимо-лживыя, выводы болѣе чѣмъ дѣтскіе, мысли, отъ которыхъ самъ критикъ впослѣдствіи при насъ самихъ, отказывался съ простодушной честностью. Мы спрашиваемъ: какъ же могли сказанные недостатки идти рядомъ съ цѣлыми главами, истинно безукоризненными? Какъ могли люди, руководящіе общимъ вкусомъ, развитые, образованные, богатые смысломъ и поэтическимъ чутьемъ, написать страницы, подобныя отзыву о Татьянѣ Пушкина, о повѣсти «Похожденія господина Голядкина», о слабѣйшихъ романахъ Жоржа Санда? какъ могли они создать что-либо въ родѣ дноирамба о безполезности изученія древней русской жизни? Отвѣтъ будетъ очень простъ: они писали, не ожидая ни откуда ни возраженій, ни добросовѣстнаго контроля. Всякій человѣкъ, бесѣдуя мысленно съ самимъ собою, выскажетъ себѣ много такого, чего ни за что въ свѣтѣ не скажетъ, говоря съ умными людьми. Всякій смертный, бесѣдуя съ пріятелями, станетъ говорить осторожнѣе, чѣмъ онъ думаетъ; составляя статью, онъ будетъ смотрѣть за собой гораздо зорче, чѣмъ смотритъ онъ за собой въ минуты пріятельской бесѣды. Наконецъ, составляя статью, онъ будетъ необходимо имѣть въ виду читателей, для которыхъ статья пишется. Если читатель опытенъ, взыскателенъ,

Digitized by Google

проницателенъ и даже придирчивъ, трудъ выйдетъ несравненно осмотрительнѣе того труда, который составляется для публики довѣрчивой и неразвитой, для цѣнителей, способныхъ только или браниться безъ толку, или хранить безплодное, но величавое молчаніе.

А для критики сороковыхъ годовъ, отъ самаго ея появленія, до послѣднихъ годовъ ея дѣятельности (и особенно въ послѣдніе годы, о чемъ скажемъ мы ниже) былъ необходимъ контроль, незлобный и твердый. Мы не нарушимъ законовъ литературной скромности, если скажемъ, что разбираемая нами критика, въ періодъ всей ея дѣятельности, была голосомъ цѣлаго круга образованныхъ, талантливыхъ молодыхъ людей, сгруппировавшихся около одного, а можетъ быть, и нѣсколькихъ критическихъ дѣятелей, столько же молодыхъ, какъ и они сами. Весь кругъ или кружокъ изобиловалъ безкорыстной любовью къ наукѣ, тонкимъ пониманіемъ поэзіи, стремленіемъ къ добру, къ правдѣ, къ полезной дѣятельности. Но онъ былъ молодъ, а слѣдовательно — опрометчивъ, иногда даже заносчивъ. Полный жизни и силъ, онъ печатно высказывалъ сегодня то, чему успѣлъ выучиться вчера; торопясь бесѣдовать съ читателемъ о законахъ искусства, онъ самъ учился поучая и стремился скорѣе пускать въ оборотъ идеи объ искусствѣ, имъ самимъ только-что добытыя. Такая метода, обусловленная горячностью молодости, имѣла въ себѣ всю увлекательность, всю симпатичность молодыхъ силъ человѣка, но въ то же время изобиловала поспѣшностью, шаткостью, легкомысленностью молодости. Какъ симпатіи, такъ и антипатіи юной критики были порывисты, исключительны, временами непостоянны, но всегда пламенны. Рѣдко взвѣшивала она свои выводы, рѣдко подходила она къ своему дѣлу съ спокойнымъ величіемъ, еще рѣже умѣла она охватывать pro и contra каждаго вопроса. Она знала много, но не была богата многосторонними, установившимся знаніемъ, такъ необходимымъ для критики. Ко всему новому и молодому тянулась она съ безграничнымъ довѣріемъ; по ея мнѣнію, всякая новая теорія вела за собой конечное уничтоженіе всѣхъ прежнихъ теорій, всякій новый мыслитель губилъ на-смерть мыслителей, до него жившихъ. Каждая новая идея была зерномъ великихъ преобразованій, каждая новая книга, умно написанная, была неизмѣримо полезнѣе книгъ стараго времени. Міръ кипѣлъ міровыми молодыми геніями, — новое европейское поколѣніе одно носило въ себѣ всю мудрость старыхъ поколѣній, не считая собственнаго своего величія, непонятнаго людямъ отсталымъ. Намъ, которые теперь ясно видимъ несостоятель-

Digitized by Google

ность недавнихъ геніевъ, которые давно примирились съ паденіемъ мимолетныхъ, когда-то много обѣщавшихъ теорій, вся слабость такого юношескаго взгляда видна въ совершенствѣ. Но, цѣня ее по достоинству, мы въ правѣ удержаться отъ осужденія и насмѣшки, ибо и мы сами были молоды, и для насъ новизна казалась пророчествомъ, и для насъ ученическіе годы нашего поколѣнія представлялись чѣмъ-то по преимуществу великимъ и прекраснымъ!

При самомъ началѣ своей дѣятельности, критика, охарактеризованная нами по мѣрѣ слабыхъ силъ нашихъ, встрѣтила двѣ важныя задачи или, скорѣе, одну важную задачу, распадавшуюся на два обширные отдѣла. Она должна была сдѣлать съ старой русской критикою то самое, что должна сдѣлать съ ней самой наша теперешняя критика. Ей предстояло провѣрить теоріи и выводы старыхъ цѣнителей русской словесности, зоркимъ глазомъ прослѣдить всю исторію литературы нашей и назначить мѣсто каждому изъ первыхъ дѣятелей словесности стараго времени. Въ то же время, работая надъ исторіей періодовъ, уже отжившихъ, критика сороковыхъ годовъ должна была произносить свои сужденія надъ произведеніями ей современныхъ писателей. Обѣ задачи, сливаясь въ одну, представляли изъ себя трудъ колоссальный. Не только Карамзинъ и Жуковскій, но Ломоносовъ и Херасковъ еще не были основательно опредѣлены прежней критикой. Ряды усопшихъ знаменитостей, настоящихъ и подложныхъ, законныхъ и не законныхъ, имѣли явиться передъ судилище истиннаго вкуса. Съ другой стороны, литература современная приняла могучее развитіе. Пушкинъ сошелъ въ могилу, Россія была полна пѣснями Пушкина, а между тѣмъ ни одинъ изъ поклонниковъ великаго пѣвца не имѣлъ возможности сказать, сидя надъ его книгою: «я знаю и понимаю, чѣмъ и почему этотъ поэтъ меня восхищаетъ». Богатырскій талантъ Лермонтова пророчилъ отечеству будущаго наслѣдника Пушкинской славы; безпредѣльный юморъ Гоголя услаждалъ всю просвѣщенную Русь, наперекоръ ошибочнымъ оцѣнкамъ, наперекоръ ложной чопорности читателя. И въ тоже время, посреди людей высоко одаренныхъ, рядомъ съ ними, иногда выше ихъ, стояли писатели, можетъ-быть, трудолюбивые и почтенные, но во всякомъ случаѣ далеко не подходящіе къ нимъ по дарованію. Вкусъ публики, пробужденный первоклассными поэтами и прозаиками, жаждалъ научной и поэтической пищи. Дальнѣйшее развитіе этого вкуса вполнѣ зависѣло отъ той пищи, которая будетъ ему предложена. Извратить понятія жаднаго читателя весьма легко, но съизнова навести

Digitized by Google

ихъ на правду, съизнова расшевелить въ немъ оставшее сочувствіе къ искусству — есть трудъ почти геркулесовскій. Критика сороковыхъ годовъ застала русскую публику подъ вліяніемъ ошибочныхъ школъ въ поэзіи и прозѣ. Даровитые поэты и прозаики переходили въ манерность, увлекались мелодраматической французскою литературой, портили русскій языкъ и развивали въ читателѣ фальшивыя понятія объ искусствѣ. Старая критика не только молчала, но даже поощряла заблужденія литераторовъ. Мягкость, снисходительность, скорость на похвалу, эти качества, составлявшія такую прелестную сторону въ воспріимчивой натурѣ Пушкина и друзей Пушкина, — подъ перомъ людей, не столь одаренныхъ, перешли въ вялую пассивность. Принято было хвалить всѣхъ пишущихъ людей, за исключеніемъ Александра Анфимовича Орлова, г. Сигова и Ѳедота Кузмичева. Литераторъ, самый снисходительный, считалъ бранью ту рецензію, въ которой дѣлалось ему какое-нибудь замѣчаніе. Писателей сильныхъ или кажущихся сильными слѣдовало хвалить безъ оговорокъ, — слабыхъ и ничтожныхъ талантомъ позволялось терзать безъ устали, для увеселенія читателя. Слѣдуя такимъ путемъ, словесность наша не могла придти къ результатамъ утѣшительнымъ. Критика сороковыхъ годовъ вывела ее съ этой рутинной дороги — вотъ въ чемъ состоитъ первая заслуга этой критики. Взглянемъ же теперь на то, какимъ образомъ она дѣйствовала на своемъ поприщѣ, гдѣ она принесла несомнѣнную пользу, и гдѣ она вдавалась въ слабости, не менѣе несомнѣнныя.

Вся историческая сторона нашей критики Гоголевскаго періода, всѣ ея отношенія къ русской литературѣ — отъ временъ Кантемира до временъ Пушкина — не только заслуживаетъ великихъ похвалъ, но даже въ частностяхъ своихъ не подлежитъ хотя сколько нибудь важному осужденію. Знатоки дѣла справедливо говорятъ, что по этой части критика не выказала глубокихъ свѣдѣній; что народная наша литература до-Петровскаго періода знакома ей менѣе, чѣмъ, напримѣръ, литература старой Франціи; что эрудиція ея (особенно по части литературы и журналистики Екатерининскаго времени) весьма и весьма поверхностна — замѣтки знатоковъ, при всей своей правдѣ, ничего не доказываютъ противъ словъ нашихъ. Никто не въ правѣ требовать отъ критики извѣстнаго, весьма непродолжительнаго періода, періода исполненнаго задачъ и работы, — полныхъ археологическихъ, филологическихъ, библіографическихъ свѣдѣній, способныхъ по частямъ составить занятіе цѣлаго круга ученыхъ. Лордъ Джеффри могъ вовсе не знать

Digitized by Google

древней великобританской поэзіи и все-таки стоять въ головѣ перваго критическаго журнала своей родины. Лессингъ имѣлъ право знать нѣкоторые отдѣлы своей словесности поверхностнымъ образомъ и, не смотря на то, остаться Лессингомъ. Сила критики, подобно силѣ полководца, заключается прежде всего въ умѣніи дѣйствовать тамъ, гдѣ прежде всего требуется дѣйствовать. Русская публика 1830 года могла съ покойнымъ духомъ ожидать розысканій о журналистахъ прошлаго столѣтія; но ей пора, очень пора была имѣть въ рукахъ вѣрную оцѣнку Ломоносова, Державина, Карамзина, Фонъ-Визина, просвѣтителей, на которыхъ она была воспитана.

Безъ полезныхъ, безукоризненныхъ этюдовъ о древней пѣснѣ и о старой русской сказкѣ она имѣла возможность пробыть нѣсколько лѣтъ. Но нельзя было ей оставаться еще нѣсколько лѣтъ при пристрастныхъ, рутинныхъ, лагарповскихъ, ничтожныхъ общихъ мѣстахъ по поводу всей современной родной словесности. Ей уже не подъ лѣта было, основываясь на прежнихъ приговорахъ, считать Хераскова нѣжнымъ поэтомъ, Державина образцомъ чистаго слога, Богдановича пѣвцомъ, достойнымъ музъ и грацій, Сумарокова великимъ трагикомъ, а Ломоносова стихотворцемъ по преимуществу. Русская публика жаждала рѣчей о русской старой и новой литературѣ, ей было необходимо историко-критическое объясненіе ея собственныхъ впечатлѣній, свѣдѣній, привязанностей и антипатій. Со всѣмъ своимъ уваженіемъ къ Державину, Озерову, Ломоносову, Княжнину, нашъ читатель смутно сознавалъ, что эти дѣятели не могутъ быть единственными питателями современнаго русскаго общества. Къ Жуковскому, Пушкину, Лермонтову, Грибоѣдову, Гоголю лежало сердце русской публики, а между тѣмъ слава этихъ великихъ писателей, по учебникамъ и литературнымъ преданіямъ, не могла замѣнить собою славы тружениковъ стараго классическаго или псевдоклассическаго времени. Пушкинъ, по отзывамъ тогдашнихъ литературныхъ судей, былъ милымъ человѣкомъ, поющимъ сладенькія пѣсни, тогда какъ напримѣръ Сумароковъ считался отцомъ русскаго театра и великимъ человѣкомъ. «Водопадъ» Державина слѣдовало знать наизустъ и читать съ благоговѣніемъ, а «Горе отъ Ума» Грибоѣдова считалось не болѣе, какъ пріятною шалостью. Мы не оспариваемъ великаго дарованія въ Державинѣ, мы даже готовы признавать всѣ заслуги Сумарокова, но все-таки не видимъ причины, отчего бы возвеличеніе отжившихъ поэтовъ непремѣнно должно вести за собой униженіе писателей современныхъ? А между тѣмъ оно такъ

Digitized by Google

было до Гоголевскаго періода и его критики. Живому и пишущему поэту почти ставилась въ укоръ его поэтическая дѣятельность: дѣятельность Костровыхъ, Петровыхъ, Бобровыхъ считалась вполнѣ серьозною и почтенною. Судъ публики и судъ литературныхъ Аристарховъ постоянно расходились во многомъ. Поэты современные, писатели, считавшіеся просто пріятными писателями, раскупались и читались съ жадностью; поэты образцовые, умершіе и великіе, прославлялись на словахъ, но творенія ихъ не шли съ рукъ и не находились ни въ чьихъ рукахъ. «Есть что-то гнилое въ нашей Даніи», говоритъ Гамлетъ, — было что-то гнилое въ старыхъ нашихъ понятіяхъ о литературѣ, скажемъ и мы подобно Гамлету. Нужно было разъяснить весь хаосъ заблужденій, предразсудковъ, противорѣчій, общихъ мѣстъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Потребно было взглянуть на всю нашу словесность съ исторической точки зрѣнія, опредѣлить значеніе старыхъ писателей, отдѣлить въ ихъ твореніяхъ все временное отъ вѣчнаго и всегда прекраснаго. Надо было, не стѣсняясь никакими авторитетами, сдѣлать оцѣнку каждому дѣятелю по части русскаго слова и произнести надъ нимъ окончательный судъ, сообразно понятіямъ современнаго общества. Только подобнымъ процессомъ можно было водворить порядокъ въ литературныхъ понятіяхъ, дать общій тонъ развитію читателя и подготовить звенья нерушимой цѣпи, связывающей старые литературные періоды съ періодомъ, за ними слѣдующимъ.

Повторяемъ еще разъ: въ историко-критической оцѣнкѣ русской литературы до Пушкинскаго періода, наша критика сороковыхъ годовъ оказала вѣчную, нерушимую заслугу всей русской наукѣ. Характеризуя, анализируя, воскрешая, ставя на свое мѣсто всѣхъ нашихъ писателей, отъ Кантемира до Карамзина включительно, она создала рядъ этюдовъ, великолѣпныхъ по исполненію и еще болѣе великолѣпныхъ по истинамъ, въ нихъ заключающимся. Плодомъ этюдовъ этихъ вышелъ ясный, самостоятельный, чрезвычайно вѣрный взглядъ на ходъ всей нашей словесности, въ ея различные періоды, ознаменованные дѣятельностью писателей, особенно важныхъ по своему вліянію. Послѣ трудовъ, о которыхъ говоримъ мы, хаосъ и путаница въ исторіи литературныхъ понятій навѣки исчезли. Исторія нашей словесности получила прочныя основы, основы до сей поры незыблемыя. Вмѣсто прежнихъ сбивчивыхъ свѣдѣній, вмѣсто рутины, завѣщанной намъ псевдоклассическими критиками, русскій читатель увидѣлъ передъ собою стройный рядъ литературныхъ дѣятелей, раздѣленныхъ на одно-

Digitized by Google

родныя группы, оцѣненныхъ и разъясненныхъ, разсмотрѣнныхъ и съ исторической и съ современной точки зрѣнія. И неправду сказалъ бы человѣкъ, который осмѣлился бы утверждать, что старые поэты и прозаики, отъ Ломоносова до Карамзина, были унижены нашей критикой, были принесены въ жертву новымъ свѣтиламъ новаго русскаго общества. Перемѣщеніе не есть униженіе, а здравая историческая критика никогда не можетъ назваться заносчивостью молодого поколѣнія передъ старымъ. Одни близорукіе педанты могли оскорбляться тѣмъ, что новая критика ставила Ломоносова-ученаго выше Ломоносова-поэта, что она не восторгалась «Бѣдной Лизой» Карамзина и языкъ Державина ставила ниже языка Пушкинскаго. Всѣ эти и имъ подобныя истины уже сознавались самимъ читателемъ, — критика только дала имъ выраженіе и привела ихъ въ систему, исполнивъ тѣмъ долгъ всякой истинной и разумной критики. Поступая такимъ образомъ, она оказала услугу всему обществу, оказала услугу самимъ старымъ писателямъ, о которыхъ здѣсь говорится. Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ даже съ каждымъ годомъ утрачивали сочувствіе современной публики, именно оттого, что эта публика еще не была выучена глядѣть на нихъ съ настоящей точки зрѣнія. Наперекоръ панегирикамъ со стороны блюстителей вкуса, русскій читатель, особенно если онъ былъ молодъ и неопытенъ, пріучался скучать надъ старыми, образцовыми поэтами и прозаиками. Повѣсть Карамзина, трагедія Озерова, ода Державина не давали ему того наслажденія, къ которому онъ привыкъ, читая Пушкина, Грибоѣдова и Жуковскаго; оттого Карамзинъ, Озеровъ и Державинъ поступали на отдаленныя полки библіотекъ, а имена ихъ, вопреки преданіямъ, уже не были дороги для читателя. Чуть эти самые дѣятели снова явились передъ нимъ въ историческомъ порядкѣ, въ полномъ величіи своего времени и своей почтенной дѣятельности, точка зрѣнія измѣнилась. Величіе современниковъ перестало вредить славѣ учителей и предшественниковъ. При помощи даровитаго объяснителя, любитель поэзіи снова нашелъ возможность помириться съ старыми формами старыхъ поэтовъ, мало того: подъ этими устарѣлыми формами различить духъ чистой поэзіи и мысли, высокія по своему благородству.

Мы не говоримъ и никогда не будемъ говорить, что область нашей старой словесности, отъ временъ Кантемира до Карамзинскаго періода включительно, была окончательно оцѣнена и измѣрена критиками сороковыхъ годовъ. Тѣмъ менѣе станемъ мы утверждать, что въ настоящее время всякій новый трудъ по этой части

Digitized by Google

есть трудъ праздный и безполезный. Основы всего воззрѣнія тверды, прочны, незыблемы, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ въ подробностяхъ своихъ само воззрѣніе не могло быть дополнено, измѣнено, переоцѣнено. Труды новѣйшихъ библіографовъ и цѣнителей (между послѣдними мы долгомъ считаемъ назвать г. Галахова, эрудиціей своею далеко затмившаго эрудицію прежнихъ критиковъ) ясно показываютъ намъ, сколько еще нетронутаго осталось въ области, про которую говорится. Равнымъ образомъ, при послѣдующей переоцѣнкѣ непремѣнно должна быть смягчена, а иногда и вовсе уничтожена рѣзкость общихъ приговоровъ, къ которымъ критики Гоголевскаго періода были весьма наклонны. Въ сказанной рѣзкости мы ихъ не упрекаемъ однако: критикъ, дѣйствуя на умы современниковъ, разрушая литературные предразсудки, часто бываетъ обязанъ дѣйствовать слишкомъ рѣшительно. «Если хочешь выпрямить кривую трость», говоритъ индійская пословица, «гни ее въ противоположную сторону отъ ея сгиба». Иногда, для избавленія публики отъ одной крайности въ приговорахъ, бываетъ необходимо бросаться въ другую крайность. Статья, въ которой Гоголя ровняли съ Гомеромъ (не многимъ, можетъ-быть, извѣстно, что критика Гоголевскаго періода вооружилась противъ этой статьи, впослѣдствіи отнесенной на ея же счетъ), статья эта имѣла свою пользу въ то время, когда автора «Мертвыхъ Душъ» нѣкоторые журналисты прославляли газеромъ, грязнымъ малороссійскимъ болтуномъ, способнымъ на одно шутовство. Критика, насъ теперь занимающая, въ статьяхъ своихъ о старыхъ русскихъ писателяхъ никогда не доходила до подобныхъ причудъ, хотя по-видимому могла бы себѣ ихъ дозволить. Предразсудки ложнаго классицизма еще жили, выражались въ крайностяхъ, вызывали на крайность. Безъ рѣзкости нельзя было идти на встрѣчу ихъ рѣзкости. Пушкинъ былъ унижаемъ за упрощеніе поэтическаго языка; преданія о высокомъ слогѣ еще гнѣздились повсюду; все, что носило на себѣ печать простоты и таланта всѣмъ доступнаго, подвергалось охужденіямъ, о невѣжливости которыхъ не можетъ дать понятія даже полемика между теперешними журналообозрѣвателями. О какомъ-нибудь «Кадмѣ и Гармоніи» требовалось говорить пышными хвалебными фразами; на такое нелѣпое требованіе устарѣлыхъ Жеронтовъ всего лучше было отвѣчать злою шуткою по поводу «Кадма и Гармоніи».

Мы кончили съ первой частію дѣятельности нашей критики и переходимъ ко второй — то-есть ея отношеніямъ къ литературѣ ей современной. И тутъ мы повсюду видимъ дѣятельность, испол-

Digitized by Google

ненную честности, богатую дарованіемъ, но, къ сожалѣнію, обильную и великими слабостями. Изъ роли ея къ поэтамъ и прозаикамъ старыхъ періодовъ легко усмотрѣть, какъ должно было обозначиться ея положеніе къ дѣятелямъ ея собственнаго періода. Старые писатели грѣшили искусственностью языка, угловатой высокопарностью слога, подражательностью чужимъ образцамъ, отсутствіемъ современныхъ воззрѣній въ идеяхъ, отсутствіемъ плѣнительной простоты въ изложеніи. Писатели новаго періода, богатаго опытомъ періодовъ прежнихъ, должны были восполнить всѣ эти недостатки и во многомъ ихъ восполняли. Поэтическій языкъ упростился, и по-видимому установился окончательно; проза, по своей безыскусственности, все болѣе и болѣе сближалась съ живой рѣчью человѣка. Оковы французскаго вкуса и французской пінтики давно были свергнуты новымъ поколѣніемъ. Уже не Олимпъ, не герои древности, не сухія моральныя тонкости служили предметомъ пѣсенъ Пушкина, стиховъ Грибоѣдова, разсказовъ Гоголя, страстныхъ страницъ Лермонтова. Писатели эти, стоявшіе въ главѣ образованнѣйшаго класса въ Россіи, брали предметы изъ русской исторіи, изъ русскаго общества, изъ вседневной русской жизни, изъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ нашего родного быта. Что можетъ быть похвальнѣе, что можетъ быть разумнѣе этой дѣятельности, истинно обильной великими надеждами? Такъ, литература должна быть цвѣтомъ и отголоскомъ своей родины, ея усладительницей и наставницей, ея славой, ея сокровищемъ, ея живымъ голосомъ! Простая русская сцена, если она хорошо выполнена, для русскаго читателя выше всей исторіи Атридовъ; пѣсня Кольцова, возсоздающая поэзію степей и лѣсовъ родины, даетъ намъ больше, нежели всѣ моральныя разсужденія по поводу Телемака, сына Улисова. Простота, народность и правда, живущія въ первоклассныхъ дѣятеляхъ лучшаго, позднѣйшаго періода словесности, должны быть первымъ достояніемъ молодой нашей литературы. Надо объявить войну изысканности, сухости, высокопарности, надо поддерживать словесность въ положеніи, случайно ей приданномъ трудами ея лучшихъ дѣятелей, надо ополчаться противъ попытокъ возвращенія къ старому ложному классицизму, къ старой пінтической рутинѣ! Вотъ малая часть выводовъ, которыми новая критика привѣтствовала лучшіе труды лучшихъ писателей своего періода. Имъ самимъ, этимъ самымъ писателямъ она разъяснила ихъ силу и значеніе, ихъ самихъ она побудила взглянуть внутрь себя и торжественно согласиться съ ея приговорами. Взглядъ критики былъ зорокъ и правдивъ, ибо онъ происходилъ отъ свѣтлыхъ

Digitized by Google

глазъ и отъ сердца, богатаго пониманіемъ поэзіи. Первыя отношенія критики сороковыхъ годовъ къ первокласснымъ русскимъ писателямъ отличались безукоризненною справедливостью. Ни одно сильное дарованіе не было ею просмотрѣно, ни одинъ обманчивый метеоръ не былъ ею признанъ за звѣзду первой величины, ни одно дѣльное возраженіе не было ею оставлено безъ отвѣта, ни одинъ зоркій противникъ, способный вредить, не былъ оставленъ безъ заслуженной отплаты.

Относясь съ величайшей правдою къ писателямъ первостепеннымъ и достойнымъ высокой роли, въ нихъ угаданной, — критика Гоголевскаго періода была менѣе справедлива къ талантамъ второго разряда, по какимъ-нибудь случаямъ получившимъ до ея времени славу первостепенныхъ поэтовъ и прозанковъ. На этой ошибкѣ мы не остановимся долго, ибо не признаемъ ее ошибкою особенно многозначительною; но въ ней уже проявлялись будущія слабыя стороны новой критики, — потому мы и должны, хотя вскользь, коснуться этого предмета. Изъ поэтовъ и прозанковъ, которыхъ не давняя слава была безжалостно разрушена новой критикою, многіе живутъ и благородно трудятся до нашего времени. Избѣгая полемическихъ оттѣнковъ въ этюдѣ нашемъ, мы не будемъ ихъ касаться, а для примѣра назовемъ хоть имя Марлинскаго, изъ любимѣйшихъ и прославленныхъ повѣствователей одною статьей превращеннаго въ олицетвореніе напыщенной, уродливой, высокопарной бездарности. До сихъ поръ Марлинскій еще нуждается въ хладнокровной оцѣнкѣ, до сихъ поръ цѣнители, истинно признающіе въ немъ, при всѣхъ его недостаткахъ, и дарованіе, и силу истинной поэзіи, еще не могутъ рѣшиться поднять свои голоса въ защиту лучшихъ вещей Марлинскаго. Такъ силенъ былъ ударъ, ему нанесенный, такъ полезны были послѣдствія этого удара для дѣла упрощенія русскаго повѣствовательнаго слога! А между тѣмъ, черезъ много лѣтъ послѣ критической статьи о «Повѣстяхъ Марлинскаго», признавая важность и пользу этой статьи, мы не можемъ не читать ея съ самымъ тяжелымъ чувствомъ. Въ ней, чуть ля не въ первый разъ, выказался тотъ духъ исключительной нетерпимости, который со временемъ, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, наложилъ темное пятно на критику, нами теперь разбираемую. Въ разборѣ произведеній Марлинскаго, цѣнитель является не учителемъ литературнаго дѣятеля, а его необузданнымъ противникомъ. Увлекаясь похвальной любовью къ простотѣ идеи и формы, авторъ разбора забываетъ великую обязанность поощрителя и побудителя даровитыхъ людей, строгаго, но не ли-

Digitized by Google

непріятнаго указателя ихъ слабостей. Марлинскій, при его умѣ, гибкости и наглядности, при славѣ имъ добытой, при живой поэтической струѣ, его наполнявшей, могъ легко уразумѣть свои ошибки, возобновить свою литературную дѣятельность, отказаться отъ мишурной реторики, такъ ему вредившей, — однимъ словомъ, могъ бы сдѣлать многое для себя и для публики, еслибъ урокъ былъ ему данъ не столь жестокій. Ни одно изъ его достоинствъ не было признано, самъ онъ осыпанъ язвительными приговорами, критикъ, по званію своему, обязанный развивать и создавать писателей, съ какимъ-то дикимъ смѣхомъ уничтожалъ всю его дѣятельность. Вообще, не только наша русская, да и вообще вся европейская критика еще далеко не понимаетъ всей примиряющей, *творящей* роли въ цѣнителѣ; но, не смотря на это извинительное обстоятельство, статья о Марлинскомъ составляетъ рѣзкую крайность даже въ старой рѣзкой критикѣ. Въ ней слышится какой-то озлобленный голосъ нетерпимости, вся она будто выговариваетъ извѣстную фразу: «если ты не со мной, значитъ ты противъ меня. Если ты не со мной, значитъ ты никогда не будешь и не можешь быть со мною.»

Оскорбительная нетерпимость убѣжденій, сейчасъ нами замѣченная въ разбираемой нами критикѣ, доходила до еще болѣе опасныхъ предѣловъ въ ея отношеніяхъ къ періодическимъ изданіямъ и журнальнымъ партіямъ стараго времени. Тутъ наша критика зачастую вредила себѣ по собственной своей горячности и перебрасывала свои стрѣлы гораздо далѣе той цѣли, въ которую онѣ были направлены. Элементомъ примиряющимъ и согласующимъ спорящія стороны она никогда не была богата, ибо ей не доставало той практической опытности, которая одна, въ соединеніи съ даровитостью критика, строитъ прочное зданіе изъ матеріаловъ имѣющихся подъ рукою, и неотразимо привлекаетъ къ себѣ всѣ живыя силы, какія только находятся на лицо въ извѣстную литературную эпоху. Журналы и литературные круги, съ которыми критика сороковыхъ годовъ находилась въ постоянномъ и никогда не смягчавшемся антагонизмѣ, ярко дѣлились на два разряда, изъ которыхъ одинъ оправдывалъ собой всѣ ея обвиненія, тогда какъ другой заключалъ въ себѣ тѣ честныя и живыя силы, съ которыми надо было обходиться, даже при спорахъ, съ полнымъ уваженіемъ. Если одна часть антагонистовъ, имѣвшая, напримѣръ, свой голосъ въ критикѣ «Сѣверной Пчелы» (когда-то и «Сѣверная Пчела» имѣла свою критику!), дѣйствовала во вредъ всей литературѣ, не принося ни малѣйшей пользы дѣлу родной словесности, зато другая трудилась не напрасно и имѣла полное право на приз-

Digitized by Google

наніе заслугъ, ею сдѣланныхъ. Литераторы, нынѣ имѣющіе свой, всѣми уважаемый органъ въ журналѣ «Русская Бесѣда», дѣйствовали и въ сороковыхъ годахъ, частью въ журналѣ «Москвитянинъ», частію въ другихъ сочиненіяхъ и сборникахъ, однороднаго съ нимъ направленія. Дарованія ихъ были значительны; съ идеями, ими приводимыми, можно было не соглашаться, но во всякомъ случаѣ то были идеи людей добросовѣстныхъ и убѣжденныхъ, имѣющихъ будущность и стоющихъ своей будущности. Съ ними критика сороковыхъ годовъ должна была ладить, какъ съ товарищами, идущими не по одной дорогѣ съ нею; но она не ладила, даже не спорила съ ними серьозно, а полная отрицанія и заносчивости, относилась къ нимъ такъ, какъ относилась въ то же время къ фельетонной брани г. Булгарина. Время вполнѣ показало несостоятельность такого отношенія. Критика «Сѣверной Пчелы», по началу своему безплодная, теперь читается въ веселый часъ любителями всего смѣхотворнаго; въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ ни одинъ уважающій себя литераторъ не отвѣчалъ на ея нападенія, если даже они были полны явнымъ искаженіемъ фактовъ. Не то съ убѣжденіями круга лицъ, нынѣ трудящихся въ «Русской Бесѣдѣ»: вся Россія ихъ уважаетъ, большинство литераторовъ слушаетъ ихъ слово, часто не соглашаясь съ нимъ; ихъ критика разрослась и имѣетъ свой голосъ, повсюду возбуждающій симпатію, противорѣчія и споры, не принадлежащіе къ области безплодной полемики. Смѣшать оба направленія и съ обоими обходиться одинаково, значило сдѣлать не только великій литературный промахъ, но отклонить отъ себя цѣлый кругъ благомыслящихъ и дѣльныхъ товарищей.

Отношенія критики гоголевскаго періода къ старой «Библіотекѣ для Чтенія» были столько же ошибочны. Не имѣя ничего общаго съ старой редакціею журнала нашего, въ годы его успѣха, мы можемъ говорить о немъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Эстетическая критика «Библіотеки для Чтенія» имѣетъ на своей совѣсти не одну ошибку — главная изъ нихъ состоитъ въ не признаваніи значенія Гоголя и безстрастномъ, не совсѣмъ дружескомъ взглядѣ на новѣйшее движеніе, принятое русскою словесностью. Противъ такого заблужденія слѣдовало ополчаться, но онять-таки ополчаться съ разборомъ, не смѣшивая отсутствія критической зоркости съ недоброжелательствомъ, и журнальнаго упорства съ зловредными стремленіями. Старая «Библіотека для Чтенія» много сдѣлала для русской публики и русской журналистики; капризы ея критики ни подъ какимъ видомъ не имѣли ничего общаго съ

Digitized by Google

выходками рецензентовъ «Пчелы», ровно ничего не сдѣлавшихъ ни для русской публики, ни для русской журналистики. «Библіотека для Чтенія», въ годы ея успѣха, издавалась честнымъ и просвѣщеннымъ образомъ. Она владѣла большими силами, возбуждала симпатію въ публикѣ и — вполнѣ того стоила. Кругъ ея сотрудниковъ былъ значителенъ и состоялъ изъ людей, получившихъ почетную извѣстность безукоризненными трудами. Сверхъ всего этого, журналъ нами названный, особенно въ первые годы своей дѣятельности, представлялъ начало элемента, который, если бы его понять и оцѣнить какъ слѣдуетъ, могъ принести значительную пользу нашей критикѣ. «Библіотека для Чтенія» издавалась въ духѣ великобританскихъ обозрѣній и знакомила читателя съ англійской литературой. Редакція ея имѣла то, чего именно недоставало критикѣ Гоголевскаго періода, а именно основательное знакомство съ великобританской критикой. Надо прибавить, что она не вполнѣ примѣнила къ дѣлу это знакомство, не высказала всего, что знала, и, благодаря своему преувеличенному понятію о литературномъ джентльменствѣ, не вступала въ споры о предметахъ искусства. И обвиняя ее въ томъ, мы все-таки не можемъ оправдать и разбираемую нами критику, постоянно придерживавшуюся девиза, обильнаго нетерпимостью. Трудно было спорить съ людьми, говорившими вамъ съ перваго раза: «если ты не со мной, значитъ ты мой врагъ, и дѣятель безполезный».

Коснувшись такихъ важныхъ предметовъ, каковы англійская литература и англійская критика въ ея примѣненіи къ воззрѣніямъ русскихъ цѣнителей искусства, мы наконецъ приступаемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ эстетическихъ источниковъ, изъ которыхъ были почерпнуты воззрѣнія нашей критики Гоголевскаго періода. Всякому изъ наблюдательныхъ читателей хорошо извѣстно то стройное теченіе европейскихъ литературъ, которое, особенно проявляясь въ эпоху намъ современную, видимо ведетъ всѣ образованные народы къ тому умственному братству, вслѣдствіе котораго разнородныя европейскія литературы сближаются между собой и становятся общимъ достояніемъ каждаго образованнаго смертнаго. Это явленіе, начавшееся весьма недавно, замѣчательно по своему быстрому ходу и обильно результатами самыми благотворными. Не прошло ста лѣтъ съ той поры, какъ французскій вкусъ и французская словесность господствовали по всей Европѣ: нынѣ это господство утрачено, и сами французы, нисколько тѣмъ не оскорбляясь, берутъ уроки у нѣмецкихъ и великобританскихъ мыслителей. Нѣтъ ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ имя Шекспира

Digitized by Google

въ первый разъ было произнесено французомъ, какъ имя дикаря, не лишеннаго дарованія: нынѣ всякій обитатель Франціи, знающій грамоту, можетъ составить себѣ библіотеку изъ переводовъ Шекспира и всего, что было писано о великомъ поэтѣ французскими учеными. Не далѣе, какъ въ началѣ нашего столѣтія, «Эдинбургское Обозрѣніе» въ первый разъ знакомило англійскаго читателя съ талантомъ Гёте, «писателя страннаго, но все-таки даровитаго»: черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ этого снисходительнаго отзыва слава Гёте прочно установилась во всѣхъ краяхъ, гдѣ только звучитъ англосаксонское нарѣчіе. При Наполеонѣ, во времена французской имперіи, парижскій академикъ, имя котораго выскользнуло изъ нашей памяти, составлялъ отчетъ *о нѣмецкой литературѣ;* въ отчетѣ этомъ — «Кантъ, *Сведенборгъ* и имъ подобные безумцы» относились къ «явленіямъ, составлявшимъ позоръ рода человѣческаго», opprobre du genre humain, ни болѣе ни менѣе. Теперь послѣдній школьникъ послѣдней коллегіи не смѣшаетъ Канта съ Сведенборгомъ, и не назоветъ одного изъ первыхъ германскихъ мыслителей позоромъ чего бы то ни было. Взаимное дѣйствіе избранныхъ умовъ каждаго края до нашего времени идетъ въ подобной прогрессіи. Всякій литераторъ нашего періода знаетъ какъ нельзя лучше свою обязанность — слѣдить за тѣмъ, что дѣлается вокругъ него литераторами и мыслителями другихъ странъ Европы. Конечно, никто не принуждаетъ его погружаться въ шведскую бельлетристику или провѣрять свои выводы по теоріямъ португальскихъ критиковъ. Но онъ знаетъ, что изъ европейскихъ семей нашего времени, большихъ и малыхъ, только три великія семьи — германская, французская и великобританская — одарены голосомъ, котораго нельзя не слушать. Быстро идетъ къ этому же разряду и наша могучая семья, а можетъ быть мы, современные дѣятели современнаго поколѣнія, доживемъ до той поры, когда русская поэзія и русская критика займутъ важное мѣсто въ мірѣ поэзіи и критики старѣйшихъ государствъ Европы.

Мы сказали уже, что всякій русскій писатель, въ особенности если онъ принимаетъ на себя обязанность литературнаго цѣнителя, долженъ быть знакомъ съ ходомъ идей и словесности трехъ самыхъ *литературныхъ* государствъ Европы. Каковы бы ни были его критическія способности, онъ не въ силахъ обойтись безъ этого знакомства. Обходясь безъ путеводителей въ своей области, онъ истратитъ всю свою энергію на первые шаги и на первыя тропинки, будетъ истощать себя на рѣшеніе вопросовъ давно рѣ-

Digitized by Google

шенныхъ, станетъ цѣпляться за теоріи, давно опровергнутыя и свершившія свое назначеніе. Успленно разчищая дорогу передъ собою, онъ выйдетъ на чистое мѣсто только тогда, когда его силы, ослабленныя долгой искусной борьбою, откажутся ему повиноваться. Но съ другой стороны критикъ долженъ строго держаться своей національной самостоятельности, и черпая свѣдѣнія изъ разнородныхъ передъ нимъ находящихся источниковъ, не предпочитать одного полюбившагося ему источника всѣмъ остальнымъ. Воспринимая чужеземную идею, помогающую нашему труду, мы должны имѣть надъ ней двѣ критики — одну свою, а другую чужеземную. Учась у нѣмца, мы должны знать что̀ думаетъ французъ объ идеяхъ нашего учителя, — заимствуя понятія у француза, намъ не мѣшаетъ повѣрить то, какъ смотрятъ англичане на это понятіе. Изъ взаимнаго международнаго контроля, проведеннаго черезъ русскій умъ и примѣненнаго къ русскому міру, и выйдетъ та истина, которою мы можемъ руководиться. Критикъ лишается половины всей своей силы, если онъ поддается вліянію какой нибудь чуждой народности — а самое лучшее спасеніе отъ такого вліянія есть всестороннее европейское образованіе. Исторія нашихъ русскихъ цѣнителей служитъ подтвержденіемъ нашего замѣчанія. Прежде всего мы поддались французскому воззрѣнію на искусство и за то поплатились періодомъ псевдоклассицизма. Потомъ, къ элементу французскому, возрожденному и украшенному, присоединился германскій элементъ, приведшій насъ сперва къ романтизму, а потомъ къ общественной дидактикѣ. Великобританскій элементъ, явившійся къ намъ позже всѣхъ, могъ бы быть вреденъ своей излишней практичностью, явно ведущей къ замѣненію эстетическихъ началъ личными воззрѣніями критика, но вліяніе его, смягченное всѣмъ тѣмъ, чему научились мы отъ французовъ и нѣмцевъ, никогда не можетъ быть исключительнымъ вліяніемъ.

Читатель проститъ намъ наше длинное отступленіе, если припомнитъ и оцѣнитъ все сцѣпленіе послѣднихъ выводовъ нашихъ. Критика сороковыхъ годовъ, заставшая въ нашей литературѣ какой-то хаосъ критическихъ понятій, увидѣла себя въ положеніи, изъ котораго можно было выйдти по одной только дорогѣ, подвергаясь опасности заблудиться на тысячѣ фальшивыхъ дорогъ и тропинокъ, перекрещивавшихся по разнымъ направленіямъ. Господствующихъ теорій для оцѣнки современной литературной дѣятельности — въ Россіи не имѣлось. Вмѣсто нихъ, въ литературѣ бродили, въ видѣ нескладныхъ зародышей, обрывочныя и неясныя

Digitized by Google

критическія стремленія, заимствованныя (и какъ заимствованныя!) ото всѣхъ странъ, народовъ и періодовъ словесности. Въ учебникахъ и словаряхъ поэзіи довольно ясно, впрочемъ, высказывались воззрѣнія Баттё и Лагарпа, но ихъ устарѣлость была видна простому глазу. Съ романтизмомъ Жуковскаго пришли къ намъ слабыя попытки критиковъ нѣмецкаго романическаго періода, самаго неплодовитаго изо всѣхъ періодовъ. Въ «Библіотекѣ для Чтенія», какъ мы сказали, можно было найдти слѣды великобританскихъ воззрѣній на искусство, но воззрѣній значительно измѣненныхъ и даже изломанныхъ по непонятному произволу рецензентовъ и переводчиковъ. Прибавьте къ этому послѣдніе голоса защитниковъ французскаго средневѣковаго романтизма, рапсодіи любителей чистоты русскаго слога, толки старцевъ, сохранившихъ преданія карамзинской сантиментальности — и передъ вами предстанетъ странная картина идей и понятій, недоросшихъ до полнаго своего проявленія, погибшихъ во цвѣтѣ лѣтъ, но все еще не сходящихъ со сцены, идей и понятій не развитыхъ, не высказанныхъ, не досказанныхъ. Нельзя отрицать того, что въ сказанномъ хаосѣ, не смотря на его безобразіе, таились и жизнь, и залоги отдаленнаго будущаго. Но отъ того ни вопросъ, ни задача не упрощались нисколько. Русской текущей литературѣ нужна была новая, современная критика, построенная на прочныхъ и всѣми уважаемыхъ основаніяхъ.

Критики сороковыхъ годовъ были знакомы съ старой и новой французской словесностью, зоркимъ глазомъ, по мѣрѣ своихъ силъ, слѣдили они за умственнымъ движеніемъ Германіи; по части великобританской словесности познанія ихъ были болѣе, чѣмъ ничтожны. Поэзія и критика цѣлаго народа, занимающаго столь важное мѣсто въ образованной Европѣ, народа практическаго, много знающаго и мастерски оцѣнившаго всю чужеземную мудрость, — были ими оставлены безъ вниманія. Впослѣдствіи убѣдимся мы и прослѣдимъ за тѣмъ, какъ печально отразилось это невниманіе на дальнѣйшихъ судьбахъ нашей критики, въ то самое время, когда здравое изученіе новѣйшихъ англійскихъ мыслителей могло бы быть вѣрнымъ противуядіемъ противъ германской неодидактики и сентиментальнаго жоржъ-сандизма. Но мы еще не дошли до этого періода времени. Основанія, на которыхъ наша критика строила свое зданіе, еще не имѣли въ себѣ ничего шаткаго. Теоріи, ее сперва вдохновлявшія, понятія, дававшія ей прочную опору въ самомъ началѣ ея дѣятельности, встрѣчали голосъ общаго одобренія и во Франціи, и въ Германіи, и въ Англіи. Лучшая пора дѣятель-

Digitized by Google

ности критики гоголевскаго періода совпадаетъ съ послѣдними годами полнаго владычества философіи Гегеля. Эстетическія его теоріи, его воззрѣнія на благородное значеніе искусства, даже его терминологія, — все это было воспринято нашей критикой, и воспринято не рабски. Мы не можемъ въ краткой статьѣ сообщить читателю о всемъ трудѣ, о всей страсти, о всѣхъ почти невообразимыхъ усиліяхъ, съ какими воспринимались, изучались и истолковывались эстетическія теоріи Гегеля главными дѣятелями критики гоголевскаго періода; сколько препятствій, по-видимому непреодолимыхъ, было здѣсь обойдено; сколько понятливости и способностей всякаго рода было истрачено для борьбы съ тѣми техническими трудностями, безъ которыхъ ни идеи, ни даже терминологія Гегеля не могли быть усвоены русскимъ человѣкомъ. Главные представители критики, нами разбираемой, не могли слѣдить за поясненіями Гегеля на самомъ языкѣ великаго профессора, и между-тѣмъ, не взирая на это обстоятельство, умѣли не только освоиться съ этими понятіями, но даже истолковать ихъ русской публикѣ, даже примѣнить ихъ ко всей системѣ своихъ литературныхъ приговоровъ. Съ помощью любви къ дѣлу и неутомимости, при посредничествѣ немногихъ людей, слушавшихъ Гегеля или изучавшихъ его творенія, начатъ былъ путь, на которомъ, какъ казалось, первые шаги должны были привести къ затрудненіямъ безвыходнымъ. Но критика шла далѣе и далѣе, и путь ея съ каждымъ годомъ становился шире. Русская публика, не пріученная къ глубокимъ эстетическимъ воззрѣніямъ, не смотря на то, оцѣнила всѣ воззрѣнія новой критики. Русскій читатель, на короткое время ставшій втупикъ передъ новою для него терминологіею, ознакомился съ нею и понялъ ея необходимость. Шутки невѣждъ по поводу *субъективности* и *объективности*, *замкнутости* и *конкретности*, смѣшили лишь однихъ невѣждъ: образованная часть русскихъ читателей не принимала участія въ этомъ смѣхѣ. Надо отдать одну великую справедливость нашей критикѣ. Она явилась русскою, чисто русскою критикою, не взирая на свои теоріи, заимствованныя отъ германскаго мыслителя. Она не удалялась на туманныя вершины трансцендентализма, вершины слишкомъ часто посѣщаемыя самимъ Гегелемъ; она не увлекалась желаніемъ пощеголять туманностью фразы, не копировала, дагерротипнымъ манеромъ, манеръ своего учителя. По естественному ходу вещей, не имѣя возможности изучить всего Гегеля непосредственно, она восполняла этотъ недостатокъ своимъ умѣніемъ истолковать тѣ части Гегелева ученія, которыя были ей доступны. Мы не на столько

Digitized by Google

знакомы съ нѣмецкой философіею, чтобъ считать себя въ правѣ подробно разбирать отношенія критики нашей къ эстетическимъ воззрѣніямъ Гегеля; но на этотъ счетъ мы можемъ руководиться отзывами людей безпристрастныхъ и знающихъ дѣло. Гегелева философія, въ ея примѣненіи къ оцѣниванію предметовъ искусства (такъ говорятъ эти люди), была разработана нашей критикой гоголевскаго періода гораздо шире и плодотворнѣе, нежели была она разработана въ то же самое время во Франціи, людьми спеціально посвятившими себя изученію новой нѣмецкой философіи.

Такимъ образомъ, положивши, по мѣрѣ силъ и возможности, широкое основаніе своимъ художественнымъ воззрѣніямъ, критика гоголевскаго періода начала примѣнять воззрѣнія эти ко всѣмъ главнымъ явленіямъ текущей русской литературы. Гегелевское воззрѣніе, искусно приложенное къ потребностямъ русскаго искусства, начинало укореняться въ нашей словесности, какъ вдругъ, посреди тишины и успѣховъ, въ направленіи критики нами разбираемой, начали появляться печальные симптомы, заставлявшіе предполагать въ ней начала разлада съ теоріями, недавно ею высказанными. Мысли, почерпнутыя у Гегеля и въ первый разъ проведенныя Гегелемъ, начали появляться рѣже и рѣже; съ каждымъ мѣсяцомъ чаще стали показываться, въ критикѣ нашей, понятія и убѣжденія, составлявшія странный контрастъ съ принципами, недавно ею высказанными. Человѣкъ привычный къ терминологіи, взятой у Гегеля, своими ушами слушавшій живую рѣчь усопшаго профессора, могъ легко подсмотрѣть фундаментальныя уклоненія отъ теорій великаго мыслителя. Читатель, постоянно слѣдившій за ходомъ новѣйшихъ эстетическихъ воззрѣній въ Германіи, одинъ былъ въ состояніи уяснить себѣ причину таковыхъ уклоненій, — но читателей подобнаго рода было немного между русскими читателями. Мы всѣ, ученики критики гоголевскаго періода, долгое время слѣдили за ея первыми аберраціями не безъ смутнаго чувства, едва понимая собственныя свои ощущенія. Людямъ болѣе близкимъ къ литературному кругу дѣло было понятнѣе. Слово Гегеля начинало утрачивать свою силу въ самой Германіи. Бывшіе ученики великаго мыслителя, далеко низшіе его дарованіемъ, составили новую философскую школу, — школу отрицательнаго направленія, и воззрѣнія этой странной, нынѣ разслабленной школы, быстро пошли въ ходъ въ Германіи, какъ идетъ въ ходъ все эффектное, яркое, задорное. Долго было бы говорить о значеніи школы, нами названной. Мы судимъ не о нѣмецкой философіи, а только о той ея части, которая повела за собою измѣненіе эстети

Digitized by Google

ческихъ воззрѣній на искусство. Германская философія никогда не оставляла въ тѣни литературныхъ вопросовъ, — напротивъ того, она умѣла дѣйствовать на Германію и на чужія земли посредствомъ этихъ самыхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ съ точки зрѣнія философскихъ школъ, въ ней преобладающихъ.

Всѣ критическія системы, тэзисы и воззрѣнія, когда-либо волновавшія собою міръ старой и новой поэзіи, могутъ быть подведены подъ двѣ, вѣчно одна другой противодѣйствующія теоріи, изъ которыхъ одну мы назовемъ *артистическою*, то-есть имѣющую лозунгомъ чистое искусство для искусства, и *дидактическую*, то-есть стремящуюся дѣйствовать на нравы, бытъ и понятія человѣка черезъ прямое его поученіе.

Постараемся въ краткихъ и по возможности общедоступныхъ выраженіяхъ изложить цѣль и значеніе той и другой теоріи, заранѣе извиняясь въ неизбѣжныхъ неполнотахъ нашего объясненія. Журнальная статья имѣетъ свои предѣлы, и предстоящее отступленіе, какъ ни важно оно для предмета этюда нашего, не должно переходить въ многословіе.

Теорія *артистическая*, проповѣдующая намъ, что искусство служитъ и должно служить само себѣ цѣлью, опирается на умозрѣнія, по нашему убѣжденію, неопровержимыя. Руководясь ею, поэтъ, подобно поэту, воспѣтому Пушкинымъ, признаетъ себя созданнымъ не для житейскаго волненія, но для молитвъ, сладкихъ звуковъ и вдохновенія. Твердо вѣруя, что интересы минуты скоропреходящи, что человѣчество, измѣняясь непрестанно, не измѣняется только въ однѣхъ идеяхъ вѣчной красоты, добра и правды, онъ, въ безкорыстномъ служеніи этимъ идеямъ, видитъ свой вѣчный якорь. Цѣнь его не имѣетъ въ себѣ предпамѣренной житейской морали и какихъ-либо другихъ выводовъ, примѣнимыхъ къ выгодамъ его современниковъ, она служитъ сама себѣ наградой, цѣлью и значеніемъ. Онъ изображаетъ людей какими ихъ видитъ, не предписывая имъ исправляться онъ не даетъ уроковъ обществу, или, если даетъ ихъ, то даетъ безсознательно. Онъ живетъ среди своего возвышеннаго міра и сходитъ на землю, какъ когда-то сходили на нее олимпійцы, твердо помня, что у него есть свой домъ на высокомъ Олимпѣ. Мы нарочно изображаемъ поэта, проникнутаго крайней артистической теоріей искусства, такъ, какъ привыкли его изображать противники этой теоріи.

На первый взглядъ, положеніе дидактическаго поэта кажется несравненно блистательнѣйшимъ и завиднѣйшимъ. Для писателя, отторгшагося отъ вѣчныхъ и неизмѣнимыхъ законовъ изящнаго,

Digitized by Google

для поэта, бросившагося, по дивному выраженію Гоголя, въ волны *мутной современности*, повидимому и путь шире, и источниковъ вдохновенія несравненно болѣе, чѣмъ для служителей чистаго искусства. Онъ смѣло примѣшиваетъ свое дарованіе къ интересамъ своихъ согражданъ въ данную минуту, служитъ политическимъ, нравственнымъ и научнымъ цѣлямъ первостепенной важности, мѣняетъ роль спокойнаго пѣвца на роль суроваго наставника, и идетъ со своей лирой въ толпѣ волнующихся современниковъ, — не какъ гость міра и житель Олимпа, а какъ труженикъ и работникъ на общую пользу. Здравомыслящій и практически развитый поэтъ, отдавшись дидактикѣ, можетъ произвести много полезнаго для современниковъ — этого мы отвергать не будемъ. Кстати скажемъ здѣсь, что, по всей вѣроятности, прилагательное *дидактическій*, покажется крайне оскорбительнымъ всѣмъ противникамъ идеи «искусство для искусства». По нашей рутинѣ, со словомъ дидактика, непремѣнно соединяется мысль о французскомъ кафтанѣ, феруллѣ, псевдоклассикахъ, трехъ единствахъ, парикахъ и ногахъ, престарѣлыхъ актерахъ, декламирующихъ монологъ Терамена среди общаго посмѣянія! Увы! еслибъ дидактика всегда занимала собой однихъ стариковъ, чтителей Терамена, и давала намъ поэмы въ родѣ «Посланія о пользѣ стекла» и Art Poétique, Боало! Дидактическая поэзія не умерла съ тремя единствами, она недавно еще цвѣла во Франціи, въ Германіи, отпускала философскіе дифирамбы устами Жоржа-Санда, руками Бёрне бросала грязью въ великаго Гёте, участвовала въ аберраціяхъ романтической школы поэзіи, убила эту школу, попробовала смѣшаться со всѣми интересами нашихъ годовъ, опозорила себя окончательно, и полная тревоги, увѣрившаяся въ своей слабости, пугливо остановилась на своемъ пути, сама не зная что дѣлать и куда броситься! Съ этой дидактической поэзіею приходится намъ имѣть дѣло, ибо для насъ Гейне въ первыхъ своихъ произведеніяхъ такой же дидактикъ, какъ Делиль, а Томасъ Гудъ, весьма полезный человѣкъ для Англіи, своей поэзіею ни сколько не опередилъ Дроза, сочинителя книги «Искусство быть счастливымъ». Новые нѣмецкіе поэты, къ сожалѣнію, такъ же плохи, какъ послѣдователи Боало, хотя поучаютъ своихъ читателей не тому, чему училъ этотъ сатирикъ, и мы не видимъ причины отчего бы Эбенезеръ Элліотъ, писавшій стихи по поводу свободной торговли хлѣбомъ, былъ менѣе дидактикомъ, нежели Фенелонъ, творецъ «Телемака».

Въ нашемъ подраздѣленіи всѣ дидактики равны по своему поэтическому значенію, ибо слѣдуютъ одной и той же теоріи, прино-

Digitized by Google

сящей одни и тѣ же результаты. Каждый изъ нихъ желаетъ прямо дѣйствовать на современный бытъ, современные нравы и современнаго человѣка. Они хотятъ пѣть, поучая, и часто достигаютъ своей цѣли, но пѣснь ихъ, выигрывая въ поучительномъ отношеніи, не можетъ не терять многаго въ отношеніи вѣчнаго искусства. Потому мы не видимъ причинъ, почему бы, съ поэтической точки зрѣнія, предавать позору сатиры Боало, и хвалить Томаса Гуда, автора извѣстной «Song of the Shirt». Гудъ пробудилъ въ своихъ читателяхъ благотворительные помыслы, и за то ему слава, какъ практическому человѣку, — но какъ поэтъ, онъ перейдетъ въ литературный архивъ и позабудется. Если Эліотъ своими стихами устроилъ то, что на его родинѣ хлѣбъ сталъ дешевле, — ему честь, какъ экономисту, но стихи его, какъ и Сады Делиля, крайне скучны, особенно съ тѣхъ поръ, какъ хлѣбъ подешевѣлъ въ Англіи. Читая «Телемака», не одинъ юноша прошлаго столѣтія сталъ добрѣе и благороднѣе, за что же смѣяться надъ Фенелономъ и боготворить дидактиковъ новыхъ? Свѣтъ такъ устроенъ, что всякій человѣкъ любитъ учить себѣ подобнаго человѣка и осмѣивать его пороки, и вотъ причина, по которой юношество каждой страны кишитъ нео-дидактиками, которымъ самимъ слѣдовало бы хорошенько поучиться и не кидать грязью въ чтителя искусства чистаго, какъ это дѣлали нѣмцы съ Гёте, Французы съ поэтами своей славной эпохи! Кто помнитъ теперь ненавистниковъ поэта олимпійца, подарившаго намъ «Фауста», — кто почитаетъ имена Бёрне, Пруца, Менцеля? Куда дѣвались эти жрецы новаго времени, гордо завладѣвшіе званіемъ учителей для своихъ собратій? Куда завело ихъ нео-дидактическое направленіе? Кто интересуется дидактиками-французами, когда-то переходившими изъ рукъ въ руки? Кто въ силахъ прочитать пьесу Піа, «Le Meunier d'Angibault» Жоржа-Санда? Кто въ состояніи безъ смѣха прочесть «Мартына Найденыша», въ которомъ кажется дидактика автора такъ блестяща, такъ выглажена, и такъ примѣнена въ вкусамъ всей массы читателей?

Изложивъ, по возможности, сущность обѣихъ теорій, перейдемъ къ ихъ историческому значенію. Во всѣ года, во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ видимъ мы одно и тоже. Незыблемо и твердо стоятъ поэты, чтители искусства чистаго, голосъ ихъ раздается изъ столѣтія въ столѣтіе, между-тѣмъ какъ голоса дидактиковъ (часто благородные и сильные голоса) умираютъ, едва прокричавши кое-что и погружаются въ пучину полнаго забвенія. Дидактики-моралисты, не смотря на сатиры и насмѣшки, возбуждаемые ихъ

Digitized by Google

трудами, еще играютъ нѣкоторую роль въ словесности, благодаря *вѣчному* нравственно-философскому элементу въ ихъ дѣятельности, но дидактики, приносящіе свой поэтическій талантъ въ жертву интересамъ такъ-называемой *современности*, вянутъ и отцвѣтаютъ вмѣстѣ съ современностью, которой служили. Въ великомъ наступательномъ движеніи человѣка и общества — десятки годовъ, составляющіе срокъ жизни цѣлаго человѣческаго поколѣнія, — есть атомъ, минута, кратчайшій срокъ изъ вѣчно-переходной эпохи. То, что сегодня было ново, смѣло и плодотворно, — завтра старо и неприемлемо, и что еще грустнѣе — не нужно обществу! Горе поэту, промѣнявшему вѣчную цѣль на цѣль временную; горе мореходцу, довѣрчиво бросившему свой единственный якорь не въ твердое дно, а въ наносную отмель безъ устойчивости и крѣпости! И странное дѣло, — и странная сила чистаго генія, — поэты-олимпійцы, поэты такъ невозмутимые, поэты, удалявшіеся отъ житейскихъ тревогъ и не мыслящіе поучать человѣка, — дѣлаются его вожатаями, его наставниками, его учителями, его пророками въ то самое время, когда жрецы современности теряютъ все свое значеніе! Къ нимъ народы приходятъ за духовной пищею, и отходятъ отъ нихъ, просвѣтлѣвъ духомъ, подвинувшись на пути просвѣщенія. Ихъ чтитъ потомство, давно позабывшее возгласы поэтовъ-дидактиковъ, служителей элемента преходящаго. Ихъ каждое слово умягчаетъ душу смертнаго, съ ними сбывается сказаніе про Орфея, подъ вдохновенныя пѣсни котораго города строились сами, битвы прекращались, люди подавали руки другъ другу и даже дикіе звѣри забывали свою жестокость. Добро, красота и правда, вдохновлявшія этихъ поэтовъ, отражались во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. И произведенія эти, пропѣтыя въ минуту вдохновенія, набросанныя для одного наслажденія, безъ всякой поучительной цѣли, стали зерномъ общаго поученія, основаніемъ нашихъ познаній, нашихъ добрыхъ помысловъ, нашихъ великихъ дѣяній!

Переходя къ примѣрамъ, мы затрудняемся только ихъ обиліемъ. Раскройте книги Гомера и задумайтесь надъ этими дивными твореніями. Гомеръ, одинокій слѣпецъ, не поучалъ никого и не дѣлалъ никакихъ наставленій своимъ современникамъ. Онъ принималъ факты жизни, какъ онъ нашелъ ихъ, не указывая намъ ни на какіе недостатки, не изобрѣтая никакихъ утопій, не дѣлая никакихъ поучительныхъ разсужденій. Мы читали недавно, что одинъ изъ новыхъ французскихъ писателей замышляетъ сдѣлать Ѳерсита героемъ драмы съ современными воззрѣніями, — посмотримъ, сколько лѣтъ проживетъ новый Ѳерситъ, воскрешенный дидакти-

Digitized by Google

комъ новаго времени! Гомеръ не стоитъ ни на сторонѣ Ѳерсита, ни на сторонѣ Одиссея, но и Одиссей и Ѳерситъ знакомы всякому грамотному человѣку и не забудутся, пока просвѣщеніе не перестанетъ существовать. Безъ малѣйшаго стремленія поучать кого бы то ни было, Гомеръ есть учитель всего рода человѣческаго, Александръ Македонскій возилъ «Иліаду» во всѣ свои походы, и черезъ тысячу лѣтъ, великіе люди слѣдующаго тысячелѣтія, станутъ плакать надъ «Иліадою», учиться изъ «Иліады».

Гомеръ не учитъ насъ ничему, — а чему нельзя выучиться изъ Гомера? Сблизимъ настоящее съ прошлымъ, — слабыхъ современныхъ дидактиковъ съ великимъ пѣвцомъ «Иліады». О женщинѣ, о значеніи женщины, объ отношеніяхъ мужа и жены въ послѣдніе тридцать лѣтъ сочинена была цѣлая дидактическая библіотека. Каждый изъ поэтовъ и особенно каждая изъ женщинъ-писательницъ имѣютъ право думать, что на этотъ счетъ они достаточно просвѣтили своихъ современниковъ. Гомеръ, конечно, не могъ имѣть въ виду подобнаго рода предметовъ, но онъ написалъ прощаніе Гектора съ Андромахой. Эти двѣ страницы, надъ которыми рыдалъ всякій человѣкъ, имѣющій сердце въ груди, конечно, принесли всякому человѣку и всякой женщинѣ болѣе прямой пользы, нежели цѣлый океанъ дидактическихъ умствованій. Въ нихъ все, что можетъ рѣшать запутаннѣйшіе вопросы такого рода — въ нихъ безконечная любовь, безграничное мужество, безграничная женственность! Въ нихъ красота, добро и правда. Для того, кто сердцемъ оцѣнилъ эти двѣ страницы Гомера, не стоитъ писать философскихъ романовъ по поводу женщины и отношеній между супругами!

Возьмемъ второй примѣръ, — изъ второго поэта, почти столь же великаго, какъ Гомеръ, и одинаково съ нимъ удаленнаго отъ всякихъ дидактическихъ помысловъ. Шекспиръ, по видимому, могъ бы взяться за роль учителя своихъ современниковъ, образованіе его было обширно, время его не могло назваться временемъ первобытныхъ пѣснопѣній, при немъ умеръ Бэконъ, реформація торжествовала въ Англіи. Не смотря на то Шекспиръ жилъ и умеръ олимпійцомъ въ отношеніи поэзіи, по жизни онъ всего вѣроятнѣе, былъ человѣкомъ минуты, философомъ настоящаго, мирнымъ и веселымъ жителемъ всего, что вокругъ него творилось. Шекспиръ не могъ разбирать, напримѣръ, римской исторіи съ точки зрѣнія девятнадцатаго столѣтія, и хитро прінсканными выводами сѣять политическія мысли въ умахъ читателя. А между-тѣмъ возьмите его «Коріолана»; эту драму, для охарактеризованія которой мы не

Digitized by Google

находимъ словъ на языкѣ, ибо это не драма, а пророчество! Прочитайте это произведеніе для *поученія* собственно и вы не повѣрите глазамъ своимъ, вамъ будетъ казаться, что какой-то «исполинъ изъ человѣковъ» только вчерашній день написалъ «Коріолана», что въ немъ каждое слово, каждый характеръ навѣяны недавними европейскими событіями, которыхъ величавымъ свидѣтелемъ еще такъ недавно была наша великая Россія! Развѣ геройское упрямство Коріолана, его ненависть къ безумной черни, его нѣжное сердце, прикрытое желѣзной бронею государственнаго мужа, не разъяснятъ вамъ многихъ вопросовъ, о которыхъ было столько писано и столько еще будетъ писано? Развѣ слѣпое безумство черни, изгнавшей своего спасителя, не поразитъ васъ собою? Развѣ вы не увидите въ римскомъ воинѣ одного изъ тѣхъ суровыхъ героевъ, о которыхъ Томасъ Карлейль недавно читалъ цѣлыя лекціи? Кто не увидитъ въ драмѣ «Коріоланъ» цѣлаго курса политической мудрости, тотъ никогда не будетъ видѣть ничего далѣе своего носа. Драма, сочиненная беззаботнымъ Вилліамомъ въ нѣсколько дней времени, есть драгоцѣнная скрижаль для правителей, экономистовъ, друзей человѣчества, мыслителей, государственныхъ мужей, пекущихся о своей родинѣ!

Третій великій поэтъ, чтитель искусства чистаго, представитель артистической теоріи во всей ея современности, жилъ между нами, хотя мы еще были дѣтьми, когда онъ угасъ во всемъ своемъ величіи. Это Гёте, Наполеонъ мысли, величайшій геній поэзіи, величайшій представитель нашего столѣтія. Вліяніе Гёте только-что начинается, оно продлится на тысячелѣтія и не скоро еще будетъ оцѣнено въ точности. Для нашего примѣра Гёте замѣчателенъ тѣмъ, что пережилъ, на одной своей родинѣ, двѣ нео-дидактическія школы, въ ребяческомъ своемъ безуміи усиливавшіяся сбросить съ пьедестала того пѣвца, котораго одинъ часъ жизни стоилъ всего ихъ эфемернаго существованія. Одна изъ этихъ школъ умерла и сгнила при его жизни; едва закрылся гробъ великаго олимпійца, какъ у его подножія испустила дыханіе и вторая школа, ему враждебная. Теперь она догниваетъ, всѣми забытая и всѣми осмѣянная. Кто не знаетъ этихъ двухъ школъ и ихъ отношій къ великому Гёте? Наступалъ 1813 годъ, побѣдоносный русскій Государь остановилъ напоръ Европы на Россію и началъ освобожденіе Германіи отъ Наполеона. Германія поднялась и пошла въ бой. Пѣвцы кинули лиру и схватились за мечъ, но по нѣмецкой привычкѣ, не совсѣмъ охотно сражались въ рядахъ простыхъ воиновъ, предпочитая философствовать о войнѣ, удивляться — почему за ихъ фи-

Digitized by Google

лософское ратованіе имъ не даютъ корпусовъ или по крайней мѣрѣ дивизій подъ начальство. Наполеонъ, недавно такъ страшный, былъ презрѣннымъ врагомъ, по словамъ воинственныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Униженіе силъ врага, самое опасное начало при войнѣ, выражалось во всѣхъ дифирамбахъ нѣмецкихъ поэтовъ. Все французское, чужое, надо было сбросить съ отвращеніемъ, надо было вернуться къ старинѣ Германіи, къ Арминію, къ рыцарскимъ временамъ, къ романтическимъ битвамъ, къ романтическимъ пѣснямъ, отъ которыхъ, конечно, разсыплется въ прахъ сила императора французовъ. Арнтъ, Кернеръ и ихъ товарищи, не дожидаясь побѣды, затянули воинственную побѣдную пѣснь, передъ которой на время забылись всѣ пѣснопѣнія Гёте. Посреди благородныхъ порывовъ, литература Германіи стала не только дидактическою, но воинственно и старинно-дидактическою. Пока русскіе клали свои головы подъ Кульмомъ и выдерживали напоръ Наполеона подъ Дрезденомъ, нѣмецкіе поэты и нѣмецкое юношество, ими руководимое, совершенно кстати занималось воспѣваніемъ величія древней Германіи, да бранью на всякаго, кто не пламенѣлъ душою при имени древней Германіи и Арминія, побѣдившаго легіоны Вара. Въ заблужденіи этомъ было много благороднаго, старая Германія имѣла въ себѣ много поэзіи, но мы позволяемъ себѣ усомниться въ томъ, что гимны въ честь Арминія и слѣпыя проклятія на имя Наполеона, могли освободить Германію 1813 года одной своей силою. Намъ кажется, что русская кровь и русскія пушки были въ этомъ дѣлѣ полезнѣе брошюръ Арнта, гимновъ Кернера и всего литературнаго стремленія къ прелестямъ древней Германіи. И Гёте, который во время славной войны, конечно, сердцемъ своимъ былъ съ воинами своей родины, но пѣснями своими не примыкалъ къ ряду тиртеевъ романтиковъ, намъ кажется правымъ, какъ нельзя болѣе. Своимъ свѣтлымъ умомъ онъ разпознавалъ безсиліе своихъ собратій, ихъ разсчетъ на увлеченіе минуты, ихъ дѣтскую заносчивость, ихъ способность ликовать до побѣды, ихъ стремленіе увлекаться въ крайность, ихъ самонадѣянность и честолюбіе, едва прикрытое возвышенными фразами. Роль поэта, думалъ Гёте (и эту мысль онъ высказывалъ въ разговорѣ), состояла въ томъ, чтобы, или молча биться за родину, или тихо слѣдить за событіями, не прерывая своихъ занятій искусствомъ. Кричать, не двигаясь ни шагу, не хотѣлъ Гёте — его олимпійское величіе не согласовалось съ такимъ дѣломъ. Затягивать романтическую пѣснь тамъ, гдѣ свистали пули и сталкивались полки, онъ предоставлялъ пустымъ мечтателямъ. Воскрешеніе старой Германіи было близко его бла-

Digitized by Google

городному сердцу, но онъ могъ пѣть, дѣлать свое дѣло и кончать свое поприще посреди всякой Германіи, какая бы она ни была.

Спокойное положеніе, принятое авторомъ «Фауста», положеніе, обусловленное его годами, его славою, его мирною жизнью при веймарскомъ дворѣ, было принято вонистенно-романтической школою за постыдную холодность. Романтическая поэзія, еще въ то время, когда ею восхищалась госпожа Сталь и когда ее проповѣдывали братья Шлегели, считалась за оппозицію Наполеоновскому вліянію на Германію, и Гёте, тогда еще не питавшій особеннаго сочувствія къ романтизму, былъ признаваемъ адептами новой школы за безчувственнаго эгоиста, хладнокровнаго, почти враждебнаго интересамъ своей родины. Когда романтизмъ запѣлъ побѣдныя пѣсни устами поэтовъ 1813 года, молодые поэты Германіи, въ своемъ дѣтскомъ увлеченіи, осмѣлились поднять голосъ противъ своего великаго поэта, оскорбить его, упрекать его въ нечувствительности, громко говорить, что слава великаго Гёте пришла къ концу и что вліяніе его должно окончиться. Развѣ Арнтъ, Ламоттъ-Фуке, Кернеръ, Тикъ и другія имъ подобныя лица не могли замѣнить собой Гёте, развѣ ихъ пора не наступила? Гёте не отвѣчалъ не оправдывался и Германія снова преклонилась передъ Гёте, и пигмеи, смѣвшіе поднять руку на исполина, побѣжали отъ него въ трепетѣ, какъ побѣжалъ Евгеній Пушкина, бѣдный сумазбродный ребенокъ, отъ бронзоваго исполина, тихо повернувшаго къ нему свою величественную голову.

Прошли года, и міръ позабылъ про вонистенно-дидактическую сторону романтизма, про его оппозицію французскому властелину, но съ годами многое перемѣнилось, и лавровый вѣнецъ Гёте снова сталъ оскорблять глаза поэтовъ новаго поколѣнія, корифеевъ новой дидактической школы. Поэты юной Германіи (увы, какъ жалки и дряхлы въ настоящую минуту эти юные поэты) — Гейне, Бёрне, Гервегъ, Фрейлигратъ, соединясь съ нѣсколькими представителями новыхъ (и теперь очень старыхъ) философскихъ системъ, бѣшено устремились на борьбу съ Гёте во имя новаго дидактическаго начала, имъ казавшагося справедливымъ. Никогда еще идея артистической школы не подвергалась подобнымъ гоненіямъ, никогда ея лозунгъ «искусство для искусства» не осыпался насмѣшками болѣе ѣдкими, никогда еще личность Гёте, какъ главнаго поэта, слѣдовавшаго чисто-художественной дорогой, не возбуждала нападеній болѣе злобныхъ. Гёте былъ запертъ въ своемъ безвыходномъ величіи, его имени условливались не произносить, его лучшія творенія признавались старческой болтовнею, съ нимъ говорили сло-

Digitized by Google

вами его собственнаго Прометея, его чуждались, ему пророчили Лету и вѣчное забвеніе. «Чтобы я сталъ уважать тебя? такъ говорилъ ему одинъ изъ его ненавистниковъ: — за что я буду уважать тебя? Развѣ ты раздѣлялъ горести страждущихъ, развѣ ты отиралъ слезы удрученныхъ жизнью? Развѣ ты трудился на пользу своей родины, развѣ ты шелъ рядомъ съ нами, которые трудились для своихъ современниковъ и поучали ихъ тому, что сами считали за истину?» Такъ говорила Гёте юная, нынѣ дряхлая Германія, и Гёте, съ высоты своей недосягаемой славы, только усмѣхался на усилія мальчиковъ, коверкавшихся вокругъ его пьедестала. Стоило ли ратовать противъ нихъ, стоило ли охлаждать ихъ геройство, такъ ихъ тѣшившее? Стоило ли говорить имъ, что жрецы не берутъ въ руки метлы для сметанія сора съ шумныхъ улицъ, что поэтъ не Зевсъ и человѣчество не Прометей, предъ нимъ разпростертый, что никто не обязываетъ поэта утирать слезы своихъ современниковъ и поучать ихъ новѣйшей философіи, которая черезъ десять лѣтъ станетъ старой, жалкой, сморщенной философіей? Оттого Гёте молчалъ и былъ правъ. Новые враги его исчезли, какъ и старые, а Гёте и трудъ Гёте стоятъ передъ нами во всей своей красотѣ, во всемъ могуществѣ. И что замѣчательнѣе всего, и что составляетъ мораль всей исторіи, это то, что даже для *поученія* современниковъ, для ихъ прямой и практической пользы, одна страница, писанная веймарскимъ исполиномъ, значитъ болѣе, нежели всѣ труды обѣихъ дидактическихъ школъ, подымавшихъ свои знамена противъ пѣвца «Фауста». Смѣемъ спросить, гдѣ болѣе истинно-патріотическихъ возвышенныхъ чувствъ — въ Эгмонтѣ или въ пѣсняхъ Кернера, Арнта, Фуке и прочихъ тиртеевъ, нынѣ забытыхъ? Откуда человѣкъ почерпнетъ болѣе мыслей о самомъ себѣ и своемъ значеніи, изъ первой части «Фауста» или изъ дифирамбовъ юной германской школы? Развѣ одна баллада Гёте, исторійка изъ древнихъ нравовъ, «Коринѳская Невѣста», однимъ словомъ, не поучатъ насъ болѣе, чѣмъ труды философовъ-критиковъ, которыхъ такъ недавно каждый нѣмецъ выставлялъ впередъ съ торжественною улыбкою?

Пора кончить характеристику обѣихъ школъ и перейдти къ предмету, о которомъ мы начали говорить. Противодѣйствіе теоріямъ чистаго искусства, давно уже зародившееся въ новой Германіи, но еще сдерживаемое авторитетами Гёте и первыхъ философовъ, ему современныхъ, получило новую силу, когда эти старые великіе люди наконецъ сошли со сцены. Новая германская поэзія и новая германская философія, взаимно поддерживая одна

Digitized by Google

другую, сдѣлали крутой поворотъ къ полному отрицанію чистаго искусства. Общественная дидактика водворилась въ Германіи, молодые ея представители восторжествовали и, непривычные къ своему торжеству, дошли до всѣхъ крайностей философскаго и поэтическаго отрицанія. Новая французская литература, отчасти вслѣдствіе своего сближенія съ германскими идеями, а еще болѣе вслѣдствіе временныхъ причинъ, понятныхъ для всякаго читателя, знакомаго съ исторіею послѣдняго времени, быстрыми шагами пошла къ нео-дидактизму. Одинъ изъ первыхъ талантовъ Франціи, въ лицѣ Жоржа-Санда, увлекся новыми общественно-эстетическими теоріями. Молодые экономисты и историки Франціи стали вносить тотъ же элементъ въ свою науку, романисты, въ родѣ Евгенія Сю, популярные въ обширномъ классѣ невзыскательныхъ читателей, увидѣли себя въ возможности ковать деньги изъ идей новой диктатики. Великая масса молодыхъ дѣятелей, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, стала въ прямой антагонизмъ съ идеями искусства чистаго, начала пересоздавать всѣ эстетическія воззрѣнія до нея существовавшія, и примѣромъ своимъ увлекла огромное количество людей, всегда благоговѣющихъ передъ новизной, соединенной съ проявленіями юношеской самоувѣренности.

Въ этотъ-то странный періодъ литературнаго кризиса, въ эту эпоху упадка убѣжденій, такъ недавно считавшихся великими и плодотворными — великобританская словесность, во всѣхъ ея отдѣлахъ, была спасительнымъ прибѣжищемъ отъ нео-германской и нео-французской дидактики. Счастливы были въ то время мыслящіе люди, имѣвшіе возможность читать англійскихъ историковъ, англійскихъ экономистовъ, англійскихъ поэтовъ, англійскихъ критиковъ. Никогда еще глубоко-практическій разумъ британскихъ мыслителей не высказывался въ такомъ сокрушающемъ блескѣ, какъ при общемъ увлеченіи новой Европы къ ложнымъ теоріямъ. Англійская словесность была готова на критическую дѣятельность, ей предстоявшую — ея литературы вполнѣ ознакомились съ германской литературой, сантиментализмъ новыхъ французскихъ ученыхъ былъ имъ хорошо извѣстенъ; по исторической части Англія имѣла людей геніальной проницательности, ея экономисты славились своей дѣятельностью, ея обозрѣнія получили твердое и обширное развитіе, сотни цѣнителей сильныхъ талантовъ, цѣнителей, имена которыхъ часто оставались неизвѣстными, были готовы произносить свое слово о новыхъ воззрѣніяхъ, волновавшихъ собою умы Франціи и Германіи. Заслуги, въ это время оказанныя англійскою словесностью, до сихъ поръ еще не оцѣнены по до-

Digitized by Google

стоицизму. Всюду и на всѣхъ пунктахъ представители этой словесности представляли цѣлебное противодѣйствіе современнымъ увлеченіямъ. Историческій сантиментализмъ Мишле и Лун-Блана, тотъ сантиментализмъ, къ которому примкнулъ Ламартинъ въ историческихъ своихъ сочиненіяхъ, впервые былъ разоблаченъ англійскими историками. Корифеи нео-германской философской школы, нѣмецкіе поэты дидактическаго направленія встрѣтили могучій отпоръ и въ Лондонѣ, и въ Эдинбургѣ, и въ Дублинѣ, и въ Оксфордѣ, и въ Кембриджѣ. Въ Англіи была предсказана жалкая будущность Гервега и его товарищей, въ Англіи противулогичная шаткость Гейне, таланта весьма замѣчательнаго, нашла себѣ достойныхъ цѣнителей. Противъ жоржъ-сандизма и вторженія такъ называемыхъ современныхъ порывовъ въ область бельлетристики, англійскіе критики дѣйствовали почти безжалостно, но образъ ихъ дѣйствія обусловливался необходимостью сильной борьбы съ элементомъ, распространяемымъ по Европѣ съ фанатическимъ жаромъ сектаторовъ. Въ Англіи былъ нанесенъ Жоржу-Санду, его единомышленникамъ и наставникамъ, тотъ жестокій ударъ, отъ котораго имъ уже никогда не оправиться. Великое количество холодной воды было вылито на всѣ эти безпорядочныя, пылающія, молодыя головы, стремившіяся извратить въ нѣсколько лѣтъ все спокойное теченіе европейской мысли и европейской поэзіи. Жосткость урока мы опровергать не намѣрены — англичанинъ никогда не споритъ уклончиво, онъ силенъ въ спорѣ, онъ безпощаденъ въ насмѣшкѣ. Но и споръ, и насмѣшки были весьма полезны въ дѣлѣ такой великой важности.

Наша русская критика гоголевскаго періода (мы возвращаемся къ ней послѣ длиннаго нашего отступленія) была лишена возможности слѣдить за тѣмъ, въ высшей степени занимательнымъ процессомъ, который тянулся между представителями новыхъ философскихъ воззрѣній и англійскими цѣнителями европейской литературы. Видя одну только сторону вопроса, критика, нами разбираемая, подверглась всей невыгодѣ своего положенія. Теоріи чистаго искусства, теоріи, до сей поры составлявшія основу всѣхъ ея убѣжденій, были поминутно опровергаемы новѣйшею дѣятельностью людей, стоявшихъ въ головѣ какъ французской, такъ и нѣмецкой словесности. А между тѣмъ, критика надъ смѣлыми дидактиками, безжалостно совершаемая великобританскими мыслителями, была ей совершенно неизвѣстна. Собственныя побужденія влекли нашихъ дѣятелей сороковыхъ годовъ въ двѣ разныя стороны. По своей страстной любви къ искусству, по своему убѣжде-

Digitized by Google

нію въ величіи поэзіи, они никакъ не могли признать авторитета новыхъ мыслителей, цинически утверждавшихъ, что фантазія никогда не произведетъ ничего подобнаго дѣйствительности, что поэзіи нѣтъ дороги никуда, какъ только въ сторону грубаго реализма, обязаннаго служить цѣлямъ практическимъ, сегодняшнимъ, насущнымъ. Съ другой стороны, наши критики были молоды, довѣрчивы ко всему новому, ихъ по справедливости, слѣдовало назвать современными людьми, не чуждыми ничему современному. Послѣ довольно долгихъ колебаній, замѣтно отразившихся въ ея дѣятельности, критика Гоголевскаго періода поступила такъ, какъ она не могла не поступить въ своемъ положеніи, лишенная помощи, лишенная указаній.

Она восприняла эстетическія теоріи нео-германскихъ дидактиковъ, но отъ примѣненія ихъ во всей ихъ жесткой непоэтичности она могла не уклониться, благодаря своей талантливости. Она ясно видѣла бѣдность новыхъ представителей германской поэзіи. Идти по одной дорогѣ съ такими ограниченными дѣятелями, она не могла ни за что въ свѣтѣ. Сердце нашихъ критиковъ лежало къ той сторонѣ новыхъ дидактическихъ партій, которая была богаче талантомъ. Жоржъ-Сандъ сталъ ея идеаломъ и кумиромъ, новые французскіе историки и экономисты приковали къ себѣ ея сочувствіе. Убѣгая отъ сухости нѣмецкихъ мыслителей-дидактиковъ, она сдѣлала огромный шагъ на встрѣчу дидактическому сантиментализму.

Снова должны мы сказать нѣсколько словъ по поводу термина *сантиментализмъ*, можетъ быть опять-таки оскорбительнаго для небольшого числа лицъ, до сихъ поръ сочувствующихъ прежнимъ теоріямъ той школы, въ которой Жоржъ-Сандъ былъ блистательнѣйшимъ дѣятелемъ. У насъ привыкли подъ именемъ сантиментальности разумѣть розовую водицу любовныхъ страданій, собираніе желтыхъ цвѣтовъ (смотри «Обыкновенную Исторію Гончарова»), глядѣніе на луну, слезы достойныя пастушка Тирсиса и въ самомъ крайнемъ случаѣ, тоску Стерна по поводу околѣвшаго осла. Такое воззрѣніе несправедливо, потому-что оно узко. Сантиментальность есть ничто иное, какъ всякое проявленіе горестныхъ или радостныхъ чувствъ человѣка, проявленіе несоразмѣрное съ его причиною, безполезное по своей непримѣнимости, и оттого безъ надобности нарушающее ту спокойную твердость духа, безъ которой человѣку существовать невозможно. Сантиментализмъ имѣетъ безконечное число видовъ, онъ можетъ вторгаться во всѣ науки, кромѣ развѣ наукъ математическихъ, онъ входитъ во всѣ житей-

Digitized by Google

скія дѣла наши, и особенно въ поэзію, гдѣ онъ часто принимается за страсть и даже практичность — тенденціи. Сантиментальность въ литературѣ есть вѣрнѣйшій признакъ талантовъ болѣзненныхъ, слабыхъ, заблуждающихся. То, что въ немъ кажется силою, есть одинъ пароксизмъ, то, что въ немъ имѣетъ видъ сочувствія къ современному, есть или заблужденіе юношеской пылкости, или разсчетъ недобросовѣстности, или совершенное отсутствіе практичности. «Сила человѣка», говоритъ намъ Карлейль: «оказывается не въ припадкахъ горячки, а въ перенесеніи тяжестей». Мысль эта исполнена глубины безпредѣльной. Всякій человѣкъ знаетъ, что люди не ангелы, что въ свѣтѣ много горя и страданій, что обязанность мудраго человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ бороться со зломъ жизни и дѣлать добро своимъ собратіямъ. Но не всякій человѣкъ способенъ, увидавши передъ собой горе и страданіе, приступить къ своей человѣческой обязанности съ той спокойною твердостью, которая отличаетъ мудраго. И тутъ-то предстоитъ намъ встрѣтить сантиментальность вмѣсто мудрости, крикливое коверканье вмѣсто спасительнаго совѣта и быстрой помощи. Поэтъ, который при зрѣлищѣ человѣческаго зла, начнетъ коверкаться и произносить дифирамбы съ пѣной у рта, есть поэтъ сантиментальный, хотя бы его дифирамбы не имѣли ничего тирсисовскаго. Врачъ, который при видѣ больного, станетъ блѣднѣть отъ жалости и лить слезы, будетъ врачемъ-сантименталистомъ, не изъ-за одного того, что онъ льетъ слезы, а изъ-за того, что его волненіе вредитъ зоркому глазу, необходимой медицинской твердости, при видѣ чужого страданія. Литературный судья, который, или вслѣдствіе личныхъ горестей, или по причинѣ житейскаго зла, имъ видѣннаго, станетъ обращать литературу въ собраніе человѣколюбивыхъ и наставительныхъ трактатовъ, будетъ сантименталистомъ, хотя бы личныя воззрѣнія его изобиловали твердостью духа. Онъ сантименталистъ оттого, что дѣйствуетъ несоразмѣрно своему назначенію, и имѣя въ виду интересъ близкой современности, упускаетъ изъ вида безмѣрно важнѣйшій интересъ поэзіи, какъ учительницы не одного настоящаго, но и будущихъ, еще неродившихся поколѣній.

Съ той поры, какъ русская критика Гоголевскаго періода усвоила себѣ дидактическую сантиментальность представителей новой французской словесности, ея вліяніе, произносимъ съ горестью, начало видимо клониться къ упадку. Поспѣшимъ сказать, однакоже, что то не былъ упадокъ безнадежный, упадокъ старческій, упадокъ замѣчательный однимъ безсиліемъ. Святая любовь

Digitized by Google

къ поэзіи и истинѣ продолжала горѣть на жертвенникѣ, только сіяніе этого пламени страдало отъ облаковъ тумана, на него налетѣвшихъ. Всѣмъ сердцемъ и всей душой нашею убѣждены мы въ томъ, что критика, теперь нами разбираемая, выбилась бы изъ-подъ гнета ложныхъ теорій, еслибъ судьбѣ было угодно продлить жизнь ея главныхъ дѣятелей, сдѣлать ихъ свидѣтелями того чего мы были свидѣтелями. Критика сороковыхъ годовъ покинула сцену, далеко не сказавши своего послѣдняго слова: въ этомъ насъ никто не переувѣритъ. Она имѣла все, что нужно для новыхъ успѣховъ и новой благотворной дѣятельности, при ея талантливости, зоркости, воспріимчивости, готовности сознаваться въ своихъ ошибкахъ, она не была способна долго идти объ руку съ дидактическимъ сантиментализмомъ Франціи и Германіи. Если мы, дѣятели второстепеннаго разбора, такъ много выучились изъ опыта послѣднихъ лѣтъ, то какъ долженъ былъ этотъ опытъ нанее подѣйствовать? Если мы, когда-то съ любовью слѣдившіе за литературными школами новой Германіи и новой Франціи, извлекли прочное поученіе изъ паденія школъ этихъ, то какимъ поученіемъ должна была обогатиться наша критика Гоголевскаго періода, пережившн то, что мы пережили?

Какъ бы то ни было, передъ нами то, что сдѣлано, а не то, что могло бы быть совершено впослѣдствіи. Дидактическія заблужденія критики Гоголевскаго періода прежде всего отразились на текущей журнальной литературѣ и дѣятеляхъ второклассныхъ. Бельлетристика наша, поощряемая одобреніемъ своихъ судей и указанными образцами, быстро наводнилась потокомъ самыхъ странныхъ произведеній. Реализмъ, сантиментальность новаго покроя, дидактическая тенденція основной мысли — вотъ три условія, которыми стоило только ловко распоряжаться для того, чтобъ явиться въ печати съ похвалою. Во всѣхъ литературахъ бельлетристическая дѣятельность хорошо награждается и служитъ лучшимъ проводникомъ завидной извѣстности, потому и не мудрено, что во всякой литературѣ мы видимъ большое количество людей, берущихся за художественныя произведенія безъ малѣйшаго къ нимъ призванія. Первый признакъ дидактическаго направленія въ словесности заключается въ томъ, что дѣятельность чисто-научная, или по крайней мѣрѣ дѣятельность людей къ ней способныхъ, устремляется на артистическое поприще, во вредъ писателямъ, призваннымъ къ артистической карьерѣ. Тамъ, гдѣ поэзію превращаютъ въ служительницу непоэтическихъ цѣлей (какъ бы благородны эти цѣли ни были), всякій считаетъ себя вправѣ

Digitized by Google

обращать форму поэтическаго произведенія для оболочки своимъ идеямъ, своимъ трактатамъ, своимъ воззрѣніямъ. Экономисты бросаются въ лиризмъ, историки начинаютъ подражать романистамъ, и литературная путаница, начавшаяся вторженіемъ научнаго элемента въ художество, кончается переходомъ поэтовъ и нувеллистовъ къ дѣятельности научной. Гдѣ ученый Гервинусъ начинаетъ писать стихи, поэтъ Гейне увидитъ себя вправѣ сочинить книгу объ исторіи нѣмецкой литературы, и стихи профессора и ученое сочиненіе поэта выйдутъ неудовлетворительны. Если историкъ Мишле станетъ набрасывать страницы въ родѣ главъ изъ «Парижскихъ Тайнъ», стихотворецъ Ламартинъ, въ свою очередь, возьмется за историческую дѣятельность Къ такимъ странностямъ, вреднымъ для искусства, ведетъ самый принципъ литературной дидактики, допускающій, даже поощряющій смѣшеніе временнаго съ вѣчнымъ, научнаго съ поэтическимъ, художественнаго съ наставительнымъ. Чуть наша критика сороковыхъ годовъ увлеклась новой дидактикой, она лишила себя права быть художественно взыскательною. Если сочиненіе, ею разбираемое, вело къ прямому поученію современнаго читателя, развивало животрепещущую мысль и не грѣшило противъ грамотности, оно считалось удовлетворительнымъ и замѣчательнымъ. Литература наша закишѣла дѣятелями, можетъ быть годными на сочиненіе памфлетовъ или экономическихъ брошюръ, но предпочитавшими давать своей мысли артистическое одѣяніе и поучавшихъ публику черезъ повѣсти и стихотворенія даже. Въ свою очередь литераторы, по складу дарованія своего предназначенные для дѣятельности чистохудожественной, долгомъ считали отклоняться отъ своего призванія, проводя въ своихъ артистическихъ вещахъ мысли и воззрѣнія временныя. Духъ партіи, неразлучная съ нимъ нетерпимость, начали разгораться въ литературѣ, ибо всѣ пишущіе и мыслящіе люди никакъ не могли сгруппироваться вокругъ временныхъ воззрѣній, признанныхъ критикою. Писателю достаточно было лишь въ нѣсколькихъ временныхъ тенденціяхъ отклониться отъ принциповъ нашей критики для того, чтобъ она начала смотрѣть на него, какъ на антагониста и разрушителя всего ею созданнаго. Суровые споры вспыхивали повсюду, и злонамѣренные ненавистники всякаго литературнаго дарованія искусно пользовались этими спорами для того, чтобъ клеветать на литературу и вредить ея величію въ глазахъ читателя. И читатель вѣрилъ многимъ обвиненіямъ, ибо его собственный инстинктъ сказывалъ ему, что какъ въ новой критикѣ, такъ и въ литературѣ новаго времени

Digitized by Google

находилось что-то неладное. Читатель понималъ, что ему безпрестанно навязывали новыхъ талантовъ въ лицѣ людей очень умныхъ и красно пишущихъ, но не имѣющихъ въ себѣ почти ничего талантливаго. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ критика громила другихъ писателей, ему симпатическихъ, громила ихъ за то только, что мысли и воззрѣнія этихъ дѣятелей признавались мыслями и воззрѣніями устарѣлыми. Артистическое чувство, врожденное во всякой публикѣ, говорило ей, что такъ нельзя цѣнить литературныхъ дѣятелей, что — на основаніи идей новой дидактики — вся исторія европейской литературы не имѣетъ права существовать въ ея настоящемъ видѣ, ибо, доведя ея выводы до логическихъ результатовъ, всякая новая идея должна убивать собой всѣ старыя идеи и всѣхъ ихъ служителей. Съ такимъ направленіемъ не могъ согласиться читатель, да и сама критика не рѣшалась произнести его съ откровенностью. Ново-германскіе мыслители давно уже писали въ своихъ эстетическихъ памфлетахъ о томъ, что поэзія, безъ примѣненія къ насущнымъ общественнымъ цѣлямъ, есть ничтожество; но наши критики, надо имъ отдать справедливость, съ неудовольствіемъ глядѣли на такія заблужденія.

Разладъ русскихъ читателей съ критикою, нами разбираемою, становился замѣтнѣе со всякимъ годомъ. Уже многія похвалы, ею произнесенныя по поводу новыхъ повѣствователей (у насъ дидактическое направленіе особенно проявлялось въ повѣстяхъ), не встрѣтили ни малѣйшаго отголоска въ публикѣ, — симптомъ весьма многознаменательный. Сегодня проходила безъ успѣха повѣсть новаго писателя «обильнаго надеждами», завтра читатели оставляли неразрѣзаннымъ такой-то переводъ Жоржъ-Сандова романа, — мѣсяцъ спустя, сочиненіе писателя, давно осужденнаго критикою на забвеніе, возбуждало сочувствіе въ образованной части публики. Вслѣдъ за первыми признаками несогласія, пошли признаки болѣе печальные. Въ рядѣ капитальныхъ и мастерскихъ статей, составлявшихъ лучшее право нашей критики на любовь читателя, начали появляться выходки, исполненныя важныхъ заблужденій. Мы говорили уже объ огромномъ и совершенно заслуженномъ успѣхѣ, какимъ пользовались этюды о лучшихъ русскихъ поэтахъ стараго и новаго времени, этюды Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, лучшій трудъ этого замѣчательнаго человѣка. Въ тѣ года, когда критика Гоголевскаго періода усвоила себѣ дидактическое германское направленіе, разцвѣченное сантиментальностью французскихъ дидактиковъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатался рядъ превосходныхъ статей о Пушкинѣ. Кто не помнитъ, съ ка-

Digitized by Google

кимъ нетерпѣніемъ читатели ждали этихъ статей, съ какимъ восторгомъ ихъ перечитывали, сколько благородныхъ мыслей извлекали они изъ этого труда, такъ плѣнительно разъяснявшаго передъ нами всю великую сторону въ дѣятельности безсмертнѣйшаго, благороднѣйшаго, любимѣйшаго и любезнѣйшаго изъ поэтовъ Россіи? И вдругъ, къ общему наслажденію, начало примѣшиваться явное неудовольствіе. Масса публики сама хорошенько не понимала, почему статьи о Пушкинѣ, писанныя съ горячностью, стали производить на нее тягостное и раздражительное впечатлѣніе, подобное впечатлѣнію отъ нѣсколькихъ черезъ-чуръ рѣзкихъ аккордовъ въ прекрасной ораторіи. Цѣнители болѣе зоркіе и внимательные поняли все дѣло скорѣе, нежели публика. Нашъ Пушкинъ, нашъ любящій поэтъ, нашъ художникъ въ полномъ смыслѣ слова, разбирался уже не съ художественной, а съ рѣзко-дидактической точки зрѣнія. Критика, сама исполненная страстной любви къ поэзіи Пушкина, не рѣшалась произносить надъ нимъ того дерзкаго суда, который долженъ былъ явиться прямымъ выводомъ изъ неодидактическаго воззрѣнія на спокойную дѣятельность Пушкина. Усиливаясь примирить два воззрѣнія, никогда не совмѣстимыя, разбираемая нами критика придумала мѣру въ высшей степени необыкновенную. Не находя въ себѣ силы нападать на Пушкина какъ на человѣка, геній котораго былъ совершенно противоположенъ съ ея воззрѣніями, она рѣшилась въ самой его поэзіи найти элементъ преднамѣренно дидактическій. Увлекаясь своей жаркой любовью и къ поэзіи Пушкина, и къ современнымъ воззрѣніямъ новой дидактики, она пламенно приступила къ тому, чтобъ слить и то и другое въ одно стройное цѣлое. Мы вѣримъ, что усилія ея проистекали изъ сердца, полнаго страстныхъ убѣжденій, что кажущаяся недобросовѣстность предпріятія не имѣла въ себѣ и тѣни дурного помысла. Такъ нѣжный сердцемъ человѣкъ, страдая отъ того, что его два лучшіе друга не ладятъ между собой, дѣлаетъ все возможное для ихъ сближенія, сводитъ ихъ у себя и простодушно радуется ихъ приходу, не подозрѣвая того, что оба пріятеля только тѣшатъ его благородное сердце своимъ послушаніемъ, на самомъ же дѣлѣ и не помышляютъ о невозможномъ примиреніи.

Первая попытка представить Пушкина поэтомъ ново-дидактическаго направленія была совершена до того блистательно, что почти заставила призадуматься упорнѣйшихъ спорщиковъ. Разборъ «Цыганъ» намъ до сей поры памятенъ по своей странности, по своему мастерству и жару, достойному болѣе справедливой

Digitized by Google

цѣли. Точно, основная мысль «Цыганъ», одного изъ самыхъ изумительныхъ и мудрыхъ произведеній поэта нашего, поражаетъ не одной своей геніальностью, но возможностью самаго современнаго примѣненія. Толпы новыхъ дидактиковъ, подступавшихъ къ общественнымъ отношеніямъ, къ воззрѣніямъ на ревность, невѣрность и другія катастрофы любовныхъ отношеній мужчины и женщины, не высказали десятой доли великихъ идей, сказанныхъ почти ребенкомъ Пушкинымъ въ одномъ изъ первыхъ произведеній его юности. Лучшія вещи Жоржа-Санда, въ лучшую эпоху его дѣятельности, едва могутъ, по важности вопросовъ, въ нихъ затронутыхъ, идти въ параллель съ «Цыганами» Пушкина. Но остается еще вопросъ, и основный вопросъ, о томъ — имѣлъ ли Пушкинъ, бравшись за свою поэму, преднамѣренное стремленіе поучать современное общество, и быть поэтическимъ, сознательнымъ проводникомъ тѣхъ идей, которыхъ Жоржъ-Сандъ былъ впослѣдствіи непризваннымъ представителемъ? Слѣдуетъ ли намъ думать, что нашъ поэтъ, равно отзывавшійся на всѣ жизненныя стороны и стремленія, заранѣе подчинилъ себя извѣстной сторонѣ жизни, извѣстнымъ временнымъ стремленіямъ, хотя и справедливымъ можетъ-быть, но стѣснительнымъ для его поэтическаго горизонта? Этого-то никакъ и не слѣдуетъ, ибо горизонтъ Пушкина, какъ горизонтъ великаго художника, былъ безпредѣльно шире горизонта всѣхъ дидактиковъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Судить о всемъ его міросозерцаніи по «Цыганамъ» также странно, какъ опредѣлять всѣ общественныя воззрѣнія Шекспира, во всю его жизнь, по «Коріолану», о которомъ мы говорили недавно. Оба поэта дали по великому уроку на извѣстную тему будущихъ поколѣній, и затѣмъ перешли къ дѣятельности другого рода, ибо имъ было нечуждо все человѣческое, а не одна случайная сторона человѣческаго. И наконецъ, разсмотрѣвши «Цыганъ» съ болѣе широкой точки, мы видимъ въ нихъ ту широту, ту обще-поучительность, изъ которой всѣ стороны должны извлекать полезные уроки, не кичась и не признавая себя правыми. Развѣ знаменитый стихъ, достойный Шекспира: «*Ты для себя лишь хочешь воли*», не можетъ быть понятъ, какъ смертный приговоръ всей ново-дидактической школы, въ ея отношеніяхъ къ обществу и другимъ литературнымъ школамъ, по идеѣ отъ нея отдѣленнымъ? Какъ же намъ послѣ этого смотрѣть на Пушкина, и какія преднамѣренно-дидактическія цѣли откроемъ мы еще въ его поэмѣ?

Разъ начавши дѣло заблужденія относительно поэзіи Пушкина, критика сороковыхъ годовъ продолжала его съ горячностью. Въ

Digitized by Google

разборѣ «Евгенія Онѣгина» выводы ея стали еще рѣзче и еще страннѣе. Намъ нѣкогда останавливаться на всей отрицательной сторонѣ, открытой критикамп въ планѣ поэмы, надъ софизмами, какпми она, напримѣръ, оправдывала безплодную хандру Евгенія: со всѣмъ этпмъ кое-какъ мирилась внимательная часть читателей. Но всѣ поэтическіе пистпкты, вся правдивая сторопа читателя глубоко возмутилась, когда ново-дидактическое воззрѣніе наконецъ коснулось плѣнительнѣйшаго лица въ созданіп поэта пашего, его Татьяны, его стыдливой, любящей, поэтической русской женщины, всегда прекрасной, всегда правдивой — и въ тишинѣ деревни, и въ блестящемъ кругѣ столицы, и въ безсонную ночь первой любви, и въ тяжкій часъ послѣдняго свиданія съ Евгеніемъ. Какимъ волшебствомъ могъ Бѣлинскій, критикъ-поэтъ, существо такъ страстное по натурѣ, человѣкъ такъ поэтическій по складу своего высокаго дарованія, унизиться до столь грубаго непониманія поэзіи, какое онъ выказалъ въ своемъ отзывѣ о Татьянѣ Пушкина? По его воззрѣнію, Пушкинъ, изображая Татьяну, писалъ сатиру на холодность, безчувственность, узкость понятій въ современной женщинѣ! Татьяна не имѣла права отвергнуть любви Евгенія, того тщеславнаго и сухого душой Евгенія, который не оцѣнилъ ея первой привязанности и капризно полюбилъ Татьяну только тогда, какъ увидалъ ее въ блескѣ и почетѣ, идоломъ пышныхъ гостиныхъ! Татьяна не должна была противиться влеченію сердца, — героини дидактическихъ романовъ Жоржа-Санда никогда ему не противятся. Плѣнительнѣйшій идеалъ русской непорочной красавицы, созданіе плѣнительнѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ было брошено подъ ноги героинямъ сантиментальныхъ романовъ, хотя и имѣющихъ свое значеніе, но не стоящихъ по своей поэтической истинѣ, одной главы нашего «Онѣгина»! Грустно вспомнить объ этомъ. Къ другому писателю мы должны перейти, и переходимъ къ нему съ удовольствіемъ.

Отношенія критики сороковыхъ годовъ къ другому сильному поэту современной нашей словесности, именно къ Гоголю, были по крайней мѣрѣ логичнѣе ея отношеній къ Пушкину. Здѣсь величіе заслуги восполняетъ собой заблужденія, довольно значительныя и на послѣднихъ порахъ тягостныя. Талантъ Гоголя, при первомъ выходѣ въ свѣтъ «Вечеровъ на Хуторѣ», былъ понятъ, оцѣненъ и привѣтствованъ тою критикою, которая теперь получила свое названіе отъ періода нашей словесности, украшеннаго Гоголевой дѣятельностью. Наша критика широко разнесла имя Гоголя между русскими читателями, истолковала имъ истинное

Digitized by Google

значеніе поэта, яркой звѣздой засвѣтившагося на нашемъ литературномъ горизонтѣ. Чтобъ понять всю важность этаго дѣла, стоитъ только вспомнить о томъ, какъ еще не готова была наша публика и наша журналистика къ уразумѣнію твореній человѣка, подарившаго Россіи «Мертвыя Души». Смѣшно было бы думать, что весь океанъ хулы, брани, насмѣшекъ, ложныхъ оцѣнокъ, возбужденный дѣятельностью Гоголя, съ самаго начала происходилъ отъ одной злобы, недобросовѣстности и преднамѣренной слѣпоты цѣнителей. Гоголь не могъ возбудить особенной злобы своими первыми трудами, литературнымъ аристархомъ его времени не было разсчета систематически унижать начинающихъ писателей, да сверхъ того, литературная злоба не въ духѣ русскаго человѣка. Мы твердо увѣрены, что причиной горячихъ нападковъ на Гоголя было нѣчто болѣе упорное, чѣмъ злоба и преднамѣренное непониманіе его таланта, а именно — непониманіе Гоголевскаго таланта вовсе не преднамѣренное, непониманіе совершенно чистосердечное. Даже люди, которые по прекрасному выраженію г. Погодина, «не стыдились обвинять Гоголя въ злонамѣренности», дошли до этого униженія, начавши съ простой неспособности цѣнить заслуги нашего писателя. И тутъ-то заслуга критики сороковыхъ годовъ является намъ въ лучезарномъ свѣтѣ. Бороться съ цѣнителями слѣпыми труднѣе, чѣмъ бороться со злобой зоиловъ по призванію, уяснять вкусъ публики, еще не доросшей до пониманія извѣстнаго поэта, несравненно затруднительнѣе, чѣмъ имѣть дѣло съ читателемъ просто предубѣжденнымъ. Борьба за Гоголя, споры о значеніи Гоголя тянулись долго, и кончились со славою. Всюду, гдѣ нужно было оградить поэта отъ ложныхъ толкованій, отъ ѣдкихъ нападеній, — вездѣ, гдѣ слѣдовало объяснить его трудъ, растолковать его значеніе читателю, — безпрерывно являлась критика, нами разбираемая. Она лелѣяла Гоголя, ясно понимала его великое значеніе, прикрывала его имя щитомъ своего авторитета, какъ великій Аяксъ въ «Иліадѣ» прикрываетъ своимъ семикожнымъ щитомъ Тевкра, перваго стрѣлка во всей греческой ратн. Не отъ однихъ упорныхъ хулителей защищала Гоголя наша критика, она не разъ возставала противъ черезъ-чуръ восторженнаго воззрѣнія на Гоголя, воззрѣнія, способнаго навлечь насмѣшки на поэта, вслѣдствіе своей преувеличенной восторженности. Всей зоркости, всего критическаго такта, всего мастерства, выказаннаго критиками сороковыхъ годовъ въ ихъ отношеніяхъ къ Гоголю до появленія его «Переписки съ Друзьями», мы изобразить не въ состояніи — похвальное слово самаго восторженнаго

Digitized by Google

поклонника тутъ будетъ слабѣе простой истины. Благодаря этой заслугѣ, и именно благодаря ей, мы теперь видимъ Гоголя признаннымъ поэтомъ цѣлаго литературнаго періода, любимцомъ читающей публики, писателемъ, котораго изданія расходятся по Россіи въ тысячахъ экземпляровъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ времени.

Когда наша критика стала впадать въ увлеченія новымъ сантиментализмомъ и дидактическими теоріями, ея отношенія къ Гоголю по-видимому не измѣнились ни мало. Она попрежнему продолжала популяризировать и объяснять его творенія съ прежнимъ мастерствомъ, съ прежней любовью, съ прежнимъ знаніемъ дѣла. Правда, она уже начинала видѣть въ Гоголѣ писателя совершенно убѣжденнаго въ теоріяхъ объ искусствѣ, близкихъ ея сердцу, и привѣтствовать въ немъ поэта, воплотившаго въ себѣ всѣ воззрѣнія новѣйшей общественной дидактики. Такой взглядъ не былъ вѣренъ, однако онъ не имѣлъ въ себѣ ничего вопіющаго. Гоголь, по великому своему уму и по юмористическому складу своего дарованія, оправдывалъ этотъ взглядъ «Мертвыми Душами» — «Шинелью» — «Записками Сумасшедшаго» — «Невскимъ Проспектомъ» — оправдылъ его даже болѣе, чѣмъ, напримѣръ, Пушкинъ своей поэмой «Цыганы». Гоголь приносилъ прямую, насущную пользу, поучая современнаго человѣка, раскрывая недостатки современнаго общества, осмѣивая порокъ и заступаясь за слабыхъ. Изъ книгъ Гоголя можно было обильной чашей черпать поученія самыя современныя и самыя временныя, но не слѣдуетъ намъ забывать того, что, кромѣ этихъ поученій, геній Гоголя былъ богатъ истинами вѣчными, истинами независимыми отъ взглядовъ извѣстнаго поколѣнія, истинами никогда не преходящими, какъ всякая настоящая поэзія. *Время* побудило читателей видить въ Гоголѣ дидактика, *время* склонило насъ къ тому, что мы съ особенной яркостью видимъ нѣкоторыя, почти дидактическія стороны его дарованія; но сила Гоголя не въ стремленіяхъ извѣстнаго времени, не въ толкованіяхъ извѣстнаго читающаго поколѣнія: Гоголь вѣченъ, потому-что поэзія, которой онъ служитъ, имѣетъ вѣчное начало, неразрывное со всѣми ея проявленіями. Не одни стремленія, недостатки, слабости извѣстнаго общества, въ извѣстномъ періодѣ времени, олицетворены музой Гоголя: эта муза смотрѣла гораздо далѣе, нежели смотрѣли сантименталисты-дидактики, думавшіе, что поэтъ обязанъ трудиться лишь для временныхъ, всегда измѣняющихся цѣлей. Гоголь не есть поэтъ отрицанія, а между-тѣмъ критика сороковыхъ годовъ, сама вдавшись въ односторонее отрицательное направленіе, силилась видѣть въ Гоголѣ его

Digitized by Google

полное воплощеніе. Поэтъ «Ревизора» есть вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ «Майской Ночи», — перо, написавшее «Шпиль», набросало «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ»; у Гоголя «Вій» составляетъ противоположность «Игрокамъ», комедія «Женихи» не вредитъ поэмѣ «Тарасъ Бульба». Какое намъ дѣло до того, что къ поэзіи, природѣ и людямъ своей родной Украйны поэтъ относится нѣжнѣе, чѣмъ къ поэзіи, природѣ и людямъ того города, гдѣ проживаетъ Акакій Акакіевичъ, — Украйна тоже Россія и, воспѣвая ея прелесть Гоголь выказывается человѣкомъ любящимъ, поэтомъ всестороннимъ! Критика наша погрѣшила тѣмъ, что налегла лишь на одну сторону Гоголева воззрѣнія, — сторону отрицательную, и мало того, что налегла на нее со всей страстью, но даже провозгласила Гоголя поэтомъ ново-дидактическаго направленія, поэтомъ отрицательнаго общественнаго воззрѣнія. Она провозгласила это, не имѣя на то права, и тѣмъ посягнула на сокровеннѣйшія сокровища великаго писателя, то-есть на его личный взглядъ и личныя убѣжденія.

Пока не было антагонизма между личными убѣжденіями Гоголя и личными убѣжденіями его критиковъ, согласіе между поэтомъ и его лучшими цѣнителями не было нарушено. Года шли однакоже и зачатки раздора возникали между двумя сторонами, достойными иной участи. Всему свѣту извѣстны сомнѣнія Гоголя по поводу «Мертвыхъ Душъ», его великіе труды по продолженію этой поэмы, его жизнь за границей, его борьба со своимъ собственнымъ дарованіемъ, его болѣзненные годы, исполненные горячихъ испытаній, исполненные моральныхъ потрясеній. Гоголь вступалъ въ годы полнаго развитія своихъ силъ и зная это, стремился къ тому, чтобы въ его «Мертвыхъ Душахъ» явилась книга навсегда способная увѣковѣчить имя Гоголя въ его отечествѣ. Тяжелъ, мраченъ и ужасенъ по нравственному труду этотъ періодъ, о которомъ мы можемъ судить только гадательно. Здѣсь не мѣсто излагать наши догадки о томъ, что могло выйти изъ Гоголя послѣ этихъ геркулесовскихъ работъ надъ собою. Когда-нибудь мы объ этомъ скажемъ свое слово. По отрывкамъ, намъ оставшимся отъ упомянутой поры, можно дѣлать много предположеній. Въ сказанныхъ отрывкахъ Гоголь является мыслителемъ геніальнымъ. Шелъ ли у него геній художественнаго творчества за одно съ развитіемъ его почти безпримѣрнаго ума, — этого, намъ кажется, ни одинъ критикъ рѣшить не въ состояніи.

«Переписка съ Друзьями», изданная въ самую послѣднюю пору дѣятельности критики Гоголевскаго періода, появилась въ эпоху

Digitized by Google

полнаго развитія критической дидактики съ ея сантиментализмомъ и отрицательнымъ направленіемъ. Книга Гоголя, какъ извѣстно всякому, не имѣла никакого художественнаго значенія, была издана для облегченія стѣсненныхъ обстоятельствъ автора и заключала въ себѣ много личныхъ убѣжденій знаменитаго писателя, съ которыми очень можно не соглашаться, но въ которыхъ не было ровно ничего предосудительнаго. Великій умъ человѣка, набросавшаго эти письма, сіялъ на многихъ страницахъ; еще большее число страницъ свидѣтельствовало о великой, болѣзненной, борьбѣ, съ которою совершалось артистическое развитіе Гоголя, какъ писателя. Въ письмахъ было много дидактики, конечно не новой, не германской и не французской дидактики, а той почтенной дидактики религіозныхъ людей, немного поддающихся мистицизму, которая не помѣшала Мильтону быть Мильтономъ, Краббу Краббомъ и Ньютону Ньютономъ. Нападать на нее, какъ на проявленіе никому не навязываемыхъ личныхъ стремленій, было недостойно, а если взять въ соображеніе болѣзненное состояніе Гоголя, даже безжалостно. Гоголь не враждовалъ ни съ кѣмъ, не отступался отъ своей прежней дѣятельности, только находилъ ее неполною и недостаточной съ точки своего настоящаго развитія. Въ одномъ только отношеніи онъ могъ огорчить критику, до той поры имъ восхищавшуюся, — онъ отрекался отъ отрицательнаго направленія, ему приписываемаго. Вмѣсто того, чтобъ оскорбляться этимъ поступкомъ, критикѣ нашей слѣдовало прежде всего пересмотрѣть свои прежніе отзывы, разобрать свою собственную дѣятельность относительно Гоголя и признать неосновательность своего суда о направленіи его твореній. Затѣмъ она могла ждать Гоголя, какъ художника, съ его новымъ, будущимъ созданіемъ. Еслибъ воззрѣнія, ей антипатичныя, невыгодно отразились на продолженіи «Мертвыхъ Душъ», она имѣла бы право высказать свое мнѣніе о недостаткахъ этихъ воззрѣній, въ ихъ примѣненіи къ творчеству.

Ничего подобнаго не было сдѣлано. Дидактика новой критики столкнулась съ дидактикой Гоголя, а результатъ подобныхъ столкновеній всегда бываетъ ужасенъ. Отыщите гдѣ-нибудь поклонника общественныхъ романовъ Санда и скажите ему, что онъ идетъ по одной дорогѣ съ дидактиками, писавшими о «пользѣ стекла» или «искусствѣ быть счастливымъ» — вы увидите какою яростью онъ исполнится. Нападите на какого-нибудь поэта Гервеговой школы съ точки зрѣнія искусства чистаго, онъ станетъ спорить не безъ достоинства, но сообщите ему, что ранѣе его, Свифтъ писалъ дидактико-политическія стихотворенія, нынѣ преданныя забвенію, —

Digitized by Google

поэтъ потеряетъ всякое приличіе въ диспутѣ. Ожесточеніе, съ какимъ наши критики встрѣтили переписку Гоголя, превосходитъ все, до того происходившее въ литературѣ. Въ пылу негодованія были забыты всѣ приличія, вся обязанность критики въ отношеніи къ великому дѣятелю (хотя бы и заблуждающемуся), вся осторожность въ спорѣ, вся трезвость воззрѣнія на предметъ спора. Утративъ ту благотворную, примиряющую сторону воззрѣнія, которая создаетъ нѣчто даже изъ элементовъ прямо противорѣчащихъ, ту сторону, безъ которой никогда нѣтъ истинной критики, — критика наша могла идти только по пути къ оскорбленіямъ. «Авторская Исповѣдь» Гоголя навѣки будетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ принялъ *настоящій* Гоголь нападенія на *воображаемаго* Гоголя, на Гоголя нео-дидактика, на Гоголя, созданнаго фантазіей критики Гоголевскаго періода. Защита великаго человѣка передъ нами, и нечего прибавлять къ этой защитѣ.

Страшно подумать о томъ, какое малое количество хладнокровія потребно было для того, чтобъ озарить весь вышеизображенный споръ яснымъ свѣтомъ примиренія, чтобъ положить конецъ распрѣ, такъ гибельной для обѣихъ сторонъ, ей предавшихся. Нѣсколько талантливыхъ людей, съ критикомъ, почти геніальнымъ, въ головѣ, съ жестокостью обвиняли геніальнаго художника и человѣка, — обвиняли въ чемъ же? въ томъ, что образъ его мыслей, еще не проявившійся ни въ одномъ новомъ созданіи его генія, былъ не сходенъ съ ихъ собственными, личными воззрѣніями! Защитники терпимости и правды житейскихъ отношеній отказывали великому писателю въ правѣ думать то, что онъ хотѣлъ думать, въ правѣ развиваться тѣмъ путемъ, къ которому влекло его сердце. Даже признавая Гоголя человѣкомъ вполнѣ заблуждавшимся (чего мы не признаемъ вовсе), мы никакъ не видимъ основанія, по которому какая-нибудь критика могла мѣшать Гоголю заблуждаться. Его идеи были по крайней мѣрѣ столь же искренни, какъ идеи противниковъ, поднявшихъ противъ него свой голосъ. Его воззрѣнія дѣлились милліонами людей умныхъ и высокихъ душою. Его воззрѣнія были воззрѣніями первыхъ поэтовъ за много столѣтій. Его воззрѣнія не препятствовали созданію какого бы то ни было великаго художественнаго произведенія. Наконецъ, понятія Гоголя въ послѣдніе годы его жизни до сей поры понятны и трогательны, тогда какъ нео-дидактическія теоріи искусства, во имя которыхъ поднялась такая гроза на Гоголя, нынче памятны намъ какъ литературное преданіе, преданіе свѣтлое, но за какіе-нибудь восемь лѣтъ со

Digitized by Google

дня своего полнаго развитія покрывшееся туманомъ, со всякимъ годомъ дѣлающимся непроницаемѣе!

Пора кончить нашу длинную статью. Личныя отношенія человѣка, ее пишущаго, къ критикѣ Гоголевскаго періода, начались вскорѣ послѣ полемики, возбужденной перепискою Гоголя. Наши воспоминанія объ этихъ сношеніяхъ грустны и трогательны. Конецъ дѣятельности, благородной и прекрасной, не смотря на всѣ заблужденія, быстро близился. Главный представитель критики сороковыхъ годовъ, человѣкъ, въ которомъ она сосредоточивалась, литераторъ, дававшій направленіе главнымъ ея фазисамъ, Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, готовился къ преждевременной кончинѣ. Ходъ болѣзни былъ разсчитанъ и не оставлялъ мѣста надеждѣ. Силы человѣческія слабѣли, но не слабѣли съ ними любовь къ искусству, жажда истины, дружелюбіе къ начинающимъ дѣятелямъ. Въ это время, по принципу своему, критика наша разбираемая, была прямымъ воплощеніемъ новой сантиментальной дидактики, но ошибется тотъ, кто подумаетъ, что этотъ принципъ, такъ безплодный въ художественномъ отношеніи, примѣнялся къ дѣлу во всей его узкости. При самомъ безплодномъ принципѣ найдется мѣсто для проявленія свѣтлыхъ началъ, если душа критика изящна и благородна. Въ мелкихъ замѣткахъ, въ изустныхъ бесѣдахъ, въ отдѣльныхъ страницахъ горѣлъ священнымъ, послѣднимъ свѣтомъ огонь души, предназначенной на все прекрасное. Заблужденія новыхъ бельлетристовъ, считавшихъ, что дѣльная современная идея, заложенная въ основаніе вещи, избавляетъ повѣствователя отъ обязанности быть художникомъ, встрѣчали и тогда безпристрастное охужденіе. Робость другихъ писателей, не смѣвшихъ вступать изъ узкихъ теорій, проповѣдуемыхъ самой критикою, не находила защиты въ ея представителяхъ. Какъ въ старыхъ, такъ и въ иныхъ недавнихъ своихъ заблужденіяхъ эти представители сознавались сами, съ очаровательной откровенностью юности. Никто не вызывалъ ихъ на такое сознаніе, никто изъ насъ не смѣлъ бы поднять своего голоса въ ту пору неопытности, но признаніе приходило само собою, въ минуты оживленной бесѣды, въ отрадный часъ отдыха отъ неотступной болѣзни.

Думая обо всемъ этомъ, тщательно припоминая все нами слышанное и подмѣченное, мы рѣшаемся высказать всю мысль нашу о томъ, что совершила бы критика Гоголевскаго періода, если бы Небу угодно было продлить годы ея главныхъ представителей. Она не могла долго идти по дидактически-сантиментальной дорогѣ, ея послѣднее пристрастіе къ этому пути кажется намъ не признакомъ

Digitized by Google

несокрушимаго убѣжденія, а тѣмъ временнымъ упорствомъ, съ какимъ истинно-страстныя натуры прилѣпляются къ воззрѣніямъ, уже близящимся къ своему упадку. Въ воздухѣ уже ходили признаки, изобличавшіе скорое паденіе эстетической дидактики въ Германіи и во Франціи; голосъ практическихъ великобританскихъ мыслителей дѣлался слышнѣе, въ новой исторіи европейскихъ государствъ уже начинались событія, имѣвшія разоблачить свѣту всю несостоятельность новыхъ общественныхъ, философскихъ и литературныхъ теорій. Того великаго кризиса, который мгновенно низвергнулъ французскую и нео-германскую дидактику, не дождалась наша критика Гоголевскаго періода. Но можно ли думать, что паденіе школъ, ею признаваемыхъ, что всеобщее посмѣяніе, возбужденное въ образованномъ мірѣ слабостью и нестоятельностью школъ этихъ, прошло бы безъ цѣлебнаго результата для вашей критики? Мы твердо вѣримъ, что нѣтъ. Мы очень хорошо знаемъ, что не безъ тяжелой внутренней борьбы, не безъ упорныхъ усилій защитить незащитимое, наша критика сороковыхъ годовъ измѣнила бы часть своихъ главныхъ принциповъ. Мы увѣрены, что она осталась бы долго вѣрна павшему знамени, что униженіе и безсиліе ея бывшихъ вожатаевъ, было бы на время однимъ возбужденіемъ для рыцарскаго духа, какимъ была она вся проникнута. Иначе и быть не можетъ: люди сильные и страстные по натурѣ не скоро разстаются съ своими понятіями, всякій новый шагъ къ уразумѣнію истины покупаютъ они кровью собственнаго благороднаго сердца. Но тѣмъ прочнѣе и тверже поселяется въ нихъ истина, добытая такъ горестно и трудно. Человѣкъ долженъ мѣнять свои убѣжденія, когда его внутреннее сознаніе проникнуто новыми истинами, безъ этой способности онъ будетъ упорнымъ фанатикомъ, безъ нея онъ можетъ быть хорошимъ человѣкомъ партіи, но никакъ не мыслителемъ, призваннымъ на то, чтобъ руководить словесностью своей родины. Вѣчно чтить обязаны мы людей, честно воспринимающихъ правду, съ какой бы стороны она не приходила, но воспринимающихъ ее трудно и медленно, воспринимающихъ ее по временамъ, какъ суровую необходимость. Критика сороковыхъ годовъ иначе не воспринимала того, что ей казалось истиною: въ томъ насъ убѣждаетъ и ея страстность, и ея безкорыстныя стремленія, и та драгоцѣнная способность видѣть свои ошибки, на которую мы уже не разъ указывали.

Будемъ же продолжать дѣло критики, предшествовавшей нашему періоду, по возможности стараясь поучаться ея благими сторонами и чистосердечно отрекаясь отъ той части ея дѣятельности,

Digitized by Google

которая кажется намъ плодомъ заблужденій. Не станемъ смѣшивать личныхъ нашихъ стремленій съ интересомъ всего дѣла, и увлекаясь симпатіею къ личностямъ прежнихъ благородныхъ дѣятелей, смотрѣть на ихъ слабыя стороны безъ откровенности. Эти слабыя стороны были значительны и принесли вредъ значительный, ибо происходили отъ людей неслабыхъ, отъ людей стоющихъ своего авторитета. До сихъ поръ новая сантиментальная дидактика, въ ея примѣненіи къ литературнымъ вопросамъ, — дидактика вконецъ разрушенная во Франціи и въ Германіи, еще гнѣздится въ нѣкоторыхъ частностяхъ нашей критики. До сихъ поръ еще иные русскіе писатели высокаго таланта не разорвали всѣхъ связей съ нею, и признавая свои личныя симпатіи за вѣрность какимъ-то воображаемымъ теоріямъ, не рѣшаются дать себѣ полной воли на безкорыстное служеніе искусству чистому. До сихъ поръ еще элементъ творящій и примиряющій, элементъ той терпимости мнѣній, который соединяетъ въ одну непоколебимую группу всѣхъ дѣятелей истинно-преданныхъ дѣлу родной словесности — этотъ элементъ, говоримъ мы, еще до сихъ поръ не сжился съ нашей критикой. Развивать его мы должны всѣми силами и всѣми средствами нашими. Уничтожать старыя теоріи, ведущія къ нетерпимости, сбрасывать съ дороги всѣ преграды къ единодушной дѣятельности всѣхъ просвѣщенныхъ литераторовъ на благо родной словесности — вотъ что должны мы поставить себѣ вѣчною и постоянною цѣлью.

По мѣрѣ силъ и способностей, проводя критическія теоріи, намъ кажущіяся неопровержимыми, мы не намѣрены, въ критикѣ журнала нашего, установить одинъ только нашъ голосъ, одинъ только убѣжденія, *намъ* кажущіеся истинными. По именамъ новыхъ сотрудниковъ нашихъ, читатель можетъ видѣть, что въ журналѣ онъ не встрѣтитъ постояннаго критическаго унисона, всегда ведущаго къ исключительности воззрѣнія. По праву редакціи, она предоставляетъ себѣ большую часть критическихъ статей, подписывая ихъ одной и той же подписью и отвѣчая за нихъ какъ за полное проявленіе своихъ эстетическихъ понятій. Но одними подобнаго рода статьями критическая дѣятельность «Библіотеки для Чтенія» ограничиваться не будетъ. Литераторы, не во всемъ сходящіеся съ нами и даже прямо противорѣчащіе нашему воззрѣнію на литературу, могутъ смѣло разсчитывать на радушный пріемъ своихъ статей, своихъ воззрѣній, основательно и прилично высказанныхъ. За каждую критическую статью, не подписанную редакціею, за истины или заблужденія, въ ней значущіеся, отвѣчаетъ

Digitized by Google

передъ публикой самъ ея авторъ. Въ нашъ журналъ не могутъ быть допущены лишь одни лица, питающія явное нерасположеніе къ дѣлу всѣмъ намъ родной и любезной словесности; къ чести русской литературы надо прибавить, что подобныхъ литераторовъ въ ней теперь немного.

Заключая этюдъ нашъ, неполный, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ быть не совсѣмъ ясный, мы должны сказать хотя нѣсколько словъ еще объ одномъ условіи, безъ котораго не будетъ существовать дѣятельность наша. Это условіе есть ничто иное, какъ великая критическая осторожность въ изложеніи и примѣненіи идей, составляющихъ основу всѣхъ нашихъ литературныхъ воззрѣній. Торопливость оцѣнокъ, быстрота выводовъ — это лучшее средство ошибаться и дѣлать подрывъ своему кредиту, отъ нихъ страдала не одна критика во всемъ свѣтѣ, отъ нихъ и наша критика сороковыхъ годовъ впала въ большую часть своихъ ошибокъ. Времени передъ нами много, и то, чего не дастъ литературѣ наша критическая дѣятельность, будетъ въ свое время выполнено нашими журнальными наслѣдниками. Изъ неторопливости, про которую говоримъ мы, исходятъ для насъ двѣ задачи, равно для насъ важныя. Мы будемъ провѣрять оцѣнки и приговоры критики намъ предшествовавшей, съ полной независимостью воззрѣнія, мы станемъ обсуживать съ нашей неторопливой точки зрѣнія всѣ новыя идеи по части критики, имѣющія возникнуть какъ въ русской, такъ и въ иноземной словесности. Увлекаться новизной новыхъ теорій, унижать настоящихъ литературныхъ дѣятелей, по поводу новыхъ дѣятелей, которые непремѣнно будутъ являться съ каждымъ годомъ,—мы никогда не будемъ. Мы слишкомъ много видали геніевъ, оканчивавшихъ весьма печально свою блистательно начатую славу, — при насъ угасли Викторъ Гюго и Гейне, Жоржъ-Сандъ и Ламартинъ, Гервегъ и Фрейлигратъ, не считая сотни историковъ, экономистовъ, философовъ, которыхъ эфемерное существованіе началось и кончилось въ наше время. Были и въ нашей литературѣ свои звѣзды первой величины, которыхъ нынче не увидишь на литературномъ горизонтѣ съ помощью лучшаго телескопа. Намъ кажется, что время увлеченія какъ новыми геніями, такъ и новизною мимолетныхъ эстетическихъ теорій прошло безвозвратно. Мы будемъ соразмѣрны въ нашихъ восторгахъ и въ нашихъ охужденіяхъ, дабы не впасть въ ту несоразмѣрность пафоса съ предметомъ, его возбудившимъ, несоразмѣрность, которую мы опредѣлили словомъ *сантиментальность*. Мы будемъ трудиться много—по осмотрительно, при каждомъ излишнемъ стремленіи увлекаться, при

Digitized by Google

каждомъ появленіи какой-нибудь блистательной, но еще не утвердившейся критической теоріи, повторяя великое слово величайшаго мыслителя, выставленное эпиграфомъ всего нашего изданія: *Ohne Hast, ohne Rast* (*безъ торопливости, безъ отдыха*).

1856.

XI.

«ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО». СПБ. 1856.— «ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ», Н. ЩЕДРИНА. («РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ», 1856, №№ 16 и 18.)

Во всѣхъ литературныхъ и во всѣхъ новыхъ литературныхъ поколѣніяхъ (пока эти поколѣнія не состарились), бываетъ замѣтна рутина особаго рода, которую всего приличнѣе назвать рутиной заносчивости Мы всѣ впали, и у насъ, и въ Германіи, и во Франціи, цѣлые кружки писателей и цѣнителей, положительно убѣжденныхъ въ томъ, что ими одними движится вся словесность ихъ родины, что передъ ихъ дѣятельностью меркнетъ дѣятельность предыдущихъ періодовъ словесности, что слѣдующимъ литературнымъ поколѣніямъ не остается почти никакого дѣла и никакой заботы, кромѣ подражанія ихъ труду и какого-то вассальства къ ихъ убѣжденіямъ. Въ заносчивости подобнаго рода есть своя частица искренности, довольно милой. Давно ли Викторъ Гюго и его поклонники хотѣли пересоздать драматическое искусство всего міра, давно ли Гервегъ съ своими друзьями ополчался противъ старыхъ авторитетовъ Германіи, давно ли Жоржъ-Сандъ мечтала не болѣе, не менѣе какъ о пересозданіи всего общественнаго устройства? Издѣваться надъ такими проявленіями заносчивости невозможно, особенно въ то время, когда ихъ время прошло окончательно. Кто-то сказалъ, что ничто не можетъ быть привлекательнѣе юнаго писателя, бродящаго по Парнассу съ горделиво-поднятымъ носомъ и несокрушимою вѣрою въ свое великое значеніе. Дѣйствительно, покуда молодость и заносчивость выходятъ изъ искренняго сердца, ими стоитъ любоваться, съ ними нельзя обходиться жестоко и холодно. Но бываетъ другая пора, пора обветшалости и рутины, весьма часто смѣняющая собой періодъ искренней юности въ убѣжденіяхъ. Въ эту пору цѣнители начинаютъ бредить устарѣлой новизной и видимо клониться къ исключительности въ теоріяхъ. Остановясь на одномъ извѣстномъ пунктѣ, они не хотятъ глядѣть ни впередъ, ни назадъ, наскоро

Digitized by Google

создаютъ себѣ нѣсколько авторитетовъ по сердцу и, громко хваля новое поколѣніе, не даютъ дороги поколѣнію, непосредственно за ними слѣдующему. Тутъ ужь заносчивость ведетъ къ рутинѣ и ничтожеству.

Подобнаго рода вредные элементы отчасти еще гнѣздятся въ нашихъ литературныхъ кругахъ, а отчасти и въ двигателяхъ новѣйшей словесности. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что послѣ Пушкина и Гоголя русская литература представила много молодыхъ и сильныхъ писателей, достойныхъ великаго уваженія, какъ за ихъ дарованіе, такъ и за направленіе. Эти люди сдѣлали весьма много для сближенія словесности съ дѣйствительностью русской жизни, разъяснили намъ поэзію вседневнаго быта нашего, съ успѣхомъ коснулись многихъ сторонъ простого міра, по мѣрѣ силъ своихъ подходили и къ быту русскаго чиновника, и русскаго поселянина, и русскаго помѣщика, и русскаго художника, и русскаго ученаго. Твердо держась за правду въ искусствѣ, они служили ей съ искренностью и за то награждены были общимъ сочувствіемъ. Привѣтливо и радушно встрѣчали они всѣхъ новыхъ товарищей по искусству; отдавали справедливость начинающимъ талантамъ, съ благородной терпимостью относились къ талантамъ предшествующихъ періодовъ литературы. Съ гордостью можемъ сказать, что поведеніе лучшихъ представителей новѣйшей русской словесности представляетъ поучительный примѣръ и лучшее подтвержденіе той истины, что вполнѣ даровитые люди всегда будутъ хорошими людьми и въ житейскихъ и въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Но одни лучшіе дѣятели словесности не составляютъ еще всего круга людей, мнѣнія которыхъ имѣютъ вліяніе на литературные вопросы. Въ среднихъ слояхъ новой словесности, не слишкомъ близкихъ къ главному центру литературной дѣятельности, но и не совсѣмъ отъ него отдаленныхъ, росли и процвѣтали воззрѣнія, отъ которыхъ почти каждый изъ первыхъ дѣятелей нашего періода отказался бы безъ всякаго колебанія. Въ этихъ слояхъ жила рутина заносчивости, рутина тѣмъ болѣе опасная, что она вертѣлась на поклоненіи и лести новому поколѣнію писателей. По этой рутинѣ — русская литература началась лишь съ Гоголя. Новѣйшіе дѣятели ввели искусство на практическій путь, дали ему вѣковѣчное направленіе, — и мало того, — въ своихъ трудахъ изчерпали весь современный бытъ русскаго общества. Ихъ трудъ, есть трудъ капитальный и всеобъемлющій, за которымъ могутъ идти лишь одни перифразы, амплификаціи и дополненія. Намъ знакома вся Россія, мы знаемъ бытъ и нравы всѣхъ классовъ русскаго

Digitized by Google

общества, и теперь смѣло можемъ браться за обобщенія и глубокія теоріи. Теперь мы можемъ вполнѣ отдаться современности и важнымъ общимъ вопросамъ, ибо приготовительный трудъ конченъ, — литература сдѣлала свое дѣло, возсоздала бытъ русскаго общества во всѣхъ его подробностяхъ.

Результатомъ подобнаго скороспѣлаго воззрѣнія, были два фальшивыхъ взгляда — и на русское общество, и на даровитыхъ литераторовъ, его изображавшихъ, включая въ ихъ число и Гоголя. Любители рутины, сами не зная Россіи и не сближаясь ни съ однимъ изъ многочисленныхъ слоевъ нашего общества, стали глядѣть на свое отечество черезъ книги, принимая часть за цѣлое и такимъ образомъ составляя себѣ ложныя понятія и о цѣломъ и о его частностяхъ. На днѣ души этихъ рутинныхъ цѣнителей сидятъ мысли такого рода: Гоголь изучилъ *весь* русскій чиновный бытъ; послѣ Тургенева и Григоровича мы знаемъ русскаго крестьянина, какъ нельзя лучше. Такой-то поэтъ коснулся всѣхъ сторонъ помѣщичьяго быта, и намъ нечего прибавлять къ его описаніямъ. Военной жизни у насъ касались рѣдко, но и она схвачена въ Максимѣ Максимычѣ, Печоринѣ, Грушницкомъ, и еще въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, гдѣ являются усатые кавалеры съ самодовольной осанкой и молодцоватыми пріемами. Послѣ этого кто же смѣетъ утверждать, что наша литература еще далека отъ возсозданія *всей* русской жизни, отъ полнаго и отчетливаго знанія *всего* русскаго общества? Взгляните на нашу текущую словесность. «Боже мой, да чего только у меня нѣтъ!» можетъ сказать она вмѣстѣ съ Гоголевскимъ Иваномъ Ивановичемъ. «Чего у меня нѣтъ!» даже должна сказать наша молодая словесность всякому скептическому человѣку. Это ли не всесторонность, это ли не полное знакомство съ практической стороной міра съ дѣйствительностью и правдой русскаго общества? Перечтите одни типы русскихъ баръ, помѣщиковъ, офицеровъ, поселянъ, чиновниковъ, типы, возсозданные нашими художниками! Подумайте только объ этомъ — произнесите одни имена Дмухановскаго, Акакія Акакіевича, Чичикова, Грушницкаго, Пирогова, Чартокуцкаго, Бирюка, Калиныча, Петра Ивановича, Ивана Савича, Антона-Горемыки, Лапши, Голядкина и такъ далѣе. Языкъ вашъ утомится отъ однихъ названій, а вы еще смѣете утверждать, что наша литература еще немного сдѣлала по части знанія русскаго общества! Или вы считаете ничтожными людьми Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Гончарова, Тургенева, Григоровича и ихъ товарищей?

Нѣтъ, господа представители литературной самонадѣянности,—

Digitized by Google

можемъ мы отвѣчать на это, — мы сами, и можетъ быть лучше васъ, знаемъ всю обширность заслуги, которую сдѣлали для литературы русскіе писатели послѣдняго періода. Можетъ быть мы глубже васъ чтимъ имена Лермонтова и Гоголя, можетъ быть мы сами прочнѣе и горячѣе васъ привязаны къ товарищамъ нашимъ, нынѣ живущимъ и честно трудящимся. Но, уважая ихъ дѣятельность, радуясь за ихъ дѣла и воззрѣнія на искусство, мы никакъ не считаемъ ихъ непогрѣшимыми и всесторонними представителями русскаго міра. Сближеніе поэзіи съ дѣйствительностью у насъ еще не совершено, а только-что начинается. Сильнѣйшіе дѣятели нашего поколѣнія, начиная отъ Гоголя и кончая Некрасовымъ, считая отъ Бѣлинскаго и заключая Тургеневымъ, разработали лишь одинъ небольшой уголокъ неизмѣримаго русскаго поля, того поля, надъ которымъ будетъ въ потѣ лица трудиться цѣлый рядъ будущихъ поколѣній, на славу Россіи и искусству русскому. Еще у насъ весьма велико разъединеніе литературы съ вседневнымъ бытомъ русскаго человѣка, еще всѣ слои нашего общества изучены русскими художниками лишь поверхностно, еще для насъ не пришло время пышныхъ теорій и хитрыхъ обобщеній, еще мы сами худо знаемъ русскую землю и русскаго человѣка, еще всѣ описанія и всѣ типы вами поименованные, достойны назваться ничѣмъ инымъ, какъ первыми буквами будущей азбуки, первыми основными камнями предстоящей великой постройки. Если вы имѣете слабость думать, что вся служащая Россія изчерпана въ Акакіѣ Акакіевичѣ и Дмухановскомъ, — вы грѣшите, какъ ребятишки и показываете свою неспособность понимать Гоголя. Если вы думаете, что всѣ сельскіе люди схвачены въ Бирюкѣ и Антонѣ, вы вредите и Тургеневу и Григоровичу, ибо никакой поэтъ не будетъ радоваться узкости понятій въ своемъ поклонникѣ.

Мы должны признаться, что за послѣдніе шесть или семь лѣтъ появленіе каждаго новаго таланта въ русской литературѣ наводило насъ на мысли, однородныя съ вышеприписанными. Когда Островскій могущественно и всесторонно представилъ намъ цѣлый рядъ новыхъ и нетронутыхъ типовъ, когда Писемскій взялся за простонародную жизнь, создалъ Петра и Питерщика; когда покойный Кокоревъ явился съ своимъ «Савушкой» и г. С. Аксаковъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», начерталъ намъ картины русскаго помѣщичьяго быта, новыя до мельчайшей подробности, мы уразумѣли всѣмъ сердцемъ и всей головою, до какой степени узки и самонадѣянны всѣ возгласы о нашей опытности, о нашей литературной практичности, о твердомъ грунтѣ, на которомъ стоитъ наша сло-

Digitized by Google

весность, о безконечномъ нашемъ проникновеніи въ глубину русской дѣйствительности. И намъ стало какъ нельзя понятнѣе отвращеніе рутинныхъ цѣнителей къ именамъ гг. Островскаго, Аксакова, Писемскаго, наконецъ графа Толстого, ихъ младшаго, но не слабѣйшаго товарища, the last not least, какъ говоритъ Шекеспиръ въ своей драмѣ. Въ то время, когда всѣ первые наши писатели радостно привѣтствовали успѣхъ новыхъ сверстниковъ, сближались съ ними, хвалили дѣло ими сдѣланное, въ среднихъ слояхъ литературы, о которыхъ мы упоминали, хвала произносилась неохотно и часто смѣнялась хулою. Еслибъ авторитетъ первыхъ дѣятелей не обуздывалъ и не держалъ въ страхѣ многихъ задорныхъ рутинёровъ, мы бы прочли въ лучшихъ нашихъ журналахъ не одинъ жолчный дифирамбъ противъ Островскаго, Толстого и Писемскаго. Тѣмъ болѣе чести старшимъ литераторамъ за ихъ сочувствіе ко всему молодому и свѣжему, тѣмъ болѣе стыда для цѣнителей, не умѣющихъ понимать молодыхъ и свѣжихъ дѣятелей въ словесности.

Въ началѣ настоящей статьи нашей нами названы два произведенія, вполнѣ подтверждающія только-что высказанное нами заключеніе о томъ, сколько новыхъ и почти нетронутыхъ источниковъ поэзіи заключается въ ежедневномъ русскомъ быту, если онъ будетъ оцѣненъ и разработанъ людьми, понимающими дѣло. «Военные Разсказы» графа Толстого (о которомъ мы говорили недавно и будемъ говорить еще по поводу его другой книги «Дѣтство» и «Отрочество») и «Губернскіе Очерки» г. Щедрина, только-что напечатанные въ «Русскомъ Вѣстникѣ», во всѣхъ отношеніяхъ должны быть признаны замѣчательными литературными явленіями. И въ тѣхъ и въ другихъ разсказахъ, не смотря на то, что ихъ нельзя сравнивать въ художественномъ отношеніи, видно то, что теперь намъ особенно нужно и драгоцѣнно — трудъ людей *основательно знающихъ тотъ міръ, который ими изображается.* Помимо великой поэтической силы графа Толстого, въ немъ, какъ въ военномъ разскащикѣ, намъ дорогъ настоящій русскій военный человѣкъ, знающій и офицера и солдата. Въ г. Щедринѣ цѣнимъ мы не столько оригинальность его разсказа, не столько задатокъ будущихъ литературныхъ его достоинствъ, сколько его глубокое знаніе чиновнаго провинціальнаго быта, знаніе практическое, и, смѣемъ надѣяться, всестороннее. Взглянувъ на обоихъ писателей съ этой особливой точки зрѣнія, мы тотчасъ же разпознаемъ заслуги, ими сдѣланныя. Оба они, опираясь на прочное знаніе своего дѣла, не только взглянули на бытъ, ими изображенный, съ совершенно са-

Digitized by Google

мостоятельной стороны, но и возсоздали его, по мѣрѣ своихъ силъ, рядомъ сценъ и типовъ истинно новыхъ. Посмотримъ теперь, что именно каждый изъ двухъ названныхъ литераторовъ совершилъ по своей части, и на сколько каждый изъ нихъ обогатилъ себя черезъ основательное, честное, совѣстливое изученіе русской дѣйствительности. О графѣ Толстомъ на этотъ разъ мы не будемъ говорить съ подробностью, потому-что за два мѣсяца назадъ уже охарактеризовали его достоинства, какъ военнаго разскащика. Вся читающая публика оцѣнила его талантъ и мы не считаемъ нужнымъ распространяться о томъ, что хорошо знаетъ сама публика. Но можетъ быть еще немногіе изъ читателей отдаютъ себѣ полный отчетъ въ томъ, какой огромный шагъ сдѣланъ былъ графомъ Толстымъ, какъ живописцомъ военныхъ сценъ, по изученію дѣйствительной и вседневной жизни военнаго русскаго человѣка. До сихъ поръ между нашими литераторами было весьма мало настоящихъ военныхъ людей, обстоятельство чрезвычайно невыгодное въ томъ отношеніи, что нравы и бытъ военнаго сословія, столь многочисленнаго въ Россіи, ускользали отъ пера нашихъ писателей по ихъ малому знакомству съ этимъ нравомъ и бытомъ. Сколько ни читай книгъ, сколько ни встрѣчай офицеровъ въ гостиной, сколько ни гляди на казармы и на солдатъ во время ученья, военной жизни (точно также, какъ и всякой другой жизни) не узнаешь изъ такихъ праздныхъ наблюденій. Лермонтовъ, самъ служившій офицеромъ и бывавшій подъ пулями, сдѣлалъ многое, но мы лишились этого человѣка, едва успѣвъ насладиться его первыми созданіями. Послѣ Лермонтова пришло время рутины, ничѣмъ не оправдываемой и ничѣмъ непзвиняемой. Обыкновенно люди, мало знающіе и худо изучившіе свой предметъ, силятся прикрыть скудость свою обобщеніями и хитрыми выводами, въ которыхъ бываетъ все, кромѣ истины и дѣйствительности. По причинѣ малаго знанія и страсти къ обобщеніямъ, наша литература, со времени Грушницкаго и Максима Максимыча, до появленія разсказовъ графа Толстого, относилась къ русской военной жизни съ величавостью долговязаго младенца, нахватавшагося верховъ по книжкамъ и силящагося судить о предметахъ, ему вовсе не знакомыхъ. Бытъ русскаго воина, его интересы и подвиги, его достоинства и слабости, его возвышенныя и темныя стороны — все это было незнакомо рѣдкимъ изъ нашихъ писателей, изрѣдка выводившихъ военнаго человѣка въ своихъ разсказахъ. Такіе писатели дѣйствовали двумя путями: или жили на счетъ Лермонтова, передѣлывая его типы на свой ладъ, или, что еще хуже, не зная ни военнаго

Digitized by Google

быта ни военныхъ людей, составляли военнаго человѣка, подобно нѣмцу-критику, рисовавшему верблюдовъ не съ натуры, но изъ *сокровенной глубины своего самосознанія*. Но сокровенная глубина самосознанія вела лишь къ пустой дидактикѣ и карающему юмору, не каравшему ровно никого и ничего на свѣтѣ. Подъ вліяніемъ этой скудости и развелись въ нашихъ романахъ нигдѣ несуществующіе типы военныхъ юношей, непремѣнно усатыхъ и самодовольныхъ, комическихъ безъ комизма, очертанныхъ безъ знанія дѣла. Старосвѣтскіе литераторы въ офицерѣ изображали непремѣнно красавца и удальца, перваго любовника, Вельскаго или Лидина; повѣствователи новаго поколѣнія бросались въ противоположную крайность. Каждый рисовалъ не съ натуры, а *отъ себя*, по мастерскому выраженію Брюллова, и эта рисовка отъ себя происходила отъ того, что изъ художниковъ никто не изучалъ натуры, а бродилъ въ сумракѣ своего сокровеннаго самосознанія. Намъ говорятъ, что военные люди всегда щекотливы на сатиру, и что это обстоятельство связывало руки у правоописателей, но мы смѣемъ сказать, что, по странной игрѣ случая, эта дѣйствительная или воображаемая щекотливость принесла пользу словесности, избавивъ ее отъ цѣлаго ряда нелѣпыхъ созданій, цѣлой сотни ложныхъ типовъ. Кто изъ новыхъ писателей, послѣ Лермонтова и отчасти Гоголя, могъ знать и описывать военнаго русскаго человѣка? Кто изъ нихъ могъ бы сочинить хотя одну страницу изъ «Набѣга» и «Рубки Лѣса»? А между тѣмъ поползновеніе писать военныя сцены было у многихъ, только сцены эти писались бы *отъ себя*, изъ сокровенной глубины литераторскаго самосознанія. Нѣтъ, мы отъ души радуемся, что такихъ сценъ у насъ писалось немного.

Въ такомъ отношеніи находилась литература наша къ военному быту, когда графъ Толстой сталъ печатать свои военные разсказы, нынѣ собранные въ одну книгу, и уже получившіе въ этомъ новомъ видѣ весь успѣхъ, какой мы имъ предсказывали. Первымъ появился «Набѣгъ», разсказецъ хорошенькій и какъ будто набросанный съ небрежностью, но разсказецъ до такой степени исполненный поэзіи военной жизни, что многіе знатоки литературы, наслаждаясь поэзіей «Набѣга», почти не отдали справедливости другимъ сторонамъ произведенія. Дѣйствительно, въ «Набѣгѣ» есть что-то особенно опьяняющее, волнующее душу и не дающее возможности остановиться на прозаической, вседневной сторонѣ разсказа. Эта картина выступленія войскъ, приготовленій къ бою, полегловъ подъ открытымъ небомъ, ощущеній подъ первыми пулями, картина смерти и веселости, рыцарства и беззаботности, удальства

Digitized by Google

и унылыхъ минутъ послѣ набѣга, была дѣйствительно плѣнительна, но не менѣе плѣнительны и вѣрны были лица военныхъ людей, выведенныхъ въ набѣгѣ. Розенкранца и капитана Хлопова еще не бывало въ нашей повѣствовательной литературѣ. Съ появленіемъ «Рубки Лѣса» слава образцоваго военнаго разскашика, окончательно утвердилась за графомъ Толстымъ, въ то же самое время печатавшимъ свои «Очерки Севастополя». Сильный талантъ, наблюдатель и мастеръ, военный человѣкъ, истинный воинъ по службѣ и призванію, — сказались читателю самому недальновидному. Намъ, пишущимъ людямъ, стало радостно думать, что одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ сверстниковъ присутствуетъ съ русскими войсками на сценѣ дивныхъ севастопольскихъ подвиговъ, не только въ качествѣ зрителя и живописца, но въ качествѣ настоящаго воина, до тонкости знающаго военныхъ людей и военный бытъ, военныя радости и горести военнаго званія. Русская литература не могла имѣть въ стѣнахъ Севастополя лучшаго и надежнѣйшаго представителя. И когда осада кончилась, и когда авторъ «Рубки Лѣса» вернулся къ намъ не только цѣлый и здоровый, но еще съ «Севастополемъ въ Августѣ» для декабрьской книжки «Современника», онъ былъ встрѣченъ въ Москвѣ и Петербургѣ, какъ одинъ изъ первыхъ русскихъ писателей и чуть ли не единственный знатокъ поэзіи военнаго быта. Рукопись, имъ привезенная, не обманула ожиданій нашихъ, и послѣдній очеркъ Севастополя вышелъ едва ли не лучше двухъ первыхъ. Послѣ братьевъ Козельцовыхъ, Вланга, совѣстно вспомнить о военныхъ типахъ, когда-то выводимыхъ въ нашей литературѣ. Передъ *знаніемъ дѣла* совершенно разрушились всѣ фантастическія понятія о военной жизни, такъ какъ они описывались до сихъ поръ въ литературѣ нашей. И что до крайности поучительно: у графа Толстого, въ его разсказахъ изъ военнаго быта, знаніе дѣла всегда идетъ объ руку съ несомнѣнной поэзіею. Тутъ-то и видна справедливость стараго сравненія поэзіи съ вѣковымъ и сильнымъ деревомъ. Чѣмъ глубже сидятъ корни дерева, тѣмъ выше вздымается къ небу его вершина. У насъ многіе поэты думаютъ противное. Не давши своей житейской опытности пустить корень въ глубину родной почвы, они думаютъ, что ихъ поэзія вознесется къ небу изъ глубины самосознанія и грубыхъ дидактическихъ теорій. Не заложивъ прочнаго фундамента, они уже придаютъ изукрашенный видъ крышѣ своей постройки. Оттого ихъ зданіе валится на бокъ, оттого ихъ дерево чахнетъ и хирѣетъ и гнется къ землѣ, а они тому радуются. Это великое несчастіе дидактиковъ, утверждающихъ намъ, что верхушка вѣкового

Digitized by Google

дуба должна стлаться по землѣ, а не возноситься къ небу. Въ землѣ долженъ сидѣть корень дерева; если же оно не возноситъ къ небу свои вершины, значитъ дерево или гнило, или еще очень молодо.

Переходя отъ военныхъ разсказовъ Толстого къ «Губернскимъ Очеркамъ» г. Щедрина, отъ офицеровъ къ чиновникамъ, отъ военнаго быта къ быту гражданскому, отъ шумныхъ полей сраженія къ тихому отдаленному городу, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь одинъ совѣтъ сэра Вальтера Скотта начинающимъ литераторамъ его времени. «Помните, господа», — говорилъ честный баронетъ своимъ младшимъ товарищамъ, «помните, что литература должна быть для васъ посохомъ странника, а не костылемъ калѣки. Любите искусство, служите ему, — но не опирайтесь на одно искусство, не забывайте имѣть въ жизни какую-нибудь практическую дѣятельность, кромѣ литературы». Совѣтъ благороднаго писателя данъ былъ съ экономической цѣлью, ибо Скоттъ хотѣлъ имъ показать недостаточность литературныхъ выгодъ для обезпеченія человѣка, — но въ немъ есть своя сторона болѣе возвышенная. Чтобъ писать о жизни и людяхъ, надо знать и людей и жизнь въ обычныхъ ея проявленіяхъ. Чтобы описывать людей, которые трудятся, служатъ, хозяйничаютъ, любятъ и добиваются всего хорошаго въ жизни, полезно самому трудиться и служить и добиваться того, что въ жизни стоитъ труда съ усиліями. Положимъ, что великому поэту и сильному писателю, въ періодѣ полной зрѣлости, полезно отдаться музамъ безъ изъятія; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и такой сильный человѣкъ, въ свои ученическіе годы (Lehrjahren), обязанъ жить жизнью своихъ согражданъ и дѣлить съ ними труды ихъ вседневнаго быта. Съ книгами, глубиной самосознанія и чужеземными теоріями, не изучишь русскаго воина, русскаго помѣщика, русскаго чиновника и русскаго земледѣльца. Даже входя въ кругъ этихъ людей дилетантомъ и праздными наблюдателемъ, не узнаешь ихъ жизни, ихъ существованія и характера. Можетъ быть, мы слишкомъ взыскательны, но насъ всегда огорчалъ, въ нашей литературѣ, малѣйшій разладъ талантливаго писателя съ интересами или своего сословія, или того быта, который имъ избранъ для своихъ произведеній. У насъ есть хорошія книги, съ изображеніемъ быта чиновнаго, книги, въ которыхъ кишатъ промахи, происходящіе отъ незнанія законовъ, административнаго порядка, судебныхъ дѣлъ и такъ далѣе. У насъ есть разсказы изъ помѣщичьяго быта, поражающіе ошибками по хозяйственной части, ошибками самыми непростительными. При

Digitized by Google

чтеніи подобныхъ сочиненій, намъ всегда становится грустно, точно также грустно, какъ при видѣ великой неловкости, сдѣланной дорогимъ намъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время деревенской прогулки, одинъ изъ нашихъ талантливыхъ писателей, много сочинявшій о сельскомъ бытѣ, въ полѣ не разпозналъ ячменя и назвалъ его рожью. Трудно передать чувства, которыя пробудились въ насъ вслѣдствіе этой ошибки, на первый взглядъ скорѣе забавной, чѣмъ важной. А она показалась намъ очень важна, и мы невольно вспомнили слова сэра Вальтера: «нельзя опираться на одну литературу, какъ на костылъ. Кромѣ литературы, необходимо имѣть въ жизни какую-нибудь практическую дѣятельность.»

Можетъ быть, наши слова раздражатъ какого-нибудь фразера, сумрачно сидящаго весь свой вѣкъ въ одной квартирѣ одного и того же города, но воображающаго себя всевѣдущимъ по части военнаго, чиновнаго и сельскаго быта; однако, отъ словъ своихъ мы никогда не отступимся. Поэзія, то-есть цвѣтъ жизни, можетъ родиться только изъ растенія, прочно пустившаго свои корни въ родную почву. А корни нашей словесности сидятъ еще въ этой почвѣ весьма неглубоко. Не для фантазій и утопій поэтъ рожденъ на свѣтъ, а для сильнаго труда, *сугубаго* труда, потому, что этотъ трудъ двухстороненъ. Для изученія быта, имъ избраннаго, онъ долженъ жить и трудиться въ этомъ бытѣ, сцѣпляться съ нимъ всѣми фибрами своего существованія, любить его при всѣхъ его несовершенствахъ, даже отчасти быть несовершеннымъ съ нимъ вмѣстѣ. Поэтъ, котораго юность прошла въ подвигахъ военнаго ремесла, какъ у графа Толстого, въ строгомъ и дѣятельномъ помѣщичьемъ быту, какъ у г. Аксакова, въ честной и энергической гражданской дѣятельности, какъ... какъ — хоть у Маколея (бывшаго секретаря остъ-индскаго управленія и секретаря военныхъ дѣлъ) — для насъ будетъ всегда особенно дорогъ, хотя бы онъ написалъ менѣе, чѣмъ другой поэтъ, имѣвшій болѣе свободнаго времени для главной задачи своей жизни. Для поэта, въ его ученическіе годы, полезнѣе производить судебныя слѣдствія, чѣмъ болтать въ гостиныхъ, смотрѣть за сельскими работами, чѣмъ читать политическіе памфлеты, командовать ротою, чѣмъ окружать себя толпой фразёровъ и поклонницъ. Съ удовольствіемъ надо замѣтить, что наша литература за послѣднее время понимаетъ это и идетъ по практической дорогѣ. Если поэзія наша должна быть чиста отъ случайныхъ и временныхъ примѣсей, за то житейской дѣятельности самихъ поэтовъ надо про-

Digitized by Google

никнуться практичностью и современностью. Лермонтовъ недаромъ сказалъ:

Скорѣе жизнь въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

А напитокъ этотъ кажется отравленнымъ только потому, что его мы льемъ не туда, куда слѣдуетъ.

Мы не отвлеклись отъ предмета статьи нашей, не взирая на длинное отступленіе. Въ «Губернскихъ Очеркахъ» г. Щедрина, недаромъ поставленныхъ нами рядомъ съ «Военными Разсказами» графа Толстого, сказывается намъ писатель, несомнѣнно обладающій *знаніемъ дѣла* и пониманіемъ быта, имъ изображаемаго. «Губернскіе Очерки», по своему плану, напомнили намъ знаменитую поэму Крабба «Мѣстечко», а вступительная ихъ глава, пропитанная поэзіею, и въ художественномъ отношеніи самая лучшая изо всѣхъ главъ, еще болѣе утвердила насъ въ этомъ случайномъ, но такъ много обѣщающемъ сближеніи. Безъ заданной темы и филантропическихъ умствованій, авторъ приступаетъ къ изложенію своей задачи, состоящей въ томъ, чтобъ передать читателю, въ рядѣ разносторонніхъ и разнообразныхъ очерковъ, весь бытъ маленькаго провинціальнаго города Крутогорска.

Давно мы не встрѣчали въ описаніяхъ нашего провинціальнаго быта такихъ свѣтлыхъ и тихихъ страницъ, даже составляющихъ разладъ съ послѣдующими главами, въ которыхъ выводятся на сцену лица и событія вовсе не успокоительнаго свойства. Но этотъ разладъ есть только разладъ кажущійся, а не дѣйствительный, ибо г. Щедринъ, знакомя насъ съ плутомъ-подъячимъ, хитроумнымъ взяточникомъ лекаремъ и другими мрачными героями прошлыхъ временъ, описываетъ эти лица съ тѣмъ же *знаніемъ дѣла*, съ которымъ описалъ онъ тишину и успокоительную прелесть маленькаго своего Крутогорска. Съ первыхъ пріемовъ разскащика, не взирая на то, что вторая глава его «Очерковъ» вложена въ уста подъячаго, вы слышите голосъ человѣка, описывающаго чиновническую сферу не съ чужихъ словъ и не съ чужого голоса. По вѣрности и основательности подробностей, по непринужденной прямотѣ, съ какой г. Щедринъ подходитъ къ дѣлу, нельзя не признать въ немъ человѣка, служившаго и знающаго службу, да сверхъ того глядящаго на служебные интересы глазомъ полезнаго и практическаго чиновника. Онъ любитъ міръ имъ изображаемый, при всѣхъ несовершенствахъ этого міра, любитъ потому, что его знаетъ во всей подробности. Знаніе дѣла всегда неразлучно съ любовью, ибо безъ привязанности къ своему предмету не изучишь

Digitized by Google

даже его поверхностныхъ особенностей. Въ наше время всякій филантропическій фразёръ, всякій любитель гуманно-высокопарныхъ фразъ силится убѣдить публику, что душа его преисполнена любви къ человѣчеству. Мы не дадимъ гроша за любовь безъ *знанія*. Мы не дадимъ копѣйки за умствованія дидактика, говорящаго со слезами о честности высокой, о слабостяхъ чиновнаго люда, а между тѣмъ не знающаго ни законовъ своего края, ни порядка служебной дѣятельности, ни круга дѣйствія присутственныхъ мѣстъ, ни сферы, подлежащей ихъ вѣдѣнію. Любовь подобнаго рода только сбиваетъ съ пути, а не наводитъ на него; только раздражаетъ, а не примиряетъ. Мы недавно упомянали про воображаемую щекотливость русскаго человѣка въ дѣлѣ указанія его недостатковъ, — смѣемъ теперь сказать, что щекотливость эта относительна. Къ писателю, *знающему дѣло*, толкующему о слабостяхъ, имъ дѣйствительно изученныхъ, русская публика никогда не была строга — Гоголь служитъ тому живымъ примѣромъ. Но къ фразёру, нахватавшемуся общихъ умствованій и судящему о предметахъ вполнѣ ему незнакомыхъ, читатель находится въ иномъ положеніи. Отъ малознающаго учителя урокъ бываетъ всегда непріятенъ и скученъ. Отъ человѣка, незнакомаго съ практической стороной жизни, ни одинъ смѣтливый ученикъ не выслушаетъ урока съ терпѣніемъ. «Губернскіе Очерки» г. Щедрина получили у читателей большой успѣхъ, не смотря на суровый тонъ нѣкоторыхъ подробностей и мрачныя краски, на которыя авторъ не поскупился въ иныхъ этюдахъ. Если бы хотя часть сказанныхъ мрачныхъ красокъ пошла на украшеніе какого нибудь сухо-дидактическаго голословія, — читатель бы возмутился, а въ настоящемъ случаѣ онъ испытываетъ удовольствіе и хвалитъ г. Щедрина. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ умѣетъ всюду провести, не взирая на темныя стороны разсказа, одно честное и доброе лицо, про которое говорилъ графъ Толстой въ своемъ «Севастополѣ». Это лицо — истина, не отвлеченная и сухая истина, а истина, живущая своей жизнью и наполняющая собой всѣ части разсказа. Прокыра Порфирій Петровичъ, мрачный грабитель Фейеръ и другія лица въ такомъ родѣ, не ужасаютъ читателя безплоднымъ ужасомъ, ибо это живые люди, списанные съ натуры, а не размалеванныя страшилища, воплощеніе заданной мысли и воображаемыхъ пороковъ. Читатель видитъ и понимаетъ очень хорошо, что рука, набросавшая портретъ какого нибудь вреднаго Порфирія Петровича, съумѣетъ и въ жизни поймать Порфирія Петровича, взять его за воротъ и передать въ руки правосудія, на зло всѣмъ козпямъ ви-

Digitized by Google

новатаго. Эта практичность въ знаніи, достоинство весьма рѣдкое въ нашихъ писателяхъ, у г. Щедрина очень ясно выражается въ главѣ «Неумѣлые», гдѣ изображены дѣянія юноши-чиновника, не лишеннаго прекрасныхъ убѣжденій, но до крайности безполезнаго по своему неумѣнью взяться за дѣло. Не взирая на сухость главы и отсутствіе въ ней движенія, она читается легко, ибо богата умомъ и мыслями. Молодого чиновника зовутъ Михайломъ Трофимычемъ, онъ ѣздитъ на разныя слѣдствія съ простымъ депутатомъ ратманомъ Голенковымъ, говоритъ ему прекрасныя фразы, бранитъ всѣхъ старыхъ чиновниковъ, выражаетъ свое желаніе и увѣренность быть полезнымъ краю, а между-тѣмъ, вмѣсто пользы, причиняетъ только путаницу и неправду. Гдѣ нужно сдѣлать простой опросъ, онъ выдумываетъ штуки въ новомъ родѣ, переодѣтый идетъ въ кабакъ подслушивать людскія рѣчи, и за то претерпѣваетъ всякія насмѣшки. Гдѣ надо кончить дѣло строгой мѣрою, тамъ онъ только болтаетъ и, сблизясь съ подсудимымъ, безъ злого умысла передается на его сторону. Это не мѣшаетъ ему спорить съ Голенковымъ, писать длинныя, очень длинныя бумаги, и считать себя свѣтиломъ полудикаго края. Мѣщанинъ-депутатъ, споря съ юношей и впослѣдствіи передавая о немъ свое мнѣніе, говоритъ нѣсколько замѣчаній, надъ которыми нельзя не призадуматься.

«Чтожь», спрашиваетъ Голенкова сочинитель, «чтожь это доказываетъ? Это доказываетъ только, что Михайло Трофимовичъ или глупъ, или къ полицейской службѣ неспособенъ. Вотъ и все».

«Нѣтъ-съ», говоритъ Голенковъ, «это, я вамъ доложу, не отъ неспособности и не отъ глупости, а просто отъ сумлѣнья, да оттого еще, что терпѣнья нѣтъ, прилежности къ дѣлу нѣтъ. Все думаетъ, что дѣло-то шутки, что ему жареные-то рябцы въ ротъ полетятъ. Такъ врешь! ты сначала поучись, да къ самъ естеству-то подладься... Анъ и выходитъ, что во всякомъ дѣлѣ мало одной честности да доброй воли... Грязью-то не гнушайся, а разбери ее, да разобравши хорошенько, и суй въ ту пору туда свой носъ... Ты, коли служить вѣрой, такъ по верхамъ-то не зазнай, а держись больше около земли, около земства-то. Если видишь что плохо — ну и поправь, наведи его на дорогу. А то пріѣдетъ это весь какъ пушка заряженный, — съ честностью, да благонамѣренностью. Ты благодѣтельствуй намъ, — слова нѣтъ! — да въ мѣру, сударь, въ мѣру, а не то вѣдь намъ и тошно, пожалуй, будетъ».

Еще лучше и рельефнѣе вышли нѣкоторыя объясненія Голенкова съ Михайломъ Трофимычемъ.

«Вы сами много виноваты», говоритъ юноша по поводу разныхъ злоупотребленій: «кабы молъ вы разумѣли, что подлецъ, — подлецъ и есть, такъ не смѣлъ бы онъ и рожу свою на свѣтъ Божій показать.» «Ладно, (продолжаетъ Голенковъ) далъ я ему поуспокоиться, да и говорю потомъ. «Вѣдь вотъ ты, ваше благородіе, баешь, что молъ подлеца подлецомъ называть, а это, говорю, и по христіанству

Digitized by Google

нельзя, да и начальство, пожалуй, не позволитъ. Этакъ ты съ своего-то ума меня подлецомъ назовешь, я не подлецъ совсѣмъ, — такъ на что жъ это будетъ похоже? А настоящій-то подлецъ за лишней рупачкой на тебя и не полѣзетъ: это ему все одно, что ковшикъ воды выпить...»

Вотъ настоящій взглядъ на дѣло — результатъ прочнаго знакомства съ описываемой авторомъ средою! Предѣлы статьи нашей не дозволяютъ намъ ни дальнѣйшихъ выписокъ, ни подробнаго отзыва о второй части «Губернскихъ Очерковъ», помѣщенныхъ въ 18 номерѣ «Русскаго Вѣстника». Три послѣднія главы совершенно достойны трехъ первыхъ, изъ нихъ намъ особенно понравилась та, которая называется «Въ Острогѣ» (пусть читатель не пугается заглавія: въ этой главѣ не найдетъ онъ ничего вопіющаго и раздирательнаго). Есть еще одна причина, по которой мы отлагаемъ нашъ окончательный приговоръ надъ талантомъ г. Щедрина до окончанія его «Губернскихъ Очерковъ». Художественная сторона писательскаго дарованія всегда находится въ неразрывной связи съ односторонностью, многосторонностью или всесторонностью этого самаго дарованія. Между Гомеромъ, охватившимъ въ своихъ твореніяхъ всю жизнь и всю правду своего времени, и между какимъ нибудь дидактикомъ Пруцомъ, не видящимъ ничего, кромѣ своего псевдополитическаго муравейника, имѣется милліонъ оттѣнковъ, милліонъ степеней творчества. Сообразно съ широтой міросозерцанія во всѣ вѣка идетъ сила таланта въ поэтахъ и прозаикахъ. Опредѣлять талантъ писателя, основываясь на неконченной вещи и задаткахъ, отрывочно въ ней высказанныхъ, было бы съ нашей стороны или торопливостью или недобросовѣстностью. По введенію «Губернскихъ Очерковъ», намъ видится въ г. Щедринѣ писатель многосторонней силы, по нѣкоторымъ подробностямъ главъ, слѣдующихъ за введеніемъ, въ немъ сказывается умный, но не чуждый дидактики дѣятель. Которая изъ двухъ особенностей пересилитъ и останется за авторомъ, это намъ покажетъ время. До сихъ поръ въ его Фрейерахъ, Голенковыхъ, Порфиріяхъ Петровичахъ мы видимъ людей живыхъ и мастерски обрисованныхъ; но мы еще не проникаемъ въ ту таинственную сущность вещей, вслѣдствіе которой и люди эти, и городъ, ими населенный, дороги сердцу сочинителя. Гоголь любилъ Поздрева и Чичикова, Маниловъ и Собакевичъ имѣли мѣсто въ сердцѣ Гоголя, именно потому, что Гоголевское воззрѣніе на людей отличалось могучею всесторонностью, равно охватывающей всѣ стороны жизни и возводящей ихъ въ лучезарный фокусъ поэзіи. Довольствоваться обличеніемъ дурныхъ сторонъ изображаемаго смертнаго, не есть еще *все* дѣло

Digitized by Google

поэта — нужно привязать этого смертнаго ко всѣмъ людямъ, сдѣлать его занимательнымъ, указать въ немъ человѣческія и общія всѣмъ намъ стороны.

И такъ, оканчивая съ «Губернскими Очерками», мы можемъ сказать, что послѣ введенія и семи первыхъ главъ, талантливый авторъ ихъ очутился на разпутіи, или оставя красоту слога, просто на перекресткѣ, съ котораго разныя дороги ведутъ по разнымъ направленіямъ. Онъ можетъ вдаться въ односторонность взгляда, онъ можетъ, руководясь своимъ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла, изобразить намъ провинціальную жизнь во всей ея полнотѣ, во всѣхъ ея, до сихъ поръ еще никѣмъ не подмѣченныхъ, проявленіяхъ. Для выполненія задачи, высказанной намъ во введеніи, онъ имѣетъ весьма многое: и самостоятельность манеры, и любовь къ правдѣ, и живую опытность въ дѣлѣ интересовъ, почти не доступныхъ нашимъ литераторамъ. Г. Щедринъ, можетъ быть болѣе, чѣмъ кто-либо изъ нынѣ пишущихъ людей, разумѣетъ поэзію и правду чиновничьей жизни, знакомъ съ бытомъ и понятіями цѣлаго многочисленнаго класса нашихъ согражданъ. Онъ можетъ просто и правдиво говорить о вещахъ, о которыхъ мы до сихъ поръ мало говорили, по причинѣ нашего незнанія. Какъ человѣкъ служащій и знающій службу, онъ долженъ сдѣлать для нашего чиновнаго быта то, что графъ Левъ Толстой сдѣлалъ для военнаго. У кого изъ нашихъ повѣствователей изображены печальныя и радостныя ощущенія, связанныя съ разными служебными случаями, напримѣръ, съ потерей и перемѣной мѣста, съ удачно-произведеннымъ слѣдствіемъ, съ окончаніемъ какого нибудь запутаннаго спора, съ затрудненіями передъ началомъ полезной дѣятельности и такъ далѣе? Стоитъ взглянуть на всю задачу съ этой точки зрѣнія и ряды лицъ, десятки высоко занимательныхъ этюдовъ, сами станутъ проситься на бумагу. Въ гражданской провинціальной дѣятельности откроются герои превосходнаго и худого свойства, свои Хлоновы, Розенкранцы, Козельцовы, Влангп, Гальцыны, Праскухины, которыми мы такъ наслаждаемся въ «Военныхъ Разсказахъ» Толстого. Вмѣсто анализа перваго ощущенія подъ пулями, мы увидимъ разсказъ о первомъ ощущеніи при разслѣдованіи какого нибудь преступленія; вмѣсто поэтическихъ ночей на бивакѣ, пойдутъ ночлеги въ деревняхъ и селахъ, посреди новыхъ лицъ, товарищей по занятію, поселянъ и чиновниковъ, честныхъ служителей Осмиды и зловредныхъ крючкотворовъ. Гдѣ жизнь — тамъ дѣятельность, гдѣ дѣятельность людская, тамъ свои частицы правды и поэзіи. Пусть правоописатель съумѣетъ только уразумѣть

Digitized by Google

свою тему, вмѣстѣ съ бытомъ имъ изображаемымъ, и его литературный путь сдѣлается широкимъ путемъ опытнаго мыслителя. Рутину, дидактику и повтореніе задовъ г. Щедринъ можетъ смѣло предоставить другимъ, *неумѣлымъ* писателямъ: употребляемъ здѣсь его собственное выраженіе. Съ его знаніемъ дѣла нельзя не быть самостоятельнымъ, съ его любовью къ правдѣ легко достигнуть всесторонности въ талантѣ.

1856.

XII.

«ОЧЕРКИ ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА», А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО. СПБ. 1856.

Мы не способны вдаваться въ квасной патріотизмъ и, говоря о современномъ русскомъ искусствѣ, видѣть въ немъ залоги какого-то фантастическаго, необъятнаго величія, величія недосягаемаго для другихъ земель и народовъ. Отцы наши передали намъ мудрое правило: не хвалиться начатымъ дѣломъ, какъ бы оно хорошо ни начиналось, не тщеславиться хорошими сторонами своихъ собратій, не унижать соперниковъ и сверстниковъ для большей себѣ самимъ славы. Повинуясь этимъ святымъ народнымъ правиламъ, — русское искусство двигалось до сихъ поръ и, мы надѣемся, будетъ двигаться вѣчно. Въ этомъ отношеніи оно поступало, поступаетъ и, надѣемся, долго будетъ поступать такъ, какъ слѣдуетъ искусству народа юнаго и исполненнаго силы, довѣрчиво глядящаго впередъ и не способнаго тщеславиться прошлыми своими заслугами. На пути своемъ къ просвѣщенію и преуспѣянію всякаго рода, русская семья дѣйствуетъ едва ли не разумнѣе другой великой, отдаленной отъ насъ семьи, такъ часто сравниваемой съ нами. Мы говоримъ про общество сѣверо-американскихъ штатовъ, такъ много сдѣлавшее, въ теченіи одного столѣтія, для пользы искусства и гражданственности. Ограничивая нашу параллель дѣломъ одной словесности, мы легко увидимъ разницу между двумя названными молодыми семьями, такъ богатыми будущностью. Въ то время, какъ сѣверо-американская литература тщеславится самой своей юностью, мы вовсе не считаемъ наше молодое просвѣщеніе чѣмъ-то вызывающимъ на тщеславіе. Пока американскіе мыслители заносчиво глядятъ на дѣятельность своихъ европейскихъ учителей и товарищей,—мы жаждемъ науки и умственнаго братства съ другими народами. Между-тѣмъ какъ

Digitized by Google

лучшіе писатели Соединенныхъ Штатовъ считаютъ свою родную литературу чѣмъ-то грандіознымъ, окончательно установившимся, мы просто и откровенно сознаемся въ томъ, что русскому искусству надобны еще долгіе годы успѣховъ для того, чтобъ внести свое новое и живое слово въ рѣчь старѣйшихъ просвѣщенныхъ государствъ міра. Американецъ смѣшитъ свѣтъ, гордо высчитывая сотню родовыхъ поэтовъ по его мнѣнію великихъ, — мы иногда медлимъ привѣтствовать истинно великаго поэта, достойнаго всей славы Все это похвально и разумно, хотя по временамъ переходитъ въ крайность не совсѣмъ полезную для искусства. У насъ есть писатели и грамотные люди, до сихъ поръ утверждающіе, что Гоголь — малороссійскій шутникъ, исполненный грязи, что гг. Тютчевъ и Фетъ — поэты малѣйшаго разбора, что прозаики въ родѣ Гончарова, Тургенева, Писемскаго — нѣчто въ родѣ Гондрекуровъ и Ксавье-де-Монтепеней, существующихъ для увеселенія читателей средняго круга, худо знающихъ по французски. Въ тотъ самый годъ, когда Гаватта, индійская повѣсть «Лонгфелло», расходится за атлантическимъ океаномъ во множествѣ изданій, у насъ, на берегахъ Невы и Волги, поэты высокаго разбора не хотятъ издавать своихъ стихотвореній, боясь холодности читателя. Всякое достоинство хранитъ въ себѣ самомъ зерно какого-нибудь недостатка, всякое здравое народное качество по временамъ бываетъ способно переходить въ крайность не совсѣмъ здравую. Оттого и мы, русскіе, высоко цѣня свое родное искусство, отъ сердца желая ему всякихъ благъ и всякаго совершенствованія, не совсѣмъ раціонально смотримъ на это искусство, такъ для насъ дорогое. По натурѣ нашей мы не только чужды фразы и преувеличенія, но даже иногда боимся фразы и преувеличенія дѣтской боязнью До сихъ поръ мы еще ни разу не отдавались всей душой нашей какому-нибудь родному мыслителю, родному поэту, родному художнику, родному великому человѣку, однимъ словомъ. Слово *но*... вѣчно примѣшивалось и до сихъ поръ примѣшивается ко всѣмъ нашимъ увлеченіямъ и восторгамъ. «Державинъ, переведенный на иностранный языкъ» — сказано было Пушкинымъ, «удивитъ собою вселенную!» Самъ Пушкинъ, величайшій изъ поэтовъ нашихъ, далеко не оцѣненъ своими согражданами, такъ, какъ долженъ бы былъ цѣниться имъ поэтъ-просвѣтитель, подобный Пушкину. Писатели русскаго поколѣнія, пишѣ трудящагося и живущаго, писатели много трудившіеся и много сдѣлавшіе для родного искусства, безпрестанно видятъ свои заслуги недостаточно признанными, и мало того, какъ будто злонамѣренно умаляемыми въ обществен-

Digitized by Google

номъ мнѣніи. Самому горячему и просвѣщенному читателю, только что прочитавшему своего любимаго поэта, еще не остывшему отъ наслажденія, ему доставленнаго, почти совѣстно сказать во весь голосъ: этотъ мой сверстникъ, согражданинъ и современникъ написалъ образцовую книгу! Откуда происходитъ у насъ такое недовѣріе къ своему, такое колебаніе передъ русской мыслью, такая робость при отзывѣ о художникѣ соотечественникѣ? Не далеко ли мы зашли въ нашемъ недовѣріи? Не перешла ли наша скромная сдержанность во что-то сухое и неблагосклонное дѣлу искусства?

Какъ намъ кажется, — теперь наступаетъ для насъ настоящая пора правдиваго и радостнаго взгляда на искусство нашего отечества. Пока мы не довѣряли себѣ самимъ и считали себя слабыми школьниками передъ остальной Европою, — русская словесность шла впередъ и все впередъ своею неуклонною, широкой дорогою. Не взирая на холодность цѣнителей, иногда переходящую въ пренебреженіе, не взирая на разноголосицу въ требованіяхъ и направленіи, не взирая на пассивное положеніе публики, все еще недовѣряющей русскимъ талантамъ, русская литература, наконецъ, добыла себѣ то, въ чемъ такъ долго судьба ей отказывала. Она вошла въ мозгъ и кровь каждаго просвѣщеннаго сына родины, она завоевала себѣ почетъ и сочувствіе, она вытѣснила всѣ почти ложные элементы, заимствованные у чужеземцовъ. Благородно и въ высшей степени честно двигалась наша литература и наша наука за послѣднее двадцатипятилѣтіе, не набиваясь къ меценатамъ, не требуя для себя невозможныхъ привиллегій, не оскорбляя общества, но и не раболѣпствуя передъ причудливыми требованіями общества. Она доказала свое коренное русское происхожденіе, дѣйствуя въ чисто русскомъ духѣ, съ тихостью, правдивостью и медленной энергіей, характеризующими истинно русскаго человѣка. За то судьбы ея въ настоящую минуту представляются намъ чѣмъ-то дѣйствительно отраднымъ, — и (въ томъ нѣтъ сомнѣнія) будутъ еще отраднѣе съ теченіемъ времени.

Есть въ нашей молодой словесности два великихъ достоинства, два основныхъ элемента, обильныхъ будущностью, два краеугольныхъ камня, на которыхъ прочно утвердилось ея подножіе. Первый изъ элементовъ, о которыхъ говоримъ мы — есть *энергія*, не та судорожная и крикливая энергія, которая сходна съ горячешными припадками и всегда приводитъ къ изнеможенію, — но та энергія сильныхъ организмовъ, что выражается здоровьемъ, живучестью, долговѣчіемъ, «силой на перенесеніе тяжестей», говоря Карлейлевскимъ слогомъ. Въ долговѣчности и здоровьи сло-

Digitized by Google

весности русской нельзя сомнѣваться человѣку, имѣющему глаза, уши и разсудокъ. Эта словесность безвредно пережила періоды, грозившіе ей полнымъ извращеніемъ, униженіемъ, разслабленіемъ, и пережила ихъ такъ, что послѣ сказанныхъ годовъ болѣзни, дѣлалась еще крѣпче и еще живучѣе. Уже одно рабское поклоненіе иностраннымъ теоріямъ, застигнувшее ее въ младенчествѣ, было способно сдѣлать изъ русской словесности тоже, что свершилось съ литературой испанской, фламандской, шведской и датской. А кромѣ иностраннаго вліянія, сколько другихъ вредныхъ для себя элементовъ пережило и переломило русское слово, напоминающее Алкида, убивающаго змѣй въ колыбели! Для нашего искусства приходили времена общаго пренебреженія къ искусству, годы тяжкихъ войнъ, обращавшіе въ пустыню всѣ окрестности аполлонова храма, періоды вѣтренаго вельможнаго покровительства, дѣлившаго всѣхъ тружениковъ родного слова на избранныхъ и непзбранныхъ. Наша словесность, во время Карамзина, Жуковскаго и Пушкинскихъ начинаній, должна была бороться съ однимъ препятствіемъ, самымъ необыкновеннымъ и ужасающимъ изо всѣхъ препятствій, когда-либо сокрушавшихъ умственное развитіе того или другого края. Это препятствіе, небывалое и безпримѣрное въ исторіи литературъ, *заключалось въ воспринятіи всѣмъ образованнѣйшимъ русскимъ обществомъ чужого языка, именно французскаго.* Во времена Августа, греческая литература была жизнью утонченнѣйшихъ римлянъ, — но эти римляне читали и понимали Горація, въ семьѣ своей говорили латинской рѣчью, не считая ее за нѣчто недостойное и неспособное къ выраженію дѣльныхъ мыслей. При королѣ Фридрихѣ Великомъ, лица, близкія къ королю, говорили и писали на его любимомъ французскомъ нарѣчіи, но обычай этотъ кончался Потсдамомъ и небольшимъ уголкомъ Берлина, — прусакъ стараго времени не переписывался съ родной матерью по-французски, его сынъ-ребенокъ не учился всѣмъ наукамъ отъ француза, открыто презирающаго все нѣмецкое. У насъ происходило нѣчто болѣе опасное, признаемся въ томъ съ русской откровенностью. Наши отцы говорили съ нами не по-русски, ихъ сестры и матери открыто повторяли, что на тяжеломъ русскомъ языкѣ непристойно говорить въ гостиныхъ. До сихъ поръ еще, по разнымъ уголкамъ общества, найдутся люди, считающіе русскую книгу чѣмъ-то исключительнымъ, лишнимъ, безобразнымъ, пригоднымъ для лакейской. И въ наше время еще можно отыскать юношей и женщинъ, не знающихъ своего языка, слагающихъ свои мысли не по-русски, или, какъ говорится, *думающихъ* на

Digitized by Google

иностранномъ нарѣчіи. Такія явленія, рѣже и рѣже показывающіяся съ каждымъ годомъ, позволяютъ намъ составить вѣрное предположеніе о томъ, каково было русскому поэту и русскому мыслителю, въ періодъ полнаго владычества французской рѣчи. Пережить такую необыкновенную эпоху могла только словесность, исполненная жизненности; а русская словесность не только пережила ее безвредно, но сдѣлала великіе успѣхи въ то самое время, когда лучшій классъ читателей отъ души презиралъ родную поэзію и родное слово. Правы ли мы послѣ этого, удивляясь жизненной энергіи, такъ обильно проявившейся въ исторіи нашей еще юной литературы?

Второй основный элементъ русской литературы, составляющій ея какъ бы родовую особенность, и могущественно высказавшійся во всѣ ея, даже самые слабые, періоды, есть *здравость направленія*, которой нельзя не дивиться. Въ сильномъ тѣлѣ живетъ сильная душа, говорятъ намъ философы, и афоризмъ этотъ весьма подходитъ къ настоящему предмету. Энергія, живучесть, устойчивость русской словесности, суть качества сильнаго тѣла, а въ сильномъ этомъ тѣлѣ живетъ разумная, прямая душа, столько же могучая, какъ и ея оболочка. Для наблюдателя поверхностнаго, для человѣка, изучавшаго свою литературу по хрестоматіямъ, здравая душа, про которую говоримъ мы, никогда не скажется. Такой наблюдатель вѣчно будетъ видѣть въ нашей словесности одни наносные элементы, одни преклоненія передъ чуждыми образцами, одни слабыя подлаживанія подъ строй чуземныхъ теоретиковъ. Но не по собраніямъ отрывковъ надо учиться русской словесности для того, чтобъ узнать ея силы, надо изучить ее всю, выслѣдить всѣ критическія теоріи, въ ней проявлявшіяся съ ихъ результатомъ и съ противодѣйствіемъ, ими возбужденнымъ. И тутъ-то, подъ элементомъ наноснымъ, откроется другой элементъ, свой и прирожденный, подъ теоріями чужими — сила, нейтрализующая ихъ вліяніе, подъ отклоненіями отъ истины горячее стремленіе къ истинѣ, подъ заблужденіемъ сознаніе заблужденія и усиліе отъ него отбиться. Эта двойственность пути, эта критика надъ своими ошибками, эта живость разумѣнія, всюду приспѣвающая тамъ, гдѣ въ ней настоитъ надобность, и слагаются въ одинъ здравый взглядъ, въ одну здоровую душу всей науки и всей поэзіи. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на года литературныхъ ошибокъ, на года раболѣпства передъ классицизмомъ, романтизмомъ и такъ далѣе, разсмотрите періоды словесности, самые обильные рутиною—всюду найдете вы одно и тоже — подъ временнымъ заблужденіемъ

Digitized by Google

протестъ противъ этого заблужденія. Подобныхъ протестовъ не много найдемъ мы и въ сильныхъ иностранныхъ литературахъ: во время Елизаветы англійской, никто не осмѣливалъ эвфуизма, когда французскій псевдоклассицизмъ налегъ на всю образованную Европу, — Европа радостно восприняла псевдоклассицизмъ, будто великую литературную истину, словно какое-то вѣрованіе, противъ котораго возставать могли одни безумцы! То ли было у насъ? такъ ли наша словесность поддалась ложному классицизму, чувствительному фразерству, романтизму, байронизму, какъ поддавались байронизму, романтизму и такъ далѣе, другія словесности старшихъ народовъ? Нѣтъ, у насъ дѣло шло иначе. У насъ хлопали «Синову» и «Хореву», но хохотали надъ пародіями этихъ же трагедій, — у насъ плакали надъ «Бѣдной Лизой» и читатели похожденія героевъ въ родѣ Эраста Чертополохова, у насъ писатели бросались въ туманный романтизмъ и между тѣмъ не отказывались отъ разработки матеріала простого, ежедневнаго, народнаго. Самъ Байронъ недолго былъ нашимъ кумиромъ, Пушкинъ, упомянувъ о «Москвичѣ въ Гарольдовомъ Плащѣ», затронулъ все направленіе, передъ которымъ преклонялся, будучи юношей. А сколько уклоненій безсознательныхъ, сколько сатиръ, сколько шутокъ было возбуждено у насъ самымъ сильнымъ преобладаніемъ той или другой ложной теоріи въ искусствѣ! Самъ Державинъ писалъ пародіи торжественныхъ одъ, самъ Карамзинъ шутилъ надъ Эрастами своей эпохи. Всюду прорывались творенія свѣжія и самобытныя, здравыя по взгляду, составленныя на перекоръ литературнымъ аристархамъ, закладывавшія основанія чисто русской и чисто своей словесности. Такой-то поэтъ, по воспитанію, преданіямъ дѣтства, по личнымъ своимъ причудамъ, долженъ былъ писать классическія трагедіи — вмѣсто нихъ далъ онъ намъ живую комедію, исполненную мѣткой русской рѣчи. И большіе и малые, и сильные и не очень сильные люди поступали такимъ образомъ. Отъ Фонъ-Визина можно было ждать комедіи съ жеронтами и оргонами, онъ далъ намъ «Бригадира», Василій Львовичъ Пушкинъ, французъ по воспитанію, началъ съ бу-риме и невзначай, самъ не зная какъ, подарилъ намъ «Опаснаго Сосѣда». Александръ Сергѣичъ Пушкинъ, очарованный Байрономъ, только-что воспѣвавшій отцвѣтшую жизнь и разочарованіе, началъ своего Онѣгина, и изъ Онѣгина вышло сіяющее, вѣчно юное изображеніе свѣтлыхъ сторонъ русской жизни. Словно какая-то волшебная сила горѣла въ русскихъ писателяхъ, двигая ихъ въ сторону, совершенно противоположную отъ той, къ которой влекли ихъ и воспитаніе, и

Digitized by Google

литературныя преданія, и чужеземные образцы, и теоріи, полныя заблужденій.

Въ наше время, въ послѣдніе годы современной русской словесности, снова повторились явленія въ родѣ вышеприведенныхъ нами. Подобно тому, какъ изъ среды поколѣнія, воспитаннаго на псевдоклассицизмѣ и французской критикѣ, вышли писатели въ родѣ Жуковскаго, Батюшкова и Грибоѣдова, — подобно тому, какъ нашъ Пушкинъ, наперекоръ байронизму и романтизму явился чисто-русскимъ поэтомъ, — подобно тому, какъ Гоголь вышелъ изъ среды людей, вскормленныхъ на фразѣ и риторикѣ, — лучшіе дѣятели самыхъ послѣднихъ годовъ словесности нашей оказались прямыми антагонистами критическихъ идей и требованій, среди которыхъ прошло ихъ первое развитіе. Появленіе цѣлой группы молодыхъ и независимыхъ прозаиковъ, между которыми первыя мѣста принадлежатъ гг. Островскому, Писемскому и графу Л. Н. Толстому, появленіе этихъ дѣятелей, смѣло ставшихъ въ разладъ съ критикой Гоголевскаго періода нашей литературы, есть, по нашему крайнему разумѣнію, фактъ въ высшей степени замѣчательный. Этимъ фактомъ, какъ нельзя яснѣе, подтверждается все сказанное нами о *здравости* русской литературы въ ея общемъ теченіи. Появленіе трехъ названныхъ нами писателей, достойныхъ зваться новѣйшими представителями школы чистаго и независимаго творчества, удивляетъ насъ именно потому, что по ходу критики, отъ новыхъ писателей нашего времени, отъ мыслителей, воспитанныхъ на дидактическихъ теоріяхъ, слѣдовало ожидать твореній и воззрѣній совершенно дидактическаго свойства. Оно даже такъ должно было выйти, принимая во вниманіе значеніе прошлой критики, горячность и поэтическій тактъ, какими была она проникнута, наконецъ вліяніе на умы поколѣнія, развивавшагося во время ея лучшей дѣятельности. Изъ уваженія къ блестящей сторонѣ эстетическихъ теорій Бѣлинскаго, мы всегда извинили бы новымъ литераторамъ, такъ много читавшимъ Бѣлинскаго, нѣкоторое пристрастіе даже къ слабѣйшимъ его теоріямъ. А, между тѣмъ, въ подобномъ примиреніи надобности не встрѣтилось. Не питая враждебныхъ чувствъ къ критикѣ Гоголевскаго періода, не глумясь надъ заблужденіями сказанной критики, каждый изъ новѣйшихъ писателей дѣйствуетъ съ полной отъ нея независимостью. Даже въ первыхъ ихъ произведеніяхъ не подсмотримъ мы пѣсни съ чужого голоса, слѣда чужого понятія, робости передъ судомъ, такъ недавно заставлявшимъ трепетать всякого выступавшаго на литературное поприщѣ. Г. Островской смѣло

Digitized by Google

полагаетъ предѣлъ безплодному отрицанію и создаетъ идеалы положительной русской жизни. Графъ Толстой начинаетъ свое дѣло какъ человѣкъ, твердо держащійся за свою самостоятельность, назло всѣмъ недавнимъ авторитетамъ. И наконецъ, г. Писемскій наноситъ смертный ударъ старой повѣствовательной рутинѣ, явно увлекавшей русское искусство къ узкой, дидактической и во что бы ни стало, филантропической дѣятельности.

Когда мы думаемъ обо всемъ этомъ, намъ дѣлается весело, а на сердцѣ нашемъ чувствуемъ мы свѣжесть. Сильна и почтенна должна быть та литература, которой не могъ сбить на ложную дорогу даже голосъ критика, подобнаго Бѣлинскому! Какъ? говоримъ мы сами себѣ, — неужели передъ нами, на нашихъ глазахъ совершился, и въ такое короткое время, подвигъ такой спокойной поэтической независимости? Неужели весь этотъ блескъ, вся эта страсть, всѣ эти дифирамбы и увлеченія, всѣ эти страницы, исполненныя невольныхъ ошибокъ, не отклонили русскаго писателя отъ истинныхъ теорій искусства чистаго, не предали его на жертву вреднымъ иноземнымъ воззрѣніямъ, не отбросили его на долгіе годы къ путямъ разрушительнымъ для интересовъ искусства? Въ литературахъ самыхъ крѣпкихъ, самыхъ установившихся, безпрерывно видимъ мы временное преуспѣяніе школъ, не совсѣмъ благодѣтельныхъ для развитія литературы. Достаточно нѣсколько внѣшнимъ событіямъ сложиться въ какое нибудь начало новой теоріи, достаточно подняться той или другой литературной реакціи противъ общепринятыхъ мнѣній, достаточно появленія какого нибудь сильнаго, но не радикальнаго таланта для того, чтобъ начались колебанія, а за колебаніями повороты съ прямой дороги. Вспомнимъ только о томъ, какъ «неистовая школа» романистовъ поработила было себѣ всю мыслящую Францію, какъ общественная дидактика сгубила силы поэтовъ Новой Германіи, какъ даже въ холодной и положительной Англіи реакція противъ Байроновской поэзіи привела къ обоготворенію поэтовъ-лекистовъ и безмѣрному прославленію Теннисона, талантливаго, но причудливаго дѣятеля, какого-то сантиментальнаго эвфуиста новыхъ временъ? Воскрешая въ памяти эти недавнія заблужденія нашихъ старшихъ братьевъ по литературѣ, слѣдя за бо́льшими или меньшими отклоненіями отъ здравыхъ эстетическихъ теорій въ Германіи, Англіи и Франціи, могли ли мы не бояться за современное развитіе нашей молодой литературы? Развѣ ее не сбивали на дорогу, чужую для искусства, развѣ ей не внушали того, что цѣль ея — служеніе интересамъ временнымъ и случайнымъ, развѣ въ

Digitized by Google

ней не гасили ту любовь, безъ которой нѣтъ поэзіи истинной, развѣ ее не пытались обратить въ какой-то сводъ мизантропическихъ умствованій? Чего могли мы ждать отъ новыхъ писателей того поколѣнія, которому такъ много твердили о безполезности чистой поэзіи? Какіе дѣятели могли выйдти изъ той среды читателей, которая была воспитана на сухой дидактикѣ и на мрачныхъ картинахъ преднамѣренно зачерненной дѣйствительности? Сильная критика сороковыхъ годовъ, не взирая на всѣ свои заслуги, теоріями своими должна была бы наплодить въ Россіи унылыхъ стихотворцевъ, прозаиковъ-реалистовъ, погрязшихъ въ самой темной сторонѣ жизни, мрачныхъ умниковъ, положительно враждебныхъ и веселому смѣху, и свѣтло-поэтическимъ сторонамъ современности, и всестороннему изученію міра, подлежащаго поэтическому изученію. Всѣ чистыя и простыя понятія о художествѣ были спутаны дидактикой, подъ каждымъ безстрастнымъ проявленіемъ поэзіи начинала тяготѣть угрюмая рутина, въ высшей степени тяжелая для творчества. Самыя основныя, самыя обычныя отношенія поэтовъ къ избранной ими сферѣ, казалось, должны были потерять свою естественность, свою ясность. Если молодое поколѣніе хотѣло смѣяться, ему говорилось, что этотъ смѣхъ долженъ былъ оказываться *смѣхомъ сквозь слезы*, если оно рвалось къ всестороннему познанію родной поэзіи, его явно отторгали отъ всесторонности и вели къ узкимъ, исключительнымъ воззрѣніямъ. Вслѣдствіе всего этого, въ дѣятеляхъ новѣйшаго поколѣнія слѣдовало ждать какихъ нибудь суровѣйшихъ дидактиковъ, передъ которыми Прудъ и Жоржъ-Сандъ (въ слабѣйшихъ своихъ произведеніяхъ) явились бы пастушками Аркадіи. А между тѣмъ суровѣйшихъ дидактиковъ не оказалось. Никто изъ новыхъ русскихъ писателей не пошелъ по дорогѣ Гервега и Гуцкова. Поколѣніе, которому твердили о прелестяхъ преднамѣренно-современной дидактики, дало намъ нѣсколькихъ первоклассныхъ писателей, разорвавшихъ всѣ отношенія съ дидактикой. Общество, передъ которымъ отвергались всѣ теоріи чистаго искусства, выставило впередъ рядъ независимыхъ талантовъ, безукоризненныхъ служителей искусства чистаго. Изъ критики Гоголевскаго періода, такъ страстно увлекавшей насъ, мы восприняли все свѣтлое и здравое, навсегда оттолкнувши отъ себя все случайное, вредное искусству, разрушительное по части творчества. Въ тѣ самые года, когда эта критика должна была принести свой дидактическій плодъ, въ цѣломъ рядѣ дидактическихъ писателей, русская литература обогатилась талантами Толстого, Писемскаго и

Digitized by Google

Островскаго, талантами независимыми отъ дидактическихъ теорій. Какъ же послѣ этого не радоваться за русскую литературу, и, основываясь на *здравости* всего ея поступательнаго движенія, не предвидѣть для нея истинно завидной, истинно блистательной будущности?

Гораздо ранѣе появленія трехъ писателей, названныхъ нами, и въ обществѣ, и въ словесности нашей открыто жили явные симптомы протеста противъ современно-дидактическихъ воззрѣній, навязываемыхъ намъ всѣмъ критикою Гоголевскаго періода. Мы всѣ не были способны на воспріятіе теорій, совращавшихъ искусство съ его прямой дороги, мы готовили сильную реакцію противъ ученія, увлекавшаго насъ на какія-то неприступныя гуманическія вершины, и чрезъ то самое, то-есть чрезъ недосягаемость и туманность своихъ идеаловъ, поселявшаго въ насъ безплодное недовольство той средой жизни, которую мы должны были любить и изучать съ любовію. Бо́льшая часть пишущихъ людей понимала необходимость жизни и примиренія съ жизнью, сознавала необходимость всего того, отчего ее отвращала новая критика, то-есть необходимость свѣтлаго взгляда на вещи, веселаго простодушнаго смѣха, необходимость беззлобнаго отношенія къ дѣйствительности, необходимость любящаго, симпатическаго взгляда на людей и на дѣла людскія. Потому-то даже годы полнаго торжества дидактической критики принесли нашему искусству вредъ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный. Критика сороковыхъ годовъ скорѣе мѣшала развитію писателей существующихъ, нежели содѣйствовала къ появленію новыхъ писателей-дидактиковъ. На литераторовъ, уже составившихъ себѣ имя и вновь появляющихся, критика Бѣлинскаго налагала стѣснительные узы, но художниковъ, собственно ею созданныхъ, она не имѣла. Своихъ поэтовъ, своихъ литературныхъ адептовъ, она не создала, эти послѣдніе, побѣгавши самое короткое время на дидактической кордѣ, исчезали съ лица земли и гибли вслѣдствіе своего собственнаго безсилія. Всюду кипѣли свѣжія молодыя силы, всюду являлось сдержанное противорѣчіе узкимъ дидактическимъ требованіямъ господствующей критики. Чуть замолкъ голосъ Бѣлинскаго, чуть его поэтическое слово перестало служить самымъ непоэтическимъ изъ всѣхъ цѣлей, въ ряду русскихъ критиковъ даже не нашлось человѣка, желающаго продолжать дѣло. При всемъ уваженіи къ критикѣ Гоголевскаго періода, при всей личной симпатіи къ ея главнымъ дѣятелямъ, каждый поэтъ и каждый прозаикъ, воспитанный на ея теоріяхъ, почувствовалъ, что

Digitized by Google

наконецъ пришло время отрѣшиться отъ всей мертвенной, рутинной стороны сказанныхъ теорій. Не смотря на полное господство дидактическихъ преданій въ искусствѣ, движеніе нашей изящной словесности стало шире и всестороннѣе. Прежде всего прекратилось гоненіе на поэтовъ, гоненіе, можетъ быть, имѣвшее свой смыслъ въ древнемъ Лакедемонѣ, но въ настоящее время и въ нашемъ обществѣ не имѣвшее никакого значенія. Поэты, подобные г. Тютчеву и г. Фету, будто появились съизнова, и довольные признаніемъ своего таланта, усилили свою дѣятельность. Изъ бельлетристики начали исчезать затхлые мизантропическіе разсказчики съ однообразнымъ лиризмомъ. Читателей перестали душить слабыми переводами слабѣйшихъ вещей Жоржа Санда. Сильная и многосторонняя англійская словесность стала изучаться преимущественно передъ разслабленной литературой новой Франціи и новой Германіи. Поэты перестали считать себя Тиртеями и повѣствователи — памфлетистами. Писатель, любившій свѣтлую сторону дѣйствительности и привѣтливо глядѣвшій въ глаза другимъ людямъ, не считалъ болѣе своимъ долгомъ имѣть въ карманѣ маску суроваго карателя человѣческихъ слабостей. Всякій литераторъ пошелъ по дорогѣ, указанной ему складомъ собственнаго его таланта. И наконецъ, въ литературу нашу хлынула новая, свѣжая поэтическая волна, — или говоря проще, въ нее вошелъ цѣлый рядъ независимыхъ, здоровыхъ талантовъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ талантамъ трехъ писателей, уже упомянутыхъ нами, — то есть талантамъ гг. Островского, графа Толстого и Писемскаго.

Критика «Библіотеки для Чтенія» уже сказала свое слово о всей сущности дарованія г. Писемскаго, — и хотя это слово было сказано не въ очень блистательную эпоху для журнала нашего, мы ни повторять, ни перифразировать его не намѣрены. Взглядъ, высказанный нами въ то время, до сихъ поръ кажется намъ справедливымъ, хотя, по непривычкѣ нашей къ критическому дѣлу, въ то время мы не были такъ смѣлы, какъ оно было надобно. Признавая въ г. Писемскомъ всю силу и всю независимость его дарованія, мы не вполнѣ оцѣнили пользу, принесенную этимъ дарованіемъ по части противодѣйствія старымъ дидактическимъ теоріямъ старой критики. Восхищаясь веселостью, проникавшей Хазарова и Мари Ступицыну, мы не высказали всей нашей мысли о томъ, насколько эта неудержимая, непобѣдимая веселость была нова и полезна въ нашей литературѣ, давно не знававшей настоящаго безконечнаго смѣха. Отдавая полную справедливость разсказу «Питерщикъ», при-

Digitized by Google

знавая, что г. Писемскій, въ изображеніи простонародной жизни, далеко обогналъ всѣхъ своихъ сверстниковъ по этой части, мы не отдали всей справедливости великому *знанію* автора и его могучей, *безпристрастной* наблюдательности, навсегда отдѣлявшей его отъ сантиментальности воззрѣнія на жизнь простого человѣка. О «Лѣшемъ» сказали мы лишь нѣсколько словъ, потому что повѣсть эта, только-что появившаяся въ то время, была нами прочитана лишь одинъ разъ, и не достаточно воспринята съ одного чтенія. Оттого и повѣсть «Лѣшій», такъ важная по своему полному отклоненію отъ замашекъ дидактической рутины (еще сильной въ то время), не получила отъ насъ вполнѣ достойной оцѣнки.

Теперь мы имѣемъ возможность пополнить пробѣлъ, сдѣланный нами въ оцѣнкѣ г. Писемскаго, какъ разскащика сценъ изъ простонародной жизни. Мы получили книжку, въ которой собраны его вещи изъ простонароднаго быта, до сихъ поръ раскиданныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ; внимательно перечитали каждую изъ этихъ вещей и освѣжили въ памяти все, перечувствованное нами при первомъ знакомствѣ съ «Питерщикомъ», «Лѣшимъ» и «Плотничьею Артелью». Внимательный пересмотръ книги талантливаго писателя, былъ для насъ какъ нельзя полезнѣе, мысли наши о значеніи повѣствователей изъ простонароднаго быта уяснились во многомъ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что каждый разумный читатель будетъ обязанъ сказанной книгѣ мыслями дѣльными, да сверхъ того практическими.

Разсматривая въ общей сложности три простонародныхъ очерка, подаренныхъ русской литературѣ г. Писемскимъ, мы прежде всего видимъ въ нихъ опредѣленную и правильную систему, съ которой нашъ авторъ подходитъ къ своей трудной, даже чрезвычайно трудной задачѣ. Ни въ одномъ очеркѣ г. Писемскій не скрывается самъ отъ читателя, ни на одной страницѣ не заставляетъ онъ своихъ крестьянъ дѣйствовать отъ себя самихъ, то-есть какъ отдѣльно-созданныя лица, совершенно-объективныя въ своемъ значеніи. Въ «Питерщикѣ» мужичокъ Клементій разсказываетъ автору свои похожденія и разсказываетъ ихъ такъ, какъ мужикъ можетъ что-либо разсказывать барину; въ «Лѣшемъ» исторія идетъ отъ лица ловкаго и честнаго исправника, какихъ (на зло всѣмъ людямъ, незнающимъ Россіи) не мало по губерніямъ нашимъ, — въ «Плотничьей Артели» г. Писемскій, словно желая пояснѣе обозначить свою цѣль и свое воззрѣніе, выходитъ къ читателю съ супругой и дѣтками, даже съ супругой и домочадцами. Для поверхностнаго читателя оно кажется прихотью, но мы знаемъ, на сколько богатъ и

Digitized by Google

умомъ и тактомъ нашъ авторъ, потому-то съ нашей точки зрѣнія, никакой непужной прихоти отъ г. Писемскаго быть не можетъ. Разгадка авторскаго присутствія въ «Очеркахъ» есть разгадка всей методы г. Писемскаго, какъ разскащика сценъ простонароднаго быта. По идеѣ автора «Плотничьей Артели», русскій писатель нашего времени, изображая подобныя сцены, не можетъ имѣть къ героямъ своимъ иного отношенія, какъ отношенія наблюдательскаго. Переселиться въ особу крестьянина, онъ не съумѣетъ, наперекоръ своему желанію, жить его жизнью и выставлять его страсти во всей правдивости ему нельзя, по причинѣ разности воспитанія, быта, интересовъ, наконецъ мельчайшихъ подробностей обстановки. Г. Писемскій, какъ художникъ замѣчательной силы, слишкомъ хорошо знаетъ на сколько важны въ дѣлѣ искусства объективность образовъ, свободное изображеніе типовъ, совершенно отрѣшенныхъ отъ авторской личности, но онъ знаетъ еще болѣе, гдѣ объективность творчества должна находить свой предѣлъ и гдѣ ей предстоитъ полное безсиліе передъ недоступной темой. По мнѣнію нашего автора, самаго богатаго *знаніемъ дѣла* изъ всѣхъ нашихъ повѣствователей по части народнаго быта, его знаніе достаточно для наблюдателя, но не полно для воспроизводителя простыхъ людей, со всей ихъ жизнью и со всѣми ихъ понятіями. Признавая за г. Тургеневымъ, Григоровичемъ, Погѣхинымъ и несомнѣнную поэзію, и даръ разсказа, и прочія достоинства, г. Писемскій слишкомъ хорошо видитъ, чѣмъ грѣшатъ эти таланты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они пытаются стать въ чисто нераздѣльное отношеніе къ простому человѣку, мыслить его мыслью, говорить его простымъ словомъ, интересоваться всѣми его интересами, и такъ далѣе. Не желая оставлять вѣрное для невѣрнаго, онъ довольствуется своей ролью наблюдателя, и заранѣе опредѣливъ эту роль, идетъ съ нею гораздо далѣе, чѣмъ могутъ идти всѣ его сверстники по простонароднымъ разсказамъ. Справедливость требуетъ прибавить, что заслугамъ г. Писемскаго, какъ повѣствователя изъ народныхъ сценъ, причиной не одна система, на которую мы указали. Самая раціональная метода не поможетъ тамъ, гдѣ писатель подступаетъ къ своему дѣлу безъ знанія, практическаго взгляда на вещи, или, что еще хуже, съ преднамѣренно-поучительными умствованіями. Сила г. Писемскаго не только въ его системѣ разсказовъ, но въ чистотѣ воззрѣнія, въ глубокомъ знаніи простонародной жизни, въ легкости и прелести творчества, присущей лишь трудамъ однихъ сильныхъ и независимыхъ художниковъ.

Трудно сказать: отъ правильной ли системы наблюденія, или

Digitized by Google

вообще отъ великаго знакомства нашего автора съ простонароднымъ бытомъ, его «Очерки» съ первыхъ страницъ производятъ на читателя какое-то неуловимое, свѣжее, бойкое впечатлѣніе. Всего вѣрнѣе то, что тутъ оба достоинства сливаются воедино и даютъ намъ ту небывалую у насъ легкость разсказа, съ какою, напримѣръ, начинается повѣсть «Питерщикъ». Горячо любя всѣхъ предшественниковъ и товарищей автора нашего (въ дѣлѣ разсказовъ изъ простонародной жизни), мы откровенно признаемся, что удачнѣйшія изъ ихъ вещей, особенно при началѣ, имѣютъ въ ходѣ разсказа нѣчто напряженное. Должно быть, изображать мужика и крестьянскій міръ ужасно трудно для человѣка, носящаго узкіе панталоны и наѣзжающаго въ свои имѣнія лишь съ наступленіемъ лѣта! Въ иномъ разсказѣ видимъ мы, на первыхъ страницахъ, цвѣтистое описаніе природы, въ другомъ отличное умствованіе, дѣлающее честь теплому сердцу писателя, въ третьемъ наконецъ затягивается сложная драма всегда идиллическая (хотя бы и печальная). Въ «Питерщикѣ» не найдемъ мы ничего подобнаго. Весь разсказъ льется живою, непринужденною рѣчью, безъ остановки и запинки, съ легкостью и простотою, не имѣющею ничего сходнаго съ той тяжелой и дѣланной простотой, къ какой пріучили насъ слишкомъ ревностные подражатели Гоголевской манеры. Въ тѣхъ уголкахъ средней Россіи, которые богаты холмами и оврагами, находится много родниковъ, до того живыхъ въ своемъ теченіи, что глядя на эти родники, выбѣгающіе изъ-подъ какой-нибудь возвышенности, кажется, слѣдишь за ихъ бѣгомъ на огромное разстояніе. О такихъ родникахъ вспоминали мы, читая «Питерщика», «Лѣшаго» и «Плотничью Артель». Въ нашемъ разборѣ мы не намѣрены касаться всѣхъ достоинствъ г. Писемскаго, ни даже иныхъ его недостатковъ, какъ разскащика. Наша цѣль опредѣлить его значеніе въ кругу писателей русскихъ, оцѣнить заслуги, имъ принесенныя дѣлу родного слова. При такой задачѣ не слѣдъ останавливаться на подробностяхъ. И все-таки мы должны упомянуть о томъ, что по нашему мнѣнію, каждый изъ начинающихъ писателей, если онъ дѣйствительно стремится къ *простой* и неподдѣльной простотѣ слога,—для достиженія своей цѣли обязанъ изучать сочиненія г. Писемскаго съ особливымъ усердіемъ.

Содержаніе разсказа «Питерщикъ» хорошо извѣстно читателямъ. Это исторія о похожденіяхъ простого чухломскаго маляра въ столичномъ градѣ Петербургѣ, такъ обильномъ всякими развлеченіями и искушеніями. Маляръ Клементій, потерявши жену, весьма имъ любимую (вообще герой разсказа слабъ къ женскому полу),

Digitized by Google

отправился въ Питеръ, нажилъ тамъ хорошія деньги и сталъ спокойно собираться на родину, когда приключилось съ нимъ обстоятельство, горестное по послѣдствіямъ и крайне трудное для разсказа. Дядя Клементія, человѣкъ знакомый съ столичными тонкостями, и довольно гуляющій, познакомилъ его съ дѣвушкой не совсѣмъ честнаго поведенія, въ которую нашъ Питерщикъ влюбился со всей горячностью своей размашистой и разнообразной натуры. Любовь не привела ни къ чему доброму и бѣдный Клементій, послѣ многихъ катастрофъ и горестей, пришелъ въ свою деревню безъ гроша за душой, хворый и почти потерянный, съ больнымъ сердцемъ, но не взирая на то, съ готовностью снова поправить дѣло и снова стать въ ряды предпріимчивыхъ Питерщиковъ.

«Такъ и случилось», прибавляетъ отъ себя авторъ. «Клементій, говоря, что только-бы попасть на чужую сторону, и хоть бы маленькая линія вышла — все бы поправилъ, — не хвасталъ. Не болѣе, какъ черезъ три года, я встрѣтилъ его въ Петербургѣ въ одномъ трактирѣ. Онъ сидѣлъ въ волчьей шубѣ, съ золотымъ перстнемъ на пальцѣ, въ ботфортоподобныхъ сапогахъ, съ двумя другими, тоже, надо полагать, подрядчиками, и что-то имъ толковалъ: они его слушали съ большимъ вниманіемъ, хотя и были гораздо старше его. Я подошелъ къ нимъ. Клементій меня узналъ и просилъ напиться съ нимъ чаю. Я сѣлъ. Онъ держалъ себя далеко гордѣе прежняго, говорилъ меньше, какъ-то истово и совершенно уже купеческимъ тономъ. Потомъ, онъ звалъ меня убѣдительно зайти къ нему на квартиру, — и я былъ. Жилъ онъ со всѣми признаками довольства, хотя и не совсѣмъ опрятно. Для меня онъ приготовилъ ту, невѣдомо по чьему вкусу составленную, закуску, на которую, вѣроятно, попадалъ и читатель въ купеческихъ домахъ, то-есть въ одно время было поставлено на столъ: водка, вино, икра, пряники, какія-то маленькія конфекты, огурцы, жареный въ постномъ маслѣ лещъ, колбаса, орѣхи, — и всего этого я, по неотступной просьбѣ хозяина, долженъ былъ отвѣдать. О себѣ Клементій мнѣ разсказалъ, что, года два тому назадъ, баринъ отпустилъ его въ Питеръ опять, и что мало того, взялъ подъ свой залогъ его подрядъ и сдалъ ему, и что онъ съ того, по милости Божіей, и пошелъ опять въ гору, и теперь имѣетъ тысячъ до десяти чистаго капитала; что блажи теперь у него никакой нѣтъ, въ деревню сходитъ каждую зиму, хмѣльного ничего въ ротъ не беретъ, потому-что отъ хмѣльного мужику все нехорошее и въ голову приходитъ. Парнишку отдалъ въ ученье къ одному пріятелю, по тому же малярному мастерству, по тѣмъ причинамъ, что если учить его при своей артели и на своихъ глазахъ, такъ либо перебалуешь, либо заколотишь... и тому подобное. Порадовавшись успѣху питерщика, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ его порадовался и за русскаго человѣка.»

Ни цѣль, ни предѣлы статьи нашей не дозволяютъ намъ разсмотрѣть во всей подробности ту самую трудную часть авторской задачи, которая, какъ читатель догадывается, заключается въ изображеніи отношеній питерщика Клементія къ петербургской дѣвушкѣ Полинькѣ. Любовь простого поселянина есть пунктъ, почти невозможный для художника, хотя къ этой любви понапрасну подступались многіе изъ самыхъ даровитыхъ писателей. Откуда наблю-

Digitized by Google

датель можетъ изучить любовь крестьянина, гдѣ онъ ее подсмотритъ, у кого станетъ онъ о ней разспрашивать? Во-первыхъ, русскій простой человѣкъ не любитъ говорить о любовныхъ предметахъ, во-вторыхъ, его страсть всегда почти безсознательна, въ-третьихъ, онъ вовсе не считаетъ нужнымъ обращать на такое дѣло сколько нибудь вниманія. Г. Писемскій очень понималъ трудность темы и не пренебрегъ ни однимъ дозволеннымъ средствомъ для ея облегченія. Въ Клементіѣ своемъ онъ выводитъ простолюдина, щедро одареннаго природою, развитаго значительно, хорошо говорящаго и знающаго про то; возлюбленную его онъ беретъ изъ среды петербургскихъ особъ и драмъ даетъ разъиграться въ самой столицѣ. Съ помощью этихъ облегчающихъ соображеній, онъ достигаетъ задуманнаго результата, не кидаетъ на вѣтеръ ни одного слова, не позволяетъ себѣ сдѣлать одного шага въ ту сторону, гдѣ лежатъ основанія, недоступныя наблюдателю.

Такимъ является намъ маляръ Клементій, лицо истинное и стоящее на своихъ ногахъ, созданное съ легкостью и безъ всякихъ преднамѣренныхъ стремленій. Это не мужикъ-кулакъ, прибавляетъ отъ себя авторъ,—при всей его практической оборотливости, ему доступны нѣжныя ощущенія. Въ самыхъ его увлеченіяхъ было что-то широкое,—между тѣмъ какъ въ мудромъ опознаніи своихъ поступковъ высказалъ онъ тотъ здравый смыслъ, который не далъ ему пасть окончательно, и который, вѣроятно, поддержитъ его и на дальнѣйшее время.

За такой взглядъ на созданіе «Питерщика» и за самую личность Клементія, нельзя не сказать большого спасибо г. Писемскому. Своимъ дѣломъ онъ совершилъ вѣрный шагъ отъ слабости къ энергіи, отъ простонароднаго сантиментализма къ созданію положительному, отъ личностей безцвѣтныхъ къ личностямъ живымъ и крѣпкимъ. Передъ появленіемъ разсказа «Питерщикъ», намъ уже начали надоѣдать герои изъ простого сословія именно потому, что въ герояхъ этихъ мы видѣли нѣчто аллегорическое, дидактическое, и мертвенное. То были личности однообразныя, постоянно повторяющіяся, подавленныя внѣшней жизнью, безсильныя передъ житейской случайностью, и получающія свою слабую занимательность лишь отъ одной поучительной мысли, во имя которой были онѣ созданы. Переходъ отъ подобныхъ героевъ къ Клементію питерщику, могъ назваться дѣломъ полной независимости отъ литературной рутины.

Дѣло, начатое созданіемъ Клементія въ разсказѣ «Питерщикъ», г. Писемскій продолжаетъ и въ другой своей повѣсти: «Лѣшій».

Digitized by Google

Здѣсь, между многими лицами, искусно очертанными и поставленными въ драматическія другъ къ другу отношенія, особенно выдвигается впередъ кокинскій исправникъ, производитель слѣдствія надъ безпутнымъ управляющимъ Егоромъ Парменовымъ. (Егора этого и прозвали лѣшимъ за пристрастіе къ женскому полу). За кокинскаго исправника авторъ нашъ былъ не разъ обвиняемъ цѣнителями, какъ за отклоненіе отъ истины, подкрашиваніе дѣйствительности и созданіе лица, какого во всей Россіи не существуетъ. Приличнѣе было бы обвинить г. Писемскаго совсѣмъ за другое, то-есть за полное пренебреженіе къ рутинѣ повѣствовательной, зародившейся у насъ вслѣдствіе малаго нашего знакомства съ родиной и недавняго преобладанія дидактическихъ теорій въ нашей критикѣ. О томъ, что честныхъ, расторопныхъ исправниковъ много по губерніямъ, знаетъ всякій человѣкъ, жившій въ провинціи; о томъ, что г. Писемскій создалъ изъ своего героя лицо художественно-вѣрное, разсуждать мы считаемъ лишнимъ. Мы знаемъ, какъ нельзя лучше, что въ нашей литературѣ была принята (для поучительныхъ цѣлей) манера создавать извѣстныя лица какъ бы по рецепту. У всякаго изъ очень даже талантливыхъ повѣствователей имѣлась въ головѣ своя, такъ сказать, сатирическо-сантиментальная аптека, изъ которой извѣстные ингредіенты шли, въ извѣстномъ же количествѣ, на созданіе данныхъ личностей въ повѣстяхъ и романахъ. Рутина подобнаго рода, наперекоръ требованіямъ творчества, наперекоръ дарованіямъ самихъ поэтовъ, доходила до размѣровъ карикатурныхъ и заблужденій самыхъ дѣтскихъ. Если въ повѣсти требовался помѣщикъ, на созданіе его шло столько-то такихъ достоинствъ, такихъ недостатковъ, такихъ-то странностей—и лицо было готово. Для земскаго чиновника имѣлся свой рецептъ, для мужика свой, для управляющаго свой, для двороваго человѣка свой. Отклониться отъ общепринятыхъ рецептовъ, особенно во вредъ дидактикѣ, была своего рода ересь. Потому-то у насъ и наплодились, въ короткое время, типы помѣщиковъ, чиновниковъ и простыхъ людей, взятыхъ не изъ дѣйствительности, а изъ современно-дидактическаго самосознанія авторовъ. Рутина эта, плодя ложные типы, отклоняла писателей отъ изученія дѣйствительности и дѣлала то, что во многихъ, очень хорошихъ произведеніяхъ новѣйшей литературы, каждый читатель, изъ числа помѣщиковъ, чиновниковъ и т. д., могъ найти цѣлый рядъ невѣрностей и промаховъ относительно знанія практической, насущной и житейской дѣятельности. Обо всемъ этомъ мало думали наши романисты, не подозрѣвая того, что во всякомъ практическомъ чи-

Digitized by Google

тателѣ, во всякомъ человѣкѣ, знакомомъ съ сельской и провинціальной жизнью своего отечества, для нихъ готовился критикъ вовсе не снисходительный. Да и какъ было не явиться критикамъ при такомъ ходѣ дѣлъ, узаконявшемъ всевозможныя отклоненія отъ дѣйствительности? Вслѣдствіе этихъ уклоненій, наши романы и повѣсти странны, если ихъ взять въ практическомъ отношеніи. Тамъ авторъ, много говорящій о сельской жизни, являетъ полное незнаніе простѣйшихъ истинъ сельскаго хозяйства; въ другомъ мѣстѣ, изображая бытъ чиновниковъ, онъ смѣшиваетъ дѣятельность земской полиціи съ дѣятельностью уѣзднаго суда; далѣе онъ перепутываетъ присутственныя мѣста и выказываетъ полное незнаніе законовъ, извѣстныхъ всякому смышленному старостѣ. У г. Писемскаго не подглядите вы ни одного подобнаго промаха,— а между тѣмъ, за лицо кокинскаго исправника его упрекали въ неправдѣ и украшеніи дѣйствительности!

Какъ ни странно оправдывать даровитыхъ писателей отъ обвиненій, кажущихся намъ незаконными и неосновательными, мы попытаемся однако сказать еще нѣсколько словъ по поводу кокинскаго исправника и, разсмотрѣвъ это лицо съ самой дидактической точки зрѣнія, доказать читателю, что оно совершенно удовлетворяетъ даже всѣмъ требованіямъ любителей современнаго поученія. Въ самомъ дѣлѣ: чего требуютъ подобные любители отъ типовъ, подобныхъ исправнику г. Писемскаго? чистой моральной цѣли, указанія недостатковъ въ лицахъ служащихъ и играющихъ роль въ сельской нашей жизни; наконецъ, пробужденія въ читателѣ здраваго пониманія служебныхъ обязанностей. Съ этой цѣлью выводились въ нашей литературѣ юмористическія изображенія неправедныхъ судей, чиновниковъ, зараженныхъ любостяжаніемъ, помѣщиковъ, не понимающихъ своей обязанности и такъ далѣе. Сатира и карающій юморъ устремлялись на разныя отклоненія отъ законовъ нравственныхъ и государственныхъ, правдивое указаніе нашихъ недостатковъ долженствовало служить пособіемъ къ ихъ искорененію. Но теперь мы позволимъ себѣ спросить нашихъ сатириковъ и бытописателей темной стороны жизни—неужели цѣль разумнаго современнаго поученія можетъ достигаться лишь одной сатирой и караніемъ порочной стороны человѣка? Общество воспитывается также точно, какъ и человѣкъ, а всякій умный воспитатель вамъ скажетъ, что долгъ разумнаго педагога состоитъ не въ одномъ наказываніи дурныхъ сторонъ, но и въ развитіи нравственныхъ достоинствъ воспитываемаго юноши. Въ обществѣ, какъ и въ отдѣльной личности, имѣются двѣ стороны: темная и свѣт-

Digitized by Google

лая, двѣ силы — нравственно-вредная и нравственно-утѣшительная. Еслибъ это не было такъ, еслибъ люди того или другого класса не имѣли въ себѣ ничего, кромѣ пороковъ, не имѣлось бы никакой надобности ни въ дѣлѣ воспитанія, ни въ дѣлѣ современнаго поученія. Безполезно казнить взяточниковъ тамъ, гдѣ все общество состоитъ изъ взяточниковъ, смѣшно говорить о нравственности обществу вконецъ безнравственному. Къ счастью обществъ, до такой исключительной степени зараженныхъ зломъ, не имѣется и не можетъ имѣться въ мірѣ. Сомнѣваться въ сейчасъ сказанной истинѣ можетъ лишь одинъ отчаянный мизантропъ, черезъ свое собственное недовѣріе къ добрымъ силамъ человѣка, обрекающій себя на вѣчное молчаніе. Каратель человѣческихъ заблужденій, не видящій въ человѣчествѣ ничего, кромѣ однихъ заблужденій — исключителенъ и безполезенъ, ибо онъ любитъ сатиру для сатиры, зло для зла, жестокость рѣчи для удовольствія произносить жестокую рѣчь. Любовью къ безплодному порицанію грѣшатъ не одни люди мизантропическіе и положительно злобные, — этотъ грѣшокъ часто происходитъ съ фантазерами и утопистами, вращающимися въ кругѣ неестественныхъ идеаловъ и вслѣдствіе того косо взирающими на дѣйствительность, ими не понятую. Эти люди, жаждущіе добра, но добра недосягаемаго и невозможнаго, тоже склонны къ непризнаванію утѣшительныхъ сторонъ въ человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ. Изъ сочувствія къ несуществующему, они слишкомъ склонны къ униженію всего того, что существуетъ и заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія чрезъ самое свое существованіе. Такимъ образомъ, слишкомъ сантиментальный взглядъ на дѣла жизни незамѣтно совпадаетъ со взглядомъ дико-мизантропическимъ, а бѣдная дѣйствительность, равно оскорбляемая и сантименталистами и мизантропами, терпитъ отъ обоихъ взглядовъ.

Нечего и говорить о томъ, на сколько далекъ талантъ г. Писемскаго и отъ сантиментальнаго и отъ мизантропическаго отпечатка, а между тѣмъ, за лицо кокпинскаго исправника нашъ авторъ получилъ упрекъ въ сантиментальности отъ писателей, всею душою отдавшихся сантиментализму. Причиной обвиненій была литературная рутина, соединенная съ незнаніемъ русскаго общества. Обвинители судили автора не съ точки зрѣнія жизни дѣйствительной, а изъ глубины своего собственнаго самосознанія, чуждаго всякой дѣйствительности Никто изъ нихъ не хотѣлъ видѣть того, что всѣ достоинства исправника суть коренныя достоинства всякаго добропорядочнаго русскаго человѣка, что безъ людей, подобныхъ этому честному исправнику, не можетъ жить никакая адми-

Digitized by Google

нистрація, что наконецъ, самымъ созданіемъ сказанной личности, г. Писемскій выяснилъ и поставилъ въ благородный свѣтъ стороны русской жизни, самыя правдивыя и утѣшительныя. Мы первые упрекнули бы г. Писемскаго въ преувеличеніи, ежели бы онъ, увлекшись своимъ честнымъ героемъ, надѣлилъ его неслыханными доблестями и геройствами, недоступными лицу такой простой сферы и такого малаго образованія, какъ кокпинскій исправникъ, но сознаемся откровенно, въ этомъ лицѣ не видимъ мы ничего преувеличеннаго и невозможнаго. Смѣемъ думать, что простой расторопный чиновникъ, мирно дѣйствующій на пользу общую и довольный своей дѣятельностью, не есть у насъ рѣдкость и персона изъ идеальнаго міра. Мы всѣ давно бы погибли и вернулись ко временамъ варварства, еслибъ наше общество не жаждало такихъ людей, въ высшей степени полезныхъ для общества, не порывающихся къ недосягаемымъ идеаламъ, а честно совершающихъ свой скромный путь, безъ хвастовства и трубныхъ о себѣ слуховъ. Жрецы современнаго поученія должны бы не нападать на героевъ подобнаго свойства, а изучать ихъ съ любовью, глядѣть на нихъ съ полнымъ уваженіемъ. Только тогда теоріи, такъ имъ дорогія, получатъ практическую устойчивость, перестанутъ быть голосомъ «неумѣлыхъ людей», о которыхъ еще недавно разсказывалъ намъ г. Щедринъ, авторъ «Губернскихъ Очерковъ».

О повѣсти «Плотничья Артель», послѣдней и самой обширной во всей книгѣ, мы не будемъ говорить въ подробности по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, она была напечатана недавно, встрѣтила успѣхъ полный и заслуженный, была оцѣнена критиками весьма удовлетворительно и, стало быть, не нуждается въ переоцѣнкѣ или оцѣнкѣ дополнительной. Во-вторыхъ, передъ нами еще довольно много общихъ выводовъ о значеніи г. Писемскаго, какъ сочинителя сценъ изъ народной жизни. И такъ мы скажемъ о «Плотничьей Артели» одно только: въ этомъ произведеніи много своеобразной и сильной поэзіи, элемента, которымъ г. Писемскій не былъ богатъ въ предшествующихъ своихъ произведеніяхъ. Мы сами, до вторичнаго прочтенія «Артели», признавали въ нашемъ авторѣ литератора, болѣе способнаго на изображеніе житейской прозы, нежели на уловленіе жизненной поэзіи: этого взгляда мы до сихъ поръ держимся, хотя не съ прежней исключительностью. Въ «Плотничьей Артели» видимъ мы своего рода тихую поэзію, не тонкую и не фетовскую, но весьма привлекательную въ своей практичности и своемъ здоровомъ развитіи. Отрадныя особенности моральнаго и физическаго отдохновенія въ сельской тиши, того от-

Digitized by Google

дохновенія, во время котораго все произведеніе было задумано и набросано, — вполнѣ отразились во всемъ его ходѣ.

Поэзія, несомнѣнно признаваемая нами въ ходѣ разсказа «Плотничья Артель», съ особенною силою высказывается въ созданіи лучшаго лица въ сказанномъ произведеніи, то есть плотника Петра. Съ какой стороны не глядите вы на этого простого мужика и плотника, онъ непремѣнно завладѣетъ всѣмъ вашимъ вниманіемъ и задавитъ всѣ остальныя лица разсказа, подобно тому, какъ великій пѣвецъ подавитъ собою всѣхъ обыкновенныхъ артистовъ, поющихъ съ нимъ въ одной операѣ. Лицо Петра правдиво въ высшей степени и сверхъ того озарено лучемъ сильной поэзіи, строгой и нераздѣльно слитой съ дѣйствительностью. Можно позабыть Клементія-штерщика, не говоря уже о Пузичѣ, Егорѣ Парменовѣ и другихъ имъ подобныхъ лицъ, но Петра-плотника не позабудетъ ни одинъ читатель, смыслящій дѣло и знающій русскаго человѣка не по наслышкѣ. Петръ «Плотничьей Артели» — это выдающееся лицо между всѣми простолюдинами, когда-либо появлявшимися въ русской литературѣ.

Отъ поэтической несоразмѣрности личности Петра съ другими личностями разсказа, происходитъ большая часть недостатковъ «Плотничьей Артели». Миподора, Нимфодора, лакей Константинъ, Козыревъ, Сергѣичъ и всѣ другіе второстепенные персонажи меркнутъ и уходятъ въ тѣнь при малѣйшемъ сравненіи съ личностью Петра. Во всей повѣсти этотъ простой плотникъ нужнѣе и необходимѣе, чѣмъ въ своей артели, которая однако не можетъ безъ Петра приняться ни за какую работу. Интервалъ между Петровымъ разсказомъ и послѣдней катастрофой на богомольѣ кажется длиннымъ и читается безъ той легкости, къ которой мы пріучены г. Писемскимъ.

Кончая нашъ отзывъ о всей книгѣ, мы видимъ себя въ положительной необходимости сказать нѣсколько словъ объ одномъ недостаткѣ, приписываемомъ г. Писемскому нѣкими изъ очень строгихъ его цѣнителей. Недостатокъ этотъ, по ихъ словамъ, заключается въ безстрастномъ воззрѣніи нашего автора на печальныя стороны простонародной жизни, или, говоря иначе, въ его уклоненіи отъ права глядѣть на сказанную жизнь глазами современнаго мыслителя. Г. Писемскій, говорятъ цѣнители эти, при всемъ своемъ талантѣ, при несомнѣнномъ знаніи дѣла, составляющемъ одну изъ самыхъ блистательныхъ сторонъ его дарованія, не хочетъ употребить своей силы на служеніе современному интересу, на развитіе въ нашемъ обществѣ побужденій филантропическихъ

Digitized by Google

и благотворныхъ. Въ отношеніяхъ своихъ къ личностямъ изъ простонароднаго быта, онъ всегда является холоднымъ, почти безстрастнымъ наблюдателемъ, между тѣмъ какъ его слово и его примѣръ могутъ оставить по себѣ слѣдъ не въ одномъ искусствѣ, а въ мірѣ интересовъ важныхъ и практическихъ. Въ этомъ отношеніи г. Тургеневъ со своими разсказами и г. Григоровичъ съ «Антономъ Горемыкой» стоятъ выше нашего автора, ибо ихъ созданія пробуждаютъ теплыя чувства въ читателѣ, наводятъ его на идеи сострадація и благости, будятъ въ немъ сознаніе правды и человѣколюбія, въ его практическомъ примѣненіи. Почему же г. Писемскій, съ полнымъ сознаніемъ, уклонился отъ пути, открытаго его даровитыми предшественниками, отказался отъ разработки элементовъ, ими начатыхъ, и поступилъ даже во вредъ художественной полнотѣ своего труда, отстраняя отъ себя положенія и вопросы, нераздѣльные съ той средой, которую взялся онъ описывать въ своихъ «Очеркахъ»?

Такъ разсуждаютъ многіе читатели, высоко почитающіе дарованіе нашего автора, но мы, при всемъ сочувствіи нашемъ къ ихъ воззрѣнію, при всей нашей симпатіи къ вопросамъ, ихъ занимающимъ, не можемъ согласиться съ ними. Ограничивать и стѣснять трудъ свободнаго художника, по нашему мнѣнію, не можетъ никакой мыслитель и никакой критикъ. Указываніе извѣстныхъ темъ поэту и прозаику никогда не приводитъ къ утѣшительнымъ результатамъ, усиленное направленіе независимаго таланта къ тому или другому вопросу, занимающему собой общественное мнѣніе, едва ли приводило какой нибудь талантъ на хорошую дорогу. Сверхъ всего этого, въ простонародныхъ очеркахъ г. Писемскаго, по малому ихъ числу и небольшому объему, мы еще не вправѣ требовать той обширной всесторонности, при которой уже не дозволяется выпускать изъ виду вопросовъ, наполняющихъ собою бытъ его героевъ. Область наблюдателя велика, и авторъ нашъ пишетъ очерки наблюдателя, а не широкую поэму, которая обнимала бы собою весь простонародный бытъ нашего отечества. И наконецъ, мы должны опять припомнить одно изъ главныхъ достоинствъ г. Писемскаго, какъ повѣствователя — то есть его враждебность къ литературной рутинѣ, его отвращеніе къ путямъ избитымъ и проторенным. Послѣ простонародныхъ разсказовъ г. Тургенева и лучшихъ вещей г. Григоровича, въ нашей словесности явилось множество подражателей этимъ писателямъ, людей небогатыхъ знаніемъ простого быта, но щедро одаренныхъ поучительной сантиментальностью. Ихъ труды (можетъ быть, и основанные

Digitized by Google

на благой мысли) сдѣлали рутину изъ идей правды и человѣколюбія, притупили вкусъ читателя и наконецъ сдѣлали прежнюю широкую дорогу почти непроходимою для талантовъ истинныхъ. По милости этихъ подражателей, повѣсть изъ простонароднаго быта стала чѣмъ то легкимъ и гладкимъ, какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной. Правда, мысль всегда имѣлась въ такой повѣсти, но мысль мертва тамъ, гдѣ она не опирается на талантъ и на знаніе. Въ такомъ положеніи засталъ г. Писемскій наши разсказы изъ простонароднаго быта. Винить ли намъ его за то, что онъ не поддался дидактизму, какимъ они были пропитаны?

Первыми иностранными критиками, безсмертнѣйшими изъ литературныхъ цѣнителей Англіи и Германіи, было говорено весьма много о вредѣ, который неминуемо приносится дѣлу поэзіи, въ слѣдствіе стремленія нѣкоторыхъ писателей къ элементу временному и случайному. Еще болѣе писалось о лжи, такъ называемаго современно-дидактическаго воззрѣнія критиковъ новой Германіи, когда-то имѣвшихъ значительный авторитетъ въ словесности. Послѣ геніальныхъ страницъ, внушенныхъ этими темами, послѣ приговоровъ Гёте и замѣчаній Кольриджа, мы считаемъ все дѣло давно рѣшеннымъ и не подлежащимъ аппеляціи. Уже одно то обстоятельство, что въ теченіи вѣковъ, поэты-дидактики не выставили впередъ ни одного великаго имени, ни одного сильнаго поэта одной съ собой школы, достаточно для уразумѣнія того, что ихъ теоріи стоятъ той холодности, которой онѣ теперь подвергаются во всей Европѣ. Совсѣмъ тѣмъ, мы осмѣливаемся изложить нѣсколько собственныхъ нашихъ мыслей объ одной, самой слабой сторонѣ современнаго ученія въ дѣлѣ поэзіи, — о сторонѣ до которой по сіе время мало касались самые зоркіе цѣнители изящнаго.

Великій подводный камень писателей-дидактиковъ, или, вѣрнѣе сказать, та безпощадная мель, на которую каждый изъ нихъ набѣгаетъ, едва выступивъ въ открытое море, — есть *притупленіе общаго вкуса*, неминуемо производимое ихъ твореніями, по существу своему однообразными. Поэты-дидактики, какъ стараго, такъ новаго времени, всѣ безъ исключенія начинаютъ и кончаютъ одинаково. Сперва имъ достается успѣхъ громкій и завидный, потому-что ихъ читатель, пораженный живой новостью предмета, наведенный на мысли о вопросахъ практическихъ и, такъ сказать стоящихъ въ воздухѣ, съ жадностью кидается на воспропзведеніе этихъ вопросовъ, воспропзведеніе по возможности поэтическое. За успѣхомъ идетъ успѣхъ меньшій, хотя бы дидактическій писатель

Digitized by Google

былъ и разнообразенъ въ своихъ новыхъ твореніяхъ: причина тому понятна — повтореніе одного и того же, какъ бы оно не было изящно высказано, все-таки есть повтореніе. За успѣхомъ меньшимъ, идетъ холодность, и карьера дидактическаго писателя кончена въ два, три года. Нельзя постоянно играть на одной и той же струнѣ, не пріучивъ ухо слушателя къ ея однообразному звуку. Какъ бы ни была свѣжа и даже поэтична современность въ томъ или другомъ обществѣ за извѣстную эпоху, поэтъ, отдаваясь ей весь, въ ущербъ своему вѣчному значенію, дѣлается совершеннымъ бѣднякомъ. Въ дѣлѣ современной пользы имъ приносимой, всякій экономистъ, всякій благотворитель, всякій честный администраторъ, всякій хорошій педагогъ будетъ несравненно выше поэта. Они живутъ и работаютъ, тогда какъ литераторъ, какъ бы онъ ни былъ дѣленъ и практиченъ, никогда не выведетъ своей поэзіи изъ сферы общихъ мыслей. Всякій, напримѣръ, знаетъ, что весьма похвально искоренять лихоимцевъ — практическій администраторъ можетъ всю жизнь свою служить этой цѣли, но можемъ ли мы себѣ представить поэта, дѣлающаго тоже въ своихъ пѣсняхъ въ теченіи всей жизни? Весьма благородно подавать руку меньшимъ братіямъ и осушать слезы страждущихъ: Говардъ великъ, какъ практическій благотворитель, но имѣетъ ли возможность какой-нибудь поэтъ замѣнить Говарда своей пѣснью о филантропіи? Мало того, что поэтъ, какъ современный и прямой дѣятель, въ этихъ отношеніяхъ не сравняется съ практическимъ человѣкомъ, — онъ часто бываетъ его невольнымъ антагонистомъ, ибо безпрерывно повторяя общія современныя мысли, строя свою лиру на одинъ и тотъ же ладъ, онъ наконецъ охлаждаетъ массу читателей къ самымъ интереснымъ вопросамъ. *Дѣло не утомляетъ никогда, но слово, какой бы современностью оно не было пропитано, есть оружіе, тупьющее и стирающееся отъ частаго и однообразнаго употребленія.* За примѣрами въ этомъ отношеніи остановки быть не можетъ. Всѣ мы помнимъ начало дидактико-поэтической школы Германіи, ея быстрый успѣхъ на самое короткое время, и ея плачевное паденіе, посреди общей холодности. Благороднѣйшія пѣсни Томаса Гуда, рыцарскаго автора «Song of the Shirt», теперь не издаются вновь и не находятъ себѣ покупателей. Политическія сатиры Свифта были забыты при жизни поэта и изъ всѣхъ его созданій, къ намъ дошло одно гулливерово путешествіе. Кто можетъ, въ настоящее время, рѣшиться на новое прочтеніе «Вѣчнаго Жида» и «Мартына-Найденыша», хотя автору этихъ смѣшныхъ книгъ нельзя отказать въ благородствѣ и даже

Digitized by Google

правотѣ его дидактики? Но онъ притупилъ наше вниманіе безпрерывнымъ повтореніемъ мыслей, о которыхъ поэтъ, по своему существу, не можетъ сказать ничего, кромѣ однообразныхъ тирадъ, въ одномъ и томъ же вкусѣ.

Съ напряженіемъ возбуждая мысль читателя по одному и тому же направленію, и притупляя ее вслѣдствіе этого самаго напряженія, поэтъ-дидактикъ, какъ бы даровитъ и благонамѣренъ онъ ни былъ, рѣдко достигаетъ предположенной цѣли. Стоитъ только устремить внимательный взглядъ на дѣла литературы и общества для того, чтобъ вполнѣ согласиться съ нами. Мы позволимъ себѣ по этому случаю сдѣлать одно небольшое отступленіе и съ помощью его показать, до какой степени иногда доходитъ притупленіе, упомянутое нами, въ вопросахъ и предметахъ чрезвычайной важности.

Всякій изъ образованныхъ читателей, безъ труда согласится съ нами, что изъ всѣхъ горестныхъ явленій, встрѣчающихся въ жизни европейскаго общества, одно изъ самыхъ горестныхъ и тяжелыхъ, есть *бракъ безъ привязанности*, если глядѣть на него съ точки зрѣнія христіанско-нравственной. Это явленіе, которое, можетъ быть, со временемъ исчезнетъ вслѣдствіе смягченія нравовъ и уразумѣнія законовъ истинной цивилизаціи, становится еще ужаснѣе, если мы прибавимъ къ нему *принужденіе*, вслѣдствіе котораго юное и слабое существо часто приковывается къ существованію испорченнаго, порочнаго мужа, неспособнаго ни къ любви, ни даже къ честной жизни. Очистивъ себя отъ житейской рутины и обсудивъ явленіе, какъ должно разумному мыслителю, мы съ ужасомъ остановимся передъ безпредѣльной пучиной скорби, неправды, униженія, въ немъ таящейся. Эта пучина такова, что при взглядѣ на нее затрепещетъ и охладѣетъ сердце самаго безчувственнаго смертнаго. Съ давнихъ временъ и поэты дидактическіе и поэты истинные, одни руководясь заданной темою, другіе повинуясь призыву свободнаго творчества, пламенными словами, въ стихахъ и прозѣ, описывали явленіе, о которомъ мы сейчасъ говорили. Страданія любящей дѣвушки, униженіе мыслящей женщины, тяжкая жизнь существъ, связанныхъ между собою неволею и разсчетомъ, вдохновляли едва ли не каждаго сочинителя, способнаго написать нѣсколько строкъ для печати. А между тѣмъ браки по разсчету и по принужденію не только помнутно совершаются на свѣтѣ, но даже поступили въ разрядъ явленій обыденныхъ, никого не трогающихъ. Когда Ричардсонъ писалъ свою «Кларису», однимъ изъ эпизодовъ, наиболѣе возбудившихъ сочув-

Digitized by Google

ствіе публики, былъ эпизодъ, теперь производящій на насъ зѣвоту, именно мученія Кларисы Гарловъ, которую родственники вознамѣрились насильно выдать за господина Гольмса или Сольмса. Трудно рѣшить, имѣлъ ли романистъ дидактическую цѣль въ своемъ эпизодѣ, но несомнѣнно то, что весь старый Лондонъ рыдалъ и повергался въ неистовство вслѣдствіе страданій Кларисы. Страшная нравственная бездна разверзлась передъ умами мыслящихъ людей и мыслящіе люди ужаснулись этой бездны. Успѣхъ Ричардсона, безпримѣрный въ лѣтописяхъ литературы, былъ разуменъ и похваленъ, — тѣмъ болѣе, что самъ поэтъ, свободно коснувшись высокаго интереса и воспользовавшись имъ по мѣрѣ своихъ способностей, свободно отошелъ отъ него къ другимъ изображеніямъ. Но по слѣдамъ Ричардсона, частію изъ подражанія, частію по разсчету, частію по причинамъ естественнымъ, всѣ романисты Европы кинулись изображать браки по принужденію, браки по разсчету, съ ихъ неминуемыми послѣдствіями. Нѣсколько лѣтъ слезы лились рѣками изъ очей чувствительныхъ читательницъ, — но уже читатели не лили слезъ и не повергались въ неистовство. Потомъ сами читательницы перестали плакать, плакали только старыя дѣвы, не знавшія брака ни по любви, ни по принужденію. Затѣмъ и тѣ перестали сокрушаться. Симпатіи массъ, возбужденныя умно и благородно, притупились мало-по-малу. Въ наше время госпожа Дюдеванъ опять разширила и оживила прежніе вопросы, и первыя ея творенія, имѣвшія художественное значеніе, писанныя съ горячностью, имѣли огромный успѣхъ, хотя далеко не Ричардсоновскій. Чуть за первой горячностью явилось повтореніе — читатель сталъ опять притупляться. И снова всѣ охолодѣли къ вопросу, о которомъ, по его сущности, нельзя говорить и думать холодно. Въ Англіи безжалостно смѣются надъ Жоржемъ Сандомъ, не только за его заблужденія, достойныя шутки, но даже за его страницы, показывающія лучшее направленіе. Неужели это происходитъ отъ дикости понятій? но въ такомъ случаѣ мы столь же дики, говоря безъ участія о сватовствѣ Гольмса на миссъ Кларисѣ! Въ романахъ Жанлисъ есть житейская правда и множество благородныхъ стремленій — за что же мы не читаемъ чувствительной Жанлисъ, такъ драгоцѣнной бабушкамъ нашимъ? Вкусы читателей притупились отъ повторенія однѣхъ и тѣхъ же мыслей, однѣхъ и тѣхъ же грустноправдивыхъ, но однообразныхъ картинъ женской жизни!

Но — скажутъ намъ, быть можетъ, — развѣ поэты, касавшіеся явленія, вами указаннаго, не содѣйствовали хотя къ нѣкоторому

Digitized by Google

его уничтоженію, развѣ въ нашемъ современномъ обществѣ браки по принужденію не совершаются хотя сколько нибудь рѣже прежняго? Съ этимъ замѣчаніемъ мы отчасти согласны. Поэтъ, свободно изображающій зло житейское, даже указывая на его существованіе съ дидактической цѣлью, — совершаетъ заслугу, но онъ же портитъ заслугу свою неумѣніемъ остановиться во-время. Тотъ, кто притупилъ благотворную мысль, разъ возбужденную въ умахъ современниковъ, заслуживаетъ охужденія. А такъ какъ поэты-дидактики своими однообразными дифирамбами помпнутно притупляютъ вниманіе мыслящаго общества, помпнутно охлаждаютъ его къ прекраснымъ начаткамъ, въ разное время сдѣланнымъ поэтами-истинными, то мы не можемъ избавить ихъ отъ нареканія. Еслибъ Ричардсонъ не имѣлъ дидактическихъ преемниковъ, весь вопросъ о явленіи, нами указанномъ, стоялъ бы живѣе въ воображеніи и мысляхъ общества.

Касательно того, что въ обществѣ браки по принужденію совершаются рѣже, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, можно сказать лишь то, что этотъ благой результатъ смягченія нравовъ принадлежитъ не одному извѣстному разряду романистовъ и поэтовъ, а *всей цѣлебной дѣятельности* вѣковаго просвѣщенія нашего, съ его *всею* наукой, съ его *всѣмъ* искусствомъ, съ его *всѣмъ* поступательнымъ движеніемъ. Объ этомъ заключеніи всѣмъ дидактикамъ надо думать, ибо въ немъ таится строгій приговоръ ихъ узкимъ теоріямъ. Нападать на искусство свободное и чистое, унижать его передъ теоріями современности, значитъ — отрицать всю нашу вѣчную цивилизацію и кидать ее подъ ноги дидактикѣ временной. Въ дѣлѣ просвѣтленія и прочнаго возвышенія человѣка, чистое искусство играетъ блистательную роль, которой ни отвергнуть, ни замѣнить, никто не въ силахъ. Въ сказанномъ дѣлѣ пути искусства непримѣтны для невѣжества. Произведенія Рафаэля внушили тысячамъ, милліонамъ людей мысли, смягчающія душу и тѣмъ исполнили свое назначеніе; нѣсколько Пушкинскихъ пѣсенъ, обойдя всю Россію, пробудивъ поэтическое сознаніе въ массахъ соотечественниковъ нашихъ, — черезъ смягченіе и разширеніе понятій, ими причиненное, сдѣлали заслугу, до какой не дойдешь ни съ какимъ сухо-дидактическимъ дифирамбомъ. Не на частныя проявленія общественной жизни должна быть направлена магическая сила искусства, но на внутреннюю сторону человѣка, на кровь его крови, на мозгъ его мозга. Медленно, неуклонно, вѣрно совершаетъ чистое искусство свою всемірную задачу, и переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, силой своею просвѣтляя внутренній ор-

Digitized by Google

ганизмъ человѣковъ, — ведетъ къ измѣненіямъ во временной и частной жизни общества. Тотъ, кто не признаетъ этой истины, имѣетъ полное право не уважать искусства и глядѣть на него какъ на стклянку духовъ или чашку кофе послѣ обѣда. Никакого mezzotermine тутъ быть не можетъ. Признавать чистое искусство «роскошью жизни» — можно только цѣнителю шаткому въ своихъ взглядахъ. Искусство не есть роскошь жизни, точно также, какъ солнце не дающее никому ни гроша, а между тѣмъ живящее всю вселенную. Есть люди, не любящіе солнца, но едва ли кто нибудь зоветъ его роскошью жизни. Въ отношеніи къ человѣческимъ недугамъ и порокамъ искусство дѣйствуетъ какъ воздухъ благословенныхъ странъ, пересоздавая весь организмъ въ больныхъ людяхъ, укрѣпляя ихъ грудь и возстановляя физическіе органы, пораженные изнуреніемъ.

Сочинители, чистосердечно вводящіе преднамѣренно дидактическій элементъ въ свою поэзію, почти всѣ дѣйствуютъ съ самой честной и благонамѣренной цѣлью, но усилія ихъ потому рѣдко достигаютъ благихъ результатовъ, что направлены на случайную и наружную, а не на внутреннюю и вѣчную сторону общества. Совершая свое призваніе, поэты эти дѣйствуютъ подобно пламенному и неопытному врачу, который, видя на тѣлѣ своего паціента сыпь или язву, хочетъ вылѣчить ихъ упорными наружными средствами, не соображая о томъ, что сыпь или язва — одинъ симптомъ внутренняго недуга, требующаго пособій для всего внутренняго организма въ страдальцѣ. Отъ первыхъ, энергическихъ наружныхъ средствъ сыпь пропадаетъ, язва начинаетъ залѣчиваться, но скоро тѣло привыкаетъ къ мазямъ и втираніямъ, недугъ принимаетъ обычный свой ходъ или показывается въ другомъ мѣстѣ. При такомъ положеніи, заблужденіе врача высказывается само собой, и самъ паціентъ, долго ему вѣрившій, начинаетъ понимать, что ему нужны не наружныя мѣры, а долгое внутреннее лѣченіе, солнце, вода и воздухъ здороваго края, способные пересоздать его разстроенный организмъ, силой своего медленнаго, но вѣрнаго вліянія. Потому-то системы *легкаго* лѣченія недуговъ всегда кончаются водами и правильнымъ курсомъ врачеванія, потому-то и дидактическія школы поэзіи цвѣтутъ лишь самое короткое время, слабѣютъ по днямъ и затѣмъ навѣки погружаются во всеобъемлющую систему чистаго и свободнаго творчества, систему Гете, Шиллера, Скотта, Вордсворта, Крабба, Кольриджа.

Послѣ длиннаго отступленія, сдѣланнаго нами, мы имѣемъ право надѣяться, что читателю станетъ довольно ясенъ нашъ взглядъ

Digitized by Google

на литературную дидактику въ отношеніи къ произведеніямъ изъ простонароднаго быта.

Большую ошибку сдѣлалъ бы цѣнитель, утверждающій, что заслуги г. Писемскаго, какъ живописца простонародныхъ сценъ, принадлежатъ къ сферѣ искусства, отрѣшеннаго отъ жизни, искусства безцвѣтнаго и безцѣльнаго. Во-первыхъ, такого искусства не существуетъ на свѣтѣ, о чемъ мы также говорили въ свое время. Во-вторыхъ, изученіе простонародныхъ этюдовъ автора нашего, не взирая на всю ихъ независимость отъ идей современной дидактики, и можетъ и должно принести свою великую пользу всякому мыслящему и желающему добра читателю. Этюды эти вполнѣ свершаютъ задачу искусства чистаго, въ его благороднѣйшемъ отношеніи къ нравственному развитію общества, то-есть они значительно прибавляютъ массу всесторонніхъ свѣдѣній о бытѣ простого человѣка въ Россіи, и обогащая насъ фактами, мѣтко подмѣченными, художественно сгруппированными, ведутъ насъ къ тому, что сказанный бытъ, со всѣми идеями, къ нему прикосновенными, становится для насъ во всѣхъ отношеніяхъ живѣй и понятнѣе. Они выводятъ насъ изъ душнаго міра умствованій и заключеній a priori, въ міръ яснаго анализа и живыхъ наблюденій, обстоятельство весьма важное еще потому, что чрезъ него истребится какъ притупленіе вкуса читателей, такъ и сама рутина общихъ идей, причинившихъ это притупленіе. Въ книгѣ своей, теперь находящейся передъ нами, г. Писемскій сказался писателемъ изъ разряда тѣхъ писателей, которые также важны для просвѣщенной публики, то есть человѣкомъ, полнымъ таланта и знанія, бытописателемъ и *слѣдователемъ*, на котораго можно положиться съ увѣренностью. Столичный житель, не знающій народнаго быта, мыслитель, по неволѣ сидящій всю жизнь въ своемъ кабинетѣ, юноша, еще не извѣдавшій разнообразія русской жизни, умная женщина, по своему положенію, не имѣющая возможности изучать многое — всѣ эти лица могутъ знать навѣрное, что авторъ, названный нами, не обманетъ ихъ любознательности, не увлечетъ ихъ въ міръ сантиментализма, не смѣшаетъ жизни призрачной съ жизнью дѣйствительною. Г. Писемскому читатель можетъ вѣрить смѣло, вѣрить такъ, какъ озабоченный администраторъ, не имѣющій средствъ слѣдить за ходомъ дѣлъ въ отдаленныхъ уголкахъ своего края, вѣритъ докладу свѣдущаго, добросовѣстнаго, истинно практическаго чиновника. Такіе докладчики намъ нужны и въ жизни, и на службѣ царской, и въ литературѣ. Когда въ человѣкѣ свободно соединяются во едино и талантъ, и призваніе, и зоркость глаза, и пониманіе настоящаго

Digitized by Google

дѣла, то отъ такого человѣка мы вправѣ ждать всецѣлой и всесторонней правды.

1857.

XIII.

«ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ И. ТУРГЕНЕВА». СПБ. 1856 Г.

1.

Писатели, подобно книгамъ (habent sua fata libelli!) имѣютъ свою таинственную, причудливую участь въ отношеніи къ критикѣ имъ современной, и публикѣ, ихъ читающей. Одинъ талантъ, съ перваго своего выступленія въ свѣтъ, постоянно осыпается розами, тогда какъ другой, по видимому тоже заслуживающій симпатіи общей, вянетъ и сохнетъ отъ невниманія цѣнителей. Иной поэтъ, нѣжась на цвѣтахъ, лишается всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ суровою школою борьбы житейской, другому дается на долю уже слишкомъ много борьбы и слишкомъ мало розановъ. Въ литературахъ еще новыхъ, въ критикѣ нечуждой шаткости теоріи, въ публикѣ, еще не имѣющей строгаго артистическаго развитія, подобные примѣры попадаются сплошь и рядомъ. И въ нашей словесности ихъ не оберешься. Почему имя г. Тютчева, одного изъ первыхъ намъ современныхъ поэтовъ, оставалось въ полнѣйшемъ мракѣ непзвѣстности до тѣхъ поръ, пока одна слабая, скомканная, сухая статья въ смѣси «Современника» не была посвящена характеристикѣ его таланта? По какой причинѣ, съ другой стороны, г. Кукольникъ долго считался первокласснымъ русскимъ писателемъ, не за произведенія свои, дѣйствительно заслуживающія извѣстности, а за свои драматическія фантазіи, теперь всѣми забытыя? Отчего нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ, одаренные и умомъ и тактомъ, до сихъ поръ говорятъ о г. Бенедиктовѣ, благородномъ, талантливомъ пѣвцѣ, какъ о риторѣ безъ поэтическаго дара, тогда какъ самое поверхностное изученіе поэта, такъ неправедно оскорбляемаго, должно бы было раздробить вконецъ основаніе, на которомъ зиждутся эти жалкіе рутинные приговоры, недостойные взрослыхъ цѣнителей? Изъ-за какихъ эстетическихъ соображеній тѣ же самые цѣнители чинно и почтительно разсуждаютъ о какомъ нибудь поэтикѣ, во много кратъ слабѣйшемъ поэта, ими непризнаннаго, привѣтствуютъ женщинъ-писательницъ самаго ничтожнаго свойства, кланяются старцамъ, которыхъ весь поэтическій скарбъ состоитъ изъ трехъ

Digitized by Google

посланій къ Хлоѣ, или раболѣпно преклоняются предъ учеными компиляторами статей, разсыпающихъ вокругъ себя сонъ, тоску и уныніе? Почему въ нашей журналистикѣ, въ сороковыхъ годахъ, было такъ много геніевъ, мыслителей, пламенныхъ и ожесточенныхъ ратоборцевъ? Куда дѣлись всѣ эти грозныя и блистательныя личности? свершили ли они хотя малую часть поприща, имъ предсказаннаго, оправдали ли онѣ хотя одну изъ надеждъ, ими возбужденныхъ? Неужели во всѣхъ этихъ ошибкахъ, промахахъ, рутинныхъ приговорахъ, обманутыхъ надеждахъ, скороспѣлыхъ отзывахъ, безтолковыхъ гоненіяхъ и незрѣлыхъ хвалахъ все было ложью, злонамѣренностью и недобросовѣстностью? Боже сохрани насъ думать такимъ образомъ. И въ ошибкахъ жила мысль, и зло необходилось безъ частицы добра, и въ несправедливости имѣлась своя доля правды. При сильномъ многостороннемъ развитіи русскаго искусства и русскаго общества, за правильностью этого развитія нельзя было гнаться. И публика не отличалась зрѣлостью, и цѣнитель не былъ вполнѣ готовъ къ своему дѣлу, и самъ писатель невсегда зналъ свою публику съ своими критиками. И потому-то въ участи почти каждаго изъ современныхъ намъ первоклассныхъ русскихъ писателей имѣется нѣчто неестественное и неровное, очень причудливое, очень оригинальное и по временамъ очень нераціональное. Намъ всегда казалось удивительно странна участь г. Тургенева, или, выразимся яснѣе, его литературное положеніе, какъ въ отношеніи къ массѣ читателей, такъ и въ отношеніи къ нашей журнальной критикѣ. Отношенія эти казались намъ всегда до того странными, запутанными, неразумными, привлекательными и безтолковыми, что мы отъ души жалѣли о томъ изъ толкователей и цѣнителей, которому наконецъ придетъ мысль сказать свое безпристрастное слово о дѣятелѣ, такъ дорогомъ для нашего сердца. Многіе изъ нашихъ литераторовъ покоились на розахъ, подложенныхъ имъ отъ цѣлаго сонма друзей и критиковъ; но мы смѣемъ спросить, какому изъ нашихъ писателей (не исключая Пушкина и Лермонтова, которыхъ розы были куда-какъ жестки), какому изъ нашихъ писателей сыпалось розъ болѣе, чѣмъ г. Тургеневу? Не одинъ изъ даровитыхъ повѣствователей нашихъ бывалъ захваливаемъ до изнеможенія, но кого изъ нихъ захваливали болѣе усердно и болѣе безпѣльно, если не г. Тургенева? Всякому изъ прежде дѣйствовавшихъ и нынѣ трудящихся поэтовъ, наша критика, между многими заблужденіями, высказывала что нибудь дѣльное, что нибудь примѣнимое — но ни дѣльнаго, ни примѣнимаго не дождался отъ нея г. Тургеневъ. Похвалы, имъ возбужденныя и пополнявшія

Digitized by Google

собою сотни страницъ, составляютъ сами по себѣ одинъ неслыханный промахъ. Правда въ нихъ только одна, а именно, что г. Тургеневъ есть писатель высокаго дарованія, — другихъ истинъ не ищите въ отзывахъ нашей критики о Тургеневѣ. Чуть начинается рѣчь о сущности дарованія, всѣми признаннаго и всѣми любимаго, ошибка садится на ошибку, ложный судъ идетъ за ложнымъ судомъ. Въ писателѣ съ незлобной и дѣтской душою цѣнителя, видятъ суроваго карателя общественныхъ заблужденій. Въ поэтическомъ наблюдателѣ зрится имъ соціальный мудрецъ, простирающій свои объятія къ человѣчеству. Они видятъ художника-реалиста въ плѣнительнѣйшемъ идеалистѣ и мечтателѣ, какой когда-либо являлся между нами. Они привѣтствуютъ творца объективныхъ созданій въ существѣ, исполненномъ лиризма и порывистой, неровной субъективности въ творчествѣ. Имъ грезится продолжатель Гоголя въ человѣкѣ, воспитанномъ на Пушкинской поэзіи, и слишкомъ поэтическомъ для того, чтобъ серьозно взяться за роль чьего либо продолжателя. Однимъ словомъ, каждое слово, когда либо у насъ писанное о Тургеневѣ, кажется намъ пустымъ словомъ. На основаніи неправильныхъ отзывовъ, часто выражаемыхъ краснорѣчиво, даже восторженно, значительная часть читателей, составляющая понятія по вычитаннымъ ею критикамъ, стала къ г. Тургеневу въ фальшивое положеніе. Отъ него ждали того, чего онъ не могъ дать, у него не наслаждались тѣмъ, что могло и должно было доставлять истинное наслажденіе. Мальчики, еще не отдѣлавшіеся отъ жоржъ-сантизма, стали глядѣть на Тургенева, какъ на представителя какой-то утопической мудрости, сейчасъ собирающагося сказать новое слово, имѣющее оживить всю сферу дидактиковъ мыслителей. Люди, любившіе народный бытъ, глубоко его изучившіе или знавшіе его по опыту, требовали отъ нашего писателя безукоризненно вѣрныхъ картинъ простонародной жизни. Дилетанты литературы со всякимъ годомъ ждали отъ него какого-нибудь строгаго повѣствованія, которое по своей правильности, объективности лицъ и геніальной соразмѣрности подробностей, сейчасъ поступитъ въ число перловъ русской словесности. Были даже энтузіасты, которые, не сознавая отсутствія драматическаго элемента въ дарованіи Тургенева, видѣли въ немъ надежду русской сцены и новое свѣтило новаго театра. Мудрено ли, что посреди этихъ разнохарактерныхъ, ошибочныхъ оцѣнокъ и требованій, высказываемыхъ съ такой любовью, съ такимъ благороднымъ сочувствіемъ, самъ предметъ общей симпатіи могъ запутываться въ своихъ розрѣніяхъ? Нельзя отдыхать на розахъ, не ощущая желанія сдѣлать

Digitized by Google

будь пріятное тому или тѣмъ, кто подсыпалъ намъ цвѣтовъ въ такомъ обиліи. Изъ взаимной ласковости и симпатіи произошла нѣкоторая уступчивость съ обѣихъ сторонъ, уступчивость совершенно безсознательная, но явно ведущая къ общему ущербу. Г. Тургеневъ писалъ драмы, весьма неудачныя, — критика ихъ привѣтствовала, какъ прекрасныя творенія. Авторъ безподобныхъ разсказовъ «Охотника» портилъ и не додѣлывалъ повѣсти, великолѣпныя по замыслу — ни одинъ строгій голосъ не заступался за Тургенева противъ самого Тургенева. Писатель, достойный называться просвѣщеннѣйшимъ и многосторонніѣйшимъ изо всего круга нашихъ писателей, вдавался въ явное однообразіе — никто этого не замѣчалъ и не хотѣлъ замѣтить. Съ своей стороны и г. Тургеневъ былъ черезъ чуръ послушенъ, черезъ чуръ нѣженъ и ласковъ со своими критиками. Онъ былъ не прочь иногда угодить ихъ незаконнымъ требованіямъ, поддакнуть ихъ рутинѣ, пококетничать съ этими строгими сынами Аристарха. По натурѣ своей, принадлежа къ числу людей, наиболѣе воспріимчивыхъ, многосторонніхъ и любящихъ, онъ былъ слишкомъ наклоненъ къ ласковому повиновенію ласковой критики. Цѣня правду въ самихъ лицахъ, несходныхъ съ нимъ по убѣжденіямъ, со свѣжестью юноши сочувствуя всему умному и умно сказанному, Тургеневъ не могъ имѣть того творческаго задора, который заставляетъ талантливыхъ писателей кидать перчатку неправеднымъ цѣнителямъ, сосредоточиваться въ своемъ плодотворномъ упрямствѣ, и въ самихъ себѣ искать лучшаго судью литературнаго. Сознаемся откровенно, въ теченіи долгихъ лѣтъ, въ продолженіи нашей долгой страсти къ дарованію Тургенева, мы не одинъ разъ желали для него борьбы и періода сосредоточенности, такъ живящей всѣ таланты. Зная причуды и колебанія нашей критики, мы не разъ ждали отъ ней статей о Тургеневѣ наиболѣе жосткихъ и ѣдкихъ, ждали ихъ съ нетерпѣніемъ зоила или завистника. Намъ хотѣлось, чтобъ когда нибудь, вслѣдствіе прихоти или понятной реакціи, поднялось въ журналахъ гоненіе на талантъ Тургенева, не жалкая фельетонная брань, надъ которой потѣшаются сами авторы, ее выдерживающіе, но гоненіе журнальное, жолчное и суровое, одно изъ тѣхъ гоненій, которыя заставляютъ каждаго поэта встрепенуться, разгнѣваться, зорко взглянуть внутрь себя, а затѣмъ съ гордостью стать наперекоръ суду критиковъ. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго мы не дождались, ни разу не удалось намъ видѣть нашего автора въ могущественномъ и такъ освѣжительномъ процессѣ разлада художника со своими толкователями! Розы продолжали сыпаться по прежнему, безъ толка и разбора,

Digitized by Google

и за прелестныя страницы «Затишья» и за драму «Холостякъ», и за произведенія, полныя поэтической прелести и за обрывочные скиццы, писанные наскоро, отдѣланные безо всякаго старанія. Наконецъ, какъ намъ кажется, это обиліе розовыхъ листовъ показалось черезъ-чуръ притворнымъ для самого Тургенева. Онъ пошелъ впередъ, безъ совѣтника и путеводителя, усиленно работая надъ собою, пробуя себя во многихъ родахъ, раздѣлываясь со старыми недостатками, отбрасывая отъ себя, сегодня часть устарѣлой дидактики, завтра частицу мизантропическихъ созерцаній, ведущихъ къ однообразію. Творческій прогрессъ его былъ замѣченъ весьма немногими, въ дремучемъ лѣсу критическихъ общихъ мѣстъ по поводу Тургенева, уже не находилось свободнаго уголка для новыхъ выводовъ. Писатель, всѣми любимый и всѣмъ дорогой по преимуществу, увидалъ себя въ одиночествѣ и въ пустынѣ, довольно безотрадной. Его товарищей бранили и подстрекали, онъ свершалъ свою дорогу посреди пустыхъ похвалъ, непримѣнимыхъ къ дѣлу. Младшихъ повѣствователей разбирали съ умомъ и горячностью,— о немъ никто не могъ ничего сказать подробнаго. Въ нихъ находили недостатки, указывали на нихъ общими силами, содѣйствовали къ исправленію этихъ недостатковъ — ничего подобнаго не было сдѣлано съ Тургеневымъ. Постоянная, несправедливая, озлобленная брань, какъ мы уже замѣтили, имѣетъ свою хорошую сторону, возбуждая смѣлую самостоятельность въ писателѣ; но осмѣливаемся спросить, какая утѣшительная сторона можетъ быть отыскана въ вялой, однообразной похвалѣ, безпрестанномъ повтореніи словъ: отличный художникъ, любимый писатель, авторъ такъ дорогой для публики, и такъ далѣе, и такъ далѣе?

Таковы были, по нашему мнѣнію, отношенія г. Тургенева къ современной ему критикѣ — отношенія лестныя и пріятныя, но крайне безплодныя. Публика наша, въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, рѣдко соображается съ голосомъ цѣнителей, но относительно твореній Тургенева, она была заодно съ критикой. Масса читателей видѣла очень хорошо, что имя, близкое ей, во всѣхъ журналахъ произносится съ почтеніемъ. Подписчикъ того или другого періодическаго изданія былъ очень радъ, встрѣчая ласковую рѣчь о повѣствователѣ, ему симпатичномъ. Конечно, рядъ дѣльныхъ статей о сущности таланта Тургенева во многомъ бы уяснилъ читателю его собственныя впечатлѣнія,—но такихъ статей не было,—за то не было и статей враждебныхъ любимому дѣятелю. И почитатель, и почитательница писателя нашего могли сами, на досугѣ и размышлять о немъ, и ждать отъ него новыхъ наслажденій.

Digitized by Google

Публика такъ и дѣлала, оставаясь постоянно вѣрною и постоянно любящею публикою для Тургенева. Другіе писатели падали и возвышались въ ея мнѣніи, другіе писатели иногда разрушали въ ней надежды, возбужденныя ихъ первыми произведеніями, — относительно Тургенева, читательскій вкусъ не переносилъ никакихъ колебаній. Напрасно иные помѣщики-скептики замѣчали, что нашъ авторъ далеко не знаетъ простого русскаго человѣка, какъ о томъ говорятъ журналы, — читатель догадывался, что Тургеневъ силенъ не по одному знанію русскаго простого человѣка. Напрасно самъ авторъ «Записокъ Охотника» набрасывалъ неудачные драматическіе этюды — публика и въ неудачномъ произведеніи видѣла нѣчто прекрасное, независящее отъ общаго недостатка постройки. Напрасно слабыя скомканныя частности «Пасынкова» или «Лишняго Человѣка» сами сказывались съ перваго раза, читатели любили и Пасынкова и лишняго человѣка за что-то высшее, чѣмъ рядъ невыдержанныхъ сценъ и неудачныхъ попытокъ объективнаго творчества. Эта неизъяснимая сила сочувствія, это постоянство во вниманіи, это неизмѣняющееся удовольствіе публики при появленіи каждой новой вещи Тургенева, по нашему крайнему разумѣнію, составляютъ симптомъ болѣе значительный, нежели всѣ лестныя слова цѣнителей и журнальныхъ рецензентовъ. Изъ нихъ намъ ясно, что Тургеневъ, писатель недостаточно понятый цѣнителями, лишь и дорогъ для публики по какой-то особенной причинѣ, ускользнувшей отъ пониманія цѣнителей и рецензентовъ. Читатель никогда не привяжется къ писателю изъ-за одного того, что его имя вездѣ произносится съ уваженіемъ. Публика не отдается всей душою второстепенному разскащику за то только, что его звучное имя всегда ставится журналами въ головѣ списка своихъ сотрудниковъ. А г. Тургеневъ, *если судить о немъ съ точки зрѣнія бо́льшей части современныхъ ему критиковъ*, долженъ быть признанъ писателемъ второстепеннымъ. Мы сказали уже, какъ несправедливы кажутся намъ прежніе отзывы о достоинствахъ этого писателя. «Записки Охотника», говоритъ намъ такой-то критикъ, были смѣлымъ нововведеніемъ въ литературѣ, какъ художественное изображеніе простого русскаго быта». Это вздоръ: гг. Даль, Григоровичъ и другіе менѣе извѣстные писатели, ранѣе его ввели и узаконили въ нашей литературѣ этотъ родъ повѣствованія. «Господинъ Тургеневъ есть художникъ въ созданіи характеровъ, его персонажи — это живыя лица, которыя *мечутся предъ глазомъ читателя*.» Опять-таки неправда: какъ создатель типовъ и творецъ объективныхъ представленій, Тургеневъ ниже многихъ своихъ товарищей, изъ которыхъ

Digitized by Google

иные уже забыты публикой. «Тургеневъ есть каратель общественныхъ слабостей и мыслитель, наводящій насъ на мысли грустныя и важныя.» Читатель знаетъ уже наше мнѣніе какъ о каранін людскихъ слабостей, такъ и о важныхъ мысляхъ, не облеченныхъ въ изящную поэтическую форму. «Тургеневъ даритъ намъ безукоризненныя созданія, исполненныя творчества; художественно-соразмѣрныя въ цѣломъ и въ подробностяхъ.» Напротивъ того, нашъ авторъ крайне неравенъ и несоразмѣренъ: никто болѣе его не способенъ утопить чудную мысль, не додѣлать мастерского эскиза, вдаться въ неправду, микроскопическій реализмъ и даже *genre precieux*. Какъ же послѣ этого намъ глядѣть на автора книги, находящейся передъ нами? Лучшія его стороны (признанныя цѣнителями) насъ не удовлетворяютъ. Едва ли онѣ удовлетворяютъ и читателя. Лица, писанныя имъ, не живутъ съ нами, какъ живутъ съ нами Ноздревъ, Собакевичъ, Большовъ, Беневоленскій; безукоризненныхъ перловъ созданія мы еще не видали отъ Тургенева. За что же его такъ любитъ читатель, за что же мы сами такъ высоко его цѣнимъ? И послѣ всѣхъ подобныхъ соображеній, въ нашемъ умѣ рождается вопросъ, о которомъ давно стоило бы подумать людямъ, толкующимъ о Тургеневѣ. Вопросъ этотъ мы, безъ дальнихъ околичностей, поставимъ такимъ образомъ: *нѣтъ ли въ г. Тургеневѣ, помимо объективной художественности и строгихъ повѣствовательныхъ красотъ, какого-либо особливаго, еще не признаннаго за нимъ достоинства, того достоинства, которое, не смотря на нѣкоторыя несовершенства и художественныя неосмотрительности нашего автора, дѣлаетъ г. Тургенева писателемъ, едва ли не самымъ любимѣйшимъ между всѣми русскими писателями нашего времени?*

Отвѣтъ нашъ будетъ коротокъ и обстоятеленъ, какъ отвѣтъ совѣщательнаго собранія въ судѣ присяжныхъ. Да, скажемъ мы, есть у г. Тургенева достоинство, неразъясненное его цѣнителями. Да, — г. Тургеневъ, слабый въ смыслѣ объективнаго творчества, имѣетъ одну особенность, въ которой онъ силенъ и непзъяснимо привлекателенъ. Особенность эта есть ничто другое, какъ высокое поэтическое дарованіе, съ которымъ самъ его обладатель до сихъ поръ еще совладать не въ сплахъ. Вслѣдствіе всего нами сказаннаго, мы и смотримъ на Тургенева, не какъ на современнаго поучителя, не какъ на скептика и создателя живыхъ типовъ, но какъ на тонкаго и истиннаго поэта, передающаго свои созданія въ прозаической и, по временамъ, весьма неровной формѣ.

Разъ взглянувши съ такой точки зрѣнія на талантъ и дѣятель-

Digitized by Google

ность Тургенева, мы невольно чувствуемъ, какъ все наше воззрѣніе разъясняется, какъ спадаетъ съ поэта нашего вся запутанная сѣть, накинутая на сущность его дарованія цѣнителями старыми и новыми. Не только сочувствіе читателей, не только наши собственныя симпатіи, но даже хитросплетенія поклонниковъ-критиковъ теперь дѣлаются намъ вполнѣ понятны. Поэтическій элементъ въ прозаикѣ всегда уловляется не безъ большого труда: вспомнимъ только до какой малой степени поэзія Гоголя разъяснена русскимъ людямъ, не взирая на то, что о значеніи Гоголя было сказано много дѣльнаго разными первоклассными критиками. Вспомнимъ, что еще у насъ не отдано должной справедливости поэтамъ самаго высокаго разбора, писавшимъ стихами, что у насъ о Гнѣдичѣ принято говорить съ величавой холодностью, что критика наша еще не касалась самыхъ топкихъ сторонъ въ поэзіи Баратынскаго, Жуковскаго, наконецъ Державина. Мудрено ли послѣ этого, что поэтическій складъ Тургеневскаго дарованія былъ просмотрѣнъ вслѣдствіе другихъ достоинствъ Тургенева, что его поэзія, всюду *сказывающаяся*, но не *высказывающаяся*, еще не нашла себѣ дѣльныхъ истолкователей? Цѣнители и незнатели бродили ощупью около каждой вещи, набросанной нашимъ авторомъ, чувствуя, что эта вещь имъ глубоко нравится, объясняя причины своей симпатіи по мѣрѣ силъ и возможности. Еслибъ поэтическая струя, основная причина успѣха и толковъ, въ Тургеневѣ сказывалась рѣзко, пожалуй даже угловато, ее бы подмѣтить и опредѣлить было легче. Поддайся нашъ поэтъ байронизму, ярому жоржъ-сандизму и такъ далѣе, создай онъ для своего нектара какое нибудь вмѣстилище уродливой формы — дѣло бы пошло гораздо скорѣе. Но поэзія Тургенева не такова: при всѣхъ временныхъ увлеченіяхъ писателя, она никогда не была жосткой или эксцентрической поэзіею. Она была плодомъ души мягкой и нѣжной, души, глубоко сочувствующей всѣмъ сторонамъ жизни, да сверхъ того развитой самымъ артистическимъ, самымъ блестящимъ, самымъ многостороннимъ образованіемъ. На зло нашимъ поклонникамъ Тургенева, жаждущимъ видѣть въ нашемъ повѣствователѣ сумрачнаго дидактика, мы съ полнымъ знаніемъ дѣла утверждаемъ, что поэзія этого карателя людскихъ слабостей есть поэзія благороднѣйшаго эпикурейца-поэта, любящаго жизнь и созданнаго для наслажденія жизнью. Всякій разъ, когда нашъ поэтъ-прозаикъ, увлекаясь всесторонностью своего ума, начинаетъ строить свою лиру на мрачный ладъ — муза его не слушается, улетаетъ отъ него, подаривъ ему самое малое число улыбокъ. Чуть онъ пробуетъ, по довольно неудачному выраженію

Digitized by Google

одного писателя, *любить ненавидя*, въ его созданіяхъ происходитъ нѣчто въ родѣ той путаницы, которая гнѣздится въ странномъ выраженіи, сейчасъ нами приведенномъ. Напротивъ того, въ картинахъ нѣжныхъ и успокоительныхъ, меланхолически грустныхъ и даже юношески идеальныхъ—Тургеневъ возвышается такъ, какъ можетъ быть, никто изъ современныхъ русскихъ писателей. Тутъ-то и находится вся его сила, тутъ мы можемъ видѣть и осязать ту причину, по которой нашъ авторъ такъ дорогъ читателямъ и читательницамъ. Общество жаждетъ истинной, безпристрастной, свѣжей поэзіи, и всегда кидается на нее съ жадностью. Правда, то же общество иногда рвется къ поэзіи суровой, совершенно напряженной, практической и памфлетической, но не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ стремленій, изъ которыхъ одно длится долго и приводитъ къ просвѣтленію, а другое выгараетъ съ удовлетвореніемъ потребности и нагоняетъ скуку. Удовлетвореніе перваго изъ этихъ стремленій—вотъ важнѣйшая заслуга Тургенева; ловкій разсчетъ умнаго человѣка на второе—вотъ основаніе, на которомъ построена *временная* сторона его значенія. И писатель нашъ отчасти правъ, ибо пренебрегать практической дѣятельностью не слѣдуетъ. Книги нашего автора не были безплодны для временныхъ цѣлей; тѣмъ лучше для нихъ, хотя сила ихъ автора не во временномъ элементѣ художества. Можетъ быть, г. Тургеневъ даже во многомъ ослабилъ свой талантъ, жертвуя современности и практическимъ идеямъ эпохи. Но передъ нимъ еще довольно времени, а послѣднія его произведенія заставляютъ насъ предполагать, что созерцанія поэта нашего крѣпнутъ и разширяются со всякимъ годомъ его настоящей дѣятельности. Между алфою и омегою изданія, находящагося передъ нами, между первою и послѣднею повѣстью изъ всѣхъ повѣстей и разсказовъ Тургенева, между «Андреемъ Колосовымъ» и «Фаустомъ» лежитъ цѣлый міръ колебаній, увлеченій, неудачь даже. Но между Колосовымъ и Фаустомъ имѣется другой міръ, міръ свѣтлый, міръ плѣнительно поэтическій. Оба произведенія, первое и послѣднее, не даромъ стоятъ при началѣ и при концѣ книги. Не взирая на годы, ихъ раздѣляющіе, не взирая на разность воззрѣній, въ нихъ выраженныхъ, и «Фаустъ», и «Колосовъ» должны быть внимательно изучены всякимъ читателемъ. Лучшая сторона Тургеневскаго таланта живетъ и дышетъ въ обоихъ произведеніяхъ. Объ вещи могутъ быть переложены въ стихи, объ имѣютъ сходство съ небольшими поэмами тонкаго, интимнаго содержанія. И наконецъ, объ онѣ разъясняютъ намъ то, чего мы въ правѣ ожидать отъ дальнѣйшей дѣятельности Турге-

Digitized by Google

нева. — Поэзія, наполнявшая собой «Андрея Колосова», вся осталась при авторѣ «Фауста»: нашъ повѣствователь безвредно пронесъ ее чрезъ долгій путь, не потерявъ ни одной священной искры изъ огня, ему даннаго. Къ этой поэзіи присоединилась широта міросозерцанія, выработанная долгимъ трудомъ, многостороннимъ опытомъ жизни. Писатель, столько лѣтъ игравшій своимъ талантомъ, столько разъ глядѣвшій на міръ сквозь очки современнаго сантиментализма, наконецъ произнесъ слова, достойныя того, чтобъ служить лозунгомъ всѣхъ его будущихъ трудовъ. «Одно убѣжде-«ніе,» — говоритъ намъ герой Фауста — «одно убѣжденіе вынесъ «я изъ опыта послѣднихъ годовъ — жизнь не шутка и не забава. «Жизнь даже не наслажденіе... жизнь — тяжелый трудъ. Отрече-«ніе, отреченіе постоянное, — вотъ ея тайный смыслъ, ея раз-«гадка; не исполненіе любимыхъ цѣлей и мечтаній, какъ бы они «возвышенны ни были, — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ «заботиться человѣку. Не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ «цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего «поприща, а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ «лучше, тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ ду-«мать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины «глянуло, наконецъ, тебѣ въ глаза...» Счастливъ писатель, говорящій слова такого рода, и высказывающій ихъ такъ блистательно! Счастливъ онъ и въ такомъ случаѣ, если ему какъ и г. Тургеневу, эти слова сказались не поздно, эти возвышенныя мысли пришли во-время! Подумавъ о ихъ смыслѣ, мы радуемся за нашего повѣствователя, и смѣло пророчимъ ему благотворные труды въ будущемъ. Въ полномъ развитіи силъ и таланта, г. Тургеневъ набросалъ заключеніе своей послѣдней повѣсти. Положеніе его въ нашей литературѣ можетъ назваться вполнѣ почетнымъ положеніемъ. Его каждое слово внимательно слушается, — ни одинъ изъ его поэтическихъ порывовъ не проходитъ безъ отзыва. Онъ окруженъ общей симпатіей и уваженіемъ, обширный кругъ даровитыхъ и любящихъ товарищей радуется успѣхамъ Тургенева, какъ своимъ собственнымъ успѣхамъ. Если между критиками его много безплодныхъ хвалителей, за то между ними нѣтъ ни одного завистника, ни одного злобнаго софиста, худо расположеннаго къ поэту нашему. И наконецъ самъ Тургеневъ съ каждымъ годомъ яснѣй сознаетъ необходимость сильнаго труда надъ своимъ дарованіемъ. Въ послѣднихъ своихъ трудахъ, особенно въ «Затишьѣ», «Двухъ Пріятеляхъ» и «Рудинѣ», онъ обращается съ искусствомъ серьознѣй и горячѣе, чѣмъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ

Digitized by Google

Послѣ всего, нами теперь сказаннаго, мы въ правѣ ожидать отъ г. Тургенева долгихъ годовъ счастливаго труда, долгихъ годовъ борьбы и усилій, а можетъ быть даже и того таинственнаго шага въ творчествѣ, того великаго шага, которымъ переступается грань между первымъ и вторымъ разрядомъ талантовъ, между средою нашей, семьей нашихъ обыденныхъ дѣятелей и той семьею, гдѣ высятся писатели изъ породы Гоголя, Лермонтова, Пушкина.

Мы высоко цѣнимъ поэзію Тургенева и вѣримъ въ славную будущность для самого поэта — но въ чемъ именно будетъ состоять сказанная будущность, — въ какихъ именно формахъ скажется свѣту та поэзія, которая до сихъ поръ сказывалась намъ лишь въ рядѣ неровныхъ, хотя и сильныхъ проблесковъ, — этого мы еще разъяснить не въ состояніи. До сихъ поръ, не взирая на долгую свою дѣятельность, нашъ авторъ только въ «Запискахъ Охотника» достигнулъ высшей степени своего развитія, и остановился на ней, и остается на ней долгое уже время. Въ сравненіи съ этимъ произведеніемъ всѣ остальныя повѣсти и разсказы Тургенева кажутся какъ бы этюдами еще не установившагося литератора, какъ бы попытками на созданіе новой формы, упорно не дающейся нашему писателю. Отъ того-то добросовѣстный разборъ «Повѣстей и Разсказовъ» кажется намъ дѣломъ чрезвычайно труднымъ: мы можемъ выполнить его по мѣрѣ нашихъ силъ и крайняго разумѣнія, но едва ли сами останемся довольны своимъ дѣломъ. Между первымъ и послѣднимъ разсказомъ въ книгѣ, между Андреемъ Колосовымъ и Фаустомъ лежитъ, какъ мы уже сказали, цѣлый міръ поэзіи, а вмѣстѣ съ нимъ цѣлый міръ колебаній, увлеченій, неудачныхъ попытокъ творчества. Дѣльно говорить обо всей этой массѣ красотъ, ошибокъ, прелестныхъ страницъ и неудачныхъ очерковъ, можетъ только критикъ, отрѣшившій себя отъ спѣшной журнальной работы, имѣющій много времени передъ собою, да сверхъ того чуждый всякаго пристрастія къ авторской личности. Мы не принадлежимъ къ разряду такихъ цѣнителей. Мы откровенно сознаемся въ своей торопливости и горячности, мы вдвойнѣ пристрастны къ г. Тургеневу, то-есть не можемъ спокойно смотрѣть ни на его поэзію, ни на его недостатки. Сверхъ всего нами сказаннаго, еще одно вѣрное обстоятельство усложняетъ задачу нашу. Въ кругѣ современныхъ намъ писателей имѣются лица, превосходящія нашего автора по таланту, но по тонкости и блеску своего образованія, г. Тургеневъ не имѣетъ между ними соперника. Его произведенія полны мыслями, оригинальными взглядами, отраженіями разнохарактернѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ теорій,

Digitized by Google

прежде господствовавшихъ въ литературѣ и понынѣ не утратившихъ своего значенія. Чтобы говорить о трудахъ Тургенева съ должной подробностью, надо поднимать множество вопросовъ важныхъ въ свое время, оцѣнивать воззрѣнія и преданія, породившія ту или другую повѣсть въ его собраніи, опровергать заблужденія, когда-то считавшіяся истинами, освѣжать въ памяти тенденціи цѣлыхъ литературныхъ періодовъ и нашей, и иностранной словесности. По своему уму и многостороннему образованію, нашъ авторъ есть истинное дитя своего времени, человѣкъ, которому не чуждо ничто человѣческое, современный дѣятель, глубоко сочувствовавшій и сочувствующій всему современному. Оттого-то, говоримъ мы, основательный взглядъ на всю дѣятельнось Тургенева долженъ быть изложенъ человѣкомъ, до такой же степени многостороннимъ, какъ и самъ разбираемый повѣствователь. Въ трехъ томахъ, лежащихъ передъ нами, отразилась цѣлая поэтическая энциклопедія двадцати послѣднихъ лѣтъ, — и вслѣдствіе того, каждая, даже самая незначительная повѣсть Тургенева, должна имѣть на себя длинный комментарій. Другіе писатели обыкновенно увлекаются какой-нибудь одной идеей, стоящей въ воздухѣ, служатъ ей долгое время, подчиняютъ ей свое развитіе, сродняются съ нею, — но г. Тургеневъ, какъ по своей многосторонности, такъ и аналитическому складу ума, не можетъ долго жить съ одной и той же идеею. На множество призывовъ онъ дѣлаетъ по нѣскольку отзывовъ. Ко всему молодому и сильному тянется онъ съ безграничнымъ довѣріемъ, подобно той критикѣ Гоголевскаго періода, которая ему сдѣлала много добра и много зла въ одно и тоже время. Читая его повѣсти, мыслящій человѣкъ безпрестанно задумывается, вспоминаетъ, тянется къ прошлому, споритъ съ сочинителемъ, бесѣдуетъ съ самимъ собою. Возможно ли человѣку, жившему и учившемуся, по поводу «Андрея Колосова», не подумать о жорж-сандовскомъ элементѣ и вліяніи его на сороковые года нашей литературы? Читая «Лишняго Человѣка», какъ не оживить въ своей памяти цѣлое направленіе нашихъ недавнихъ повѣствователей, какъ не прослѣдить за короткой исторіей героевъ нашего времени, въ лицахъ Онѣгина, потомъ Печорина, потомъ Бельтова, потомъ Чулкотурина? Развѣ «Яковъ Пасынковъ» не напомнитъ намъ о самыхъ свѣтлыхъ сторонахъ, такъ часто осмѣиваемаго романтизма, развѣ въ «Рудинѣ» не скажется намъ плачъ цѣлаго грустнаго поколѣнія, взросшаго на *гуманическихъ вершинахъ* и безсильнаго передъ простѣйшими изъ задачъ житейскихъ? Подумаемъ обо всемъ этомъ для того, чтобы быть снисходитель-

Digitized by Google

ными къ критикамъ г. Тургенева. О такихъ многосложныхъ предметахъ трудно говорить въ журнальной срочной статьѣ, касаться ихъ всколзь — неудобно, опустить ихъ во-все, значитъ добровольно откинуть отъ себя ключъ къ пониманію автора нашего.

2.

Г. Тургеневъ, какъ оно, безъ сомнѣнія, извѣстно всѣмъ чтителямъ его дарованія, началъ свою литературную дѣятельность не прозою, а рядомъ мелкихъ стихотвореній и двумя другими стихотвореніями большаго объема, не совсѣмъ вѣрно названными именемъ «поэмы». Еще не покидая рода, имъ избраннаго, онъ написалъ «Андрея Колосова», одно изъ самыхъ свѣтлыхъ произведеній своей молодости; и эта повѣсть, по нашему мнѣнію, показываетъ лучше всего, что изученіе правилъ и законовъ поэзіи никогда не проходитъ даромъ для даровитаго человѣка. И «Параша», и «Андрей», и рядъ мелкихъ стихотворныхъ вещицъ, подписанныхъ буквами Т. Л., не только не заслуживаютъ забвенія (какъ, кажется, думаетъ самъ ихъ авторъ), но, напротивъ того, показываютъ намъ начатки и силы и слабости Тургенева-прозаика. Всѣ названныя произведенія построены на мысляхъ умныхъ и часто блистательныхъ, всѣ они проникнуты любовью къ природѣ и пониманіемъ природы. Всѣ они не отдѣланы и какъ бы накиданы съ небрежностью, — во всѣхъ ихъ проглядываетъ воззрѣніе человѣка современнаго (иногда даже слишкомъ современнаго, то-есть проникнутаго идеями, еще не вполнѣ провѣренными и установившимися въ обществѣ). Вліяніе сильныхъ поэтовъ, предшествовавшихъ и современныхъ, отражается и въ поэмахъ г. Тургенева и въ мелкихъ созданіяхъ его музы: и Байронъ, и Пушкинъ, и Лермонтовъ и Гёте наложили на нихъ свою печать, такъ легко узнаваемую. Безсознательно увлекаясь то тѣмъ, то другимъ изъ великихъ образцовъ, нашъ поэтъ, однакоже, избѣгаетъ подражательности, чрезъ свою собственную многосторонность, чрезъ собственное свое сочувствіе ко всему прекрасному въ мірѣ искусства. Еслибъ Тургеневъ, побѣдивъ свой духъ анализа, вдался въ прямое подраженіе которому-нибудь изъ славныхъ поэтовъ, — его стихотворенія были бы гораздо болѣе замѣчены читателемъ, не смотря на весь ущербъ, происходящій отъ подражательности. Но въ начинающемъ поэтѣ имѣлась одна драгоцѣнная сторона, собственно ему принадлежащая. Какъ человѣкъ тонко развитый, какъ артистъ безпристрастный по натурѣ, онъ былъ способенъ къ увлеченію, никакъ не къ рабству передъ чужимъ творчествомъ.

Digitized by Google

На время покоряясь тому или другому великому писателю, онъ умѣлъ судить и анализировать властелина своихъ мечтаній. Воспринимая ту или другую манеру сочиненія, онъ оживлялъ ее и разнообразилъ съ помощію таланта, собственно ему принадлежащаго. Вѣря и угождая ласковой критикѣ, сму современной, онъ тѣмъ не менѣе не отказывался отъ собственной строгой критики надъ своимъ собственнымъ даровапіемъ. Благодаря сказанному достоинству, Тургеневъ былъ всегда далекъ отъ мертвенной рутины, обычной многимъ нашимъ повѣствователямъ, всегда былъ способенъ выгадать хотя нѣсколько простора для высказыванія той поэтической силы, которая всегда составляла основу его таланта.

«Андрей Колосовъ», къ которому мы приступаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ, былъ написанъ въ 1844 году, то-есть въ лучшую эпоху критики Гоголевскаго періода, глядѣвшей съ крайнею благосклонностью на всѣ литературныя начинанія г. Тургенева. Искренно, глубоко раздѣляя идеи и тенденціи цѣнителей, такъ ему симпатизировавшихъ, нашъ авторъ строитъ свое первое произведеніе сообразно взглядамъ, въ то время считавшимся и новыми, и справедливыми. Жоржъ-Сандъ, передъ которою такъ многіе преклонялись въ 1844 году, оставила свой видимый слѣдъ на характерахъ и интригѣ всей повѣсти. По замыслу своему, Андрей Колосовъ приводитъ намъ на мысль нѣсколько блистательнѣйшихъ nouvelles котораго-либо изъ даровитѣйшихъ французскихъ писателей молодой школы: такъ изящно-парадоксально основаніе повѣсти, такъ ловко разцвѣчена мысль, въ ней заключенная. Есть что-то не-русское въ складѣ Андрея Колосова; само собой разумѣется, что прилагательное не-русскій здѣсь употреблено не въ худомъ смыслѣ. Содержаніе вещи всего лучше покажетъ справедливость замѣчанія нашего, а вмѣстѣ съ тѣмъ введетъ читателя въ міръ идеаловъ, особенно близкихъ къ сердцу нашего писателя.

Въ одномъ изъ дружескихъ круговъ Москвы и Петербурга, рѣчь зашла о необыкновенныхъ людяхъ и о томъ, чѣмъ они отличаются отъ обыкновенныхъ людей. Каждый излагалъ свое мнѣніе по своему, когда одинъ небольшой, блѣдный человѣчекъ предложилъ разсказать о встрѣчахъ съ необыкновеннымъ человѣкомъ, описать личность, достойную зваться необыкновенною, — однимъ словомъ, перейти отъ безплодныхъ общихъ разсужденій къ живымъ, удобопонятнымъ подробностямъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, самому

Digitized by Google

блѣдному человѣчку пришлось разсказывать, — а онъ разсказалъ слѣдующее.

Въ университетѣ, въ Москвѣ, блѣдный человѣчекъ былъ друженъ съ молодымъ студентомъ Андрюшей Колосовымъ, (онъ же человѣкъ необыкновенный). Самъ блѣдный человѣчекъ, судя по тону его разсказа, читалъ современныхъ писателей, зналъ Байрона и его подражателей, на жизнь глядѣлъ не безъ иронiи, когда-то считавшейся чѣмъ-то изящнымъ, а вслѣдствiе всего сказаннаго, былъ довольно тугъ на знакомства. Не взирая на это, Колосовъ съ первыхъ свиданiй сдѣлался не только кумпромъ, но даже повелителемъ его сердца. Особенное, привлекательное *нечто* у Колосова состояло въ беззаботно-веселомъ и смѣломъ выраженiи лица, да еще въ улыбкѣ чрезвычайно плѣнительной. Колосовъ не былъ очень образованнымъ юношей, профессора не видѣли въ немъ особенныхъ дарованiй, ни богатства, ни общественнаго положенiя онъ не имѣлъ, а между тѣмъ товарищи не только любили его и уважали, но даже подчинялись ему съ удовольствiемъ. Блѣдный человѣчекъ съ первыхъ разговоровъ, не взирая на свой байронизмъ, повергся въ трепетное благоговѣнiе передъ Колосовымъ, — но избалованному юношѣ не въ диковинку были такiя чувства. У Андрея уже былъ одинъ другъ, по имени Гавриловъ, человѣкъ самый обыкновенный, но спокойный и преданный, какъ нельзя болѣе. Въ скоромъ времени однако Гавриловъ умеръ, и роль пламеннаго Сенда досталась блѣдному человѣку, совершенно осчастливленному такимъ вниманiемъ Колосова.

Съ этого времени-то и стала высказываться вся необыкновенность Андрея, необыкновенность истинно изумительная, если о ней подумать въ наше время. Прежде всего этотъ плѣнительный юноша обратилъ своего университетскаго друга въ нѣчто среднее между лакеемъ и наперстникомъ, а потомъ спросилъ: «умѣетъ ли онъ играть въ карты?» и ничего не сказавши болѣе, свезъ его въ скучнѣйшiй домъ отставного поручика Сидоренки, человѣка грубаго и крайне дерзкаго на языкъ. У Сидоренки имѣлась дочь Варя, въ которую былъ влюбленъ Колосовъ: для того, чтобъ молодымъ людямъ было удобнѣе болтать и бесѣдовать, блѣдному человѣчку пришлось играть въ карты съ Сидоренкой и какою-то старухой, его родственницей. Само-собой разумѣется, наперстника обыграли и, кажется, выругали, а вдобавокъ онъ еще влюбился въ избранницу плѣнительнаго Колосова, Вариньку Сидоренко.

Дѣло, завязавшееся въ вечеръ, упомянутый нами, тянулось много дней и много вечеровъ съ великимъ однообразiемъ. Посто-

Digitized by Google

янно Андрей Колосовъ возилъ своего новаго друга къ отцу Вари и постояпно блѣдный человѣчекъ проигрывалъ свои деньги въ обезпеченіе свиданій Варинькн съ Колосовымъ.

«Мы съ Андреемъ», говоритъ блѣдный человѣчекъ: «довольно часто ходили къ Ивану Семеновичу, и хотя проклятыя карты меня не разъ приводили въ совершенное отчаяніе, но въ одной близости любимой женщины (я полюбилъ Варю) есть какая-то странная, сладкая, мучительная отрада.

«Я не старался подавлять это возникающее чувство; притомъ, когда я, наконецъ рѣшился назвать это чувство по имени, оно уже было слишкомъ сильно... Я молча лелѣялъ и ревниво и робко таилъ свою любовь. Мнѣ самому нравилось это томительное броженіе молчаливой страсти. Страданія мои не лишали меня ни сна, ни пищи... но я по цѣлымъ днямъ ощущалъ въ груди то особенное чувство, которое служитъ признакомъ присутствія любви. Я не въ состояніи изобразить вамъ ту борьбу разнороднѣйшихъ ощущеній, которая происходила во мнѣ, когда, напримѣръ, Колосовъ возвращался съ Варей изъ саду и все лицо ея дышало восторженной преданностью, усталостью отъ избытка блаженства... Она до того жила его жизнью, до того была проникнута имъ, что незамѣтно перенимала его привычки, такъ же взглядывала, такъ же смѣялась, какъ онъ... Я воображаю, какія мгновенья провела она съ Андреемъ, какимъ блаженствомъ обязана ему... А онъ... Колосовъ не утратилъ своей свободы; въ ея отсутствіи, онъ, я думаю, и не вспоминалъ о ней; онъ былъ все тѣмъ же безпечнымъ, веселымъ и счастливымъ человѣкомъ, какимъ мы его всегда знавали.

«И такъ, мы, какъ я вамъ уже сказалъ, ходили съ Колосовымъ къ Ивану Семенычу довольно часто. Иногда (когда онъ не былъ въ духѣ) отставной поручикъ не засаживалъ меня за карты; въ такомъ случаѣ, онъ молча забивался въ уголъ, хмурилъ брови и поглядывалъ на всѣхъ волкомъ. Въ первый разъ я обрадовался его снисхожденью; но потомъ, бывало, самъ начну упрашивать его сѣсть за «вистикъ»: роль третьяго лица такъ невыносима! я такъ непріятно стѣснялъ и Колосова и Варю, хотя они сами увѣряли другъ друга, что при мнѣ нечего церемониться!..

«Между тѣмъ время шло да шло... Они были счастливы... Я не люблю описывать счастье другихъ. Но вотъ, я сталъ замѣчать, что дѣтская восторженность Вари постепенно замѣнялась болѣе женскимъ, болѣе тревожнымъ чувствомъ. Я началъ догадываться, что новая погудка загудѣла на старый ладъ, т. е. что Колосовъ... понемногу... холодѣетъ. Это открытіе меня, признаюсь, обрадовало; признаюсь, я не чувствовалъ ни малѣйшаго негодованья противъ Андрея.

«Промежутки между нашими посѣщеніями становились все больше и больше... Варя начинала встрѣчать насъ съ заплаканными глазками. Послышались упреки... Бывало, я спрошу Колосова съ притворнымъ равнодушіемъ: «Что жъ? Пойдемъ мы сегодня къ Ивану Семенычу?..» Онъ холодно посмотритъ на меня и спокойно проговоритъ: «нѣтъ, не пойдемъ». Мнѣ иногда казалось, что онъ лукаво улыбается, говоря со мной о Варѣ... Вообще, я не замѣнилъ ему Гаврилова... Гавриловъ былъ въ тысячу разъ добрѣй и глупѣй меня.

И такъ Колосовъ, *человѣкъ дѣла*, разлюбилъ Варю, между тѣмъ какъ блѣдный человѣчекъ, человѣкъ слова, человѣкъ рефлектерства и напрасныхъ порывовъ, продолжаетъ любить покинутую дѣвушку съ романической горячностью. Не имѣя силы про-

Digitized by Google

тивиться своимъ стремленіямъ, онъ одинъ идетъ въ домъ Сидоренки и застаетъ Варю унылою, горькою, заплаканною. Сидоренко грубо подсмѣивается надъ одинокимъ гостемъ, говоритъ, что теперь Колосова, я чай, сюда калачомъ не заманишь! Варинька проситъ человѣчка зайти завтра послѣ обѣда, прямо въ садъ, въ эту пору ея папаша спитъ и свиданію никто помѣшать не можетъ. Вся эта сѣть странныхъ и, по правдѣ сказать, нѣсколько безобразныхъ отношеній, однако не утомляетъ читателя, благодаря поэзіи, которою проникнута вся повѣсть. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ цѣнитель готовится сказать: «да что же это за нравы и гдѣ свершается вся эта путаница?» разсказъ вдругъ принимаетъ стремительный поэтическій полетъ, выкупающій всѣ его недостатки.

«На другой день, въ три часа пополудни я уже былъ въ саду Ивана Семеныча. Утромъ я не видалъ Колосова, хоть онъ и заходилъ ко мнѣ. День былъ осенній, сѣрый, но тихій и теплый. Желтыя, тонкія былинки грустно качались надъ побѣдѣвшей травой; по темно-бурымъ, обнаженнымъ сучьямъ орѣшника попрыгивали проворныя синицы; запоздалые жаворонки торопливо бѣгали по дорожкамъ; кой-гдѣ по зеленямъ осторожно пробирался заяцъ; стада лѣниво бродили во жнивью. Я нашелъ Варю въ саду, подъ яблоней, на скамейкѣ; на ней было темное и немного измятое платье; въ ея усталомъ взглядѣ, въ небрежной прическѣ волосъ высказывалась неподдѣльная горесть.

«Я сѣлъ подлѣ нея. Мы оба молчали. Она долго вертѣла въ рукахъ какую-то вѣтку, наклонила голову, проговорила: «Андрей Николаевичъ...» Я тотчасъ замѣтилъ по движенію ея губъ, что она собиралась заплакать; я началъ утѣшать ее, съ жаромъ увѣрять ее въ правизанности Андрея... Она слушала меня, печально покачивала головой, произносила невнятныя слова и тотчасъ же умолкала, но не плакала. Первыя мгновенья, которыхъ я болѣе всего боялся, прошли довольно благополучно. Она понемногу разговорилась объ Андреѣ.—«Я знаю, что онъ меня теперь ужъ не любитъ», повторяла она: — «Богъ съ нимъ!.. Я не могу придумать, какъ мнѣ жить безъ него... Я не могу не спать, все плачу... Что жъ мнѣ дѣлать!.. Что жъ мнѣ дѣлать?..» Глаза ея наполнились слезами. «Онъ мнѣ казался такимъ добрымъ, и вотъ...» Варя утерла слезы, кашлянула и выпрямилась. «Давно ли, кажется», продолжала она: — «онъ мнѣ читалъ изъ Пушкина, сидѣлъ со мной на этой скамьѣ...» Наивная болтливость Вари меня трогала: я молча слушалъ ея признанья: душа моя медленно проникалась горькимъ, мучительнымъ блаженствомъ; я не отводилъ глазъ отъ этого блѣднаго лица, отъ этихъ длинныхъ, мокрыхъ рѣсницъ, отъ полураскрытыхъ, слегка-засохшихъ губъ... И между тѣмъ, я чувствовалъ... Угодно вамъ выслушать небольшой психологическій разборъ моихъ тогдашнихъ чувствъ? Во-первыхъ, меня мучила мысль, что не *я* любимъ, не *я* заставляю страдать Варю; во-вторыхъ, меня радовала ея довѣренность; я зналъ: она будетъ благодарна за то, что я доставилъ ей возможность высказать свое горе; въ-третьихъ, а внутренно давалъ себѣ слово сблизить опять Колосова съ Варей, и меня утѣшало сознанье моего великодушія... въ-четвертыхъ, я надѣялся своимъ самоотверженіемъ тронуть сердце Вари — а тамъ... Видите, я не щажу себя; слава Богу, пора! Но вотъ, на колокольнѣ ....го монастыря пробило пять часовъ; вечеръ быстро приближался, Варя торопливо встала, всунула мнѣ въ руку записочку, и пошла домой. Я догналъ ее, обѣщалъ ей привести Андрея и тихонько,

Digitized by Google

будто счастливый любовникъ, выскочилъ изъ калитки въ поле. На запискѣ неровнымъ почеркомъ были написаны слова: «милостивому государю, Андрею Николаевичу.»

Бѣдная записочка, смоченная слезами любящей дѣвочки, само собой разумѣется, не могла измѣнить отношеній Вари къ Колосову. Она даже пришла не во время! когда блѣдный человѣчекъ пришолъ къ своему кумиру, у необыкновеннаго человѣка спдѣлъ какой-то недоучившійся студентъ, читавшій что-то о юношѣ, любившемъ дѣву, и такъ далѣе. Блѣдный человѣчекъ почувствовалъ, что пришелъ не во-время, не смотря на то, что гость-сочинитель кончилъ чтеніе и вскорѣ удалился. Его пелѣпое сочиненіе, крикливый голосъ, вообще его присутствіе возбудило въ Колосовѣ насмѣшливое раздраженіе.

Колосовъ прочелъ записку, помолчалъ и спокойно улыбнулся. «Андрей», сказалъ ему блѣдный человѣчекъ: «тебѣ не жаль ея?» Колосовъ молчалъ и курилъ трубку. «Ты спдѣлъ съ ней подъ яблоней въ саду?» проговорилъ онъ наконецъ. «Помнится, въ маѣ мѣсяцѣ и я спдѣлъ съ нею на этой скамейкѣ... Яблонь была въ цвѣту, изрѣдка падали на насъ свѣжіе бѣлые цвѣточки... я держалъ обѣ руки Вари... мы были счастливы тогда... *Теперь яблонь отцвѣла, да и яблоки на ней кислыя.*» Блѣдный человѣчекъ, исполнившись негодованіемъ, сталъ упрекать Андрея въ холодности, въ жестокости, необыкновенный Колосовъ отвѣчаетъ ему такими словами: «Варя прекрасная дѣвушка, она ни въ чемъ передо мной не виновата. Я пересталъ ходить къ ней по весьма простой причинѣ — я разлюбилъ ее.» — Да отчего-же, отчего же?» перебилъ тутъ Андрея его поклонникъ. «А Богъ знаетъ отчего,» — отвѣчалъ Колосовъ. «Пока я любилъ ее, я весь принадлежалъ ей, я не думалъ о будущемъ, и всѣмъ, всей жизнью дѣлился я съ нею... теперь эта страсть во мнѣ погасла... Что жь? ты мнѣ прикажешь притворяться, прикидываться влюбленнымъ, что ли? Да изъ чего? изъ жалости къ ней? Если она порядочная дѣвушка, такъ она сама не захочетъ такой милостыни, а если она рада тѣшиться моимъ... участьемъ, такъ чортъ ли въ ней?» Затѣмъ Андрей Колосовъ сознается, что какая-то Танюша запретила ему ходить къ Варѣ и совѣтуетъ блѣдному человѣчку прочитать оставленной Аріаднѣ одинъ стихъ изъ Пушкина.

Что было, то не будетъ вновь.

Въ добавленіе, онъ могъ бы посовѣтывать ей читать романы Жоржа-Санда. Тѣмъ все дѣло и кончается, хотя отношенія блѣднаго человѣчка къ Варѣ даютъ г. Тургеневу поводъ къ нѣсколь-

Digitized by Google

кимъ истинно прелестнымъ страницамъ. Исторія кончается ничѣмъ: блѣдный человѣкъ, рѣшившійся жениться на Варѣ, самъ пугается своего рѣшенія и бѣжитъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ его сердце билось, а карманъ страдалъ вслѣдствіе картежныхъ партій съ Спдоренковымъ.

«Вы мнѣ скажете: чтожь удивительнаго» — заключилъ блѣдный человѣчекъ, кончая разсказъ — «въ чемъ же чудо, что Колосовъ полюбилъ дѣвушку, потомъ разлюбилъ и бросилъ ее? Да это случалось со всѣми. Согласенъ, но кто изъ насъ умѣлъ во время разстаться съ своимъ прошлымъ? Кто, скажите, кто не боится упрековъ, не говорю упрековъ женщины... упрековъ перваго глупца? Кто изъ насъ не поддавался желанію то щегольнуть великодушіемъ, то себялюбиво поиграть съ другимъ, преданнымъ сердцемъ? Наконецъ, кто изъ насъ въ силахъ противиться мелкому самолюбію — *мелкимъ хорошимъ чувствамъ*? О, господа, — человѣкъ, который разстается съ женщиною, нѣкогда любимой, въ тотъ горькій и великій мигъ, когда онъ невольно сознаетъ, что его сердце не все, не вполнѣ проникнуто ею, этотъ человѣкъ, повѣрьте мнѣ, лучше и глубже понимаетъ святость любви, чѣмъ тѣ малодушные люди, которые отъ скуки, отъ слабости продолжаютъ играть на полупорванныхъ струнахъ своихъ вялыхъ и чувствительныхъ сердецъ! Въ началѣ разсказа я вамъ сказывалъ, что мы всѣ прозвали Андрея Колосова человѣкомъ необыкновеннымъ. И если ясный, простой взглядъ на жизнь, если отсутствіе всякой фразы въ молодомъ человѣкѣ можетъ назваться вещью необыкновенной, — Колосовъ заслуживалъ данное ему имя...»

Въ этомъ краснорѣчивомъ отзывѣ о личности Андрея Колосова, сказывается намъ весь взглядъ г. Тургенева на героя своей первой повѣсти. Нечего говорить о томъ, до какой степени сказанный взглядъ, не взирая на его поэтическій колоритъ, неестественъ, не логиченъ, человѣчекъ не вѣренъ дѣйствительности и *не соотвѣтствуетъ лицу Колосова, такъ какъ оно представлено въ повѣсти.* Самъ авторъ осудилъ своего героя въ заключеніи Фауста: въ молодости мы думаемъ, чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать, но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло наконецъ тебѣ въ глаза... Жизнь не есть исполненіе любимыхъ цѣлей и мечтаній — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку! Колосовъ есть человѣкъ, не носящій на себѣ спасительныхъ цѣпей долга, эгоистъ, глядящій на жизнь не серьозно, или вовсе о ней не помышляющій. Въ поступкѣ его не имѣется ровно ничего необыкновеннаго, въ похвальномъ смыслѣ слова, — необыкновенно въ разсказѣ развѣ лишь одно сцѣпленіе обстоятельствъ, способившее Колосову вывернуться изъ всей исторіи, безъ ущерба своимъ бокамъ и своему доброму имени. Если онъ поступалъ съ Варей платонически, какъ Мерчь г. Островскаго, онъ поступалъ подобно школьнику, если онъ обольстилъ

Digitized by Google

дѣвушку, ему преданную, онъ сталъ наперекоръ законнѣйшимъ правамъ общества и стоитъ зваться преступникомъ. Простоты и откровенности въ его дѣлахъ нѣтъ, ибо сами эти дѣла, для своего совершенія, требуютъ хитрости и тайны, обмана и порочныхъ стремленій, — извилистаго пути и презрѣннаго бѣгства предъ развязкою. Безподобный и необыкновенный Колосовъ прежде всего поставленъ его творцомъ въ среду ненормальную и извращенную, ибо посреди обычной, здоровой жизни, Колосову никто не далъ бы ступить шагу. Отъ ненормальности героя и его поступковъ вытекла ненормальность всѣхъ лицъ его окружающихъ. Спдоренко, для виста оставляющій дочь съ Андреемъ и нисколько не возмущающійся изчезновеніемъ Колосова, не есть лицо дѣйствительное, ибо Спдоренко настоящій, узнавши о томъ, что дочь его обольщена или просто *сбита съ толку* хитрымъ волокитой, не преминулъ бы явиться на квартиру Колосова съ угрозами и кулаками. Блѣдный человѣчекъ равнымъ образомъ весьма блѣденъ и имѣетъ въ себѣ мало живого, потому-что подобнаго подобострастнаго друга и любовника можно сыскать развѣ въ мірѣ фантастическомъ. И столбъ во образѣ человѣка сталъ бы поперечить Колосову, если не по части нестерпимой картежной игры, то по крайней мѣрѣ относительно отношеній Колосова къ Варинькѣ. И наконецъ сама Варя, не смотря на весь поэтическій талантъ, израсходованный на ея созданіе, должна назваться лицомъ подставнымъ, сдѣланнымъ, — существомъ, которое изготовлено авторомъ единственно для оттѣненія Андреевой личности. Самая тѣнь коллизіи и самостоятельности не является въ этой глубоко-оскорбленной женской душѣ. — Варя не только не помышляетъ о мщеніи, о негодованіи на Колосова, но сама идетъ на гибель, какъ неразумная овца, и, пропадая, не знаетъ своей гибели. Чтобы Варя не мѣшала совершенству Колосова, г. Тургеневъ даже покрываетъ какимъ-то мракомъ неизвѣстности исторію ея будущности. Неужели г. Тургеневъ, кончая повѣсть, не ставилъ событій такимъ образомъ: «а вѣдь Варинька, сдѣлавши первый гибельный шагъ свой связью съ Колосовымъ, могла не остановиться на первой ступени паденія»? Если оно дѣйствительно такъ было, — то какъ же понимать намъ поведеніе плѣнительнаго, необыкновеннаго юноши? Какими софизмами станемъ мы оправдывать его *пониманіе любви, его умѣнье разставаться съ женщиной никогда любимой?* Но авторъ не останавливается и не желаетъ остановиться на такомъ соображеніи — его героиня улетаетъ и теряется въ туманѣ, чуть она перестаетъ быть надобною для темы заранѣе придуманной!

Digitized by Google

Вотъ недостатки самого Колосова и лицъ, поставленныхъ авторомъ въ соприкосновеніе съ героемъ, недостатки эти, какъ мы сейчасъ убѣдимся, происходятъ не отъ замысла, а отъ постройки повѣсти, не отъ странности моральныхъ воззрѣній въ авторѣ, но отъ его погрѣшности, какъ повѣствователя. Простодушно и откровенно говоримъ мы, что лицо Андрея Колосова кажется намъ лицомъ безпутнаго и вѣтрянаго эгоиста; но тутъ и рождается вопросъ — неужели же типъ подобнаго рода могъ обольстить собой г. Тургенева? Какими судьбами нашъ поэтъ, самый чистый и цѣломудренный изъ современныхъ намъ литераторовъ, могъ увлечься исторіей интриги въ какомъ-то московскомъ захолустьи, увидать въ ея героѣ нѣчто необыкновенное и истолковать всѣ недостатки этого героя самымъ пристрастнымъ образомъ? На какомъ основаніи авторъ повѣсти, при его свѣтломъ взглядѣ на дѣла жизни, рѣшился стать на сторонѣ мелкаго московскаго соблазнителя, противъ бѣднаго существа, имъ погубленнаго, противъ законовъ честности, имъ нарушенныхъ? Ни жорж-сандизмъ, понятный въ 1844 году, ни лермонтовскій элементъ, ни понятія о свободѣ любовныхъ отношеній не могли привести его къ узкости взгляда — вся дѣятельность Тургенева намъ ясно показываетъ, что даже увлекаясь недостаточно-вѣрными теоріями, онъ тщательно откидывалъ изъ нихъ все цинническое, все несвоевременное, все преувеличенное. Ясно, что г. Тургеневъ понималъ дѣло иначе, чѣмъ мы его понимаемъ, хотѣлъ передать намъ не то, что мы видимъ въ его «Андреѣ Колосовѣ». Весь грѣхъ происходитъ отъ ошибочной постройки повѣсти «Андрей Колосовъ», или, говоря опредѣлительнѣе, отъ несоотвѣтственности основной идеи произведенія съ ея развитіемъ въ рядѣ сценъ и объективныхъ образовъ. Здѣсь мы попросимъ читателя слѣдить за нашими выводами съ особеннымъ вниманіемъ. Мы не даромъ говоримъ такъ много о первой повѣсти Тургенева: недостатки, нами въ ней открытые, будутъ ключемъ къ разумѣнію слабыхъ сторонъ въ другихъ, несравненно совершеннѣйшихъ трудахъ нашего автора.

Взглянемъ же теперь, какъ можно пронцательнѣе, на идею «Колосова», а затѣмъ на постройку самой повѣсти. Заключительная рѣчь блѣднаго человѣчка о томъ, что такое необыкновенный человѣкъ, высказываетъ намъ, какъ мы уже упомянули, взглядъ самого Тургенева на героя своей повѣсти. Не мелкаго и не избалованнаго эгоиста задумалъ изобразить авторъ: замыселъ его бралъ дальше и глубже. Въ Колосовѣ онъ хотѣлъ представить намъ натуру смѣлую, ясную, откровенную, глядящую на дѣла жизни прямо

Digitized by Google

и чистосердечно. Въ молодомъ небогатомъ студентѣ, такъ увлекающемъ всѣхъ, кто къ нему приближается, поэтъ видѣлъ типъ человѣка чуждаго фразы, часто увлекающагося, но честнаго въ своихъ увлеченіяхъ, человѣка, исполненнаго свѣжихъ молодыхъ силъ и свободно тратящаго эти силы. Такія смѣлыя, прямыя, размашистыя натуры часто встрѣчаются въ дѣйствительности, и въ самомъ дѣлѣ производятъ магическое вліяніе на весь людъ, ихъ окружающій. Нельзя не сознаться въ изяществѣ замысла, въ привлекательности типа, о которыхъ теперь говорится. Но бѣда повѣсти состоитъ въ томъ, что *ея замыселъ разнится съ постройкою*, что типъ, зародившійся въ головѣ даровитаго разскащика, въ разсказѣ утратилъ все свое значеніе. Широко раскинувшись при задумываніи вещи, сочинитель не въ мѣру съузилъ ея исполненіе, а оттого впалъ въ несоразмѣрность идеи съ ея воплощеніемъ. Ясно, что повѣсть, основанная на характерѣ Колосова (того Колосова, о которомъ думалъ авторъ), должна была показать нашего героя въ коллизіи со многими сторонами жизни, а между-тѣмъ въ повѣсти дѣло идетъ о маленькомъ, темномъ волокитствѣ, и ни о чемъ болѣе. Личность, понимаемая авторомъ, какъ личность пышная и широкая, приведена въ соприкосновеніе съ самой узкой, самой блѣдной средою, а оттого ей или дѣлать нечего, или приходится совершать дѣла, ей несоотвѣтствующія. Отчего же происходитъ такая несоразмѣрность постройки, такое бѣдное отношеніе между замысломъ и представленіемъ? Скажемъ прямо и откровенно, — отъ недостаточнаго труда надъ своей темой, вмѣстѣ съ слабостью объективнаго творчества. Объективные образы даются Тургеневу трудно, событія у него не слагаются ровно и широко, способность анализа въ немъ опередила мощь созданія, а онъ, вмѣсто того, чтобъ усиленнымъ трудомъ восполнить хотя часть того, что не далось ему съ разу, уклоняется отъ труда и тщательной разработки своего предмета. Мы увидимъ, что этотъ коренной недостатокъ «Колосова», произведенія юношескаго, скажется намъ и въ «Рудинѣ», вещи несравненно болѣе зрѣлой, мы увидимъ, что онъ проявится и въ другихъ превосходныхъ трудахъ автора нашего. Но довольно говорить о слабыхъ сторонахъ «Колосова»: намъ еще надо сказать, отчего эта недодѣланная и, по-видимому, совершенно нескладная повѣсть такъ нравилась въ свое время, такъ нравится и до сей поры, послѣ второго, третьяго, четвертаго чтенія.

Короткія выписки наши уже дали читателю понятіе о сильной поэтической струѣ, наполняющей собою весь разсказъ вещи, нами

Digitized by Google

теперь разбираемой, но читатель повѣритъ намъ, если мы скажемъ ему, что эти поэтическія выписки составляютъ лишь малую часть прелестныхъ сторонъ повѣсти. Не взирая на блѣдность дѣйствующихъ лицъ, не смотря на неестественное ихъ положеніе другъ къ другу, поэзія бьетъ широкимъ потокомъ по всему произведенію, отъ того мѣста, гдѣ блѣдный человѣчекъ начинаетъ говорить про Колосова, до послѣднихъ словъ того же блѣднаго человѣчка. Изъ устъ безцвѣтной и довольно уродливой личности льются рѣчи, пропитанныя задушевнымъ лиризмомъ, полныя поэзіи школьныхъ воспоминаній, полныя той *музыки любви*, о которой нѣтъ возможности говорить въ сжатомъ критическомъ обзорѣ. Лирическая и изящно субъективная, лучшій плодъ нѣжной и симпатической души человѣка, поэзія Тургенева имѣетъ несомнѣнную своеобразность, трудно уловимую, но понятную для всякаго, кто только знаетъ и любитъ произведенія поэта нашего. Сколько жару, сколько юношеской робости, сколько потребности на любовь во всѣхъ первыхъ отношеніяхъ блѣднаго человѣчка къ Колосову! Какія тонкія душевныя струны затронуты при разсказѣ о зарожденіи его любви къ чужой избранницѣ, сколько правды въ его болѣзненномъ наблюденіи за Андреемъ и Варей, сколько глубокаго страданія въ его колебаніяхъ, послѣ того, какъ эти Ромео и Юлія московскаго захолустья разстались другъ съ другомъ! Сцена, въ которой блѣдный человѣчекъ на нѣсколько минутъ дѣлается женихомъ Вари и упивается блаженствомъ, однако же сознавая, что всѣ мысли дѣвушки наполнены покинувшимъ ее Андреемъ, достойна зваться истиннымъ перломъ, хотя мы терпѣть не можемъ слова перлъ и даже холодны къ Гоголевскому перлу созданія. Въ Тургеневской поэзіи, кромѣ ея симпатичности и своеобразности, есть еще одна драгоцѣнная сторона: эта поэзія свободно-безсознательна, а потому какъ-то особенно тиха и стыдливо сдержанна. Тургеневъ очень хорошо знаетъ, что судьба сдѣлала его поэтомъ, и нерѣдко разсчитываетъ на эту сторону своего дарованія, но внимательный глазъ критика тотчасъ подмѣтитъ мѣста *дланныя* и отнесетъ ихъ къ ряду второстепенныхъ красотъ. Лучшія же и несомнѣнно высокія страницы нашего автора вырываются у него сами собою и, можетъ быть, даже его самого не вполнѣ удовлетворяютъ. Эти страницы (иногда даже строки) коротки, просты, какъ-будто причудливо сжаты. О томъ, кто не умѣетъ отличать такихъ мѣстъ и до-сыта наслаждаться ими, мы можемъ только жалѣть отъ всей души нашей.

Когда мы перечитывали «Андрея Колосова» въ послѣдній разъ,

Digitized by Google

намъ невольно пришло на память одно представленіе «Каменнаго Гостя», плохо обстановленнаго въ сценическомъ отношеніи. Декораціи были стары и бѣдны. Донъ-Жуанъ вовсе не походилъ на безстрашнаго гидальго, дона Анна едва-едва была похожа на женщину. Мы сидѣли на жесткомъ стулѣ около сцены, досадуя и на артистовъ, и на зрителей, не ожидая ничего добраго отъ Пушкинской поэзіи, такъ худо истолкованной. Но при первыхъ стихахъ безсмертнаго поэта нашего, океанъ плѣнительнѣйшихъ ощущеній вторгнулся къ намъ въ душу. Сладкая, могучая поэзія подхватила насъ на свои крылья, въ самое короткое время унеся насъ далеко, далеко отъ Донъ-Жуана въ мишурной мантіи, отъ доны Анны въ порыжѣвшихъ кружевахъ россійскаго издѣлія! Всѣ мелочи небрежной постановки будто сгладились, сцена какъ-бы просіяла и разширилась, стихи Пушкина, худо выученные и дурно произносимые, показались намъ слаще, чѣмъ когда-либо. И когда тощій Донъ-Жуанъ сталъ говорить посреди общаго молчанія:

Какъ, мнѣ молиться съ вами, дона Анна?
Я недостоинъ участи такой...

слезы навернулись на глазахъ нашихъ и помѣшали намъ глядѣть на сцену. Такова сила истинной, великой поэзіи, такъ легко можетъ она выкупать всѣ недостатки объективныхъ изображеній искусства.

Послѣ всего, нами теперь сказаннаго, легко будетъ подвести общій итогъ средствамъ, съ которыми прозаикъ-Тургеневъ въ первый разъ выступилъ въ ряды русскихъ повѣствователей. Первая повѣсть его въ одно время поражаетъ прелестью поэтическихъ элементовъ и страдаетъ отъ неправильной постройки, корень которой въ слабости Тургенева на созданіе объективныхъ представленій. Поэзія, которою проникнуто все произведеніе, даетъ ему несомнѣнное значеніе въ литературѣ, но въ тоже время, существуя отдѣльно отъ идеи и постройки цѣлаго, теряетъ часть своей силы. Въ слѣдующей статьѣ мы покажемъ какъ весь вредъ, отъ этого разъединенія произшедшій, такъ и благородныя усилія г. Тургенева положить предѣлъ такому разъединенію. Труды нашего писателя много разъ оставались безплодными, ибо онъ самъ, упорно трудясь надъ разработкой своего таланта, не рѣшался отбросить отъ себя эстетическихъ теорій и воззрѣній, замедлявшихъ дѣло своимъ вліяніемъ. Не по одной слабости или торопливости нашъ авторъ продолжалъ строить свои повѣсти по примѣру «Андрея Колосова» — онъ былъ способенъ грѣшить не только какъ художникъ, но какъ человѣкъ современный и легко увлекающійся.

Digitized by Google

Инстинктъ поэта сказывалъ Тургеневу, что его поэзія нуждается въ ясномъ взглядѣ на жизнь и людей, въ твердой, незыблемой почвѣ для своего корня. Но авторъ нашъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ ввѣрялся своему поэтическому инстинкту. Духъ рефлектерства и анализа росъ въ немъ за одно съ дарованіемъ. И много лѣтъ должно было пройти до той поры, пока авторъ «Колосова» нашелъ возможнымъ сказать во всеуслышаніе: «*жизнь не шутка и не забава — ея разгадка не есть исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышены ни были.*»

3.

Въ прошлой статьѣ мы показали, по мѣрѣ способностей нашихъ, лучшую и плѣнительнѣйшую сторону Тургеневскаго таланта, такъ какъ она проявилась въ первомъ прозаическомъ произведеніи автора нашего. Говоря о поэзіи, о симпатическомъ лиризмѣ, наполняющихъ собою обильно его повѣсть «Андрей Колосовъ», мы упомянули и о недостаткахъ всей вещи, и о слабости г. Тургенева, какъ создателя объективныхъ представленій. Теперь слѣдуетъ намъ прослѣдить его развитіе въ рядѣ слѣдующихъ произведеній, иногда слабѣйшихъ, иногда блистательнѣйшихъ, нежели «Колосовъ», написанный въ эпоху авторской юности.

Мы не станемъ много распространяться о несомнѣнномъ вліяніи, оказываемомъ на литературные таланты, какъ міросозерцаніемъ самихъ писателей, такъ и идеями той эпохи, въ которую суждено имъ трудиться. Предметъ этотъ слишкомъ важенъ для нашей рецензіи, да сверхъ того онъ достаточно разработанъ многими изъ предшествовавшихъ намъ критиковъ. Вмѣсто долгихъ разсужденій на тему всѣмъ хорошо знакомую, мы предпочитаемъ прямо подойти къ дѣлу и высказать нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ отразились на лучшей сторонѣ Тургенева идеи и воззрѣнія времени, къ которому относится первая эпоха его дѣятельности.

Между 1840 и 1845 годами, русская словесность приняла развитіе весьма широкое, весьма здравое и благотворное, хотя и далекое отъ той всесторонности, которая одна можетъ дать вѣковое значеніе извѣстнымъ литературнымъ эпохамъ. Вліяніе Пушкинской поэзіи до времени ослабѣло, уступивъ мѣсто развитію элементовъ новыхъ, внесенныхъ въ литературу Лермонтовымъ, Кольцовымъ и, наконецъ, Гоголемъ. Послѣ плеяды сильныхъ поэтовъ-дѣятелей, въ словесности какъ будто упали силы производительныя, въ замѣнъ того разрослась и окрѣпла сила аналитическая, въ которой уже весьма давно ощущалась огромная потребность. Критика Го-

Digitized by Google

голевскаго періода стала производить то дѣло, за которое добрая память о ней навѣки останется въ исторіи русской литературы, дѣятельность лицъ ученыхъ расширилась, журналистика развилась и приняла то благородно-просвѣтительное значеніе, которое и донынѣ остается за ней въ нашемъ обществѣ. Труженики искусства подстрекаемые какъ цѣнителями, такъ и потребностями самого читателя, спѣшили нисходить изъ свѣтлаго міра «звучныхъ пѣсенъ» въ міръ житейской простоты, въ міръ будничной правды, иногда даже въ міръ псевдо-реализма. Такое движеніе было необходимо, въ такой реакціи имѣлась своя высокая законность. Признавая ее, мы нисколько не обвиняемъ нашихъ писателей сороковыхъ годовъ за то, что они шли по новой дорогѣ съ излишнею, можетъ быть, рьяностью. Мы не признаемъ ихъ грѣшными за то, что они какъ-то охладѣли къ дивной поэзіи Пушкина, что въ Лермонтовѣ и Кольцовѣ они цѣнили смыслъ временный выше смысла вѣчнаго, что Гоголь даже былъ ими понятъ односторонне, то есть не какъ великій независимый поэтъ, но какъ обличитель жизненной пошлости, жестокій судья современныхъ общественныхъ пороковъ. Безъ увлеченія не бываетъ истинной силы, а увлеченіе новыхъ литературныхъ дѣятелей оправдывалось настоятельными потребностями общества. Какъ бы то ни было, однако, признавая благородство и законность новаго литературнаго движенія, мы не можемъ не сообщить того, что оно, по существу своему, должно, было имѣть и нѣкоторыя темныя стороны. Нами было уже сказано въ своемъ мѣстѣ, что темною стороною критики сороковыхъ годовъ былъ дидактизмъ, разрѣшившійся потокомъ общественной сантиментальности. Въ изящной поэзіи и прозѣ того времени найдемъ недостатки немаловажные, ибо новое направленіе словесности, по существу своему, соотвѣтствуя таланту однихъ дѣятелей, никакъ не подходило къ складу дарованія въ другихъ производителяхъ. Тамъ, гдѣ требовалась проза житейская, могъ выиграть мѣткій наблюдатель, но поэтъ-лирикъ естественно долженъ былъ или уклониться отъ временныхъ потребностей вкуса, или, угождая ему, насиловать свое призваніе. Въ дѣлѣ разоблаченія людскихъ пороковъ юмористъ видѣлъ для себя плодотворное поприще, но мечтатель-идеалистъ не находилъ для себя работы по сердцу. Поэтъ суроваго свойства, богатый горькимъ жизненнымъ опытомъ, имѣлъ предметъ для полезнаго труда тамъ, гдѣ какой-нибудь пѣвецъ Пушкинской школы не смѣлъ поднять своего голоса. Обогатившись новыми взглядами, новыми требованіями, наше искусство очевидно должно было произвести нѣкоторое перемѣщеніе (déclassement) въ рядѣ

Digitized by Google

своихъ жрецовъ и служителей. Для одного дѣятеля общественный реализмъ сталъ матерью, для другаго—мачихою. По сущности своей, онъ долженъ былъ вредно дѣйствовать на писателей двухъ родовъ, то-есть на поэтовъ, служащихъ идеѣ чистаго искусства, и на прозаиковъ, одаренныхъ поэтическимъ складомъ дарованія. Къ числу первыхъ должны мы отнести гг. Огарева, Некрасова и нѣкоторыхъ другихъ, ко вторымъ прежде всего надо причислить г. Тургенева, какъ писателя, главная сила котораго въ поэтическомъ изложеніи, въ дарованіи, исполненномъ субъективнаго лиризма.

Міръ поэзіи есть цѣлый міръ, своеобразный до крайности, міръ, руководящійся своими собственными законами, не имѣющими ровно ничего общаго съ законами простого, прозаическаго міра. Истекая изъ сокровеннѣйшихъ тайниковъ души человѣческой, представляя изъ себя лучшій цвѣтъ нашей жизни, — поэзія, наполняющая собою творенія того или другого писателя, отмѣченнаго печатью дарованія, по существу своему, не можетъ подлежать холодному суду холоднаго анализа. Ее не даромъ называютъ высокимъ безуміемъ, ибо она точно безуміе, ежели на нее смотрѣть глазомъ сухого, непросвѣтленнаго цѣнителя. Корень поэзіи, особенно поэзіи лирической, есть любовь, радость жизнію, тотъ океанъ невыразимо сладкихъ ощущеній, при погруженіи въ который наша душа «кипитъ и запрастъ», уносится къ безконечному и глядитъ на міръ, какъ на царство свѣта. Конечно, мы знаемъ очень хорошо, что лирическая, и самая чистая, поэзія можетъ быть мрачна, уныла, по временамъ враждебна міру и обществу; но объ этой поэзіи, имѣющей опять-таки одинъ корень съ тою, о которой говорится, мы будемъ толковать въ другое время, чтобы не сбиться съ нашей темы, по существу своему отчасти запутанной. И такъ, послѣ всего нами сказаннаго, читателю будетъ весьма понятенъ нѣкоторый разладъ, часто случающійся между дарованіемъ поэта и воззрѣніями первыхъ руководителей общества современнаго этому поэту. Поэзія, въ которой все исходитъ отъ любви, радостей жизненныхъ и свѣтлыхъ моментовъ души человѣческой, очень можетъ терпѣть ущербъ въ той средѣ, гдѣ требуется нѣчто иное, кромѣ любви, радостей и неуловимыхъ наслажденій душевныхъ. Въ обширномъ смыслѣ говоря, почти каждый изъ великихъ поэтовъ вселенной былъ высокимъ безумцемъ, ибо, имѣя сильное вліяніе на общество, служа многимъ общественнымъ и разумнымъ цѣлямъ, онъ всегда почти становился наперекоръ другимъ весьма разумнымъ требованіямъ своихъ современниковъ. Поэтъ иногда не идетъ за толпою, хотя бы за толпою разумною и крайне-прозаическою въ своихъ стрем-

Digitized by Google

леніяхъ,—ибо если онъ выберетъ себѣ одинъ путь съ толпою, онъ перестанетъ быть поэтомъ, то-есть существомъ *зрячимъ* и *любящимъ* между всѣми смертными. Сочувствуя интересамъ, радостямъ и бѣдствіямъ своихъ собратій, онъ сочувствуетъ всему этому черезъ разумъ, но не чрезъ свое поэтическое чутье, ибо его даръ живетъ и питается ощущеніями, совершенно отдѣльными отъ остальныхъ мірскихъ ощущеній. Если онъ поэтъ настоящій, то онъ не можетъ не откликаться любовно на тѣ призывы, для которыхъ толпа холодна и даже враждебна. Ему мила та природа, въ которой масса умныхъ людей не находитъ никакой прелести: — кому, до фламандскихъ художниковъ-поэтовъ, была мила природа Голландіи, кто восхищался русской природою до пѣсенъ Пушкина, ее истолковавшихъ? Поэтъ возводитъ до высокаго идеала образъ женщины его поразившей, той самой женщины, которая, можетъ быть, едва была замѣчена людьми около нея жившими. Имя и образъ Дантовой Беатриче знакомы намъ и умрутъ съ нами, а Беатриче настоящая, дочь Фолько Портинари, тихо жила во Флоренціи, не поражая ничѣмъ своихъ современниковъ, едва примѣтная въ толпѣ другихъ флорентинскихъ красавицъ. Тоже и со всѣми другими сторонами жизни, въ ихъ вліяніи на душу поэта истиннаго. Сервантесъ страстно любилъ и облекъ въ сіяющій поэтическій ореолъ безплодныя пустыни ламанчскія, изъ которыхъ жители выбирались, видя ихъ безплодіе; Шекспиръ составилъ свои дивныя хроники изъ той исторіи, которой каждая страница залита кровью и запятнана разсказами о невѣроятныхъ злодѣйствахъ. Аббатъ Прево, нѣжный и пламенный поэтъ, заставляетъ насъ рыдать надъ исторіей любви безумнаго мальчика къ потерянной женщинѣ, такой любви, про которую разумный свѣтъ можетъ говорить съ сожалѣніемъ, съ презрѣніемъ даже. Что же такое были Сервантесъ, Шекспиръ, аббатъ Прево и другіе геніальные люди, такъ отдѣлявшіеся въ своихъ симпатіяхъ отъ симпатій, преданій, предубѣжденій, практическихъ взглядовъ общества? Неужели въ своихъ отклоненіяхъ отъ законовъ свѣтскаго и сухо положительнаго разума, они поступали какъ обманщики, или какъ чудаки, слѣпые къ интересамъ житейскимъ? Неужели умъ ихъ не могъ охватить той истины, что безплодная Ламанча, въ земледѣльческомъ отношеніи, хуже Андалузіи; что Фальставъ, по мірскимъ законамъ, долженъ зваться негодяемъ, что кавалеръ Дегріё топталъ въ грязь свою жизнь, гонялся за непостоянной Машей? Отчего же происходитъ пристрастіе поэтовъ къ предметамъ, повидимому, недостойнымъ не только что поэтическаго ореола, но даже внимательнаго

Digitized by Google

взгляда отъ мыслителей? — И тутъ-то, въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы, мы снова можемъ повторить мысль уже одинъ разъ нами высказанную: міръ поэзіи есть цѣлый міръ, исполненный своеобразности, — цѣлый возвышенный міръ, повинующійся законамъ не имѣющимъ ничего общаго съ законами простого, прозаическаго міра.

Отъ непризнаванія этой коренной и непреложной истины происходитъ большая часть странныхъ отношеній между поэтами и толпою, слушающей пѣсни поэтовъ. Очень часто сами пѣвцы, не давая себѣ много отчета въ собственномъ своемъ назначеніи, испытываютъ внутреннія колебанія, глядятъ на свой даръ съ ложной точки зрѣнія и запутываются въ своихъ воззрѣніяхъ, не имѣя смѣлости оставаться тѣмъ, чѣмъ судьба ихъ создала. Толпа должна возвышаться до поэта, точно также, какъ возвышается она до великаго художника, великаго музыканта, — до Галилея, до Рафаэля, до Бетховена. Толпа должна возвышаться до поэта, не поэтъ спускаться до толпы, а подъ именемъ толпы (это необходимое дополненіе къ словамъ нашимъ) разумѣемъ мы вовсе не безсмысленный народъ, не *vile multitude*, но собраніе людей положительныхъ, развитыхъ въ общественномъ отношеніи. Безсмысленный народъ, взятый какъ *толпа*, никогда не станетъ въ противорѣчіе съ поэтомъ, никогда не будетъ сбивать его съ дороги, обусловленной призваніемъ: для такого дѣла въ грубой толпѣ слишкомъ мало анализа или требовательности. Напротивъ того, поэту гораздо вреднѣе приговоры толпы мыслящей, толпы прозаически-разумной, толпы, пропитанной современной мудростью. Относительно такой толпы поэтъ обязанъ держать себя строго, упрямо, независимо. Дѣля съ нею житейскіе заботы и интересы, онъ обязанъ хранить для себя самого свое дарованіе, во всей его прямотѣ, во всей его цѣлости, во всей его непосредственности. И счастливъ бываетъ поэтъ, гордо проносящій свое слово сквозь толпу положительныхъ интересовъ, современныхъ возбужденій и побужденій! Ему никто не скажетъ, что онъ закопалъ талантъ свой въ землю, промѣнялъ вѣковѣчные законы міра поэзіи, на шаткіе, положительные законы житейской практичности.

Безъ силы въ наше время невозможно быть поэтомъ, безъ спасительнаго упорства въ своемъ міросозерцаніи не можетъ существовать ни одинъ человѣкъ съ поэтическимъ призваніемъ. *Смѣй любить!* вотъ девизъ и бранный крикъ каждаго истиннаго поэта, въ наше время анализа и практической мудрости. Смѣй любить то, что ты любишь, — иначе ты не будешь стоить званія,

Digitized by Google

самаго утѣшительнаго между всѣми званіями. Смѣй любить, ибо любовь твоя зиждется на законахъ міра, въ который ты поставленъ своимъ даромъ, на неисповѣдимыхъ путяхъ божества, которому ты служишь. Смѣй любить все то, къ чему прикрѣпленъ навѣки талантъ, тебѣ данный, все то, съ чѣмъ онъ сросся отъ твоего рожденія, все то, посреди чего онъ крѣпнулъ и развивался. Смѣй любить ту природу, на которую глядѣли твои очи, просвѣтленныя двойнымъ зрѣніемъ поэта; смѣй любить ее, хотя бы, по законамъ положительной мудрости, эта природа оказывалась безцвѣтнѣе, бѣднѣе и блѣднѣе природы чуждаго, не сроднившагося съ душою твоей края. Смѣй любить общество, посреди котораго ты жилъ полною жизнью, — хотя бы разумная толпа, преданная мудрой, прозаической дѣятельности, и увѣряла тебя, что общество это кипитъ пороками, требующими кары и исправленія. Смѣй любить людей, посреди которыхъ ты взросъ, которые тебя любили, огорчали или тѣшили; смѣй любить ихъ, хотя бы разумъ твой ясно сознавалъ, что они во многихъ отношеніяхъ несовершенны. Смѣй любить даже то, что многими несомнѣнно-умными людьми предается посмѣянію, какъ жизненная пошлость, — взглядъ несомнѣнно-умныхъ людей можетъ быть крайне зорокъ, но ему никогда не увидать того, что видится двойному зрѣнію поэта истиннаго! Смѣй любить—и открыто возсоздавай плоды любви своей въ рядѣ гармоническихъ образовъ, — за это твой свѣтскій товарищъ, пожалуй, назоветъ тебя отсталымъ чудакомъ, но поэтъ-цѣнитель и вслѣдъ за нимъ потомки твои дадутъ тебѣ другое, не въ примѣръ славнѣйшее названіе!

Исторія нашего столѣтія, такъ обильнаго духомъ анализа, такъ проникнутаго общественно-положительной мудростью, хранитъ, однакоже, на своихъ страницахъ имена поэтовъ, сильно заподозрѣнныхъ въ житейской отсталости. Скоттъ, одинъ изъ величайшихъ людей Великобританіи, мудрой, коммерческой, развитой Великобританіи, могъ назваться удивительнымъ чудакомъ, если обратить на него умный взглядъ практическаго смертнаго. Отсталость его политическихъ убѣжденій, причудливость его симпатій можетъ произвести самое комическое впечатлѣніе, если мы примемся обсуживать все дѣло, не принимая во вниманіе вѣковѣчныхъ и своеобразныхъ законовъ міра поэзіи. По мнѣнію писателя, сейчасъ названнаго нами, сѣрые, безлѣсные холмы Шотландіи представляли изъ себя рядъ картинъ невообразимой прелести, собраніе чудесъ, созерцая которыя надо было сгорѣть душою и восторженно благодарить Бога за то, что живешь на свѣтѣ. Умный американскій туристъ,

Digitized by Google

которому означенныя чудеса были показаны съ абботсфордской башни самимъ сэромъ Вальтеромъ, только пожалъ плечами и снисходительно поглядѣлъ на поэта. Въ этой краткой сценѣ, на верхней террассѣ готическаго зданія, для насъ скрытъ смыслъ весьма глубокій: въ ней сказывается точка любопытнаго столкновенія между міромъ умнаго реалиста и міромъ поэта истиннаго. Тотъ же Вальтеръ Скоттъ, если судить его, ставши на мѣсто какого-нибудь историка-памфлетиста, экономическаго человѣка, опять оказывался причудникомъ. Сердце его горѣло при воспоминаніяхъ объ исторической старинѣ, о людяхъ и нравахъ времени, всѣмъ свѣтомъ признаннаго за время весьма бѣдное, грубое, обильное всякаго рода неправдою. При видѣ массивной руины, въ которой, безъ всякаго сомнѣнія, когда-то совершались буйства и преступленія,— при взглядѣ на какой-нибудь заржавленный мечъ, которымъ, можетъ быть, было сдѣлано нѣсколько убійствъ на большой дорогѣ, нашъ добрый сэръ Вальтеръ умилялся духомъ, улеталъ далеко-далеко изъ міра разумной дѣйствительности въ міръ свирѣпства, неурядицы, междоусобій и грабежа вооруженной рукою. Для него жестокосердый рыцарь Клавергоузъ, диллетантъ въ кровопролитіи, являлся лучезарнымъ юношей, исполненнымъ меланхолической прелести, — храбрый, но сумасбродный Ричардъ, прогулявшій и промотавшій собственное царство, представлялся веселымъ рыцаремъ безъ страха и упрека! Въ самые бурные годы нашего столѣтія, когда царства падали, когда громъ Наполеоновскихъ битвъ разносился по изумленной Европѣ, нашъ поэтъ, по разуму своему, былъ сыномъ современной Британіи, но по сердцу оставался кавалеромъ и якобитомъ, человѣкомъ партій, давно уже не существующихъ. Какъ гражданинъ своей земли и какъ практическій смертный, онъ свершалъ свое назначеніе, служилъ въ ополченіи, говорилъ рѣчи на митингахъ, удобрялъ поля, дѣлалъ добро бѣднякамъ; но какъ поэтъ — онъ готовъ былъ пить тосты въ честь Іакова Второго, не переставая считать Вильгельма Оранскаго, основателя величія Англіи, злобнымъ похитителемъ престола. Въ жизни и дѣлахъ великій бардъ велъ себя, какъ истинный сынъ родины, — а между тѣмъ симпатіи его сердца лежали ко всему отжившему, устарѣлому, исторически-осужденному. И великую заслугу міру оказалъ сэръ Вальтеръ-Скоттъ чрезъ свою вѣрность симпатіямъ сердца, и благотворный примѣръ подалъ онъ всѣмъ поэтамъ настоящимъ и будущимъ! Онъ смѣло любилъ, повинуясь сокровеннѣйшимъ законамъ міра поэзіи, не промѣнивая этихъ законовъ ни на какія практическія соображенія,— и за то имя его стало славнымъ именемъ,

Digitized by Google

а великія творенія его, плодъ истинно-поэтической души, составившія радость цѣлаго поколѣнія, навѣки останутся въ исторіи европейскаго искусства. Достигнулъ ли бы онъ того же самого, подчиняя свое поэтическое міросозерцаніе законамъ житейской и практической мудрости, гася свою любовь и отторгаясь отъ законовъ міра поэзіи въ пользу другихъ современныхъ законовъ и соображеній? Отвѣта, какъ кажется, тутъ произносить незачѣмъ.

Безсмертнѣйшій и любимѣйшій изъ поэтовъ Россіи, Пушкинъ, по творческимъ своимъ симпатіямъ, былъ несравненно менѣе причудливъ; но и онъ, по своему поэтическому міросозерцанію, часто становился въ разладъ съ житейскою практичностью. Въ смыслѣ поэтической мудрости, онъ былъ передовымъ человѣкомъ всей Россіи, просвѣтителемъ массы своихъ соотечественниковъ; но въ смыслѣ учености, гражданскихъ познаній, практическихъ взглядовъ онъ неоспоримо отставалъ отъ передовыхъ людей своего времени. Онъ былъ любовно прилѣпленъ душою ко всему существующему, прочному, живому при всѣхъ своихъ недостаткахъ: онъ любилъ міръ, какъ влюбленныя женщины любятъ дорогого имъ человѣка, съ его пороками и слабостями. Для его поэтически-просвѣтленнаго глаза было противно все несложившееся, неясное, хаотическое. Пушкинъ душею своею не рвался къ міру утопій, хотя бы благотворныхъ для общества: въ этомъ отношеніи онъ совершенно сходился съ великимъ Гёте и разнился отъ своихъ поэтическихъ наслѣдниковъ. Онъ смѣло любилъ все то, къ чему его преемники въ послѣдствіи подступали съ духомъ анализа, недовольства и сомнѣнія. Въ отношеніяхъ къ природѣ своей родины, Пушкинъ былъ смѣлъ и простъ, какъ величайшій художникъ-фламанецъ: родные пейзажи родной губерніи, самой незатѣйливой изо всѣхъ русскихъ губерній—возсоздались рядомъ сіяющихъ картинъ въ его «Евгеніѣ Онѣгинѣ». А между тѣмъ, онъ видалъ Крымъ и Кавказъ, зналъ лучше всякаго о красотахъ Италіи, гдѣ пѣлъ Торквато величавый,

Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживилъ,
И Байронъ, мученикъ суровый
Страдалъ, любилъ и проклиналъ!

И все это нисколько не помѣшало пѣвцу Онѣгина избрать сценою лучшаго своего созданія сѣверную псковскую губернію, гдѣ ничего не растетъ, кромѣ березъ и сосенъ! И людей, и общество, и героинь своихъ нашъ поэтъ любилъ также смѣло, также безпре-

Digitized by Google

дѣльно, нисколько не возмущаясь ихъ недостатками, ихъ неразвитостью, ихъ темными сторонами. Татьяна Ларина, взятая какъ живое существо, какъ провинціальная барышня, можетъ быть осмѣяна сто разъ, если на нее взглянуть глазами общественнаго юмориста, — но какъ плѣнительное поэтическое созданіе, она стоитъ въ дивномъ свѣтѣ, посреди лазури небесной: вспомнимъ, какъ вся читающая Россія всколыхнулась, когда критикъ, такъ дорогой цѣлому мыслящему поколѣнію, вздумалъ поднять свою руку на этотъ восхитительный для насъ образъ! Великій пѣвецъ нашъ, всегда послушный законамъ поэтическаго міра, нигдѣ не держится ихъ съ такою силою, какъ при созданіи своей Татьяны. Смѣшно было бы думать, что практическій разумъ Пушкина не признавалъ недостатковъ Татьяны, какъ неразвитой, зачитавшейся романовъ дѣвушки; что великій творецъ «Онѣгина одобрялъ» «Мельмота и Сбогара», какъ лучшую пищу для дѣвической души, что онъ не признавалъ житейской пошлости въ средѣ, окружавшей Татьяну. Все это разумѣлъ онъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ его цѣнителей,— разумѣлъ и не взирая, на то, остался твердымъ въ своемъ поэтическомъ воззрѣніи. Онъ не изломалъ законовъ своего дарованія въ пользу обыденныхъ взглядовъ свѣта, а напротивъ того смѣло устремилъ свой вдохновенный взоръ туда, гдѣ подъ временною и почти пошлою оболочкою, крылись перлы поэзіи. Такъ поступалъ Пушкинъ во всѣ періоды своей дѣятельности, такимъ путемъ дошелъ онъ до той ступени, на какой онъ теперь стоитъ въ нашей словесности — плѣнительнымъ, смѣлымъ, могучимъ, любящимъ поэтомъ Россіи!

Мы знаемъ, что г. Тургеневъ цѣнитъ и раздѣляетъ воззрѣнія, нами сейчасъ высказанныя; что онъ, можетъ быть первый изо всего ряда даровитыхъ товарищей нашихъ, радостно привѣтствовалъ начало такъ называемой *пушкинской реакціи*, поднявшейся въ послѣдніе годы съ новымъ изданіемъ Пушкина, біографіей поэта, писанной г-мъ Анненковымъ, и журнальными статьями по поводу сказаннаго изданія. Но мы знаемъ и то, что не всегда авторъ «Записокъ Охотника» думалъ такимъ образомъ. Онъ принесъ много жертвъ духу своего времени и, двигаясь по литературной дорогѣ за одно съ передовыми мыслителями изъ современниковъ, подчинялъ свою поэзію идеямъ и законамъ не для нея составленнымъ. Онъ не былъ смѣлъ на любовь, не взирая на то, что любовь ко всему родному могла назваться корнемъ его поэзіи, не взирая на то, что духъ анализа, и юмора, властвовавшій въ литературѣ при началѣ дѣятельности Тургенева, нисколько не подходилъ къ самому

Digitized by Google

складу его дарованія. По этой причинѣ, весьма понятной и чрезвычайно легко усматриваемой въ общей массѣ произведеній нашего повѣствователя, — часть его дѣятельности до сихъ поръ представляетъ собой нѣчто неровное, недосказанное и, такъ сказать, *зыбкое*. Отклоняясь отъ законовъ поэтическаго міра, про которые мы говорили, не осмѣливаясь повиноваться тѣмъ самымъ условіямъ, безъ которыхъ невозможно развитіе лучшей стороны въ его талантѣ, г. Тургеневъ часто вредитъ самъ себѣ и, отторгнувшись отъ своего корня, понапрасну ищетъ себѣ другой точки опоры. Онъ часто преграждаетъ токъ своей поэзіи, силясь замѣнить ее или юморомъ, или анализомъ, или временнымъ элементомъ въ искусствѣ, или поползновеніемъ на лиризмъ нѣсколько памфлетическаго свойства. Но судьба, сдѣлавшая Тургенева поэтомъ и по преимуществу лирическимъ поэтомъ, упорно отказываетъ ему во всѣхъ тѣхъ качествахъ, съ помощью которыхъ гораздо слабѣйшіе его сверстники составляли себѣ славу и цѣлую дѣятельность. Юморъ его не имѣетъ свѣжести: сатира Тургенева не страшна, но забавно-мила, какъ капризъ дитяти; дидактическія его странички звучатъ нотой съ чужого голоса. По существу своему, какъ мы уже сказали, поэтическій даръ автора не имѣетъ въ себѣ ровно ничего насмѣшливаго, сатирическаго, временно-дидактическаго, — въ немъ даже видно полнѣйшее отсутствіе того страстно-энергическаго порыва, который сообщаетъ такую силу поэзіи Байрона, Лермонтова, Жоржа-Санда (въ его первыхъ произведеніяхъ). А между тѣмъ, увлекаясь передовыми современными мыслителями, Тургеневъ, за первые годы своей дѣятельности, почти всегда силится подчинить свою музу ихъ міросозерцанію. По причинѣ сказанной двойственности, между поэзіею писателя нашего и міромъ имъ изображаемымъ, постоянно высится какая-то плотина современнаго издѣлія, плотина упорно сдерживающая собою волны его дарованія. Само собою разумѣется, поэтическую рѣку трудно сдержать хитросданною плотиною, рѣка эта все-таки будетъ прорываться, гдѣ возможно, иногда большой массою воды, иногда тонкой струей, иногда въ видѣ мелкихъ, но непрерывныхъ капель. Тоже и съ дарованіемъ Тургенева, особенно въ первые годы его дѣятельности. Потокъ, задержанный имъ самимъ, бушуетъ и прорывается самымъ причудливымъ образомъ, иногда кидаясь по сторонамъ, падая не туда, куда бы ему слѣдовало падать, выпуская мелкія струйки на мѣсто широкаго каскада, низвергаясь нежданными волнами тамъ, гдѣ никто не предвидѣлъ этого паденія. Въ какомъ-нибудь «Разговорѣ на большой дорогѣ» нѣтъ и слѣдовъ поэтиче-

Digitized by Google

скаго потока: такъ изнасиловано въ немъ призваніе поэта. Въ «Пѣтушковѣ», навѣянномъ Гоголевскимъ элементомъ, не взирая на чудную мысль, заложенную въ его основаніи, поэзія едва-едва сочится каплями, какъ вода въ замкнутомъ фонтанѣ; въ «Трехъ Встрѣчахъ» она уже бьетъ постоянною сдержанною струею; наконецъ въ «Муму», въ «Двухъ-Пріятеляхъ», въ «Затишьѣ», въ «Перепискѣ», въ «Фаустѣ» потокъ поэзіи прорывается со всею силою, срываетъ преграды, мечется по сторонамъ, и хотя не вполнѣ получаетъ свободное теченіе, но уже высказываетъ и богатство свое, и свое истинное направленіе.

Къ счастію для автора нашего, въ дѣятельности его первыхъ годовъ находилась одна сторона, до крайности утѣшительная. Въ пору величайшихъ колебаній и безплодной погони за духомъ вѣка, онъ успѣлъ, однакоже, прикрѣпиться одной стороной своего таланта къ прочной и благотворной почвѣ. Подобно миѳологическому Антею, непобѣдимому борцу, становившемуся сильнѣй всякій разъ, когда его ноги касались земли, многоплодной его матери,—г. Тургеневъ спасъ всю свою молодую дѣятельность чрезъ одну поэтическую точку опоры, о которой ему никогда забывать не слѣдуетъ. Эта точка (а рѣдкій изъ поэтовъ истинныхъ въ этомъ съ нимъ разнствуетъ) есть его родная сторона, мѣсто его дѣтства и воспитанія, небольшая полоса одной изъ центральныхъ русскихъ губерній. Для того изъ читателей, кто бывалъ въ этомъ уголку, разъяснятся лучшія стороны Тургеневскаго дарованія, а самыя миплыя страницы «Затишья», «Рудина» и «Записокъ Охотника» засвѣтятся новою прелестью. Въ своемъ небольшомъ уголку, нашъ поэтъ, самъ того не ожидая, увидалъ себя также сильнымъ; какъ Вордсвортъ около любимыхъ озеръ, или Краббъ на безплодномъ берегу, возлѣ своего Альдборо. Въ немъ онъ хозяинъ и наблюдатель, исполненный любви истинной. Тутъ даже не вредятъ ему оковы современнаго дидактизма, духъ иронін и анализа, воплотившіеся въ его сверстникахъ по дѣятельности. «Записки Охотника», исполненныя такимъ тонкимъ пониманіемъ русской природы, потому имѣютъ необыкновенную важность во всей дѣятельности Тургенева, что ими опредѣлился широкій путь для повѣствователя; что человѣкъ, ихъ написавшій, всѣми силами души своей прикрѣпился къ мѣсту ихъ дѣйствія. Сцены, набросанныя въ этихъ «Запискахъ», люди въ нихъ дѣйствующіе, зародились именно вслѣдствіе той любви, о которой мы сейчасъ говорили такъ много. Здѣсь всѣ преграды между поэтическимъ даромъ Тургенева и міромъ, имъ изображаемымъ, не могутъ назваться преградою: потокъ поэзіи, перевысивъ ихъ,

Digitized by Google

низвергается съ значительною силою. Успѣхъ «Записокъ Охотника» павелъ Тургенева на цѣлый рядъ важныхъ мыслей, и слѣды того мы видимъ во многихъ произведеніяхъ нашего автора, особенно произведеніяхъ послѣдняго времени. Но пора пріостановить общія соображенія, и ближе ознакомиться съ главнѣйшими изъ повѣстей г. Тургенева, въ трехъ томахъ разбираемаго нами собранія.

4.

Послѣ первой своей повѣсти, авторъ «Андрея Колосова» совершенно оставилъ стихи и утвердился въ новой дѣятельности. Повѣсти и Разсказы автора нашего, вошедшіе въ собраніе сочиненій, теперь находящихся передъ нами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, а о нихъ сказано будетъ ниже, имѣютъ въ себѣ нѣчто шаткое и какъ бы недозрѣвшее. Въ нихъ много поэзіи, не мало умныхъ мыслей, слогъ ихъ изященъ до крайности, но они бѣдны той поэтической силою, безъ которой, какъ было сказано въ свое время, нельзя жить истинному поэту. Проза Тургенева, до лучшихъ и послѣднихъ его произведеній, во многомъ напоминаетъ поэзію г. Огарева, такъ какъ мы опредѣлили ее, при нашемъ разборѣ поэмы «Зимній Путь», на который теперь и ссылаемся. (См. выше, стр. 131). Подобно автору «Зимняго Пути», сочинитель «Трехъ Портретовъ» и «Лишняго Человѣка», какъ будто не осмѣливается пѣть во весь голосъ, колеблется между двумя противоположными направленіями. Онъ не даетъ простора своимъ симпатіямъ, въ отрицаніи своемъ онъ шатокъ и неэнергиченъ, голосъ его иногда слабъ и всегда имѣетъ въ себѣ что-то лѣнивое. Рисуя такую-то картину природы, онъ какъ бы извиняется въ ея бѣдности, — изображая даннаго человѣка, онъ словно совѣстится пошлости своего героя. Духъ анализа, совершенно лишняго при вдохновеніи, не даетъ ему покоя и вторгается повсюду, — то въ видѣ шутки, то какого-нибудь холоднаго замѣчанія, не чуждаго дендизма, то краткаго сатирическаго отступленія, не ведущаго къ дѣлу. Возьмемъ, напримѣръ, хотя «Бреттера» (о которомъ будетъ въ свое время сказано нѣсколько другихъ замѣчаній): первыя строки ея свѣжи и ясны, какъ обыкновенно бываетъ начало повѣстей Тургенева, — послѣ этихъ строкъ младшій герой повѣсти, корнетъ Кистеръ, лицо привлекательное, юное и, безъ всякаго сомнѣнія, симпатическое автору, изображено въ видѣ какого-то жалкаго дурачка, между-тѣмъ какъ дальнѣйшій ходъ произведенія совершенно противорѣчитъ этому описанію. Поэтъ словно остано-

Digitized by Google

вился надъ прелестью первыхъ строкъ и сказалъ самъ себѣ: «а не пора ли подлить въ нихъ жизненной пошлости?» «Три Портрета», напротивъ того, начинаются самой охлажденной выходкой противъ «сосѣдства», *составляющаго одну изъ величайшихъ непріятностей сельской жизни.* Только что сообщивъ намъ слѣдующія слова: «слава Богу, у меня нѣтъ сосѣдей», авторъ говоритъ, что у него есть однако одинъ сосѣдъ хорошій, а сказавши, что у него одинъ сосѣдъ хорошій, спѣшитъ доказать намъ, что этотъ сосѣдъ совсѣмъ не такъ хорошъ, какъ было сказано. Читатель, утомленный этими эволюціями и контръ-эволюціями, приготовляется бросить разсказъ, когда, послѣ вышеприведенныхъ рѣчей, не идущихъ къ дѣлу, вдругъ выдаются передъ нимъ полторы странички, исполненныя истинной поэзіи...

Кажется, отчего бы автору «Трехъ Портретовъ» не начать прямо съ этихъ трехъ страничекъ. Въ поэтическомъ моментѣ жизни человѣческой нѣтъ ничего недостойнаго для творчества, хотя бы причиной этого момента былъ хорошій обѣдъ. послѣ охоты. Ничто такъ не изображаетъ поэта, какъ его способъ обращаться съ мелочами, и мелочи слѣдуетъ изучать тому, кто желаетъ узнать всю сущность нашей литературы за сороковые годы.

Повѣсть «Жидъ», набросанная въ 1846 году, замѣчательна по крайней простотѣ замысла и изложенія; она, очевидно, написана въ свѣтлыя минуты для г. Тургенева и оттого стоитъ войти въ собраніе «избранныхъ произведеній» нашего автора, если ему когда-нибудь вздумается издать въ свѣтъ подобное собраніе. Въ замѣнъ того «Пѣтушковъ», непосредственно слѣдующій за «Жидомъ», производитъ на читателя впечатлѣніе неловкое и непріятное. Здѣсь Тургеневъ смѣлѣйшими шагами подходитъ къ океану жизненной пошлости, но едва устремивши взоры въ эту бездну, такъ не подходящую ко всему складу его дарованія, самъ пугается своей смѣлости, а затѣмъ повторяетъ зады, давно уже сказанные и когда-то сказанные гораздо лучше. Мысль Пѣтушкова, какъ мы сказали, есть мысль превосходная. Изобразить *запой любви* въ простомъ и вяломъ человѣкѣ, въ первый разъ отозвавшемся на могучій призывъ природы, представить намъ это доброе, но ничтожное существо, подъ совершеннымъ обаяніемъ недостойной страсти, изобразить его горькую долю и окончательное паденіе — тема достойная самого Гоголя! И Гоголь, какъ будто въ отплату за идею, у него перебитую, насмѣшливо сталъ на дорогѣ г. Тургенева, во всемъ своемъ оружіи, со всей своею неотразимою силою. По всей повѣсти, въ ослабленномъ видѣ, высказывается взглядъ

Digitized by Google

великаго юмориста, его манера, даже особенности его слога, вкравшіяся туда, по всей вѣроятности, независимо отъ произвола ея автора. И Пѣтушковъ, и слуга Онисимъ, и Бублицынъ, разсматривающій свои сапоги, и толстая Прасковья Ивановна, и чуланчикъ въ булочной, и лежаніе на кровати безъ дѣла — все это намъ знакомо и было знакомо гораздо ранѣе повѣсти Тургенева. Въ одной Василисѣ, доброй, беззаботной и лѣнивой дѣвушкѣ, какъ будто мелькаетъ нѣчто самостоятельное. Отъ всего произведенія пахнетъ какой-то затхлой и душной каморкою, гдѣ цѣлый день валяются, спятъ и нескладно говорятъ съ просонья нѣкоторые небритые люди, недостойные взглядовъ самаго празднаго изъ наблюдателей. Это ли столкновеніе съ житейской пошлостью, такъ, какимъ понималъ его Гоголь? это ли безпощадная погоня за правдою житейской? есть ли тутъ спасительный смѣхъ, способный разогнать и не такую затхлую атмосферу? есть ли тутъ твердая смѣлость творчества, вслѣдствіе которой самыя пошлыя лица пріобрѣтаютъ право жить полною жизнью? Смѣлость, про которую говоримъ мы, чужда всѣмъ подражателямъ Гоголя, оттого и дѣятельность ихъ не принесла съ собой ничего для русской литературы. Акакій Акакіевичъ, самое страждущее и загнанное изъ созданій Гоголя, — есть богатырь передъ Пѣтушковыми, Голядкиными, и такъ далѣе. Гоголь зналъ, что дѣлаетъ: рисуя героя шинели, онъ былъ увѣренъ въ своемъ призваніи, не поддавался никакой двойственности взгляда, — оттого его Акакій Акакіевичъ стоитъ на своихъ ногахъ, посреди цѣлаго подходящаго къ нему міра. О другихъ герояхъ творца Мертвыхъ Душъ и говорить нечего: они смѣлы, они правдивы, они на своемъ мѣстѣ и сами про то знаютъ. Его Ноздревыхъ, Манилловыхъ и Плюшкиныхъ никто не назоветъ госпитальными фигурами, кисло взирающими на свѣтъ Божій. Никто лучше Гоголя не понималъ своихъ подражателей, и еслибъ великій писатель повнимательнѣе слѣдилъ за новою русскою литературою, его совѣтъ былъ бы въ высшей степени полезенъ писателямъ, имъ увлекшимся. Вотъ что говорилъ онъ, напримѣръ, П. В. Анненкову, по поводу повѣстей Гребенки: «вы съ нимъ знакомы — напишите ему, что это никуда не годится. Непремѣнно напишите, чтобъ онъ пересталъ подражать. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Скажите просто, что я сержусь и не хочу этого. *Вѣдь онъ же родился гдѣ-нибудь, учился же грамотѣ гдѣ-нибудь, видѣлъ людей и думалъ о чемъ-нибудь. Чего же ему болѣе для сочиненія?* Зачѣмъ онъ вмѣшивается въ мои дѣла? Если уже нужно ему за другими ухаживать, *такъ пусть выбе-*

Digitized by Google

ретъ кто поближе къ нему живетъ... все же будетъ легче. А меня пусть оставитъ въ покоѣ, пусть непремѣнно оставитъ въ покоѣ.»

Впрочемъ, г. Тургеневу не нужно было читать подобной морали за его «Пѣтушкова». Еще не кончивъ повѣсти, онъ самъ понялъ, что взялся за дѣло не подходящее. Въ краткомъ заключеніи похожденій влюбленнаго Ивана Аоанасьевича сквозитъ желаніе поскорѣе отдѣлаться отъ несимпатической темы, съ тѣмъ, чтобы уже никогда не подходить къ міру Пѣтушковыхъ и Бублицыныхъ. По странной прихоти фантазіи, собственно намъ, при чтеніи Пѣтушкова представляется картина очень граціозная, но совершенно не совмѣстная съ цѣлью автора повѣсти. Намъ грезится милая, стыдливая, дѣтско-кокетливая муза Тургенева, въ видѣ капризной дѣвочки, прогулявшейся по лужѣ, вымочившей весь свой уборъ, свои крошечные башмачки и свои кружевныя панталончики. Прихоти никто не воспрепятствовалъ: подвигъ совершонъ, лужа пройдена, обпарена, въ лужѣ не нашлось ни рыбокъ, ни раковинъ съ жемчужинами, и самой музѣ стало совѣстно за свою прихоть. Она поджимаетъ подъ себя ножки, стыдливо улыбается, глядитъ на читателя глазами оробѣвшей газели, будто говоря ему: «молчи только, я ужь больше никогда не стану ходить по лужамъ!» Читатель смѣется, прощаетъ все, изъявляя готовность перенести на своихъ плечахъ маленькую, такъ дорогую ему шалунью подальше отъ лужи, въ запущенный садъ какого-нибудь деревенскаго дома орловской губерніи.

Съ «Пѣтушковымъ», «Тремя Портретами» и «Разговоромъ на большой дорогѣ» (guarda e passa! взгляни и проходи мимо этого разговора!) оканчивается разрядъ повѣстей Тургенева, самый слабый какъ по формѣ, такъ и по міросозерцанію, въ нихъ выказавшемуся. Въ «Колосовѣ» по крайней мѣрѣ стоила особливаго вниманія смѣлость замысла, въ повѣстяхъ, нами названныхъ, не найдемъ мы ничего подобнаго: авторъ нашъ уже достаточно созрѣлъ для увлеченій исключительными теоріями, и въ то же время какъ-будто не дорослъ до самостоятельныхъ воззрѣній на жизнь съ обществомъ. Къ другому разряду, несравненно высшему, нами здѣсь обозначенному, необходимо отнести и «Жида», вещь отлично обработанную, но, при всей своей поэтической свѣжести, не имѣющей важнаго значенія; повѣсть «Три Встрѣчи», хотя и исполненную проблесковъ поэзіи, но невыдержанную и даже темную по содержанію; наконецъ разсказы «Муму» и «Постоялый Дворъ», превосходно разсказанные, украшенные присутствіемъ благородно-

Digitized by Google

поучительной мысли и все-таки представляющіе собою интересъ умнаго анекдота, ни какъ не болѣе. Два послѣднія произведенія доставили Тургеневу много славы, и дѣйствительно, стоятъ того по своей отдѣлкѣ, по тому простору, какой дается въ нихъ лучшимъ сторонамъ авторскаго дарованія, наконецъ по идеямъ, положеннымъ въ ихъ основаніе. Если Проспера Мериме хвалитъ вся читающая Европа за «Матео Фальконе» и «Prise de la redoute», если «Толстый Джентльменъ» Вашингтона Ирвинга обошелъ Европу и Америку, если крошечные разсказцы графа К. де-Местра доставили ему репутацію классическаго писателя, то мы не находимъ причины, по которой слава «Муму» могла бы казаться преувеличенною. Не надо забывать того, что не вся дѣятельность Тургенева поглощена миніатюрными картинками въ родѣ «Муму» и «Жида», такъ нами цѣнимыми. Выработывая эти вещи, нашъ авторъ не вдавался въ мелочность работы, не жертвовалъ для формы идеею, наконецъ не прерывалъ общаго потока своей дѣятельности, многосторонне высказывавшейся въ другихъ, можетъ быть, и не до такой степени выдержанныхъ твореніяхъ. Объ этой-то самой дѣятельности, такъ какъ она является намъ въ новой серіи повѣстей Тургенева, намѣрены мы теперь говорить съ необходимой подробностью.

Серія эта начинается съ повѣстью «Бреттеръ», написанной въ 1846 году, двумя годами послѣ «Колосова», но ранѣе «Трехъ Портретовъ» и «Пѣтушкова», до такой степени неудовлетворительныхъ въ строго художественномъ отношеніи. Затѣмъ она прерывается на шесть лѣтъ и вновь начинается съ «Записками Лишняго Человѣка». Послѣ краткаго интервала она проявляется снова и уже представляетъ собою непрерывную цѣпь, въ которой, какъ звѣнья, обозначаются «Два Пріятеля», «Затишье», «Яковъ Пасынковъ», «Рудинъ» и наконецъ «Фаустъ». Достоинства всѣхъ сейчасъ названныхъ повѣстей различны: по формѣ своей онѣ весьма несходны между собою, а между тѣмъ каждый внимательный цѣнитель, по прочтеніи книги Тургенева, тотчасъ же сгруппируетъ ихъ вмѣстѣ, совершенно отдѣливъ эти произведенія отъ произведеній выше нами разобранныхъ. Между ними есть неразрывная связь, которая сама сказывается съ перваго раза,— или, какъ столбами по большой дорогѣ, обозначается весь артистическій путь г. Тургенева, какъ мыслящаго дѣятеля въ русской литературѣ. Поэтому то, не смотря на всѣ умствованія, мы никакъ не могли бы провести разумной параллели между «Муму» и «Фаустомъ», хотя обѣ вещи сходны по изяществу отдѣлки: первая представляется намъ цвѣтущимъ лугомъ, на которомъ поэтъ заду-

Digitized by Google

мался въ праздную минуту, — тогда какъ вторая стоитъ зваться послѣдней гранью симпатическаго намъ таланта, въ его настоящемъ развитіи. Повѣсть «Пасынковъ», по небрежности отдѣлки, не далеко отходитъ отъ «Пѣтушкова», но «Пѣтушковъ» есть *ничто* относительно дѣятельности Тургенева, тогда какъ повѣсть «Яковъ Пасынковъ» обозначаетъ извѣстный шагъ поэтическаго воззрѣнія, протестъ противъ современной пропіи, много лѣтъ царапавшей то, что стопло любви, а не иронін. Такъ и разсказъ «Жидъ» можетъ быть во многомъ объективнѣе и стройнѣе иныхъ главъ «Рудина:» но говоря о «Жидѣ», мы не найдемъ возможности даже коснуться сущности Тургеневскаго міросозерцанія, между тѣмъ какъ въ «Рудинѣ» сказывается намъ весь его авторъ въ данный моментъ развитія, съ его колебаніями, успѣхами, сознаніемъ прошлаго значенія и готовностью на дѣло въ будущемъ. Мы надѣемся, что каждый почти поклонникъ г. Тургенева раздѣляетъ взглядъ, намн сейчасъ высказанный, а потому и не упрекнетъ насъ за неполноту этюда, неполноту болѣе кажущуюся, чѣмъ настоящую.

Въ предъидущей главѣ нашей мы уже указали на странное начало повѣсти «Бреттеръ», на его первыя строки, не подходящія къ первымъ страницамъ, на его первыя страницы, противорѣчащія дальнѣйшему ходу всей повѣсти, но теперь намъ предстоитъ сказать то, что, будь дальнѣйшій ходъ произведенія сообразенъ съ его открытіемъ — мы не стали бъ и говорить о «Бреттерѣ», какъ о вещи, заслуживающей вниманія. Таить грѣха нечего: г. Тургеневъ началъ второе прозаическое произведеніе своей молодости по самой рутинной методѣ нашей бсллетристики сороковыхъ годовъ. Онъ сжалъ и обезсплилъ экспозицію, поторопился поставить своего молодого героя подъ невыгодный уголъ зрѣнія, подлилъ достаточное количество житейской пошлости въ изображеніе семейства своей героини: въ одномъ только отклонился онъ отъ системы общепринятой: своего жолчнаго и озлобленнаго Авдѣя Лучкова не захотѣлъ онъ облечь въ привлекательную форму. Печоринъ и сколки съ Печорина жили у всѣхъ въ памяти, воображенію дидактиковъ милы были эти изображенія сильныхъ людей, не находящихъ себѣ мѣста въ современномъ обществѣ, а разрѣшающихся бѣдой и гибелью при всякомъ своемъ столкновеніи съ пошлостью обыденнаго міра. Тургеневъ, однако, благодаря своему поэтическому такту, *въ первый разъ за всю свою дѣятельность*, не покорился современнымъ требованіямъ, а требованія эти были сильны и явно клонились къ тому, чтобы принуждать писателей на составленіе своихъ произведеній по заданному

Digitized by Google

рецепту. Правда, онъ уступилъ одинъ шагъ, порядочно отличивъ людей, съ которыми его Бреттеръ сталъ въ коллизію; но когда потребовалось, по рецепту, открыто перейти на сторону жолчнаго Бреттера, онъ уперся, и, отрѣшившись отъ рутины, выискалъ себѣ точку воззрѣнія, дѣлающую ему большую честь, какъ поэту и какъ мыслителю. Можетъ быть, самъ не сознавая вѣрности дѣла, имъ задуманнаго, можетъ быть, не отдавая себѣ полнаго отчета въ своемъ замыслѣ, — онъ смѣло потребовалъ къ суду единственное *сильное* лицо въ своемъ произведеніи. Со стараніемъ обрисовавши лицо Лучкова, тщательно надѣливши его всѣми энергическими достоинствами персонажей, по тогдашнему вкусу первенствующихъ, поэтъ нашъ вдругъ обманулъ всѣ ожиданія умныхъ рутинеровъ своего времени. Сообразно современныхъ воззрѣніямъ, мрачный Бреттеръ долженъ былъ завладѣть всей симпатіей читателя, подавить всѣ мелкія личности, ему противопоставленныя, въ грустномъ величіи обрисоваться посреди картинъ мірской пошлости, такъ неподходящей къ его могучей, хотя враждебной обществу природѣ. Ничего подобнаго не сдѣлалъ Тургеневъ, благодаря зоркости, которая всегда присуща истиннымъ поэтамъ, не взирая ни на какія колебанія. Въ самую минуту завязки и столкновенія между лицами повѣсти, онъ смѣло подошелъ къ своему мрачному герою, подошелъ затѣмъ, чтобъ сказать ему съ небывалой дотолѣ смѣлостью: «прочь съ пьедестала: ты не демонъ и не энергическій герой великой силы, — ты злой человѣкъ и тебя надо судить какъ злого человѣка.»

Такъ, Бреттеръ Лучковъ есть злой человѣкъ; дурнымъ и озлобленнымъ человѣкомъ признаетъ его нашъ авторъ, — а напасть на злого или озлобленнаго человѣка было не такъ-то легко въ 1846 году, когда еще Печоринъ, понятый съ угрюмосовременной точки зрѣнія, пользовался большимъ кредитомъ въ литературѣ и обществѣ. Вообще у насъ (особенно съ той поры, какъ Гоголь сказалъ: *отъ добродѣтельнаго человѣка остались только кости и кожа*) и писатель, и цѣнитель до сихъ поръ черезъ мѣру снисходительны къ *человѣку озлобленному*, не давая себѣ труда разъяснять, на чемъ держится это такъ пріятное для нихъ озлобленіе. Не смотря на то, что въ нашей литературѣ на озлобленномъ человѣкѣ ѣздили весьма много, отъ него остается еще нѣчто большее, чѣмъ кожа и кости, — онъ еще не объѣзженъ въ-конецъ, ибо на немъ ѣздили осторожно, съ нимъ обращались ласково, его держали въ холѣ и приволи. Суровѣйшіе мудрецы съ уваженіемъ обходили озлобленнаго человѣка; карая какого-нибудь без-

Digitized by Google

защитнаго пошляка безъ усталости, они опускали бичь сатиры передъ «человѣкомъ озлобленнымъ.» Даже одинъ изъ нашихъ поэтовъ высокаго дарованія съ простодушіемъ самъ называетъ себя человѣкомъ озлобленнымъ, — черта очень многознаменательная, ибо, по нашему мнѣнію, такого названія слѣдовало бы не держаться съ любовію, а скорѣе совѣститься передъ другими людьми. Великій министръ Штейнъ, задолго до нашего времени, зналъ лучше насъ цѣну озлобленнымъ людямъ, ибо намъ осталась отъ него одна записка такого содержанія: «Дошло до моего свѣдѣнія, что совѣтникъ N. N. чрезвычайно грубъ, какъ съ своими подчиненными, такъ и со всѣми людьми, имѣющими до него надобность. Признавая такое обращеніе слѣдствіемъ жестокаго, мизантропическаго и озлобленнаго нрава, я строго выставляю г. совѣтнику на видъ его обращеніе, присовокупляя къ тому, что при повтореніи подобныхъ жалобъ, онъ будетъ отрѣшенъ отъ должности, какъ несовмѣстной съ его характеромъ.» Само собою разумѣется, что записка Штейна передана нами здѣсь не во всей подробности, мы взяли изъ нея только то, что касается до «озлобленности» — въ ея общественныхъ проявленіяхъ.

Такъ глядѣлъ на значеніе «озлобленнаго человѣка» одинъ изъ благотворнѣйшихъ дѣятелей новаго времени; но наши беллетристы и цѣнители періода сороковыхъ годовъ думали не совсѣмъ сходно съ барономъ Штейномъ. Обиліе озлобленныхъ героевъ было весьма замѣчательно въ нашей новѣйшей литературѣ, а уклоненіе отъ этой рутины и причинъ, ее произведшихъ, должно быть вмѣнено въ немалую заслугу Тургеневу. Одной доброй идеи мало, если выполненіе дѣла ей не соотвѣтствуетъ, а г. Тургеневъ чистъ и въ этомъ послѣднемъ отношеніи: его «Бреттеръ» очертанъ рельефно, четко, почти художественно. Самостоятельность, высказанная поэтомъ при задумываніи Авдѣя Лучкова, привела его къ результату не только высшему, чѣмъ было въ Колосовѣ, — но просто прекрасному, не взирая на неполноту и слабыя частности всей повѣсти. Критики, просмотрѣвшіе «Бреттера» за его несвоевременностью, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этой повѣсти, привѣтствовали г. Авдѣева за его замѣчательное противодѣйствіе Лермонтовскому элементу въ «Тамаринѣ»; а между тѣмъ, отдавая должную справедливость даровитому писателю, они не сообразили того, что другой писатель, ранѣе его, вывелъ наружу гнилыя стороны озлобленныхъ героевъ нашего времени. Очень можетъ быть, что набрасывая Авдѣя Лучкова, самъ Тургеневъ не помышлялъ о борьбѣ съ худыми сторонами нашихъ Печоринныхъ, что онъ не

Digitized by Google

собирался повернуть медали или показать изнанку души въ несоціальныхъ и мрачныхъ натурахъ; цѣнителю до этого нѣтъ дѣла, ибо если зарожденіе идей смутно, за то сама идея сказывается намъ съ полнѣйшей ясностью. Въ бреттёрѣ Лучковѣ до такой степени раскрыта изнанка нашихъ домороценныхъ Печориныхъ, что самъ грустно-изящный герой Лермонтова отчасти страдаетъ вслѣдствіе такого раскрытія. Не смотря на всю силу своей натуры, Авдѣй гадокъ передъ другими дѣйствующими лицами повѣсти, самыми нехитрыми, самыми будничными лицами. И деревенская барышня Маша, и не совсѣмъ привлекательный нѣмчикъ Кистеръ милы по сравненію съ этимъ грубымъ созданіемъ. Попробуемъ поставить каждое изъ дурныхъ качествъ Лучкова подлѣ лучшихъ сторонъ въ Герояхъ нашего времени — и мы увидимъ, что Лучковы — тѣ же герои, только выведенные на свѣжую воду, сведенные съ мелодраматическаго пьедестала. Озлобленный герой, взятый такъ, какъ его понимали въ сороковыхъ годахъ, золъ вслѣдствіе разныхъ таинственныхъ причинъ, вслѣдствіе недостатка дѣятельности для своей персоны, — Авдѣй Лучковъ озлобленъ вслѣдствіе зависти къ другимъ и сознанія своего ничтожества. Модный герой оскорбляетъ женщинъ отъ пресыщенія и разочарованія, — бреттёръ оскорбляетъ ихъ вслѣдствіе своей грубой натуры, недостойной любви отъ кого бы то ни было. Герой Лермонтова и его наслѣдники отпускаютъ мѣткія слова охлажденнаго свойства, — бреттёръ Тургенева тоже остритъ и любитъ фразу, но въ словахъ его все тупо и нескладно, хотя и наполнено охлажденіемъ. — Печоринъ и его собратія убѣждены въ своемъ превосходствѣ надъ другими смертными, Авдѣй Лучковъ также самолюбивъ, какъ и они, но его самолюбіе не сглажено ни воспитаніемъ, ни блестящей обстановкою, а оттого оно высказывается во всей своей дикости. Убійца бѣднаго прапорщика Грушницкаго рисуется передъ нами какъ какое-то неумолимое созданіе, сотворенное для бѣды другимъ людямъ, величественное въ самомъ злѣ, — этого не находимъ мы въ зломъ бреттёрѣ Тургенева, такомъ же убійцѣ, какъ и Печоринъ. Сведите вмѣстѣ обоихъ героевъ, откиньте поэтическую грусть, которой такъ много пошло на созданіе Героя нашего времени, поставьте Авдѣя Лучкова на нѣсколько ступенекъ выше, относительно блеска и просвѣщенія, — васъ поразитъ обиліе общихъ чертъ уже въ томъ, какъ и въ другомъ характерѣ. Озлобленность, жосткость натуры, фразерство, отсутствіе нѣжности и общительности наполняютъ собой души этихъ охлажденныхъ смертныхъ, — оба они сходны съ грубымъ

Digitized by Google

толстякомъ въ толпѣ, который кричалъ и жаловался на тѣсноту, самъ тѣсня и толкая своихъ сосѣдей.

Всѣ приключенія Авдѣя Лучкова, самый выборъ идеалиста-Кистера въ его соперники — вполнѣ обозначаютъ ясный взглядъ г. Тургенева на личность бреттёра. Мы можемъ пожалѣть только объ одномъ: зачѣмъ означенная повѣсть написана въ 1846, а не въ 1854 году. Въ 1854 году нашъ авторъ думалъ о своемъ Яковѣ Пасынковѣ, объ оправданіи свѣтлыхъ и симпатическихъ сторонъ стараго идеализма, — о мечтателяхъ чистыхъ душою, надъ которыми когда-то немало глумились наши умники. Тогда онъ не задумалъ бы изобразить въ корнетѣ Кистерѣ тупого мальчика, тогда онъ взглянулъ бы на столкновеніе между двумя своими героями глазомъ серьознаго мыслителя. Сверхъ того, новая критика лучше бы оцѣнила Бреттёра, чѣмъ это сдѣлала критика старая. А въ этомъ отношеніи твердое одобреніе цѣнителя было бы весьма полезно.

И такъ, по нашему мнѣнію, повѣсть «Бреттёръ» заслуживаетъ особливаго вниманія между всѣми произведеніями Тургенева. Она важна еще потому, что въ ней хранится, такъ сказать, залогъ на дальнѣйшее развитіе, а залогъ этотъ (помимо достоинствъ художественныхъ) есть сила въ анализѣ, не допускающая писателя отрѣшаться отъ самостоятельности въ воззрѣніяхъ. Иногда и въ заблужденіяхъ человѣка сказываются намъ лучшія способности его духа, очень часто колебанія даровитаго писателя кидаютъ свѣтъ на степень таланта, ему даннаго. Тоже и съ Тургеневымъ, какъ мы имѣли случай видѣть при разборѣ «Колосова» и «Бреттёра». Въ замыслѣ первой вещи онъ вполнѣ поддался чуждымъ вліяніямъ, но выкупилъ свой грѣхъ прелестью изложенія; во второй онъ началъ съ рутины, а покончилъ дѣло, какъ разумный мыслитель, умѣющій быть независимымъ. Въ другихъ слабѣйшихъ вещахъ, онъ не давалъ воли своему поэтическому призванію, безплодно подчинялъ себя духу современнаго анализа, но у него уже зарождался свой анализъ надъ анализомъ, свой собственный судъ надъ современностью. Поэтическій кругозоръ нашего автора еще не могъ назваться огромнымъ, но въ замѣнъ того онъ не былъ узокъ. Онъ-то помѣшалъ Тургеневу всю его жизнь ходить по избитымъ тропамъ и оттого его жорж-сандизмъ окончился съ «Колосовымъ», его несвдореальность умерла съ «Пѣтушковымъ» и «Разговоромъ на большой дорогѣ». Въ замѣнъ того, разъ коснувшись круга идей, допускающихъ просторъ таланта, идей еще не испошленныхъ и поддающихся самостоятельной разработкѣ, нашъ повѣствователь,

Digitized by Google

не смотря ни на какія колебанія, — пріучился не отходить отъ нихъ послѣ первой попытки. Онъ не закончилъ «Записокъ Охотника» двумя или тремя разсказами, но велъ ихъ долго, укрѣпляясь въ силахъ, осваиваясь со своей задачей по мѣрѣ ея развитія. Точно также не покончилъ онъ съ строгимъ анализомъ современнаго героя, до такой степени удачно выполненнымъ въ «Бреттёрѣ». Отъ страдальцевъ озлобленныхъ перешелъ онъ къ страдальцамъ меланхолическимъ и потребовалъ ихъ на судъ, хотя и несравненно снисходительнѣйшій, чѣмъ судъ, занимавшійся особой бреттёра Лучкова, Года черезъ четыре послѣ повѣсти «Бреттёръ», нашему автору пришла въ голову плодотворная мысль о «Лишнемъ Человѣкѣ» — та мысль, въ которой таилось зерно многихъ будущихъ созданій, «Рудина» между прочимъ.

5.

«Дневникъ Лишняго Человѣка» былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», за 1850 годъ. Повѣсть имѣла видъ вещи недодѣланной, написанной черезъ силу, — а что всего невыгоднѣе: ее какъ бы насквозь проникалъ тотъ заунывно-тусклый тонъ разсказа, который успѣлъ опротивѣть русскому читателю чрезъ частое, многолѣтнее повтореніе. Публика встрѣтила «Дневникъ» довольно холодно: иные цѣнители, не взирая на все свое сочувствіе къ Тургеневу, замѣтили во всеуслышаніе, что въ нашей новой словесности и безъ «Лишняго Человѣка» слишкомъ много госпитальныхъ фигуръ, сѣтующихъ на свою судьбу, да умирающихъ отъ чахотки по разнымъ унылымъ захолустьямъ. И замѣчанія цѣнителей, и холодность публики имѣла свое основаніе. Дѣйствительно, наша беллетристика за цѣлое десятилѣтіе успѣла уже прискучить своимъ направленіемъ — кислымъ, печальнымъ, тоскливымъ, однообразно нахмуреннымъ направленіемъ. Писатель, конечно, воленъ касаться всѣхъ возможныхъ сторонъ жизни, никто не долженъ препятствовать ему въ разработкѣ самыхъ темныхъ проявленій въ обществѣ; но въ видахъ искусства необходимо, чтобъ сказанная разработка производилась съ силою поэтическою, а не съ той безсильной лѣностью, которая дастъ разскащику видъ человѣка говорящаго съ читателемъ нехотя, какъ бы изъ милости. Гоголь въ этомъ отношеніи (и мы о томъ говорили уже одинъ разъ въ нашей статьѣ) представлялъ всѣмъ новѣйшимъ писателямъ примѣръ достойный вниманія. Ничто не можетъ быть грустнѣе похожденій Поприщина, Акакія Акакіевича, наконецъ художника Пискарева въ «Невскомъ Проспектѣ». Болѣзнен-

Digitized by Google

ные и загнанные судьбой люди, сейчасъ названные, конечно, не пробудятъ въ читателѣ идилическаго или панглосовскаго настроенія, но имѣютъ ли они въ себѣ хотя что-нибудь кислое, — принадлежитъ ли исторіографъ къ числу лицъ, говорящихъ нехотя? Отразились ли на манерѣ Гоголя, могучаго творца объективныхъ образовъ, болѣзненныя особенности героевъ имъ избранныхъ? отрѣшился ли нашъ великій художникъ, хотя бы въ одной слабой подробности, отъ частицы энергіи, его таланту свойственной? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, скажемъ мы съ полнымъ убѣжденіемъ. Гоголь ни разу не говоритъ читателю: «говоря о печальныхъ дѣлахъ, я приму печальную мину; изображая бѣдныя личности, я потороплюсь самъ сдѣлать гримасу покислѣе.» Тонъ его остается однимъ и тѣмъ же въ «Шинели» и въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ»; рука, набросавшая «Портретъ», также твердо держитъ свою кисть, рисуя лицо «Сумасшедшаго». Онъ всегда одинаковъ съ читателемъ, ибо всегда стоитъ одинаково высоко надъ міромъ, имъ изображаемымъ. Онъ не допускаетъ сантиментализма ни въ свѣтлую, ни въ темную сторону. Его глубоко оскорбило бы извѣстіе о томъ, что читатель, пробѣгая повѣсти Гоголя, сидитъ въ уныломъ положеніи, съ опущенной головою, съ безплодно-плаксивыми колебаніями въ сердцѣ. Въ Гоголѣ не найдемъ мы ничего тусклаго и уныlаго: при самыхъ грустныхъ разсказахъ взглядъ его не менѣе зорокъ, рѣчь не меньше энергична, какъ при разсказахъ, исполненныхъ смѣха или свѣтлой поэзіи. Всего этого не видали многіе изъ хвалителей Гоголя, да и всѣ его литературные послѣдователи. По милости этихъ особъ, нелишенныхъ дарованія, но черезчуръ субъективныхъ въ своихъ твореніяхъ, наша новая литература и пріобрѣла тотъ госпитальный запахъ, отъ котораго не легко ей было отбиться. Въ 1850 году запахъ, о которомъ говоримъ мы, былъ открытъ и указанъ, его уже начинали выкуривать прочь, — а какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, общее сознаніе о присутствіи непріятнаго запаха дѣлало его еще болѣе ощутительнымъ.

Въ такую-то невыгодную пору подоспѣлъ «Дневникъ Лишняго Человѣка.» Тонъ разсказа, можетъ быть, доставившій бы ему сильный успѣхъ за пять лѣтъ назадъ, въ 1850 году показался крайне устарѣлымъ, а потому вся повѣсть встрѣчена была совсѣмъ не такъ, какъ на того заслуживала. Нынѣ она появляется снизнова, послѣ «Рудина» и «Двухъ Пріятелей,» разливающихъ особенный свѣтъ на ея нѣкоторыя загадочныя стороны. Шесть лѣтъ, протекшія между двумя изданіями «Дневника», прошли не безплодно,

Digitized by Google

какъ для литературы, такъ и для многихъ вопросовъ, нераздѣльныхъ съ ходомъ словесности, — а потому мы и находимъ возможность отдать справедливость лучшей сторонѣ сказаннаго произведенія.

Въ «Дневникѣ Лишняго Человѣка», какъ и слѣдуетъ ожидать, одинъ только герой: больной помѣщикъ Чулкатуринъ, самъ себя называющій лишнимъ человѣкомъ. Почему именно признаетъ онъ себя существомъ лишнимъ на свѣтѣ, — объ этомъ дневникъ его даетъ намъ понятіе въ немногихъ, словахъ, обильныхъ горькой иронісй.

«Я именно человѣкъ лишній. Къ другимъ людямъ это слово непримѣнимо... Люди бываютъ добрые, злые, умные, глупые, пріятные или непріятные, но лишніе... нѣтъ!.. Безполезность не главное ихъ качество, и вамъ, когда вы говорите о нихъ, слово «лишній» не первое приходитъ на языкъ. А я... про меня ничего другого и сказать нельзя... лишній да и только. Сверхъ-штатный человѣкъ — вотъ и все. На мое появленіе природа, очевидно, не разсчитывала и вслѣдствіе того обошлась со мной, какъ съ нежданнымъ и незваннымъ гостемъ. Недаромъ про меня сказалъ одинъ шутникъ, большой охотникъ до преферанса, — что моя матушка мною обременилась... *Во все продолженіе моей жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ быть оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ гдѣ бы слѣдовало...*

Въ этомъ литературномъ отрывкѣ (а продолженіе его вполнѣ достойно начала) сказываются намъ и здравость авторскаго замысла, и богатство поэтическаго воззрѣнія въ повѣствователѣ. Уступая современной рутинѣ въ тонѣ разсказа, Тургеневъ отходитъ отъ нея во многихъ частностяхъ, особенно въ чрезвычайно значительномъ выраженіи: «во все продоженіе моей жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ быть оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, гдѣ бы слѣдовало.» Свѣтлую эту мысль необходимо имѣть въ виду всякому цѣнителю, пытающемуся комментировать послѣднія произведенія нашего автора, исходомъ которыхъ все-таки служитъ Чулкатуринъ, не взирая на его отчасти госпитальныя качества. Человѣкъ, не находящій себѣ мѣста на свѣтѣ, потому *можетъ быть*, что ищетъ себѣ мѣста не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, — не есть уже простой, захандрившійся герой, такъ любимый нашими старыми нувелистами. Страданія его уже не принадлежатъ къ вѣдѣнію одной медицины или скорѣе — ея отдѣла о душевныхъ болѣзняхъ. На горести его никто не имѣетъ права глядѣть съ унылымъ выраженіемъ безплоднаго сожалѣнія, ибо онѣ кроются не въ одномъ разстройствѣ организма физическаго, не въ одномъ раздраженіи тлѣнныхъ мыслей, не въ одной вялости нравственной. Лицо лишняго человѣка можетъ назваться лицомъ до-

Digitized by Google

вольно рѣдкимъ въ современномъ обществѣ, но никакъ не исключительнымъ. Въ созданіи его поэтъ не увлекся ни причудливостью, ни подражательностью; трудъ разскащика здѣсь не можетъ назваться пѣсней съ чужого голоса или дидактическимъ памфлетомъ. Больной и унылый Чулкатуринъ есть типъ своего рода, типъ, принадлежащій кружку небольшому, но замѣчательному. Онъ истинно лишній человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ лишнихъ людей, безъ которыхъ не существуетъ ни одного молодого общества.

Чтобы достаточно оцѣнить законность «Лишняго Человѣка» въ литературѣ, необходимо будетъ вдаться въ нѣкоторыя общія соображенія какъ о самомъ субъектѣ, такъ и о недугѣ, которому онъ подверженъ. Всякое общество, въ особенности юное и быстро просвѣщающееся, можетъ указать на нѣкоторое число лицъ, по своему нравственному развитію достойныхъ зваться передовыми людьми извѣстнаго народа. По уму своему, по воспитанію, по избытку благородныхъ чувствъ, наконецъ, по счастливо-сложившимся событіямъ первой юности, такіе люди не только зовутся цвѣтомъ всего общества, но совокупностію своей дѣятельности приносятъ ему богатые плоды въ будущемъ. Изъ такихъ людей выходятъ мыслители и администраторы, поэты и герои, артисты и джентльмены (принимая это слово въ его истинномъ значеніи). Но, къ сожалѣнію, изъ того же класса людей зараждаются или страдальцы своего генія (впрочемъ, подобные люди рѣдко остаются непризнанными), или, что бываетъ гораздо чаще, лица, гибнущія отъ неспособности употребить свои силы для блага себѣ и своимъ собратіямъ. Причина бѣдствія тутъ весьма понятна. Человѣческое общество не есть торговое депо, гдѣ всякій товаръ, пригодный и раскупаемый тотчасъ же, находитъ себя мѣсто по изъявленіи на него потребности; а одаренные люди не имѣютъ сходства съ сырыми произведеніями, отсылаемыми для сбыта туда, гдѣ оказывается на него наибольшій спросъ. Съ другой стороны и одаренные люди по временамъ безсознательно уклоняются отъ своего долга, состоящаго въ томъ, чтобъ добросовѣстно искать въ обществѣ почвы, необходимой для ихъ дѣятельности. Отъ разлада между двумя силами, необходимыми одна для другой, безпрерывно происходятъ печальныя явленія и въ самомъ обществѣ, и еще болѣе, въ существованіи людей, щедро одаренныхъ природою. Тутъ надо искать основаніе героевъ, на первый взглядъ кажущихся озлобленными, мрачными, унылыми, непрактическими, вялыми, — наконецъ *лишними*. Законъ природы тутъ часто приходитъ на помощь подобнымъ натурамъ, помогая имъ сживаться со всѣми

Digitized by Google

несовершенствами свѣта. Но не всѣ натуры, подготовленныя къ полезной общественной дѣятельности, бываютъ способны на тяжелую и сугубую борьбу, за которой часто слѣдуетъ слава съ примиреніемъ. Не всѣ развитые дѣятели практичны по своей натурѣ, не всѣ они одарены нравственною силою, способностью къ труду и терпѣніемъ. Многіе уклоняются отъ дѣла при самомъ его началѣ. Многіе, начавши трудъ важно и благородно, сами производятъ себя въ лишніе люди и, въ добавокъ, еще грустно тѣшатся своимъ безсиліемъ.

Лишніе люди бывали всегда и во всѣхъ обществахъ, только видоизмѣненія ихъ различны въ каждомъ поколѣніи. Во всѣхъ просвѣщенныхъ классахъ каждаго народа они чахнутъ и живутъ, но типы ихъ бываютъ несходны между собою. Г. Тургеневъ видалъ на своемъ вѣку не мало лишнихъ людей и имѣлъ случай изучить ихъ добросовѣстно. На его глазахъ выступилъ въ міръ науки, литературы и гражданской дѣятельности цѣлый кругъ юношей, щедро одаренныхъ природою, исполненныхъ вѣры во все прекрасное. Многіе изъ этихъ сверстниковъ его ученическихъ годовъ съ разу поняли свое призваніе и отыскали для себя утѣшительную дѣятельность. Иной изъ нихъ отдалъ всю свою душу наукѣ, другой сталъ служить отечеству болѣе практической службою, третій прославилъ свое имя въ мірѣ поэзіи. Другимъ житейскій успѣхъ дался труднѣе. Житейская дѣятельность не принесла съ собой лавровъ и розъ; но они, послѣ нѣсколькихъ колебаній, твердо пошли по своей скромной и, можетъ быть, самой счастливой дорогѣ. Третьи не нашли себѣ мѣста для дѣятельности, можетъ быть, потому, что, какъ чахоточный Чулкатуринъ, искали это мѣсто не тамъ, гдѣ его искать слѣдовало. Общество ихъ не поняло и они не захотѣли уразумѣть общества, а потому ихъ вѣкъ стоитъ назваться вѣкомъ истинно-лишнихъ людей, достойныхъ одного сожалѣнія.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ, нѣсколько низшемъ разрядѣ людей лишнихъ. Этотъ разрядъ — довольно многочисленный и самый несчастный въ мірѣ состоитъ изъ лицъ далеко не передовыхъ по дарованію, но по положенію своему стоявшихъ нѣкоторое время въ кругѣ наиболѣе развитыхъ личностей своего времени. Вовлеченные въ міръ людей сильныхъ по уму и просвѣщенію, подготовленныхъ къ жизненной борьбѣ, они сами ни къ чему не готовы и ни въ чемъ не имѣютъ силы. Отъ сознанія своей слабости въ нихъ развивается съ особенной силою та стыдливость, мнительность, раздражительность, которыя дѣлаютъ

Digitized by Google

этотъ разрядъ лишнихъ людей еще болѣе негоднымъ къ практической дѣятельности. Такимъ несчастливцамъ не бываетъ пріюта ни гдѣ — ни въ водоворотѣ житейскихъ здоровыхъ интересовъ, ни на прохладныхъ метафизическихъ вершинахъ, часто посѣщаемыхъ болѣе одаренными, хотя и лишними ихъ сверстниками. Ихъ страданія никого почти не трогаютъ, ихъ голосъ не слушается ни кѣмъ, ихъ болѣзненное самолюбіе вѣчно пугается и мучится отъ самой простой причины. Въ толпѣ безполезнѣйшихъ членовъ общества, въ заднихъ рядахъ науки и литературы, на заднихъ дворахъ нашей журналистики, имѣлось всегда нѣсколько жалкихъ людей такого разбора, очень часто добрыхъ по натурѣ, но остающихся безъ дѣла, или вдающихся въ постыдныя крайности отъ сознанія своего ничтожества. Къ такому плачевному разбору людей надобно быть жалостливымъ и сострадательнымъ, хотя бы они, повидимому, стояли противнаго, хотя бы они, въ безнадежномъ своемъ ослѣпленіи, изрыгали хулу на все то, что мы считаемъ прекраснымъ въ мірѣ искусства. Если бы люди, издѣвающіеся надъ жалкими литературными крикунами, надъ бездарными зоилами ничтожнаго разряда, знали достаточно, сколько горя и страданія скрыто въ этихъ, повидимому, смѣшныхъ лишнихъ чудакахъ, ихъ бы отзывы и шутки прекратились въ минуту. Но пора перейти къ «Дневнику Лишняго Человѣка».

Чулкатуринъ г. Тургенева есть нѣчто среднее между высшимъ и низшимъ разрядомъ лишнихъ людей: онъ недостаточно даровитъ для того, чтобъ имѣть право на широкую дѣятельность въ свѣтѣ, но не столько бездаренъ, чтобъ быть ниже какой бы то ни было дѣятельности. Онъ уменъ, но умъ его сходенъ съ умомъ дитяти, озадаченнымъ массою только-что пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, поставленномъ въ невозможность сдѣлать изъ нихъ какое-либо примѣненіе. Онъ образованъ на столько, чтобъ отдѣлиться отъ массы невѣждъ и пошляковъ обыденнаго міра, но не на столько, чтобъ получить полное сознаніе своего долга къ обществу и людямъ. Онъ мнителенъ, ребячески самолюбивъ и даже жолченъ; но жолчь Чулкатурина, какъ это всегда бываетъ у подобныхъ людей, обращается на него самого, не на что-либо другое. Чулкатуринъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ своей неспособности тягаться съ жизнью, что даже не можетъ ѣдко говорить о жизни: онъ ѣдокъ лишь говоря о себѣ самомъ, на себя самого изливаетъ онъ горькій юморъ, накопившійся въ его душѣ, за долгое время испытаній. Сознаніе собственной неспособности, о которой говоримъ мы, въ «Лишнемъ Человѣкѣ» есть черта типическая, дающая

Digitized by Google

жизнь и красу всему представленію. Кто изъ насъ не встрѣчалъ въ жизни цѣлаго разряда несомнѣнно хорошихъ людей, опустившихъ руки, съежившихся нравственно и повторяющихъ при всякомъ столкновеніи съ міромъ дѣйствительности: «Я здѣсь ничего не могу сдѣлать, я человѣкъ мысли, — я существо неспособное». Нечего и говорить о томъ, что въ бо́льшей части особъ, такъ говорящихъ, нѣтъ никакой неспособности или несостоятельности, — что они сами напустили на себя это несчастное сознаніе, и вяло сложили руки тамъ, гдѣ всякій трудится, исполняя свой долгъ по мѣрѣ средствъ, ему данныхъ.

Готовность помянутно признавать себя неспособными, печальное уклоненіе отъ всякой житейской дѣятельности — есть серьозная болѣзнь многихъ просвѣщенныхъ людей нашего времени. Мечтая о подвигахъ, для нихъ недоступныхъ, такіе люди упускаютъ изъ вида настоятельный долгъ жизни, сказывающейся имъ помянутно; напрягая свое зрѣніе не въ ту сторону, куда слѣдуетъ, они не видятъ предметовъ, стоящихъ передъ ихъ носомъ. Замкнувшись въ своемъ унылом рефлектерствѣ, они обманываютъ и себя и общество, имѣющее право требовать отъ нихъ труда на пользу общую. Подумаемъ о томъ, сколько зла происходитъ въ свѣтѣ отъ преувеличеннаго мнѣнія многихъ умныхъ людей по поводу своей неспособности. Сколько у насъ благодушнѣйшихъ идеалистовъ, не желающихъ заниматься своимъ имуществомъ, поручающихъ его управленію наемщика, избѣгающихъ всякой мысли о порядкѣ въ имѣніи — и все это на основаніи своей мнимой неспособности къ практическому дѣлу! Мало ли у насъ чиновниковъ, истинно желающихъ добра, поставленныхъ въ возможность бороться съ злоупотребленіями, — а вмѣсто добра и борьбы со зломъ повторяющихъ съ вялостью: «я человѣкъ слабый, у меня нѣтъ силъ на такое дѣло!» И въ мірѣ науки, и въ простой свѣтской жизни сколько найдемъ мы такихъ же вялыхъ героевъ, съ ихъ странными понятіями о самихъ себѣ, съ недовѣріемъ къ силѣ человѣческой воли, съ безплодными началами фатализма въ убѣжденіяхъ! Такъ, полезное предпріятіе, задуманное превосходно, глохнетъ отъ недостатка энергіи въ основателяхъ, — въ другомъ мѣстѣ люди становятся похожи на гнилое дерево, къ которому страшно прислониться, потому что оно сейчасъ затрещитъ и свалится. Вялые и нравственно-неряшливые люди зарождаютъ вокругъ себя атмосферу нравственнаго неряшества, съ которою знакомъ всякій, кто сколько-нибудь жилъ въ современномъ обществѣ. Не отъ лжи, не отъ злонамѣренности людей совершается великое количество не-

Digitized by Google

правды въ обществѣ: она происходитъ по большей части отъ нашей вялости, отъ непониманія человѣческаго достоинства, отъ неумѣнія просвѣщенныхъ людей стоять на своихъ ногахъ. Когда-то мы были ужъ очень горды и упивались «Корсаромъ» Байрона; теперь мы умалились духомъ до того, что намъ стало ни во что считать себя лишними персонами съ обществѣ. Мы разкисаемъ, поддаемся моральному неряшеству, боимся смѣло глядѣть въ глаза другимъ людямъ, рефлектерствуемъ и хандримъ, — а во всемъ этомъ, конечно, часть вины выпадаетъ на долю людей *лишнихъ*, или зовущихъ себя лишними.

Вотъ на какую точку зрѣнія цѣнитель долженъ стать для того, чтобъ съ полнымъ сознаніемъ судить о типическихъ сторонахъ лишняго человѣка такъ, какъ онѣ выражены въ повѣсти г. Тургенева. Чулкатурина, конечно, заслуживаетъ нѣкотораго презрѣнія за свою нравственную вялость; но какъ человѣкъ, взятый изъ дѣйствительности, олицетворяющей собою извѣстныя стороны своего поколѣнія, онъ имѣетъ право на все наше вниманіе. Еслибъ онъ и не былъ тѣмъ кроткимъ, убитымъ судьбою, поэтически-развитымъ существомъ, какое является намъ въ «Дневникѣ», мы и тогда признали бъ въ немъ своего рода симпатичность. Нельзя не пожалѣть о томъ, что Тургеневъ представилъ намъ Чулкатурина чахоточнымъ, умирающимъ, прощающимся съ жизнью. Вслѣдствіе этой прихоти, имѣющей въ себѣ нѣчто рутинное, сочувствіе цѣнителя, отвращаясь отъ страданій Чулкатурина, какъ человѣка лишняго тянется къ тому же герою, какъ къ бѣдному и одинокому паціенту, осужденному на скорую кончину. Для того, чтобъ наблюдать за тонкими сторонами души человѣческой, надо видѣть ее въ нормальномъ положеніи, — не въ періодъ безнадежности или неизцѣлимаго отчаянія. Не грустный мотивъ повѣсти намъ непріятенъ, непріятно намъ то, что грусть, ее наполняющая, частію происходитъ отъ причинъ внѣшнихъ и нарочно придуманныхъ сочинителемъ. Какъ дневникъ безнадежно-больного, Записка Чулкатурина совершенство въ своемъ родѣ — нѣкоторыя его страницы словно написаны послѣ тяжкаго пароксизма лихорадки; другія же напоминаютъ намъ, если позволено такъ выразиться, *свѣтлыя минуты болѣзни*, съ оттѣнками успокоенія нѣжной мечтательности, трогательныхъ душевныхъ порывовъ. И все-таки, за интересомъ патологическимъ отчасти меркнетъ психологическая сторона разсказа, а самъ лишній человѣкъ дѣйствуетъ передъ читателемъ лишь въ одномъ эпизодѣ своей жизни, эпизодѣ любовномъ, какъ про то можно догадаться.

Digitized by Google

Вообще нашъ авторъ (какъ мы уже видѣли при разборѣ «Колосова») слишкомъ часто вредитъ замыслу важныхъ повѣстей чрезъ свое пристрастіе къ любовнымъ приключеніямъ. Конечно, онъ весьма силенъ въ разсказахъ, основанныхъ на любви; конечно, сама тема, по своей неистощимости, представляетъ много простора его дарованію, но бываютъ обстоятельства, при которыхъ повѣствователю не безполезно сдерживать себя по сказанной части. Еслибъ «Дневникъ Лишняго Человѣка» составлялъ цѣлую книгу, исторія Чулкатурина и Лизы Ожогиной нисколько бы не вредила идеѣ всей вещи; но теперь, при небольшомъ объемѣ повѣсти, она поглощаетъ собою цѣлый «Дневникъ» и всего героя. Только черезъ этотъ эпизодъ, и то мимоходомъ, — признаемъ мы въ бѣдномъ Чулкатуринѣ человѣка, исполненнаго благородныхъ стремленій, кроткое существо, жаждущее любви, способнаго и на счастье, и на трудъ и на примиреніе съ жизнью. Мы видимъ въ немъ и умъ, и нравственное развитіе, и образованіе несравненно высшее той бѣдной сферы, куда судьба его бросила. Вся исторія Лизы и Чулкатурина дѣлаетъ величайшую честь автору, — но значительно ли она подвигаетъ насъ въ познаніи лишнихъ людей? обнимаетъ ли она собою жизнь и духовный міръ героя, долженствующаго оказаться лицомъ типическимъ? Какъ ни вялъ и какъ ни хрупокъ Чулкатуринъ, всякій юноша скажетъ вамъ, что не можетъ же человѣкъ взрослый вконецъ погибнуть отъ одной неудачной любви къ кому бы то ни было. Каждый строгій изслѣдователь современныхъ недуговъ пожелаетъ увидать лишняго человѣка въ столкновеніи съ другими важными сторонами жизни; а столкновенія эти, составляющія сущность всего замысла повѣсти, совершенно упущены изъ вида ея авторомъ. Жизнь наша состоитъ не изъ одной любви и не изъ однихъ умозрѣній надъ своей персоною: есть въ ней практическія стороны, съ которыми ни одинъ смертный не избѣгнетъ коллизіи; а между тѣмъ, Чулкатуринъ, лишній человѣкъ современнаго общества, живетъ какъ бы внѣ свѣта и всѣхъ его интересовъ. Мы даже не знаемъ, какъ онъ воспитывался, чѣмъ добывалъ онъ себѣ кусокъ хлѣба, почему именно онъ даетъ замѣтить, что искалъ себѣ мѣста, можетъ быть, не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Есть еще одна совершенно неразъясненная черта въ лишнемъ человѣкѣ: разсказывая о своей несчастной страсти, онъ набрасываетъ страницы восхитительной прелести...

Страницы эти, исполненныя высокой поэзіи, не есть авторская прихоть, не представляютъ разлада съ общимъ изложеніемъ дневника. Г. Тургеневъ не заставитъ ничтожнаго человѣка говорить

Digitized by Google

такъ очаровательно: ни Пѣтушковъ, ни Астаховъ въ «Запискахъ» у него не произнесутъ такой крылатой лирической рѣчи. Стало быть, мы получаемъ право признать въ «Лишнемъ Человѣкѣ» духъ поэтически развитый, очи не чуждыя высокаго просвѣтлѣнія. Этому грустному дитяти вѣка нашего судьба послала на помощь крылатаго генія поэзіи, — если не той поэзіи, которая идетъ въ печать и даетъ славу смертнымъ, — то по крайней мѣрѣ той, что озаряетъ и *осмысливаетъ* всю жизнь нашу. Любимая дѣвочка въ рощѣ, при солнечномъ закатѣ, еще не вырветъ могучаго поэтическаго звука изъ души, неодаренной способностью на подобные звуки. Герой г. Тургенева, какъ мы имѣемъ право его понимать, былъ вооруженъ однимъ лишнимъ доспѣхомъ для борьбы жизненной; но какой же причинѣ мы, едва познакомившись съ нимъ, видимъ его безоружнымъ, слабымъ, истекающимъ кровью? Мы желаемъ знать, въ подробности знать о томъ, далеко ли провожалъ его на пути жизни крылатый геній, ему посланный, сколько разъ освѣщалъ онъ тернистую дорогу несчастнаго смертнаго, вслѣдствіе какихъ причинъ отлетѣлъ онъ отъ него, послѣ долгой борьбы, въ существованіи которой сомнѣваться невозможно? На вопросы эти «Дневникъ Лишняго Человѣка» даетъ мало отвѣтовъ. Читателю предоставляется право думать, что вся исторія лишняго человѣка замкнута въ картинахъ его бѣдной любви, — но мы не можемъ такъ думать, не смотря на все наше довѣріе къ разскащику.

Мы обсудили, на сколько могли, главныя достоинства и главные недостатки одной изъ повѣстей Тургенева, наиболѣе важныхъ въ цѣпи его произведеній. Затѣмъ, общій выводъ скажется самъ собою «Дневникъ Лишняго Человѣка», не взирая на многія несовершенства исполненія, стоитъ назваться явленіемъ отраднымъ и много обѣщающимъ. По идеѣ своей, онъ касается тонкихъ, и въ высшей степени замѣчательныхъ явленій въ современномъ обществѣ, — исполненіе его, хотя и имѣющее весьма замѣтный разладъ съ сказанной идеею, стоитъ великой похвалы въ художественномъ отношеніи. Форма дневника, допускающая нѣкоторыя уклоненія отъ объективности въ представленіяхъ, какъ нельзя лучше подходитъ къ дарованію автора, за него взявшагося. Не во многихъ повѣстяхъ Тургенева встрѣчаются проблески поэзіи столько же сильные, какъ въ «Дневникѣ Лишняго Человѣка.»

И, наконецъ, что можетъ быть важнѣе всего въ повѣсти: мысль ея показываетъ намъ г. Тургенева поэтомъ болѣе и болѣе крѣпнущимъ въ своемъ міросозерцаніи, достаточно подготовлен-

Digitized by Google

нымъ къ тому, чтобы въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ снова коснуться важной темы только что затронутой въ «Дневникѣ Лишняго Человѣка.»

6.

Томасъ Карлейль, въ одной изъ своихъ знаменитыхъ статей о германской литературѣ, высказываетъ замѣчаніе, отчасти туманное, но исполненное правды въ его нравственномъ примѣненіи. «Когда спящій человѣкъ (таковы слова Карлейля), во время сонныхъ грезъ, говоритъ себѣ: «кажется, я сплю и вижу сны», значитъ минута его пробужденія, не заставитъ ждать себя долго».

Когда первоклассные писатели даннаго періода словесности начинаютъ анализировать то направленіе, которому сами прежде служили съ юношескою ревностью, — значитъ, отъ нихъ не далеко пора новыхъ воззрѣній на жизнь и искусство.

Такъ было всюду, такъ было и у насъ. Время паденія французскаго вкуса совпадаетъ въ Россіи со временемъ первыхъ попытокъ нападенія на псевдоклассическія воззрѣнія драматурговъ. Первые признаки здраваго реализма въ искусствѣ быстро повлекли за собой паденіе романтизма съ идеальностью; едва литературный реализмъ пробудилъ, по своимъ несообразностямъ, нѣкоторое охужденіе въ дѣятеляхъ молодого поколѣнія, — злоупотребленія реализма стали невозможны въ нашей словесности.

Тоже въ мелочахъ и частностяхъ. Еще фразеологія Марлинскаго повергала въ восторгъ массы читателей, а ужь ея фальшивыя стороны были указаны, приняты къ свѣдѣнію и устранены новѣйшими писателями. Еще сумрачные герои Байрона волновали умы публики, а въ литературѣ нашей перевелись корсары и Манфреды. Еще унылое направленіе нашей словесности послѣ Гоголя восхвалялось журнальными цѣнителями, — а уже первые изъ нашихъ повѣствователей всюду искали новой колеи для своихъ талантовъ, со страстью предпринимали охоту за новымъ словомъ въ искусствѣ.

Г. Тургеневъ, какъ мы видѣли при разборѣ «Лишняго Человѣка», не отсталъ отъ общаго движенія, хотя, по причинѣ колебаній, неразлучныхъ съ его первой дѣятельностью, и оказался гораздо смѣлѣйшимъ на замыселъ, чѣмъ на выполненіе своихъ замысловъ. Въ положеніи «Дневника» онъ положительно вдается въ унылую рутину, по которой въ то время писались всѣ повѣсти; онъ составляетъ дѣйствующія лица по мизантропическо-юмористическому рецепту своихъ годовъ; онъ даже по временамъ смотритъ

Digitized by Google

на своего героя какъ на нормальное, совершенно необходимое и законное произведеніе современнаго общества, какъ на лицо, не подлежащее осужденію, хотя бы очень снисходительному. «Завернись въ тогу, — ложись на бокъ и умирай», вотъ заключеніе, которое можно вынести изъ всего произведенія. «Всѣ мы, больныя дѣти больного XIX вѣка, всѣ мы Чулкатурины, всѣ мы лишніе люди, — всѣ мы не находимъ себѣ мѣста и вянемъ въ неотразимомъ бездѣйствіи». Всѣ мы не находимъ себѣ мѣста, — такъ, но авторъ прибавляетъ еще: не находимъ его потому, что ищемъ этого мѣста, можетъ быть, не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Въ заключеніи этомъ лежитъ сила замысла, начало плодотворнаго анализа, начало твердаго суда надъ лишними существами. Часъ пробужденія, о которомъ говоритъ Карлейль, былъ уже весьма близокъ для повѣствователя.

Самый порядокъ трудовъ велъ г. Тургенева къ освѣженію всего своего литературнаго направленія присутствіемъ новыхъ взглядовъ. «Записки Охотника» кончились и замкнули въ себѣ все то, что могло быть въ нихъ высказано; публика, пристрастившись къ дарованію ихъ автора, дѣлалась все требовательнѣе и ждала отъ него чего-то вполнѣ достойнаго предшествовавшей дѣятельности. Повѣсть «Три Встрѣчи» уже разъ обманула ея ожиданія; даже разсказъ «Муму», не взирая на мастерство, въ немъ высказанное, не удовлетворилъ внимательныхъ цѣнителей. Когда повѣствователь или поэтъ поставилъ себя въ подобное отношеніе къ своимъ почитателямъ, ему бываетъ необходимо идти впередъ во что бы ни стало. Тутъ ему не пособятъ ни задержки шага, ни осмотрительная медленность, ни мелкія произведенія, превосходно отдѣланныя. Голосъ большинства читателей становится слышнѣе и слышнѣе; онъ громко говоритъ любимому автору — *иди, иди*, какъ говорилъ какой-то насильственный голосъ Вѣчному Жиду, въ нелѣпомъ романѣ, столько разъ переведенномъ на русскій языкъ во времена нашей молодости. Рѣдкій изъ извѣстныхъ литераторовъ безвредно выноситъ такую эпоху кризиса; рѣдкій переживаетъ ее съ полнымъ успѣхомъ. Мы не можемъ сказать, чтобы г. Тургеневъ представился въ этомъ отношеніи какимъ-то исключеніемъ изъ общаго правила, но грѣшно будетъ не признать того, что, при началѣ новой дѣятельности, онъ не остался позади общаго литературнаго движенія, не обманулъ своихъ поклонниковъ, не уклонился отъ законныхъ требованій читателя.

Съ повѣсти «Два Пріятеля» (1853 года) открыта была нашимъ авторомъ цѣлая серія произведеній, которую мы можемъ назвать

Digitized by Google

плодомъ его зрѣлаго возраста. Періодъ дидактической сантиментальности окончился для Тургенева. Онъ отбросилъ отъ себя цѣпи поэтической инерціи, такъ спутывавшія талантъ главныхъ сверстниковъ его молодости, и въ-особенности вредившія его собственному призванію. Прощаясь съ прохладными гуманическими вершинами, гдѣ пришлось ему растратить часть молодыхъ своихъ силъ, онъ обратился къ жизни съ той непосредственностью, какая только была для него возможна. Потому воззрѣніе его прояснилось и запутанныя умствованія перестали соваться между самимъ поэтомъ и его героями. Въ «Двухъ Пріятеляхъ» мы уже не видимъ ни байронизма, ни жоржъ сандизма, ни гоголевскаго элемента, понятаго съ мизантропической точки зрѣнія. Герой повѣсти уже не юноша, чуждый спасительныхъ оковъ долга, не озлобленный мечтатель, считающій міръ за нѣчто себя недостойное, не убитый судьбою Чулкатуринъ, которому остается завернуться въ свой плащъ и умереть не безъ иронческаго прощанія со свѣтомъ. Герой «Двухъ Пріятелей» есть человѣкъ дѣйствительно лишній, но не оправданный сочинителемъ. Вязовнинъ г. Тургенева оказывается лишнимъ по своей собственной совращенности, по своему собственному неповиновенію священнымъ законамъ общества, обрекающимъ каждаго смертнаго трудиться въ потѣ лица, имѣть какое-либо серьозное дѣло въ жизни. Въ Вязовнинѣ, какъ и въ Чулкатуринѣ, мѣтко указана болѣзнь угасшаго поколѣнія людей, нынѣ уже излѣчившихся или сходящихъ со сцены за неспособностью. Но въ «Дневникѣ Лишняго Человѣка» недугъ изображенъ еще законнымъ и неотразимымъ, тогда какъ въ «Двухъ Пріятеляхъ» предана на общій судъ апатія человѣка, неумѣющаго бороться съ означеннымъ недугомъ.

Мы уже замѣтили въ одной изъ статей нашихъ, что не одинъ изъ героевъ Тургенева кажется намъ безцвѣтнымъ по неопредѣленности своего общественнаго положенія. Въ строгомъ смыслѣ слова, едва ли не одни герои «Записокъ Охотника» изъяты отъ такого нарѣканія, ибо они, такъ сказать, прикрѣплены къ извѣстному уголку Россіи, сжились съ нимъ, представляютъ собой его интересы, его занятія, его свѣтлыя и темныя стороны. Передъ этими помѣщиками и мужичками, которые ходятъ на охоту, спятъ у костровъ, пьютъ водку, копятъ или проматываютъ деньги, пашутъ поля, ѣздятъ въ гости и разсказываютъ другъ-другу дѣла своей жизни, и Колосовъ, и Лучковъ, и Чулкатуринъ, и герой «Трехъ Встрѣчь» кажутся иноземными гостями, не имѣющими никакого мѣста въ раздольѣ русской жизни. Всѣ они имѣютъ около

Digitized by Google

себя атмосферу нѣкоторой необщежительности или китайскую стѣнку хитраго издѣлія, отдѣляющую ихъ отъ практической стороны нхъ родного свѣта. Человѣкъ съ такою же стѣнкою вокругъ себя дѣйствуетъ и въ «Двухъ Пріятеляхъ», по Вязовнинѣ, про котораго теперь идетъ наша рѣчь, имѣетъ одно преимущество передъ своими старшими товарищами: онъ *страдаетъ* отъ своей общественной неопредѣленности, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ *вступаетъ съ нею въ борьбу*, выдерживаетъ ее худо и за то переноситъ наказаніе, законность котораго сознаетъ со всею полнотою. Онъ уже представляется намъ не какъ необходимое произведеніе современности, не какъ полезное звѣно въ разумномъ обществѣ, но какъ созданіе нездоровое по своей винѣ и признаваемое нездоровымъ. Вязовнина не выдаетъ намъ г. Тургеневъ за лицо, достойное любви или удивленія — авторъ только даетъ намъ замѣтить, что между нами имѣется много Вязовнинныхъ; что даже всякій изъ насъ носитъ въ себѣ нѣкоторыя начала характера, имъ обрисованнаго. Поставивши дѣло такимъ образомъ, онъ дѣлается совершенно правымъ, и съ помощью разсчета, дѣлающаго честь его повѣствовательной ловкости, извлекаетъ выгоду изъ нѣкоторой безцвѣтности, даже безхарактерности своего главнаго героя.

Содержаніе повѣсти чрезвычайно просто, а между тѣмъ умно и глубоко. Борисъ Андреичъ Вязовнинъ, молодой помѣщикъ, лѣтъ двадцати шести, поразстроивъ свои домашнія обстоятельства службою въ Петербургѣ, пріѣзжаетъ въ свое имѣніе — не въ видѣ господина и хозяина, даже не въ видѣ утомленнаго смертнаго, которому такъ сладка мысль объ отдыхѣ, — но скорѣе въ образѣ нѣкоего иностраннаго гостя, изъ числа гостей, о которыхъ мы сейчасъ лишь говорили. Хозяйствомъ занимается онъ вяло, съ сосѣдями не знакомится по лѣности, а между тѣмъ скучаетъ одиночествомъ до того, что при первой встрѣчѣ съ сосѣдомъ своимъ, отставнымъ поручикомъ Крупицынымъ, дѣлается почти неразлучнымъ другомъ этого плохо-образованнаго, лѣнивато и до крайности непзящнаго человѣка. Черта подмѣчена вѣрно, и, при достаточной разработкѣ, могла бы привести автора къ полезнымъ выводамъ о значеніи *человѣка* въ глуши, о силѣ необходимости, такъ мирящей насъ съ людьми, ставящей насъ въ такое разумное къ нимъ отношеніе. Какъ бы то ни было, прямодушный Крупицынъ, не читающій книгъ и даже носящій бархатные галстухи, дѣлается необходимостью для Вязовнина, становится его нравственнымъ опекуномъ. Съ зоркостью русскаго человѣка онъ сознаетъ причину уныпія въ своемъ сосѣдѣ, пытается какъ-нибудь

Digitized by Google

прикрѣпить Вязовнина къ сферѣ, въ которой ему надо сжиться во что бы ни стало, и подастъ ему совѣтъ, старый, но вѣчноразумный, какъ вселенная, — то-есть совѣтъ жениться. Два пріятеля ѣздятъ по разнымъ сосѣднимъ семействамъ, что дастъ возможность автору набросать нѣсколько комическихъ сценъ, не лишенныхъ занимательности; но поѣздки долго не ведутъ ни къ чему: невѣсты, восхищающія Крупицына, не подходятъ къ понятіямъ его англо-французско-германскаго спутника. Такихъ невѣстъ, съ бойкими манерами, съ игрой на фортепьяно и французскимъ языкомъ, — Вязовнинъ могъ бы найти и въ Петербургѣ. Вкусъ молодого человѣка достаточно развитъ для того, чтобъ не благоговѣть передъ наружнымъ лоскомъ; Вязовнину даже противно все то, что напоминаетъ собою, въ нѣсколько опошленномъ видѣ, столичный бытъ и столичное изящество. Онъ даже способенъ понимать простоту, даже увлекаться простотою. Но способенъ ли нашъ бѣдный юноша всѣмъ сердцемъ отдаться простотѣ житейской, объ этомъ мы сейчасъ узнаемъ. *)

Мы не извиняемся ни передъ читателемъ, ни передъ г. Тургеневымъ въ длинноте этой выписки — иначе поступить было нельзя, ибо мѣсто, здѣсь приведенное, можетъ назваться едва ли не самымъ характеристическимъ во всѣхъ трехъ томахъ «Повѣстей и Разсказовъ». Оно не только поэтично и прелестно въ высшей степени, но оно какъ нельзя полнѣе подтверждаетъ главную нашу мысль о сущности всей поэзіи г. Тургенева, поэзіи тихой и юношески свѣтлой, чуждой всему унылому, всему преднамѣренно суровому. Поэтъ нашъ писалъ много сценъ мрачныхъ, сатирическихъ, юмористико-поучительныхъ; но осмѣливаемся спросить, написалъ ли онъ, увлекаясь сумрачной стороною своихъ воззрѣній, хотя что-нибудь нѣсколько подходящее къ сейчасъ выписаннымъ нами безподобнымъ страницамъ? Не изъ любви къ идилліи, не вслѣдствіе глупо-розоваго взгляда на жизнь недовольны мы Тургеневымъ-юмористомъ, Тургеневымъ-мизантропомъ, Тургеневымъ-сатирикомъ — будь въ складѣ его таланта сила въ полной мѣрѣ юмористическая, сатирическая и разрывающая сердце, — языкъ нашъ не повернулся бы на вызовъ поэта къ дѣятельности ему несродной. Тогда мы осуждали бы въ писателѣ нашемъ поползновенія къ идиллическости, точно также, какъ теперь съ сокрушеннымъ сердцемъ указываемъ на его колебанія въ сторону жоржъ-сандизма и дидактики. Дѣло не въ идеалахъ, какіе беретъ себѣ поэтъ, но въ

*) Слѣдуетъ перепечатка изъ повѣсти «Два Пріятеля.»

Digitized by Google

вѣрности этихъ идеаловъ сущности его дара. Вопросъ даже не въ томъ, имѣетъ ли право данный писатель плакать или улыбаться, но въ томъ, не насилуетъ ли онъ даннаго ему таланта, устремляясь въ сторону жизни, съ нимъ несовмѣстную. Лермонтовъ, еслибъ онъ вздумалъ описывать какія-нибудь радости счастливаго поселянина, солгалъ бы передъ своей музой точно такъ, какъ солгалъ бы передъ своей богиней нашъ Пушкинъ, затѣявши олицетворить въ Татьянѣ нѣкую истерзанную Лелію современнаго общества. Житейская скорбь и житейское блаженство сами по себѣ всегда истинны, всегда стоятъ пѣсни поэта; но поэтъ можетъ быть правдивъ или неправдивъ, силенъ или безсиленъ, смотря по тому положенію, какое онъ, съ натурой своего дарованія, приметъ относительно того и другого. Можно быть сантименталистомъ изъ сантименталистовъ, взирая на міръ и дѣла свѣта съ самой отчаянной точки зрѣнія, точно также, какъ при всей идеальности, даже ребяческой наивности воззрѣній, иной поэтъ окажется намъ истиннымъ и сильнымъ поэтомъ. Сравните хотя бы Мишле (въ его памфлетахъ и послѣднихъ историческихъ сочиненіяхъ) съ Беранже, какъ пѣвцомъ анакреонтическихъ предметовъ, достойныхъ самой вѣтренной юности, — который изъ двухъ окажется сантиментальнѣе? Повиновеніе своему призванію, — вотъ залогъ правды въ писателѣ, вотъ основаніе прямоты въ его направленіи. Тотъ поэтъ чуждъ сантиментализма, который честно служитъ своей музѣ и неуклонно идетъ лишь по одному пути, ею указанному.

Перечитывая много разъ прелестный отрывокъ, взятый нами изъ повѣсти «Два Пріятеля», мы болѣе и болѣе убѣждаемся въ томъ, что поэзія его вся основана на сущности Тургеневскаго дарованія. Въ немъ, какъ во многихъ лучшихъ страницахъ «Записокъ Охотника», авторъ сказывается намъ какъ прямой ученикъ Пушкинской школы, какъ блистательный истолкователь нашей родной жизни, поставленной подъ самымъ свѣтлымъ или подъ нѣжно-меланхолическимъ угломъ зрѣнія. Не во многихъ книгахъ, отмѣченныхъ печатью высокаго генія, найдемъ мы сцену болѣе плѣнительную, выдержанную и цѣлостную, чѣмъ сцена, приведенная нами. Она пропитана ароматомъ деревенской тишины, она сіяетъ любовью къ людямъ; поэтическая прелесть, по ней разлитая, касается даже беззубаго сутяги, «котораго стоитъ держать на цѣпи въ пугачевской башнѣ». Безъ этого непривлекательнаго лица весь концертъ способенъ разстроиться и очерки лицъ могутъ потерять свою рельефность. Поспѣшаемъ, однако, возвратиться къ повѣсти и досказать ея содержаніе.

Digitized by Google

Вязовнинъ влюбляется въ Вѣрочку, женится на ней и на первыхъ порахъ считаетъ себя счастливѣйшимъ изъ человѣковъ. Въ первое время все шло прекрасно. Вѣрочка, какъ отличная хозяйка, привела весь его домъ въ порядокъ. Онъ любовался ея нешумливой, но заботливой дѣятельностью, ея постоянно яснымъ и кроткимъ нравомъ, называлъ ее своей маленькой голландкой и безпрестанно повторялъ Крупицыну, что только теперь узналъ счастіе. Потомъ онъ замѣтилъ, что у жены его *мало ресурсовъ*. Потомъ онъ сталъ скучать, потомъ замѣтилъ, что Вѣрочка ему не пара, потомъ вздумалъ разсѣяться и уѣхалъ одинъ за границу, гдѣ и утонулъ по неосторожности. Вѣрочка погрустила о немъ, вышла замужъ за Петра Васильевича Крупицына и теперь наслаждается совершеннымъ счастіемъ. Отецъ ея, хворавшій и грустившій во все время перваго замужства Вѣрочки, переѣхалъ на житье ко второму зятю, воскресъ, оживился и сталъ по прежнему тѣмъ кроткимъ, счастливымъ старикомъ, какого мы знали прежде.

Разсказъ нашъ весьма сжатъ, даже отрывистъ; но слѣдуетъ замѣтить, что окончаніе его вышло не очень гладко и у г. Тургенева. Тамъ именно, гдѣ должна начаться глубокая нравственная драма, нашъ поэтъ, по своему неисправимому, постоянному капризу, сбиваетъ весь разсказъ въ шесть или семь страничекъ, набросанныхъ усталой рукою. Гдѣ слѣдуетъ устремить поэтически-испытующій взглядъ на своего героя, въ подробности разобрать его поступки и причину, ихъ породившую, — онъ становится небрежнѣе и небрежнѣе къ своей темѣ. Дѣло, наконецъ, доходитъ до того, что г. Тургеневъ, будто не зная, что̀ дѣлать съ своей задачей, повергаетъ Вязовнина въ морскія волны, не отступая передъ продѣлкой, совершенно недостойной всего разсказа. Такимъ образомъ, вмѣсто интереснаго слѣдствія, мы имѣемъ одно торопливое заключеніе судьи, вмѣсто важныхъ документовъ — краткое изложеніе общаго вывода. И даже къ общему выводу авторъ подступилъ невѣрнымъ шагомъ: половина обвинительныхъ пунктовъ составляется не имъ самимъ, а его читателемъ, если онъ внимателенъ.

На послѣднихъ, довольно скомканныхъ страницахъ «Двухъ Пріятелей», самъ Вязовнинъ говоритъ слова, осуждающія его полнѣйшимъ образомъ: «Если бы я былъ — говоритъ онъ — *какой-нибудь нѣмецъ или ученый*, или если бы у меня было *постоянное занятіе*, которое поглощало бы бо́льшую часть моего времени, подобная жена была бы находка; *но такъ!*... Неужто я обманулся?...

Digitized by Google

Тутъ сказывается намъ ключъ къ пониманію господъ въ родѣ Вязовнина, людей живущихъ *такъ*, безъ роли и постояннаго занятія въ обществѣ, да еще въ добавокъ считающихъ себя лицами высоко развитыми. Для нихъ не можетъ существовать счастія, ибо они не понимаютъ простыхъ отношеній къ жизни, пренебрегаютъ своимъ долгомъ, какъ члены извѣстнаго общества, и кончаютъ тѣмъ, что само общество выкидываетъ ихъ изъ себя, какъ лицъ ему совершенно ненужныхъ. Такіе люди, повидимому, способны увлекаться простотой, добромъ, правдою, — такъ и Вязовнинъ на нѣсколько дней увлекся Вѣрочкой, но въ нихъ самихъ нѣтъ порыва къ простотѣ, они ее не цѣнятъ и не любятъ всѣмъ сердцемъ. Женясь на милой и достойной женщинѣ, Вязовнинъ искалъ въ ней, не подпору, не товарища, не тихаго спутника жизни, — а какую-то хитрую игрушку, нескончаемую забаву всей жизни. Человѣкъ полный душевной вялости, чудакъ, неспособный прикрѣпить себя ни къ чему человѣческому, Вязовнинъ вознамѣрился наполнить всю свою пустоту одной женщиной — не женщиной-матерью, не женщиной-другомъ, не женщиной-хозяйкой, а женщиной-любовницей. Вышло то, чего и слѣдуетъ ожидать при всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Для бѣдняка, не умѣющаго ходить на своихъ ногахъ, не можетъ существовать никакая посторонняя помощь. Дѣвушка, которая сама требовала помощи и развитія, не получила ничего чрезъ своего вялаго друга и сама не была въ силахъ оживить его опустившуюся душу. А Вязовнинъ, послѣ напрасной попытки осмыслить свое существованіе, остался до кончины тѣмъ самымъ, чѣмъ онъ былъ и прежде, не взирая на свое тонкое бѣлье и превосходно повязанные галстухи, то-есть — нравственнымъ неряхой неисправимаго свойства.

Не смотря на всѣ недостатки заключительнаго эпизода въ «Двухъ Пріятеляхъ» — повѣсть была принята читателями такъ, какъ того заслуживала и мысль, и многія очаровательныя частности всего произведенія. Тѣмъ изъ цѣнителей, которые оказались позорче своихъ товарищей, сказалась съ особенной ясностью значительная перемѣна манеры въ повѣсти, сравнительно съ манерой предшествовавшихъ вещей Тургенева. Простота постройки (хотя и нарушенная въ концѣ исторіей утопленія), поэтическая непосредственность въ отношеніяхъ къ изображаемому быту, наконецъ (и это важнѣе всего) отсутствіе всякаго уныло-тусклаго колорита въ разсказѣ — вотъ достоинства «Двухъ Пріятелей», достаточно отмѣтившія повѣсть и какъ бы поставившія ее началомъ новаго ряда произведеній Тургенева. «Затишье», напечатанное вскорѣ

Digitized by Google

послѣ повѣсти, сейчасъ нами пересказанной, вполнѣ подтвердило дальнѣйшія ожиданія читателей.

Въ «Затишьѣ», какъ и въ «Двухъ Пріятеляхъ», продолжаетъ приводиться та же мысль о лишнихъ или неспособныхъ людяхъ, за которую мы уже столько разъ отдавали дань похвалы нашему автору. Героевъ въ повѣсти два, и оба они достойны назваться порядочными неряхами, съ моральной точки зрѣнія. Первый, Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ на поверхностный взглядъ имѣетъ нѣчто общее съ нашимъ старымъ знакомцемъ, Вязовнинымъ; но авторъ искусно затемнилъ это сходство во-первыхъ умными подробностями замысла, а во-вторыхъ комическимъ положеніемъ, въ которое Астаховъ, помѣщенъ относительно другихъ лицъ «Затишья». Астаховъ гораздо болѣе, чѣмъ Вязовнинъ, надышался фальшиво-практическимъ воздухомъ Петербурга: въ немъ уже умерли сознаніе своихъ пороковъ и порывы къ разумной сторонѣ существованія, да и сердцемъ, какъ кажется, онъ отъ природы суше Бориса Андреича. Тщательно развивая своего щеголеватаго героя, и, по мѣрѣ развитія, самъ вдумываясь въ его значеніе, г. Тургеневъ по временамъ доходитъ до чертъ истинно поэтическихъ. Не смотря на то, что Астаховъ играетъ не совсѣмъ важную роль въ повѣсти, да сверхъ того никогда не распоясывается передъ другими ея лицами — всякій человѣкъ, бывавшій въ столицахъ, подмѣтитъ въ немъ особенности цѣлаго класса петербургскихъ юношей, неспособныхъ на жизнь, вслѣдствіе самой ихъ жизни, принявшей ложно-практическое направленіе. Кто изъ насъ не встрѣчалъ этихъ чинныхъ, благообразныхъ, но безполезныхъ, душею изсушенныхъ несчастливцевъ, которые несчастны еще потому, что въ своемъ безсердечномъ ослѣпленіи имѣютъ великую вѣру въ свою полезность? Такіе люди обыкновенно нравятся въ первую бесѣду, потомъ становятся скучны, а напослѣдокъ поселяютъ отвращеніе даже въ ближайшихъ къ нимъ особахъ. Иногда они бываютъ умны, даже трудолюбивы; но у нихъ нѣтъ воображенія, нѣтъ горячей крови, нѣтъ *здравой идеальности* въ воззрѣніяхъ, — потому ихъ умъ утомляетъ, а трудъ ихъ никому не приноситъ ни пользы, ни наслажденія. Полные дѣтской самонадѣянности, зараженные атмосферой мелкаго щегольства и мелкихъ интересовъ, они находятъ себѣ мѣсто лишь въ большихъ городахъ, и преимущественно въ столицахъ, посреди довольно-пзящныхъ муравейниковъ, гдѣ окончательно совершается ихъ опошленіе. Разъ выведенные изъ своего мелочно-озабоченнаго круга, поставленные въ необходимость столкнуться съ жизнью, въ ея раз-

Digitized by Google

нообразныхъ проявленіяхъ, эти чопорные, бездушные господа уподобляются мандаринамъ, которыхъ бы насильно вытолкнули изъ міра десяти тысячь церемоній и заставили окунуться въ дѣйствительный міръ людской, съ его тревогами и радостями. При подобной перестановкѣ, всякій шагъ ихъ дѣлается неловкостью, во всякомъ чужомъ словѣ имъ грезится оскорбленіе, всякимъ поступкомъ навлекаютъ они на себя смѣхъ и осужденіе общее. Рѣдкіе изъ нихъ, нѣсколько временп пожившп такимъ образомъ, наконецъ начинаютъ извлекать спасительное поученіе изъ своего опыта, для бо́льшей части Астаховыхъ опытъ жизни проходитъ безплодно, да и самый ихъ разладъ съ здравой практичностью жизни не причиняетъ имъ никакихъ важныхъ страданій. Собственную свою негодность они бо́льшею частью перепосятъ на другихъ людей, снисходительно считая своихъ сограждапъ и сверстниковъ уродами, невѣждами, дикарями, мечтателями, чуждыми всякой практичности въ понятіяхъ.

Дѣло въ томъ, что жизнь наша, разсматриваемая съ самой практической, только *здраво-практической* точки зрѣнія, имѣетъ свои законы, свои условія, которыми пренебрегать нѣтъ возможности. Какъ ни сжимайте вы сферу чувствъ человѣка, какъ ни подводите вы его понятія въ рядъ сухихъ формулъ — пока у этого двуногаго животнаго безъ перьевъ имѣется органъ, называемый сердцемъ, пока у него есть мозгъ и нервы, и кровь, имѣющая способность приливать къ сердцу, — вы его не удовлетворите однимъ узкимъ кодексомъ такъ называемой положительности. Идеальность требованій душевныхъ можетъ быть смѣшна, если ее довести до фальшиваго; но едва ли не смѣшнѣе въ человѣкѣ *фальшивая положительность*, исключающая собою всѣ сердечныя движенія, дѣлающая всю нашу жизнь однообразнымъ переходомъ по избитой тропинкѣ. Въ одной изъ европейскихъ столицъ, гдѣ дома такъ высоки и мѣста дороги, умеръ недавно старый чудакъ, жившій въ маленькомъ одно-этажномъ домикѣ посреди населеннѣйшей изъ улицъ. За домикомъ тянулся садъ, и садъ до такой степени пространный, что мѣсто, имъ безъ пользы занятое, цѣнилось въ огромную сумму. Спекуляторы и богачи предлагали чудаку чуть не милліоны за то, чтобъ онъ уступилъ имъ мѣсто, не приносившее никакихъ выгодъ, перенесъ свою резиденцію въ дальній кварталъ, гдѣ, за полученные имъ деньги, легко было пріобрѣсти цѣлый палаццо, пожалуй съ паркомъ и прудами, — но всѣ усплія положительныхъ людей остались напрасны. Старикъ любилъ свой домикъ и свой садъ: по его разсчету, никакія суммы

Digitized by Google

не могли вознаградить его за ихъ потерю, и онъ умеръ небогатымъ человѣкомъ, имѣя возможность сказать одно слово, стоящее огромныхъ денегъ. Намъ нѣтъ дѣла до причинъ такого упорства, но нельзя не предположить ихъ существованія. Каковы онѣ ни были, ясно, что чудакъ не хотѣлъ промѣнять ихъ на милліоны. И онъ былъ совершенно правъ, съ здраво-положительной точки зрѣнія. Сладкая привычка, отрадное воспоминаніе, прихоть сердца — все это не имѣетъ никакого курса на биржѣ, а между тѣмъ способно наполнить жизнь самаго развитого человѣка. Садъ, насажденный моими руками, можетъ имѣть одну цѣну съ садомъ моего сосѣда, а я не отдаю его ни за какія деньги, потому-что для меня собственно онъ имѣетъ цѣнность идеальную, во сто кратъ высшую всѣхъ добросовѣстныхъ оцѣнокъ. Жизнь правильно развитого смертнаго полна аномаліями въ родѣ сейчасъ нами приведенныхъ, а потому ее нельзя подводить подъ мелочные кодексы и рядъ ариѳметическихъ чиселъ. Тотъ человѣкъ одинъ можетъ зваться положительнымъ, который дастъ просторъ всѣмъ сторонамъ своего существованія, самъ развиваясь всесторонно и всесторонно сочувствуя жизни своихъ собратій.

Слѣдующій за Астаховымъ герой «Затишья», Павелъ Алексѣичъ Веретьевъ, отчасти привлекательнѣе своего столичнаго сверстника. За то онъ вреднѣе его, ибо въ Астаховѣ столичная мелочность погасила даже способность на *зло*, дѣлать которое невозможно безъ шума, отвѣтственности, первыхъ сотрясеній и другихъ неудобствъ, страшныхъ каждому положительному джентльмену. Веретьевъ представляетъ рѣзкую противоположность съ Владиміромъ Сергѣичемъ, хотя и нельзя сказать, чтобы люди въ родѣ Веретьева были чѣмъ-нибудь лучше Астаховыхъ. «Изъ Веретьевыхъ никогда ничего не выходитъ,» — говоритъ намъ самъ авторъ «Затишья» — хотя иные люди и думали о Веретьевѣ, что, не погуби онъ себя, изъ него чортъ знаетъ чтобы вышло...» Юноши въ родѣ Андрея Колосова почти всегда кончаютъ, какъ Веретьевъ: виною тому тоже своего рода положительность, — конечно не фальшиво-джентльменская положительность, замѣченная нами въ Астаховѣ, но та грубая, неряшливая *положительность вивёра*, которая проявляется въ слишкомъ безцеремонномъ обращеніи съ жизнью, съ ея законами и потребностями.

На Руси имѣется Веретьевыхъ столько же, а можетъ быть и болѣе, чѣмъ Астаховыхъ Астаховы процвѣтаютъ по большимъ городамъ и считаютъ за стыдъ носить темныя перчатки вечеромъ, — Веретьевы живутъ по усадьбамъ и другимъ вольнымъ

Digitized by Google

уголкамъ, носятъ бархатныя курточки, и перчатки надѣваютъ только для танцевъ. Въ Астаховыхъ не имѣется ничего талантливаго, они не любятъ искусства и не ищутъ знакомства съ поэтами (такъ сказано въ «Затишьѣ»); напротивъ того — особы въ родѣ Веретьева поражаютъ обиліемъ *маленькихъ* дарованій. Молодость первыхъ проходитъ по-старчески, молодость вторыхъ всегда бурна, всегда имѣетъ въ себѣ нѣсколько поэтическихъ сторонъ. Астаховъ принадлежитъ къ числу несчастныхъ людей, не позволившихъ себѣ ни разу быть пьянымъ; Веретьевъ, напротивъ того, страдаетъ противоположнымъ порокомъ. Астаховы, въ силу своего столичнаго джентльменства, женятся на уродахъ, для связей и богатства: они никогда не допускаютъ себя до сильной любви къ женщинѣ; Веретьевы же дѣйствуютъ совершенно иначе: вся ихъ молодость проходитъ въ страстномъ, хотя и провинціальномъ донъ-жуанствѣ. Веретьевы гоняются за женщинами не изъ щегольства, не изъ разсчета или самолюбія, но вслѣдствіе велѣній ихъ собственной размашистой натуры, необузданной въ минуты задора. Они любятъ *прожигать* жизнь, думаютъ, что эта любовь избавляетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности за свои поступки и, вслѣдствіе того, вовсе не разборчивы въ своихъ нѣжныхъ похожденіяхъ. Имъ дѣла нѣтъ до того, что ихъ страсть можетъ погубить любящую дѣвушку (какъ это случилось съ Машей въ «Затишьѣ»), нарушить покой чужой жены, возбудить противъ себя общественное мнѣніе, повести къ позору и отвѣтственности передъ совѣстью: они прожигаютъ жизнь, — и дѣло кончено! Они не берегутъ *себя*, за что же беречь другихъ людей на свѣтѣ! Астаховъ, при несомнѣнной испорченности своей натуры, отступилъ бы съ негодованіемъ, еслибъ кто-нибудь посовѣтовалъ ему соблазнить Марью Павловну; Веретьевъ далеко не такъ щекотливъ, хотя въ сердцѣ его гораздо болѣе свѣжести, чѣмъ у Владиміра Сергѣича. Оба героя «Затишья» — современные эгоисты, да еще сверхъ того, эгоисты зараженные полу-образованіемъ. Корень ихъ злыхъ качествъ въ дурной почвѣ, на которой они взросли: этимъ послѣднимъ соображеніемъ объясняется интересъ, возбуждаемый въ насъ, современныхъ читателяхъ, обоими лицами молодыхъ людей, дѣйствующихъ въ «Затишьѣ.» Авторъ повѣсти, наперекоръ своей обычной небрежности въ постройкахъ произведеній, мастерски провелъ обоихъ своихъ героевъ, съ тщаніемъ подготовилъ для нихъ интересныя и крайне характеристическія столкновенія. Первая встрѣча происходитъ въ деревнѣ, посреди полнаго затишья, въ которое Владиміръ Сергѣичъ попалъ совершенно

Digitized by Google

случайно, собираясь держать себя со всей величавостью столичнаго денди. И величавый денди Санктпетербурга жалокъ, какъ нельзя болѣе, передъ острымъ, развязнымъ, даровитымъ Веретьевымъ. Онъ смѣшонъ даже передъ другими, нѣсколько пошлыми особами, являющимися въ повѣсти: его положительность не возбуждаетъ ни въ комъ изумленія, его уклончиво-сухая рѣчь не находитъ даже ни одного внимательнаго слушателя. «Кисляй!» говоритъ про него Веретьевъ; «кисляй!» думаютъ про него лица, близкія къ Веретьеву. И дѣйствительно, внѣ своей мелкой столичной сферы, Владиміръ Сергѣичъ ничто иное, какъ кисляй, ненужная особа, полусонный ротазѣй, сующійся туда, гдѣ его не спрашиваютъ, да въ придачу еще оскорбляющійся своимъ лишнимъ положеніемъ. Говоря высокимъ слогомъ, ему нѣтъ мѣста на пирѣ жизни, хотя бы и провинціальномъ пирѣ. Пусть жизненный пиръ случается хотя въ мелкомъ уѣздномъ городишкѣ — быть на немъ лишнимъ гостемъ — не можетъ назваться радостью. Посреди общихъ страстей, забавъ, горестей и наслажденій, Астаховъ проходитъ безъ страсти, горести, наслажденія и даже безъ веселости; даже наблюдая за жизнью, кипящей вокругъ него, нашъ Астаховъ не ощущаетъ ничего, кромѣ сознанія своей неловкости. Положеніе его на уѣздномъ балѣ, ссора съ Стельчинскимъ, будущимъ мужемъ сестры Веретьева, ночь въ ожиданіи дуэли — все это очертано съ большой живостью, все это понятно не одному столичному юношѣ положительнаго свойства, а какой изъ подобныхъ юношей когда-нибудь не бывалъ въ положеніи Астахова? И въ бесѣдахъ, и въ деревенскихъ веселостяхъ, и между женщинами, Веретьевъ въ конецъ забиваетъ Астахова, и мало того, что подавляетъ петербургскаго денди всей своей особою, но даже выручаетъ его изъ бѣды, становится между нимъ и уѣзднымъ бреттеромъ, однимъ словомъ — является во всемъ блескѣ своего превосходства. Даже въ послѣднемъ деревенскомъ эпизодѣ, дѣлаясь свидѣтелемъ самоубійства преданной и покинутой Марьи Павловны, Астаховъ не можетъ не сознавать надъ собой превосходства порочнаго Веретьева: изъ-за Владиміра Сергѣича ни одна женщина не способна броситься въ воду!

Проходитъ лѣтъ восемь послѣ первой встрѣчи двухъ молодыхъ людей и мы снова встрѣчаемъ ихъ обоихъ: уже не посреди сельскаго простора, не на провинціальномъ балѣ, съ его оживленною толкотнею, — а въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ часъ свѣтскихъ прогулокъ. Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ идетъ по тротуару, поджидая жену свою и кланяясь безчисленнымъ знако-

Digitized by Google

мымъ. Онъ возмужалъ въ эти восемь лѣтъ, отпустилъ бакенбарды, сталъ еще довольнѣе своимъ положеніемъ. Онъ чувствуетъ себя какъ дома на этомъ тротуарѣ, посыпанномъ песочкомъ; онъ богатъ по женѣ и имѣетъ большія связи, на стогнахъ Петрограда нашъ Астаховъ уже не спасуетъ передъ сонмомъ Веретьевыхъ или Стельчинскихъ. И вдругъ — около Пассажа — на него патыкается господинъ въ альмавивѣ и фуражкѣ, особа самаго дурнаго тона, съ крашеными усами, съ заплывшими глазами, съ лицомъ сильно пзношеннымъ. «А, г. Астаховъ, здравствуйте», бойко кричитъ незнакомецъ непріятнаго вида. «Я видѣлъ васъ много лѣтъ тому назадъ, въ Т—ской губерніи. Меня зовутъ Веретьевымъ!»

Медаль повернулась другой стороною—теперь Астаховъ у себя дома; теперь ему достается покровительственно глядѣть на Веретьева. Снисходительно привѣтствуя стараго знакомца, онъ уже не робѣетъ передъ нимъ, но глубоко признаетъ все свое величіе передъ этимъ худо-одѣтымъ сбившимся съ толка бѣдпягой. Онъ величаво разспрашиваетъ Веретьева о старыхъ знакомыхъ, о его сестрѣ, о деревнѣ, напоминаетъ ему страшное событіе, смерть Маріи Павловны.

«Да, да, это ужасно, это ужасно, торопливо перебиваетъ Веретьевъ. Да, да. А помните, какъ вы чуть не подрались съ моимъ теперешнимъ зятемъ?

«Гм! помню! съ разстановской возразилъ Владиміръ... мнѣ иногда это все представляется какъ сонъ какой-то...

«Какъ сонъ! отвѣчаетъ Петръ Алексѣичъ:—какъ сонъ! нѣтъ, это не былъ сонъ, по-крайней-мѣрѣ для меня. Это было время молодости, веселости и счастія, время безконечныхъ надеждъ и силъ неодолимыхъ... А вотъ мы съ вами теперь постарѣли, поглупѣли, да ни на что не стали годны, какъ разбитыя клячи, повыходились, повытерлись, да усы красимъ, да шляемся по Невскому—вотъ это скорѣй сонъ и сонъ самый безобразный... Жизнь прожита, и даромъ, нелѣпо, пошло прожита — вотъ что горько... А впрочемъ, прощайте...

«Поглупѣли,—вино пьемъ,—усы красимъ,—parlez pour vous, mon cher, подумалъ про себя Астаховъ, но совсѣмъ тѣмъ отчего-то нахмурился и почувствовалъ приливъ негодованія.

А Веретьевъ быстро удалился; но поравнявшись съ одной изъ кондитерскихъ, остановился, вошелъ въ нее, и выпивъ у буфета рюмку водки, отправился чрезъ бильярдную — всю тусклую и туманную отъ табачнаго дыма,—въ заднюю комнату. Тамъ онъ нашелъ нѣсколькихъ прежнихъ товарищей, людей немолодыхъ и

Digitized by Google

также изношенныхъ какъ онъ самъ, людей до сей поры считавшихъ его за очень даровитаго, необыкновеннаго человѣка. Тусклая и тлетворная трактирная жизнь раскинулась вокругъ когда-то блистательнаго Веретьева,—но въ утро своей встрѣчи съ Астаховымъ онъ не отдался ей съ обычной скоростью. Его мрачный видъ и жолчныя рѣчи на нѣсколько минутъ озадачили друзей Петра Алексѣича,—за тѣмъ онъ самъ поуспокоился,—затѣмъ... все пошло своимъ обычнымъ порядкомъ».

7.

Къ повѣсти «Яковъ Пасынковъ», напечатанной въ 1855 году, мы должны отнестись строже, нежели ко многимъ изъ болѣе неудачныхъ произведеній нашего автора. Причина тому—превосходная мысль «Пасынкова», до послѣдней степени страдающая отъ несовершенствъ разсказа, взятаго въ художественномъ отношеніи. Страстные поклонники Тургенева пытались увѣрять насъ, что «Пасынковъ» есть эскизъ, что никто не можетъ помѣшать лучшему художнику писать эскизы на тему, имъ самимъ избранную. Мы не менѣе ихъ любимъ талантъ нашего повѣствователя, и, не взирая на то, не можемъ согласиться съ подобнымъ оправданіемъ. Эскизная манера,—и для кисти, и въ особенности для пера, имѣетъ свои условія, свои границы. Относительно этой манеры художникъ-литераторъ не можетъ позволять себѣ того, что дозволяется художнику-живописцу. Живописецъ гораздо свободнѣе литератора, ибо для него самый небрежный эскизъ можетъ быть зародышемъ дивной картины, тогда какъ писатель, укладывая могучую мысль въ какой-нибудь недодѣланный очеркъ, какъ бы прощается съ своимъ правомъ на мысль эту. Надъ вещью, пущенною въ публику, всѣми прочитанною и утратившею свѣжесть новизны, писатель никогда не садится вновь, какъ засиживался напримѣръ Рубенсъ надъ сюжетами, когда-то уже набросанными имъ самимъ въ легкихъ очеркахъ. Мы можемъ представить себѣ Калама, строго воссоздающаго на полотнѣ одинъ изъ своихъ рисунковъ чернымъ карандашемъ, но рѣшительно не можетъ вообразить себѣ Тургенева надъ вторичной обработкой «Пасынкова», въ строго-художественномъ смыслѣ. Въ живописи вся картина можетъ пересоздаться отъ небольшого числа новыхъ подробностей, отъ одного прикосновенія мастерской кисти,—а не смотря на то, и великимъ мастерамъ не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться эскизной манерою,—что же послѣ этого сказать о художникѣ-писателѣ, замыкающемъ какія-нибудь превосходныя мысли въ рядъ несовершенныхъ очерковъ? Какое

Digitized by Google

употребленіе можетъ онъ сдѣлать изъ труда наскоро-накиданнаго и наскоро-кинутаго публикѣ? какими способами подогрѣетъ онъ— со временемъ — ту мысль, которая стоила прочной обработки, но которая между-тѣмъ померкла, охладѣла и выдохнулась отъ своего безвременнаго появленія на свѣтѣ?

День, въ который намъ удалось въ первый разъ прочитать «Якова Пасынкова», былъ для насъ днемъ нѣкотораго разочарованія. Мы не имѣли случая прочесть повѣсти въ рукописи, но знали, на какой идеѣ она построена, вѣрили, что авторъ отдѣлываетъ ее съ большой любовью. Предъидущія повѣсти Тургенева, по серьезности воззрѣній, въ нихъ заложенныхъ, по справедливому вниманію, съ какимъ онѣ встрѣчены были въ обществѣ и въ кругѣ литераторовъ, совершенно извиняли ожиданія наши. Новый герой новой Тургеневской повѣсти будто самъ проснлся въ свѣтъ. Онъ былъ нуженъ послѣ Вязовнинныхъ, Астаховыхъ и Веретьевыхъ; въ немъ имѣли сказаться намъ оправдательныя, милая сторона той среды, изъ которой вышли лишніе люди нашего времени, съ ихъ пороками и страданіями. Тургеневъ долженъ былъ вывести на сцену одного изъ тихихъ, благородныхъ идеалистовъ, можетъ быть послѣдняго изъ идеалистовъ въ нашемъ обществѣ — какой просторъ для его фантазіи, какая гармонія между счастливой темой и всѣмъ складомъ авторскаго дарованія! Въ самомъ благородствѣ дѣла могъ онъ, нашъ любящій и свѣтлый поэтъ, найти столько силы на его исполненіе! Кто въ наше время не смѣялся надъ Пасынковыми, не кидалъ камней въ тихихъ романтиковъ, не издѣвался надъ бѣдными фантазёрами, забывая о томъ, что весьма часто самый увлекающійся фантазёръ, даже съ здраво-положительной точки зрѣнія, бываетъ умнѣй и полезнѣй ложно-положительнаго человѣка! Идеалистъ—Пасынковъ, членъ одной семьи съ Вязовнинымъ, Веретьевымъ и Астаховымъ, одинъ изъ многочисленныхъ типовъ поколѣнія, вмѣстѣ съ нами взрослаго, нуждался въ живой, горячей защитѣ. По какому праву люди, лишніе во всѣхъ отношеніяхъ, испорченные и безплодные указывали пальцемъ на Пасынкова, снисходительно смѣялись, помнная его имя, выдавали его головою въ пріятельскихъ бесѣдахъ, считали его чудакомъ и почти уродомъ? За что ему мѣшали читать нѣмецкихъ лириковъ, носить въ сердцѣ образъ навѣки-любимой дѣвушки, говорить о Шиллерѣ, о славѣ и о любви съ другими благодушными, ему подобными чудаками? За что надъ нимъ издѣвались всѣ, всѣ безъ исключенія, и педантъ Антропофаговъ, и величавый Помпонскій, и спивающійся съ круга Веретьевъ, и безсердечный Астаховъ, и даже вялый не-

Digitized by Google

ряха Вязовнинъ, крѣпкій лишь въ сознаніи своего ложнаго джентельменства. По какому праву Пасынковымъ пренебрегали и горделивые старцы, и даже дѣвушки, зараженныя свѣтскимъ ядомъ тщеславія? Развѣ идеалистъ-Пасынковъ, при всей ограниченной сферѣ своей дѣятельности, не былъ во сто кратъ счастливѣе, разумнѣе, *полезнѣе* людей, кидавшихъ въ него каменьями? Развѣ онъ не носилъ цѣлаго міра новостей въ своей чистой душѣ, развѣ онъ не умѣлъ умереть съ твердостью, развѣ онъ не любилъ много? Онъ прожилъ свою жизнь, разливая изъ непорочной души своей тихій свѣтъ, такъ отрадный для всѣхъ, кто къ нему приближался? Послѣ бесѣды съ Пасынковымъ, юноши уходили, чувствуя благородный трепетъ сердца, люди, избитые въ жизненной борьбѣ, отдыхали въ присутствіи этого кроткаго и любящаго человѣка. То поколѣніе людей не пропало, которое, между сотнями Веретьевыхъ и Астаховыхъ, дало намъ десятокъ Пасынковыхъ. Уже одна мысль: «заступиться за Пасынковыхъ», дѣлала величайшую честь господину Тургеневу.

Дѣло кончилось почти-что одной мыслью, — говоримъ это не безъ душевнаго сожалѣнія. Если бы еще сама мысль не высказывалась со всей полнотою, если бы самъ повѣствователь смутнѣе разумѣлъ всю важность личности Пасынкова, мы были бы въ состояніи пройти всю повѣсть молчаніемъ. Теперь этого нельзя сдѣлать: испорченное твореніе всегда приковываетъ къ себѣ взглядъ цѣнителя, можетъ быть не остановившійся бы на произведеніи положительно-слабомъ. Тургеневъ зналъ что̀ такое Пасынковъ, въ задачѣ его не могло быть ничего непрочувствованнаго и недозрѣлаго. Когда онъ самъ принимается судить своего героя, его взглядъ ясенъ до чрезвычайности! «Пасынковъ — это слова автора нашего — былъ романтикъ, одинъ изъ послѣднихъ романтиковъ, съ которыми мнѣ случалось встрѣчаться. Романтики теперь, какъ уже извѣстно, почти вывелись; по крайней мѣрѣ, между нынѣшними молодыми людьми ихъ нѣтъ. *Тѣмъ хуже для нынѣшнихъ молодыхъ людей!*» «Въ устахъ этого человѣка, сообщаетъ намъ г. Тургеневъ же: «слова — *добро*, *истина*, *жизнь*, *наука*, *любовь*, какъ бы восторженно они не произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ. Безъ напряженія, безъ усилія вступалъ онъ въ область идеала; его цѣломудренная душа во всякое время была готова предстать предъ «святыню красоты» — она ждала только привѣта, «прикосновенія другой души...» «Какъ ни охватывалъ Пасынкова жизненный холодъ, горькій холодъ опыта, — нѣжный цвѣтокъ, рано разцвѣтшій въ сердцѣ моего друга, уцѣлѣлъ во

Digitized by Google

всей своей нетронутой красѣ. Даже грусти, даже задумчивости не проявилось въ немъ съ годами; онъ, по прежнему, былъ тихъ, но вѣчно веселъ душою...»

А вотъ чувства, высказанныя авторомъ по поводу смерти Пасынкова:

«....Весь этотъ вечеръ я думалъ, все думалъ о моемъ миломъ, незабвенномъ Пасынковѣ, — объ этомъ послѣднемъ изъ романтиковъ, и чувства, то грустныя, то нѣжныя, проникали съ сладостной болью въ грудь мою, звучали въ струнахъ еще не совсѣмъ устарѣвшаго сердца... Миръ праху твоему, непрактическій человѣкъ, добродушный идеалистъ! и дай Богъ всѣмъ практическимъ господамъ, которымъ ты былъ всегда чуждъ, и которые, можетъ быть, даже посмѣются теперь надъ твоей тѣнью, — *дай имъ Богъ извѣдать хотя сотую долю тѣхъ чистыхъ наслажденій, которыми, наперекоръ судьбѣ и людямъ, украсилась твоя бѣдная и смиренная жизнь!*»

Все это превосходно, все это показываетъ зрѣлость, глубину и здравость замысла, но строки, нами приведенныя, еще не есть повѣсть. Соотвѣтствуетъ ли объективный Пасынковъ — Пасынкову задуманному, обставленъ ли герой произведенія сообразно его смыслу, высказывается ли онъ всецѣлымъ образомъ въ дѣлахъ, намъ переданныхъ его біографомъ? На такіе вопросы восторженнѣйшій изъ почитателей автора нашего не отвѣтитъ утвердительно, между-тѣмъ какъ самый поверхностный анализъ повѣсти поможетъ намъ самимъ прослѣдить всю ея несоотвѣтственность съ идеею о Яковѣ Пасынковѣ, послѣднемъ романтикѣ.

Вся исторія начинается разсказомъ посторонняго человѣка (нерѣшаемся сказать авторскимъ разсказомъ) о продѣлкѣ не совсѣмъ чистаго свойства съ письмомъ одной влюбленной дѣвушки. Послѣ холостого обѣда, на которомъ участвуетъ самъ разскащикъ, — нѣкій г. Асановъ хвастается своими любовными успѣхами, кидаетъ на столъ письмо, писанное къ нему дѣвицей, въ которую влюблено и лицо о немъ говорящее, — вслѣдствіе чего и происходитъ первый эпизодъ повѣсти. Подъ вліяніемъ любви, ревности, досады и, можетъ быть, честнаго желанія остановить дѣвушку отъ влеченія къ недостойному хваступу, разскащикъ видится съ нею, дѣлаетъ нескромность и впадаетъ въ самое горькое, унизительное положеніе, изъ котораго выручаетъ его Яковъ Пасынковъ, пансіонскій товарищъ и *послѣдній изъ романтиковъ*. Краткимъ описаніемъ юности Пасынкова, разсказомъ о его прямодушно-симпатическомъ поведеніи во всей только что переданной исторіи, кончается первая половина произведенія.

Во второй половинѣ мы снова встрѣчаемъ милаго идеалиста, одинокимъ, больнымъ, приготовляющимся къ смерти. Много лѣтъ

Digitized by Google

спустя послѣ нескромности, о которой было сказано, разскащикъ, проѣзжая по уѣздному городу отдаленной губерніи, встрѣчаетъ слугу Пасынкова, Елисея. Отъ него узнаетъ онъ о печальномъ положеніи своего товарища. Яковъ служилъ въ Сибири, былъ раненъ при поимкѣ контрабандистовъ, и, пробираясь въ Одессу на лѣченіе, — увидѣлъ себя вынужденнымъ, по слабости здоровья, остановиться въ бѣдномъ городишкѣ бѣднаго захолустья. Трогательное свиданіе друзей принадлежитъ къ числу лучшихъ отрывковъ повѣсти. Пасынковъ безнадежно боленъ; но его кроткая душа не потрясена близостью кончины, печальная развязка небогатой жизни не наполнитъ души его горечью, — онъ также добръ, какъ и прежде, онъ по прежнему свѣтелъ разумомъ, восхитительно ласковъ сердцемъ. Умирая, Пасынковъ повѣряетъ другу свою любовь къ Софьѣ Злотницкой, той самой дѣвушкѣ, которую онъ примирилъ съ разскащиковъ и которая досталась недостойному Асанову. Смертью Якова кончается разсказъ, слегка дополненный нѣсколькими подробностями о Софьѣ Николаевнѣ Асановой, да еще объ одной крестьянской дѣвушкѣ, Машѣ, любившей бѣднаго идеалиста самой кроткой и простодушной любовью.

Вотъ постройка повѣсти «Яковъ Пасынковъ», — постройка не только слабая и неполная, но, въ добавокъ еще, какъ бы распавшаяся на двѣ груды, нестройныя неодиночкѣ, не подходящія одна къ другой, если ихъ взять въ общей сложности. Ни интриги, ни характеровъ, ни анализа высокихъ духовныхъ ощущеній не находимъ мы въ разсказѣ о послѣднемъ романтикѣ, онъ весь скорѣе состоитъ изъ намековъ на интригу, характеры и анализъ. Оно тѣмъ горше для читателя, что иные изъ намековъ прекрасны. Само появленіе любящаго рыцарскаго идеалиста, — въ минуту нравственнаго униженія для его друга, — придумано, какъ нельзя лучше; но прочтите всю сцену, и вы удивитесь ея бѣдности. Юношескія воспоминанія героя о Пасынковѣ проникнуты душевною теплотою, но чтобъ добраться, до нихъ, надо проглотить жосткое повѣствованіе о письмѣ Асанова, о семействѣ Злотницкихъ, повѣствованіе, написанное не только съ неохотой, но какъ будто съ отвращеніемъ. Послѣдніе дни Якова очень хороши: въ правильно-обработанномъ произведеніи мы не желали бъ встрѣтить лучшаго отрывка, — но что значитъ хорошій заключительный отрывокъ тамъ, гдѣ нѣтъ самого произведенія? Небрежное, неласковое обращеніе Тургенева съ задачей своею, сказывается намъ всего лучше въ одной особенности Пасынкова: каждая его страница, имѣющая въ себѣ теплоту, состоитъ или изъ авторскаго разсужденія, или

Digitized by Google

изъ лирической рѣчи, вложенной въ уста Якова; — сочинитель даже не даетъ себѣ труда воспользоваться своимъ вдохновеніемъ, не стремится воплотить его въ рядѣ образовъ или хотя въ оживленномъ разговорѣ. Такъ поступать съ своимъ даромъ можетъ лишь начинающій юноша по неопытности, или умный, но безталантный нувелистъ, окончательно убѣжденный въ своей неспособности на малѣйшую степень творчества. За слабыя частности Пасынкова мы не находимъ словъ, достаточно строгихъ для г. Тургенева. Бо́льшаго недовѣрія къ силѣ, ему данной, къ той силѣ, которая для всѣхъ насъ представляетъ предметъ радости и гордости, — до Пасынкова вы не встрѣчали еще ни въ одномъ изъ произведеній высоко-даровитаго товарища нашего.

По причинѣ несовершенствъ формы, лишь слегка указанныхъ нами въ сжатомъ очеркѣ, превосходно-задуманное лицо Пасынкова не только утрачиваетъ часть своей привлекательности, но теряетъ свое типическое значеніе. Съ помощью одного побочнаго эпизода и нѣсколькихъ разсужденій, написанныхъ не безъ теплоты, еще не исчерпаешь поэзіи, которая лежитъ въ основаніи послѣдняго романтика. Милая, симпатическая личность, свѣжій плодъ цѣлаго умнаго поколѣнія, еще не обрисуется въ картинѣ идеализма на его смертномъ одрѣ. Чтобъ прослѣдить за личностью Якова Пасынкова, чтобъ разъяснить читателю всю прелесть и законность этого отраднаго явленія, мало однихъ намековъ, какъ бы хорошо они ни были придуманы. Повѣсть, какъ мы сказали, написана намеками, изъ которыхъ самый небольшой трудъ могъ бы создать нѣчто выяснившее до художественности. Разскащикъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Въ дѣтствѣ я привыкъ лгать... Передъ Яковомъ у меня языкъ не поворачивался на ложь». И болѣе ничего не говорится въ поясненіе этой высокознаменательной черты, которая, въ художественномъ поясненіи, помогла бы намъ выяснить передъ своимъ воображеніемъ всю важность личности Пасынкова. Въ послѣднемъ эпизодѣ, больной Яковъ выражается такимъ образомъ, послѣ чтенія стиховъ Лермонтова: «И я пытался пуститься въ поэзію и началъ одно стихотвореніе «Кубокъ жизни» — ничего не вышло. *Наше дѣло, братъ, — сочувствовать, не творить!*» Опять яркая искра въ темнотѣ, опять намекъ на истину, надъ которой стоитъ задуматься. Отчего же не задумался надъ нею нашъ авторъ?

Обращаясь къ практическимъ людямъ, г. Тургеневъ желаетъ имъ извѣдать хотя малую часть тѣхъ чистыхъ наслажденій, которыми Богъ украсилъ тихую и безвѣстную жизнь Пасынкова. Тутъ

Digitized by Google

ключъ всего замысла, зерно повѣсти, бѣдное зерно, не давшее плода по авторской прихоти. Разъясни г. Тургеневъ цѣпь наслажденій, о которыхъ онъ здѣсь упоминаетъ, — и какой поэтической прелестью окружился бы его Яковъ Пасынковъ, какъ глубоко врѣзалась бы въ умы читателя мысль о законности Пасынковыхъ, о здравости романтическаго начала, вѣчно живого и вѣчно сильнаго на свѣтѣ! И кто изъ новѣйшихъ писателей можетъ назваться способнѣе Тургенева на подобное дѣло, чей талантъ богаче его таланта нѣжнымъ лиризмомъ, глубокою симпатичностью, тутъ необходимыми? Между всѣми нами, сильными и слабыми тружениками современнаго искусства, одинъ г. Тургеневъ можетъ сказать лучшее слово о здравомъ романтизмѣ, о музыкѣ души человѣческой, о радостяхъ непорочной любви, о возвышенныхъ стремленіяхъ къ идеалу, о блаженствѣ святой дружбы, понимаемой святымъ образомъ. Опытъ жизни не расхолодилъ и не озлобилъ поэта нашего, а напротивъ того, еще болѣе развилъ его свѣтлый духъ, какъ бы взлелѣялъ собою его любящія способности. Надъ Яковомъ Пасынковымъ, будь онъ обработанъ въ типи сельскаго уединенія, плакали бы самые зачерствѣлые изъ читателей, — теперь онъ пробуждаетъ пріятныя чувства лишь въ цѣнителяхъ, очень зоркихъ, да еще очень близкихъ къ душевному міру самого автора.

Повѣсть «Переписка», изданная послѣ Пасынкова, отчасти соприкасается къ разряду повѣстей, нами теперь разбираемому, — отчасти составляетъ нѣкоторый hors d'oeuvre въ общей ихъ связи. Герой ея, Алексѣй Петровичъ, имѣетъ кое-что сходное съ личностями, на изображеніи которыхъ столько разъ останавливался г. Тургеневъ въ послѣдніе года своей дѣятельности; съ другой стороны авторъ не придалъ ему никакого типическаго значенія, а исторія, случившаяся съ Алексѣемъ Петровичемъ, могла произойти со всякимъ другимъ лицомъ изъ современнаго свѣта. Вся интрига — и проста, и замысловата. Умный молодой человѣкъ, не разъ сходившійся съ любящею и нравственно-развитою дѣвушкою, не обращалъ на нее особеннаго вниманія, потому-что во время знакомства съ нею, былъ заинтересованъ другою женщиною. Когда старая любовь выгорѣла, онъ почувствовалъ потребность въ умномъ, симпатическомъ существѣ, мимо котораго ему столько разъ случалось проходить съ холодностью. Въ свою очередь, и Марья Александровна, прежде не питавшая никакой искренности къ Алексѣю Петровичу, начала не безъ удовольствія вспоминать о его особѣ. Между бывшими, но теперь разлученными, пріятелями на-

Digitized by Google

чалась переписка, умная, благородная переписка, можетъ быть, отчасти слишкомъ умная, какъ они сами. Послѣ первыхъ посланій, Алексѣй почти влюбился въ Марью Александровну и Марья Александровна почувствовала еще бо́льшее влеченіе къ Алексѣю. Казалось, обоимъ корреспондентамъ судьба готовила на долю цѣлые годы прочной, тихой привязанности. Уже молодые люди условились повидаться лѣтомъ, въ деревнѣ, уже письма ихъ приняли нѣжно-откровенное направленіе, — какъ вдругъ Алексѣй Петровичъ пересталъ писать и уѣхалъ куда-то за границу. Черезъ два года послѣ прекращенія переписки, Марья Александровна получила одно, послѣднее письмо отъ человѣка, съ которымъ не дано было ей породниться душою... Алексѣй Петровичъ писалъ изъ Дрездена: «Я не хочу умереть не простившись съ вами. Я осужденъ докторами и самъ чувствую, что жизнь моя на исходѣ». Послѣ этого письма, какъ сказано въ началѣ повѣсти, Алексѣй дѣйствительно умеръ.

Въ чемъ же заключалась причина внезапнаго разрыва между нашими корреспондентами? Почему не развилась ихъ тихая, разумная любовь, къ которой оба они стремились со всею искренностью? Другая любовь, «ни дать ни взять холера или лихорадка», неистово вторгнулась въ сердце героя, и вытѣснила изъ него всѣ тонкія чувства, о которыхъ онъ такъ много говорилъ въ письмахъ къ Марьѣ Александровнѣ. «Я влюбился въ танцовщицу», признается Алексѣй Петровичъ. «Съ роковой минуты, въ которую я увидѣлъ эту женщину, — я принадлежалъ ей весь, какъ собака принадлежитъ своему хозяину; и если я и теперь, умирая, не принадлежу ей, такъ это только потому, что она меня бросила».

Послѣднее письмо Алексѣя Петровича пропитано могучимъ лиризмомъ, сдвали подходящимъ къ положенію умирающаго человѣка; но въ томъ нѣтъ нужды, если лиризмъ, о которомъ мы упоминаемъ, такъ изящно соглашается съ лучшей стороной таланта въ самомъ сочинителѣ.

Въ этихъ порывисто-поэтическихъ страницахъ послѣдняго посланія, личность Алексѣя Петровича выясняется передъ нами, насколько оно возможно для его живописца. Въ другѣ Марьи Александровны видимъ мы человѣка хорошаго и достойнаго, правильно развитаго по уму и сердцу, — но, подобно многимъ изъ предшествовавшихъ героевъ Тургенева, страждущаго *недугомъ воли*, если можно такъ выразиться. Прекрасными умствованіями пытается онъ узаконить явленіе, не имѣющее ничего необходимаго, энергическимъ дифирамбомъ хочетъ онъ извинить послѣдніе годы своей

Digitized by Google

жизни, погибшіе вслѣдствіе отсутствія энергіи въ его собственной натурѣ. О томъ, что страсть не есть хроническая болѣзнь, мы не считаемъ долгомъ распространяться: — если бы оно было такъ, міръ оказался бы не тѣмъ міромъ, въ которомъ мы обитаемъ, а какимъ-то любовнымъ Бедламомъ, пріютомъ влюбленныхъ несчастливцевъ. Въ признаніяхъ Алексѣя Петровича многозначительна одна особенность — его пассивное поведеніе передъ страстью и всѣмъ міромъ униженія, ею навлеченнымъ. И въ старое время люди гибли отъ любви, и будутъ гибнуть еще черезъ сотни лѣтъ, — но только въ наше время нравственной вялости могутъ встрѣтиться примѣры подобной инерціи передъ зломъ, отъ любви происходящимъ. Рыцарь стараго времени, эпикурецъ прошлаго столѣтія, охлажденный герой въ гарольдовомъ плащѣ, — всѣ сейчасъ названныя личности, попади онѣ въ положеніе Алексѣя Петровича, — не пали бы нравственно безъ нѣкоторой борьбы за свою волю. Одинъ призвалъ бы на помощь свою гордость, другой уцѣпился бы за свой эгоизмъ, третій хотя за тщеславіе. Но Алексѣй Петровичъ, больное дитя современнаго общества, признаетъ безполезною самую мысль о защитѣ. У него, какъ у многочисленныхъ его сверстниковъ, въ головѣ сидитъ одна идея, корень всей слабости; «страсть сильнѣй человѣческой воли, бороться съ нею невозможно, да и не стоитъ». Вся жизнь ихъ проходитъ подъ вліяніемъ такой идеи, чувство долга для нихъ не болѣе, какъ туманная фраза; отъ того при первомъ сильномъ натискѣ страсти, этихъ людей, не подготовленныхъ къ жизненной борьбѣ, ждетъ одинъ только исходъ коллизіи, то-есть неизбѣжное нравственное паденіе.

Только поглядѣвъ на героя «Переписки» съ чейчасъ обозначенной нами точки зрѣнія, мы начинаемъ сознавать, почему предсмертное посланіе этого, чуть знакомаго намъ человѣка, производитъ на душу читателя такое сильное дѣйствіе. Въ грустныхъ признаніяхъ Алексѣя Петровича, по поводу униженій, данныхъ ему на долю его послѣднею и, можетъ быть, единственною страстью, — дорогъ намъ голосъ правды, вздохъ страданія, не разъ подслушанный нами самими отъ нашихъ друзей и родственниковъ. Червякъ, сгложавшій это честное, но больное сердце, не разъ мелькалъ передъ нашими собственными глазами. Недостатокъ воли, недостаточное сознаніе долга, отсутствіе нравственной энергіи, — вотъ причины страданій, о которыхъ разсказалъ намъ г. Тургеневъ съ поразительной вѣрностью поэтическаго слова. Изъ послѣднихъ признаній Алексѣя Петровича невозможно выкинуть ни одной фразы, ибо въ нихъ каждая строка рисуетъ намъ образъ

Digitized by Google

всего человѣка, знакомитъ насъ съ унылымъ фатализмомъ воззрѣній, въ немъ обитающихъ. Такъ тихо, кротко, безпощадно говорить о своемъ нравственномъ позорѣ можетъ говорить лишь одинъ пацієнтъ изъ современнаго общества.

По формѣ своей, повѣсть «Переписка» представляетъ большую противоположность съ «Пасынковымъ.» Обѣ вещи накиданы безъ большого старанія, этого скрывать нечего; но первая имѣетъ должную стройность, тогда какъ другая представляетъ изъ себя неотдѣланную повѣсть, которой листы въ добавокъ еще перепутаны въ типографіи. Разница происходитъ отъ весьма понятной причины: письменная, или, какъ говорилось въ старину, *эпистолярная* манера повѣствованія дается г. Тургеневу легче всякой другой манеры. Она даетъ просторъ мысли и лиризму, она легче допускаетъ импровизацію, наконецъ она не требуетъ той объективности въ изображеніи лицъ, къ которой мы такъ привыкли за послѣднее время. Въ письмахъ, да еще въ дневникахъ, представляется такое раздолье каждому тонко-образованному писателю, особенно писателю, не имѣющему привычки усидчиво заниматься каждою своей страницею! «Переписка», «Дневникъ Лишняго Человѣка» и, наконецъ, «Фаустъ,» окончательно убѣдили насъ въ томъ, что для г. Тургенева имѣется впереди одна форма произведеній, какъ нельзя ближе согласующихся съ его дарованіемъ. Не отказываясь отъ строгой повѣствовательной формы въ трудахъ, наиболѣе имъ любимыхъ, нашъ авторъ смѣло можетъ прибѣгать къ манерѣ писемъ или дневника тамъ, гдѣ время или настоятельная потребность высказаться принудятъ его къ быстрой работѣ.

8.

1855 годъ долженъ былъ сдѣлаться важнымъ годомъ для автора разбираемыхъ нами «Повѣстей и Разсказовъ». И товарищи и почитатели г. Тургенева знали, что онъ привезъ съ собой въ Петербургъ новое произведеніе, крайне серьозное по идеѣ, и объемомъ своимъ превосходившее всѣ его повѣсти, до той поры напечатанныя. На основаніи предшествовавшихъ вещей и общественныхъ взглядовъ, въ нихъ заложенныхъ, можно было догадываться о будущемъ значеніи «Рудина» въ общей связи трудовъ поэта нашего. Дѣло, начатое Дневникомъ Чулкатурина, продолжавшееся въ «Двухъ Пріятеляхъ» и «Затишьѣ», слегка затронутое въ «Пасынковѣ» и «Перепискѣ» (тогда еще не напечатанной, но уже извѣстной въ литературномъ кругу), должно было подвергнуться новому, можетъ быть, окончательному разсмотрѣнію въ цѣлой большой

Digitized by Google

повѣсти, задуманной строго и обработанной съ любовью. Въ теченіе пяти лѣтъ трудясь надъ одной изъ больныхъ сторонъ нашего поколѣнія, посвящая свое вниманіе на изслѣдованіе исторіи людей лишнихъ въ обществѣ, Тургеневъ все еще не охватывалъ всего вопроса съ должной полнотою. Его Веретьевы, Вязовнины, Чулкатурины имѣли въ себѣ много жизненнаго, много близкаго къ нашему сердцу, — но имъ не приходилось ни разу дѣйствовать на просторѣ, становиться въ соприкосновеніе съ жизнью широко-понятою. Эти герои страдали и жили по маленькимъ уголкамъ, сталкивались съ не очень богатыми личностями, всюду приходили какъ чудаки-гости, выѣзжающіе изъ своихъ логовищъ только лишь по крайней необходимости. Въ «Рудинѣ,» сказывали намъ, читателю предстояло увидѣть нѣчто другое. Въ новой повѣсти долженъ былъ явиться весь современный человѣкъ, разсмотрѣнный съ точки зрѣнія его моральныхъ несовершенствъ, смягченныхъ горькимъ ихъ сознаніемъ, его безсилія передъ разумно-практической стороной жизни, но безсилія, отчасти выкупаемаго другими утѣшительными сторонами характера. Рудинъ, лицо взятое изъ дѣйствительности, долженъ былъ служить олицетвореніемъ цѣлаго класса мыслящихъ и благонамѣренныхъ людей, понапрасну растратившихъ свои силы отъ неумѣнія привести свое существованіе въ гармонію съ тою сферой, гдѣ должно было протекать это существованіе. Короче сказать, въ повѣсти ожидали мы встрѣтить нѣчто въ родѣ исповѣди цѣлаго поколѣнія, имѣвшаго важное вліяніе на собственное развитіе наше. Г. Тургеневъ, между всѣми современными писателями, имѣлъ всѣ данныя, необходимыя для подобной задачи. Заслуги и заблужденія благородныхъ, но нѣсколько *лишнихъ* товарищей его собственной юности, могли въ немъ, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ поэтѣ, встрѣтить судью зоркаго, но любящаго и неозлобленнаго. Наконецъ, онъ имѣлъ и право, и возможность, съ помощью поэтической силы, ему данной отъ природы, возвести въ рядъ симпатическихъ образовъ весь запасъ своихъ долгихъ, добросовѣстныхъ наблюденій надъ современными недугами современныхъ тружениковъ жизни.

«Рудинъ» появился въ январѣ 1856 года, — вторая часть повѣсти не заставила ждать себя долго, и все произведеніе закончилось въ томъ же году, въ февральской книжкѣ Современника. Общій отзывъ читателей и очень развитыхъ, и очень неразвитыхъ, сказался весьма скоро, въ одной и той же формѣ. Самый тонкій цѣнитель и самый вѣтренный дилетантъ согласились въ одномъ приговорѣ: — «Рудинъ есть вещь истинно замѣчательная

Digitized by Google

и, мѣстами, неудовлетворительная». Когда же пришлось опредѣлять точнѣе степень достоинства и недостатковъ новой повѣсти, — отзывы раздѣлились и представили изъ себя нѣчто сбивчивое. Идея произведенія, по своей глубинѣ, могла выдержать какой угодно анализъ, хотя и тутъ одни цѣнители нашли, что Тургеневъ обошелся съ Рудинымъ весьма слабо, тогда какъ другіе почти обвиняли автора въ чрезмѣрной строгости приговора. Художественная сторона повѣсти, напротивъ того, сама давала на себя оружіе многимъ черезчуръ взыскательнымъ цѣнителямъ. Во многихъ мѣстахъ «Рудина», вмѣсто живыхъ сценъ, тянулся голый разсказъ отъ авторскаго лица, вмѣсто личностей, рельефно-очертанныхъ, появлялись фигуры, едва обозначенныя не совсѣмъ вѣрною кистью. И со всѣмъ тѣмъ, повѣсть «Рудинъ», разсматриваемая даже съ самой строго-художественной точки зрѣнія, признана была всѣми за новый, важный шагъ въ дѣятельности Тургенева. Въ ней не было недоконченностей и небрежностей, бросавшихъ такую тѣнь на многія предшествовавшія повѣсти автора нашего: она отличалась богатою и многосторонней поэзіею, наконецъ ея идея гармонировала съ формой, на сколько оно было возможно при трудности задачи. Переходъ отъ цѣлаго ряда эпизодическихъ эскизовъ къ произведенію, имѣющему почти видъ романа, всегда выходитъ труденъ, а г. Тургеневъ сладилъ съ этимъ переходомъ, какъ слѣдовало честному и добросовѣстному писателю его дарованія. Вся его новая вещь носила на себѣ привлекательный слѣдъ серьозной мысли и, благодаря этому слѣду, поэтическія частности «Рудина» имѣли въ себѣ нѣчто разительное, свѣжее, новое. Короче сказать, повѣсть особенно полюбилась людямъ, коротко знакомымъ со средствами ея сочинителя, цѣнителямъ, очень хорошо знающимъ, какихъ достоинствъ они въ правѣ ждать отъ Тургенева, и съ какими слабыми сторонами поэта они должны мириться по необходимости.

Мы не намѣрены съ подробностью разбирать повѣсти, еще никѣмъ не позабытой, повѣсти, о которой было такъ много говорено и писано. Статья наша и безъ того вышла гораздо обширнѣе, чѣмъ мы предполагали при ея началѣ. Вещи, подобныя «Рудину», всегда оставляютъ слѣдъ въ обществѣ. Потому-то, дорожа временемъ и разсчитывая на воспоминанія читателей, мы позволяемъ себѣ предположить, что въ пересказываніи интриги, завязки и развязки повѣсти «Рудинъ», въ настоящее время не настоитъ никакой надобности. Нѣсколько словъ о героѣ всего произведенія будутъ сказаны нами теперь же.

Digitized by Google

Что такое Дмитрій Николаевичъ Рудинъ? — вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ законность и правда всей повѣсти. Въ какой мѣрѣ этотъ человѣкъ, исполненный силы и слабости, вялости и энергіи, въ какой мѣрѣ онъ правиленъ, какъ дѣйствующій герой художественнаго созданія, вѣренъ себѣ, какъ общественный типъ нашего времени? Есть ли между нами много Рудиныхъ, и не носитъ ли каждый изъ насъ, современныхъ русскихъ людей, въ душѣ своей какую-нибудь частицу Тургеневскаго Рудина? Смѣло отвѣчаемъ — *да*, на всѣ вопросы сейчасъ сдѣланные. Рудинъ есть дитя своего времени, своего края и своей переходной эпохи. Рудины жили и живутъ между нами, дѣлая пользу и вредъ людямъ, ихъ окружающимъ. Многіе изъ насъ въ юности увлекались Рудинымъ, многіе изъ насъ, въ былое время молодости, слушали Рудинскія импровизаціи такъ, какъ въ повѣсти, насъ занимающей, простодушный студентъ Басистовъ слушалъ вдохновенныя разсужденія Дмитрія Николаевича. Не одна дѣвушка съ теплой душою любила людей въ родѣ Рудина, и горько платилась за свою привязанность. Не одинъ практическій смертный, подобный Лежневу, глядѣлъ на Рудина съ дружескимъ состраданіемъ, не одинъ презрѣнный злоязычникъ, въ родѣ Пигасова устремлялъ стрѣлы своего остроумія на бѣдную, измученную жизнью особу Рудина. Рудины были не безполезны обществу въ свое время, можетъ быть они нужны ему и теперь, — во всякомъ случаѣ никто не имѣетъ права кидать камнемъ въ этихъ вѣчныхъ странниковъ жизни, безпріютныхъ «инвалидовъ мысли». Рудинъ много грѣшилъ, но ему должно быть прощено многое, за огонь любви къ истинѣ, въ немъ горѣвшей, за неутомимое стремленіе къ идеалу, за его сочувствіе къ слабымъ, за его вражду къ житейской неправдѣ. Рудинъ много служилъ дѣлу добраго слова, хотя всю жизнь свою не могъ возвыситься до пониманія *дѣла*, до возможной и необходимой гармоніи съ средой его окружающей. Въ разъединеніи *дѣла* и *слова* лежитъ корень всѣхъ недостатковъ Рудина, — основаніе всей его грустной, но близкой къ намъ личности. Рудинъ есть живой плодъ нашего ранняго, быстро развивающагося, порывистаго просвѣщенія. Рудина нельзя называть ни русскимъ человѣкомъ, ни космополитомъ, ни германцемъ, или какимъ-нибудь другимъ иноземцемъ. Онъ застрѣльщикъ между двумя арміями, усталый часовой между двумя лагерями. Европейское современное просвѣщеніе, не примѣненное къ жизни, дало намъ Рудина, но матеріалъ, изъ котораго создалось это лицо, — взятъ изъ нашего отечества, изъ круга людей, живущихъ между нами.

Digitized by Google

Рудинъ долженъ назваться человѣкомъ просвѣщеннымъ: сердце его смягчено знаніемъ, благородная жажда идеала словно родилась съ нимъ вмѣстѣ. По уму и душѣ онъ опередилъ многихъ просвѣщенныхъ людей одного съ нимъ края, опередилъ — и остановился посреди блестящаго пути, не умѣя воспользоваться сокровищами, только-что добытыми. Причина такого бездѣйствія, разрѣшившагося полнымъ безсиліемъ передъ практическою жизнію, заключается въ отсутствіи *воли*, въ неспособности къ *правильному восприятію* началъ истиннаго просвѣщенія. Можно до глубины существа нашего пропитаться добрымъ словомъ, — и при всемъ томъ, оказаться дѣтски-слабымъ въ тѣ минуты, когда предстанетъ необходимость сдѣлать дѣло изъ добраго слова. Человѣкъ просвѣщается тѣмъ же путемъ, какъ и общество, какъ и государство. Человѣкъ, просвѣщающій себя, долженъ быть, для своего нравственнаго міра, въ нѣкоторомъ смыслѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ великій преобразователь Россіи, государь Петръ Великій, — для края, Богомъ ему вѣреннаго. Подобно тому, какъ нашъ великій просвѣтитель, усиліями могучей своей воли, вводилъ великія идеи, имъ добытыя, въ жизнь и бытъ Россіи, всякій честный и слабый человѣкъ, обогащаясь сокровищами мудрости, обязанъ, во что бы ни стало, сродните эти сокровища съ своей жизнью, примѣнить ихъ къ средствамъ и потребностямъ среды, его окружающей. Мало одной горячей любви къ правдѣ, — надо проводить эту правду во всей жизни нашей. Мало проводить правду съ упорствомъ и необузданной горячностью, — надо быть мудрымъ, практическимъ, *своевременнымъ* въ ея примѣненіи. Одного идеала мало для просвѣщенія, съ одной благородной горячкою ничего не сдѣлаешь, съ однимъ краснорѣчивымъ словомъ не уйдешь далеко. Необходимо просвѣщенному дѣятелю жизни коротко знать всѣ средства той среды, гдѣ ему судьбой назначено жить. Онъ не долженъ требовать отъ младенца того, что можетъ дать лишь мудрецъ, ему подобный. Онъ не имѣетъ права возмущаться несовершенствами общества и, уединясь на прохладныя метафизическія вершины, считать свою человѣческую обязанность исполненною. Пламенно воспринявъ изъ просвѣщенія то, что кажется ему свѣтлымъ и плодотворнымъ — онъ исполняетъ лишь одну вступительную часть своей задачи. Сама задача заключается въ жизни, въ посильномъ и непреложномъ примѣненіи съ жизнью, въ неотступномъ и благотворномъ вліяніи на общество, среди котораго онъ родился.

Рудинъ и цѣлая семья Рудиныхъ — не поняли той задачи, о которой мы говорили сейчасъ — за вступительной ея частью (а

Digitized by Google

эта часть была имъ изучена въ совершенствѣ) они забыли всю сущность своей науки, упустили изъ вида весь долгъ своего существованія. Чужеземная мудрость ихъ не столько извратила, сколько отуманила, сердце ихъ осталось человѣчнымъ, но воля ихъ, слишкомъ парализованная развитіемъ созерцательныхъ способностей, не пошла съ ними въ уровень. Говоря метафорическимъ слогомъ, Рудины явились на жизненную битву (battle of life) съ полнымъ воображеніемъ и готовностью на подвигъ, но подвиговъ не могли совершить, потому-что самое поприще боя было имъ совершенно незнакомо. Не ознакомясь со средствами своего противника, не имѣя понятія о мѣстахъ, ими занятыхъ, — наши бѣдные бойцы мысли съ первыхъ шаговъ увидали себя окруженными, смятыми, сбитыми съ позиціи. Первая житейская неудача была для нихъ неудачей всей жизни, потому-что для людей, въ родѣ Рудина, нѣтъ середины между безконечнымъ довѣріемъ къ своей силѣ и полнымъ упадкомъ всякой энергіи. Для Рудиныхъ нѣтъ ни житейскаго, благороднаго упорства, ни искуснаго отступленія послѣ неудачи, ни несокрушимой вѣры въ свое назначеніе.

Послѣ всего нами сейчасъ сказаннаго, читателю будетъ понятно, что типъ человѣка, въ родѣ Рудина, никакъ не можетъ быть удовлетворительно развитъ въ одномъ эпизодическомъ разсказѣ. Самъ Гоголь, при всей своей невѣроятной силѣ на созданіе живыхъ лицъ, не взялся бъ за такую задачу, ужасающую по ея многосложности. Чтобъ Рудинъ могъ высказаться въ художественной полнотѣ созданія, надо ввести читателя въ запутанные изгибы этой запутанной души и, мало того, развить передъ нимъ многостороннюю картину столкновеній Рудина съ дѣйствительностью. Форма біографическая, письменная, тутъ придутся лучше обыкновенной повѣствовательной формы съ рядомъ обыкновенныхъ сценъ и представленій. Нитей оказывается слишкомъ много для того, чтобъ затянуть ихъ въ одинъ узелъ, безъ огромныхъ усилій надъ этой работой, сверхъ великаго труда требующей еще великаго хладнокровія въ труженикѣ. Мы еще не настолько отдалились отъ Рудиныхъ, чтобъ съ безпристрастіемъ глядѣть въ глаза этихъ страждущихъ собратовъ нашихъ: мы сами еще носимъ въ себѣ много рудинскаго. Можно осуждать или оправдывать героя послѣдней большой повѣсти Тургенева, но отнестись къ нему спокойно и безпристрастно едва ли кто-нибудь въ силахъ. Рудинъ не властвуетъ надъ думами цѣлаго извѣстнаго поколѣнія, какъ напримѣръ властвовалъ Печоринъ въ свое время, — но за то въ

Digitized by Google

наши дни Печоринъ есть лицо отжившее и сведенное съ пьедестала, чего о Рудинѣ сказать невозможно.

Г. Тургеневъ не только вполнѣ сознавалъ важность дѣла, имъ предпринятаго, но и принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ серьезной борьбѣ съ своею задачею. Повѣсть была писана во время тихихъ сельскихъ досуговъ, безъ торопливости, безъ перерывовъ въ трудѣ. Она была много разъ прочитана въ кругу людей, которыхъ мнѣніемъ дорожилъ авторъ; она исправлялась и передѣлывалась вплоть до того дня, когда обычаи нашей спѣшной журнальной дѣятельности могли терпѣть такую медленность. Нѣтъ спора въ томъ, что нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ работы много бы дали Рудину, — но передъ нами теперь то, что сдѣлано авторомъ, а не то, что могъ бы онъ совершить при иныхъ условіяхъ. Не обинуясь говоримъ, что обработка повѣсти насъ крайне обрадовала, что въ ней мы увидѣли тотъ почтенный и серьезный элементъ труда, который еще болѣе подкрѣпилъ нашу всегдашнюю симпатію къ таланту Тургенева. На борьбу съ трудной темою, на выясненіе личности Рудина, такъ трудно поддающейся объективному представленію, пошла цѣлая сокровищница лучшихъ пріемовъ поэта. Всюду, даже въ блѣднѣйшихъ страницахъ повѣсти, сказывался его свѣтлый умъ, его тонкая поэтическая наблюдательность, его многосторонне-симпатическія воззрѣнія на жизнь нашу. Любители строгой художественности могли ратовать противъ многихъ частностей Рудина; для цѣнителей тонко-развитыхъ по уму, для читателей, любящихъ заглядывать въ душу любимаго писателя, для литературныхъ лакомокъ однимъ словомъ — повѣсть «Рудинъ» могла назваться дорогимъ подаркомъ.

По замыслу Тургенева, главнымъ эпизодомъ повѣсти, тѣмъ эпизодомъ, который долженъ былъ составлять собою какъ бы ключъ къ уразумѣнію всей личности Рудина, считается исторія любви Дмитрія Николаевича къ Натальѣ Ласунской. Такъ какъ «Рудинъ» не есть дневникъ или біографія, или автобіографія, то разсчетъ автора въ этомъ случаѣ весьма понятенъ: идея повѣсти не можетъ никогда раздробляться на нѣсколько равносильныхъ эпизодовъ, безъ ущерба всему произведенію. Во всякомъ трудѣ повѣствовательнаго свойства, полезно сводить всѣ нити разсказа къ одному центру: объ этомъ спорить никто не будетъ. Но можно спорить и задумываться о томъ, соотвѣтствуетъ ли главный эпизодъ Рудина значенію всей повѣсти, сосредоточиваетъ ли онъ въ себѣ всѣ данныя къ разумѣнію личности героя, короче сказать, даетъ ли его художественная форма достаточное разъясненіе на

Digitized by Google

всю мысль, заданную себѣ авторомъ. По нашему личному мнѣнію, до этого, во чтобы ни стало, необходимаго результата, не достигъ нашъ авторъ. Нечего и говорить о томъ, что онъ предпринялъ свой трудъ съ благороднымъ рвеніемъ, что онъ задумалъ его добросовѣстно и выполнилъ совершенно честно: не взирая на все это, не взирая на поэтическую силу, красящую собой весь эпизодъ, нами теперь разсматриваемый, главная интрига повѣсти отличается неполнотою. Отношенія Рудина и Натальи задуманы превосходно, художественная коллизія между словомъ и дѣломъ, между страстью и фразой, между юной рѣшимостью и вялымъ отсутствіемъ воли — стоитъ всего вниманія цѣнителей. Передъ честной, тихой, дѣвическою энергіей семнадцатилѣтней дѣвушки ярко выступаютъ всѣ противоположныя недостатки Рудина, и самъ герой разоблачается во всей своей грустной дѣйствительности. И, не смотря на то, Рудинъ и послѣ эпизода съ Натальей остается тѣмъ же загадочнымъ, не вполнѣ разъясненнымъ страдальцемъ, какимъ онъ былъ до своего послѣдняго свиданія съ любящей дѣвушкой. Самъ авторъ видитъ это, и, подобно миѳологическому Сизифу, снова принимается за трудъ, только что конченный, стараясь съ помощью замѣтокъ Лежнева и его послѣдняго, превосходнаго разговора съ Рудинымъ дополнить то, что необходимо. Уже одно то обстоятельство, что прощаніе Натальи съ Дмитріемъ Николаевичемъ не занимаетъ собою послѣднихъ страницъ повѣсти, говоритъ о неполнотѣ ея главнаго эпизода. Почему же произошла такая неполнота, почему весь характеръ Рудина не обозначился передъ читателемъ черезъ основной узелъ всей нами разбираемой повѣсти?

Недостатокъ полной гармоніи между идеей повѣсти и главнымъ эпизодомъ по части ея воплощенія, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, любовь Рудина къ Натальѣ не есть та любовь, при которой всѣ силы человѣка приходятъ въ напряженіе и вслѣдствіе того сосредоточиваются въ одномъ фокусѣ, драгоцѣнномъ для художника-наблюдателя человѣческой природы. Горячая страсть дѣйствительно заставляетъ всякаго человѣка высказываться съ возможной полнотою, но дѣло въ томъ, что Дмитрій Николаевичъ Рудинъ не имѣетъ горячей страсти къ Натальѣ. Лежневъ, назвавшій Рудина кокеткою, холоднымъ энтузіастомъ, человѣкомъ, лишеннымъ крови и натуры, превосходно обозначилъ всю разницу, которая проявилась между блистательнымъ говоруномъ и тихой, неразговорчивой дѣвушою, имъ заинтересовавшеюся. Наталья Ласунская живетъ любимымъ из-

Digitized by Google

бранникомъ, не говоря ни одной фразы; Рудинъ, въ свою очередь, такъ и сыплетъ фразами, — а разставшись съ любящей дѣвушкой, вспоминаетъ слова Донъ-Кихота Санхо-Пансѣ: «Свобода, другъ мой Санхо, — это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній человѣка!» Вотъ что говоритъ Рудинъ въ тѣ минуты, когда у любящей дѣвушки сердце разрывается на части! Наталья готова на всѣ жертвы, на всѣ доказательства своей преданности, на цѣлую жизнь нужды и тревоги; въ отвѣтъ на всѣ стремленія возвышенной дѣвической натуры, Дмитрій Николаичъ говоритъ ей: «ваша матушка не согласна. Нечего и думать объ этомъ». Объясненіе Рудина съ Натальей превосходно, но своимъ совершенствомъ оно только подтверждаетъ мысль нашу о томъ, что, прослѣдивъ за исторіей Рудинской любви, читатель все-таки не видитъ передъ собой, въ ясномъ образѣ, самого Рудина.

Изъ обстоятельства, сейчасъ намп разъясненнаго, истекаетъ и другая причина несовершенства повѣсти. *Рудины не поясняются черезъ страсть* — объ этомъ совершенно позабылъ нашъ авторъ. Предположивъ Дмитрія Николаевича безумно и горячо влюбленнымъ (всякія чудеса случаются на свѣтѣ), создавши другой типъ женщины и придумавши самую характеристическую коллизію между двумя лицами, мы все-таки увидимъ себя въ невозможности разгадать Рудина по исторіи его страсти. Рудинъ влюбленный, даже отчаянно влюбленный, поступитъ въ разрядъ любопытнѣйшихъ явленій для психолога, но не смотря на то, судить по немъ о настоящемъ и всѣмъ намъ современномъ типѣ будетъ также неудобно, какъ судить о свойствахъ и характерѣ незнакомаго человѣка, наблюдаемаго въ минуты тяжкой болѣзни. Для натуръ, подобныхъ Рудину, страсть къ женщинѣ можетъ быть горячкою, холерою (какъ для Алексѣя Петровича въ «Перепискѣ»), — никакъ не нормальнымъ проявленіемъ всей ихъ души, какъ это бываетъ съ натурами здоровыми. Лежневъ или Волынцевъ, во влюбленномъ состояніи, останутся прежними, твердыми, обыкновенными людьми, объясняемыми ихъ страстью: эта страсть выдвинетъ наружу ихъ добрыя качества, раскроетъ передъ наблюдателемъ ихъ стремленія и затаенные помыслы — подобнаго результата никогда не произойдетъ съ влюбленнымъ Рудинымъ. Люди, неспособные къ страсти, но почему-либо ею захваченные, всегда будутъ представлять собой явленіе исключительное и какъ бы оторванное отъ общей связи явленій ихъ прошедшей жизни. Рудинъ влюбленный истинно не будетъ тѣмъ Рудинымъ, который философствовалъ въ Берлинѣ, отпускалъ горячія импровизаціи на вечерахъ у Покорскаго, гостилъ

Digitized by Google

у Дарьи Михайловны и разстроивалъ первую любовь Лежнева (смотри разговоръ Михаила Михайлыча съ Александрой Павловной). Теперь изъ заключеній нашихъ поэтому поводу не мудрено будетъ вывести полное сужденіе о причинахъ, почему въ повѣсти Тургенева главный эпизодъ всего произведенія недостаточно знакомитъ читателя съ личностью Дмитрія Николаича.

И такъ, вотъ нашъ безпристрастный и, по возможности, осмотрительный выводъ о всей вещи. Въ постройкѣ «Рудина» есть та роковая неправильность, которую мы въ свое время выслѣдили въ постройкѣ «Колосова», перваго изъ всѣхъ произведеній автора нашего. Герой произведенія, взятый какъ типъ, какъ объективная личность, проявившаяся въ главномъ эпизодѣ задуманнаго труда, не имѣетъ достаточной, собственно ему принадлежащей жизни. Персонажъ Дмитрія Рудина, подобно личности Андрея Колосова, не выясняется передъ нами въ совершенствѣ, не соприкасается съ тѣми сторонами дѣйствительности, съ которыми онъ (по идеѣ, заложенной въ его созданіе) долженъ былъ соприкасаться всѣми своими нравственными сторонами. Колосовъ, въ приключеніи съ Варинькой, проявилъ намъ лишь самыя слабыя стороны своей души; Рудинъ, въ эпизодѣ съ Натальей, выказалъ себя существомъ далеко худшимъ, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ обѣихъ повѣстяхъ авторъ счелъ долгомъ, для оправданія и истолкованія обоихъ героевъ, ввести въ дѣло пояснительные аргументы, какъ отъ своего лица, такъ и отъ лица другихъ персонажей, дѣйствующихъ въ его разсказѣ. Обѣ вещи исполнены поэтической прелести, которая, во многихъ мѣстахъ, съ избыткомъ выкупаетъ недостатки объективнаго творчества, разъясняя и истолковывая частности произведеній, въ томъ нуждающіяся. Тутъ и кончается параллель между однимъ изъ первыхъ и однимъ изъ послѣднихъ трудовъ Тургенева. Болѣе сближать ихъ между собою не предстоитъ ни надобности, ни возможности. Незрѣлая, хотя чрезвычайно изящная повѣсть «Колосовъ», никакъ не можетъ равняться съ «Рудинымъ» ни въ поэтическомъ, ни въ художественномъ отношеніи. Не взирая на всѣ несовершенства главной постройки, «Рудинъ» Тургенева есть глубокій этюдъ надъ современнымъ человѣкомъ, твореніе, дѣлающее честь и поэту, имъ занявшемуся, и литературѣ, его породившей. Годъ, ознаменованный подобными произведеніями искусства, не можетъ назваться годомъ, понапрасну пролетѣвшимъ для одного изъ нашихъ даровитѣйшихъ писателей. Можно находить большія несовершенности въ «Рудинѣ», можно спорить о «Рудинѣ», можно изъ своей головы пополнять

Digitized by Google

авторское воззрѣніе на личность Рудина, — но холодно пройти мимо этой личности и художественнаго созданія, ея разъясненію посвященнаго, не дозволяется ни одному изъ чтителей русскаго искусства.

Трудъ нашъ по поводу повѣстей Тургенева оконченъ; долгая и многосложная задача выполнена нами по мѣрѣ нашихъ силъ и способностей. О «Фаустѣ» уже было говорено въ нашемъ журналѣ; сверхъ того эта замѣчательная повѣсть, кажущаяся намъ началомъ новой дѣятельности въ ея авторѣ, должна быть разсмотрѣна въ связи съ другими произведеніями, которыхъ мы ожидаемъ и вправѣ ожидать отъ дальнѣйшей дѣятельности автора «Записокъ Охотника». Мы кончаемъ нашу послѣднюю статью подъ вліяніемъ самаго пріятнаго впечатлѣнія: издалека донесся до насъ голосъ привѣта и одобренія, голосъ того самаго дорогого намъ писателя, котораго отзывъ о нашей рецензіи для насъ теперь цѣннѣе всѣхъ возможныхъ проявленій читательской симпатіи. Мы трудились не напрасно и можемъ сказать, что по крайней мѣрѣ первая часть задачи не была для насъ трудомъ неблагодарнымъ. Пусть же долго и долго звучитъ, въ дружескомъ кругѣ нашемъ и въ молодой нашей литературѣ, тотъ симпатическій и любимый голосъ поэта-прозаика, къ которому такъ хорошо подходитъ званіе любезнѣйшаго и любимѣйшаго изъ современныхъ русскихъ писателей!

1857.

XIV.

«ШИЛЛЕРЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ», ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. В. ГЕРБЕЛЯ. ТОМЪ I. СПБ. 1857.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ недавно была высказана въ высшей степени справедливая мысль о томъ, что наша современная критика, разбирая періоды русской словесности съ исторической точки зрѣнія, никогда почти не касается вліянія, производимаго на русскую литературу и общество русское *иностранными писателями*. Въ самомъ дѣлѣ, наши критики — и мы первые — не мало грѣшили по этой части. Любовь къ общимъ выводамъ не разъ увлекала насъ слишкомъ далеко, и, признаемся откровенно, сбивала на ложную дорогу. Мы всегда были готовы писать по страницѣ о вліяніи той или другой повѣсти журнальной на литературу и вкусъ читателя, не удѣляя даже и строки ино-

Digitized by Google

земнымъ первокласснымъ дѣятелямъ, которые обходили всю читающую Россію, въ переводѣ или въ подлинникѣ, вдохновляя литераторовъ, зарождая толпы подражателей или, по крайней мѣрѣ, услаждая досуги цѣлаго поколѣнія. Очень часто мы оставляли въ тѣни факты истинно достойные изученія, или, вслѣдствіе довольно извинительной симпатіи къ дѣятелямъ родного края, приписывали имъ талантъ тотъ результатъ, который былъ подготовленъ писателями чужестранными. Въ послѣднемъ случаѣ всегда случалось такъ, что часть принималась за цѣлое, подражаніе за оригиналъ, пѣсня съ чужого голоса за настоящую самобытную мелодію. Мы не споримъ о томъ, что русскіе поэты, усвоившіе себѣ духъ и вліяніе того или другого великаго чужеземнаго пѣвца, внесшіе на этомъ основаніи новый элементъ въ свою словесность, стоятъ почета и благодарности; но никогда не слѣдуетъ, говоря о цвѣткѣ, забывать растеніе, давшее ему жизнь, или описывая зданіе, умалчивать о фундаментѣ, на которомъ оно построено. Сметливость и переимчивость русскаго человѣка весьма велика, наше просвѣщеніе еще очень юно, а потому и не мудрено, что мы многому учимся у иностранцевъ, нерѣдко увлекаемся иностранцами, подражаемъ иностранцамъ. Сказать свое собственное новое и народное слово не такъ-то легко, какъ о томъ думаютъ многіе, — хвала и тому писателю, который умѣетъ самъ учиться у другихъ, добросовѣстно дѣлясь своими открытіями съ массой своихъ соотечественниковъ. Увлеченіе иноземнымъ великимъ поэтомъ не есть рабство, перенесеніе чуждаго, но здраваго элемента на свою собственную почву не есть еще отрицаніе всякой самостоятельности. И все же, однако, слѣдя за теченіемъ широкой рѣки, полезно знать, гдѣ находится ея истокъ и какіе посторонніе притоки вошли въ составъ ея многоводной массы. За трудъ подобнаго рода непремѣнно возьмется критика, намъ современная, можетъ быть, уступающая критикѣ предшествовавшаго намъ періода въ талантѣ и страстности, но превышающая ее по спокойствію воззрѣнія и многостороннему развитію своихъ главныхъ дѣятелей. До сихъ поръ еще въ нашей исторіи литературы ея главнѣйшіе періоды разсматриваются безъ связи съ теченіемъ словесности тѣхъ странъ, которыхъ языкъ и поэзія имѣли свое несомнѣнное вліяніе на ходъ русскаго просвѣщенія. До сихъ поръ еще первые писатели русскіе, люди, дававшіе благотворное направленіе нашей словесности, представляются намъ безъ связи съ ихъ чужеземными сверстниками, современниками и предшественниками. Такое воззрѣніе, по видимому, упрощая задачу, въ сущности ее усложняетъ, потому-что,

Digitized by Google

говоря, напримѣръ, о Державинѣ безъ его отношенія къ старымъ французскимъ писателямъ, о Карамзинѣ безъ вліянія, произведеннаго на него Стерномъ, о Жуковскомъ, не какъ объ адептѣ современнаго ему нѣмецкаго романтизма — мы, по необходимости, собьемся въ выводахъ, пропустимъ лучшія точки зрѣнія для уразумѣнія сказанныхъ писателей. А если мы захотимъ толковать о дѣятельности Державина, Карамзина, Жуковскаго, какъ почтенныхъ поэтовъ, сближавшихъ наше искусство съ преданіями искусства иноземнаго, то какимъ же образомъ будетъ полна наша рѣчь, безъ основательнаго разбора чужестранцевъ, имѣвшихъ такое значительное вліяніе на русскую поэзію? Какъ угадаемъ мы то, что заимствовано и что дѣйствительно воспринято, что примѣнено къ нашимъ понятіямъ, что у насъ привилось и что не привилось, не взирая на всѣ усилія толкователей? Да, намъ предстоитъ еще учиться весьма многому, во многомъ провѣрять и дополнять выводы, сдѣланные нашими даровитыми предшественниками.

Пересматривая первый томъ Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданный г. Гербелемъ, мы невольно задумались о вліяніи великаго поэта юности на развитую часть русскихъ читателей. Вліяніе это не легко поддается анализу, ибо на Руси оно не было широкимъ, увлекающимъ вліяніемъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи. Не взирая на все изящество, благородство, горячность, симпатичность, отличающіе человѣка, подарившаго міру «Орлеанскую Дѣву» и «Вильгельма Телля», масса русскихъ читателей никогда не увлекалась поэзіей Шиллера; въ этомъ отношеніи и Байронъ, и Стернъ въ сомнительныхъ поддѣлкахъ, и Скоттъ, и Сандъ, даже Ламартинъ оказались сильнѣе нѣмецкаго поэта. Незнаніе языка, недостатокъ переводовъ изъ Шиллера, изданныхъ особымъ собраніемъ, наконецъ, недовѣріе простого русскаго человѣка къ нѣмецкой музѣ — играли тутъ большую роль. Сверхъ того, и самъ Шиллеръ, можетъ быть, былъ слишкомъ идеаленъ, слишкомъ артистиченъ для русской публики прошлаго времени. Какъ бы то ни было, у насъ въ старые годы не водилось особенной страсти къ Шиллеру. Юноши наши не пѣли застольныхъ пѣсенъ его на своихъ собраніяхъ; наши дѣвушки не переписывали Шиллеровыхъ стихотвореній въ свои альбомы; ни одинъ мальчикъ-сумазбродъ не удалялся въ лѣсъ послѣ представленія Шиллеровыхъ «Разбойниковъ»; публика не лила восторженныхъ слезъ, глядя на герцога Позу во время его объясненія съ королемъ Филиппомъ. «Вильгельма Телля» многіе, довольно образованные люди, у насъ никогда не читали; «Іоанна д'Аркъ» не получила въ печати боль-

Digitized by Google

шого успѣха, не взирая на авторитетъ Жуковскаго и плѣнительную сладость стиховъ, которыми она была передана. Въ то время, когда Шиллеръ наполнялъ Европу своимъ именемъ, большинство нашихъ соотечественниковъ еще не было подготовлено къ его уразумѣнію ни въ ученомъ, ни въ общественномъ, ни въ поэтическомъ отношеніи. Наше эстетическое пониманіе, съ тѣхъ поръ такъ развитое и просвѣщеніемъ, и великими событіями исторіи, и пѣснями Пушкина, съ поэтами въ родѣ Кольцова, Лермонтова, Гоголя, еще не доросло до того, чтобъ примѣниться къ Шиллеровой музѣ. Мы не могли еще вполнѣ цѣнить «Орлеанской Дѣвы» за ея неземную поэзію, намъ не сказывалось все средневѣковое величіе въ какомъ нибудь «Графѣ Габсбургскомъ», даже дивныя баллады изъ греческаго міра казались въ свое время чѣмъ-то неудобопонятнымъ, ибо греческій міръ, съ его героями и богами, являлся намъ не иначе, какъ подъ причудливой маской французскаго псевдоклассицизма. Бюргерова «Ленора», нескладно поддѣланная подъ русскіе нравы, обошла всю Россію, не взирая на всѣ свои несообразности, между тѣмъ какъ произведеніе, исполненное высочайшей мудрости и художественности:

Палъ Пріамовъ градъ священный,
Грудой пепла сталъ Пергамъ,

находило себѣ цѣнителей лишь между поэтами и небольшимъ числомъ лицъ самаго широкаго образованія. Здѣсь мы и остановимся на время, ибо намъ удалось коснуться сущности всего дѣла. Вліяніе Шиллера на русскихъ читателей не могло назваться великимъ, но оно все-таки было глубоко и плодотворно. Масса нашей прежней публики, скажемъ съ достовѣрностью, была холодна къ имени и поэзіи Шиллера. Но небольшое число лицъ высоко одаренныхъ и составлявшихъ цвѣтъ нашего общества, высоко уважало Шиллера. Державинъ и Мерзляковъ перевели одно изъ слабѣйшихъ стихотвореній поэта юности и напечатали его въ «Вѣстникѣ Европы» за 1806 годъ. Черезъ годъ Жуковскій приступилъ къ дѣлу, напечатавъ извѣстный романсъ «Тоска по Миломъ», и слѣдомъ за нимъ: «Кассандру», «Счастіе», «Жалобу», «Ивиковыхъ Журавлей» и цѣлый рядъ другихъ переводовъ. Изъ нихъ, надо признаться, огромнымъ успѣхомъ былъ награжденъ только одинъ — «Тоска по Миломъ», до сихъ поръ памятный старушкамъ за одно съ извѣстнымъ романсомъ: «Подъ вечеръ осени ненастной».

Всѣ переводы Жуковскаго выполнены превосходно и поэтически добросовѣстно, хотя всякій придирчивый критикъ, если онъ къ тому же еще лишонъ поэтическаго чутья, найдетъ въ нихъ

Digitized by Google

много отклоненій отъ *буквы* подлинника. Впрочемъ, критики такого рода никогда не имѣютъ авторитета, да и самъ Жуковскій, благодаря своему дарованію, не нуждался ни въ какихъ указаніяхъ. Примѣръ поэта породилъ подражателей—и въ двадцатыхъ годахъ, кромѣ Жуковскаго, надъ Шиллеромъ трудились люди весьма талантливые, какъ-то Шевыревъ, Востоковъ, Писаревъ, Ротчевъ. Въ журналахъ помѣщались статьи о сочиненіяхъ Шиллера, его біографіи, отрывки изъ его трагедій и историческихъ сочиненій, даже критическо-полемическія статьи по поводу Шиллера. Короче сказать, для каждаго изъ талантливыхъ литераторовъ періода двадцатыхъ годовъ, имя Шиллера было любимымъ именемъ: его творенія или переводы его твореній были настольною книгою. Масса читателей, не питая особеннаго восторга къ пѣвцу «Валленштейна», пріучалась произносить его имя съ почтеніемъ, смутно сознавая, что съ этимъ именемъ соединяется нѣчто прекрасное, вѣчно юное, благородное и вполнѣ отрѣшенное отъ житейской пошлости.

Послѣ двадцатыхъ годовъ въ литературѣ нашей, по видимому, ослабѣлъ энтузіазмъ къ Шиллеру, и причина тому весьма понятна. Нѣсколько новыхъ чужестранныхъ поэтовъ получили у насъ полный почетъ; просвѣщенная часть нашей публики обратилась къ инымъ властителямъ думъ, какъ напримѣръ къ Скотту, Гёте, Ламартину, Шатобріану, и неотразимѣйшему изъ всѣхъ поэтовъ — лорду Байрону. Въ тоже самое время, родная словесность стала принимать широкое, національное развитіе: на сцену вышли Пушкинъ, за нимъ Лермонтовъ, за нимъ Гоголь, и читатели новаго періода; общее направленіе вкуса стало клониться къ реализму въ искусствѣ. Но Шиллера не забываютъ люди, даже слабо почуявшіе ароматъ его вдохновенной поэзіи. Книжка, о которой говоримъ мы въ настоящую минуту, всего лучше доказываетъ справедливость словъ нашихъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ, не взирая на антиромантическую реакцію, не смотря на какое-то врожденное нерасположеніе русскаго человѣка къ музамъ туманной Германіи, почти всѣ лучшіе наши поэты хотя изрѣдка брались за переводы изъ Шиллера. Поэты второстепеннаго разбора сдѣлали тоже, за ними шли поэты самаго малаго таланта, и, что замѣчательно, даже трудъ этихъ слабѣйшихъ дѣтей Аполлона стоитъ вниманія. Наконецъ, въ спискѣ лицъ, упомянутыхъ въ библіографической статьѣ г. Гербеля, находимъ мы людей, всегда писавшихъ прозою, и для Шиллера только устремившихся въ область крылатой поэзіи. О томъ, что все это происходило не изъ моды, не изъ временного

Digitized by Google

увлеченія, кажется говорить не стоитъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ всякое раздирательное, дидактическое или байроническое стихотвореніе цѣнилось лучше самаго свѣжаго перевода изъ Шиллера. Трудясь надъ какой нибудь мелкой вещицей названнаго пѣвца, каждый переводчикъ зналъ, что этимъ трудомъ онъ не увеличитъ своей славы, что немногіе изъ читателей скажутъ ему за то хотя слабое привѣтствіе. Подобные труды по большей части исчезали въ журналахъ, критика едва упоминала о нихъ, а между тѣмъ Шиллеръ, котораго переводили до появленія Байроновскихъ поэмъ, переводился русскими людьми и тогда, какъ энтузіазмъ нашъ къ Байрону совершенно выгорѣлъ. У просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей русской словесности держалась, въ отдаленныхъ тайникахъ сердца, прочная симпатія къ поэту юности, всякій человѣкъ, говорившей когда-либо «о Шиллерѣ, о славѣ и любви», питалъ вѣчную, неизмѣнную, хотя тихую преданность къ имени, можетъ быть самому честному изо всѣхъ человѣческихъ именъ, сдѣлавшихся славными за все столѣтіе.

Когда, по смерти Шиллера, кто-то спросилъ у Гёте: почему онъ не желаетъ проститься съ тѣломъ своего друга, великій пѣвецъ «Фауста» отвѣтилъ такими словами: «Я не хочу видѣть Шиллера мертвымъ и разрушающимся, — онъ долженъ жить въ моемъ сердцѣ въ видѣ живого, вѣчнаго юноши». Такимъ юношей живетъ Шиллеръ и въ сердцахъ нашихъ, и въ сердцахъ отцовъ нашихъ, въ воображеніи всѣхъ дѣятелей новой литературы, и въ воображеніи почтенныхъ дѣятелей, намъ предшествовавшихъ. Да и можетъ ли оно быть иначе? Вспомнимъ, чему мы научились у Шиллера; вспомнимъ о его вліяніи на всю нашу юность, на всѣ наши порывы къ высокому! Развѣ для нѣсколькихъ просвѣщенныхъ поколѣній на Руси Шиллеръ не былъ, если не властителемъ думъ, то по крайней мѣрѣ тихимъ другомъ, при голосѣ котораго споры утихаютъ, лица проясняются, помыслы принимаютъ доброе настроеніе? Вотъ причина, по которой Шиллера такъ много переводили и переводятъ у насъ, хотя никто еще изъ русскихъ поэтовъ, кромѣ Жуковскаго, не добылъ себѣ громкой славы переводами изъ Шиллера. Взгляните на списокъ именъ, помѣщенныхъ въ оглавленіи изданія г. Гербеля: какихъ именъ вы тутъ не найдете, рядомъ съ именами первыхъ нашихъ писателей? Тутъ увидите вы и водевилистовъ, и лицъ, совершенно неизвѣстныхъ въ литературѣ, и поэтиковъ, о которыхъ говорятъ съ снисходительной усмѣшкой, и лицъ съ задняго двора нашей литературы, газетныхъ фельетонистовъ, о которыхъ никто не говоритъ печатно,

Digitized by Google

изъ уваженія къ собственному достоинству. Но и у самаго мелкаго труженика бываютъ свои чистыя минуты, и онъ пріучаетъ себя въ подобныя минуты, по мѣрѣ силъ своихъ, обращаться къ самому благороднѣйшему изъ извѣстныхъ ему поэтовъ. Большая часть переводовъ, напечатанныхъ г. Гербелемъ, стоитъ вниманія, чьими бы именами ни были подписаны эти переводы. Какъ и слѣдуетъ ожидать, изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ, которые были сдѣланы не по заказу, не по приглашенію издателя, а по наклонности вкуса самихъ переводчиковъ, по собственному ихъ усмотрѣнію.

Обиліе переводовъ изъ Шиллера, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ, а потому теряющихъ большую часть своего значенія, дало г. Гербелю счастливую мысль собрать эти переводы, подвергнуть ихъ тщательному пересмотру, дополнить переведенныя вещи Шиллера какъ своими трудами, такъ и новыми трудами своихъ товарищей-поэтовъ, и затѣмъ представить русскимъ читателямъ собраніе лучшихъ сочиненій Шиллера въ русскомъ переводѣ. Задумавъ хорошее и полезное дѣло, издатель принялся за работу съ усердіемъ, дѣлающимъ честь его трудолюбію. Тщательный пересмотръ періодическихъ изданій далъ возможность г. Гербелю составить почти полное собраніе стихотвореній Шиллера въ русскомъ переводѣ. Не всѣ пьесы, конечно, были удачны по исполненію, не всѣ стоили имени Шиллера. Вслѣдствіе осмотрительнаго выбора многое было отвинуто, многое принято. Стихотворенія, которыхъ переводы не удовлетворяли своему назначенію, а также вещи, еще не переданныя на русскій языкъ, были раздѣлены между нѣсколькими современными поэтами, съ готовностью вызвавшимися содѣйствовать всему предпріятію. Такимъ образомъ, подъ редакціею издателя, составился первый томъ «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», о выходѣ котораго мы въ свое время уже увѣдомляли нашихъ читателей. Въ этотъ томикъ, красиво изданный и напечатанный четкимъ шрифтомъ, вошло *сто сорокъ переводовъ* разныхъ авторовъ*); изъ нихъ *тридцать шесть* переведено вновь и напечатано въ первый разъ, а *двадцать четыре* исправлено самими ихъ авторами. За этой первой частью послѣдуетъ вторая и послѣдняя, въ составъ которой войдутъ всѣ остальныя стихотворенія Шиллера и подробная его біографія. Издатель,

*) Въ томъ числѣ 23 г. Струговщикова, 18 Жуковскаго, 13 Михайлова, 11 Мея и 19 самого издателя.

Digitized by Google

какъ кажется, не имѣетъ намѣренія остановиться въ своемъ предпріятіи; напротивъ того, въ своемъ предисловіи онъ обѣщаетъ намъ, что за лирическими стихотвореніями будутъ послѣдовательно являться въ русскомъ переводѣ театръ, историческія и философическія сочиненія Шиллера.

Вотъ все, что мы считаемъ нужнымъ сказать о трудѣ г. Гербеля и первой части его изданія. Быстраго успѣха «Шиллеру въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ» мы предсказать не въ состояніи, но мы вполнѣ увѣрены, что книга получитъ тихій и прочный успѣхъ, достойный ея цѣли. Для всякаго поэта, для всякаго литератора, для всякаго просвѣщеннаго человѣка имя Шиллера есть домашнее слово, «hausehold word», по выраженію Шекспира, въ наше время ставшему народной поговоркою. Когда книга г. Гербеля дополнится послѣдующими томами, когда наконецъ мы увидимъ на русскомъ языкѣ полное собраніе всего, что только Шиллеръ писалъ стихами, мы порадуемся отъ души и отъ души поздравимъ издателя съ окончаніемъ его истинно-полезнаго предпріятія.

1857.

XV.

«ПИСЬМА ОБЪ ИСПАНІИ» В. П. БОТКИНА. СПБ. 1857.

1.

Не по недостатку времени или по другимъ какимъ-либо журнальнымъ причинамъ замедлили мы до сихъ разборомъ замѣчательной книги г. Боткина, появившейся въ свѣтъ еще въ началѣ настоящаго года. Статья наша была начата черезъ нѣсколько дней послѣ выхода книги, но конецъ ея отдалялся отъ насъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ мы задумывались надъ страницами «Писемъ объ Испаніи». Чтобъ основательно говорить о сочиненіи, которое, по нашему мнѣнію, должно остаться въ русской литературѣ, мы сочли нужнымъ перечитать нѣсколькихъ иностранныхъ писателей, путешествовавшихъ по Испаніи въ наше время. Для яснѣйшаго уразумѣнія фактовъ и народныхъ чертъ, на-лету подмѣченныхъ русскимъ туристомъ, во время его недолгихъ странствованій, слѣдовало снова перечитать замѣтки людей, часть своей жизни проведшихъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Послѣ того, до насъ дошло извѣстіе о томъ, что русскія «Письма объ Испаніи» обратили на себя вниманіе германскихъ журналовъ,

Digitized by Google

переведены по частямъ и встрѣтили за границей живое одобреніе. Намъ захотѣлась просмотрѣть эти переводы и отзывы, провѣрить свои собственныя впечатлѣнія по впечатлѣніямъ цѣнителей, отъ насъ отдаленныхъ, скорѣе пристрастныхъ во вредъ, нежели въ пользу русской словесности. И наконецъ, чѣмъ долѣе мы медлили съ разборомъ нашимъ, тѣмъ болѣе хотѣлось намъ вмѣстить въ немъ свѣдѣній по поводу страны, описанной нашимъ русскимъ путешественникомъ, «этой, такъ мало знаемой страны, которая до сихъ поръ продолжаетъ представлять одну изъ печальнѣйшихъ политическихъ задачъ нашего времени».

Много было говорено про упадокъ Греціи и Италіи, но что значитъ упадокъ, сейчасъ упомянутыхъ странъ, передъ тѣмъ упадкомъ, въ какомъ находится несчастная родина дона-Родрига и Кортеса, Кальдерона и Сервантеса, Веласкеза и Мурильо? Между Греціею древнихъ, блистательныхъ временъ и Грецію новою — общаго одно лишь названіе страны; житель новѣйшихъ Аѳинъ отдѣленъ тысячелѣтіями отъ временъ Перикла: онъ можетъ гордиться древнимъ величіемъ своей родины, а не скорбѣть о немъ всею душою своею. Что касается до упадка Италіи, столько разъ оплаканнаго и въ великолѣпныхъ стихахъ, и въ плохой прозѣ, упадокъ этотъ не такъ печаленъ, какъ о томъ думаютъ многіе. Та страна не погибла, въ которой земля сохранила свою красоту и свое плодородіе, въ которую милліоны иноземцевъ стремятся обогащать себя сладчайшими впечатлѣніями жизни; еще живъ для будущаго тотъ край, о которомъ мечтаютъ и тоскуютъ избраннѣйшіе люди всего міра. Объ Италіи Европа думаетъ и всегда будетъ думать. Исторія каждаго изъ бѣдствій, которыя часто навлекались на Италію собственнымъ неразумѣемъ итальянскаго народа, коротко извѣстна всякому просвѣщенному человѣку. О довольствѣ и матеріальномъ благосостояніи этого самаго народа безпрестанно думаютъ даже его чужеземные властители. Сокровища искусствъ, которыми полна Италія, однимъ своимъ присутствіемъ дѣлаютъ изъ нея заповѣдную сокровищницу Европы, къ порогу которой ни одинъ путникъ не подходилъ безъ умиленнаго чувства. Кто смѣетъ не знать Италіи, не скорбѣть ея скорбію, не радоваться милымъ и геройскимъ чертамъ ея народа, на первый взглядъ кажущагося вѣчно несовершеннолѣтнимъ народомъ? И наконецъ, развѣ не къ Италіи принадлежитъ богатое будущностью, дружественное намъ государство, за послѣдніе годы сдѣлавшее такіе быстрые успѣхи на поприщѣ гражданственности? Къ этому государству развѣ не прикованы всѣ взоры, развѣ не видимъ мы

Digitized by Google

въ немъ залоги будущаго возрожденія той Италіи, для которой она съ нѣкотораго времени стала путеводной звѣздой во мракѣ? Послѣ всего этого, можно ли только съ одной печалію говорить про упадокъ Италіи?

Тотъ упадокъ истинно страшенъ и печаленъ, около котораго все покрыто темнотой и безмолвіемъ. Въ темнотѣ и безмолвіи, посреди общаго равнодушія всей Европы, совершается плачевное паденіе Испаніи, рыцарской и благородной страны, «безпрестанно ворочающейся на одрѣ болѣзни», какъ безнадежный больной въ страшной пѣсни Данта. Подобно одинокому, всѣми покинутому больному, безнадежно страдаетъ край, когда-то потрясавшій вселенную по своему произволу. Никто въ образованной Европѣ не интересуется исторіею его недуга, ни въ одной изъ сосѣднихъ земель не отзываются скорби Испаніи, посреди холоднаго равнодушія зрителей льется ея кровь и истощаются ея силы. Кому какое дѣло узнавать, проявляются ли въ этихъ безплодныхъ терзаніяхъ слѣды прежней народной силы, мелькаютъ ли во всей этой кровавой и утомительной драмѣ надежды на лучшую будущность, эпизоды хотя отдаленно намекающіе на счастливый исходъ недуга? А недугъ ужасенъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Съ упадкомъ политическимъ, для Испаніи идетъ не только упадокъ нравственный, какъ оно всегда бываетъ, — сама природа этой великолѣпной страны будто приходитъ въ смертное изнуреніе, отказывается служить несчастному, всѣми покинутому человѣку. Когда-то плодоносныя равнины превращаются въ голодную степь, растительность исчезаетъ въ провинціяхъ, еще недавно считавшихся житницами Испаніи, рѣки мелѣютъ, заразительныя болѣзни появляются на мѣстностяхъ, гдѣ еще недавно массы людей жили и трудились, не находя причинъ жаловаться на свою участь. Съ каждымъ годомъ лучшая часть полуострова получаетъ болѣе и болѣе сходства съ аравійскою степью, усѣянною оазисами, число которыхъ съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ. Старые города пусты, гавани не годны для стоянки кораблей, число деревень постоянно уменьшается. Не одного порядка правительственнаго недостаетъ Испаніи, — въ ней недостаетъ чего-то, можетъ быть, еще большаго: частной гражданской дѣятельности отдѣльныхъ личностей. Тамъ, гдѣ разбойникъ большихъ дорогъ въ народѣ считается героемъ, гдѣ житель одного города ненавидитъ уроженцовъ сосѣдняго городка, гдѣ открытое грабительство администраторовъ освящено обычаемъ, — ни благонамѣренный правитель, ни парламентъ изъ образованнѣйшихъ законодателей не въ состояніи придумать

Digitized by Google

никакихъ мѣръ спасенія. Нельзя предполагать, чтобъ Испанія, въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія, ни разу не имѣла хорошаго министра и дѣльнаго законодательнаго собранія, а между тѣмъ жалкая страна не имѣла даже кратковременныхъ отдыховъ отъ неурядицы. Въ политическомъ мірѣ спасать можно только того, кто самъ желаетъ спастись и крѣпко опирается на руку, ему протянутую. Этой истины какъ-будто чуждаются многіе изъ политическихъ писателей всей Европы, даже когда приходится говорить о предметахъ ближайшихъ къ нимъ, нежели Испанія съ ея бѣдствіями. Жалкія экономическія школы, нынѣ пользующіяся общимъ и вполнѣ заслуженнымъ презрѣніемъ, во все время своего существованія стремились къ тому, чтобъ умалить нашу вѣру въ частную дѣятельность человѣка, чтобъ представить въ преувеличенномъ видѣ весь вредъ индивидуализма, а затѣмъ, на основаніи сантиментально-филантропическихъ умствованій, приуготовить страждущему человѣчеству всемірное лекарство отъ всѣхъ недуговъ, настоящихъ и будущихъ. Для этихъ-то школъ, и вообще для всѣхъ людей, помышляющихъ, что человѣка можно передѣлать, безъ его содѣйствія, однимъ писаннымъ декретомъ, — изученіе современной Испаніи можетъ быть довольно благотворно. Въ Испаніи было издано много хорошихъ законовъ, принятыхъ худо, задумано много благихъ мѣръ, совершенно непонятыхъ людьми, не готовыми къ благу въ своей обыденной, частной дѣятельности. Испанскій народъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, чѣмъ остаются многіе народы въ Европѣ: то-есть массою людей, по собственному своему развитію низшихъ, чѣмъ законы для нихъ составленные. Пока благодѣтельный законъ оставался буквою, испанецъ не заботился о его существованіи; когда партія, владычествующая въ государствѣ, пробовала осуществлять законъ на дѣлѣ, — толпы недовольныхъ брали свои ружья и шли драться на площадь. На время одолѣвалъ тотъ, кто былъ сильнѣе, а на бѣду Испаніи, въ ней не появлялось ни одного истинно сильнаго, можетъ быть даже безжалостно-сильнаго человѣка, который бы могъ, подобно героямъ Карлейля, грозою устрашить народъ, не умѣющій спасать себя, народъ, неспособный прежде всего понять пользу порядка вокругъ своихъ отдѣльныхъ личностей.

Послѣ того, что мы сейчасъ сказали, не нужно прибавлять разсужденій о томъ, сколько глубокой занимательности можетъ заключаться въ обширномъ и добросовѣстномъ сочиненіи о современной Испаніи. На бѣду, подобнаго сочиненія свѣтъ еще не дождался въ европейской литературѣ, говоритъ намъ авторъ «Пи-

Digitized by Google

семъ объ Испаніи», къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ еще классическаго творенія, которое бы совершенно вѣрно отразило въ себѣ эту страну. Поэтическая прелесть народныхъ нравовъ Испаніи и постоянные политическіе смуты, ее волнующіе, представляютъ такую взаимную противоположность, такой дикій контрастъ, которые всего болѣе мѣшаютъ путешественнику составить себѣ отдѣльное понятіе объ этой странѣ, а испанская литература, за исключеніемъ немногихъ историческихъ сочиненій, можно сказать, сосредоточивается въ газетахъ, раздѣленныхъ на непримиримо враждующія партіи. Слова нашего русскаго путешественника совершенно справедливы. Классическаго сочиненія о современной Испаніи мы не знаемъ. Въ самой богатой библіотекѣ можно отыскать лишь нѣсколько хорошихъ путешествій въ Испанію, и журнальныхъ статей, относящихся къ ея исторіи за послѣдніе годы. Европа имѣетъ лишь одно небольшое собраніе матеріаловъ относительно знанія Испаніи, многіе изъ этихъ матеріаловъ драгоцѣнны по своему литературному достоинству, многіе изъ нихъ дали заслуженный успѣхъ авторамъ, — но все-таки это матеріалы, не болѣе. Ихъ надо переглядѣть въ общей сложности для того, чтобъ имѣть сколько нибудь опредѣленное понятіе о странѣ, незнаемой въ Европѣ и какъ будто оторванной отъ Европы. Ихъ надо по временамъ свѣрять между собой, свѣрять даже съ другими матеріалами, нынѣ почти забытыми и погребенными въ политическихъ журналахъ и газетахъ. При такомъ положеніи предмета, весьма понятна важность каждой новой книги, каждой умной статьи, относящейся до нравовъ и обычаевъ новой Испаніи. «Письма объ Испаніи», нынѣ оцѣненныя не въ одной нашей литературѣ, неоспоримо должны занять почетное мѣсто въ ряду матеріаловъ, сейчасъ нами упомянутыхъ. Независимо отъ прелести изложенія, многихъ страницъ высокаго поэтическаго достоинства, и другихъ данныхъ, хорошо знакомыхъ всякому, кто читалъ письма г. Боткина еще въ «Современникѣ», письма эти важны еще во многихъ другихъ отношеніяхъ. Чтобъ оцѣнить ихъ важность и занимательность, касательно изображенія современной Испаніи, необходимо будетъ сдѣлать, по возможности, краткій обзоръ нѣсколькихъ сочиненій, однородныхъ съ книгою г. Боткина.

Европейскіе публицисты не много писали объ Испаніи, путешественники рѣдко изображали эту страну, хотя бы съ самой поверхностной точки зрѣнія. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, побывать въ Испаніи, казалось также опаснымъ, какъ напримѣръ съѣздить на мысъ Доброй-Надежды, къ племе-

Digitized by Google

намъ, живущимъ во враждѣ съ европейцами. Великая имперія разрушалась, какъ будто силясь скрыть отъ сосѣдей зрѣлище своего разрушенія. Словно по произволу своихъ правителей, спльныхъ лишь на одно зло и тайну, Испанія была ограждена всевозможными препятствіями для зоркаго взгляда иноземца-путешественника, иноземца-дипломата, иноземца-экономиста. Ея инквизиція не заботилась о международныхъ правахъ, ея администраторы не церемонились съ назойливымъ чужестранцемъ, ея жители, подозрительные, малообразованные и запуганные, не охотно сближались съ заѣзжими гостями. Доступъ ко всему, что могло интересовать иностранца, былъ всегда труденъ и часто невозможенъ; трудны и часто невозможны были даже путешествія внутрь страны, уже пораженной нищетою и неустройствомъ. Такъ было до наполеоновскихъ войнъ, которыя, при всей своей тягости, отчасти пробудили Испанію, послужили къ уничтоженію многихъ отжившихъ постановленій и наконецъ дали возможность блистательно проявиться геройству націи, уже начинавшей пользоваться презрѣніемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Съ того времени, какъ англичане приняли участіе въ борьбѣ и высадили свои войска на Пиринейскій полуостровъ, въ англійскихъ книгахъ и политическихъ обозрѣніяхъ стали появляться толки объ Испаніи. Холодность народа, чаще другихъ имѣвшаго торговыя сношенія съ приморской Испаніей, внезапно замѣнилась энтузіазмомъ и признаками горячаго сочувствія. Имена Палафокса, Кастаньоса, Инфантадо и ихъ многочисленныхъ сподвижниковъ, изъ Англіи перешли въ Германію, въ Россію, во всѣ страны, скрыто или открыто враждебныя наполеоновскому владычеству. Европа, до той поры едва знавшая о томъ, какъ велико число жителей въ Испаніи, узнала по именамъ всѣхъ предводителей гверильясовъ. Англійскіе писатели воинственной партіи искусно воспользовались общимъ сочувствіемъ, отчасти ими же подготовленнымъ. Въ журналѣ торіевъ («Quarterly Review») было напечатано нѣсколько любопытныхъ статей о правахъ и политическихъ дѣлахъ Испаніи; для составленія или просмотра такихъ статей, редакція оказался весьма полезенъ извѣстный Робертъ Соути, поэтъ невысокаго разбора, но человѣкъ большого образованія, знакомый съ языкомъ, исторіею, бытомъ Испаніи и Португаліи. Газеты и обозрѣнія противной партіи, особенно журналъ лорда Джеффри («Эдинбургское Обозрѣніе») не дѣлили этого восторга къ Испаніи, а Джеффри выпскалъ себѣ нѣсколькихъ сотрудниковъ, пытавшихся выставить передъ свѣтомъ всѣ непривлекательныя особенности страны, за которую лилось

Digitized by Google

столько британской крови. Достойно замѣчанія то, что герой и спаситель Пиринейскаго полуострова, идолъ торіевъ и побѣдитель во всей брани — Артуръ Веллеслей (Веллингтонъ) судилъ своихъ испанскихъ союзниковъ можетъ быть строже, чѣмъ самые враждебные ему виги. Проницательный глазъ воина и великаго государственнаго человѣка не былъ обманутъ порывами энтузіазма, повергавшаго въ изступленіе всю Европу. Во многихъ письмахъ и секретныхъ донесеніяхъ полководца, съ ясностью различаемъ мы, что онъ подъ восторженною храбростью мгновенно умѣлъ угадывать совершенный недостатокъ стойкости. Въ энергическихъ порывахъ народа видѣлъ онъ разслабленіе, въ его патріотизмѣ — ребяческую способность увлекаться, въ его торжествахъ — непостоянство и шаткость. Въ глазахъ его, Испанія не могла ни спастись сама, ни ввѣриться чужеземному спасителю. Онъ бился за Испанію потому, что его побѣды наносили ударъ наполеоновой власти, въ будущность Испаніи онъ не вѣрилъ, къ народнымъ спламъ ея онъ ощущалъ презрѣніе, и по всегдашней своей привычкѣ, не скрывалъ этого презрѣнія.

Еще до окончанія европейскихъ войнъ и совершеннаго низложенія Наполеона, — Англія, какъ извѣстно, уже заключила крайне выгодныя для себя трактаты по торговлѣ съ государствами Пиринейскаго полуострова. Съ наступленіемъ мира, большое число британскихъ подданныхъ стало жить въ Лиссабонѣ, Опорто, Кадиксѣ, ѣздить въ эти города и по временамъ углубляться внутрь Испаніи и Португаліи. Не взирая на стѣснительные законы по торговлѣ, нѣсколько чужестранныхъ торговыхъ домовъ завелось по большимъ городамъ Испаніи. Въ тоже самое время торговля Гибралтара значительно поднялась, контробантная торговля, поощряемая англичанами, стала наводнять Испанію англійскими издѣліями, табакомъ и первыми необходимостями для людей, принуждаемыхъ своимъ правительствомъ платить за собственные товары дороже, чѣмъ за иностранные. Обмѣнъ услугъ, хотя не всегда законныхъ, сблизилъ англичанъ съ испанцами, доставилъ первымъ нѣкоторый авторитетъ по приморскимъ городамъ Испаніи, — а по прошествіи немногихъ лѣтъ, жители полуострова привыкли къ англичанамъ, узнали ихъ болѣе, чѣмъ кого-либо изъ своихъ сосѣдей.

Лѣтъ за двадцать пять до нашего времени, уже нѣсколько англійскихъ туристовъ-писателей успѣли побывать въ Испаніи. Въ журналахъ кромѣ статей о политикѣ и торговлѣ этого края, печатались описанія окрестностей Кадикса, Малаги, Севильи, инo-

Digitized by Google

гда переѣздъ черезъ горы, иногда какая нибудь встрѣча съ разбойниками. Предпріимчивый книгопродавецъ Муррай, издавая разные путеводители по Европѣ и другимъ частямъ свѣта, заказалъ одному талантливому человѣку, по имени Форду, составить руководитель для туристовъ по Испаніи. Мистеръ Фордъ, долго жившій въ этой странѣ, исполнилъ желаніе книгопродавца, и можетъ быть самъ удивился успѣху своего дѣла. Книга его, составленная по общей формѣ путеводителей за границей (guides des voyageurs), разошлась лучше всякаго романа. Нѣсколько изданій были распроданы въ теченіи самаго короткаго времени. Сочиненіе Форда читалось женщинами, членами парламента, помѣщиками, дилетантами литературы, людьми, никогда не имѣвшими намѣренія ѣхать въ Испанію. Правда, что оно вполнѣ заслужило эту честь, представляя изъ себя трудъ изящный, легкій, увлекательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненный новизны и важныхъ подробностей. Фордъ, подобно лучшимъ изъ своихъ преемниковъ, сердцемъ любилъ описываемую имъ страну, понималъ ея поэзію, умѣлъ подмѣчать ея высокую прелесть и наслаждаться ею. Онъ сближался со всѣми сословіями испанскаго народа, писалъ объ этомъ народѣ съ веселостью и юморомъ. На испанцевъ смотрѣлъ онъ немного свысока, но такой недостатокъ не считался недостаткомъ для лондонскаго читателя. Подражателей и продолжателей у Форда нашлось довольно, но въ теченіи десяти лѣтъ слава его путеводителя не уменьшилась: до сихъ поръ онъ считается одною изъ самыхъ живыхъ, занимательныхъ книгъ, когда-либо написанныхъ по англійски.

Мы не можемъ разбирать Фордовой книги въ подробности, въ журналѣ нашемъ будетъ помѣщено изъ нея нѣсколько отрывковъ, когда позволитъ время и обиліе журнальнаго матеріала. «Ручная книга для Испаніи» (Handbook for Spain), по самой формѣ своей уже не можетъ назваться образцовымъ сочиненіемъ. Добровольно подчинясь всѣмъ требованіямъ, какія существуютъ для дорожнаго путеводителя, Фордъ отчасти повредилъ своему дѣлу. Не взирая на все его искусство, въ трудѣ находятся страницы утомительныя, — важныя для человѣка, собирающагося ѣздить по Испаніи съ наименьшими трудностями, — но лишнія для простого читателя. За рядомъ картинъ и живыхъ правоописательныхъ очерковъ, онъ часто забываетъ жизнь самой страны, безъ вниманія оставляетъ важныя задачи, занимавшія умы многихъ. Какъ фланеръ и человѣкъ, ищущій себѣ забавы, Фордъ заслуживаетъ удивленія, съ такимъ товарищемъ и путеводителемъ всякій пойдетъ на край

Digitized by Google

свѣта. Но надъ книгою его не многіе задумаются, а если и задумаются, то развѣ по поводу предметовъ, о которыхъ Фордъ говоритъ вскользь и неохотно.

Около 1840 года (даже кажется нѣсколько позже), въ Англіи снова появилось одно сочиненіе объ Испаніи, на этотъ разъ получившее успѣхъ европейскій. Великобританское библейское общество изготовило три перевода Священнаго Писанія на португальскій, на испанскій языки, и еще на языкъ испанскихъ цыганъ (gitanos). Для продажи этихъ изданій посланъ былъ на пиринейскій полуостровъ нѣкто Джорджъ Борро, человѣкъ странный, скорѣе сходный съ авантюрьерами временъ Кромвелля, нежели съ людьми нашего столѣтія. Полу-англичанинъ, полу-цыганъ, полу-фанатикъ, полу-туристъ — Борро имѣлъ три безцѣнныя качества для путешественника въ опасныхъ странахъ: онъ былъ упрямъ какъ каталонецъ, безстрашенъ какъ герой, жаденъ до приключеній какъ молодой рыцарь. Онъ зналъ языковъ пятнадцать, обладалъ силой Геркулеса, могъ проводить по нѣскольку сутокъ на лошади, легко сближался съ людьми и владѣлъ большимъ даромъ убѣжденія. Благодѣтельное общество не даромъ поручило ему продажу своихъ изданій въ Испаніи: мадритскій кабинетъ нѣсколько разъ изъявлялъ полное согласіе на эту продажу, но англичане не могли не знать шаткости испанскаго правительства. При частой перемѣнѣ правителей, сегодняшняя заслуга завтра могла быть вмѣнена въ преступленіе, да сверхъ того въ Испаніи, каждый генералъ-капитанъ провинціи и даже коррехидоръ отдѣльнаго города не слишкомъ заботился о томъ, какому иностранцу покровительствуютъ сильные люди въ Мадритѣ.

Какъ предполагали, такъ и случилось. Вмѣсто нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которыхъ было бы достаточно на продажу самаго большого числа экземпляровъ Библіи, Борро пробылъ въ Испаніи нѣсколько лѣтъ. Испанское правительство, при всѣхъ своихъ перемѣнахъ, его рѣдко тѣснило, но за то правительству, при общихъ смутахъ и своихъ собственныхъ тревогахъ, было не до мирнаго иностранца, сѣющаго слово спасенія между невѣжественнымъ народомъ. Религіозное состояніе испанскаго народа, въ глубинѣ государства, по словамъ Борро, мало отличалось отъ состоянія дикихъ племенъ Африки. Между многочисленнымъ сословіемъ цыганъ, нищихъ, контробандистовъ, даже отдаленныхъ сельскихъ жителей, самое имя Іисуса Христа было невѣдомымъ словомъ. Въ бо́льшихъ центрахъ населенія, гдѣ люди знали читать и обладали лучшимъ развитіемъ, власти глядѣли на путника или какъ на врага,

Digitized by Google

или какъ на существо, отъ котораго можно поживиться. Не совсѣмъ угасшій фанатизмъ нѣкоторыхъ изувѣровъ воздвигалъ противъ англичанина массы народа. Въ одномъ городѣ его принимали за шпіона, въ слѣдующей деревнѣ за идолопоклонника, а гдѣ-то на берегу моря Джорджа Борро сочли Донъ-Карлосомъ и чуть не разстрѣляли. Его нѣсколько разъ обирали до-чиста, книги его конфисковались, самъ миссіонеръ сидѣлъ въ тюрьмахъ, съ ворами и убійцами. Иногда онъ скрывался отъ гоненій, проводилъ дни въ цыганскихъ таборахъ или на уединенныхъ вентахъ, но еще чаще, сильный званіемъ англичанина и сознаніемъ праваго дѣла, Борро открыто шелъ на всѣ притѣсненія. За него англійскіе консулы поднимали бурю, за него смѣняли алькальдовъ и коррехидоровъ, послѣ всякихъ неправдъ и прижимокъ, ему возвращали назадъ отнятыя книги, и онъ снова пускался на безконечную борьбу, на новыя угентенія и опасности.

Понятно, что при такой жизни и такомъ образѣ дѣйствій, вдоволь натерпѣвшись и насмотрѣвшись, Джорджъ Борро не могъ остаться тѣмъ, чѣмъ былъ при въѣздѣ своемъ въ Испанію, то-есть простымъ, пассивнымъ исполнителемъ даннаго ему порученія. Въ характерѣ его всегда имѣлся элементъ задорный и фанатическій, а событія его бурной жизни въ Испаніи окончательно раздули пламя, таившееся въ этой могучей груди. Ревностный англиканецъ и крайній торі обратился въ закоренѣлаго врага католической Испаніи. Онъ вообразилъ себя противникомъ папской власти, освободителемъ Испаніи отъ католицизма, протестантскимъ проповѣдникомъ, посѣтившимъ не государство дружественное его родинѣ, а какія-то мрачныя пустыни, населенныя идолопоклонниками. Онъ не только преувеличивалъ опасности, его окружавшія, но самъ вызывалъ ихъ, гордился гоненіями, говорилъ въ народѣ неосторожныя рѣчи. Не допуская того, что всякая страна имѣетъ полное право жить по своимъ собственнымъ обычаямъ и чтить законъ, доставшійся ей отъ отдаленныхъ вѣковъ, нашъ коммисіонеръ лондонскаго общества утратилъ небольшой запасъ терпимости, данный ему на долю отъ природы. Вслѣдствіе того, пребываніе Борро въ Испаніи сдѣлалось обременительнымъ для англійскаго посольства, для британскихъ консуловъ, безпрерывно обязанныхъ заступаться за своего необузданнаго согражданина. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, чѣмъ именно кончилось пребываніе его въ Испаніи, но изъ нѣсколькихъ замѣтокъ въ журнальныхъ разборахъ можно догадываться, что Джорджъ Борро былъ принужденъ оставить страну своихъ подви-

Digitized by Google

говъ, противъ собственнаго желанія. Плодомъ его приключеній вышла знаменитая книга «the Bible in Spain», которая, какъ мы уже сказали, получила успѣхъ европейскій.

Всякому человѣку, интересующемуся бытомъ и нравами современной Испаніи, мы смѣло можемъ рекомендовать книгу Борро, не только какъ произведеніе одного изъ самыхъ талантливыхъ людей нашего времени, но какъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ къ изображенію страны, такъ мало намъ извѣстной. По личнымъ своимъ качествамъ и по роду своихъ занятій въ Испаніи, миссіонеръ видѣлъ нравы, до сихъ поръ никому не извѣстные, сходился съ людьми, о которыхъ говорилось очень много въ романахъ, но очень мало въ серьозныхъ путешествіяхъ. Цыганы, контробандисты, разбойники, пикадоры и матадоры, весь этотъ народъ дѣлилъ съ англичаниномъ и хлѣбъ, и ночлегъ, и бесѣду. Турист на себѣ испыталъ, что значитъ испанское правосудіе, каково поступаютъ съ иностранцами коррехидоры, алькады и альгвазилы. Онъ былъ въ кабинетахъ испанскихъ министровъ, сходился съ юной и старой Испаніей, присутствовалъ на десяти *пронунсіаментосахъ*, проводилъ дни и недѣли въ норахъ, служащихъ прибѣжищемъ худшей части испанскаго населенія. Еслибъ, при такой жизни и талантѣ, Джорджъ Борро имѣлъ поболѣе спокойствія и многосторонности, книга его имѣла бъ еще болѣе достоинствъ и получила бъ характеръ классическій. Къ сожалѣнію, она имѣетъ важные, коренные недостатки. Протестантскій фанатизмъ автора извращаетъ половину его выводовъ о политическомъ состояніи Испаніи. Приписывая всѣ бѣдствія края его подчиненію римской духовной власти, онъ съ явнымъ пристрастіемъ толкуетъ всѣ факты, имъ собранные, даетъ имъ насильственное, произвольное значеніе. Жизнь, веденная имъ въ Испаніи, своими тревогами раздражила его воображеніе, населила его призраками. Нельзя заподозрить Борро въ недобросовѣстности, но по временамъ его разсказы напоминаютъ собой событія изъ «Тысячи одной ночи» — ихъ присутствіе въ книгѣ объясняется пламенною фантазіею автора, приводимою въ постоянное напряженіе фантастически-бродячей жизнью. Еще нѣсколько мѣсяцевъ подобнаго существованія, и сочинитель книги видѣлъ бы видѣнія, бесѣдовалъ бы съ мертвецами, отъ чистаго сердца вѣря своимъ галлюсинаціямъ. Необходимо упомянуть еще объ одной важной неполнотѣ въ запискахъ миссіонера. Для Джорджа Борро совершенно не существуетъ артистической Испаніи. При видѣ красотъ природы, онъ рыдаетъ и описываетъ ихъ какъ великій художникъ, но далѣе картинъ не-

Digitized by Google

одушевленной природы онъ ничего не видитъ. Ни архитектура соборовъ, ни залы Алгамбры, ни картины великихъ художниковъ его не трогаютъ: еслибъ ему дали власть, онъ бы воздвигъ пуританское гоненіе на древнее художество Испаніи. Милымъ сторонамъ испанской жизни онъ тоже не сочувствуетъ, онъ холоденъ къ красотѣ женщинъ, къ изяществу народныхъ костюмовъ, къ привѣтливости, сроднившейся съ южными нравами. Онъ цѣпитъ испанцевъ за ихъ пламенный темпераментъ, за ихъ воздержность, за ихъ величавый и звучный языкъ, за ихъ презрѣніе къ мелкимъ благамъ жизни. Въ будущность *юной Испаніи* онъ не вѣритъ и безнадежность ея положенія относитъ, по своему обыкновенію, къ католицизму. Постоянно изучая простой народъ края, Борро ни одного раза не можетъ схватить умомъ того простого вывода, который дался нашему русскому туристу безъ всякихъ усилій, то-есть вывода о совершенномъ разъединеніи испанскаго народа съ идеологами, усиливающимися править этимъ народомъ по рецепту французскихъ и англійскихъ узаконеній.

Мы назвали два замѣчательнѣйшія сочиненія объ Испаніи, и хотя предѣлы нашей статьи не дозволяютъ намъ упоминать о другихъ, менѣе замѣчательныхъ, мы не можемъ, однакоже, пройти молчаніемъ одной французской книги, весьма поверхностной, и не смотря на то стоющей вниманія. Почти въ то же самое время, какъ Джорджъ Борро испытывалъ всѣ послѣдствія борьбы съ алькадами и коррехидорами, французскіе туристы начали проникать въ Испанію, заглядывать въ Гранаду и Севилью, а потомъ печатать книжечки и фельстонныя статьи о чудесахъ сосѣдственной полудикой страны. Между этими путниками, жаждущими повстрѣчаться хотя съ однимъ бандитомъ и присутствовать хоть на одномъ боѣ быковъ, иные, какъ напримѣръ Мериме, писали дѣльно и гладко. По примѣру ихъ, въ Испанію проѣхалъ и Теофилъ Готье, писатель, рѣдко умѣющій писать дѣльно, но одаренный душой истиннаго артиста. При всей своей вѣтренности, заносчивости, способности къ скороспѣлымъ заключеніямъ, этотъ странный туристъ былъ зорокъ именно на то, на что Борро, при всемъ своемъ дарованіи, не имѣлъ никакой проницательности. Готье самъ когда-то былъ живописцемъ и, бросивши живопись, перенесъ въ свои литературныя занятія иногда преувеличенную страсть къ картинности слога. Для него живопись, ваяніе, архитектура, музыка, красивые костюмы, красивыя лица женщинъ составляли всю жизнь, за исключеніемъ изящной стороны, онъ не хотѣлъ думать ни о какихъ другихъ сторонахъ нашего существованія. Въ предисловіи

Digitized by Google

къ одному изъ своихъ, довольно эксцентрическихъ произведеній, Готье написалъ слѣдующія безумныя строки: «Я сейчасъ же отдамъ всѣ мои права и званіе французскаго гражданина за возможность до-сыта налюбоваться красотою госпожи Джуліи Гризи, или княгини Боргезе, въ то время, когда Канова лѣпилъ съ послѣдней свою извѣстную статую». Но чудакъ, публично напечатавшій подобныя слова, имѣлъ за собой одно достоинство — искренности во всѣхъ своихъ причудахъ. Онъ пріѣхалъ въ Испанію наслаждаться и достигъ своей цѣли. Для старой картины, для встрѣчи съ хорошенькой женщиной, онъ храбро переносилъ всѣ трудности поѣздки, подвергался лишеніямъ и оставлялъ въ сторонѣ всю неимовѣрную избалованность парижанина. «Путевыя Замѣтки» Готье обратили на себя вниманіе читателей и стоили такой чести: если задача ихъ автора не была очень обширна, самъ авторъ съумѣлъ быть хозяиномъ въ своей небольшой области. Если изъ названныхъ замѣтокъ мы и выбросимъ страницы, исполненныя бомбаста, въ книгѣ все-таки останется достаточно матеріала, для уразумѣнія артистической Испаніи. Само собой разумѣется, ни политическихъ наблюденій, на сколько нибудь дѣльныхъ замѣтокъ о народномъ бытѣ у Готье вы не пріищете, но ежели васъ можетъ занять рядъ картинъ, передающихъ поэтическую прелесть древнихъ церквей, покинутыхъ аббатствъ, мавританскихъ зданій и такъ далѣе — вы по справедливости оцѣните и книгу, и парижанина, ея сочинителя.

Сказавши наше безпристрастное мнѣніе по поводу лучшихъ и популярнѣйшихъ книгъ объ Испаніи, за наши годы появившихся за границею, мы можемъ обратиться къ книгѣ нашего русскаго литератора, вполнѣ достойной занять почетное мѣсто между сейчасъ нами названными сочиненіями. Письма г. Боткина давно знакомы каждому любителю русской словесности, полное собраніе ихъ не можетъ не имѣть успѣха, тѣмъ болѣе, что раздробленіе и медленное печатаніе первыхъ писемъ, необходимое по журнальнымъ условіямъ, по необходимости вредило ихъ цѣлостности. Собственно мы обязаны отдѣльному изданію «Писемъ объ Испаніи» гораздо бо́льшимъ наслажденіемъ, нежели тѣмъ же письмамъ, тянувшимся едва ли не три года и прерываемымъ постоянными интервалами. Прежде насъ увлекали въ нихъ отдѣльныя мысли, отдѣльныя картинки природы, отдѣльныя сцены путевой жизни, теперь же намъ яснѣе сказалась мысль, связывающая всѣ эти изящные отрывки. Артистическій духъ, проникающій все произведеніе, вполнѣ открылся передъ нами, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы прослѣдили,

Digitized by Google

не вредящую этому духу, всю зоркость мыслителя и наблюдателя политическихъ вопросовъ. Г. Боткинъ не жилъ въ Испаніи такъ долго, какъ Фордъ, не былъ связанъ съ ея народомъ такъ, какъ Джорджъ Борро, а между тѣмъ, во многомъ уступая этимъ испанскимъ старожиламъ, онъ во многомъ дополняетъ и разрушаетъ ими замѣченное. По своему сочувствію къ природѣ, по своему страстному пониманію художества въ искусствѣ и жизни, русскій путешественникъ не уступаетъ артисту Готье, а напротивъ, далеко превышаетъ его тонкостью своего развитія, не говоря уже о многосторонпемъ направленіи всей наблюдательности. По книгѣ Теофила Готье читатель можетъ ознакомиться, и то не вполнѣ, съ одною лишь стороною старой и новой Испаніи, — довѣрясь сочиненію Борро, онъ, заодно съ глубокими и драгоцѣнными свѣдѣніями, пріобрѣтетъ множество совершенно фальшивыхъ взглядовъ. Письма объ Испаніи г. Боткина не введутъ его пи въ узкій міръ артистическаго реализма, ни въ кругъ смѣлыхъ гипотезъ, основанныхъ на предразсудкѣ или горячности. Сочиненіе нашего соотечественника скорѣе можно поставить въ одинъ разрядъ съ книгою Форда — и та и другая замѣчательны по увлекательному изложенію, по здравому и чисто-современному взгляду на вещи. Но и тутъ найдемъ мы довольно несходства. Цѣли авторовъ различны: одинъ составляетъ аккуратный путеводитель по Испаніи, другой изображаетъ страну въ рядѣ бѣглыхъ очерковъ, связанныхъ между собой лишь одной нитью личныхъ впечатлѣній сочинителя. И англичанинъ Фордъ и г. Боткинъ равно любятъ страну, ими описанную, но количество фактовъ, которыми располагаютъ оба, весьма различно. Фордъ долго жилъ въ Испаніи, изъѣздилъ ее по всѣмъ направленіямъ, долго собиралъ матеріалы для своего труда, тогда какъ русскій его послѣдователь былъ въ Испаніи мимоходомъ, останавливался лишь въ самыхъ оригинальныхъ ея уголкахъ, не имѣлъ претензіи видѣть все и записывалъ лишь впечатлѣнія ничѣмъ не связаннаго туриста. Множествомъ характерпѣйшихъ подробностей Фордъ далеко превышаетъ г. Боткина, но за то нашъ соотечественникъ имѣетъ неоспоримый перевѣсъ въ своей зоркости на поэзію страны, въ своемъ дарѣ извлекать умный выводъ изъ небольшаго числа фактовъ, имъ подмѣченныхъ.

«Письма объ Испаніи» были набросаны ихъ авторомъ въ 1845 году, во время его пребыванія на пиринейскомъ полуостровѣ, но первое изъ нихъ появилось чрезъ два года послѣ поѣздки, въ одной изъ первыхъ книжекъ «Современника» за 1847 годъ. Не

Digitized by Google

смотря на то, что имя г. Боткина до того времени было совершенно незнакомо русской публикѣ, «Письма объ Испаніи» были сейчасъ же замѣчены и оцѣнены всѣми читателями. Ихъ даже никто не могъ приписать лицу, начинающему и еще новому въ литературѣ: и даръ изложенія, и твердая самостоятельность сужденій, и совершенное знаніе всѣхъ литературныхъ пріемовъ — все это показывало въ путешественникѣ человѣка, давно освоившагося съ современной русской словесностью, привыкшаго и къ требованіямъ умнаго читателя, и къ манерамъ живой журнальной бесѣды. Лица, принадлежащія къ литературному кругу, и читатели, внимательно слѣдившіе за ходомъ журналистики того времени, знали лучше всего, что не новичекъ и не начинающій литераторъ печатаетъ въ «Современникѣ» свои замѣтки объ Испаніи. Кто помнилъ замѣчательное, хотя и краткое существованіе «Московскаго Наблюдателя», кто получалъ «Отечественныя Записки» за лучшее время ихъ славы, тотъ безъ труда узналъ въ «Письмахъ» перо одного изъ самыхъ образованныхъ писателей новаго поколѣнія. Если не ошибаемся, ни въ «Московскомъ Наблюдателѣ», ни въ «Отечественныхъ Запискахъ» за первые годы г. Боткинъ не подписывалъ своихъ статей полнымъ именемъ, но забыть ихъ было трудно, такъ сильно горѣли въ нихъ многосторонняя сила мысли и поэтическая струя изложенія, пробивавшая всегда и всюду.

Авторъ «Писемъ объ Испаніи», дѣйствительно, не могъ назваться новымъ лицомъ въ литературѣ нашей. По своему образованію, по своимъ литературнымъ трудамъ и литературнымъ связямъ онъ былъ однимъ изъ членовъ той даровитой плеяды русскихъ людей, которымъ такъ много обязана наша наука, наша словесность, наша журналистика за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Къ кругу сверстниковъ и товарищей нашего путешественника принадлежатъ поэты, романисты, и профессора, имена которыхъ извѣстны каждому русскому человѣку, — къ этому же самому кругу принадлежали мудрые и благородные дѣятели, отъ которыхъ теперь остались лишь славное имя и труды, слишкомъ рано прерванные безвременною кончиною. Страстно любя искусство и науку, никогда не отказывая въ своемъ совѣтѣ и содѣйствіи всякому того заслуживающему литературному предпріятію, бывшій сотрудникъ «Московскаго Наблюдателя» и «Отечественныхъ Записокъ» не былъ литераторомъ вполнѣ, какъ большая часть его сверстниковъ. Обстоятельства не позволили ему посвятить всей своей жизни интересамъ родной науки и словесности, хотя, по

Digitized by Google

своему многостороннему образованію и дару изложенія, онъ могъ бы трудами своими принести честь всякой литературѣ. Довольствуясь мѣстомъ и правами простаго диллетанта словесности, г. Боткинъ былъ свободнѣе многихъ литераторовъ въ выборѣ своихъ любимыхъ занятій. Не стѣсняясь временемъ и условіями постоянныхъ журнальныхъ трудовъ, онъ могъ изучить языки, знаніе которыхъ до сихъ поръ считается роскошью для пишущаго человѣка, имѣлъ возможность путешествовать долѣе, нежели путешествовали его товарищи, слѣдить за литературою странъ, съ которыми были мало знакомы образованнѣйшіе люди тридцатыхъ годовъ. Плоды его многостороннихъ свѣдѣній приносили немалую пользу въ кругу друзей г. Боткина, исключительно отдавшихся литературной дѣятельности — справедливость нашихъ словъ подтвердитъ всякій человѣкъ, когда-либо бывавшій въ литературныхъ кругахъ того времени. Лучшіе изъ дѣятелей новой, въ то время возникавшей критики не были знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ и германской философіей, основные пункты своихъ теорій имъ приходилось разъяснять и провѣрять въ дружескихъ бесѣдахъ съ людьми, посвященными въ эти тайны, и однимъ изъ такихъ людей былъ г. Боткинъ, долгое время изучавшій Гегеля и новыхъ мыслителей Германіи. Съ другой стороны, автору «Писемъ объ Испаніи» была хорошо знакома англійская словесность, онъ изучалъ историковъ, экономистовъ и мыслителей Великобританіи: понятно, до какой степени эти свѣдѣнія приносили пользу при общемъ, отчасти преувеличенномъ стремленіи нашихъ литераторовъ ко всему ново-нѣмецкому и ново-французскому. Не разъ приходилось г. Боткину, въ рѣдкихъ статьяхъ своихъ, а еще болѣе въ изустныхъ бесѣдахъ, становиться въ упорный разладъ съ мнѣніями лучшихъ изъ его сверстниковъ; можетъ быть, корифеи нашей журналистики на первыхъ порахъ и возмущались этой дружеской оппозиціей ихъ задушевнымъ мнѣніямъ, — но оппозиція не ослабѣвала, а время показало и ея полезность и ея благотворную законность. Вотъ заслуги г. Боткина и въ открытой и въ интимной исторіи нашей словесности, вотъ основанія, вслѣдствіе которыхъ его имя, еще задолго до «Писемъ объ Испаніи», пользовалось честной извѣстностью въ литературныхъ кругахъ Москвы и Петербурга.

Предпринимая свою поѣздку черезъ Пиринеи, нашъ авторъ былъ уже достаточно приготовленъ къ пониманію Испаніи: онъ зналъ ея языкъ, читалъ испанскихъ писателей, старыхъ и новыхъ, былъ знакомъ съ замѣтками даровитыхъ людей, до него посѣщавшихъ этотъ край. По всему видно, что онъ и не намѣре-

Digitized by Google

вался писать объ Испаніи, книга, его составлена вся изъ частныхъ писемъ въ Россію къ близкимъ лицамъ, — письма эти были имъ въ послѣдствіи пересмотрѣны и дополнены. Тѣмъ не менѣе нашъ туристъ сдѣлалъ для самого себя тоже, что рѣдкіе записные литераторы дѣлаютъ изъ писательскихъ видовъ: передъ поѣздкою онъ прочелъ много историческихъ сочиненій объ Испаніи, ознакомился съ испанскими политическими изданіями и такимъ образомъ могъ въѣхать въ новый край не такъ, какъ въ него въѣзжаетъ большая часть любопытныхъ пришельцовъ. Не было примѣра, чтобъ у насъ въ Россіи трудъ даровитаго человѣка проходилъ безъ успѣха, за то не было примѣра, чтобъ труды подобнаго рода, при всемъ ихъ достоинствѣ, не находили себѣ и нѣсколькихъ хулителей. Въ заднихъ рядахъ всякой словесности, а въ особенности нашей, всегда имѣется нѣсколько болтуновъ, всегда готовыхъ «тявкнуть изъ подворотни» на почтенный трудъ человѣка, обратившаго на себя чѣмъ-нибудь вниманіе читателей. Два или три нестройныхъ голоса тявкнуло въ свое время и на книгу г. Боткина, вмѣняя ся автору въ вину то обстоятельство, что онъ добросовѣстно приготовился къ путешествію, прочелъ много книгъ объ Испаніи и въ своихъ письмахъ приводилъ свѣдѣнія, имъ почерпнутыя изъ иностранныхъ источниковъ, даже изъ газетъ и обозрѣній, а не изъ собственной своей головы, по какому-то вдохновенію. Само собой разумѣется, на голоса хулителей никто не обратилъ никакого вниманія. Дѣло говорило само за себя: съ самымъ малымъ запасомъ разума всякій могъ догадаться, что о малоизвѣстныхъ странахъ, въ родѣ Испаніи, нельзя написать даже самаго легкаго фельетона, безъ прочныхъ пособій и изученія иностранныхъ источниковъ. Вмѣнять подобнаго рода пособія въ вину туриста можно только тогда, если онъ дурно ими распоряжается, если онъ подчиняетъ свои приговоры чужимъ выводамъ, и не провѣряетъ строгимъ разборомъ, на самомъ мѣстѣ, тѣхъ фактовъ, которыми обогатилъ себя заранѣе. Въ «Письмахъ объ Испаніи» не находимъ мы ничего подобнаго. Ихъ авторъ не подавленъ грудою матеріаловъ, добытыхъ чрезъ чужія руки: личный его взглядъ проявляется во всемъ, начиная отъ мелкихъ замѣтокъ характеризующихъ край, до самыхъ многосложныхъ политическихъ заключеній. Если онъ соглашается иногда съ чужимъ авторитетомъ, то дѣлаетъ это потому, что на дѣлѣ призналъ его законность, если онъ приводитъ слова и мнѣнія какого-нибудь писателя, ранѣе его ознакомившагося съ Испаніей, то приводитъ ихъ потому, что они кажутся подтвержденіемъ его собственныхъ наблюденій. Но воз-

Digitized by Google

можности близкій разборъ «Писемъ объ Испаніи», надѣемся, покажетъ всю основательность словъ нашихъ.

2.

«Письма объ Испаніи» начинаются съ Мадрита, мѣста скучнаго и непривлекательнаго, но чрезвычайно важнаго для каждаго путешественника, одареннаго зоркимъ взглядомъ и любознательностью. Если поэтическая, привѣтливая, ласковая сторона новой Испаніи распознается въ Кадиксѣ и Севильѣ, то въ Мадритѣ только можно ознакомиться съ другою, безотрадною и несравненно обширнѣйшею стороною края. Умирающія государства, какъ и умирающіе города, начинаютъ терять признаки жизни на своихъ оконечностяхъ, между тѣмъ какъ около сердца все еще полно жизни, движенія; не такъ въ Испаніи. Весь край на обширномъ радіусѣ кругомъ Мадрита, пусть и бѣденъ. Вслѣдствіе климата и небрежности человѣческой, почва обратилась въ пустыню, отъ смутъ и неудобныхъ сообщеній всюду дороговизна, такъ что Кастильцу, даже при урожаѣ, не на что купить сапоговъ. Деревни встрѣчаются какъ рѣдкіе оазисы, города наполнены пустыми домами.

Отъ «Бургоса до Мадрита» говоритъ нашъ путешественникъ, «всюду одни пустынныя поля. Сколько разъ говорилъ я про себя: да это наши безконечныя равнины Россіи! только дальняя, синяя полоса горъ разрушала сходство. По пустыннымъ равнинамъ подъѣзжаешь, наконецъ, къ Мадриту, который стоитъ тутъ Богъ знаетъ зачѣмъ, потому что среди этихъ пыльныхъ, совершенно обнаженныхъ полей рѣшительно нѣтъ причины стоять не только столицѣ, даже ничтожному городишкѣ. Окрестности Мадрита состоятъ изъ пустого поля; бѣдный Мансанаресъ высыхаетъ еще весною, и отъ него теперь остался маленькій ручей, палящее солнце и сухая, песчаная почва истребляютъ всякую растительность, словомъ, вы ничего не можете представить себѣ печальнѣе этой природы.

«Мадритъ, продолжаетъ г. Боткинъ въ другомъ мѣстѣ, не есть столица, созданная исторіею; не далѣе XVI вѣка, онъ былъ небольшою деревнею. Самостоятельное положеніе провинцій и потомъ совершенно особое отъ прочей Европы развитіе монархической власти въ Испаніи не позволило королямъ испанскимъ имѣть себѣ столицу въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова... Съ Филиппа V испанскій дворъ сдѣлался рабскимъ подражателемъ двора французскаго (только въ сохраненіи инквизиціи состояла его испанская національность); вслѣдствіе этого Мадритъ не могъ даже сдѣлаться и столицею національнаго испанскаго вкуса, искусства. Все, какъ бы нарочно, соединилось, чтобы сдѣлать Мадритъ городомъ безъ всякаго національнаго значенія, безъ всякаго вліянія на провинціи. Это обстоятельство достаточно поясняетъ, почему въ Испаніи всякое движеніе выходитъ всегда изъ провинцій, почему все здѣсь дѣлается провинціями, и почему Мадриту не остается ничего другого, какъ говорить «аминь» на все, что дѣлаютъ онѣ.»

Въ такой странной столицѣ дѣла едва ли могутъ идти тѣмъ путемъ, какимъ они идутъ въ другихъ европейскихъ столицахъ, по-

Digitized by Google

лучившихъ свое значеніе не случайно. Внимательному читателю достаточно прослѣдить за нѣсколькими добросовѣстными разсказами о мадритской жизни, для того, чтобъ понять какое глубокое разъединеніе существуетъ между провинціями Испаніи и этимъ, ни кому не нужнымъ, ни для кого не важнымъ городомъ, въ которомъ имѣетъ свой пріютъ не одно лишь правительство, а большая часть цивилизованной, или скорѣе офранцуженной націи новыхъ испанцевъ. Мадритъ не любимъ старшими городами, Мадритъ не страшенъ волнующимся провинціямъ, Мадритъ противенъ народу, потому что въ немъ съ каждымъ днемъ утрачиваются послѣдніе остатки національнаго элемента. Мадритъ занятъ безплодными политическими интригами; въ Мадритъ, какъ въ обѣтованную землю, стекаются или довѣрчивые фантазёры по части государственной, или массы безсовѣстныхъ авантюрьеровъ, изъ тощей поживы готовыхъ служить всякой партіи. Нашъ русскій путешественникъ, какъ слѣдуетъ всякому любознательному туристу, имѣлъ рекомендательныя письма къ лицамъ различныхъ партій: и къ высшимъ чиновникамъ господствовавшаго въ то время министерства, и къ карлистамъ, да еще вдобавокъ познакомился съ жаркимъ прогрессистомъ, капитаномъ фрегата «Эспартеро». Такимъ образомъ ему не трудно было, съ первыхъ дней своего пріѣзда, ознакомиться съ ходомъ текущихъ политическихъ дѣлъ, или скорѣе того лихорадочнаго бреда, который въ Мадритѣ называется политикою. Его съ разу поразили нѣсколько безотрадныхъ особенностей того міра, съ которымъ туристу пришлось соприкоснуться. Кромѣ политики, въ Мадритѣ не говорится ни о чемъ, терпимость мнѣній есть слово, которое въ Испаніи не имѣетъ еще смысла: «кто не за меня, тотъ противъ меня», восклицаетъ партія, овладѣвая кормиломъ правительства, и передъ этимъ лозунгомъ нѣтъ пощады ни уму, ни знаніямъ, ни убѣжденіямъ, ни долгимъ заслугамъ. Казалось бы съ перваго взгляда, какое сильное движеніе происходитъ въ этой странѣ, сколько сильныхъ испытаній переживаетъ она, какъ быстро, къ величію или гибели, двигается это общество, полное стремленій къ общественному дѣлу! А между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ, невѣжество и бѣдность разлиты по всей Испаніи, въ самыхъ ея смутахъ нѣтъ жизненной энергіи, весь этотъ словесный вздоръ, всѣ эти пламенныя судороги мадритскихъ политиковъ, ведутъ къ однимъ безцѣльнымъ переворотамъ, къ одной революціи въ мірѣ мелкихъ, частныхъ интересовъ! Такой результатъ поражаетъ и спутываетъ каждаго наблюдателя, онъ породилъ много нелѣпыхъ статей въ журналахъ французскихъ и англійскихъ, онъ ведетъ къ тому, что Испанію не разъ

Digitized by Google

называли политическою загадкою, называли страною, въ которой постоянно владычествуетъ слѣпой случай. Г. Боткинъ, руководясь своей проницательностью, свѣдѣніями, имъ собранными, и указаніями немногихъ людей, дѣльно писавшихъ про Испанію, безъ труда опровергаетъ подобныя заблужденія. По его словамъ, Испанію невозможно судить съ точки зрѣнія общихъ европейскихъ формъ, — европейскіе журналы, указывая въ ней только на тѣ пружины, которыя пригодны для духа политическихъ партій, только больше затемняютъ все дѣло. Въ Испаніи всякій наблюдатель долженъ видѣть и угадывать явленія, какія или рѣдко встрѣчаются или никогда не встрѣчаются въ правильныхъ, по европейски развитыхъ обществахъ. Одно изъ подобныхъ явленій весьма зорко подмѣчено нашимъ туристомъ еще за дни его перваго пребыванія въ Мадритѣ. Оно проходитъ черезъ всю книгу, всюду поясняемое и истолковываемое общедоступнымъ образомъ. Въ немъ таится отвѣтъ на многіе вопросы, разрѣшеніе многихъ загадокъ, ежеминутно поражающихъ человѣка, желающаго ознакомиться съ страною. Это явленіе весьма важно и стоитъ цѣлаго отдѣльнаго изысканія. Мы говоримъ о глубокомъ разъединеніи испанскаго народа со всѣмъ офранцуженнымъ и играющимъ политическую роль населеніемъ Мадрита и нѣкоторыхъ другихъ главныхъ центровъ государства.

Въ государствахъ, постоянно или періодически подверженныхъ анархіи съ безпорядочнымъ направленіемъ, нерѣдко встрѣчаются примѣры того разъединенія, о которомъ сейчасъ говорилось. Силы народа и его способность къ политической жизни часто показываются въ этихъ разъединеніяхъ, въ нихъ болѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ, проявляются народныя средства, народныя потребности, степень народнаго развитія. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ г. Боткинъ описалъ свое путешествіе по Испаніи, именно въ 1849 году, въ печальное время для Франціи, огромнѣйшее большинство французскаго народа разъединилось съ жителями Парижа, съ интересами парижскихъ партій, и, своимъ грознымъ, полувраждебнымъ положеніемъ, много содѣйствовало къ низложенію буйнаго меньшинства, поднимавшаго междоусобныя распри, парализировавшаго своими дѣйствіями всѣ отрасли государственной дѣятельности. Безспорно, въ этомъ фактѣ и причинахъ, его породившихъ, находилось много печальнаго для Франціи, но все-таки оно остается примѣромъ народной самостоятельности, народнаго смысла, народной энергіи передъ бѣдою. Но разъединеніе испанскаго народа съ политическими кругами, другъ у друга вырывающими по нѣсколько мѣсяцевъ народной власти, — не представляетъ

Digitized by Google

собою ни смысла, ни самостоятельности, ни энергіи. Заботы объ общемъ благѣ нѣтъ ни у кого, во всѣхъ провинціяхъ развито презрѣніе къ мадритскимъ партіямъ, но всѣ провинціи враждуютъ между собой и занимаются своими частными несогласіями. Подобно тому, какъ въ Мадритѣ происходятъ перевороты и возстанія, — возстанія и перевороты идутъ своимъ чередомъ по другимъ городамъ Испаніи, всего чаще они совершаются при полномъ равнодушіи народа, чиновниками, офицерами и небольшимъ количествомъ буйныхъ головъ, имѣющихъ свой интересъ въ дѣлѣ. А при пламенномъ воображеніи испанскаго зѣваки, при его способности довольствоваться малымъ возмездіемъ и не думать о завтрашнемъ днѣ, во всѣхъ смутахъ и тревогахъ имѣется достаточное число бродягъ, готовыхъ принять участіе въ шумѣ или дракѣ. Что касается до солдатъ, офицеровъ и лицъ, принадлежащихъ къ администраціи, ими двигаетъ таже самая южная неразсчетливость, относительно личныхъ своихъ выгодъ. Если слѣдствіемъ *pronunciamiento* (возмущенія) будетъ то, что часть офицеровъ повысится въ чинахъ, солдаты получатъ небольшую денежную награду, и чиновники перемѣстятся на высшія должности, всякій изъ участниковъ считаетъ себя хорошо награжденнымъ. Онъ очень знаетъ, что черезъ недѣлю, при новой тревогѣ со стороны противной партіи, всѣ эти блага уничтожатся, но онъ ими пользовался съ недѣлю, а недѣля для него, что-то въ родѣ вѣчности.

Грустную мысль оставляютъ въ насъ первыя изъ писемъ г. Боткина, да иной мысли и не могло поселиться въ насъ послѣ такихъ описаній. Одно только отрадное помышленіе борется съ этимъ чувствомъ: мы знаемъ, что Мадритъ не вся Испанія, что въ народѣ, перенесшемъ и до сихъ поръ переносящемъ подобныя политическія бѣдствія, должны таиться стороны утѣшительныя, иначе онъ давно вернулся бы къ временамъ варварства. Народа испанскаго не подсмотришь въ столицѣ Испаніи, также, какъ не увидишь въ немъ ни одной изъ красотъ этого поэтическаго края. Изъ Мадрита нашъ русскій путешественникъ ѣдетъ въ Андалузію, проѣзжаетъ Кордову, переваливается черезъ Сьеру-Морену и въ іюнѣ же мѣсяцѣ прибываетъ въ Севилью. Объ артистической и живописной сторонѣ всей поѣздки, мы еще будемъ говорить въ послѣднемъ отдѣленіи разбора нашего, теперь же скажемъ нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на туриста экономическимъ состояніемъ, нравами и частнымъ бытомъ Испанцевъ.

Г. Боткинъ, подобно Борро, Форду и еще небольшому числу даровитыхъ людей, путешествовавшихъ въ одной съ нимъ странѣ,

Digitized by Google

питаетъ великую любовь къ Испанцамъ въ ихъ частномъ бытѣ. Эта единогласная симпатія столькихъ людей, прозорливыхъ и талантливыхъ, всего яснѣе говоритъ за все дѣло. Дѣйствительно, всюду и во всѣхъ книгахъ, встрѣчаемъ мы дань уваженія золотымъ особенностямъ испанскаго характера; честности, гостепріимству, рыцарской привѣтливости въ обхожденіи, чувству человѣческаго достоинства. Въ дорогѣ, говоритъ авторъ «Писемъ объ Испаніи,» испанцы самые веселые товарищи. На эту пору они совершенно оставляютъ свою важность и серьозность, становятся говорливы и шутливы. Никто не жалуется ни на что, — дурной обѣдъ даетъ поводъ къ непстощимой веселости, никогда и никто изъ испанцевъ серьозно не пожалуется на что либо въ дорогѣ. Нѣтъ народа болѣе воздержнаго, уживчиваго и терпѣливаго. У себя дома, испанецъ исполненъ неутомимой добродушной привѣтливости къ человѣку, съ нимъ сближенному, къ иностранцу, ему рекомендованному. Разъ рекомендованные испанцу, вы можете располагать его домомъ, его временемъ, его связями. При обычномъ спокойствіи своемъ, онъ не расточителенъ на любезности, но будьте увѣрены, вы никогда не будете ему въ тягость, никогда не обойдется онъ съ вами холодно. Въ Испаніи никогда не употребляютъ слова *ты*, даже между близкими друзьями. Если генералъ обращается къ солдату, онъ говоритъ ему *usted*, ваша милость. Тоже самое съ слугами; дѣти, играя на улицѣ, говорятъ другъ другу: *mira usted*, посмотрите, ваша милость.

Вотъ подробности поважнѣе и еще болѣе говорящія въ пользу народа, такъ дорогого туристамъ. Тотъ, кто не видалъ испанцевъ въ ихъ частномъ быту, въ ихъ домашнихъ отношеніяхъ, не имѣетъ понятія о чистотѣ ихъ нроновъ, весьма часто идущихъ рядомъ даже съ возмутительными пороками въ жизни общественной, По какому-то особенному счастью, на испанцахъ нисколько не замѣтно слѣдовъ системы шпіонства, введенной инквизиціей. Основной закалъ народа былъ такъ твердъ, что его старыя, рыцарскія качества до сихъ поръ остались во всей силѣ. Происходитъ только одно: и дурныя и хорошія стороны человѣка существуютъ какъ-то вмѣстѣ, «не касаясь другъ съ другомъ, словно раздѣленныя какою-то стѣною. Чиновникъ, продающій себя за взятки, судья, торгующій правосудіемъ, въ частныхъ своихъ отношеніяхъ, здѣсь непремѣнно деликатны и вѣрны». Общественный духъ, общественныя чувства у испанцевъ находятся еще подъ спудомъ, но загляните съ другой стороны, зайдите за стѣну, и вы будете поражены простотою и прямодушіемъ, благородствомъ человѣка. Даже у тѣхъ,

Digitized by Google

которые здѣсь со всѣхъ сторонъ запачканы политическою грязью,— вѣрьте, частная сторона, на зло всему, осталась прекрасною. Наперекоръ всѣмъ ужасамъ политической неурядицы, наперекоръ неправосудной администраціи, наперекоръ страшной бѣдности, которая гложетъ испанскія провинціи — въ испанскомъ народѣ нѣтъ разрушительныхъ сѣмянъ, которыя находятся въ изобиліи по многимъ болѣе благоустроеннымъ государствамъ Европы. Внутри края (за исключеніемъ развѣ очень большихъ центровъ населенія), между сословіями царствуетъ простота отношеній, совершенное равенство тона и деликатная короткость въ обращеніи. Въ Испаніи дворянинъ не гордъ и не спѣсивъ, простолюдинъ къ нему независтливъ. Не только горожанинъ, но мужикъ, водоносъ, чернорабочій, обращаются съ дворяниномъ совершенно на ровной ногѣ. Причина такихъ удивительныхъ для иноземца отношеній, заключается въ историческомъ развитіи государства, въ почтеніи, которое народъ питаетъ къ потомкамъ людей, бившихся съ невѣрными и расширявшихъ границы христіанства по Испаніи. Владѣнія дворянства, въ началѣ своемъ не были владѣніями чужестранныхъ завоевателей, какъ въ феодальной Европѣ, а интересы положительные, матеріальныя — отношенія землевладѣльца къ наемщику земли, всегда были самыми кроткими, дружественными отношеніями.

Собственность въ Испаніи двухъ родовъ: собственность земли и собственность десятиннаго сбора. Дворянство изстари обращалось съ наемщиками своихъ земель чрезвычайно кротко: есть крестьянскія семьи въ Испаніи, которыя по нѣскольку сотъ лѣтъ имѣютъ въ наймѣ одну и ту же землю; отношенія ихъ къ владѣльцу отъ давности приняли какой-то семейный характеръ. Самые законы всегда покровительствовали наемщика. При совершенной только неисправности платежа, владѣлецъ можетъ отказать ему, но долженъ предувѣдомить его за годъ впередъ, въ иныхъ провинціяхъ за два года. Если другой наемщикъ предлагаетъ владѣльцу дороже за наемъ извѣстнаго участка, прежній, давши ту же цѣну, можетъ на немъ остаться даже противъ воли хозяина. Въ Андалузіи и Эстремадурѣ наемщикъ можетъ, не смотря на заключенное условіе, требовать послѣ жатвы переоцѣнки земли, а такъ какъ оцѣнщики берутся изъ землевладѣльцевъ, то понятно, что наемщикъ никогда не остается въ накладѣ. Упадокъ въ цѣнности денегъ никогда не измѣняетъ силу сдѣланныхъ условій, которыя весьма часто заключаются разъ навсегда, такъ что земледѣлецъ тогда пользуется землею, какъ своей полной и неограниченною собственностью.

Digitized by Google

Десятинная подать далеко не возбуждаетъ въ испанскомъ народѣ того враждебнаго чувства, какъ напримѣръ въ прежней Франціи и настоящей Ирландіи. Она принадлежитъ къ временамъ глубокой древности; послѣ изгнанія Мавровъ, ее сохранили какъ налогъ, платимый коронѣ на военныя издержки. Съ давняго времени десятина въ Испаніи, при недостаткѣ денегъ, была продаваема и покупаема, какъ всякая другая собственность, если она теперь въ рукахъ дворянства, то не вслѣдствіе правъ и привиллегій его, а потому, что дворянство, во времена своего богатства, покупало ее, какъ теперь покупаются государственные векселя. Кромѣ того, что подать эта не есть слѣдъ завоеванія, но просто форма поземельной подати. Капиталъ, представляемый десятинною податью всегда включается въ оцѣнкѣ земли, сверхъ того, что если наемщикъ земли вводилъ на ней новую обработку, то избавлялся на десять лѣтъ отъ платежа десятинной подати. «Послѣ всего этого», говоритъ намъ авторъ, «возможенъ ли въ испанскомъ народѣ духъ революціонный? Можно ли опасаться здѣсь такихъ народныхъ движеній, какія нѣсколько разъ потрясали Германію, Англію, Францію? Можно ли бояться изверженія народнаго волкана въ той сторонѣ, гдѣ нужды самаго непритязательнаго малы и легко удовлетворяются, гдѣ народъ, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ, огражденъ кроткими обычаями и постановленіями? Если что дѣйствительно страдаетъ въ Испаніи, такъ это просвѣщеніе, торговля, промышленность».

Все это имѣетъ много справедливости и хорошо высказано, скажемъ мы отъ себя, но намъ извѣстно, что государства умираютъ не отъ однихъ изверженій народнаго волкана. Въ Испаніи отъ этого самаго, благороднаго испанскаго народа, нѣтъ ни согласія, ни надеждъ на лучшую будущность. Духъ инерціи, соединясь съ безпорядочностью и слабымъ нравственнымъ развитіемъ, дѣлаетъ Испанцевъ не только лѣнивыми, но враждебными всякому государственному прогрессу. Правительственная мѣра, чуть ограничивающая выгоды одной провинціи для общаго блага, всегда встрѣчала въ Испаніи съ одной стороны бѣшеный отпоръ, а съ другой равнодушіе. Когда мѣстныя власти очищали дороги отъ разбойниковъ, воръ и убійца имѣлъ всегда пріютъ у испанскаго простолюдина. На какія силы народа, на какой классъ общества въ Испаніи могли опереться люди полные цивилизаціи и терпимости, въ родѣ бывшаго правителя Севильи, графа Олавиде, печальная исторія котораго разсказывается въ «Письмахъ объ Испаніи»? Нѣтъ, не взирая на всю нѣжность путешественниковъ къ испанскимъ доблестямъ,

Digitized by Google

не въ состояніи мы видѣть въ этомъ народѣ отрадныхъ примѣтъ для будущаго.

Въ письмѣ своемъ изъ Кадикса, нашъ путешественникъ сообщаетъ нѣсколько вѣрныхъ и характеристическихъ подробностей о бѣдственномъ положеніи Испаніи въ экономическомъ отношеніи. «Политическая экономія, говоритъ онъ, та наука, на которую романтики и люди феодальные смотрѣли какъ на науку, слишкомъ матеріальную, лавочную, какъ на науку торгашей, въ наше время стала наукой государственнаго управленія. Ничто не служитъ такимъ вѣрнымъ барометромъ степени просвѣщенія, на какой находится общество, какъ его политико-экономическое устройство, его политико-экономическія понятія, мѣры и распоряженія. Какихъ, напримѣръ, результатовъ можетъ ожидать государство отъ такой таможенной системы, какъ испанская? Вся Испанія наводнена контрабандою, всюду иностранныя издѣлія обложены въ ней огромной пошлиною, которая довела весь край до того, что на контрабандную торговлю, въ большей части провинцій Испаніи, глядятъ какъ на самое праведное дѣло.

Въ Андалузіи, да и во всей Испаніи, почти нѣтъ фабрикъ; одна Каталонія, и преимущественно Барселона, производитъ мануфактурныя издѣлія для всѣхъ остальныхъ провинцій, отсюда богатство Каталоніи, ея дѣятельность, предпріимчивый характеръ, ея политическая важность. Безъ всякаго сомнѣнія, Барселона не можетъ своими издѣліями удовлетворить всей Испаніи, тѣмъ болѣе, что ея товары, по худому состоянію путей сообщенія, обходятся весьма дорого. По причинѣ страшныхъ пошлинъ на иностранныя издѣлія, вся Испанія, для обогащенія одного города, должна платить въ три-дорога за его издѣлія. Но политическая важность Барселоны такова, что трудно уменьшить привозный тарифъ. Потому въ Андалузіи, напримѣръ, существуетъ смертная ненависть къ каталонцамъ, контрабанда же процвѣтаетъ въ ущербъ государственнымъ доходамъ, ибо черезъ таможни идетъ ничтожная часть товаровъ, огромныя же ихъ массы идутъ помимо таможень, съ ихъ стѣснительными формальностями. Контрабандисты имѣютъ свой всегдашній пріютъ въ Гибралтарѣ, толпами кишатъ и по приморскимъ мѣстамъ и внутри Испаніи, составляютъ между собой общества съ капиталомъ, и всюду пользуются народнымъ сочувствіемъ. О томъ, какъ выгоденъ ихъ промыселъ, можетъ свидѣтельствовать то, что они берутся провозить товары, обезпечивая ихъ въ случаѣ потери, и получая за это отъ 60 до 80 процентовъ съ ихъ стоимости. Торговому человѣку не только выгодно, но даже удобно имѣть дѣла съ

Digitized by Google

контробандистами, потому что по таможнямъ отправленіе дѣлъ запутано и затруднено до крайности, отчасти по корыстолюбію чиновниковъ, отчасти по ихъ совершенной неспособности.

Положеніе промышленности и торговли въ Испаніи никогда не было очень утѣшительнымъ, не по однимъ правительственнымъ мѣрамъ, но и по народному взгляду на промышленность и торговлю. Воинственная и рыцарская Испанія съ презрѣніемъ глядѣла на ту часть народонаселенія, которая, перемѣшавшись съ маврами, занималась только ремеслами. По старымъ понятіямъ, самому простому человѣку можно было жить бѣдно, но благородно, то-есть ничего не дѣлать, въ особенности же не заниматься ручною работою. Просить милостыни въ Испаніи никогда не считалось низкимъ, ремесло разбойника и контробандиста уважалось въ народѣ: въ общемъ мнѣніи не уважалось только званіе купца или ремесленника, можетъ быть потому, что торговлей и ремеслами прежде занимались арабы, и христіанинъ, двинувшійся по ихъ слѣдамъ, безчестилъ себя во мнѣніи старыхъ испанцевъ.

При такихъ общественныхъ понятіяхъ, чего было ожидать отъ торговли и промышленности въ Испаніи. «Въ этомъ отношеніи, говоритъ нашъ авторъ, исторія ея походила на лѣтопись безумства, читая которую, едва вѣришь собственнымъ своимъ глазамъ». Послѣ открытія золотыхъ пріисковъ въ Америкѣ, Филиппъ второй строго запретилъ вывозъ золота за границу, слѣдствіемъ чего было накопленіе дорогихъ металловъ въ Испаніи, понижоніе ихъ цѣнности, возвышеніе цѣны промышленныхъ произведеній. Въ надеждѣ уменьшить высокую цѣну товаровъ, правительство запретило торговать съ Америкою всѣмъ городамъ, за исключеніемъ Севильи. Пошелъ цѣлый рядъ повелѣній, благопріятствовавшихъ покупщикамъ на счетъ продавцовъ, запрещено было вывозить изъ Испаніи хлѣбъ и скотъ, сукна и вообще шерстяныя издѣлія. Шерстяныя фабрики стали падать, заводы кожевенные и сафьянные, когда-то разсылавшіе свои произведенія по всей Европѣ, быстро пошли къ упадку, какъ скоро фабрикантамъ запрещено было, подъ смертною казнію, продавать за границу свои произведенія. Въ концѣ XVI вѣка стали закрываться шелковыя фабрики, посылавшія свои издѣлія въ Турцію, Тунисъ и Флоренцію, а кортесы съ особеннымъ упорствомъ требовали исполненія запретительныхъ законовъ...

Не перечесть всего ряда заблужденій, вслѣдствіе которыхъ нѣкогда населенная и богатая Испанія стала такою пустынною страною, что въ настоящее время, въ одной только Кастиліи, на-

Digitized by Google

ходится до 200 мѣстечекъ и деревень, брошенныхъ совершенно, оставленныхъ жителями. Но въ ряду мѣръ, разрушившихъ прежнее благоденствіе края, рѣзче всего выступаетъ памятникъ убійственнаго безумія, опять-таки основанный на народномъ фанатизмѣ, подготовленный этимъ фанатизмомъ и безъ него никогда бы не проявившійся: мы говоримъ объ изгнаніи мавровъ-магометанъ, послѣдовавшемъ въ 1609 году, при королѣ Филиппѣ третьемъ. Прочитавши въ «Письмахъ объ Испаніи» письмо изъ Малаги, читатель найдетъ въ немъ подробности о томъ, какъ зародилось и какъ приведено было въ исполненіе постановленіе, не имѣющее ничего себѣ подобнаго въ исторіи какого-либо края. Мавровъ подвергшихся изгнанію и погибшихъ во время гоненія, съ нимъ соединеннаго, въ одной Валенсіи было до 140,000; огромное количество этихъ дѣятельныхъ, промышленныхъ, полезныхъ людей погибло на берегахъ Испаніи и Африки, въ морѣ отъ бурь, на чужой землѣ отъ нужды и голода. Но гибель ихъ тяжко отразилась на Испаніи. Цѣлыя провинціи опустѣли, земледѣліе упало до того, что король принужденъ былъ давать дворянскіе почести людямъ, которые займутся обработкой земли. «Но заброшенныя поля Испаніи свидѣтельствуютъ, говоритъ нашъ путешественникъ, какъ мало имѣла успѣха эта мѣра. Тяжело отозвалось изгнаніе мавровъ на торговлѣ и промышленности, къ которымъ они были особенно наклонны. Сукна Мурсіи, шелковыя матеріи Альмеріи и Гранады, кожи и сафьяны Кордовы продавались при нихъ по всей Европѣ. Мавры устроили въ Испаніи дороги, прорыли каналы, очистили для судоходства рѣки, соединили торговыми сношеніями всѣ города Испаніи. Послѣ изгнанія ихъ исчезли даже самыя преданія ихъ промышленности, фабрики пали по недостатку рабочихъ рукъ, за ними торговля и промышленность. Поля лежали невоздѣланными, искусственные водопроводы развалились, опустѣлые дома деревень разрушились...

Теперь обратимся къ артистической части «Писемъ объ Испаніи», и ею заключимъ нашу немного запоздалую рецензію.

3.

Зная хорошо испанскій языкъ, имѣя рекомендательныя письма, и что важнѣе всего, подготовленный прежними своими путешествіями къ довольно трудной дѣятельности туриста, г. Боткинъ не пропускаетъ безъ вниманія поэтической стороны Испаніи. Если для уразумѣнія какого-нибудь вопроса объ экономическомъ состояніи края, онъ не прочь порыться въ старыхъ исторіяхъ и совре-

Digitized by Google

менныхъ книгахъ, за то его наблюденія, по поводу народныхъ правилъ, по поводу испанскаго искусства, по поводу испанской природы дышатъ своеобразностью и личными впечатлѣніями тонкоразвитаго человѣка. Его артистическое чутье отыскиваетъ жизнь и поэзію въ предметахъ, даже кажущихся безцвѣтными; предъ лицомъ красотъ дѣйствительно поражающихъ собою, нашъ русскій путешественникъ наслаждается ими, какъ эпикуреецъ, въ одно время и пламенный, и спокойный. Даже по дорогѣ отъ Пиринеи до Мадрита и отъ Мадрита до перевала черезъ Сьерру-Морену, г. Боткинъ умѣетъ отдать справедливость природѣ страны, не смотря на уныніе, возбуждаемое ея пустынями. «Чудная и унылая природа!» говоритъ онъ. «Селенія рѣдки, и вы представить себѣ не можете, что за угрюмый видъ у этихъ селеній! Изрѣдка по горамъ виднѣются одинокіе дома, большіе, полуразвалившіеся. Испанецъ не любитъ съеживаться, онъ живетъ сально, бѣдно, но широко. И какъ все это заброшено, какъ всюду видны слѣды междоусобной войны!.... Нигдѣ не встрѣчаешь дерева, по окраинамъ полей одни только душистые кусты розмарина. Глаза освободно пробѣгаютъ пространство въ 8 и 10 верстъ, не встрѣчая на немъ ни одного жилья, ни одной малѣйшей рощицы оливъ, все пространство объято самой прозрачною, чистѣйшею атмосферой. Вдали по горизонту тянутся скалистыя горы. Среди этой-то уныло страстной природы и выработался типъ испанскаго характера, медленный, спокойный съ наружи, раскаленный внутри, упругій и сверкающій какъ сталъ: африканскій дикарь и рыцарь.

«Угрюмо и спокойно, завернувшись въ свои коричневые плащи, смотрѣли мужики на проѣзжавшій дилижансъ. Ни въ движеніяхъ, ни во взглядахъ не обнаруживалось у нихъ того живого любопытства, съ какимъ житель юга, напримѣръ итальянецъ, встрѣчаетъ всякую проѣзжую телегу и тотчасъ обступаетъ ее. Эти спокойныя, величавыя манеры особенно поражаютъ послѣ французской подвижности и увертливости...

«Нѣтъ больше Пиринеи, говорилъ Людовикъ XIV, а эта масса горъ, всею роскошью растительности обращенная къ Франціи, и показывающихъ Испаніи только свои голыя скалы, эта почва, плодородная и заброшенная, эта пустыня, у самыхъ воротъ Франціи созданная безпечностью и лѣностью, — этотъ народъ, столь благородный, прекрасный, такъ роскошно надѣленный отъ природы всѣми благами—и нищенскій: эта страшная упрямость характера, эта страстная приверженность къ прошедшему; этотъ духъ исключительности и уединенія въ эпоху, когда все стремится къ сближенію... и наконецъ, эта такъ называемая революція, которая также мало походитъ на революцію, какъ вооруженіе рыцаря на нашъ фракъ, все это здѣсь необыкновенно дѣйствуетъ на душу, на воображеніе, а главное, возбуждаетъ самый страстный интересъ къ этой благородной странѣ, имя которой каждый сынъ ея не произноситъ не прибавивъ: «несчастная!»

Digitized by Google

Строки, приведённыя нами, исполнены истинной поэзіи, но уныло-поэтическая сторона Испаніи, такъ отвлекавшая иныхъ туристовъ отъ наблюденія за характеристическими частями обыденной испанской жизни, не мѣшаетъ нашему автору находить въ нихъ свою прелесть и изображать ее достойнымъ образомъ. Понятно, что Мадритъ, съ его новыми постройками и толпами народа, одѣтаго по французскимъ модамъ, не могъ представить пищи для большихъ наблюденій, но и въ этомъ городѣ, какъ бы отрѣшившемся отъ своей національности, авторъ находитъ возможнымъ набросать множество любопытныхъ замѣтокъ. Таковы, напримѣръ, описанія домашней жизни въ семействахъ, характеристика испанскихъ маноль (гризетокъ), нѣсколько уличныхъ сценъ на толедской улицѣ. По поводу одной изъ этихъ послѣднихъ и слова *рай*, которымъ какой-то простолюдинъ назвалъ Испанію, чичероне г. Боткина разсказалъ ему слѣдующую народную легенду,

«Санъ-Яго, народный святой въ Испаніи, по смерти своей предсталъ передъ Богомъ, и Господь, довольный его земными подвигами, сказалъ ему что исполнитъ все, о чемъ святой его попроситъ. Тогда Санъ-Яго сталъ просить, чтобъ Испаніи было даровано богатство, плодотворное солнце, изобиліе плодовъ земныхъ. Будетъ,—былъ отвѣтъ. Храбрость и мужество народу, продолжалъ Санъ-Яго,—вѣчную славу испанскому оружію. Будетъ, былъ отвѣтъ. Хорошее и мудрое правительство... «Это невозможно: если ко всему этому дать и мудрое правительство, то всѣ свѣтлые духи уйдутъ изъ рая въ Испанію.»

Должно быть много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ почва Испаніи могла соперничать съ раемъ, ибо все пространство отъ Мадрита до мѣстъ ближайшихъ къ Андалузіи скорѣе походитъ на печальную пустыню, гдѣ бродятъ тѣни людей, не отличавшихся ни грѣхами, ни добродѣтелью. Только послѣ скалъ Сьерры-Морены природа начинаетъ измѣняться: рощи оливъ и виноградники встрѣчаются чаще, по краямъ дороги показывается бирюзовая зелень, алоэ, мѣстами попадаются кактусы. Совсѣмъ тѣмъ изъ Севильи, центра Андалузіи, русскій туристъ пишетъ: «красота испанской природы, о которой столько наговорили намъ поэты, есть не болѣе какъ предразсудокъ. Правда, на югѣ Испаніи растительность такъ величава и могущественна, что передъ ней растительность самой Сициліи кажется сѣверною, но это только рѣдкими мѣстами, африканское солнце, такъ сказать, насквозь прожигаетъ эту землю. «Не думайте, однако, чтобъ эта природа не имѣла своей особенной, только ей одной свойственной прелести. Она здѣсь не разлита всюду, какъ въ Италіи; въ ней нѣтъ мягкихъ ласкающихъ итальянскихъ формъ, здѣсь она или уныла, или дика, или поражаетъ

Digitized by Google

своею тропическою величавою роскошью. Здѣсь каждую минуту чувствуешь, что имѣешь подъ ногами огненную землю, не любящую золотой средины, на которой или корчится отъ зноя всякое растеніе, или тамъ, гдѣ влагѣ удается охладить жгучіе лучи солнца, растительность вырывается на воздухъ, съ такою полнотой красоты и силы, съ такою роскошью, что здѣсь, особенно въ горахъ, эти чудные оазисы, среди каменныхъ пустынь, производятъ совершенно особенное, электрическое впечатлѣніе, о которомъ не можетъ дать понятія кроткая и ровная красота Италіи. Здѣсь и пустыня (despoplado), и голыя, рдѣющія на солнцѣ скалы, и растительность, дышатъ какою-то сосредоточенной, пламенной энергіей.»

Севилья, какъ слѣдовало ожидать, изображена г. Боткинымъ con amore. Въ этомъ городѣ, говоритъ онъ, испанскій элементъ слился съ мавританскимъ и изъ этого сліянія вышло нѣчто необычайно-привлекательное, оригинальное и поэтическое. Красота Севильи не отъ природы и не отъ искусства, она стоитъ среди широкаго поля, окруженная ветхими мавританскими стѣнами, ея Гвадалквивиръ не широкъ и не красивъ, ея улицы узки и извилисты, дома чужды всякаго архитектурнаго стиля, въ цѣломъ городъ не красивъ, но онъ полонъ очаровательныхъ подробностей для человѣка съ артистической душою.

Что можетъ быть прелестнѣе внутреннихъ мавританскихъ дворовъ въ домахъ Севильи, такъ какъ они описаны въ «Письмахъ объ Испаніи»? Эти дворы составляютъ щегольство севильянъ, они видны съ улицы сквозь большую рѣшетчатую дверь, они украшены строемъ тонкихъ, граціозныхъ колоннъ, фонтанами и цвѣтами, зеркалами и картинами. Сверху дворы закрыты или полотномъ, или натуральной крышей изъ винограда. «Севилья», по выраженію путешественника, «оживляется лишь тогда, когда становится темно, — точно какъ нервическая красавица». Занавѣсы дверей тогда отдергиваются, каждый дворъ освѣщенъ лампами, фонтаны блещутъ, въ каждомъ окнѣ сверкаетъ нѣсколько паръ темныхъ глазъ. Женщины, всѣ въ черномъ, въ черныхъ кружевныхъ мантиліяхъ, толпами высыпаютъ на улицу. Всюду видны богатые національные костюмы на мужчинахъ, всюду идетъ оживленная бесѣда, всюду раздается музыка и стукъ кастаньетовъ. Красавицы Севильи вполнѣ достойны своей древней славы: «Эти чудныя головки, которыя, можно сказать, гнутся подъ густою массою своихъ волосъ — самой изящной формы; какъ бѣдна и холодна кажется здѣсь эта условная, античная красота. Невыносимая яркость и блескъ этихъ чер-

Digitized by Google

ныхъ глазъ смягчены обаятельною негою движеній тѣла, дерзость и энергія взгляда — наивностью и безъискусственностью, которыми проникнуто все существо южной испанки. И какая прозрачность въ этихъ тонкихъ и вмѣстѣ твердыхъ чертахъ!... Вся гордость андалузки состоитъ въ ея удивительныхъ рукахъ и маленькой, узкой ножкѣ, обутой въ башмачокъ, едва охватывающій пальцы. Походка ихъ обыкновенно медленна, движенія живы, быстры и вмѣстѣ томны. *Эти крайности слиты въ севильянкахъ, какъ въ опалѣ цвѣта.*

Описанію испанскихъ женщинъ посвящены многія блистательныя страницы въ книгѣ, нами разбираемой; читатель самъ отыщетъ ихъ и согласится съ нашимъ отзывомъ. Мы же отъ севильянокъ должны перейти къ испанской живописи, переходъ этотъ не такъ страненъ, какъ онъ кажется; ибо по словамъ нашего автора, только побывавъ въ Испаніи, посмотря на ея женщинъ, вполнѣ поймешь колоритъ величайшаго изъ мастеровъ испанской школы, Мурильо.

Въ Севильѣ находится собраніе картинъ, въ одной залѣ котораго находится до шестнадцати произведеній этого художника и лучшей его манеры. По словамъ автора «Писемъ объ Испаніи» человѣкъ, не видавшій картинъ Мурильо въ самой Севильѣ, не испыталъ цѣлаго міра невыразимыхъ и недоступныхъ наслажденій. Мурильо все доступно: начиная отъ глубокихъ тайнъ души человѣческой до вседневной жизни и самыхъ прозаическихъ сценъ природы. Этотъ мастеръ, у котораго пламенная сила и воздушность колорита слиты съ деликатной нѣжностью фламандской отдѣлки; есть истинный религіозный живописецъ, въ самомъ страстномъ значеніи этого слова. Настоящая католическая живопись, (здѣсь мы значительно сокращаемъ замѣчанія г. Боткина) могла развиться лишь въ одной Испаніи, подъ вліяніемъ горячихъ страстей, и пламенной, иногда фанатической религіозности. Преданія античнаго искусства не проникали ее, какъ это было въ Италіи, къ ней не примѣшивались игривыя фантазіи древняго міра, считавшіяся въ отчизнѣ Мурильо порожденіемъ дьявола. На два предмета лишь отзывались испанскіе художники — къ природѣ и религіи бросились они со всѣмъ вдохновеніемъ ихъ огненной и могучей натуры. Портреты итальянцевъ и французовъ блѣдны предъ портретами Веласкеза. Въ Мурильо воплотилась страстная, любящая, поэтическая сторона католицизма. Религіозность его пламенная и будто замирающая въ восторгѣ мистическихъ видѣній, и въ тоже время не чуждая, не враждебная міру, нѣжная и любящая. Краски его—

Digitized by Google

это природа со всею своей плотью и кровью, но проникнутая какою-то невыразимою идеальностію. Въ природѣ тѣни прозрачны, и именно своими тѣнями, проникнутыми свѣтомъ, Мурильо превосходитъ всѣхъ колористовъ. Мистическій сумракъ облекаетъ всегда его картины, но глаза свободно уходятъ въ дальнія ихъ части. Въ этой кроткой, воздушной яркости свѣта, въ этомъ прозрачномъ мракѣ тѣней, въ этой особенной, лишь одному Мурильо принадлежащей неопредѣленности контуровъ, сливающихся съ воздухомъ, дышетъ какая-то преображенная, поэтическая жизнь.

У Мурильо есть много картинъ, изображающихъ подвиги милосердія. Въ этихъ картинахъ, гдѣ нѣтъ мѣста такъ удающимся ему экстазу и благодатнымъ видѣніямъ, онъ равно великъ, по красотѣ и простотѣ и натуральности замысла. Въ картинѣ «св. Елисавета, омывающая раны прокаженныхъ», художникъ представилъ Елисавету прекрасной женщиною, вовсе не чуждой физическаго отвращенія при видѣ язвъ и гноя, но принятый ею подвигъ и сила на его совершеніе ясно видны во всей ея фигурѣ. «Св. Ѳома, раздающій милостыню нищимъ», подастъ деньги изнуренному, но прекрасному собой человѣку; въ лицѣ святого нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ изнуренія и старости, его благородное лицо дышетъ невыразимою кротостью, на губахъ его мелькаетъ грустная улыбка. Въ Севильѣ, въ частномъ домѣ, есть одна картина Мурильо, изображающая, какъ, среди горныхъ дебрей, разбойникъ кидается къ ногамъ идущаго монаха и молитъ принять его исповѣдь. Зная геній и силу испанскаго богатыря-художника, можно себѣ вообразить что́ сдѣлалъ онъ изъ такой дивной задачи!

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ пребываніемъ нашего путешественника въ Севильѣ, за наблюденіями его въ Кадисѣ, Гибралтарѣ, Танжерѣ и Малагѣ. Читатель самъ не пропуститъ въ книгѣ ни боя быковъ, ни описанія танцевъ, ни страницъ объ испанскихъ разбойникахъ, ни поэтическихъ впечатлѣній автора въ морѣ, на берегахъ Африки и въ Гибралтарѣ. Но послѣднюю часть книги, подъ названіемъ Гранада и Альамбра, мы въ особенности рекомендуемъ всѣмъ людямъ, жаждущимъ поэзіи и высоко цѣнящимъ художественное слово, вырывающееся изъ груди человѣка подъ вліяніемъ высокихъ ощущеній. На насъ собственно, страницы, нами названныя (даже включая къ нимъ историческія свѣдѣнія о времени мавританскаго владычества), постоянно производятъ самое сладкое, благотворное впечатлѣніе. Въ нихъ букетъ всей книги, соединеніе всѣхъ лучшихъ ея сторонъ; ни разу не перечитывали мы ихъ, не ощущая высокаго артистическаго наслаж-

Digitized by Google

денія. Такова сила, данная языку и рѣчамъ людей, изящно развитыхъ; отъ простого ихъ разсказа воспріимчивый читатель или слушатель добудетъ себѣ болѣе наслажденій, нежели иной, тупой на впечатлѣнія путешественникъ, нѣсколько разъ видавшій Гранаду и Альамбру своими глазами!...

Рецензія наша едва ли можетъ назваться полною, хотя она и довольно объемиста. Показать духъ и поэтическое значеніе сочиненія, вотъ чего мы хотѣли и, какъ кажется, достигли до нѣкоторой степени. Многихъ подробностей мы не коснулись, многихъ фактовъ въ пользу сочиненія мы не сообщили, мы не сообщили даже читателю хотя нѣсколькихъ словъ изъ похвальныхъ отзывовъ, сдѣланныхъ о ней нѣсколькими германскими рецензентами. Да и стоитъ ли подкрѣплять иноземными авторитетами то, что кажется намъ достойнымъ всякой похвалы. Нѣмецкій критикъ, какъ бы онъ ни былъ зорокъ, не можетъ знать всего того, что мы знаемъ, онъ по необходимости ограничится похвалой изящнымъ страницамъ и дѣльному политическому взгляду на дѣла Испаніи— время появленія книги, ея роль и важность въ цѣпи хорошихъ произведеній современной нашей словесности не совсѣмъ понятны для иноземца. «Письма объ Испаніи» печатались въ 1847 году, въ одно время съ «Обыкновенной Исторіей», «Записками Охотника», Антономъ Горемыкой, лучшими произведеніями Некрасова. Онѣ представляютъ, вмѣстѣ съ названными нами произведеніями, горсть поэтическихъ зеренъ, брошенныхъ на почву, готовую къ ихъ принятію, на почву, отчасти засушенную анти-поэтическою атмосферою предшествовавшихъ годовъ. Въ письмахъ этихъ, не смотря на предметъ ихъ, такъ отдаленный отъ насъ и отъ интересовъ нашихъ, смѣло сказалось слово человѣка, цѣнящаго наслажденіе и умѣющаго наслаждаться, слово писателя, всю свою жизнь любившаго солнце и цвѣтъ жизни, свято чтившаго правду и законность высшей поэзіи. Потому-то «Письма объ Испаніи» были замѣчены въ то время, когда казалось до Испаніи никому не было дѣла, когда превосходные труды Форда и Борро оставались не переведенными ни въ одномъ журналѣ. Потому и въ наше время, которое по изобилію мелкихъ и задніхъ дворовъ литературы не уступаетъ старому, ни на одномъ изъ этихъ мелкихъ дворниковъ не поднимается голосовъ противъ этой умной и поэтической книги, хотя на нее напасть очень легко, и никто изъ лицъ, знающихъ ей цѣну, не унизится до спора въ ея защиту. Стоитъ только сказать: «какое дѣло намъ до красоты слога и до поэтическихъ наслажденій, испытанныхъ за пятнадцать лѣтъ назадъ, русскимъ человѣкомъ въ са-

Digitized by Google

дахъ Альамбры? Не лучше ли изображать то, что къ намъ ближе, и что касается обыденной жизни нашей?» Дѣло въ томъ, что подобныхъ словъ никто не скажетъ, а если и скажетъ, то лишь для собственнаго своего увеселенія, нисколько не повредивши ни книгѣ, ни ея автору. Поэзія душевныхъ ощущеній нашихъ есть благо высочайшее въ мірѣ, и счастливъ, и надолго будетъ жить въ нашей памяти писатель, сколько-нибудь ее воплотившій въ своемъ словѣ. Если глазъ его видитъ далѣе простого глаза, если сердце его горячо отзывается на красоту, если его строки живо возсоздаютъ поэзію міра внѣшняго и внутренняго — цѣли его больше, чѣмъ достигнуты. Что намъ за дѣло до причинъ сказанной поэзіи, кто вправѣ спрашивать, родилась ли она при видѣ волнъ Средиземнаго моря, садовъ Хенералифа или степей Малороссіи. Со времени перваго появленія «Писемъ объ Испаніи», являлось въ свѣтѣ немало путешествій, самыхъ дѣльныхъ и ученыхъ, сочиненій, относящихся къ странамъ несравненно больше для насъ интересныхъ, чѣмъ Испанія. Они принесли свою пользу и въ свое забылись, а книга г. Боткина долго останется любимой книгою читателя поэтически-развитаго. Артистическій духъ, ее проникающій, всегда свѣжъ и плѣнителенъ. Въ ней родники поэзіи, которыхъ мы всегда жаждемъ. Она явилась во время и сдѣлала довольно пользы. Всякое даяніе благо, и изо всѣхъ даяній особенно хорошо то, которое приходитъ кстати и во время.

1857.

XVI.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПОЛЕЖАЕВА. МОСКВА 1857.

Гг. Щепкинъ и Солдатенковъ своими изданіями принесли много пользы дѣлу просвѣщенія, — и какъ мы надѣемся, со временемъ принесутъ еще болѣе пользы. Ихъ дѣятельность только что начинается, а успѣхъ каждой новой книги, ими изданной, яснѣе всего говоритъ о томъ, что въ дѣятельности подобнаго рода наша словесность давно нуждалась. Разумные и доброжелающіе издатели, да сверхъ того издатели, не имѣющіе нужды гнаться за быстрой прибылью, на свѣтѣ встрѣчаются рѣдко, а русское общество рѣдко имѣло въ своей средѣ лицъ такого рода. Перечитывая старые журналы, газеты и сборники, неопытный читатель можетъ подумать, что обѣ наши столицы когда-то были наполнены великими книгопродавцами-издателями — на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное.

Digitized by Google

Какого капиталиста, изрѣдка сующагося въ книжное дѣло, у насъ не называли Констеблемъ, Ладвока и Мурраемъ? въ сущности однако всѣ эти Ладвоки и Констебли сами кончали худо, да и словесность черезъ нихъ мало выигрывала. Примѣръ ихъ безпорядочной дѣятельности и память о ихъ крушеніяхъ много повредили дѣлу книжной торговли, поселили въ коммерческихъ людяхъ недовѣріе къ этому роду дѣятельности, раздробили самую торговлю между множествомъ людей, не имѣющихъ силы придать ей обширные размѣры, — и такимъ образомъ отняли у русской публики всякую надежду видѣть русскаго Муррая между нашими издателями. Къ счастію — упадокъ книжной торговли повелъ за собой начало ея возрожденія, на новыхъ и утѣшительныхъ основаніяхъ. Литераторы и люди, глубоко сочувствующіе литературѣ, мало-помалу начали прибирать въ свои руки то, что само выпало изъ рукъ неумѣлыхъ или неловкихъ. Люди со средствами, образованіемъ и любовью къ наукѣ стали сами трудиться по издательской части, выдавая въ свѣтъ творенія того или другаго изъ образцовыхъ писателей нашихъ, пріобрѣтая право на изданіе современныхъ писателей, пользующихся уваженіемъ публики. Въ теченіе короткаго времени вышли въ свѣтъ изданія Пушкина, Гоголя, Кольцова, труды гг. Тургенева, Огарева, Некрасова и другихъ. Всѣ эти книги имѣютъ видъ въ высшей степени приличный, текстъ ихъ провѣренъ съ полной исправностью, ни въ одной мелочи онѣ не сходны съ другими изданіями извѣстныхъ писателей, предпринятыми для одной выгоды, выполненными съ обиднымъ нерадѣніемъ. Мы назвали лишь небольшое число новыхъ книгъ, изящно и умно изданныхъ; за послѣднее время число подобныхъ изданій постоянно увеличивается и мы можемъ утвердительно сообщить, что въ будущемъ году ихъ появится еще болѣе. Гг. Солдатенковъ и Щепкинъ, подарившіе русской публикѣ нѣсколько замѣчательныхъ книгъ, превосходно изданныхъ, — уже имѣютъ не одного конкурсента между московскими и петербургскими жителями; нечего и говорить о томъ, что подобная конкурренція можетъ только принести одинъ почетъ для обѣихъ сторонъ. Многіе люди, съ большими средствами, замышляютъ обратить часть своей дѣятельности на пользу литературы, на изданіе хорошихъ русскихъ книгъ, на популяризированіе полезныхъ произведеній нашей словесности, чрезъ невысокую и общедоступную цѣну книгамъ. Мурраевъ и Ладвока мы точно не дождались, но мы уже имѣемъ людей, просвѣщенно разумѣющихъ роль издателя и выполняющихъ ее, какъ слѣдуетъ просвѣщеннымъ русскимъ людямъ.

Digitized by Google

Изданіе стихотвореній Полежаева, въ настоящую минуту находящееся передъ нами, составляетъ своего рода литературную роскошь, о которой, за нѣсколько лѣтъ назадъ, при плачевномъ положеніи издательскаго дѣла, никто не могъ бы и подумать. Въ самомъ дѣлѣ—книга, о которой говоримъ мы, книга для немногихъ. Не взирая на личность автора, пробуждающую въ умахъ нашихъ грустно-интересныя воспоминанія, не взирая на нѣкоторую славу, которую когда-то имѣли стихи Полежаева, не взирая наконецъ на умный, исполненный благородныхъ страницъ разборъ Бѣлинскаго, большинство русскихъ читателей позабыло Полежаева. Оно позабыло его навсегда и окончательно. Оно едва ли вернется къ нему, и если еще разъ перечитаетъ лучшія произведенія несчастнаго поэта въ настоящемъ изданіи, то не останется ими довольно. Въ этомъ отношеніи большинство публики право, и судъ его не подлежитъ никакой апелляціи, потому что поэтъ, передъ лучшими стихами котораго холодна масса безпристрастныхъ читателей, — никогда не можетъ зваться поэтомъ высокаго разбора. Въ замѣнъ того, для тонкихъ чтителей искусства, для людей, привязанныхъ къ исторіи своей словесности, для внимательныхъ наблюдателей, которымъ дорога личность всякаго русскаго писателя, когда-либо пользовавшагося извѣстностью, — изданіе Полежаева не пройдетъ напрасно. Оно будетъ прочитано съ пользой и удовольствіемъ, надъ нимъ задумается не одинъ цѣнитель и не одинъ любитель поэзіи скажетъ за нихъ душевное спасибо издателямъ. Во всѣхъ хорошо составленныхъ библіотекахъ эта небольшая книга непремѣнно займетъ свое мѣсто и будетъ раскрываться, хотя изрѣдка, какъ воспоминаніе о временахъ, отъ насъ отдаленныхъ, о людяхъ, уже не живущихъ между нами.

Мы живо помнимъ впечатлѣніе, произведенное на насъ, въ эпоху полной юности и воспріимчивости, статьею Бѣлинскаго по поводу стиховъ Полежаева, статьею, теперь напечатанною въ началѣ нами разбираемаго изданія. И грустью, и проницательностью, и сочувствіемъ къ слабому, упавшему поэту, была наполнена статья эта—ее нельзя было признать одною изъ лучшихъ статей нашего критика, но въ ней имѣлись двѣ или три страницы идеальнаго благородства. Чувственныя и цинническія стороны музы Полежаева были смѣло осуждены на означенныхъ страницахъ, но грозная строгость суда не нарушала симпатіи поэта-критика къ поэту-стихотворцу, въ самой жесткости приговора слышался голосъ братскаго соболѣзнованія. Талантъ, хотя и зарытый въ грязь, все-таки звался талантомъ, не былъ оскорбляемъ ни однимъ словомъ, какія

Digitized by Google

въ ту пору журнальныхъ неистовствъ всюду были терпимы и дозволяемы. Статья была усѣяна значительнымъ количествомъ выписокъ, составлявшихъ какъ бы сводъ всего лучшаго въ трудахъ Полежаева, выписки эти, поэтически выбранныя и поэтически истолкованныя, невольно подкупали всякаго читателя въ пользу разбираемаго поэта. Отъ нихъ щемило сердце великою грустью. Въ нихъ слышались стоны энергическаго, погибающаго, кающагося человѣка. Подобныхъ выписокъ и подобныхъ толкованій нельзя было прочесть, не пожелавши короче ознакомиться съ полными сочиненіями поэта. Смѣлый приговоръ Бѣлинскаго о томъ, что Полежаевъ превышаетъ всѣхъ поэтовъ, явившихся въ первое время Пушкина, кромѣ Грибоѣдова и Веневитинова, еще болѣе усиливалъ такое желаніе. Мы помнимъ, что тотчасъ же по прочтеніи статьи, мы достали себѣ и «Касьянъ» и другія сѣрыя книжечки изданій Полежаева. Къ сожалѣнію—ожидаемыхъ наслажденій мы не получили, конечно, обвинивши въ томъ свою собственную непонятливость. Статья критика казалась намъ образцовою, сводъ выписокъ трогательнымъ до крайности, но къ самому поэту мы оставались холодны. Строки, изъ него взятыя въ журнальную статью, блистали, правда, на страницахъ сочиненій Полежаева, но блистали тусклымъ, неровнымъ свѣтомъ. Ни одной звѣздочки не прибавилось къ полежаевскому созвѣздію, которое разсыпалъ Бѣлинскій по своей критикѣ; скажемъ болѣе, не одна звѣзда казалась звѣздой лишь между его строками, его объясненіями и горячимъ истолкованіемъ.

Съ печалью въ душѣ закрыли мы сѣрые томики сочиненій Полежаева, и раскрыли ихъ снизнова только теперь, для провѣрки нѣсколькихъ стиховъ новаго изданія съ изданіями прежними. Много лѣтъ прошло со времени чтенія тѣхъ сѣрыхъ томиковъ, многое измѣнилось въ литературѣ нашей, скрылся отъ насъ и тотъ человѣкъ, который когда-то первый привѣтствовалъ унылыя пѣсни Полежаева, сказалъ о нихъ свое, по возможности, правдивое и симпатическое слово. Не совершенно еще скрылись, къ сожалѣнію, люди, при жизни своей кидавшіе грязью на имя знаменитаго цѣнителя, и теперь еще кидающіе туже грязь, съ прежнимъ озлобленіемъ, на его памятникъ. Само собою разумѣется, выходки ненавистниковъ Бѣлинскаго ни въ чемъ не могутъ имѣть вліянія на смыслъ нашего отзыва, и собственная задача наша все-таки остается прежней задачею. Равно отдаливъ себя и отъ фетишизма, и отъ неблагодарности, мы находимъ возможнымъ сказать свое безпристрастное слово и о поэтѣ Полежаевѣ, и о замѣткахъ кри-

Digitized by Google

тика, много лѣтъ тому назадъ говорившаго съ нашей публикой о значеніи Полежаева.

Мы не можемъ рѣшить съ достовѣрностью, подъ вліяніемъ какихъ побужденій была написана статья Бѣлинскаго, нынѣ помѣщенная въ видѣ предисловія къ разбираемой нами книгѣ, не знаемъ опредѣлительно, какихъ поэтовъ своего времени имѣлъ онъ въ виду, жестоко нападая въ началѣ своего труда на «риѳмотворцовъ, у которыхъ, кажется, что ни слово, то мысль, а какъ вглядишься— такъ что ни слово, то риторическая завитушка, или дикое сближеніе несближаемыхъ предметовъ». Въ особенности критику ненавистны стихи, въ которыхъ гладкими и звучными стихами воспѣвается звонъ рюмокъ, студентскія попойки, или малага, полезная тогда, когда уже ничего другого желудокъ не выноситъ. Послѣдняя насмѣшка видимо направлена на поэзію Языкова, она не лишена основанія, хотя само собою разумѣется, что въ наше время никто уже не рѣшался назвать Языкова риѳмотворцемъ, «котораго произведенія не имѣютъ даже цѣны и достоинства прейскурантовъ». Какъ бы то ни было, по мнѣнію критика, цѣлый рядъ поэтовъ, пользующихся лишь прошлою своей извѣстностью, нѣкогда заслонялъ собою Полежаева, котораго и теперь не видно изъ-за ихъ поблекшей извѣстности. «И какъ имъ было не заслонить его», значится въ началѣ статьи: «ихъ стихотворенія печатались въ Петербургѣ, издавались такъ красиво, сами они писали другъ къ другу посланія, участвовали въ пріятельскихъ журналахъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ Пушкинъ печатно величалъ своими сподвижниками. Стихи Полежаева ходили по рукамъ въ тетрадкахъ, журналисты печатали ихъ безъ спроса у автора, который былъ далеко; наконецъ они и издавались или за его отсутствіемъ, или безъ его вѣдома, на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора, хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ...»

На основаніи краснорѣчивыхъ строкъ, сейчасъ приведенныхъ нами, мы можемъ составить свое заключеніе, какъ о настроеніи духа, съ какимъ рецензентъ принимался за свое дѣло, такъ и о цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду, при своемъ разборѣ произведеній Полежаева. Намъ кажется, что видъ оскорбительно-неряшливыхъ, небрежно изданныхъ стихотвореній поэта, за живое зацѣпилъ цѣнителя, одареннаго поэтическою душою, человѣка, всегда готоваго стать на сторону слабыхъ и недостаточно признанныхъ дѣятелей словесности. Грязное изданіе Полежаевскихъ трудовъ ясно говорило о кругѣ читателей, для которыхъ эти труды пред-

Digitized by Google

назначались, о непростительномъ равнодушіи всѣхъ любителей словесности къ дѣятельности человѣка, достойнаго лучшей участи и за дарованіе, ему данное, и за горестную жизнь, достаточно загладившую собою заблужденія его юности. По идеѣ Бѣлинскаго (какъ намъ кажется), Полежаева было еще рано разбирать и жалко истолковывать. Хладнокровно оцѣнивать легко лишь писателей, на которыхъ давно устремлены внимательные взгляды любителей изящнаго, съ поэтомъ совершенно заброшеннымъ, забытымъ, издаваемымъ лишь для утѣхи самой низшей части читателей, должно было дѣйствовать иначе. Къ такимъ поэтамъ всего лучше подходитъ та метода оцѣнки, которую Лессингъ называлъ спасеніемъ, Rettung. Прежде всего къ нимъ требовалось притянуть читателя, дать имъ ту извѣстность, которая, по словамъ Карлейля, «сама не даетъ достоинства человѣку, но дѣйствуя подобно яркому освѣщенію, дозволяетъ разглядѣть въ немъ всѣ принадлежащія ему достоинства». Сочувствуя непризнанному дѣятелю, критикъ прежде всего долженъ, силою своего авторитета, уничтожить холодность, темноту, сливающіяся съ именемъ писателя, имъ истолковываемаго. При такихъ условіяхъ, отчасти позволительны и горячность, и даже пристрастіе. Лишь бы цѣль всего дѣла была достигнута, лишь бы оцѣниваемый писатель привлекъ на себя вниманіе массы — а тамъ, время сгладитъ неровности приговора, поставитъ на свое мѣсто дѣятелей, насильно сдвинутыхъ съ мѣста, имъ принадлежащаго, на выгоду дѣятелю имъ противупоставленнаго. Статья Бѣлинскаго достигла этой цѣли и потому значеніе ея остается благотворнымъ. По совѣту, въ ней данному, труды Полежаева вышѣ явились въ изящномъ изданіи и со строгимъ выборомъ. Вслѣдствіе оцѣнки, въ ней помѣщенной, уже ни одинъ поэтъ ничтожнаго разбора не заслонитъ собой Полежаева. Труды писателя, почти забытые недавно и поступившіе въ достояніе торговцевъ сѣробумажными издѣліями, спасены отъ грозившей имъ участи, освѣщены и истолкованы на столько, что въ настоящее время каждый разумный человѣкъ самъ можетъ усмотрѣть ихъ достоинство. Такова польза, принесенная небольшою статьею, которая, какъ мы уже сказали, далеко не принадлежитъ къ числу лучшихъ рецензій Бѣлинскаго. Намъ кажется, что безъ горячности и сильнаго пристрастія къ музѣ Полежаева, подобныхъ результатовъ достигнуть было невозможно, и теперь, когда они ужь достигнуты, когда имя поэта навсегда спасено отъ незаслуженнаго забвенія, мы имѣемъ полное право на пересмотръ перваго приговора, на

Digitized by Google

окончательную переоцѣнку недостатковъ и достоинствъ поэта Полежаева.

«Отличительную черту характера и особенность поэзіи Полежаева», говоритъ намъ Бѣлинскій, «составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ: важны подвиги, въ которыхъ бы она проявилась; Раппо одаренъ чрезвычайною силою, но играть чугунными шарами, какъ мячиками, еще не значитъ быть героемъ. Такъ; но вѣдь все же не Раппо ходитъ смотрѣть на людей и дивиться имъ, а толпы людей ходятъ смотрѣть на него и дивиться ему. И въ сферѣ своихъ подвиговъ не выше ли онъ тѣхъ людей, которые почитаютъ себя силачами, и крахтя подъ тяжестію не по силамъ, надрываясь отъ натуги, думаютъ удивлять людей силою!.. Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейдти въ потомство; мы безпристрастно высказали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемой бразды разума; но въ то же время, мы хотѣли показать, что Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны; мы хотѣли показать, что источникъ всякой поэзіи есть жизнь, что судьба всякаго могучаго таланта — быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія, и что наконецъ, могутъ падать только сильные, замѣчательные таланты... При другихъ условіяхъ, поэзія Полежаева могла бы развиться, разцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи...»

Нельзя не согласиться съ этими словами, нельзя не заинтересоваться участію даровитаго пѣвца, долгое время заслоняемаго отъ публики извѣстностію поэтовъ менѣе даровитыхъ, но когда цѣнитель начинаетъ намъ обозначать людей, превознесенныхъ ослѣпленіемъ толпы во вредъ Полежаеву, съ доводами его согласиться труднѣе Еслибы критикъ, по этому случаю, назвалъ намъ хоть цѣлый рядъ поэтовъ бездарныхъ, но имѣвшихъ славу въ свое время, такая мѣра могла бы не только удовлетворить читателя, но спасти и самого цѣнителя отъ большой крайности въ приговорѣ. «Мы не обинуясь скажемъ», такими словами заключается рецензія: «что *изо всѣхъ поэтовъ, явившихся въ первое время Пушкина, исключая геніальнаго Грибоѣдова, который образуетъ въ нашей литературѣ особую школу, несравненно выше другихъ и достойные вниманія и памяти, Полежаевъ и Веневитиновъ*...» Сказавши такъ много, цѣнитель не только становится несправедливъ къ писателямъ Пушкинскаго періода, которымъ самъ же не разъ отдавалъ дань чистаго уваженія, но и заставляетъ насъ ждать слишкомъ многаго отъ Полежаева съ его

Digitized by Google

поэзіею. Ограничимъ какъ можно болѣе циклъ поэтовъ, писавшихъ въ первое время Пушкина, исключивъ изъ ихъ числа имена первоклассныхъ дѣятелей, лучшая пора которыхъ по времени совпадаетъ съ дѣятельностью Пушкина, Грибоѣдова и Полежаева, намъ все-таки придется причислить къ этому циклу имена Дельвига, Языкова, Баратынскаго. Можно имѣть невыгодное мнѣніе о талантѣ трехъ поэтовъ, сейчасъ нами названныхъ, но въ томъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ и талантъ и свое самостоятельное положеніе въ словесности, сомнѣваться никто не можетъ. Поставить Полежаева на неизмѣримую высоту сравнительно съ ними, едва ли согласится кто нибудь изъ хладнокровныхъ цѣнителей, а причина тому заключается въ самой книжкѣ стихотвореній, предъ нами находящихся. Стихотворенія эти не лишены многихъ достоинствъ, но въ нихъ не увидимъ мы яркаго, ясно опредѣлившагося, самостоятельнаго поэтическаго дарованія. Впечатлѣнія самаго понятливаго читателя этихъ стихотвореній, не оправдываютъ собою надеждъ, поданныхъ цѣнителемъ, и вслѣдствіе такого нежданнаго разочарованія терпятъ лучшія произведенія поэта, слишкомъ возвеличеннаго, въ ущербъ писателямъ, сильнѣйшимъ его по таланту.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ бросить нашъ собственный, совершенно независимый взглядъ на сущность таланта Полежаева, изложить тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ, по нашему мнѣнію, онъ долженъ занимать видное, но весьма второстепенное мѣсто въ ряду русскихъ поэтовъ. Исходнымъ пунктомъ нашей оцѣнки будетъ одно мѣсто изъ рецензіи Бѣлинскаго: небольшой отрывокъ, направленный знаменитымъ критикомъ противъ нѣсколькихъ поэтовъ современныхъ Полежаеву, по нашему мнѣнію, какъ нельзя лучше опредѣляетъ самого поэта, имъ противупоставленнаго. «Есть дарованія, такъ или почти такъ говоритъ критикъ, въ которыхъ нельзя не признать ни чувства, ни вдохновенія, ни поэтической формы, но о поэтахъ этихъ можно безъ ошибки сказать, что путь ихъ будетъ кратокъ. *Это ть односторонніе дарованія, которыя пробуждаются отъ какой нибудь случайности — несчастія, утраты, и открывъ въ душѣ своей затаенный родникъ грустной поэзіи, скоро исчерпываютъ его весь.*» Въ словахъ, подчеркнутыхъ нами, мы видимъ лучшее опредѣленіе музы Полежаева, къ нимъ можно прибавить только двѣ оговорки: во-первыхъ, случайность, пробудившая дарованіе Полежаева, была случайностью особенно поразительною, во-вторыхъ, ранняя кончина поэта не даетъ намъ полнаго права судить о томъ, скоро ли

Digitized by Google

исчерпался бы родникъ сильной, грустной поэзіи, открывшейся въ душѣ Полежаева вслѣдствіе бурной, сокрушительной катастрофы, поразившей поэта.

Оставимъ общіе выводы и вглядимся поближе во всю дѣятельность поэта Полежаева. Природа дала ему пламенную натуру, понятливость къ поэзіи, силу выраженія, а самъ онъ, вслѣдствіе знакомства съ твореніями лучшихъ русскихъ писателей, пріобрѣлъ замѣчательную способность владѣть русскимъ стихомъ. Молодость его, не смотря на ея безпорядочность, не была чужда науки и житейской опытности, самыя заблужденія юноши, высказываясь въ бурной жизни, сталкивали его съ многими сторонами дѣятельности, какъ бы подстрекая на сильныя ощущенія и попытки къ ихъ воплощенію въ звучной рѣчи. Не взирая на всѣ эти залоги, не взирая на силу чувства, неотъемлемую собственность Полежаева, его поэтическіе отклики на жизнь не имѣютъ въ себѣ ничего самостоятельно-поэтическаго. Писатели съ опредѣлившимся дарованіемъ, заслонявшіе его отъ публики, имѣли каждый свою, собственно имъ принадлежавшую область, которой не имѣлъ Полежаевъ. У каждаго изъ нихъ былъ свой поэтическій міръ, свое хотя быть можетъ не совсѣмъ стройное воззрѣніе на жизнь и дѣйствительность: ничего подобнаго не видимъ мы у Полежаева до тѣхъ поръ, пока бурныя событія его жизни, разрѣшившись бѣдой и гибелью, не пробудили въ душѣ его того поэтическаго стона, которымъ поражаютъ насъ его послѣднія произведенія. Стихотворенія Полежаева, даже помѣщенныя въ настоящемъ изданіи, послѣ самаго строгаго выбора, грѣшатъ той самой поэтической рутиною, на которую Бѣлинскій нападалъ въ началѣ своей рецензіи. Въ нихъ есть и бутыльный звонъ, и богъ винограда, и лоно сладострастія, и увядшая жизнь во всевозможныхъ видахъ, и сочетаніе риомъ самаго трескучаго свойства. До замѣчательной степени обладая формою, Полежаевъ, по содержанію своихъ произведеній, несравненно бѣднѣе и Баратынскаго, и Языкова, и Дельвига. И напрасно стали бы мы утверждать, что недостатокъ содержанія имѣетъ своей виной неразвитость поэта, его небрежность къ своей музѣ, безпокойную и печальную жизнь Полежаева. Поэтъ потому только и зовется поэтомъ, что онъ видитъ глубже и дальше, чѣмъ остальные люди, если въ немъ не высказывается этой способности, его, при самомъ простомъ родѣ дѣятельности, приходится признать человѣкомъ, идущимъ не по своей дорогѣ. Ни трезвость жизненныхъ воззрѣній, ни большое образованіе, ни опытъ жизни, ни самыя честныя стремленія нравственной природы

Digitized by Google

еще не даютъ человѣку той оригинальной и даже, по временамъ, причудливой душевной складки, безъ которой нѣтъ и не можетъ быть истиннаго поэта. Смѣемъ спросить, какими произведеніями своей лучшей поры (кромѣ малаго числа вещей, писанныхъ на Кавказѣ, о которыхъ будемъ мы говорить ниже) Полежаевъ выказалъ свою способность глядѣть на міръ проницательными глазами поэта? Ни въ «Божьемъ Судѣ», ни въ «Валтасарѣ», ни въ «Цыганкѣ», ни въ «Пѣснѣ плѣннаго Ирокезца», ни въ «Грѣшницѣ», ни въ «Баю-баюшки баю» (произведеніяхъ, признанныхъ за лучшія въ собраніи), Полежаевъ не доказалъ своихъ правъ на прозваніе самостоятельнаго поэта, хотя бы одного разбора съ заслонявшими его лицами. Произведенія, нами названныя, при своихъ достоинствахъ, не носятъ на себѣ никакого отпечатка, по которому ихъ можно было бы признать Полежаевскими. Ихъ могли бы написать многіе изъ поэтовъ Пушкинской плеяды, на нихъ не лежитъ того индивидуальнаго клейма, которое разомъ ставитъ передъ нами поэта со всей его сферой дѣятельности, съ его любимыми предметами, съ его, ему одному принадлежащими, заблужденіями. Мы вполнѣ согласны съ Бѣлинскимъ, что пѣснь Ирокезца полна благородной силы въ чувствѣ и выраженіи, что «Божій Судъ» вещь прекрасная по мысли, но въ обѣихъ вещахъ и мысль и выраженіе не отмѣчены личностью поэта, не отличены какимъ-либо характеристическимъ, ему одному принадлежащимъ признакомъ. Остальныя піесы, изъ числа названныхъ нами, могутъ быть признаны за Полежаевскія лишь потому, что рѣдкій поэтъ могъ угнаться за Полежаевымъ какъ въ безвкусіи, такъ и въ неопредѣленности частностей, безвкусіи и неопредѣленности иногда слѣдующихъ за изящной и почти поэтической рѣчью.

Есть у Полежаева стихотвореніе: «Баю-баюшки баю». Всякое естетическое чувство возмущается безобразіемъ колыбельной пѣсни и нестройностью выраженій, въ нее вкравшихся. Во всемъ произведеніи напрасно станемъ мы искать какой-либо поэтической мысли, въ ней есть только, и то при концѣ, нѣчто похожее на поэтическій мотивъ, но напрасно станете вы искать въ немъ какого-либо значенія. Намъ скажутъ, можетъ быть, что всѣ дурныя стороны пѣсни замѣчены и прежде. Возьмемъ же въ противоположность ей, хоть «Цыганку», вещь много разъ превозносимую, понравившуюся Бѣлинскому и съ его легкой руки перепечатываемую во всѣхъ отзывахъ о Полежаевѣ.

Кто идетъ передъ толпою
По широкой площади
Съ загорѣлой красотою
На щекахъ и на груди?

Digitized by Google

Подъ разодраннымъ покровомъ,
Провинціальна, черна —
Кто въ величіи суровомъ
Эта дивная жена?
Вьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ,
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ, —
И страшнѣй ударовъ сѣчи,
Какъ гремучая рѣка,
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты — коварная цыганка,
Дочь свободы и весны!

Подъ узлами бѣдной шали
Ты не скроешь отъ меня
Ненавистницу печали,
Друга радостнаго дня!
Ты знакомка вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканскіе цвѣты!
Ахъ, я помню... Но ужасно
Вспоминать лукавый сонъ:
Фараонка, не напрасно
Тиготитъ мнѣ душу онъ!
Провеслась съ годами сила,
Я увялъ — и не яву
Мнѣ рука твоя вручила
Приворотную траву!

При первомъ прочтеніи этой вещи, она какъ будто поражаетъ картинностью и чѣмъ-то размашистымъ въ манерѣ, но достаточно сдѣлать легкій анализъ первому впечатлѣнію для того, чтобъ убѣдиться въ маломъ значеніи всего стихотворенія. Неопредѣленность представленій, вѣрный признакъ слабой способности на творчество, здѣсь не прикрыта ни звучностью рѳмы, ни рядомъ выраженій, модныхъ въ то время, когда цыганокъ и цыганское безстыдство воспѣвали на всѣ возможные лады. Читатель не можетъ даже дать себѣ отчета, какого рода цыганку описываетъ поэтъ — молода или стара эта цыганка и почему именно заслуживаетъ она прозваніе дивной жены, ей данное отъ Полежаева? Возьмите всѣ строки, кажущіяся картинными, перечитайте ихъ сызнова, за исключеніемъ двухъ стиховъ:

Вьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ,

вы не найдете ни одной, изображающей что-нибудь опредѣленное. Поэтъ даже какъ бы нарочно запутываетъ представленія, сладостныя рѣчи у него выходятъ страшнѣе ударовъ сѣчи, дивная жена имѣетъ въ глазахъ разбѣжавшіяся искры наглости, за тѣмъ слѣдуетъ ненавистница печали, лукавый сонъ и иныя общія мѣста старыхъ временъ, а въ результатѣ самъ читатель сбивается съ толку и не можетъ рѣшить, о комъ говорено было поэтомъ: о прекрасной ли дѣвушкѣ цыганскаго племени, или о мрачной вѣдьмѣ изъ того же народа, за много лѣтъ назадъ считавшейся красавицею. Мы знаемъ очень хорошо, что изъ Полежаева, уже по одной его жизни, не могъ развиться спокойный поэтъ-художникъ.

Digitized by Google

«Извѣстность поэта была печальная, говорится въ рецензіи, жизнь «его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжден- «ной дикою необузданностью страстей, которая, совративъ его «талантъ съ истиннаго направленія, не дала ему ни развиться, ни «созрѣть. Жизнь Полежаева была жизнь буйнаго безумія, способ- «наго возбудить къ себѣ ужасъ и состраданіе: Полежаевъ не «былъ жертвою судьбы, и кромѣ самого себя, никого не имѣлъ «права обвинять въ своей гибели... Явившись въ другое время, «при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нрав- «ственномъ развитіи, талантъ Полежаева принесъ бы богатые «плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и «занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы...» Но, соглашаясь съ частью этого отзыва, мы расходимся съ главной мыслью, въ немъ заключающеюся. Чтобы погубить въ себѣ талантъ, нужно имѣть то, что зовется талантомъ, хотя бы и не въ обширномъ смыслѣ этого слова; необходимо владѣть дарованіемъ самостоятельнымъ, опредѣленнымъ, дающимся анализу. Такимъ дарованіемъ Полежаевъ не былъ богатъ до самыхъ послѣднихъ годовъ своей жизни. Онъ написалъ нѣсколько энергическихъ и благородныхъ по мысли стихотвореній, но стихотворенія эти, какъ нами сказано, не представляли ровно ничего новаго, оригинальнаго, въ массѣ одновременныхъ съ ними произведеній. Художникъ, въ болѣзни и горячкѣ можетъ испортить лучшую свою картину, изорвать и зачернить ее совершенно, но когда въ его комнатѣ нѣтъ никакой картины, когда передъ его глазами лишь чистый холстъ съ двумя, тремя маленькими рисуночками на поляхъ (какъ это часто бываетъ у художниковъ, обдумывающихъ вещь передъ натянутымъ холстомъ), ему невозможно быть собственнымъ своимъ Геростратомъ. У насъ всегда были, можетъ быть и теперь есть, поэты, испортившіе свой талантъ (иногда вслѣдствіе самыхъ простыхъ житейскихъ обстоятельствъ); если мы сравнимъ ихъ съ Полежаевымъ, то увидимъ всю правду, сейчасъ нами сказаннаго. Дельвигъ, по своей лѣности и недовольству начатыми трудами, не написалъ почти ничего замѣчательнаго, но въ маломъ количествѣ оставшихся отъ него стихотвореній (особенно въ антологическомъ родѣ), виденъ поэтъ самостоятельный, отдѣляющійся отъ своихъ сверстниковъ и по складу таланта, и по взгляду на дѣло поэта. Василій Львовичъ Пушкинъ, невзначай открывшій новые пути искусства въ извѣстномъ своемъ шуточномъ стихотвореніи, бросилъ богатую жилу, ему давшуюся, и погубилъ все свое значеніе, увеселяя себя мадригалами или посланіями во французскомъ вкусѣ.

Digitized by Google

Можно привести еще нѣсколько примѣровъ, но мы надѣемся, что въ томъ не пастонтъ надобности. Полежаевъ, по страстности натуры неизмѣримо превышавшій и Дельвига, и В. Л. Пушкина, отставалъ отъ этихъ второстепенныхъ поэтовъ и въ поэтической зоркости, и въ способности на творчество. Крушеніе его частной жизни не только не принесло съ собою крушенія его поэтическаго значенія, но скорѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ, развило въ немъ нѣкоторыя поэтическія стороны, которымъ безъ того бы никогда не проявиться. Муза Полежаева поступила съ поэтомъ какъ самая капризная изъ богинь, и великодушная, и злая въ одно время. Она едва глядѣла на своего поклонника въ то время, когда тотъ имѣлъ и молодость, и честь, и доброе имя, и силы къ труду, и пылкія страсти. Когда все это было утрачено, когда несчастный пѣвецъ увидѣлъ себя предъ дверью гроба, погубленнымъ, полуразрушеннымъ и покончившимъ со всѣми жизненными радостями, муза слетѣла къ бѣдному страдальцу и своей улыбкой усладила послѣдніе, горькіе дни его земного поприща. Потому-то періодъ истинно поэтической дѣятельности Полежаева кратокъ, и не взирая на свою краткость, довольно однообразенъ.

На душѣ становится тоскливо при одномъ воспоминаніи о началѣ этого періода. Необузданный и пылкій юноша, котораго вся жизнь походила на буйную оргію, самъ накликалъ на себя бѣдствія, очевидный результатъ такой жизни. Слишкомъ долго считалъ онъ освобожденіе отъ предразсудковъ освобожденіемъ ото всякой разумности, слишкомъ долго обожалъ онъ буйную свободу, «забывая о томъ, что то была не свобода, а своеволіе, что наиболѣе свободный человѣкъ есть въ тоже время и человѣкъ, наиболѣе подчиненный». Здоровье Полежаева было разрушено излишествами всякаго рода, за долгое время до кончины онъ видѣлъ себя обреченнымъ на смерть и не обманывался въ своемъ положеніи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, и при паденіи, Полежаевъ еще хранилъ въ своей натурѣ много силы и привлекательности. Его поразила величественная природа кавказскихъ странъ, онъ былъ храбръ и цѣнилъ поэзію боевой жизни; боевые товарищи, по золотому преданію кавказскихъ воиновъ, берегли и любили бѣднаго странника, заброшеннаго къ нимъ издалека. И между женщинами дальняго края нашлись существа, сильно пробудившія любящую способность въ Полежаевѣ,—но и порывы къ чистой любви, и дружба новыхъ людей, и возбудительная прелесть кавказской природы, все это пришло слишкомъ поздно для Полежаева. У него уже не было силъ для того, чтобъ начать жизнь сызнова, онъ уже былъ прав-

Digitized by Google

ственно разрушенъ для любви, физически ослабленъ для военной дѣятельности. Сознаніе своего отчаяннаго положенія росло въ немъ за одно съ жгучимъ раскаяніемъ, а подъ вліяніемъ этихъ двухъ двигателей, его субъективно-лирическая душа въ первый разъ заговорила голосомъ, ея достойнымъ. Родникъ поэзіи, до-тѣхъ-поръ ни въ чемъ еще не проявившійся, закипѣлъ ключемъ въ душѣ поэта, закипѣлъ и исчезнулъ лишь тогда, когда самого пѣвца не стало.

Сердце-разрывающій вопль гибнущаго человѣка — вотъ единственное опредѣленіе той поэзіи, которая живетъ въ небольшомъ числѣ лучшихъ произведеній Полежаева. Не изъ «Вальтасара», не изъ «Грѣшницы», не изъ «Пѣсни Прокезца» можемъ мы извлечь истинное пониманіе полежаевскаго дарованія: можетъ быть эти произведенія и были имъ написаны въ ту эпоху, о которой мы сейчасъ говорили, но въ нихъ не отразились ни означенная эпоха, ни личность самого Полежаева. Какъ писатель по преимуществу субъективный, да сверхъ того весь охваченный сознаніемъ своихъ нравственныхъ страданій, онъ не можетъ съ самостоятельностью говорить ни о чемъ, кромѣ страданій этихъ. Поэтому вещи Полежаева, хотя сколько нибудь относящіяся къ Кавказу, къ привязанностямъ и горестямъ поэта за послѣдніе годы жизни, для насъ несравненно дороже его переложеній изъ Виктора Гюго и Байрона, его стихотвореній, имѣющихъ интересъ эпизодическій, слегка лишь связанный съ личностью поэта. Увлекаясь этой мыслію, мы готовы сдѣлать маленькій упрекъ гг. Щепкину и Солдатенкову «за исключеніе изъ настоящаго собранія двухъ поэмъ «Эрпели и «Чиръ-Юртъ», да еще одного длиннаго, неудачнаго, но проникнутаго поэтическими мотивами стихотворенія «Герменчугское Кладбище». Въ поэмахъ, нами названныхъ, есть слѣды самого Полежаева, нѣкоторые изъ отпечатковъ его личности, и одна или двѣ картины изъ кавказской природы, въ нихъ заключенныя, стоятъ вниманія. Въ «Герменчугскомъ Кладбищѣ» есть трогательные звуки, за которые невольно прощаешь длинноты произведенія.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Кавказъ и жители Кавказа болѣе всего пробудили душу Полежаева изъ того полумертваго оцѣпенѣнія, въ какомъ она находилась послѣ крушенія его будущности. Не въ первый и не въ послѣдній разъ чудесамъ Кавказа, этого невыразимо-поэтическаго края, приходилось освѣжать силы человѣка, съ отчаяніемъ въ душѣ пріютившагося подъ сѣнь его сѣдыхъ возвышенностей. Мы убѣждены всѣмъ сердцемъ, что никакая, самая цвѣтущая страна вселенной, въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи не подѣйствуетъ сильнѣй Кавказа. Въ этомъ благословенномъ краѣ слито все, цѣнимое страждущимъ человѣкомъ, его красота имѣетъ свой неуловимый, словомъ, уныло-поэтическій отпечатокъ, его жители живутъ жизнію, въ которой нѣтъ ничего вялаго, рутинно-европейскаго, разслабляющаго натуру нашу. Страна гостепріимства и военнаго братства, полубасноловныхъ подвиговъ и нетронутыхъ сокровищъ—Кавказъ поработилъ себѣ Полежаева, приковалъ его къ себѣ, такъ какъ одинъ разъ приковалъ къ себѣ Пушкина, а въ другой Лермонтова. На Кавказѣ Полежаевъ могъ написать, наперекоръ всей своей безнадежности, такого рода дифирамбическія строки:

Проснись, задумчивый пѣвецъ!
Гдѣ гармоническая лира,
Гдѣ барда юнаго вѣнокъ?
Ужель повергнулъ ихъ порокъ
Къ стопамъ ничтожнаго кумира?
Ужель бездушный идеалъ
Неотразимаго разврата
Тебя, какъ жертву каземата,
Рукой позорной оковалъ?
О, нѣтъ! свершилось — жаръ мятежный
Остылъ на пасмурномъ челѣ,
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной
. . . . . .
Но предъ лицомъ кавказскихъ горъ
Я рву нечистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю какъ ониіамъ
Съ цвѣтовъ пустынныхъ, къ небесамъ,
И передамъ моимъ струнамъ
И ревъ, и вой минувшей бури.

Это голосъ сильнаго, мощно-раскаявающагося человѣка, это откликъ пѣвца, пораженнаго величіемъ вновь открывшагося передъ нимъ міра. Будь Полежаевъ менѣе разрушенъ душою и тѣломъ, можетъ быть за этой восторженной пѣснью для него началось бы перерожденіе, если не по таланту, то по жизни, и существованіе поэта украсилось бы новыми цѣлями, и присоединился бы онъ къ многочисленному разряду людей, вспоминающихъ о кавказскомъ краѣ, какъ объ утишителѣ злѣйшихъ нравственныхъ недуговъ. Но для нашего пѣвца прошло время перерожденія и торжественной

Digitized by Google

вѣры въ свое будущее: лишь въ самомъ небольшомъ числѣ произведеній (какъ, напримѣръ, «Провидѣніе» и «Водопадъ») слышится намъ голосъ нравственно-бодраго, хотя и страдающаго, человѣка, затѣмъ смолкаетъ этотъ голосъ, смѣнясь на звуки далеко грустнѣйшіе и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно поэтическіе. «Черныя глаза», «Море», «Отрывокъ», «Ночь на Кубани», «Цѣпи», два посланія къ А. П. Л — у, «Осужденный», «Пѣснь Погибающаго Пловца», «Живой Мертвецъ», «Вечерняя Заря», принадлежатъ къ лучшему, что только когда-нибудь было написано Полежаевымъ. Всѣ они проникнуты однимъ и тѣмъ же грустнымъ лиризмомъ, во всѣхъ ихъ, съ большею или меньшею ясностію слышится тотъ самый вопль, о которомъ мы говорили выше, вопль иногда бурный и отчаянный, иногда тоскливо-гармоническій. Нѣкоторыя изъ пьесъ, нами названныхъ, грѣшатъ неопредѣленностью выраженій неясностью мысли, за то другія, по своимъ достоинствамъ, какъ бы заставляютъ предчувствовать музу другого поэта, также пѣвшаго на Кавказѣ, и на Кавказѣ же сложившаго свои кости, подобно Полежаеву.

«Ночь на Кубани», безспорно, принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ и трогательныхъ пьесъ изъ разряда сейчасъ нами указаннаго. Содержаніемъ она не богата, разсужденія поэта, относящіяся къ его грустному положенію, выражены безъ особливой силы, но картины кавказской ночи, въ ней заключенныя, полны замѣчательной прелести. Тутъ виденъ взмахъ настоящаго художника, тутъ отразилась грандіозно-унылая поэзія края, того края, о которомъ, во время Полежаева, лучшіе поэты писали не безъ трескучихъ фразъ и метафоръ...

Стихотвореніе «Чорные Глаза» кажется намъ самымъ крайнимъ пунктомъ дѣятельности Полежаева за всю скорбную, но несомнѣнно поэтическую ея пору. Для поэта пришелъ послѣдній, самый возбудительный вызовъ къ перерожденію. Онъ полюбилъ со всей страстностью своей натуры, полюбилъ искренно и глубоко, но полюбилъ напрасно. Судьба ли разлучила Полежаева съ предметомъ его новой привязанности, самъ ли онъ уже чувствовалъ себя неспособнымъ на душевное возрожденіе — но только «поэтъ не воскресъ, а лишь пошевелился въ гробѣ своего отчаянія: солнечный лучъ слишкомъ поздно упалъ на поблекшій цвѣтъ его души...» Чувствуя въ себѣ жадную потребность любви, онъ въ тоже время постигнулъ всемъ сердцемъ невозможность ея удовлетворенія; подъ вліяніемъ этого горькаго сознанія и вырвался изъ истерзанной, наболѣвшей души стонъ, отъ котораго и теперь похолодѣетъ всякое

Digitized by Google

сердце, сколько нибудь способное отзываться на страданія людскія. Въ «Чорныхъ Глазахъ» самый стихъ Полежаева, стихъ всегда гладкій и довольно сильный, пріобрѣтаетъ гармонію, прежде въ немъ никогда не встрѣчавшуюся, а это обстоятельство говоритъ лучше всякаго другого о томъ, что стихотвореніе вытекло изъ глубины души, вытекло безъ всякихъ приготовленій, безъ понудительныхъ усилій, безъ черной поэтической работы, которою грѣшатъ и поэты сильнѣйшаго свойства. Скажемъ съ откровенностью, что для насъ стихъ тяжелый и беззвучный, даже звучный, но не гармоническій, всегда служитъ признакомъ слабаго поэтическаго дара. Полежаевъ не владѣлъ музыкой стиха, хотя писалъ гладко и сильно. Но въ «Чорныхъ Глазахъ» онъ представляетъ истинное исключеніе, за то Чорные Глаза», при всѣхъ длиннотахъ, западаютъ въ память чуть не съ перваго прочтенія...

На стихотвореніи «Чорные Глаза» и на поэзіи, какою оно проникнуто, и остановилось дарованіе Полежаева. Въ книгѣ, передъ нами находящейся, мы встрѣчаемъ нѣсколько очень хорошихъ стихотвореній, навѣянныхъ тѣмъ же самымъ настроеніемъ духа, между ними одно: «Зачѣмъ задумчивыхъ очей» — невольно привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе цѣнителей, но всѣ произведенія, нами названныя, звучатъ однимъ и тѣмъ же звукомъ. Это варіаціи на скорбный мотивъ «Чорныхъ Глазъ», и ничего болѣе: онѣ милы намъ, какъ повтореніе мелодіи, когда-то трогавшей насъ до слезъ — ничего другого отыскать мы въ нихъ не въ состояніи. Страданія для Полежаева не привели съ собою полнаго поэтическаго прозрѣнія на міръ, окружавшій поэта, — они ни въ чемъ не измѣнили его отношеній къ своей музѣ, они не дали новаго горизонта для его творчества. Они точно пробудили поэтическій родникъ, до того времени отъ всѣхъ скрытый и едва сочившійся изъ-подъ земли рѣдкими каплями, но роднику этому не довелось побѣжать гремучимъ ручьямъ, принять въ себя дань другихъ родниковъ и рѣчекъ, явиться въ видѣ широкой рѣки съ могучей растительностью вдоль ея береговъ. Родникъ такъ и остался, глубокимъ и кипучимъ ключомъ самаго незначительнаго объема. По своей малой поверхности онъ отражалъ на ней одно и тоже всегда, — всегда одинъ и тотъ же уголокъ неба, съ однѣми и тѣми же двумя или тремя звѣздочками. И напрасно стали бы утверждать, что поэтическое развитіе Полежаева не совершилось отъ враждебныхъ обстоятельствъ жизни: въ одно время съ «Ночью на Кубани» и «Чорными Глазами», поэтъ набрасывалъ и «Чиръ-Юртъ», и подражанія народнымъ пѣснямъ, и юмористиче-

Digitized by Google

скія стихотворенія, выключенныя изъ собранія его стихотвореній за негодностью. Ни въ военныхъ сценахъ, ни въ подражаніяхъ, ни въ шутливыхъ вещахъ Полежаевъ не набросалъ ни одной поразительной картины, не сказалъ ни одной мѣткой шутки, не произвелъ ни одного вполнѣ мастерского стиха, которымъ бы опредѣлялось его наступательное движеніе на пути творчества. Даже въ его произведеніяхъ, писанныхъ подъ вліяніемъ воспоминаній о времени разгульной молодости, не находимъ мы ни размашистой манеры, ни огня жгучей нѣги, которая разрушила сожгла собою молодые годы Полежаева. Перечитайте «Гаремъ», тутъ нѣтъ ни горячки, ни вдохновенія, которое въ подобныхъ произведеніяхъ давалось писателямъ самаго скромнаго (хотя и нескромнаго) разбора: извѣстныя и популярныя мѣста этого дифирамба ничто иное, какъ наборъ словъ, шевелящихъ воображеніе одной своей смѣлостью; ни образовъ, ни художественно возсозданныхъ порывовъ не найдете вы и слѣда. Всюду, куда не пробовалъ разливаться поэтическій родникъ Полежаева, развалины эти не шли далеко, а высыхали или стояли мелкимъ пространствомъ сонной воды. За этими-то стоячими лужами многіе изъ людей, сочувствующихъ поэзіи, не замѣчали и самого родника, маленькаго, но глубокаго родника чистой влаги, хотя и обставленнаго ржавыми лужами, хотя и подавленнаго скалами, тѣснившимися вокругъ него, какъ тѣснились дагестанскія скалы вокругъ истекающаго кровью воина, во вдохновенной пѣснѣ Лермонтова.

Мы дали отчетъ о небольшомъ числѣ лучшихъ произведеній Полежаева, о стихотвореніяхъ, оставшихся плодомъ его сильнѣйшаго поэтическаго развитія, въ самую безотрадную пору жизни для самого поэта. Пользуясь данными, сейчасъ лишь подвергшимися нашему анализу, мы имѣемъ возможность обратиться къ вопросу о томъ, что вышло бы изъ Полежаева, еслибъ печальная жизнь его имѣла другой, лучшій исходъ, еслибъ за тоской и какъ бы предсмертной скорбію, пробудившими въ немъ живые родники дарованія, послѣдовало бы для поэта физическое и нравственное исцѣленіе. Обстоятельства жизни могли бы сложиться иначе для Полежаева, и потому мы вправѣ предположить, что нашъ поэтъ отрѣшился бы отъ заблужденій молодости и перешолъ бы къ мирнымъ занятіямъ писателя, уже пользующагося нѣкоторой извѣстностью. Что могъ бы произвести, при подобныхъ условіяхъ, его талантъ, уже разъ проявившійся подъ гнетомъ житейской невзгоды? Отвѣтъ нашъ, по здравомъ обсужденіи всего дѣла, едва ли можетъ быть благопріятенъ для музы Полежаева. Безъ опредѣ-

Digitized by Google

ленаго міросозерцанія, безъ самостоятельныхъ отношеній къ дѣйствительности, въ ея великихъ и мелкихъ сторонахъ, — намъ кажется, что эта муза всегда бы осталась музой житейской случайности, способной подавать свой голосъ лишь при потрясающихъ и ненормальныхъ призывахъ. Разъ откликнувшись трогательнымъ плачемъ на бѣдствія, сокрушающія и человѣка и его будущность, она или повторяла бы прежній плачъ безъ всякаго къ нему повода, или замолкла бъ навсегда съ уничтоженіемъ страданій, ее пробудившихъ. Лучшія пѣсни Полежаева были предсмертными пѣснями, послѣ нихъ поэту оставалось одно изъ двухъ — или кончить свою жизнь, что и случилось, или умереть для поэзіи вслѣдъ за устраненіемъ страданій, ту поэзію породившихъ.

Великое горе, великія житейскія испытанія — дѣйствуютъ на истинныхъ поэтовъ не такъ, какъ онѣ подѣйствовали на страждущаго Полежаева. Изъ борьбы страстей, изъ паденія изъ самой безнадежности, для сильныхъ пѣвцовъ родится не одинъ вопль души, но то нравственное перерожденіе, одинъ слабый порывъ къ которому мы видѣли въ піесѣ Полежаева «Раскаяніе». Каково бы ни было направленіе ихъ, каково бы ни было ихъ міросозерцаніе — сильные поэты *всесторонно* крѣпнутъ подъ тяжелой десницей испытующаго ихъ Промысла. Не только міръ видимый, ихъ окружающій, міръ всемнутно напоминающій о себѣ, осмысливается чрезъ испытанныя душевныя тревоги — нѣтъ! черезъ нихъ воскресаетъ, приходитъ въ одно гармоническое цѣлое міръ прошлыхъ впечатлѣній поэта. Сила истиннаго таланта, пробужденная бѣдствіями, такъ какъ это было съ Полежаевымъ, не направится никогда въ одну субъективно-лирическую сторону, но охватитъ собою весь поэтическій кругозоръ пѣвца, и — или возсоздаетъ ряды совершенно новыхъ образовъ, всюду открывая нетронутые предметы для пѣснопѣній, или сгибнетъ въ своихъ попыткахъ на перерожденіе. Лермонтовъ, имя котораго уже не разъ мы упоминали въ статьѣ нашей, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ всего сейчасъ сказаннаго.

Въ кавказской жизни Полежаева и Лермонтова есть много сходнаго, не взирая на все различіе въ талантѣ и общественномъ положеніи обоихъ поэтовъ. На Кавказѣ началась лучшая пора дѣятельности для того и другого. Оба они прибыли на Кавказъ больными нравственно, оба они съ перваго раза поддались обаятельному вліянію уныло-величавой природы Кавказа. Стихотворенія ихъ, относящіяся къ первымъ впечатлѣніямъ кавказской жиз-

Digitized by Google

ни, до того сходны по духу, что въ нѣкоторомъ отношеніи Полежаева можно назвать какъ бы провозвѣстникомъ Лермонтова. Мы не изумились бы, увидавъ подъ инымъ изъ кавказскихъ стихотвореній Лермонтова имя Полежаева, и на оборотъ, авторъ «Героя нашего Времени», не краснѣя, могъ бы подписать свое имя подъ «Ночью на Кубани» и нѣкоторыми строфами изъ піесы «Чорные Глаза». Даже въ лучшихъ вещахъ позднѣйшаго пѣвца, въ его «Мцыри», въ его «Валерикѣ», особенно же «Демонѣ» много хорошихъ сторонъ и недостатковъ, общихъ ему съ Полежаевымъ. Тутъ виною, конечно, не подражаніе: сильный не подражаетъ слабому, а Лермонтовъ, даже въ юношескихъ своихъ опытахъ, всегда былъ неизмѣримо талантливѣе Полежаева. Сходство мотивовъ происходитъ отъ сходства натуръ и обстоятельствъ жизни. Лермонтовъ былъ также страстенъ душою, какъ поэтъ ему предшествовавшій; онъ растратилъ много своихъ молодыхъ силъ, хотя и не до такой ужасной степени, какъ Полежаевъ; онъ также взросъ на Байронѣ, разочарованіи и увядшемъ жизни цвѣтѣ; онъ также, какъ и Полежаевъ, впервые очнулся и взглянулъ внутрь себя подъ гнетомъ горя, подъ возбуждающей силой поэтическаго края и скорбно-поэтическихъ воплей сердца.

Но тутъ и кончается сходство. Тамъ, гдѣ слабый пѣвецъ пробудился и застоналъ, талантъ сильный семи-верстными шагами пошелъ къ перерожденію. Гдѣ у перваго все слилось въ одно чувство безнадежной тоски, — у второго явилась тоска, болѣе потрясающая, но тоска богатырская, предвѣстница великой дѣятельности. Посреди степей и горъ, серебрянымъ вѣнцомъ обхватывающихъ эти степи, Полежаевъ едва-едва откликнулся на призывъ кавказской природѣ; въ Лермонтовѣ всѣ струны жизни, жизни настоящей и прошлой, величественно зазвучали отъ этого призыва. Сравните хотя часто упоминаемую «Ночь на Кубани» съ любымъ изъ кавказскихъ произведеній Лермонтова, поставьте этотъ рядъ лучшихъ полежаевскихъ картинъ, будто подернутыхъ туманною пеленою, съ тѣми картинами, какими мы не можемъ надивиться въ стихотвореніяхъ: «Выхожу одинъ я на дорогу», «Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана», «Ужь за горой дремучею погасъ вечерній лучъ», «Памяти Одоевскаго» и такъ далѣе. Тутъ нѣтъ ни туманности образовъ, ни слабости очерковъ, ни однообразнаго субъективнаго лиризма, дробящаго общее впечатлѣніе художественнаго созданія! Весь край передъ нами, и сотня лѣтъ пройдетъ еще до тѣхъ поръ, пока чудеса Кавказа найдутъ себѣ подобное истолкованіе. И даже, не взирая на отсутствіе субъективнаго оттѣнка, въ названныхъ

Digitized by Google

нами вещахъ мы ближе распознаемъ личность Лермонтова, чѣмъ личность Полежаева распознается въ лучшихъ, запечатлѣнныхъ отпечаткомъ личности, трудахъ Полежаева. Поэтъ, написавшій «Ночь на Кубани», безпрерывно примѣшиваетъ къ картинамъ кавказской ночи намеки на свое грустное положеніе, а намеки эти ничего не объясняютъ, ничего не прибавляютъ къ стихотворенію. Лермонтовъ ничего не говоритъ о себѣ, въ особенности о своихъ прошлыхъ несчастіяхъ: онъ говоритъ о лихорадочномъ бредѣ раненаго воина, подъ жгучимъ солнцемъ, на песчаной площадкѣ, между уступами горъ Дагестанскихъ, — но какое слово цѣнителя способно передать ту невыразимую словомъ, смертную и поэтическую скорбь, высочайшимъ воплощеніемъ которой служитъ безсмертное стихотвореніе, нами сейчасъ упомянутое?

Мы сказали уже, что подъ вліяніемъ поэтическаго перерожденія, подъ спасительнымъ вѣяніемъ кавказской природы, въ Лермонтовѣ воспрянули всѣ струны его жизни, настоящей и *прошлой*. Это обстоятельство важно до крайности; оно болѣе всего доказываетъ силу таланта, предвѣщаетъ его громадную будущность, такъ жестоко перерванную безвременной кончиной. Мощь дарованія высказывается не въ одномъ его пробужденіи вслѣдствіе той или другой случайности, но во всесторонности этого пробужденія. Подъ вліяніемъ сильной страсти, жестокой утраты, самые простые люди произносили по нѣскольку вдохновенныхъ словъ, выражали жалобу, отъ которой и у холоднаго слушателя глаза наполнялись слезами. На долю Полежаева выпало нѣсколько трогательныхъ аккордовъ, на томъ и стала его муза. Не то съ музой Лермонтова, еще недавно сыпавшей трескучими фразами въ Хаджи-Абрекѣ, не гнушавшейся модными байронизмомъ и даже альбомными стихами въ честь свѣтскихъ красавицъ. Она жила, возмужала, какъ мужаетъ блистательно-прекрасная дѣвушка въ переходѣ отъ дѣтства къ юности, возмужала въ каждой чертѣ лица, въ каждомъ мускулѣ, во всѣхъ частяхъ своей стройной фигуры. Она бросила свой зоркій взглядъ не въ одну душу своего поэта съ ея запасомъ личнаго горя, но взглянула орлиными глазами на весь міръ, его окружающій и окружавшій, на весь матеріалъ будущихъ созданій, на плодъ впечатлѣній дѣтства, юности, радости и горя, страсти и тоски по идеалу. Взглядъ былъ брошенъ не понапрасну и для поэта побѣда пошла за побѣдой, новое завоеваніе за новымъ завоеваніемъ. Не говоримъ уже о жизни кавказской, давшей Лермонтову половину его лучшихъ произведеній: о ней мы уже толковали достаточно. Муза обратилась къ дѣтскимъ воспоминаніямъ, къ поэ-

Digitized by Google

зіи юности Лермонтова — и мы имѣемъ «Первое Января», элегію, которая не умретъ, пока хоть два человѣка на свѣтѣ будутъ говорить по-русски. Она коснулась глубокихъ вопросовъ поэзіи и правды — плодомъ того вышелъ «Пророкъ», одно изъ совершеннѣйшихъ и самыхъ глубокихъ произведеній Лермонтова. Въ «Послѣднемъ Новосельѣ» она торжественно откликнулась на случай совершенно частный, лишь временно занимавшій собою политикомъ того времени, и откликнулась самымъ самостоятельно-поэтическимъ отзывомъ, на время поставившимъ въ тупикъ самыхъ зоркихъ цѣнителей, заставившимъ ихъ серьозно оправдывать перенесеніе наполеоновскаго гроба — такъ силенъ и оригиналенъ былъ поэтическій протестъ Лермонтова! Все двигаясь и двигаясь на пути къ совершенству, великій поэтъ крѣпнулъ и въ умѣ, и въ талантѣ, и въ своемъ міросозерцаніи. Великая скорбь, такъ спасительно подѣйствовавшая на всѣ его силы, съ каждымъ новымъ произведеніемъ становилась прозрачнѣе, и падала какъ пелена, за которою таилось что-то чудное, еще невиданное нами... Въ это время смерть подошла къ поэту и сказала: ты не пойдешь далѣе.

1857.

XVII.

«ШИЛЛЕРЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ», ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. В. ГЕРБЕЛЯ. ТОМЫ II и III. СПБ. 1857.

Еще недавно отдавали мы краткій отчетъ о «Шиллерѣ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», по случаю появленія перваго тома этаго изданія г. Гербеля. Мы искренно желали успѣха этому предпріятію, вполнѣ признавали его пользу для русскихъ читателей, но — теперь мы можемъ сознаться откровенно — нѣсколько опасались за его дальнѣйшій ходъ. Намъ казалось, что публика холодно встрѣтитъ собраніе переводовъ изъ поэта, всѣми чтимаго, но уже не живущаго между нами, восхищавшаго нашихъ отцовъ и даже дѣдовъ, да ко всему этому еще поэта германскаго. За послѣдніе годы мы сдѣлали много шаговъ впередъ по всѣмъ отраслямъ познаній, только не по части знанія германской литературы. Мало того, мы даже какъ будто привыкли глядѣть на нее косо, свысока, какъ глядитъ иной петербургскій путешественникъ хорошаго тона на старые, средневѣковыя строенія нѣмецкаго университетскаго

Digitized by Google

города. По мнѣнію многихъ, даже весьма не глупыхъ людей, изучать германскихъ мыслителей, значитъ отрѣшать себя отъ современности и здравыхъ интересовъ жизни, восхищаться нѣмецкимъ поэтомъ — почти тоже, что рвать желтые цвѣты, въ лѣтній вечеръ, въ деревенской прогулкѣ съ дѣвушкой сантиментальнаго свойства. Кромѣ этихъ предразсудковъ, невыгодныхъ для шиллеровой поэзіи на Руси, другія соображенія насъ заставляли опасаться за трудъ, предпринятый г. Гербелемъ. Не одинъ печальный примѣръ, за времена весьма къ намъ близкія, говорилъ о томъ, какъ у насъ идутъ и принимаются переводы знаменитѣйшихъ писателей. Изданіе Шекспира, добросовѣстное и крайне доступное по цѣнѣ, остановилось на пол-дорогѣ. Изъ обѣщаннаго намъ собранія романовъ Вальтеръ Скотта, вышло лишь самое небольшое число книжекъ. Въ то самое время, когда вся Европа наводнялась опрятными и дешовыми переводами классическихъ писателей, у насъ «Вильгельмъ Мейстеръ» Гёте печатался по журналамъ и ни разу не былъ доведенъ до половины, не только что до окончанія первой части. «Вѣчный Жидъ» и «Парижскія Тайны» появлялись и въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, между тѣмъ какъ лучшій романъ Фильдинга почти возмутилъ читателей и былъ признанъ за скучнѣйшее произведеніе скучной старины. Не говоря уже про переводы писателей ученыхъ и не всѣмъ доступныхъ, въ нашей книжной торговлѣ не шли съ рукъ переводы поэтовъ и прозаиковъ самыхъ знаменитыхъ, самыхъ популярныхъ въ Европѣ, и мы можемъ себѣ вообразить, какой лестной встрѣчѣ подвергся бы у нашихъ книгопродавцевъ-издателей человѣкъ, который бы вздумалъ предложить имъ для покупки переводъ Сервантеса, Кальдерона, Мильтона, Монтеня, Мольера!

Французы говорятъ, что «начатое дѣло есть уже дѣло въ половину конченное»; поговорка такого рода едва ли подходитъ къ литературнымъ предпріятіямъ. Получивъ первый томъ Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ, и намъ хотѣлось было сказать: «la chose commencée est à moitié faite». Однако мы этого не сказали: воспоминанія о безчисленныхъ изданіяхъ, которыя стали на первыхъ томахъ, первыхъ пѣсняхъ, первыхъ отдѣлахъ и первыхъ тетрадяхъ, возникли передъ нами нестройною и спротивою толпою. Цѣлую библіотеку легко составить изъ этихъ начинаній, предисловій, которымъ не суждено было видѣть за собою послѣсловія, очерковъ, прерванныхъ въ самомъ началѣ, начальныхъ главъ, на вѣки оставшихся безъ продолженія. У кого изъ насъ, на полкахъ шкафовъ, не торчатъ эти бѣдные литературные недоноски,

Digitized by Google

оскорбляя собою зрѣніе и возбуждая печальныя мысли о незрѣлости русской словесности? Къ счастію, трудъ г. Гербеля, насъ заинтересовавшій собою, не остановился на первомъ томѣ. Издатель словно чувствовалъ, что долго остановиться на первой книжкѣ опаснѣе, чѣмъ ровно ничего не дѣлать. Онъ не далъ отдыха ни себѣ, ни своимъ даровитымъ сотрудникамъ по переводу Шиллера. Второй и третій томы онъ выпустилъ въ свѣтъ гораздо скорѣе, чѣмъ могъ того желать самый нетерпѣливый изъ провинціальныхъ читателей. Онъ даже не дождался присылки переводовъ нѣсколькихъ мелкихъ пьесъ, обѣщанныхъ ему нашими извѣстными поэтами. И онъ былъ совершенно правъ: задерживать изданія, подобныя имъ предпринятому, никогда не слѣдуетъ. Малое число недостающихъ переводовъ всегда будетъ легко дать въ отдѣльномъ приложеніи. Чѣмъ многосложнѣе и новѣе задача, тѣмъ живѣе должна она исполняться. Нужно, чтобъ читатель, слѣдя за дѣятельностью издателей, видѣлъ, что дѣло, имъ предпринятое, кипитъ и быстро двигается.

Быстрота и усердіе, съ которыми г. Гербель ведетъ свое изданіе Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, уже награждены успѣхомъ книги, «далеко превзошедшимъ скромныя ожиданія издателя», какъ сказано въ предисловіи ко второму тому. Успѣхъ перваго тома обусловливаетъ собою хорошее распространеніе слѣдующихъ томовъ, потому-что лица, добывшія себѣ половину лирическихъ произведеній Шиллера въ русскомъ переводѣ, конечно захотятъ купить и остальную половину, и драматическія произведенія поэта, одинаково лирическаго, одинаково идеальнаго, одинаково возвышеннаго во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Вторая книга изданія, передъ нами лежащаго, замыкаетъ собою собраніе всѣхъ лирическихъ стихотвореній Шиллера, тогда какъ въ третьей уже начинаются драматическія его вещи. «Разбойники» и «Донъ-Карлосъ», въ отчетливомъ и изящномъ переводѣ г. Достоевскаго, занимаютъ собою весь этотъ томъ; въ четвертомъ же, пятомъ и шестомъ томахъ изданія будутъ напечатаны «Фіеско» (въ переводѣ издателя), «Коварство и Любовь» (въ новомъ переводѣ М. Л. Михайлова), «Вильгельмъ Телль» (въ переводѣ Ѳ. Б. Миллера), «Валленштейнъ» (въ новыхъ переводахъ Л. А. Мея и В. А. Лялина и старомъ А. А. Шишкова 2-го), «Мессинская Невѣста» (въ новомъ переводѣ Ѳ. Б. Миллера), «Марія Стюартъ» (въ переводѣ А. А. Шишкова 2-го) и, наконецъ, «Дѣва Орлеанская» (въ такъ извѣстномъ, плѣнительно-поэтическомъ переводѣ Жуковскаго).

Вотъ планъ шести томовъ твореній Шиллера — и теперь мож-

Digitized by Google

но сказать утвердительно, на основаніи трехъ томовъ, уже отпечатанныхъ, что за будущность предпріятія бояться нечего. Люди, плохо знающіе по нѣмецки (а сколько такихъ людей находится въ самыхъ образованныхъ слояхъ нашего общества!), могутъ быть увѣрены, что въ скоромъ времени для нихъ будетъ доступенъ великій поэтъ Германіи, болѣе доступенъ, нежели онъ доступенъ теперь для француза, для англичанина, для поляка, для итальянца, незнакомыхъ съ германской литературой. Для издателя, умѣвшаго въ довольно короткое время издать мелкія вещи изъ Шиллера, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ стихотвореній, переведенныхъ пятидесятью лицами, не будетъ большимъ трудомъ отпечатаніе большихъ произведеній того же поэта, при чемъ вся работа по необходимости сосредоточивается въ рукахъ небольшого числа переводчиковъ, дополнителей и комментаторовъ. Къ тому же, большая часть трагедій Шиллера, какъ показано выше, уже переведена на русскій языкъ, переведена такъ, что въ новыхъ переложеніяхъ не настоитъ никакой надобности. О «Разбойникахъ» и «Донъ-Карлосѣ» мы поговоримъ, когда выйдутъ въ свѣтъ остальные переводы драматическихъ произведеній Шиллера, въ настоящее же время достаточно будетъ сказать, что обѣ пьесы, нами названныя, переведены умно и добросовѣстно. О второй же части лирическихъ стихотвореній Шиллера, какъ оканчивающей собою цѣлый отдѣлъ изданія, мы считаемъ долгомъ отозваться подробнѣе. Оно заключаетъ въ себѣ сто двадцать переводовъ, сдѣланныхъ разными авторами, начиная отъ Державина, Мерзлякова и Милонова и кончая Майковымъ, Минымъ, Полонскимъ. Изъ этихъ ста двадцати, только *сорокъ пять* перепечатаны безъ измѣненій изъ разныхъ журналовъ, сборниковъ и такъ далѣе, за тѣмъ *девятнадцать* — исправлены переводчиками, *пятьдесятъ четыре* — переведены вновь и напечатаны въ первый разъ, а *два* переведены нарочно для изданія, предпринятаго г. Гербелемъ, но уже были помѣщены въ періодическихъ современныхъ изданіяхъ. И такъ, почти половина 2-го тома лирическихъ твореній Шиллера состоитъ изъ переводовъ новыхъ, исполненныхъ талантливыми людьми, изъ переводовъ, которымъ, можетъ быть, и не пришлось бы явиться въ свѣтъ безъ мысли издателя — дать русской литературѣ всего Шиллера въ возможно-хорошемъ переводѣ.

Очень понятно, что при пересмотрѣ книжки, мы обращали особенное вниманіе на стихотворенія, вновь переведенныя или переведенныя въ первый разъ русскими поэтами. Результатъ чтенія былъ самый утѣшительный. Смѣло говоримъ, что въ настоящее

Digitized by Google

время мы имѣемъ въ нашей литературѣ переводчиковъ, которымъ будетъ по силамъ трудъ надъ какимъ угодно иностраннымъ поэтомъ. Въ послѣднее время, прочитывая переложенія А. Н. Майкова изъ Гейне, начало Краббовой поэмы «Приходскіе Списки», въ переводѣ г. Мина, мы много думали о той пользѣ, какую могутъ принести словесности эти поэтически-живыя силы, направленныя въ должную сторону — теперь мы убѣждены въ справедливости нашихъ предположеній. Взгляните, напримѣръ, какъ художественно вышли у г. Бенедиктова его три перевода изъ Шиллера, переводы произведеній, исполненныхъ великой трудности. Сличите съ подлинникомъ стихотвореніе «Художники» въ переводѣ г. Мина и вы удивитесь точности, гибкости, даровитости, съ которыми выполнена эта задача, конечно, одна изъ труднѣйшихъ во всей книгѣ. Перечитайте со вниманіемъ переводы за подписью г. Мея, Мейснера, Миллера — вы увидите въ нихъ и правильность пріемовъ, и гармонію стиха, условіе весьма рѣдкое у переводчиковъ прежняго времени, но безъ котораго, по нашему мнѣнію, нечего и подходить къ Шиллеру. Упоминать о всѣхъ переводахъ, которые нами прочитаны съ истиннымъ удовольствіемъ, мы никакъ не можемъ, потому-что ихъ уже слишкомъ много; въ подтвержденіе же отзывовъ нашихъ, лучше будетъ привести нѣсколько отрывковъ изъ второго тома лирическихъ произведеній Шиллера. Возьмемъ, напримѣръ, переводъ военной пѣсни «О графѣ Эбергардѣ Грейнерѣ», сдѣланный г. Меемъ, и напечатанный въ изданіи г. Гербеля, съ поправками переводчика.

Ну, что вы тамъ, въ землѣ своей,
Дерете носъ подъ часъ?
Не мало доблестныхъ мужей,
Не мало есть богатырей
И въ Швабіи у насъ.

У васъ — и Карлъ, и Эдуардъ,
И Францъ... и кто потомъ?
И Карлъ, и Францъ и Эдуардъ...
У насъ — одинъ: графъ Эбергардъ,
Въ сраженьи Божій громъ.

И Ульрихъ, сынъ его... и тотъ
Любилъ желѣза звонъ:
Бывало, врагъ громитъ и жжётъ —
Сынъ графа Ульрихъ не вздрогнётъ,
И вспять не-пяди онъ.

Digitized by Google

Рейтлингцы, съ зависти, не рез
Ковали тайный ковъ...
И препоясались на насъ
Они мечомъ, въ не добрый часъ, —
А графъ — не ждетъ враговъ:

Вломился къ нимъ — не побѣдилъ,
Вернулся недобромъ;
Отецъ свою досаду скрылъ,
А сыну Божій свѣтъ не милъ,
И плачетъ онъ тайкомъ.

Зимя подъ сердцемъ... «А! постой!»
Задумалъ онъ съ тѣхъ поръ;
И клялся отчей бородой —
Омыть кровавою рѣкой
Свой гнѣвъ и свой позоръ.

И дождался... давно пора!..
И людямъ и конямъ
Пришлось подъ Дёффингемъ, съ утра,
Сойдтись на поле, — и — «ура!»
Ужь жарко было тамъ!

Нашъ лозунгъ былъ: «врага топчи
За прежній бой!» Потомъ
Съ утра до поздней до ночи
Трещали копья и мечи,
И била кровь ключомъ.

А Ульрихъ?.. львёнка не сердя:
Къ врагамъ домчался онъ —
И страхъ и ужасъ впереди,
И крикъ и стоны позади,
И смерть со всѣхъ сторонъ!

Но съ смертію не спорятъ львы:
Сверкнула сабля въ тылъ —
Всѣ разомъ къ Ульриху... увы!
Не опустилъ онъ головы,
Да жгучій взоръ застылъ.

Какъ будто голову намъ ссѣкъ,
Самъ врагъ заплакалъ... Га!
Нашъ графъ не плакалъ весь свой вѣкъ:
«Мой сынъ такой же человѣкъ! —
«Маршъ, дѣти, на врага!»

Digitized by Google

И сердце жолчью облилось,
И копья гнѣвъ навѣлъ,
И много труповъ улеглось;
А врагъ бѣжалъ, и вкривь и вкось,
На горы, въ лѣсъ и въ долъ.

И съ трубнымъ звукомъ мы въ свой станъ
Вернулися потомъ —
И пиръ-горой у поселянъ:
И вальсъ и пѣсни — и стаканъ
Заискрился виномъ...

А гдѣ жъ нашъ старый графъ?.. Сидитъ
Въ шатрѣ одинъ одинъ;
Слеза въ глазахъ его блеститъ;
Предъ нимъ убитый сынъ лежитъ,
Лежитъ убитый сынъ...

Прочитавши это энергическое и исполненное поэзіи переложеніе, какъ не пожалѣть о томъ, что г. Мей, обладая всѣми качествами, нужными для поэта-переводчика, слишкомъ рѣдко берется за трудъ, изъ котораго ему всегда почти приходится выходить побѣдителемъ. Тоже самое, и еще въ бо́льшей степени, можемъ мы сказать и о г. Бенедиктовѣ, который до сихъ поръ такъ рѣдко занимался переводами изъ иностранныхъ поэтовъ. Можетъ быть, безъ изданія, предпринятаго г. Гербелемъ, онъ и не подумалъ бы о переложеніи лирическихъ стихотвореній Шиллера, а между тѣмъ и поэтическая воспріимчивость г. Бенедиктова, и складъ его дарованія, и его свѣтлое воззрѣніе на все высокое въ жизни нашей, какъ нельзя болѣе подходятъ къ труду такого рода. Мы многаго ждали отъ небольшаго числа лирическихъ стихотвореній Шиллера, имъ переведенныхъ, и нисколько не ошиблись въ нашихъ ожиданіяхъ. Не боясь упрека въ пристрастіи, мы скажемъ, что пьеса «Боги Греціи», какъ переводъ, достойна стать рядомъ съ лучшими переводами Жуковскаго; для тѣхъ, кто назоветъ нашъ отзывъ преувеличеннымъ, мы можемъ только выписать нѣсколько строфъ изъ этого произведенія, строфъ исполненныхъ прелести, пропитанныхъ тѣмъ великимъ поэтическимъ *Sehnsuht*, для опредѣленія котораго нѣтъ ясныхъ названій на языкѣ нашемъ.

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
Когда-то вы, о боги древнихъ лѣтъ,
Руководя земныя поколѣнья,
Лелѣяли младенчественный свѣтъ!

Digitized by Google

И все не такъ являлось тамъ, какъ нынѣ:
Воздвигнутъ былъ тамъ Аѳродиты храмъ,
Гдѣ пламенныхъ сердецъ увѣнчанной богинѣ
Курился ѳиміамъ.

Природа тамъ была сестрой искусству;
Тамъ истина была сродни мечтамъ;
И что теперь такъ недоступно чувству,
До глубины прочувствовано тамъ;
Природы всей былъ ликъ облагороженъ,
Уразумленъ былъ образъ естества;
Повсюду и во всемъ былъ явный слѣдъ проложенъ
Живого божества.

И гдѣ теперь, взоръ обративъ къ денницѣ,
Мы только шаръ бездушный видимъ въ ней,
Тамъ Гѳліосъ на пышной колесницѣ
Сіялъ, сверкалъ и гналъ своихъ коней;
Летучихъ нимфъ былъ полонъ сводъ лазурный,
Дріадами одушевленъ былъ садъ,
И свѣтлый водный ключъ билъ брызгами изъ урны
Смѣющихся наядъ...

Обычнаго земного поклоненья
И тяжкихъ жертвъ не требовалось тамъ;
Тамъ счастія искали всѣ творенья:
Кто счастливъ былъ, тотъ равенъ былъ богамъ;
Прекрасное одно лишь было свято,
Отъ пиршества не уклонялся богъ,
И свѣтлый храмъ его изъ мрамора и злата
Былъ праздничный чертогъ.

На сборищахъ Истмійскихъ колесницы
Неслись съ огнемъ и громомъ въ перегонъ;
Привѣтный кликъ былъ слышенъ у границы
И сыпались вѣнки со всѣхъ сторонъ.
Блаженъ — за нѣмъ побѣда оставалась:
Онъ ликовалъ, боговъ благодаря,
Съ нимъ ликовалъ народъ и пляской обвивалась
Святыня алтаря...

Прекрасный міръ! Весна со всей любовью,
Всей прелестью — исторія весна!
Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.
О, возвратись!.. Но временамъ нѣтъ ходу

Digitized by Google

Обратнаго — и для меня мертва
Природа вашихъ дней, гдѣ вижу я природу,
Не видя божества...

Отъ души желаемъ, чтобы каждый читатель поскорѣе ознакомился съ такими переводами. Отъ души желаемъ и того, чтобъ даровитые поэты наши, такъ радушно отозвавшіеся на приглашеніе участвовать въ переложеніи на русскій языкъ еще не переведенныхъ твореній Шиллера, не ограничивались однимъ Шиллеромъ. Въ настоящее время, поэтамъ грѣшно оставаться въ бездѣйствіи. При всѣхъ утѣшительныхъ сторонахъ нашей литературы за послѣдніе годы, при всемъ сочувствіи нашего общества къ дѣлу поэзіи и просвѣщенія, русскіе современные поэты не совсѣмъ еще вышли изъ того сантиментальнаго періода, когда значеніе ихъ трудовъ отрицалось съ холодностью, когда наши журналы неохотно давали мѣсто этимъ трудамъ на своихъ страницахъ, когда грубый реализмъ властвовалъ въ области изящнаго и глушилъ собою всѣ наши поэтическія стремленія. Нынѣ реализмъ въ искусствѣ не грубъ и не возмутителенъ: онъ имѣетъ свою законность и свою похвальную сторону, а оттого съ нимъ и бороться труднѣе. Развѣ наши поэты и художники не начинаютъ слышать съ нѣкотораго времени такихъ литературныхъ фразъ: «какое намъ дѣло до красотъ слога въ такомъ-то поэтѣ? — какую насущную пользу получитъ современное общество отъ всѣхъ этихъ стихотвореній, впрочемъ, весьма хорошихъ?» Подобныя фразы нынѣче мелькаютъ чуть не въ газетныхъ фельетонахъ; одну изъ нихъ мы сами изловили, въ какомъ-то объявленіи даже. Для людей зоркихъ и преданныхъ дѣлу поэзіи, такіе отзывы должны имѣть важное значеніе при частомъ ихъ повореніи; значеніе, указанное нами, надо искать не въ самихъ фразахъ: фразы пусты и однообразны, но въ причинѣ, ихъ породившей. Текущая словесность наша, устремляясь по новымъ и когда-то не существовавшимъ для нея путямъ, принесла свою пользу для общества, а многіе члены общества, чрезъ мѣру увлекшись означенной пользою, готовы требовать практической, всѣмъ доступной полезности отъ всякаго литературнаго явленія. Этимъ явленіемъ готовы пользоваться цѣнители слишкомъ положительные и неодаренные сочувствіемъ къ поэзіи, его же радостно привѣтствуютъ слабые дѣятели по части художественной, дѣятели, неспособные основать свою славу на дѣйствительномъ, отъ природы имъ данномъ дарованіи. Всѣ симптомы, указанные нами, могутъ породить въ литературѣ новыя видоизмѣненія дидактизма, а если поэты наши,

Digitized by Google

когда-то такъ терпѣвшіе отъ старой дидактики, способны безъ отвращенія и противодѣйствія перенести дидактику исправленную и дополненную, то пусть ужь упрекъ въ бездѣйствіи ляжетъ на нихъ самихъ за это. Говоримъ нашимъ поэтамъ съ полной искренностью: современное направленіе словесности и реализмъ въ ней укореняющійся, нуждаются въ противудѣйствіи или, вѣрнѣе, въ *противовѣсіи* (слово противодѣйствіе кажется намъ враждебнымъ по смыслу). Какъ человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ, такъ и просвѣщенное общество не можетъ питаться однимъ указаніемъ его недостатковъ и разумныхъ средствъ къ его исправленію. Исправьте это общество до послѣдней степени, дайте ему возможныя матеріальныя усовершенствованія, для него все-таки окажется глухимъ и недоступнымъ тотъ міръ, у воротъ котораго вы, жрецы поэзіи, стоите въ бездѣйствіи. Не дремлите и трудитесь, трудитесь для своей и общей пользы. Если судьба отказала вамъ въ дарѣ мірового и могучаго слова, передавайте на всѣмъ понятную и доступную рѣчь слова міровыхъ геніевъ, въ свое время просвѣщавшихъ общество, не низшее того общества, въ которомъ вы теперь живете. Соединяйтесь между собой на общее дѣло, говорите съ нами рѣчью поэтовъ древности, знакомьте насъ съ воззрѣніями поэтовъ, почти современныхъ, но до сихъ поръ знакомыхъ русскому человѣку лишь по имени. На такое дѣло вамъ дана способность: торопитесь же ею пользоваться. И послѣдствіемъ усилій вашихъ будетъ то противовѣсіе реализму въ искусствѣ, въ которомъ мы такъ нуждаемся, и голоса будущихъ вашихъ хулителей замолкнутъ при видѣ той ослѣпительно-поэтической области, которую вашъ совокупный трудъ откроетъ передъ мыслящимъ читателемъ.

1858.

XVIII.

«ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ». А. МИЛЮКОВА. СПБ. 1858.

Книга г. Милюкова, о которой мы давно уже сбирались поговорить съ нашими читателями, представляетъ весьма пріятное явленіе въ нашей литературѣ, а второе изданіе ея показываетъ, что она, при нѣкоторыхъ несовершенствахъ и устарѣлыхъ выводахъ, все-таки имѣетъ въ своемъ содержаніи много прочнаго и полезнаго. Въ человѣкѣ, много читавшемъ русскихъ писателей, книга па-

Digitized by Google

ми разбираемая, возбудитъ охоту къ противорѣчію, но если мы не ошибаемся, «Очерки исторіи русской поэзіи» составлены не для знатоковъ и не для спеціалистовъ. Книга эта въ особенности полезна для иностранцевъ, выучившихся по русски, но еще не знакомыхъ съ русской литературой, для свѣтскихъ людей, за недосугомъ не знающихъ исторіи своихъ родныхъ писателей, для молодыхъ учениковъ, которыхъ хорошій наставникъ захочетъ познакомить съ общей картиной развитія русской поэзіи. Само-собой разумѣется, что при чтеніи книги г. Милюкова, мнѣнія и выводы, въ ней приводимые, должны быть принимаемы *cum grano salis*, съ дополненіями, поясненіями, а иногда и съ совершеннымъ недовѣріемъ, впредь до новыхъ и болѣе полныхъ изслѣдованій; но это обстоятельство не вредитъ ни занимательности изложенія, ни искусной группировкѣ фактовъ, то-есть — главнымъ достоинствамъ всего труда. Авторъ «Очерка», въ большей части своихъ приговоровъ, строго придерживается теорій и заключеній, высказанныхъ лучшими нашими критиками въ обильное трудами десятилѣтіе съ 1838 по 1848 годъ. Книга его, такъ сказать, скомпилирована изъ статей Бѣлинскаго о Державинѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ и такъ далѣе, изъ годовыхъ отчетовъ о русской литературѣ, помѣщаемыхъ въ старое время въ «Отечественныхъ Запискахъ», журнальныхъ трудовъ гг. Галахова, Дудышкина и другихъ нашихъ критиковъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отклоненій, о которыхъ мы скажемъ въ скорости, вся книга представляетъ изъ себя какъ бы сводъ отзывовъ о русской поэзіи, появлявшихся въ нашей журналистикѣ лѣтъ за пятнадцать до настоящаго времени. Читая ее, любитель словесности какъ бы снова вызываетъ передъ себя нашу журналистику сороковыхъ годовъ съ ея благородными порывами, зоркой независимостью и любовью къ знанію, — съ ея молодой заносчивостью, молодой пылкостью и другими молодыми грѣхами. Если иному изъ читателей не полюбятся кой-какія, слишкомъ рѣзкія страницы «Очерка», онъ можетъ примириться съ ними, вспомнивъ о томъ, какъ много въ нашей литературѣ учебниковъ и очерковъ русской литературы, писанныхъ подъ вліяніемъ взглядовъ совершенно противуположныхъ взглядамъ нашей новой и новѣйшей критики. Тамъ, гдѣ устарѣлыя идеи высказываются до такой степени смѣло и открыто, очень понятна книга съ преувеличеннымъ противодѣйствіемъ устарѣлой критикѣ. Если писатели и профессоры старыхъ временъ, не стѣсняясь никакими соображеніями, печатаютъ, что всѣ труды новаго литературнаго поколѣнія — одна грязь и ничтожество, то отчего же представителямъ обвиняемаго

Digitized by Google

поколѣнія не защищать своего дѣла съ такою же... энергіею? Мы же, какъ члены поколѣнія, болѣе молодого, чѣмъ обѣ спорящія партіи, впослѣдствіи откинемъ ихъ преувеличенія, и каждому трудящемуся воздадимъ по его заслугамъ.

И такъ, повторяемъ еще разъ, авторъ «Очерка исторіи русской поэзіи», составилъ книгу дѣльную и полезную, хотя эта книга могла бы, при нѣкоторой большей обработкѣ, быть еще полезнѣе и дѣльнѣе. Эксцентрическіе выводы и разныя преувеличенія, уже замѣченныя нашей критикою въ трудѣ г. Милюкова — до крайности вредятъ всему сочиненію, между тѣмъ какъ автору весьма легко можно было избѣгнуть этихъ недостатковъ. Приправляя свой взглядъ на нашу старую и новую поэзію къ теоріямъ лучшихъ цѣнителей, трудившихся въ нашей журналистикѣ сороковыхъ годовъ, составитель «Очерка», по нашему мнѣнію, сдѣлалъ одну страшную ошибку, печальные результаты которой отразились на всей книгѣ и, такъ сказать, прошли черезъ нее, отъ первой страницы до послѣдней. Ошибка эта заключается въ полномъ забвеніи того обстоятельства, что *исторію какой бы то ни было поэзіи не возможно созидать по журнальнымъ статьямъ и журнальнымъ рецензіямъ*. Матеріалы, послужившіе основою книги нами разбираемой, чрезвычайно важны какъ пособіе, какъ уважаемое мнѣніе даровитыхъ критиковъ, но въ стройную систему ихъ можно подвести лишь съ помощью дружескаго, симпатическаго и, совсѣмъ тѣмъ, строго-безпристрастнаго пересмотра. Все склоняло г. Милюкова къ подобному пересмотру: и десять обильныхъ поученіемъ лѣтъ, истекшихъ со времени перваго изданія «Очерка», и заслуги новѣйшихъ критиковъ, и болѣе установившійся взглядъ на искусство и, наконецъ, собственное указаніе автора на то, что второе изданіе «Очерка» выходитъ съ дополненіями. А между тѣмъ, въ «Очеркѣ» мы не видимъ даже попытки суда надъ прежними судьями нашей литературы; въ немъ нѣтъ даже никакихъ признаковъ того, что авторъ считаетъ подобный судъ нужнымъ, возможнымъ, плодотворнымъ. Онъ словно забываетъ о временномъ, скоропреходящемъ элементѣ, безъ котораго не можетъ существовать никакая журналистика — ввѣряется разнохарактернымъ приговорамъ, какъ будто авторитетамъ глубочайшихъ мыслителей. Гдѣ печатались всѣ, безъ исключенія, труды критиковъ періода сороковыхъ годовъ? Въ нашихъ журналахъ. Въ какую пору они печатались? Въ пору борьбы за новую мысль — въ пору почти общаго, временами ожесточеннаго, противодѣйствія новымъ критическимъ теоріямъ. Неужели же, при такихъ условіяхъ, предпола-

Digitized by Google

гавшихъ собою и необходимую поспѣшность труда, и политическій тонъ, и стѣснительныя условія журнальной работы, и необходимость энергическаго напора на старые авторитеты, и крайности во взглядахъ, и самую измѣнчивость взглядовъ этихъ, по мѣрѣ прибывающихъ идей и матеріаловъ, неужели, говоримъ мы, при такихъ условіяхъ труда, приговоры старой критики, по прошествіи пятнадцати лѣтъ слишкомъ, могутъ войти въ спокойный «Очеркъ поэзіи», безъ должной провѣрки или переоцѣнки, безъ отдѣленія отъ нихъ того политическаго, журнальнаго и памфлетическаго наплыва, когда-то, можетъ быть, необходимаго, во всякомъ случаѣ понятнаго, но теперь совершенно лишняго? Вотъ вопросъ великой важности, о которомъ авторъ не далъ себѣ труда подумать, и черезъ то добровольно отклонился отъ прямой дороги, для тропинокъ опасныхъ и непадежныхъ. Отказавшись отъ суда надъ бывшими судьями русской поэзіи, г. Милюковъ, по существу дѣла, не могъ остаться вѣрнымъ ихъ преемникомъ въ настоящее время. За пятнадцать лѣтъ времени въ нашей литературѣ измѣнилось многое: споры, несогласія и раздоры, волновавшіе журналистику сороковыхъ годовъ, давно уже улеглись и сгладились— послѣ этого, всякій вправѣ спросить автора разбираемой книги, на какомъ основаніи онъ снова переноситъ насъ въ періодъ, уже пережитый нашей словесностью? Обвиняя г. Милюкова въ недостаточной оцѣнкѣ матеріаловъ, которыми онъ руководствовался, мы вовсе не ставимъ ему въ вину его уваженія, даже благоговѣнія къ теоріямъ Бѣлинскаго и товарищей Бѣлинскаго. Заслуги сказанныхъ критиковъ велики, и мы весьма далеки отъ мысли— мѣшать кому бы то ни было изъ цѣнителей идти по слѣдамъ критики сороковыхъ годовъ. Матеріалъ, вошедшій въ основаніе нами разбираемой книги, имѣетъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ сторонъ, но тѣмъ нужнѣе было, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе на временный, журнальный оттѣнокъ сказаннаго матеріала. Мы вовсе не требуемъ, чтобъ авторъ «Очерка» перепачивалъ выводы, оставшіеся отъ критики сороковыхъ годовъ, или приправливалъ ихъ къ выводамъ критики болѣе современной. Убѣжденія г. Милюкова весьма почтенны, хотя вовсе не сходятся съ нашими; но они нисколько не пострадали бы отъ симпатическаго пересмотра старыхъ взглядовъ нашей критики, отъ сведенія ихъ въ одну спокойную группу основательныхъ и чуждыхъ всякаго памфлетическаго характера приговоровъ. Оставивъ основную часть своихъ теорій въ томъ самомъ видѣ, какъ она досталась ему за столько лѣтъ назадъ, во всей своей журнальной неполнотѣ и поспѣшности,—

Digitized by Google

г. Милюковъ самъ ведетъ себя къ крайностямъ приговоровъ, самъ лишаетъ свою книгу учонаго, спокойнаго характера и, мало того, грѣшитъ передъ критиками, которыхъ трудомъ безпрестанно руководствуется. Подобно тому, какъ нѣкоторые ученики Гегеля, увлекшись полемическою стороною идей своего учителя, начинали искажать теоріи, отъ которыхъ самъ Гегель отворачивался съ неудовольствіемъ, — г. Милюковъ, строго держась идей Бѣлинскаго и лицъ, съ нимъ вмѣстѣ трудившихся, приходитъ къ такимъ положеніямъ, на какія немедленно вооружились бы эти самые дѣятели. Благодаря Бога, въ нашей литературѣ до сихъ поръ живутъ и трудятся критики, начавшіе свое поприще въ сороковыхъ годахъ, во всемъ соглашавшіеся съ выводами Бѣлинскаго и трудившіеся съ нимъ много лѣтъ въ однихъ и тѣхъ же журналахъ;— спросите же теперь этихъ почтенныхъ писателей, признаютъ ли они справедливыми многія положенія, высказанныя авторомъ и какъ будто прямо вытекшія изъ ихъ собственныхъ сочиненій? Мы еще скажемъ свое слово объ этихъ уклоненіяхъ, а здѣсь только упомянемъ о нихъ вкратцѣ, чтобъ замѣчанія наши не казались голословными. Который изъ критиковъ и ученыхъ людей нашего времени согласится сказать съ авторомъ «Очерка», что русскую народную поэзію (пѣсни, сказки и стихи) должно «равнять съ тѣми «произведеніями суздальскаго гравированія, гдѣ все является грубымъ и яркимъ, — гдѣ небо состоитъ изъ синяго пятна, земля— «изъ зеленой полосы, люди раскрашены синькой и сурикомъ, гдѣ «не существуетъ ни переливовъ свѣта и тѣни, ни физіономіи лицъ, «но однѣ только фигуры, безобразныя и грубыя?» Кто рѣшится, въ наше время, обильное драгоцѣнными изысканіями по части древней поэзіи всѣхъ народовъ, серьезно упрекать русскія сказки въ чудовищности, *въ отсутствіи граціи*, въ безпрестанномъ проявленіи матеріальной силы, однимъ словомъ, во всѣхъ недостаткахъ, общихъ ей со всѣми сказками юныхъ народовъ, и южныхъ, и сѣверныхъ, и европейскихъ, и не европейскихъ? Едва ли кто нибудь изъ самыхъ неуклонныхъ хвалителей сатирическаго направленія въ наше время согласится съ авторомъ «Очерка» въ томъ, что сатира есть отличительный характеръ всей новой нашей литературы, что она служитъ какъ бы продолженіемъ реформы Петра Великаго, что русскій писатель, если онъ не является обличителемъ пороковъ и, такъ сказать, дешевымъ королевскимъ прокуроромъ (Procureur du roi) современнаго общества, — долженъ явиться эгоистомъ и человѣкомъ безъ убѣжденій! Переходя отъ общихъ взглядовъ къ частнымъ оцѣнкамъ писателей, кто рѣшится

Digitized by Google

сказать съ г. Милюковымъ, что пѣсня Кольцова относится къ старой русской пѣснѣ, какъ мастерская гравюра художника къ суздальской лубочной картинѣ, или что права Державина на имя въ потомствѣ, состоятъ опять таки въ сатирическомъ направленіи нѣкоторыхъ его стихотвореній? Кажется, мы привели довольно примѣровъ очень странныхъ, за которые, по видимому, отвѣтственность должна падать на одного автора книги, нами разбираемой, но стоитъ только всмотрѣться въ дѣло поглубже, и мы увидимъ нѣчто совсѣмъ иное. Г. Милюковъ, въ выводахъ этихъ, и отклонялся, и неотклонялся отъ своихъ учителей. Онъ не придумывалъ парадокса, не мѣтилъ на самостоятельность во что бы то ни стало, онъ просто бралъ изъ критики сороковыхъ годовъ тѣ мѣста и страницы, гдѣ она, увлекаясь полемикою, временнымъ значеніемъ писателей и условіями журнальной дѣятельности, сама грѣшила противъ основныхъ своихъ принциповъ. Вооружившись страницами старыхъ журналовъ, нашъ авторъ, вмѣсто того, чтобъ очистить ихъ отъ слѣдовъ борьбы или предать заслуженному забвенію, опирался на нихъ, какъ на непреложную истину, какъ на принципъ, вытекшій изъ долгаго и хладнокровнаго мышленія, разработывалъ ихъ со тщаніемъ и, конечно, доходилъ до необыкновенныхъ результатовъ. Не только по нашимъ русскимъ, вѣчно спорящимъ между собою журналамъ, но по журнальнымъ статьямъ другихъ народовъ, болѣе привычныхъ къ литературному дѣлу, невозможно составлять ни курса исторіи литературы, ни даже очерка какой либо поэзіи. Нашъ авторъ забылъ эту истину, а оттого самыя подробности его книги, какъ весьма дѣльно было замѣчено въ «Отечественныхъ Запискахъ», по характеру своему, колеблются между исторіей и полемическимъ памфлетомъ. Скажемъ болѣе: еслибы мы не уважали г. Милюкова, какъ писателя, и не были вполнѣ увѣрены въ чистой искренности его взглядовъ, нѣкоторыя мѣста изъ его книги могли бы показаться намъ злой насмѣшкою надъ дѣятелями, оставившими по себѣ яркій слѣдъ въ исторіи русской критики. Такъ, напримѣръ, цѣнители сороковыхъ годовъ, противудѣйствуя преувеличеннымъ теоріямъ о значеніи русской старины, были холодны къ ея поэзіи, но г. Милюковъ не ограничивается одной холодностью: онъ ведетъ дѣло далѣе и смотритъ на старую русскую поэзію довольно презрительно, да еще смѣется надъ людьми, иначе на нее смотрящими. Кажется, въ такомъ дѣлѣ, какъ народныя пѣсни и сказки, ссориться не изъ за чего, но авторъ «Очерка» такъ и желаетъ, говоря о немъ, кольнуть людей, «подъ видомъ патріотизма ратующихъ за старые предразсудки». Критика сороковыхъ годовъ

Digitized by Google

дѣлала переоцѣнки старымъ русскимъ поэтамъ, начиная съ Ломоносова и кончая Карамзинымъ, при этой оцѣнкѣ съ замѣчательныхъ нашихъ дѣятелей была снята часть незаслуженной ими славы; авторъ «Очерка» увеличиваетъ строгость приговора, сбрасываетъ остатки лавровъ съ чѣла сѣдовласыхъ старцовъ и даетъ пощаду лишь тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ имѣлось въ талантѣ кое-что сатирическое. Такъ, взвѣсивъ отзывы и хвалы г. Милюкова, мы можемъ придти къ заключенію, что Милоновъ сдѣлалъ (опять-таки за сатиру!) для искусства русскаго больше, чѣмъ Гнѣдичъ, переводчикъ «Иліады», или что Сумароковъ, сочиняя свои сатиры (которыя, конечно, писалъ изъ подражанія Буало), долженъ стоять выше Карамзина, того Карамзина, который внесъ въ нашу словесность новѣйшія идеи своего времени, былъ въ ней представителемъ европейской многосторонности, цивилизаціи и мягкости душевной (gentleness). Даже изъ мелочей и неважныхъ подробностей нашъ авторъ созидаетъ опоры для самыхъ неожиданныхъ и неправдоподобныхъ выводовъ. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ, предсмѣртныхъ статей, Бѣлинскій замѣчаетъ въ Пушкинѣ пристрастіе къ генеалогіи и аристократическимъ преданіямъ, — изъ этого замѣчанія нашъ авторъ дѣлаетъ поэту формальное обвиненіе, и обвиненіемъ своимъ подтверждаетъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, несправедливое мнѣніе объ упадкѣ Пушкинскаго значенія въ русской публикѣ. Старая критика не безъ основанія винила комедію Грибоѣдова въ несовершенствахъ драматическихъ и художественныхъ, а въ «Очеркѣ» уже сказано, что «Горе отъ Ума», какъ художественная комедія, не выдерживаетъ самой слабой критики! Черезъ нѣсколько строкъ авторъ, однако, говоритъ объ искусствѣ Грибоѣдова въ изображеніи характеровъ самыхъ типическихъ.

Обозначивши краткими словами странность многихъ выводовъ, встрѣчающихся въ «Очеркѣ» г. Милюкова, мы видимъ себя въ необходимости вернуться къ тѣмъ изъ нихъ, которые, такъ сказать, послужили началомъ для прочихъ и, такимъ образомъ, прошли черезъ всю книгу, въ ущербъ ея многимъ достоинствамъ. Выводовъ этихъ два, и вредъ, отъ нихъ произошедшій, распался поровну на обѣ части, изъ которыхъ состоитъ «Очеркъ исторіи русской поэзіи». И о томъ, и о другомъ, мы сейчасъ упомянули вкратцѣ: — одинъ изъ нихъ заключается въ узкомъ, полупрезрительномъ взглядѣ на старую поэзію допетровской Руси, другой — въ преувеличенномъ взглядѣ на значеніе сатирическаго элемента въ новой русской литературѣ. Оба вывода, какъ мы замѣтили въ

Digitized by Google

своемъ мѣстѣ, заимствованы изъ журналистики сороковыхъ годовъ, которой поспѣшныя и обусловленныя временными обстоятельствами заключенія, доведены нашимъ авторомъ до крайнихъ результатовъ. Постараемся же, на сколько позволяютъ предѣлы краткой рецензіи, прослѣдить за развитіемъ двухъ сказанныхъ взглядовъ, въ ихъ отношеніи къ русской критикѣ и къ сочиненію, нами разбираемому.

Наша критика сороковыхъ годовъ не симпатически относилась къ старой русской поэзіи, и причинъ такому недружелюбію было очень много. Во первыхъ, представители названной критики не были спеціалистами по части старины, а поэзія древней Россіи, мало разработанная и разъясненная въ то время, требовала большихъ усилій для своего уразумѣнія. Во вторыхъ, эти критики мало жили съ народомъ, между тѣмъ какъ близкое знаніе простого русскаго человѣка, съ его интересами, повѣрьями и преданіями, служитъ большимъ пособіемъ къ пониманію народной поэзіи, хотя бы самой старой. Въ третьихъ, они имѣли противъ себя малочисленную, но не бездарную партію людей, прославлявшихъ старую Русь и ея поэзію, безмѣрно и вопреки всякому правдоподобію. И наконецъ, въ четвертыхъ, споры о сущности и подробностяхъ поэзіи старой Россіи, какъ бы прикрывали собою споры другого рода, только частью относящіеся къ предмету, а именно споры о достоинствахъ и недостаткахъ стараго, допетровскаго общества. Четвертый пунктъ здѣсь самый главный, и о немъ надо говорить подробнѣе.

Всякому извѣстно, какіе важные шаги впередъ свершила исторія литературы, какъ наука, за третье и четвертое десятилѣтіе нашего вѣка (отъ 1820 до 1840 года). Въ этотъ періодъ времени, ознаменованный усиленной дѣятельностью ума человѣческаго, наука, о которой говоримъ мы, утвердилась на новомъ основаніи, и изъ перечня старыхъ и новыхъ авторовъ, стала тѣмъ, чѣмъ ее признаютъ нынѣ. Историческая критика и разумное обобщеніе добытыхъ фактовъ озарили новымъ свѣтомъ прошлые вѣка человѣчества и водворили порядокъ въ хаотическомъ сборѣ поэтическихъ данныхъ. Отъ частностей восходя къ глубокимъ выводамъ, исторія литературы, разработываемая новыми дѣятелями, тѣмъ не менѣе занималась дѣломъ открытія, сортированія, переоцѣнки замѣчательнѣйшихъ созданій ума человѣческаго. Никогда еще литература разныхъ народовъ, какъ могучее проявленіе народной жизни въ разныя эпохи, не оказывала такихъ услугъ европейскимъ историкамъ; въ замѣнъ того, никогда еще исторія политическая не

Digitized by Google

служила такимъ плодотворнымъ пособіемъ для новѣйшихъ критиковъ и цѣнителей литературы.

Обоюдное сближеніе двухъ наукъ оказывалось плодотворнымъ историческимъ методомъ въ критикѣ. Вслѣдствіе этого метода, вліяніе разныхъ политическихъ эпохъ на произведенія ума человѣческаго, было повсюду разъяснено и оцѣнено, истолковывая истинное значеніе писателей, выводя изъ мрака сочиненія когда-то пользовавшіяся славою и объясняя причины явленій до тѣхъ поръ какъ бы стоявшихъ особнякомъ въ каждой литературѣ. Въ самыхъ рутинныхъ учебникахъ словесности, произволъ и безъосновательность приговоровъ стали невозможностью. Всѣ эти вѣка Перикловъ, Медиціевъ и Лудовиковъ XIV, выросшіе подобно грибамъ, безъ причины и подготовки, истребились изъ книгъ и не могли никого обманывать своей непослѣдовательностью. Критикъ и историкъ литературы, стали ясно понимать, что, для ихъ дѣла, мало одного хорошаго вкуса и уваженія къ élégance — имъ приходилось бродить въ мракѣ, если они не имѣли прочныхъ историческихъ познаній и большого знакомства съ политическими науками. Для изученія народной поэзіи пришла пора не однимъ фанатикамъ старины; поэзіи этой уже не дозволялось отводить нѣсколькихъ голословныхъ страничекъ въ порядочномъ курсѣ литературы. Подобно тому, какъ памятники и преданія младенчествующихъ эпохъ цивилизаціи оказали услугу даровитѣйшимъ историкамъ, исторія политическая дала свѣтильникъ къ оцѣнкѣ и распознаванію этихъ памятниковъ, этихъ преданій. Съ развитіемъ и правильнымъ примѣненіемъ метода исторической критики, исторія литературъ сдѣлала велнкіе шаги къ усовершенствованію, а труды даровитѣйшихъ германскихъ, англійскихъ и французскихъ историковъ литературы окончательно узаконили открытія, въ ней за послѣднее время совершенныя.

Все, нами сказанное, есть лицевая сторона медали, теперь не мѣшаетъ взглянуть на другую ея сторону. Во всякой наукѣ дѣло обобщенія (généralisation) добытыхъ фактовъ считается самымъ труднымъ дѣломъ въ исторіи литературы, оно труднѣе чѣмъ гдѣ либо, потому что при безконечномъ разнообразіи дѣлъ житейскихъ и произведеній мысли человѣческой, всякое мнѣніе цѣнителя, даже весьма парадоксальное, можетъ быть подкрѣплено немаловажнымъ количествомъ точныхъ доводовъ. Если лучшіе историки литературы и первоклассные критики нашего времени, при обсужденіи вопросовъ политическихъ и литературныхъ, до такой ужасающей степени розняться другъ отъ друга, если при всей ясности

Digitized by Google

ума, при всей добросовѣстности въ оцѣнкѣ матеріаловъ, геніальнѣйшіе ученые разнствуютъ между собой, чуть дѣло доходитъ до общихъ выводовъ, то какъ не сказать, что трудная задача, и имъ часто дающаяся съ усиліемъ, выходитъ совершенно не по плечу дѣятелямъ второстепеннымъ. А въ періодѣ сороковыхъ годовъ, европейская литература кипѣла дѣятелями второстепенными, какъ по части исторіи политической, такъ и по части исторіи литературы.

Въ былое время, подобные дѣятели ограничили бы себя и работами второклассnаго разбора, но теперь, эти люди, ободренные успѣхомъ передовыхъ людей, поощренные модой и прихотью публики, смѣло брались за трудъ не по силамъ. Обобщать историческіе факты и дѣлать глубокомысленные обзоры литературъ по періодамъ, начали туманнѣйшіе изъ нѣмецкихъ профессоровъ, вертлявѣйшіе изъ французскихъ публицистовъ. Духъ политической партіи и литературныхъ несогласій, вмѣшавшись въ дѣло, увеличилъ начинающуюся путаницу, а легкость труда, основаннаго на произвольномъ комбинированіи уже добытыхъ и ранѣе насъ подготовленныхъ фактовъ, еще болѣе повредила наукѣ. Въ трудахъ второстепенныхъ (но иногда очень блистательныхъ), историковъ, метода усиленнаго обобщенія сказалась недобросовѣстностью, историческимъ памфлетомъ, пустозвоннымъ лиризмомъ, произвольнымъ выискиваніемъ фактовъ, подтверждавшихъ лишь одну сторону вопросовъ, сообразно авторской прихоти. Въ критикѣ и исторіи литературы, она повела къ многословію, пристрастному взгляду на періоды словесности (согласно политическимъ взглядамъ цѣнителей), и, наконецъ, что всего хуже, подчиненію художественной стороны дѣла элементу политическому. Исторія политическая, въ трудахъ первоклассныхъ знатоковъ литературы служившая дорогимъ освѣщеніемъ и ключемъ къ уразумѣнію сокровеннѣйшихъ тайнъ поэзіи, у неловкихъ подражателей сдѣлалась всеобъемлющимъ, все поглощающимъ, всюду сующимся элементомъ оцѣнки, не пособіемъ, а суровой необходимостью, не ключемъ для разъясненія новыхъ сторонъ въ дѣлахъ мысли человѣческой, но тяжелымъ орудіемъ для сокрушенія всего, что не подходило къ ея приговорамъ. Предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ прослѣдить весь тотъ вредъ, который произошелъ въ исторической критикѣ и въ новѣйшихъ исторіяхъ литературы отъ излишняго стремленія писателей къ поспѣшному обобщенію историческихъ фактовъ, отъ добровольнаго подчиненія ихъ литературныхъ приговоровъ элементу историко-политическому, который, самъ по себѣ, можетъ

Digitized by Google

быть хорошимъ пособіемъ для критики, но ни въ какомъ случаѣ, не долженъ поглощать собою всѣхъ его воззрѣній. Предметъ и новъ, и крайне интересенъ, но мы не можемъ заняться имъ въ настоящее время. Достаточно будетъ сказать, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ эпоху начинаній и развитія лучшихъ русскихъ критиковъ, французскіе и особенно германскіе историки литературы, (за весьма не многими исключеніями), всѣми силами своими вдались въ крайность, о которой мы сейчасъ говорили. Примѣняя историческое воззрѣніе къ разнымъ періодамъ своей родной или чужестранной словесности, они не видѣли никакихъ путей для критики внѣ этого воззрѣнія. По ихъ теоріямъ, при оцѣнкѣ того или другого періода данной словесности, первымъ, единственнымъ и непреложнымъ пособіемъ была оцѣнка политическихъ событій, ознаменовавшихъ собою данный періодъ. Мысль была справедлива, но слишкомъ деспотическое ея примѣненіе вело къ узкости взгляда, особенно при разборѣ источниковъ темныхъ и мало разработанныхъ. «Политическое и соціальное положеніе извѣстнаго народа въ данный періодъ», говорили намъ многіе нѣмцы и французы — «обусловливаетъ собою литературу этого періода». Такимъ образомъ, все безконечное разнообразіе мысли и поэзіи человѣческой было подчинено тяготѣнію отъ причинъ политическихъ и общественныхъ. Человѣкъ весь поглощался государствомъ и его судьбами по идеѣ новыхъ историковъ литературы, бѣдственный историческій періодъ непреложно велъ за собою печальныя явленія въ словесности. Періодъ борьбы и энергіи долженъ былъ ознаменовываться произведеніями энергическими. Періодъ мира и преуспѣянія велъ за собой цвѣтущее состояніе поэзіи. Періодъ историческихъ несчастій, неустройства и порабощенія велъ за собой въ поэзіи, жалобы и стенанія. Старая народная поэзія, какъ наиболѣе непосредственная сравнительно съ книжной поэзіею новыхъ временъ, еще болѣе согласовалась съ историческими преданіями. У народовъ движущихся разумнымъ движеніемъ, она была блистательна и роскошна, у народовъ бѣдствовавшихъ въ политическомъ отношеніи, она выражала бѣдность, нужду, или вражду къ утѣснителямъ. Все это было отчасти дѣльно и, во всякомъ случаѣ, остроумно. Все это чрезвычайно облегчало трудъ цѣнителя и историка словесности, указывая ему легкій путь для выводовъ, и помогая ему группировать факты по рисунку, заранѣе подготовленному.

Послѣ всего, сказаннаго нами, не трудно будетъ сообразить, какими именно крайностями долженъ былъ ознаменоваться взглядъ

Digitized by Google

лучшихъ русскихъ критиковъ на значеніе старой русской поэзіи. Метода усиленнаго и поспѣшнаго историческаго обобщенія сбивала съ толку многихъ историковъ литературы въ Германіи и во Франціи, — очевидно, она должна была оказаться и въ трудахъ нашихъ писателей. Оно такъ и случилось: разсматривая памятники старой Руси, ихъ хвалители и хулители впали въ ошибку, обусловленную самимъ методомъ изслѣдованія. И тѣ, и другіе подступили къ оцѣнкѣ поэзіи допетровской Руси, съ неизмѣннымъ и разъ навсегда принятымъ взглядомъ объ историческомъ значеніи той эпохи, которой поэзія подлежала ихъ оцѣнкѣ. Друзья старины, убѣжденные въ совершенствахъ старой Россіи, открыли въ русской древней поэзіи, тысячи совершенствъ, подтверждавшихъ ихъ историко-политическія воззрѣнія, между тѣмъ какъ защитники новаго порядка вещей, припоминая всѣ недостатки Россіи до временъ Петра Великаго, осуждая политическую слабость, невѣжество и безнравственность, распространенную во всѣхъ сословіяхъ, искали въ памятникахъ этого періода лишь одного подтвержденія своимъ взглядамъ на его историческое значеніе.

Лишнимъ считаемъ говорить о томъ, на которой сторонѣ находились первые дѣятели нашей критики сороковыхъ годовъ. Ихъ взглядъ на историческое значеніе старой Россіи, при всѣхъ своихъ преувеличеніяхъ, намъ кажется болѣе вѣрнымъ, нежели взглядъ ихъ противниковъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ велъ за собою совершенно вѣрный взглядъ на древнюю русскую поэзію. Мы вполнѣ соглашаемся съ тѣмъ, что старая, допетровская Россія представляла изъ себя государство слабое и нестройное что она перенесла великія страданія отъ чужеземнаго ига, отъ междоусобій, отъ своего одиночества въ Европѣ, невѣжества и дурного порядка въ своемъ управленіи. Мы готовы вѣрить тому, что старая Россія, какъ больной въ поэмѣ Данта, поминутно ворочалась на одрѣ своемъ, и каждымъ движеніемъ увеличивала свои страданія. Мы вѣримъ, что политическое значеніе Россіи въ ряду европейскихъ государствъ, было самое горькое, что для нея вѣкъ за вѣкомъ проходилъ безплодно, въ несогласіяхъ, смутахъ, угнетеніи, невѣжествѣ, пока наконецъ для нея не явился свой посланный отъ неба преобразователь въ лицѣ Петра Великаго. Во всемъ этомъ мы не видимъ ничего лживаго, хотя труды новѣйшихъ историковъ во многомъ умалили наши понятія о конечности и отсутствіи разумнаго развитія въ допетровской Руси. Мы охотно признаемъ, что печальныя условія старой русской жизни, замедляя

Digitized by Google

государственное ея развитіе, должны были имѣть вліяніе на поэзію русскаго народа, но тутъ-то мы и считаемъ нужнымъ остановиться. Политическое и соціальное состояніе всякаго государства, безъ сомнѣнія, не можетъ не отразиться на его литературѣ, но какъ именно и въ *какой степени* оно отражается, это еще вопросъ, требующій безконечныхъ изслѣдованій. Для насъ ясно одно только: полнаго и совершеннаго подчиненія народной поэзіи причинамъ политическимъ мы не можемъ допустить ни въ какой эпохѣ, ни въ какомъ государствѣ, ни въ какомъ народѣ. Допетровская Русь могла бы быть во сто кратъ блистательнѣе, нежели ее намъ представляютъ ревностнѣйшіе изъ ея почитателей, и все-таки старая русская поэзія не представила бы намъ однѣхъ свѣтлыхъ сторонъ человѣческой жизни, не ограничивалась бы однимъ выраженіемъ патріархальности, чистоты, удальства, и такъ далѣе. Допетровская Русь могла бы оказаться вдвое невѣжественнѣе и развращеннѣе, нежели говорятъ намъ строгіе ея цѣнители, и, не смотря на это, ея поэзія ни въ какомъ случаѣ не представила бы изъ себя сплошной, одной и той же картины невѣжества, страданія, неурядицы общества, ее породившаго.

Критики и историки литературы, съ усердіемъ налегавшіе на печальные, мрачно-разгульные, дикіе и нестройные элементы старой русской поэзіи, въ ущербъ другимъ ея элементамъ, дѣйствовали подъ вліяніемъ невѣрнаго и поспѣшнаго историческаго обобщенія, о которомъ мы сейчасъ говорили. Старая Русь, какъ политическое цѣлое, представляла для нихъ явленіе печальное и тягостное; этотъ взглядъ, котораго крайность нынѣ уже доказана нашими учеными, сталъ для нихъ ключемъ къ истолкованію поэзіи допетровской Руси. Старые памятники, пѣсни, сказки, преданія русскаго народа, весьма часто носили на себѣ печать угнетенія и всякихъ бѣдствій, вытекавшихъ изъ политическаго и общественнаго положенія Россіи, — это несомнѣнно, но не менѣе несомнѣнно и то, что *вся* старая наша поэзія не могла служить однимъ отголоскомъ несчастій политическихъ и общественныхъ. Въ томъ, что политическое и соціальное положеніе извѣстнаго народа можетъ и должно наложить свою печать на поэзію этого народа, сомнѣваться едва ли позволяется. Но позволяется, и весьма позволяется сомнѣваться въ томъ, что за исключеніемъ отпечатка, о которомъ сейчасъ говорилось, народная поэзія не представляетъ никакихъ другихъ, совершенно къ нему не подходящихъ и въ высшей степени своеобразныхъ явленій. Легко обобщать историческіе выводы и, вслѣдствіе того, признавать тотъ или другой на-

Digitized by Google

родъ, то счастливымъ, то несчастнымъ, но, къ сожалѣнію, дѣла нашего міра не допускаютъ обобщеній такого рода. Во-первыхъ, тотъ или другой народъ, несчастный и слабый въ политическомъ отношеніи, въ частной жизни отдѣльныхъ личностей, его составляющихъ, можетъ представить очень много довольства, спокойствія и поэтическихъ сторонъ. Если же къ бѣдствіямъ внѣшнимъ примѣшиваются неустройства внутреннія, если политическія катастрофы отражаются горемъ и бѣдою на частной жизни народа, то все-таки эти катастрофы и бѣдствія не въ состояніи повергнуть весь народъ въ одинъ непрерывный и безвыходный періодъ страданія. Наконецъ, даже допустивъ подобный историческій періодъ мы увидимъ что нибудь одно — или конечное разрушеніе общества, или борьбу, за которой послѣдуетъ выходъ изъ невыносимаго положенія. Если старая Русь, которую намъ такъ долго представляли столь несчастною, дѣйствительно представляла крайнюю ступень бѣдствія для всѣхъ лицъ, ее составляющихъ, она не могла жить; если же жила, то, конечно, въ ней были элементы жизни и залога лучшаго будущаго. Если поэтическій голосъ допетровской Россіи, то есть ея народная поэзія, выражалъ одно невѣжество, уныніе, безнравственный разумъ и такъ далѣе, то какъ же голосъ этотъ не замолкъ, и тѣло, его издающее, не распалось въ прахъ отъ своихъ неизлѣчимыхъ недуговъ? Старая Русь могла страдать отъ тысячи бѣдъ внѣшнихъ и внутреннихъ, но если она имѣла свою поэзію, то эта поэзія не могла выражать однѣхъ жалобъ и недовольствъ жизнію. Никакое государство, самое концентрированное, самое малое по объему, не въ силахъ поглотить *всей* жизни каждаго изъ своихъ членовъ, не въ силахъ слиться со всѣмъ его существованіемъ и подчинить себѣ частный, многосторонній міръ души человѣческой. Ежели это справедливо въ наши времена въ государствахъ тѣсно населенныхъ, сплоченныхъ цивилизаціей, то до какой же степени оно должно быть справедливымъ въ отношеніи къ народу старой Руси, раскиданному на необъятномъ пространствѣ земли и очень слабо скрѣпленному съ самыми больными органами своей родины? Этотъ народъ могъ имѣть свою многостороннюю поэзію, если только природа дала ему поэтическіе инстинкты. Не одно чудовищное невѣжество, не однѣ жалобы и не одинъ бѣшеный разгулъ должны были звучать въ его голосѣ. Какъ ни печальна была историческая жизнь старой Руси, но истолковывать ея поэзію этой исторической жизнью въ наше время не приходится. Никакія историческія несчастія не въ силахъ загасить поэтическаго голоса, даннаго тому или другому народу: —

Digitized by Google

поэтическія легенды, пѣсни, сказки, преданія родятся не на поляхъ сраженій, не на лобномъ мѣстѣ, не по большимъ дорогамъ, опустошеннымъ войною, не среди городовъ, разоренныхъ худымъ управленіемъ, а въ тихихъ, и, сравнительно, спокойныхъ углахъ государства, постоянно или временно удаленныхъ отъ центровъ, на которыхъ разъигрываются главныя сцены исторической трагикомедіи. И неужели старая Русь не могла представить такихъ мѣстъ во множествѣ, при ея огромномъ пространствѣ? Самыя несовершенства въ ея внутреннемъ порядкѣ во многомъ избавляли русскій народъ отъ гнета несчастныхъ для государства событій. Отчего же голосъ русской народной музы непремѣнно долженъ быть голосомъ чудовищныхъ пороковъ, тупоумія и страданія? Многіе старые народы, нисколько не превышавшіе стараго русскаго народа ни образованіемъ, ни благосостояніемъ, имѣли свою блистательную поэзію, — если эта поэзія во всемъ разнообразіи имѣется у индусовъ, краснокожихъ американскихъ индійцевъ, исландцевъ, то отчего жь наши предки осуждены играть на одной и той же струнѣ и воспѣвать свое недовольство судьбою? Если у бѣдныхъ негровъ, какъ доказано новѣйшими изслѣдователями, есть пѣсни изумительной нѣжности и прелести, то за что же русскій простолюдинъ стараго времени долженъ испускать одни грубоунылыя, отчаянныя завыванія? Та же самая исторія, которая вела нашихъ и иностранныхъ критиковъ къ великимъ деспотическимъ взглядамъ на словесность, показываетъ съ великой ясностью, что всякое изъ европейскихъ государствъ, имѣло свой печальный историческій періодъ, нисколько не лучшій, хотя менѣе продолжительный, чѣмъ періодъ неустройствъ и смутъ въ старой Россіи. Каждый народъ страдалъ, и страдалъ жестоко, если судить его прошлое по историческимъ даннымъ, но страданія эти не мѣшали проявленію его поэтическихъ способностей, если онѣ у него были. Огюстенъ Тьерри, изображая намъ угнетеніе, которому подвергалось саксонское племя отъ норманновъ-завсевателей, подкрѣпляетъ свои доводы множествомъ отрывковъ изъ народныхъ балладъ, сказокъ и пѣсенъ, но онъ не увлекается обобщеніемъ матеріяловъ и не говоритъ, что вся поэзія саксонцевъ есть голосъ народнаго страданія. Саксонцы были народомъ поэтическимъ, и ихъ поэзія, не взирая на страданія отъ норманскаго владычества, выразилась въ тысячѣ проявленій, не имѣвшихъ ничего общаго съ этимъ владычествомъ. Человѣкъ всегда оставался человѣкомъ, и никакія общественныя тревоги не поглощали его всего, съ его частными радостями, частными бѣдами и его ограниченнымъ, частнымъ міро-

Digitized by Google

созерцаніемъ. То же было и съ людьми старой Руси. Ихъ поэтическій голосъ, во многомъ могъ пояснять историческое положеніе допетровской Россіи, но слѣпо сообразоваться съ этимъ положеніемъ онъ могъ только подъ перомъ писателей или наклонныхъ къ поспѣшнымъ выводамъ, или ослѣпленныхъ временными и полемическими соображеніями.

Предметъ, о которомъ разсуждаемъ мы теперь, слишкомъ важенъ и интересенъ, а потому мы просимъ позволенія еще поговорить о немъ съ нѣкоторой подробностью. Въ исторіи новѣйшихъ народовъ, въ фактахъ, представляемыхъ современной жизнью, мы видимъ безпрестанное подтвержденіе нашей мысли о томъ, что политическія и общественныя бѣдствія государства, никогда не поглощаютъ собою всей жизни его членовъ. На нашей памяти загорѣлась, горѣла и погасла великая война, одна изъ убійственнѣйшихъ войнъ нашего столѣтія. Въ трехъ сильнѣйшихъ державахъ Европы (не считая двухъ меньшихъ, принимавшихъ въ войнѣ участіе), люди гибли толпами, капиталы уничтожались, бѣдствія, сопряженныя съ политическимъ горемъ, вторгались въ частную жизнь гражданъ. Россія несла огромныя пожертвованія, во Франціи и въ Англіи, населеніе которыхъ компактнѣй нашего, съ каждымъ бюллетенемъ о сраженіи, улицы большихъ городовъ покрывались людьми въ траурѣ, что было замѣтно всякому, сколько нибудь наблюдательному прохожему. Каждое изъ названныхъ государствъ страдало, не видя конца своимъ успѣхамъ и страданіямъ. Но въ то же самое время отдѣльныя личности, изъ которыхъ было составлено каждое изъ этихъ государствъ, жили своей собственной, многосторонней жизнью, лишь временно и не вполнѣ соприкасаясь къ политическимъ событіямъ печальнаго времени. И въ Россіи, и въ Англіи, и во Франціи люди жили почти также, какъ жили они до великой войны, нанесшей столько тягости для ихъ родины, также веселились и горевали, также занимались своими денежными дѣлами, также женились, производили на свѣтъ дѣтей и ѣздили съ мѣста на мѣсто. Семейства, лишившіяся своихъ членовъ на войнѣ, въ узаконенное время снимали свой трауръ и осушали слезы. Сословія, призванныя событіями политики къ тяжелымъ пожертвованіямъ, исполняли свой долгъ, разставались съ частію своего достатка, и, разсчитавшись съ обязанностью гражданина, опять вступали въ тихій міръ своихъ собственныхъ интересовъ, до новаго призыва и новой необходимости. И въ словесности, и въ поэзіи борба оставила свой слѣдъ — литература наводнилась множествомъ патріотическихъ и, по большей части,

Digitized by Google

плохихъ пѣснопѣній, — наука стала заниматься предметами, имѣющими отношеніе къ военному дѣлу и международнымъ вопросамъ, но весь этотъ потокъ современности нисколько не извращалъ собою общаго направленія науки и поэзіи. Подъ взволнованной поверхностью текли тѣже самыя тихія воды, которыя находились подъ нею и до періода тревоги. Потому-то, когда волненіе прекратилось, когда война перестала похищать свои жертвы, ходъ обычныхъ дѣлъ житейскихъ установился съ необычайной быстротою. Даже примиреніе, такъ желаемое и ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ, не возбудило никакихъ особенныхъ восторговъ въ массахъ народа: миръ былъ необходимъ, всѣ были довольны миромъ, но лишь весьма немногія изъ отдѣльныхъ лицъ, слишкомъ близко соприкасавшихся къ военнымъ дѣламъ, смотрѣли на миръ, какъ на спасеніе свое и всѣхъ своихъ интересовъ на этомъ свѣтѣ.

Намъ могутъ сказать, что примѣръ, выбранный нами, не вполнѣ подходитъ къ дѣлу; — что для такихъ сильныхъ государствъ, какъ Россія, Англія, Франція, — нѣсколько лѣтъ тяжелой войны, не есть еще великое политическое бѣдствіе. Мы сознаемся въ основательности замѣчанія и беремъ другой примѣръ, болѣе идущій ко всему вопросу. По общему убѣжденію и единодушному приговору даровитѣйшихъ писателей, современная Испанія есть государство истинно несчастное въ политическомъ отношеніи, а народъ ее населяющій, вслѣдствіе цѣлыхъ вѣковъ худого управленія, междоусобій, несчастныхъ войнъ и обскурантизма, впалъ въ послѣднюю степень бѣдности съ невѣжествомъ. Народъ этотъ переносилъ и еще переноситъ страданія, очень подходящія къ страданіямъ русскаго народа въ печальные періоды нашей отечественной исторіи, — остроумный любитель можетъ составить параллель между старымъ русскимъ невѣжествомъ и невѣжествомъ, порожденнымъ инквизиціей, между старымъ русскимъ взяточничествомъ и безнравственностью властей въ старой и новой Испаніи; не говоримъ о другихъ неустройствахъ, общихъ той и другой странѣ. И такъ, подчиняя всю частную жизнь народа его историческому и общественному положенію, мы увидимъ себя въ необходимости сдѣлать тотъ выводъ, что испанскій народъ, въ наше время, за исключеніемъ небольшого числа привиллегированныхъ особъ, томится въ нескончаемыхъ бѣдствіяхъ, а его поэзія, когда-то столь славная и замѣчательная, выражаетъ собою одинъ голосъ скорби и мученія. Туристъ, ѣдущій въ Испанію съ такимъ, весьма извинительнымъ убѣжденіемъ, конечно разсчитываетъ увидѣть на всякомъ шагу нахмуренныя лица мрачныхъ голяковъ, проклинаю-

Digitized by Google

щихъ свое существованіе, тружениковъ, обливающихъ слезами свой кусокъ черстваго хлѣба, отчаянныхъ преступниковъ, которымъ жизнь — послѣднее дѣло, потому что она не сулитъ имъ никакихъ радостей. Если этотъ туристъ знаетъ языкъ края и любитъ народную поэзію, то онъ готовится слушать одну и ту же горькую повѣсть угнетенія, однѣ и тѣ же жалобы народа, доведеннаго до крайности. Нужно ли сказывать, до какой степени онъ будетъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, до какой степени его поразитъ радушіе и гордое самодовольство этого нищаго народа, какіе поэтическіе, нѣжные и рыцарскіе тоны поразятъ его въ народной испанской поэзіи, не старой, а новой, постоянно свѣжей, каждый день наполняемой новыми пѣснями, новыми разсказами, новыми импровизаціями? Нашъ туристъ, дѣйствительно, найдетъ въ Испаніи тысячи доказательствъ ея упадка, ея политической слабости, ея жалкаго экономическаго положенія, и, не смотря на всѣ эти доказательства, все-таки увидитъ себя лицемъ къ лицу съ народомъ истинно поэтическимъ. Онъ найдетъ города разоренные и опустѣлые, едва сохранившіе признаки жизни и торговли, но въ этихъ самыхъ городахъ, всякій вечеръ, онъ услышитъ пѣсни и веселый говоръ, увидитъ пляски и одушевленныя собранія беззаботныхъ жителей. Ему представятся поля, когда-то плодородныя, нынѣ обратившіяся въ безплодную степь, кое гдѣ занятую голодными поселянами, но онъ увидитъ, что эти голодные поселяне ласково угостятъ его своимъ кускомъ чорнаго хлѣба и не произнесутъ ни одной жалобы на свою долю или на свое голодное отечество. Наперекоръ всѣмъ своимъ политическимъ взглядамъ, путешественникъ, о которомъ говорили мы, безъ труда убѣдится, что народъ, о которомъ онъ такъ готовился соболѣзновать, вовсе не желаетъ соболѣзнованія и даже способенъ принять его за нѣчто для себя оскорбительное. И тогда-то, можетъ быть, онъ въ первый разъ пойметъ ту крайность, до которой онъ былъ доведенъ своимъ преувеличеннымъ воззрѣніемъ на всеобъемлющее значеніе государства, воззрѣніемъ, къ сожалѣнію, весьма обыкновеннымъ въ наше время поспѣшныхъ выводовъ, и онъ пойметъ, можетъ быть, что самое счастливое (въ политическомъ отношеніи) общество не въ состояніи дать полнаго счастія на частную жизнь каждаго изъ своихъ членовъ, — точно также, какъ общество политически страждущее, никакъ еще не превращаетъ отдѣльныхъ, его составляющихъ личностей, — въ собраніе страдальцевъ, невѣждъ или преступниковъ.

Способность народовъ къ полному, разнообразному и, стало-

Digitized by Google

быть, поэтическому существованію, не только можетъ существовать подъ гнетомъ бѣдствій политическихъ, экономическихъ и общественныхъ, но очень часто, къ изумленію наблюдателя, сживается съ этимъ гнетомъ и выноситъ его до удивительной степени. Массы простого народа, ограниченныя въ своихъ требованіяхъ и не изнѣженныя довольствомъ, по этой части счастливѣе другихъ сословій. Гдѣ образованный классъ вдается въ уныніе, гдѣ поэзія просвѣщенныхъ сословій замолкаетъ или издаетъ скорбные звуки, — простой народъ весьма часто сохраняетъ всю свою веселую бодрость, а поэзія его не представляетъ собою никакихъ слѣдовъ гнета, судьбой посланнаго на все общество. Можетъ ли, напримѣръ, простой народъ въ Англіи, Франціи, Бельгіи, и въ тѣхъ германскихъ государствахъ, которыя находятся подъ хорошимъ управленіемъ, сравниться въ веселости, общительности и поэтическомъ чувствѣ съ простымъ народомъ современной намъ Венеціи, которую, конечно, никто не назоветъ счастливою въ политическомъ отношеніи? Венеція, когда-то такъ знаменитая и богатая, видимо умираетъ Чужеземное владычество, ненавистное ея народу, весьма патріотическому и памятливому о своей былой славѣ, даже не дало ему того, что оно до нѣкоторой степени дало всей Ломбардіи, то есть, нѣкотораго матеріальнаго благосостоянія. Экономическое положеніе Венеціи самое незавидное, торговля ея погибла, народъ бѣденъ, — весь городъ, подобно умирающему человѣку, не живетъ въ своихъ оконечностяхъ, — его жизнь сосредоточилась въ центрѣ, какъ сердцѣ. Но такова живучесть ея народа, такъ щедро одаренъ онъ отъ природы способностью къ жизни, наслажденію и поэзіи, что и до сихъ поръ, по общему сознанію писателей и по частнымъ наблюденіямъ путешественниковъ, этотъ народъ какъ будто справляетъ какой-то постоянный и нескончаемый праздникъ. Закоренѣлый меланхоликъ, побродивши по улицамъ полумертвой Венеціи, почувствуетъ, что у него на сердцѣ стало свѣжѣй и веселѣе. Его поразитъ и заставитъ улыбнуться эта ребяческая веселость мужчинъ и женщинъ, эта веселая болтовня, которая сыплется на всякомъ мѣстѣ, гдѣ сойдутся два или три человѣка, эта рѣзвость въ обращеніи, эта невѣроятная способность на смѣхъ и шутку. Венеціанецъ рѣдко поетъ, онъ лучше любитъ болтать и смѣяться, но и у него есть множество пѣсень, очень поэтическихъ и совершенно не согласныхъ съ его политическимъ положеніемъ. Но пѣснямъ этимъ, изъ которыхъ многія весьма новы, можно подумать, что его вѣчная обязанность состоитъ въ волокитствѣ, катаньѣ по морю при свѣтѣ луны и из-

Digitized by Google

ліяніи пламенныхъ чувствъ къ Нинеттѣ, Джульеттѣ и Маріеттѣ. Чѣмъ же объяснить такое беззаботное направленіе народнаго характера и народной поэзіи? Безчувственной вѣтреностью, результатомъ австрійской политики и австрійскихъ преслѣдованій? Событія опровергаютъ такое заключеніе. Эти загорѣлые, едва одѣтые люди, поющіе про лунный свѣтъ и поминутно перебрасывающіеся шутками, геройски вели себя во время послѣдней осады Венеціи, ходили на вылазки съ Маниномъ и честно сдали свой городъ, не осквернивши его никакимъ преступленіемъ, обычнымъ во времена народнаго владычества. Эти Джульетты и Маріетты, поющія и хохочущія съ утра до вечера, отдавали свои серебряныя серьги и кольца, когда въ городѣ, при концѣ продолжительной осады, не стало денегъ. Эти простолюдины, собирающіеся толпами около всякой лавченки, гдѣ выставлено двѣ-три плохихъ литографіи, какъ нельзя лучше помнятъ про золотой вѣкъ родного города, на перечетъ знаютъ всѣ его палаццо и еще недавно весьма оскорбились тѣмъ, что маркизъ Манфрини продалъ изъ своего дворца нѣсколько картинъ какому-то иностранцу. Ни вѣтренности, ни безчувственности не можетъ быть въ подобномъ народѣ. Онъ веселъ и поэтиченъ оттого, что судьба дала ему много жизни. Онъ слишкомъ живучъ для того, чтобъ осовѣть вслѣдствіе политическихъ бѣдствій Венеціи. Онъ глубоко скорбитъ о несчастіяхъ родного города, но не поглощенъ ими весь, и никогда поглощенъ ими не будетъ. *Il n'en meurt pas*, какъ говоритъ какая-то французская пѣсня. И дѣйствительно, еслибъ народы умирали вслѣдствіе разныхъ несчастій въ мірѣ политическомъ, уже давно на политической аренѣ не было бы ни дѣйствующихъ лицъ, ни даже зрителей.

Пора, однако, покончить съ нашимъ длиннымъ отступленіемъ, и вернуться къ воззрѣнію русскихъ критиковъ на народную поэзію допетровской Руси.

Очень понятно, что журнальные цѣнители, видѣвшіе въ поэзіи этой одинъ голосъ невѣжества, унынія, безнравственности и безнадежности, должны были встрѣтить сильное противодѣйствіе со стороны той литературной партіи, которая съ давнихъ поръ была извѣстна своимъ сочувствіемъ къ старой Россіи. Слишкомъ рѣзкое и холодное обращеніе съ нашей народной поэзіею, подало поводъ къ другой крайности — излишнему ея превознесенію и открытію въ ней, можетъ быть, небывалыхъ достоинствъ. Не скроемъ, однакоже, что противодѣйствіе имѣло свою пользу и свою чрезвычайно разумную сторону: не смотря на свои крайности, оно

Digitized by Google

вело къ той мысли, что въ дѣлѣ оцѣнки памятниковъ народной поэзіи, любовь и симпатія къ ней несравненно плодотворнѣе разъ навсегда принятой холодности. Такъ называемые славянофилы видимо грѣшили, подступая къ иному памятнику старой нашей словесности, какъ къ сокровищу, а между тѣмъ, эта самая симпатія была началомъ многихъ выводовъ и воззрѣній истинно замѣчательныхъ. Памятники допетровской Руси, слишкомъ унижаемые противниками нашей старины, нуждались въ защитникахъ и горячихъ истолкователяхъ; поэзія древней Россіи, непризнаваемая даровитыми людьми, должна была имѣть даровитыхъ адвокатовъ-заступниковъ. Къ сожалѣнію, ея заступники, вслѣдствіе своего поклоненія передъ старниой, не стояли выше того деспотически-историческаго взгляда, который уже сдѣлалъ столько вреда всему вопросу. Ихъ защита созидалась на историческихъ обобщеніяхъ, столько же преувеличенныхъ, какъ и обобщенія ихъ противниковъ. Политическая исторія старой Россіи служила орудіемъ, съ помощью котораго ея поэзію унижали, — таже самая исторія лишь истолкованная въ другомъ смыслѣ, сдѣлалась орудіемъ защиты. Хулители старой нашей поэзіи называли ее голосомъ грубаго, несчастнаго, безправственнаго общества, — заступники той же поэзіи превознесли ее, какъ голосъ общества патріархальнаго, развитаго, обильнаго благотворнѣйшими началами. Ни та, ни другая сторона, не подумала о неполнотѣ историческаго метода оцѣнки, о разграниченіи элементовъ политическаго и неполитическаго. Ни одинъ изъ спорящихся не сказалъ своего слова о томъ, что народная поэзія, нося на себѣ отпечатки разныхъ историческихъ періодовъ, все-таки во многомъ остается проявленіемъ частной жизни народа, вовсе не зависѣвшей отъ событій политическихъ. Вмѣсто такого, весьма естественнаго исхода, споръ принималъ направленіе болѣе и болѣе политическое. По поводу народной поэзіи стали писать уже не о достоинствахъ и недостаткахъ ея, но о недостаткахъ и достоинствахъ допетровской Россіи. Несогласіе становилось все менѣе и менѣе литературнымъ, и, наконецъ, послѣднее обстоятельство повело полемику къ новымъ отклоненіямъ отъ сущности дѣла. Критика новой школы, нападавшая на русскую старину, имѣла въ числѣ своихъ противниковъ не одну почтенную и безукоризненную партію литераторовъ, съ убѣжденіемъ восхищавшихся старой Русью: — въ числѣ ненавистниковъ новой критики имѣлись лица, склонныя къ обскурантизму и враждебныя всякой смѣлой мысли. Такіе-то рыцари поспѣшили увидѣть въ нападкахъ на старую Русь вольнодумство, западничество, зловред-

Digitized by Google

ность, неблагонамѣренность и неуваженіе къ авторитету. Они воспользовались продолжавшимся споромъ и, подъ видомъ заступничества за старую Русь и за ея поэтическіе памятники, повели нападеніе на самые основные принципы новой критики, на ея сочувствіе къ цивилизаціи, на ея любовь къ разумному историческому прогрессу. Такимъ образомъ, споръ усложнялся болѣе и болѣе, отъ эстетики переходя къ исторіи, отъ исторіи къ интересамъ самымъ современнымъ и животрепещущимъ. Съ той минуты, какъ небольшое число друзей обскурантизма, пошло противъ критики сороковыхъ годовъ, главный предметъ полемики былъ выпущенъ изъ вида, и сама полемика, видоизмѣняясь по ходу спора, перешла въ горячія словопрѣнія по поводу современной цивилизаціи и нападеній на эту цивилизацію.

Послѣ всего нами сказаннаго, не трудно измѣрить всю огромность ошибки, въ которую вдался авторъ нами разбираемой книги, при своей оцѣнкѣ старой русской поэзіи. Весь первый отдѣлъ «Очерка», посвященный этой оцѣнкѣ, имѣетъ интересъ хорошей полемической статьи стараго времени, но какъ плодъ спокойнаго мышленія, какъ результатъ современнаго взгляда на предметъ, онъ не можетъ удовлетворить сколько нибудь внимательнаго читателя. Если въ нашей публикѣ еще водятся люди, считающіе поэзію старой Руси чѣмъ-то въ родѣ аркадскихъ пѣснопѣній, — выводы г. Милюкова могутъ разсѣять ихъ заблужденіе, но много ли подобныхъ людей въ нашей публикѣ? Если между русскими писателями находится небольшое число лицъ, благоговѣющихъ передъ неслыханнымъ богатствомъ нашей народной поэзіи, книга г. Милюкова способна противодѣйствовать ихъ заключеніямъ, но кто же изъ насъ, въ настоящее время, благоговѣетъ передъ богатствомъ русской народной поэзіи? Всѣ мы давно знаемъ, что сказанная поэзія далеко отъ богатства и роскоши, всѣ мы вѣримъ, что на ней во многомъ отразилось печальное положеніе стараго русскаго общества, и, вслѣдствіе того, всѣ мы вправѣ требовать отъ историка русской поэзіи иныхъ, болѣе современныхъ выводовъ. Намъ уже нельзя глядѣть на старые памятники съ избитой, исключительно-исторической точки зрѣнія, всѣмъ намъ уже пріѣлись тѣ очень удобныя, но состарѣвшіяся обобщенія, вслѣдствіе которыхъ старая русская муза представляется намъ какой-то безнадежной, грубой страдалицей, испускающей одни тоскливые звуки и только изрѣдка замѣняющей ихъ взрывами буйной веселости, еще болѣе унылыми, чѣмъ ея страдальческій голосъ. Мы вправѣ требовать того, чтобъ цѣнитель нашей народной поэзіи всмотрѣлся въ свой

Digitized by Google

предметъ пристальнѣе и взялъ на себя многотрудную, но благодарную задачу — представить намъ сущность русской поэзіи во всей ея многосторонности. Мы вправѣ ожидать отъ исторіи старой русской литературы не однихъ сужденій о томъ, какъ отразилось на ней историческое и соціальное положеніе русскаго человѣка, но глубокихъ, проницательныхъ взглядовъ на поэтическія стороны этого самаго человѣка, взятаго въ возможной независимости отъ временныхъ перипетій общества. Въ строгомъ смыслѣ слова всѣ народы земного шара бывали въ непривлекательномъ положеніи русскаго народа допетровской эпохи, но необходимая аналогія въ историческомъ развитіи не причинила же однообразія въ поэзіи разныхъ народовъ. Поэтическіе элементы, отъ природы врожденные разнымъ семьямъ человѣческаго общества, и въ жесточайшихъ политическихъ испытаніяхъ хранили же свою своеобразность, свои отличительныя качества, только отчасти подчиняясь гнету внѣшнихъ событій. Изображенія этой-то своеобразности мы и желаемъ видѣть въ спокойной оцѣнкѣ русской поэзіи. Намъ нуженъ не памфлетъ противъ поклонниковъ старой Руси, а добросовѣстное изученіе ея поэтическихъ памятниковъ. Не полемики съ защитниками старины мы требуемъ: мы требуемъ взгляда на безспорно поэтическія стороны стараго русскаго человѣка, безпристрастнаго разсказа о томъ, какъ умѣлъ онъ выражать поэтическимъ словомъ радости, бѣдствія, наслажденія и скорби своей жизни, въ ея самыхъ частныхъ проявленіяхъ. Мы уже переросли время историко-критическихъ обобщеній. Намъ уже не убѣдить (съ помощью одной выписанной русской пѣсни, въ которой есть одинъ только стихъ «*съ этого пива мы всѣ передеремся*»), что въ русскихъ пѣсняхъ «вы найдете только буйную, дикую радость человѣка, который хочетъ забыть вѣчную печаль свою и потопить ее въ грубомъ упоеніи» (Оч. И. Р. П. стр. 31). Мы очень хорошо знаемъ, что вѣчной печали никогда не можетъ быть ни у какого человѣка, тѣмъ болѣе у человѣка простого и мало развитаго,— съ другой стороны, знаемъ и то, что во многихъ русскихъ пѣсняхъ на веселый ладъ нѣтъ ни слова о дракѣ, буйствѣ и дикомъ упоеніи. Мы уже слишкомъ часто читали, напримѣръ, хотя о томъ, что «общественное униженіе женщины породило во всей нашей народной жизни холодность, скуку, безчувствіе и грубость», что «русскій добрый молодецъ, грустный, печальный, въ обществѣ лишенномъ присутствія женщины, привыкъ вымѣщать свое ничтожество на женѣ и на дѣтяхъ» (стр. 30). Намъ до пресыщенія припоминали хороводную пѣсню, въ которой мужъ обѣщаетъ женѣ

Digitized by Google

шелковую плетку, и по этому случаю поспѣшали произносить аксіому о томъ, что въ старой русской поэзіи, женщина вѣчно являлась битою и притѣсненною. Сознавая краснорѣчіе подобныхъ разсужденій и нѣкоторую основательность общаго вывода, мы все-таки не принимаемъ ихъ теперь за нѣчто непреложное. Судя по разуму и закону нашей природы, мы никакъ не вѣримъ, чтобъ цѣлый народъ въ данную эпоху.

«Лупилъ своихъ супругъ и кулакомъ и плетью»,

а обращаясь къ памятникамъ народной поэзіи, мы находимъ въ ихъ числѣ множество пѣсень, исполненныхъ нѣжности, ласковѣйшихъ выраженій, относящихся къ любимой женщинѣ, и другихъ чувствъ, конечно не напоминающихъ собой испанскаго рыцарства, но вовсе не имѣющихъ отношенія къ плеткѣ, кнуту и поломаннымъ ребрамъ. Подобныхъ примѣровъ найдемъ мы множество, а потому-то, на ихъ основаніи, и рѣшаемся сказать историкамъ русской поэзіи: ради Бога, поменѣе обобщеній и поболѣе знакомства съ интимной, частной жизнью стараго русскаго человѣка.

Объ этой интимной и частной сторонѣ предмета г. Милюковъ заботится весьма мало. Разъ остановившись на своемъ историческомъ критеріумѣ и произнеся слова: «невѣжество, угнетеніе, безнадежность, буйство», онъ желаетъ подвести всю старую нашу поэзію подъ одну, не весьма для нея лестную оцѣнку. Общая характеристика эпохи отбиваетъ его отъ всѣхъ попытокъ частнаго изслѣдованія; посреди побѣдоносныхъ и громозвучныхъ обобщеній, нашъ авторъ забываетъ о подробностяхъ дѣла. Для него старая Русь съ ея необъятнымъ пространствомъ, съ ея многосторонними національностями, съ ея безконечно-разнохарактерной частной жизнью — какая-то сплошная масса народа, въ родѣ хорошо обученнаго баталіона. Муза исторіи произноситъ командное слово, и весь баталіонъ маневрируетъ съ поразительною точностью. Внѣ сплошной, компактной массы, о которой мы говоримъ, для нашего автора нѣтъ старой Россіи, въ своей командѣ, ни одно лицо онъ не допускаетъ ни отсталыхъ, ни нестроевыхъ, ни даже застрѣльщиковъ. Русская народная поэзія для него есть нѣчто въ родѣ однообразной бесѣды, въ которой небольшая и подверженная всякимъ горестнымъ испытаніямъ семья повѣствуетъ слушателямъ о своихъ горестяхъ. Такой взглядъ очень удобенъ, объ этомъ нельзя спорить, но онъ нѣсколько рутиненъ, въ томъ тоже нѣтъ никакого сомнѣнія.

Чтобы показать яснѣе, до какихъ крайностей рутина можетъ доводить самыхъ даровитыхъ и добросовѣстныхъ писателей,

Digitized by Google

взглянемъ хотя на то, какъ смотритъ нашъ авторъ на русскую природу и ея слѣдъ въ нашей старой поэзіи. «Въ русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ», говоритъ онъ намъ на страницѣ 26, «вы видите всю обширную и суровую сторону, которая досталась намъ въ удѣлъ, съ ея широкими полями, покрытыми *травою шелковою* и *цвѣтами лазоревыми* (какъ будто бы такая трава и такіе цвѣты были исключительной принадлежностью Россіи!), съ ея дремучими лѣсами, колеблющимися отъ буйнаго вѣтра, съ ея сыпучими снѣгами, подъ которыми виднѣется только черная ель да бѣлая береза, гдѣ весною поетъ *жаворонокъ на проталинкѣ*, лѣтомъ краснѣетъ *калина-малина* и летаютъ *ясный соколъ*, *сизый голубь*, да *лебедь бѣлая*, а зимою все занесено снѣгомъ, и мертвая, печальная тишина прерывается только крикомъ ворона, да свистомъ метели.» Вотъ и все что говоритъ намъ авторъ «Очерка». Яркими красками изображая порабощеніе русской женщины или грубую склонность русскаго молодца къ разгулу, онъ посвящаетъ нѣсколько ничего не значущихъ строкъ, испещренныхъ небольшимъ числомъ старинныхъ словъ, самому важнѣйшему предмету, о которомъ можетъ говорить всякій внимательный цѣнитель народной поэзіи. Условія климатическія и географическія наложили на русскую пѣсню и сказку слѣдъ гораздо болѣе глубокій, нежели слѣдъ войнъ, усобицъ, теремовъ и самаго татарскаго владычества. Долгая зима съ ея холодомъ и праздностью, короткое лѣто съ изнурительными по необходимости работами, просторы полей и лѣсовъ, малое плодородіе почвы, затруднительность сообщеній, отсутствіе большихъ центровъ населенія — вотъ объясненія многихъ особенностей русской поэзіи, ея сродства съ поэзіею другихъ сѣверныхъ народовъ, наконецъ меланхолическаго оттѣнка многихъ ея отголосковъ. Упустивъ изъ вида подобныя объясненія и силясь во всѣхъ проявленіяхъ народной поэзіи отыскивать одинъ политическо-соціальный оттѣнокъ, мы лишаемъ себя крѣпкой путеводной нити по лабиринту, нами изслѣдуемому. Черезъ нѣсколько страницъ послѣ отрывка приведеннаго нами, г. Милюковъ признаетъ присутствіе поэзіи въ пѣсняхъ удалыхъ и казацкихъ, въ пѣсняхъ приволжскаго края, и сообщаетъ намъ, между прочимъ, что въ нихъ виденъ отчаянный, бѣшеный разгулъ человѣка, насильно оторвавшаго себя отъ общества и чуждаго всякихъ понятій о гражданственности... Опять общее мѣсто, опять поспѣшное обобщеніе и опять недостатокъ вниманія къ существу дѣла. Край приволжскій, по своему географическому положенію, играетъ важную роль между областями старой Руси. Волга и ея притоки замѣчательны по

Digitized by Google

своей важности въ торговомъ отношеніи, и населеніе, расположенное около этихъ рѣкъ и стекавшееся къ нимъ во множествѣ, вело жизнь, во многомъ несходную съ жизнью другихъ обитателей Руси. Еслибъ приволжскій край былъ населенъ одними удальцами, для которыхъ нужны только темная ночь и булатный ножъ, эти самые удальцы перемерли бы съ голоду, не находя для себя никакой поживы. Поэзія пѣсень приволжскаго края, кромѣ бѣшенаго разгула и разбойничьихъ элементовъ, носитъ на себѣ много другихъ отпечатковъ, по которымъ можно распознать многія стороны народной жизни, не только стараго времени, но и настоящаго вѣка. Разсмотрѣть эти стороны, разъяснить ихъ вліяніе на поэзію было бы гораздо труднѣе, но гораздо полезнѣе, нежели видѣть въ цѣломъ отдѣлѣ старыхъ памятниковъ одни проявленія буйства и неистовства всякаго рода. Сверхъ того, говоря о пѣсняхъ удалыхъ и казацкихъ, нашъ авторъ упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что не всегда еще сочувствіе народа ко всему буйному и удалому въ поэзіи показываетъ въ немъ отчужденіе отъ понятій гражданственности и интересовъ мирнаго свойства. Простой народъ въ Англіи любитъ и всегда любилъ пѣсни, разсказы, легенды про воровъ и разбойниковъ, въ немъ популярны имена Гуда, Шеннарта, Уайльда, но этотъ самый народъ, какъ мы знаемъ, несклоненъ къ удальству на большихъ дорогахъ, не показываетъ никакихъ признаковъ вражды къ гражданскому порядку. Испанскій простолюдинъ можетъ назваться однимъ изъ честнѣйшихъ созданій въ свѣтѣ, и не смотря на то, онъ любитъ воспѣвать подвиги Хозе-Маріи, или разсказывать молодецкія продѣлки шайки сальтеадоровъ. Очень вѣроятно, что и русскій человѣкъ приволжскаго края любилъ удалыя и разбойничьи пѣсни, ни сколько не желая оторвать себя отъ общества, и не собираясь кончать жизнь на «двухъ столбахъ съ перекладиной». Весьма вѣроятно и то, что весьма многія изъ такихъ пѣсень сложены не разбойниками, а лицами мирныхъ сословій. По этому слѣдуетъ не усиленно искать въ нихъ одного и того же выраженія грубаго удальства, но, подмѣтивъ и истолковавъ это выраженіе, обратиться ко множеству другихъ, независимыхъ отъ него, но поэтическихъ особенностей.

Оканчивая съ отзывами г. Милюкова по поводу старой русской поэзіи, не можемъ не указать еще одного недосмотра. Рѣзко раздѣляя всю нашу поэзію на старую и новую (до Петра и послѣ Петра), считая оба періода поэзіи радикально несходными и не имѣющими ничего общаго между собою, нашъ авторъ, по деспотической рѣзкости взгляда, лишаетъ себя возможности объяснить народную

Digitized by Google

поэзію старой Россіи бытомъ и понятіями простого нашего народа въ современную намъ эпоху. По его убѣжденію, мы такъ измѣнились въ полтораста лѣтъ, что отыскивать въ насъ общія черты съ старыми русскими людьми почти тоже что напрашиваться въ свойство къ какимъ нибудь обитателямъ Нука-Гивы. Взглядъ этотъ можетъ быть справедливъ относительно высшихъ классовъ, но справедливъ ли онъ относительно народа? При перестройкѣ верхняго этажа, фундаментъ зданія не остался ли прежнимъ фундаментомъ? Конечно, простой народъ нашъ обезпеченнѣе, осѣдлѣе, чѣмъ это было въ старину, его интересы близки къ сердцу правительства, но его занятія, забавы, привязанности, условія жизни не тѣже ли самые какъ за нѣсколько сотъ лѣтъ? Условія природы, климата, темперамента остались тѣже и мѣнять ихъ нѣтъ ни возможности, ни надобности. Русскій простолюдинъ, какъ и въ прежнюю пору, по преимуществу земледѣлецъ, а не французскій *ouvrier*, носитъ онъ свое прежнее платье, а не блузу, живетъ посреди той же природы, какъ и до Петра, пашетъ землю такъ же, какъ и въ былое время. Его окружаетъ та самая сфера, изъ которой выработались главные элементы старой народной поэзіи, а потому несомнѣнно то, что для уразумѣнія поэзіи этой, необходимо изучить сферу, ее породившую. Поживите съ простыми русскими людьми внутреннихъ губерній, подалѣе отъ большихъ дорогъ и большихъ центровъ населенія, вы убѣдитесь въ справедливости словъ нашихъ и, можетъ быть, болѣе поймете сущность старой поэзіи, нежели посредствомъ наиглубочайшихъ историческихъ обобщеній. Бытъ русскаго сельскаго населенія въ нашу пору дастъ вамъ отвѣтъ на вопросы самые тонкіе и эстетическіе, въ области изслѣдованій нашихъ. Вы поймете безъ труда, что русскій крестьянинъ точно тотъ же, какимъ онъ былъ задолго до нашего времени, когда слагались самыя характеристическія изъ русскихъ пѣсень и сказокъ: блистательный примѣръ Кольцова въ нашей литературѣ это вполнѣ подтверждаетъ. Поэтъ народный и родившійся посреди народа, Кольцовъ, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, родной братъ русскимъ людямъ древняго времени, сложившимъ лучшія наши пѣсни. Поэзія Кольцова столько же подходитъ къ нашему столѣтію, какъ къ вѣкамъ давно прошедшимъ. Въ ней есть все то, чѣмъ прежде отличался простой русскій человѣкъ, и чѣмъ живетъ онъ до сего времени. Взглядъ на природу тотъ самый, какъ въ старыхъ пѣсняхъ, безъ амплификацій и ученой глубины. Интересы въ ней самые древніе и всегда живые — трудная работа, радость объ урожаѣ, горячая любовь къ красной дѣвицѣ, раз-

Digitized by Google

лука съ милою, борьба съ житейскими неудачами, періоды разгула и тяжелаго раздумья. Безъ головоломныхъ работъ и изслѣдованій, Кольцовъ возсоздалъ намъ простую русскую жизнь, такою, какъ она была встарь, такою, какова и нынѣ. Онъ жилъ съ народомъ и передалъ намъ его поэзію въ совершенствѣ. Никогда не изучая русской старины, онъ во всемъ вѣренъ ея духу, именно оттого, что сфера, имъ разработанная, имѣетъ такъ много общихъ сторонъ съ старой русской жизнью. Отчего же примѣръ Кольцова въ области поэзіи, не можетъ открыть глаза нашимъ критикамъ и историкамъ литературы?

Авторъ разбираемой нами книги, по врожденной ему зоркости, хорошо понялъ, что поэзія Кольцова служитъ какъ бы постояннымъ протестомъ противъ его выводовъ о старой русской поэзіи и особенности ея сродствѣ съ поэзіей новою. Нашъ авторъ только что покончилъ съ допетровской Россіей, только что призналъ всю ея поэзію «совершенно ненужною для исторіи поэзіи новой», — и вдругъ передъ нимъ оказался писатель высочайшаго таланта, каждой своей строкою напоминающій намъ трогательнѣйшія и прекраснѣйшія изъ русскихъ пѣсень! Откуда могъ взяться этотъ поэтъ-феноменъ, въ довершеніе всего, превосходно принятый читателемъ, по достоинству оцѣненный критиками, самыми нерасположенными къ поэзіи старой Россіи? Признать Кольцова плодомъ новаго времени, подвести его подъ разрядъ поэтовъ, *подражательнаго* направленія не было возможности, такъ же мало подходилъ онъ къ поэтамъ, самобытно-сатирическимъ. Всего удобнѣе было бы признать его поддѣлывателемъ въ родѣ Макферсона, но авторъ «Очерка» для этого слишкомъ добросовѣстенъ и слишкомъ хорошо понимаетъ поэзію. Зная эти достоинства, мы съ особеннымъ любопытствомъ перечитали оцѣнку Кольцова около конца всего сочиненія. Оцѣнка эта, обиліемъ курсивнаго шрифта и фразъ, взятыхъ изъ Кольцовскихъ пѣсень, совершенно напомнила намъ характеристику старыхъ русскихъ пѣсень въ первой части «Очерка». Послѣ похвалъ, вполнѣ заслуженныхъ поэтомъ, г. Милюковъ сообщаетъ намъ, что конечно, въ пѣсняхъ Кольцова «есть общее съ нашими народными пѣснями, и въ тоже время между ними неизмѣримая разница». Въ старой поэзіи, продолжаетъ онъ, лепетъ младенчества, — въ поэзіи Кольцова — сознательное чувство и *голосъ ясной идеи*. Въ тѣхъ и другихъ пѣсняхъ *мы видимъ одинъ міръ*, но между ними такая же разница, какъ между суздальской лубочной картиной невѣжды-самоучки и прекрасной гравюрой, вырѣзанною мастерской рукою художника!!...

Digitized by Google

Въ этихъ и другихъ пѣснях мы видимъ одинъ міръ.... такъ для чего же вы насъ увѣряли, что между міромъ старой русской поэзіи и міромъ поэзіи новой нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго?

Обратимся теперь ко второй части книги, то-есть къ исторіи русской поэзіи, со временъ петровской реформы.

Преувеличенное поклоненіе г. Милюкова передъ сатирическимъ элементомъ новой русской словесности, уже указанное не однимъ изъ нашихъ журналовъ, налагаетъ свою печать на всю вторую половину труда и служитъ новымъ доказательствомъ роковой ошибки, наложившей свой слѣдъ на весь Очеркъ исторіи русской поэзіи. Разсматривая исторію русской литературы, отъ временъ Ломоносова и Кантеміра до Пушкина и Гоголя, нашъ авторъ говоритъ языкомъ старыхъ нашихъ журналовъ, приводитъ идеи и заключенія временныя, *журнальныя*, почти памфлетическія. Сказанныя идеи и заключенія были совершенно объяснимы въ свое время, посреди спора, въ горячихъ журнальныхъ статьяхъ, но въ настоящую минуту (просимъ извиненія за *вульгарность* метафоры), онѣ напоминаютъ собой бутылку шампанскаго, до половины выпитую и простоявшую на столѣ нѣсколько часовъ безъ употребленія. Чтобъ уразумѣть доводы автора, нужно вернуться за десять лѣтъ назадъ, когда, напримѣръ, указаніе взятокъ и служебныхъ злоупотребленій считалось дѣломъ новымъ и смѣлымъ, когда въ литературѣ нашей едва лишь поднятъ былъ голосъ сочувствія ея бѣдному Акакію Акакіевичу, или тонъ упрека на разную житейскую неправду. За десять лѣтъ назадъ, наша журнальная критика имѣла своею политикою восхищаться слабымъ сатирическимъ элементомъ русской поэзіи; поступая такимъ образомъ она хорошо знала, что вдавалась въ преувеличеніе, но преувеличеніе было законно, ибо служило законнымъ протестомъ противъ грѣховъ и недостатковъ общества. Въ періодѣ равнодушія, самодовольства и самовосхваленія всякое слово объ общественныхъ ранахъ, всякая усмѣшка сквозь слезы, имѣла свой смыслъ и свое временное значеніе, но строить на этомъ значеніи все зданіе новой русской поэзіи, въ наше время, уже не приходится. Въ наше время всякій ребенокъ знаетъ, что міръ поэзіи и міръ гражданской дѣятельности, вполнѣ независимы одинъ отъ другаго, — что поэзія, во время застоя общественнаго, можетъ быть общественнымъ побудителемъ и двигателемъ, — но что ни какой законъ не удержитъ ее въ области однихъ насущныхъ-интересовъ житейскихъ, чуть для этихъ интересовъ будетъ открыто широкое поле въ государствѣ.

Digitized by Google

Въ наше благотворное время практической дѣятельности нельзя раздавать поэтическихъ лавровъ за изображеніе исправника, берущаго взятки, или помѣщика, во зло употребляющаго свое помѣщичье право. Смутныя стремленія, рыцарскія желанія стараго времени, нынѣ переходятъ въ область событій ежедневныхъ, и это самое обстоятельство полагаетъ имъ предѣлъ въ области искусства. И новая публика, и новая критика теперь смѣются надъ *изобличительными* повѣстями подражателей Щедрина, а еще весьма не далеко отъ насъ то время когда одна фраза, «изобличеніе общественныхъ недостатковъ», была фразой почтенною и наводившею читателя на плодотворныя мысли.

Сатирическій элементъ русской литературы, повергающій въ такое восхищеніе г. Милюкова вовсе не составляетъ особливой принадлежности русской поэзіи. Онъ проявляется во всякой словесности и особенно процвѣтаетъ въ тѣхъ обществахъ, которыя еще не дозрѣли до серьезнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ въ области наукъ и политической дѣятельности. Въ странахъ, не имѣющихъ гласности, не приготовленныхъ къ широкой гражданской дѣятельности, поэзія весьма часто замѣняетъ собою и трибуну, и общественное поученіе; такъ оно было во всей Европѣ, такъ оно было и у насъ въ Россіи. Какъ ни почтенны сатиры Кантеміра, какъ ни поучительны остроумныя нападенія Фонъ-Визина на старое русское невѣжество,—и Франція, и Германія, и Англія прежняго времени могутъ выставить множество сатирическихъ сочиненій гораздо высшаго достоинства. Средніе вѣка и вѣкъ возрожденія, (а вовсе не времена упадка, какъ говоритъ авторъ «Очерка»), были богаты такими твореніями: подтвержденіе словъ нашихъ читатель найдетъ въ собраніи старыхъ англійскихъ стихотвореній епископа Перси, въ знаменитой сказкѣ «Рейнеке-Фуксъ», въ произведеніяхъ Ульриха Фонъ-Гуттена, въ фарсѣ «Avocat Patelin», наконецъ, въ безсмертнѣйшемъ и смѣлѣйшемъ созданіи Рабле, именно «Пантагрюэлѣ». Не говоримъ о временахъ позднѣйшихъ, объ эпохѣ кардинала Мазарини и цѣлой литературѣ сатирическихъ куплетовъ во времена госпожи Помпадуръ, о сатирахъ Драйдена, о язвительныхъ произведеніяхъ Свифта, нынѣ забытыхъ, но писанныхъ уже въ то время, когда Англія имѣла и трибуну, и публицистовъ, и гласность; и ученыя сочиненія о гражданскихъ дѣлахъ. Вездѣ сатира была въ чести, и представлять изъ нее какую-то родовую монополію русскихъ писателей, можетъ назваться предразсудкомъ весьма страннымъ. Г. Милюковъ вдался въ этотъ предразсудокъ со всей горячностью и восторженностью сектатора. Луч-

Digitized by Google

шіе критики сороковыхъ годовъ, скажетъ онъ намъ, ранѣе меня превозносили сатирическій элементъ русской поэзіи. До нѣкоторой степени мы можемъ принять такое оправданіе: точно, критики сороковыхъ годовъ дѣйствительно благоговѣли передъ сатирою, юморомъ, указаніемъ общественныхъ ранъ, смѣхомъ сквозь слезы. И они были совершенно правы, — правы точно также, какъ неправъ г. Милюковъ, рукуводясь ихъ идеями. Они писали за пятнадцать лѣтъ назадъ и писали въ журналахъ. Онъ пишетъ въ наше время и пишетъ не журнальную статью, а спокойный очеркъ русской поэзіи. Они только прикрывались пристрастіемъ къ сатирѣ для того, чтобъ съ большей легкостью указывать современному обществу его недостатки; подобной цѣли г. Милюковъ имѣть не можетъ, ибо въ его книгѣ рѣчь идетъ не о недостаткахъ современнаго общества, а объ исторіи русской поэзіи. Всякій журналъ, даже въ періодъ полной гласности, имѣетъ право, по поводу вопросовъ литературныхъ, касаться интересовъ современныхъ и едва-едва связанныхъ съ литературой,—но въ трудѣ спокойномъ и научномъ этого не должно быть, иначе вся литература, вмѣсто ученыхъ сочиненій, наводнится памфлетами.

Критика сороковыхъ годовъ, и Бѣлинскій во главѣ ихъ, лучше насъ знали, что, увлекаясь сатирическимъ, а впослѣдствіи дидактическимъ элементомъ новой русской словесности, они, нѣкоторымъ образомъ, насилуютъ законы искусства и идутъ на перекоръ эстетическимъ теоріямъ, ими же не одинъ разъ высказаннымъ. Сожалѣя о крайностяхъ, произошедшихъ отъ такого увлеченія, мы все-таки видимъ его необходимую и временнозаконную сторону. Эта сторона создалась вслѣдствіе положенія литературы и общества, вслѣдствіе того обстоятельства, что за двадцать и пятнадцать лѣтъ назадъ изящная литература, и *только одна изящная литература*, была посредницей между молодымъ русскимъ обществомъ и первыми русскими мыслителями. За пятнадцать и двадцать лѣтъ назадъ наше общество было черезчуръ щекотливо, а наша наука отчасти не имѣла должной крѣпости, отчасти была связана многоразличными препятствіями. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, не существовало серьёзнаго обсужденія вопросовъ, относящихся къ гражданскому нашему благосостоянію. Ни экономистъ, ни администраторъ, ни практическій хозяинъ тогда не могъ говорить съ публикою объ интересахъ, ихъ занимающихъ, да и публика не имѣла нужной терпимости на то, чтобъ спокойно внимать его рѣчи. Читатель стараго времени приходилъ въ азартъ, если въ печати представляли неправосуднаго чиновника, дурного

Digitized by Google

помѣщика, грубаго воина и такъ далѣе — слушать же серьёзнаго голоса по поводу улучшеній въ администраціи, помѣщичьихъ дѣлахъ или военной службѣ, онъ не сталъ бы, не оскорбившись смѣлостью непризванныхъ наставниковъ. Обскурантизмъ, всегда сильный въ обществѣ молодомъ и незрѣломъ, простиралъ свое вліяніе на словесность, и бороться съ нимъ слѣдовало всякому человѣку, желающему блага своей родинѣ. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ наши первые критики на время отодвинули въ сторону вопросы чисто-эстетическіе и взялись за дѣло временнаго поученія. Не мудрено, что они съ особенной горячностью ухватились за сатирическій элементъ русской словесности, какъ за орудіе истиннаго прогресса. Ихъ арена была крайне ограничена, ихъ тоже стѣсняла взыскальная щекотливость читателя, не говоря уже о многихъ другихъ препятствіяхъ. Только по поводу сатирическаго направленія и писателей съ сатирическимъ или юмористическимъ дарованіемъ, они могли говорить свое пылкое слово о предметахъ, касающихся общества, его недостатковъ и его смутныхъ стремленій къ усовершенствованію. Обскуранты, чувствуя это, оттого такъ и злились на писателей-сатириковъ, оттого они такъ ненавидѣли Гоголя, оттого они (какъ краснорѣчиво и благородно сказалъ г. Погодинъ) осмѣливались представлять творца «Мертвыхъ Душъ» человѣкомъ неблагонамѣреннымъ и преступнымъ въ политическомъ отношеніи. Въ преувеличеніи значенія русской сатиры таилась своего рода необходимость. И Бѣлинскій и друзья его весьма понимали, что юморъ тысячи Гоголей не пересоздастъ русскаго общества, что Гоголь силенъ какъ поэтъ, не какъ современный мудрецъ, — но восхищаясь его сатирой, всюду выставляя ее на первый планъ, они видѣли возможность, съ одной стороны, поражать обскурантизмъ, а съ другой наводить читателя на плодотворныя мысли. Еще надобно дивиться тому, какъ, при такомъ ожесточенномъ противодѣйствіи враговъ сатирическаго направленія, споръ не увлекъ нашихъ критиковъ въ вопіющую крайность, не расхолодилъ ихъ совершенно къ вопросамъ чистой и независимой поэзіи. Они, дѣйствительно, увлекались дидактикой, бывали пристрастны къ писателямъ, платившимъ дань сатирѣ и временному поученію, но тутъ и останавливалась ихъ симпатія: рѣдко и весьма рѣдко нападали они на вѣковые законы искусства. Эта умѣренность тѣмъ замѣчательнѣе, что современная европейская литература представляла нѣсколько разительныхъ примѣровъ противнаго; вспомнимъ хотя объ ожесточеніи, съ которымъ нѣмецкіе критики тридцатыхъ и сороко-

Digitized by Google

выхъ годовъ увлекались своими соотечественниками, новыми дидактическими поэтами. Еще весьма недалеко отъ насъ время, въ которое Гервинусъ и другіе очень даровитые люди, ослѣпленные политическими соображеніями, говорили, что поэзія есть произведеніе младенчествующихъ обществъ и что въ нашъ вѣкъ надобно заниматься чѣмъ нибудь болѣе разумнымъ и сообразнымъ съ насущными интересами общества. Наша русская критика, конечно, заплатила дань чужеземнымъ авторитетамъ, но она не отдалась имъ въ рабство и не пошла наперекоръ требованіямъ здраваго смысла. Въ самую пору сильнѣйшей борьбы, отстаивая сатирическій элементъ русской словесности, анализируя и преувеличивая заслуги первыхъ нашихъ юмористовъ, эта самая критика отдавала справедливость дѣятелямъ, не увлекавшимся сатирой. Гоголь и новѣйшіе послѣдователи Гоголя въ ея глазахъ не вредили заслугамъ Пушкина и послѣдователей Пушкина. Ей и въ мысль не приходило ставить сатиру, юморъ, дидактизмъ, «указаніе общественныхъ ранъ» непремѣннымъ условіемъ русской поэзіи. Вслѣдствіе журнальныхъ условій политической горячности и противодѣйствія обскурантамъ, наша критика, точно, слишкомъ щедрой рукою раздавала вѣнки писателямъ новаго направленія, но мы не помнимъ, чтобъ она гдѣ нибудь назвала это направленіе непреложно-истиннымъ, и осудила всѣхъ новѣйшихъ дѣятелей на ту роль королевскаго прокурора и, пожалуй, доносчика, про которую мы говорили выше.

Возвеличить сатиру во вредъ всѣмъ видамъ поэзіи и поставить новѣйшую русскую музу на облакахъ всего, что только не согласовалось съ ея временными особенностями, по нашему мнѣнію, значитъ бросать тѣнь на имя Бѣлинскаго и его товарищей, а не развивать идеи, ими высказанныя.

Намъ весьма грустно признаться, что авторъ «Очерка исторіи русской поэзіи» именно бросаетъ тѣнь на имена тѣхъ дѣятелей, которые принесли наибольшую пользу русской критикѣ. Со своимъ преувеличеннымъ сочувствіемъ къ сатирическому элементу онъ не только воскрешаетъ и освѣжаетъ въ памяти все, что было ими сказано въ торопяхъ, въ жару спора и въ минуты увлеченія, ими же сознаннаго впослѣдствіи, но онъ ведетъ дѣло дальше, и на основаніи временныхъ, полемическихъ выходокъ строитъ главные свои выводы по поводу современной поэзіи. Онъ чтитъ и любитъ названныхъ критиковъ, но любовь его, не очищенная спокойнымъ воззрѣніемъ, мало имъ приноситъ пользы. Въ частной жизни очень хорошо любить всей душою какого нибудь мудраго

Digitized by Google

и благороднаго человѣка, руководиться его взглядами, дорожить каждымъ его словомъ, хотя торопливымъ и, можетъ быть, ошибочнымъ, но въ наукѣ такого поклоненія не допускается. Истинно любящій ученикъ можетъ на минуту увлечься живымъ словомъ своего учителя, въ душѣ своей взлелѣять даже его прихоти и преувеличенія, но чуть пройдетъ часъ бесѣды, чуть наступитъ время спокойнаго сознанія, онъ поспѣшитъ отдѣлить вѣчное отъ временнаго, а случайное отъ непреложнаго. Рѣдкій человѣкъ, изъ числа занимающихся русской литературой, читая въ наше время труды русскихъ критиковъ, не съумѣетъ отличить въ нихъ стороны журнальной, памфлетической, случайной и преходящей. Нигдѣ эта сторона не сказывается такъ ярко, какъ въ ихъ воззрѣніяхъ на сатирическій элементъ новой поэзіи и его значеніе. Чтобъ ее не видѣть, надобно закрыть глаза, сдѣлать то самое, что сдѣлалъ г. Милюковъ въ своей книгѣ. Пробѣгая отзывъ нашего автора о бо́льшей части новыхъ писателей, можно подумать, что мы живемъ въ ту эпоху, когда Гоголя надо было защищать отъ обвиненій въ злоумышленности и когда сочинитель повѣстей, основавши свой новый разсказецъ на плутняхъ какого нибудь стряпчаго считалъ себя просвѣтителемъ общества, исцѣлителемъ его страданій.

Предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ указать всѣхъ крайностей, въ которыя вовлеченъ нашъ авторъ своимъ поклоненіемъ сатирическому элементу русской поэзіи и опровергнуть ихъ во всей подробности. Книга читается такъ легко, что читатель самъ увидитъ ея слабыя стороны; что до опроверженія, то смѣемъ думать, что наша современная жизнь и наша современная литература въ этомъ случаѣ лучше всѣхъ ученыхъ доводовъ. Общество, вступившее на такую широкую стезю плодотворныхъ реформъ,— словесность, оживленная гласностью и серьёзнымъ обсужденіемъ важныхъ вопросовъ, полагаютъ естественный предѣлъ сатирѣ и возвращаютъ поэзіи всю ея независимость отъ интересовъ случайныхъ. Едва нѣсколько шаговъ сдѣлало наше отечество на пути гласности и могучихъ гражданскихъ интересовъ, а уже сатира, временно имѣвшая въ немъ преувеличенное значеніе, мирно вошла въ свои границы, стала поэтической частностью, и только. Уже мы не имѣемъ надобности преобразовывать общество «съ помощью весьма посредственной литературы, которую вы называете бельлетристикой (какъ сказалъ Гоголь въ письмѣ къ Бѣлинскому), общество на столько созрѣло, что отъ бельлетристики и поэзіи ждетъ однихъ умственныхъ наслажденій, интересы же свои пре-

Digitized by Google

доставило людямъ науки и просвѣщеннымъ администраторамъ. Поверхностныя и патетическія указанія на «общественныя язвы» не имѣютъ цѣли тамъ, гдѣ уже можно серьезно писать объ этихъ язвахъ и гдѣ само общество заботится объ ихъ врачеваніи. Безполезно и смѣшно воспѣвать въ прозѣ плутни становыхъ приставовъ тамъ, гдѣ всякій имѣетъ право подходить къ административному вопросу со статьей, серьезно научной, забавно сочинять сантиментальныя повѣсти о печаляхъ бѣднаго мужика, въ то время, когда вопросъ объ устройствѣ сельскаго населенія занимаетъ собой всѣхъ мыслящихъ и практическихъ людей въ Россіи. Сантиментальное и сатирическое слово, когда-то почтенное (какъ выраженіе недовольства при злоупотребленіяхъ и потребности преобразованія) должно смолкнуть и умалиться передъ *дѣломъ*, побасенки, хотя бы и очень мѣткія, не нужны тамъ, гдѣ раздается голосъ науки. Сатирикамъ, а особенно сатирикамъ безъ призванія, теперь нечего и помышлять объ общественномъ значеніи. Ихъ родной элементъ, въ которомъ г. Милюковъ видитъ необходимое слѣдствіе реформы Петра, борьбу ума съ невѣжествомъ, основную характеристику всей русской поэзіи, теперь повторяетъ зады и краситъ собой лѣтнія книжки журналовъ, впредь до неминуемаго и весьма скораго изгнанія даже изъ лѣтнихъ книжекъ. Поэзія совершенно свободна и русскій поэтъ наконецъ избавленъ онъ роли доносчика, если онъ къ ней не имѣетъ особливаго призванія. За что же вы будете его насильно увлекать къ этой роли? Ему не зачѣмъ указывать общественныхъ ранъ, ихъ и такъ никто не скрываетъ, для ранъ этихъ нужны уже врачи, а не указатели.

Чтобъ еще болѣе уразумѣть невозможность сатирическаго элемента, какъ непреложнаго и постояннаго спутника русской поэзіи, достаточно только перенестись воображеніемъ за нѣсколько лѣтъ впередъ, предполагая (въ чемъ невозможно сомнѣваться), что наше общество не сойдетъ съ утѣшительной стези, по которой теперь движется. Въ настоящее время, вслѣдствіе нашей незрѣлости, щекотливости читателя и другихъ подобныхъ причинъ, общественная жизнь въ Россіи представляетъ еще нѣсколько пунктовъ, не тронутыхъ сатирою. До сихъ поръ, первые изъ нашихъ юмористовъ или сатириковъ въ безсиліи останавливались передъ грѣшками высшаго общества, передъ недостатками лицъ и корпорацій сильныхъ и не очень снисходительныхъ къ указанію ихъ пороковъ. Но время сгладитъ и эту нетерпимость, сатирическій элементъ возьметъ свою дань съ областей, остававшихся нетронутыми, и даже въ этихъ областяхъ перестанетъ быть новостью. Жало про-

Digitized by Google

нін притупится вслѣдствіе частаго и безпрепятственнаго употребленія, притупится совершенно также, какъ притупилось оно въ словесности другихъ образованныхъ народовъ Европы. А тогда— въ какую же сторону устремится сатира, которой нашъ авторъ предоставляетъ такую исключительную роль въ русской поэзіи? Чѣмъ поддержитъ она огромныя права, ей предоставленныя, какимъ способомъ поддержитъ она то преобладаніе надъ всѣми другими родами поэзіи, преобладаніе, котораго она никогда не имѣла и имѣть не можетъ? Во всѣхъ общественныхъ вопросахъ голосъ сатиры будетъ покрытъ голосомъ науки и практическихъ мыслителей. Соперничества въ этомъ отношеніи поддерживать нельзя, и сатиръ, стало быть, останется одно изъ двухъ — или медленно влачиться по пути, уже изслѣдованному во всѣхъ направленіяхъ, или (что несравненно благоразумнѣе), распростившись съ претензіями на общественное значеніе, занять скромное, но никѣмъ у нея неоспариваемое мѣсто, въ ряду другихъ элементовъ, изъ которыхъ слагается наша литература.

Защитники взглядовъ г. Милюкова могутъ намъ сдѣлать одно весьма уважительное возраженіе: «Мы допускаемъ», скажутъ они намъ, «что въ настоящую эпоху сатирическій элементъ поэзіи отчасти потерялъ свое великое значеніе и еще болѣе потеряетъ его со временемъ. Но этотъ элементъ живилъ и характеризовалъ собою цѣлое столѣтіе русской словесности. Не ему ли обязаны мы тѣмъ, что литература наша, какъ голосъ просвѣщенной части общества, вела войну съ общественными пороками и наконецъ, одержала побѣду. Не онъ ли былъ первою ступенью къ усовершенствованіямъ, всякаго рода плодотворнымъ посѣвомъ, котораго результатъ начинаетъ оказываться въ наше время? Очень вѣроятно, что съ развитіемъ просвѣщенія, гласности и такъ далѣе, значеніе сатиры въ нашей словесности уменьшится еще болѣе, и самый сатирическій элементъ замѣнится другимъ, — но означенное явленіе еще въ будущемъ,—а будущаго угадывать мы не будемъ. Довольно и того, что мы высказали и разъяснили все значеніе сатирическаго элемента поэзіи до нашего времени и въ наше время.»

Противъ такого отзыва слѣдовало бы говорить очень много, но трудъ нашъ уже облегченъ новѣйшей журнальной критикой. Въ «Современникѣ», котораго, конечно, никто не упрекнетъ въ недостаткѣ сочувствія къ сатирическому элементу поэзіи, уже высказано нѣсколько дѣльныхъ мыслей о преувеличеніи значенія сатиры въ нашей словесности. Лицамъ, которыя въ наше время еще

Digitized by Google

способны думать, что общество наше чрезмѣрно обязано русскимъ сатирикамъ и юмористамъ, — мы совѣтуемъ прочесть указанную рецензію, — въ ней найдутъ они спокойное и безпристрастное опроверженіе преувеличеній, къ которымъ насъ на этотъ счетъ пріучили. Тутъ они могутъ увидѣть, что сатира въ нашей поэзіи, такъ восхваляемая и признаваемая сильнымъ общественнымъ двигателямъ, на самомъ дѣлѣ была довольно кротка, довольно односторонняя и довольно безплодна. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и она, въ соединеніи съ другими добрыми началами русской литературы, не прошла безъ всякой пользы для общества, но видѣть въ ней какое-то особенное, могучее орудіе прогресса, и признавать ее такимъ орудіемъ, преимущественно предъ всѣми другими элементами словесности, — есть заблужденіе, результатъ преувеличенныхъ оцѣнокъ и заранѣе изготовленной теоріи. Мы вполнѣ увѣрены, что наше общество не мало обязано русскимъ писателямъ, старымъ и новымъ, но кто далъ намъ право, говоря объ этихъ писателяхъ, ставить юмористовъ и сатириковъ въ отдѣльную группу, по преимуществу полезную и выражающую сущность русскаго духа? Допустимъ, что эта группа людей имѣла самые высокіе помыслы, что она занималась указываніемъ нашихъ общественныхъ язвъ, выражала вражду образованія съ началами старой жизни, но развѣ для просвѣщенія общества нужно одно указаніе общественныхъ язвъ и вражды съ старинною? Развѣ иронія, юморъ, изобличеніе пороковъ, одни могутъ назваться орудіями общественнаго прогресса? Развѣ поэзія высокихъ мыслей, идеальныхъ стремленій души и сіяющихъ художественныхъ образовъ играетъ второстепенную роль въ дѣлѣ образованія? Если оно такъ, то намъ слѣдуетъ свести Гомера, Шекспира, Гёте, Шиллера, Данта съ ихъ пьедесталовъ, а признать вождями человѣчества Рабле, Свифта, Ювенала. Если мы допустимъ, что сатира, по величію и значенію своему, превышаетъ всѣ остальные элементы поэзіи, то всѣ наши понятія о дѣлѣ добра и просвѣщенія совершенно извратятся. Поэзія чистая, восторженная и всеобъемлющая станетъ праздною шуткою, забавою изнѣженныхъ лакомокъ и ничѣмъ болѣе. Ея значеніе, какъ истолкователынцы дѣлъ житейскихъ, какъ наставницѣ поколѣній, какъ стихіи, очищающей и возвышающей душу — совершенно померкнетъ передъ самой сухой, но благонамѣренной дидактикой. Примѣняя такой взглядъ къ оцѣнкамъ той или другой изъ новыхъ литературъ, мы можемъ дойти и непремѣнно дойдемъ до самыхъ вопіющихъ крайностей. Примѣняя его къ русскимъ писателямъ, мы увидимъ себя въ не-

Digitized by Google

обходимости поставить ябеду Капниста выше поэмъ Пушкина и признать сатиры Сумарокова гораздо полезнѣйшими, нежели все, что когда либо было написано Карамзинымъ, Батюшковымъ и Жуковскимъ. Слабыя заслуги Лермонтова померкнутъ передъ повѣстями г. Печерскаго, и разсказы г. Селиванова, обильные указаніями нашихъ общественныхъ язвъ, отодвинутъ на второй планъ половину лучшихъ повѣстей Гоголя: «Тараса Бульбу», «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Вія», «Майскую Ночь» и такъ далѣе.

При всей своей добросовѣстности, при всемъ своемъ пониманіи поэтическихъ сторонъ каждаго дѣятеля, г. Милюковъ не уберегъ себя отъ крайности въ оцѣнкахъ новыхъ русскихъ писателей. Иначе не могло быть: отправляясь отъ ложнаго пункта, онъ долженъ былъ заблудиться на дорогѣ. Признавши въ сатирическомъ элементѣ русской поэзіи особенное и исключительное орудіе общественнаго прогресса, онъ, этимъ самымъ заключеніемъ, осудилъ себя къ неправильнымъ взглядамъ на всѣ другіе элементѣ поэзіи нашей. Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ, что у насъ въ Россіи сатира имѣетъ иное значеніе, чѣмъ у другихъ народовъ, что цѣль ея — уничтоженіе остатковъ варварства въ нашемъ отечествѣ, что въ сатирическомъ направленіи нашей поэзіи, живетъ духъ и идея великаго преобразователя Россіи, то какъ же придется намъ смотрѣть на многочисленную семью поэтовъ, несклонныхъ къ указанію общественныхъ язвъ и разработывающихъ одну обширную область красоты, добра и возвышенныхъ явленій духа? Эта семья тотчасъ же представится намъ какою-то странною семьею обскурантовъ, эгоистовъ, болтуновъ, старовѣровъ. Но здравый смыслъ не допускаетъ такого приговора, мѣшаетъ намъ признать чистѣйшихъ и безукоризненныхъ двигателей словесности дурными дѣтьми своего отечества. Между положительною нелѣпостью и полнымъ сознаніемъ этой нелѣпости остается одинъ путь: безцвѣтность отзывовъ. Авторъ «Очерка» увлекся преувеличеніемъ, увидѣлъ нелѣпость, до которой почти довело его это преувеличеніе, но все-таки не имѣлъ довольно рѣшимости на то, чтобы произнести судъ надъ своей теоріей. Оттого всѣ его отзывы о поэтахъ не сатирическаго направленія лишены жизни, исполнены всякаго рода противорѣчій. Часть этихъ неловкихъ отзывовъ уже указана въ началѣ статьи нашей, въ настоящую же минуту мы, по недостатку времени, можемъ указать только на самый темный и вмѣстѣ съ тѣмъ, самый многорѣчивый изъ нихъ, именно на отзывъ о значеніи Пушкина.

«Судьба Пушкина, говоритъ намъ авторъ «Очерка» (по необ-

Digitized by Google

ходимости мы сокращаемъ страницы, нами приводимыя), составляетъ поучительную страницу въ исторіи нашей поэзіи. Первые его труды, еще молодые и незрѣлые, возбуждали энтузіазмъ, до тѣхъ поръ неизвѣстный. Потомъ, когда геній Пушкина возмужалъ, когда его произведенія явились самобытно-оригинальными, — публика принимала ихъ почти равнодушно и безъ участія *). Что же было причиной такого страннаго явленія? Поэтъ ли опередилъ свой вѣкъ и ушолъ отъ толпы, или общество ушло отъ него впередъ съ своими идеями и потребностями? Пушкинъ, въ началѣ своего поприща, явился представителемъ общественныхъ идей и потребностей **), хотя не столько по глубокому убѣжденію, сколько по временному увлеченію и юношеской пылкости. Въ нихъ общество видѣло гражданина, который гремитъ голосомъ истины и добра, караетъ порокъ и невѣжество, проповѣдуетъ противъ насилія и холодной неподвижности. Тогда явились «Андрей Шенье», «Лицинію», «Демонъ» ***) и другія пьесы, въ которыхъ личность поэта была отраженіемъ идей, начинавшихъ возникать въ обществѣ. Но противодѣйствіе, встрѣченное поэтомъ на пути великаго призванія, невозможность осуществленія его пылкихъ мечтаній и думъ поразили его на первомъ шагу холодомъ безсилія. Послѣ долгой борьбы, утомленный ею, сознавъ свое безсиліе противъ судьбы, поэтъ отказался совсѣмъ отъ пророческаго призванія. Озлобленный неудачами и противодѣйствіемъ, *не имѣя силъ бороться съ ними по непрочности убѣжденій*, Пушкинъ уединился въ область одного искусства, предался однимъ наслажденіямъ поэзіи и вознегодовалъ на людей. Не вѣря болѣе божественному голосу, призывавшему его на служеніе обществу, Пушкинъ сказалъ съ горечью и презрѣніемъ:

---

*) Чтобы соблюсти должную послѣдовательность въ подробностяхъ, будемъ указывать слабыя стороны выводовъ г. Милюкова по мѣрѣ ихъ появленія. На какихъ данныхъ основываетъ нашъ авторъ охлажденіе публики къ Пушкину? Чѣмъ оно можетъ быть доказано? И какъ мѣрить успѣхъ поэта на основаніи временнаго общаго увлеченія? Самыя популярнѣйшія изъ стихотвореній Пушкина «Черная Шаль» и «Подъ вечеръ осенью ненастной». Эти два посредственныя стихотворенія обошли всю Россію, проникли въ самые низшіе слои читателей, но выказываютъ ли они дарованіе поэта? Во сколько тысячъ разъ ихъ выше хотя бы «Борисъ Годуновъ», не имѣвшій никакой популярности и даже критиками принятый холодно?

**) Какія же общественныя идеи и потребности въ «Русланѣ», — въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», — въ первыхъ главахъ «Онѣгина»? А самъ г. Милюковъ говоритъ о восторгѣ, возбужденномъ этими произведеніями!

***) Именно эти-то произведенія и не имѣли особенной популярности въ публикѣ.

Digitized by Google

Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ, и т. д.

«Недостатокъ и шаткость убѣжденій были причиною, что Пушкинъ совершенно отказался отъ идей, волновавшихъ его въ молодости, и увлекся новыми, въ кругъ которыхъ поставили его обстоятельства и образъ жизни». *Стихотворенія: «Родословная Моего Героя», «Моя Родословная» и другія доказываютъ, что онъ не только забылъ стремленія своей молодости, но даже началъ высказывать противное тому, что постоянно проявлялось въ нашей поэзіи со временъ Кантемира.* Общество скоро поняло, что любимый поэтъ оставилъ его, что народныя радости и печали не находятъ уже въ немъ горячаго сочувствія и даже встрѣчаютъ холодное презрѣніе. Тогда публика, въ свою очередь, по невольному инстинкту, оставила поэта, — и то общество, которое съ восторгомъ принимало первыя, незрѣлыя произведенія молодого пѣвца Руслана и Людмилы, оставалось холоднымъ къ его послѣднимъ созданіямъ, не смотря на то, что они были несравненно выше по искусству. Это охлажденіе публики сильно тревожило Пушкина въ послѣдніе годы его жизни. Онъ видѣлъ, какъ разорвалась та симпатическая связь, которая соединяла его съ обществомъ, и началъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ бросаться во всѣ отрасли литературы, въ исторію, романъ, журналистику, отыскивая какой нибудь струны, которая связала бы его съ публикою. Но ничто не помогало, — смерть избавила его отъ печальной необходимости видѣть себя живымъ мертвецомъ посреди того общества, которое прежде рукоплескало каждому его слову.» (Оч. И. Р. П. стр. 176 и 177.)

Прочитавши отзывъ, приведенный нами, всякій читатель, конечно, спроситъ: откуда взялъ г. Милюковъ того небывалаго и фантастическаго Пушкина, котораго онъ намъ представляетъ? Пушкинъ, забытый публикою, Пушкинъ, озлобленный и поверженный въ лихорадочное безпокойство, Пушкинъ — ренегатъ, котораго одна смерть избавила отъ печальной необходимости видѣть себя живымъ мертвецомъ въ нашемъ обществѣ, да что же это такое, ради самого Аполлона? На чемъ основаны такіе доводы, явно противорѣчащіе всему, что мы помнимъ и знаемъ о Пушкинѣ, любимѣйшемъ поэтѣ Россіи, за гробомъ котораго десятки тысячъ народа шли со слезами и рыданіемъ! Общество отворачивается отъ поэта, котораго талантъ растетъ до послѣдней минуты, и принимаетъ поражающіе размѣры, отъ человѣка, который передъ смертью даетъ ему «Русалку», «Мѣднаго Всадника», «Камен-

Digitized by Google

наго Гостя»? Нечего сказать — хорошо общество, если оно дѣйствительно таково, какимъ авторъ «Очерка» его считаетъ! Самъ Пушкинъ отказывается отъ идей, волновавшихъ его молодость, на народныя радости и печали смотритъ съ холоднымъ презрѣніемъ! Гдѣ увидѣлъ подобныя чудеса нашъ историкъ русской поэзіи? Для полноты обвиненій, напрасно онъ не упрекнулъ Пушкина въ томъ, что онъ не писалъ сатиръ по поводу взяточничества и разныхъ общественныхъ ранъ, указанныхъ г. Селивановымъ! Но въ этомъ отношеніи, признаемся съ сокрушеннымъ сердцемъ, самъ великій Шекспиръ не изъятъ отъ нареканія. Англійскіе историки увѣряютъ насъ, что при королевѣ Елизаветѣ въ британскомъ королевствѣ было много всякихъ общественныхъ язвъ. Землевладѣльцы пьянствовали и буянили, въ судахъ грабили просителей, на улицахъ Лондона разбойники убивали прохожихъ, молодые лорды занимались нечестною картежной игрой. Вмѣсто того, чтобъ громить всѣ эти пороки, Шекспиръ писалъ чортъ знаетъ что такое: «Отелло», «Ромео и Юлію», «Гамлета». Вмѣсто того, чтобъ по рецепту г. Милюкова выражать интересы и потребности англичанъ временъ Елизаветы, этотъ даровитый чудакъ прыгалъ изъ Италіи въ Данію, изъ Венеціи въ древній Римъ, черпалъ свои вдохновенія не изъ современныхъ ему толковъ, а изъ Плутарха, Саксона Грамматика и писателей, еще болѣе устарѣлыхъ! Дурной примѣръ эгоиста-Шекспира (должно быть и убѣжденія его были шатки) сдѣлалъ много зла, онъ увлекъ за собою всѣхъ великихъ поэтовъ и нашего бѣднаго Пушкина между прочими!

Пушкинъ разошелся съ обществомъ, Пушкинъ *даже высказывалъ противное тому, что высказывалось въ нашей поэзіи со временъ Кантемира!* Что же такое онъ высказывалъ, смѣемъ спросить? идеи обскурантизма, безнравственнаго своеволія, вражды къ просвѣщенію? Чѣмъ поддержите вы свое неправое, опрометчивое обвиненіе? Вы приводите стихотворенія: «Родословная моего Героя» и «Моя Родословная». Позвольте же узнать, что нашли вы въ этихъ стихотвореніяхъ несовмѣстнаго съ благородствомъ убѣжденій? Слабость поэта къ генеалогическимъ подробностямъ, уваженіе къ своимъ предкамъ, насмѣшку надъ людьми, которые ни во что не ставятъ заслуги своихъ отцовъ и гордятся «звѣздой двоюроднаго дяди?» Право, все это очень извинительно и нисколько не показываетъ поэтическаго ренегатства. Личныя прихоти человѣка никогда не повредятъ его значенію, особенно если онѣ такъ чисты и безгрѣшны, какъ прихоть Пушкина. Вспомните, что лордъ Байронъ былъ гордъ, какъ Люциферъ, что не по-

Digitized by Google

мѣшало ему положить голову за свободу Греціи. Госпожа Жоржъ-Сандъ очень гордится тѣмъ, что она разными побочными линіями происходитъ отъ Морица Саксонскаго. Злые языки говорятъ даже, что она сама выдумала это родство, а между тѣмъ посмотрите, какой бюллетень можетъ она написать при случаѣ! Надѣюсь, что послѣдній примѣръ будетъ принятъ въ особенное уваженіе. Нашъ Пушкинъ, говоримъ это съ полнымъ знаніемъ дѣла, несравненно невиннѣе лорда Байрона и Жоржа-Санда. Изъ аристократическихъ преданій и причудъ онъ сохранилъ себѣ только то, что въ самомъ дѣлѣ безгрѣшно, поэтично, основано на справедливости. Онъ очень доволенъ тѣмъ, что его прародитель былъ знатный боярин, а не Митюшка-цѣловальникъ, но онъ не говоритъ и не думаетъ того, что поколѣніе Митюшки-цѣловальника стоитъ презрѣнія. Оставьте же ему его всегдашнюю прихоть и не считайте ее ренегатствомъ. Удержитесь отъ неправды и, что еще важнѣе, отъ дурного примѣра. Если мы начнемъ упрекать поэтовъ за ихъ любовь къ генеалогіи, то найдутся люди, которые пойдутъ дальше васъ въ своихъ обвиненіяхъ. Сегодня вы упрекаете Пушкина за «Мою Родословную», а завтра найдется Аристидъ, который поставитъ поэту въ вину то, что онъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ, имѣлъ имѣніе въ двухъ губерніяхъ и одѣвался прилично. Сегодня вы считаете Пушкина шаткимъ эгоистомъ, за его маленькое фамильное тщеславіе, а завтра найдется человѣкъ, который провозгласитъ васъ самихъ дурнымъ гражданиномъ за то, что вы живете не на чердакѣ, а въ чистой квартирѣ. Въ дѣлѣ личныхъ прихотей и антипатій нѣтъ границъ и предѣловъ. Можетъ быть, иной цѣнитель поэзіи вмѣнитъ Пушкину въ недостатокъ его происхожденіе отъ боярина и недостаточное уваженіе, съ которымъ упоминаетъ онъ имя Митюшки-цѣловальника. Вся эта задорная игра частныхъ воззрѣній можетъ быть очень забавною, но основывать на ней свои приговоры о значеніи поэтовъ едва ли можетъ быть дозволено.

«Одна смерть избавила Пушкина отъ печальной необходимости видѣть себя живымъ мертвецомъ посреди общества!» — И на такой странный, вопіющій, полный неблагодарности приговоръ вы рѣшаетесь въ противность вами же высказаннымъ похваламъ Пушкинской поэзіи, — наперекоръ глубокому сочувствію, которое вы сами къ ней питаете! Еслибъ голосъ г. Милюкова былъ голосомъ Зоила, не стоило бы и прислушиваться къ нему, но нашъ критикъ чтитъ Пушкина, сердцемъ воспринялъ его уроки, и только одно памфлетическое начало могло увлечь его на подобную не-

Digitized by Google

сообразность! Какъ писатель почтенный и даровитый, онъ долженъ близко знать кругъ лучшихъ русскихъ писателей, своихъ товарищей, пускай же скажетъ онъ намъ, кто изъ числа этихъ лицъ смотритъ на Пушкина какъ на поэта отжившаго, кто способенъ говорить о немъ безъ душевнаго умиленія, безъ любви безпредѣльной? Какъ авторъ, пользующійся вниманіемъ публики, г. Милюковъ вѣрно знаетъ ея вкусы, и былъ свидѣтелемъ того, какъ принято публикою новое изданіе сочиненій Пушкина. Какъ любитель журнальной литературы, которой нашъ авторъ заплатилъ слишкомъ тяжолую дань въ книгѣ своей, онъ можетъ припомнить о томъ, какъ говорятъ наши журналы о Пушкинѣ! Какъ же послѣ всего этого вы, авторъ полезной и умной книги, рѣшастесь увѣрять насъ, что Пушкинъ былъ бы мертвецомъ между нами, русскими литераторами и читателями? Вся душа наша возмущается отъ этого приговора. Еслибъ Провидѣнію угодно было продлить дни Пушкина, еслибъ онъ теперь жилъ между нами, мы говорили смѣло и съ полной увѣренностью, его старость была бы завидною, великолѣпною старостью. Мы окружили бы его такой любовью, такимъ горячимъ благоговѣніемъ, какихъ до сей поры не имѣлъ ни одинъ изъ русскихъ писателей. Гёте подъ конецъ жизни имѣлъ хулителей и, что еще хуже, безумныхъ поклонниковъ, но Пушкинъ не имѣлъ бы ни одного врага, а преувеличенные восторги невоздержныхъ хвалителей утонули бы въ звукахъ общаго сочувствія. Не мертвецомъ, но обожаемымъ отцомъ, просвѣтителемъ и руководителемъ считали бы Пушкина мы всѣ, русскіе грамотные люди. Мы съумѣли бы отплатить ему нашей любовью за смутную пору его юности, за «неотразимыя обиды», нанесенныя ему свѣтомъ, за былую холодность неразвитой критики, за вѣтренность грошовыхъ прогрессистовъ, благоговѣвшихъ передъ рукописными стишками Пушкина и холодно встрѣтившихъ его послѣднія поэмы. Мы слишкомъ много обязаны этому мертвецу, обязаны ему, можетъ быть, болѣе чѣмъ кому нибудь изъ людей живущихъ и процвѣтающихъ на свѣтѣ. Не онъ ли возвышалъ души наши, не онъ ли раскрылъ намъ глаза на поэтическія стороны нашей жизни, не онъ ли вскормилъ въ насъ тысячи свѣтлыхъ помысловъ, не онъ ли возвыслъ званіе и значеніе русскаго писателя въ молодомъ нашемъ обществѣ? Жизнь его была такъ же благородна и безукоризненна, какъ его поэзія и, можетъ быть, сотни лѣтъ пройдутъ, покуда на Руси появится другая личность и другая поэзія, подобныя Пушкинскимъ. Если вы наклонны къ дидактикѣ и прямой соціальной пользѣ, то и тутъ вы должны

Digitized by Google

преклониться предъ заслугами Пушкина. Поэтъ, облагородившій и просвѣтившій души тысячи русскихъ людей, принесъ отечеству своему не менѣе пользы, сколько можетъ принести ему самый ревностный изобличитель пороковъ и неправды. Воспитывайте общество, пробуждайте въ немъ возвышенныя идеи, и тогда требуйте отъ него прогресса, а развѣ Пушкинъ, вліяніемъ своей поэзіи, не воспитывалъ нашего общества? До сихъ поръ человѣкъ, полюбившій Пушкинскую поэзію и изучившій поэта со страстію, на пути нравственнаго усовершенствованія стоитъ выше всякаго книгоѣда, проглотившаго всю русскую литературу. Поколѣнія, еще не родившіяся, будутъ имѣть въ Пушкинѣ учителя и пророка, истолкователя родной русской поэзіи, утѣшителя въ скорбныя минуты, вдохновителя на все доброе и благое въ жизни. И такого поэта вамъ угодно назвать мертвецомъ, въ отношеніи къ нашему живому и движущемуся времени! Можетъ быть, онъ и мертвецъ, но пусть Богъ, для блага и величія Россіи, посылаетъ ей хоть одного такого мертвеца на столѣтіе. Англійскій эксцентрикъ Карлейль, называетъ мертвецовъ въ родѣ Пушкина героями, вождями человѣчества, людями зрячими и открывающими глаза ослѣпленныхъ! Откровенно признаемся, что такое мнѣніе намъ кажется болѣе справедливымъ, нежели приговоръ господина Милюкова.

1858.

XIX.

СТИХОТВОРЕНІЯ АПОЛЛОНА МАЙКОВА. СПБ. 1858.

Дарованіе г. Майкова не такъ легко поддается оцѣнкѣ и анализу, какъ дарованія другихъ его товарищей, современныхъ и первоклассныхъ русскихъ поэтовъ, но это самое обстоятельство, какъ кажется намъ, и служитъ ключемъ къ вѣрному его опредѣленію. *Многосторонность* и *разнообразіе*, вотъ отличительныя качества музы г. Майкова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первая причина разнохарактерныхъ и противорѣчащихъ оцѣнокъ, которымъ талантъ его столько разъ подвергался. Сравнивая нашего поэта съ даровитѣйшими изъ его сверстниковъ — г. Тютчевымъ, г. Некрасовымъ, г. Фетомъ, мы безъ труда увидимъ подтвержденіе словъ нашихъ. По силѣ, правдѣ, самостоятельности таланта, ни одинъ изъ дѣятелей, сейчасъ названныхъ, не стоитъ ниже Майкова, поэтическая производительность всѣхъ трехъ (считая одни лучшія и истинно первоклассныя стихотворенія), немногимъ менѣе, чѣмъ

Digitized by Google

производительность автора лежащихъ передъ нами книжекъ. И между тѣмъ, намъ кажется неоспоримымъ, что поэтическій горизонтъ Майкова, въ нѣкоторомъ смыслѣ, обширнѣе горизонта его товарищей и соперниковъ, и что самъ поэтъ, говоря метафорически, имѣетъ на своей лирѣ двѣ или три лишнихъ струны противъ другихъ поэтовъ нашихъ. Насъ нельзя заподозрить въ маломъ сочувствіи къ именамъ Фета, Тютчева и Некрасова, — но, всѣмъ сердцемъ цѣня дѣятелей, нами названныхъ, мы очень хорошо видимъ, что каждый изъ нихъ довольствуется лишь одною, часто весьма небольшою, областью въ мірѣ поэзіи, и чрезъ то какъ бы отказывается отъ извѣстности и вліянія, на которыя имѣетъ полное право разсчитывать. Значительная масса людей очень умныхъ, но мало сочувствующихъ природѣ, непскусныхъ на различеніе неуловимо-поэтической стороны тонкихъ душевныхъ явленій, до сихъ поръ совершенно холодна къ музѣ Фета. Суровая поэзія Некрасова, съ одной стороны восхищающая даже читателей вовсе неразвитыхъ, съ другой не удовлетворяетъ лицъ, мало знакомыхъ съ грустной стороной жизни, не даетъ никакого отзыва на врожденную во всякомъ человѣкѣ потребность ясности и счастія, ощущеній блаженства и радости жизни. Для женщинъ, съ ихъ весьма разумнымъ и совершенно понятнымъ стремленіемъ къ міру симпатическихъ явленій нашего міра, эта поэзія или непонятна, или даже возмутительна. Про г. Тютчева и говорить нечего: его вдохновенныя произведенія столько лѣтъ оставались въ нашей литературѣ безъ слова сочувствія, безъ вниманія читателей,—а съ трудами поэта многосторонняго не могло бы произойти такого случая. Съ достовѣрностью можно сказать, что ежели кругъ читателей, образованныхъ и жаждущихъ поэзіи, остается много лѣтъ холоднымъ къ поэту истиннаго дарованія, то причина холодности находится не въ читателяхъ только, но и въ самомъ поэтѣ. Область г. Тютчева не велика и доступна лишь крайне развитымъ цѣнителямъ, самъ же поэтъ не только не сдѣлалъ самой малой попытки къ ея разширенію, но, такъ сказать, не ступилъ ни одного шага на встрѣчу своему читателю. Слишкомъ беззаботный къ своему призванію, онъ слишкомъ мало трудился надъ своимъ талантомъ, оттого и собраніе его стихотвореній, заставляя насъ наслаждаться, слишкомъ часто примѣшиваетъ къ наслажденію чувство скорби о высокомъ дарѣ, чуть-чуть только что не закопанномъ въ землю.

Собраніе стихотвореній А. Н. Майкова не наведетъ насъ на такое грустное соображеніе. Лучшіе изъ современныхъ намъ поэтовъ имѣли свой періодъ бездѣйствія, непроизводительности, небрежно-

Digitized by Google

сти къ своему таланту: подобныхъ грѣховъ г. Майковъ не зналъ, не знаетъ и, кажется, никогда знать не будетъ. Поэтъ замѣчательный по дарованію, онъ столько же замѣчателенъ по своей манерѣ овладѣвать и постоянно владѣть своимъ даромъ. Мы не скажемъ, чтобъ онъ былъ *серьёзнѣе* своихъ сверстниковъ во взглядѣ на свое поэтическое призваніе, но мы признаемъ его *дѣятельнѣйшимъ* между всѣми современными поэтами, а дѣятельность въ литературѣ значитъ весьма много. Бездарному пѣвцу дѣятельность не помогаетъ нисколько; поэтовъ, не лишенныхъ дарованія, сильная дѣятельность иногда губитъ, особенно, если они односторонни и склонны къ усиленному разработыванію однихъ и тѣхъ же немногихъ мотивовъ. Но дѣятельность въ поэтѣ, хорошо надѣленномъ отъ природы, есть дѣло великое. Съ помощью ея онъ расширяетъ свой горизонтъ, открываетъ новыя стороны въ мірѣ нашихъ душевныхъ ощущеній, отзывается поэтическимъ словомъ на возможно большее число призывовъ, «просящихъ у сердца отвѣта», и наконецъ пріобрѣтаетъ себѣ слушателей между самыми разнохарактерными кругами читателей. Подобнаго рода дѣятельностью богатъ нашъ авторъ «Очерковъ Рима», «Трехъ Смертей», «Савонароллы» и цѣлаго собранія прелестныхъ стихотвореній въ антологическомъ родѣ. Онъ имѣетъ свою собственную область, свою отличительную особенность, заключающуюся въ строго пластической, почти античной красотѣ стиха, но онъ никогда не довольствовался одной этой особенностью, а, напротивъ того, постоянно стремился расширить владѣнія, доставшіяся на его долю. Этотъ неуклонный трудъ надъ своимъ призваніемъ, эти нескончаемыя попытки къ открытію новыхъ художественныхъ путей, не всегда увѣнчивались успѣхомъ, не всегда вели за собой усовершенствованіе и крѣпость таланта. Нѣтъ нужды въ томъ, что нашъ поэтъ, платя дань общему направленію сороковыхъ годовъ, вдавался въ погоню за общественнымъ дидактизмомъ и, вслѣдствіе того, потратилъ множество молодыхъ силъ на поэму поучительнаго свойства: — если поэма не удалась, за то самъ поэтъ окрѣпнулъ и сталъ независимъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Между патріотическими стихотвореніями г. Майкова далеко не всѣ стоятъ вниманія,—(онъ и самъ исключилъ ихъ изъ своего собранія), но, трудясь надъ ними, поэтъ не потерялъ своего труда, а практическимъ, добросовѣстнымъ опытомъ удостовѣрился въ выгодахъ и неудобствахъ рода, имъ на время избраннаго. Противъ «гейневскихъ мотивовъ» не одинъ поклонникъ Гейне можетъ сказать свое, совершенно правдивое, слово, но ихъ авторъ, увлекшись нѣмецкимъ пѣвцомъ

Digitized by Google

и усиленно проработавши надъ его пѣснями, съ пользою испробовалъ свои силы на новомъ и, по видимому, чуждомъ для себя, поприщѣ. Во всѣхъ трудахъ г. Майкова, старыхъ и новыхъ, мыслящій читатель всегда увидитъ зрѣлище, возвышающее душу и говорящее про достоинства поэта: это зрѣлище — плодотворный трудъ разумнаго человѣка надъ своимъ талантомъ. Г. Майковъ, болѣе чѣмъ кто нибудь изъ нашихъ поэтовъ, слушается дѣльной критики, искренняго совѣта друзей и голоса своихъ читателей. Строгій къ себѣ по поводу важныхъ сторонъ своего труда, онъ не менѣе строгъ и въ мелочахъ, а мелочами дѣла, какъ это всякій знаетъ, поэтъ пренебрегать не долженъ. Въ двухъ томахъ книги, находящейся передъ нами, едва-ли вы найдете неловкую рифму, неровный стихъ, небрежный оборотъ рѣчи, торопливо набросанное заключеніе. Провѣрьте нѣкоторыя изъ майковскихъ стихотвореній, уже бывшихъ въ печати, съ рецензіями по поводу этихъ стихотвореній, — вы найдете, что въ настоящемъ ихъ изданіи авторъ принялъ къ свѣдѣнію всѣ дѣльныя указанія критиковъ (иногда очень темныхъ), округлилъ и сгладилъ всѣ стороны, носившія на себѣ отпечатокъ несовершенства, изгналъ всѣ неточныя выраженія, замѣнилъ всѣ тирады, замѣченныя въ нѣкоторой сухости, новыми образами, отличающимися рельефностью исполненія или сжатой силою слога. Къ поэту, до такой степени строгому и чуткому на всякое полезное указаніе, только самая презрѣнная критика можетъ отнестись съ излишней строгостью. Книга, въ которой собраны лучшія изъ его твореній, не возбудитъ небрежной оцѣнки. Изучивши книгу г. Майкова, читатель исполняется уваженіемъ къ званію поэта и къ самому поэту. Намъ случалось видѣть людей очень умныхъ, но которымъ природа отказала въ поэтической воспріимчивости. Эти люди, по натурѣ своей враждебные всякому поэту, по складу ума своего расположенные открывать низменную сторону во всякомъ поэтическомъ произведеніи, не могли сказать непочтительнаго слова про книгу г. Майкова. Честный трудъ возбуждаетъ уваженіе въ самыхъ циникахъ. Тѣмъ болѣе сочувствія долженъ возбуждать онъ въ людяхъ, высоко цѣнящихъ значеніе, талантъ и роль поэта въ нашемъ обществѣ.

Обыкновенно случается, что писатели, обреченные на славный трудъ, на неуклонную борьбу съ своимъ талантомъ, начинаютъ свое поприще безъ заботы и усилій. Успѣхъ дается имъ сразу, какъ будто въ вознагражденіе будущихъ колебаній, будущихъ думъ, будущей тяжелой работы. Фактъ этотъ произошелъ при литературномъ дебютѣ г. Аполлона Майкова. Книжка первыхъ его

Digitized by Google

стихотвореній, изданная еще въ то время, когда лучшіе изъ современныхъ намъ русскихъ поэтовъ едва закладывали основаніе своей извѣстности, была встрѣчена громкими похвалами критики и восторгомъ читателей. Самымъ взыскательнымъ дилетантамъ, какъ будто снова послышался голосъ навсегда замолкнувшей музы Пушкина. Въ этомъ картинномъ стихѣ, въ этомъ художественномъ спокойствіи поэта, въ его неизысканномъ обращеніи со своими темами, — всякому смыслящему дѣло критику сказалось нѣчто могучее, яркое, самостоятельное. Майкова даже нельзя было, по обычаю стараго времени, произвести въ поэты, подающіе великія надежды, — онъ сразу сталъ выше всего круга лицъ, занимающихся подаваніемъ надеждъ по разнымъ отраслямъ словесности. Уже не надежды видѣлись въ первыхъ трудахъ только что явившагося поэта, стихи его не носили на себѣ той печати случайности, которая лежитъ на стихотвореніяхъ писателей съ дарованіемъ, еще не созрѣвшимъ. Въ книжкѣ г. Майкова не встрѣчалось невѣрнаго лепета, голоса музы, колеблющейся или неувѣренной въ своемъ призваніи. Каждое стихотвореніе книжки было замѣчательно или по мысли, въ немъ заложенной, или по оконченности отдѣлки, или по широкому взмаху художническаго пера, которое, по временамъ, словно вступало въ области, доступныя лишь кисти живописца или рѣзцу скульптора. Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ на то самое поприще, гдѣ поэту впослѣдствіи назначено было столько борьбы, усилій и сомнѣнія въ своихъ силахъ, — его встрѣтила никѣмъ не оспариваемая, ничѣмъ не затемняемая слава. И читатели, и цѣнители, наградившіе г. Майкова такъ щедро, были вполнѣ справедливы: въ самой богатой, самой установившейся словесности не могли бы пройти безъ сильнаго успѣха произведенія, подобныя слѣдующимъ:

СОНЪ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь, —
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ;
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ чорной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,

Digitized by Google

Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но вынѣ своимъ объятый —
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по вѣтру . . . О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужь литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились — новые, невѣдомые боги!

Здѣсь мы остановимъ наши выписки, потому-что иначе пришлось бы перепечатывать большую половину перваго изданія Майковскихъ стихотвореній. Упомянемъ только о томъ, что рядомъ съ вышеприведенными нами піесами стояли другія, или не уступающія имъ, или уступавшія весьма не во многомъ. Какъ лучшія изъ нихъ, назовемъ «Раздумье», начинающееся художественнымъ изображеніемъ сельской природы, но заканчивающееся высокою мыслью, выраженною высоко-поэтическими словами, «Картину Вечера», мастерской пейзажъ сѣверной природы, хотя и отнесенный къ разряду антологическихъ стихотвореній, «Зимнее Утро» достойный pendant къ стихотворенію, только что названному, «Вакханку», въ которой картинность изложенія доходила до изумительной степени, наконецъ піесу «Доридѣ», которая приводитъ на мысль самыя горячія изъ антологическихъ піесъ Шенье, ни мало не вдаваясь въ чувственность, характеризовавшую собой лучшія произведенія французскаго поэта. Какимъ же образомъ было не причислить къ разряду первоклассныхъ поэтовъ, молодого, только что выступившаго въ литературу автора столькихъ блестящихъ произведеній? Казалось, слава г. Ап. Майкова была за нимъ навсегда упро-

Digitized by Google

чена, безъ борьбы, безъ споровъ, безъ усилій поэта надъ самимъ собою. Но оно только казалось; періодъ борьбы и усилій самъ приблизился.

Нужно было много проницательности, чтобъ во время первыхъ тріумфовъ г. Майкова, предсказать поэту весь предстоящій ему трудъ надъ своимъ дарованіемъ. Такой проницательности не оказалось ни у кого изъ тогдашнихъ цѣнителей, и конечно, они въ томъ не очень виноваты: теперь намъ легко оцѣнивать поэта и открывать его будущность, на основаніи всего, имъ совершеннаго. Въ годъ появленія первыхъ стиховъ г. Майкова, критикамъ неудобно было приниматься за предсказанія, да къ тому же впечатлѣніе, произведенное молодымъ талантомъ, было такъ неотразимо и блистательно! Только самый зоркій, и можетъ быть, вдохновенно-зоркій взглядъ могъ различить въ то время, посреди множества достоинствъ молодого поэта, одну слабую сторону, одно туманное пятно въ свѣтломъ созвѣздіи. Въ настоящее время сказанная сторона не требуетъ особенной проницательности для ея различенія. Мы, съ своей стороны, готовы указать ее такъ же прямо и спокойно, какъ указывали сейчасъ блистательнѣйшія качества Майковскаго таланта. Туманное пятно первыхъ произведеній г. Майкова, зародышъ будущей борьбы и усилій поэта, по нашему мнѣнію, есть *недостатокъ страстности*, результатъ фантазіи, слишкомъ развитой относительно пластики, но еще не способной проникать глубоко въ сокровенныя тайны духа человѣческаго.

Поспѣшимъ объяснить наше опредѣленіе.

Прежде всего мы должны сказать, что недостатокъ страстности, указанный нами въ собраніи первыхъ стихотвореній г. Майкова, не имѣетъ ничего общаго съ холодностью натуры, тѣмъ неодолимымъ порокомъ, при которомъ никакая поэзія невозможна. Холодныхъ поэтовъ на свѣтѣ нѣтъ, холодные люди занимающіеся слаганіемъ стиховъ, называются не поэтами, а риѳмоплетами. Слабая же степень страстности (въ поэзіи) есть другое дѣло,—она не только можетъ совмѣщаться съ дарованіемъ высокаго разбора, но всегда почти является у замѣчательнѣйшихъ поэтовъ, либо въ первый, либо въ послѣдній періодъ ихъ дѣятельности. Юноша, зоркій на жизненную поэзію, но еще приготовляющійся къ жизни, зрѣлый мужъ, утомленный жизнью и принужденный въ самомъ себѣ искать отдыха отъ бурь, имъ испытанныхъ, непремѣнно внесутъ въ свои произведенія результатъ своего слишкомъ спокойнаго или слишкомъ успокоившагося міросозерцанія. Кромѣ возра-

Digitized by Google

ста и событій жизни, самое направленіе таланта обусловливаетъ собой степень поэтической его страстности. Поэтъ, замѣчательный по сосредоточенной наблюдательности, въ твореніяхъ его выражающейся картинностью или пластичностью образовъ, не всегда имѣетъ въ талантѣ своемъ достаточный запасъ лиризма, точно также какъ поэтъ по преимуществу лирическій, поэтъ горячихъ призывовъ сердца, часто останавливается на пути развитія отъ недостатка способности на образность представленій. Только великимъ поэтамъ дается сочетать художественность объективную съ жаромъ истиннаго лиризма, но даже и эти художники платятъ необходимую дань особенностямъ своего дарованія. Шиллеръ рѣдко входитъ въ области Гёте, и на оборотъ — Лордъ Байронъ можетъ покланяться генію Крабба, но не берется соперничать съ нимъ на его поприщѣ. Смѣшивая разныя области поэзіи, требуя строго-пластическихъ образовъ отъ лирика, и лиризма отъ поэтовъ-пластиковъ, мы часто приходимъ къ пристрастному суду и къ нелѣпымъ требованіямъ. Многіе изъ насъ непремѣнно желаютъ видѣть въ даровитомъ поэтѣ отзывъ на *всѣ* смутныя стремленія душъ нашихъ и чуть отвѣтъ не имѣетъ всесторонности, изъявляютъ желаніе кинуть камень въ поэта, обманувшаго ихъ ожиданія. Къ такимъ ложнымъ требованіямъ (кромѣ нашей заносчивости и малаго знакомства съ законами поэзіи), насъ увлекаетъ то дѣйствительно замѣчательное обстоятельство, что первые русскіе поэты,— наши учителя и руководители (Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь) представляютъ собою необыкновенно-гармоническое сочетаніе лиризма съ внѣшней картинностью стиха, объективности представленій съ горячимъ проявленіемъ субъективныхъ воззрѣній. Этимъ самымъ признакомъ высочайшаго поэтическаго дара, писатели, нами названные, заслуживаютъ прозваніе поэтовъ геніальныхъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не внесъ новаго и міроваго слова въ сокровищницу европейской литературы. Мѣрою этихъ, Богомъ одаренныхъ, дѣятелей, нельзя мѣрить новыхъ русскихъ поэтовъ, ихъ преемниковъ. Ни Майковъ, ни Фетъ, ни Некрасовъ, ни Тютчевъ не подходятъ подъ размѣръ Гоголя, Пушкина и Лермонтова, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы русская поэзія сошла въ могилу вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, Гоголемъ и Пушкинымъ.

Для полнаго убѣжденія въ томъ, что первыя стихотворенія г. Майкова, не взирая на слабую степень страстности, въ нихъ замѣченную, были далеки отъ холодности или даже преувеличенной картинности языка, стоитъ только перечитать хоть стихотвореніе, нами сейчасъ выписанныя. Конечно, первое изъ нихъ — «Сонъ» —

Digitized by Google

не имѣетъ лирическихъ стремленій, но само его содержаніе было бы съ ними не очень совмѣстно. За то во второмъ — субъективно поэтическое настроеніе сказывается во всѣхъ подробностяхъ, спокойное, но не мертвое, обставленное изобиліемъ пластическихъ образовъ, но не подавленное ими. Опустѣлый садъ и мраморный дворецъ, объятый сномъ — все это передано намъ не холоднымъ живописцемъ, сильнымъ на уловленіе какой нибудь яркой подробности, но человѣкомъ, разумѣющимъ голосъ музы и въ жизненныхъ явленіяхъ различающимъ не одну ихъ картинную сторону. И со всѣмъ тѣмъ, пластическое совершенство формы не могло даться г. Майкову безъ ущерба всему тому, что порывисто и пламенно въ призваніи поэта. Сосредоточенная наблюдательность внѣшнихъ проявленій природы, наблюдательность живописца, чуткаго къ красотѣ красокъ и линій видимо перевышала въ немъ то безотчетно-восторженное стремленіе къ возсозданію словомъ поэтическихъ моментовъ нашей жизни, — стремленіе, которымъ уже въ то время отличался г. Тютчевъ и съ которымъ г. Фетъ готовился выступить въ нашу литературу. Оба, названные нами поэта имѣли надъ г. Майковымъ перевѣсъ въ лиризмѣ, точно такъ же, какъ онъ имѣлъ надъ ними перевѣсъ въ художественной обдѣлкѣ стиха, въ законченности и образности своихъ произведеній. Чтобъ яснѣе опредѣлить мысль нашу и чтобъ яснѣе показать разность поэтическихъ путей, по какимъ двигались поэты, нами названные, мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое сравненіе ихъ произведеній, по поводу самыхъ немногосложныхъ и общедоступныхъ явленій внѣшняго міра.

И Майковъ, и Фетъ, и Тютчевъ очень часто изображаютъ намъ картины природы, подступая къ природѣ двумя совершенно противуположными способами. Первый поэтъ, не страстный, но чуткій на поэзію и исполненный, какъ мы сказали, наблюдательностью высокаго живописца, смѣло рѣшается передать словами то, что доступно лишь кисти мастера, и, не взирая на необычайную трудность задачи, почти всегда выходитъ побѣдителемъ. Не затемняя своихъ очертаній ни рефлексіею, ни взрывами восторга, онъ осмотрительно свершаетъ свой трудъ и заканчиваетъ его, ни на минуту не разставаясь съ своимъ величавымъ спокойствіемъ. Два другіе поэта дѣйствуютъ иначе. Пораженные, поглощенные, отуманенные даннымъ явленіемъ, они кидаются на возсозданіе его, надѣясь лишь на то, что сила чувства, взволновавшаго всю ихъ натуру, не можетъ не выразиться поэтическимъ словомъ. Не наблюдая подробностей, не набрасывая линій, не гонясь за формою, они дѣлаютъ

Digitized by Google

своего рода лирическій coup de tête, который часто бываетъ неудаченъ, но по временамъ приводитъ къ неожиданному и самому удовлетворительному результату. При успѣхѣ, изъ души, взволнованной поэтическимъ восторгомъ, вырываются образы почти сверхъ-естественной вѣрности и мастерства, образы, до которыхъ не додумаешься въ спокойномъ состояніи души нашей. Такимъ образомъ, мы видимъ трехъ поэтовъ, достигающихъ блестящаго поэтическаго успѣха черезъ два пути, вовсе между собой несходные. Всѣ трое имѣютъ свою силу и свою слабость: — слабость поэта-пластика заключается въ томъ, что, не предаваясь лирическимъ порывамъ, онъ лишается выгодъ, ими доставляемыхъ, — слабость поэтовъ-лириковъ ведетъ къ тому, что образы ихъ часто не имѣютъ должной оконченности, и сильный поэтическій порывъ, ихъ взволновавшій, не выражается въ формѣ, достаточно художественной.

Продолжая сравненіе, приведемъ прежде всего стихотвореніе г. Майкова «Эхо и Молчаніе».

ЭХО И МОЛЧАНІЕ.

Осень срывала поблекшіе листья
Съ блѣдныхъ деревьевъ, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящаго льда....
Грустный, блуждая въ лѣсу обнаженномъ,
Въ чащѣ глубокой подъ дубомъ и елью,
Мирно уснувшихъ двухъ нимфъ я увидѣлъ.
Вѣтеръ игралъ ихъ густыми власами,
Вѣялъ, клубилъ ихъ зеленыя ризы,
Нѣжно ихъ жаркія лица лобзая.
Вдругъ за горами послышался топотъ,
Лаянье псовъ и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумомъ вспугана, въ чащу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,
Съ хохотомъ рѣзкимъ, съ пригорка къ пригорку,
Съ холма на холмъ, изъ лощины въ лощину,
Быстро кидалась, и вотъ, за горами,
Тише и тише.... исчезла.... Но долго
По лѣсу голосъ ея повторялся.

Всякій согласится съ нами, что задача поэта необыкновенно трудна. Здѣсь требуется воплотить въ художественное цѣлое, въ одну картину, явленіе природы, по видимому, не представляющее въ себѣ картинности. Эхо и, молчаніе могутъ вдохновить поэта-мечта-

Digitized by Google

теля, поэта исполненнаго меланхоліи, и такъ далѣе, но какъ передать ихъ въ пластическихъ образахъ? Нашъ поэтъ вдохновляется поэзіей древнихъ народовъ и съ помощью миѳологическаго представленія, обставленнаго всей прелестью картинъ осенней природы, преодолѣваетъ трудность своей темы. О спокойствіи и законченности образовъ, о художественныхъ сторонахъ всего произведенія судить намъ не приходится, потому-что стихотвореніе само говоритъ за себя каждому читателю. Достаточно будетъ съ особеннымъ вниманіемъ отмѣтить ту особенность, что нашъ поэтъ, трудясь надъ задачей полу-аллегорической и сложной, умѣлъ придать ей ясную, невозмутимую простоту, и картинность цѣлаго не затемнилъ никакимъ фантастическимъ представленіемъ.

Совершенно другое видимъ мы, напримѣръ, у г. Тютчева, въ его короткомъ произведеніи «*Неостывшая отъ зною*», — произведеніи, въ которомъ явленіе природы, простое и несложное, да сверхъ того взятое безъ всякихъ отношеній къ міру фантастическому, разрастается въ картину смутнаго и какъ бы сверхъ-естественнаго величія. Поэтъ просто говоритъ о зарницѣ въ лѣтнюю ночь, но взгляните, какими удивительными словами выражаетъ это представленіе его пылкая душа, до самой своей глубины потрясенная картиною, въ нее залегшею.

Неостывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полною грозою,
Все въ зарницахъ трепетало.

Неба сонныя рѣсницы
Раскрывалися порою,
И, сквозь былыя зарницы,
Чьи-то грозныя зеницы
Загорались надъ землею!

Вотъ и все стихотвореніе; но какой человѣкъ, понимающій поэзію, не испытаетъ глубокаго потрясенія, читая его, въ особенности же повторяя себѣ послѣднія строки? Тутъ намъ высказывается вся несравненная, безпредѣльная сила метода лирическаго, такъ какъ сейчасъ, въ стихахъ г. Майкова, сказался намъ спокойно-объективный методъ въ поэзіи. Разберите стихотвореніе г. Тютчева съ точки зрѣнія пластика, — и вы тотчасъ примѣтите его недостатки въ этомъ отношеніи. Не говоримъ уже о томъ, что образы, самые разнородные, здѣсь перепутываются въ хаотическое цѣлое,

Digitized by Google

что неизвѣстно, чьи то зеницы загораются подъ землей *сквозь* бѣгдыя зарницы, — вся картина никакъ не передается на полотно, да и самая попытка къ тому невозможна. И, не смотря на то, вещь превосходна, — причина этому та, что *человѣкъ человѣческій, если имъ движетъ натура страстная и поэтическая, имѣетъ въ себѣ огромную и не поддающуюся спокойному анализу силу, ту силу, за которой никакая книга не уломится.*

Совершенно подобныхъ явленій находимъ мы множество въ книжечкѣ стихотвореній Фета. Возьмемъ, напримѣръ, хотя стихотвореніе «Пчелы», совершенно запутанное въ объективно-художественномъ отношеніи, но стоящее необыкновенно высоко чрезъ лиризмъ, въ немъ заключающійся.

Пропаду отъ тоски я и лѣни,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни...
Въ каждый гвоздикъ душистой сирени,
Распѣвая, вползаетъ пчела...
Дай, хоть выду я въ чистое поле,
Иль совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу...
Съ каждымъ шагомъ не легче на волѣ,
Сердце пышетъ все болѣ и болѣ,
Словно уголь въ груди я несу.
Нѣтъ, постой же: съ тоскою моею
Здѣсь разстанусь. Черемуха спитъ...
Ахъ, опять эти пчелы надъ нею!
И никакъ я понять не умѣю,
На цвѣтахъ ли, въ ушахъ ли звенятъ.

Вотъ пятнадцать поэтическихъ строкъ, въ которыхъ напрасно станемъ мы искать послѣдовательности, ясности, опредѣленной картинности. Мы даже не видимъ, въ какую пору дня происходитъ моментъ, изображенный поэтомъ, не знаемъ даже, въ чьи уста влагаетъ онъ свой весенній дифирамбъ, не знаемъ, кто смотритъ на жужжащихъ пчелъ: самъ ли поэтъ, молодая ли дѣвушка, молодой ли мужчина? Какими же путями, при всей этой путаницѣ образовъ и восклицаній, поэтическая цѣль достигнута со всей полнотою? Путь здѣсь одинъ — задушевный лиризмъ, составляющій всю силу человѣка, имъ одареннаго.

Здѣсь мы прекращаемъ наши сближенія между поэтами и просимъ читателя извинить насъ за длинное отступленіе: оно было необходимо для указанія важной и существенной стороны Майковскаго дарованія. Поэтъ-художникъ, но не лирикъ, писатель замѣ-

Digitized by Google

чательный мастерскою, спокойною отдѣлкою своихъ стихотвореній, г. Аполлонъ Майковъ, съ перваго своего появленія передъ русскую публику, сталъ *поэтомъ мысли* и безтрепетно принялъ на себя весь нескончаемый трудъ, сопряженный съ этимъ званіемъ. Превосходно владѣя стихомъ, чувствуя себя полнымъ хозяиномъ въ области спокойнаго художественнаго созерцанія, мастерски передавая намъ античную прелесть древней поэзіи, онъ могъ бы замкнуться въ предѣлахъ, ему хорошо извѣстныхъ, и все-таки остаться однимъ изъ первоклассныхъ русскихъ поэтовъ; но онъ не сдѣлалъ этого, къ чести своей и въ примѣръ другимъ дѣятелямъ: Майковъ понялъ отвѣтственность, налагаемую на него дарованіемъ и не задремалъ на лаврахъ своей молодости. Со времени появленія его первой книжки до настоящаго года, онъ жилъ, пѣлъ и трудился, какъ слѣдуетъ истинному поэту мысли, испытывая себя на всѣхъ поприщахъ, отыскивая вдохновеніе въ мірѣ исторіи, увлекаясь временными и насущными требованіями общества, передавая на русскій языкъ мысль и духъ знаменитѣйшихъ чужеземныхъ поэтовъ, зорко слѣдя за всѣми высокими моментами нашей вседневной жизни, обращаясь къ разительнѣйшимъ явленіямъ древняго міра, все болѣе и болѣе разширяя кругъ своего міросозерцанія, полнѣе и полнѣе понимая самую сущность того, что на языкѣ нашемъ зовется поэтическимъ призваніемъ. Въ теченіе десяти лѣтъ слишкомъ, дѣятельность Майкова приносила ему болѣе неудачъ, чѣмъ успѣховъ, болѣе борьбы, чѣмъ радостей, но поэтъ не ослабѣлъ въ своихъ силахъ, не оробѣлъ передъ временными оборотами общаго мнѣнія и, наконецъ, могъ пожать плоды своихъ благородныхъ усилій. Мы сожалѣемъ о томъ, что предѣлы статьи нашей дозволяютъ намъ лишь одинъ краткій очеркъ этой, болѣе чѣмъ десятилѣтней, дѣятельности, но современемъ мы надѣемся дополнить недосказанное нами, а собраніе новыхъ стихотвореній г. Майкова, уже приготовляющееся къ печати, подаетъ къ тому удобный случай.

И такъ, дѣятельность поэта нашего, тотчасъ же послѣ изданія его первыхъ стихотвореній, распалась на двѣ части. Къ первой, исполненной спокойствія и навѣянной антологически-художественной стороной его дарованія, мы отнесемъ «Очерки Рима», обнимающіе собой пространство времени отъ 1843 до 1847 года, и весь небольшой отдѣлъ второго тома, подъ названіемъ «Изъ древняго міра». Безъ этихъ очерковъ Рима и сценъ изъ древней жизни, можетъ быть, и самому г. Майкову его дѣятельность показалась бы изнурительною. Какъ бы то ни было, намъ пріятно слѣ-

Digitized by Google

дить за тѣмъ, какъ свѣтлая, художественная, тихая струя, уже давшая поэту столько успѣховъ, осталась при немъ въ самомъ разгарѣ борьбы и сомнѣній, смягчая его тяжелыя минуты и постоянно напоминая развитымъ людямъ, что прежній художникъ Майковъ остался прежнимъ художникомъ, полнымъ властителемъ своей поэтической области. Въ стихотвореніяхъ, нами указанныхъ, преимущественно въ «Очеркахъ Рима», помимутно встрѣчаются картины большой прелести и законченности. Укажемъ, напримѣръ, на «Palazzo», на «Ватиканскій Музей», на піесу «Ницій», на прелестную вещицу «Fortunata», едва ли не самое лирическое изъ всѣхъ Майковскихъ произведеній того времени. Священный воздухъ Италіи, вмѣстѣ съ изученіемъ старой живописи и великихъ итальянскихъ поэтовъ, благодѣтельно подѣйствовалъ на русскаго юношу; величавый Дантъ съ этихъ поръ уже началъ имѣть вліяніе на его дальнѣйшее развитіе: «Нимфа Эгерія» о томъ свидѣтельствуетъ.

Въ «Нимфѣ Эгеріи» и небольшомъ числѣ піесъ, нами упомянутыхъ, мы уже можемъ видѣть прогрессъ Ап. Майкова, какъ поэта мысли. Въ нихъ онъ идетъ впередъ, не утрачивая ни художественности стиха, ни поэтическаго спокойствія, и какъ бы предчувствуетъ ту дорогу, на которую ступилъ онъ наконецъ въ послѣдніе годы.

Странно и какъ будто неловко, покончивши съ этой невозмутимой, чисто-художественной стороной дѣятельности г. Ап. Майкова, кинуть пытливый взглядъ на другую, тревожную сторону его занятій. Колеблясь передъ своей задачей, мы невольно платимъ долгъ самому безтолковому изъ предразсудковъ. Мы такъ привыкли считать всякаго истиннаго поэта какимъ-то олимпійскимъ созданіемъ, съ вѣнцомъ на головѣ и непогрѣшимой самоувѣренностью во взглядѣ! Изъ-за чего, думаемъ мы невольно, поэту *искать* и колебаться, бороться съ своимъ призваніемъ, бродить по какимъ-то небывалымъ путямъ и снискивать свой поэтическій хлѣбъ въ потѣ лица? Ему все должно даваться легко, онъ воленъ какъ вѣтеръ, и его повелитель — одна минута, какъ говорится у Шиллера. Но, увы! все сейчасъ сказанное еще можетъ, пожалуй, относиться къ поэтамъ-лирикамъ, къ поэтамъ страсти, — что до поэтовъ мысли, немного придется дѣятельности на ихъ долю, если они станутъ служить минутѣ вдохновенія и ждать порывовъ творчества! Имъ нельзя жить безъ труда и многосторонней, строго воспитанной опытности, безъ близкаго знакомства съ наукой, интересами общества и иными многосложными предметами. Только че-

Digitized by Google

резъ изученіе и знаніе достигаютъ они той славы и того значенія, къ которымъ указанъ путь дѣятельностью двухъ величайшихъ поэтовъ мысли: Гёте и Вордсворта. Потому-то пускай поспѣшитъ всякій человѣкъ, цѣнящій поэзію, отдать полную дань уваженія поэту трудящемуся, хотя бы поэтъ этотъ по временамъ ошибался въ своемъ трудѣ, хотя бы онъ по временамъ сворачивалъ съ прямой дороги.

Въ настоящее время, разсматривая г. Майкова, какъ поэта-мыслителя, мы очень хорошо видимъ его заслуги и совершенства. Мы сознаемъ вполнѣ, до какой степени разширилъ онъ область ему принадлежащую, къ какимъ изящнымъ произведеніямъ привело его, напримѣръ, изученіе исторіи — («Три Смерти», «Савонарола»), какими утѣшительными результатами обозначилось его долговременное изученіе поэтовъ, подобныхъ Данту, Гейне. Но то, что видимъ мы въ настоящемъ, не сразу далось поэту нашему. Чтобъ вполнѣ начертать себѣ прямой путь, надобно весьма близко, и даже иногда черезъ собственный опытъ, ознакомиться съ ложными путями, — хотя бы для того, чтобъ понять всю ихъ ложность. Пути, по которымъ г. Майковъ шолъ къ своему настоящему развитію, не всегда могли назваться настоящими путями, но онъ шолъ по нимъ, не роняя своего достоинства, шолъ твердо и честно, выполняя свое дѣло и послѣдствія его предоставляя судьбѣ. Такъ трудолюбивый земледѣлецъ, улучивъ свободный часъ, усердно разпахиваетъ заглохшее поле, которое, быть можетъ, и однимъ лишнимъ зерномъ не воздастъ за усилія труженика. И г. Аполлонъ Майковъ, подобно предпріимчивому земледѣльцу, трудился въ потѣ лица надъ неблагодарною почвою, и, благодаря Бога, трудился не напрасно. Исторію этого труда мы должны коснуться, хотя вскользь, несмотря на то, что въ двухъ томахъ стихотвореній, находящихся передъ нами, мы не находимъ почти ничего, относящагося къ сейчасъ указанной порѣ Майковской дѣятельности.

Въ наше время всякому читателю извѣстно, какого рода теоріи и увлеченія господствовали въ нашей литературѣ за время сороковыхъ годовъ. Критика, направленная временными, весьма полезными, но довольно безплодными для литературы соображеніями, да сверхъ того поощренная примѣромъ французскихъ и германскихъ цѣнителей, видимо клонилась къ общественному дидактизму, къ отрицанію законовъ чистаго искусства. Первые писатели русскіе, по молодости, пылкости и, что всего важнѣе, по отсутствію самостоятельности въ воззрѣніи на свое дѣло, или смѣло поднимали знамя временнаго поученія, или робко хранили про се-

Digitized by Google

бя свои независимыя теоріи, не рискуя высказаться и гордо пойти противъ модиаго заблужденія. Въ такое время поэту жить было трудно. Еще при дидактизмѣ, ясно опредѣлившемся, поэтъ можетъ изрѣдка вымолвить свое словцо, изрѣдка тиснуть мѣткое стихотвореньице; но какова можетъ быть его роль въ томъ обществѣ, гдѣ самый дидактизмъ, по новизнѣ своей, высказывается однимъ смутнымъ отрицаніемъ? А дидактизмъ сороковыхъ годовъ, по своему туманному характеру и многимъ нелитературнымъ обстоятельствамъ весь вращался въ сферѣ туманнаго, неопредѣленнаго отрицанія. Писатель, отдавшій себя дѣлу общественнаго поученія, въ то время съ большимъ трудомъ могъ найти хотя малую область для дѣятельности — для него была недоступна даже та сторона, которая въ настоящее время вдохновляетъ поэта Розенгейма и князя Кугушева, автора «Дуняши». Что могъ онъ высказать, кромѣ сумрачнаго и довольно кислаго «недовольства окружающей его средою» (стереотипное выраженіе стараго времени)? На недовольствѣ окружающею насъ средою можно построить меланхолическую повѣсть, психологическій этюдъ съ Оберманновскимъ лиризмомъ, — но что-же могъ сдѣлать изъ него поэтъ, существо котораго имѣетъ своимъ корнемъ крѣпкую дѣйствительность и моменты наслажденій жизнью? Отвративши взглядъ отъ цѣлаго общества (какъ бы велики ни были его пороки), устремляя всю свою наблюдательность на особенности мрачныя и возмущающія, поэтъ можетъ придти лишь къ двумъ выгоднымъ пунктамъ, — то-есть или къ безплодію, или къ созданію фантастическихъ идеаловъ. Истина эта такъ вѣрна, что не терпитъ исключеній. Незыблемая точка опоры необходима пѣвцу, и если онъ не отыщетъ ее въ дѣйствительномъ мірѣ, то, по необходимости, унесется въ міръ утопій, иногда яркихъ и поэтическихъ, но всегда почти ложныхъ. Байронъ, отрекшійся отъ интересовъ своей великой и могучей родины, не примѣтившій ея свѣтлыхъ сторонъ за временными пороками, былъ принужденъ создать себѣ цѣлый міръ не изъ живыхъ людей, но изъ небывалыхъ и призрачныхъ корсаровъ, изгнанниковъ, разочарованныхъ чародѣевъ-преступниковъ. Жоржъ Сандъ, увлеченный страстью и ставшій въ отрицательное состояніе ко всему обществу, черезъ свое увлеченіе былъ принужденъ, во что бы то ни стало, опереться на чужія теоріи, не просуществовавшія двадцати лѣтъ и рухнувшія въ прахъ при общемъ смѣхѣ. Всѣ эти явленія намъ теперь ясны, какъ день, но не то было съ ними въ сороковыхъ годахъ, въ эпоху надеждъ, смутныхъ стремленій, законнаго протеста противъ окружавшей насъ тьмы, и великодуш-

Digitized by Google

ной, хотя ребяческой, погони за новѣйшими изъ идеаловъ. Г. Майковъ увлекся общимъ направленіемъ словесности, за одно съ благонамѣреннѣйшими и даровитѣйшими изъ своихъ товарищей; плодомъ увлеченія этого вышло довольно большое количество произведеній, изъ которыхъ лишь два или три удостоились чести быть помѣщонными въ настоящемъ собраніи его стихотвореній. Къ названной нами порѣ, между 1844 и 1850 годами, относятся, между прочимъ, поэма «Двѣ Судьбы» и отрывокъ «Барышнѣ».

Не намъ приходится осуждать поэтовъ за излишнюю разборчивость въ выборѣ стихотвореній для печати, но, не смотря на то, мы отъ души жалѣемъ, что поэма «Двѣ Судьбы» не вошла въ полное собраніе трудовъ г. Майкова. Мы очень хорошо знаемъ, что это произведеніе, когда-то восхваляемое дидактиками, грѣшитъ и неопредѣленностью замысла, и ошибками въ постройкѣ, но знаемъ и то, что нѣкоторыя подробности поэмы выполнены блистательно. Еслибъ въ ней даже не имѣлось картинъ, отчасти выкупающихъ грѣхи цѣлаго, — поэма «Двѣ Судьбы» все-таки не можетъ принадлежать къ числу дѣлъ, которыхъ надо стыдиться. Не для угоды вѣтреной критикѣ, не изъ преходящей моды нашъ поэтъ кинулся въ анти-поэтическую область, — онъ вступилъ въ нее съ сердцемъ, полнымъ надеждъ, съ жаднымъ взглядомъ, съ честными помыслами. Въ отрицаніи видѣлъ онъ не одну пустую брань или успѣхъ скандала (какъ, къ сожалѣнію, дѣлаютъ многіе) — онъ всей душой своей понадѣялся на дѣло отрицанія и ждалъ отъ него невозможной поэзіи также искренно, какъ иной труженикъ-земледѣлецъ ждетъ обильной жатвы отъ истощеннаго поля. Если разсчетъ оказался невѣрнымъ, то самый опытъ не прошолъ даромъ. Не смотря на поощренія цѣнителей, не смотря на временныя требованія публики, не смотря, на то, что въ концѣ сороковыхъ годовъ всякое слово (даже полуслово) отрицанія казалось чѣмъ-то плѣнительнымъ и смѣлымъ, нашъ поэтъ повѣрилъ своему собственному опыту болѣе чѣмъ современной прихоти. Напрасно ему говорили, что безплодное поле только кажется безплоднымъ, — онъ хорошо и по опыту зналъ, что изъ камня хлѣба не добудешь. Напрасно цѣнители искренно восхищались тенденціей его поэмы, — Майковъ узналъ, что благонамѣренная тенденція не есть еще вдохновенное слово, и что отъ отрицанія той или другой среды до малѣйшаго поэтическаго образа разстояніе безконечно. Дидактика соціальная, смутная, дидактика, построенная на невозможныхъ скачкахъ и вяломъ отрицаніи, была извѣдана поэтомъ, и ея мертвенная сторона раскрылась передъ нимъ во всей своей ужасающей

Digitized by Google

наготѣ. Путемъ труда и опыта, онъ понялъ, что искусство при всѣхъ своихъ неземныхъ особенностяхъ, должно имѣть свой корень въ прочной дѣятельности, никакъ не въ неопредѣленныхъ порывахъ души, какъ бы чисты и благонамѣренны ни были эти порывы. Онъ уразумѣлъ всѣмъ сердцемъ, что въ дѣлѣ вдохновенія все неясное, неформулированное и невысказавшееся въ самой жизни, тоже что песчаный грунтъ, въ которомъ глохнетъ всякое растеніе, глохнетъ безъ плода и даже безъ цвѣта.

Патріотически-дидактическая дѣятельность г. Майкова, — дѣятельность, когда-то такъ сильно осуждаемая, была прямымъ плодомъ того соціально-дидактическаго настроенія, которое разрѣшилось поэмой, сейчасъ нами указанной. Поэтъ, задумавшій искать себѣ вдохновенія въ мірѣ временныхъ и преходящихъ интересовъ общества, можетъ понимать свою задачу двояко, то-есть искренно или неискренно. Если онъ разумѣетъ ее неискренно, т. е. въ дидактизмѣ своемъ придерживается моды и льститъ минутнымъ требованіямъ умниковъ, то ему ничего не стоитъ и распрощаться съ общественнымъ поученіемъ, чуть оно не дастъ ему ожидаемыхъ успѣховъ. Но при искренности воззрѣнія, при дѣйствительномъ и нелицемѣрномъ стремленіи сливать свою поэзію съ дѣлами государства и общества, развязка приходитъ не съ такой непринужденностью. Современное поученіе имѣетъ много сторонъ, много путей, изъ которыхъ иные могутъ показаться истинными даже послѣ того, какъ другіе обманули и привели къ неудачѣ. Тамъ, гдѣ мудрецы заблуждаются, можетъ быть правою масса съ ея инстинктами; гдѣ сбиваются съ толку книжные люди, — дѣти и юноши въ своей непосредственности провидятъ истину. Въ концѣ сороковыхъ годовъ г. Майковъ вполнѣ понялъ, что прежніе его учители ошибались. Онъ увидѣлъ, что ихъ туманные и не перешедшіе въ законную формулу протесты имѣютъ лишь слабый отголосокъ во всемъ обществѣ, но, увидавъ это, еще не потерялъ вѣры въ дѣло общественнаго поученія. Въ этомъ отношеніи онъ поступилъ стойко, и не счелъ всей кампаніи пропавшею послѣ перваго сраженія. Сверхъ того было еще одно важное обстоятельство, удержавшее нашего поэта на временно-поучительномъ пути, имъ избранномъ: въ политическомъ мірѣ происходило событіе новое и поразительное для всего молодого поколѣнія, родившагося и воспитавшагося посреди тишины и внѣшняго спокойствія, — событіемъ этимъ была великая европейская война со всѣми подвигами, катастрофами и вопросами, ее ознаменовавшими.

Въ настоящее время мы можемъ говорить о минувшей войнѣ

Digitized by Google

безъ увлеченія и горя, съ полнымъ спокойствіемъ и полнымъ безпристрастіемъ. Въ этомъ дѣлѣ нашему отечеству стыдиться нечего, оно можетъ безъ скорби вспоминать даже о военныхъ неудачахъ, славныхъ какъ побѣды, даже о злоупотребленіяхъ, войною раскрытыхъ и войною же приближенныхъ къ возможному исправленію. И потому мы можемъ съ откровенностью сознаться въ томъ, что послѣдняя наша борьба съ Европою не походила, ни по исходу, ни по значенію, на великую популярную борьбу двѣнадцатаго года. Но какъ бы то ни было, не слѣдуетъ забывать и того, что война съ Турціею и союзниками Турціи, окончепная посреди общаго утомленія, не популярная ни въ Россіи, ни въ Англіи, ни даже въ задорно-шумливомъ французскомъ народѣ, въ самомъ началѣ своемъ, нѣкоторое время была у насъ войною популярною. Не смотря на всю многосложность восточнаго вопроса, не взирая на дипломатическую и не всѣмъ доступную часть переговоровъ и начинаній, масса русскаго общества видѣла въ начинающейся войнѣ мысль великодушную, уносящую человѣка изъ области сухихъ вседневныхъ интересовъ. Въ глазахъ простолюдина, какъ и въ глазахъ грамотнаго человѣка, разгаравшаяся война была войной за угнетенныхъ христіанъ, за братьевъ, истерзанныхъ и замученныхъ поганымъ туркомъ. Не говоримъ уже о томъ, до какой степени сострадателенъ и добръ народъ русскій, но стоитъ лишь вспомнить о жителяхъ Россіи, исполненныхъ ненависти къ мусульманину — притѣснителю ихъ единоплеменниковъ, о грекахъ, армянахъ, болгарахъ, сербахъ, раскиданныхъ по всѣмъ областямъ нашимъ или живущимъ около границъ, въ сосѣдствѣ своихъ враговъ, — и мы поймемъ почему начало великой восточной войны поглотило собой умы и сердца нашихъ соотечественниковъ. Въ рыцарскомъ чувствѣ христіанина, идущаго защищать своихъ угнетенныхъ братьевъ, въ благородной мести русскаго воина, возмущеннаго первыми варварствами турокъ на нашей землѣ, въ восторженномъ увлеченіи цѣлаго народа, убѣжденнаго въ своей непобѣдимости, наконецъ во всѣхъ подробностяхъ тяжкой войны, еще невиданной нашимъ поколѣніемъ — заключалась своего рода несомнѣнная поэзія. Винить г. Майкова въ томъ, что онъ увлекся этой поэзіей, мы никакъ не можемъ. Мы не винимъ его и за то, что многіе предметы и лица, событіями выдвинутые впередъ въ то время, поразили поэта, какъ живое воплощеніе энергіи, славы, величія и такъ далѣе. Въ воззрѣніяхъ его многое оказалось скороспѣлымъ, и многое было разрушено опытомъ послѣдующихъ годовъ, но сомнѣваться въ искренности этихъ воззрѣній никто не

Digitized by Google

имѣетъ малѣйшаго права. Такъ же мало права имѣемъ мы охуждать поэта за то, что онъ отъ дидактики туманно-гуманической, отъ дидактики, понятой только небольшимъ кругомъ развитыхъ цѣнителей, передвинулся къ поученію, назначенному дѣйствовать на массы и имѣющему свой корень во всѣхъ доступныхъ, всѣми понимаемыхъ патріотическхъ стремленіяхъ цѣлаго народа. Въ первыхъ воинственныхъ крикахъ массы русскихъ людей, г. Майкову почудилась та общественная истина, за которой онъ гонялся такъ долго и такъ добросовѣстно. Онъ отдалъ свое поэтическое слово на пользу гонимыхъ христіанъ такъ же искренно, какъ въ эпоху борьбы за греческую независимость, другіе поэты (лордъ Байронъ, Гюго, Лудовикъ Баварскій) служили этой борьбѣ своимъ вдохновеніемъ. Мирный поэтъ, подобно многимъ изъ своихъ предшественниковъ, позабылъ что его дѣло — дарить общество кроткимъ и тихимъ словомъ, что роль Тиртея всегда бываетъ тяжела и неблагодарна. Впрочемъ, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ сказать, чтобъ сейчасъ упомянутые нами труды г. Майкова принадлежали къ числу трудовъ совершенно неблагодарныхъ. Ихъ читали и хвалили въ свое время, они отличались теплымъ чувствомъ и ловкимъ стихомъ, а иные изъ нихъ, напримѣръ «Клермонтскій Соборъ», обозначали собой довольно плодотворную эпоху въ Майковской дѣятельности. Собственно же воинственнымъ огнемъ или сердце-возбуждающимъ настроеніемъ означенныя произведенія не отличались, — русскій поэтъ по необходимости стоялъ слишкомъ далеко и отъ мѣста воспѣваемыхъ имъ дѣйствій, и отъ самыхъ интересовъ, такъ принятыхъ имъ къ сердцу. Сколько ни старались русскіе поэты, какъ ни обливалось ихъ сердце кровью при слухахъ о страждущихъ и гонимыхъ турецкихъ подданныхъ, слово ихъ не было словомъ того, кто самъ терпитъ и носитъ на себѣ гнетъ отъ иновѣрца-притѣснителя. А потому, во всей массѣ стихотвореній, порожденныхъ событіями послѣдней войны, стоитъ на первомъ планѣ не стихотвореніе г. Майкова, не пѣсня о воеводѣ Пальмерстонѣ, а немногословное стихотвореніе какого-то неизвѣстнаго серба, проклинающаго Стамбулъ и призывающаго на него небесное мщеніе «за сербовъ, за болгаръ, за грековъ и за всѣхъ придавленныхъ свинцовой пятой мусульманина...»

Впечатлѣніе, произведенное на нѣкоторую часть строгихъ цѣнителей патріотическими произведеніями г. Майкова было необыкновенно странно, и, не взирая на свою нелогичность, плодотворно для поэта. Новая, воинственная дидактика, проводимая въ показанныхъ нами стихотвореніяхъ, возбудила въ литературѣ столько

Digitized by Google

же порицаній, сколько похвалъ была когда-то возбуждена Майковской дидактикой перваго періода (особенно поэмою «Двѣ Судьбы»). Лучшіе органы нашей журналистики не раздѣляли этого охужденія, но за то весь задній дворъ русской литературы съ озлобленіемъ великимъ накинулся на прежде прославляемаго поэта. Г. Майкова безъ церемоніи называли шаткимъ мыслителемъ, угодникомъ неразвитой толпы, отступникомъ отъ прежнихъ гуманныхъ теорій, — въ его стихахъ видѣли не добрую цѣль, не національныя стремленія, не весьма понятное чувство воспріимчиваго человѣка увлеченнаго блескомъ и обстановкой военныхъ подвиговъ но какой-то недостойный разсчетъ, чуждый душѣ нашего благороднаго писателя. Критика заднихъ дворовъ журналистики никогда не отличается разборчивостью: у кого на душѣ много грязи, тотъ самъ, (можетъ быть для успокоенія своей совѣсти), силится видѣть грязь во всемъ существующемъ. Само собою разумѣется, выходки вздорныхъ, бездарныхъ писакъ не могли огорчить г. Майкова, но къ выходкамъ этимъ вскорѣ присоединилось осужденіе болѣе серьезное. Во всякой литературѣ имѣется большое количество лицъ честныхъ и трудолюбивыхъ, хорошо владѣющихъ перомъ, но ровно ничего не понимающихъ въ дѣятельности поэтовъ и въ законахъ поэзіи. Всѣ эти лица, по устройству своего разсудка, способны видѣть поэзію лишь въ одной дидактикѣ, и въ томъ винить ихъ трудно: дидактика поэтическая для нихъ тоже, что сюжетъ оперы для слушателя, лишеннаго всякой музыкальности. Ничего не смысля въ высочайшемъ дарѣ небесъ, вдохновеніе — они отъ вдохновенныхъ пѣвцовъ ждутъ того же, чего слушатель, сейчасъ упомянутый, ждетъ отъ оперная либретто, то есть фактической стороны, внѣшняго интереса, нѣкоторой задорности и такъ далѣе. Какъ для оперная *зрителя* «Вильгельмъ Тель» выше «Донъ-Жуана» и «Фенелла» несравненно занимательнѣе, чѣмъ «Севильскій Цирюльникъ» — такъ и для честнаго, но неразвитаго въ поэтическомъ смыслѣ цѣнителя, обличительная повѣсть важнѣе Гончаровскаго романа, и Пушкинское стихотвореніе меркнетъ въ сравненіи съ какой нибудь современной сатирой. Такіе-то почтенные люди — истинная чума для поэтовъ, присоединили свой голосъ къ голосу ничтожныхъ крикуновъ, присоединили его не изъ злобы и разсчета, но вслѣдствіе искренняго убѣжденія, искренняго недовольства новымъ направленіемъ Майкова. Возгласы ихъ были довольно сильны, и выдалось нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ почти вся русская новая литература стала къ Ап. Майкову въ крайне недружелюбное положеніе. Для нашего незлобнаго пѣвца наступило самое тяжелое время, но онъ пережилъ его

Digitized by Google

съ честью, не уступая общему голосу и не раздражая его какой-нибудь извинительной въ ту пору протестаціей. Его терпѣніе въ скорости получило свою награду, — ибо, какъ мы уже сказали выше, реакція цѣнителей противъ Майковскаго дарованія имѣла свои полезныя, плодотворныя послѣдствія.

Первымъ и важнѣйшимъ изъ послѣдствій этихъ было конечное убѣжденіе самого г. Майкова въ полной несостоятельности всякаго дидактическаго или поучительнаго направленія въ поэзіи. Поученіе, которому поэтъ служилъ въ сороковыхъ годахъ, столкнулось съ поученіемъ, впослѣдствіи его увлекшимъ, — и къ величайшему счастію для всѣхъ насъ, столкновеніе это въ конецъ сокрушило оба поученія. Въ самомъ дѣлѣ, г. Майковъ могъ спросить себя, и, конечно, спрашивалъ не разъ: за что на мѣня ополчился весь легіонъ честныхъ и благонамѣренныхъ чтителей дидактики? Вопросъ этотъ уже заключалъ въ себѣ зерно сомнѣнія, отъ котораго имѣли распасться всѣ прежнія теоріи. Въ своихъ патріотическихъ произведеніяхъ, нашъ авторъ не нарушилъ ни одного изъ законовъ дидактической поэзіи. Его слова имѣли смыслъ и вѣсъ: они касались важнѣйшаго современнаго вопроса, они имѣли сильный отголосокъ въ обществѣ, ихъ повторяли люди честные и храбрые, готовые взглянуть въ лицо смерти и положить душу за свою родину. Въ нихъ не было ничего, противнаго честнымъ стремленіямъ человѣка, ихъ основаніе глубже лежало въ народѣ, чѣмъ, напримѣръ, основаніе той философско-соціальной дидактики, на основаніи которой поэма «Двѣ Судьбы» была задумана и выполнена. И Жоржъ-Сандизмъ, слѣды котораго видимъ мы въ «Барышнѣ», и систематическое возведеніе въ теорію недовольства своей средою, высказанное въ «Двухъ Судьбахъ» давно уже начали утомляться въ нашемъ обществѣ, а между тѣмъ гонители новыхъ поучительныхъ вещей г. Майкова видимо сѣтовали на него за то, что онъ не проводитъ идей и тенденцій, когда-то имъ проводимыхъ. По какому случаю тутъ допущены двое вѣсовъ и двѣ мѣры въ дѣлѣ поученія, изъ какихъ причинъ цѣнители наши, признавая за поэтомъ право поученія, даже дѣлая это поученіе условіемъ *sine qua non* поэзіи, — возстали всѣ на поэта, чуть онъ сталъ примѣнять имъ же построенный принципъ, сообразно своимъ собственнымъ убѣжденіямъ? На это цѣнители возразили г. Майкову: ваше поученіе не хорошо, — оно противорѣчитъ и нашимъ, и вашимъ прежнимъ убѣжденіямъ. — Но отвѣтъ такого рода, какъ и слѣдовало ожидать, былъ послѣднимъ приговоромъ дѣлу поученія въ поэзіи. Самый легкомысленный писатель могъ понять изъ него,

Digitized by Google

что такъ восхваляемое право поэта — поучать своихъ современниковъ, есть ничто иное, какъ жесточайшее изъ стѣсненій дѣлу поэзіи. Вы имѣете право учить себѣ подобныхъ, — но учить ихъ такъ, какъ мы, цѣнители, того хочемъ. Если вы переросли свои старыя теоріи, если вы независимы по духу, если вы ищите новыхъ, нами еще не одобренныхъ, путей къ поэтической дидактикѣ, вы не поэтъ-гражданинъ, но фантазеръ, утопистъ, отсталой виршеплетъ и ничего болѣе. Учите людей тому, что намъ нравится, и измѣняйте цѣль своихъ поученій лишь тогда, когда мы сами сдѣлаемъ шагъ впередъ и измѣнимъ наши взгляды на обязанность учителя... Спрашивается послѣ этого, что же такое поэтическій дидактизмъ, если не полное подчиненіе вдохновенія поэта духу той или другой партіи, подчиненіе унизительное, вялое и безплодное! Если бъ еще партіи наши были зрѣлы и прочны, поэтамъ оставалась бы хотя какая нибудь временная гарантія въ ихъ стойкости, но гдѣ же взять эту гарантію при настоящей шаткости нашихъ мнѣній, при измѣнчивости нашихъ литературныхъ и мыслящихъ круговъ общества?

На такія соображенія непремѣнно должно было навести г. Майкова то рѣзкое осужденіе, которое онъ встрѣтилъ за свою дѣятельность, относившуюся къ дѣламъ и вопросамъ прошлаго военнаго времени. Нашъ поэтъ, къ чести его, надо сказать, весьма мягокъ и уступчивъ по натурѣ, онъ никогда неспособенъ пренебрегать голосомъ умныхъ дѣятелей, но при всей своей уступчивости, при всемъ уваженіи къ суду товарищей-литераторовъ, онъ не могъ признать себя неправымъ. Онъ ясно созналъ, что его судятъ съ точки зрѣнія духа партіи, и, сознавши это, не могъ уже увернуться отъ совершенно логическаго вопроса: «чего же ожидать поэту поучительнаго направленія, если всякая литературная партія начнетъ судить его, сообразно съ временными цѣлями и стремленіями?» Такой вопросъ велъ за собой совершенное паденіе вѣры въ дидактику, и вслѣдъ за тѣмъ окончательный выходъ на тотъ путь, который не можетъ подлежать суду временныхъ партій, ибо находится выше ихъ и обнимаетъ собою всесторонніе видоизмѣненія помысла человѣка. Въ то самое время, когда нашъ поэтъ, по ходу событій и развитія, подходилъ къ самому широкому пониманію законовъ искусства, перевороты, совершившіеся въ политическомъ мірѣ, еще болѣе ускорили весь процессъ, нами сейчасъ объясненный. Война кончилась посреди общаго изнуренія. Общественное мнѣніе обратилось къ изученію дѣлъ внутренняго устройства. О войнѣ стали забывать, вмѣсто блестящихъ и сердце волнующихъ

Digitized by Google

сценъ, вмѣсто знаменъ, носимыхъ по улицамъ, вмѣсто слуховъ о геройскихъ подвигахъ, остались слѣды бѣдъ и крови, воспоминанія о погибшихъ семействахъ. Передъ глазами нашими обнаружилась изнанка боевой дѣятельности, и роль поэта-возбудителя, роль современнаго Тиртея, стала совсѣмъ невозможной, по минованіи въ ней надобности.

Такъ совершилась временно-поучительная дѣятельность г. А. Майкова, и такое окончаніе могло бы показаться крайне грустнымъ, еслибъ дѣло шло о поэтѣ, не такъ много думавшемъ о своемъ призваніи.

У нашего автора, по его счастію, имѣлась не только вѣрная точка опоры, но и цѣлый путь къ усовершенствованію, не только своя богатая почва для воздѣлыванія, но и плоды, тихо и какъ бы незамѣтно выросшіе на этой почвѣ, выросшіе въ пору самаго разгара работы надъ неблагодарными темами. Вслѣдствіе всего этого, г. Майковъ, безъ всякаго преднамѣреннаго разсчета или желанія озадачить публику, поступилъ совершенно такъ, какъ какой нибудь искусный генералъ, въ труднѣйшую минуту сраженія, демаскирующій главныя свои силы и производящій новое наступленіе въ то самое время, когда его считаютъ сбитымъ съ позиціи. Едва замолкъ послѣдній отголосокъ патріотическихъ пѣсень нашего поэта, какъ онъ выступилъ впередъ съ новыми произведеніями, давно заготовленными и словно приберегаемыми къ трудной минутѣ. Произведенія эти, относившіеся къ 1851—1856 годамъ авторской дѣятельности, состояли изъ нѣсколькихъ сценъ изъ древняго міра, небольшихъ, но въ высшей степени замѣчательныхъ стихотвореній: «Нива», «Звуки Ночи», «Осень», «Импровизація», въ краткой и художественно-законченной поэмѣ «Рыбная ловля» (1855) и, наконецъ, въ двухъ другихъ поэмахъ: «Савонарола» и «Три Смерти», обозначившихъ собой новую ступень развитія въ поэтѣ и новую область для всей его дѣятельности. О многихъ замѣчательныхъ, но меньшаго достоинства трудахъ означеннаго періода, мы не упоминаемъ, по недостатку времени.

Пересматривая поэмы и стихотворенія г. Майкова, изданныя имъ въ послѣдніе три или четыре года его дѣятельности, мы видимъ въ нихъ несомнѣнный шагъ впередъ и привѣтствуемъ ихъ, какъ явленіе истинно утѣшительное. Въ нихъ поэтъ является вполнѣ независимымъ и всестороннимъ творцомъ, служителемъ искусства, чистаго искусства, нечуждаго ничему мірскому, но съ тѣмъ вмѣстѣ не подчиненнаго никакимъ временнымъ, преходящимъ цѣлямъ. Трудная эпоха попытокъ, борьбы и поучительныхъ увле-

Digitized by Google

ченій не безплодно прошла для г. Майкова, черезъ нее онъ, такъ сказать, всей душей своею провѣрилъ вдохновенія, представлявшіяся ему на разныхъ путяхъ дѣятельности, и обогатилъ свою мысль такою плодотворною провѣркою. Отъ періода соціальной дидактики онъ отодвинулся не съ безплоднымъ отвращеніемъ, но сохранивъ всю вѣру въ прогрессъ и начала правды, сохранивши въ себѣ и пытливость по части общественныхъ явленій и обиліе историческихъ познаній, помогавшихъ ему развлекать эти явленія. Простившись съ дидактикой патріотической, онъ не пересталъ сочувствовать наивнымъ стремленіямъ русскаго народа, не позабылъ своей любви къ слабымъ и угнетеннымъ, не отвернулся отъ перипетій новой, плодотворной войны русскаго общества съ внутреннимъ нашимъ пороками. Но, отвѣчая всему живому и человѣческому, г. Майковъ выучился уважать тѣ границы, въ которыхъ должна держаться дѣятельность поэта истиннаго, вполнѣ призналъ основы и сущность вліянія, какое всякій поэтъ можетъ имѣть на общество, ему современное. Навсегда отстранившись отъ партій въ дѣлѣ поэзіи, онъ не только поставилъ свое призваніе превыше всякой временной партіи, но, такъ сказать, подчинилъ себѣ все временное и преходящее, мирно замыкая въ свои пѣсни лишь одно то, что вѣчно и всесторонне. Теперь для г. Майкова не можетъ быть шага назадъ въ дѣлѣ своего призванія, онъ вышелъ на него не вслѣдствіе подражательности, не изъ причинъ случайныхъ, или не вполнѣ сознанныхъ, но вслѣдствіе лично добытаго убѣжденія и подчасъ многотруднаго опыта.

Продолжая нашъ обзоръ, мы видимъ, что въ чисто-художественномъ отношеніи, послѣдніе труды г. Майкова должны быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой изъ нихъ мы отнесемъ стихотворенія его первой манеры, вещи спокойно-объективныя («Нива», «Рыбная Ловля», «Осенью» и т. д.), не только не уступающія прежнимъ антологическимъ стихотвореніямъ, но иногда даже превосходящимъ ихъ или всесторонностью, или умѣреннымъ, но изящнымъ лиризмомъ, въ нихъ проявляющимся. Ко второй, должны мы отнести произведенія чисто лирическія по преимуществу и, стало быть (просимъ припомнить то, что говорили мы о г. Майковѣ какъ о лирикѣ), весьма трудныя для нашего поэта. Изъ нихъ многія вполнѣ удались и показываютъ собой несомнѣнный успѣхъ поэта, другія же имѣютъ въ себѣ несовершенства и недоконченности. По всему видно, что съ лирической стороной поэзіи г. Майковъ еще не кончилъ, и что она не легко ему дается. Все, что можно добыть разумнымъ наблюденіемъ прошлаго и изученіемъ

Digitized by Google

великихъ образцовъ между пѣвцами-лириками, уже сдѣлано нашимъ поэтомъ, но ему остается впереди еще много усилій надъ собою, еще много попытокъ и стараній. Жизнь въ этомъ отношеніи будетъ г. Майкову музой-наставницей, и мы искренно порадовались тому, что̀ нашъ авторъ предпринялъ довольно долгое и трудное странствованіе по свѣту, на время простился съ нашей, однообразной городской рутиной существованія, которая очень мила сама по себѣ, но едва ли не вредна для поэтовъ, подобныхъ г. Майкову. Возвращаясь къ послѣднимъ лирическимъ стихотвореніямъ автора нашего, мы можемъ откровенно сказать, что изъ нихъ небольшое число принадлежатъ къ неудавшимся, однако эту неудачу мы прямо назовемъ неудачей честной, ибо она происходитъ не отъ недостатка силъ, но отъ силъ, не искусно направленныхъ. Мы выписали такъ много прекрасныхъ произведеній Майкова, что имѣемъ право выписать теперь одно изъ самыхъ слабыхъ. Это стихотвореніе предшествуетъ цѣлому отдѣлу «Мотивы Гейне» и должно заключать въ себѣ поэтическій взглядъ на поэзію германскаго барда.

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимый.
И скачемъ мы за нимъ толпой,
Коней ретивыхъ утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И крикомъ воздухъ оглашая.
Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ,
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребренные луною...
И мы стоимъ у береговъ...
Въ туманахъ — замки, пѣсенъ звуки,
И благовонія цвѣтовъ,
И хохотъ, полный адской муки.

Стихотвореніе написано въ 1857 году и, стало быть, вполнѣ подтверждаетъ выводъ, недавно нами приведенный. Основаніе стихотворенія чисто лирическое: поэтъ, видимо находясь подъ вліяніемъ смутно-восторженнаго настроенія, вслѣдствіе чтенія Гейне, стремится воплотить чувства, въ немъ возбужденныя, въ рядѣ поэтическихъ образовъ. Мотивъ совершенно понятенъ и образы возможно-вѣрны. Въ послѣднихъ осьми стихахъ даже схвачена

Digitized by Google

неуловимая, полуфантастическая сторона Гейневской поэзіи, такъ напоминающей собою сонныя грезы, но цѣль испорчена неудачнымъ сравненіемъ нѣмецкаго пѣвца съ оленемъ, за которымъ, съ непонятною цѣлью, скачетъ толпа русскихъ поэтовъ. Здѣсь, такъ сказать, недостаетъ химической связи между поэтическимъ матеріаломъ, и означенный недостатокъ всего сильнѣе говоритъ о томъ, что для Майковской музы имѣется впереди еще много труда и всякихъ усилій.

Но главная заслуга г. Майкова за послѣдніе, теперь нами оцѣниваемые, годы его дѣятельности, есть его поэма «Три Смерти», оконченная въ 1852 году, въ печати же появившаяся чрезъ четыре года послѣ ея окончанія. Въ ней мы не можемъ не признать вѣнца всей Майковской дѣятельности, конечной точки, до которой въ настоящее время дошли его талантъ и его направленіе. Въ поэмѣ этой, сосредоточивающей въ себѣ всѣ достоинства и нѣкоторыя слабости поэта нашего, г. Майковъ является истиннымъ поэтомъ мысли, обогатившимся чрезъ науку и мышленіе, сочетавшимъ въ одно стройное цѣлое и поразительный замыселъ, и художественность формы, и блестящій лиризмъ многихъ подробностей. Поэма давно извѣстна всякому грамотному человѣку, и мы не станемъ разбирать ее во всей подробности. Въ ней все зрѣло, все полно, все обдуманно, начиная отъ изящнаго стихотворенія, которое декламируетъ Люцій, до предсмертныхъ распоряженій того же эпикурейца, которыми заканчивается все произведеніе. Муза исторіи, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко вдохновляющая современныхъ русскихъ поэтовъ, здѣсь дала многое г. Майкову. Отвѣчая на ея призывъ, авторъ поэмы «Три Смерти» окончательно прибавилъ нѣсколько струнъ къ своей лирѣ и подарилъ отечественную литературу произведеніемъ, которое въ ней всегда будетъ уважаться. Вся поэма г. Майкова напоминаетъ собой мастерски отдѣланный барельефъ, въ которомъ, можетъ быть, и встрѣчаются два, три украшенія не совсѣмъ классическаго стиля, но который истинно поразителенъ по правильности каждой фигуры, по строгости и грандіозности постановки. Лишнимъ считаемъ говорить о художественной отчетливости, до которой доведенъ поэтомъ каждый стихъ его произведенія. Этимъ достоинствомъ блистали и самые первые труды нашего автора. Но въ поэмѣ «Три Смерти» имѣется то, чего не имѣлось въ прежнихъ трудахъ Майкова, то есть залогъ важнаго, рѣшительнаго шага впередъ, признакъ новой побѣды ея автора надъ самимъ собою. Въ послѣднемъ монологѣ Сенеки, главнаго дѣйствующаго лица поэмы, нами

Digitized by Google

названной, божественнымъ огнемъ вспыхиваетъ и горитъ возвышеннѣйшій лиризмъ, какого невозможно было даже предвидѣть въ дарованіи г. Майкова за первую пору дѣятельности.

Это голосъ поэта истиннаго, это могучее слово настоящаго художника, который съумѣлъ проложить себѣ дорогу, и въ мірѣ высокихъ помысловъ доискаться того лиризма, которымъ его натура не была богата въ первую пору развитія. Оканчивая рецензію нашу, пожелаемъ же г. Аполлону Майкову дальнѣйшихъ успѣховъ, дальнѣйшаго усовершенствованія, и, наконецъ, того, что рѣдко желается человѣку, но безъ чего нельзя обойтись поэту его склада: то есть бурь житейскихъ, съ ихъ широкими и плодотворными послѣдствіями. Самъ поэтъ нашъ чувствовалъ потребность житейскихъ волненій, говоря намъ въ одной изъ лучшихъ своихъ пѣсень:

И жаждалъ я порой,
И бури, и тревогъ, и воли дорогой.
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ боренія мятежномъ,
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ летать
На бездну упадать и въ небѣ утопать!

1859.

XX.

«ТЫСЯЧА ДУШЪ», РОМАНЪ А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО. («ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ», 1858.)

Начало нынѣшняго 1859 года можетъ считаться весьма утѣшительной порою въ нашей изящной литературѣ: бельлетристическая атмосфера, сдѣлавшаяся удушливою отъ наплыва дидактическихъ и *обличительныхъ* сочиненій, внезапно посвѣжѣла и разчистилась отъ зловонныхъ паровъ, накопившихся въ ней отчасти чрезъ непозволительную ярость непризванныхъ наставниковъ, а еще болѣе, вслѣдствіе терпимости черезчуръ снисходительной критики. Почти каждый изъ лучшихъ нашихъ писателей, при самомъ началѣ новаго года, подарилъ читателямъ по одной истинно художественной вещи, и всѣ эти, разомъ явившіяся произведенія даютъ результатъ, какого онѣ, можетъ быть, не произвели бы, явившись по одиночкѣ. «Обломовъ» г. Гончарова, «Воспитанница» г. Островскаго, «Дворянское Гнѣздо» г. Тургенева, безспорно, принадлежатъ къ разряду зрѣлѣйшихъ трудовъ когда либо написанныхъ ихъ

Digitized by Google

авторами. Передъ каждымъ изъ сказанныхъ трудовъ надолго померкнутъ рапсодіи наставниковъ и облічителей, не шутя начинавшихъ глядѣть на область искусствъ, какъ на непріятельскую землю, ими завоеванную и укрѣпленную за ними общественнымъ мнѣніемъ. Благотворная реакція, кажется, совершена, и совершена дружно, послѣдовательно, энергично. Но радуясь ей и указывая на нее, намъ не приходится забывать о художникахъ, мало по малу подготовившихъ эту реакцію и твердо поддержавшихъ знамя искусства въ ту странную пору, когда оно колыхалось изъ стороны въ сторону подъ непріязненнымъ дѣйствіемъ налетѣвшаго на него шквала, *пыльнаго шквала* «a dust-whirlwind», по выраженію Карлейля.

Собираясь говорить съ читателемъ о г. Писемскомъ, котораго послѣдній романъ есть единственное обширное художественное произведеніе за весь прошлый 1858 годъ, мы должны сдѣлать одну небольшую оговорку. Въ нашемъ журналѣ не мѣсто похвалямъ литератору, имѣющему голосъ и постоянный трудъ по редакціи «Библіотеки для Чтенія.» Пока авторъ «Тысячи Душъ» былъ, просто нашимъ сотрудникомъ, мы имѣли возможность съ подробностью толковать о значеніи его въ русской современной литературѣ и сдѣлали это въ одной изъ книжекъ нашего журнала за 1857 годъ. Теперь, по самой сущности дѣла, задача наша будетъ иная. Мы просто разскажемъ о причинѣ успѣха «Тысячи Душъ» въ нашей публикѣ и постараемся отвѣтить на нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя критикой автору этого романа. Тутъ нашъ трудъ и окончится, — это тѣмъ легче сдѣлать, что послѣднее произведеніе г. Писемскаго уже выдержало судъ публики и въ рекомендаціяхъ не нуждается.

Въ первомъ нашемъ этюдѣ по поводу г. Писемскаго и его «Разсказовъ изъ Крестьянскаго Быта», мы, кажется, упомянули, что нашъ авторъ долженъ считаться едва ли не самымъ практическимъ, *дѣловымъ* изъ всѣхъ новыхъ русскихъ литераторовъ. Эта дѣловая особенность, составляющая главную силу, и, повременамъ, слабость разбираемаго романиста, происходитъ вовсе не изъ стремленія поучать современное общество, а изъ самой жизни. Г. Писемскій едва ли много думалъ объ указаніи общественныхъ язвъ, или «разведеніи окружающей насъ грязи слезами покаянья» но онъ много жилъ въ самомъ сердцѣ Россіи, жилъ и много трудился, много служилъ, много разъ сходился съ самыми разнообразными классами своихъ соотечественниковъ и, наконецъ, тяжелымъ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу въ обществѣ. Такой жизнью

Digitized by Google

и такою опытностью онъ во многомъ отличается отъ большинства лучшихъ нашихъ романистовъ, людей, или обезпеченныхъ съ малолѣтства, или прожившихъ свои ученическіе годы въ одной изъ столицъ, посреди жизни условной и не разнообразной. По времени своего появленія на аренѣ русской словесности принадлежа къ группѣ младшаго литературнаго поколѣнія, г. Писемскій этимъ самымъ былъ устраненъ отъ слишкомъ общихъ и нѣсколько туманныхъ теорій, на которыхъ взросли и развились его старшіе товарищи. По всему этому онъ пріобрѣлъ практичность и дѣловую сторону дарованія, пріобрѣлъ ее до такой степени, что она, по-временамъ, ему самому становится въ тягость и отклоняетъ его отъ поэтическихъ сторонъ искусства. Припомнимъ хотя то мѣсто во второмъ томѣ «Тысячи Душъ», гдѣ нашъ авторъ, устами своего критика Зыкова, почти отвергаетъ возможность художественнаго созданія, основаннаго на любви или другихъ тонкихъ ощущеніяхъ. Эта діатрiба, которой онъ самъ же поперечитъ, съ любовью вспомнивая о барышняхъ стараго времени, воспитанныхъ на поэзіи Пушкина, напомнила намъ слова Джонсона, при которомъ кто то упомянулъ про аристократическую лэди, умиравшую отъ тоски по умершемъ мужѣ. «Она дура, — сказалъ угрюмый лексикографъ. Это все плоды роскоши и нѣжничанья. Будь эта лэди прачка и поддерживай она своимъ трудомъ осьмерыхъ дѣтей, некогда было бы ей думать о тоскѣ любовной». Односторонность такого, черезчуръ дѣлового, воззрѣнія оказывается съ перваго взгляда: отвлеченная законность факта можетъ подлежать обсужденію съ разныхъ точекъ зрѣнія, но пока самый фактъ существуетъ, не составляя аномаліи посреди явленій даннаго общества, онъ всегда будетъ имѣть право на наше сочувствіе, и, стало быть, на возсозданіе его въ художественной формѣ.

Какъ бы то ни было, г. Писемскій, во всѣхъ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, оставался и остается совершенно вѣрнымъ тому самому воззрѣнію, какое вложилъ онъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа: «Тысяча Душъ». Въ этомъ отношеніи его произведенія составляютъ какъ бы противоположный полюсъ съ произведеніями Гончарова и Тургенева, по большей части основанными на поэтическихъ особенностяхъ нашего существованія, заимствованныхъ изъ жизни меньшинства русскихъ людей, изъ жизни, обильной тонкими наслажденіями и страстными порывами къ идеалу. Въ лучшихъ трудахъ г. Писемскаго напрасно станемъ мы искать идеальныхъ сторонъ, тонкаго психологическаго анализа, поэтическаго воспроизведенія высокихъ страданій и высо-

Digitized by Google

кихъ радостей. У него все просто и подчасъ жестко, какъ жесткая дѣловая дѣйствительность. Его герои мало занимаются любовью, рѣдко думаютъ о глубокихъ вопросахъ, набѣгающихъ на душу людей избранныхъ и богато одаренныхъ: для всего этого у нихъ много своей насущной заботы. Имъ некогда жить внутренними ощущеніями и созерцаніями. Каждый изъ нихъ или хлопочетъ о средствахъ жизни, или думаетъ, какъ бы поискуснѣе выполнить обязанность взятую по службѣ, или ищетъ жениться повыгоднѣе, или, за неимѣніемъ дѣла, какъ бы кутнуть до помраченія разсудка. Подобное направленіе можетъ имѣть свои слабыя стороны, когда дѣло идетъ о лицахъ изъ общества развитаго и, стало быть, не всегда подходящихъ къ практической мѣркѣ нашего автора, но оно превосходно въ примѣненіи къ дѣйствующимъ лицамъ изъ простого, трудового званія. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется все значеніе г. Писемскаго, какъ наблюдателя и воспроизводителя народныхъ нравовъ. Его «Питерщикъ», «Плотничья Артель» и «Старая Барыня» рѣшительно нанесли смертный ударъ той псевдо-простонародной литературѣ, которой представителемъ былъ у насъ г. Григоровичъ, писатель почтенный и даровитый, но знающій русскаго простолюдина совершенно на столько же, на сколько иной чиновникъ провіантскаго вѣдомства знаетъ нравы испанскихъ земледѣльцевъ. Мужицкая идиллія, которой много лѣтъ увлекались самыя разумныя головы, стала у насъ положительной невозможностью, и заслугу эту мы прямо относимъ къ трудамъ г. Писемскаго. Передъ удалой Грачихой (въ «Старой Барынѣ») сумрачнымъ Петромъ (въ «Плотничьей Артели»), и питерщикомъ, съ его воспоминаніями о томъ какъ ему «Питеръ бока повытеръ», навсегда померкли Меналки тульской губерніи и Титиры съ береговъ Оки, принаряженные въ современномъ вкусѣ. Время ихъ прошло и, конечно, не вернется болѣе.

Послѣ всего, нами сказаннаго, читателю будетъ не трудно угадать отношенія г. Писемскаго къ такъ называемой *обличительной* бельлетристикѣ. Онъ ей враждебенъ — какъ художникъ, вовсе не желающій жертвовать дарованіемъ своимъ для цѣлей неподходящихъ къ искусству, — онъ ей враждебенъ, какъ практическій человѣкъ, испытавшій на дѣлѣ всесторонность натуры человѣческой. По его понятіямъ, много разъ проводимымъ въ цѣломъ рядѣ литературныхъ трудовъ — задача искусства состоитъ въ дѣльномъ воспроизведеніи темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ даннаго предмета, независимо отъ заданныхъ темъ и сантиментальныхъ надеждъ къ исправленію общества. Поученіе, коли оно должно быть, явится

Digitized by Google

само, если въ произведеніи даровитаго писателя окажется вся жизнь въ ея всесторонности — сводить же весь трудъ къ поученію во что бы ни стало, значитъ не понимать коренной задачи искусства. Подобно тому, какъ народные разсказы Писемскаго разрушали сантиментальность и идиллическую воззрѣнія на русскаго мужика, — такъ другіе его труды и романъ «Тысяча Душъ» — разрушаютъ дѣло сантиментальнаго общественнаго поученія. Это поученіе, съ нѣкотораго времени захваченное писателями несвѣдущими и непрактическими, по самому ходу дѣла должно было придти къ рутинѣ, къ созданію условныхъ лицъ, къ промахамъ противъ дѣйствительности, къ пустословію и фантастическимъ образамъ. Противодѣйствовать сухому поученію могъ всякій писатель съ поэтическимъ чувствомъ и талантомъ художника, — но для того, чтобы убить рутину, имъ порожденную; нуженъ именно писатель-практикъ. Къ счастію для русской литературы, у насъ нашлись и писатели-поэты и писатели-практики — практикъ даже, какъ оно часто бываетъ, приспѣлъ къ дѣлу ранѣе поэтовъ. Пока гг. Гончаровъ и Тургеневъ готовили свои произведенія, имѣющія очистить нашу атмосферу отъ зловонія обличительной литературы, — г. Писемскій съ своимъ послѣднимъ романомъ повелъ нападеніе съ другой стороны, — и успѣхъ «Тысячи Душъ» показываетъ, что онъ повелъ его непонапрасну.

Мы весьма далеки отъ той мысли что романъ «Тысяча Душъ» написанъ съ цѣлью противодѣйствія общественной дидактикѣ. Намъ очень хорошо извѣстно, что произведеніе это начато задолго до появленія обличительнаго элемента въ словесности, намъ извѣстно также, какъ далекъ его замыселъ отъ всякихъ литературныхъ тенденцій и политическихъ цѣлей. Но подобно тому, какъ во всякомъ истинно-художественномъ произведеніи, жизненное поученіе является само собою, помимо всѣхъ авторскихъ цѣлей, такъ и въ каждомъ трудѣ, съ любовью выполненномъ, необходимо сказывается значеніе этого труда въ ряду ему современныхъ произведеній. На этой-то, всякому извѣстной и всякому доступной истинѣ, построена большая часть значенія журнальной критики — и дѣйствительно, если критикъ не признаетъ истину, о которой мы сейчасъ говорили, а толкуя объ абсолютныхъ достоинствахъ разбираемаго труда, проглядитъ его относительное значеніе въ данную эпоху литературы, трудъ такого критика пропадетъ даромъ и слово его никого не заставитъ призадуматься. Оговорившись такимъ образомъ, поспѣшимъ перейти къ новому роману г. Писемскаго.

Digitized by Google

Романъ «Тысяча Душъ», какъ извѣстно всякому читателю, появился въ свѣтъ въ началѣ 1858 года, въ самый разгаръ обличительныхъ повѣствованій, обличительныхъ драмъ и даже обличительныхъ стихотвореній. Журналы были наводнены произведеніями, достойными съѣзжихъ дворовъ и иныхъ заведеній, можетъ быть очень почтенныхъ по части исправленія нравовъ, но нисколько не подходящихъ къ области искусства. Снисходительность критики доходила до послѣднихъ крайностей, но большинство развитой публики видимо расходилось съ воззрѣніями цѣнителей и начинали чувствовать отвращеніе къ дѣлу соціальной дидактики, къ грубому глумленію непрошеныхъ наставниковъ надъ вѣковыми условіями поэзіи. Идея о *маломъ знаніи* писателей-обличителей уже была пущена въ ходъ, и справедливость ея поневолѣ кидалась въ глаза всякому. Идея эта, дѣйствительно, поражала временной дидактизмъ въ самое сердце, но идеи, какъ извѣстно всякому, свершаютъ свой ходъ медленно. Нужно было много времени для того, чтобъ читатель, не руководимый критикою, оглушенный возгласами разныхъ обличителей (очень часто вовсе незнакомыхъ съ русскимъ бытомъ, но мирно сидящихъ въ четырехъ стѣнахъ петербургской или московской квартиры), собственнымъ разумомъ дошелъ до обличенія самихъ обличителей въ непониманіи дѣла, ими на себя взятаго. Крикунъ всегда озадачиваетъ смирнаго слушателя, и много вечеровъ пользуется безпрепятственнымъ правомъ на крикъ, и много времени проходитъ до той поры, покуда наконецъ смирный слушатель вскочитъ съ своего мѣста и скажетъ своему собесѣднику: ты ужь кажется, началъ отливать пули!

Легко сообразить, какъ можетъ быть полезенъ при раздумьи и недоумѣніи смирнаго слушателя, внезапный голосъ постороннаго человѣка, который безъ шума подойдетъ къ крикуну и станетъ провѣрять его выходки на основаніи своей собственной, обширной житейской опытности. Тутъ не нужно ни споровъ, ни опроверженій, пусть только истинно-практическій человѣкъ замолвитъ свое слово о предметѣ, сейчасъ лишь вдохновлявшемъ заносчиваго крикуна, — и самъ издаватель возгласовъ пойметъ, что ему остается только притихнуть передъ голосомъ практическаго и много видавшаго человѣка.

Послѣдній романъ г. Писемскаго былъ именно такимъ голосомъ; и вотъ причина, по которой и онъ и его авторъ крайне ненавистны нашимъ вѣтреннымъ обличителямъ.

До романа, о которомъ говоримъ мы, дѣло сантиментально-

Digitized by Google

преувеличеннаго обличенія высказывалось рядомъ такихъ отъявленныхъ пелѣпостей, которыя теперь положительно невозможны. Вспомнимъ о повѣстяхъ и разсказахъ, достойныхъ барона Мюнхгаузена или маіора Гагагана, прославленнаго Теккереемъ,—вспомнимъ объ исправникахъ, налагающихъ фантастическіе поборы на села въ 3,000 душъ мужескаго пола, объ инженерныхъ субалтернъ-офицерахъ, получающихъ отъ щебенки доходъ, превышающій доходы Мпреса и Перейры, объ окружныхъ начальникахъ, которые прежде брали съ мужика по барану, но въ послѣдствіи стали похищать цѣлыя стада (о. Аркадія обличительной литературы, — у отдѣльнаго мужика находятся цѣлыя стада, забираемыя начальникомъ!) Вспомнимъ только все это, и намъ самимъ сдѣлается страшно за то, что мы читали такъ недавно, за то, что годъ тому назадъ, — одинъ только годъ! печаталось въ самыхъ лучшихъ изданіяхъ, не только петербургскихъ, но и московскихъ! Какая же причина этому небывалому безобразію, озадачившему даже германскую критику и заставившему ее признать новую русскую литературу какимъ-то чудовищнымъ явленіемъ? Неужели вся, сейчасъ изображенная ложь, теперь признанная за ложь даже журналами, склонными къ общественной дидактикѣ, происходила отъ отъявленной недобросовѣстности, отъ простнаго намѣренія лгать и надувать читателя во что бы ни стало? Этого мы никакъ не скажемъ, хотя питаемъ нелицемѣрное омерзѣніе къ дѣятельности большей части нашихъ литературныхъ обличителей. Ложь, дѣйствительно была, но корень ея заключался не въ безнравственности, а *въ маломъ знаніи*. Подобно тому какъ за десять лѣтъ назадъ, вслѣдствіе малаго знанія, русскій мужикъ былъ обращенъ въ Коридона, такъ точно и въ наше время, тотъ же самый недостатокъ даетъ намъ Мандариновъ въ вицмундирѣ и Ласеперовъ въ одеждѣ скромнаго помѣщика.

Многостороннее знаніе жизни, — вотъ главная заслуга г. Писемскаго въ нашей словесности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе успѣха, которымъ его романъ пользуется. Безъ сомнѣнія, сказанное знаніе извлекаетъ всю свою силу изъ того обстоятельства, что человѣкъ, имъ обладающій, вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и многими качествами писателя-художника; и однакоже, не однимъ достоинствомъ художественнаго произведенія богатъ романъ «Тысяча Душъ». Такую же, и можетъ быть, еще высшую степень художественности замѣчали мы въ прежнихъ, небольшихъ произведеніяхъ нашего автора, достаточно оцѣненныхъ публикою, но не затронувшихъ ее очень глубоко. Романъ, про который мы гово-

Digitized by Google

римъ, открываетъ намъ доступъ въ области, до сихъ поръ мало кѣмъ описанныя, ставитъ передъ нами десятки лицъ изъ разнообразнѣйшихъ слоевъ общества и безъ усилія принуждаетъ насъ жить жизнію этихъ лицъ, интересоваться ихъ интересами. Подобнаго романа (съ точки зрѣнія практически-житейской) мы на русскомъ языкѣ не встрѣчали. Не одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей превышаетъ г. Писемскаго способностью видѣть и изображать поэзію человѣческаго существованія, но ни одинъ изъ сверстниковъ нашего романиста не рискнетъ вступить въ тѣ области, по которымъ онъ смѣло ходитъ, какъ хозяинъ и распорядитель. Благодаря своимъ житейскимъ познаніямъ и неотступному изученію быта, какъ столичнаго, такъ и провинціальнаго, г. Писемскій, безъ малѣйшаго усилія надъ самимъ собою, достигаетъ той всесторонности взгляда, которая равно исключаетъ и идеальность, и односторонне-мизантропическое воззрѣніе на дѣла общества.

Самый краткій обзоръ лицъ и происшествій, изображенныхъ въ романѣ «Тысяча Душъ», подтвердитъ все нами сказанное. Мало того, что большая часть лицъ, выведенныхъ на сцену г. Писемскимъ, живы и типичны въ литературномъ отношеніи, — эти лица до мелочи вѣрны всему, что мы видимъ въ дѣйствительной жизни. Персонажи вполнѣ нравственные и благородные (Годневъ, журнальный критикъ, другъ Калиновича и т. д.) встрѣчаются въ романѣ рѣдко, но также рѣдко появляются въ немъ лица рѣшительно гнусныя, поражающія своимъ нравственнымъ безобразіемъ. Главные герои и лица, всего чаще приходящія съ ними въ столкновеніе, принадлежатъ къ безконечному большинству существъ, населяющихъ нашъ міръ, то есть къ людямъ, въ которыхъ пороки и достоинства слиты въ одну нераздѣльную массу. Таковъ Калиновичъ, способный при другихъ случайностяхъ, но въ томъ же самомъ обществѣ, быть полезнѣйшимъ гражданиномъ, такова Настенька, которой нѣжныя свойства уравновѣшены провинціальной эксцентричностью и другими недостатками односторонне развитой женщины. Въ лицахъ самыхъ второстепенныхъ, заброшенныхъ на задній планъ, встрѣчаемъ мы тоже самое: Экзархатовъ намъ милъ, не взирая на его внѣшнюю грязноватость, молодые люди партіи Калиновича (во время его вице-губернаторства) весьма пусты и не надежны, не смотря на честность своихъ убѣжденій. Только изъ этой смѣси житейскаго добра и зла, дѣйствительныхъ пороковъ, перемѣшанныхъ съ лучшими нравственными началами, можетъ зарождаться тотъ внѣшній интересъ, безъ котораго никакой читатель не останется доволенъ никакимъ романомъ,

Digitized by Google

какъ бы романъ ни былъ уменъ и даже поэтиченъ. Борьба, коллизія, напоръ и отпоръ житейскихъ интересовъ — вотъ необходимыя условія истинной занимательности, и мы легко можемъ понять, почему писатель идиллистъ чуждъ всякой занимательности, также какъ чуждъ ей односторонній романистъ-обличитель. Литератору легко передаться на одну изъ сторонъ сейчасъ упомянутыхъ, но не легко справиться съ послѣдствіями такой передачи. Идиллистъ, закрывъ глаза на житейское зло, и все таки нуждаясь въ злѣ, важномъ ингредіентѣ своихъ созданій, будетъ вынужденъ рисовать размалеванныхъ извергов, какъ это дѣлалъ Диккенсъ въ «Святочныхъ Разсказахъ.» Обличитель, не видя ничего кромѣ зла и страдальцевъ въ силу этого зла, впадетъ въ монотонность, ложь и кислоту, невиданную въ дѣйствительности, гдѣ все борется за себя и гдѣ самое насѣкомое свершаетъ чудеса ловкости, чтобъ спастись отъ грозящей ему опасности. Точно также, какъ односторонность въ искусствѣ неминуемо ведетъ за собой скуку, такъ точно качество ей противоположное, именно всесторонность воззрѣнія, живитъ собою все, къ чему ни коснется. Если насъ спросятъ о томъ, какого рода писатели болѣе всего способны къ этой всесторонности, мы, не обинуясь, отвѣтимъ: писатели много жившіе практическою жизнью, писатели собственнымъ опытомъ убѣжденные въ томъ, что безусловное добро, вмѣстѣ съ безусловнымъ зломъ, суть явленія исключительныя, рѣдко усматриваемыя въ дѣйствительности насъ окружающей.

Романъ г. Писемскаго былъ очень хорошо встрѣченъ и публикою, и литературными цѣнителями, но, не смотря на то, въ самыхъ дѣльныхъ о немъ отзывахъ, мы по временамъ видимъ нѣкоторый разладъ между идеями автора и требованіями цѣнителей. Если бы сказанный разладъ происходилъ вслѣдствіе частностей романа, дѣйствительно грѣшащихъ противъ разумныхъ теорій критики, еслибъ цѣнители, напримѣръ, замѣтили въ романѣ «Тысяча Душъ» небольшую сухость и непоэтичность изложенія, еслибъ они, на основаніи дозволеннаго пуризма, указали намъ на грамматическіе промахи и небрежность языка, — мы не могли бы сказать ничего въ оправданіе г. Писемскаго. Но намъ было тяжело видѣть въ статьяхъ, проникнутыхъ уваженіемъ непреложныхъ законовъ чистаго искусства, неодобреніе той самой житейской всесторонности, которая составляетъ главную силу всего произведенія. Еще читатель, всегда привыкшій къ взглядамъ незрѣлымъ, расходящимся съ дѣйствительной жизнью, могъ недоумѣвать предъ значеніемъ Калиновича, предъ эксцентричностями

Digitized by Google

Настеньки и такъ далѣе, но какъ же цѣнители не провѣрили этихъ уклоненій отъ рутины съ дѣйствительной жизнью и не увидѣли въ жизни непрестанныхъ оправданій этимъ отклоненіямъ? Неужели репертуаръ романиста навсегда долженъ состоять изъ загнаннаго праведника, неистоваго злодѣя, дивной, безукоризненной героини и статистовъ въ родѣ буйнаго исправника и плантатора помѣщика? Позвольте спросить, гдѣ же, въ дѣйствительной нашей жизни, встрѣчаются всѣ эти рѣзко опредѣленныя особы, характеры изъ одного куска, безъ малѣйшаго слѣда мозаичной работы? «Наша собственная душа вся изъ мозаики (какъ говорилъ пресловутый докторъ Заутрейгъ), и, не взирая на то, мы не хотимъ видѣть той же самой мозаической работы въ душѣ своего ближняго.» Странно признаться, а признаться надобно: будь главныя лица г. Писемскаго менѣе вѣрны вседневной житейской правдѣ, онѣ нашли бы себѣ гораздо большее число поклонниковъ и защитниковъ. Будь Калиновичъ отъявленный бездѣльникъ, будь Настенька Жоржъ-Сандовской героиней — и тотъ и другая показались бы доступнѣе для большинства дилетантовъ. Чтобъ цѣнить всесторонность писателя, необходимо самому понимать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, да еще обогатиться той терпимостью ума, безъ которой лучшіе уроки дѣйствительности проходятъ напрасно.

Намъ недавно случилось прочесть одну небольшую, но съ уваженіемъ написанную рецензію, въ которой г. Писемскаго упрекали, какъ вы думаете, въ чемъ? въ томъ что онъ сдѣлалъ своего Калиновича воспитанникомъ московскаго университета! Рецензентъ, положительно сочувствующій романисту и тонко подмѣтившій многія хорошія стороны его произведенія, въ тоже время говоритъ, что герой «Тысячи Душъ» ничѣмъ не оправдываетъ своего воспитанія въ означенномъ университетѣ. Признаемся, что такое обвиненіе насъ крайне озадачило. При всемъ безграничномъ нашемъ уваженіи къ значенію и важности Московскаго университета, мы никакъ не можемъ думать, что временное въ немъ пребываніе способно пересоздать всю человѣческую организацію, слить въ одно цѣлое то, что въ ней сложно, и какую нибудь нравственную мозаику передѣлать въ сплошной кусокъ мрамора. Ни Москва, ни Берлинъ, ни Кембриджъ, ни Геттингенъ такихъ чудесъ не производятъ. Поучившись во всѣхъ этихъ четырехъ городахъ, Калиновичъ остался бы прежнимъ Калиновичемъ, съ добавленіемъ еще большей многосторонности и сложности въ своемъ характерѣ. Для людей, подобныхъ Калиновичу, никакая серь-

Digitized by Google

езная школа не пропадаетъ даромъ, но оставляетъ по себѣ рядъ убѣжденій и понятій, совмѣщающихся съ прежними, имъ добытыми понятіями и убѣжденіями. Съ этой точки зрѣнія Калиновичъ многое взялъ отъ московскаго университета, и не только взялъ, но даже провелъ въ жизни, на сколько это было совмѣстно съ его натурой. Авторъ тутъ не сдѣлалъ промаха, а напротивъ того, показалъ знаніе общества и натуры современнаго человѣка. Между сотней слоевъ и наплывовъ, составляющихъ собою многосторонній характеръ Калиновича, слой, образовавшійся вслѣдствіе московскаго воспитанія, играетъ видную и спасительную роль. Безъ него Калиновичъ потерялъ бы не одну изъ своихъ характеристическихъ, лучшихъ сторонъ. Натура молодого человѣка, скептическая, сухая, себялюбивая и черезъ чуръ практическая, скорѣе подходитъ къ Петербургу чѣмъ къ Москвѣ, и ежели бы на нее налегли слѣды настоящаго петербургскаго воспитанія, она стала бы вдвое суше, что отразилось бы на всей жизни Калиновича. Не то видимъ мы въ настоящемъ случаѣ. Передъ нами не бальзаковскій Растиньякъ, весь проникнутый одной идеею: разбогатѣть и пробиться во что бы ни стало, не просто себялюбивый юноша, чуть чуть возмущающійся низостью средствъ на то предлагаемыхъ: передъ нами честолюбецъ, сознающій свое достоинство, жаждущій жить и играть роль въ обществѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ развитый нравственно, не разъ заносившійся въ возвышенныя области мышленія. Калиновичъ дѣлаетъ не одну низость для богатства, но чего стоитъ ему каждая низость, какъ борется онъ съ необходимостью зла, и наконецъ, достигнувъ своей цѣли, онъ не погружается въ безнравственное спокойствіе, а напротивъ силится трудиться и дѣлать дѣло по крайнему своему разумѣнію. Оттого онъ идеалистъ въ своей практичности, фантазеръ въ себялюбіи и романтикъ въ эгоистическихъ стремленіяхъ. По всей дѣятельности его проходитъ струя, изъ-за которой само лицо часто мирится съ нами, и сильно дѣйствуетъ на лицъ его окружающихъ. Откуда же возьмется сказанная струя въ душѣ человѣка до такой степени сухого по своей натурѣ? Жизнь, какъ оно достаточно показано, только сушитъ Калиновича еще болѣе, только подготовляетъ его къ разладу съ задушевнѣйшими изъ его убѣжденій. Откуда взялись самыя его убѣжденія? Отчего онъ, едва оставивъ студенческую скамью, написалъ весьма неглупую повѣсть? Почему онъ, получилъ мѣсто вице-губернатора, — не ужился съ властями и «зарвавшись» въ искорененіи злоупотребленій, испортилъ всю свою служебную будущность? Неужели во всѣхъ этихъ

Digitized by Google

особенностяхъ, вовсе не истекающихъ непосредственно изъ натуры Калиновича, и между тѣмъ идущихъ изъ нея совершенно естественно, не увидимъ мы слѣдовъ серьезнаго, благороднаго воспитанія (даже воспитанія извѣстной эпохи) въ кругу товарищей, проникнутыхъ юношескимъ стремленіемъ къ идеалу, на глазахъ наставниковъ, неспособныхъ глядѣть на свое дѣло съ сухой или чиновнической точки зрѣнія? Умолчи г. Писемскій о мѣстѣ воспитанія Калиновича, онъ уничтожилъ бы черту, наиболѣе поясняющую его героя.

Обвиненія, дѣлаемыя автору «Тысяча Душъ» за характеръ Настеньки, не столь важны, и сверхъ того съ идеею ихъ внушившею, мы меньше расходимся. По нашему личному мнѣнію, лицо Настеньки, безукоризненно вѣрное дѣйствительности, грѣшитъ тѣмъ, что не возбуждаетъ большой симпатіи въ читателѣ. Мы желаемъ всего лучшаго героинѣ г. Писемскаго, жалѣемъ о бѣдствіяхъ, ею перенесенныхъ, но ни разу не способны взглянуть на нее глазами Калиновича въ эпоху его любви или тоски по оставленной имъ дѣвушкѣ. Настенькина *книжность*, сухое и непріязненное отношеніе ея къ окружающему ея обществу, самыя ея рѣчи, по временамъ напоминающія собой разговоръ молодого студента, но никакъ не дѣвушки — все это встрѣчается въ жизни и встрѣчается довольно часто. Но не всякое жизненное явленіе бываетъ истинно привлекательнымъ, не смотря на вѣрность его воспроизведенія. Будь дочь старика Годнева персонажемъ не первостепеннымъ, мы бы ей отдали весь должный почетъ, — но наша Настенька играетъ первую роль, — самое первое лицо романа по временамъ глядитъ на нее съ идеальной точки зрѣнія, слѣдовательно тутъ была необходима роману нѣкоторая степень *здравой* идеализаціи. Пушкинская Татьяна воспитана на романахъ, которые немногимъ лучше нашихъ журнальныхъ повѣстей за сороковые годы, — Пушкинская Татьяна дика и мечтательна, но взгляните, какъ нашъ безсмертный поэтъ возвелъ въ идеалъ самыя странности Татьяны, — и мало того, создавая прелестнѣйшій женскій типъ, когда либо являвшійся въ нашей литературѣ, ни одной чертою не погрѣшилъ противъ житейской правды.

Допустивъ въ созданіи Настеньки нѣкоторую сухость и слабую степень поэзіи, мы не можемъ согласиться съ рецензентами, по поводу другихъ замѣтокъ, касающихся отношеній Настеньки къ Калиновичу. Авторъ нашъ здѣсь не нарушилъ ни одного закона житейской правды. Онъ могъ бы сдѣлать болѣе, чѣмъ долженъ былъ сдѣлать, но менѣе онъ не сдѣлалъ, и ни на одинъ шагъ не

Digitized by Google

подался отъ законовъ настоящаго творчества. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» было замѣчено, что Настенька, покинутая, оскорбленная и преданная Калиновичемъ, вновь возвращается къ нему при концѣ романа, возвращается ласково, спокойно, безъ взрывовъ негодованія, безъ проявленій женской оскорбленной гордости. По мнѣнію рецензента, выраженному умно и краснорѣчиво, этотъ поступокъ неправдоподобенъ и почти унизителенъ, тѣмъ болѣе, что въ какомъ то романѣ Жоржа-Санда встрѣча женщины съ покинувшимъ ее человѣкомъ, происходитъ иначе. Съ замѣчаніемъ, сейчасъ приведеннымъ, мы никакъ согласиться не можемъ. Оно навѣрное должно принадлежать человѣку, еще молодому и не имѣвшему случая наблюдать за ходомъ тяжкихъ душевныхъ болѣзней. Рана, нанесенная сердцу человѣка, имѣетъ почти ту же патологическую исторію, какъ и рана, произведенная на нашемъ тѣлѣ, огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ. Въ первые часы и дни, послѣ полученія раны, весь организмъ страждетъ, подвергается опасности разрушенія, и сама рана не такъ страшна, какъ ея возможныя послѣдствія. Затѣмъ, при успѣшномъ лѣченіи, опасность гангрены проходитъ, дѣятельность организма возстановляется, но раненое мѣсто страдаетъ. Въ этомъ періодѣ, мучительно всякое прикосновеніе къ язвѣ, мучительны даже (при мнительности паціента), самые помыслы о наболѣвшемъ мѣстѣ. Затѣмъ рана заживаетъ, оставляя по себѣ болѣе или менѣе, тягостныя послѣдствія. На всемъ организмѣ, эти послѣдствія сказываются, человѣкъ хромаетъ, или плохо владѣетъ рукою, ходитъ согнувшись или кашляетъ, теряетъ веселость и чувствуетъ перемѣны погоды, въ нѣкоторомъ отношеніи становится инымъ человѣкомъ, но раненое и зажившее мѣсто, уже не представляетъ ни опасности, ни чувствительности. До него можно смѣло дотрогиваться, очень часто оно даже теряетъ свою нормальную чувствительность. Тоже самое съ душевными болѣзнями, изъ которыхъ, несчастная любовь занимаетъ не послѣднее мѣсто. Вмѣсто лѣченія научнаго, подставьте лѣченіе силою времени, и результаты будутъ одни и тѣже: сперва опасность для всего духовнаго организма, потомъ невыносимо-болѣзненное состояніе сердца, жгучее страданіе при малѣйшемъ воспоминаніи прошлаго, наконецъ нравственные слѣды недуга и, рядомъ съ ними, уничтоженіе всѣхъ симптомовъ. Сообразите сколько времени прошло послѣ женитьбы Калиновича на Полинѣ до свиданія его съ Настенькой, припомните, что въ это время покинутая дѣвушка, нашла себѣ задачу или развлеченіе въ драматическомъ искусствѣ, — и вы безъ труда поймете, что героиня

Digitized by Google

г. Писемскаго, при концѣ романа, находится уже въ третьемъ періодѣ своей нравственной болѣзни. Калиновичъ для нея почти воспоминаніе, онъ — интересный человѣкъ, чрезвычайно похожій на человѣка ею прежде любимаго, другъ молодости, товарищъ свѣтлыхъ дней и ничего болѣе. И въ этомъ видѣ, онъ ей дорогъ, но онъ не приводитъ въ восторгъ ея сердца, не наполняетъ его негодованіемъ. Тутъ мы видимъ самый вседневный и самый обычный ходъ событій, тутъ правда житейская схвачена въ совершенствѣ, и протестовать противъ нея, значитъ требовать не здравой идеализаціи, а исключительности.

Затѣмъ, въ романѣ «Тысяча Душъ», остается еще одно лицо, осужденное критиками, лицо Бѣлавина. Этого господина мы выдаемъ головою, радуясь тому только, что оно, играя неважную роль во всей интригѣ, мало вредитъ художественной цѣлости произведенія. Вводя въ романъ Бѣлавина, г. Писемскій, очевидно, не отдалъ себѣ отчета о его значеніи, а потомъ, убоясь нравственной его безукоризненности, поспѣшилъ дать замыслу своему оборотъ противоположный и ни къ чему не нужный. Этимъ онъ вполнѣ подтвердилъ, когда-то высказанную нами мысль о томъ, что лицо *дѣланное* никогда не замѣнитъ собою лица сразу задуманнаго, хотя бы задуманнаго слабо. Даже сантиментальность въ созданіи, если она искренна, гораздо лучше, чѣмъ постройка лицъ по журнальнымъ и критическимъ рецептамъ. Г. Писемскій побоялся, что о Бѣлавинѣ скажутъ, — «онъ слишкомъ уменъ и чистъ», — вышло гораздо хуже: о немъ говорятъ, что онъ вовсе не похожъ на живое лицо. И относительно житейской правды, нашъ авторъ погрѣшилъ безъ нужды, ибо лицо, первоначально имъ задуманное, весьма немногимъ отклонялось противъ этой правды. Бѣлавинъ уменъ, по темпераменту не задоренъ, образованъ, зорокъ, лѣнивъ, любимъ въ свѣтѣ и наконецъ богатъ; кажется, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, не трудно быть нравственно-безвреднымъ человѣкомъ. Если бы люди счастливые и обезпеченные, да сверхъ того огражденные самою своею организаціею, отъ двумысленныхъ порывовъ, занимались дѣланіемъ великихъ гадостей, вмѣсто того, чтобъ сидѣть смирно и никого не трогать, нашъ свѣтъ вышелъ бы хуже каторги, чего, кажется, не желаетъ и не предполагаетъ нашъ даровитый авторъ.

1859.

Digitized by Google

XXI.

«СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКОГО». ДВА ТОМА. СПБ. 1859.

Съ какой стороны ни станемъ мы глядѣть на дѣятельность г. Островского, мы должны будемъ признать ее самою блистательною, самою завидною дѣятельностью въ современной намъ русской литературѣ. Г. Островской, одинъ изъ всѣхъ нынѣ живущихъ литераторовъ, подарилъ Россіи два произведенія, которыя, если ихъ поставить рядомъ съ сокровищами, оставшимися отъ предшествовавшаго намъ литературнаго поколѣнія, не померкнутъ и не уступятъ первенства ни знаменитой комедіи Грибоѣдова, ни драматическимъ трудамъ самого Гоголя. Имя, Островского знакомо и дорого тысячамъ простыхъ людей, не читавшихъ русскихъ поэтовъ и никогда не раскрывавшихъ ни одного русскаго журнала. Надъ типами, созданными нашимъ драматургомъ, съ любовью работали первоклассные артисты, какихъ и въ Европѣ отыщется немного; лучшіе дни въ карьерѣ гг. Садовскаго и Мартынова неразрывно связаны съ произведеніями Островского. Все, что только есть чистаго, даровитаго, серьезнаго въ русской труппѣ и между любителями русскаго театра, съ сочувствіемъ разсчитываетъ на будущую дѣятельность нашего автора, и не только на будущую, но даже на его *прошлую* дѣятельность. До сей поры, первое и наиболѣе сценическое произведеніе Островского, комедія «Свои люди, сочтемся» еще не была дана ни на петербургской, ни на московской сценѣ. Эта участь въ свое время выпала на долю «Горя отъ ума» и «Ревизора», произведеній, которыя все-таки были наконецъ играны и составили собой краеугольные камни русскаго репертуара. Тоже будетъ и съ комедіей «Свои люди, сочтемся». Еще немного времени нашъ театръ будетъ обходиться безъ нея, болѣе и болѣе сознавая, чего онъ лишается и чего лишаетъ публику. Наконецъ общественное мнѣніе сгладитъ и послѣднія затрудненія къ постановкѣ пьесы. День, въ который намъ удастся увидать первую комедію Островского на нашей сценѣ, будетъ днемъ памятнымъ для всякаго русскаго человѣка. Огромный сценическій успѣхъ выпадетъ на долю комедіи и она останется на театрѣ до той поры, пока русскій языкъ будетъ существовать на свѣтѣ.

Переходя къ странным и въ высшей степени достойнымъ вниманія отношеніямъ русской критики къ таланту г. Островского, мы и здѣсь видимъ зрѣлище именно завидное. Два года тому назадъ, отдавая отчетъ о твореніяхъ г. Тургенева, мы по-

Digitized by Google

дробно говорили о невыгодномъ положеніи писателя, по какому нибудь случаю, или просто изъ прихоти судьбы черезчуръ милаго и симпатичнаго для современныхъ ему цѣнителей искусства. Мы выразили свое мнѣніе о томъ, что изобиліе розъ и лавровыхъ вѣнковъ по временамъ бываетъ для литератора безплоднѣе, нежели полное невниманіе журнальныхъ Аристарховъ. Про нападки судей пристрастныхъ, какъ бы онѣ ужасны ни были, мы отозвались еще опредѣленнѣе: въ нихъ мы видѣли всегда и теперь видимъ самую благотворную случайность для молодого и богато одареннаго дѣятеля. Розановъ не выпадало на долю г. Островского, и пусть онъ отъ глубины души поблагодаритъ за то Аполлона. Пускай онъ горячо поблагодаритъ судьбу за весь этотъ потокъ неистовыхъ порицаній, клокотавшихъ около его имени, за всю хулу, изрыгавшуюся на талантъ, ему ниспосланный, за всѣ эти яростные диѳирамбы, почти доходившіе до оскорбленій, за всю ослѣпленную вражду пристрастныхъ цѣнителей, не отступавшихъ ни передъ сплетней, ни передъ печатною клеветою! Пускай теперь, завоевавъ себѣ неоспоримое мѣсто въ самомъ первомъ ряду передовыхъ нашихъ дѣятелей, съ высоты, на которую сталъ онъ и черезъ первыя и черезъ послѣднія свои произведенія, онъ кинетъ спокойный взглядъ на легіонъ навсегда притихнувшихъ недруговъ и отъ сердца скажетъ спасибо имъ всѣмъ, начиная съ заблуждавшихся, но честныхъ порицателей, кончая презрѣнными фельетонными башибузуками изъ мелкаго литературнаго вассальства, бросавшимися на борьбу, кончившуюся ихъ собственнымъ непзгладимымъ позоромъ. Островской можетъ, не краснѣя, сказать это спасибо. Въ бурѣ, поднятой около его имени, писатель созрѣлъ и окрѣпъ нравственно, испыталъ самъ себя и, что важнѣе всего, пріучился вѣрить самому себѣ, въ самомъ себѣ искать опоры и твердости. Благодаря враждѣ и обвиненіямъ, талантъ не пошолъ на встрѣчу партіямъ, но съумѣлъ выждать той минуты, когда всѣ партіи пришли къ таланту. И наконецъ, помимо пользы, о которой мы говоримъ, развѣ во всемъ этомъ крикѣ и океанѣ клеветъ не заключалось чего-то такого, что несетъ погибель слабому, но для сильныхъ людей даетъ своего рода наслажденіе? Розы цѣнителей, расточаемыя г. Тургеневу, не лишатъ сна ни одного изъ нашихъ писателей: это не лавры Мильтіадовы, отъ которыхъ съ Ѳемистоклома дѣлалась безсонница. Въ Тургеневѣ завидны его талантъ и его поэзія. Что до розановъ, то ихъ наша журналистика сыпала корзинами на другія, менѣе почтенныя головы. Но терніямъ, которыми усыпанъ былъ первый путь человѣка, подарившаго намъ

Digitized by Google

«Бѣдную Невѣсту, позавидуетъ не одинъ русскій писатель съ энергическою душою.

Въ чемъ же заключалась причина небывалыхъ и необыкновенныхъ отношеній русской современной журналистики къ дѣятельности писателя, нами разбираемаго? Этотъ вопросъ весьма важенъ и весьма многосложенъ, но заняться имъ мы намѣрены. Развивая и рѣшая его, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны будемъ коснуться всей литературной дѣятельности г. Островского, съ ея необыкновеннымъ началомъ и ея достойнымъ заключеніемъ, до сего времени. Не ручаемся за полноту нашего очерка, но можемъ поручиться, что въ немъ не отыщетъ читатель ни одного льстиваго приговора и ни одного замѣчанія, сказаннаго для красоты слога. Первое произведеніе г. Островского, комедія «Свои люди—сочтемся», появилась въ 1849 году, въ журналѣ «Москвитянинъ». Успѣхъ ея былъ огромный, небывалый. Самые робкіе и холодные изъ цѣнителей открыто сознавались, что молодой московскій писатель, до той поры ничего не печатавшій, съ перваго шага обогналъ всѣхъ въ то время трудившихся русскихъ литераторовъ, за исключеніемъ Гоголя. Но и самое исключеніе это еще ничего не доказывало. Между «Ревизоромъ» Гоголя и новой комедіею не было той непроходимой бездны, которая, напримѣръ, отдѣляла «Мертвыя Души» отъ лучшаго изъ литературныхъ произведеній, написанныхъ на Руси послѣ поэмы Гоголя. Ни одинъ изъ русскихъ писателей, самыхъ знаменитѣйшихъ, не начиналъ своего поприща такъ, какъ Островской его началъ. Въ Англіи, Германіи, Франціи драматическое произведеніе съ половиной достоинствъ новой комедіи, дало бы ея автору повсемѣстную европейскую славу. Равнять ее съ посредственностями, которыми пробавлялись театры всей Европы, не было возможности; говоря о ней, невольно приходилось напоминать труды Шеридана, Мольера, Аристофана. И теперь, послѣ десяти лѣтъ, послѣ провѣрки всѣхъ отзывовъ, послѣ новаго внимательнаго прочтенія, первые восторженные приговоры оказываются нисколько не преувеличенными. Съ какой стороны ни станемъ смотрѣть мы на комедію «Свои люди—сочтемся», она оказывается капитальнымъ, образцовымъ произведеніемъ, лучшимъ вкладомъ нашего литературнаго поколѣнія въ сокровищницу отечественнаго искусства.

Давно уже принято, разбирая сценическія произведенія, обращать особенное вниманіе на три пункта, т. е. на *постройку*, *лица* и *языкъ* пьесы, подлежащей оцѣнкѣ. Манера эта нѣсколько рутинна, но она имѣетъ свою выгоду, особенно въ журнальной

Digitized by Google

статьѣ, гдѣ рецензенту, по необходимости, слѣдуетъ сдерживать свой трудъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, и всѣми средствами сокращать свою работу. Этой манеры намѣрены мы и теперь держаться. Комедія «Свои люди — сочтемся», удовлетворяетъ самымъ строжайшимъ требованіямъ во всѣхъ трехъ отношеніяхъ; но главная и несравненная ея красота заключается въ ея постройкѣ. Съ этой точки зрѣнія ей уступаютъ и «Ревизоръ», котораго интрига не нова и отчасти грѣшитъ противу правдоподобія, и «Горе отъ Ума», гдѣ она раздроблена и не довольно энергична. Интрига комедіи г. Островского — совершенство по замыслу и по блеску исполненія. Она истинна, проста, всѣми сторонами соприкасается дѣйствительной жизни, безъ усилія принимаетъ въ себя нѣсколько комическихъ и характерныхъ эпизодовъ, обнимаетъ собою значительнѣйшіе моменты въ бытѣ русскаго торговаго класса, ни на одинъ мигъ не замедляется въ своемъ теченіи, вполнѣ захватываетъ собой вниманіе читателя, и, наконецъ, на послѣднихъ страницахъ произведенія, какъ громовымъ ударомъ, разражается катастрофой, въ которой не знаешь чему болѣе удивляться — потрясающему ли драматизму положеній, или простотѣ средствъ, какими этотъ драматизмъ достигнутъ? Оттого вся драма, взятая въ цѣлости, производитъ впечатлѣніе, какое только могутъ производить первоклассныя творенія. Читатель, окончивъ чтеніе, почти говоритъ себѣ: «это такъ просто, что, кажется, я самъ могъ бы написать такую комедію!» Всякій годъ на Руси да и за границей происходятъ сотни исторій въ родѣ исторіи Большова съ Подхалюзинымъ, всякій купецъ, банкиръ и негоціантъ знаетъ и можетъ разсказать тысячу подобныхъ случаевъ. Отчего же ни въ Россіи, ни за границею до сей поры не было драмы, основанной на одномъ изъ такихъ случаевъ? Исторія колумбова яица невольно приходитъ тутъ на память.

Неразрывно съ совершенствомъ постройки идетъ совершенство въ созданіи дѣйствующихъ лицъ, и связь эта совершенно понятна: ошибись авторъ хотя въ одномъ изъ персонажей, увлекись онъ преувеличеніемъ комизма или ослабѣй онъ при созданіи подробностей, частная ошибка отразилась бы на цѣломъ и, какъ темное пятно, легла бы на всю интригу. Лица комедіи живы, объективно художественны, вѣрны дѣйствительности и сферѣ, въ которой они дѣйствуютъ. Въ отношеніи типическомъ, отчасти отъ нѣкоторой исключительности самой сферы, но еще болѣе отъ склада авторскаго таланта, они стоятъ ниже лицъ Грибоѣдовскихъ и Гоголевскихъ. Какъ ни новы и ни правдивы Подхалюзинъ, Большовъ и

Digitized by Google

Ризположенскій, ихъ нельзя равнять съ Хлестаковымъ, Скалозубомъ, Молчалинымъ, Подколесинымъ. Діапазонъ нашихъ умершихъ драматурговъ чище, ихъ лица болѣе общія, и слѣдственно болѣе типичны. Хлестаковъ, напримѣръ, маленькій чиновничишка, надѣлавшій минутнаго шума въ крошечномъ городѣ, есть типъ, къ которому можетъ подойти и левъ, и вельможа, и ученый мужъ, и герой историческій. Молчалинъ живетъ и дѣйствуетъ во всѣхъ сферахъ, отъ крестьянской до высшей дипломатической. Наконецъ, человѣкъ, одаренный высокими нравственными качествами, можетъ иногда узнать себя въ Подколесинѣ, и г. Григорьевъ, въ порывѣ восторга, сравнившій съ нимъ Гамлета, не былъ такъ страненъ, какъ это провозгласили наши мудрые фельетонисты. Такой широты созданія нельзя требовать отъ дѣйствующихъ лицъ первой комедіи Островского. Типичность Ризположенскаго и Подхалюзина не есть общая типичность, по которой всякій человѣкъ увидитъ въ этихъ лицахъ воплощеніе той или другой частицы своего собственнаго я. Эти люди совершенно на своемъ мѣстѣ въ ихъ драмѣ, въ ихъ сферѣ, въ ихъ средѣ интересовъ. Въ области искусства они *явленіе*, а не *проявленіе*, мастерское созданіе художника, но не вдохновенное порожденіе великаго поэта.

Переходя къ послѣднему пункту разбора, то есть къ языку комедіи, мы, при всей нашей неохотѣ къ восторженнымъ отзывамъ, не можетъ начать дѣло спокойною рѣчью. Языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица комедіи г. Островского, не уступаетъ языку Гоголя и Грибоѣдова. Съ языкомъ нашихъ новыхъ писателей (кромѣ двухъ или трехъ) мы и равнять его не смѣемъ. По поводу литературнаго языка, о которомъ нынче опять стали спорить не безъ озлобленія, мы должны сдѣлать отъ себя одно замѣчаніе. По нашему мнѣнію, писать хорошо и грамматически-правильно долженъ всякій писатель и мы вовсе не раздѣляемъ кѣмъ-то высказаннаго мнѣнія, что отдѣлка слога есть послѣднее дѣло и что у человѣка, имѣющаго что нибудь сказать, изложеніе пойдетъ само собою, хотя бы на перекоръ грамматикѣ. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что у Гоголя, въ лучшихъ его созданіяхъ, встрѣчаются цѣлые періоды, построенные наперекоръ правиламъ, изложеннымъ въ грамматикѣ Греча, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ люди, не имѣющіе генія Гоголя, могли дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Во всякомъ случаѣ, мы не придаемъ большой цѣны пуризму языка, хотя и знаемъ, что языкомъ пренебрегать не слѣдуетъ. Равнымъ образомъ мы не видимъ особенной заслуги въ томъ, что у порядочнаго писателя всѣ персонажи гово-

Digitized by Google

рятъ языкомъ вѣрнымъ ихъ общественному положенію и вѣрнымъ дѣйствительности; это опять таки достоинство необходимое и превозносить за него литератора почти тоже, что горячо благодарить гостя за то, что онъ пришолъ къ намъ въ трезвомъ видѣ, имѣя на себѣ сапоги, панталоны и прочее одѣяніе, съ приличіемъ неразлучное. Все это не тотъ еще языкъ, которому мы дивимся у великихъ мастеровъ дѣла. Мы очень знаемъ, что у писателя, подобнаго г. Островскому, мужикъ не заговоритъ рѣчью купца, купецъ — рѣчью чиновника, а чиновникъ — рѣчью дьячка, недавно покинувшаго семинарію (чему, къ сожалѣнію, есть примѣры въ новой нашей словесности). Не за такія будничныя заслуги мы отдаемъ дань похвалы нашему автору, а подъ словомъ языкъ Островского не понимаемъ мы простую гладкость или вѣрность діалоговъ. Языкъ, на какомъ говорятъ дѣйствующія лица комедіи «Свои люди — сочтемся» (и всѣхъ другихъ произведеній г. Островского) есть сила и несомнѣнная принадлежность первокласснаго писателя, вѣковой штемпель, который онъ кладетъ на свои произведенія, квинтъ-эссенція его могущественнаго таланта. О такомъ языкѣ стоитъ говорить и думать не однимъ защитникамъ *чистоты русскаго слога*. Это колоритъ живописца: попробуйте поговорить о Мурильо и Рембрандтѣ, не касаясь ихъ колорита! Этотъ языкъ не тѣмъ удивителенъ, что исполненъ мѣткихъ выходокъ и выраженій, успѣвшихъ сдѣлаться поговорками, онъ удивителенъ тѣмъ, что въ немъ каждое слово стоитъ на своемъ мѣстѣ и ни подъ какимъ видомъ, ни въ какомъ случаѣ *не можетъ быть замѣнено другимъ словомъ*. Поддѣлаться подъ купеческую болтовню могъ и господинъ Горевъ, къ своему страшному несчастію и къ стыду своихъ защитниковъ, недавно провозглашаемый соперникомъ Островского. Подладиться подъ крестьянскую рѣчь способенъ иной дюжинный повѣствователь, и не только подладиться, но на короткое время обмануть цѣнителей. Но пускай кто нибудь изъ этихъ или другихъ имъ подобныхъ дагеротипистовъ попытается создать хоть одну фразу, какія стоятъ въ комедіи нашего автора. Языкъ господина Островского не только мѣтокъ, вѣренъ, энергиченъ, поражаетъ комическими особенностями — всѣхъ этихъ достоинствъ недостаточно, чтобъ поставить его на ряду съ языкомъ Гоголя и Грибоѣдова. Автору комедіи «Свои люди — сочтемся» съ перваго разу далась высшая наука. Его дѣйствующія лица говорятъ такъ, что каждою своей фразою высказываютъ себя самыхъ, весь свой характеръ, все свое воспитаніе, все свое прошлое и настоящее. Языкъ, доведенный до такой художественной степени, есть силь-

Digitized by Google

нѣйшее орудіе въ рукахъ писателя, онъ дается только писателямъ образцовымъ, первокласснымъ. Пусть всякій образованный человѣкъ спроситъ самъ себя, что именно заставляетъ его съ наслажденіемъ перечитывать «Женитьбу» Гоголя, или, раскрывъ наудачу «Горе отъ Ума», не отрываться отъ книги до самаго двустишія:

Ахъ, Боже мой! что будетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

Неужели причиной этого безпрестаннаго перечитыванія однихъ и тѣхъ же произведеній ихъ драматическая постройка, или интересныя столкновенія между дѣйствующими лицами? Ничуть,— тутъ дѣло въ прелести языка, благодаря которому рядъ живыхъ лицъ выходитъ передъ нами, и не только выходитъ за тѣмъ, чтобъ дѣйствовать въ драмѣ, но чтобы проявиться передъ нами во всѣхъ сторонахъ своего существа. Благодаря художественному языку художественнаго произведенія, оно никогда не старѣется и не пресыщаетъ читателя: чѣмъ здѣсь внимательнѣе изученіе, тѣмъ обширнѣе горизонты при немъ открывающіеся. Когда вещь сильно задумана и сильно высказана — въ ея языкѣ является своего рода магія, не подлежащая холодному анализу. Лучшимъ доказательствомъ того, что «Свои люди—сочтемся» богаты такою магіею, служитъ то, что ни одинъ изъ внимательныхъ людей, читавшихъ комедіи Островского, навѣрное читалъ ее не одинъ разъ, а два, три раза, десять разъ и такъ далѣе. Что до насъ, то мы счотъ потеряли тому, сколько разъ она нами читана. Вѣрнѣе этого мѣрила трудно сыскать что либо. Романъ, поэма, драма и стихотворенія, которыя не выдерживаютъ второго или третьяго чтенія, могутъ быть произведеніями очень почтенными, важными въ ряду другихъ такихъ же произведеній, но драгоцѣннымъ камнемъ въ вѣнкѣ родной славы ихъ никто не признаетъ.

Шумъ, возбужденный первою комедіею Островского былъ весьма великъ въ публикѣ, весьма не великъ въ печати и журналистикѣ того времени. Причинъ этому было нѣсколько. Во первыхъ, комедія въ нѣкоторыхъ сферахъ, имѣющихъ вліяніе на литературу, была признана (какъ это было съ комедіею Грибоѣдова въ свое время) печальною сатирою на нѣкоторые классы русскаго общества, стало быть, много говорить о ея достоинствахъ — значило бы раздражать людей, и безъ того не очень расположенныхъ къ дѣлу искусства. Во вторыхъ, г. Островской напечателъ ее въ «Москвитянинѣ,» журналѣ не совсѣмъ любимомъ въ Петербургѣ; а по старой журнальной тактикѣ, очень хвалить позволялось лишь сво-

Digitized by Google

ихъ собственныхъ сотрудниковъ. Въ третьихъ, наконецъ (для чего скрывать старые грѣхи) большинству судей было просто какъ-то странно передъ человѣкомъ совсѣмъ молодымъ, независимымъ отъ всѣхъ партій, только что начавшимъ трудиться и сразу подарившимъ публикѣ первоклассное произведеніе. Еще, еслибы г. Островской хотя немного принадлежалъ къ лицамъ знакомымъ! Еще, еслибы въ комедіи его были яркіе недостатки, говоря о которыхъ Аристархъ могъ бы хоть на нѣсколько строкъ явить себя Аристархомъ! Положеніе было дѣйствительно какое-то натянутое. Бѣлинскій, которому мы отъ души сочувствуемъ, сознавая и видя нѣкоторыя его слабыя стороны, не задумался бы въ такомъ случаѣ. Намъ пріятно вообразить себѣ Бѣлинскаго при появленіи разбираемой нами комедіи. Какъ бросился бы онъ на встрѣчу молодому, могучему таланту! Какими огненными словами онъ бы его привѣтствовалъ! Какъ смѣло отвелъ бы онъ ему мѣсто рядомъ съ первоклассными дѣятелями русскаго слова и какъ порывисто накинулся бы онъ на друзей рутины, еслибъ кто изъ нихъ осмѣлился назвать такой отзывъ преувеличеннымъ. Но Бѣлинскаго не было на свѣтѣ, онъ не дождался произведенія, которое подарило бы ему столько сладкихъ часовъ и столько радости за русскую литературу. Преемники Бѣлинскаго сказали нѣсколько лестныхъ словъ о дарованіи Островского; журналисты попытались войти съ нимъ въ сношенія, но узнавъ, что слѣдующая комедія обѣщана «Москвитянину»,—испытали весьма понятное неудовольствіе. Впрочемъ, ни положительной вражды къ нашему автору, ни сомнѣній въ достоинствѣ его будущихъ трудовъ нигдѣ и никѣмъ не было высказано.

Насъ никто не заподозритъ въ томъ, чтобъ мы не любили отъ всего сердца русской литературы и русскаго литературнаго круга, но можетъ быть эта самая любовь дѣлаетъ насъ зоркими относительно литературныхъ грѣховъ и слабостей. Искренно сочувствуя нѣкоторымъ изъ нашихъ журналовъ и многимъ изъ современныхъ писателей, мы однакоже не думаемъ, что, какъ завѣряютъ насъ нѣкоторые энтузіасты, вся русская литература представляетъ собою исконнаго врага житейской неправды и что дѣятели нашей журналистики какіе-то жрецы, обличающіе пороки общества и сами не имѣющіе за собой никакихъ пороковъ. Мы знаемъ очень хорошо, что всякая текущая словесность есть плодъ общества, въ которомъ она существуетъ, что болѣзнь дерева сказывается во вкусѣ его плодовъ, и что каково бываетъ само общество, такимъ является и литература, имъ порожденная. Истина

Digitized by Google

эта, неоспоримая въ новѣйшее время, была такою же истиною и за десять лѣтъ назадъ, при первомъ появленіи первыхъ трудовъ г. Островского. Потому мы нисколько не ошибемся, сказавши, что многія лица въ нашей литературѣ того времени, особенно лица малоталантливыя и малопонятливыя, находились къ новому писателю почти въ такомъ положеніи, въ какомъ находится иной труженикъ-чиновникъ незначительнаго ранга къ молодому новичку безъ рекомендаціи, но съ огромными способностями и съ вѣрнымъ шансомъ занять самое высокое мѣсто по цѣлому вѣдомству. Мы такъ часто обличаемъ русскихъ чиновниковъ, что можно же наконецъ указать и на грѣшки литературнаго міра, общіе ему съ міромъ чиновниковъ. Наша журналистика имѣла своихъ директоровъ, которымъ казалась странна независимость новаго человѣка, своихъ мелкихъ секретарей, готовыхъ назвать выскочкою человѣка, не благоговѣвшаго передъ ихъ начальствомъ. Всѣ эти скрытыя и почти неуловимыя антипатіи таились и ждали своего времени, но существованіе ихъ стало и замѣтно и неоспоримо съ появленіемъ второй комедіи г. Островского, напечатанной опять таки въ «Москвитянинѣ». Лица, горячо восхищавшіяся комедіей «Свои люди—сочтемся» признали «Бѣдную Невѣсту» шагомъ назадъ, а иными цѣнителями было печатно замѣчено, что блестящія надежды, поданныя молодымъ авторомъ, по видимому, не оправдываются. Большое количество людей, довольныхъ новой піесою и расположенныхъ къ автору, своимъ молчаніемъ какъ бы поддержали сказанное мнѣніе.

А между тѣмъ, по нашему крайнему и хладнокровному убѣжденію, мнѣніе было ложно и вдвойнѣ ложно. Во первыхъ, господинъ Островской, какъ авторъ, не могъ подавать надеждъ — надежды подаются лишь поэтами, напечатавшими одно или два стихотворенія и журнальными повѣстями хорошаго разбора. Надежды въ 1849 году подавали г. Фетъ, въ то время имѣвшій за собой нѣсколько вдохновенныхъ страничекъ, гг. Чернышовъ и Воплярлярскій, госпожа Евгенія Туръ да гг. Достоевскій и Бутковъ, которыхъ дарованія, болѣе или менѣе замѣчательныя, какъ-то остановились на одной точкѣ и могли или погибнуть безъ слѣда, или развиться благопріятнымъ образомъ. Авторъ комедіи «Свои люди—сочтемся» не могъ подавать блестящихъ надеждъ. Пушкинъ подалъ надежды «Русланъ и Людмилой», но послѣ «Цыганъ» едва ли кто рѣшился бы назвать его писателемъ, подающимъ надежды. Когда «Горе отъ Ума», въ засаленныхъ тетрадкахъ обошло всю Россію, Грибоѣдовъ былъ молодъ и новъ въ литературѣ, но вѣрно никто не счелъ его авторомъ съ надеждами. На Гоголя, послѣ

Digitized by Google

«Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», сыпалась озлобленная брань, но самъ Ѳаддей Булгаринъ не рѣшился возложить надеждъ на его будущность. Въ 1849 году отъ г. Островского ждали того же, чего мы ждемъ и теперь, чего будемъ отъ него ждать и въ его старости, то есть не исполненія блестящихъ надеждъ, а ряда произведеній, болѣе или менѣе удачныхъ, болѣе или менѣе совершенныхъ, но всегда замѣчательныхъ и всегда составляющихъ пріобрѣтеніе для родной словесности. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ говорить долго не стоитъ, — можно только мимоходомъ указать на наше чисто чиновничье пристрастіе къ табели о рангахъ въ литературѣ. Намъ все какъ будто хочется завести четырнадцать классовъ для поэтовъ и драматурговъ, награждать ихъ чинами своего рода и, благодаря этой методѣ, поддерживать въ нихъ усердіе съ нѣкоторымъ чинопочитаніемъ. Когда мы слушали иные толки про труды Островского, являвшіеся въ разное время, намъ все казалось, что цѣнители сейчасъ скажутъ — «вотъ за эту вещь стоитъ дать ему слѣдующій чинъ; вотъ эту не слѣдовало писать въ его званіи; вотъ за эту мы поторопились сдѣлать его генераломъ. Пусть бы покуда послужилъ въ статскихъ совѣтникахъ.»

Во вторыхъ, взглядъ на «Бѣдную Невѣсту» кажется намъ ложнымъ въ другомъ, болѣе важномъ отношеніи. «Бѣдная Невѣста» не только не могла назваться шагомъ назадъ, но приходилась родною сестрою первой комедіи Островского, принадлежала — также какъ и «Свои люди — сочтемся» — къ числу первоклассныхъ и образцовыхъ явленій въ русской словесности. Новая комедія была не такъ сценична, какъ первая; предметъ ея не приходился по плечу каждому читателю, но она имѣла высокое литературное значеніе и должна была навсегда сдѣлаться любимой пьесою для людей съ развитымъ вкусомъ. Мы знаемъ не одного безпристрастнаго знатока, предпочитающаго вторую комедію Островского первой,— и сами отчасти раздѣляемъ это мнѣніе. Одна подаритъ намъ минуты наслажденія на театральныхъ подмосткахъ,—другая очаруетъ и увлечетъ читателя въ тишь кабинета. Одна поразитъ мастерствомъ хода и леденящею силою катастрофы, — другая наведетъ на глубокіе вопросы жизни и заставитъ сердце наше облиться кровью. Одна удовлетворитъ всякую театральную публику, при исполненіи отчетливомъ, но самомъ обыкновенномъ, — другая можетъ быть понята массою лишь тогда, когда для главной роли отыщется геніальная артистка со всѣмъ обаяніемъ молодости, красоты и душевнаго благородства. Не смотря на то, что красоты «Бѣдной Невѣсты» менѣе доступны массѣ, нежели красоты коме-

Digitized by Google

діи «Свои люди — сочтемся», ея содержаніе ближе къ общей жизни, ея лица типичнѣе. Въ созданіи дѣйствующихъ лицъ, какъ типовъ, виденъ успѣхъ автора и несомнѣнное движеніе впередъ. Для многихъ читателей семейство Большова съ его обстановкой— гости, любопытныя явленія, лица разнаго ему круга; но въ «Бѣдной Невѣстѣ» почти всѣ персонажи — всѣмъ намъ сестры и братья. Частицъ нашего собственнаго я, о которыхъ мы говорили выше, въ нихъ гораздо болѣе. Въ Аннѣ Петровнѣ, бѣдной чиновницѣ, можетъ узнать себя первѣйшая аристократка, когда либо выдававшая дочь по разсчету; тысячи изящныхъ и даже нравственно-недурныхъ молодыхъ людей отыщутъ родственныя струны въ Меричѣ и Милашинѣ; Беневоленской живетъ и ходитъ между нами, — только не въ вицъ-мундирѣ со свѣтлыми пуговицами, но иногда въ изящнѣйшемъ фракѣ или пышномъ мундирѣ со звѣздами, иногда въ купеческомъ нарядѣ или въ синемъ кафтанѣ богатаго кулака-крестьянина. Нѣчто подобное можно сказать и о самыхъ второстепенныхъ лицахъ, о Дунѣ, о Дарьѣ, о гостяхъ и зрителяхъ на свадьбѣ — въ этомъ страшномъ и поэтическомъ пятомъ актѣ, гдѣ авторъ поднялся на небывалую высоту творчества, смѣшавъ въ одно потрясающее цѣлое самые простые элементы московской жизни: свадьбу съ угощеніемъ, слезы невѣсты, простодушное довольство людей, ее загубившихъ, горькія штуки покинутой любовницы, комическую болтовню зрителей и перебранки салопницъ между собою. Говоримъ смѣло — человѣкъ, который, послѣ серьознаго чтенія этого пятаго акта, не увидитъ въ немъ истинно вдохновенной *гармоніи творчества*, лучше сдѣлаетъ, если обратится къ изученію современной политики или наукъ точныхъ: съ поэзіей ему дѣлать нечего.

Что же сказать о главномъ лицѣ комедіи, о дѣвушкѣ, вокругъ которой сплетаются всѣ нити мастерски задуманной интриги? Марья Андреевна, бѣдная невѣста чиновника Беневоленскаго, есть истинно поэтическое созданіе и по личности своей, и еще болѣе по своему значенію. Это лицо, повторяемъ мы, только тогда будетъ понято вполнѣ, когда на русской сценѣ явится геніальная артистка для выполненія роли Марьи Андреевны. Собственно какъ дѣвушка, бѣдная невѣста не имѣетъ въ себѣ ничего особенно геройскаго или обворожительнаго: это юное, счастливо одаренное и чистое душою созданіе, какихъ въ свѣтѣ бываетъ немало. Главную прелесть получаетъ она отъ положенія, въ которое поставлена, и самое положеніе это до чрезвычайности просто, безъ него даже, до нѣкоторой степени, не обходится ни одно дѣвическое существова-

Digitized by Google

ніе. Стѣсненныя дѣла семейства, глупая мать, въ которой эгоизмъ, любовь, безтолковость и слезливость перепутаны въ какую-то неразрывную сѣтку, — красивый и пустоголовый мальчикъ, въ первый разъ заставившій заговорить молодое сердце, женихъ-взяточникъ... во всемъ этомъ немного новаго. Новаго въ положеніи — одна глубина и правда. Милліоны несчастныхъ замужествъ питаютъ собою романистовъ и драматурговъ, отъ Ричардсона до Дюма-сына, отъ Прадона до Депри и Виктора Сежура, отчего же вся тема до сей поры не опошлилась окончательно? Оттого что глубина и правда въ обработкѣ даннаго содержанія тѣмъ необходимѣе, чѣмъ само содержаніе вседневнѣе. Не одна рутина вредитъ дѣлу, — иногда ему вредитъ экзальтація и горячность. Наши Жоржъ Санды мужского и женского пола, всѣхъ возрастовъ и званій, отъ старыхъ дѣвъ до старыхъ Тирсисовъ, — пытались произносить благонамѣренные протесты противъ разныхъ печальныхъ положеній въ жизни женщины — но какой изъ протестовъ этихъ стоитъ созданія «Бѣдной Невѣсты» и простого драматическаго изложенія ея участи?

Намъ истинно жаль, что наши русскія дамы слишкомъ мало читаютъ по русски, — и (какъ сказано въ одномъ романѣ) ужасно любятъ въ литературѣ описаніе дворцовъ, придворныхъ увеселеній, блестящихъ баловъ, рыцарскихъ турнировъ или по крайней мѣрѣ сезона въ Баденъ-Баденѣ. Къ этому надо прибавить, что дамы наши (хотя бы вслѣдствіе своего мотовства и другихъ обстоятельствъ, сами находились въ самомъ небогатомъ состояніи) питаютъ самое великосвѣтское презрѣніе къ происшествіямъ, имѣющимъ сценою бѣдную комнату, безъ гамбсовской мебели. По всему видно, что это натуры глубоко-изящныя, воспитанныя на всякой красотѣ и не понимающія любви безъ розъ, фонтановъ и статуй, безъ голубаго небосклона и итальянскихъ озеръ, безъ мраморныхъ колоннадъ, потонувшихъ въ морѣ экзотической зелени. Героини въ бѣдномъ кисейномъ платьѣ и гонитель въ зеленомъ-вицъ-мундирѣ... какая тутъ можетъ быть драма! Съ богато-одаренными натурами такихъ дамъ-цѣнительницъ дѣлать нечего. На всякій случай однакоже позволительно предположить, что не всѣ наши дамы воспитаны благоуханіями Каменнаго острова. Можетъ быть для немногихъ міръ еще не есть одна Дворцовая набережная. У иныхъ при этомъ умъ хорошо развитъ и сердце понятливо. Такимъ-то женщинамъ мы совѣтуемъ перечесть «Бѣдную Невѣсту» гдѣ нибудь въ тишинѣ, съ должнымъ вниманіемъ. Онѣ оцѣнятъ поэта и возблагодарятъ его отъ души. Много знакомаго найдутъ

Digitized by Google

онѣ на страницахъ его комедіи, можетъ быть подивятся тому, что въ пьесѣ, прозванной комедіею, найдется столько горькихъ слезъ и сердце-разрывающихъ воспоминаній. Можетъ быть онѣ поймутъ и оцѣнятъ не одну Марью Андреевну, можетъ быть онѣ задумаются надъ покинутою Дуняшею... впрочемъ, нѣтъ! такихъ ужасовъ мы про нашихъ дамъ подумать не въ состояніи.

Всякая вещь имѣетъ свою цѣну, безусловную и относительную. Мнѣ мало того, что меня считаютъ очень хорошимъ человѣкомъ, но если въ ряду другихъ людей человѣчикъ весьма посредственный пользуется однимъ со мною почетомъ, я вправѣ находить, что общество передо мной не вполнѣ право. Островской могъ быть доволенъ тѣмъ, что современные цѣнители признали его замѣчательнымъ писателемъ и отдали подобающую (хотя и не полную) дань его первой комедіи, но могъ ли онъ и друзья его таланта остаться довольными *относительной* стороной оцѣнки. «Бѣдная Невѣста» могла не понравиться, могла просто не быть понята съ перваго раза, но, по несомнѣнному дарованію своего автора, она стоила отзывовъ почтительныхъ, серьозныхъ и никакъ не могла затеряться въ ряду бельлетристическихъ новостей 50 или 51 года, годовъ, какъ и всякій знаетъ, крайне неурожайныхъ въ нашей литературѣ. Вторая комедія Островского также рѣзко выдѣлялась изъ ряда современныхъ литературныхъ новостей, какъ и первая, *относительная* цѣна ея была огромна, не говоря уже о безусловной. Что же увидѣли мы всѣ, давнишніе друзья и поклонники нашего автора? Его строгое произведеніе ставилось на одну доску съ дамскими повѣстями, неконченными эскизами, легкими повѣствованіями, которымъ суждено было впасть въ скорое забвеніе. О «Бѣдной Невѣстѣ» вскользь упоминалось въ литературныхъ фельетонахъ. Около десятка порядочныхъ, но эфемерныхъ созданій заслужили отзывы гораздо пространнѣйшіе, нежели «Бѣдная Невѣста». Съ какимъ-то преднамѣреннымъ упорствомъ (въ свое время замѣченнымъ) многіе судьи изящнаго видимо пытались стащить имя Островского съ высоты, на которой оно стояло, и если не стащить, то, по крайней мѣрѣ, замѣшать его въ десяткѣ другихъ именъ, можетъ быть хорошихъ, но къ нему не подходящихъ. Такая несправедливость возбудила порицаніе въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, московскихъ и петербургскихъ, а покойный «Москвитянинъ», въ то время переживавшій лучшую свою эпоху, къ порицанію прибавилъ дифирамбическія хваленія дарованію Островского, какъ бы поддразнивая и вызывая на бой всѣхъ его завистниковъ. Вообще литературныя колѣнопреклоненія никому не

Digitized by Google

дѣлаютъ пользы, не сдѣлали они пользы и въ то время, а напротивъ того, заодно и смѣлымъ порицаніемъ пристрастной оцѣнки, про которое сейчасъ говорено было, раздражили множество людей, давно уже нерасположенныхъ къ таланту Островского.

Первое серьозно-враждебное отношеніе русскихъ цѣнителей къ лучшему изъ современныхъ намъ драматическихъ писателей наконецъ проявилось въ приговорахъ и толкахъ по поводу третьей комедіи Островского, помѣщенной въ «Москвитянинѣ» и игранной съ огромнымъ успѣхомъ на столичныхъ театрахъ. Комедія эта называлась «Не въ свои сани не садись», — по объему была почти на половину менѣе двухъ первыхъ комедій, по литературному же значенію своему она скорѣе могла быть отнесена къ началу цѣлой серіи драматическихъ очерковъ Островского, которая всѣмъ намъ доставила столько наслажденія и еще недавно обогатилась «Воспитанницей», возбудившей такое единодушное одобреніе повсюду. Написанная прежнимъ превосходнымъ языкомъ, простая и замысловатая по интригѣ, исполненная жизни и драматическихъ положеній, новая комедія была прежде всего писана для сцены, и до сихъ поръ остается одной изъ любимѣйшихъ пьесъ въ русскомъ репертуарѣ. Изъ персонажей ея, не отличавшихся особой новизною или типичностью, художественно выдавалось прелестное лицо героини, любящей дѣвушки съ чисто русской довѣрчивостью, чисто русской кротостью въ характерѣ, да еще два или три второстепенныхъ лица. Содержаніе комедіи, безъ сомнѣнія, извѣстно читателю, но мы считаемъ нужнымъ напомнить о немъ хотя вкратцѣ. Промотавшійся франтъ и красавецъ Вихоревъ, пріѣхавши въ небольшой торговый городъ, ищетъ купеческой дѣвушки съ хорошимъ приданымъ. Онъ начинаетъ ухаживать за дочерью богатаго купца Русакова и, благодаря своей наружности, успѣваетъ ей понравиться, но отецъ Дуняши, человѣкъ честный, простой и проницательный, отвергаетъ домогательства авантюрьера. Вихоревъ, предполагая, что старикъ не способенъ долго сердиться на обожаемую дочь, увозитъ ее — и только на станціи узнаетъ, что на прощенье надѣяться нечего, что Русаковъ упоренъ въ своемъ словѣ и что на его шеѣ остается бѣдная дѣвушка безъ гроша денегъ. Съ грубостью безпутнаго мальчишки онъ сбрасываетъ съ себя маску и уѣзжаетъ одинъ, оставивши Дуняшу на дорогѣ, какъ глупую и привязчивую собаченку. Опозоренная дѣвушка является въ домъ родительскій, къ старику отцу, доведенному до отчаянія ея поступкомъ. Въ это самое время молодой купецъ Бородкинъ, давно привязанный къ Авдотьѣ Максимовнѣ, выступаетъ впередъ

Digitized by Google

и на слова, сказанныя про Дуняшу: «кто возьметъ ее», отвѣчаетъ: «мы возьмемъ-съ» со всей безсознательной честностью прямой русской души, неиспорченной разсчетами и условными тонкостями свѣта.

Казалось бы, чѣмъ могла эта интрига, до такой степени чистая и вседневная, такъ раздражить судей и цѣнителей, особенно цѣнителей петербургскихъ? Или названіе ея не полюбилось столичному нашему люду, такъ способному садиться не въ свои сани? Или въ комедіи были подробности, достойныя осужденія, или топъ ея не былъ вѣренъ дѣйствительности? Нельзя было утверждать ничего подобнаго. Огромный успѣхъ комедіи на сценѣ показывалъ, что она достигла своей дѣли, и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ она отличалась чрезвычайной сценической стройностью. Но *мысль*, будто бы скрытая во всемъ произведеніи, ожесточила особъ, соблюдавшихъ чистоту убѣжденій въ русской литературѣ, почти съ такимъ же рвеніемъ, какъ когда-то господинъ Булгаринъ блюлъ чистоту русскаго слога. Мысль комедіи, съ ожесточеніемъ говорили и писали многіе, была нечиста, нелиберальна, неблагородна. Но, Боже мой, въ чемъ же наконецъ заключалась эта нелиберальность и это неблагородство? Тутъ шолъ рядъ выводовъ, дивныхъ по ихъ логичности, хотя и отзывавшихся аллегоріей. Вихоревъ, говорили новые аллегористы, есть пасквиль на *просвѣщеннаго* человѣка, Русаковъ — апоѳеоза русака-невѣжды. Просвѣщенный человѣкъ приносится въ жертву невѣждамъ. Невѣжда издѣвается надъ просвѣщеннымъ человѣкомъ, не хочетъ его просвѣщенія, не признаетъ новыхъ порядковъ и остается героемъ въ своей закоснѣлости. Просвѣщенный юноша безпутенъ и сидитъ безъ гроша, невѣжда уменъ и богатъ. Просвѣщенный европеецъ хочетъ жениться изъ-за денегъ, невѣжда-русакъ блюдетъ святость семейныхъ привязанностей. Европеецъ похищаетъ, бросаетъ оскорбляетъ преданную женщину, русакъ (на этотъ разъ въ лицѣ купца Бородкина) исправляетъ все дѣло своимъ великодушіемъ. Ergo европеецъ попранъ ногами, невѣжда-русакъ и старовѣръ возвышенъ. Сверхъ того комедія напечатана въ «Москвитянинѣ», журналѣ извѣстныхъ славянофильскихъ тенденцій. C'est une circonstance horriblement aggravante.

Въ наше время опровергать подобныхъ сужденій не приходится. Лучшее доказательство ихъ невѣрности то, что безъ сомнѣнія имъ не возобновиться уже ни въ одномъ, сколько нибудь порядочномъ, изданіи. Но забавно припомнить, *въ какую пору* Островского обвиняли въ пристрастіи къ невѣжеству и видѣли въ Вихо-

Digitized by Google

ревѣ пасквиль на всякаго порядочнаго европейца. Его обвиняли въ этомъ именно тогда, когда наша изящная литература съ одной стороны жила полуидиллическими разсказами изъ простонароднаго быта, съ другой докапчивала свою дидактически-соціальную карьеру. Лучшіе наши писатели, по собственному ихъ выраженію, увѣнчивали незабудками головы мужиковъ, а просвѣщеннаго или полупросвѣщеннаго барина судили съ крайней строгостью. Отчего же то, что нисколько не оскорбляло въ Тургеневѣ и Григоровичѣ, вдругъ озлобило цѣнителей въ другомъ писателѣ, не менѣе добросовѣстномъ и еще болѣе ихъ правдивомъ? Неужели честность, простота и кротость, общія хорошему русскому простолюдину, имѣютъ свою цѣну лишь въ соединеніи съ крѣпостнымъ состояніемъ, въ зажиточномъ же купцѣ нелѣпы и невозможны? И потомъ, почему именно Вихоревъ признанъ былъ представителемъ унижаемаго европеизма? Послѣ этого и дурные помѣщики въ «Запискахъ Охотника» пасквиль на русскихъ просвѣщенныхъ людей и на все дѣло прогресса. Послѣ этого и въ Хлестаковѣ увидимъ мы отрицаніе пользы цивилизаціи. Послѣ такихъ придирокъ и прижимокъ что же остается дѣлать поэту, нуждающемуся въ положительномъ жизненномъ элементѣ для своихъ изданій, и гдѣ остановятся требованія критики, если онъ ей уступитъ хоть на одну линію? Сегодня драматургу запрещаютъ выводить на сцену честнаго купца, завтра его признаютъ извергомъ, если онъ захочетъ изобразить дѣльнаго чиновника. Послѣ завтра судьи наложутъ свое *veto* на умнаго помѣщика — что же останется безпристрастному и всестороннему живописцу русской жизни, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ? Съѣзжіе дворы и собранія нищихъ, кабаки и домъ сумасшедшихъ, что ли? Нельзя же всѣхъ художниковъ на свѣтѣ обратить въ Каллоты, да наконецъ и самъ Каллотъ не все же писалъ оборванныхъ негодяевъ.

Посреди азартныхъ обвиненій и потока ѣдкихъ филиппикъ, г. Островской велъ себя какъ нельзя проще и разумнѣе. Онъ продолжалъ трудиться для той сцены, гдѣ тысячи посѣтителей награждали его полнымъ сочувствіемъ, и для того журнала, гдѣ по достоинству цѣнилось его литературное дарованіе. Отвѣчать на крики обвинителей онъ не располагалъ, слишкомъ хорошо зная ничтожество и, конечно, предвидя недолговѣчность возводимыхъ на него небывальщинъ. Но мы не сомнѣваемся въ томъ, что упреки противниковъ навели его не на одну плодотворную мысль относительно дальнѣйшей предстоящей ему дѣятельности. Самое ожесточеніе, проявившееся по поводу *положительной стороны* его

Digitized by Google

послѣднихъ дѣйствующихъ лицъ, Русакова и Бородкина, должно было показать, что въ ихъ замыслѣ имѣется нѣчто важное. На посредственную идею не кинутся хулители, незначительная мысль не вызоветъ горячихъ опроверженій. Въ самомъ дѣлѣ, положительная и свѣтлая сторона простой русской жизни, до той поры почти нетронутая русскими драматическими и недраматическими писателями, предъявляла свои права на воплощеніе художественное, какъ часть обширнаго цѣлаго, какъ свѣжая и необходимая нота въ общей гармоніи. До той поры г. Островской слѣдовалъ примѣру Гоголя, у котораго честный смѣхъ былъ единственнымъ честнымъ лицомъ въ комедіяхъ, но то, что составляло оригинальность и самобытность предшественника, грозило показаться рутиной у послѣдователя. Героиня «Бѣдной Невѣсты» могла назваться первымъ шагомъ къ драматической всесторонности, замыселъ Русакова и Бородкина, честныхъ русскихъ людей, былъ новой ступенью правдиваго сознанія. Но отъ сознанія, до воплощенія полнаго — дорога велика и многотрудна. Если Марья Андреевна удалась — Русаковъ и Бородкинъ заставляли желать многаго въ художественномъ отношеніи. Нашъ авторъ не уклонился отъ задачи ему представившейся и подступилъ къ ней безъ страха. Бытъ простыхъ русскихъ людей, преимущественно людей торговыхъ, былъ ему знакомъ въ совершенствѣ и легко навелъ его на рядъ сильныхъ соображеній. Въ русскомъ торговомъ сословіи, которое зрѣло и формировалось подъ условіями оригинальными и довольно выгодными, внѣ крѣпостного права, которое извратило нравы крестьянъ и землевладѣльцевъ, внѣ чиновничества и чужеземнаго обезьянства, которыя принесли много вреда высшимъ классамъ общества, въ этомъ русскомъ сословіи драматическій авторъ могъ искать не однихъ Большовыхъ и Подхалюзиныхъ, не однихъ злостныхъ банкротовъ и бездѣльниковъ. Сверхъ того симпатическія и положительныя стороны русскаго купеческаго быта представляли свою завлекательную сторону для комика; лица, взятыя изъ означенной стороны, не взирая на ихъ симпатичность, были, такъ сказать, *живописные* лицъ изъ высшаго общества, ихъ рѣчь могла имѣть свои комическіе оттѣнки, ихъ особенности, сложившіяся своеобразно и далекія отъ нашихъ цивилизованныхъ привычекъ — въ самомъ свѣтломъ проявленіи могли хранить свою часть смѣшною, хотя не ядовито-смѣшною. Само собою разумѣется, изученіе свѣтлыхъ сторонъ данной жизни для Островского не могло перейти въ розовый цвѣтъ, односторонность или идиллическость. Для этого нашъ авторъ былъ слишкомъ поэтомъ, то-есть человѣкомъ

Digitized by Google

по преимуществу зоркимъ. Онъ могъ иногда не доканчивать своихъ изображеній, иногда не доходить до яснаго воплощенія своихъ замысловъ (какъ напримѣръ въ Бородкинѣ), но до сладкой идиллін, конечно, ему нельзя было унизиться.

Новая комедія господина Островского «Бѣдность не Порокъ» была его новымъ сценическимъ тріумфомъ и въ тоже время сигналомъ жесточайшихъ обвиненій, какія только выпадали на долю нашему автору. Комедія эта, въ свое время служившая предметомъ такихъ сильныхъ споровъ, принадлежитъ къ числу недостаточно оцѣненныхъ, даже друзьями г. Островского, даже тѣми людьми, которые въ эти десять лѣтъ ни на шагъ не отступали въ своей симпатіи къ его свѣтлому дарованію. Поэтому мы приглашаемъ всѣхъ внимательныхъ и безпристрастныхъ судей перечитать ее съизнова, на свободѣ, медленно и не увлекаясь никакими напередъ составленными воззрѣніями. Въ произведеніи этомъ они найдутъ неоспоримые недостатки постройки, слишкомъ крутую и прихотливую развязку, нѣкоторую бѣдность комическихъ положеній, но погрѣшности эти съ избыткомъ выкупятся разительными, первоклассными красотами. Мы не говоримъ уже о созданіи Любима Торцова, сдѣлавшемся a *household word* для всякаго кто любитъ русскую сцену. Мы не перечисляемъ множества лицъ живыхъ и вѣрныхъ дѣйствительности. Но мы укажемъ только на поэзію, которою проникнута комедія и которая не часто встрѣчается у самого г. Островского; по крайней мѣрѣ изо всѣхъ его произведеній, подобную поэзію находимъ мы лишь въ трехъ, кромѣ комедіи нами названной, то есть въ комедіи «Бѣдная Невѣста» въ драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется» и въ «Воспитанницѣ». Во множествѣ сценъ и подробностей разлита поэзія, нами указанная, поэзія здоровая и сильная, отъ которой Русью пахнетъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. Она сказывается въ отношеніяхъ Любима Торцова къ бѣдному мальчику, его пригрѣвшему, въ раздирающемъ душу прощаніи молодыхъ любовниковъ подъ глазами плачущей матери, въ отдаленномъ уголку дома, въ миломъ и симпатическомъ лицѣ бойкой вдовы Анны Ивановны, и наконецъ въ капитальной сценѣ всего произведенія, которая обнимаетъ собою святочный вечеръ въ домѣ Торцова, устроившійся въ отсутствіи грознаго хозяина. Святочный вечеръ въ «Бѣдность не порокъ» у насъ какъ будто передъ глазами. До сихъ поръ, вспоминая его, словно переносишься въ дѣтскіе годы и оттого испытываешь сладкую теплоту на сердцѣ. Какъ мила и привѣтлива старушка хозяйка, которая сама когда-то любила плясать и хорошо пѣла пѣсни,

Digitized by Google

покуда суровый мужъ не полѣзъ въ бары, и старушки гостьи такъ весело глядящія на поющихъ дѣвушекъ, и хлопотунья Анна Ивановна, всегда веселая и покладливая, и эти дѣвушки съ подблюдными пѣснями, и коза съ медвѣдемъ, и всѣ эти чистыя радости, оттѣненныя страхомъ, что вотъ сейчасъ все кончится и наступитъ неожиданная катастрофа... Откинемте же рутинную высокомѣрность, которая гнѣздится во всѣхъ насъ, какъ бы мы просты ни были, позабудемъ то, что до сей поры въ изображеніяхъ купеческаго быта видали мы лишь грязь и безнравственность, постараемся взглянуть на участниковъ этой святочной бесѣды, какъ слѣдуетъ русскому человѣку глядѣть на хорошихъ русскихъ людей, и тогда, можетъ быть, съ глазъ нашихъ спадетъ завѣса, скрывающая отъ насъ такую простую и такъ близкую намъ поэзію!

О недостаткахъ разбираемой комедіи мы уже сказали вкратцѣ, и въ виду красотъ, какими они выкупаются, на нихъ сѣтовать невозможно, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ долгомъ указать на одинъ изъ сказанныхъ недостатковъ, ибо онъ мелькаетъ въ нѣсколькихъ послѣдующихъ трудахъ г. Островского и тѣмъ заставляетъ предполагать въ дарованіи нашего автора одну складку, отъ которой онъ можетъ и долженъ освободиться. Погрѣшность, о которой идетъ рѣчь, есть крутое и прихотливое обращеніе съ интригой пьесы; обращеніе, можетъ быть, еще имѣющее нѣкоторое значеніе на театрѣ, но непріятно поражающее въ чтеніи. Гордѣй Карпычъ Торцовъ, столько времени занятый дурными дѣлами и помыслами, столько лѣтъ мучившій свою семью, пренебрегавшій роднымъ братомъ и грубо попрекавшій Митю его бѣдностью, вслѣдствіе небольшой побранки и просьбъ Любима, вдругъ обращается на путь добрый, раскаявается въ своемъ прошломъ, наконецъ даетъ неожиданно благополучный поворотъ всей исторіи любовниковъ. Въ другомъ, даже очень даровитомъ писателѣ, мы могли бы отнести такой грѣхъ къ бѣдности драматическаго соображенія, но можно ли подумать что нибудь подобное про автора «Бѣдной Невѣсты» и комедіи «Свои люди, сочтемся?» Есть заслуги, послѣ которыхъ непозволительна тѣнь сомнѣнія въ цѣнителѣ; есть успѣхи, послѣ которыхъ малѣйшее слово осужденія должно быть взвѣшиваемо десять разъ и потомъ только выговариваться. Погрѣшность художественной отдѣлки? но какъ обвинить въ нехудожническомъ дѣлѣ того писателя, у котораго, въ малѣйшихъ произведеніяхъ, ускользающихъ отъ насъ по своему объему и объему статьи нашей, всюду виденъ умъ сильнаго мастера и рядъ неожиданныхъ сценическихъ соображеній? Вѣрнѣе

Digitized by Google

будетъ предположить, что пьеса, нами разбираемая, поступила на сцену и въ печать слишкомъ скоро, не прочитанная лишній разъ авторомъ. Небольшая подготовка развязки, нѣсколько приготовительныхъ фразъ Гордѣя Торцова, нѣсколько заранѣе высказанныхъ объяснительныхъ чертъ его характера, могли бы сгладить всю шероховатость, на которой мы теперь поневолѣ останавливаемся. Такое нетрудное дѣло могъ бы выполнить драматургъ только что талантливый — у г. Островского, быть можетъ, самая сказанная подготовка явилась бы рядомъ мѣткихъ выраженій и мастерскихъ подробностей.

Само собою разумѣется, тотчасъ же послѣ появленія въ печати комедіи «Бѣдность не Порокъ» погрѣшность, нами указанная, не ускользнула и отъ строгихъ судей и отъ цѣнителей, положительно враждебныхъ Островскому. Они осудили ее на всѣ лады, и не только осудили съ ожесточеніемъ, но за ней не увидали ни одного изъ совершенствъ новой комедіи. Была ли тутъ положительная недобросовѣстность, — этого мы рѣшать не беремся, не беремся, потому, что и сами не сразу уразумѣли всѣ совершенства комедіи. Ея поэзія, которой мы теперь такъ сочувствуемъ, не далась намъ ни при первомъ чтеніи, ни при исполненіи комедіи на петербургской сценѣ, гдѣ актеры непристойно фарсили въ купеческихъ роляхъ, а горничныя дѣвушки на святочномъ вечерѣ завили себѣ височки и надѣли широчайшія юбки. Очень вѣроятно, что хулители Островского отъ души не взлюбили «Бѣдность не Порокъ», отъ души сочли ея автора ослабѣвшимъ въ силахъ. Еслибъ они ограничили свое охужденіе самымъ строгимъ, даже злобнымъ указаніемъ неоспоримой погрѣшности въ развязкѣ пьесы, мы бы не нашли въ томъ ничего удивительнаго. Но хулители не ограничились этимъ указаніемъ: частной ошибки въ одной части комедіи имъ показалось слишкомъ мало. Они бросились терзать всю дѣятельность автора, касаться всѣхъ его трудовъ, всѣхъ его идей и убѣжденій, — убѣжденій настоящихъ, убѣжденій воображаемыхъ. Сильные удары были направлены даже съ той стороны, откуда ихъ не предвидилось. «Современникъ», журналъ до той поры истинно расположенный къ г. Островскому, напечаталъ о новой комедіи статью, въ которой неблагосклонность приговора могла только равняться съ какой-то небывалой, дикой невѣжливостью выраженій. Всякій знаетъ, что журналъ, нами названный, давно уже загладилъ эту ошибку своими послѣдующими статьями объ Островскомъ и всѣми своими съ нимъ отношеніями. Въ газетномъ листкѣ фельетонистовъ осужденія піесы дошли до пародок-

Digitized by Google

сизмовъ неистовства. Этимъ газетнымъ судьямъ суждено было еще разъ поднять свой голосъ по поводу г. Горева и его соперничества съ Островскимъ: послѣ того они были съ позоромъ изгнаны съ поприща ихъ дѣятельности. Но о газетахъ и бѣглой газетной брани толковать нечего, когда въ статьяхъ длинныхъ, основательныхъ, исполненныхъ горячности, одинъ изъ самыхъ передовыхъ, и, можетъ быть, самый даровитый изъ всѣхъ нынѣ живущихъ русскихъ писателей былъ провозглашаемъ вреднымъ идиллистомъ, новымъ Коцебу по своему таланту, новымъ Коцебу по своей ретроградности. Ретроградность (проснмъ прощенія за это слово — русскимъ выраженіемъ *отсталость* его передать неудобно), ретроградность послѣднихъ комедій Островского, сдѣлалась важнѣйшимъ обвиненіемъ, такимъ обвиненіемъ, къ которому на время присоединились даже люди очень безпристрастные, но лѣнивые на провѣрку чужихъ мнѣній и слишкомъ привыкшіе довѣрять журнальному голосу, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Въ чемъ же заключалась эта знаменитая ретроградность, мы сейчасъ изслѣдуемъ, безъ гнѣва и предубѣжденія.

Всякому хорошо извѣстно, что русская литература 1852 года и нѣсколькихъ предшествовавшихъ годовъ находилась не совсѣмъ въ счастливомъ положеніи. У насъ были и писатели художники, и ученые люди, и всѣ матеріалы для превосходнѣйшаго европейскаго журнала (что въ послѣдствіи и доказано «Русскимъ Вѣстникомъ» съ первыхъ же дней своего основанія) — а между тѣмъ изящныхъ произведеній являлось мало, — ученые писатели молчали, журналы были простыми сборниками разнообразно энциклопедическихъ статей, большею частію заимствованныхъ съ иностранныхъ языковъ. Слишкомъ строгое и недовѣрчивое воззрѣніе многихъ сильныхъ лицъ на литературу, въ соединеніи съ раздражительной щекотливостью общества и многими другими, слишкомъ извѣстными, причинами лежало тяжелымъ гнетомъ на печатномъ словѣ, и, стѣсняя литературное развитіе, безъ котораго невозможно обойтись ни одному благоустроенному обществу, этимъ самымъ лишало самое общество содѣйствія людей просвѣщенныхъ наукою и по положенію своему предназначенныхъ не въ помѣху, а въ помощь каждому благонамѣренному движенію. Само собою разумѣется, что всѣ молодыя и свѣжія силы, составлявшія собой литературу нашу, не легко переносили такой гнетъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, подозрѣній и препятствій всякаго рода. Русскимъ писателямъ, какъ людямъ зоркимъ и развитымъ, были видны многіе недостатки нашего общества, — а общество оскорб-

Digitized by Google

лялось указаніемъ этихъ недостатковъ, — русскимъ писателямъ нужно было разумно-либеральное развитіе гласности, а часть общества въ гласности видѣло одну клевету и оскорбленіе своихъ правъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, при тысячѣ недоразумѣній и невозможности всякаго соглашенія, — почти вся благонамѣренная часть нашихъ литературныхъ дѣятелей трудами своими представляла какъ бы нескончаемый протестъ противъ условій ихъ гнетущихъ. Въ литературѣ того времени можно видѣть протестъ противу всего того, что нынѣ измѣняется и пересоздается черезъ благія стремленія нашего правительства: противъ крѣпостного права, кающагося въ Россіи; противъ казнокрадства и лихоимства, съ которыми правительство ведетъ благородную борьбу, противъ обскурантизма, который исчезаетъ болѣе и болѣе. Протестъ литературы, про который говоримъ мы, не былъ ярокъ и блистателенъ, тому мѣшали многія обстоятельства, но онъ былъ честенъ, обширенъ и даже слишкомъ повсемѣстенъ. Онъ сосредоточивался не въ однѣхъ серьезныхъ статьяхъ и попыткахъ публицистики, онъ проявлялся вездѣ, гдѣ только имѣлся нѣкоторый просторъ для мысли, — въ критикѣ, въ журнальныхъ рецензіяхъ, въ повѣстяхъ и романахъ, даже въ драматическихъ произведеніяхъ, даже въ стихотвореніяхъ и поэмахъ. Постоянству и неуклонности этого протеста наша новая литература была одолжена своимъ почетнымъ, независимымъ положеніемъ въ обществѣ, своей подготовкой къ благотворной дѣятельности настоящаго времени, своей ролью въ исторіи нашего развитія, — и крайне ошибаются тѣ цѣнители, которые не сознаютъ и не отдаютъ должной справедливости этой роли. Но во всемъ хорошемъ и благородномъ находятся свои темныя стороны, а протестъ, про который мы теперь разсуждаемъ, конечно, не былъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Прежде всего надобно замѣтить, что единодушное соединеніе всѣхъ живыхъ и свѣжихъ литературныхъ силъ въ одинъ протестъ противъ дурныхъ сторонъ современнаго общества и противъ гнета, ими причиняемаго дѣлу науки и развитія, — влекъ за собою исконный и гибельнѣйшій порокъ нашей словесности, именно рутину. Наша литература, какъ вслѣдствіе ея чужеземнаго происхожденія, такъ и вслѣдствіе недостатка обширной, фундаментальной образованности въ русскихъ людяхъ, всегда грѣшила подражательностію, недовѣріемъ ко всему новому, слѣдовательно рутиною. Она часто раздѣлялась на партіи, но нигдѣ партіи не имѣли такой недолговѣчности, какъ у насъ, — чуть одна изъ нихъ вре-

Digitized by Google

менно слабѣла, всѣ набрасывались на нее и легіонъ людей съ неустановившимися мнѣніями неминуемо приставалъ къ той, которая казалась сильнѣйшею. Протестъ литературы, насъ теперь занимающій, на первыхъ порахъ былъ слабъ и повсемѣстно осуждаемъ. Сильнѣйшій изъ его представителей, Бѣлинскій, былъ выставляемъ почти что преступникомъ, по чуть правда взяла свое и новые люди пріобрѣли себѣ достаточное сочувствіе, къ ихъ фалангѣ приступили всѣ пишущіе люди, изъ которыхъ многіе не пережили и не перечувствовали ничего, сами не терпѣли ни отъ какого гнета, не знали общества и ни мало не были подготовлены къ дѣлу, за которое брались. Благородное стремленіе смѣшалось съ рутиной; убѣжденіе по временамъ стало смѣняться командымъ словомъ; глубоко прочувствованная роль — пустымъ скоморошествомъ. Мертвая дидактика почти неразрывно сплелась съ прочувствованнымъ обличительнымъ словомъ, протестовать противъ общественныхъ ранъ начали люди не знающіе ни общества, ни его недуговъ. Оппозиціонное положеніе литературы ко всему, что было дикаго, испорченнаго, гнетущаго, въ обществѣ сдѣлалось модой, — и, что еще хуже, стѣснительнымъ дѣломъ. Публицистика начала вторгаться всюду, въ стихотворенія и фельетоны, въ романы и правоописательные очерки, въ оцѣнку художественныхъ произведеній, въ побранки журналовъ между собою. Еще не имѣя ни одного настоящаго и достойно подготовленнаго публициста, мы перетрогали всѣ вопросы, къ которымъ намъ лишь было дозволено касаться, — и это занятіе показалось намъ такъ привлекательно, что отъ поэтовъ и художниковъ, даже отъ мелкихъ бельлетристовъ и отъ веселыхъ болтуновъ мы стали требовать, чтобъ они имѣли и значеніе и достоинство публицистовъ.

Само собой разумѣется, что такое положеніе дѣлъ, нисколько не умѣряемое умнымъ и энергическимъ противодѣйствіемъ, съ какой бы то ни было стороны, могло дойти до плачевной крайности. Уже въ литературѣ начали раздаваться голоса, утверждавшіе, что въ наше время искусство ничего не значитъ безъ соціальныхъ цѣлей, что оно можетъ имѣть лишь единственное значеніе — какъ голосъ обличенія и протеста, — что безъ этого въ немъ кроется одна праздная забава, или злонамѣренность въ дѣлѣ прогресса. Масса пишущихъ рутинеровъ однакоже съ отвращеніемъ уклонилась отъ такого мнѣнія, оно было слишкомъ ново, а рутинеры, по своему малому образованію не могли догадаться, что теорія, имъ представляемая, была не нова и могла насчитать не одно почетное чужестранное имя въ свою поддержку. Писатели развитые

Digitized by Google

и просвѣщенные также уклонились, — но со знаніемъ дѣла, хорошо понимая всю несостоятельность вывода. Тѣмъ не менѣе, общее направленіе литературы все-таки не очистилось отъ дидактики, самое появленіе вышеизложенныхъ мыслей говорило о томъ, что въ ней совершается, и почему именно стремленіе всей изящной словесности направляется въ сторону публицистики.

Послѣ всего сейчасъ сказаннаго, весьма ясно то, который классъ русскихъ писателей былъ наиболѣе стѣсненъ дидактическимъ и постоянно протестующимъ стремленіемъ новой русской литературы. Поэты и художники, по призванію своему, обязанные изображать жизнь и общество во всесторонніхъ ихъ проявленіяхъ, увидѣли себя подъ двойнымъ гнетомъ и, такъ сказать, подъ двойною неблагосклонною цензурою. Съ одной стороны, придирчивые классы общества не давали имъ вполнѣ высказаться въ отрицательную сторону, во всякомъ указаніи на общественный порокъ видя преступную злоумышленность, съ другой сама литература указывала имъ путь обличенія или по крайней мѣрѣ недовольства настоящимъ, во всякомъ ихъ свѣтломъ образѣ видя уступку и нелиберальность. Если я изображалъ дурного помѣщика, наверху мнѣ говорили, что я подрываю нерушимое крѣпостное право, если въ моемъ трудѣ попадался помѣщикъ добрый и просвѣщенный, снизу провозглашали, что я отстаю отъ дѣла протеста и братаюсь съ общественными пороками.

Романисту, для его интриги, нуженъ былъ дурной губернаторъ, книга его подвергалась опалѣ. Писемскій попробовалъ въ одной повѣсти вывести отличнаго исправника, и Писемскаго заявили чуть не ренегатомъ въ дѣлѣ прогресса. Дѣятели изящной литературы, пережившіе сороковые годы и свыкшіеся съ этимъ движеніемъ, кое-какъ подлаживались къ требованіямъ своихъ судей, въ ущербъ своей производительности и складу своего таланта, но новыя, сильныя дарованія, являвшіяся съ быстротою (наперекоръ матеріальному гнету обстоятельствъ), не знали что дѣлать и въ которую сторону броситься. Имъ не давали простора въ своемъ же лагерѣ, ихъ каждый смѣлый шагъ былъ заподозрѣнъ, имъ почти предписывалось то, о чемъ они писать должны, а на ослушниковъ предписанія падала критическая ферула. Мягкость и уступчивость художниковъ, уже успѣвшихъ пріобрѣсти авторитетъ (можемъ здѣсь назвать г. Тургенева — самаго грѣшнаго по этой части и самаго угодливаго критикѣ) служили во вредъ ихъ младшимъ сверстникамъ: начинающіе таланты, въ своихъ колебаніяхъ, напрасно обращались къ примѣру старшихъ то-

Digitized by Google

варищей и не могли видѣть въ нихъ хотя сколько нибудь энергической самостоятельности. Чѣмъ сильнѣе было новое дарованіе, тѣмъ тѣснѣе казалось ему въ кругѣ требованій общепринятыхъ, чѣмъ всестороннѣе былъ складъ новаго таланта, тѣмъ менѣе простора имѣли его крылья. Орлу тѣсно тамъ, гдѣ обыкновенныя птицы летаютъ довольно свободно, и предѣлы, которые стѣсняютъ его орлиный взмахъ, кажутся для воробьевъ и мухъ безпредѣльнымъ пространствомъ. Въ странномъ положеніи, какое было подготовлено русскому искусству чрезъ оппозиціонную рутину и общіе порывы въ область публицистики, казалось тѣсно лишь сильнымъ дѣятелямъ-художникамъ: простые же бельлетристы и стихотворцы были весьма довольны своимъ положеніемъ.

Доскажемъ всю нашу мысль и выставимъ на видъ послѣднее и крайне важное соображеніе. Русское искусство, увлекаемое къ публицистикѣ, соціальной дидактикѣ и постоянному глухому протесту, черезъ это самое становилось въ положеніе мизерное, оскорбительное, ребяческое. Оно лишалось лучшей своей силы, — независимости отъ временныхъ цѣлей, не выигрывая въ замѣнъ того ни вліянія, ни политическаго значенія. Журналистъ, критикъ, ученый человѣкъ, бросаясь въ публицистику преимущественно предъ другими сторонами своего дѣла, удовлетворялъ потребностямъ общества, по мѣрѣ силъ своихъ велъ рѣчь серьезную, касался практическихъ интересовъ, почти не вредя своему призванію. Но могъ ли не вредить своему призванію поэтъ и художникъ, мѣтящій въ публицисты? Чѣмъ могъ онъ дѣйствовать на чуждомъ ему поприщѣ, какое оружіе могъ онъ найти въ своемъ талантѣ, данномъ ему совершенно для другихъ цѣлей? Какіе практическіе доводы были въ его распоряженіи, кромѣ сказочекъ, аллегорій, кислаго тона, грустнаго колорита, тонкихъ намековъ, сухихъ разсужденій отъ авторскаго лица, по существу своему составляющихъ недостатокъ въ художественномъ созданіи? Въ ряду писателей, борящихся и двигающихъ современными идеями, художникъ-дидактикъ могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ сказочникомъ для неразвитаго люда, обличителемъ неправды посредствомъ кукиша, показаннаго въ карманѣ. Въ тѣсной сферѣ протестующаго обличителя онъ былъ сперва жалокъ, а потомъ смѣшонъ даже. Для художника можетъ существовать только одинъ протестъ — гордое молчаніе. Для художника нѣтъ малой войны и мелкихъ стратагемъ публициста. Пока слово его можетъ раздаваться въ сферѣ искусства, оно должно быть вполнѣ независимо, въ этомъ самомъ независимомъ словѣ и доля, и заслуга, и значеніе художника. Пусть это

Digitized by Google

слово стоитъ на такой высотѣ, чтобъ минута, когда оно принуждено будетъ умолкнуть, показалось всему обществу страшною, бѣдствіе предвѣщающею минутою. Полумѣръ тутъ быть не можетъ, и во всякой *мелкой* борьбѣ художника съ гнетущей его силою кроется грустное, мизерное и ничѣмъ не извиняемое ребячество.

Кончая наше отступленіе возвращаемся къ *ретроградности* Островского.

Очень ясно послѣ всего нами сейчасъ сказаннаго, что писателю, котораго силъ хватило на два такихъ произведенія, какъ «Свои люди, сочтемся» и «Бѣдная Невѣста» положеніе художника-публициста не могло даже казаться стѣснительнымъ, — а было попросту невозможнымъ положеніемъ. Чѣмъ писатель сильнѣе, тѣмъ онъ всестороннѣе, а могучій талантъ Островского видимо долженъ былъ развиваться во всѣ тѣ стороны, гдѣ только жила житейская правда и житейская поэзія. Питаться однимъ, заранѣе избраннымъ и указаннымъ матеріаломъ, это дарованіе не имѣло права, не унизивъ себя, не измѣнивъ своему призванію. Когда нѣкоторые, по своему благонамѣренные старцы, послѣ шума, произведеннаго первой комедіей Островского, говорили ея автору: «бросьте эти темныя стороны жизни, изображайте намъ добрыхъ людей посреди радостей и довольства», такая рѣчь не могла возбудить въ авторѣ ни гнѣва, ни даже насмѣшки, онъ, конечно, принялъ ее за фразу изъ японскаго языка, за отрывокъ изъ «Магабараты,» короче сказать, за нѣчто непонятное и къ дѣлу не подходящее. Точно также и совѣты по своему благонамѣренныхъ юношей, говорившихъ: «изображайте намъ одну отрицательную сторону того общества, которое неправо относительно насъ всѣхъ», должны были показаться ему не совѣтомъ, а наборомъ словъ, нисколько до него не касающихся. По непреложному и тайному закону своего дарованія, Островской почувствовалъ поэзію въ извѣстномъ рядѣ свѣтлыхъ явленій русской жизни и, разъ ее почувствовавъ, не отступилъ отъ ея воплощенія, только что начатаго въ третьей комедіи и увѣнчавшагося успѣхомъ въ четвертой. Это было его право, скажемъ болѣе, его прямая обязанность; уклоненіе отъ нея было бы слабостью, уступкой времени, а уступка, времени, необходимая и полезная въ публицистѣ, вѣрная погибель для художника. Вмѣстѣ съ правомъ всесторонняго творчества. Островской имѣлъ другое право, право всякаго честнаго писателя, право не быть осуждаемымъ по однимъ догадкамъ. Благонамѣреннымъ старцамъ онъ могъ смѣло сказать: «на какомъ моемъ выра-

Digitized by Google

женіи, на какой моей идеѣ строите вы обвиненіе касательно преднамѣреннаго пасквиля на часть русскаго общества», благонамѣреннымъ юношамъ онъ долженъ былъ отвѣтить: — изъ какого лица, изъ какого вывода, изъ какого драматическаго положенія въ моихъ трудахъ, выводите вы заключеніе о томъ, что я поблажаю порокамъ общества или братаюсь съ его безобразными сторонами?» — Не признать такого оправданія можно было только поправши вѣковые, незыблемые законы искусства, признавши всѣ крайности соціальной дидактики, а мы уже видѣли, что вся масса пишущихъ и мыслящихъ людей въ современной нашей литературѣ не признала ни одной изъ сказанныхъ крайностей.

И такъ ретроградность Островского, какъ писателя, — по мнѣнію его хулителей и лицъ судящихъ съ чужого голоса, заключалась въ полномъ уклоненіи нашего автора отъ порядковъ протеста, совершаемаго литературою противъ общественныхъ пороковъ и противъ гнета, тяготѣющаго надъ литературою. Оставляя исключительно отрицательную сферу современной русской жизни, — даровитый писатель отступалъ (по ихъ мнѣнію), отъ обще-принятаго воззрѣнія передовыхъ литературныхъ людей на общество, ихъ окружавшее; возсоздавая свѣтлыя и симпатическія стороны того же общества, онъ какъ бы кидалъ перчатку въ лицо дѣятелей, не желавшихъ и не считавшихъ за полезное дѣло видѣть эти стороны. Отсюда антагонизмъ съ общимъ тономъ литературной рѣчи, отсюда и весь путь, на которомъ нечего было ожидать, кромѣ отсталости и вѣчнаго разъединенія съ понятіями людей прогресса. Вотъ весь корень разлада, который могъ бы быть легко вырванъ, еслибъ лица, глубоко цѣнящія и понимающія автора «Бѣдной Невѣсты», во время возвысили свой голосъ, разъяснили дѣло, съ ясностью указали на роль художника въ текущей литературѣ съ его не избѣжными обязанностями и значеніемъ. Но, отъ понятнаго ли презрѣнія къ неистовой полемикѣ, отъ нежеланія ли навлечь на себя потоки непристойной брани, лучшіе наши цѣнители произведеній искусства медлили этимъ дѣломъ. Медленность ихъ, конечно, была вредна, но этотъ вредъ, по счастію, сгладился сплой обстоятельствъ. Новыя идеи носились въ воздухѣ, новые таланты прибывали. Фетъ, графъ Толстой, Писемскій, Гончаровъ видимо не поддавались прежней стѣснительной рамкѣ для художниковъ. Тургеневъ, медлившій долѣе всѣхъ, поворачивалъ на другую дорогу, къ великому счастію, не успѣвши растратить своей силы въ произведеніяхъ, несовмѣстныхъ съ натурой его таланта. Озлобленіе, возбужденное Островскимъ достигло послѣднихъ крайностей, —

Digitized by Google

и вдругъ упало. Серьезные обвинители незамѣтно умолкли, и быстро настала та оригинальная, въ высшей степени любопытная минута, въ которую цѣлая масса гонителей какого бы то ни было истиннаго дарованія, посреди гвалта и крика, вдругъ уразумѣваетъ свое безсиліе и останавливается какъ пораженная громомъ. Журналы, недавно поднимавшіе шумъ, болѣе или менѣе отступились отъ своихъ приговоровъ, и шумъ перешелъ въ жалкіе фельетоны. Брань по поводу ретроградности смѣнилась дрянными газетными клеветами, въ отвѣтъ на которыя можно было только засмѣяться и плюнуть. Яростное нападеніе сокрушилось безъ слѣда, Островской побѣдилъ, не сражаясь. Измѣненіе тона нашей критики, — наконецъ уразумѣвшей всю странность и безполезность своей вражды къ одному изъ даровитѣйшихъ писателей нашего времени, — было чрезвычайно замѣтно въ сужденіяхъ по поводу слѣдующей піесы Островского, народной драмы въ трехъ дѣйствіяхъ: «Не такъ живи, какъ хочется». Драма эта не только имѣла въ себѣ нѣкоторыя частности, способныя дать пищу неблагосклоннымъ судьямъ, но даже и по направленію своему могла быть перетолкована въ другую сторону, совершенно также, какъ были перетолкованы двѣ предыдущія комедіи. Мало того, вновь открывшійся въ то время журналъ «Русская Бесѣда» помѣстилъ на своихъ страницахъ большую статью по поводу новаго произведенія, статью какъ бы вызывающую петербургскихъ критиковъ и оцѣнивающую достоинства драмы, съ какой-то особенной уже слишкомъ *патріархальной* точки зрѣнія. Но прежніе хулители молчали и не громили Островского за предполагаемую ретроградность. Возражая на московскую статью, они уже не ополчались на произведеніе, по поводу котораго статья была составлена. Послѣдніе остатки нерасположенія сказались лишь въ томъ, что многія блестящія стороны новой драмы были оставлены безъ вниманія, — но этотъ промахъ могъ происходить отъ недостатка зоркости въ цѣнителяхъ, и мы не имѣемъ никакого основанія считать его промахомъ преднамѣреннымъ.

За нѣсколько страницъ назадъ мы говорили, что считаемъ піесу «Не такъ живи, какъ хочется» — однимъ изъ самыхъ поэтическихъ созданій Островского, — отзывъ этотъ основанъ на внимательномъ изученіи, и представляетъ собой твердое убѣжденіе наше. Авторъ говоритъ намъ, что содержаніе драмы взято изъ народныхъ разсказовъ, и онъ можетъ прибавить: изъ разсказовъ самыхъ общеизвѣстныхъ, самыхъ поразительныхъ по своей поэзіи. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не слыхалъ повѣстей или легендъ про

Digitized by Google

какого нибудь удалого, буйнаго молодца, почти загубившаго свою душу загулами или дурной жизнью, увлеченнаго худымъ человѣкомъ отъ проступковъ къ преступленію и наконецъ, въ послѣднюю минуту, на краю пропасти, удержаннаго какой нибудь свѣтлою силою, проявившеюся или въ крестномъ знаменіи, или въ случайно прочитанной молитвѣ, или въ имени Господнемъ, произнесенномъ устами гибнущаго человѣка. Подобныхъ легендъ не мало у всѣхъ народовъ, но самая распространенность сказанныхъ преданій дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ ихъ литературную обработку. Здѣсь надо быть сразу глубокимъ. Здѣсь надо, во что бы то ни стало, оживить всю поэзію преданія, въ его самобытности, съ его народными особенностями. Г. Островской выполнилъ свою задачу съ такой силой истиннаго поэта, что выполненію (поэтическому) не повредила даже нѣкоторая не-сценичность развязки, самаго важнаго пункта въ его трудѣ. Страхомъ и сказочной величавостью вѣетъ отъ всей интриги, по видимому такой немногосложной, — отъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, кажущихся такими простыми, такими вседневными лицами. Съ первыхъ сценъ перваго дѣйствія уже проявляется вся энергическая прелесть замысла, и въ каждомъ лицѣ, являющемся передъ читателя, кроется та поэтическая, легендарная величавость, которая такъ часто уживается со всей простотой быта, со всей естественностью, нынѣ требуемой отъ драматическаго автора. Петръ, главное лицо всего произведенія, есть истинно русскій, сильный человѣкъ, равно способный на подвиги добра и на отчаянныя преступленія, не знающій границъ въ разгулѣ и заблужденіяхъ, но точно также не знающій границъ въ проявленіяхъ огненнаго раскаянія. Съ той минуты, когда пробуждается въ немъ Божій страхъ, и онъ видитъ пропасть, разверзшую подъ его ногами, онъ порывисто и навсегда сбрасываетъ съ себя все прошлое. Мы вѣримъ, что Петръ, не смотря на свои грѣхи и козни злого духа, существо родственное тѣмъ сподвижникамъ порывистаго благочестія, раскаянія и христіанскаго милосердія, которые изображены вдохновеннымъ перомъ инока Парфенія. При бурной своей натурѣ онъ все-таки не далекъ отъ своего отца, благодушнаго и благочестиваго старика, котораго авторъ не сдѣлалъ монахомъ только потому, что это несовмѣстно съ сценическими условіями. Душа Петра не изъ тѣхъ душъ, которыя духа тьмы оставляютъ безъ боя, за нее борьба идетъ до конца, и врагъ человѣка бросаетъ ее лишь на краю пропасти, подъ неотразимой силой искренней молитвы и крестнаго знаменія. По нашему мнѣнію, читатель непремѣнно долженъ имѣть въ виду это обстоятель-

Digitized by Google

ство. Г. Островского упрекали за то, что его полу-фантастическій колдунъ Еремка, совратитель, слишкомъ мелокъ и не страшенъ. Оно можетъ быть такъ, но замыселъ драмы такъ силенъ, что не страдаетъ отъ этого. Петръ, до послѣдней сцены раскаянія, самъ носитъ въ себѣ духа тьмы, и этого довольно. Если артистъ, исполняющій означенную роль, пойметъ двойственность натуры Петра, въ Еремкѣ не окажется большой необходимости. Равнымъ образомъ, послѣдній монологъ поразитъ зрителей и вполнѣ достигнетъ своей цѣли, — если будетъ сказанъ не только съ великой энергіей, но со всѣми порывами раскаянія, какіе должны непремѣнно произойти въ этой натурѣ удалого русскаго человѣка, натурѣ христіанской и восторженно-религіозной, наперекоръ всей юной удали.

Изъ женскихъ лицъ драмы лицо Даши не остановитъ насъ долго. Это типъ уже намъ знакомый и давно любимый нашимъ авторомъ, типъ преданной, кроткой и *воркующей* женщины. За то Груша, дочь старухи Спиридоновны и Петрова зазноба — верхъ художественнаго совершенства и плѣнительнѣйшее женское созданіе изо всѣхъ женщинъ нашего автора. Мы отдавали должную дань похвалы Марьѣ Андреевнѣ въ «Бѣдной Невѣстѣ», не безъ оговорки однако, что это лицо получаетъ своею главнѣйшую прелесть отъ положенія, въ которое поставлено и, пожалуй, отъ важныхъ помысловъ, на какіе оно наводитъ. Въ лицѣ Груши творчество автора является болѣе непринужденнымъ, болѣе непосредственнымъ. Это живая дѣвушка, русская въ малѣйшемъ своемъ словѣ, русская въ каждомъ своемъ движеніи, — съ одной стороны художественно оконченная до того, что, кажется, мы ее сейчасъ только видѣли своими глазами, — съ другой поэтическая такъ, что въ ней одной сосредоточиваются плѣнительныя стороны русской дѣвушки всѣхъ лучшихъ нашихъ сказокъ и пѣсенъ: простота, бойкость, сила физическая и душевная, горячность, ласковость, веселость, наконецъ какая-то особенная удалая грація неиспорченной расы. Всѣ сцены, гдѣ только является Груша, выше всякой похвалы. Онѣ даже по достоинству своему несоразмѣрны съ другими сценами комедіи и иногда ихъ подавляютъ. Разбирая «Бѣдную Невѣсту», мы говорили что пятый актъ этой комедіи кажется намъ высочайшимъ пунктомъ, до котораго когда нибудь достигали силы Островского. Равное этому пятому акту найдемъ мы въ той сценѣ третьяго дѣйствія теперь разбираемой нами драмы, въ той сценѣ, когда Груша встрѣчаетъ обманувшаго ее Петра и, по своему, между смѣхомъ и пѣснями послѣ рюмки вина, выпитой

Digitized by Google

впервой отъ роду, подавляя свои рыданія и прикрываясь масляничнымъ весельемъ — высказываетъ ему все то, что хотѣла высказать.

Еслибъ изученіе и разработка свѣтлыхъ явленій простой русской жизни привело г. Островского лишь къ одному созданію Груши, — не считая ничего другого, — и тогда мы всѣ, цѣнители русскаго искусства, должны были бы поклониться автору въ поясъ, а не проходить въ молчаніи мимо красотъ, имъ созданныхъ, и во всякомъ случаѣ не подбрасывать камней на его дорогу, безъ того уже многотрудную...

Намъ остается дать отчетъ о послѣднемъ изъ большихъ произведеній Островского, о комедіи его «Доходное Мѣсто», года три тому назадъ напечатанной въ «Русской Бесѣдѣ». Что сказать объ этомъ загадочномъ, замѣчательномъ, не конченномъ и не стройномъ произведеніи — единственномъ *нестройномъ* произведеніи между всѣми трудами Островского. Насъ смущаетъ не щекотливость въ дѣлѣ порицанія, съ этой стороны мы никогда не стѣснялись никакими симпатіями. Ежели бы мы жили и писали во времена Пушкина, котораго имя мы безпредѣльно обожаемъ, какъ имя нашего нравственнаго благодѣтеля и просвѣтителя, ежели бы мы занимались оцѣнкою эстетическихъ произведеній въ лучшую пору Пушкинской дѣятельности, мы и тогда не уклонились бы, напримѣръ, признать его «Анджело» вещью странною и загадочною. Мы протестовали противъ ошибочныхъ мнѣній Бѣлинскаго, глубоко сочувствуя трудамъ этого благотворнаго дѣятеля, и протестовали въ то самое время, когда всякая тѣнь разногласія съ Бѣлинскимъ могла казаться ренегатствомъ или братаньемъ съ «Сѣверной Пчелою». Мы не задумывались произнести первое слово осужденія на дидактическую литературу, теперь всѣми достаточно обруганную, но, въ прежнее время, считавшую въ рядахъ своихъ первыхъ дѣятелей, имена намъ дорогія и близкія. Послѣ всего этого, насъ легко заподозрить въ чемъ угодно, только не въ уклончивости и не въ излишней снисходительности. Еслибъ комедія «Доходное Мѣсто» казалась намъ произведеніемъ, исполненнымъ однихъ рѣзкихъ и легко-подмѣчаемыхъ недостатковъ, мы бы указали эти грѣхи безъ всякаго затрудненія, — но бѣда въ томъ, что сказанная комедія съ ея недостатками и достоинствами не легко поддается критическому анализу. Чтобъ объяснить впечатлѣніе, произведенное на насъ первымъ, вторымъ и третьимъ прочтеніемъ «Доходнаго Мѣста», — намъ приходится отступить отъ простого тона рецензіи и взяться за разныя уподобленія.

Digitized by Google

Можетъ быть иные изъ нашихъ читателей помнятъ еще странную и исполненную могучихъ мыслей повѣсть Бальзака «*un chef d'oeuvre inconnu*». Бальзакъ, когда-то у насъ знаменитый, и весьма стоющій своей знаменитости, теперь рѣдко у кого въ рукахъ, и мы поэтому должны въ двухъ словахъ передать содержаніе повѣсти, о которой говорится. Въ блестящій или лучшій періодъ европейской живописи, во Франціи живетъ человѣкъ, до страсти преданный этому искусству, близкій къ первоклассными художникамъ всѣхъ странъ и до величайшей тонкости знакомый со всѣми почти недоступными тайнами ремесла. Совѣты его показываютъ въ немъ талантъ громадный, — но никто не видалъ ни одной его картины. Онъ трудится цѣлые дни и никого не пускаетъ въ свою мастерскую, а разсказываетъ только, что всѣ его силы употреблены на одну картину, и что на картинѣ этой должна быть написана женщина, какой никогда еще не написалъ ни одинъ мастеръ дѣла. Послѣ разныхъ приключеній и эпизодовъ, таинственный человѣкъ умираетъ, не показавъ никому своего произведенія. Натурально, что всѣ собраты покойника и цѣнители искусства съ жадностью кидаются въ мастерскую труженика. Тамъ видятъ они знаменитую картину, задачу всей его жизни. Но чудо! — картина эта представляетъ собою одно хаотическое смѣшеніе красокъ, одни частички чего-то мощнаго, мастерского, но недодѣланнаго и совершенно непонятнаго! Одинъ только уголокъ картины отдѣланъ какъ слѣдуетъ, — маленькій уголокъ, на которомъ изображена рука (или можетъ быть нога) предполагаемой красавицы. Эта рука, эта частичка неконченнаго цѣлаго повергаетъ художниковъ въ остолбенѣніе: никто изъ нихъ не способенъ написать ничего подобнаго — такъ огроменъ былъ талантъ умершаго живописца.

Мы невольно припомнили всю эту замысловатую исторію по поводу комедіи, теперь разбираемой. Это хаосъ изъ странныхъ красокъ, блистательныхъ начинаній, драматическихъ идей, самыхъ безукоризненныхъ, и дидактическихъ тирадъ, самыхъ необъяснимыхъ. Всѣ лица новы и замѣчательны по замыслу, но изъ нихъ только одно (Юсовъ) обработано сообразно замыслу. Остальныя, за исключеніемъ одного или двухъ самыхъ второстепенныхъ, будто испорчены нарочно. Въ незначительныхъ подробностяхъ дѣйствія видимъ мы обычный, удивительный языкъ Островского, въ большей части главнаго дѣйствія комедіи, небывалое дѣло! языкъ выходитъ книжнымъ. Жадовъ, увлекающій насъ драматизмомъ своей постановки, мѣстами говоритъ тирады, будто взятыя изъ журнала сороковыхъ годовъ; Вышневскій — московскій сановникъ и взя-

Digitized by Google

точникъ, лицо замысломъ авторскимъ почти равное Фамусову, то высказываетъ самъ свои пороки, подобно классическому злодѣю, то говоритъ какъ аллегорическое олицетвореніе цѣлаго порочнаго класса людей. Другія лица наполовину отдѣланы, наполовину испорчены непонятнымъ произволомъ. Такъ вдова Кукушкина, прямо взятая съ натуры, однообразнымъ тономъ рѣчей только и дѣлаетъ, что силится выдать скверную сторону своей личности, какъ будто бы она и безъ того не была ясна, какъ нельзя болѣе. Въ довершеніе всего, самый конецъ пьесы, рѣзко прихотливый, все-таки оставляетъ интригу незаконченною и фокусъ свѣта, ярко брошеннаго авторомъ въ этой части произведенія, словно усиливаетъ тьму, разлитую повсюду.

Гдѣ же именно, для довершенія начатаго нами сравненія, заключается тотъ уголокъ картины, который разителенъ по своему исполненію, гдѣ та удивительная подробность, изъ-за которой сильнѣйшіе художники должны съ почтеніемъ останавливаться предъ комедіею «Доходное Мѣсто»? Г. Островской счастливѣе французскаго художника, изображеннаго Бальзакомъ. Въ его единственномъ, нестройно-хаотическомъ произведеніи насъ поражаетъ не мелкая частность картины, выполненная художественно, но цѣлая большая сцена, закончено выдающаяся впередъ изъ всего, что есть въ комедіи неудавшагося или недодѣланнаго. Мы говоримъ про все третье дѣйствіе, за исключеніемъ перваго и послѣдняго явленій. Жадовъ, герой комедіи, женился по любви и уже до дна испилъ чашу лишеній, бѣдствій и безплодной борьбы, которой не миновать ни одному честному юношѣ въ его положеніи. Онъ работаетъ, не покладывая рукъ, и едва едва заработываетъ хлѣбъ насущный, — онъ страстно любитъ жену, а жена по глупости сѣтуетъ на его служебную безкорыстность; онъ проникнутъ благородными убѣжденіями, и убѣжденія эти только вредятъ ему въ глазахъ родныхъ и товарищей. Въ горькую минуту раздумья заходитъ онъ въ трактиръ, гдѣ передъ тѣмъ весело пообѣдалъ его родственникъ Бѣлогубовъ съ начальникомъ своимъ Юсовымъ и другими чиновниками своего разбора. Эти люди глядятъ на Жадова безъ злобы, Бѣлогубовъ даже проситъ его выпить и предлагаетъ ему свои родственныя услуги, не стѣсняясь сумрачнымъ гостемъ, чиновники веселятся и по душѣ говорятъ между собою. Жадовъ, молча, слушаетъ ихъ бесѣду. Въ ихъ рѣчахъ нѣтъ ничего яркобезнравственнаго. Они даже добры и любезны по своему, они совершенно безмятежны духомъ, у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ чистотѣ ихъ моральнаго кодекса, они даже правы по

Digitized by Google

своему, чисты передъ обществомъ по своёму. Какой контрастъ съ мрачнымъ раздумьемъ честнаго труженика! Передъ нимъ Бѣлогубовъ умильно вспоминаетъ о своемъ семейномъ счастіи, съ искренними слезами благодаритъ Юсова за его наставленія и покровительство. Чиновники развеселились и упрашиваютъ Юсова поплясать подъ музыку трактирнаго органа, старикъ соглашается, не ломаясь и не дѣлая ничего неприличнаго; онъ танцуетъ отъ всей души, и друзья его въ полномъ восхищеніи. Можетъ быть Жадовъ улыбнулся при этомъ, но даже и тутъ Юсовъ не разсердился очень. «Мнѣ можно плясать», говоритъ старый чиновникъ, во всей ясности своего духа, «мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа спокойна, сзади «ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ; мнѣ теперь можно пля«сать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ. Птичку увижу, и «на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь: премудрость «во всемъ вижу. Помня свою бѣдность, нищую братію не забываю. «Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые молокососы изъ ученыхъ. «Кого мы можемъ осуждать? Мы не знаемъ, что еще сами-то бу«демъ... Вотъ ты нынче посмѣялся, что я плясалъ, а завтра, мо«жетъ быть, хуже меня запляшешь. Можетъ быть и за подаяніемъ «пойдешь и руку протянешь. Вотъ гордость-то до чего доводитъ! «Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ ве«село, на душѣ спокойно! Я никого не боюсь! Я хоть на пло«щади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе ска«жутъ: «сей человѣкъ пляшетъ, должно быть душу имѣетъ чисту!» «и пойдетъ всякій по своему дѣлу!»

Рѣчь эта вызываетъ громкое, неподготовленное ура! у Бѣлогубова и другихъ чиновниковъ.

Нужно ли разъяснять силу и глубокое значеніе переданной нами сцены, нужно ли указывать ея важность въ ряду всѣхъ положеній комедіи, нужно ли истолковывать значеніе этой непоколебимой самоувѣренной веселости безнравственныхъ членовъ общества передъ единственнымъ честнымъ зрителемъ ея, зрителемъ бѣднымъ по карману, заподозрѣннымъ по службѣ, горькимъ по семейной жизни и уже глубоко потрясеннымъ въ глубинѣ своего сознанія? Изобразить подобный контрастъ невозможно изъ одной головы своей, какъ бы она умна ни была, тутъ дѣйствуетъ сила истиннаго, непосредственнаго художника, хотя, по видимому, пляска подъ машину и тирада стараго взяточника, предметы далеко не говорящіе вдохновенію. Таковъ результатъ истинно драматическаго призванія въ писателѣ. Сцена Юсова очевидно вылилась сама, безъ

Digitized by Google

подготовки, безъ остроумныхъ соображеній, и, вылившись, подавила собою всю комедію съ ея достоинствами и грѣхами, со всѣмъ что даже не должно бы быть въ ней подавленнымъ. Сцена, переданная сейчасъ, обозначаетъ собой одну изъ высшихъ точекъ, до которыхъ когда либо поднималось дарованіе Островского. Она менѣе поэтична, чѣмъ, напримѣръ, пятый актъ «Бѣдной Невѣсты», менѣе потрясетъ васъ, чѣмъ катастрофа комедіи «Свои люди, сочтемся», но въ ней есть своя особая передъ ними сила, особая глубина житейской мудрости — способная удивить всякаго, сколько нибудь развитаго цѣнителя.

Статья наша давно уже вышла изъ предѣловъ обыкновенной журнальной рецензіи, а мы еще не успѣли слова сказать о драматическихъ сценахъ и отдѣльныхъ драматическихъ очеркахъ г. Островского, которые и по достоинству, и по разнообразію своему, одни могутъ служить поводомъ къ статьѣ весьма серьознаго содержанія. Только теперь, перечитавши эти небольшія произведенія, одно за другимъ, въ общей связи и въ общемъ сборѣ, достойно ихъ оцѣниваешь и радуешься тому, что разбросанныя сочиненія нашего автора наконецъ собраны и изданы достойнымъ образомъ. О томъ, что между разбираемыми нами вещами нѣтъ ни одной незаслуживающей вниманія въ какомъ бы то ни было отношеніи, что почти всѣ изъ нихъ отличаются первоклассными красотами, конечно, знаетъ всякій любитель литературы; но еще не всѣ читатели и даже далеко не всѣ цѣнители отдали полную справедливость безконечной многосторонности очерковъ, набросанныхъ рукою г. Островского. Какимъ удивительнымъ языкомъ они написаны! Какихъ сторонъ жизни въ нихъ не затронуто — отъ быта знатнаго, но промотавшагося семейства, до похожденій бѣднѣйшаго Ловеласа, завивающаго свои кудри неискусной рукой кухарки Матрены; отъ катастрофъ богатой помѣщичьей жизни («Воспитанница») до горестей бѣднаго учителя; отъ теньеровскихъ сценъ изъ купеческаго быта до приключеній купчика, который гнушается своей семьей, мотаетъ деньги и корчитъ европейца до тѣхъ поръ, пока грозное уничтоженіе материнской довѣренности не полагаетъ предѣла его подвигамъ! Сколько лицъ живыхъ, истинныхъ, очень часто типическихъ, въ высшемъ смыслѣ этого выраженія, возстаетъ передъ нами, чуть только мы захотимъ припомнить, одинъ за другимъ, эти драматическіе очерки. Иныя изъ лицъ, намъ представляющихся, годны для самой обширной и правильной комедіи — къ нимъ уже не добавишь ни одной дополнительной черты, ни одного лишняго штриха. Таковы Пузатовъ и Ширяловъ въ «Се-

Digitized by Google

мейной Картинѣ», старикъ Брусковъ въ сценахъ: «Въ чужомъ пиру похмѣлье», несравненная Серафима Карповна въ пьесѣ «Не сошлись характерами», Надя и Василиса Перегриновна въ «Воспитанницѣ.»

Сколько другихъ лицъ, намѣченныхъ и обрисованныхъ такъ, что ихъ можно развивать по авторскому произволу, возводить въ типы, дѣлать дѣйствующими лицами новыхъ, стройныхъ произведеній! Вспомнимъ Поля Прежнева и Мишу Бальзаминова, которыхъ жизнь, конечно, не исчерпана вся неудачнымъ бракомъ или изгнаніемъ изъ дома богатой невѣсты, назовемъ Андрея Титыча Брускова, едва мелькнувшаго передъ нами, но имѣющаго всѣ залоги замѣчательныхъ положеній въ будущемъ. Но какъ перечислить все собраніе, побочныхъ, второстепенныхъ лицъ, лицъ едва произносящихъ по нѣскольку фразъ, лицъ не имѣющихъ важнаго вліянія, на ходъ дѣйствія и, при всемъ томъ, новыхъ, правдивыхъ, вѣрныхъ дѣйствительности, умныхъ и глупыхъ, серьозныхъ и забавныхъ? Практическая и бойкая на языкъ Матрена, набитая дура Ничкина, такъ страдающая отъ жаркой погоды («Праздничный сонъ до обѣда»), купеческій сынъ Капитоша, декламирующій по театральному, курящій махорку и обладающій басомъ, такимъ, что «словно кто изъ пушки выпалилъ» («Въ чужомъ пиру похмѣлье»), глубокомысленные кучера, бесѣдующіе о военныхъ предметахъ, сантиментальная m-me Прежнева и болтливая Улита Савишна («Не сошлись характерами»), политикъ Потапычъ и подъячій Неглигентовъ («Воспитанница») — всѣ эти лица едва составляютъ половину того, что слѣдуетъ быть замѣченнымъ. Въ разбираемыхъ нами сценахъ, во всѣхъ безъ исключенія, сама жизнь кипитъ и поминутно высказывается намъ разнохарактерными сторонами, очень часто важными и печальными, еще чаще смѣшными и веселыми.

Знатоки дѣла, говоря о драматическихъ сценахъ г. Островского и отдавая имъ должную дань похвалы — выше всѣхъ остальныхъ ставятъ два небольшія произведенія, первое и послѣднее по времени, то есть «Семейную Картину» и «Воспитанницу». Признавая справедливость этого суда, мы все-таки, подъ опасеніемъ увлечься своимъ личнымъ вкусомъ, не можемъ не сравнять съ ними одного, намъ любезнѣйшаго труда: «Не сошлись характерами». Что же дѣлать? до сей поры мы парили на туманныхъ высотахъ высшей критики, сличали чужія мнѣнія, тщательно старались не придавать своей рецензіи ничего частнаго и личнаго, поспѣшимъ же, хоть на минуту, броситься въ прихоть, уступить чувству личнаго пристрастія. Со времени появленія въ «Современникѣ» маленькой

Digitized by Google

комедіи: «Не сошлись характерами», мы не могли ея начитаться, почти что вытвердили ее наизусть, много разъ видѣли ее на петербургской сценѣ; и въ Москвѣ съ жадностью кинулись смотрѣть ее, совершенно сознавая, что она сценична менѣе другихъ небольшихъ произведеній Островского, совершенно зная, что она окончится полудидактическою тирадой, которую мы прослушаемъ съ неудовольствіемъ. Но эта несценичность такъ легка, эти перерывы дѣйствія такъ рѣзвы, а что до дидактической тирады, то она напоминаетъ собою пылинку на прекрасномъ миніатюрѣ — стоитъ дунуть и пылинка слетитъ долой, не оставивъ по себѣ слѣда. Это не то, что масляное пятно сумрачной дидактики, которое портитъ картину, въѣдается въ краски и съ трудомъ отмывается. Автору захотѣлось философствовать, и Богъ съ нимъ, пускай онъ философствуетъ — и не такую философію простишь ему за Карпа Карпыча, за Поля съ мамашей и даже за чернобровую Матрену. Что до Серафимы Карповны, то она предметъ нашего обожанія. Такого истинно комическаго типа хорошенькой женщины придется искать развѣ у Шеридана, въ комедіи «Соперники», но и миссъ Лидія Ленгвишь не совсѣмъ подойдетъ къ сравненію: она все-таки *героиня*, и поэтъ не выдаетъ вполнѣ всѣхъ уморительныхъ сторонъ ея характера. Серафима Карповна безпредѣльно смѣшна и даже нравственно скверна, какъ хотите, но мы ее любимъ всѣмъ сердцемъ, хотя ея кучеръ и говоритъ про нее, что это «жидъ, а не барыня». За что намъ такъ дорога дочь Карпа Карпыча, мы и сказать не умѣемъ, но мы такъ любимъ ея вздохи и глаза, устремленные къ небу, ея счетъ на ассигнаціи, ея дѣльный разговоръ съ родителями, ея горячность въ любви и ея рѣшимость жить процентами съ своихъ денегъ, не трогая капитала! Никакой изъ новыхъ успѣховъ Островского, никакая изъ изображенныхъ имъ женщинъ не вытѣснитъ Серафиму Карповну изъ нашего сердца, мы ее полюбили слишкомъ горячо, слишкомъ постоянно!

Хотя въ пьескѣ «Не сошлись характерами» веселость, или, такъ сказать, поэтическая рѣзвость изложенія играетъ весьма важную роль, но нигдѣ рѣзвость эта не проявляется съ такой силою, какъ въ другомъ небольшомъ очеркѣ: «Праздничный сонъ до обѣда.» О немъ слѣдуетъ упомянуть хотя бы затѣмъ, чтобъ съ его помощью опровергнуть мысль, когда-то выраженную самимъ г. Островскимъ, мысль о томъ, что на русской сценѣ не можетъ появляться хорошихъ пьесъ, отличающихся беззаботной веселостью. По убѣжденію нашего автора, русская веселость, если ей дать полную волю, всегда приведетъ къ чему нибудь грустному. Съ этимъ мы

Digitized by Google

не соглашались и не соглашаемся. Всякая жизнь напоминаетъ собой двуцвѣтную матерію съ отливомъ, которой назвать мы не умѣемъ. Мы очень увѣрены въ томъ, что во всякомъ обществѣ, каково бы оно ни было, грусть служитъ часто подкладкою смѣху, точно такъ же какъ смѣхъ — грусти. Но мы никакъ не видимъ почему правило, общее для всѣхъ, для русскаго человѣка дѣлается спеціальностью, и въ особенности, почему мы, русскіе люди, лишены веселаго, беззаботнаго смѣха на театрѣ, когда этотъ смѣхъ дается и парижскимъ жителямъ, и вѣнскимъ любителямъ сцены и даже итальянцамъ, которыхъ жизнь кажется не совсѣмъ красна, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени. Если допустить ипотезу, что печальное историческое прошлое и печальныя тяготы современнаго общества лишаютъ ту или другую страну права на искренній и, пожалуй, дѣтскій хохотъ, то не многимъ странамъ на земномъ шарѣ придется видѣть въ своей литературѣ забавную повѣсть или комедію веселаго содержанія, но съ неоспоримымъ литературнымъ достоинствомъ. Въ строгомъ смыслѣ слова, такое счастье выпадетъ на долю развѣ однимъ гражданамъ республики Санъ-Марино, которая, по своему миніатюрному объему, никогда не знала ни политическихъ катастрофъ, ни войнъ, ни междоусобій, и, кажется, свободна отъ всѣхъ общественныхъ ранъ, надъ которыми задумывается Европа. Но для чего бросаться въ политику, когда изъ вседневнаго быта нашего мы можемъ почерпнуть опроверженіе разбираемой мысли. Всѣ мы, люди населяющіе земной шаръ, всѣ безъ исключенія, подлежимъ одной величайшей непріятности, какая только можетъ приключиться человѣку, непріятности, которая больнѣе всѣхъ общественныхъ ранъ и отъ которой не отвертится ни одинъ изъ нашихъ собратій. Всѣ мы приговорены къ смерти, по выраженію одного мудреца, или, говоря менѣе мудрымъ языкомъ, всѣ мы должны умереть, а между тѣмъ мы не плачемъ и не злимся на неизбѣжный приговоръ, а очень часто бываемъ ребячески-веселы, не только въ собраніи веселыхъ людей, но даже наединѣ съ самими собою. Отчего же фактъ, неоспоримый въ частной жизни отдѣльныхъ личностей, не имѣетъ права перейти въ литературу, выражающую собою чувства, идеи, стремленія и слабости общества, состоящаго изъ многихъ отдѣльныхъ личностей? Мы не говоримъ — отчего русскому человѣку не хохотать, когда французъ способенъ къ смѣху; но мы разсуждаемъ такъ: если русскій человѣкъ, самъ съ собою, или въ обществѣ двухъ-трехъ друзей, можетъ забывать все житейское горе и смѣяться, какъ мальчикъ, то отчего же толпѣ русскихъ людей, собрав-

Digitized by Google

шихся въ театрѣ, не хохотать при исполненіи совершенно веселой и исключительно веселой комедіи?

Все это говоримъ мы не напрасно, по поводу драматическихъ сценъ Островского. Драматическая муза щедро одарила нашего автора. Она дала ему не только тотъ высокій даръ смѣха, отъ котораго блѣднѣетъ порокъ и на душѣ честнаго человѣка становится ясно, но и другой, не столько поэтическій, но почти столько же рѣдкій даръ смѣха рѣзваго и беззаботно веселаго. Этотъ послѣдній даръ, можетъ быть не признанный и не цѣнимый самимъ обладателемъ, для насъ всего яснѣе высказывается въ пьескѣ «Праздничный сонъ до обѣда». Названная піеска настоящая русская шутка, въ высшемъ и самомъ миломъ смыслѣ этого слова, такъ опозореннаго нашими водевилистами. Г. Островской можетъ на насъ гнѣваться, но мы скажемъ ему откровенно, мы не видимъ въ названныхъ сценахъ никакой печальной подкладки, никакого перехода къ грустной сторонѣ дѣйствительности — всякая тѣнь грусти, за тысячу верстъ отъ «Праздничнаго сна», когда Миша Бальзаминовъ перебранивается съ кухаркой Матреной по поводу уха, завитаго горячими щипцами вмѣсто волосъ, когда Устиновна допрашиваетъ его «предметъ» о томъ, какъ въ немъ зародилась любовь, когда Капочка боится, увидя Бальзаминова, лишиться чувствъ и что нибудь сдѣлать... когда купчина Неуделеновъ располагается безъ кафтана въ домѣ невѣсты и начинаетъ колотить камнемъ орѣхи, когда Ничкину, раскисшую отъ жару, дѣвушки упрекаютъ въ тиранствѣ и уговариваютъ уйти на погребицу, — я хохочу чистѣйшимъ веселымъ смѣхомъ, какъ школьникъ между рѣзвыхъ товарищей, и знать не хочу ни о какой горестной подкладкѣ жизни. Смѣшно и неблагоразумно было бы требовать отъ писателя, подобнаго г. Островскому, малѣйшихъ уклоненій отъ глубоко поэтическаго творчества въ пользу веселой шутливости; но если ему вздумается, въ промежуткахъ между возвышенными помыслами, дарить намъ хоть десятки драматическихъ сценъ такихъ же рѣзвыхъ, такихъ же неотразимо веселыхъ, не мы упрекнемъ его за это, и не бѣдный нашъ русскій театръ скажетъ ему слово осужденія.

Этимъ признаніемъ и заключимъ мы нашъ отзывъ о сочиненіяхъ Островского. Общаго вывода дѣлать незачѣмъ, онъ и безъ насъ сдѣланъ и русскою публикою, и теперешней русской критикою. Давно уже заглажены промахи людей, медлившихъ признать въ нашемъ авторѣ одного изъ самыхъ могущественнѣйшихъ дѣятелей современной русской литературы. Дипирамбическія похвалы

Digitized by Google

таланту Островского, когда-то полезныя, какъ противодѣйствіе пристрастнымъ критикамъ, уже болѣе не могутъ имѣть значенія. Кто истинно силенъ, отъ того много требуется, а избытокъ поощренія хорошъ развѣ для однихъ колеблющихся и неокрѣпшихъ художниковъ. Самое симпатическое спокойствіе разлилось около имени, всѣмъ намъ дорогого, — и теперь, при появленіи каждаго новаго труда Островского, никто не броспится съ яростью передъ нимъ на колѣни, но и никто не пойдетъ къ нему съ преднамѣреннымъ, непочтительнымъ порицаніемъ.

Изданіе сочиненій г. Островского очень чисто, доступно по цѣнѣ и изящно. Въ текстѣ однако же есть опечатки, болѣе, впрочемъ, замѣтныя своимъ количествомъ, нежели качествомъ.

1859.

XXII.

«УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ», МАРКА ВОВЧКА. ПЕРЕВОДЪ И. С. ТУРГЕНЕВА. СПБ. 1859.

Приступая къ отчету о книжечкѣ разсказовъ г. Марка Вовчка, про которые много говорили и писали въ послѣднее время, — мы попросимъ напередъ позволенія замѣнить критическое *мы* фельетоннымъ *я*, и разсказать одно изъ воспоминаній нашего дѣтства, по видимому, весьма мало относящееся къ книгѣ нами разбираемой и ея талантливому автору. Разсказы г. Марка Вовчка живо припомнили намъ одинъ нехитрый эпизодъ изъ нехитрой жизни, и мы рѣшаемся передать его безъ всякихъ амплификацій или красоты слога.

Много лѣтъ тому назадъ, когда пишущій эти строки ходилъ еще въ курточкѣ, — въ Петербургѣ поселилось одно семейство, имѣвшее большія имѣнія въ Малороссіи. Въ числѣ прислуги, по нашему обычаю, слишкомъ изобильной, въ этомъ семействѣ находилась красивая дѣвушка лѣтъ двадцати, нанятая проѣздомъ чрезъ Полтаву, приставленная къ дѣтямъ въ числѣ мамокъ и нянюшекъ. Наташу (такъ звалась малороссіянка) взяли въ домъ, такъ сказать, отъ нечего дѣлать, — во первыхъ, потому, что она была сирота, каждый день терпѣла побои отъ злой мачихи, отчасти и по той причинѣ, что дѣти привязались къ ней съ перваго свиданія. Наташа была усердна, добра, а по кротости и безотвѣтности напоминала намъ собою героинь книги, теперь находящейся передъ нами. До сихъ поръ я хорошо помню это тихое, услужливое

Digitized by Google

созданіе, исполненное силы и здоровья, готовое умереть за дѣтей, которымъ она служила. При всей своей силѣ и здоровомъ сложеніи, дѣвушка поражала, однако, какою-то заупывностью и слезливостью, безъ сомнѣнія развившимися подъ жестокой рукой мачихи. Какъ бы то ни было, Наташа постоянно была словно чѣмъ-то недовольна, въ разговорахъ звала себя безсчастною, по вечерамъ пѣла самыя жалкія пѣсни и всегда кончала ихъ слезами. Кто-то изъ домашнихъ друзей замѣтилъ, что не совсѣмъ хорошо держать при бойкихъ и воспріимчивыхъ дѣтяхъ дѣвушку такихъ тоскливыхъ наклонностей, — но совѣтъ пропустили безъ вниманія, да и дѣти такъ привыкли къ Наташѣ, что разлучить ихъ съ ней было бы неловко.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и въ Наташѣ произошла значительная перемѣна. Вмѣсто того, чтобъ отдохнуть и повеселѣть въ привольной жизни, — дѣвушка похудѣла и стала слезливѣе прежняго. Прежде она плакала только по вечерамъ за своими пѣснями, теперь она цѣлый день утирала слезы и вспоминала про отчизну. На отчизнѣ у ней не было ни одного близкаго человѣка, въ Полтавѣ не видала она ничего, кромѣ толчковъ и нужды — но нравственныя болѣзни не подходятъ подъ законы разума и такъ называемая *насталія* (тоска по родинѣ) не спрашивается нашихъ обычныхъ порядковъ. Умная хозяйка дома, знавшая характеръ малороссіянъ, серьозно поговорила съ дѣвушкой и безъ труда убѣдилась, что ей оставаться въ Петербургѣ невозможно: тоска по родинѣ грызла Наташу и могла обратиться въ какой нибудь недугъ изнурительнаго свойства. Безъ дальнихъ проволочекъ, написано было письмо къ полтавскимъ знакомымъ, съ ихъ помощью пріискано для Наташи мѣсто въ ея родномъ городѣ и, по первому зимнему пути, рѣшено отправить хохлачку, съ надежной попутчицей, до Полтавы. Казалось, все дѣло было устроено съ полнымъ успѣхомъ, но осень въ тотъ годъ стояла необыкновенно долго, постоянные дожди поддерживали распутицу, снѣгъ не выпадалъ, и морозы, какъ въ настоящемъ 1859 году, медлили появленіемъ.

Въ это время, безпрестанно видаясь съ дѣтьми, за которыми ухаживала наша дѣвушка, я всякій день по нѣскольку разъ встрѣчалъ и Наташу. Нельзя было безъ тоски глядѣть на страдалицу по отчизнѣ — она плакала какъ рѣка и глаза у ней сдѣлались красны какъ у кролика. Горю ея не могли пособить никакія увѣщанія или разсчеты, потому что самое горе усложнилось: съ одной стороны дѣвушка тосковала о родномъ краѣ, съ другой проливала слезы о дѣтяхъ, къ которымъ привязалась, по своему род-

Digitized by Google

ному обычаю. Утромъ она, рыдая, говорила, что никогда не дождется зимы и умретъ въ проклятомъ большомъ городѣ, — вечеромъ она цѣловала своихъ панночекъ и собиралась умереть, разставшись съ ними. Все это было очень жалко, очень трогательно, очень грустно, и, наконецъ, чрезвычайно скучно. Сама хозяйка дома, всегда терпѣливая и кроткая, стала желать зимы, и подъ разными предлогами, не позволяла дѣтямъ часто бывать въ дѣтскихъ комнатахъ. Одинъ разъ вечеромъ она пришла въ спальню дѣвочекъ чтобъ вызвать оттуда Наташу и побранить ее за вѣчныя слезы, но сцена, которую она увидала, обезоружила ея негодованіе. Дѣвочки спали, а хохлачка, стоя надъ ихъ кроватками, горько плакала и зажимала себѣ ротъ, чтобъ не зашумѣть на всю комнату. Скука и хандра нашла на весь домъ изъ за молодой, больной и совершенно невинной въ дурныхъ помыслахъ Наташи. Дѣти не рѣзвились и ходили словно сонные, хотя имъ уже не такъ, какъ прежде, было жаль своей няньки; слезливая дѣвушка надоѣла и имъ. Прислуга, особенно женская, исполняла свое дѣло какъ-то неохотно и вяло, будто какая-то бѣда стряхнулась надъ домомъ или приходилось покойника отправлять на кладбище. Даже дѣти постороннихъ семействъ, впавшія съ панночками, неохотно шли къ подругамъ своихъ игръ и ихъ братьямъ: еще въ залахъ игра шла на ладъ, но въ дѣтской ихъ ждала одна и таже картина слезъ и отчаянія. Невозможно передать, до какой степени въ этомъ отношеніи перепутались наши дѣтскія понятія: мы любили дѣвушку-хохлачку и въ тоже время она насъ утомляла, мы жалѣли о томъ, что она горюетъ, но видъ ея сталъ намъ просто непріятенъ, мы очень ее цѣнили за ея услужливость и ласковость, но ея сѣтованія насъ мучили. Наконецъ, наступила зима. Многіе ребятишки изъ дружескихъ семействъ пришли рано поутру, чтобъ проститься съ Наташей въ день ея отъѣзда, дѣвушку цѣловали, осыпали подарками, а, между тѣмъ, чуть она уѣхала, сами взрослые вздохнули свободнѣе, а въ дѣтскихъ комнатахъ, гдѣ лились слезы бѣдняжки, мгновенно воцарилась какая то ясность.

Исторія, какъ видитъ читатель, не очень затѣйлива и не длинна, но она избавляетъ насъ отъ множества длинныхъ разсужденій и отъ затѣйливостей тонкаго анализа. До сихъ поръ я помню очень хорошо то чувство, съ которымъ цѣловалъ уѣзжавшую Наташу, и могу сказать съ достовѣрностью, что это самое чувство не разъ припомнилося намъ, рецензенту, при прочтеніи послѣдней страницы послѣдняго изъ «Украинскихъ Разсказовъ». Нельзя

Digitized by Google

не любить Марка Вовчка, нельзя не признавать въ немъ чувства, теплоты, нѣкоторой, по временамъ, довольно сильной поэзіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не сказать на послѣдней страницѣ: «ну, теперь можно вздохнуть свободнѣе». Говоря безъ сравненій, книжка утомительна для русскаго читателя, неподкупленнаго національной прелестью изложенія, какого въ ней, по словамъ малороссіянъ, весьма много. Отдѣльные разсказы Марка Вовчка, прочитанные медленно, съ большими интервалами времени между каждымъ, доставляютъ наслажденіе; въ общей сложности ими остаешься недоволенъ. Корень этого недовольства, безъ всякаго сомнѣнія, заключается въ односторонности разсказовъ, которые таковы, что прочитавши одинъ изъ нихъ, точно какъ будто бы прочиталъ всѣ остальные. Этимъ обстоятельствомъ мы объясняемъ причину огромнаго успѣха сочиненій г. Марка Вовчка между малороссами, въ то самое время, когда русскій читатель остается къ нимъ весьма холоденъ, не взирая на отзывъ дилетантовъ и всѣ подстреканья снисходительной критики. При чтеніи г. Марка Вовчка, уроженецъ малой Россіи, до тонкости знающій свой край, испытываетъ тоже, что, напримѣръ, испытываетъ русскій человѣкъ, заслышавши вдалекѣ жалобный мотивъ народной пѣсни: цѣлое море родной поэзіи встаетъ передъ нимъ при этомъ звукѣ, при этомъ отрывкѣ любимой пѣсни, совершенно непонятной для чужестранца. Малороссъ самъ дополняетъ каждый намекъ своего родного писателя, разыгрываетъ цѣлую фантазію на мотивъ или отрывокъ мотива, передъ нимъ пропѣтый. Мы этого сдѣлать не можемъ. Мы цѣнимъ и любимъ поэзію Малороссіи такъ, какъ она является намъ въ истинно вдохновенныхъ разсказахъ Гоголя, гдѣ новая и былая жизнь народа всецѣло развивается передъ нами, исполненная юмора, удальства, величія и наивности. Но для оцѣнки отрывочныхъ, прерывающихся мотивовъ въ одномъ и томъ же мирномъ тонѣ, мы не годимся. Намъ хорошо лишь тамъ, гдѣ онъ касается всего пережитаго и перечувствованнаго, и въ дѣлѣ уясненія малороссійской поэзіи, намековъ г. Марка Вовчка намъ слишкомъ мало.

Книжка начинается разсказомъ «Сестра», — по нашему мнѣнію лучшимъ изъ всего собранія. Г. Тургеневъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать съ своимъ переводомъ, избѣгнувъ всѣхъ непереводимыхъ идіотизмовъ, и, по всей вѣроятности, сохранивши безъ ущерба привлекательную простоту изложенія. Правда, въ немногихъ мѣстахъ онъ отказался отъ передачи малороссійскихъ фразъ во всей ихъ поэтической наивности, но на это мы не сѣтуемъ, потому что мало вѣримъ въ значеніе *чисто мѣстныхъ* красотъ

Digitized by Google

языка и, какъ русскіе, имѣемъ полное право холодности передъ выраженіями: «*нехай подъ обома земля перомъ*», «*журбою поля не перейдеш*», и такъ далѣе. У извѣстнаго Жасмена или шотландскаго пастушка Гогга, по всей вѣроятности, найдутся сотни мѣстныхъ выраженій, очень милыхъ ихъ соотечественникамъ. и ничего не значащихъ для остальныхъ цѣнителей. Какъ бы то ни было, въ разсказѣ «Сестра» есть поэзія и прелесть помимо всѣхъ мѣстныхъ условій. Героиня разсказа стоитъ передъ нами, какъ живая, во всей своей тихой преданности, во всей несокрушимой любви къ родному углу и роднымъ людямъ, съ душою, созданною для самопожертвованія, и руками, неутомимыми на трудъ. Это лицо, въ которомъ соединены свѣтлыя стороны женщинъ того края, не побѣдитъ рядомъ съ малороссійскими женщинами Гоголя: оно создано свободно, со всею самостоятельностью, въ немъ не отыщете вы ничего напередъ заданнаго или навѣяннаго чужими образцами. Свѣтъ и прелесть, на немъ сосредоточенные, мягко разливаются на весь разсказъ, отражаются во всѣхъ его подробностяхъ и дѣлаютъ изъ «Сестры» истинную идиллію, заслуживающую величайшихъ похвалъ. Вся вещь написана прекрасно, но въ ней есть страницы, особенно удавшіяся, воспоминаніе о которыхъ надолго не изгладится изъ памяти читателя. Приведемъ хотя эти странички, едвали не самыя художественныя въ разсказѣ. Героиня, обиженная невѣсткою, покинула родной домъ и стала наниматься на службу у слѣпого отца Ивана:

Демьяновка лежитъ въ долинѣ, словно въ зеленомъ гнѣздышкѣ. Село великое и богатое; двѣ церкви въ немъ: одна каменная, высокая, другая деревянная и древняя, даже въ землю вросла и покравилась. Отецъ Иванъ жилъ недалеко за каменной церковью. Былъ у него домикъ, и садикъ, и огородъ; хозяйство небольшое, да хорошее. Вошли мы въ село — и разбрелись богомольцы по улицамъ; каждый въ свой домъ спѣшитъ, къ своимъ; а я за старушкой иду. Такъ мнѣ грустно и боязно, что даже сердце замираетъ. Бывало, прежде, куда я ни шла, такъ весело иду и охотно; а теперь и глазъ я не смѣю поднять. Вошла да и стою, сама не своя. Слышу — старушка про меня разсказываетъ. «Войди и отдохни, дитятко», промолвилъ кто-то такъ истово и тихо. Подняла я глаза, — противъ меня на липовой лавкѣ сидитъ старый-старый дѣдъ. Глаза у него незрячіе, и такая въ тѣхъ глазахъ тишина да доброта, что я и не видывала. Борода у него бѣлая, кудрявая, ниже пояса; сидитъ онъ въ тѣни, только вечерній солнечный лучъ словно золотомъ его осыпаетъ. Какъ услышала я такія ласковыя слова, такъ меня словно что за сердце схватило; слезы брызнули у меня изъ глазъ. А онъ протянулъ руку, да и благословилъ меня. Смотрю я — хозяйка вошла, старенькая, маленькая, чуть отъ земли видна, а еще бодренькая, словоохотливая такая. «Оставайся у насъ съ Богомъ, голубушка. Ты еще молоденькая, ты нашу хату развеселишь и внучку порадуешь. Бѣги-ка ты сюда, Маруся, иди, не стыдись. Такая ужь она стыдливая у насъ, словно просватанная.» «Взяла она за ручку хорошенькую смуглую дѣвочку, что

Digitized by Google

все изъ-за дверей глазенками сверкала, и ввела ее въ хату. «Поклонись», говорятъ, «Маруся, молодицѣ, привѣтствуй ее». Она поклонилась и привѣтствовала меня; а я думаю себѣ: «что-то теперь племянички мои милые? вспоминаютъ ли они меня?» Я осталась у отца Ивана. Живу я у него мѣсяцъ, живу другой; житье мнѣ у него! всѣ меня любятъ, словно дитя родное. Бывало, я управлюсь, приберу хату; мы пообѣдаемъ, да и усядемся въ саду подъ черешню. Батюшка тихо сидитъ себѣ да думаетъ, или молитву шепчетъ, или псалмы поетъ... да хорошо такъ, Боже мой! Старушка и хозяйка говорятъ промежь себя то о томъ, то о другомъ; а я подсяду къ нимъ да послушиваю; а внучка, словно бѣлый клубочекъ по садику катается; то къ намъ подбѣжитъ, то опять въ зеленой густотѣ пропадетъ. Такъ тихо да спокойно пройдетъ день, что, кажется, весь вѣкъ свой такъ бы свѣковалъ; а у меня все тоска на сердцѣ да печаль неусыпная. Они и разговариваютъ со мной, и утѣшаютъ меня. «Не кручинься», говорятъ: «это грѣхъ великій. Дитя плачетъ потому, что оно ничего не смыслитъ; а кто выросъ, тотъ самъ своему горю помочь долженъ. Подумай только то: ты, можетъ быть, на свѣтѣ добро еще узнаешь; а потратишь свое здоровье — какое ужь тогда житье? Полно, сердешная, послушайся насъ, старыхъ людей! Вотъ, посмотри лучше, какой Господь вечеръ далъ!»

Кто не скажетъ что этотъ отрывокъ прелестенъ? Но кто, прочитавъ его, не побоится за дальнѣйшую дѣятельность автора? Діапазонъ голоса, пропѣвшаго намъ эту сладкую пасторальную пѣсенку, такъ деликатенъ и такъ необъемистъ! Что будетъ со сказаннымъ голосомъ, когда въ пѣніи потребуется энергія, когда слѣдующая пѣсня окажется сложнѣй и громче? Не оборвется ли деликатный голосъ, которымъ мы сейчасъ восхищались? И ему точно суждено было оборваться въ самомъ непродолжительномъ времени. На разсказахъ «Казачка» и «Одарка», прямо слѣдующихъ за «Сестрою», голосъ г. Марка Вовчка оборвался. Оба разсказа сложнѣе и печальнѣе предыдущаго: въ первомъ изъ нихъ описываются невзгоды вольной казачки Олеси, вышедшей замужъ за крѣпостного человѣка, — во второй идетъ жалостная, но до крайности избитая исторія крѣпостной дѣвочки, загубленной лихимъ паномъ. Темы, какъ видите, не новыя и съ любовью разработанныя даже не однимъ гимназистомъ съ литературными стремленіями; чтобы сдѣлать изъ нихъ что нибудь хорошее, нужно много силы, много свѣжести во взглядѣ. Силы, къ сожалѣнію, и не оказалось у нашего автора. Съ одной теплотой сердца не много сдѣлаешь тамъ, гдѣ все избито и изношено, обращено въ спекуляцію и кинуто на расхищеніе писакъ задирательнаго свойства. Г. Маркъ Вовчокъ слишкомъ уменъ и чистъ для того, чтобъ погрузиться въ задирающую литературу, рамки его разсказовъ слишкомъ тѣсны для обширной картины, талантъ его слишкомъ объективенъ для поучительнаго лиризма. При такихъ условіяхъ какъ не вдаться въ плак-

Digitized by Google

сивость манеры — тѣмъ болѣе, что самая постройка обоихъ разсказовъ ведетъ къ ней безъ всякихъ околичностей? Съ одной стороны видимъ мы двухъ добрыхъ, безотвѣтныхъ овечекъ, съ другой волковъ и душегубовъ, чуждыхъ всякаго человѣческаго чувства. Гдѣ тутъ быть драмѣ и коллизіи? Волкъ, повстрѣчавшись съ овцой, кушаетъ ее на здоровье, и затѣмъ, между этими двумя существами никакихъ дальнѣйшихъ приключеній случиться не можетъ. На бѣду, у г. Марка Вовчка Олеся и Одарка скромнѣе кроткихъ овечекъ, а господа Олеси и лихой панъ свирѣпѣе голодныхъ волковъ. Даже и аксесуарныя лица имъ подъ масть — родные Одарки и Олеси плачутъ какъ рѣка, а противники ихъ выкидываютъ каннбальскія потѣхи. Самимъ панскимъ дѣтямъ нѣтъ пощады: онѣ впиваются въ Одарку какъ пьявки, щиплютъ ее и заставляютъ плясать для своей потѣхи. Просто за человѣка становится страшно, а за автора вдвое болѣе, — потому что въ искусствѣ есть свои непреложные законы на счетъ преувеличенія, особенно преувеличенія сантиментальнаго. О законахъ этихъ стоитъ думать всякому писателю, потому что они существуютъ лишь для зоркаго ума, и потому, что лишь зоркій умъ понимаетъ весь вредъ, происходящій отъ введенія исключительныхъ явленій въ область искусства.

Коснувшись предмета, столь важнаго и обильнаго поученіемъ, мы, поневолѣ, должны на короткое время оставить разсказы, нами разбираемые, и сказать нѣсколько словъ о причинѣ страннаго, по видимому, необъяснимаго, но повсемѣстнаго отвращенія русскихъ читателей къ литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ обличаются недостатки крѣпостного права или злоупотребленія власти, доставшейся людямъ черезъ крѣпостное право. Съ достовѣрностью можно сказать, что писателю (за исключеніемъ двухъ или трехъ всѣмъ извѣстныхъ) строящему свое произведеніе на фактахъ, вытекающихъ изъ крѣпостного права, фактахъ, часто разительныхъ и драматическихъ, — сочувствія нѣтъ нигдѣ, кромѣ мелкаго мірка фельетонистовъ и гимназистовъ, о которыхъ говорилось выше. Писателей этихъ почти не читаютъ, о нихъ отзываются съ пренебреженіемъ, какъ о фантазерахъ, враляхъ, писунахъ, не имѣющихъ на копѣйку знакомства съ предметомъ, про который они пишутъ. Даже въ ихъ благонамѣренность никто не вѣритъ; — если кому нибудь изъ нихъ, — что чрезвычайно рѣдко, — случится вымолвить мысль не глупую и практическую, — на такую мысль не обращается малѣйшаго вниманія. Предположить, что тутъ виновато само общество, мы никакъ не можемъ: вѣдь общество, по мѣ-

Digitized by Google

рѣ силъ своихъ, занимается крестьянскимъ вопросомъ и благія стремленія правительства находятъ же себѣ цѣлыя массы сочувствующихъ личностей. Спросите у каждаго изъ умныхъ людей, глубоко преданныхъ дѣлу эмансипаціи, что онъ думаетъ о дидактически-обличительной литературѣ по части крестьянскаго дѣла, и постоянно вы получите отвѣтъ одинъ и тотъ же: «грязь, болтовня неумѣлыхъ людей, вздорная рапсодія писакъ ничего не знающихъ». Самый зоркій изъ спрошенныхъ, можетъ быть, прибавитъ къ этому: «безплодная возня съ исключительными явленіями, помимо настоящей сущности дѣла.»

Безплодная возня съ исключительными явленіями, помимо настоящей сущности дѣла, — вотъ справедливое опредѣленіе почти всѣхъ литературныхъ произведеній изъ крестьянскаго быта, вотъ смертный приговоръ всей этой массѣ филантропическаго хлама изъ деревенскихъ нравовъ! Въ самомъ дѣлѣ, переберите наши журналы за послѣдніе года, перечитайте томы разныхъ крестьянскихъ повѣстей и разсказовъ, преодолѣйте чувство отвращенія при видѣ всей этой грязи и мерзостно-отвратительныхъ эпизодовъ — какая умная мысль, какой дѣльный выводъ наградитъ васъ за моральную пытку, которой вы только что подверглись? Прояснится ли хоть немного вашъ горизонтъ и чѣмъ обогатится вашъ разумъ, кромѣ сброда анекдотовъ весьма скверныхъ и часто неправдоподобныхъ? Не ждите ничего подобнаго. Писатели и писаки ознакомили васъ не съ сущностью дѣла, а только съ исключительными его проявленіями, вывели передъ вами толпу лицъ достойныхъ смирительнаго дома, лицъ, которыя по натурѣ своей будутъ также точно достойны смирительнаго дома и послѣ отнятія у нихъ права на личность людей имъ подчиненныхъ. А такъ какъ въ современномъ обществѣ, при всѣхъ его порокахъ, изверги, достойные смирительнаго дома, составляютъ непримѣтное меньшинство, то и цѣль поучительная недостигнута. За лицъ, поражаемыхъ писаками, лицъ, подлежащихъ исправленію полицейскому — никто не вступится, да и не пожелаетъ вступиться: злодѣй размалеванъ такъ ярко, что ровно никто не признаетъ въ немъ своей неяркой личности. Возьмемъ хоть «Одарку», автора которой, по его таланту и добросовѣстности, мы никакъ не отнесемъ къ писакамъ, о какихъ сейчасъ говорилось. Въ этомъ разсказѣ на мѣстѣ пана мы видимъ какого-то бѣшенаго волка, который сдва похожъ на живое существо, и который, по идіосинкразической своей натурѣ, былъ бы бѣшенымъ волкомъ не только въ своемъ имѣніи, но и въ самой вольной станицѣ, и въ Миргородѣ, и въ Москвѣ, и въ Петер-

Digitized by Google

бургѣ, и остался бы звѣремъ при всѣхъ условіяхъ въ жизни, до той поры покуда бы самъ не сломилъ себѣ шеи, наткнувшись на законъ или на частное мщеніе. Еслибы крѣпостное право уничтожалось нашимъ благимъ правительствомъ только потому, что при немъ возможны паны въ родѣ Одаркина, — игра не стоила бы свѣчъ и цѣль была бы достигнута однимъ усиленіемъ полицейскихъ мѣръ, да неукоснительнымъ наблюденіемъ за исполненіемъ того закона, который ввѣряетъ предводителямъ и инымъ лицамъ наблюденіе надъ владѣльцами, во зло употребляющими свою власть надъ жителями. Тутъ то и видимъ мы всю огромность промаха обличительно-крестьянской литературы. Чтобъ доказать вредъ отжившаго учрежденія, — надо указывать не исключительные факты, ими время отъ времени порождаемые, но его глубокое и неотразимое вліяніе на все общество. Чтобъ разузнать и описать недугъ общества, надо не сидѣть надъ какимъ нибудь отдѣльнымъ прыщемъ паціента, но изслѣдовать весь его организмъ. А этого-то изслѣдованія мы и не видимъ въ нашихъ писателяхъ, бѣдныхъ знаніемъ. Исторію жестоко наказаннаго псаря или похищенной дѣвчонки можно сочинить, не выходя изъ своей квартиры, но вѣрной картины сельской жизни, съ ея печальными явленіями, не создашь изъ «глубины собственнаго бѣднаго самосознанія». Потому наша обличительная литература по крестьянской части болѣе чѣмъ безсильна и вліяніе ея ничтожно. Она питалась исключительными фактами превышенія власти, а между тѣмъ, нагородивъ сотни томовъ, не коснулась ни одного изъ несравненно болѣе общихъ, и, стало быть, болѣе вѣрныхъ явленій, кидающихся въ глаза всякому, кто жилъ въ деревнѣ. Ею даже ни разу не была высказана та простая, неоспоримая, всѣмъ извѣстная мысль, что въ наше время русскій крѣпостной поселянинъ терпитъ вовсе не отъ жестокостей при личномъ столкновеніи съ владѣльцомъ, — но отъ излишнихъ требованій, окладовъ и работъ, вслѣдствіе жизни дворянъ не по состоянію и общаго распространенія роскоши въ образованномъ классѣ. Имъ даже не приходило въ голову, что при значительномъ смягченіи нравовъ, соединенномъ съ врожденнымъ благодушіемъ русскаго человѣка, — жестокость обращенія стала рѣдка, но замѣнилась безтолковостью въ управленіи и жаждой доходовъ. Они не сообразили того, что бить и мучить подобнаго себѣ человѣка есть дѣло, для всякаго противное и не дающее никакихъ выгодъ, — между тѣмъ какъ увеличеніе оброка, спокойно рѣшенное въ столицѣ а объявленное безъ шума, выгодно (хотя на время) для кармана и не влечетъ за собой нареканія. Наши писатели

Digitized by Google

и писаки просто упустили изъ вида важность *рубля* въ крестьянскомъ быту, подслушивая въ разныхъ закоулкахъ народныя изреченія въ родѣ *чаво* и *эфтомъ*, они даже не слыхали ни разу пословицы крестьянской: «*не бьетъ дубьемъ, а бьетъ рублемъ!*» Да и въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли заниматься такими пустяками, когда такъ легко подражать похожденіямъ героевъ изъ «Старыхъ Годовъ» господина Печерскаго. Чтобъ быть дѣльнымъ и толковымъ, надо учиться и вникать, и съ усиліемъ рисовать картины вѣрныя многосторонней дѣйствительности, между тѣмъ какъ можно болтать, не выходя изъ своей квартиры, писать такъ просто, и задирательно, и скандалезно!..,

Даже становится смѣшно, когда подумаешь о тысячѣ важнѣйшихъ сторонъ сельской жизни, сторонъ, неразрывно связанныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, — и не смотря на то, даже мелькомъ не подмѣченныхъ нашими обличителями. Ихъ правило такое: гдѣ нѣтъ исключительности, тамъ нѣтъ и пищи для фантазіи. Описывая прибитаго лакея или сельскую нимфу, выданную замужъ противъ воли, они даже не касаются сторонъ сельской жизни, въ тысячу кратъ болѣе знаменательныхъ и подлежащихъ изученію. Изображалъ ли кто нибудь изъ нашихъ писателей положеніе цѣлаго селенія, въ которомъ, по вѣтреному или корыстному разсчету владѣльца, земледѣліе заброшено и всѣ рабочія силы пожертвованы на какую нибудь огромную фабрику, разшатывающую нравственность, здоровье и благосостояніе всего населенія? Касались ли наши сельскіе обличители безпрерывно повторяющагося факта отдаванія имѣній въ аренду и безконечнаго зла, отъ аренды происходящаго? Обличали ли они передъ свѣтомъ и правительствомъ тысячи увертокъ, посредствомъ которыхъ обманывается законъ, строго воспрещающій отдавать населенныя имѣнія въ аренду иностранцамъ? Знаютъ ли они, напримѣръ, что значитъ кабакъ, по безпечности помѣщика или изъ грошевыхъ барышей допущенный въ деревню, гдѣ прежде кабака не было? Показали ли они намъ, черезъ рядъ живыхъ сценъ, что такое иностранецъ-управитель и каковъ бываетъ въ сношеніяхъ съ русскимъ мужичкомъ вольнолюбивый швейцарецъ и даже ученый агрономъ-англичанинъ? Раскрыли ли они передъ нами весь возмутительный гнетъ и всю страшную неправду, къ которымъ способенъ міръ, то есть то самое мірское, общинное управленіе, о которомъ до сихъ поръ многіе непрактическіе люди говорятъ чуть не со слезами умиленія на рѣсницахъ? Знаютъ ли господа, теперь упоминаемые нами, самую азбуку сельскаго хозяйства, въ его самыхъ вліятельныхъ проявленіяхъ отно-

Digitized by Google

сительно вседневнаго крестьянскаго быта? Извѣстно ли имъ, напримѣръ, что въ подгородныхъ имѣніяхъ, даже управляемыхъ съ крайней снисходительностью, множество дѣтей мужескаго пола пропадаетъ оттого, что родители ихъ, не имѣя никакой потребности отдалять отъ себя ребятишекъ, все-таки считаютъ необходимымъ отдавать ихъ, за малую плату, на бумагопрядильныя, сигарныя и другія фабрики, убійственныя для здоровья! Приходило ли въ голову имъ, — обличителямъ цѣловальниковъ и грозѣ винныхъ приставовъ, — сдѣлать когда нибудь сравненіе между обыкновеннымъ имѣніемъ и имѣніемъ съ винокуреннымъ заводомъ, котораго существованіе предполагаетъ двойную, если не тройную тяготу для крестьянина? Описывали ли они намъ когда нибудь имѣніе, взятое въ опеку или находящееся подъ опекою по малолѣтству владѣльцовъ? Вотъ сколько нетронутыхъ и важныхъ сторонъ дѣла насчитали мы, не причисляющіе себя къ людямъ практическимъ и проводящіе въ деревнѣ самую малую часть года. Мудрено ли послѣ этого, что наша обличительная литература, слабая во многихъ своихъ проявленіяхъ, не только слаба, но совершенно ничтожна въ отношеніи къ изображенію русской сельской жизни. Наше общество вовсе не злится на писателей, съ знаніемъ дѣла указывающихъ его темныя стороны, — успѣхъ и симпатія, встрѣтившіе Щедрина, подтверждаютъ слова наши. Но деревенскій нашъ бытъ не имѣлъ своихъ Щедриныхъ.

Снова возвращаясь къ книгѣ г. Марка Вовчка, мы замѣтимъ, что вторая ея половина, особенно разсказы: «Сонъ» и «Максимъ Гримачь» отчасти изглаживаютъ непріятное впечатлѣніе, произведенное «Одаркою» и «Казачкою». Въ обоихъ, только что названныхъ разсказахъ, дѣло идетъ о любви, любви дѣвической, робкой и, тѣмъ не менѣе, очень страстной. Такая любовь съ особенной удачей вдохновляетъ нашего автора: ей обязанъ онъ не одною свѣтлою страницею въ своей книгѣ, и чуть онъ замѣняетъ ее чѣмъ нибудь другимъ, голосъ его тотчасъ же обрывается. И дѣйствительно, женщины г. Марка Вовчка словно не женщины, а дѣвочки. Онѣ бѣгаютъ по цвѣтамъ, какъ живые цвѣтки, слабыя и ломкія, хоронятся за своихъ подругъ при взглядѣ паробка, плачутъ и ждутъ сватовъ, а при свиданіи съ женихомъ, только замираютъ и цѣпенѣютъ. Съ бракомъ онѣ утопаютъ въ океанѣ любви, и исторія ихъ прекращается. При несчастной любви онѣ томятся и сходятъ съ ума. Какъ онѣ живутъ замужемъ и ведутъ хозяйство, этого мы не знаемъ. Не смотря на все наше малое знакомство съ малороссійской жизнью, мы смѣемъ замѣтить, что тутъ не

Digitized by Google

вся жизнь, а лишь одна изъ ея частныхъ сторонъ, можетъ быть слишкомъ уже опоэтизированная. Такъ жить и любить едва ли въ состояніи простой человѣкъ, окруженный тысячью заботъ о первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Еслибы малороссійскія дѣвушки, послѣ брака, проводили такъ много времени, глядя въ соколиныя очи своимъ супругамъ, — бѣдные ихъ мужья, лѣнивые по натурѣ и несклонные къ домашнему хозяйству, сидѣли бы зачастую безъ борща и галушекъ. Но на дѣлѣ мы видимъ совершенно противное; всякій знаетъ, что въ Малороссіи у простолюдина весь домъ держится доброй хозяйкою, несравненно способнѣйшею въ этомъ отношеніи, чѣмъ наши великорусскія женщины.

Эта хрупкость и слабость героинь г. Марка Вовчка, какъ мы уже сказали выше, ведетъ за собой ихъ полную безотвѣтность передъ враждебными событіями жизни. Ни потягаться съ лютой свекровью, ни побороться съ ревнивымъ мужемъ онѣ не въ состояніи. Свекровь ихъ гонитъ со свѣта какъ Орлиха Галю (въ повѣсти «Свекровь»), ревнивецъ-супругъ беретъ жену за косу и убиваетъ ее острой саблею, что и сдѣлалъ Данило Гурчь, хотя катастрофа (къ неслыханному нашему удивленію) происходила на водѣ и самъ убійца плылъ въ челнокѣ, за неимѣніемъ весла, разсѣкая воду *острой саблею*. При всякомъ столкновеніи любящей горлицы съ злымъ человѣкомъ или лихой бабой, возобновляется то, что мы замѣтили въ Одаркѣ. Чудовище глотаетъ бѣдняжку и — дѣло кончено. При такомъ роковомъ условіи неизбѣжны два неудобства, — разсказъ выходитъ коротокъ и, что страннѣе, утомителенъ въ своей краткости. Драма не завязывается по невозможности борьбы и хоть какой нибудь коллизіи, а раздѣленіе дѣйствующихъ лицъ на чудовищъ и жертвъ порождаетъ однообразіе мотивовъ. Немного нравственной стойкости какой нибудь Галѣ или Натальѣ,— немного человѣческихъ чувствъ злому пану или Гурчу, все бы измѣнилось и жизнь пошла бы передъ нами совсѣмъ иначе. Для того, чтобъ продолжать свою дѣятельность и написать что нибудь обширное, г. Маркъ Вовчекъ долженъ, во что бы ни стало, примириться съ многосторонностью жизни — безъ этого мы, — при всемъ уваженіи къ его таланту, — не предвѣщаемъ ему замѣтной будущности.

Мы едва было не забыли маленькой повѣсти «Выкупъ», которая произвела на насъ утѣшительное впечатлѣніе. Она подала намъ надежды, которыхъ мы не имѣли до ея прочтенія, въ ней нашли мы кое-что отличное отъ предыдущихъ разсказовъ, именно искорки юмора и наивной наблюдательности, съ особенной си-

Digitized by Google

лой выказавшіеся, напримѣръ, при описаніи панскихъ хоромъ и сутяги Захаревича. Если эти задатки развернутся и принесутъ свой плодъ, то талантъ и значеніе автора измѣнятся во многомъ. Съ юморомъ, который уже самъ по себѣ предполагаетъ широту физическаго взгляда, г. Маркъ Вовчекъ не останется чисто-мѣстнымъ писателемъ въ родѣ Гогга или провансальца Мистраля, а съ трудовъ его сгладится та печать слезливаго однообразія, которую видятъ въ нихъ русскіе читатели, незнакомые съ красотою украинской рѣчи.

Переводъ г. Тургенева оченъ гладокъ и простъ, — это лучшая похвала всякому, переводу — но книжка издана не совсѣмъ опрятно, что не помѣшало какому-то фельетонисту, при выходѣ ея въ свѣтъ, найти изданіе крайне изящнымъ и даже воспѣть хвалу издателю Кожанчикову. Присоединиться въ этой хвалѣ трудно!

1859.

XXIII.

«ОБЛОМОВЪ», РОМАНЪ И. А. ГОНЧАРОВА. ДВА ТОМА. СПБ. 1859.

Англійскій писатель Льюизъ, не тотъ Льюизъ, который сочинилъ «Монаха», повергавшаго въ ужасъ нашихъ бабушекъ, а Льюизъ, сочинившій знаменитую біографію Гёте, въ одномъ изъ своихъ сочиненій разсказываетъ анекдотъ, не лишенный занимательности. Героемъ анекдота былъ Томасъ Карлейль, современный намъ историкъ и критикъ, большой любитель германской литературы и германской философіи. Итакъ, вышепомѣненованный и довольно знаменитый у насъ Томасъ Карлейль, находясь въ Берлинѣ, вскорѣ послѣ смерти Гёте присутствовалъ на обѣдѣ у какого-то профессора, вмѣстѣ съ весьма смѣшанною публикою, между которой находились представители самыхъ крайнихъ партій въ Пруссіи. Пьетисты сидѣли рядомъ съ демократами и новые феодалы новой прусской газеты (тогда еще не существовавшей) съ защитниками единства Германіи. При концѣ стола, разговоръ коснулся недавно скончавшагося поэта и сдѣлался всеобщимъ. Вы можете себѣ представить, что тѣни веймарскаго Юпитера досталось не малое количество порицаній. Одинъ гость упрекалъ автора

Digitized by Google

«Фауста» за то, что онъ, не пользуясь своимъ авторитетомъ, мало служилъ дѣлу благочестія и морали; другой находилъ беззаконными два знаменитые стиха:

Напрасно силятесь, германцы, составить изъ себя одинъ народъ;
Лучше бы каждый изъ васъ свободно стремился къ тому, чтобъ развиваться человѣкомъ.

Находились лица, упрекавшія Гёте въ нечувствительности къ политическимъ стремленіямъ современниковъ, были даже чудаки, порицавшіе его великое слово: *лишь въ одномъ законѣ можетъ существовать истинная свобода.* Бесѣда уже переходила въ брань, а Карлейль все молчалъ и вертѣлъ въ рукахъ свою салфетку. Наконецъ онъ поглядѣлъ вокругъ себя и сказалъ тихимъ голосомъ: «Meine Herren, слыхали вы когда нибудь про человѣка, который ругалъ солнце за то, что оно не хотѣло зажечь его сигарки?» Бомба, упавшая на столъ, не могла поразить спорщиковъ болѣе этой выходки. Всѣ замолчали, и насмѣшливый англичанинъ остался побѣдителемъ.

Анекдотъ, сейчасъ разсказанный нами, чрезвычайно хорошъ, и шутка Карлейля имѣла значеніе какъ противорѣчіе крайностямъ другихъ собесѣдниковъ, хотя, по нашему мнѣнію, мудрый поклонникъ Гёте немного увлекся въ своихъ выраженіяхъ. Такихъ важныхъ сторонъ жизни, какъ національныя стремленія, религіозныя потребности, жажда политическаго развитія, не совсѣмъ ловко сравнивать съ дрянной нѣмецкой сигаркою. Вседневныя, насущныя потребности общества законны какъ нельзя болѣе, хотя изъ этого совершенно не слѣдуетъ, чтобъ великій поэтъ былъ ихъ прямымъ и непосредственнымъ представителемъ. Сфера великаго поэта иная — и вотъ почему никто не имѣетъ права извлекать его изъ этой сферы. Прусакъ Штейнъ, какъ министръ, былъ несравненно выше министра и тайнаго совѣтника фонъ Гёте, и всякая политическая параллель между этими двумя людьми невозможна. Но кто изъ самыхъ предубѣжденныхъ людей не сознается, что поэтъ Гёте, въ самомъ практическомъ смыслѣ слова, оказался для человѣчества благодѣтельнѣе благодѣтельнаго и благороднаго Штейна? Милліоны людей, въ своемъ внутреннемъ мірѣ, были просвѣтлены, развиты и направлены на добро поэзіею Гёте, милліоны людей были одолжены этой поэзіи, этому истинному *слову нашего вѣка*, полезнѣйшими и сладкими часами своей жизни. Милліоны отдѣльныхъ нравственныхъ хаосовъ сплотились въ стройный міръ черезъ магическія поученія поэта-философа, и его безмѣрное вліяніе на умы современниковъ съ годами отразится во всей жизни Гер-

Digitized by Google

манія, будетъ ли она единою или раздробленною Германію. Вслѣдствіе всего сейчасъ сказаннаго, выходка Карлейля совершенно справедлива, не взирая на ея грубость. Великій поэтъ есть всегда великій просвѣтитель, и поэзія есть солнце нашего внутренняго міра, которое, по видимому, не дѣлаетъ никакихъ добрыхъ дѣлъ, никому не даетъ ни гроша, а между тѣмъ живитъ своимъ свѣтомъ всю вселенную.

Величіе и значеніе истинной поэзіи (хотя бы и не міровой, хотя бы и не великой); нигдѣ не сказывается такъ ясно, такъ осязательно, какъ въ литературѣ народовъ еще молодыхъ или только что пробуждающихся отъ долгаго мысленнаго бездѣйствія. Въ обществахъ созрѣвшихъ, много извѣдавшихъ и во многомъ просвѣтленныхъ опытомъ долгихъ лѣтъ, жажда къ поэтическому слову бываетъ сдержана въ границахъ, нарушить которыя можетъ лишь вліяніе истиннаго генія или могучаго провозвѣстника новыхъ истинъ. Въ этихъ обществахъ и сильные таланты старѣются, забываются потомствомъ и переходятъ въ достояніе однихъ библіофиловъ: причина тому весьма понятна — ни звѣздъ ни луны не видать тамъ, гдѣ свѣтитъ солнце. Но въ обществахъ юныхъ мы видимъ совсѣмъ противное: тамъ поэты долговѣчны, тамъ таланту воздается все должное и весьма часто больше чѣмъ должное. Поглядите, напримѣръ, какою безконечною, непрерывною популярностью пользуются въ Америкѣ Лонгфелло, поэтъ весьма не громаднаго разбора, Вашингтонъ Ирвингъ, писатель истинно поэтическій, но никакъ не геніальный, господа Ситсфильдъ и Мельвилль, едва-едва извѣстные европейскому читателю. Этихъ людей американецъ не только уважаетъ, но обожаетъ, ихъ онъ наивно сравниваетъ съ первыми геніями Англіи, Германіи и Италіи. И гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ правъ, и все молодое общество, въ которомъ онъ родился, совершенно право въ своей безмѣрной жаждѣ ко всякому новому слову въ дѣлѣ родной поэзіи. Люди, нами названные, не геніи, все ими написанное — ничто передъ одною изъ драмъ Шекспира, но они отвѣчаютъ потребностямъ своей родины, они вносятъ свой, хотя бы и не сильный, свѣтъ въ потемки внутренняго міра своихъ согражданъ, они истолковываютъ слушателямъ своимъ поэзію и правду жизни, ихъ охватывающей, и вотъ ихъ лучшая слава, вотъ ихъ постоянный дипломъ на долговѣчность!

Не тоже ли видимъ мы и у насъ въ Россіи? Въ нашей несложившейся, расплывшейся по журналамъ, подражательной и зараженной множествомъ пороковъ литературѣ, ни одно произ-

Digitized by Google

веденіе, отмѣченное печатью настоящей поэзіи, не пропадетъ и не пропадало.

У насъ, при всей нашей вѣтренности, даже при временной модѣ вести родословную искусства со вчерашняго дня, все истинно поэтическое — и, стало быть, мудрое, — не старѣетъ и кажется лишь вчера написаннымъ. Пушкинъ, Гоголь и Кольцовъ, эта поэтическая тріада, охватывающая собой поэзію самыхъ разносторонннхъ явленій русскаго общества, не только не поблекли для нашего времени, но живутъ и дѣйствуютъ со всей силою никогда не умирающаго факта. Предположите на одну минуту (трудное предположеніе!) что наши мыслящіе люди, вдругъ позабыли все, чему ихъ научили три поэта, сейчасъ нами названные, и страшно вообразить себѣ какой мракъ будетъ неразлученъ съ такимъ забвеніемъ! Иначе и быть не можетъ: не даромъ современное общество цѣнитъ поэтовъ и слова, произнесенныя истинными поэтами, нашими просвѣтителями. Сильный поэтъ есть постоянный просвѣтитель своего края, просвѣтитель тѣмъ болѣе драгоцѣнный, что онъ никогда не научитъ худому, никогда не дастъ намъ правды, которая неполна и со временемъ можетъ стать неправдою. Въ періодъ тревожной практической дѣятельности, при столкновеніи научныхъ и политическихъ теорій, въ эпохи сомнѣнія или отрицанія — важность и величіе истинныхъ поэтовъ возрастаютъ наперекоръ всѣмъ кажущимся препятствіямъ. На нихъ общество, въ полномъ смыслѣ слова, устремляетъ «свои полныя ожиданія очи», и устремляетъ ихъ вовсе не потому, чтобъ ждало отъ поэтовъ разгадки на свои сомнѣнія, или направленія для своей практической дѣятельности. Общество вовсе не питаетъ такихъ неисполнимыхъ фантазій, и никогда не дастъ поэту роли какого нибудь законодателя въ сферѣ своихъ обыденныхъ интересовъ. Но оно дастъ ему вѣру и власть въ дѣлахъ своего внутренняго міра, и не ошибается въ своемъ довѣріи. Послѣ всякаго истинно художественнаго созданія оно чувствуетъ, что получило урокъ, самый сладкій изъ уроковъ, урокъ въ одно и тоже время прочный и справедливый. Общество знаетъ, хотя и смутно, что плоды такого урока не пропадутъ и не истлѣютъ, но перейдутъ въ его вѣчное и дѣйствительно потомственное достояніе. Тутъ-то и заключается причина того, почему холодность къ дѣлу поэзіи есть вещь не нормальная въ развитомъ членѣ юнаго общества, а жалкая идіосинкразія, нравственная болѣзнь, признакъ самый неутѣшительный. Когда человѣкъ, по видимому, разумный, говоритъ во всеуслышаніе, что ему нѣтъ дѣла до созданій искусства и что ему въ об-

Digitized by Google

ществѣ нужны только званіе и благосостояніе, онъ или заблуждается печальнымъ образомъ, или прикрываетъ свою собственную идіосинкразію хитросплетенными фразами. Развѣ не сказалъ намъ одинъ изъ величайшихъ германскихъ мыслителей: «искусство пересоздаетъ человѣка и, воспитывая отдѣльныя единицы, изъ которыхъ состоитъ общество, представляетъ собою вѣрный рычагъ всѣхъ общественныхъ усовершенствованій. Оно освѣщаетъ путь къ знанію и благосостоянію, оно просвѣтляетъ внутренній міръ избранныхъ личностей и, дѣйствуя на нихъ, благодѣтельствуетъ всему свѣту, который двигается впередъ лишь идеями и усиліями немногихъ избранныхъ личностей».

То что вѣрно относительно первыхъ поэтовъ Россіи, точно также вѣрно относительно ихъ послѣдователей. Ни одинъ истинный талантъ у насъ никогда не пропадалъ безъ вниманія. Всякій человѣкъ, когда либо написавшій одну честную и поэтическую страницу, знаетъ очень хорошо, что эта страница жива въ памяти каждаго развитаго современника. Эта жадность къ поэтическому слову, эта страстная встрѣча достойныхъ созданій искусства у насъ давно не новость, хотя о нихъ еще никогда не было писано. Чѣмъ болѣе молодое наше общество рвется къ просвѣщенію, тѣмъ горячее оно въ своихъ отношеніяхъ къ талантамъ. Въ настоящіе года, вся читающая Россія, при всѣхъ своихъ дѣловыхъ стремленіяхъ, жаждетъ истинныхъ созданій искусства, какъ нива въ жаркій день жаждетъ живительной влаги. Какъ нива, она поглощаетъ въ себя каждую росинку, каждую каплю освѣжительнаго дождя, какъ бы ни непродолжителенъ былъ этотъ дождикъ. Общество смутно, очень смутно понимаетъ, что внутренній міръ человѣка, тотъ міръ, на который дѣйствуютъ всѣ истинные поэты и художники, есть основа всего въ здѣшнемъ свѣтѣ, и что до той поры, пока нашъ собственный внутренній міръ не будетъ смягченъ и озаренъ просвѣщеніемъ, всѣ наши стремленія впередъ будутъ не движеніемъ прогресса, а страдальческими движеніями больного, безъ толку ворочающагося въ своей постели. Такимъ-то образомъ масса русскихъ мыслящихъ людей инстинктивно угадываетъ ту истину, которой Гёте и Шиллеръ такъ благотворно и такъ усердно служили въ періодъ своей дружбы и совокупной дѣятельности, «Bildet, ihr könnt es, dafür freier zu Menschen euch aus!» Извольте жь послѣ этого говорить что «въ наше время движенія изящная литература должна стоять на второмъ планѣ!»

Лучшимъ опроверженіемъ сейчасъ приведеннаго и все еще недостаточно осмѣяннаго парадокса служитъ настоящій 1859 годъ

Digitized by Google

и литературныя дѣла настоящаго года. Въ началѣ его появилось въ нашихъ журналахъ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній, конечно не шекспировскихъ и даже не пушкинскихъ, но произведеній честныхъ и поэтическихъ. Во всей Европѣ, гдѣ никогда и никто не отодвигалъ на задній планъ созданій искусства, эти произведенія имѣли бы почетный, спокойный успѣхъ; очень завидный, но не поразительный и не шумливый. У насъ же, вслѣдствіе сейчасъ сказаннаго парадокса, имъ бы слѣдовало тотчасъ же отойти на второй планъ и развлекать собой досуги барышенъ или праздная люда, но то ли вышло? Успѣхъ «Дворянскаго Гнѣзда» оказался такимъ, какого мы за много лѣтъ не упомнимъ. Небольшимъ романомъ г. Тургенева зачитывались до изступленія, онъ проникъ повсюду и сдѣлался такимъ популярнымъ, что не читать «Дворянскаго Гнѣзда» было непозволительнымъ дѣломъ. Его ждали нѣсколько мѣсяцевъ и кинулись на него, какъ на давно ожидаемое сокровище. Но положимъ «Дворянское Гнѣздо» появилось въ январѣ мѣсяцѣ, мѣсяцѣ новостей, толковъ и такъ далѣе, романъ вышелъ въ свѣтъ во всей цѣлости, при всѣхъ наиблагопріятнѣйшихъ условіяхъ для его оцѣнки. Но вотъ «Обломовъ» г. Гончарова. Трудно пересчитать всѣ шансы, собранные противъ этого художественнаго созданія. Оно печаталось помѣсячно, стало быть перерывалось три или четыре раза. Первая часть, всегда такъ важная, особенно важная при печатаніи романа въ раздробленномъ видѣ, была слабѣе всѣхъ остальныхъ частей. Въ этой первой части авторъ согрѣшилъ тѣмъ, чего, по видимому, никогда не прощаетъ читатель, бѣдностью дѣйствія; всѣ прочли первую часть, замѣтили ея слабую сторону, а между тѣмъ продолженіе романа, такъ богатое жизнью и такъ мастерски построенное, еще лежало въ типографіи! Люди, знавшіе весь романъ, восхищенные имъ до глубины души, въ теченіи долгихъ дней трепетали за г. Гончарова; что же долженъ былъ перечувствовать самъ авторъ, пока рѣшилась судьба книги, которую онъ болѣе десяти лѣтъ носилъ въ своемъ сердцѣ? Но опасенія были напрасны. Жажда свѣта и поэзіи взяла свое въ молодомъ читающемъ мірѣ. Наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, «Обломовъ» побѣдоносно захватилъ собою всѣ страсти все вниманіе, всѣ помыслы читателей. Въ какихъ-то пароксизмахъ наслажденія всѣ грамотные люди прочли «Обломова». Толпы людей какъ будто чего-то ждавшихъ, шумно кинулись къ «Обломову». Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что, въ настоящую минуту, во всей Россіи нѣтъ ни одного малѣйшаго, безуѣзднаго, заштатнѣйшаго города, гдѣ бы не читали «Обломова», не хвалили

Digitized by Google

«Обломова», не спорили объ «Обломовѣ». Почти въ одно время съ романомъ г. Гончарова въ Англіи появился «Адамъ Бидъ», романъ Элліота, человѣка тоже высоко талантливаго, энергическаго и предназначеннаго на великую роль въ литературѣ, да сверхъ всего человѣка совсѣмъ новаго. «Адамъ Бидъ» имѣлъ огромный успѣхъ, но сравните этотъ спокойный, магистральный успѣхъ съ восторгами, произведенными «Обломовымъ», и вы не пожалѣете о долѣ русскихъ писателей. Даже въ матеріальныхъ выгодахъ успѣха г. Гончаровъ чуть ли не опередилъ счастливаго англичанина. Если все это значитъ «отодвигать искусство на задній планъ» — то дай Богъ, чтобы русское искусство и русскіе поэты подолѣе оставались на такомъ для нихъ выгодномъ заднемъ планѣ!

Постараемся же, по мѣрѣ силъ нашихъ, разъяснить, до нѣкоторой степени, причину необыкновеннаго успѣха «Обломова». Трудъ нашъ не будетъ трудомъ очень тяжелымъ — романъ такъ извѣстенъ всякому, что анализировать его и знакомить читателя съ его содержаніемъ, дѣло совершенно безполезное. Объ особенностяхъ г. Гончарова, какъ писателя съ высокимъ поэтическимъ значеніемъ, мы тоже говорить многаго не въ состояніи — нашъ взглядъ на него уже высказанъ нами года четыре тому назадъ, въ «Современникѣ», по поводу книги нашего автора «Русскіе въ Японіи». Рецензія, о которой мы упоминаемъ, въ свое время возбудила сочувствіе знатоковъ русской литературы и до сихъ поръ еще не устарѣла, по крайней мѣрѣ мы, и весьма недавно, встрѣчали изъ нея не одинъ отрывокъ въ позднѣйшихъ отзывахъ о трудахъ Гончарова.

Въ писателѣ, подарившемъ нашей словесности «Обыкновенную Исторію», и «Обломова», — мы всегда видѣли и видимъ теперь одного изъ сильнѣйшихъ современныхъ русскихъ художниковъ — съ такимъ сужденіемъ, безъ сомнѣнія, согласится всякій человѣкъ, умѣющій съ толкомъ читать по русски. Объ особенностяхъ гончаровскаго дарованія тоже большихъ споровъ быть не можетъ. Авторъ «Обломова», вмѣстѣ съ другими первоклассными представителями родного искусства, — есть художникъ чистый и независимый, художникъ по призванію и по всей цѣлости того, что имъ сдѣлано. Онъ реалистъ, но его реализмъ постоянно согрѣтъ глубокой поэзіею; по своей наблюдательности и манерѣ творчества, онъ достоинъ быть представителемъ самой натуральной школы, между тѣмъ какъ его литературное воспитаніе и вліяніе поэзіи Пушкина, любимѣйшаго изъ его учителей — навѣки отдаляютъ отъ г. Гончарова самую возможность *безплодной* и сухой нату-

Digitized by Google

ральности. Въ нашей рецензіи, о которой упоминалось выше, мы проводили подробную параллель между талантомъ Гончарова и талантами первоклассныхъ живописцовъ фламандской школы, параллель, какъ намъ и теперь кажется, даетъ вѣрный ключь къ уразумѣнію заслугъ, достоинствъ и даже недостатковъ нашего автора. Подобно фламандцамъ, г. Гончаровъ національненъ, неотступенъ въ разъ принятой задачѣ и поэтиченъ въ малѣйшихъ подробностяхъ созданія. Подобно имъ, онъ крѣпко держится за окружающую его дѣйствительность, твердо вѣруя, что нѣтъ въ мірѣ предмета, который не могъ бы быть возведенъ въ поэтическое представленіе силой труда и дарованія. Какъ художникъ фламандецъ, г. Гончаровъ не путается въ системахъ и не рвется въ области ему чуждыя. Какъ Доу, Ванъ деръ-Пээръ и Остадъ, онъ знаетъ, что ему незачѣмъ ходить далеко за предметами творчества. Простой и даже какъ будто скупой на вымыселъ, подобно тремъ сейчасъ нами названнымъ великимъ людямъ, г. Гончаровъ, подобно имъ, не выдастъ всей своей глубины поверхностному наблюдателю. Но подобно имъ, онъ является глубже и глубже съ каждымъ внимательнымъ взглядомъ, подобно имъ, онъ ставитъ передъ наши глаза цѣлую жизнь данной сферы, данной эпохи и даннаго общества, — для того, чтобъ, подобно имъ же, навсегда остаться въ исторіи искусства и освѣщать яркимъ свѣтомъ моменты дѣйствительности, имъ уловленной.

Не смотря на нѣкоторыя несовершенства выполненія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, — не взирая на видимое всѣмъ несогласіе первой части романа со всѣми послѣдующими, лицо Ильи Ильича Обломова, вмѣстѣ съ міромъ его окружающимъ — какъ нельзя болѣе подтверждаетъ собой все нами сейчасъ сказанное о дарованіи г. Гончарова. Обломовъ и Обломовщина: эти слова не даромъ облетѣли всю Россію и сдѣлались словами навсегда укоренившимися въ нашей рѣчи. Они разъяснили намъ цѣлый кругъ явленій современнаго намъ общества, они поставили передъ нами цѣлый міръ идей, образовъ и подробностей, еще недавно намъ не вполнѣ сознанныхъ, являвшихся намъ какъ будто въ туманѣ. Силой своего труда человѣкъ съ глубокимъ поэтическимъ дарованіемъ сдѣлалъ для извѣстнаго отдѣла нашей современной жизни то, что сдѣлали родственные ему фламандцы со многими сторонами своей родной дѣйствительности. Обломова изучилъ и узналъ цѣлый народъ, по преимуществу богатый обломовщиной, — и мало того, что узналъ, но полюбилъ его всѣмъ сердцемъ, потому что невозможно узнать Обломова и не полюбить его глубоко. Напрасно

Digitized by Google

и до сей поры многія нѣжныя дамы смотрятъ на Илью Ильича какъ на существо достойное посмѣянія, — напрасно многіе люди съ черезчуръ практическими стремленіями усиливаются презирать Обломова и даже звать его улиткою: весь этотъ строгій судъ надъ героемъ показываетъ одну поверхностную и быстропреходящую придирчивость. Обломовъ любезенъ всѣмъ намъ и стоитъ безпредѣльной любви — это фактъ, и противъ него спорить невозможно. Самъ его творецъ безпредѣльно преданъ Обломову и въ этомъ вся причина глубины его созданія. Обвинить Обломова за его обломовскія качества, не значитъ ли тоже, что сердиться на то, зачѣмъ добрыя и пухлыя лица фламандскихъ бургомистровъ, на фламандскихъ картинахъ, не украшены черными глазами неаполитанскихъ рыбаковъ или римлянъ изъ Трастевере? Метать громы на общество, рождающее Обломовыхъ, по нашему мнѣнію тоже самое, что сердиться за недостатокъ снѣговыхъ горъ въ картинахъ Рюйздаля. Развѣ мы не видимъ съ разительной ясностью, что въ этомъ дѣлѣ вся сила поэта порождена его твердымъ, неуклоннымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, помимо всѣхъ прикрасъ и сантиментальностей? Крѣпко держась за дѣйствительность и разработывая ее до глубины еще никѣмъ непзвѣданной, творецъ «Обломова» и добился до всего, что истинно, поэтично и вѣковѣчно въ его созданіи. Скажемъ болѣе, черезъ свой фламандскій, неотступный трудъ онъ далъ намъ ту любовь къ своему герою, про которую мы говорили и говорить будемъ. Не спустись г. Гончаровъ такъ глубоко въ нѣдра обломовщины, таже обломовщина, въ ея неполной разработкѣ, могла бы намъ показаться грустною, бѣдною, жалкою, достойною пустого смѣха. Теперь, надъ обломовщиной можно смѣяться, но смѣхъ этотъ полонъ чистой любви и честныхъ слезъ, — о ея жертвахъ можно жалѣть, но такое сожалѣніе будетъ поэтическимъ и свѣтлымъ, ни для кого не унизительнымъ, но для многихъ высокимъ и мудрымъ сожалѣніемъ.

Новый романъ г. Гончарова, какъ это извѣстно всякому, кто прочелъ его въ «Отечественныхъ Запискахъ», распадается на два неровные отдѣла. Подъ первою частью его, если не ошибаемся, подписанъ 1849 годъ, подъ остальными тремя 1857 и 58. И такъ почти десять лѣтъ отдѣляютъ первоначальный, многотрудный и еще не вполнѣ выискавшійся самыслъ отъ его зрѣлаго осуществленія. Между Обломовымъ, который безжалостно мучитъ своего Захара, и Обломовымъ, влюбленнымъ въ Ольгу, можетъ, лежитъ цѣлая пропасть, которой никто не въ силахъ уничтожить. На сколько Илья Ильичъ, валяющійся на диванѣ между Алексѣевымъ

Digitized by Google

и Тарантьевымъ, кажется намъ заплеснѣвшимъ и почти гадкимъ, па столько тотъ же Илья Ильичъ, самъ разрушающій любовь избранной имъ женщины и плачущій надъ обломками своего счастія, глубокъ, трогателенъ и симпатиченъ въ своемъ грустномъ комизмѣ. Черты, лежащія между этими двумя героями, нашъ авторъ не былъ въ силахъ сгладить. Всѣ его старанія въ этой части пропали даромъ — какъ всѣ художники по натурѣ, нашъ авторъ безсиленъ вездѣ, гдѣ требуется *дѣланая* работа: то есть сглаживанія, притягиванія, объясненія, однимъ словомъ то, что легко дается талантамъ обыкновеннымъ. Поработавъ и тяжело поработавъ надъ невозможно задачею, г. Гончаровъ наконецъ убѣдился, что ему не сгладить черты нами указанной, не загрузить пропасти, лежащей между двумя Обломовыми. На пропасти этой лежала одна planche de salut, одна переходная доска: неподражаемый Сонъ Обломова. Всѣ усилія прибавить къ ней что нибудь оказались тщетными, пропасть оставалась прежней пропастью. Убѣдясь въ этомъ авторъ романа махнулъ рукой и подписалъ подъ первою частью романа все объясняющую цифру 49 года. Этимъ онъ высказалъ свое положеніе и откровенно отдавалъ себя, какъ художника на судъ публики. Успѣхъ «Обломова» былъ ему отвѣтомъ — читатель прощалъ несовершенства частныя за наслажденія, доставленныя ему цѣлымъ твореніемъ. Не будемъ же и мы чрезмѣрно взыскательными, а лучше воспользуемся распаденіемъ романа на двѣ части, чтобы по обѣимъ прослѣдить любопытный процессъ творчества, выданный намъ по поводу самого Обломова и обломовщины, его окружающей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первыя отношенія поэта къ могущественному типу, завладѣвшему всѣми его помыслами, — были вначалѣ далеко не дружественными отношеніями. Не ласку и не любовь встрѣтилъ Илья Ильичъ, еще не созрѣлый, еще не живой Илья Ильичъ, въ душѣ своего художника. Время передъ 1849 годомъ не было временемъ поэтической независимости и безпристрастія во взглядахъ при всей самостоятельности г. Гончарова, онъ все же былъ писателемъ и сыномъ своего времени. Обломовъ жилъ въ немъ, занималъ его мысли, но еще являлся своему поэту въ видѣ явленія отрицательнаго, достойнаго казни и по временамъ почти ненавистнаго. Во всѣхъ первыхъ главахъ романа, до самаго «Сна», г. Гончаровъ откровенно выводитъ передъ нами того героя, который ему сказывался прежде, того Илью Ильича, который представлялся ему какъ уродливое явленіе уродливой русской жизни. Этотъ Обломовъ embrio достаточно обработанъ, достаточно объективенъ для того, чтобъ дѣйствовать на

Digitized by Google

два или на три тома, достаточно вѣренъ для того, чтобъ освѣтить собою многія темныя стороны современнаго общества, но, Боже мой, какъ далекъ онъ теперешняго, сердцу милаго Обломова, этотъ засаленный, нескладный кусокъ мяса, носящій тоже имя Обломова въ первыхъ главахъ романа! Какимъ эгоизмомъ безобразнаго холостяка пропитано это существо, какъ оно мучитъ всѣхъ его окружающихъ, какъ оскорбительно-равнодушно оно ко всему унизительному, какъ лѣниво-враждебно къ тому, что только выходитъ изъ его узенькой сферы. Злая и противная сторона обломовщины исчерпана вся, — но гдѣ же ея, въ послѣдствіи проявившаяся, поэзія, гдѣ ея кротость, гдѣ ея комическая грація, гдѣ ея откровенное сознаніе своихъ слабостей, гдѣ ея примиряющая сторона, успокоивающая сердце и, такъ сказать, узаконяющая незаконнос? Въ 1849 году при дидактическихъ стремленіяхъ словесности и при крайне стѣсненной возможности проявлять эти стремленія — Обломовъ embrio могъ бы восхитить собой читателя и цѣнителя. Какіе громы метались бы на него критиками, какіе сумрачные толки раздались бы о средѣ, рождающей Обломовыхъ! Г. Гончаровъ могъ бы явиться обличителемъ тяжкихъ недуговъ общественныхъ, ко всеобщему удовольствію и даже къ небольшой пользѣ людей, стремящихся полиберальничать, не подвергаясь большой опасности, и показать кукишъ обществу въ надеждѣ на то, что кукишъ этотъ именно не будетъ примѣченъ тѣми, кто не любитъ показанныхъ кукишей. Но подобнаго успѣха нашему автору было бы слишкомъ мало. Отталкивающій и непросвѣтленный поэзіею Обломовъ не удовлетворялъ идеалу, столько времени имъ носимому въ сердцѣ. Голосъ поэзіи говорилъ ему: — иди дальше и ищи глубже.

«Сонъ Обломова» — этотъ великолѣпнѣйшій эпизодъ, который останется въ нашей словесности на вѣчныя времена, былъ первымъ, могущественнымъ шагомъ къ уясненію Обломова съ его обломовщиной. Романистъ, жаждущій разгадки вопросамъ, занесеннымъ въ его душу его же созданіемъ, — потребовалъ отвѣта на эти вопросы; за отвѣтами обратился онъ къ тому источнику, къ которому ни одинъ человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ не обращается напрасно. Ему надобно было наконецъ узнать, изъ-за какой же причины Обломовъ владѣетъ его помыслами, отчего ему милъ Обломовъ, изъ-за чего онъ недоволенъ первопачальнымъ объективно-вѣрнымъ, но неполнымъ, не высказывающимъ его помысловъ Обломовымъ. Конечнаго слова на свои колебанія г. Гончаровъ сталъ выспрашивать у поэзіи русской жизни, у своихъ

Digitized by Google

воспоминаній дѣтства, и разъясняя прошлую жизнь своего героя, со всей свободою погрузился въ ту сферу, которая ее окружала. Слѣдомъ за Пушкинымъ, своимъ учителемъ, по примѣру Гоголя, своего старшаго товарища, онъ ласково отнесся къ жизни дѣйствительной и отнесся не напрасно. «Сонъ Обломова» не только освѣтилъ, уяснилъ и разумно опоэтизировалъ все лицо героя, но еще тысячью невидимыхъ скрѣпъ связалъ его съ сердцемъ каждаго русскаго читателя. Въ этомъ отношеніи «Сонъ», самъ по себѣ разительный какъ отдѣльное художественное созданіе, еще болѣе поражаетъ своимъ значеніемъ во всемъ романѣ. Глубокій по чувству, его внушившему, свѣтлый по смыслу въ немъ заключенному онъ въ одно время и поясняетъ и просвѣтляетъ собою то типическое лицо, въ которомъ сосредоточивается интересъ всего произведенія. Обломовъ, безъ своего «Сна», былъ бы созданіемъ неоконченнымъ, не роднымъ всякому изъ насъ, какъ теперь,— «Сонъ» его разъясняетъ всѣ наши недоумѣнія, и не давая намъ ни одного голаго толкованія, повелѣваетъ намъ понимать и любить Обломова. Нужно ли говорить о чудесахъ тонкой поэзіи, о лучезарномъ свѣтѣ правды, съ помощью которыхъ происходитъ это сближеніе между героемъ и его цѣнителями? Тутъ нѣтъ ничего лишняго, тутъ не найдете вы неясной черты, или слова сказаннаго попусту, всѣ мелочи обстановки необходимы, всѣ законны и прекрасны. Описимъ Сусловъ, на крыльцо котораго можно было попасть не иначе, какъ ухватясь одной рукой за траву, а другою за кровлю избы — любезенъ намъ и необходимъ въ этомъ дѣлѣ уясненія. Заспанный челядинецъ, дующій съ просонья на квасъ, въ которомъ сильно шевелятся утопающія мухи, и собака, признанная бѣшеною за то только, что бросилась бѣжать отъ людей, собравшихся на нее съ вилами и топорами, и няня, засыпающая послѣ жирнаго обѣда съ предчувствіемъ, что Ильюша пойдетъ затрогивать козла и лазить на галлерею, и сотня другихъ обворожительныхъ, міерповскихъ подробностей здѣсь необходимы, ибо содѣйствуютъ цѣлости и высокой поэзіи главной задачи. Тутъ сродство г. Гончарова съ фламандскими мастерами бьетъ въ глаза, сказывается во всякомъ образѣ. Или для праздной потѣхи всякіе художники, нами вспомянутые, громадили на свое полотно множество мелкихъ деталей? или по бѣдности воображенія они тратили жаръ цѣлаго творческаго часа надъ какой нибудь травкою, луковицей, болотной кочкой, на которую падаетъ лучь заката, кружевнымъ воротничкомъ на камзолѣ тучнаго бургомистра? Если такъ, — то отчего же они велики, почему они поэтичны, почему

Digitized by Google

детали ихъ созданій слиты съ цѣлостью впечатлѣнія, не могутъ быть оторваны отъ идеи картины? Какъ же произошло, что эти истинные художники, такъ зоркіе на поэзію, до такой степени освѣтившіе, опоэтизировавшіе жизнь своего родного края, бросались въ мелочи, сидѣли надъ подробностями? Видно, въ названныхъ нами мелочахъ и подробностяхъ таилось нѣчто большее, чѣмъ о томъ думаетъ иной близорукій составитель хитрыхъ теорій. Видно, трудъ надъ деталями былъ необходимъ и важенъ для уловленія тѣхъ высшихъ задачъ искусства, на которыхъ все зиждется, отъ которыхъ все питается и выростаетъ. Видно, творя малую частность, художникъ не даромъ отдавался ей всей душою своею, и должно быть творческій духъ его отражался во всякой подробности мощнаго произведенія, такъ какъ солнце отражается въ малой каплѣ воды — по словамъ оды, которую мы учили наизустъ еще ребятишками.

И такъ «Сонъ Обломова» разширилъ, узакопилъ и уяснилъ собою многознаменательный типъ героя, — но этого еще не было достаточно для полноты созданія. Новымъ и послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ въ процессѣ творчества было созданіе Ольги Ильинской, — созданіе до того счастливое, что мы, не обинуясь, назовемъ первую мысль о немъ краеугольнымъ камнемъ всей обломовской драмы, самой счастливой мыслью во всей артистической дѣятельности нашего автора. Даже оставивши въ сторонѣ всю прелесть исполненія, всю художественность, съ которою обработано лицо Ольги — мы не найдемъ достаточныхъ словъ, чтобъ высказать все благотворное вліяніе этого персонажа на ходъ романа и развитіе типа Обломова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, давая отчетъ о «Рудинѣ» г. Тургенева, мы имѣли случай замѣтить, что типы въ родѣ Рудина не поясняются любовью, — теперь приходится перевернуть нашу сентенцію и объявить, что Обломовы выдаютъ всю прелесть, всю слабость и весь грустный комизмъ своей натуры именно черезъ любовь къ женщинѣ. Безъ Ольги Ильинской и безъ ея драмы съ Обломовымъ не узнать бы намъ Ильи Ильича такъ, какъ мы его теперь знаемъ, безъ Ольгина взгляда на героя мы до сихъ поръ не глядѣли бы на него надлежащимъ образомъ. Въ сближеніи этихъ двухъ основныхъ лицъ произведенія все въ высшей степени естественно, каждая подробность удовлетворяетъ взыскательнѣйшимъ требованіямъ искусства, — а между тѣмъ сколько психологической глубины и мудрости черезъ него развивается передъ нами! Какъ живитъ и наполняетъ всѣ наши представленія объ Обломовѣ эта юная, горделиво-смѣлая дѣ-

Digitized by Google

вушка, какъ сочувствуемъ мы стремленію всего ея существа къ этому незлобивому чудаку, отдѣлившемуся отъ окружающаго его міра, какъ страдаемъ мы ея страданіемъ, какъ надѣемся мы ея надеждами, даже зная и хорошо зная ихъ несбыточность. Г. Гончаровъ, какъ смѣлый знатокъ сердца, человѣческаго, съ первыхъ сценъ между Ольгой и ея первымъ избранникомъ, отдалъ большую долю интриги комическому элементу. Его безподобная, насмѣшливая, бойкая Ольга, съ первыхъ минутъ сближенія, видитъ всѣ смѣшныя особенности героя — не обманываясь нисколько, играетъ ими, почти наслаждается ими и обманывается только въ своихъ разсчетахъ на твердыя основы характера Обломова. Все это поразительно вѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло, потому что до сихъ поръ никто еще изъ поэтовъ не останавливался на великомъ значеніи нѣжно-комической стороны въ любовныхъ дѣлахъ, между тѣмъ, какъ эта сторона всегда существовала, вѣчно существуетъ и выказываетъ себя въ большей части нашихъ сердечныхъ привязанностей. Много разъ въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ намъ случалось слышать и даже читать выраженія недоумѣнія о томъ, «какъ могла умная и зоркая Ольга полюбить человѣка, неспособнаго перемѣнить квартиру и съ наслажденіемъ спящаго послѣ обѣда» — и, сколько мы можемъ припомнить, всѣ подобныя выраженія принадлежали лицамъ очень молодымъ, очень незнакомымъ съ жизнію. Духовный антагонизмъ Ольги съ обломовщиной, ея шутливое, затрогивающее отношеніе къ слабостямъ избранника, объясняется и фактами и существомъ дѣла. Факты сложились весьма естественно — дѣвушка, по натурѣ своей не увлекающаяся мишурой и пустыми свѣтскими юношами своего круга, заинтересована чудакомъ, о которомъ умный Штольцъ разсказалъ ей столько исторій любопытныхъ и смѣшныхъ, необыкновенныхъ и забавныхъ. Она сближается съ нимъ изъ любопытства, нравится ему отъ нечего дѣлать, можетъ быть вслѣдствіе невиннаго кокетства, а затѣмъ останавливается въ изумленіи передъ чудомъ, ею сдѣланнымъ.

Мы уже сказали, что нѣжная, любящая натура Обломовыхъ вся озаряется черезъ любовь — и можетъ ли быть иначе съ чистою, дѣтски ласковой русской душою, отъ которой даже ея лѣность отгоняла растлѣніе съ искушающими помыслами. Илья Ильичъ высказался вполнѣ черезъ любовь свою, и Ольга, зоркая дѣвушка, не осталась слѣпа передъ тѣми сокровищами, что передъ ней открылись. Вотъ факты внѣшніе, а отъ нихъ лишь одинъ шагъ до самой существенной истины романа. Ольга поняла Обло-

Digitized by Google

мова ближе, чѣмъ понялъ его Штольцъ, ближе, чѣмъ всѣ лица, ему преданныя. Она разглядѣла въ немъ и нѣжность врожденную, и чистоту нрава, и русскую незлобивость, и рыцарскую способность къ преданности, и рѣшительную неспособность на какое нибудь нечистое дѣло, и наконецъ — чего забывать не должно — разглядѣла въ немъ человѣка оригинальнаго, забавнаго, но чистаго и нисколько не презрѣннаго въ своей оригинальности. Разъ ставши на эту точку, художникъ дошелъ до такой занимательности дѣйствія, до такой прелести во всемъ ходѣ событій, что неудавшаяся, печально кончившаяся любовь Ольги и Обломова стала и навсегда останется однимъ изъ обворожительнѣйшихъ эпизодовъ во всей русской литературѣ. Кто изъ стариковъ не зачитывался этихъ страницъ, кто изъ воспріимчивыхъ юношей при чтеніи ихъ не чувствовалъ горячихъ слезъ на своихъ глазахъ? И какими простыми, часто какими комическими средствами достигнутъ такой небывалый результатъ! Какой страхъ, соединенный съ улыбкою, возбуждаютъ въ насъ эти безконечно-разнообразныя проявленія обломовщины въ борьбѣ съ истинной, дѣятельной жизнью сердца! Мы знаемъ, что время обновленія упущено, что не Ольгѣ дано поднять Обломова, а между тѣмъ, при всякой коллизіи въ ихъ драмѣ, сердце наше замираетъ отъ неизвѣстности. Чего мы не перечувствовали при всѣхъ перипетіяхъ этой страсти, начиная хоть отъ той минуты, когда Илья Ильичъ, глядя на Ольгу, такъ какъ глядитъ на нее нянька Кузьминишна, — важно толкуетъ о томъ, что нехорошо и опасно видаться наединѣ, — до его страшнаго, послѣдняго свиданія съ дѣвушкой и до ея послѣднихъ словъ: «что сгубило тебя? нѣтъ имени этому злу!» Чего только нѣтъ въ этомъ промежуткѣ, въ этой борьбѣ свѣта и тѣни — отдающей намъ всего Обломова и сближающей его съ нами такъ, что мы мучимся за него, когда онъ, охая и скучая, пробирается въ оперу съ Выборгской стороны, — и озаряемся радостью въ тѣ минуты, когда въ его обломовскомъ, запыленномъ гнѣздѣ, при отчаянномъ лаѣ скачущей на цѣпи собаки, вдругъ является неожиданное видѣніе (добраго ангела.) Передъ сколькими частностями означеннаго эпизода добродушнѣйшій смѣхъ овладѣваетъ нами, и овладѣваетъ за тѣмъ, чтобъ тотчасъ же смѣниться ожиданіемъ, грустью, волненіемъ, горькимъ соболѣзнованіемъ къ слабому! Вотъ къ чему ведетъ насъ рядъ художественныхъ деталей, начавшійся еще со сна Обломова. Вотъ гдѣ является истинный смѣхъ сквозь слезы, — тотъ смѣхъ, который сталъ было намъ ненавистенъ, — такъ часто имъ прикрывались скандалезные стихотворцы и біографы нетрезвыхъ взя-

Digitized by Google

точниковъ! Выраженіе, такъ безжалостно опозоренное бездарными писателями, вновь получило для насъ свою силу: могущество истинной, живой поэзіи снова воротило къ нему наше сочувствіе.

Созданіе Ольги такъ полно, — и задача, ею выполненная въ романѣ, выполнена такъ богато, что дальнѣйшее поясненіе типа Обломова черезъ другіе персонажи становится роскошью, иногда ненужною. Однимъ изъ представителей этой излишней роскоши является намъ Штольцъ, которымъ, какъ кажется, недовольны многіе изъ почитателей г. Гончарова. Для насъ совершенно ясно, что это лицо было задумано и обдумано прежде Ольги, что на его долю, въ прежней идеѣ автора, падалъ великій трудъ *уясненія* Обломова и обломовщины путемъ всѣмъ понятнаго противоставленія двухъ героевъ. Но Ольга взяла все дѣло въ свои руки, къ истинному счастію автора и къ славѣ его произведенія. Андрей Штольцъ исчезъ передъ нею, какъ исчезаетъ хорошій, но обыкновенный мужъ передъ своей блистательно-одаренною супругою. Роль его стала незначительною, вовсе несоразмѣрною съ трудомъ и обширностью подготовки, какъ роль актера, цѣлый годъ готовившагося играть Гамлета и выступившаго передъ публику въ роли Лаэрта. Глядя на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы готовы осудить слишкомъ частое появленіе Штольца, очень же осуждать его, какъ живое лицо, мы неспособны точно также, какъ осуждать Лаэрта за то, что онъ не Гамлетъ. Мы не видимъ въ Штольцѣ ровно ничего несимпатическаго, а въ созданіи его ничего рѣзко несовмѣстнаго съ законами искусства: это человѣкъ обыкновенный и не мѣтящій въ необыкновенные люди, лицо вовсе не возводимое романистомъ въ идеалъ нашего времени, персонажъ, обрисованный съ излишнею копотливостью, которая все таки не даетъ намъ должной полноты впечатлѣнія. Весьма подробно и поэтично описывая намъ дѣтство Штольца, г. Гончаровъ такъ охлаждается къ періоду его зрѣлости, что даже не сообщаетъ намъ, какими именно предпріятіями занимается Штольцъ, и эта странная ошибка непріятно дѣйствуетъ на читателя, съ дѣтства своего привыкшаго глядѣть неласково на всякаго аферіста, котораго дѣловыя занятія покрыты мракомъ неизвѣстности. Еслибъ въ Штольцѣ предстояла великая надобность, еслибъ только черезъ него типъ Обломова былъ способенъ къ должному уясненію, мы не сомнѣваемся, что нашъ художникъ, при своей силѣ и зоркости, не отступилъ бы передъ разъ заданной темой, — но мы сказали уже, что созданіе Ольги далеко оттѣснило Штольца и его значеніе въ романѣ. Уясненіе черезъ рѣзкую противоположность двухъ несходныхъ мужскихъ ха-

Digitized by Google

рактеровъ стало ненужнымъ: сухой, неблагодарный контрастъ замѣнился драмой, полною любви, слезъ, смѣха и жалости. За Штольцомъ осталось только нѣкоторое участіе въ механическомъ ходѣ всей интриги, да еще его безпредѣльная любовь къ особѣ Обломова, въ какой, впрочемъ, у него много соперниковъ.

И въ самомъ дѣлѣ, окиньте весь романъ внимательнымъ взглядомъ, и вы увидите какъ много въ немъ лицъ, преданныхъ Ильѣ Ильичу, и даже обожающихъ его, этого кроткаго голубя, по выраженію Ольги. И Захаръ, и Анисья, и Штольцъ, и Ольга, и вялый Алексѣевъ, всѣ привлечены прелестью этой чистой и цѣльной натуры, передъ которою одинъ только Тарантьевъ можетъ стоять, не улыбаясь и не чувствуя на душѣ теплоты, — не подшучивая надъ ней и не желая ее приголубить. За то Тарантьевъ мерзавецъ, мазурикъ, комъ грязи, скверный булыжникъ сидитъ у него въ груди вмѣсто сердца, и Тарантьева мы ненавидимъ, такъ что явись онъ живой передъ нами, мы бы почли за наслажденіе побить его собственноручно. За то холодъ проникаетъ насъ до костей и гроза поднимается въ нашей душѣ въ ту минуту, когда послѣ описанія бесѣды Обломова съ Ольгой, послѣ седьмого неба поэзіи, мы узнаемъ, что въ креслахъ Илья Ильича сидитъ и ждетъ его прихода Тарантьевъ. Къ счастію, въ свѣтѣ немного Тарантьевыхъ и въ романѣ есть кому любить Обломова. Всякій почти изъ дѣйствующихъ лицъ любитъ его по своему, а эта любовь такъ проста, такъ необходимо вытекаетъ изъ сущности дѣла, такъ чужда всякаго разсчета или авторской натяжки! Но ничье обожаніе (даже считая тутъ чувства Ольги въ лучшую пору ея увлеченія), не трогаетъ насъ такъ, какъ любовь Агаѳьи Матвѣевны къ Обломову, той самой Агаѳьи Матвѣевны Пшеницыной, которая съ перваго своего появленія показалась намъ злымъ ангеломъ Ильи Ильича, — и увы! дѣйствительно сдѣлалась его злымъ ангеломъ. Агаѳья Матвѣевна, тихая, преданная, всякую минуту готовая умереть за нашего друга, дѣйствительно загубила его вконецъ, навалила гробовой камень надъ всѣми его стремленіями, ввернула его въ зіящую пучину на мигъ оставленной обломовщины, но этой женщинѣ все будетъ прощено за то, что она много любила. Страницы, въ которыхъ является намъ Агаѳья Матвѣевна, съ самой первой застѣнчивой своей бесѣды съ Обломовымъ, верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи, но нашъ авторъ, заключая повѣсть, переступилъ всѣ грани своей обычной художественности и далъ намъ такіе строки, отъ которыхъ сердце разрывается, слезы льются на книгу и душа зоркаго читателя улетаетъ въ область

Digitized by Google

такой поэзіи, что до сихъ поръ, изъ всѣхъ русскихъ людей, быть творцомъ въ этой области было дано одному Пушкину. Скорбь Агаѳьи Матвѣевны о покойномъ Обломовѣ, ея отношенія къ семейству и Андрюшѣ, наконецъ этотъ дивный анализъ ея души и ея прошлой страсти — все это выше самой восторженной оцѣнки. Тутъ въ рецензіи нужно одно какое нибудь короткое слово, одно восклицаніе сочувствія, — да можетъ быть выписка разительнѣйшихъ строкъ отрывка, выписка, годная на случай, еслибъ читатель пожелалъ освѣжить воспоминаніе обо всемъ эпизодѣ, не отмѣчивая книги и не теряя минуты на переворачиваніе ея листовъ.

«Вотъ она въ темномъ платьѣ, въ черномъ шерстяномъ платкѣ на шеѣ, ходитъ изъ комнаты въ кухню, какъ тѣнь, по прежнему отворяетъ и затворяетъ шкапы, шьетъ, гладитъ кружева, но тихо, безъ энергіи, говоритъ будто нехотя, тихимъ голосомъ, и не попрежнему смотритъ вокругъ безпечно-перебѣгающимъ съ предмета на предметъ глазами, а съ сосредоточеннымъ выраженіемъ, съ затаившимся внутреннимъ смысломъ въ глазахъ. Мысль эта сѣла невидимо на ея лицо, кажется, въ то мгновеніе, когда она сознательно и долго всматривалась въ мертвое лицо своего мужа, и съ тѣхъ поръ не покидала ея. Она двигалась по дому, дѣлала руками все, что было нужно, но мысль ея не участвовала тутъ. Надъ трупомъ мужа, съ потерею его, она, кажется, вдругъ уразумѣла свою жизнь и задумалась надъ ея значеніемъ и эта задумчивость навсегда легла тѣнью на ея лицо. Выплакавъ потомъ живое горе, она сосредоточилась на сознаніи о потерѣ: все прочее умерло для нея, кромѣ маленькаго Андрюши. Только когда видѣла она его, въ ней будто пробуждались признаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостнымъ свѣтомъ и потомъ заливались слезами воспоминаній. Она была чужда всего окружающаго: разсердится ли братецъ за напрасно-истраченный рубль, за подгорѣлое жаркое, за несвѣжую рыбу, надуется ли невѣстка за мягко-накрахмаленныя юбки, за некрѣпкій и холодный чай, нагрубитъ ли толстая кухарка, Агаѳья Матвѣевна не замѣчаетъ ничего, какъ будто не о ней рѣчь, не слышитъ даже язвительнаго шопота: «барыня! помѣщица!» Она на все отвѣчаетъ достоинствомъ своей скорби и покорнымъ молчаніемъ. Напротивъ, въ святки, въ свѣтлый день, въ веселые вечера масляницы, когда все ликуетъ, поетъ, ѣстъ и пьетъ въ домѣ, она вдругъ, среди общаго веселья, зальется горькими слезами и спрячется въ свой уголъ. Потомъ опять сосредоточится и иногда даже смотритъ на братца и на жену его какъ будто съ гордостью, съ сожалѣніемъ. Она поняла, что проиграла и просѣяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтило въ ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но за то навсегда осмыслилась и жизнь ея; теперь ужъ она знала, зачѣмъ она жила, и что жила не напрасно.

«Она такъ полно и много любила: любила Обломова — какъ любовника, какъ мужа и какъ барина; только разсказать никогда она этого, какъ прежде, не могла никому. Да никто и не понялъ бы ея вокругъ. Гдѣ бы она нашла языкъ? въ лексиконѣ братца, Тарантьева, невѣстки не было такихъ словъ, потому что не было понятій; только Илья Ильичъ понялъ бы ее, но она ему никогда не высказывала, потому что не понимала тогда сама и не умѣла.... На всю жизнь ея разлились лучи, тихій свѣтъ отъ пролетѣвшихъ, какъ одно мгновеніе, семи лѣтъ, и нечего было ей ждать больше, некуда идти....»

Digitized by Google

Послѣ всего нами сказаннаго и выписаннаго, можетъ быть иной скептическій читатель спроситъ насъ: «да за что же наконецъ Обломовъ такъ любимъ лицами его окружающими, — и еще болѣе, за что именно онъ любезенъ читателю? Если для возбужденія выраженій и дѣлъ преданности достаточно ѣсть и валяться по диванамъ, не дѣлать никакого зла и сознаваться въ своей житейской неспособности, да сверхъ всего этого имѣть нѣсколько комическихъ сторонъ въ своемъ характерѣ, то значительная масса рода человѣческаго имѣетъ право на нашу возможную привязанность! Если Обломовъ дѣйствительно добръ какъ голубь, то почему же авторъ не выразилъ передъ нами практическихъ проявленій этой доброты, — если герой честенъ и неспособенъ на зло, то почему же эти почтенныя стороны его натуры не выставлены передъ нами осязательнымъ образомъ? Обломовщина, какъ ни тяготѣй она надъ человѣкомъ, не можетъ же вывести его изъ круга той вседневной, мелкой, насущной дѣятельности, которой, какъ всякій знаетъ, — всегда достаточно для выраженія привлекательныхъ сторонъ нашей натуры. Отчего же всѣ подобныя выраженія натуры у Обломова исключительно пассивны и отрицательны? Отчего, наконецъ, онъ не совершаетъ передъ нами даже самаго малаго дѣла любви и кротости, хотя бы дѣло, которое можетъ быть покончено безъ разлуки съ халатомъ, — почему онъ не скажетъ привѣтнаго и задушевнаго слова хоть одному изъ второстепенныхъ лицъ, стоящихъ около него, хотя бы въ награду за всю ихъ преданность?» Въ такомъ замѣчаніи читателя отыскивается своя доля правды. Обломовъ, лучшее и сильнѣйшее созданіе нашего блистательнаго романиста, не принадлежитъ къ числу типовъ, «къ которымъ невозможно добавить ни одной лишней черты» — надъ этимъ типомъ невольно задумываешься, дополненій къ нему невольно жаждешь, но дополненія эти сами приходятъ на мысль и авторъ со своей стороны сдѣлалъ почти все нужное для того, чтобы онѣ приходили.

Германскій писатель Риль сказалъ гдѣ то: горе тому политическому обществу, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть честныхъ консерваторовъ; подражая этому афоризму, мы скажемъ: нехорошо той землѣ, гдѣ нѣтъ добрыхъ и неспособныхъ на зло чудаковъ въ родѣ Обломова! Обломовщина, такъ полно обрисованная г. Гончаровымъ, захватываетъ собою огромное количество сторонъ русской жизни, — но изъ того, что она развилась и живетъ у насъ съ необыкновенной силою, еще не слѣдуетъ думать, чтобъ обломовщина принадлежала одной Россіи. Когда романъ, нами разбирае

Digitized by Google

мый, будетъ переведенъ на иностранные языки, успѣхъ его покажетъ до какой степени общи и всемірны типы, его наполняющіе. По лицу всего свѣта разсѣяны многочисленные братья Ильи Ильича, то есть люди, не подготовленные къ практической жизни, мирно укрывшіеся отъ столкновеній съ нею и не кидающіе своей нравственной дремоты за міръ волненій, къ которымъ они неспособны. Такіе люди иногда смѣшны, иногда вредны, но очень часто симпатичны и даже разумны. Обломовщина относительно вседневной жизни, то же, что, относительно, политической жизни, консерватизмъ, упомянутый Рилемъ: — она, въ слишкомъ обширномъ развитіи, вещь нестерпимая, но къ свободному и умѣренному ея проявленію не за что относиться съ враждою. Обломовщина гадка, ежели она происходитъ отъ гнилости, безнадежности, растлѣнія и злого упорства, но ежели корень ея таится просто въ незрѣлости общества и скептическомъ колебаніи чистыхъ душою людей предъ практической безурядицей, что бываетъ во всѣхъ молодыхъ странахъ, то злиться на нее, значитъ тоже, что злиться на ребенка, у котораго слипаются глазки посреди вечерней, крикливой бесѣды людей взрослыхъ. Русская обломовщина, такъ какъ она уловлена г. Гончаровымъ, во многомъ возбуждаетъ наше негодованіе, но мы не признаемъ ея плодомъ гнилости или растлѣнія. Въ томъ-то и заслуга романиста, что онъ крѣпко сцѣпилъ всѣ корни обломщины съ почвой народной жизни и поэзіи — проявилъ намъ ея мирныя и незлобныя стороны, не скрывъ ни одного изъ ея недостатковъ. Обломовъ — ребенокъ, а не дряннoй развратникъ, онъ соня, а не безнравственный эгоистъ или эпикуреецъ временъ распаденія. Онъ безсиленъ на добро, но онъ положительно неспособенъ къ злому дѣлу, чистъ духомъ, не извращенъ житейскими софизмами, — и не смотря на всю свою жизненную безполезность, законно завладѣваетъ симпатіею всѣхъ окружающихъ его лицъ, повидимому отдѣленныхъ отъ него цѣлою бездною.

Весьма легко нападать на Обломова съ точки зрѣнія людей практическихъ, а между тѣмъ отчего бы иногда намъ не взглянуть на недостатки современныхъ практическихъ мудрецовъ, такъ презрительно толкающихъ ребенка-Обломова? Лѣнивo зѣвающее дитя, въ физіологическомъ отношеніи, конечно, слабѣе и негоднѣе чиновника среднихъ лѣтъ, подписывающаго бумагу за бумагою, но у чиновника среднихъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, есть геморрой и, можетъ быть, другія болѣзни, которыхъ дитя не имѣетъ. Такъ и заспанный Обломовъ, уроженецъ заспанной и все таки поэтической Обломовки, свободенъ отъ нравственныхъ болѣзней, какими стра-

Digitized by Google

дастъ не одинъ изъ практическихъ людей, кидающихъ въ него камнями. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ безчисленной массой грѣшниковъ нашего времени, самонадѣянно берущихся за дѣла, къ которымъ не имѣютъ призванія. Онъ не заражонъ житейскимъ развратомъ и на всякую вещь смотритъ прямо, не считая нужнымъ стѣсняться передъ кѣмъ нибудь или передъ чѣмъ нибудь въ жизни. Онъ *самъ* неспособенъ ни къ какой дѣятельности, усилія Андрея и Ольги къ пробужденію его апатіи остались безъ успѣха; но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобъ другіе люди, при другихъ условіяхъ, не могли подвигнуть Обломова на мысль и благое дѣло. Ребенокъ по натурѣ и по условіямъ своего развитія, Илья Ильичъ во многомъ оставилъ за собой чистоту и простоту ребенка, качества драгоцѣнныя во взросломъ человѣкѣ, качества, которыя сами по себѣ, посреди величайшей практической запутанности, часто открываютъ намъ область правды и временами ставятъ неопытнаго, мечтательнаго чудака и выше предразсудковъ своего вѣка, и выше цѣлой толпы дѣльцовъ, его окружающихъ.

Попробуемъ подтвердить слова наши. Обломовъ, какъ живое лицо, достаточно полонъ для того, чтобъ мы могли судить о немъ въ разныхъ положеніяхъ, даже не замѣченныхъ его авторомъ. По практичности, по силѣ воли, по знанію жизни онъ далеко ниже своей Ольги и Штольца, людей хорошихъ и современныхъ; по инстинкту правды и теплотѣ своей натуры онъ ихъ несомнѣнно выше. Въ послѣдніе годы его жизни, супруги Штольцъ навѣстили Илью Ильича, Ольга осталась въ каретѣ, Андрей вошелъ въ извѣстный намъ домикъ съ цѣпной собакой у калитки. Выйдя отъ своего друга, онъ только сказалъ женѣ: *все кончено*, или что то въ этомъ родѣ и уѣхалъ, и Ольга уѣхала, хотя, безъ сомнѣнія, съ горемъ и слезами. Въ чемъ же заключался смыслъ этого безнадежнаго, отчаяннаго приговора? Илья Ильичъ женился на Пшеницыной и прижилъ съ этой необразованной женщиной ребенка. И вотъ причина, по которой кровная связь разторгнута, обломовщина признана переступившей всѣ предѣлы! Ни Ольгу, ни ея мужа мы за это не винимъ: они подчинялись закону свѣта и не безъ слезъ покинули друга. Но повернемъ медаль и на основаніи того, что дано намъ поэтомъ, спросимъ себя: такъ ли бы поступилъ Обломовъ, еслибъ ему сказали, что Ольга сдѣлала несчастную *mésalliance*, что его Андрей женился на кухаркѣ и что оба они, вслѣдствіе того, прячутся отъ людей къ нимъ близкихъ? Тысячу разъ и съ полной увѣренностью скажемъ, что не такъ. Ни идеи отторженія отъ дорогихъ людей, изъ-за причинъ свѣтскихъ, ни

Digitized by Google

идеи о томъ, что есть на свѣтѣ *mésaillances*, для Обломова не существуетъ. Онъ бы не сказалъ слова вѣчной разлуки, и ковыляя, пошелъ бы къ добрымъ людямъ, и прилѣпился бы къ нимъ и привелъ бы къ нимъ свою Агаѳью Матвѣевну. И Андреева кухарка стала бы для него не чужою, и онъ далъ бы новую пощечину Тарантьеву, еслибъ тотъ сталъ издѣваться надъ мужемъ Ольги. Отсталый и неповоротливый Илья Ильичъ, въ этомъ простомъ дѣлѣ, конечно поступилъ бы сообразнѣе съ вѣчнымъ закономъ любви и правды, нежели два человѣка изъ числа самыхъ развитыхъ въ нашемъ обществѣ. И Штольцъ и Ольга, безъ всякаго сомнѣнія, гуманны въ своихъ идеяхъ, безъ всякаго сомнѣнія они знаютъ силу добра и головами своими привязаны къ участи меньшихъ братьевъ, — но стоило ихъ другу связать свое существованіе съ судьбой женщины изъ породы этихъ меньшихъ братьевъ, и они оба, просвѣщенные люди, поспѣшили со слезами сказать: все кончено, все пропало — обломовщина, обломовщина!

Продолжимъ параллель нашу. Обломовъ умеръ, Андрюша его, вмѣстѣ съ Обломовкой поступилъ подъ опеку Штольца и Ольги. Очень вѣроятно, что и Андрюшѣ было у нихъ хорошо, и обломовскіе мужики не терпѣли притѣсненій. Но Захаръ, оставшійся безъ призрѣнія, лишь случайно былъ найденъ въ числѣ нищихъ, но вдова Ильи Ильича не была приближена къ друзьямъ ея мужа, но дѣти Агаѳьи Матвѣевны, которыхъ Обломовъ училъ чистописанію и географіи, дѣти, которыхъ онъ не отдѣлялъ отъ своего сына, остались на произволъ своей матери, слишкомъ привыкшей во всемъ отдѣлять ихъ отъ барченка Андрюши. Ни житейскій порядокъ, ни житейская правда этимъ нарушены не были, и супруговъ Штольцъ никакой законъ не нашелъ бы виноватыми. Но Илья Ильичъ Обломовъ, смѣемъ думать, иначе поступилъ бы съ лицами и сиротами, которыхъ присутствіе когда-то услаждало собой жизнь его Андрея и въ особенности Ольги. Очень можетъ быть, что онъ не съумѣлъ бы быть имъ полезнымъ практически, но любви своей къ нимъ не сталъ бы подраздѣлять на разныя степени. Безъ разсчета и соображеній, онъ подѣлился бы съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба и, говоря метафорически, принялъ бы ихъ всѣхъ равно подъ сѣнь своего теплаго халата. У кого сердце дальновиднѣе головы, тотъ можетъ надѣлать множество глупостей, но въ стремленіяхъ своихъ все таки останется горячѣе и либеральнѣе людей запутанныхъ сѣтьми свѣтской мудрости. Возьмемъ хоть поведеніе Штольца въ ту пору, когда онъ жилъ гдѣ-то на Женевскомъ озерѣ, а Обломовъ чуть не повергнутъ былъ въ ни-

Digitized by Google

щету ковами друзей Тарантьева. Андрей Штольцъ, которому ничего не значило изъѣздить полъ-Европы, человѣкъ со связями и дѣловой опытностью, не захотѣлъ даже найти въ Петербургѣ дѣльца, который, за приличное вознагражденіе, согласился бы принять надзоръ надъ положеніемъ Обломова. А между тѣмъ и онъ и Ольга не могли не знать участи, грозившей ихъ другу. Со своимъ практическимъ laissez faire, laisser passer, — они оба были вполнѣ правы и винить ихъ никто не смѣетъ. Кто въ наше время осмѣливается совать свой носъ въ дѣла самаго близкаго человѣка? Но предположите теперь, что до Ильи Ильича доходитъ слухъ о томъ, что Андрей и Ольга на краю нищеты, что они окружены врагами, грозящими ихъ будущности. Трудно сказать, что бы совершилъ Обломовъ при этомъ извѣстіи, но кажется намъ, что онъ не сказалъ бы самому себѣ: — какое право имѣю я вмѣшиваться въ дѣла лицъ когда-то мнѣ дорогихъ и близкихъ.

Можетъ быть догадки наши покажутся иному читателю не совсѣмъ основательными, — но такова наша точка зрѣнія и въ искренности ея никто не имѣетъ права сомнѣваться. Не за комическія стороны, не за жалостную жизнь, не за проявленія общихъ всѣмъ намъ слабостей любимъ мы Илью Ильича Обломова. Онъ дорогъ намъ какъ человѣкъ своего края и своего времени, какъ незлобный и нѣжный ребенокъ, способный, при иныхъ обстоятельствахъ жизни и иномъ развитіи, на дѣла истинной любви и милосердія. Онъ дорогъ намъ какъ самостоятельная и чистая натура, вполнѣ независимая отъ той схоластико-моральной шаткости, что пятнаетъ собою огромное большинство людей, его презирающихъ. Онъ дорогъ намъ по истинѣ, какою проникнуто все его созданіе, по тысячѣ корней, которыми поэтъ-художникъ связалъ его съ нашей родной почвою. И, наконецъ, онъ любезенъ намъ, какъ чудакъ, который въ нашу эпоху себялюбія, ухищреній и неправды, мирно покончилъ свой вѣкъ, не обидѣвши ни одного человѣка, не обманувши ни одного человѣка и не научивши ни одного человѣка чему нибудь скверному.

1859.

XXIV.

СОЧИНЕНІЯ БѢЛИНСКАГО, ТОМЫ 1, 2 И 3. МОСКВА 1859.

1.

Вѣчно памятныя и надолго благотворныя для русской литературы сочиненія Бѣлинскаго, наконецъ, появляются въ полномъ

Digitized by Google

собраніи, въ самое лучшее, самое удобное время для нхъ оцѣнки. Крайности взглядовъ на дѣятельность Бѣлинскаго почти сгладились, ожесточенное порицаніе на цѣли благороднаго критика уже кажется голосомъ съ того свѣта или постыднымъ газрствомъ, преувеличенное поклоненіе всякому его слову сдѣлалось несвоевременнымъ. Не скроемъ того, что и нашъ отзывъ о первыхъ трехъ книгахъ твореній Бѣлинскаго будетъ не вполнѣ согласоваться съ духомъ статьи о критикѣ сороковыхъ годовъ, съ небольшимъ три года назадъ появившейся въ «Библіотекѣ для Чтенія». потребности перемѣнились и временная сторона вопроса, сторона, которой не можетъ упускать изъ вида никакое періодическое изданіе, теперь уже далеко не та, какъ было въ то время. Прежній фанатизмъ, противъ котораго мы ополчались, не существуетъ болѣе, онъ смѣнился спокойнымъ уваженіемъ, болѣе или менѣе глубокою, но уже не порывистою симпатіею къ памяти лучшаго русскаго критика. Уже никому не навязывается обожаніе каждой мысли Бѣлинскаго, уже честныхъ литераторовъ не зовутъ, ренегатами за малѣйшее уклоненіе отъ прежнихъ его приговоровъ, уже всякій можетъ во многомъ расходиться съ идеями послѣднихъ годовъ Бѣлинскаго и все таки горячо сочувствовать всей его дѣятельности. Фетишизмъ, нами указанный въ свое время, имѣлъ причину чисто временную и понятную, точно также какъ понятно было наше противодѣйствіе временному увлеченію всѣми идеями Бѣлинскаго. Была пора, когда имя этого писателя, имя столько чѣстное, считалось въ нашемъ обществѣ именемъ почти что злонамѣреннаго человѣка. О Бѣлинскомъ нельзя было сказать добраго слова, не раздражая его ненавистниковъ, не подвергаясь подозрѣніямъ въ злонамѣренности. Почти тоже было когда то и съ Гоголемъ. И вотъ, когда только что исчезнулъ гнетъ надъ памятью Бѣлинскаго, только что въ литературѣ добыта была возможность искренно говорить о его твореніяхъ, вся масса горячихъ симпатій, свѣтлыхъ воспоминаній, благородныхъ порывовъ, копившаяся такъ долго, высказалась въ печати, высказалась порывисто и торопливо, безъ оглядки и стройности. Долгое молчаніе привело къ минутному фетишизму, фетишизмъ, въ свою очередь, породилъ опроверженія, и только по прошествіи нѣкотораго времени отзывы успокоились, и двойная-реакція, достаточно охладѣвши, дала возможность вполнѣ безпристрастнаго взгляда.

Дѣятельность Бѣлинскаго, обнимающая собою слишкомъ четырнадцать лѣтъ, по нашему мнѣнію дѣлится на два совершенно особенные, по свойству своему, отдѣла, изъ которыхъ каждый тре-

Digitized by Google

буетъ отчетливаго и подробнаго изученія. Оба отдѣла не разграничены съ особенной отчетливостью, они сливаются одинъ съ другимъ, но тѣмъ не менѣе ихъ легко опредѣлить и подмѣтить. Къ первому отдѣлу мы отнесемъ всѣ произведенія, напечатанныя въ московскихъ журналахъ и за нѣсколько первыхъ годовъ «Отечественныхъ Записокъ»; эти послѣднія уже отчасти подходятъ ко второму отдѣлу по многимъ частностямъ. Второй отдѣлъ обнимаетъ собою остальную дѣятельность Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ». Въ первомъ отдѣлѣ Бѣлинскій является намъ какъ историкъ литературы и цѣнитель исключительно изящныхъ произведеній, во второмъ роль его дѣлается сложнѣе, глубже, обильнѣе шумомъ и обильнѣе ошибками, но во всякомъ случаѣ исполненною величайшихъ заслугъ и высочайшимъ значеніемъ. Все послѣднее шестилѣтіе своей жизни Бѣлинскій былъ писателемъ не подходящимъ подъ обычныя опредѣленія, писателемъ, который только могъ создаться при тогдашнемъ положеніи русскаго общества. Въ эти десять лѣтъ съ небольшимъ онъ былъ *критикомъ публицистомъ*, то есть дѣятелемъ, который, по поводу эстетическихъ (иногда важныхъ, иногда неважныхъ) произведеній, находилъ возможность касаться важнѣйшихъ вопросовъ современнаго общества, не разработывая ихъ, по непмѣнію потребнаго на то простора, но поддерживая въ массѣ мыслящихъ людей мысль объ этихъ вопросахъ и благотворное къ нимъ стремленіе. Въ эту важную, но многотрудную пору всей своей жизни Бѣлинскій былъ единственнымъ публицистомъ въ Россіи, и вслѣдствіе этого условія, а еще болѣе вслѣдствіе своего могущественнаго таланта, изъ статей своихъ онъ сдѣлалъ такъ сказать трибуну, съ которой держалъ рѣчь ко всему, что было свѣжаго, молодого, просвѣщеннаго и прогрессивнаго въ нашемъ обществѣ. Погрѣшая, и довольно часто погрѣшая, въ частностяхъ своей рѣчи, онъ никогда не погрѣшалъ въ цѣломъ ея направленіи. Ничего сухого, мелкаго, не говорилъ неблагороднаго, не было, и даже тѣни не могло быть въ его поученіяхъ. Для всей разбросанной, неопытной, не сознающей еще своихъ силъ русской просвѣщенной молодежи Бѣлинскій въ это время былъ тѣмъ же, чѣмъ, напримѣръ, Грановскій былъ для московскаго университета, или докторъ Арнольдъ для итонскихъ юношей. Далеко уступая Арнольду и Грановскому въ учености, знаніи языковъ, знакомствѣ со многими сторонами науки и жизни, онъ превышалъ ихъ силой своего огненнаго таланта и горячностью натуры, которая одна была въ состояніи разшевелить наше дѣтски вѣтреное и довольно распущенное въ моральномъ отноше-

Digitized by Google

ніи общество. Онъ былъ рожденъ публицистомъ, не смотря на то, что былъ въ то же время великимъ знатокомъ поэзіи, пламеннѣйшимъ дилетантомъ, способнымъ рыдать надъ двумя строками вдохновеннаго поэта и прочей чепухой, едва понятной для практическихъ бойцовъ современности. Впрочемъ Бѣлинскій, какъ публицистъ, нисколько не могъ назваться практическимъ бойцомъ, да такихъ людей въ то время обществу и не требовалось, да и малѣйшаго простора такимъ людямъ не предоставлялось въ его время. Онъ былъ рожденъ не для сѣянія и жатвы, но для разработки почвы къ будущимъ посѣвамъ, не для возведенія зданія, а для пріисканія рабочихъ и заложенія фундамента. Какъ публицистъ практикъ Бѣлинскій былъ такимъ же благороднымъ ребенкомъ, какъ и въ своей частной жизни, обильной такими печальными событіями, но не надо забывать, что у насъ слово практикъ понимается въ узкомъ смыслѣ, а что на самомъ дѣлѣ человѣкъ, живущій въ отвлеченномъ мірѣ добрыхъ и свѣтлыхъ помысловъ, часто бываетъ и счастливѣе и практически полезнѣе всякаго положительнаго человѣка.

Бѣлинскій жилъ именно въ такую пору, когда дѣятели восторженные были нужнѣе дѣятелей положительныхъ; явись на его мѣстѣ въ литературѣ человѣкъ съ свѣтлѣйшими практическими познаніями, мудрѣйшій экономистъ, эмансипаторъ, глубокій знатокъ администраціи, изобрѣтатель педагогическихъ, хозяйственныхъ и служебныхъ дѣльныхъ реформъ, кто бы въ то время сталъ слушать совѣты русскаго публициста, писателя съ маленькимъ чиномъ; да и стали ли бы печататься такіе совѣты? Прежде чѣмъ произносить мудрое, практическое слово, надобно было, во первыхъ, приготовить въ самомъ обществѣ потребность къ такому слову, а во вторыхъ подготовить кругъ людей, которые бы могли его воспринимать какъ слѣдуетъ. Оба эти дѣла Бѣлинскій совершилъ честно и хотя, изнурившись отъ своего труда, сошелъ въ могилу посреди тревожной и не всегда ровной дѣятельности, но трудъ его можетъ назваться вполнѣ плодотворнымъ. Приступимъ же теперь къ оцѣнкѣ сказаннаго труда, по мѣрѣ силъ и способностей нашихъ. Замѣтки наши о дѣятельности Бѣлинскаго естественно должны раздробиться на нѣсколько отдѣльныхъ рецензій, по мѣрѣ выхода новыхъ книжекъ его сочиненій. Такъ какъ эти сочиненія издаются въ хронологическомъ порядкѣ, то первыя статьи наши могутъ только касаться дѣятельности Бѣлинскаго въ первый періодъ, то есть въ тотъ періодъ, когда, какъ мы сказали, онъ былъ исключительно критикомъ изящныхъ произведеній рус-

Digitized by Google

ской словесности. Три книги, находящіяся передъ нами, обнимаютъ собой дѣятельность Бѣлинскаго съ 1838 по 1840 годъ въ «Телескопѣ», «Молвѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», потому, не забѣгая впередъ, мы станемъ говорить только о статьяхъ, въ этихъ томахъ заключающихся.

Всякому читателю, сколько нибудь знакомому съ исторіей новой нашей литературы, слишкомъ хорошо извѣстно, какое огромное впечатлѣніе произведено было въ литературномъ мірѣ появленіемъ первыхъ критическихъ статей, рецензій и историко-литературныхъ импровизацій Бѣлинскаго. Для близорукаго цѣнителя это впечатлѣніе (проявившееся по большей части въ крикѣ и ожесточенномъ отпорѣ) можетъ быть объяснено смѣлостью приговоровъ, оживленностью изложенія, горячностью новаго критика и особенно его независимостью отъ многихъ, въ то время уважаемыхъ авторитетовъ. Но всѣ эти неоспоримыя качества въ Бѣлинскомъ принадлежатъ къ качествамъ второстепеннымъ, или, вѣрнѣе, они ничто иное, какъ проявленіе другого болѣе высокаго качества, результаты иного, несравненно болѣе глубокаго, несравненно болѣе рѣдкаго достоинства.

Одной живостью слога и горячностью приговоровъ Бѣлинскій не завоевалъ бы себѣ такъ скоро званія блистательнѣйшаго и полезнѣйшаго изъ русскихъ критиковъ, какъ ни уважительны эти достоинства, но они почти уравновѣшивались нѣкоторыми несомнѣнными погрѣшностями въ статьяхъ начинающаго критика. По образованію своему (принимая это слово даже не въ поверхностномъ смыслѣ слова), Бѣлинскій стоялъ ниже весьма многихъ современныхъ ему литераторовъ и даже критиковъ, и даже газетныхъ рецензентовъ. Обстоятельства не позволяли ему обогатить себя строгимъ и систематическимъ познаніемъ, какъ рецензентъ, онъ оставался безъ голоса передъ всякой книгой сколько нибудь ученаго значенія и въ такихъ случаяхъ, или откровенно сознавался въ своей несостоятельности или, что было гораздо рѣже, дѣлалъ ошибки и промахи. Изъ иностранныхъ языковъ зналъ онъ, и то весьма недостаточно, одинъ французскій. Увлекаемый воспріимчивостью и впечатлѣніемъ минуты, онъ часто рѣшался на отзывы не только чрезвычайно невѣрные, но которыхъ ложность была ясна даже для самаго неспособнаго изъ его противниковъ. Не говоримъ уже о Брамбеусѣ, самомъ энциклопедически-образованномъ цѣнителѣ тѣхъ временъ, но сами фельетонисты «Сѣверной Пчелы,» еслибъ они были менѣе яростны и болѣе хладнокровны, могли указывать Бѣлинскому многія мѣста въ его статьяхъ, подлежащія не-

Digitized by Google

опровержимому порицанію. Въ первыхъ трехъ томахъ его сочиненій и даже одномъ первомъ, и мальчикъ найдетъ много такихъ мѣстъ, какъ напримѣръ отзывъ о забытомъ народомъ *Мильтонѣ*, «поэтѣ съ неестественною и напряженною фантазіею», объ англійскихъ журналахъ, которые часто удивляютъ самыми странными, если не нелѣпыми сужденіями о литературныхъ предметахъ и особенно свидѣтельствуютъ о незавидномъ состояніи критики въ Англіи (гдѣ тогда занимались критикою Карлейль, Маколей, Соути, Лордъ Джеффри и Сидней Смитъ!). Къ этому можно прибавить свѣдѣнія, что у нѣмцовъ почти не было несчастныхъ поэтовъ въ отношеніи къ жизни и матеріальнымъ средствамъ, что плоды учености и теоріи французскихъ энциклопедистовъ разлетѣлись, полопались какъ мыльные пузыри, что «Энеидамъ» и «Освобожденнымъ Іерусалимамъ» отдаютъ почтеніе не за заслуги, а за старость лѣтъ, что миссъ Эджвортъ — горничная госпожь Жанлисъ и Коттенъ, которая, наслушавшись ихъ мудрости вздумала проповѣдывать въ XIX вѣкѣ мораль осьмнадцатаго, что историкъ Мишле есть уродливый компиляторъ и пишетъ галиматью, и что Гнѣдича надо ставить рядомъ съ Дюсисомъ. Иные изъ здѣсь приведенныхъ странныхъ приговоровъ впослѣдствіи уничтожены самимъ Бѣлинскимъ, о другихъ и онъ забылъ и мы всѣ забыли, — но мы приводимъ ихъ, чтобы показать какъ многаго недоставало въ научномъ смыслѣ новому критику и какими внѣшними погрѣшностями уравновѣшивались многія внѣшнія достоинства статей Бѣлинскаго.

Въ чемъ же заключалась не внѣшняя, не поверхностная, но внутренняя и неотразимая сила первыхъ трудовъ Бѣлинскаго? Почему ошибки, нами сейчасъ указанныя, не вредятъ имъ, и легко отстаютъ отъ нихъ, какъ отстаетъ пыльное пятнышко отъ картины великаго мастера? Почему статьи Бѣлинскаго, при всемъ ожесточеніи противниковъ, при всей вѣтренности читателей, не пропали безъ слѣда, но оставили по себѣ стезю огня и до сихъ поръ горятъ яркимъ свѣтомъ въ нашей литературѣ? Разгадка легко дается внимательному цѣнителю. Сила Бѣлинскаго — въ его безпредѣльной любви къ русскому искусству. Онъ не простой цѣнитель литературныхъ явленій своего времени — онъ вдохновенный жрецъ русскаго слова, страстный толкователь всего, что было создано, угадано и воплощено и даже едва только намѣчено русскимъ словомъ.

Да, любовь Бѣлинскаго къ русскому искусству была священнымъ огнемъ, на которомъ сгорѣлъ онъ самъ, но сгорѣлъ не напрасно. Такой любви ни въ комъ не было послѣ него, — а до

Digitized by Google

него и самаго подобія ея нигдѣ и никогда не являлось. Чѣмъ было русское искусство, не говоримъ уже для всей русской публики, но для первѣйшихъ русскихъ художниковъ,—до Бѣлинскаго? Пріятнымъ развлеченіемъ, отдыхомъ въ часъ досуга, пріятной темою для разговора, средствомъ прославится въ свѣтѣ, предметомъ очень почтеннымъ и, повременамъ, милымъ для души, напоминающимъ о свѣтлыхъ и странныхъ минутахъ творчества, о которыхъ, впрочемъ, много разсуждать было неловко. Кто до Бѣлинскаго чтилъ русское искусство, видѣлъ въ немъ нѣчто цѣлое и органическое, способное жить своею жизнью и соприкасаться всѣмъ сторонамъ нашего быта? Кто изъ нашихъ писателей, до Бѣлинскаго, вѣрилъ и зналъ, что человѣкъ съ художественнымъ призваніемъ не только *имѣетъ право*, но и имѣетъ обязанность посвятить всю свою жизнь родному искусству? Не многіе литераторы, какъ, напримѣръ, Карамзинъ, сознавали, что русское искусство, какъ великое орудіе просвѣщенія, должно играть важную роль въ нашемъ развитіи. Самъ Пушкинъ, творившій съ наслажденіемъ, сдѣлавшій болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ людей для просвѣтлѣнія «духовныхъ очей нашихъ»,—только временемъ, въ горькія минуты, вознавалъ, что совершаетъ нѣчто необыкновенное, возвышенное, и оказываетъ отечеству своему заслуги, за которыя современники ему не совсѣмъ хорошо платятъ. Если вельможный людъ его времени наносилъ ему неотразимыя обиды,—Пушкинъ видѣлъ въ томъ злобу дурныхъ людей, а никакъ не горькую неблагодарность лицъ, за что-то ему очень обязанныхъ. Когда дѣятели первокласснные такъ смотрѣли на дѣло, которому служили вслѣдствіе непреложнаго своего призванія, то какъ же должны были глядѣть на искусство наше другія, не столь сильныя личности? Напрасно будемъ мы читать нашихъ писателей, перелистывать журналы стараго времени, вездѣ найдемъ мы болѣе или менѣе сильные таланты, здравые взгляды, временами честное и даже почтительное обращеніе съ искусствомъ,—но пламенной, безпредѣльной и широко-сознанной любви къ нему мы нигдѣ не встрѣтимъ до Бѣлинскаго. Тысячу разъ придется намъ сказать спасибо за то, что Бѣлинскій взросъ на русской литературѣ, съ огненнымъ восторгомъ юности читалъ русскія книги (хоть иногда плохія и старыя), отъ чистаго сердца считалъ Мильтона дрянным писателемъ и питалъ презрѣніе къ французскимъ энциклопедистамъ. Еслибъ онъ воспитался на чужестранныхъ, хотя крайне замѣчательныхъ и даже высшихъ писателяхъ, и еслибъ онъ сталъ заниматься русской литературой лишь послѣ прочнаго курса наукъ на хорошій иностранный манеръ,—

Digitized by Google

мы, можетъ быть, дивились бы его эрудиціи — но любовь къ своему родному искусству уцѣлѣла ли бы въ немъ съ ея настоящей силою? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать смѣлымъ отрицаніемъ. Не одна врожденная, горячая преданность ко всему родному, — но самыя обстоятельства многотрудной и часто горькой жизни развили въ Бѣлинскомъ ту любовь, о которой мы теперь пишемъ. Эти обстоятельства направили горячіе инстинкты будущаго критика въ данную сторону, сосредоточили ихъ и не дали имъ разбросаться въ многосторонніемъ энциклопедизмѣ. Мы не имѣемъ біографіи Бѣлинскаго, но жизнь его намъ довольно знакома, да и самъ онъ иногда, въ статьяхъ своихъ, выдастъ свое прошлое. Бѣдный мальчикъ, бѣдный ученикъ уѣзднаго училища, — онъ жаждалъ познаній и страстно любилъ чтеніе. Читать онъ могъ только на русскомъ языкѣ. Русскія книги однѣ были ему доступны. Ихъ онъ искалъ съ жадностью, выпрашивалъ какъ дорогой даръ, приносилъ ихъ домой, чувствуя лихорадку отъ удовольствія, съ лихорадочнымъ восторгомъ читалъ ихъ на своей жосткой школьной скамейкѣ. Когда въ ребенкѣ, развитомъ такимъ чтеніемъ, явилась весьма естественная потребность писать что нибудь свое и своими средствами передавать накопившіяся мысли, русскіе старые писатели стали первыми образцами для Бѣлинскаго. «Въ золотое время дѣтства, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рецензій, еще мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я списывалъ въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо денно и нощно, стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Максима Невзорова... и другихъ. Тогда я плакалъ, читая бѣдную Лизу и Марьину Рощу, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ, при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа дала мнѣ самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума». Шутливый тонъ этого разсказа нисколько не вредитъ его правдивости, и мы рѣшаемся на нѣкоторое время на немъ остановиться.

Для пылкаго и богато одареннаго юноши всякая умственная пища хороша, кромѣ положительно ядовитой. Бѣлинскій писалъ плохіе стихи въ уѣздномъ училищѣ, — но это нисколько не доказываетъ, чтобъ первыя прочтенныя имъ книги не принесли ему пользы. Молодые англичане воспитываются на Шекспирѣ и греческой поэзіи, что не мѣшаетъ имъ, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ со-

Digitized by Google

чинять никуда негодныя рапсодіи, а германскіе юноши, вытвердившіе всего Шиллера, чрезъ это еще не дѣлаются поэтами. Страстно полюбивъ русскихъ писателей и увлекаясь одними ими, мальчикъ Бѣлинскій по необходимости перенесъ на нихъ всю любовь, къ какой была способна его огненная натура, а любовь эта не была недостойною любовью. Пушкинъ и Грибоѣдовъ были читаны юношей на школьной доскѣ; на школьной доскѣ узналъ онъ Карамзина, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, и узналъ ихъ не такъ, какъ мы дѣлали въ дѣтствѣ промежду французскихъ басенъ и иного безплоднаго сброда, но узналъ ихъ тѣсно и близко. Конечно, въ своемъ неразборчивомъ увлеченіи, онъ глоталъ и посредственные стихи, и посредственныя оды, и сантиментальные романы карамзинскаго періода; но мы уже сказали, что здоровой натурѣ можно жить и не одной изысканной пищею. Русская литература и современная дитяти-Бѣлинскому, и литература старыхъ годовъ, все таки была плодомъ дѣятельности просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей: въ ней высказывались — не смотря на классицизмъ, сантиментализмъ, рутинизмъ и прочіе *измы* — мечты и стремленія развитѣйшихъ соотечественниковъ нашихъ въ разныя эпохи русской жизни. Занятому, поверхностному, холодному читателю много въ нашей старой литературѣ покажется отжившимъ, даже нелѣпымъ, но пускай эту литературу полюбитъ юноша, который, читая, не только беретъ у автора, но самъ *даетъ ему многое*, — и точка зрѣнія совершенно перемѣнится. Припомнимъ первыя прочитанныя нами книги, — книги прочитанныя въ періодѣ юной душевной воспріимчивости: какъ живо говорили онѣ нашему воображенію, какъ умѣли мы сердцемъ нашимъ дополнять все недосказанное авторомъ, — какъ свѣжи и живы казались намъ всѣ описанія, какъ очаровательны дѣйствующія лица! До сихъ поръ содержаніе иной изъ такихъ книгъ (иногда очень посредственныхъ) живетъ въ памяти нашей на ряду съ событіями дѣтства; до сихъ поръ иные посредственные герои грезятся намъ во снѣ живыми людьми, болѣе живыми, чѣмъ иные точно живые люди! При громадной воспріимчивости Бѣлинскаго, при несклонности его къ наукамъ сухимъ и точнымъ, при небогатой событіями юности, при сосредоточеніи всѣхъ его любимыхъ занятій въ одномъ чтеніи русскихъ писателей — легко представить себѣ, какъ плодотворно было для него такое чтеніе. Міръ фантазіи, окружавшій русскаго мальчика, отмѣченнаго печатью божіей, могъ быть нѣсколько нескладенъ, съ примѣсью всякой довольно смѣшной старины, но то былъ міръ ему родственный и вполнѣ русскій. Національность въ дѣлѣ умствен-

Digitized by Google

наго развитія — дѣло до такой степени важное, что мы, — еслибъ намъ предложили воспитывать русскаго мальчика по выбору, на Шекспирѣ или на русскихъ писателяхъ, хотя бы до-пушкинскаго періода, — сказали бы не обинуясь: на русскихъ писателяхъ, хотя бы со всей ихъ рутиной и подражательностію. Рѣшеніе это мы основываемъ на простомъ соображеніи: непонятливому, холодному юношѣ самъ Шекспиръ дастъ немного; юношѣ пылкому и зоркому самый посредственный писатель согражданинъ придется дорогимъ наставникомъ. Такъ было съ Бѣлинскимъ. Своимъ, еще не зрѣлымъ умомъ, онъ умѣлъ разгадать въ Державинѣ, подъ грудами чудовищно-жосткихъ стиховъ, образы и преданія давняго екатерининскаго вѣка, — въ Карамзинѣ, помимо округленныхъ тирадъ съ прилагательными на концѣ, помимо приторной чувствительности и миндальничанья съ Лизетами, — онъ, безъ чужого указанія, угадалъ нѣжную и просвѣщенную русскую натуру, жаждущую добра и правды. Его не смущали даже Эрасты Чертополоховы, и вѣщія слезы при видѣ солнечнаго заката и тихой хижины счастливаго поселянина — Бѣлинскій даже увлекался чертополоховской школой, но онъ самъ того не зная, чтилъ въ ней то, что бываетъ почтенно и истинно, даже въ самыхъ смѣшныхъ школахъ. Созрѣвъ душою, онъ не сталъ бы проливать слезъ при солнечномъ закатѣ и бродить по полямъ, при томномъ свѣтѣ луны, но онъ сталъ бы навсегда чувствовать, что въ закатѣ солнца, родныхъ русскихъ поляхъ, и въ самомъ свѣтѣ луны, опозоренной плохими поэтами, — есть нѣчто высокое и даже оправдывающее частичку слезъ, когда-то изобильно проливаемыхъ. Такъ воспринимаютъ истинно свѣтлыя натуры все, что истинно, все, что прочувствовано въ трудахъ предшествовавшихъ имъ дѣятелей, и вотъ почему имъ такъ дорога *вся* литература народа имъ родного, дорога при всѣхъ ея несовершенствахъ и заблужденіяхъ. Глумиться надъ старинной въ искусствѣ и вести родословную родной словесности со вчерашнихъ дѣятелей — есть первый несомнѣнный признакъ цѣнителя съ чорствой, невосприимчивой душою, хотя, можетъ быть, очень честнаго, очень убѣжденнаго. Бѣлинскій, какъ человѣкъ въ высшей степени воспріимчивый, въ высшей степени нѣжный сердцемъ, былъ до крайности далеко отъ этой современной намъ тенденціи. Его обвиняли въ томъ, что онъ впослѣдствіи омрачалъ славу старыхъ поэтовъ, сводилъ съ пьедестала Ломоносова, Державина, Карамзина и ихъ сверстниковъ — нужно ли въ наше время ратовать противъ такого обвиненія? Если сбросить съ человѣка мишуру и шумиху, приблизить его къ намъ, покончить съ пусто-

Digitized by Google

звонными, произносимыми въ честь его, хвалами, значитъ свести поэта съ пьедестала, то Бѣлинскій точно грѣшилъ въ этомъ отношеніи. Самый фактъ пьедестала ему казался отчасти смѣшнымъ, отчасти вреднымъ. Можетъ быть Карамзинъ и Державинъ точно сведены съ пьедесталовъ, но только послѣ этой операціи мы начали видѣть въ нихъ живыхъ людей, и любимъ ихъ больше, чѣмъ любили ихъ наши дѣды.

Великая и пламенная любовь къ родному искусству, озарявшая собою дѣтскую пору Бѣлинскаго и пролившая свой отрадный свѣтъ даже на бѣдныя стѣны бѣднаго уѣзднаго училища, не покинула юношу и при вступленіи въ настоящую жизнь. Она осталась при немъ, смягчая горе и нужду жизненныхъ начинаній, постепенно очищаясь въ своихъ проявленіяхъ, но не ослабляясь нисколько. Мало того, всѣ событія жизни Бѣлинскаго только развивали въ немъ страсть его дѣтскихъ годовъ. Онъ лишенъ былъ возможности кончить курсъ въ университетѣ и начать гражданскую службу, по общепринятымъ примѣрамъ. Сблизившись съ просвѣщенными молодыми людьми, занимавшимися наукой и литературою, онъ съ одной стороны получилъ возможность трудиться для періодическихъ изданій, не подвергаясь тяжелой обязанности записывать въ журналистахъ, съ другой — сдѣлался другомъ и собесѣдникомъ лицъ, которыхъ многостороннее образованіе во многомъ было ему полезно. Первыя статьи начинающаго критика были тотчасъ же замѣчены читателями и это обстоятельство упрочило карьеру Бѣлинскаго. Ему не много было надобно — онъ могъ довольствоваться скуднымъ вознагражденіемъ и трудиться надъ предметомъ, котораго бы, безъ сомнѣнія, не промѣнялъ ни на какія почести и обширную практическую дѣятельность. Когда слава Бѣлинскаго, наконецъ, загорѣлась яркимъ свѣтомъ, когда тысячи молодыхъ людей пріучились видѣть въ немъ дорогого наставника, когда его бѣдное жилище сдѣлалось мѣстомъ сборища для всѣхъ даровитыхъ и благородныхъ представителей русской литературы, Бѣлинскій могъ только еще съ большей страстью предаться главному дѣлу всей его жизни. Мы помнимъ Бѣлинскаго въ самую послѣднюю пору его дѣятельности, больного и знающаго о своей близкой смерти, занятаго громадными политическими событіями, которыя совершались и готовились во всей Европѣ, — мало того, — временно увлекшагося теоріями нѣмецкихъ и французскихъ мыслителей того времени о сухомъ и соціальномъ значеніи литературы въ нашу пору, — и что же? Этотъ самый умирающій Бѣлинскій, больной и, по видимому, поддавшійся анти-поэтическимъ стремленіямъ, не могъ

Digitized by Google

безъ слезъ говорить о седьмой главѣ Евгенія Онѣгина и о послѣднихъ, коротенькихъ стихотвореніяхъ Лермонтова! Прочтеніе какой-нибудь журнальной, немного талантливой повѣсти, причиняло ему радостную безсонницу, каждое удачное стихотвореніе врѣзывалось ему въ память, всякая бранная статейка самой мелкой газеты, статейка, направленная противъ котораго нибудь изъ любимыхъ имъ писателей, озлобляла его безпредѣльно. Всѣ мы, въ то время только что выступавшіе на литературную дорогу, любившіе ее со всѣмъ энтузіазмомъ юности, — но нашей любви къ искусству не могли даже хоть сколько нибудь сравниться съ больнымъ и кончившимъ свою дѣятельностьБѣлинскимъ. Мучимый постоянно изнурительною лихорадкою, не имѣя возможности дышать свѣжимъ воздухомъ, Бѣлинскій, во всѣ длинные вечера зимы (1848 г.) не сказалъ при насъ ни одного слова о своей болѣзни, ни разу не пожаловался на скуку и на сидѣнье въ четырехъ стѣнахъ. Онъ любилъ говорить о политическихъ событіяхъ, распрашивалъ про городскія новости, но главный и любимѣйшій разговоръ его былъ о русской литературѣ, старой и новой, со всѣми ея свѣтлыми, и мрачными, забавными, утѣшительными и безобразными сторонами. Онъ зналъ тысячи литературныхъ преданій, анекдотовъ и странностей, множество эпиграммъ и стихотвореній нигдѣ не напечатанныхъ или затонувшихъ безъ слѣда въ какомъ-нибудь забытомъ изданіи. Онъ былъ другъ и доброжелатель всякому, кто любилъ дѣло русскаго слова; намъ, по временамъ, казалось, что даже къ гнуснымъ и отвратительнымъ литературнымъ личностямъ Бѣлинскій испытывалъ то чувство, съ которымъ страстный натуралистъ смотритъ на скверныхъ, но любопытныхъ гадовъ или насѣкомыхъ. Ни о какомъ Ѳерситѣ не говорилъ онъ guarda e passa; если Ѳерситъ писалъ глупые стихи, онъ зналъ изъ нихъ самые вонюющіе отрывки; если Ѳерситъ былъ подлъ и злонамѣренъ, Бѣлинскій наизустъ помнилъ всѣ лучшіе эпиграммы, на него сочиненныя, могъ разсказать всѣ шутки, когда-либо съ нимъ сыгранныя. Еслибъ всѣ Ѳерситы провалились сквозь землю, онъ пожалѣлъ бы даже о Ѳерситахъ: и они имѣли свою роль въ общемъ цѣломъ. Бѣлинскій, не смотря на свою горячность, уважалъ чужія мнѣнія, съ сознаніемъ сильнаго человѣка, выслушивалъ всѣ доводы, часто противные его собственнымъ убѣжденіямъ, но одного онъ не могъ перенести въ бесѣдѣ, — а именно сколько нибудь презрительнаго отзыва о русскомъ искусствѣ. При немъ можно было горячо оспаривать достоинства «Мертвыхъ Душъ», съ азартомъ не находить красотъ хоть въ «Русалкѣ» Пушкина, но небрежно-холодный отзывъ

Digitized by Google

(а небрежные взгляды на литературу тогда были въ ходу гораздо болѣе чѣмъ теперь) о чьемъ нибудь честномъ и замѣчательномъ, хотя бы и не очень талантливомъ произведеніи, былъ смертнымъ приговоромъ для самонадѣяннаго гостя. Съ человѣкомъ его себѣ дозволившимъ Бѣлинскій уже не могъ никогда ладить, даже наружно.

Такимъ былъ Бѣлинскій за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, такимъ былъ онъ и при началѣ своей дѣятельности. Въ первомъ изъ своихъ обширныхъ произведеній, напечатанномъ въ Москвѣ 1834 года, по заглавіемъ: «Литературныя Мечтанія», онъ, безъ всякихъ приготовленій и маневровъ окольными путями, — прямо излилъ передъ читателями всѣ сокровища той любви къ искусству, о которой сейчасъ мы говорили съ такой подробностью. Статья была замѣчена всѣми мыслящими людьми, хотя главнѣйшія достоинства ея не вдругъ дались всякому, да можетъ быть еще не совсѣмъ ясны были и самому ея автору. «Литературныя Мечтанія» возбудили цѣлый хоръ бранныхъ протестовъ и много хвалебныхъ толковъ,—о брани мы теперь говорить не намѣрены—о похвалахъ скажемъ только то, что онѣ касались подробностей труда, не относясь къ величію идеи, его проникавшей. Инымъ изъ сосувствовавшихъ лицъ пришлась по сердцу пламенная оригинальность изложенія, — другія плѣнились чистосердечнымъ обращеніемъ юнаго критика со многими, всѣмъ надоѣвшими, авторитетами, третьи, наконецъ, читали и перечитывали мечтанія изъ-за множества литературныхъ шпилекъ, въ нихъ разсыпанныхъ. Такъ сочувствовали Бѣлинскому знатоки и цѣнители, имѣвшіе голосъ на литературныхъ бесѣдахъ, — но иначе смотрѣло на новаго критика молодое поколѣніе умныхъ людей, незнакомыхъ съ литературной рутиною. Для этого поколѣнія, еще безгласнаго, неопытнаго, раскиданнаго повсюду, но воспріимчиваго сердцемъ, литературныя мечтанія казались откровеніемъ своего рода и истинно *новымъ словомъ*. Оно еще не выяснило передъ собою, за что именно любитъ Бѣлинскаго, за что цѣнитъ его первый трудъ, а уже любовь его родилась, разрослась и окрѣпла. Да и могло ли быть иначе? Въ первый разъ передъ нимъ раздался голосъ человѣка, влюбленнаго въ искусство. Въ первый разъ передъ нимъ заговорили о будущихъ великихъ судьбахъ русской литературы. Въ первый разъ этому воспріимчивому поколѣнію было сказано съ вдохновенной горячностью: не стой на колѣняхъ передъ азбукой искусства, но иди далѣе; въ первый разъ ему было передано огненнымъ словомъ, что литература не роскошь жизни, а сама жизнь, что она есть плодъ свободнаго вдохновенія и усилій людей, созданныхъ

Digitized by Google

для искусства, дышащихъ для него одного и воспроизводящихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнію котораго они живутъ и духомъ котораго дышатъ, — людей, выражающихъ въ своемъ творчествѣ внутреннюю жизнь этого народа до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній. Въ исторіи такой литературы, говорилъ юный критикъ, нѣтъ и не можетъ быть скачковъ; напротивъ, въ ней все послѣдовательно, все естественно; въ ней нѣтъ насильственныхъ или принужденныхъ переломовъ, происшедшихъ отъ какого нибудь чуждаго вліянія!

Къ такому голосу и такой рѣчи не были привычны молодые люди 1834 года. Въ нихъ сказывалась мысль человѣка, какихъ еще не видала Россія, то есть, человѣка, безпредѣльно любящаго русское искусство и дѣйствительно дышащаго только для него одного. Передъ тономъ «Мечтаній» исчезало даже достоинство подробностей статьи, весьма замѣчательныхъ, но или навѣянныхъ извнѣ, или уже не совсѣмъ новыхъ въ критикѣ. Взглядъ на народность въ искусствѣ и на нравственное значеніе поэзіи, при всей ихъ здравости, не были особенной новизной послѣ дѣятельныхъ статей Полевого, литературные шпильки и толчки, расточаемые разнымъ авторитетамъ и авторитетикамъ, были только продолженіемъ той смѣлости, за которую самъ Бѣлинскій называлъ покойнаго Никодима Аристарховича Надоумку своимъ учителемъ и предшественникомъ. Но въ главной мысли своихъ «Размышленій» и въ тонѣ статьи, прямо зарожденной этой мыслью, Бѣлинскій не имѣлъ ни учителей, ни предшественниковъ. Никто, до его времени, не относился къ русской литературѣ съ такой страстной любовью, и никто до него не могъ и не имѣлъ права говорить такихъ, навѣянныхъ безпредѣльной любовью, словъ: «истинная эпоха русскаго искусства наступитъ, будьте въ томъ увѣрены! Но для этого надо сперва, чтобъ у насъ образовалось общество, въ которомъ бы выразилась могучая физіономія русскаго народа, надобно, чтобы у него было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, взращенное на родной почвѣ. У насъ нѣтъ литературы, повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ. Вѣкъ ребячества проходитъ видимо. И дай Богъ, чтобъ онъ прошелъ скорѣе. Но еще болѣе дай Богъ, чтобъ поскорѣе всѣ разувѣрились въ нашемъ литературномъ богатствѣ. Благородная нищета лучше мечтательнаго богатства. Придетъ время, просвѣщеніе разольется по Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится; и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія на-

Digitized by Google

лагать печать русскаго духа, Но теперь намъ нужно ученье, ученье, ученье!... Самъ Гомеръ, если вѣрить преданіямъ, ревностно изучалъ науку и жизнь, обошелъ почти весь извѣстный тогда свѣтъ, и сосредоточилъ въ лицѣ своемъ всю современную мудрость. Гёте — вотъ Гомеръ, вотъ прототипъ поэта нынѣшняго времени! И такъ: намъ нужна не литература, которая, безъ всякихъ съ нашей стороны усилій, явится въ свое время, — а просвѣщеніе!...»

Ты проснись, во мракѣ спящій братъ! этотъ стихъ невольно приходитъ намъ въ голову послѣ прочтенія строкъ сейчасъ приведенныхъ. Сколько любви, сколько страсти было нужно для того, чтобъ написать ихъ, сколько любви и страсти потребовалось для того, чтобъ всю жизнь проводить эти мысли и сдѣлать ихъ не одной импровизаціей въ горячую минуту, а цѣлымъ принципомъ дѣятельности! Тутъ заслуга заслугъ и ключь къ разумѣнію лучшихъ страницъ Бѣлинскаго. Однимъ ласковымъ призывомъ въ полголоса не разбудить крѣпко спящихъ, одними легкими замѣтками честнаго дилетантизма не пересоздать забавы кружка дилетантовъ въ могучую силу цѣлаго молодого народа! Одинъ горячій призывъ, или, вѣрнѣе, цѣлая жизнь имъ наполненная, могли пробудить въ русскомъ обществѣ сознаніе важности роднаго искусства въ дѣлѣ нашего просвѣщенія. Любовь къ искусству и просвѣщенію дали Бѣлинскому силы на подобную жизнь и страсть, жившая въ его душѣ, сообщила его призывамъ магическую силу. Со дня появленія въ печати «литературныхъ мечтаній» все призваніе критика опредѣлилось съ легкостью. На смерть бороться со всѣмъ, что вредитъ родному искусству, — всюду открывать то, что можетъ его обогатить и возвеличить, эта двойная задача вполнѣ обнимала и обняла нынѣ съ собой всю дѣятельность начинавшаго критика.

Нынѣ вышедшіе три тома сочиненій Бѣлинскаго даютъ намъ полную возможность оглядѣть и оцѣнить то, какимъ образомъ нашъ авторъ выполнилъ программу выяснившуюся передъ нимъ со времени напечатанія «Литературныхъ Мечтаній». Три означенные тома обнимаютъ собою дѣтельность семи лѣтъ: съ 1834 по 1840 включительно въ нихъ помѣщено болѣе двухъ сотъ большихъ статей общаго критическаго содержанія, библіографическихъ рецензій, полемическихъ замѣтокъ и статеекъ о театрѣ. По этому приблизительному исчисленію можно судить, какъ разнообразны томы, нами разбираемые, и какъ горяча была работа Бѣлинскаго въ періодическихъ изданіяхъ, которыхъ онъ считался сотрудникомъ.

Digitized by Google

Само собой разумѣется, при такомъ разнообразіи матеріала, мы не имѣемъ возможности указать на все замѣчательное въ трехъ книгахъ, находящихся передъ нами: — даже сколько нибудь подробный разборъ этихъ томовъ былъ бы для насъ невозможенъ, но, по счастію, въ подробномъ разборѣ не настоитъ надобности. По обязанности рецензента и пылкаго сотрудника, нуждавшагося въ работѣ, — Бѣлинскій писалъ отчеты почти обо всѣхъ книгахъ, явившихся въ Россіи въ указанное семи-лѣтіе, а всякій хорошо знаетъ, многія ли изъ разбираемыхъ имъ книгъ стоятъ какого-нибудь вниманія въ настоящее время. Еслибы нашъ критикъ принадлежалъ къ многочисленному классу современныхъ намъ рецензентовъ, которые думаютъ не столько о книгѣ, ими разбираемой, сколько о внѣшней занимательности своихъ на нее рецензій, самъ бы онъ былъ менѣе добросовѣстенъ, и наконецъ, еслибы онъ на красоту собственнаго слога глядѣлъ серьознѣе, чѣмъ на текущую литературу своего времени, можетъ быть сами его рецензіи о незначительныхъ книгахъ имѣли ту бойкость, какая обыкновенно нравится въ изворотливыхъ критикахъ. Но надо сказать, къ чести нашего автора, что онъ, со времени первыхъ своихъ начинаній до конца жизни, ничего не писалъ для красоты слога. Онъ могъ увлекаться лишь тѣмъ, что, по его мнѣнію, стоило увлеченія, сердиться только на то, что казалось ему вреднымъ и сильно вреднымъ. Рецензіи его были полны поэзіей, только когда самъ онъ говорилъ о поэтѣ истинномъ: задушевныхъ словъ онъ не могъ изливать по поводу твореній, душѣ его ничего не говорившихъ. Оттого мелкія статьи Бѣлинскаго, его краткіе отзывы о пустыхъ произведеніяхъ, не важныхъ ни въ дурномъ ни въ хорошемъ смыслѣ, теперь интересны только какъ память дорогого и доровитаго человѣка, литературнымъ же достоинствомъ онѣ вовсе не богаты. Все, о чемъ Бѣлинскій могъ говорить горячо и пространно — у него выходило превосходнымъ, то же, чему онъ нехотя, и изъ журнальныхъ необходимостей, посвящалъ страничку-другую, едва стоитъ перепечатки. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ рѣзкую противоположность съ другимъ критикомъ своего времени, именно съ Сенковскимъ. Въ рецензіяхъ подробныхъ, фундаментальныхъ по возможности, покойный Брамбеусъ былъ вялъ, скученъ до того, что самъ понималъ неловкость своего положенія и видимо имъ тяготился, тогда какъ мелкія рецензіи того же Брамбеуса прославили его имя въ Россіи и до сихъ поръ остаются если не памятникомъ сильнаго дѣятеля, то остроумнѣйшимъ сборникомъ остротъ блистательно остроумнаго человѣка. Причина

Digitized by Google

разности сказывается сама собою. Бѣлинскій былъ критикомъ, Сенковскій — фельетонистомъ съ большей долей юмора, которую ему было все равно тратить куда бы то ни было. Критикъ «Молвы» и «Наблюдателя» всей душою обожалъ русскую литературу, критикъ старой «Библіотеки для чтенія» смотрѣлъ на русскую литературу, какъ насмѣшливый иностранецъ. Для Бѣлинскаго плохая и нелѣпая книжонка была ничтожнымъ, иногда тягостнымъ явленіемъ, для Сенковскаго же — золотой темой къ шутливымъ варіаціямъ. Гдѣ одинъ жаждалъ просвѣщать читателя, тамъ другой думалъ лишь о его развлеченіи. Иногда Бѣлинскій, повинуясь преходящей манерѣ или требованіямъ журналистовъ, пытается чѣмъ нибудь оживить предметъ, не лежащій близко къ сердцу, — но это ему рѣдко удается. Онъ иногда шутитъ съ бездарностію, но шутка эта выходитъ тяжела и напряженна. Ни острыхъ словъ, ни той странной, бранной удали, за которую многіе любятъ и боятся журнальныхъ критиковъ, въ его мелкихъ статьяхъ не найдете. О книгахъ въ родѣ «Страшныхъ ночей за Днѣпромъ», «Запискахъ Вадима», «Сынъ жены моей», Поль-де-Кока, «Въ тихомъ омутѣ черти водятся», и сотнѣ другихъ имъ подобныхъ, Бѣлинскій не могъ говорить съ одушевленіемъ. А поддѣлываться подъ одушевленіе (хотя бы насмѣшливое и поражающее) онъ не хотѣлъ и не могъ. У него и безъ того было чѣмъ восхищаться и съ чѣмъ бороться въ современной ему русской литературѣ.

Итакъ, пройдя безъ особеннаго сочувствія, многія изъ мелкихъ статей Бѣлинскаго за первое время его дѣятельности, мы остановимся лишь на трудахъ пространныхъ и написанныхъ съ несомнѣннымъ одушевленіемъ. Первая изъ нихъ, напечатанная въ «Телескопѣ» за 1835 годъ называется: «О русской повѣсти и о повѣсти Гоголя, по поводу «Арабесокъ» и «Миргорода». Эта статья чрезвычайно важна по многимъ причинамъ. Во первыхъ она отличается глубокимъ и блистательнымъ взглядомъ на талантъ Гоголя, въ то время еще не отдѣленнаго критикою отъ массы второстепенныхъ талантовъ, — во вторыхъ въ ней есть вѣрные взгляды на многихъ писателей, современныхъ Гоголю, въ третьихъ наконецъ она служила необходимымъ въ то время дополненіемъ къ идеямъ и положеніямъ, въ статьѣ: «Литературныя Мечтанія». Это послѣднее достоинство во многомъ послужило къ утвержденію авторитета Бѣлинскаго, и разъясненію того, что въ настоящее время для насъ, имѣющихъ возможность оцѣнивать труды критика въ общей ихъ сложности, не нуждается въ разъясненіи, но безъ чего не могли обойтись читатели журналовъ 1835 г. «Литератур-

Digitized by Google

ныя Мечтанія» произвели много добра и были оцѣнены умными людьми молодого поколѣнія, но общая идея этого труда, высказанная горячо, не всѣми была понята, какъ слѣдуетъ. Конечно, одни лишь старовѣры и тупые люди поняли слова Бѣлинскаго: *у насъ нѣтъ литературы*,—въ буквальномъ смыслѣ; конечно, многіе дѣльные люди уразумѣли, что здѣсь подъ отрицаніемъ скрыта горячая любовь къ искусству, вѣра въ его будущность, но какъ бы то ни было, любовь могла многимъ показаться безплодною, вѣра слишкомъ туманною. Не одинъ человѣкъ съ воспріимчивой душою говорилъ самъ себѣ: да какъ же буду я любить искусство, когда его у насъ не имѣется; не одинъ любитель поэзіи, остановившись надъ словами: *намъ нужно ученье, ученье и ученье, литература придетъ сама собою!* разсуждалъ такимъ образомъ: однако она можетъ придти черезъ сто лѣтъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ. Въ своихъ «Мечтаніяхъ» Бѣлинскій слишкомъ жостко затронулъ людей, которыхъ привыкла любить читающая Россія, — даже самаго Пушкина онъ назвалъ чуть ли не отжившимъ свой вѣкъ поэтомъ, но не всякій изъ читателей его времени могъ догадаться, что необходимая сжатость журнальной статьи, необходимость выказаться ярче, была причиной рѣзкости приговоровъ критика.

Итакъ, если «Литературныя Мечтанія» отчасти заставили собою предполагать въ ихъ авторѣ слишкомъ большую наклонность къ отрицанію хорошихъ сторонъ въ современной ему литературѣ, статья о повѣстяхъ Гоголя быстро разъяснила всѣ сомнѣнія, раскрыла всю поэтическую восторженность, съ которою молодой критикъ былъ способенъ глядѣть на все дѣйствительно даровитое въ родномъ искусствѣ. Статья, про которую говоримъ мы, начинается нѣсколько сходно съ «Мечтаніями» — авторъ ея примѣняетъ къ русской повѣсти все, высказанное имъ обо всей современной литературѣ, перебираетъ русскихъ повѣствователей своего времени, и отдавая каждому свою долю похвалы, высказываетъ причины ихъ общей неудовлетворительности. Послѣ глубокихъ и доспхъ поръ остающихся вѣрными взглядовъ на значеніе повѣсти и важность непринужденнаго, дѣйствительнаго творчества, онъ переходитъ къ Гоголю очень спокойно. Спокойно, даже слишкомъ спокойно, онъ говоритъ что видитъ въ молодомъ писателѣ несомнѣнный талантъ, уступающій таланту первыхъ, чужеземныхъ мастеровъ дѣла, но талантъ самобытный и несомнѣнно поэтическій. Тутъ Бѣлинскій видимо сдерживаетъ себя, какъ бы боясь упрековъ въ преувеличеніи и противорѣчіи всего имъ сказаннаго съ его же выводами о бѣдности современной русской литерату-

Digitized by Google

ры, — но эта минутная сдержанность только придаетъ особенный жаръ и неодолимую силу страсти приговорамъ, которые слѣдуютъ. Дѣйствительно, чуть начинается разборъ произведеній Гоголя, критикъ весь вспыхиваетъ и могущественнѣйшее вдохновеніе зоркаго поэта бурнымъ водопадомъ рвется во всѣ стороны. Къ отзывамъ и истолкованіямъ, высказаннымъ въ эти вдохновенныя минуты, — самый тонкій цѣнитель нашего времени, по истеченіи двадцати пяти лѣтъ, послѣ цѣлыхъ томовъ, написанныхъ о Гоголѣ,— не въ состояніи прибавить одного слова.

«Скажите, говоритъ Бѣлинскій, какое впечатлѣніе производитъ на васъ каждая повѣсть г. Гоголя? Не заставляетъ ли она васъ говорить: «какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно, — а вмѣстѣ какъ оригинально и ново?» Не удивляетесь ли вы и тому, почему вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъ же самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, и окружить ихъ тѣми же самыми обстоятельствами, такъ повседневными, такъ общими, такъ наскучившими вамъ въ жизни дѣйствительной и такъ занимательными, очаровательными въ поэтическомъ представленіи? Вотъ первый признакъ истинно художественнаго произведенія. Потомъ не знакомитесь ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко какъ будто бы вы давно его знали, долго жили съ нимъ вмѣстѣ?... Не вѣрите ли вы на слово, не готовы ли вы побожиться, что все разсказанное авторомъ есть сущая правда, безъ всякой частицы вымысла? Какая этому причина? Та, что эти созданія ознаменованы печатью истиннаго таланта, что они созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудость драматизма, сама эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій — суть вѣрные, не обманчивые признаки творчества, это поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни коротко намъ знакомой.... Когда посредственный талантъ берется рисовать сильныя страсти, глубокіе характеры онъ можетъ стать на дыбы, наговорить громкихъ монологовъ, обмануть читателя блестящею отдѣлкою, красивыми формами, самымъ содержаніемъ.... Но возьмись онъ за изображеніе повседневныхъ картинъ жизни, жизни обыкновенной, прозаической — о, навѣрное, для него это будетъ истиннымъ камнемъ преткновенія, и его вялое, холодное и бездушное сочиненіе уморитъ васъ скукою. Въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупостями, ничтожностью и юродствомъ этихъ живыхъ насмѣшекъ на человѣчество, — это удивительно, *но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ то глубоко-грустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ, вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго ідѣ жизнь тамъ и поэзія!* И какъ сильна и глубока поэзія г. Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости! Возьмите его старосвѣтскихъ помѣщиковъ — что въ нихъ? Двѣ пародіи на человѣчество, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари умираютъ. Но отчего же это очарованіе? Вы видите всю пошлость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной, — а между тѣмъ принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти,

Digitized by Google

смѣетесь надъ ними, но безъ злости, а потомъ рыдаете съ Палемономъ о его Бавкидѣ, сострадаете его глубокой неземной горести, и сердитесь на его племянника, промотавшаго достояніе двухъ простаковъ. И потомъ, вы такъ живо представляете себѣ актеровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь, вы, который, можетъ быть, никогда не бывали въ Малороссіи, никогда не видали такихъ картинъ и не слыхали о такой жизни! Отчего это? Оттого, что это очень просто и слѣдовательно очень вѣрно, — оттого, что авторъ нашелъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашелъ человѣческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ. Это чувство привычки... Можете ли вы предположить возможность мужа, рыдающаго надъ гробомъ жены, съ которой сорокъ лѣтъ грызся, какъ кошка съ собакой? Понимаете ли вы, что можно грустить о дурной квартирѣ, въ которой вы жили много лѣтъ, и съ которой у васъ соединяются воспоминанія о простой, однообразной жизни, о живомъ трудѣ и сладкомъ досугѣ, и можетъ быть о нѣсколькихъ сценахъ любви и наслажденія, — которую вы мѣняете на великолѣпныя палаты? Понимаете ли вы, что можно грустить о собакѣ, которая десять лѣтъ сидѣла на цѣпи и десять лѣтъ вертѣла хвостомъ, когда вы мимо ея проходили? О! привычка великая психологическая задача, великое таинство души человѣческой.... Но что она для человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова? Не насмѣшка ли судьбы? И онъ платитъ ей свою дань, и онъ привѣпляется къ пустымъ людямъ и горько страдаетъ, лишась ихъ! И что же еще? Г. Гоголь сравниваетъ ваше глубокое человѣческое чувство, вашу высокую, пламенную страсть съ чувствомъ привычки жалкаго получеловѣка и говоритъ, что его чувство привычки сильнѣе, глубже и продолжительнѣе вашей страсти, и вы стоите передъ нимъ потупя глаза и не зная, что отвѣчать, какъ ученикъ, не знающій урока, передъ своимъ учителемъ...»

Эти страницы удивительны, — и подобное истолкованіе твореній геніальнаго писателя достойно того, чтобъ составить эпоху въ исторіи литературы и болѣе зрѣлой чѣмъ наша. Окончаніе статьи, теперь нами разбираемой, нисколько не ниже, и мы должны бы были выписать цѣликомъ болѣе двадцати страницъ, еслибъ желали познакомить читателя со всѣми ея красотами. Но сочиненія Бѣлинскаго теперь въ рукахъ у каждаго образованнаго человѣка, и наши выписки ненужны. Пускай читатель самъ обратитъ вниманіе на разборъ «Невскаго Проспекта», на характеристику «Хомы Брута», на краткій, но изумительно поэтическій, отчетъ о значеніи «Тараса Бульбы», какъ истинной эпопеѣ, въ которой выражается вся Малороссія XII вѣка. Счастливъ писатель, котораго такъ истолковываютъ и оцѣниваютъ, — счастлива и литература, которой юныя проявленія вызываютъ такую силу любви и страстнаго пониманія!

Великая любовь къ родному искусству составляла корень всѣхъ лучшихъ достоинствъ критика Бѣлинскаго, — эта же самая любовь съ самаго начала обусловила собою успѣхъ его пламенной дѣятельности. То же поэтическое чутье, та же критическая зоркость, та же правда въ приговорахъ, — не будь онѣ согрѣты страстью, про которую говорится, — прошли бы безъ рѣзкаго слѣда, прошли бы, можетъ быть, нисколько не затронувъ читателя. Въ

Digitized by Google

публикѣ, мало развитой, убаюкиваемой легкимъ дилетантизмомъ, привыкшей глядѣть на русское искусство какъ на издѣліе утонченной роскоши — съ холоднымъ и сдержаннымъ словомъ не уйдешь далеко. Такое слово, можетъ быть, будетъ оцѣнено не многими избранниками, но вся масса народа къ нему не кинется. Но эта масса, до того равнодушная къ дѣлу, тотчасъ же заколыхалась и раскрыла глаза, когда громкій и страстный голосъ закричалъ ей: «да здравствуетъ и процвѣтаетъ могучее русское искусство, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ. Глядите, вотъ оно,—это искусство, со всѣми его начинаніями, неудачами и залогами славы! Смотрите сюда, вотъ люди его понимающіе и отдающіеся ему всѣмъ сердцемъ своимъ и всей мыслью своей. Склонитесь передъ этими людьми и уразумѣйте ихъ высокое назначеніе!»

Невозможно не радоваться тому, что Бѣлинскій, съ первыхъ же годовъ своей критической дѣятельности, очутился лицомъ къ лицу съ дѣятелями хотя немногочисленными, но истинно сильными, истинно глубокими и, что всего важнѣе, еще неоцѣненными русской публикою. Новые таланты выступали на сцену, самая новизна талантовъ этихъ возбуждала колебанія цѣнителей, и только страстное, сильно прочувствованное слово страстнаго критика могло покончить означенныя колебанія. Гоголю, въ періодѣ его начинаній, одобреніе Бѣлинскаго оказалось безцѣннымъ, не только потому, что сосредоточило взглядъ мыслящихъ людей на талантѣ Гоголя, но потому, что еще передъ самымъ поэтомъ разъяснило всю сущность его призванія. Ни при какихъ размолвкахъ, ни при самыхъ заблужденіяхъ творца «Мертвыхъ Душъ», онъ не забывалъ услуги ему оказанной, и когда, въ послѣдствіи Бѣлинскій не одобрилъ новаго направленія, принятаго Гоголемъ, это неодобреніе до глубины души поразило великаго писателя. Передъ всякимъ сильнымъ, неподдѣльнымъ дарованіемъ, критикъ Бѣлинскій велъ себя также, какъ это мы сейчасъ видѣли по поводу повѣствователя Гоголя; онъ съ жаромъ говорилъ читателю: «дорогу новому дѣятелю русскаго искусства!» и ни одного раза слово его не проходило мимо. Какъ лучшее подтвержденіе словъ нашихъ можемъ привести статью «Телескопа» о Кольцовѣ и большой этюдъ по поводу «Героя Нашего Времени», помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ». Итакъ въ первыя семь лѣтъ своей карьеры критикъ встрѣтилъ на пути своемъ Гоголя, Кольцова и Лермонтова и встрѣтилъ ихъ не славными, не увѣнчанными общей хвалой, но темными, неясными для массы и для самихъ себя, встрѣтилъ ихъ на самомъ порогѣ художественной дѣятельности. Нерушимая слава этихъ

Digitized by Google

трехъ именъ всего лучше сказываетъ о томъ, чѣмъ былъ для нихъ Бѣлинскій.

Надъ статьей о Кольцовѣ, появившейся въ «Телескопѣ» въ одинъ годъ со статьей о повѣстяхъ Гоголя, мы долго останавливаться не станемъ; она составляетъ лишь зерно того замѣчательнаго этюда о Кольцовѣ, который составился въ послѣдствіи и нынѣ помѣщенъ въ изданіи кольцовскихъ стихотвореній. Блистательнаго и даже страстнаго въ этой статьѣ весьма немного и въ этомъ отношеніи, она далеко уступаетъ разбору повѣсти Гоголя, — но, вглядѣвшись въ нее повнимательнѣе, мы безъ труда найдемъ въ ней всѣ главнѣйшія качества Бѣлинскаго. Критическая зоркость, въ ней выказавшаяся, несомнѣнна и достойна удивленія. Припомнимъ только, что литература того времени была наводнена и увѣнчанными и начинающими поэтами, что между этими поэтами имѣлось достаточное число простолюдиновъ, признаваемыхъ талантливыми, что въ первомъ изданіи произведеній Кольцова имѣлось довольное количество вещей слабыхъ и *дѣланыхъ*, и припомнивъ все это, признаемъ великую заслугу критика, въ первый разъ сказавшаго смѣлое слово — новый поэтъ явился въ русской литературѣ, — дорогу же поэту Кольцову! Хвала и поклоненіе нашему генію, говоритъ Бѣлинскій, хвала и удивленіе великому таланту! Но не откажемъ же хотя во вниманіи и этому меньшому и юнѣйшему сыну неба! Не равно лучезарны лучи, сіяющіе на ихъ главахъ, но всѣ они дѣти одного и того же неба, всѣ они служители одного и того же алтаря. Пусть одинъ будетъ ближе, другой дальше къ алтарю — выразимъ каждому почтеніе наше по мѣсту занимаемому имъ, но уважимъ всякаго, кому дано свыше высокое право служенія алтарю...

Художникъ по призванію есть всегда предметъ достойный вниманія нашего, на какой бы ступени художественнаго совершенства ни стоялъ онъ, какъ бы ни было невелико его творческое дарованіе. Если онъ точно художникъ, если точно природа помазала его при рожденіи на служеніе искусству, если онъ только не дерзкій самозванецъ, непосвященно и самовольно присвоившій себѣ право на служеніе божеству, — то, говорю я, не пройдемъ мимо его съ холоднымъ невниманіемъ, но остановимся передъ нимъ и посмотримъ на него испытующимъ взоромъ.

И мыслящіе читатели, затронутые словомъ Бѣлинскаго, не прошли мимо Кольцова съ невниманіемъ, хотя по словамъ того же критика, Кольцовъ появился въ дурное время, среди дикаго и нескладнаго рева, которымъ терзаютъ уши публики господа не-

Digitized by Google

призванные поэты, въ то время когда хриплое карканье ворона и грязныя картины будто бы родной жизни съ торжествомъ выдаются за поэзію. Но Бѣлинскій не отступаетъ передъ препятствіями, онъ задалъ себѣ задачу выдвинуть Кольцова, и какая нѣжная, отеческая заботливость слышится въ послѣднихъ словахъ его напутствія книгѣ: неужели же — говоритъ онъ — стихотворное паясничество и здѣсь заслонитъ истинную поэзію? Чего добраго! поэзія Кольцова такъ проста, такъ неизысканна и, что всего хуже, такъ истинна!... Толпа слѣпа ей нужны блескъ и трескъ, ей нужна яркость красокъ, и ярко-красный цвѣтъ у ней самый любимый... Но нѣтъ! этого быть не можетъ! Вѣдь есть же и у самой толпы какое-то чутье, которому она слѣдуетъ наперекоръ себѣ самой, и которое у ней всегда вѣрно!...

2.

Цѣлыя пять лѣтъ прошли со времени нами указанныхъ восторженныхъ статей Бѣлинскаго о Кольцовѣ и Гоголѣ, пять лѣтъ, обильныхъ всякими треволненіями, тяжелыми трудами и въ особенности плохими книгами. Въ теченіи этихъ пяти лѣтъ, съ 1835 по 1840 годъ, не часто удавалось страстному критику говорить о произведеніяхъ, запечатлѣнныхъ признаками истинной поэзіи. Пушкинъ угасъ, Кольцовъ писалъ мало, одинъ Гоголь высоко сталъ между всѣми пишущими, хотя и его дѣятельность не могла назваться изобильною. Въ какихъ же занятіяхъ провелъ Бѣлинскій эти пять лѣтъ, медленно протянувшихся для русской литературы? Какъ относился онъ къ ней, къ этой литературѣ, послѣ своего приговора о ея несуществованіи, послѣ громко заявленныхъ надеждъ на будущее и громко признанной неудовлетворенности настоящимъ? И какимъ способомъ ухитрится нашъ критикъ, посреди дешовыхъ явленій дешовой современной литературы, посреди срочнаго и невсегда радостнаго труда, сохранить ту огненную воспріимчивость натуры, которая, по видимому, могла только ослабляться съ годами и наплывомъ будничныхъ занятій рецензента?

На вопросы эти нашъ отвѣтъ будетъ коротокъ: Бѣлинскій остался прежнимъ Бѣлинскимъ за всѣ пять лѣтъ, о которыхъ сейчасъ говорено было. Вѣра въ самобытность и будущее величіе русскаго искусства горѣла въ его душѣ съ прежней силою. Онъ могъ ждать. Онъ могъ не тяготиться своей дѣятельностью по многимъ причинамъ. Извѣстность Бѣлинскаго, какъ критика, росла съ каждымъ годомъ, и самая ярость его противниковъ свидѣтельствовала о томъ, что голосъ, такъ имъ ненавистный, не понапрасну

Digitized by Google

гремитъ въ русской литературѣ. Борьба за любимое дѣло улыбалась нашему критику, который самъ говорилъ въ одной изъ своихъ рецензій: ужели стоитъ оскорбляться тѣмъ, что люди посредственные, холодные къ дѣлу истины, лишенные огня Прометеева, провозгласятъ насъ крикуномъ или ругателемъ? Понятна-ли вамъ запальчивость, справедливая въ самой несправедливости? Понимаете-ли вы глахенство взбѣсить жалкую посредственность, разшевелить мелочное самолюбіе, возбудить къ себѣ ненависть ненавистнаго, злобу злого?! Съ своей горячностью и готовностью на всякую борьбу во имя искусства, Бѣлинскій былъ страшнымъ противникомъ для многихъ, и самое обиліе его антагонистовъ показываетъ, что ему было съ чѣмъ бороться. Само собой разумѣется, борьба не обходилась безъ жосткихъ словъ, преувеличенныхъ оцѣнокъ и такъ далѣе, но ясный и внимательный обзоръ политической дѣятельности Бѣлинскаго за первый годъ вполнѣ удостовѣряетъ насъ, что нашъ критикъ, при небольшихъ частныхъ погрѣшностяхъ противъ умѣренности, въ цѣломъ былъ всегда и правъ, и даже благородно сдержанъ въ своихъ приговорахъ.

Мнѣніе, нами высказанное, можетъ возбудить не одно противорѣчіе со стороны людей, читавшихъ Бѣлинскаго по отдѣльнымъ отрывкамъ, безъ системы и послѣдовательности, — но пусть они перечитаютъ три книги, находящіяся передъ нами, и предубѣжденіе ихъ во многомъ измѣнится. Съ зоркостью геніальнаго цѣнителя Бѣлинскій раздѣлилъ все дурное и вредное въ русской литературѣ того времени на два отдѣла: къ одному относитъ онъ все устарѣлое и отживающее, и, слѣдовательно, не требующее особенно энергическаго противодѣйствія со стороны свѣжей силы; во второмъ считаетъ онъ только то, что можетъ ослѣпить и увлечь, по своей новизнѣ, довольно разумную и еще развивающуюся массу публики. Черезъ это мы подмѣчаемъ въ статьяхъ Бѣлинскаго одну странность, которая только съ виду кажется странною. Лица, оскорблявшія Бѣлинскаго всѣми мѣрами, вредившія ему всѣми дозволенными и недозволенными способами, корифей старой «Сѣверной Пчелы», псевдоклассики, отжившіе Аристархи, почти не возбуждаютъ гнѣва Бѣлинскаго, — говоря о нихъ, онъ никогда не возвышается до филиппики, шутка, иронія, эпиграмма, возстановленіе фактовъ ими искаженныхъ,—другого оружія онъ противъ нихъ не употребляетъ. Наоборотъ: — лица одаренныя талантомъ, чистыя отъ журнальныхъ интригъ, уважаемыя въ своей частной жизни и не враждовавшія лично съ Бѣлинскимъ, подвергаются всей страшной силѣ его полемики. О г. Булгаринѣ нашъ критикъ

Digitized by Google

говоритъ шутливо, на людей, подобныхъ Марлинскому, Бенедиктову и Загоскину онъ ополчается какъ на истинныхъ противниковъ, признавая за каждымъ изъ нихъ несомнѣнную долю дарованія, но не давая пощады малѣйшему недостатку, кидаясь въ бой sans grace, ni mercі, ni trêve. Нужно ли истолковывать значеніе этой тактики? Г. Булгаринъ и его единомышленники борьбы настоящей не стоили. Они какъ будто пользовались авторитетомъ, они имѣли своихъ читателей, но проницательный глазъ человѣка, преданнаго родному искусству хорошо видѣлъ, что они стоятъ какъ гнилое дерево, до перваго вѣтра, стоятъ и не даютъ никакихъ отпрысковъ, г. Бенедиктовъ въ поэзіи и Марлинскій въ прозѣ были новымъ дѣломъ, и гроза, воздвигнутая на нихъ Бѣлинскимъ, только дѣлаетъ честь ихъ личностямъ и ихъ временному значенію. Труды ихъ читались съ жадностью и питали собой молодежь, личности ихъ не отталкивали отъ себя, а возбуждали симпатію, дѣятельность ихъ стоила вниманія, но въ то же время эта дѣятельность, по искреннѣйшему убѣжденію Бѣлинскаго, была вредна для литературы. Въ этой дѣятельности видѣлъ онъ во первыхъ сближеніе съ извращенными теоріями неистовой французской словесности, во вторыхъ пагубный примѣръ для начинающихъ дѣятелей, въ третьихъ помѣху пониманію публикою писателей болѣе даровитыхъ. Мы далеки отъ того времени, когда страницы изъ «Фрегата Надежды» заучивались наизусть восторженными юношами, а повѣсти Гоголя считались чѣмъ-то непристойнымъ, потому-то намъ и не всегда легко понимать гнѣвное отношеніе Бѣлинскаго, напримѣръ, къ повѣсти «Фрегатъ Надежда». Зоркій на подробности, еще болѣе зоркій въ дѣлѣ общихъ выводовъ, нашъ критикъ могъ назваться единственнымъ критикомъ того времени, разумѣвшимъ все громадное значеніе *простоты въ искусствѣ*. Съ идеей объ этой простотѣ для него сливались всѣ залоги будущности драгоцѣнной ему русской литературы то есть ея самобытность, ея національность, ея сближеніе съ жизнью, ея разрывъ съ чужестранной рутиной. Къ этой простотѣ онъ рвался всей душею изъ душнаго склепа, въ которомъ лежала литература, стремился вынести ее на чистый воздухъ, къ солнцу и свѣту.

«Художественное произведеніе», высказываетъ намъ Бѣлинскій въ своемъ удивительномъ разборѣ сочиненій Марлинскаго: «рѣдко поражаетъ душу читателя сильнымъ впечатлѣніемъ съ перваго раза, послѣ же и массѣ оно всегда не по плечу и трудно дается. Даже если, подъ вліяніемъ избранныхъ цѣнителей, оно признано, то все таки еще остается вопросъ — понято ли оно толпою? у насъ и толпа хвалитъ Шекспира, а всегда промѣняетъ его драму на водевиль и пьесу съ эфектами.

Digitized by Google

О Пушкинѣ всѣ кричали, а Онѣгинъ и Годуновъ подали поводъ къ разговорамъ о томъ, что Пушкинъ палъ. Публика, забывая великихъ поэтовъ, рвется и бросается ко всему, что странно, дико-оригинально, ко всему, что бьетъ въ глаза и раздражаетъ зрительный нервъ густотою красокъ. Общество знать не хочетъ о томъ, что истинно художественное произведеніе всегда поражаетъ своей истиною, естественностью, вѣрностью дѣйствительности. *Простота есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины* и художественныя произведенія сильны ею, тогда какъ мнимо-художественныя часто гибнутъ отъ нея, и потому по необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновенности».

Сблизивши со словами этими многіе отрывки рецензій Бѣлинскаго и въ особенности заключительную страницу его отзыва о талантѣ Кольцова (выше выписанную нами въ сокращеніи), читатель безъ труда станетъ на точку зрѣнія разбираемаго нами критика. Все реторическое, яркое, эффектно-разсчитанное въ поэзіи казалось Бѣлинскому не простымъ литературнымъ грѣхомъ, а преступленіемъ передъ развивающеюся публикою, вредомъ для хода истинныхъ поэтовъ, поруганіемъ тому алтарю искусства, передъ которымъ онъ служилъ такъ благородно. Тутъ разгадка его запальчивости, его раздраженія при борьбѣ, его неукротимости въ нападеніи и отпорѣ.

Но — скажутъ намъ, быть можетъ — была ли такъ необходима эта запальчивость и неукротимость, это неуклонное гоненіе на нѣкоторое число честныхъ именъ, гоненіе, кончившееся лишь со смертью Бѣлинскаго? Не было ли достаточнымъ, со стороны критика, одно твердое указаніе на вредъ ненавистной ему школы? Неужели ея корифеи не были въ состояніи, съ годами уразумѣть свои собственные недостатки? Неужели для пользы искусства Бѣлинскому было необходимо, во время долгихъ годовъ своей дѣятельности, постоянно оскорблять писателей симпатическихъ, и при всѣхъ погрѣшностяхъ, чистыхъ отъ всякой литературной грязи? Признаемся откровенно, мы и сами одно время такъ думали, и по обыкновенію высказывали нашу мысль безъ утайки. Но съ годами и наша точка зрѣнія измѣнилась. Три тома, лежащіе передъ нами, во многомъ этому содѣйствовали. Въ этихъ трехъ томахъ мы нашли ясное доказательство той мысли, что при шаткомъ и незрѣломъ состояніи нашего искусства, критику необходимо упорство и неуклонное, долгое проведеніе всякой новой мысли, какъ бы эта мысль ни была общедоступна. Мы еще не дожили до той поры, когда одно слово мудраго цѣнителя можетъ ниспровергать заблужденія и выводить заблуждающіяся массы на ровную дорогу къ истинѣ.

Digitized by Google

Рутина именно сильна тамъ, гдѣ она безсознательна. Передъ этой безсознательной рутиной погибало не одно благое начинаніе самого Бѣлинскаго. Если хотите видѣть погибель одного изъ такихъ начинаній, пересмотрите статьи Бѣлинскаго о театрѣ, разбросанныя по всѣмъ тремъ томамъ. Тутъ найдете вы разгадку на вопросъ, недавно приведенный нами, тутъ, по аналогіи, вы отыщете причину, по которой неотступная и неуклонная борьба съ реторической школою русской литературы была истинно необходима и дѣйствительно неизбѣжна.

Бѣлинскій началъ писать о театрѣ около 1835 года, въ московскихъ журналахъ, и прекратилъ эту дѣятельность около 1840 года, когда съ поступленіемъ его въ число главныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» поприще нашего критика значительно расширилось. Статьи его о театрѣ и новыхъ піесахъ (мы сейчасъ будемъ разбирать ихъ съ нѣкоторой подробностью) появлялись рѣдко и почти не доходили до Петербурга. По всей вѣроятности, и артисты и театральное начальство стараго времени, весьма неблагосклонно глядѣли на молодого цѣнителя съ горячностью нападавшаго на ихъ слабыя стороны; въ публикѣ, испорченной водевилями и мелодрамами, критикъ тоже находилъ немного сочувствія; вслѣдствіе всего этого и, еще болѣе, вслѣдствіе переѣзда въ Петербургъ, Бѣлинскій охладѣлъ къ театру, и съ усиленіемъ своего критическаго значенія, совершенно оставилъ означенный родъ занятій. Такъ лишилась наша сцена одного изъ драгоцѣннѣйшихъ ревнителей, такъ погасъ яркій лучъ свѣта, на время озарившій всѣ ея погрѣшности. По здравости и новизнѣ высказанныхъ идей, — театральные разборы Бѣлинскаго — совершенство своего рода, и во всякомъ другомъ обществѣ могли бы совершить цѣлый драматическій переворотъ, подобный перевороту, свершенному Драматургіею Лессинга. Въ этихъ краткихъ рецензіяхъ указаны были всѣ язвы и пороки русской сцены, — ея рутинность, ея зависимость отъ прихоти массъ, ея подражательность, ея стремленіе къ аффектаціи и противоестественности. И обличеніе въ этомъ дѣлѣ не было обличеніемъ безплоднымъ: рядомъ съ безнадежными сторонами русскаго театра, Бѣлинскій указывалъ на средства его обновленія, привѣтствовалъ постановку Шекспировскихъ драмъ, разъяснялъ талантъ Мочалова, требовалъ отъ артистовъ любви къ дѣлу, высказывалъ великое значеніе простоты въ искусствѣ, такъ имъ чтимой. Но что же вышло изъ всѣхъ этихъ начинаній? Чуть обстоятельства удалили Бѣлинскаго отъ театра, сила правды, имъ высказанной, стала слабѣть замѣтно.

Digitized by Google

Критикъ не могъ въ одно и тоже время протянуть свою руку и литературѣ и театру, послѣдствія того до сихъ поръ намъ видимы въ той безднѣ, которая въ наше время лежитъ между русскимъ театромъ и русской словесностью. Все, что въ словесности нашей давно уже вымерло, и отброшено на вѣки, еще со всей силой живетъ на театрѣ. Всѣ положенія, всѣ уроки Бѣлинскаго вѣрны до сей поры. На нашихъ афишахъ до сихъ поръ безобразныя издѣлія французскаго вкуса стоятъ рядомъ съ созданіями Шекспира, и презрѣннѣйшіе водевили, драмы «Картушъ» и «Идіотъ», даются въ перемежку съ послѣднимъ поэтическимъ произведеніемъ Островского! Подумавши обо всемъ этомъ, можно, и не учившись въ семинаріи, разрѣшать всѣ сомнѣнія о томъ, правъ ли былъ Бѣлинскій, такъ неуклонно и такъ долго проводившій свою мысль о гибельномъ вліяніи реторической школы въ литературѣ. Отправляясь отъ печальнаго зрѣлища, представляемаго намъ современною русской сценой, мы можемъ представить себѣ съ должной ясностью тотъ вредъ, который былъ бы нанесенъ всей литературѣ въ томъ случаѣ, если бы реторическая школа, при всякой своей попыткѣ на дѣятельность, не встрѣчала неумолимаго отпора въ Бѣлинскомъ. Примѣръ театра у насъ передъ глазами и мы хорошо знаемъ чѣмъ именно грѣшна русская сцена. Всѣ указанія были ей сдѣланы, всѣ новые пути были ей открыты, но отпоръ заблужденіемъ не могъ совершаться постоянно — и русская сцена позабыла всѣ благотворные уроки, ей преподанные.

Заговоривши о статьяхъ Бѣлинскаго, относящихся до театра, мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ объ общей физіономіи этихъ статей, въ высшей степени дѣльныхъ и въ высшей степени *поэтическихъ*. Судьбы драматическаго дѣла, какъ отрасли родного искусства, такъ драгоцѣннаго нашему критику, не могли не занимать собою мыслей Бѣлинскаго. Но этого мало, нашъ авторъ любилъ театръ еще своей собственной, особенной любовью. Быть въ театрѣ, спорить о театрѣ, писать о театрѣ — считалъ онъ за наслажденіе, за свѣтлый отдыхъ отъ бурнаго труда, и насущныхъ тревогъ жизни. Бѣлинскій до конца своего принадлежалъ къ разряду тѣхъ счастливыхъ юношей, которые по выходѣ изъ театра «къ Шиллеру заѣзжаютъ въ гости», унося въ своемъ воображеніи испанскую улицу съ мавританскими строеніями, и кудрявую головку, выглядывающую изъ полуоткрытаго готическаго окна, и звуки гитары и тихій плескъ фонтановъ по мрамору, однимъ словомъ все то, чего не существуетъ на нашей бѣдной сценѣ. «Зачѣмъ мы ходимъ въ театръ, зачѣмъ мы такъ любимъ

Digitized by Google

театръ?» говоритъ вашъ критикъ въ одной изъ своихъ первыхъ рецензій. «Затѣмъ, что онъ освѣжаетъ нашу душу, завядшую, заплѣснѣвшую отъ сухой и скучной прозы жизни, затѣмъ, что онъ волнуетъ нашу застоявшуюся кровь, неземными муками, неземными радостями, и открываетъ намъ новый, преображенный и дивный міръ страданій и жизни! Въ душѣ человѣческой есть то особенное свойство, что она какъ будто падаетъ подъ бременемъ сладостныхъ ощущеній изящнаго, если не раздѣляетъ ихъ съ другою душой. А гдѣ же этотъ раздѣлъ является такъ торжественнымъ, такъ умилительнымъ, какъ не въ театрѣ, гдѣ тысячи глазъ устремлены на одинъ предметъ, тысячи сердецъ бьются однимъ чувствомъ, тысячи грудей задыхаются отъ одного упоенія, гдѣ тысячи отдѣльныхъ лицъ сливаются въ одно общее цѣлое въ гармоническомъ созданіи безпредѣльнаго блаженства?...» Въ другомъ мѣстѣ говоритъ Бѣлинскій: «Театръ! любите ли вы театръ такъ какъ я люблю его, то есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ ослѣпленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, живая и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы *не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины?* И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть ли онъ исключительно самовластный властитель нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ побуждать и волновать ихъ, какъ воздымаетъ ураганъ песчаныя метели въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи?... Что же такое, спрашиваю васъ, этотъ театръ? О, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній? *Эти звуки настроиваемыхъ въ оркестръ инструментовъ томятъ вашу душу предчувствіемъ какого-то неизъяснимо сладостнаго блаженства.* Этотъ народъ, наполняющій огромный амфитеатръ, раздѣляетъ ваше нетерпѣливое ожиданіе... этотъ роскошный и великолѣпный занавѣсъ, это море огней намекаютъ вамъ о чудесахъ и дивахъ, развѣянныхъ по прекраспому Божію творенію и сосредоточенныхъ на тѣсномъ пространствѣ сцены...» Съ сокрушеннымъ сердцемъ пріостанавливаемся выписывать эти упоительно поэтическія строки, но думаемъ, что читатель, увлеченный ими, самъ отыщетъ ихъ продолженіе въ первомъ томѣ сочиненій Бѣлинскаго, на страницѣ 94 и слѣдующихъ.

Очень часто одинъ *тонъ* критической статьи бываетъ важнѣе всего ея содержанія — тоже самое мы видимъ во многихъ стать-

Digitized by Google

яхъ нашего автора о театрѣ. Предъ поэзіею ихъ тона и подробностей меркнетъ многое, не взирая на то, что предметы разборовъ иногда очень важны и касаются (какъ мы видѣли) самой сущности дѣлъ русскаго театра. Но ни оцѣнка мочаловскаго Гамлета, ни мастерской разборъ значенія Каратыгина, какъ трагика, не въ состояніи вполнѣ завладѣть нашимъ сочувствіемъ. Оно уже отдано самому Бѣлинскому, а тамъ, гдѣ Бѣлинскій поэтиченъ, актеру остается отойти на задній планъ, хотя бы этотъ актеръ звался Мочаловымъ. Въ театральныхъ статьяхъ нашего критика разбросано нѣсколько эпизодовъ и отступленій, носящихъ на себѣ свѣтлую печать личности самаго критика, многія изъ означенныхъ отступленій драгоцѣнны для лицъ его знавшихъ. Что, напримѣръ, можетъ быть наивнѣе, яснѣе слѣдующихъ строкъ о Петровскомъ паркѣ и Петровскомъ театрѣ—строкъ, очевидно писанныхъ подъ вліяніемъ порывисто-счастливой минуты:

«Кажется, 17 мая въ театрѣ Петровскаго парка давали «Ревизора». Какое очаровательное гулянье этотъ Петровскій паркъ! Нѣтъ лучшаго гулянья ни въ Москвѣ, ни въ ея окрестностяхъ! Эти дороги, по которымъ можно ѣздить, окаймленныя дорожками, по которымъ можно только ходить, эти поляны, луга — зеленые острова съ купами деревьевъ, пруды, красивые, живописные домики, строеніе воксала, этотъ театръ — игрушка, этотъ фантастическій Петровскій замокъ, полузакрытый деревьями, эти толпы народа, волнующіяся по дорожкамъ, то разбросанныя по лугу, отдѣльными обществами, подъ деревьями, за столиками, пьющія чай — какая очаровательная, одушевленная, полная жизни картина? И когда вечеръ тихо спустится съ суроваго, хотя и чистаго неба, и все начнетъ становиться тише, торжественнѣе, неопредѣленнѣе, березы сильнѣе задышатъ своимъ ароматомъ, разноцвѣтныя шляпки, шали, манто, съ прелестнѣйшими головками, чудеснѣйшими личиками, сольются во что-то неопредѣленное и цѣлое — какая фантастическая, волшебная картина! Да, Петровскій паркъ лучшее гулянье Москвы; нельзя было сдѣлать московской публикѣ лучшаго подарка, какъ превративъ это обыкновенное мѣсто въ какой-то эдемъ!... Тутъ соединено все — и природа и искусство и деревня и городъ: вы можете дышать свѣжимъ воздухомъ, вдыхать въ себя обаятельный запахъ весенней зелени, словомъ наслаждаться природой и деревнею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользоваться всѣмъ, что только можетъ доставить вамъ столичный городъ. Это гулянье европейское, оно отличается характеромъ общественности. Тутъ всѣ сословія, всѣ общества, кромѣ того, для котораго существуетъ Марьина роща. И оно лучше: наслаждаться можно только не мѣшая другъ другу. Какъ хорошо, погулявши въ паркѣ, пойти въ этотъ миніатюрный театръ, посмотрѣть на эту маленькую сцену, которая вся видна и съ которой все слышно, взглянуть на эту небольшую, сжатую и пеструю публику! Первый рядъ креселъ иногда занимается дамами, и это придаетъ особенно очаровательный и пріятный оттѣнокъ маленькому театру. Какъ пріятно въ антрактахъ выходить на крыльцо театра, наблюдая за вечерѣющимъ днемъ и за этою живою картиною, которая черезъ каждые полчаса принимаетъ новый характеръ! Какъ пріятно изъ освѣщеннаго амфитеатра, по окончаніи спектакля, выйти на свѣжій воздухъ, когда уже темно все разъѣзжается, разбродится и, какъ тѣни на поляхъ Елисейскихъ, мелькаютъ толпы въ сумракѣ».

Digitized by Google

Иной холодный читатель, можетъ быть, спроситъ: да какое же дѣло любителямъ русской сцены до того, что Бѣлинскій, въ Петровскомъ театрѣ, и около театра, восхищался лѣтнимъ вечеромъ болѣе чѣмъ мы, разсудительные люди, восхищались видомъ неаполитанскаго залива? На это мы отвѣтимъ только то, что половина силы Бѣлинскаго, какъ цѣнителя, заключалась въ его способности на восторженность. Кому неизвѣстно, что одаренный отъ Бога человѣкъ, въ минуты душевнаго восторга, видитъ и дальше и глубже остальныхъ людей, съ тѣмъ и толковать нечего. Бѣлинскій бывалъ счастливъ, уже подходя къ театру, колыхающійся занавѣсъ и одно ожиданіе хорошей піесы повергали его въ горячее настроеніе духа, и всѣ его статьи о театрѣ показываютъ, къ какой зоркости и къ какимъ выводамъ вело его сказанное настроеніе. Перечитайте то, что онъ пишетъ о постройкѣ «Гамлета», что говоритъ онъ объ «Отелло» Шекспира, и припомните то, что Бѣлинскому, и прежде всѣхъ Бѣлинскому, Мочаловъ одолженъ восторженнымъ признаніемъ великихъ сторонъ своего таланта. Съ переѣздомъ нашего критика въ Петербургъ, пылкія отношенія его къ судьбамъ русской сцены охладѣли, что и замѣтно въ его статьяхъ, писанныхъ изъ Петербурга. Каратыгинская плеяда артистовъ не пришлась Бѣлинскому по сердцу, точно также какъ не пришлись по немъ трескучія драмы Полевого и Кукольника. Отдавая отчетъ о «Велизаріи» и разныхъ водевиляхъ Александринскаго театра, рецензентъ далекъ отъ того восторга, съ какимъ ходилъ онъ по Петровскому парку, дожидаясь часа представленія, за то и статьи его о петербургскомъ театрѣ дѣльны и основательны, но не могутъ равняться со статьями, на которыя мы недавно указывали.

Въ одной изъ статей перваго тома своихъ сочиненій (стр. 93) Бѣлинскій говоритъ, что онъ любитъ драму предпочтительно передъ эпопеею, лиризмомъ и такъ далѣе. «Между искусствами, продолжаетъ онъ, драма есть тоже что исторія между науками». Драматическая поэзія кажется ему если не лучшимъ, то во всякомъ случаѣ ближайшимъ къ намъ родомъ поэзіи. Въ трехъ томахъ, находящихся передъ нами, мы постоянно встрѣчаемъ слѣдъ этого убѣжденія. Переставши писать статьи о театрѣ, рѣдко посѣщая залу, гдѣ раздавались крики Каратыгина и водевильные куплеты актрисъ въ мужскомъ платьѣ, Бѣлинскій однако не позабылъ стремленій своей юности. Замѣчательное драматическое произведеніе, появляясь въ печати, волновало его почти также, какъ будто бы онъ его сейчасъ только видѣлъ на театральныхъ подмо-

Digitized by Google

стках. Этюдъ по поводу «Горя отъ Ума» въ новомъ изданіи (томъ 3-й) содержитъ въ себѣ не только превосходную характеристику Грибоѣдова-драматурга, но множество замѣчаній о сущности комедіи, и, сверхъ того, подробный разборъ Гоголева «Ревизора», разборъ до сихъ поръ остающійся свѣжимъ и вѣрнымъ во всякомъ словѣ. Къ этому этюду и до сихъ поръ должно обращаться не однимъ литераторамъ или историкамъ литературы, но и всякому добросовѣстному актеру, желающему извлечь изъ своего таланта все, что слѣдуетъ. Другимъ слѣдомъ любви Бѣлинскаго къ драматическому искусству осталась намъ его рецензія на «Гамлета» въ переводѣ Полевого, — съ одной стороны кидающая яркій свѣтъ на отношенія русскихъ переводчиковъ къ Шекспиру, а съ другой полная горячими привѣтами смѣлой попыткѣ къ популяризированію у насъ Шекспирова генія. Рецензія, нами названная, стоитъ вниманія еще въ другомъ отношеніи, какъ опроверженіе довольно распространеннаго мнѣнія о крайней нетерпимости Бѣлинскаго, о его суровой враждѣ ко всѣмъ людямъ, не принадлежавшимъ къ его собственному лагерю. Къ этому лагерю Полевой не принадлежалъ, и мнѣнія и труды Полевого много разъ враждебно встрѣчались съ убѣжденіями Бѣлинскаго, но достаточно было Полевому взяться за Шекспира, и память несогласій пропала, и честному труду первая завидная дань была отдана перомъ перваго нашего критика.

Какъ другой примѣръ терпимости и безпристрастія, къ трудамъ писателей самаго несимпатическаго Бѣлинскому круга, мы можемъ привести рецензію на сочиненія г. Греча, напечатанную во второмъ томѣ разбираемаго нами изданія. Самому поверхностному изъ читателей хорошо извѣстны отношенія г. Греча и всѣхъ его изданій къ Бѣлинскому, связь названнаго нами писателя съ Ѳаддѣемъ Булгаринымъ и оскорбительныя нападенія «Сѣверной Пчелы» не только на литературную дѣятельность, но на частную жизнь и не подлежащія литературному суду мнѣнія Бѣлинскаго. При такихъ обстоятельствахъ, и жолчь и нетерпимость почти что извинительны, но, къ удивленію нашему, въ рецензіи на сочиненія г. Греча мы встрѣчаемъ тонъ истинно безпристрастный и почти симпатическій. Оставляя въ сторонѣ полемическую дѣятельность разбираемаго автора, справедливо снимая съ г. Греча всякую отвѣтственность въ дѣлѣ художества, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе отдаетъ ему полную справедливость какъ образованному литератору, умному туристу и занимательному разскащику. Въ началѣ статьи Бѣлинскій нападаетъ на обычное пристрастіе жур-

Digitized by Google

нальныхъ отзывовъ и шутитъ надъ читателемъ, который, по всегдашней рутинѣ, узнавши, что Бѣлинскій пишетъ о Гречѣ, готовъ воскликнуть: посмотримъ-ка, какъ его тутъ отдѣлали! Вся рецензія, о которой мы не имѣемъ возможности говорить подробно, съ ясностью говоритъ о томъ, на сколько нашъ критикъ былъ тверже, независимѣе и просвѣщеннѣе просвѣщеннѣйшихъ изъ своихъ товарищей по журналистикѣ.

Откуда же наконецъ, спросятъ насъ съизнова, взялось общее убѣжданіе о пламенномъ задорѣ и нетерпимости статей Бѣлинскаго? Убѣжденіе это, само по себѣ преувеличенное и распространенное противниками нашего критика, покоится на двухъ основаніяхъ. Первое изъ нихъ — отношенія Бѣлинскаго къ реторической школѣ, которой, какъ мы видѣли выше, онъ не давалъ пощады ни отдыха, а второе — дѣятельность его немногихъ послѣднихъ годовъ, омраченныхъ недугомъ, гоненіями и нуждою. Въ эти годы нашему автору случалось быть несправедливымъ къ лицамъ, одареннымъ отъ Бога, случалось грѣшить передъ цѣлыми кругами мыслителей имѣвшихъ все право на сочувствіе (назовемъ партію писателей, звавшихъ себя славянофилами) случалось, изъ принципа, восхищаться посредственными литераторами, которыхъ вся заслуга заключалась въ добрыхъ намѣреніяхъ и тенденціяхъ ему симпатичныхъ. Но и тутъ, скажемъ торжественно, — онъ часто бывалъ неправъ — никогда не бывалъ золъ и мелокъ. Это мнѣніе мы хранили всегда и никогда его не измѣняли. Ошибки его были ошибками порывистой натуры, благородной во всемъ, начиная отъ убѣжденій до послѣднихъ мелочей спора. Онъ бился горячо и честно, и этотъ бой всегда имѣлъ видъ поэтическаго поединка предъ лицомъ свѣта, не мелкой драки, о которой говорить люди совѣстятся. Нападая на человѣка Бѣлинскій шелъ на то, чтобъ сломить своего противника, подвергаясь всѣмъ случайностямъ ровнаго или неровнаго боя. Никогда не кидался онъ на своего недруга затѣмъ, чтобы съ бѣшенствомъ показать ему языкъ и, свершивъ это дѣло, укрыться въ какую нибудь трущобу. Оттого-то мы теперь и видимъ такую страшную разницу между Бѣлинскимъ и мальчиками, которые, заимствовавъ отъ него одну горячность и рѣзкость манеры, думаютъ, что поняли духъ мудраго критика. Тамъ, гдѣ Бѣлинскій бился истиннымъ рыцаремъ, — они только могутъ съ бѣшенствомъ показывать свой языкъ всякому проходящему.

3.

Здѣсь мы оканчиваемъ нашу первую статью о критической

Digitized by Google

дѣятельности Бѣлинскаго, — остальныя появятся съ появленіемъ слѣдующихъ томовъ его сочиненій. Статья наша вышла такъ объемиста что намъ не остается мѣста для пересмотра главныхъ эстетическихъ положеній нашего критика, въ ихъ общемъ очертаніи. До сихъ поръ мы говорили о взглядахъ Бѣлинскаго въ ихъ примѣненіи къ главнѣйшимъ явленіямъ современной ему русской литературы и русской сцены, — для того, чтобъ передать теоретическія основы этихъ взглядовъ, потребна работа весьма многосложная и довольно безплодная. Читатель невнимательный соскучится сухимъ обзоромъ, читатель, глубоко любящій Бѣлинскаго, самъ съумѣетъ отыскать тѣ статьи, въ которыхъ проглядываетъ философская сторона главнѣйшихъ его положеній. Мы, съ своей стороны, можемъ лишь руководить читателя, назвавъ ему этюды и рецензіи, стоящія особеннаго вниманія въ означенномъ отношеніи. Таковы, напримѣръ, въ первомъ томѣ: «Литературныя Мечтанія», статья о русской повѣсти, начало рецензіи стихотвореній Баратынскаго, разборъ стихотвореній Кольцова и Бенедиктова. Во второмъ томѣ назовемъ: «Отчетъ г. издателю «Телескопа», за послѣднее полугодіе русской литературѣ», и статью за ней слѣдующую, двѣ статьи по поводу «Гамлета», въ третьемъ особенно замѣчательны: «Менцель, критикъ Гёте», рецензія на «Горе отъ Ума» и повѣсти Марлинскаго, наконецъ, разборъ «Героя нашего Времени» и, особенно, начало этого разбора. Само собой разумѣется, что дѣятельность, обнимающая собою слишкомъ шесть лѣтъ бойкой и кипучей молодости, не можетъ не быть обильна противорѣчіями, само собой разумѣется, что въ арсеналѣ эстетическихъ положеній Бѣлинскаго за этотъ періодъ времени, всякая литературная партія (кромѣ дидактической) можетъ легко найти оружіе въ защиту своихъ собственныхъ прихотей, — но тѣмъ не менѣе, въ основныхъ эстетическихъ теоріяхъ Бѣлинскаго за означенные годы много стройности и послѣдовательности. Колебанія встрѣчаются лишь въ первый годъ его трудовъ, когда онъ вѣровалъ въ современное значеніе французской литературы и ждалъ отъ романтическихъ идей Шлегеля чего-то большаго, чѣмъ они могли ему принести, но и эти колебанія болѣе отражаются на подробностяхъ, разряжаются пятью-шестью опрометчивыми приговорами и окончательно исчезаютъ съ той поры, когда философскія и эстетическія теоріи Гегеля, «властителя думъ» тогдашней молодежи, сдѣлались достаточно знакомы нашему критику. Бѣлинскій не могъ самъ читать Гегеля, не могъ (что чрезвычайно важно) слѣдить за трудами Гегелевыхъ противниковъ и Гегелевыхъ еди-

Digitized by Google

номышленниковъ, положенія, передаваемыя ему, онъ воспринималъ отъ молодыхъ энтузіастовъ; оттого и увлеченія были неизбѣжны. Но эти увлеченія имѣли свою прелесть, они всегда выходили лишь *недостаткомъ качествъ* Бѣлинскаго и на мгновеніе сбрасывая его съ прямой дороги, еще не ставили зоркаго критика на путь ложный. Сверхъ того, означенныя увлеченія драгоцѣнны для уразумѣнія будущей дѣятельности Бѣлинскаго съ ея блестящими и слабыми сторонами. Когда нашъ критикъ въ статьѣ о Менцелѣ яростно грозитъ политическую дидактику и называетъ поучительные романы Жоржа-Санда нелѣпыми и возмутительными, мы очень хорошо объясняемъ себѣ, что такое преувеличеніе мудраго принципа имѣетъ привести за собой реакцію, можетъ быть столь же неумѣренную. Когда онъ, въ маленькой, но превосходной рецензіи на труды Полежаева, всѣхъ плачевныхъ и скорбящихъ поэтовъ съ презрѣніемъ называетъ *лазаретными* и, опираясь на авторитетъ Гёте, гонитъ ихъ съ Парнаса, мы хорошо видимъ, что подобное уклоненіе отъ *всесторонности* (составлявшей ключъ Гётева величія), весьма можетъ, подъ вліяніемъ минуты и новизны, смѣниться уклоненіемъ въ другую сторону. Съ своей пылкой душою, съ своей пламенной жаждой знанія, Бѣлинскій, въ основномъ пунктѣ цѣнительскаго дѣла, былъ принужденъ дѣйствовать чрезъ *посредниковъ* со всѣмъ ихъ неизбѣжнымъ прозелитизмомъ и энтузіазмомъ. Одно глубокое изученіе эстетиковъ-практиковъ (напримѣръ Шиллера и Гёте, въ ихъ перепискѣ и бесѣдахъ) могло бы дать ему прочную точку опоры, — но Бѣлинскій даже былъ лишенъ этой возможности, по трудности, съ которою онъ читалъ по нѣмецки. Черезъ это мы часто видимъ цѣлые пробѣлы въ задушевнѣйшихъ и самыхъ прочувствованныхъ положеніяхъ Бѣлинскаго — часто нашъ критикъ съ усиліемъ бродитъ возлѣ той самой идеи, которую онъ предчувствуетъ горячей душою, и не находитъ ни словъ, ни формулъ для ея воплощенія. Часто онъ, по одному вдохновенію своего ума, угадываетъ то, что ужь было другими угадано и сказано, что уже вошло въ общее достояніе даже второстепенныхъ мыслителей. Приведемъ хотя одинъ примѣръ въ этомъ родѣ: — за все время, нами разбираемое, Бѣлинскій былъ жрецомъ и поборникомъ чистаго, свободнаго искусства, онъ отстаивалъ его права повсюду и внѣ свободнаго художества не видалъ никакихъ путей для поэзіи. Десятками поэтическихъ дифирамбовъ и свѣтлыхъ доводовъ обстаиваетъ онъ эту дорогую идею, которая въ то время терпѣла отъ рутинеровъ и сухихъ моралистовъ, точно такъ какъ она, за нѣсколько лѣтъ назадъ,

Digitized by Google

терпѣла отъ соціальныхъ дидактиковъ. Но истощая все свое краснорѣчіе, приводя множество философскихъ соображеній, Бѣлинскій, и въ своихъ рецензіяхъ, и въ огромной статьѣ о Менцелѣ, только одинъ разъ, и то вскользь, приводитъ тотъ все сокрушающій аргументъ о *практическомъ значеніи искусства какъ орудія для просвѣщенія отдѣльныхъ личностей* — передъ которымъ падаютъ въ прахъ всѣ нападенія на свободу творчества отъ временныхъ цѣлей. Грудью бросаясь за Гете, Гомера и Шекспира противъ всякой менцелевщины, нашъ критикъ не говоритъ того, что три названные поэта, въ своей безсознательной поэзіи, болѣе значатъ для дѣла просвѣщенія и добра, чѣмъ труды множества законодателей. Эта простая идея не входила въ эстетики и ей не нужно было входить въ нихъ, потому что она жила въ головѣ всякаго дѣльнаго мыслителя Германіи и Англіи, потому наконецъ, что два великіе поэта, Гёте и Шиллеръ, безъ устали и съ полнымъ сознаніемъ, проводили ее во весь лучшій періодъ своей общей дѣятельности. Нашъ Бѣлинскій постоянно бродилъ около нея, онъ служилъ ей всю свою жизнь, онъ угадывалъ ее сердцемъ, но не могъ на нее опереться какъ слѣдовало. Потому-то, когда гегеліанцы распались на отдѣлы намъ извѣстные, или, лучше сказать, когда до него дошли подробности этого распаденія, онъ и вдался въ колебанія, отъ которыхъ, казалось, былъ огражденъ всѣми преданіями своей юности. Когда воззрѣнія лѣвой стороны гегеліанцовъ и ихъ преемниковъ, разсыропленныя французскимъ сантиментализмомъ, вторгнулись къ намъ со всѣмъ значеніемъ новизны, Бѣлинскій не былъ достаточно вооруженъ для отпора. Даровитѣйшаго посредника между нимъ и теоріями Гегеля (Н. В. Станкевича), не было на свѣтѣ, другіе странствовали вдалекѣ или сами поддались соціальнымъ софизмамъ. Въ мирную художественную область, *въ которой*, по выраженію самого Бѣлинскаго, *нѣтъ мѣста для плача и скрежета зубовъ*, занеслись бури, надежды, фантасмагоріи, борьбы и утопіи изъ другого міра, ко всѣмъ намъ близкаго. Пришли новые посредники, съ прежнимъ прозелитизмомъ, если не съ прежними истинами. Снова, въ наплывѣ новизны, больной, истощенный работою, Бѣлинскій долженъ былъ прибѣгать къ чужимъ людямъ, за тѣмъ что тогда казалось новымъ словомъ. Снова раскрылась передъ нимъ лишь одна сторона вопроса, снова, — слушая своихъ посредниковъ, онъ не могъ самъ услышать шума той борьбы, и того отпора, который давался новымъ теоріямъ и въ Германіи, и въ самой Франціи, а болѣе всего въ могущественной Британіи, которая и въ этотъ разъ, какъ

Digitized by Google

всегда, вынесла на своихъ геройскихъ плечахъ идеи истинной свободы, — въ политикѣ и въ художествѣ!

Но намъ еще далеко до эпохи скорбей и колебанія — передъ нами еще поэтъ Бѣлинскій, чтитель Пушкина, провозвѣстникъ Гоголя, Кольцова и Лермонтова, поэтъ Бѣлинскій, возвысившій голосъ въ защиту поэта Гёте, оскорбляемаго дидактическою критикою Германіи. Если для васъ дороги понятія перваго русскаго критика въ блистательный періодъ его молодости, перечитайте и даже изучите статью Бѣлинскаго о Менцелѣ, въ ней найдете вы, во всей стройности теорію о свободѣ искусства, теорію, которая не умретъ никогда и всегда останется истиною, стоящею выше всѣхъ опроверженій. Еслибы мы, всѣмъ сердцемъ нашимъ, не были убѣждены въ несокрушимости этой теоріи, еслибы мы не знали, что всѣ талантливые и свѣтлые дѣятели нашей литературы держатся ее такъ же крѣпко, какъ и мы, мы почли бы своей обязанностью взяться за Бѣлинскаго и обширными выписками изъ упомянутой статьи утвердить колеблющуюся вѣру скептиковъ. Но какъ ни великъ авторитетъ автора статьи о Менцелѣ, мы имъ не намѣрены укрываться. Гумбольдтъ былъ великимъ ученымъ, но еслибы мы вздумали въ трудахъ Гумбольдта отыскивать подтвержденіе тому, что солнце свѣтитъ и что камень принадлежитъ къ твердымъ тѣламъ, наши усилія были бы забавны и ничего болѣе. Потому-то, вмѣсто разглагольствованія объ идеяхъ всѣми признанныхъ, мы только позволимъ себѣ двѣ-три небольшія выписки изъ отзывовъ Бѣлинскаго, съ единственной цѣлью поставить передъ читателемъ извѣстную грань убѣжденій критика, въ дѣлѣ всѣмъ намъ дорогомъ и близкомъ.

«Въ созданіяхъ поэта — его духъ и его жизнь», говоритъ намъ Бѣлинскій въ 1839 году, при разборѣ сочиненій Полежаева. «Полежаевъ былъ рожденъ великимъ поэтомъ, но не былъ истиннымъ поэтомъ; его творенія — вопли души, терзающей самое себя, стоны нестерпимой муки субъективнаго духа, а не пѣсни, не гимны, то веселые и радостные, то важные и торжественные, прекрасному бытію, объективно созерцаемому. Истинный поэтъ не есть ни горлица, тоскливо воркующая грустную пѣснь любви; ни кукушка, надрывающая душу однообразнымъ тономъ скорби, но звучный, гармонически разнообразный соловей, поющій пѣснь природѣ. Созданія истиннаго поэта суть гимнъ Богу... Въ царствѣ божьемъ нѣтъ плача и скрежета зубовъ — въ немъ одна просвѣтленная радость; свѣтлое ликованіе, и сама печаль въ немъ есть только грустная радость... Поэтъ есть гражданинъ этого безконечнаго и святого царства: ему Богъ далъ плодотворную силу любви проникать въ таинства полнаго славы творенья, и потому онъ долженъ быть его органомъ. Вопли растерзаннаго духа, сосредоточеніе въ скорбяхъ и противорѣчіи земной жизни, доказываютъ только пребываніе на землѣ и только тщетное порываніе къ свѣтлому голубому небу — престолу Вездѣсущаго... Вотъ почему мы

Digitized by Google

не оставляемъ имени поэта за Полежаевымъ, и думаемъ, что его пѣсни, нашедшія отзывъ въ современникахъ, не перейдутъ въ потомство. Плачевныхъ и скорбящихъ поэтовъ великій Гёте характеризовалъ эпитетомъ лазаретныхъ, и этимъ вполнѣ опредѣлилъ ихъ отрицательное значеніе въ области искусства...»

Статья о Менцелѣ, про которую мы уже говорили, представляя изъ себя полный отпоръ дидактическимъ теоріямъ германскаго критика, изобилуетъ отрывками еще болѣе рѣзкими. Въ началѣ ея Бѣлинскій, со всѣмъ огнемъ, на который только способна его горячая натура, набрасывается на тотъ особый родъ сердобольныхъ людей, которые, по невѣдѣнію смысла исторіи и событій нашего внутренняго мира, вѣруютъ, что все въ мірѣ идетъ худо, что отечество ихъ готово сейчасъ погибнуть отъ превратнаго хода дѣлъ, что всякое государство не есть живой организмъ, котораго части находятся въ зависимомъ другъ отъ друга взаимнодѣйствіи — но искусственная машина, которою по произволу можетъ вертѣть всякій маленькій великій человѣкъ. Эти-то сердобольные люди въ своихъ отношеніяхъ къ искусству и есть Менцели. Добровольные мученики они не знаютъ покоя, для нихъ нѣтъ радости, нѣтъ счастія: тамъ гаснетъ свѣтъ просвѣщенія, здѣсь подавляется цѣлый народъ, — и съ воплемъ указываютъ они на виновниковъ ужаснаго зла, какъ будто бы люди, или человѣкъ, въ состояніи остановить ходъ міра, какъ будто бы исторія не имѣетъ своихъ законовъ, какъ будто бы просвѣщеніе не было безсмертно!

«Основная идея критики Менцелей», говоритъ намъ Бѣлинскій: «есть та, что искусство должно служить обществу. Если хотите, оно и служитъ обществу, выражая его же собственное сознаніе и питая духъ составляющихъ его индивидуумовъ возвышенными впечатлѣніями и благородными помыслами блаого и истиннаго; но оно служитъ обществу не какъ что нибудь для него существующее, но какъ нѣчто существующее само по себѣ само для себя, въ самомъ себѣ имѣющее свою цѣль и свою причину. Когда же мы будемъ требовать отъ искусства споспѣшествованія общественнымъ цѣлямъ, а на поэта смотрѣть какъ на подрядчика для разныхъ полезныхъ законовъ, то вмѣсто изящныхъ созданій наводнимъ литературу риѳмованными диссертаціями о разсудочныхъ предметахъ, сухими аллегоріями, или, наконецъ, угарными изліяніями мелкихъ страстей и бѣсованія партій».

Ближе подступая къ практической сторонѣ вопроса, Бѣлинскій говоритъ намъ:

«Вышелъ во Франціи новый уголовный законъ, а завтра явится сотня романовъ, въ которыхъ примѣромъ рѣшается справедливость или несправедливость закона, вышло новое постановленіе хоть о налогахъ, о рекрутствѣ, объ акціяхъ, опять вереница романовъ, которая нынче читается съ жадностью, а завтра забы-

Digitized by Google

вается. Не такова истинная поэзія, ея содержаніе не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьбы человѣчества... Гёте упрекаютъ въ томъ, что онъ не воспѣвалъ великихъ современныхъ событій, но слѣдуетъ ли изъ этого, что они не касались его, что онъ не чувствовалъ ихъ? Развѣ Гомеръ въ своей поэмѣ и Шекспиръ въ своихъ драмахъ изображали міръ имъ современный? Нашъ Менцель не Платонъ: что не подходитъ подъ его маленькую идею — онъ подгибаетъ подъ нее; а не гнется — онъ ломаетъ. Искусство не далось ему, не подошло подъ тѣсныя рамки его идеальнаго построенія — долой искусство — оно грѣхъ, преступленіе, безнравственность!... Вотъ такъ-то: что долго думать! А другой какой-нибудь чудакъ готовъ уничтожить общество, разрушить промышленность, торговлю, словомъ, всю практическую сторону жизни, чтобы обратить людей къ исключительному служенію искусству и подѣлать изъ нихъ художниковъ и амателровъ. Дайте имъ только возможность и силу приложить къ жизни свою теорію. Одинъ завопитъ: «общество! все погибай, что не служитъ къ пользѣ общества!», а другой зарычитъ: «искусство! все погибай, что не живетъ въ искусствѣ!»... Но истинно мудрый кротко и безъ крика говоритъ: «Да живетъ общество и да процвѣтаетъ искусство: то и другое есть явленіе одного и того же разума, единаго и вѣчнаго, и то и другое въ самомъ себѣ заключаетъ свою необходимость, свою причину и свою цѣль!» Да! общество не должно жертвовать искусству своими существенными выгодами, или уклоняться для него отъ своей цѣли. Искусство не должно служить обществу иначе, какъ служа самому себѣ. Пусть каждое идетъ своею дорогой, не мѣшая другъ другу».

На этомъ мѣстѣ мы прекратимъ наши извлеченія. Дальнѣйшіе этюды наши покажутъ, какъ служилъ Бѣлинскій идеямъ, имъ высказаннымъ, на сколько повременамъ уклонялся отъ нихъ и насколько чтилъ ихъ въ глубинѣ своего поэтическаго духа. — Слѣдующую статью нашу мы начнемъ съ рецензіи «Героя Нашего Времени» — рецензіи, которая по блеску и достоинству представляетъ яркую полосу въ столь яркой дѣятельности критика нашего.

1860.

XXV.

«СОЧИНЕНІЯ Д. В. ДАВЫДОВА». ТРИ ТОМА. МОСКВА, 1860.

Въ нашей молодой литературѣ, можетъ быть вслѣдствіе ея юности и самоувѣренности, выработался какой-то особенный взглядъ на нашихъ прежнихъ литературныхъ дѣятелей, — взглядъ, который мы попробуемъ назвать либерально-рутинным. Прослѣдить причины этого явленія, указать его печальныя стороны и заявить передъ читателемъ довольно безобразныя крайности, до какихъ дошли проявленія взгляда нами указаннаго, — трудъ весьма многосложный, но къ которому мы приступимъ въ свое время. Мы

Digitized by Google

чувствуемъ какъ необходимо, въ теперешнюю пору сужденій съ чужого голоса, щегольства новыми идеями, не прочувствованными и не сознанными достаточно, — показать вредъ, происходящій отъ слишкомъ сильной вѣры въ непогрѣшимость молодого литературнаго поколѣнія. Отъ разъединенія литературы съ жизнью, отъ затхлаго запаха четырехъ стѣнъ, въ которыхъ по большей части засиживаются наши молодые писатели, мы словно забыли глядѣть на нашихъ предшественниковъ въ связи съ ихъ эпохою, и подходя къ нимъ, чуть чуть не спрашиваемъ: на сколько совмѣстна ихъ жизнь и ихъ понятія съ капризами, понятіями или потребностями новѣйшей журналистики. Благодаря такой рутинѣ, теряется тотъ вѣчный критеріумъ критики, безъ котораго она выходитъ чѣмъ-то чуть не низшимъ газетнаго фельетона, — и въ тоже время самыя карикатурныя понятія на время пріобрѣтаютъ силу и даже нѣкоторую законность. Давно ли о Пушкинѣ безнаказанно позволялось писать, какъ о врагѣ прогресса и довольно бездушномъ поклонникѣ аристократовъ, давно ли частная жизнь Гоголя подвергалась ребяческимъ осужденіямъ; осужденіямъ тѣмъ болѣе ребяческимъ, что они произносились съ насупленной гримасой мальчишки, нахватавшагося какихъ-то новыхъ для него мыслей? Давно ли предавались униженію несомнѣнныя заслуги ученыхъ, казавшихся отсталыми по теперешнему понятію, и наоборотъ, преувеличивались достоинства писателей почти ничего не сдѣлавшихъ, но убѣжденіями своими какъ бы предугадывавшихъ настоящее настроеніе нашего поколѣнія. Слова нѣтъ—дѣятель, по инстинктамъ своимъ опередившій свое время, стоитъ большого вниманія, ибо зоркость взгляда есть признакъ человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, — но не слѣдуетъ забывать и того что не все современное — истина, и что мы сами, такъ рѣзко относящіеся къ нашимъ предшественникамъ, безъ всякаго сомнѣнія, будемъ предметомъ осужденія и шутокъ со стороны всей заносчивой части слѣдующаго за нами поколѣнія.

Всѣ эти бѣглыя соображенія пришли намъ на мысль по поводу только что прочитаннаго нами четвертаго изданія сочиненій покойнаго Дениса Васильевича Давыдова. Вотъ писатель истинно самобытный, драгоцѣнный для уразумѣнія породившей его эпохи, приковывающей къ себѣ все вниманіе и симпатію читателя, — а между тѣмъ нѣтъ ничего легче, какъ унизить и осудить его, съ либерально-рутинерской точки зрѣнія. Даже для добросовѣстнаго, но воспитаннаго на одной періодической литературѣ человѣка, Денисъ Васильевичъ долженъ показаться чудовищнымъ во-

Digitized by Google

площеніемъ всякой отсталости. Отнять его заслугъ въ отечественную войну невозможно, и онѣ должны остаться за Давыдовымъ — но все остальное!... Въ нашу пору чинной бюрократіи и щегольства современными идеями, гусаръ Давыдовъ — другъ Бурцова, долженъ показаться не только уродливымъ, но вреднымъ созданіемъ, достойнымъ грошевыхъ ямбовъ грошевого обличителя. Этотъ человѣкъ и жизнью и понятіями прямо стоитъ въ разрѣзъ всему тому, что нынче кажется общепринятымъ. Онъ воспѣваетъ гулякъ съ красносизыми носами, питаетъ полное презрѣніе къ наукѣ и фраку. Гизо и Ламенне называетъ чуть ли не колбасниками, сожалѣетъ о томъ времени, когда военная молодежь ходила по «бивачнымъ кіоскамъ» съ *виноточивою баклажкой* или «лупила по щекамъ» разныхъ старухъ въ разныхъ не совсѣмъ приличныхъ мѣстахъ веселія! Все это цвѣтки, но что будетъ далѣе, если мы всмотримся поглубже въ понятія Давыдова, и всмотримся въ нихъ съ либерально-рутинной точки зрѣнія! Военная дѣятельность, по мнѣнію Давыдова, есть единственная дѣятельность, приличная русскому дворянину. Онъ любитъ свою родину за то, что въ ней (по выраженію Кульнева) *всегда есть хоть одинъ уголокъ, въ которомъ дерутся;* страшную рукопашную рѣзню нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ онъ называетъ восхитительнымъ зрѣлищемъ, и извиняя людямъ худшіе пороки — жестокость, недобросовѣстность, презрѣніе къ жизни себѣ подобныхъ, — считаетъ высшей степенью позора поступокъ какого нибудь молокососа, поблѣднѣвшаго или потерявшагося на полѣ сраженія. По кодексу нравственныхъ понятій удалого партизана, истинный гусаръ, предающійся на нѣсколько дней запою, вслѣдствіе удачнаго сватовства и согласія любимой дѣвушки, не смѣшонъ и не гадокъ, — но смѣшонъ, если не гадокъ, тотъ гусаръ, который читаетъ Жомини, и смирно ведетъ себя на чинномъ балѣ. Перейдемъ къ собственнымъ признаніямъ, къ письмамъ Давыдова, — и тутъ мы встрѣчаемъ то же самое. Еще дитятей, онъ выкололъ глазъ своему дядькѣ, и говоритъ о томъ какъ о ребяческой шалости. Со своимъ партизанскимъ отрядомъ забирая города, онъ вѣшалъ шпіоновъ или людей виновныхъ въ измѣнѣ, вовсе не думая о томъ, что и шпіонъ и преступникъ — тоже люди. Никакихъ уступокъ новымъ людямъ и новымъ понятіямъ онъ не дѣлалъ до конца своей жизни. Даровитаго Чаадаева онъ презираетъ и зоветъ абатикомъ, просвѣщенная бесѣда европейски-просвѣщенныхъ круговъ старой Москвы вызываетъ въ немъ лишь колкую сатиру, въ мыслящихъ женщинахъ видятся ему синіе чулки и католички, въ гуманной, хотя можетъ

Digitized by Google

быть еще крайне зеленой молодежи ему чудятся зоилы и враги общественнаго порядка. Сколько обвиненій! И каждое изъ нихъ можетъ быть подкрѣплено или письмомъ Дениса Васильевича, или строфою его «Современной Пѣсни» или страницей изъ его автобіографическихъ статеекъ! Всюду видимъ мы отсталость, и радикальный разладъ со всѣмъ, что для насъ чисто и свято! А между тѣмъ Денисъ Давыдовъ — другъ Бурцова, гусаръ и суровый партизанской генералъ Давыдовъ, и семьянинъ Давыдовъ, и мирный московскій житель Давыдовъ, — былъ лицомъ истинно благороднымъ, истинно симпатичнымъ, истинно даровитымъ, истинно оригинальнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ умеръ, не оставивъ ни одного врага ни въ обществѣ, ни между близкими ему, ни въ литературѣ. Въ зенитѣ и надирѣ русской словесности имя его произносилось съ почтеніемъ. Бѣлинскій почтилъ его труды выраженіемъ свѣтлаго сочувствія, Булгаринъ не ухитрился сказать о немъ ничего сквернаго. При всемъ нашемъ современномъ миролюбіи, при нашей холодности къ красотамъ войны и военной славы, Давыдовъ блещетъ для насъ не только «священной памятью двѣнадцатаго года» но и честной памятью долгой, трудовой, безукоризненной дѣятельности, вѣрной своему времени и украшенной присутствіемъ самобытнаго, несомнѣннаго таланта.

Постараемся же разсказать, въ немногихъ словахъ, жизнь и службу нашего автора, а потомъ уже перейдемъ къ оцѣнкѣ его какъ поэта и прозаика.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ родился въ 1784 году, въ Москвѣ, къ которой всегда питалъ привязанность настоящаго и коренного москвича. Отецъ его служилъ въ военной службѣ, командовалъ кавалерійскимъ полкомъ въ Полтавской губерніи, и послѣ одного изъ смотровъ, принималъ въ своемъ домѣ А. В. Суворова. Великій полководецъ обратилъ вниманіе на ребенка Давыдова, перекрестилъ его и сказалъ: «я еще не умру, а ты выиграешь три сраженія». Воспитаніе Д. В. получилъ по тогдашнему свѣтское, то есть крайне поверхностное, но примѣръ двоюроднаго брата А. П. Ермолова, да сверхъ того нѣсколько литературный духъ, развившійся въ молодежи того времени вслѣдствіи вліянія Карамзина — во многомъ осмыслили направленіе юноши. Плохо зная по русски, онъ, однакоже, не увлекался французоманіей, пробовалъ стряпать стишки, и хотя конечно считалъ военное дѣло *всѣмъ* для человѣка, но наукою не пренебрегалъ, вмѣняя себѣ въ особенное счастіе «бесѣдовать съ музами».

Digitized by Google

Службу свою Д. В. началъ въ кавалергардахъ, — за какое-то бойкое стихотвореніе былъ переведенъ въ армейскіе гусары, поступилъ опять въ гвардію, перешелъ адъютантомъ къ князю Багратіону, а въ 1807 году, во время прейсишъ-эйлауской кампаніи, удостоился счастія окуриться порохомъ и увидать едва ли не самую кровопролитнѣйшую изъ битвъ того кровопролитнаго времени. Мы поговоримъ въ свое время о военныхъ воспоминаніяхъ Давыдоза, — теперь же можемъ лишь указать на его статьи «Урокъ сорванцу» и «Воспоминанія о Прейсишъ-Эйлау», какъ на свидѣтельство тому, какой военный огонь и какая жажда славы горятъ въ даровитомъ юношѣ. Въ 1808 и 1809 годахъ Давыдовъ былъ съ Кульневымъ въ Финляндіи и въ войнѣ противъ турокъ. Съ первымъ извѣстіемъ о началѣ кампаніи 12-го года Давыдовъ снова перепросился въ армейскія войска. Между мелкими аррьергардными дѣлами въ отрядѣ генер. Васильчикова, Давыдову, первому изъ русскихъ, пришла блистательная идея о громадной пользѣ, даже необходимости, партизанской войны въ настоящей кампаніи. Съ обычной своей пылкостью онъ принялся просить для себя хотя самаго малаго, но независимаго отряда. Прежній его покровитель Багратіонъ оцѣнилъ мысль, ходатайствовалъ за нее у князя Кутузова, но главнокомандующій, не раздѣляя означенныхъ взглядовъ, разрѣшилъ поручить Давыдову конную команду, въ которой не было и полутораста человѣкъ. Всякому русскому человѣку извѣстно то, что сдѣлалъ Д. В. съ этой ничтожной горстью, иногда усиливавшейся вооруженными крестьянами, иногда сливавшейся съ партіями Фигнера и Сеславина, отдѣленными отъ массы главной арміи, вслѣдствіе необыкновеннаго успѣха идеи Давыдова. Къ чести князя Кутузова надо сказать, что онъ не былъ упоренъ въ своихъ предубѣжденіяхъ, и чуть польза партизанскихъ дѣйствій оказалась очевидною, онъ не пошелъ противъ Давыдова, напротивъ того выставлялъ его заслуги на видъ и изъявилъ Д. В. признательность письмомъ, хранящимся теперь въ его семействѣ, какъ драгоцѣнность.

Кампанія 13 года была менѣе счастлива для храбраго партизана. Смѣлый набѣгъ на Дрезденъ, вопреки приказаніямъ начальства, повредилъ Давыдову, и лишилъ его возможности командовать самостоятельнымъ отрядомъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ главныхъ дѣлахъ этого и слѣдующаго 1814 года, всюду дрался съ отличіемъ, но дрезденское дѣло, а можетъ быть и штабныя интриги постоянно стояли на пути его къ повышеніямъ. Чинъ генералъ-маіора онъ получилъ гораздо позже своихъ сверстниковъ. По окончаніи войны, начальство стало не совсѣмъ дружелюбно

Digitized by Google

смотрѣть на литературную дѣятельность Дениса Васильевича, а стихи его, воспѣвавшіе вино и гусарскую удаль, дали поводъ къ нападкамъ на частную жизнь воина-поэта. Если Байрона въ Англіи считали злодѣемъ за его мрачныя поэмы, то и Давыдову въ Россіи пришлось нести отвѣтственность за предметы имъ воспѣваемые. Великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ А. П. Ермолову: «твой братъ Денисъ — пьяница», что вызвало такой отвѣтъ Алексѣя Петровича: «нисколько, Ваше Высочество; я отдалъ бы половину состоянія, чтобъ укрыть его отъ несправедливыхъ обвиненій и преслѣдованій». Въ 1823 году, не питая особеннаго расположенія къ фрунтовымъ занятіямъ, Давыдовъ вышелъ въ отставку, и болѣе чѣмъ когда либо сталъ заниматься литературой. Война съ Персіею снова вызвала его на дѣятельность, потомъ онъ получилъ назначеніе въ войска дѣйствовавшія противъ польскихъ мятежниковъ, и снова показалъ себя прежнимъ искуснымъ, неустрашимымъ партизаномъ. Пріемъ, сдѣланный Д. В. въ арміи, могъ назваться безпримѣрнымъ: знакомые и незнакомые, старики и молодежь, офицеры и солдаты привѣтствовали его прибытіе знаками живѣйшаго уваженія и радости. Блистательнѣйшимъ дѣломъ Давыдова во всю кампанію было движеніе на Волынь и взятіе приступомъ города Владиміра. За войну 1831 года онъ былъ награжденъ, кромѣ орденовъ, чиномъ генералъ-лейтенанта, и возвратившись въ Москву — уже весь отдался литературнымъ занятіямъ. Онъ скончался въ своемъ имѣніи Симбирской губерніи, въ 1839 году 55 лѣтъ отъ рожденія.

Денисъ Васильевичъ былъ небольшого роста, сложеніемъ крѣпокъ, неправильное, но выразительное лицо его выражало умъ, доброту и пылкость характера. Въ молодости онъ считался разгульнымъ товарищемъ, душею всякаго общества, но сильно ошибались люди, которые, на основаніи «красносизыхъ носовъ» и «прославленія пуншевыхъ стакановъ», считали храбраго воина вѣчнымъ гулякой. Фронта, учебныхъ занятій и парадовъ не любилъ Давыдовъ, по остроумію своему, онъ зорко видѣлъ слабыя стороны начальниковъ и поэтому не умѣлъ ладить со всякимъ. На войнѣ онъ былъ распорядителенъ и храбръ, иногда слишкомъ смѣлъ и опрометчивъ. Мысль о партизанской войнѣ и ея примѣненія показываютъ въ немъ несомнѣнно передового военнаго человѣка, а популярность, которою онъ пользовался между молодыми офицерами и солдатами, свидѣтельствуетъ о его добромъ обращеніи съ подчиненными. Въ семейной жизни Д. В. былъ очень счастливъ, судьба

Digitized by Google

наградила его большимъ цвѣтущимъ семействомъ, въ которомъ онъ не испытывалъ ничего кромѣ утѣшеній.

Перейдемъ теперь къ нашему партизану какъ къ литератору.

На первое время литературное призваніе Д. В. кажется почти несовмѣстнымъ съ событіями его жизни, и дѣйствительно, сколько мы можетъ припомнить, ни одна статья по поводу Давыдова не обходится безъ вопроса: «какимъ чудомъ могло развиться его дарованіе, посреди походовъ и боевъ, шума бивачныхъ бесѣдъ и военной славы?» Въ этомъ развитіи, по нашему мнѣнію, чуда нѣтъ никакого. Эпоха, въ которую жилъ Д. В., была эпохой вовсе не прозаическою, и самъ Давыдовъ, не взирая на французское воспитаніе и дружбу съ Бурцовымъ, не представлялъ никакихъ противуартистическихъ задатковъ. Военная служба, въ старое время представлявшая единственное поле для дѣятельности русскаго дворянина, по необходимости втягивала въ себя всю умную и даровитую русскую молодежь, а что Давыдовъ принадлежалъ къ числу представителей даровитой молодежи, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ родился въ хорошемъ семействѣ, дитятей живалъ по разнымъ концамъ Россіи, видѣлъ много разныхъ людей, и остроумный по природѣ, изощрилъ свою наблюдательность. Книгъ читалъ онъ мало, но уважалъ поэзію, сочувствовалъ Карамзину и въ своемъ братѣ Ермоловѣ видѣлъ примѣръ мыслящаго, серьознаго, развитаго юноши. Чего же мудренаго, что Давыдовъ полюбилъ литературу, овладѣлъ стихомъ и наконецъ выработалъ себѣ такую манеру писать прозой, которая до сихъ поръ жива и оригинальна?

При жизни своей Д. В. былъ преимущественно знаменитъ какъ поэтъ, — теперь намъ кажется, что лучшее его право на знаменитость заключается въ его прозаическихъ произведеніяхъ. Стихи Давыдова имѣли интересъ временный и естественно будутъ терять свое значеніе съ теченіемъ времени, какъ теряютъ его вовсе не сходныя съ ними, современныя намъ, дидактическія произведенія. Вѣчнаго элемента и красоты непреходящей въ нихъ не найдете, только одно живое остроуміе въ нихъ разсыпанное, да память о великой эпохѣ, съ ними соединенныя, сообщаютъ стихамъ этимъ нѣкоторую долговѣчность. Уже теперь на многія строфы Давыдова, отъ которыхъ бились сердца гусаровъ стараго времени — ничье сердце не дастъ отвѣта. О томъ утѣшителенъ или неутѣшителенъ такой фактъ, мы разсуждать не беремся, онъ уже намѣченъ и поэтически разъясненъ графомъ А. Толстымъ въ его превосходной повѣсти «Два Гусара». Любовныя стихотворенія Давыдова (между которыми стоитъ замѣтить, по граціозности образовъ «Вальсъ» и

Digitized by Google

«Душеньку») дышать неподдѣльнымъ чувствомъ, но и въ нихъ нѣтъ ничего особенно разительнаго. Перебирая небольшой запасъ плодовъ Давыдовской музы, мы можемъ лишь съ особеннымъ удовольствіемъ остановиться на стихотвореніи «Полу-солдатъ» — и на знаменитой, даже слишкомъ знаменитой «Современной Пѣснѣ.» Первая вещь истинно поэтична и останется поэтичною до тѣхъ поръ, пока война будетъ существовать на свѣтѣ, существовать, увлекая въ свой водоворотъ массы людей, охладѣвшихъ или нерасположенныхъ къ военному грому. Д. В. написалъ это стихотвореніе при концѣ своего служебнаго поприща, посреди разочарованій и тоски по своему семейству, — оттого во всякомъ стихѣ «Полу-солдата», не взирая на шутливый оборотъ многихъ фразъ, звучитъ элегическое, неподдѣльное чувство. «Современная Пѣсня», направленная на многихъ хорошихъ людей и на многія хорошія стороны московскаго общества, исполнена Грибоѣдовской мѣткости, Грибоѣдовской иронiи. Подобно «Горю отъ Ума», она была направлена на знакомыхъ поэта, на лицъ изъ московскаго общества, и подобно этой знаменитой комедiи пошла гораздо далѣе цѣли предполагаемой поэтомъ. Временная сторона испарилась съ годами, и въ словесности навсегда остались лишь истинно типическiя стороны произведенiя, независимыя ни отъ времени ни отъ самыхъ личностей, служившихъ за оригиналовъ поэту.

Если нашъ отзывъ о стихахъ Д. В. не согласенъ со взглядами многихъ его почитателей, зато смѣемъ думать, что мнѣніе наше объ остальныхъ трудахъ Давыдова удовлетворитъ самаго горячаго поклонника нашего партизана. Какъ прозаикъ, какъ хроникеръ-художникъ,—нашъ авторъ принадлежитъ къ разряду образцовыхъ русскихъ писателей. Надо быть глупѣйшимъ изъ глупыхъ людей, чтобъ не увлечься манерой и языкомъ Давыдова, картинностью его характеристикъ, энергической сжатостью его разсказовъ, мастерскимъ, совершенно своеобразнымъ изображенiемъ его начальниковъ и друзей, враговъ и помощниковъ. Не говоримъ о его «Опытѣ теорiи партизанскихъ дѣйствiй», не только не утратившемъ своего значенiя до сего времени, но и до крайности подходящемъ къ условiямъ новой военной науки, не говоримъ о военно-полемическихъ статьяхъ Давыдова, читающихся съ такой легкостью—все это близко лишь къ читателямъ спецiалистамъ. Но «Дневникъ партизанскихъ дѣйствiй», но статьи въ родѣ «Запятiя Дрездена», но письма Давыдова, но его замѣтки о разныхъ военныхъ событiяхъ и разные разсказы изъ своей собственной кипучей жизни — все это составляетъ прочное достоянiе русской изящной словесности,

Digitized by Google

и навсегда въ ней останется. Въ трудахъ сейчасъ названныхъ сказывается истинный художникъ, острый наблюдатель, представитель даровитѣйшей части даровитой военной молодежи стараго времени. И какіе моменты беретъ Давыдовъ темой своихъ разсказовъ! Встрѣча ребенка съ великимъ Суворовымъ—ощущенія пылкаго мальчика при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, — («Урокъ Сорванцу») воспоминаніе о самомъ страшномъ рукопашномъ боѣ за весь періодъ войнъ съ Наполеономъ (Прейсишъ-Эйлау)—разсказъ о тягостномъ для русскаго, но въ высшей степени занимательномъ Тильзитскомъ свиданіи государей, сношенія съ Кульневымъ и служба подъ начальствомъ этого истинно народнаго и самобытнаго воина! Рядъ замѣтокъ, носящихъ заглавіе «Матеріалы для исторіи современныхъ войнъ» изобилуетъ такими великолѣпными портретами и характеристиками, которымъ ровныя мы можемъ лишь найти въ рукописныхъ замѣткахъ генерала Ермолова. Примѣчанія, которыми снабжены означенные матеріалы — истинное сокровище въ своемъ родѣ. Не придираясь къ слабостямъ замѣчательныхъ личностей, даже прикрывая похвалою многія стороны, подлежащія суду болѣе строгому—Давыдовъ умѣетъ быть истинно правдивымъ. Щадя самолюбіе своихъ вождей и сверстниковъ, зная очень хорошо, что рѣзкой правдой всегда раздражишь людей очень сильныхъ, Давыдовъ, съ неподражаемой партизанской изворотливостью, умѣетъ сказать то, что нужно, и заставить читателя самого угадывать недосказанное.

Ни о Багратіонѣ, которому былъ восторженно преданъ, ни о самомъ Ермоловѣ, своемъ другѣ и родственникѣ, Д. В. не скажетъ фразы похожей на офиціальную оду,—онъ ясно видитъ нѣкоторые недостатки того и другого, твердо зная, что нѣтъ картины безъ тѣней, и что герой безусловный годится лишь въ Державинскую оду. Съ другой стороны Давыдовъ видитъ свѣтлыя стороны и въ недругахъ своихъ по службѣ, и въ недругахъ своихъ на полѣ брани. Въ то самое время, когда, по оффиціальному тону,—всякій народъ, воевавшій съ русскими, звался *врагомъ презрѣннымъ* и *злодѣемъ достойнымъ ада*, Денисъ Васильевичъ открыто писалъ о томъ, что уважаетъ храбрость французскаго солдата, и стойкаго шведскаго стрѣлка считаетъ благороднѣйшимъ воиномъ.

Нужно ли говорить о томъ, какъ было ново это неодностороннее разумѣніе людей и событій, какую жизненность сообщало оно всему выходившему изъ-подъ пера Давыдова, и какъ рѣзко отличалось оно отъ стараго тона военныхъ статей, для которыхъ образцомъ съ одной стороны служилъ приторный панегирикъ пѣвца во

Digitized by Google

станѣ русскихъ воиновъ, а съ другой валыя, недобросовѣстныя книги, похвальбѣ которыхъ никто не вѣрилъ, никто не желалъ вѣрить?

Всѣ люди, цѣнящіе правду, должны чтить Дениса Давыдова, какъ разрушителя и оппонента нашей старой военной литературы съ ея хвастливой и оффиціальной безцвѣтностью. Вредъ, нанесенный ею, былъ чрезвычайно великъ и до сихъ поръ еще не оцѣненъ достаточно. Благодаря панегирикамъ, униженію врага, скрытію своихъ неудачъ и ошибокъ, придирчивости лицъ и корпорацій, славнѣйшіе періоды нашей военной исторіи улетучились безъ слѣда, и величайшій изъ нихъ, кампанія 1812 года, не переданъ потомству во всей его характеристичности. Военные историки и военные анекдотисты рисовали намъ рядъ китайскихъ картинъ безъ тѣней, и теперь, когда настало иное время, когда всякій созналъ, что картина безъ тѣней не есть картина, слишкомъ поздно ее перерисовывать — документы исчезли и послѣдніе очевидцы славнаго времени сходятъ со сцены. Между панегиристами и безцвѣтными военными писателями Денисъ Давыдовъ стоитъ одинъ, во всей силѣ живого человѣка. Онъ не закопалъ своего таланта, не подчинилъ его причудамъ придирчивыхъ лицъ, и всякая его статья была упрекомъ безцвѣтной военной литературы стараго времени. Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, какъ дорого доставалась Д. В. самая малая статейка изъ его воспоминаній. Она по годамъ лежала безъ напечатанія, ее въ рукописи читали и марали лица, о которыхъ въ ней говорилось, изъ нея высасывали кровь и когда наконецъ, ослабленная, она являлась въ печати, начальство сердилось, и сослуживцы пѣняли Давыдову за то, что онъ посягаетъ на ихъ славу. Но такова была живучесть стараго гусара, что, даже при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, его статьи читались съ жадностью, заимствовались самимъ генераломъ Даниловскимъ, и мало по малу выказывали (чрезъ примѣръ и сравненіе) полную несостоятельность всѣхъ панегиристовъ по части военной исторіи.

Годы не прошли даромъ, и послѣдняя война, для исторіи которой въ литературѣ нашей осталось столько мастерскихъ описаній, матеріаловъ, эпизодовъ, подробностей, вполнѣ показала, что для военной литературы минула пора безцвѣтной хвастливости и оффиціальныхъ панегириковъ. Порадуемся же этому явленію и скажемъ истинное спасибо старому гусару, который первый

Digitized by Google

открылъ кампанію противъ литературной лжи въ военномъ дѣлѣ и открылъ ее также блистательно, какъ когда-то открывалъ свои партизанскія дѣйствія противъ Наполеоновыхъ полчищъ.

1860.

XXVI.

«СОЧИНЕНІЯ Э. И. ГУБЕРА», ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. ТИХМЕНЕВА. ТРИ ТОМА. СПБ. 1860.

Еслибъ мы принадлежали къ школѣ библіографовъ-подражателей Керара или д'Израэли старшаго, еще весьма недавно пускавшихъ въ свѣтъ разныя анекдотическія монографіи по части исторіи литературы, — мы бы непремѣнно сочинили одинъ этюдъ подъ оригинальнымъ заглавіемъ: *Чужестранцы въ русской наукѣ и словесности!* Предметомъ этюда нашего была бы дѣятельность людей не русскаго происхожденія, занимавшихся русской наукой, русской поэзіею и русской прозой, а такихъ лицъ у насъ всегда было много и современемъ будетъ еще больше. Въ этомъ отношеніи только одна французская литература можетъ имѣть перевѣсъ надъ нашей. Въ ней всегда было много чужестранцевъ, — вслѣдствіе распространенности французскаго языка и преобладанія французскаго вкуса по всей Европѣ, преобладанія до сихъ поръ еще не уничтожившагося. Наши же русскіе чужестранцы-писатели являются на свѣтъ по причинамъ совершенно другого рода. Съ одной стороны наше отечество состоитъ изъ множества странъ населенныхъ не русскими племенами, съ другой же русское общество издавна принимало и теперь принимаетъ въ себя довольно значительныя эмиграціи чужеземцевъ, прибывающихъ къ намъ для службы, промышленныхъ цѣлей, земледѣлія, — поселяющихся въ Россіи на вѣчныя времена, даже хорошо узнающихъ ея языкъ, — но все таки не вполнѣ сживающихся съ русской народностью. Еще весьма недалеко отъ насъ время, когда вся почти ученая дѣятельность въ Россіи принадлежала людямъ чужеземнаго происхожденія (что можетъ быть влекло за собою не одно неудобство для науки и для учащихся). Кто изъ бывалыхъ людей не помнитъ нашихъ русскихъ мудрецовъ-чужестранцевъ, такъ хорошо умѣвшихъ пристроиваться къ разнымъ ученымъ корпораціямъ, занимать удобныя квартиры въ казенныхъ домахъ, свысока поглядывать на настоящихъ русскихъ ученыхъ, а въ тихомолку вводить

Digitized by Google

въ ученое дѣло разныя германско-бюрократическія усовершенствованія? Кто не слыхалъ о ихъ чинолюбіи, о ихъ непотизмѣ и (что ча странно въ чужеземцѣ) о ихъ весьма лѣнивой дѣятельно- очень хорошо знаемъ, что ученые чужестранцы во мно- полезны Россіи Петровскаго времени, и винимъ ихъ ъ, что они уже слишкомъ долго продолжали счи- оссію Петровской Россіею.

изящной словесности нашей мы тоже находимъ ь, начиная Кантеміромъ и оканчивая барономъ Ро- весьма недавно взятымъ могилою. На этомъ поприщѣ -писатели были и менѣе полезны и менѣе вредны, оном. Сверхъ того, даже въ самые безцвѣтные, са- кательные періоды литературы они были въ меньшин- у русскими. Засѣдать въ академіяхъ и брать жалованье о человѣку не знающему ни слова по русски, даже въ зирающему русскій языкъ, — но считаться самымъ по- ымъ русскимъ поэтомъ или прозаикомъ такое лицо не хотя бы съ помощью самой сильной протекціи. Отъ того-то, частію, участь нашихъ полу-русскихъ писателей не мо- ается завидной участью. Немногіе изъ нихъ одолѣвали й имъ языкъ на столько, чтобъ писать на немъ гладко, и никто не освоивался съ его духомъ, на сколько это могъ ть всякій человѣкъ русскій по происхожденію. Разбирая тру- ашихъ чужестранцевъ-литераторовъ, мы очень просто прихо- къ дѣленію этихъ писателей на двѣ категоріи. Къ одной изъ ъ придется отнести довольно комическія личности, просто не- комыя съ русскимъ языкомъ, какъ, напримѣръ, былъ незнакомъ нимъ уже упомянутый баронъ Розенъ, — сочинившій десятки мовъ, — наполненныхъ самыми смѣшными германизмами, къ другой же отойдутъ писатели, съ дѣтства говорившіе по русски, можетъ быть даже умѣвшіе *думать* на нашемъ языкѣ, но все таки недостаточно сблизившіеся съ русской жизнью, и наперекоръ всѣмъ своимъ усиліямъ, оставшіеся чужестранцами, гладко пишущими по русски. Представителемъ — и почтеннымъ представителямъ — литераторовъ этой второй категоріи мы имѣемъ полное основаніе считать покойнаго Эдуарда Ивановича Губера, три тома сочиненій котораго недавно изданы г. Тихменевымъ.

Г. Тихменевъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу очень усердныхъ дѣятелей по издательской части; но всѣ его предпріятія до сихъ поръ не принадлежатъ къ числу удачныхъ. Года два или три тому назадъ онъ принималъ (если мы не оши-

Digitized by Google

баемся) дѣятельное участіе въ изданіи перваго тома студентскаго петербургскаго сборника, въ которомъ было нѣсколько дѣльныхъ статей, но тѣмъ не менѣе книга успѣха не имѣла. Почти въ одно время съ изданіемъ этимъ началъ выходить, благодаря трудамъ г. Тихменева же, «Сборникъ статей, посвященныхъ памяти покойнаго книгопродавца Смирдина» — сборникъ, на первыхъ же порахъ встрѣтившій полное и, надо сознаться, совершенно заслуженное паденіе. Длиннѣе, ужаснѣе и безцвѣтнѣе статей, помѣщенныхъ въ Смирдинскомъ сборникѣ, трудно было себѣ что нибудь представить. Тутъ находились повѣсти, отвергнутыя всѣми возможными редакціями, стихотворенія, написанныя словно на смѣхъ и сочетаніе литературныхъ именъ, въ высшей степени разнородныхъ. «Сборникъ въ память Смирдина», какъ и слѣдовало ожидать, въ журналахъ нашихъ встрѣтилъ полное невниманіе или насмѣшки, да и публика оцѣнила его по достоинству. Не унывая отъ неудачъ, г. Тихменевъ задумалъ новое предпріятіе. Онъ издалъ «Собраніе сочиненій Губера», съ примѣчаніями, портретомъ, краткимъ вступленіемъ и очень длинною біографіею покойнаго поэта, которая, не отличаясь ни занимательностью, ни искуснымъ изложеніемъ — все таки стоитъ вниманія, какъ запасъ свѣдѣній о честномъ и добромъ чужестранцѣ, не безъ нѣкотораго успѣха занимавшемся русскою литературою.

Вотъ въ краткихъ словахъ жизнь Э. И. Губера. Родился онъ въ 1814 году, въ Саратовской губерніи, въ нѣмецкой колоніи Усть-Залихѣ. Отецъ Губера былъ пасторомъ въ лютеранской церкви этой колоніи. Всякому человѣку, имѣвшему возможность бывать въ иноземныхъ колоніяхъ внутри Россіи, хорошо извѣстно до какой степени колонисты наши, преимущественно же нѣмцы, мало сживаются съ русскими людьми и русскимъ бытомъ. Еще простой или очень бѣдный колонистъ германецъ можетъ быть иногда поставленъ въ необходимость нуждаться въ русскомъ человѣкѣ, вести съ нимъ дѣла, сходиться съ нимъ и проводить часть жизни въ кругу русскихъ, но въ семействахъ достаточныхъ того почти никогда не бываетъ. Отецъ Губера, по своему званію пастора, по своему положенію въ колоніи, по своему образованію, превышающему общій уровень, былъ какъ бы обреченъ на самую замкнутую жизнь въ кругу семьи и прихожанъ-нѣмцевъ. Старикъ, въ томъ нельзя сомнѣваться, былъ просвѣщеннымъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ, типомъ добраго пастора и превосходнымъ семьяниномъ. И онъ и жена его воспитывали сына старательно, на германскій манеръ, поощряли въ немъ охоту къ чтенію и литератур-

Digitized by Google

нымъ занятіямъ, такъ что ребенокъ, семи лѣтъ отъ роду, уже имѣлъ у себя тетрадку стихотвореній на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, подъ заглавіемъ *Полное собраніе сочиненій Эдуарда Губера, изданъ послѣ моей смерти.* Въ домѣ пастора, само собой разумѣется, всѣ говорили на нѣмецкомъ языкѣ, а языку русскому маленькій Эдуардъ сталъ учиться уже на одиннадцатомъ году, въ Саратовѣ, куда отецъ его былъ переведенъ на мѣсто пастора и ассесора евангелическо-лютеранской консисторіи. Съ помощью прилежанія и врожденныхъ способностей мальчикъ сдѣлалъ большіе успѣхи, а впослѣдствіи, долгая жизнь между русскими, чтенія русскихъ писателей и занятія литературою достаточно ознакомили Губера съ механизмомъ и отчасти духомъ русскаго языка. Въ первые годы своихъ занятій, — онъ писалъ по русски не совсѣмъ правильно, въ стихахъ позволялъ себѣ германизмы и неточные обороты, — при концѣ же своей жизни онъ зналъ нашъ языкъ такъ, какъ можетъ только знать его человѣкъ родившійся между нѣмцами и не слыхавшій русскаго слова до одиннадцатаго года своего возраста.

Въ Саратовской гимназіи, куда опредѣлили Э. И., чуть успѣлъ онъ выучиться по русски, — литературные помыслы юноши продолжали развиваться съ новой силою. Въ тетрадкахъ его стали показываться русскія стихотворенія, обильныя ошибками и бѣдныя содержаніемъ, но довольно замѣчательныя по плавному стиху. Съ помощью огромныхъ усилій Губеръ по возможности очищалъ ихъ отъ германизмовъ и въ скоромъ времени сталъ порядочнымъ версификаторомъ. Одно изъ его произведеній, довольно легкаго содержанія, было напечатано въ Саратовѣ. Безъ сомнѣнія, похвалы учителей и товарищей еще сильнѣе разожгли въ немъ охоту къ занятіямъ, отъ которыхъ въ жизни суждено было ему имѣть больше горя, чѣмъ радостей. Какъ бы то ни было, но отправляясь изъ Саратова въ Петербургъ, шестнадцати лѣтъ, для поступленія въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, Губеръ уже серьозно мечталъ о славѣ русскаго писателя, а знакомство съ Жуковскимъ, къ которому ему дала рекомендательное письмо одна баронесса, — еще болѣе утвердило его въ такихъ планахъ. А между тѣмъ, каждая страница біографіи показываетъ намъ, какъ туго давался Губеру каждый шагъ на предполагаемомъ поприщѣ. Русская литература все еще была для него чужою литературой, въ которой онъ не зналъ, какъ ориентироваться. «Борисъ Годуновъ» Пушкина кажется ему произведеніемъ недостойнымъ великаго поэта, въ дружескихъ его письмахъ помя-

Digitized by Google

нутно встрѣчаются не только отчаянные германизмы, — но книжные и дряхлые обороты, отъ которыхъ уже отступались всѣ тогдашніе русскіе писатели. Въ одномъ изъ писемъ своихъ, въ 1835 году, вскорѣ послѣ своего выпуска изъ института, прапорщикомъ, Губеръ съ негодованіемъ говоритъ о критикахъ, а въ другомъ упоминаетъ про непріятности, какія будто-бы онъ имѣлъ съ О. И. Сенковскимъ. Сущность этихъ непріятностей разгадать довольно легко: по всей вѣроятности Сенковскій не напечаталъ присланныхъ ему стиховъ или позволилъ себѣ исправить языкъ въ какомъ нибудь переводѣ, потому что вскорѣ послѣ выпуска, Губеръ уже добылъ себѣ кой-какую мелкую работу въ журналахъ, съ чисто денежной цѣлью.

И такъ, вотъ данныя, съ которыми является намъ молодой поэтъ въ самую горячую пору своей дѣятельности. Образованіемъ своимъ и начитанностью онъ былъ выше многихъ современныхъ ему русскихъ писателей, — едва ли не выше ихъ онъ былъ способностью на горячій трудъ, на добросовѣстную, неутомимую работу надъ своими произведеніями. Онъ съ толкомъ изучалъ философскія сочиненія, еще ребенкомъ ознакомился съ сокровищами древней литературы, съ своимъ отцомъ читалъ Гомера и римскихъ поэтовъ. Шиллера и Гёте зналъ онъ почти наизустъ. Но онъ оставался слабъ во всемъ, что дается поэтамъ ихъ жизнью и ихъ родной почвой. Твердой почвы не имѣлъ подъ собой Губеръ. Молодость его пролетала безцвѣтно. Изъ Россіи зналъ онъ всего два или три уголка, русскихъ людей онъ почти не видѣлъ близко: въ тѣсномъ кругѣ его знакомыхъ болѣе всего было нѣмцевъ или особъ, съ которыхъ долгая столичная жизнь сняла печать всякой національности. Служба по вѣдомству путей сообщенія, удобная для переѣздовъ по Россіи и весьма практическая по дѣятельности, не привлекала къ себѣ молодого человѣка — для книжныхъ своихъ занятій онъ ощущалъ потребность жить въ столицѣ, ближе къ литературнымъ центрамъ. Послѣ долгихъ усилій осуществить эту мысль, Губеру удалось пристроиться въ канцелярію главноуправляющаго путями сообщенія, гдѣ всѣ его полюбили за благородство души и способности, но, гдѣ ему, по самой сущности занятій, пришлось еще болѣе отдалиться отъ практической жизни и погрузиться въ міръ офиціальныхъ бумагъ или докладовъ. Такъ дѣла шли до 1843 года, когда Губеръ рѣшился оставить службу и жить исключительно литературными трудами.

Въ теченіи осьми лѣтъ, истекшихъ со времени выпуска Э. И. изъ корпуса до выхода его въ отставку, нашъ поэтъ успѣлъ пріі-

Digitized by Google

обрѣсти довольно почетную, хотя и не долговѣчную извѣстность въ русской литературѣ. Рѣшительнымъ и, по всей вѣроятности, самымъ радостнымъ событіемъ въ жизни молодого человѣка было его знакомство съ Пушкинымъ. Знакомство это совершилось, какъ кажется, въ концѣ 1835 года, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Губеръ напечаталъ въ журналахъ нѣсколько стихотвореній и хотѣлъ было издать свой переводъ первой части «Фауста», но цензурныя условія того времени помѣшали этому послѣднему предпріятію. Э. И., глубоко огорченный, истребилъ рукопись перевода, о чемъ по какому-то случаю узналъ Пушкинъ. Движимый сочувствіемъ къ бѣдному поэту и вѣроятно, желая пособить пропуску «Фауста» своимъ вліяніемъ, великій писатель немедленно отправился къ Губеру, но не засталъ его дома. Найдя у себя карточку Пушкина, Э. И. поспѣшилъ явиться къ нему и былъ очарованъ простотой, живостью и участіемъ Пушкина. Свѣдѣнія объ этомъ свиданіи и объ отношеніяхъ двухъ поэтовъ, не смотря на свою недостаточность, намъ кажутся весьма характеристичными. Поэтъ «Онѣгина» болѣе всего оцѣнилъ въ Губерѣ *переводчика*, убѣдилъ его вновь взяться за «Фауста» и просилъ приходить къ себѣ не иначе, какъ имѣя въ карманѣ по отрывку изъ перевода. Еслибъ Пушкинъ оцѣнилъ въ Губерѣ самобытнаго поэта и поощрялъ его на самобытную дѣятельность, неужели бы друзья Э. И. или самъ Губеръ въ своихъ письмахъ не упомянули объ этомъ?

Какъ бы то ни было, вторичный переводъ «Фауста» былъ произведенъ съ той неуклонной, истинно нѣмецкой старательностью, которой всегда отличались труды Губера. Пушкинъ не дожилъ до его напечатанія, но успѣлъ воодушевить молодого человѣка и предсказать ему вниманіе читателей. И дѣйствительно, нашъ великій поэтъ не ошибся, — переводъ «Фауста», напечатанный въ 1838 году, до сихъ поръ составляетъ лучшую заслугу Губера. О достоинствѣ этого честнаго, огромнаго труда, мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ, — а теперь поспѣшимъ кончить съ дальнѣйшей литературной дѣятельностью Губера.

Съ напечатаніемъ «Фауста» извѣстность Губера совершенно обозначилась, хотя, какъ и слѣдовало ожидать, масса публики осталась довольно холодна къ переводу, и единственное его изданіе едва-едва разошлось, тогда какъ Губеръ разсчитывалъ по крайней мѣрѣ на три. До 1843 года, какъ мы видѣли, служба давала поэту нѣкоторыя средства къ жизни и съ ними независимость отъ чернаго литературнаго труда: пользуясь этой относительной независимостью, Губеръ всего себя посвятилъ поэзіи. Его стихотворе-

Digitized by Google

нія стали чаще прежняго появляться въ журналахъ и сборникахъ; г. Кукольникъ въ своемъ «Новогодникѣ» напечаталъ первую главу большой оригинальной поэмы Губера — «Антоній». Критика и особенно Сенковскій оказывались весьма благосклонными, хотя во всѣхъ статьяхъ по поводу Губера и даже въ статьяхъ самого Бѣлинскаго напрасно будемъ мы искать хоть какого нибудь яснаго опредѣленія Губеровой музы. За ней признавали гладкій стихъ, лирическіе порывы, способность откликаться на поэзію великихъ поэтовъ, тѣмъ похвалы и оканчивались. Въ свѣтѣ пѣлись романсы со словами Губера, въ альбомахъ того времени можно отыскать стихи Губера. Но едва ли кто изъ самыхъ записныхъ любителей зналъ наизустъ хотъ одно изъ Губеровскихъ стихотвореній. Начало философской поэмы «Антоній» прошло совершенно незамѣченнымъ. А между тѣмъ надо было жить, заготовлять деньги на лѣченіе за границей, наконецъ на тотъ случай, когда по службѣ усилятся уже начавшіяся непріятности. Съ грустью сознавши, что стихами не разбогатѣешь, Губеръ вошелъ въ сношеніе съ редакціей «Библіотеки для Чтенія» и принялъ въ свое завѣдываніе нѣкоторые отдѣлы журнала за 6,000 ассигнаціями ежегоднаго содержанія.

Одною изъ весьма непріятныхъ особенностей въ литературной карьерѣ Губера была какая-то *несвоевременность* всѣхъ его предпріятій. Всюду приходилъ онъ или слишкомъ рано или очень поздно, иногда по своей винѣ, а еще болѣе по прихоти судьбы. Явись его «Фаустъ» хотя нѣсколькими годами ранѣе, за Губеромъ осталась бы слава первокласснаго переводчика и книга его была бы признана образцовою. Живи онъ въ ту пору, когда поэмы «Чернецъ» и «Нищій» исторгали слезы у всего русскаго юношества, философская поэма «Антоній», вмѣсто полнаго невниманія, встрѣтила бы хвалителей и читателей. Поживи Губеръ подольше, поспѣй онъ къ эпохѣ болѣе зрѣлой, — и его философскія свѣдѣнія, его знакомство съ европейскими литературами могли бы принести много пользы русской журналистикѣ. Наконецъ, пристройся Губеръ къ «Библіотекѣ для Чтенія» во времена ея славы, онъ могъ бы во многомъ измѣнить направленіе журнала, — и своей серьозной добросовѣстностью смягчить многіе недостатки самого Сенковскаго. Къ сожалѣнію, Сенковскій и журналъ его за 1843 и слѣдующіе годы не много могли дать Губеру, не многимъ могли отъ него попользоваться. Литературный авторитетъ «Библіотеки» былъ подорванъ, но матеріальныя средства журнала не упали, потому-то, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, редакція не

Digitized by Google

желала обновленія, не дорожила новыми силами. Сенковскій не занимался изданіемъ, и не только не искалъ себѣ помощниковъ, а даже затруднялъ ихъ, не дѣлая никакихъ уступокъ всему новому въ литературѣ. Онъ любилъ Губера искренно (мы имѣемъ положительныя тому доказательства), звалъ его преемникомъ Пушкина, а между тѣмъ этотъ преемникъ Пушкина велъ въ журналѣ черную, неблагодарную работу, отбивавшую его отъ трудовъ болѣе серьозныхъ. По части критики и текущихъ рецензій Губеръ оказался несостоятельнымъ съ перваго раза — его настоящее призваніе было вести ученый отдѣлъ журнала, но Сенковскій не обращалъ на это вниманія и Губеръ продолжалъ писать то, къ чему не имѣлъ положительнаго призванія. Съ бо́льшимъ и постоянно усиливающимся упадкомъ когда-то перваго у насъ журнала, уменьшились выгоды, доставляемыя Губеру занятіями въ «Библіотекѣ для Чтенія». Скудость денежныхъ средствъ побудила его взять на себя фельетонъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» — переводчикъ Гете и творецъ философскихъ поэмъ сталъ толковать съ публикой о балахъ, маскарадахъ и дачныхъ гуляньяхъ. Выписки изъ фельетоновъ этихъ, приложенныя къ біографическому очерку г. Тихменева, весьма умны, но до крайности утомительны чувствомъ тоски и уныніе, въ нихъ разлитыми. Утвердительно можно сказать, что ни одна газета въ мірѣ не имѣла такого оригинальнаго сотрудника, какъ Губеръ: его можно назвать Гераклитомъ въ фельетонномъ родѣ.

Такимъ образомъ, грустно и безотрадно заканчивалась литературная дѣятельность благороднаго труженика, еще недавно мечтавшаго о лавровыхъ вѣнкахъ и славѣ великаго русскаго поэта. Иллюзіи разрушились, безсиліе было сознано на половину. Къ затрудненіямъ денежнымъ присоединилось новое послѣднее горе— здоровье Э. И. разшатанное трудомъ и петербургскимъ климатомъ, совершенно ослабѣло. Чтобы какъ нибудь забыться отъ грустныхъ мыслей, Губеръ сталъ вести жизнь не по силамъ, — біографъ его упоминаетъ слегка о безпорядочной жизни, объ ужинахъ у Дюссо, о стихахъ въ честь разгула и удалыхъ гостей. Въ это время Губеръ выѣзжалъ довольно много и въ числѣ своихъ знакомыхъ считалъ большое количество богатой и праздной молодежи, которая вовлекла его въ увеселенія, еще болѣе усиливавшія опасное положеніе Э. И. Такая жизнь продолжалась недолго: въ апрѣлѣ 1847 года Губеръ умеръ, послѣ кратковременной болѣзни, въ домѣ близкой пріятельницы своей П. Н. Всеволожской.

Самаго бѣглаго взгляда на все написанное Э. И. Губеромъ бу-

Digitized by Google

детъ достаточно для подтвержденія нашего вывода о томъ, что онъ былъ однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ и талантливѣйшихъ чужестранцевъ въ русской литературѣ. Родись и живи нашъ поэтъ въ Германіи, его дѣятельность была бы иной дѣятельностью. Въ немъ не было самостоятельнаго поэтическаго дара, — но онъ былъ уменъ, чистъ сердцемъ, воспріимчивъ на все прекрасное, такъ что вліяніе родной почвы и родной народности могло бы оживить всю его дѣятельность. Въ случаѣ неудачи на поэтическомъ поприщѣ, онъ могъ бы быть отличнымъ ученымъ, горячимъ журналистомъ или публицистомъ. Но на чужой почвѣ, посреди общества не связаннаго съ нимъ никакими корнями, Губеръ былъ безсиленъ на все самобытное. Мы видѣли какъ уныло и безцвѣтно прошла его жизнь, начатая въ чужой землѣ, посреди маленькой колоніи германскихъ соотечественниковъ, оконченная въ Петербургѣ, который, какъ всякому извѣстно, больше всѣхъ городовъ Россіи похожъ на огромную колонію. Ни русская природа, ни русская жизнь, ни русскіе интересы не коснулись души Губера, и хотя онъ какъ благонамѣренный человѣкъ, любилъ свое второе отечество, любовь эта была привязанностью головною, холодною. Какое растеніе можетъ вырости безъ почвы, хотя бы дурной и не подготовленной! Перечитайте весь томикъ оригинальныхъ стиховъ Губера и вы убѣдитесь, что онъ всю жизнь строилъ домъ безъ фундамента, сѣялъ на воздухѣ. Отчего ни одно изъ его стихотвореній, правильныхъ, легкихъ и благозвучныхъ, не врѣзывается въ память, отчего ни одно изъ нихъ, даже при жизни поэта, не сдѣлалось популярнымъ? Стишонки другихъ поэтовъ, самые посредственные, съ плохими рифмами иногда пробивались въ народъ, заучивались мальчиками, — но труды Губера несравненно достойнѣйшіе, пропадали безслѣдно. Причина тому было отсутствіе въ нихъ всякаго народнаго колорита, отсутствіе того собственнаго запаха (по выраженію Гамлета щигровскаго уѣзда), который, помимо воли, даже иногда помимо дарованія, является въ писателяхъ крѣпко стоящихъ на родной почвѣ. Возьмите, напримѣръ, самыхъ второстепенныхъ русскихъ поэтовъ державинскаго, карамзинскаго періода — эти люди дѣлали все возможное, чтобъ подражать французамъ, отдѣлываться отъ народности, а между тѣмъ вліяніе родной среды, родной природы всегда сказывается въ ихъ трудахъ, наперекоръ нимфамъ и Олимпу, наперекоръ Лилетамъ и Темирамъ. Губеръ, жившій позже, при полномъ упадкѣ псевдоклассицизма, старался быть русскимъ, — иногда (особенно въ позднѣйшихъ своихъ вещахъ) даже пытался пускать въ ходъ простонарод-

Digitized by Google

ныя выраженія, а между тѣмъ вы у него не подмѣтите ни искры русской поэзіи, ни одной картинки настоящей русской природы. Ни жизнь помѣщичья съ ея подчасъ необузданнымъ привольемъ, ни бытъ русскаго чиновника съ его горемъ и интересами, ни существованіе простолюдина не говорили сердцу Губера того, что говорятъ они самому обыкновенному русскому. Разъединенный съ поэзіею и правдой Германіи, своей родины, Э. И. былъ вѣчнымъ ученикомъ, вѣчнымъ пришельцемъ среди поэзіи и правды русскаго быта. Онъ былъ какъ бы обреченъ на безвыходную субъективность въ своихъ созданіяхъ, но къ несчастію и жизнь его была бѣдна, и усилено работая надъ собою, онъ совершалъ трудъ неблагодарный. Только въ послѣднюю пору, близость смерти и горькое сознаніе одиночества вырвало у него нѣсколько трогательныхъ аккордовъ — читатель ихъ самъ отыщетъ въ собраніи, — выписывать же ихъ и разбирать мы считаемъ лишнимъ.

Слава Губера, какъ переводчика, гораздо прочнѣе его извѣстности, какъ самобытнаго поэта. Э. И. любилъ и понималъ Гёте, какъ едва-ли кто любилъ и понималъ его въ русской литературѣ. Воспріимчивый на поэзію, знакомый съ русскимъ языкомъ на столько, чтобъ съ легкостью укладывать въ изящный стихъ мысли подлинника, Губеръ рѣшился взяться за «Фауста». Переводъ его и до нынѣ мы считаемъ лучшимъ, онъ истинная драгоцѣнность для всякаго русскаго, лишеннаго возможности читать Гёте въ оригиналѣ, но и тутъ къ похвалѣ нашей мы должны прибавить оговорку. Въ переводѣ лирическихъ мѣстъ «Фауста», то есть вездѣ, гдѣ требуется субъективная сторона, гдѣ *тонъ* отрывка высокъ или чуждъ житейской мелочи, — Губеръ превосходенъ, но не таковъ онъ въ тѣхъ частностяхъ, гдѣ иронія, шутливость, юморъ требуютъ особенной гибкости въ языкѣ переводчика. Только полное проникновеніе въ тонкости русскаго слова, только прирожденная связь съ ея духомъ, могутъ пособить въ такой задачѣ, а Губеръ, какъ мы знаемъ, и видимъ изъ его трудовъ, не зналъ нашего языка въ совершенствѣ. Черезъ это мы видимъ напримѣръ, что у него Маргарита (это было замѣчено и Бѣлинскимъ) въ нѣкоторыхъ сценахъ нисколько не передаетъ идеала Гётевой Гретхенъ, а скорѣе напоминаетъ собой горничную, мѣщанку. Можемъ ли мы предположить, что Губеръ, такъ проникнутый оригиналомъ, такъ умно понимавшій поэму, не былъ способенъ уразумѣть ту степень чистоты и ясной наивности, которою Гёте надѣлилъ свою Гретхенъ. И мысль о томъ невозможна. Разгадка всему дѣлу гораздо проще. Губеръ, какъ чужестранецъ, очень естественно затруднялся тамъ, гдѣ отъ

Digitized by Google

переводчика потребовалось особенно тонкое знаніе. Онъ не могъ разглядѣть грани, отдѣляющей *простоту рѣчи* отъ *простонарѣчія* или ясную наивность отъ грубоватой тривіальности. Если бы кто нибудь усомнился въ заключеніи нашемъ, — то мы можемъ подкрѣпить его доказательствомъ столь же сильнымъ какъ и роль Маргариты. Мефистофель въ трудѣ Губера выходитъ до такой степени неровенъ, что съ его лицомъ труднѣй помириться, чѣмъ съ лицомъ Гретхенъ-мѣщанки. Нѣтъ страницы изъ рѣчей бѣса, въ которой бы мы не отыскали стиховъ, весьма близкихъ къ оригиналу и до крайности отклоняющихся отъ него своимъ духомъ. И здѣсь переводчикъ, со всей добросовѣстностью своею проглядѣлъ грани, ясные глазу всякаго, гораздо менѣе умнаго труженика, — но труженика русскаго по происхожденію. Трудно смѣшать иронію съ шутовствомъ, — цинизмъ съ забубенностью, а Мефистофель въ переводѣ Губера такъ и поражаетъ насъ то какимъ-то балакиревскимъ тономъ, то ухарскимъ словомъ, совершенно не подходящимъ къ цѣли поэта, задумавшаго громадный образъ циника-искусителя.

Остается сказать нѣсколько словъ о журнальныхъ статьяхъ Губера, изъ которыхъ нѣкоторыя перепечатаны въ настоящемъ изданіи. Во всѣхъ ихъ видимъ трудъ умнаго и дѣльнаго человѣка, много учившагося, читавшаго съ толкомъ, работающаго не для пріобрѣтенія пятидесяти цѣлковыхъ полистной платы, а изъ желанія сказать, что нибудь полезное. Статья о Шиллерѣ, написанная по поводу перевода «Вильгельма Телля», дышетъ особенной теплотою. О фельетонахъ Губера, отрывки изъ которыхъ щедро разсыпаны г. Тихменевымъ въ его біографическомъ этюдѣ, мы уже сказали свое мнѣніе — одинъ только Гераклитъ, да развѣ еще Юнгъ, творецъ когда-то знаменитыхъ «Ночей» могли бы соперничать съ нашимъ поэтомъ безотрадностью тона и обиліемъ умныхъ размышленій. Но когда вспомнишь, что эти горькіе, плачущіе фельетоны почти всѣ набросаны больнымъ Губеромъ въ годъ его смерти, шутка замираетъ на устахъ и смѣняется чувствомъ искренняго состраданія о честномъ, умномъ, благодушномъ Губерѣ, печальномъ чужестранцѣ посреди молодой русской литературы.

1860.

Digitized by Google

XXVII.

«БИБЛІОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ПОЭЗІИ». ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ Н. В. БЕРГА. ИЗДАНІЕ Н. В. ГЕРБЕЛЯ. СПБ. 1860.

Съ живымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы новое литературное предпріятіе г. Гербеля, извѣстнаго уже своимъ «Шиллеромъ въ Переводѣ Русскихъ Писателей». Сколько намъ извѣстно, г. Гербель предположилъ выпускать, отъ времени до времени, собранія переводовъ изъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ поэтовъ, а также лучшіе труды нашихъ извѣстныхъ поэтовъ-переводчиковъ. Мы слышали, что онъ уже приготовляетъ къ печати небольшую антологію изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ Англіи, томъ переводовъ и подражаній Гёте и собраніе лучшихъ переводныхъ отрывковъ изъ Шекспира. Цѣль такихъ изданій сама собой сказывается, и, кажется, нѣтъ большой нужды о ней распространяться.

Если мы не ошибаемся, книжка переводовъ и подражаній Н. В. Берга, теперь находящаяся передъ нами, хорошо встрѣченная публикой, тѣмъ не менѣе возбудила въ ней толки, не совсѣмъ дѣлающіе честь вкусу современныхъ читателей. Мы сами слышали, какъ нѣкоторые острословы сравнивали лежащую передъ нами книгу съ столпотвореніемъ вавилонскимъ и совѣтовали приложить къ ней, вмѣсто виньетки, списокъ съ извѣстнаго Каульбахова фреска, на которомъ происходитъ смѣшеніе языковъ, и какъ всегда у Каульбаха — великая драка. Поводомъ къ шуткѣ этой послужило обиліе языковъ, съ которыхъ г. Бергъ переводитъ. Въ изданіи г. Гербеля есть стихи съ сербскаго, англійскаго, чешскаго, польскаго, новогреческаго, итальянскаго, санскритскаго, испанскаго и многихъ другихъ языковъ. Мы съ своей стороны не видимъ тутъ ничего необыкновеннаго, а тѣмъ менѣе забавнаго. Г. Бергъ любитъ поэзію, стихъ его боекъ и живъ, онъ мастерски схватываетъ духъ переводимаго поэта, — и если, иногда, уже слишкомъ далеко отклоняется отъ буквы переводимаго писателя, то постоянно выкупаетъ свою ошибку легкостью стиха да еще тѣмъ вѣрнымъ чутьемъ *тона*, безъ котораго нѣтъ поэтовъ-переводчиковъ. Обладая всѣми сказанными достоинствами, грѣшно не переводить стихотвореній чужеземныхъ поэтовъ и во сто разъ лучше заниматься переводами чужихъ твореній, нежели усиленно стремиться къ самостоятельности, которая не дается. Въ нашей

Digitized by Google

литературѣ теперь почти нѣтъ сильныхъ поэтовъ, но отличныхъ версификаторовъ, людей съ поэтическимъ складомъ ума, писателей, умѣющихъ любить и цѣнить поэзію—въ ней десятки. Теперь эти писатели, молодые и старые, опытные и неопытные изо всѣхъ силъ натуживаются создать что нибудь свое, оригинальное. Попытки ихъ пропадаютъ даромъ: напримѣръ, за цѣлый послѣдній 1859—1860 годъ мы помнимъ только *четыре* хорошихъ оригинальныхъ стихотворенія, — и тѣ принадлежатъ поэтамъ уже извѣстнымъ. Молодые люди, выступившіе съ бойкимъ стихомъ и кой-какими задатками самобытности, одинъ за другимъ совершили полнѣйшее *фіаско*. И такъ вотъ итогъ цѣлаго года поэтической дѣятельности — фіаско направо, фіаско налѣво, безспліе со всѣхъ сторонъ, надеждъ на будущее мало. Не лучше ли — и во сто разъ не лучше ли переводить иностранныхъ поэтовъ?

1860.

XXVIII.

«ГОДЪ НА СѢВЕРѢ», М. МАКСИМОВА. ТОМЪ I. БѢЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ. ТОМЪ II. ПОѢЗДКА ПО СѢВЕРНЫМЪ РѢКАМЪ. СПБ. 1859.

Давно не приходилось намъ отдавать отчета о такой умной, поэтической и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной книгѣ, какова книга путевыхъ замѣтокъ г. Максимова, веденныхъ имъ во время его поѣздки на Сѣверъ, по порученію морского министерства. Лучше выполнить даннаго порученія невозможно, невозможно было и министерству выбрать лучшаго человѣка для путешествія съ энтографической цѣлью. Г. Максимовъ, съ трудами котораго хорошо знакомы читатели нашего журнала, соединяетъ въ себѣ всѣ условія и качества нужныя для русскаго путешественника. Онъ страстно любитъ всякія поѣздки и даже длинные переходы пѣшкомъ по всѣмъ сколько нибудь замѣчательнымъ уголкамъ Россіи. Онъ молодъ, здоровъ и имѣетъ все нужное, чтобъ войти въ довѣріе къ лицамъ, его интересующимъ. Онъ сердцемъ любитъ народъ, близокъ къ народу и умѣетъ сойтись съ простымъ русскимъ человѣкомъ, безъ неестественныхъ усилій и презрѣннаго подлаживанія къ слабостямъ простолюдина. Онъ можетъ неутомимо трудиться, никогда не торопясь, не сбиваясь, и не путаясь въ обильныхъ матеріалахъ. Никакой край для него не кажется бѣд-

Digitized by Google

нымъ, никакой человѣкъ недостойнымъ наблюденія. У этого писателя подъ ногами всегда твердая почва, онъ воспитанъ не на книгахъ и не на отвлеченныхъ теоріяхъ. Тому, кто любитъ чтеніе здоровое и укрѣпляющее разумъ, мы смѣло совѣтуемъ читать и перечитывать каждый трудъ г. Максимова.

Послѣ всего нами сказаннаго, очень понятно, что авторъ «Года на Сѣверѣ» долженъ имѣть хулителей и противниковъ въ нашей литературѣ. При многихъ хорошихъ сторонахъ нашей современной журналистики, она, даже по сознанію самыхъ снисходительныхъ судей, жестоко грѣшитъ именно отсутствіемъ той твердой почвы, которой такъ много подъ ногами нашего автора. Чрезвычайное развитіе русской періодической литературы, породивъ собой огромную потребность въ быстро пишущихъ и такъ сказать фельетонныхъ сотрудникахъ, создало цѣлый классъ писателей совершенно отрѣшившихся отъ практической жизни, скопившихся по столицамъ, живущихъ какимъ-то особеннымъ книжнымъ существованіемъ. Эти люди очень часто обладаютъ большимъ талантомъ, который даже сжился съ спѣшной работой, многіе изъ нихъ замѣчательны прочнымъ фондомъ своего образованія, но уединенная жизнь, занятая одною кабинетной работой, вліяніе кружка и тысячи другихъ однородныхъ причинъ мало по малу отражаются на всей ихъ дѣятельности. Литературный трудъ у насъ вознагражденъ хорошо, оттого къ нему стремятся массы образованной молодежи, очень часто стремятся лишь для того, чтобъ жить безбѣдно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, завязнувши въ кабинетныхъ занятіяхъ, еще болѣе ослабить свою связь съ жизнью дѣйствительной. Страшно становится когда подумаешь о томъ, какъ мало въ нашей литературѣ людей прочно связанныхъ съ жизнью своихъ согражданъ чѣмъ либо кромѣ языка, происхожденія да небольшого запаса впечатлѣній первой молодости! Много ли между нашими пишущими людьми настоящихъ помѣщиковъ, настоящихъ чиновниковъ, настоящихъ военныхъ людей, настоящихъ лицъ торговаго сословія? Иные изъ нашихъ писателей когда-то, въ давнишніе года, были тѣмъ или другимъ, или третьимъ, но скудный опытъ, добытый ими на практически житейскомъ поприщѣ, никогда почти не выдерживаетъ цѣлаго періода убійственной кабинетной жизни. Чтобъ бороться съ подобнымъ разъединеніемъ (плоды котораго видны на каждомъ шагу) необходимы мѣры крутыя, рѣшительныя, хотя, можетъ быть, и тягостныя на первыхъ порахъ: мѣры эти — толковыя путешествія по Россіи, принятіе на себя писателями какихъ нибудь практическихъ обязанностей, помимо литературы, времен-

Digitized by Google

ное удаленіе отъ однообразной столичной жизни сближеніе съ различными классами общества и въ особенности съ простымъ народомъ. Нѣтъ почти ни одного русскаго литератора, который бы въ душѣ не согласился съ мыслями сейчасъ высказанными, но на словахъ ихъ многіе не одобрятъ, изъ-за собственнаго самолюбія. Точно также въ нашей литературѣ вѣроятно найдутся лица, хорошо понимающія заслуги г. Максимова, вполнѣ цѣнящія его знакомство съ народомъ и его разрывъ съ общей всѣмъ намъ рутиной, но не всякое изъ этихъ лицъ поспѣшитъ отдать долгъ справедливости замѣчательному туристу. «Какъ будто такая рѣдкость бродитъ изъ края въ край, брать на себя трудныя порученія и сближаться съ народомъ!» скажутъ они, и успокоятся съ своимъ внутреннимъ самосознаніи.

А между тѣмъ путешествовать такъ, какъ путешествуетъ г. Максимовъ, можетъ быть умѣютъ только англичане и американцы этого практическаго, могучаго англо-саксонскаго племени. Проглядите со вниманіемъ эти два тома, названные ихъ авторомъ «Годъ на Сѣверѣ» и вы убѣдитесь въ справедливости словъ нашихъ. Первое, что поразитъ читателя въ означенной книгѣ, что оторветъ его отъ обычной рутины, какою дышутъ обычныя путевыя замѣтки, это крайняя практичность, жизненность всего ея содержанія. Г. Максимовъ рѣшительно не думаетъ о томъ, что составляетъ abcd всѣхъ путешественниковъ для красоты слога — т.-е. о самыхъ впечатлѣніяхъ пути, о картинкахъ природы, о группированіи анекдотцовъ и характеристическихъ подробностей. Ему поручили развѣдать про бытъ, торговлю, промыслы прибрежій Бѣлаго моря, и онъ не хочетъ знать ничего внѣ этихъ удобопередаваемыхъ сторонъ порученія. Онъ ѣдетъ на тотъ или другой пунктъ поморья, вовсе не помышляя о закатѣ солнца, о физіономіи снѣговыхъ полянъ, раскинувшихся налѣво и направо, о дагерротипномъ снимкѣ съ ямщика, который его везетъ и съ хозяина, который встрѣчаетъ его на квартирѣ. Прежде всего дѣло, а тамъ, коли къ слову скажется, будетъ и остальное. Въ такомъ-то городѣ обширные рыбные промыслы — нашъ путешественникъ прежде всего сходится съ опытнѣйшими промышленниками, отбираетъ отъ нихъ нужныя свѣдѣнія, а коли можно, самъ ѣдетъ съ ними на мѣсто промысловъ. Въ другомъ селѣ строятся ладьи большого размѣра для большихъ плаваній, строятся безъ плана и правилъ, Максимовъ разскажетъ вамъ весь порядокъ работы, весь обрядъ спуска ладей и перечислитъ вліяніе этого рода занятій на жителей. Далѣе видитъ онъ мѣстечко подвергавшееся нападеніямъ

Digitized by Google

англичанъ въ прошлую войну, тотчасъ же, по самымъ подробнѣйшимъ разсказамъ передаетъ онъ намъ исторію всѣхъ хлопотъ до нападенія, при нападеніи и послѣ него, передаетъ ее въ чертахъ живописныхъ и характеристичныхъ, но не изукрашенныхъ ни одной лишней чертою. Далѣе, на почти безлюдномъ берегу, въ рѣдкихъ селеніяхъ, наполненныхъ раскольниками, путешественникъ собираетъ свѣдѣнія о скитахъ стараго времени, о главнѣйшихъ расколоучителяхъ, о гоненіяхъ на нихъ, о хитростяхъ скитянъ и сопротивленіяхъ гоненію. Всюду видимъ мы фактъ, дѣло, жизнь стараго вѣка и жизнь настоящую, схваченные съ вѣрностью наблюдателя ничѣмъ не развлеченнаго, ничему не чуждаго.

Вслѣдствіе такой практической и въ высшей степени дѣльной манеры изложенія, путевыя записки г. Максимова и должны производить свое особенное впечатлѣніе на читателя. Человѣкъ праздный, привычный къ рутинѣ или затуманенный борзописцами, непремѣнно соскучится съ первыхъ страницъ книги. «На какого чорта мнѣ, скажетъ онъ, эти подробности о тюленяхъ, описаніе ярмарокъ и лубочныхъ картинъ, эти разсказы о томъ, какъ жители такого-то мѣстечка надували скитянъ, и такъ далѣе? Хоть бы одна картинка природы, хоть бы одинъ обличительный разсказецъ, хотя бы одинъ современный взглядецъ, изъ породы тѣхъ, къ которымъ я привыкъ, читая газеты!» Затѣмъ, по всей вѣроятности, вѣтреный читатель кинетъ книгу. Но, съ другой стороны, какъ уже было сказано, для любителей здороваго чтенія книга г. Максимова покажется дорогимъ подаркомъ. На первыхъ порахъ изложеніе имъ, пожалуй, покажется нѣсколько отрывочнымъ, но недостатокъ этотъ они безъ труда извинятъ за обиліе новыхъ, любопытныхъ фактовъ. Чтеніе пойдетъ живѣй и живѣе, а на первой же половинѣ перваго тома почувствуется невозможность отъ него оторваться. Дѣло въ томъ, что безъ всякаго старанія со стороны автора, безо всякихъ стремленій его къ погонѣ за поэзіею, — поэтическая сторона книги начнетъ сказываться сама собою. Мало по малу читатель почувствуетъ себя перенесеннымъ въ малоизвѣстный ему бѣломорскій край, на берега сѣверныхъ рѣкъ, на суда плавающія по морю со своими неученными мореходами. Съ каждымъ шагомъ впередъ, сживаясь съ авторомъ путешествія, онъ незамѣтно станетъ дѣлить его ощущенія, застаиваться съ нимъ на ярмаркахъ, бесѣдовать съ простыми русскими людьми, слушать разсказы объ удалыхъ охотничьихъ похожденіяхъ, объ опасныхъ рыбныхъ промыслахъ, о странностяхъ быта раскольническаго. Постоянно проникаясь живымъ и

Digitized by Google

дѣльнымъ разсказомъ, читатель, какъ сквозь дымку развивающагося тумана, ясно увидитъ передъ собою то, къ чему никогда сознательно не стремился авторъ, то есть физіономію края, характеристическія группы туземцовъ, наконецъ разнообразныя картины сѣверной природы, которыхъ, по видимому, г. Максимовъ и изображать вовсе не собирался. Въ наукѣ и искусствѣ всегда такъ совершается: полюбите предметъ, изучите его глубоко, и его поэзія, вмѣстѣ съ мелкими подробностями, придетъ сама собою, слѣдомъ за изученіемъ. Перечтите всѣхъ лучшихъ путешественниковъ и вы убѣдитесь на сколько эта истина примѣнима къ ихъ дѣлу. Думали ли когда нибудь Брюсъ, Мунго, Паркъ о картинахъ природы, объ уловленіи физіономіи посѣщаемаго ими края? Заботились ли они о группировкѣ рельефныхъ эпизодовъ, о couleur locale, объ анекдотической части своего повѣствованія? Утвердительно скажемъ, что имъ и на мысль не приходило такое дѣло, для большинства нынѣшнихъ туристовъ кажущееся азбукой ремесла. Но, что же мы видимъ? Новѣйшій туристъ, французъ, русскій или даже англичанинъ, прямо бьющій на мѣстный колоритъ и первую страницу свою начинающій картиной утра въ день своего отъѣзда, такъ и остается при безсильной дагеротипности, тогда какъ небольшое число путешественниковъ практиковъ, всю душу свою положившихъ на какую нибудь ученую цѣль, достигаютъ самыхъ поэтическихъ результатовъ, не гоняясь за ними, а иногда даже просто ими пренебрегая.

Покончивъ съ общими соображеніями по поводу книги г. Максимова, скажемъ нѣсколько короткихъ словъ о ея планѣ и содержаніи.

Первый томъ, названный, какъ было уже сказано, «Бѣлое Море и его прибрежья» прямо начинается съ прибытія автора въ городъ Мезень. Мы ничего не знаемъ о томъ, какъ и когда выѣзжалъ г. Максимовъ изъ Петербурга, что дѣлалъ онъ на пространствѣ между столицей и Мезенью, первая подробность такъ и остается во мракѣ, отвѣтовъ на второй пунктъ надо искать во всѣхъ слѣдующихъ главахъ. Дѣло въ томъ, что туристъ нашъ вовсе не думалъ скруглять своихъ путевыхъ замѣтокъ и проводить свою личность вездѣ съ должной послѣдовательностью, оттого первая глава первой части «Берега Зимній и Мезенской» вовсе не есть начало его поѣздки. Читатель въ подобныхъ книгахъ обыкновенно любитъ, чтобъ разсказъ начинался ab ovo, у такой-то заставы и на первой станціи, — оттого ему, безъ сомнѣнія, покажется неловкимъ это внезапное знакомство съ Мезенью, уже за-

Digitized by Google

киданною глубокимъ снѣгомъ въ началѣ ноября мѣсяца. За самымъ кратчайшимъ вступленіемъ идутъ дѣловыя подробности: бѣдная исторія бѣднаго города, бесѣды съ туземцами о подробностяхъ ихъ быта, и наконецъ поѣздка въ селенія, извѣстныя своими промыслами, за морскимъ звѣремъ. Слѣдующая за тѣмъ глава уже содержитъ въ себѣ подробности о Канинскомъ берегѣ, который гораздо безлюднѣе другихъ предъидущихъ, потомъ идутъ берега Лѣтній и Онежской съ первыми впечатлѣніями моря, свѣдѣніями о бѣломорской соли и способѣ ея добыванія, о ловлѣ мелкой морской рыбы, о ловлѣ бѣлуги, о салотопныхъ заводахъ и о способахъ выварки звѣринаго сала. Не смотря на множество чисто практическихъ подробностей, вся третья глава уже заключаетъ въ себѣ тѣ поэтическія особенности, тѣ мелкія личныя ощущенія туриста, чрезъ которыя читатель болѣе всего привязывается къ разскащику. Укажемъ на лѣтнія сцены въ Архангельскѣ, до крайности живописныя въ своемъ простомъ изложеніи, на выѣздъ изъ города, на пріѣздъ въ Онегу. Съ этой главы внимательный читатель оцѣнитъ всѣ тѣ достоинства книги, о которыхъ мы говорили такъ пространно въ началѣ нашей рецензіи. Слѣдующія за тѣмъ главы, или вѣрнѣе статьи, обнимаютъ собой уже плаванье по морю на шкунѣ, въ Кемь и въ Соловецкій монастырь, за ними идетъ плаванье прибрежное и Корельскій берегъ, съ подробными свѣдѣніями о нравахъ, обычаяхъ и характерѣ Кореловъ. Далѣе слѣдуютъ замѣтки о городѣ Колѣ, его прошлой исторіи, подробности объ англичанахъ за послѣднюю кампанію, разсказы о лопаряхъ съ точки зрѣнія на этотъ народъ ихъ русскихъ сосѣдей. Глава осьмая называется «Мурамъ», и содержитъ въ себѣ любопытное описаніе трескового промысла, написанное въ обычномъ родѣ нашего туриста, то есть со всѣми характеристическими подробностями, т.-е. изображеніемъ судохозяевъ, артельщиковъ и ловцовъ передъ поѣздкой на добычу, во время самаго лова и по возвращеніи домой. Главы девятая и десятая «Терскій берегъ и Поморье» до того богаты матеріаломъ, что самый короткій перечень предметовъ, въ нихъ изложенныхъ, занялъ бы у насъ слишкомъ много мѣста, потому мы ихъ перечислять не будемъ...

Вторая часть разбираемой нами книги имѣетъ еще болѣе главъ, нежели первая, но главы эти подведены подъ нѣсколько общихъ рубрикъ, по числу сѣверныхъ рѣкъ, посѣщенныхъ г. Максимовымъ. Такъ девять первыхъ главъ составляютъ одно цѣлое подъ заглавіемъ «Поѣздка на Печору», пять послѣднихъ принадлежатъ къ поѣздкѣ по рѣкѣ Двинѣ, за тѣмъ остальныя двѣ заключаютъ

Digitized by Google

въ себѣ поѣздки по Мезени и Пинегѣ. Объ интересѣ этого второго тома читатель легко составитъ себѣ понятіе, если мы скажемъ, что въ немъ найдетъ онъ свѣдѣнія о новоземельскихъ моржовыхъ промыслахъ, о зырянахъ и самоѣдахъ, объ Архангельскѣ и о Холмогорахъ, не считая множества другихъ данныхъ, заслуживающихъ его полнаго вниманія.

Смѣло пророчимъ труду г. Максимова не только замѣчательный успѣхъ, но и долговѣчность въ нашей литературѣ. Если ужъ такимъ книгамъ не расходиться на Руси, — то не для чего, кажется, и заниматься книжнымъ дѣломъ. Съ нетерпѣніемъ ждемъ новыхъ трудовъ нашего умнаго и талантливаго туриста, — который, по послѣдне-полученнымъ отъ него свѣдѣніямъ, — находится въ дальней Сибири, неутомимо пробираясь въ приамурскій край, давно уже его соблазнявшій.

1860.

Digitized by Google

БІОГРАФІИ.

I.

ВОСПОМИНАНІЕ О РУССКОМЪ ХУДОЖНИКѢ

ПАВЛѢ АНДРЕИЧѢ ФЕДОТОВѢ.

«Чувствуя приближеніе смерти, генералъ нашъ поднялъ голову и сказалъ, по испански, обращаясь къ окружавшему его непріятелю:

«Здѣсь умираю я, Ричардъ Гренвилль, какъ добрый солдатъ, сдѣлавшій свое дѣло. И будутъ обо мнѣ вѣчно помнить, какъ о вѣрномъ и храбромъ воинѣ....»

Записки Ралейга.

«Жизнь самого простого человѣка можетъ быть поэмою», говоритъ одинъ изъ современныхъ мыслителей, и афоризмъ его справедливъ до нѣкоторой степени. Но сколько ума, наблюдательности, добрыхъ началъ долженъ имѣть въ себѣ читатель, приступающій къ жизнеописанію обыкновеннаго человѣка, затѣмъ, чтобъ поучаться имъ какъ поэмою! Малое крайне малое число біографій стоятъ названія поэмъ по своей общедоступности; немногіе изъ людей, жившихъ и живущихъ на свѣтѣ, съумѣли сдѣлать возвышенную пѣснь изъ своей жизни, — пѣснь, врѣзавшуюся въ память современникамъ и несущую за собой благородное поученіе для послѣдующихъ поколѣній. И тѣмъ дороже должны быть для насъ люди подобнаго рода. Искать такихъ людей, любить ихъ, передавать свѣту ихъ дѣла, труды, мысли, самыя заблужденія и странности есть наслажденіе. Теряя человѣка, создавшаго изъ своей жизни пѣснь героической поэмы, мы теряемъ не все: лучшая его часть остается съ нами. Мы стыдимся плакать; невинныя,

Digitized by Google

но пустыя фразы, произносимыя во время тяжкихъ потерь, здѣсь оказываются лишними. Рыдать и безплодно сѣтовать позволяется только передъ гробомъ существъ, дорогихъ нашему сердцу, и ничего болѣе. Люди, жившіе и трудившіеся недаромъ, требуютъ своей памяти иной дани, иного почитанія.

Художникъ Павелъ Андреичъ Федотовъ, скончавшійся, послѣ тяжкой болѣзни, въ ноябрѣ 1852 года, принадлежитъ къ числу людей, жившихъ и трудившихся не напрасно. Заслуги покойнаго, какъ художника, слишкомъ извѣстны всякому, кто сочувствуетъ русскому искусству; жизнь его есть пѣснь героической поэмы, богатая поученіемъ. Эта жизнь, вся отданная высокому и прекрасному, лучше всѣхъ твореній Федотова. Судьбѣ угодно было прекратить существованіе художника на самой первой ступени заслугъ и извѣстности; только ближайшіе изъ друзей Павла Андреича могутъ сказать о томъ, какъ слабы, ничтожны были его превосходные начатки передъ тѣми неистощимыми сокровищами, которыя зрѣли въ умѣ его. Только они сознавали съ ясностью, что будущіе труды нашего соотечественника, можетъ быть, превзойдутъ труды сэра Давида Вильки и самого Гогарта. Только имъ передавались проэкты будущихъ произведеній, изумительныхъ по мысли, вдохновенно задуманныхъ. Только они по временамъ могли дивиться, глядя на бѣглые очерки, въ которыхъ достоинства, по видимому, самыя противоположныя и несовмѣстныя въ одномъ человѣкѣ, выказывались съ рѣзкостью, приводящею въ изумленіе. Многіе изъ жителей Москвы и Петербурга любовались большимъ альбомомъ Федотова; но немногіе знаютъ, что изъ всего этого альбома только двѣ или три вещи нравились самому художнику, между тѣмъ какъ другое, несравненно прекраснѣйшее собраніе будущихъ картинъ существовало въ головѣ его. Многіе ли изъ почитателей его таланта видѣли хотя часть его эскизовъ или небрежныхъ трудовъ, гдѣ грація шла рядомъ съ энергіею, сатира съ страстью, сила концепціи съ истинно фламандскимъ вниманіемъ къ подробностямъ? Если кто нибудь изъ нихъ и дѣлалъ предположенія насчетъ того, какимъ блескомъ должна была въ скоромъ времени озариться художническая карьера Федотова, такія предположенія все-таки не могли подходить къ истинѣ. Какъ геніяльный полководецъ, посреди глубокой тишины окружившій непріятеля, стянувшій всѣ свои силы, изучившій каждый шагъ боевой мѣстности, нашъ художникъ выжидалъ только часа для побѣды. Судьбѣ не угодно было дать ему этого часа, чтобъ сдѣлать его побѣдителемъ. И полководецъ остался извѣстенъ только по аван-

Digitized by Google

гарднымъ дѣламъ—и художникъ подарилъ насъ одними начинаніями. Еще бы годъ! еще бы хотя нѣсколько мѣсяцевъ!

Такъ прервана безвременно была дѣятельность Федотова какъ художника. Но жизнь его намъ осталась какъ нѣчто оконченное и цѣлое, къ которому нечего прибавлять, изъ котораго нельзя выбросить одной страницы. Постараемся же изобразить эту жизнь, такъ, какъ мы ее понимаемъ, безъ фразъ и излишнихъ подробностей, но съ горячей любовью къ памяти покойнаго. Всякая замѣтка или дополненіе къ настоящему труду будутъ нами приняты съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Мы не гонимся ни за полнотой очерка, ни за хронологическимъ порядкомъ, ни за правильностью изложенія: намъ хочется только изобразить личность нашего талантливаго друга, такъ, какъ мы собственно ее понимали, такъ, какъ она представлялась намъ въ теченіе долгаго знакомства, ни разу не охлажденнаго малѣйшей размолвкой, малѣйшимъ неудовольствіемъ.

Павелъ Андреичъ Федотовъ родился въ Москвѣ, отъ весьма небогатыхъ родителей.

«Отецъ мой — разсказывалъ онъ — былъ воиномъ Екатерининскихъ временъ, рѣдко говорившимъ о своихъ походахъ, но видавшимъ многое на своемъ вѣку. Разсказовъ его нельзя было слушать безъ особеннаго чувства: такъ отдаленно казалось время, къ которому они относились, такъ изумительны оказывались лица и герои, имъ упоминаемые. Женатъ онъ былъ два раза: въ первый — на плѣнной турчанкѣ, во второй — на моей матери. Большое наше семейство помѣщалось въ небольшомъ домикѣ, и жили мы очень бѣдно; но пока отецъ могъ служить, нужды особенной мы не испытывали. Старикъ былъ очень строгъ по службѣ, и часто, когда онъ возвращался домой изъ должности, за нимъ шелъ сторожъ съ одной, а иногда съ двумя парами сапоговъ въ рукахъ. Сапоги эти, перевязанные бичовкой, кажется, съ печатью около узла, принадлежали нерадивымъ или нетрезвымъ писцамъ; снятые за наказаніе, они оставались въ нашей квартирѣ до утра и потомъ уже возвращались провинившимся. Честностью обладалъ онъ безмѣрною; но она, какъ у многихъ честныхъ стариковъ, перенесшихъ многое въ жизни, облечена была въ формы суровыя, жосткія, угловатыя. Я помню, какъ одинъ разъ, замѣтивъ, что одинъ изъ его родственниковъ щеголяетъ какими-то дорогими вещами, отецъ сталъ упрекать его такъ угрюмо и рѣзко, что бѣдный обладатель небольшого сокровища заплакалъ. Я думаю, что упрекъ отца былъ неоснователенъ, осуждаю его подозрительность, а со-

Digitized by Google

всѣмъ тѣмъ не могу не удивляться этой неумолимой врожденной ему правдивости. Еслибъ я могъ разсказать вамъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла упомянутая размолвка, вы бы еще вѣрнѣе раздѣлили мои чувства.

«Зима обыкновенно проходила довольно печально; но лѣто для насъ, дѣтей, было золотымъ временемъ года. Отдаленныя улицы Москвы и теперь еще сохраняютъ колоритъ довольно сельскій, а въ то время онѣ были почти тоже, что деревня. Любимымъ мѣстомъ нашихъ игръ былъ сѣнникъ, гдѣ можно было не только вдоволь рѣзвиться съ другими ребятишками, но откуда, сверху, открывался видъ на сосѣдніе дворы, а всѣ сцены, на нихъ происходившія, оказывались передъ глазами наблюдателя какъ на блюдечкѣ. Сколько я могу дать себѣ отчетъ въ настоящее время, способностью находить наслажденіе въ *созерцательныхъ* занятіяхъ обязанъ я сѣннику, или, скорѣе, верхней его части. Жизнь небогатаго, даже, попроету, бѣднаго дитяти обильна разнообразіемъ, которое почти недоступно ребенку изъ достаточнаго семейства, — ребенку, развивающемуся въ тѣсномъ кругу изъ своихъ родителей, гувернантки да двухъ-трехъ друзей дома — особъ по бо́льшей части благовоспитанныхъ, стало быть, не имѣющихъ ничего особенно дѣйствующаго на дѣтскую фантазію. Возьмите теперь мое дѣтство: я всякій день видѣлъ десятки народа самаго разнохарактернаго, живописнаго и сверхъ всего этого сближеннаго со мною. Наша многочисленная родня, какъ вы можете догадываться, состояла изъ людей простыхъ, неуглаженныхъ свѣтскою жизнью; наша прислуга составляла часть семейства, болтала передо мной и являлась на распашку; сосѣди были все люди знакомые; съ ихъ дѣтьми я сходился не на дѣтскихъ вечерахъ, а на сѣнникѣ или въ огородѣ; мы дружились, ссорились и дрались иногда, какъ намъ только того хотѣлось. Представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу — и у тетушекъ, и у кумы отца, и у приходского священника, и около сѣнника, и на сосѣднихъ дворахъ. Все, что вы видите на моихъ картинкахъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видѣно и даже отчасти *обсуждено* во время моего дѣтства: это я заключаю какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей, я почему-то представлялъ мѣсто дѣйствія непремѣнно въ Москвѣ. Бытъ московскаго купечества мнѣ несравненно знакомѣе, чѣмъ бытъ купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ старыхъ служителей, дядей, ключницъ или кухарокъ, я, самъ не зная почему, переношусь мыслію въ Москву.... Сила

Digitized by Google

дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если будетъ позволено такъ выразиться, *основной фондъ* моего дарованія.»

Понятно, что у ребенка, способнаго развиваться такимъ образомъ, умственныя качества не могли назваться обыкновенными. И точно: маленькій Федотовъ, безъ всякихъ предварительныхъ познаній поступивъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ, въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе и начальниковъ и товарищей, а при выпускѣ оказался первымъ ученикомъ *). Имя его, какъ отличнѣйшаго воспитанника, изображено, по обычаю, существующему въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, на мраморной доскѣ, въ одной изъ залъ Корпуса. Изрѣдка вспоминая о годахъ своей ученической жизни, Павелъ Андреичъ сообщилъ нѣсколько фактовъ, нелишенныхъ занимательности. Память его — сказывалъ онъ мнѣ—была такова, что всякая страница, прочитанная имъ въ то время, по нѣскольку дней будто носилась передъ его глазами. «Если на экзаменѣ или при повтореніи уроковъ мнѣ случалось запамятовать ту или другую подробность, одну или двѣ учительскія фразы (въ то время еще учениковъ не убѣждали отвѣчать *своими словами*), мнѣ стоило только закрыть глаза на минуту, и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, являлось передо мной какъ написанное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ моего выпуска; впослѣдствіи память стала слабѣть: въ томъ я убѣдился очень хорошо, однажды разсказавъ моему пріятелю *** исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же. Если кто нибудь при васъ будетъ разсказывать во второй разъ какой нибудь анекдотъ или свое приключеніе, будьте увѣрены, что память разскащика слабѣетъ, а самъ онъ близится къ старости.»

Сверхъ своей завидной способности легко запоминать все прочитанное и слышанное, Павелъ Андреичъ умѣлъ привязываться ко всякой наукѣ, украшая необходимую сухость ея посредствомъ процесса своей могучей фантазіи. Для него исторія была рядомъ драматическихъ сценъ «въ костюмахъ и съ приличною обстановкою»; географія переносила его подъ чужое небо, къ чудесамъ чуждой нашему краю растительности: «когда я, маленькій — говорилъ онъ—глядѣлъ на ландкарту, около меня будто бродили львы,

*) Въ Корпусъ Федотовъ поступилъ въ 1826 году, имѣя отъ роду около десяти лѣтъ. Черезъ четыре года, за отличіе въ наукахъ и поведеніе, сдѣланъ онъ былъ унтеръ-офицеромъ, а еще черезъ два года, въ 1832, фельдфебелемъ.

Digitized by Google

всѣмъ тѣмъ не могу не удивляться эт
ему правдивости. Еслибъ я могъ разс ... нъ присутствовалъ
стоятельствахъ произошла упомянут ... крѣпости и вы-
нѣе раздѣлили мои чувства. ... но тригонометр
«Зима обыкновенно проходила ... которыя с
насъ, дѣтей, было золотымъ вр ... айно р
Москвы и теперь еще сохраня ... но
въ то время онѣ были почти ...
стомъ нашихъ игръ былъ ...
вдоволь рѣзвиться съ дру ...
открывался видъ на сост ...
исходившія, оказывали ... ныя
блюдечкѣ. Сколько я ... вломъ Ан
способностью находит ... его пребыван
обязанъ я сѣннику, ... мя его товарищами *).
гатаго, даже, поп ... ь произошло въ 1838 году.
которое почти не ... а, а мнѣ 12—13. Не смотря на
ребенку, развив ... ъ, я съ первыхъ же дней почув-
лей, гувернан ... му будущему художнику, тогда еще
шей части бл ... офицеру, съ розовыми щеками, свѣт-
особенно д ... кими темными усиками. Помню очень хо-
мое дѣтств ... ья и другіе сослуживцы Павла Андреича въ
характер ... по поводу какихъ-то его недавнихъ похожденій
мною. Н ... вани, около взморья. На вопросы котораго-то изъ
состоя
наша
и яр
дѣт
въ

*) Здѣсь авторъ считаетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ отъ своего ... Писатели и публика, особенно у насъ, въ Россіи, имѣютъ весьма понятное ... легко объяснимое предубѣжденіе къ тѣмъ статьямъ, въ которыхъ сочи-нители безо всякой нужды вводятъ свою собственную личность, во вредъ скромности и часто въ ущербъ произведенію. Но предубѣжденіе это, полезное во многихъ отношеніяхъ, становится ложнымъ и вреднымъ, чуть оно переходитъ въ крайность. Неоспоримый опытъ показалъ, что біографіи и замѣтки о замѣчательныхъ современникахъ теряютъ половину своей живости отъ излишней щекотливости сочинителей. Безъ нужды скрывая свою личность, щепетильный біографъ часто грѣшитъ наровнѣ съ хвастуномъ, выискивающимъ всѣ случаи, чтобъ печатно поговорить о самомъ себѣ, а самой статьѣ, изгнавъ изъ нея свои личныя чувства и воззрѣнія, придаетъ тонъ холодный и докторальный. По мнѣнію автора, простота и откровенность могутъ назваться лучшими средствами выпутываться изъ всѣхъ щекотливыхъ положеній, литературныхъ и житейскихъ. Одинъ изъ темныхъ и неизвѣстныхъ публикѣ друзей Байрона говорилъ, начиная свои воспоминанія о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ: «Я не знаю за собой ничего особенно дурного и позорнаго: для чего же мнѣ притаться съ моей личностью, терять двѣ или три черты способныя уяснить личность, манеру, странности человѣка, дружбой котораго я никогда не перестану гордиться? Для портрета необходимъ фонъ: мнѣ не желательно, чтобъ фигура, нарисованная мною, плавала въ туманѣ!»

Digitized by Google

присутствующихъ
такъ онъ, забрав
хъ уголковъ
дного изъ
съ тра
, на
бе

ыхъ мною при
позволено

обря-
II

художниками, часто бывалъ въ эрмитажѣ
восторженномъ настроеніи. Теньеръ и
имцами. Нельзя было безъ хохота слу-
жаніи той или другой картины этихъ
мастерски подмѣчалъ все особенно
е поверхностнымъ цѣнителямъ жи-
митажѣ съ нимъ вмѣстѣ, и всякій
мя словами приковывалъ всѣ мое
оихъ любимыхъ вещей.

ворилъ онъ, подходя къ боль-
кихъ пирушекъ, Теньера:—
тъ метлой буяна. Ему хо-
сь: онъ такъ и удираетъ!
пляску), смотрите, какъ
у и подбросилъ ее на
довольныя! Самому
съ картинахъ завтра
плясали съ этими
ѣніе, на васъ сдѣ-
тобъ воспомина-
ящей жизнью.
едотова въ то
ми рисовать
исленными
чедовольн-
ь разни-
эстам-
ровъ
домовъ, встрѣчаясь съ другими ладьями, тоже отправившимися на ловлю.

— Что̀жь это была за ловля? спросилъ кто-то Федотова

Павелъ Андреичъ тотчасъ же объяснилъ все дѣло. Нужно знать, что при всякомъ, нѣсколько значительномъ наводненіи, дрова, ненужный лѣсъ, доски и хворостъ, зачѣмъ нибудь валяющіеся около взморья, поднимаются водой и несутся ею прямо по направленію къ Галерной Гавани. Иногда къ этому лѣсу прибавляются обломки какого нибудь развалившагося судна или полѣнья съ какой нибудь разбившейся дровяной барки. А такъ какъ на добычу подобнаго рода не могъ претендовать ни одинъ изъ жителей Петербурга, то и весьма понятно, что обитатели галернаго порта охотно пользовались невиннымъ случаемъ запастись

Digitized by Google

крокодилы и удавы»; слушая военныя науки, онъ присутствовалъ при движеніи войскъ, тяжкихъ бояхъ, осаждалъ крѣпости и выдерживалъ приступы; математика вообще и особенно тригонометрія наполняли его умъ удивленіемъ къ чудесамъ, на которыя способенъ умъ человѣка. Рисовать онъ любилъ чрезвычайно и еще въ первые годы своего воспитанія дошелъ до возможности дѣлать весьма схожіе портреты своихъ учителей и товарищей; но музыку онъ любилъ больше живописи. Осьмнадцати лѣтъ Федотовъ покинулъ школьныя занятія и, какъ первый воспитанникъ, выпущенъ былъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ прапорщикомъ. Съ этой эпохи трудъ нашъ становится легче, ибо личныя воспоминанія выступаютъ впередъ: знакомство мое съ Павломъ Андреичемъ произошло на третій или на четвертый годъ его пребыванія въ полку, гдѣ мои два брата были въ то время его товарищами *).

Мое первое свиданіе съ Федотовымъ произошло въ 1838 году. Павлу Андреичу было тогда 23 года, а мнѣ 12—13. Не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, я съ первыхъ же дней почувствовалъ симпатію къ нашему будущему художнику, тогда еще молоденькому и красивому офицеру, съ розовыми щеками, свѣтлыми глазами и маленькими темными усиками. Помню очень хорошо, что мои братья и другіе сослуживцы Павла Андреича въ этотъ день шутили по поводу какихъ-то его недавнихъ похожденій въ Галерной Гавани, около взморья. На вопросы котораго-то изъ

*) Здѣсь авторъ считаетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ отъ своего лица. И писатели и публика, особенно у насъ, въ Россіи, имѣютъ весьма понятное и весьма легко объяснимое предубѣжденіе къ тѣмъ статьямъ, въ которыхъ сочинители безо всякой нужды вводятъ свою собственную личность, во вредъ скромности и часто въ ущербъ произведенію. Но предубѣжденіе это, полезное во многихъ отношеніяхъ, становится ложнымъ и вреднымъ, чуть оно переходитъ въ крайность. Неоспоримый опытъ показалъ, что біографіи и замѣтки о замѣчательныхъ современникахъ теряютъ половину своей живости отъ излишней щекотливости сочинителей. Безъ нужды скрывая свою личность, щепетильный біографъ часто грѣшитъ наровнѣ съ хвастуномъ, выискивающимъ всѣ случаи, чтобъ печатно поговорить о самомъ себѣ, в самой статьѣ, изгнавъ изъ нея свои личныя чувства и воззрѣнія, придаетъ топъ холодный и докторальный. По мнѣнію автора, простота и откровенность могутъ назваться лучшими средствами выпутываться изъ всѣхъ щекотливыхъ положеній, литературныхъ и житейскихъ. Одинъ изъ темныхъ и неизвѣстныхъ публикѣ друзей Байрона говорилъ, начиная свои воспоминанія о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ: «Я не знаю за собой ничего особенно дурного и позорнаго: для чего же мнѣ притаться съ моей личностью, терить двѣ или три черты способныя уяснить личность, манеру, странности человѣка, дружбой котораго я никогда не перестану гордиться? Для портрета необходимъ фонъ: мнѣ не желательно, чтобъ фигура, нарисованная мною, плавала въ туманѣ!»

Digitized by Google

присутствующихъ обо всей исторіи Федотовъ разсказалъ компаніи, какъ онъ, забравшись въ этотъ, едва ли не самый отдаленный изъ всѣхъ уголковъ Петербурга, провелъ тамъ цѣлый день въ семействѣ одного изъ своихъ корпусныхъ товарищей. Описаніе улицъ, поросшихъ травою, маленькихъ домиковъ на сваяхъ, калитокъ съ завалинками, на которыхъ домохозяева имѣютъ обыкновеніе сидѣть въ халатѣ и бесѣдовать, врѣзалось мнѣ въ память съ рѣдкой ясностью. Потомъ Федотовъ, съ какимъ-то, ему одному доступнымъ, искусствомъ укладывать пространныя подробности въ весьма краткую рѣчь, перешелъ къ изображенію семейства своего пріятеля, вечернихъ занятій, дѣвицъ Галерной Гавани, игры старыми картами, бѣднаго, но веселаго и дружескаго ужина. Когда ему нужно было идти домой, неожиданное препятствіе вынудило его измѣнить это намѣреніе: вѣтеръ, дувшій съ моря цѣлый вечеръ, началъ крѣпчать во время ужина, а улицы были покрыты водою. Къ удивленію Федотова, сказанное обстоятельство нисколько не испугало ни гостей, ни хозяевъ, и тѣ и другіе размѣстились какъ могли по разнымъ комнатамъ, дамы съ дамами, мужчины съ мужчинами; однако, никто не ложился спать. Къ общему смѣху и шуткамъ присоединялось не много безпокойства, ибо вѣтеръ все дулъ и вода прибывала съ каждой минутой. Подождавъ еще съ полчаса, молодой хозяинъ вдругъ всталъ со стула и, взглянувъ въ окно, удивилъ Федотова такими словами: «господа! кто хочетъ ѣхать на лодкѣ?» Предложеніе было принято съ радостными криками, и вся мужская компанія, одѣвшись потеплѣе, двинулась къ выходу. Тамъ ждала уже ихъ лодка, колыхавшаяся и вертѣвшаяся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще вечеромъ можно было гулять не замочивъ ногъ. Вооружась шестами и баграми, мореплаватели поѣхали мимо домовъ, встрѣчаясь съ другими ладьями, тоже отправившимися на ловлю.

— Чтожъ это была за ловля? спросилъ кто-то Федотова.

Павелъ Андреичъ тотчасъ же объяснилъ все дѣло. Нужно знать, что при всякомъ, нѣсколько значительномъ наводненіи, дрова, ненужный лѣсъ, доски и хворостъ, зачѣмъ нибудь валяющіеся около взморья, поднимаются водой и несутся ею прямо по направленію къ Галерной Гавани. Иногда къ этому лѣсу прибавляются обломки какого нибудь развалившагося судна или полѣнья съ какой нибудь разбившейся дровяной барки. А такъ какъ на добычу подобнаго рода не могъ претендовать ни одинъ изъ жителей Петербурга, то и весьма понятно, что обитатели галернаго порта охотно пользовались невиннымъ случаемъ запастись

Digitized by Google

дровами, досками, даже бревнами, безъ всякаго ущерба кому бы то ни было.

Ловля, описанная Павломъ Андреичемъ, принадлежала къ числу самыхъ продолжительныхъ и интересныхъ. Почти всю ночь компанія провозилась на водѣ, при свѣтѣ мѣсяца, продрогла, но возвратилась съ честью и богатой добычей. Самый разсказъ о ловлѣ мнѣ памятенъ такъ, какъ будто бы я его вчера слышалъ.

Рѣдкую недѣлю въ то время я не видалъ Павла Андреича; нѣсколько разъ ему пришлось и ночевать въ нашемъ домѣ, когда Нева расходилась и переѣздъ на Васильевскій Островъ, къ мѣсту его жительства, бывалъ затруднителенъ. Великая терпимость Федотова, а еще болѣе его *жадность къ людямъ*, его вѣчная охота имѣть передъ собою новые предметы для наблюденій, дѣлала наши сношенія весьма пріятными. Всякому извѣстно, какъ утомительно для взрослыхъ людей общество ребятишекъ; если же эти ребятишки находятся въ странномъ и переходномъ возрастѣ 13-ти, 14-ти или 15-ти-лѣтнемъ, ихъ компанія дѣлается чѣмъ-то совершенно нестерпимымъ. Но Павелъ Андреичъ съумѣлъ сдѣлаться пріятелемъ моимъ и моихъ сверстниковъ: мы вѣчно ждали его посѣщеній, какъ подарка, потому что онъ рисовалъ намъ картинки, разсказывалъ разныя исторіи и нисколько не тяготился нашей бесѣдой. Будто сочувствуя всѣмъ возрастамъ человѣка, онъ былъ совершенно одинаковъ и съ дѣтьми и со стариками и, всегда оставаясь простымъ и откровеннымъ, умѣлъ нравиться и тѣмъ и другимъ. Одинъ разъ я помню, какъ онъ разсказывалъ мнѣ и моему 15-ти-лѣтнему другу С. о наслажденіи, которое онъ испытывалъ, посвящая иной свободный день гулянью по отдаленнымъ частямъ города, безъ всякой цѣли, заговаривая съ простымъ народомъ, обѣдая въ подземныхъ тавернахъ, по часу застаиваясь подъ освѣщенными окнами незнакомыхъ домовъ и наблюдая какую нибудь иногда забавную, иногда граціозную семейную сцену. Говоря обо всемъ этомъ, Федотовъ ни слова не упомянулъ о прелестяхъ наблюдательности, о пользѣ изученія нравовъ, не вдавался ни въ какія, намъ недоступныя обобщенія: онъ просто рисовалъ передъ нами рядъ живыхъ сценъ, и мы понимали его и сами сознавали пріятность свободнаго дня, посвященнаго такимъ занятіямъ.

Въ это время Павелъ Андреичъ уже ходилъ по вечерамъ въ академію *), рисовалъ носы, ножки, уши и руки, имѣлъ нѣкото-

*) «Во время занятій Федотова въ Академіи, онъ искалъ совѣтовъ у старшихъ и младшихъ, менѣе его опытныхъ товарищей по ученію, выслушивалъ сужденія и

Digitized by Google

рыя знакомства между художниками, часто бывалъ въ эрмитажѣ и возвращался оттуда въ восторженномъ настроеніи. Теньеръ и Фанъ-Остадъ были его любимцами. Нельзя было безъ хохота слушать его разсказовъ о содержаніи той или другой картины этихъ мастеровъ: зоркій глазъ его мастерски подмѣчалъ все особенно комическое, все болѣе доступное поверхностнымъ цѣнителямъ живописи. Раза два мы были въ эрмитажѣ съ нимъ вмѣстѣ, и всякій разъ онъ, такъ сказать, двумя-тремя словами приковывалъ всѣ мое вниманіе къ которой нибудь изъ своихъ любимыхъ вещей.

— Глядите-ка, глядите сюда, говорилъ онъ, подходя къ большому изображенію одной изъ фламандскихъ пирушекъ, Тепьера:— вонъ смотрите, какъ хозяйка выгоняетъ метлой буяна. Ему хочется назадъ... полюбуйтесь, полюбуйтесь: онъ такъ и удираетъ! А здѣсь (картина изображала народную пляску), смотрите, какъ вотъ тотъ плясунъ поднялъ свою толстуху и подбросилъ ее на воздухъ! Какъ всѣ веселятся, и какія рожи довольныя! Самому такъ весело становится! Вспомните объ этихъ картинахъ завтра утромъ: вамъ покажется, что вы будто сами плясали съ этими красными толстяками! Повѣряйте всегда впечатлѣніе, на васъ сдѣланное картиной, проснувшись по утру. Нужно, чтобъ воспоминаніе о ней, такъ сказать, сливалось съ вашей настоящей жизнью.

Собственно о художественныхъ начинаніяхъ Федотова въ то время я не могу сказать многаго. Масляными красками рисовать онъ не пробовалъ, вещей большого объема и съ многочисленными фигурами почти никогда не дѣлалъ, постоянно оставаясь недовольнымъ ихъ компановкою. Но уже портреты его отличались разительнѣйшимъ сходствомъ, такъ что продавцы картинъ и эстамповъ выпрашивали у Федотова, какъ можно болѣе экземпляровъ имъ рисованнаго портрета въ Бозѣ почившаго Великаго Князя.

мысли каждаго, извлекая изъ нихъ пользу для своихъ будущихъ работъ, которыхъ характеромъ были юморъ, разительно выраженный, ясное выполненіе сюжетовъ, вѣрное выраженіе чувствъ и страстей, долженствовавшихъ одушевлять лица, имъ изображаемыя, и наконецъ окончательность въ отдѣлкѣ какъ фигуръ, такъ и посторонностей. Кисть его была пріятна, эффектъ правдивый и неусиленный, но естественный. Впослѣдствіи Федотовъ сталъ въ рядъ весьма замѣчательныхъ отечественныхъ талантовъ, особенно въ своемъ родѣ, въ которомъ не имѣлъ предшественниковъ. Взглядъ глубокій на природу и человѣка, желаніе выставить его слабую и достойную осмѣянія сторону, средствами искусства, отмѣчали его произведенія. Онъ былъ бы нашъ Гогартъ, художникъ-исполнитель, обѣщавшій пойти далѣе этого знаменитаго англійскаго живописца.» (Изъ свѣдѣній, доставленныхъ изъ Императорской Академіи Художествъ.)

Digitized by Google

Михаила Павловича, считая его лучшимъ изъ всѣхъ портретовъ, у нихъ продававшихся *). Всѣ лица, знакомыя Павлу Андреичу, были перерисованы по нѣскольку разъ, во всѣхъ видахъ, и онъ набилъ свою руку до того, что могъ шутя, одною чертою изображать того или другого изъ своихъ пріятелей, товарищей и начальниковъ.

Нѣкоторые изъ картинокъ, отдѣланныхъ съ особеннымъ тщаніемъ, поступали въ особый альбомъ, хранившійся у Павла Андреича. Въ этомъ же альбомѣ помѣщены были очерки, въ которыхъ довольно ясно обозначилось будущее направленіе покойнаго художника. Такъ, напримѣръ, я помню одну вещицу, чрезвычайно характеристическую въ этомъ отношеніи. Молодая, чисто одѣтая женщина, съ блѣднымъ, благороднымъ и испуганнымъ лицомъ, ведетъ подъ руку по улицѣ, мимо насмѣшливыхъ зѣвакъ, своего мужа, приведеннаго, вслѣдствіе сильной дружеской попойки, въ положеніе жалкое и унизительное. Если не ошибаюсь, самъ Гогартъ не отказался бы отъ такого сюжета: такъ онъ полонъ мысли, драматизма и цѣлительной сатиры, переходящей въ поученіе правовъ.

Со дня поступленія моего въ полкъ, гдѣ служилъ Федотовъ, прежнее знакомство возобновилось и продолжалось, не смотря на всѣ перемѣны въ нашихъ занятіяхъ, до самой смерти Павла Андреича. Первое наше свиданіе по службѣ происходило въ концѣ августа 1843 года. Федотовъ тогда жилъ въ казармахъ л.-гв. Финляндскаго полка, въ двухъ комнатахъ надъ адъютантской квартирой. Комнаты эти убраны были довольно мило какой-то мебелью изъ бѣлаго дерева; гипсовыя головки, носы, ноги и руки висѣли на стѣнахъ; у дверей стояла черная доска, какія обыкновенно ставятся въ училищахъ для черченія мѣломъ. На диванѣ лежала гитара съ фаготомъ и еще какой-то раздвижной инструментъ въ родѣ флейты. На полу, на этажеркѣ и около стола разбросаны были книги: въ изобиліи валялись Винкельманъ, Пушкинъ и англійскія учебныя книжечки. По книжной части въ квартирѣ Федотова всегда можно было найти что нибудь необыкновенное: или томъ Кап-

*) Этихъ портретовъ Федотовъ нарисовалъ до двадцати, водяными красками на осьмушкахъ веленевой бумаги. Каждый портретъ тотчасъ же поступалъ въ магазинъ Даціаро и по большей части продавался въ тотъ же день. Нѣсколько экземпляровъ портрета мнѣ случилось еще недавно встрѣтить въ Петербургѣ. Такъ какъ и теперь не всякій изъ купившихъ знаетъ, кѣмъ портретъ сдѣланъ, то я замѣчу, что внизу нѣсколькихъ портретовъ изъ числа встрѣченныхъ мною стоятъ буквы П. и Ф. Великій Князь изображенъ въ профиль, на иныхъ — въ гвардейскомъ мундирѣ, на другихъ — въ мундирѣ военно-учебныхъ заведеній.

Digitized by Google

темира, или какой нибудь журналъ екатерининскихъ временъ, или «Почту Духовъ», или разрозненный томъ старыхъ мемуаровъ на французскомъ языкѣ, или какую нибудь рукописную поэму. Хозяйство Федотова находилось въ вѣдѣніи его служителя, Аркадія Коршунова, который жилъ при немъ до самой смерти своего барина, любилъ его съ рѣдкою нѣжностію и отошелъ послѣднимъ отъ могилы своего обожаемаго барина и *друга* *).

Федотовъ принялъ меня очень ласково и спросилъ: перезнакомился ли я съ офицерами? а узнавъ, что уже всѣ визиты кончены, далъ мнѣ въ руки свой альбомъ, сказавъ: «теперь онъ будетъ для васъ понятнѣе.» На вопросъ мой о томъ, не обижаются ли нѣкоторыя изъ лицъ, выведенныхъ имъ въ нѣсколько карикатурномъ видѣ, онъ сказалъ, что изъ всѣхъ товарищей только одинъ принялъ шутку къ сердцу, да и тотъ старается не показывать. На черной доскѣ нѣсколькими штрихами набросаны были разныя сцены изъ тогдашней его жизни и кромѣ того тянулся цѣлый рядъ рисунковъ самаго страннаго содержанія: на одномъ изъ нихъ офицеръ, въ костюмѣ славянскаго витязя, поражалъ копьемъ голову одного англичанина; голова, падая, открывала подъ собой колоду картъ. Потомъ то же лицо, въ античномъ костюмѣ, то есть безъ всякихъ одеждъ, лежало мертвымъ на диванѣ, и около него толпились другія знакомыя лица съ гитарами, лирами и балалайками. Федотовъ объяснилъ, что это сцены изъ «Руслана и Людмилы», имъ передѣланной, послѣ чего, взявъ гитару, спѣлъ нѣсколько забавныхъ арій изъ этой оперы. Въ то время онъ много занимался музыкой, и голосъ его, сильный, звучный, нуждался только въ достаточной обработкѣ.

Мысль о томъ, чтобы, оставивъ службу, окончательно посвятить себя живописи, начинала уже въ то время занимать Федотова; но всѣ его стремленія не получили еще достаточной опредѣленности. Его тянуло въ разныя стороны; онъ еще не успѣлъ предаться всей душой тому роду искусства, который долженъ былъ составить его славу. Ему нравилась и баталическая живопись, и портретная, и историческая; сверхъ того онъ страстно любилъ музыку, читалъ все, что попадалось подъ руки, да и чины шли хорошо, такъ что кидать извѣстное для неизвѣстнаго могло показаться дурнымъ разсчетомъ. Потомъ, Павелъ Андреичъ былъ очень привязанъ къ

*) Федотовъ, говоря съ кѣмъ нибудь про Коршунова, называлъ его: *«мой слуга и другъ.»*

Digitized by Google

своимъ товарищамъ, между тѣмъ какъ самая служба и образъ жизни доставляли обильную пищу его наблюдательности. И нужно сказать правду, пребываніе Федотова въ л.-гв. Финляндскомъ полку во многомъ способствовало тому *настрою* (слово, которое часто употреблялъ покойный), который впослѣдствіи отразился въ его произведеніяхъ. Особы, незнакомыя съ военной жизнью, по всей вѣроятности, не знаютъ, какой обильный источникъ для наблюденія во всѣхъ родахъ представляетъ хорошо устроенный и хорошо составленный полкъ, особенно полкъ егерскій, то есть сформированный изъ народа молодого, бойкаго, шутливаго и расторопнаго. Сотни типовъ, самыхъ оригинальныхъ, неподмѣченныхъ и никѣмъ неописанныхъ, сами просятся на глаза наблюдателю, привязываютъ его къ себѣ, врѣзываются въ память и помнятся на вѣчныя времена. Федотовъ, еслибъ захотѣлъ, могъ быть первымъ нашимъ живописцемъ по части военныхъ сценъ; сверхъ своего таланта, онъ имѣлъ то преимущество надъ другими художниками, что самъ служилъ, самъ командовалъ ротой, вникалъ въ солдатскій образъ жизни и, по своему выраженію «любилъ солдатика». При разборѣ вещей, оставшихся послѣ Павла Андреича, вѣроятно, отыщется маленькій эскизъ подъ названіемъ: «*Прибытіе стараго гренадера Дворцовой Роты въ свою бывшую роту Финляндскаго полка*». Этотъ рисунокъ — совершенство въ своемъ родѣ, потому что онъ простъ и правдивъ; въ немъ вы видите десятокъ военныхъ типовъ безъ всякихъ украшеній. Бывшій фельдфебель роты, взятый въ дворцовые гренадеры, является къ прежнимъ товарищамъ въ гости; старые солдатики его привѣтствуютъ и потчуютъ табакомъ; является маленькій флейтщикъ, котораго старикъ вѣрно баловалъ прежде; *ротная собака* *) прыгаетъ отъ радости и ласкается къ узнанному ею посѣтителю. Въ глубинѣ ротной залы обычныя занятія идутъ своимъ чередомъ: рекруты маршируютъ подъ надзоромъ дядекъ; цырульникъ, брѣющій егеря, засматривается на гостя; одинъ солдатикъ спитъ, другой угощаетъ родныхъ, третій любезничаетъ, четвертый подаетъ милостыню нищему, пятый чинитъ сапоги, шестой покупаетъ тесемку у разносчика. Въ этомъ крошечномъ эскизѣ чрезвычайно много жизни, веселости, чувства и добродушія.

*) Эта прекраснѣйшая черта только и можетъ быть изображена живописцемъ, знающимъ нравы солдата до тонкости. Нашъ солдатъ добръ до чрезвычайности. Нищіе являются къ его столу, и при ротѣ есть иногда нѣсколько собакъ, до призрѣнія ихъ ротою скитавшихся по улицамъ безъ хлѣба и надзора. Само собою разумѣется, что собака, нарисованная Федотовымъ, и мохната и безобразна.

Digitized by Google

Службою Павелъ Андреичъ занимался старательно, хотя безъ особенной горячности. Зоркій глазъ — начало успѣховъ въ военномъ дѣлѣ — былъ ему лучшей помощью, давая возможность не только держать свою роту въ великомъ порядкѣ, но даже находить артистическую пріятность въ занятіяхъ довольно утомительныхъ для будущаго художника. Съ утреннихъ служебныхъ занятій Федотовъ почти всегда возвращался подмѣтивъ какую нибудь оригинальную подробность или характеристическую сцену. Маневры, съ дневками, живописными бивуаками, переправами въ бродъ, дружескими бесѣдами, послѣ утомительныхъ переходовъ, были для Павла Андреича золотымъ періодомъ, давая ему десятками планы серьозныхъ или шутливыхъ очерковъ. Еще молодымъ офицеромъ, когда ему приходилось стоять на дальнихъ караулахъ, онъ всегда возвращался съ запасомъ самыхъ разнообразныхъ наблюденій. Если ему приходилось бывать съ ротой на пожарѣ, онъ, посреди дыма и суматохи, подсматривалъ за одинъ разъ столько сценъ, сколько иному не подмѣтить во всю жизнь.

Между офицерами, Павелъ Андреичъ, съ самаго опредѣленія своего въ полкъ, считался истинно добрымъ и занимательнымъ изъ товарищей. Главными чертами кружка, въ которомъ онъ обращался, были веселость и насмѣшливость, смягченныя истиннымъ, юношескимъ добродушіемъ. Карикатуры Федотова, за которыя ему, въ другомъ, болѣе себялюбивомъ кругу, пришлось бы можетъ быть, перенести тьму непріятностей, здѣсь не возбуждали ничьего негодованія: эта одна черта говоритъ краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ замѣтокъ. Безпечность Павла Андреича въ этомъ отношеніи доходила до того, что одинъ разъ, при переселеніи его на новую квартиру, черная доска, о которой мнѣ уже случилось упоминать, стояла цѣлое утро на улицѣ, представляя проходящимъ около десятка портретовъ и сценъ забавнаго содержанія, — и ни одинъ изъ товарищей не нашелъ этого страннымъ. Само собой разумѣется, за шутки платилось шутками, а «артистъ Федотовъ», съ его гитарой, фаготомъ, живописью, стихами, не всегда удачными, и нѣжнымъ сердцемъ, самъ служилъ обильнымъ поводомъ для дружескихъ насмѣшекъ.

Какъ бы то ни было, дальнѣйшія колебанія оказывались невозможными: время уходило. Павлу Андреичу, какъ я предполагаю, исполнилось двадцать-семь или двадцать-восемь лѣтъ. Все было сдѣлано имъ, до чего можно достигнуть, не занимаясь живописью исключительно — его рисунки водяными красками были одобрены многими знатоками. Портреты Федотовъ рисовалъ быстро, и они

Digitized by Google

отличались разительнымъ сходствомъ; огромная способность къ *сочиненію* картинъ оказывалась въ самомъ легкомъ очеркѣ нашего художника.

Павелъ Андреичъ оставилъ службу съ мундиромъ и чиномъ капитана: разъ рѣшившись, онъ пошелъ по новому пути съ твердостью и смѣлостью. Пренебрегая лишеніями, такъ сказать, вызывая на бой нужду съ препятствіями, онъ показалъ, что не умѣетъ приносить неполной жертвы. Первое пособіе, полученное имъ, онъ раздѣлилъ на двѣ части и отправилъ большую своему отцу и сестрамъ. Остальныя суммы имѣли тоже назначеніе; дѣлиться своимъ доходомъ съ родными онъ не переставалъ до конца жизни.

Павелъ Андреичъ простился съ товарищами на частномъ обѣдѣ у одного изъ офицеровъ. Въ новомъ нарядѣ онъ казался довольно некрасивымъ и самъ надъ собой подсмѣивался, держалъ себя вообще очень весело и беззаботно. Обѣдъ сопровождался пѣніемъ, танцами, искренними пожеланіями успѣхомъ; всѣ мы, развѣ за весьма малымъ исключеніемъ, были совершенно спокойны насчетъ своего стараго товарища. Семейныхъ его дѣлъ никто не зналъ. Восторженная любовь Федотова къ живописи казалась простой горячностью, залогомъ легкаго успѣха. Старшіе товарищи были увѣрены, что нашъ общій другъ изберетъ себѣ какой нибудь легкій, доходный родъ живописи, скоро набьетъ себѣ руку и, можетъ быть, составитъ порядочное состояньице. Многіе же, въ томъ числѣ и я, по молодости и вѣтренности, ровно ничего не думали, а ограничивалась только желаніемъ всего хорошаго. Въ первое время послѣ отставки нашъ художникъ разъ или два раза въ недѣлю находилъ время побывать у кого нибудь изъ прежнихъ товарищей. Иногда и товарищи заходили къ артисту Федотову, въ небѣленый, печальный домъ, гдѣ-то въ великомъ отдаленіи, между пустырей, у Невки. Въ комнаткахъ было холодно и часто угарно. Преданный Коршуновъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ въ качествѣ натурщика; одно время съ Федотовымъ жили какіе-то молодые люди, тоже художники; имени ихъ я не упомню.

На слѣдующій годъ Павелъ Андреичъ сталъ рѣже бывать у своихъ пріятелей. До насъ изрѣдка доходили слухи о томъ, что онъ приступилъ къ маслянымъ краскамъ, работаетъ утромъ, вечеромъ и ночью, при лампахъ или при солнечномъ свѣтѣ, въ Академіи или дома,—работаетъ такъ, что даже смотрѣть страшно, не давая себѣ ни пощады, ни снисхожденія, ни отдыха. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, долгихъ мѣсяцевъ, прошелъ еще годъ, и слухи приняли направленіе очень пріятное: Карлъ Павлычъ

Digitized by Google

Брюловъ расхвалилъ эскизъ Федотова и часто съ нимъ видѣлся; художники, составляющіе славу русской Академіи, единогласно признавали въ нашемъ товарищѣ присутствіе замѣчательнаго дарованія. Въ рѣдкіе часы свиданія, по блѣдному лицу Федотова можно было догадаться о вседневной, тяжкой работѣ. Волосы его сдѣлались очень рѣдки, глаза постоянно казались утомленными; но бодрость и веселость духа значительно увеличились. Онъ все еще думалъ посвятить себя живописи военныхъ сценъ и только впослѣдствіи, еще разъ посовѣтовавшись съ Брюловымъ, перешелъ къ тому роду, который такъ согласовался съ его образованіемъ, талантомъ и взглядомъ на искусство. Означенная перемѣна въ направленіи огорчила многихъ людей, любившихъ Федотова; нѣкоторые изъ нихъ даже сочли за признакъ непостоянства этотъ переходъ, въ сущности весьма простой и раціональный. Дѣло въ томъ, что Павелъ Андреичъ постоянно понималъ военную живопись по своему и такъ называемыхъ *баталическихъ* картинъ, съ большими массами пѣхоты и конницы, съ дымомъ и правильными движеніями колоннъ, рисовать никогда не готовился. Область его была не тамъ, не посреди величественныхъ и разрушительныхъ картинъ боя массами: его въ тысячу разъ болѣе привлекало изображеніе эпизодовъ малой войны, бивуковъ, перевязочныхъ пунктовъ, казарменныхъ уголковъ, — однимъ словомъ, сценъ немногосложныхъ и отличающихся отъ живописи домашнихъ сценъ только тѣмъ, что фигуры одѣты по военному и имѣютъ при себѣ оружіе. Часть эскизовъ, имъ набросанныхъ около этого времени, а еще болѣе планы будущихъ картинъ показываютъ справедливость этого заключенія. Между первыми особенно замѣчательны два: «Французскіе мародеры въ русской деревнѣ» и «Переходъ егерей въ бродъ черезъ рѣку, на маневрахъ». И тутъ и тамъ мы видимъ собраніе характеристическихъ и забавныхъ эпизодовъ, сценъ простыхъ и доступныхъ всякому, фигуръ съ выраженіемъ въ лицахъ, такъ сказать, срисованныхъ врасплохъ и разбросанныхъ по произволу сочинителя. Что касается до картинъ задуманныхъ, то онѣ еще болѣе приближались къ живописи домашнихъ сценъ, самое ихъ названіе показываетъ, каковы долженствовали онѣ выйти: между ними я помню, между прочимъ, «Вечернія увеселенія въ казармахъ по случаю полкового праздника» и «Казарменную жизнь», задуманную послѣ пересматриванія картинъ Гогарта. Этотъ послѣдній планъ чрезвычайно нравился Федотову. За эту картину многіе изъ пріятелей вѣчно ратоборствовали съ нимъ, хотя въ превосходномъ исполненіи частностей не сомнѣвались.

Digitized by Google

Такъ прошло около четырехъ лѣтъ послѣ выхода Федотова изъ полка. Четыре года непрестанной, усиленной работы, по видимому, не принесли съ собой ничего, кромѣ голословныхъ похвалъ и большого количества разныхъ плановъ. Съ каждымъ годомъ доходы Павла Андреича становились недостаточнѣе, потому что къ расходамъ на семейство и содержаніе себя прибавлялись издержки на краски, полотно, анатомическія книги и рисунки, наконецъ на плату первымъ натурщикамъ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ Федотова можно было видѣть по вечерамъ или въ обѣденное время. Мнѣ случалось видѣть его обѣдъ, присылаемый отъ сосѣднихъ кухмистеровъ за плату, рѣдко превышавшую 15 коп. серебромъ; случалось находить его рисующимъ въ холодной комнатѣ, имѣя на себѣ сверхъ платья тулупъ и шинель. Всякій знаетъ, до какой степени бываютъ щекотливы, тягостны свиданія съ лучшими друзьями при такихъ условіяхъ; но Федотовъ составлялъ въ этомъ случаѣ благороднѣйшее и полнѣйшее изъятіе. Онъ несъ бѣдность до такой степени тихо и просто, что всякое стѣсненіе исчезало. Вы видѣли себя не въ присутствіи талантливаго бѣдняка, охающаго и рисующаго передъ вами, но просто находились въ обществѣ вѣрнаго, добраго пріятеля, счастливаго своимъ призваніемъ и не имѣющаго ни времени, ни охоты думать объ удобствахъ жизни. Соболѣзновать о лишеніяхъ Павла Андреича, а еще болѣе тяготиться ихъ видомъ казалось мнѣ такъ же страннымъ, какъ проливать слезы о томъ, что какой нибудь мореплаватель или естествоиспытатель не пользуется комфортомъ въ своихъ странствованіяхъ. Во всѣ эти четыре года не случалось слыхать мнѣ отъ Федотова ни одной жалобы: онъ не любилъ шутить надъ своимъ положеніемъ, какъ многіе люди съ эластическимъ характеромъ, но зато не смущался имъ никогда. Въ это время онъ по временамъ сходился съ компаніей людей, слишкомъ беззаботныхъ въ денежномъ отношеніи, любившихъ мотовство и свой взглядъ на веселую артистическую бѣдность простиравшихъ до замѣчательной парадоксальности. Это юношеское, обильное оригинальностью возрѣніе на бѣдность отчасти возмущало Павла Андреича; его любимою фразою въ этомъ случаѣ было: «всѣ вы, господа, бѣдняки-дилетанты! За всякимъ изъ васъ кто нибудь стоитъ съ полнымъ карманомъ, *сами вы ни передъ кѣмъ не стоите, никого не выносите, на своихъ плечахъ!* Вы толкуете о веселой бѣдности, какъ я могу говорить о Швейцаріи, сходивъ поглядѣть на декораціи «Соннамбулы». Истинной бѣдности вы не знаете и должны благодарить Бога». Но, понимая всю печальную сторону бѣдности,

Digitized by Google

извѣдавъ вполнѣ, что значитъ *выносить другихъ людей на своихъ плечахъ*, нашъ художникъ въ то же самое время сознавалъ, что въ этомъ дѣлѣ «*сказать нась есть половина неудачи*». Говоря о художникахъ, которые богатѣли, отступившись отъ упорной работы для поставки скороспѣлыхъ произведеній, Федотовъ ограничивался нѣсколькими словами, нелишенными колкости, при своемъ неоспоримомъ снисхожденіи: «Такой-то пишетъ очень легко и мило. Онъ забылъ свою старую манеру. Чтожь дѣлать! ему надобно жить и хочется жить! Вильки подъ конецъ жизни дѣлалъ то же, Гвидо-Рени, говорятъ, дѣлалъ то же.» Тутъ были и оправданіе и благородная терпимость; а между тѣмъ общій приговоръ былъ очень строгъ: человѣка, спасовавшаго передъ нуждою, Федотовъ неумолимо вычеркивалъ изъ списка художниковъ, оставляя за нимъ всѣ качества прекраснаго, умнаго, ловкаго, но слабаго смертнаго.

Жанъ-Поль говоритъ, съ своей обычною глубиной мысли: «бѣдность то же, что операція протыканія ушей у молодыхъ дѣвушекъ. Больное мѣсто заживаетъ, и его украшаютъ потомъ перлами и брильянтами. Въ нуждѣ крѣпнетъ дарованіе человѣка. Кто знаетъ, сколько таланта и поэзіи погребено подъ грудами золота!» Федотовъ не былъ фанатикомъ нищеты, подобно знаменитому германцу, (какъ и онъ, выносившему на своихъ плечахъ существованіе дорогихъ ему людей): взглядъ его въ этомъ случаѣ имѣлъ разумную двойственность, охватывавшую вопросъ съ каждой стороны. Глядя на эскизъ Федотова «Старость Художника» *), можно подумать, что твердый духъ его часто изнемогалъ подъ бременемъ нужды. Такое заключеніе будетъ едва ли справедливо: Павелъ Андреичъ изучалъ фазисы нищеты такъ, какъ изучалъ онъ въ натурѣ лица трактирныхъ героевъ, не дѣлаясь черезъ то трактирнымъ посѣтителемъ. Несомнѣнно то, что до своего знакомства съ Брюловымъ онъ не былъ совершенно увѣренъ въ своихъ силахъ и видѣлъ по временамъ передъ собой печальную старость; но мысль его объ

*) Эскизъ этотъ извѣстенъ друзьямъ Павла Андреича. Изъ него несомнѣнно имѣла выйти картина мрачнаго, потрясающаго содержанія. Здѣсь онъ изобразилъ самого себя, въ преклонныхъ лѣтахъ, посреди голодной семьи и бѣдвѣйшей обстановки, пишущаго вывѣски, между тѣмъ какъ дворникъ вынимаетъ вьюшки изъ трубъ, и проч. Эскизъ этотъ истинно гогартовскій по смыслу, писанъ въ минуту унынія, но унынія *не передъ нуждою*, а передъ мыслію о предполагаемой слабости своего дарованія. Сомнѣніе въ своихъ силахъ часто томило душу Федотова въ годы приготовительнаго труда. Послѣ выставки онъ совершенно охладѣлъ къ своему превосходному эскизу.

Digitized by Google

этомъ предметѣ была не болѣе, какъ мыслью полководца о возможности быть убитымъ въ сраженіи. Оттого духъ его былъ постоянно бодръ, а манеры (даже въ періодъ изнуряющихъ усилій) могли назваться веселыми и непринужденными.

Въ эти годы Федотовъ любилъ говорить о художествѣ и художникахъ, особенно художникахъ молодыхъ и богатыхъ надеждами: его симпатія къ труду, снисходительность ко всякому начинанію были таковы, что, слушая его, можно было ожидать впереди цѣлой эры для отечественнаго искусства, цѣлаго созвѣздія новыхъ, превосходныхъ дѣятелей. Разсказы его объ оригинальной жизни нѣкоторыхъ молодыхъ людей, посвятившихъ себя искусству, могли назваться неподражаемыми; но Федотовъ оказывался очень строгъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вредили будущимъ своимъ успѣхамъ разгульною жизнію. «Мнѣ грустно думать — говаривалъ онъ—что нѣкоторые художники еще до сихъ поръ подтверждаютъ своимъ страннымъ поведеніемъ нерасположеніе общества къ нашему брату. Старый предразсудокъ о томъ, что всякій человѣкъ, посвятившій себя служенію изящнаго, есть непремѣнно гуляка, истребляется съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ нѣкоторая часть изъ нашего, художническаго круга будто нарочно вызываетъ на себя охужденіе! Въ нѣкоторыхъ изъ насъ еще таится несчастная, на бѣду къ намъ заброшенная идея о томъ, что отклоненіе отъ приличій идетъ рядомъ съ геніяльностію. Есть еще до сихъ поръ художники *), зараженные этой мыслью до того, что всякій тихій, трезвый, осмотрительный трудъ кажется имъ «достоинствомъ бабьимъ». Они хотятъ жить и работать скачками, не зная мѣры въ трудѣ и увеселеніи: все у нихъ порывисто, ярко и какъ-то буйно. Бѣда въ томъ, что сотворивъ пять или шесть скачковъ, они изнуряются, впадаютъ въ апатію и всю страсть берегутъ для однихъ увеселеній. Нѣтъ! мое мнѣніе всегда будетъ въ пользу ежеминутнаго труда и жизни самой воздержной, самой спокойной: еслибъ я могъ перелить это убѣжденіе въ души многихъ молодыхъ людей, своихъ сверстниковъ по искусству!...»

Одною изъ главныхъ причинъ душевнаго спокойствія, давшаго Федотову такъ много времени, силы и средствъ на все прекрасное, нужно назвать его необыкновенно здравый, практическій и разумно философскій взглядъ на радости и печали жизни. Онъ любилъ кра-

*) Долгомъ считаю замѣтить, что слова эти сказаны много лѣтъ назадъ, при началѣ занятій Федотова.

Digitized by Google

соту женщинъ, веселіе пировъ, изучалъ страсти какъ артистъ,— какъ артистъ, не былъ равнодушенъ къ блеску, пышности, изящной обстановкѣ богатаго человѣка; но ему была рѣшительно незнакома язва талантовъ нашего времени, именно: жажда сильныхъ ощущеній. У насъ былъ одинъ прекраснѣйшій и добрѣйшій товарищъ, вѣчно наслаждавшійся жизнью и увѣрявшій, что онъ «не живетъ, а прозябаетъ». Это недовольство настоящимъ всегда вызывало Павла Андреича на противорѣчія. Толки юношей, готовыхъ отдать «всю свою безцвѣтную жизнь» за годъ «страстей и наслажденій», смѣшили Федотова точно такъ же, какъ разсмѣшилъ бы приговоръ какого нибудь цѣнителя, вздумавшаго, изъ любви къ яркимъ сюжетамъ, дѣлить картины не по достоинству исполненія, а потому, что на нихъ изображается, ставя на первый планъ изображенія пожаровъ, убійствъ и изверженій Везувія. Одинъ разъ, въ маленькомъ собраніи умныхъ людей, при нашемъ художникѣ кѣмъ-то высказана была мысль такого рода: «Напрасно человѣкъ сталъ бы дѣлить событія жизни на событія мелкія и великія. Для истиннаго человѣка каждая минута приноситъ съ собой событіе. Для него новая мысль есть событіе, взглядъ на картину есть событіе, посѣщеніе самаго скучнаго болтуна есть событіе. Если складъ ума, способнаго къ анализу, имѣетъ въ себѣ нѣчно артистическое, то жизнь человѣка, обладающаго такимъ умомъ, есть море событій, живыхъ и благотворныхъ. Для такого человѣка не можетъ быть скуки и въ нѣкоторомъ смыслѣ несчастія, ибо несчастіе есть бездѣйствіе.» Вслѣдствіе этихъ словъ, Павелъ Андреичъ постоянно говорилъ о человѣкѣ, ихъ сказавшемъ, какъ «о славной головѣ и свѣтломъ сердцѣ». Его смутныя, сокровенныя убѣжденія всѣ получили ясность, всѣ были высказаны чужимъ человѣкомъ въ этотъ вечеръ.

Наконецъ наступилъ періодъ времени, пролившій столько радости на послѣдніе годы жизни нашего художника. Федотовъ вѣрилъ въ себя со дня своего знакомства съ Брюловымъ. Похвалы знатоковъ дѣла, членовъ Академіи, только подтвердили его увѣренность, но оставался главный шагъ — встрѣча съ публикою. Три картины Павла Андреича: «Сватовство», «Послѣдствія пирушки» и «Горбатый женихъ», поступили въ число произведеній, имѣвшихъ явиться на художественной выставкѣ. Первая вѣсть, которою я былъ встрѣченъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, осенью 1848 *) года, наполнила меня радостью. Имя Павла Андре-

*) Выставка эта была трехъ-годичная; за нее Федотовъ получалъ званіе ака-

Digitized by Google

мча гремѣло по городу. Его сослуживцы и друзья находились въ полномъ восхищеніи. Я бросился въ Академію и увидѣлъ въ одной изъ боковыхъ залъ великія толпы народа. Все пространство отъ картинъ до двери было запружено любопытными: едва-едва, съ помощью лорнета и приподнявшись на цыпочки, успѣлъ я усмотрѣть, за толпою, картины, столько мнѣ знакомыя. Художникъ Б., стоявшій около, передалъ мнѣ всѣ интересовавшія меня подробности о первыхъ дняхъ выставки и о томъ, какъ далеко разлилась слава нашего общаго друга. Отъ него же узналъ я, что самъ Федотовъ часто бываетъ въ залѣ и прислушивается къ сужденію посѣтителей. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ предстало передъ насъ веселое, но значительно постарѣвшее за лѣто лицо Павла Андреича.

Федотовъ провожалъ какихъ-то дамъ и, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ пособить имъ пробраться къ картинамъ черезъ сплошную массу зрителей. Уставъ и досадуя на свою неловкость, онъ поступилъ въ дѣло послѣднее средство.

— Господа, сказалъ онъ, тронувъ двухъ или трехъ человѣкъ изъ задняго ряда: — пропустите на минуту *автора*.

При этомъ словѣ посѣтители почтительно раздвинулись и дали дорогу дамамъ. Федотовъ передъ тѣмъ дѣлалъ должностной визитъ и одѣтъ былъ въ мундирѣ, безъ эполетъ, а вмѣсто каски имѣлъ онъ шляпу съ чернымъ перомъ, какъ носили во время его отставки. Когда онъ отходилъ отъ картинъ, мы сошлись лицомъ къ лицу; послѣ различныхъ привѣтствій, условились этотъ день обѣдать вмѣстѣ, пригласивъ изъ числа товарищей тѣхъ, которые отъищутся дома.

Въ этотъ день я испыталъ множество отрадныхъ ощущеній. Мнѣ случалось поздравлять людей, которые, по прекрасному выраженію Байрона, «проснувшись въ одно утро, вдругъ увидѣли себя извѣстными»; случалось привѣтствовать лицъ, къ которымъ слава пришла неожиданно, безъ усилій съ ихъ стороны и безъ зова. Но все это нимало не сходствовало съ положеніемъ Федотова. Начавъ азбуку своего искусства въ лѣта, данныя человѣку для творчества, онъ цѣлыя пять лѣтъ держалъ бой неутомимый и безпощадный, — цѣлыя пять лѣтъ, поставивъ страшную карту, ждалъ, на которую сторону она выпадетъ. Дни, мѣсяцы и годы тяжкихъ

домика. «Послѣдствія кирушки» и «Горбатый женихъ» были уже на годичной выставкѣ 1847 года, нравились всѣмъ; но полная популярность произведеній Федотова, началась съ его «Поправки обстоятельствъ».

Digitized by Google

лишеній, занятые работою, способной сокрушить силы пяти юношей, могли быть проведены напрасно: проснувшись въ одно утро, Федотовъ могъ увидѣть себя не посреди завоеванной славы, а добычей горькаго отчаянія, съ испорченной будущностью, бѣднымъ семействомъ на рукахъ и сознаніемъ того, что время труда пропущено безъ возврата! И онъ наконецъ дождался конца тяжелой драмы, — онъ имѣлъ право сказать, что трудился не напрасно! Потому-то въ его славѣ было много трогательнаго и высокаго; она оказывалась дорогимъ оружіемъ, вырваннымъ у врага послѣ тяжкой битвы, а не щегольскимъ раззолоченнымъ трофеемъ, годнымъ на украшеніе краснваго кабинета!

И художникъ нашъ вполнѣ зналъ ей цѣну. Онъ не прикидывался скромникомъ: мысль, что его знаетъ Петербургъ и скоро будетъ знать вся Россія, приводила его въ восхищеніе; онъ строилъ планы насчетъ поѣздки въ Англію для изученія Вильки и Гогарта, разъяснялъ передъ нами значеніе избраннаго имъ рода живописи и толковалъ о новыхъ задуманныхъ имъ картинахъ. При всемъ этомъ онъ обнаружилъ, по поводу своей извѣстности, нѣсколько особенностей, о которыхъ теперь нельзя подумать безъ удивленія. Во первыхъ, на печатныя себѣ похвалы глядѣлъ онъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, — а впослѣдствіи даже не читалъ ихъ никогда. Можетъ быть, похвалы эти были нехорошо составлены; но вѣрнѣе то, что изустная похвала казалась ему живѣй и правдивѣе. Во вторыхъ, онъ не сердился ни на какое противорѣчіе, какъ бы оно близко ни касалось его самыхъ задушевныхъ теорій. Такъ, напримѣръ, за обѣдомъ, послѣ выставки, онъ много говорилъ о томъ, что каждое изъ его произведеній должно содѣйствовать къ исправленію нравовъ. Въ «Послѣдствіи пирушки» — сказалъ онъ — всякій зритель усмотритъ вредъ отъ неразсчетливой жизни, отъ *дурныхъ сообщниковъ*. «Сватовство» приведетъ на мысль унизительное положеніе празднаго человѣка, ищущаго поправки обстоятельствъ посредствомъ нелѣпаго брака. Многіе изъ присутствующихъ возставали противъ этой теоріи.

— Павелъ Андрепчъ, сказалъ ему одинъ изъ гостей: — эти уроки о вредѣ праздности и дурной компаніи скажетъ человѣку всякій писака, даже изъ бездарныхъ: всякая нравоучительная сентенція попадаетъ въ цѣль вѣрнѣе художественнаго труда. Твоя сила не въ поученіи нравовъ, или, если хочешь, въ поученіи, только не черезъ такую мораль, а черезъ зрѣлище изящнаго. Двигаясь тобой описаннымъ путемъ, можно прямо попасть на общія мѣста (lieux communs).

Digitized by Google

Это возраженіе послужило поводомъ къ большому спору, въ которомъ Федотовъ принималъ участіе такимъ образомъ, какъ будто бы вопросъ нимало его не касался.

Еще одною прекрасной чертой Павла Андреича была необыкновенная, искренняя снисходительность при оцѣнкѣ произведеній, писанныхъ современными художниками, даже художниками весьма неопытными. Расхаживая съ нимъ по чьей нибудь галлереѣ или по заламъ Академіи во время выставки, нужно было дивиться его безпристрастной, или, скорѣе, пристрастной въ хорошую сторону натурѣ. Для маленькой искры таланта онъ прощалъ всѣ ошибки, ее глушившія; если и таланта не было, онъ чтилъ трудолюбіе художника, хвалилъ выборъ сюжета, указывалъ на какую нибудь малѣйшую дѣльно выполненную подробность. Людямъ, дающимъ волю своей зависти, стоило иногда подслушать эти оцѣнки.

— Не глядите на эти деревья: это вѣники, говорилъ онъ: — да вѣдь и старые итальянцы писали вѣники на своихъ фонахъ. Обратите вниманіе на грацію головки да вотъ на эту складочку.— А вотъ полюбуйтесь на этого голяка, что стоитъ на колѣняхъ. Онъ въ восторгѣ: видно, что у него сердце хочетъ изъ груди выпрыгнуть. Освѣщеніе.... ну да незачѣмъ глядѣть на освѣщеніе! — А вотъ замѣтьте, что значитъ писать на память, безъ натуры, *отъ себя*: у этого сидящаго старика нога будетъ въ сажень, если ее вытянуть; зато какъ милы двѣ дѣвушки по сторонамъ. Писалъ французъ — французу все прощается.

Терпимость Федотова могла назваться безграничною; даже въ его охужденіи всегда было нѣчто мягкое, смягчающее рѣзкость главнаго приговора. Мимо картинъ, плохихъ до крайности, проходилъ онъ молча и какъ бы торопливо: никогда не позволялъ онъ себѣ глумиться надъ бездарностью, наносить ударъ упавшему человѣку. *Трудъ* былъ для него чѣмъ-то священнымъ; никогда не выражая этой мысли отчетливымъ образомъ, онъ служилъ ей всю жизнь, въ мелочахъ и въ дѣлахъ первой важности, почерпая въ ней всю свою силу, все счастіе своей жизни. Къ праздным людямъ онъ постоянно чувствовалъ нѣкоторую антипатію, оправдывая себя такими словами:

«Я знаю, что человѣкъ безъ занятій, въ душѣ своей, врагъ каждому трудящемуся человѣку!»

Сочувствіе Федотова къ дѣятельности его знаменитыхъ товарищей по Академіи было безпредѣльно: съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о геніи Брюлова, какими радостными словами встрѣтилъ

Digitized by Google

онъ блестящія начинанія г. Рицони! Никогда не забуду его словъ по полученіи извѣстія о смерти скульптора Ставассера:

«Умеръ еще одинъ великій художникъ! — *умеръ, не показавъ намъ десятой части своего товара!*»

Грустныя выраженія, будто пророчившія собственную участь Павла Андреича!

Въ эту же самую осень счастливый случай сблизилъ насъ съ Павломъ Андреичемъ еще болѣе прежняго. Почти въ одно и то же время онъ перемѣнилъ свою квартиру, между тѣмъ какъ я занялъ для себя еще одну квартиру, у Большого проспекта; такъ что строеніе, въ которомъ жилъ Федотовъ, оказалось на половинѣ дороги между обоими жильями его преданнаго друга, товарища и почитателя. Одинъ разъ, проходя пѣшкомъ по 21-й линіи, я услыхалъ стукъ въ окно маленькаго, деревяннаго домика въ одинъ этажъ, и когда подошелъ поближе, мнѣ предстали неразлучныя фигуры художника съ его вѣрнымъ служителемъ.

— Мы съ вами опять финляндцы! кричалъ Федотовъ. (Казармы полка были видны изъ его оконъ.) — Входите же поскорѣе. Теперь мы будемъ видѣться всякій разъ, какъ вы того захотите.

Коршуновъ, маленькій черный человѣчекъ съ смѣтливымъ и умнымъ лицомъ, какъ у всѣхъ ярославцевъ, также очень довольный близостью полка, выбѣжалъ ко мнѣ и повелъ меня по двору, украшенному полу-развалившимися сараями, клѣтушками и дряхлымъ флигелемъ.

По внутреннему расположенію, эта квартира Федотова, въ домѣ господина**, была значительно хуже всѣхъ квартиръ, до того имъ занимаемыхъ: она вся состояла изъ маленькихъ сѣней и одной холодной комнаты, да еще чуланчика, гдѣ помѣщался служитель. Коршуновъ, уже успѣвшій и съ своей стороны пристраститься къ искусству, съ довольнымъ видомъ указалъ мнѣ на стѣны своего помѣщенія, сверху до низу оклеенныя лубочными картинками и неудачными рисунками, отданными бариномъ въ его вѣчное владѣніе.

— Какъ же и мнѣ не заниматься художествами! прибавилъ онъ, весело смѣясь.

Комната Павла Андреича была вся загромождена гипсовыми вещами, книгами и начатыми рисунками. Въ одномъ уголку стоялъ манкенъ, съ перваго взгляда совершенно напоминавшій живого человѣка; прямо противъ него помѣщался слѣпокъ съ Венеры Медицейской. Квартира стоила пять рублей въ мѣсяцъ; выбирая ее, Федотовъ гнался не за дешевизной (ему нѣсколько разъ предлагали

Digitized by Google

помѣщенія недорогія и удобныя), а за тѣмъ, чтобъ главная комната сходствовала съ комнатой, задуманной имъ для одной изъ своихъ картинъ. Сверхъ того оказывалось нужнымъ, чтобъ эта комната была не на солнцѣ, имѣла бъ три окна да еще какія-то другія особенности. Къ сожалѣнію, весь трудъ (онъ искалъ такой квартиры нѣсколько мѣсяцевъ) оказался напраснымъ: планъ задуманной картины смѣнился другими планами; а за Федотовымъ осталось только холодное и безпокойное помѣщеніе, черезъ стѣну съ маленькими дѣтьми, кричавшими, бѣгавшими и плакавшими цѣлые сутки, безъ отдыха.

Впрочемъ, описанныя неудобства выкупались многими выгодами. Федотовъ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ общее мѣрило удобствъ и неудобствъ, бѣдъ и радостей жизни вовсе не существуетъ. Мнѣ было истинно смѣшно, когда многіе прекрасные люди, побывавъ у него въ полу-разрушенномъ домикѣ, начинали соболѣзновать и судить о бѣдной обстановкѣ по своему.

«Во сколько разъ — можно было сказать имъ при этихъ случаяхъ—во сколько разъ нашъ художникъ счастливѣе васъ всѣхъ, господа, окруженныхъ довольствомъ и комфортомъ! Для него весь день состоитъ изъ отрадныхъ ощущеній; онъ охотно желалъ бы, чтобъ его сутки имѣли сорокъ-восемь часовъ, тогда какъ вы, можетъ быть, не знаете, что дѣлать съ половиною вашего времени!»

И точно: радости Павла Андреича были почти непонятны людямъ, ужасавшимся при видѣ его убогаго помѣщенія. Не говоря уже о сладости труда, объ упоеніи извѣстности, о кружкѣ добрыхъ молодыхъ друзей, нашъ живописецъ видѣлъ цѣлые потоки наслажденій въ одной своей наблюдательной способности. Видъ снѣговой поляны передъ окнами, розовые сумерки зимняго вечера дѣлали его счастливымъ на весь день *); всѣ жильцы дома; огородники, слѣпая дѣвушка и старѣйшій морякъ, ходившій обыкновенно въ фуражкѣ съ половиною козырька, интересовали его, и онъ хорошо зналъ ихъ нравы. Иногда мы посвящали утро, а лѣтомъ — вечеръ, прогулкѣ на Смоленское кладбище, въ селеніе Галерной Гавани, и всякій человѣкъ, знавшій Федотова, не найдетъ страннымъ, если я скажу, что подобнаго рода прогулки по отдаленнымъ захолустьямъ были для меня въ десять разъ интереснѣе бала, оперы, самой лю-

*) У меня хранится видъ 20-й линіи, зимой, около сумерекъ, подаренный мнѣ Павломъ Андреичемъ. Около дома г. ** идутъ двѣ фигуры въ шубахъ, изображающія его самого вдвоемъ со мною. Вся вещица кончена въ одно утро, масляными красками.

Digitized by Google

бопытной и рѣдкой книги. Вѣчно ровный по характеру, зоркій на все живописное, образованный совершенно по своему, неистощимый въ разговорѣ, понимавшій цѣну жизни такъ, какъ никто ее не понимаетъ, Федотовъ былъ полонъ истинной самостоятельности, наблюдательности безграничной, но симпатической. Когда я бывалъ съ нимъ вмѣстѣ, мнѣ казалось, что у меня во лбу лишнихъ два глаза, и что лишняя голова сидитъ на моихъ плечахъ. Разсказы этого человѣка, видѣвшаго на своемъ вѣку только Петербургъ и Москву, были живѣе, интереснѣе, неистощимѣе, чѣмъ разсказы многихъ людей, объѣхавшихъ полъ-свѣта. Сознаніе того, что жизнь его полна и вѣчно будетъ полною, надѣляло Федотова спокойствіемъ духа, способностью быть счастливымъ, — способностью, твердо стоявшею противъ всѣхъ враждебныхъ случайностей. Онъ никогда не торопился, ни къ чему не рвался; даже въ дѣлахъ любви онъ оказывался разсудительнымъ. Подъ угловатостью его манеръ, подъ сужденіями, для иныхъ казавшимися рѣзкими, таились деликатность духа, терпимость и уступчивость безконечная, спокойная вѣра въ силу труда, въ обязательность принятаго имъ на себя дѣла.

Отрадно подумать, что въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Андреичъ былъ истинно-счастливымъ человѣкомъ, и, конечно, не промѣнялъ бы своей участи на участь богача. Лучшимъ доказательствомъ этого довольства своимъ положеніемъ (кромѣ словъ самого художника) можетъ служить его совершеннѣйшая холодность ко всякому измѣненію въ своемъ образѣ жизни. Знакомства у Федотова было очень много, особенно послѣ выставки, и онъ знакомился съ людьми охотно; но, побывавъ въ новыхъ домахъ два-три раза, наглядѣвшись на новыя лица, тотчасъ же возвращался онъ къ ряду своихъ обычныхъ занятій и развлеченій. Частыя приглашенія его тяготили; разгульныхъ же компаній онъ рѣшительно не любилъ. Вторженіямъ энтузіастовъ въ свое помѣщеніе онъ бывалъ очень радъ, платилъ имъ визиты, дружился и потомъ опять закупоривался въ 21-ю линію. Между этими энтузіастами бывали и дамы, иногда хорошенькія и богатыя, иногда очень расположенныя въ пользу таинственнаго художника; но Федотовъ и тутъ не поддавался искушенію, не смотря на свою всегдашнюю, весьма извинительную слабость къ похваламъ и ласкамъ женщинъ.

Одно изъ приключеній въ такомъ родѣ,—приключеній, навремя возмутившихъ душевный покой Павла Андреича, заключалось въ слѣдующемъ. Молодая и богатая дѣвушка, постоянно слѣдившая за

Digitized by Google

успѣхами нашего художника, успѣвшая убѣдиться въ благородствѣ его души и другихъ достоинствахъ, открыто дала ему замѣтить, что готова, отказавшись отъ другихъ партій, терпѣливо выжидать того времени, когда еще нѣсколько лишнихъ шаговъ по пути къ извѣстности позволятъ Федотову предложить ей свою руку. Откровенный поступокъ дѣвицы, неоспоримо показывая въ ней присутствіе души благородной и юношеской, не могъ не подѣйствовать на Павла Андреича. Не называя особы и не вдаваясь въ исторію своихъ къ ней отношеній, одинъ разъ, въ искреннемъ разговорѣ, онъ передалъ все происшествіе, называя главное лицо героинею. Послѣ разсказа, Федотовъ принялся развивать теоріи, воздвигнувшія съ моей стороны сильное противодѣйствіе.

— Эта женщина — говорилъ онъ — теперь получаетъ полную власть надо мною. Меня слишкомъ мало любили и цѣнили въ мою жизнь; я обязанъ всѣмъ особѣ, полюбившей и оцѣнившей меня въ настоящее время. Я чувствую, что съ прекращеніемъ одинокой жизни кончится моя художническая карьера. Мнѣ принесена жертва, и, *можетъ быть*, я отвѣчу на нее жертвою.

Таковъ былъ общій смыслъ его длинныхъ рѣчей, и вообще онъ находился въ волненіи скорѣе тягостномъ, чѣмъ отрадномъ.

Аргументы мои, о которыхъ я долженъ упомянуть затѣмъ, чтобъ послѣдующія замѣтки Федотова были понятны, заключались въ слѣдующемъ. Дѣвица, отказавшаяся отъ выгодныхъ партій и рѣшившаяся выжидать брака съ знаменитымъ, любимымъ, хотя небогатымъ человѣкомъ, по моему пониманію, поступала очень благородно, умно; но героизма въ ея поступкѣ я не примѣчалъ никакого. Федотовъ имѣлъ чинъ, званіе академика *), репутацію, связи; бѣденъ онъ былъ не по отсутствію потребности на его трудъ, но потому, что самый трудъ еще выполнялся медленно; совладавъ съ мелочами техники, нашъ художникъ могъ смѣло сказать самъ себѣ: «теперь и я и мои родные обезпечены!» Жертвы, требующей въ награду другой жертвы, не оказывалось. Самые толки о жертвѣ и героизмѣ

*) Въ 1850 году, 3 декабря, въ прибавку къ получаемому Федотовымъ содержанію изъ Государственнаго Казначейства, назначено было ему производить изъ Академіи, насчетъ суммы для ободренія художниковъ, отпускаемой изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, по триста рублей серебромъ въ годъ, какъ во уваженіе его дарованій, такъ и потому, что онъ, при исполненіи картинъ избраннаго имъ рода живописи, долженъ имѣть значительные расходы на наемъ людей и пріобрѣтеніе другихъ необходимыхъ при работѣ вещей. (Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ Императорской Академіи Художествъ.)

Digitized by Google

заставляли меня думать, что Павелъ Андреичъ въ этомъ дѣлѣ любитъ скорѣе головой, чѣмъ сердцемъ.

Въ отвѣтъ на мои замѣчанія покойный художникъ сказалъ мнѣ, своимъ отрывистымъ и картиннымъ языкомъ, котораго я передавать не берусь, нѣсколько мыслей, кидающихъ яркій свѣтъ на то, какъ понималъ онъ свою жизнь и свое назначеніе. Изъ словъ его было видно, что онъ считаетъ трудъ упорный, трудъ неотступный величайшимъ наслажденіемъ въ жизни, что быть умныхъ, милыхъ, но праздныхъ людей кажется ему достойнымъ жалости, что каждый день его есть одна цѣпь событій, мыслей, замысловъ, радостей при успѣхѣ, усиленной работы при вымыслѣ, что онъ увѣренъ въ своихъ силахъ и будущей славѣ, что ему знакомо только одно горе: бѣдное положеніе его престарѣлаго отца съ семействомъ.

— Подумали ли вы о томъ, прибавилъ онъ наконецъ:—сколько постороннихъ радостей, сколько вредныхъ искусству заботъ повлечетъ за собой моя тѣсная связь съ богатымъ семействомъ, наконецъ моя жизнь семейная. Меня не станетъ на двѣ жизни, на двѣ задачи, на двѣ любви — къ женщинѣ и искусству. Развѣ затѣмъ я долженъ принять ея руку, чтобъ оставить ей одни заботы и хлопоты, а самому, вдали отъ нея, вести ту жизнь, безъ которой я не могу впередъ двигаться? На прошлой недѣлѣ мы провели съ вами отличный вечеръ, шатаясь по дальнимъ улицамъ, представляя, будто мы нанимаемъ углы отъ жильцовъ,—шатаясь, подсмотрѣли десятки сценъ· голова моя обогатилась, я задумалъ нѣсколько новыхъ эскизовъ. Возможны ли подобныя занятія при семейной жизни? Нѣтъ! чтобъ идти, и идти прямо, я долженъ оставаться *одинокимъ зѣвакой* до конца дней моихъ. Моего труда въ мастерской только десятая доля: главная моя работа на улицахъ и въ чужихъ домахъ. Я учусь жизнью, я тружусь глядя въ оба глаза; мои сюжеты разсыпаны по всему городу, и я самъ долженъ ихъ разъискивать. Свѣтъ сердится, когда люди умѣютъ быть счастливыми безъ него, и я не намѣренъ ссориться со свѣтомъ.

Нетрудно предположить послѣ такого взгляда на вещи, что образъ жизни Павла Андреича былъ довольно оригиналенъ. Еслибъ онъ имѣлъ время и прихоть вести свой журналъ, мы обладали бы автобіографіею несравненною въ своемъ родѣ, — автобіографіею, изъ которой художники послѣдующихъ поколѣній могли бы почерпать готовые сюжеты для картинъ. Просыпался Федотовъ очень рано, раскрывалъ форточки, не смотря на погоду, иногда просовывалъ туда голову, дышалъ холоднымъ воздухомъ, иногда заглядывалъ на дымъ отъ трубъ, на изморозь, на свѣжую траву или на

Digitized by Google

проходящихъ пѣшеходовъ. Потомъ его обливали холодной водою, одѣвали, смотря «по сезону» (его слово), въ пальто или теплую шинельку—и Павелъ Андрѣичъ, нахлобучивъ теплую фуражку самаго некрасиваго вида, устремлялся по дорогѣ къ Большому проспекту. Такъ какъ линія была и длинна и пуста, то онъ успѣвалъ обыкновенно согрѣться, не развлекаясь обиліемъ интересныхъ предметовъ. На проспектѣ онъ начиналъ наблюдать и застаиваться тамъ, гдѣ почему нибудь толпился народъ кучками. Ему попадались писцы, отправлявшіеся въ должность, финляндскіе солдатики, скидававшіе, по старой памяти, передъ нимъ шапки, потомъ хозяйки, въ сопровожденіи горничныхъ, идущія къ рынку, художники, подвигающіеся по направленію къ Академіи, а наконецъ разнощики и купечество окрестностей Андреевскаго рынка. Направленіе прогулокъ часто перемѣнялось. Сколько я могъ замѣтить, Федотовъ въ этомъ отношеніи держался только одного правила: не ходилъ тамъ, гдѣ мало бываетъ народа. Заставъ его послѣ такой прогулки, уже можно было бесѣдовать съ нимъ полъ-дня, не исчерпавъ всѣхъ предметовъ, имъ подмѣченныхъ. Тамъ онъ видѣлъ чухонцевъ, игравшихъ въ носки у дворника; у одного носъ уже былъ красенъ, *формою своею сходствуя съ кактусомъ*. Въ другомъ мѣстѣ ему удалось идти слѣдомъ за двумя толстенькими дѣвочками, отправлявшимся въ пансіонъ, при чемъ было открыто подъ шляпкой ушко маленькое и прозрачное, какое рѣдко кому видѣть случалось. Потомъ на встрѣчу попался отставной морякъ, съ половинной козырька; борода у него была какъ *серебряная скребница;* добрый старикашка сообщилъ кое-что очень любопытное о своемъ свиданіи съ лордомъ Нельсономъ въ Неаполѣ. Потолковавъ съ моряком, Федотовъ толкнулся было къ одному своему должнику, который встрѣтилъ его въ самомъ утреннемъ неглиже, безъ халата, будто желая показать, что *съ меня, братъ, взять нечего!* Потомъ повстрѣчался одинъ фланёръ Васильевскаго Острова, въ венгеркѣ; у этого борода была выбрита, но онъ такъ рѣдко имѣлъ привычку брриться, что Федотовъ, привыкнувъ видѣть у него щетину на подбородкѣ, сперва не узналъ своего пріятеля. Около домика, гдѣ живетъ *та черноглазая*, онъ заглянулъ въ окно и узрѣлъ бѣднаго мужа, забившагося въ уголъ, между тѣмъ какъ сожительница кричала на весь домъ и прохожіе останавливались. И все это разсказывалось такъ, какъ немногіе умѣютъ разсказывать, а сверхъ того вся рѣчь сопровождалась шуткой, веселымъ смѣхомъ, мѣткимъ словцомъ, какой нибудь подробностью, которая такъ и носилась передъ вашими глазами.

Digitized by Google

За прогулкой слѣдовалъ чай, котораго одинъ стаканъ, совершенно простывши, цѣлое утро стоялъ около красокъ, и, вмѣстѣ съ чаемъ капитальная работа. О взыскательности Федотова къ самому себѣ, о его геройской добросовѣстности (извольте высидѣть цѣлые сутки надъ отдѣлкою подсвѣчника, когда вся картина готова и сторгована!) говорить я не буду: найдутся люди, которые обо всемъ этомъ скажутъ свое слово. Скажу только, что, проходя и проѣзжая почти ежедневно, въ одиннадцатомъ часу, мимо домика, гдѣ обиталъ Павелъ Андрѣичъ, и потому заходя къ нему въ недѣлю раза два, на нѣсколько минутъ, я часто бывалъ свидѣтелемъ особенностей, о которыхъ нельзя умолчать. Иногда фигуры, на окончаніе которыхъ шелъ цѣлый мѣсяцъ, вдругъ являлись замазанными, стертыми; иногда въ день наработано было болѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли усиленнаго труда. Иногда я заставалъ всѣ картины въ сторонѣ и передъ художникомъ пустую доску, бумагу или полотно.

— Не стану ничего дѣлать до тѣхъ поръ, пока не выучусь писать красное дерево, такими словами встрѣчалъ меня Федотовъ. Вчера я не могъ справиться со стуломъ. Не отойду, пока не выучусь.

Въ другой разъ, не бывъ у Федотова съ недѣлю, захожу утромъ и вижу новую картину — «Мадонну съ младенцемъ»!!

— *Штука вотъ какого рода* *), говорилъ опять Павелъ Андрѣичъ, смѣясь моему изумленію. Эта мысль не давала мнѣ покоя, и я захотѣлъ испробовать свои силы. Сверхъ того, мнѣ нужно добыть себѣ мягкости, граціи, неземной красоты въ лицахъ. «Вдовушка» показала, что этюдъ Федотова не могъ назваться напраснымъ.

Одинъ разъ, въ маѣ мѣсяцѣ (это случилось дней за десять до нашей послѣдней разлуки), проѣзжая мимо квартиры нашего художника, я услышалъ знакомый стукъ въ окна, и какъ погода стояла теплая, то вслѣдъ за тѣмъ выбѣжалъ ко мнѣ самъ Павелъ Андрѣичъ, въ легонькомъ пальто и безъ шапки. На лицѣ его была написана великая радость, глаза весело сверкали.

— Заходите, заходите живѣе, кричалъ онъ: — хорошо, что вы были у меня вчера... вы увидите вещь, за которую меня иной можетъ ославить лгуномъ.

Мы вошли въ описанную мной комнату, пробрались между разнымъ хламомъ въ окну, у котораго еще вчера стояла картина (то

*) Поговорка, которую онъ въ жаркомъ разговорѣ употреблялъ безпрестанно.

Digitized by Google

была вторая или третья копія «Вдовушки»), еще вчера не представлявшая ничего, кромѣ начерно набросанной фигуры, стертаго лица и двухъ-трехъ отдѣланныхъ аксессуаровъ. На мѣсто этой вещи стояла, по видимому, другая, почти совершенно оконченная на всѣхъ трудныхъ пунктахъ, съ готовымъ лицомъ и платьемъ, со множествомъ щегольски отдѣланныхъ мелочей.

— Вы шутите надо мной, Павелъ Андрепчъ, сказалъ я: — неужели это дѣло одного вечера и одного утра?

— И одной ночи, прибавилъ художникъ. Нынѣче, слава Богу, рано разсвѣтаетъ. Со мной произошла штука, феноменъ, чтобъ сказать благообразнѣе, о которомъ я до сихъ поръ понятіе имѣлъ только приблизительно. У меня будто искра зажглась въ головѣ; я не могъ спать, я чувствовалъ въ себѣ силу чрезвычайную; мнѣ было весело; я сознавалъ каждой жилкой то, что я могъ въ эти минуты сдѣлать. Никогда не доводилось мнѣ работать съ такой легкостью и такъ успѣшно: каждый штрихъ ложился куда слѣдовало, каждое пятнышко краски подвигало все дѣло. Я вижу, что иду впередъ. Какъ ловко и весело трудиться такимъ образомъ! *).

Вернемся, однако, къ дню Федотова. Изъ только что разсказанныхъ подробностей читатель можетъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, каково были его утреннія работы. Если результатъ бывалъ неровенъ, за то самый трудъ всегда могъ назваться пламеннымъ и неотступнымъ; часовъ шесть проходили, какъ одинъ мигъ, и къ тремъ часамъ наступало время отдыха. На нѣсколько минутъ Павелъ Андрепчъ развлекалъ себя чтеніемъ или сочиненіемъ стиховъ **), а потомъ начиналъ одѣваться для выхода, обыкновенно самъ не рѣшаясь, куда отправиться. Въ это время можно было его перехватить и увести съ собой обѣдать; въ отвѣтъ на приглашеніе, онъ обыкновенно отвѣчалъ утвердительно, слѣдовалъ за вами на улицу, выбиралъ дальній путь и дорогою весь отдавался бесѣдѣ.

За обѣдомъ, обыкновенно, языкамъ давалась чистая свобода;

---

*) Въ тотъ же день, Федотовъ показалъ свой трудъ художнику Жемчужникову. Гость, любуясь отдѣлкой «Вдовушки», сказалъ ему: «Какъ это хорошо и какъ просто!» Павелъ Андрепчъ отвѣчалъ весьма мѣтко: «да, будетъ просто, какъ поработаешь разъ *со сто!*»

**) О литературныхъ трудахъ Федотова я не могу говорить съ полнымъ безпристрастіемъ: по моему мнѣнію, эти труды вредили Павлу Андрепчу, утомляя его безъ нужды, тогда какъ излишнее утомленіе было для него вреднымъ. Если это мнѣ удастся, какъ я того желаю, современемъ приготовить подробную біографію нашего художника, въ ней я поговорю о стихахъ покойнаго.

Digitized by Google

начинались анекдоты, разсказы, воспоминанія о прочитанныхъ или слышанныхъ новостяхъ, толки объ искусствѣ и новыхъ картинахъ, изложеніе сценъ, подсмотрѣнныхъ за послѣдніе дни. Если въ числѣ собесѣдниковъ находились лица незнакомыя, нашъ художникъ оживлялся только къ концу стола, а до тѣхъ поръ искусно разглядывалъ каждаго новаго человѣка, дѣлая это такъ, что его наблюденія никому не кидались въ глаза. Впослѣдствіи онъ любилъ провѣрять свои наблюденія, освѣдомлялся о занятіяхъ и характерѣ каждой особы, имъ встрѣченной, обрисовывалъ каждую двумя-тремя мастерскими замѣтками; проблески сатиры и ироніи, всегда почти примѣшивавшіеся къ этимъ отзывамъ, устремлены были на мелкія странности, которымъ онъ самъ не давалъ важнаго значенія. Людей совершенно не нравившихся Федотову я вовсе не знаю: онъ могъ назваться виртуозомъ въ обращеніи съ себѣ подобными и изъ самыхъ незначительныхъ личностей извлекалъ все, что только онѣ могли ему доставить. Ѣлъ Федотовъ немного, къ хорошимъ блюдамъ оказывался до крайности равнодушенъ: изъ винъ любилъ только старый рейнвейнъ; ни разу во все наше долгое знакомство не случалось мнѣ видѣть, чтобъ онъ выпилъ за столомъ болѣе двухъ или трехъ рюмокъ. Если слишкомъ угодливый хозяинъ начиналъ его упрашивать на этотъ счетъ, онъ всегда отговаривался слабостью глазъ, ежедневно утомляемыхъ и раздражаемыхъ безжалостнѣйшимъ образомъ. По этой послѣдней причинѣ, Павелъ Андреичъ любилъ обѣдать только у самыхъ близкихъ знакомыхъ, запросто. Для него послѣ-обѣденный сонъ былъ лучше всѣхъ глазныхъ лекарствъ, и онъ радовался, когда въ сумерки, черезъ полъ-часа послѣ кофе, хозяинъ уводилъ его въ свой кабинетъ для отдыха. Когда намъ случалось обѣдать вмѣстѣ, въ исходѣ пятаго часа мы удалялись съ Федотовымъ въ длинную, слабо-освѣщенную комнату, съ неизмѣримымъ диваномъ во всю стѣну, и, улегшись на противоположныхъ его концахъ, говорили другъ другу: «теперь будемъ спать сколько сами того пожелаемъ». Впрочемъ, при этихъ случаяхъ заснуть намъ рѣдко удавалось, а большею частью мы только болтали, лежа съ закрытыми глазами, забываясь на минуту въ промежуткахъ разговора. Павелъ Андреичъ ложился первымъ, но засыпалъ послѣднимъ изъ двухъ; если около дивана валялась какая нибудь книга, онъ ее раскрывалъ и, посреди полумрака, утомлялъ свои глаза пуще прежняго. Потомъ начинались толки о прочитанномъ, о которыхъ я до сихъ поръ не могу вспоминать безъ грусти и стѣсненія сердца: такъ новы, самостоятельны, въ высшей степени поучительны

Digitized by Google

оказывались эти замѣтки! Со страстью подмѣчая каждое новое свѣдѣніе, каждую мысль, даже каждое мѣткое выраженіе, видя во всякомъ трудѣ даже нѣчто большее, чего, можетъ быть, и не думалъ сказать писатель, нашъ художникъ ко всей своей зоркости и симпатіи присоединялъ свѣжесть взгляда, которой не добиться годами усилій. Онъ читалъ немного, не имѣлъ понятія о критическихъ теоріяхъ, не слѣдилъ за политикою, журнальныя распри, русскія и иностранныя, были для него terra incognita. Въ поэзіи и литературѣ онъ желалъ видѣть пособіе своимъ трудамъ, возвышенное развлеченіе, цѣлый міръ благородныхъ и свѣтлыхъ мечтаній. Оттого съ нимъ можно было говорить о всякой точкѣ въ области старой и новой словесности, о литературныхъ дѣлахъ, давно рѣшенныхъ свѣтомъ, о новыхъ явленіяхъ, о совершенной старинѣ: на всякій вопросъ вы получали отвѣтъ человѣка, чуждаго предразсудкамъ и глядящаго на вещи съ своей собственной точки зрѣнія. Иногда Федотову попадалась въ руки книга, твореніе, давно уже признанное слабымъ твореніемъ: не зная общаго суда, не имѣя способности вѣрить цѣнителямъ на слово, онъ подступалъ къ книгѣ съ любовію, и нужно было видѣть, сколько мыслей и матеріаловъ извлекалъ его пытливый умъ изъ вещи, по видимому, вялой и заброшенной! Какъ безцвѣтный лучъ, проходя стекло призмы, дробится на яркіе, радужные лучи, такъ точно вымыселъ поэта восторженнаго становился новъ и ярокъ, проходя черезъ свѣтлую голову Павла Андреича. Ему все было хорошо, все интересно; о самой бездарности могъ онъ говорить охотно и весело, сама бездарность стоила наблюденій и награждала за наблюденіе. Въ глазахъ человѣка, имѣющаго наклонность къ педантизму, къ поклоненію чужимъ мыслямъ, Федотовъ могъ вѣчно слыть за безнадежнаго оригинала; и точно: его сужденія иногда могли казаться странными для людей не очень къ нему близкихъ; но если кто подъ странностью этой умѣлъ распознавать оригинальность взгляда, то для такого человѣка литературныя воззрѣнія Федотова становились дороги чрезвычайно.

Старые русскіе писатели были всѣ знакомы Павлу Андреичу; но говорить о нихъ онъ не имѣлъ обыкновенія, перечитывать же позволялъ себѣ одного Фонъ-Визина. Изъ новыхъ онъ страстно любилъ Крылова, къ твореніямъ Пушкина и Гоголя былъ холоднѣе, нежели того можно было ожидать. Я не знаю, читалъ ли онъ «Мертвыя Души» больше одного разу *). Холодность эту я не могу

*) Тѣмъ не менѣе онъ очень уважалъ Гоголя и на одномъ вечерѣ, послѣ

Digitized by Google

объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ недосуга и отсутствія системы въ чтеніи. О стихотвореніяхъ Лермонтова имѣлъ онъ довольно смутное понятіе до тѣхъ поръ, пока ихъ томикъ не попался ему какъ-то подъ руку. Во время чтенія, восторгъ его, какъ обыкновенно у воспріимчивыхъ людей, принялъ размѣры даже слишкомъ великіе; онъ говорилъ безпрестанно:

— Боже мой, неужели человѣкъ можетъ высказывать такія чудеса въ одной строкѣ!... За два такія стихотворенія — два года жизни!... Это галлерея изъ трудовъ великаго мастера!... Пушкинъ ничто передъ этимъ человѣкомъ.

Никогда не забуду того чувства, съ которымъ онъ прочелъ раза три къ ряду эти два стиха, брильянты русской поэзіи:

Нагая степь синѣетъ и вьюномъ
Серебрянымъ Кавказъ ее обвемлетъ...

— Я не былъ на Кавказѣ, прибавилъ онъ, прочитавъ ихъ сызнова. — Послѣ этихъ двухъ стиховъ я болѣе знаю видъ края, чѣмъ иной, съѣздившій туда нѣсколько разъ. Съищите мнѣ еще что нибудь о Кавказѣ.

Я открылъ ему сперва «Выхожу одинъ я на дорогу», потомъ «Въ полдневный зной, въ долинѣ Дагестана».

— Полно, полно! сказалъ Павелъ Андреичъ, принимаясь за нихъ: — эти стихи могъ только написать *богатырь, въ минуту скорби неслыханной!*

Въ области нашей новѣйшей словесности знакомы были ему только три или четыре имени. Ему нравилась комедія г. Островскаго «Свои Люди»; одинъ разъ, слушая чьи-то неблагосклонные отзывы о комедіи «Бѣдная Невѣста», Федотовъ выразился весьма тривіяльно, но крайне картиннымъ образомъ: «Чего вы досадуете на автора — сказалъ онъ — вся его вина въ томъ, что послѣ первой комедіи *онъ не далъ себѣ настояться.* Нашъ братъ наблюдатель то же, что бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть — нужно умѣть только разливать во время». — Французская и англійская словесность были знакомы Федотову въ ихъ общихъ чертахъ. Живописцы давно уже замѣчены въ нѣсколько исключительномъ взглядѣ на труды поэтовъ и бельлетристовъ: для нихъ картинность описаній обыкновенно есть первое дѣло въ книгѣ; но

долгаго разговора съ авторомъ «Бульбы», сказалъ потихоньку одному изъ присутствовавшихъ: «Пріятно слушать похвалу отъ такого человѣка! Это лучше всѣхъ печатныхъ похвалъ!»

Digitized by Google

Павелъ Андреичъ не раздѣлялъ этого весьма понятнаго и извинительнаго взгляда. Онъ былъ безъ ума отъ психологическаго анализа въ романахъ Бальзака. Изъ англичанъ, сколько могу припомнить, его любимцами были В. Ирвингъ и лордъ Байронъ. По книгамъ Байрона онъ учился языку, но вскорѣ долженъ былъ оставить уроки, не имѣя на то достаточно времени.

Грецію Павелъ Андреичъ любилъ пламенно, но изъ древнихъ читалъ только Гомера въ русскомъ и Аристофана во французскомъ переводахъ. Мнѣ кажется, будто я вижу его передъ собой сейчасъ послѣ прочтенія первыхъ книгъ «Иліады». Запасшись двумя большими томами гнѣдичева перевода, Федотовъ куда-то исчезъ дня на три; потомъ мы встрѣтились съ нимъ на улицѣ, и такъ какъ дѣло происходило весною, то вошли въ старый садъ, принадлежавшій къ моей второй квартирѣ. Во время прогулки по темной аллеѣ нашъ художникъ сталъ передавать мнѣ все наслажденіе, имъ испытанное при чтеніи Гомера. Всѣ книги, когда либо имъ читанныя, были ничто передъ «Иліадою». Гомеръ оказывался «старичишкой, передъ которымъ нужно было упасть на колѣни и плакать». Тутъ я подивился необыкновенной памяти и артистической зоркости Федотова: за эти нѣсколько дней онъ будто изучилъ первую часть «Иліады» въ эстетическомъ отношеніи и, передавая красоты, особенно его поразившія, не пропустилъ мелкихъ подробностей. Онъ замѣтилъ, какъ кстати Гекторъ «раздвигаетъ ноги», чтобъ выломить дверь ахейской стѣны, и какъ страшно загудѣлъ мѣдный щитъ Аякса, отразивъ камень, кинутый Гекторомъ. О главныхъ красотахъ говорить нечего: сцена, когда малютка Астіанаксъ

> .... назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
> Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
> Яркою мѣдью испуганъ, и гребень увидѣвъ косматой,
> Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой....

привела его въ неописанное восхищеніе. «Вотъ что можетъ назваться — замѣтилъ онъ — стать однимъ прыжкомъ выше всей вселенной! Дальше этой сцены не пойдетъ ни поэзія, ни живопись. И некуда идти дальше: это совершенство».

Продолжая говорить такимъ образомъ, Федотовъ далъ себѣ слово посвящать хотя одинъ часъ въ день на чтеніе древнихъ авторовъ, «изъ которыхъ больше выучишься, чѣмъ переглядѣвъ всѣ галлереи картинъ на свѣтѣ». «И вообще — прибавилъ онъ—только съ нѣкоторыхъ поръ я началъ сознавать всей душою, что *всякій*

Digitized by Google

художникъ новаго періода не можетъ жить безъ чтенія. Я знаю многихъ талантливыхъ людей, неимѣвшихъ случая образовать себя въ этомъ отношеніи: ихъ трудъ и слава отъ этого терпятъ много-много. Возьмите новую французскую школу: при своей поверхностности, недобросовѣстности, привычкѣ писать *отъ себя*, она держится и славится черезъ начитанность ея представителей. Эти ловкіе люди мечутся во всѣ стороны, читаютъ, выдумываютъ, поднимаютъ на ноги Данта, Гёте, Байрона, Бокаччіо, знаютъ, съ которой стороны зацѣпить вниманіе публики, и черезъ это пишутъ вещи, одинъ сюжетъ которыхъ есть уже половина успѣха. Придайте теперь эту ловкость нашимъ трудолюбивымъ, хорошо знающимъ анатомію молодымъ людямъ—и вы увидите, что они будутъ въ состояніи сдѣлать. Пока русское художество находилось въ младенчествѣ, толковать обо всемъ этомъ было бы такъ же смѣшно, какъ *полировать мраморъ передъ тѣмъ, чтобъ вырубать изъ него фигуру*: но нынче другая пора и другое время. Я помню, какъ одинъ разъ мнѣ показали картину знаменитаго француза ***: въ ней было столько ошибокъ и слабыхъ сторонъ, промаховъ чисто непростительныхъ! Вѣрьте мнѣ, тотъ изъ новыхъ художниковъ, который введетъ на практикѣ то, что мы говоримъ между собою, сдѣлаетъ бездну пользы для нашего отечества!»

Необходимыя и, какъ мы надѣемся, характеристическія отступленія увлекли насъ далеко отъ главной темы, то есть подробнаго изображенія ежедневной жизни Федотова. Съ наступленіемъ вечера онъ или снова принимался за работу, набрасывая карандашомъ очерки будущихъ картинъ, рисуя отдѣльныя сцены, или же, вмѣсто рисовки, отправлялся куда нибудь бесѣдовать и, бесѣдуя, наблюдать. Въ послѣдніе два года онъ любилъ, для сбереженія времени, слишть всѣ эти занятія воедино, то есть по бо́льшей части ходилъ въ тѣ дома, гдѣ можно было безъ церемоніи усѣсться посреди гостей съ карандашемъ и бумагою, чертить и рисовать, въ то же время болтать, слушая музыку или разглядывая новыя лица. Плодомъ этихъ вечернихъ занятій осталось множество прелестнѣйшихъ рисунковъ á la Gavarni, часть которыхъ должна быть между бумагами Павла Андреича, а другая, несравненно значительнѣйшая, роздана, кому пришлось, самимъ художникомъ. Въ вечернее время женское общество было необходимо Федотову.

Таковъ былъ обыкновенный день нашего художника. Его порядокъ иногда измѣнялся какимъ нибудь званымъ обѣдомъ, новымъ знакомствомъ или путешествіемъ въ итальянскую оперу. Павелъ Андреичъ, какъ слѣдовало предполагать, предпочиталъ

Digitized by Google

раекъ всѣмъ другимъ помѣщеніемъ Большого театра, и, конечно, былъ правъ, ибо каждый день *послѣ райка* былъ днемъ забавнѣйшихъ, обворожительныхъ разсказовъ. Одинъ разъ, между прочимъ, не довольствуясь компаніей райка, онъ поднялся еще выше — въ какую-то тусклую пустыню: тамъ, огороженная рѣшоткой, представилась ему дыра, изъ которой спускается люстра. Пока Федотовъ наслаждался обозрѣваніемъ вновь открытой имъ обители, какой-то мужикъ въ тулупѣ подбѣжалъ къ нему и сталъ укорять его за то, что онъ осмѣлился направить свои стопы туда, гдѣ не бываетъ ни одинъ смертный изъ числа театральныхъ посѣтителей. Угрюмый тонъ сторожа не смутилъ Федотова: онъ началъ предлагать ему полтинникъ, съ тѣмъ, чтобъ тотъ позволилъ ему взглянуть хоть разокъ въ пропасть, освѣщенную люстрой. «Ступай вонъ — возразилъ на это неподкупный служитель — говорятъ тебѣ, пошелъ во свояси, убирайся подобру, поздорову. Никому не позволено смотрѣть въ эту дыру, слышь ты!» Между тѣмъ новый актъ начался, и Павелъ Андреичъ утѣшенъ былъ за свою неудачу слушаніемъ «Гугенотовъ» и наблюденіемъ надъ своими оригинальными сосѣдями. Понятно, какимъ изобиліемъ замѣтокъ обогащался онъ послѣ всякой оперы.

Еще однимъ великимъ, хлопотливымъ, требующимъ большихъ издержекъ, но зато чрезвычайно благороднымъ занятіемъ въ жизни Павла Андреича было изученіе натуры, потребной для сочиненія той или другой картины, дѣятельно подвигаемой впередъ. Чтобъ понять, до какой степени этотъ трудъ былъ великъ, нужно вспомнить необыкновенную добросовѣстность Федотова и его глубокое отвращеніе къ рисовкѣ предметовъ *изъ головы*, то есть безъ натуры передъ глазами. Такъ, напримѣръ, при отдѣлкѣ «Сватовства». Федотову прежде всего понадобился образецъ комнаты, приличной сюжету картины. Подъ разными предлогами, онъ входилъ во многіе купеческіе дома, придумывалъ, высматривалъ и оставался недовольнымъ. Тамъ хороши были стѣны, но аксесуары съ ними не ладили; тамъ годилась обстановка, но комната была слишкомъ свѣтла и велика. Одинъ разъ, проходя около какого-то русскаго трактира (близъ Гостинаго Двора, если не ошибаюсь), художникъ примѣтилъ сквозь окна главной комнаты люстру съ закопченными стеклышками, которая «такъ и лѣзла сама въ его картину». Тотчасъ же зашелъ онъ въ таверну и съ неописаннымъ удовольствіемъ нашелъ то, чего искалъ такъ долго. Стѣны, вымазанныя желтобурою краскою, картины самой наивной отдѣлки, потолокъ, изукрашенный расписными «пукетами», пожелтѣвшія двери,—все это

Digitized by Google

совершенно согласовалось съ идеаломъ, столько дней носившимся въ воображеніи Федотова.

Едва только одолѣлъ онъ первую трудность, явилась тысяча другихъ. Нужно было сыскать оригиналъ купца, застегивающаго кафтанъ, его жены удерживающей (на картинѣ) невѣсту за платье, невѣсту, прислугу, жениха, кисейное платье, разныя аксесуарныя вещи, необходимыя для картины. Разысканіе живыхъ типовъ по широкому Петербургу не могло быть въ тягость нашему наблюдателю, найти лица не было дѣломъ очень тяжелымъ; но гдѣ было достать денегъ на плату натурщикамъ, не входя въ долги и не лишая своихъ родныхъ получаемой ими части? Обязываться кѣмъ нибудь Федотовъ не любилъ, долговъ же боялся какъ болѣзни, лишающей человѣка веселости и независимости. И вотъ, жертвуя своимъ скуднымъ достаткомъ тамъ, гдѣ оно оказывалось необходимымъ, Павелъ Андреичъ все-таки съумѣлъ обдѣлать наибольшую часть своей задачи и пріятнымъ и выгоднымъ образомъ. Какой-то добродушный купецъ (честь ему за то и слава) охотно согласился дать скопировать свою особу, одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ самъ вызвался служить натурой для жениха, безпрекословно облачаясь въ мундиръ и стоя на одномъ мѣстѣ столько времени, сколько того было угодно Федотову. На Толкучемъ и на Андреевскомъ рынкахъ нашъ живописецъ высмотрѣлъ нѣсколько старухъ и сидѣльцевъ, пригласилъ этотъ народъ къ себѣ, угостилъ чаемъ, нанялъ за сходную цѣну и во время работы побесѣдовалъ съ нимъ такъ, какъ только онъ умѣлъ бесѣдовать. Платья, мебель и мелкіе вещи взяты были у пріятелей, а предметы такого же рода, слишкомъ старые и загрязненные, выбирались изъ лавокъ или ресторацій.

Когда требовалось заготовлять все нужное для писанія картины и, такъ сказать, расчищать себѣ дорогу для опредѣленной цѣли, Павелъ Андреичъ оказывался неутомимѣйшимъ изъ смертныхъ. Одинъ разъ онъ съѣздилъ въ которое-то изъ женскихъ учебныхъ заведеній Петербурга для свиданія съ одною изъ родственницъ и, возвращаясь оттуда, задумалъ картину, подъ названіемъ «Пріѣздъ Государя Императора въ *** Институтъ». На этой картинѣ, которой нѣжный и трогательный сюжетъ не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ, Федотовъ имѣлъ въ виду изобразить болѣе сотни дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ, но изобразить такъ, чтобъ зрителю эти дѣти и дѣвушки казались какъ будто существами знакомыми и когда-то видѣнными. На приготовительныхъ трудахъ по этому случаю можно было дѣйствительно усмотрѣть изобиліе женскихъ

Digitized by Google

и дѣтскихъ типовъ, начиная отъ здоровой кудрявой рѣзвушки до задумчивой дѣвочки, и отъ граціозной малютки до совершенно развитой дѣвицы, въ полномъ цвѣтѣ правильной и строгой, даже нѣсколько холодной красоты. Такъ какъ Федотовъ былъ знакомъ во многихъ семействахъ и могъ время отъ времени ѣздить въ институты, за оригиналами не могло быть остановки; но гдѣ же надлежало скопировать *мѣсто дѣйствія*, большую залу съ колоннами, постелями и освѣщеніемъ отъ безчисленныхъ оконъ? Эту обстановку и освѣщеніе потребно было имѣть передъ глазами каждую минуту, между тѣмъ какъ безпрестанныя посѣщенія института оказались бы невозможными. Подумавъ немного, нашъ художникъ рѣшился въ своей комнатѣ устроить себѣ институтскую залу съ помощію картона, палочекъ и гласпированной бумаги. Около двухъ недѣль онъ сидѣлъ, размѣривалъ по масштабу, клеилъ, раскрашивалъ и рѣзалъ, а наконецъ плодомъ его усилій вышла большая бѣлая коробка съ прорѣзанными окнами; внутри коробки, открытой съ боку, помѣщались бѣлыя колонны и ряды кроватей. Каждая колонна обклеивалась бумагой подъ мраморъ; каждая кроватка отдѣлывалась какъ будто для игрушки.

Мѣсяца за три, можетъ быть за четыре до послѣдней болѣзни Павла Андреича случилась съ нимъ маленькая исторія, ясно показывающая, до какой степени онъ забывалъ все на свѣтѣ, когда ему предстояло удовлетворять своей главнѣйшей страсти, именно: страсти къ наблюденію. Передъ наступленіемъ весны, въ сырое и холодное утро, нашъ художникъ почувствовалъ головную боль и, чтобъ прогнать ее, пошелъ бродить по улицамъ. Гдѣ-то около Гороховой онъ встрѣтилъ кучку людей, по всей вѣроятности, писцовъ, отправлявшихся вмѣстѣ завтракать въ ресторацію «Пекинъ» или «Мысъ Доброй Надежды».

Одинъ изъ этихъ господъ, маленькій, бойкій человѣчекъ, «очень похожій на чижика», шутилъ надъ своими пріятелями и задиралъ ихъ такъ бойко, что Федотовъ засмотрѣлся, заслушался и потомъ очутился самъ въ «Пекинѣ», гдѣ усѣлся въ уголъ около окна, на пунктѣ, самомъ удобномъ для наблюденія. Шутки и разговоръ завтракавшихъ джентльменовъ кончились ссорой, при чемъ чижикъ былъ выдранъ за волосы; но это его нимало не сконфузило; онъ только встряхнулъ головою и сказалъ, обращаясь ко всей компаніи:

— Извольте спорить съ такими задорными людьми.

Между тѣмъ съ однимъ изъ членовъ бесѣды сдѣлалось дурно, по всей вѣроятности, отъ излишней порціи водки. Онъ упалъ на

Digitized by Google

полъ, а друзья, чтобъ освѣжить его, отворили форточку, ту самую, около которой сидѣлъ Павелъ Андрѣичъ. Не обращая вниманія на эту мелочь, Федотовъ продолжалъ глядѣть во всѣ глаза, запоминая физіономіи; а между тѣмъ холодный вѣтеръ дулъ ему прямо въ затылокъ. Въ этотъ день мы сидѣли вмѣстѣ вечеромъ, и онъ передавалъ всю сцену слушателямъ, но на утро схватилъ сильный кашель съ лихорадкой и головной болью. Цѣлую недѣлю пролежалъ онъ въ постели, передавая всѣмъ посѣтителямъ забавную исторію бойкаго чижика и своей простуды.

Головныя боли начались у Павла Андрѣича задолго до приключенія съ чижикомъ. Прямая ихъ причина заключалась въ постоянномъ утомленіи зрѣнія, а можетъ быть и въ немного причудливомъ обхожденіи художника съ своими глазами. Одинъ разъ я засталъ Федотова въ странномъ и тогда смѣшномъ положеніи: онъ сидѣлъ на диванѣ, передъ нимъ лежали исписанные листы бумаги (то были стихи), а на глазахъ его красовались какіе-то компрессы не то изъ тряпочекъ, не то изъ бѣлой бумаги, смоченной холодной водою. Тутъ же стояла вода со льдомъ. Павелъ Андрѣичъ поперемѣнамъ снималъ одинъ изъ компрессовъ, опускалъ его въ воду, оглядывалъ глазомъ всю комнату и снова налагалъ холодное тѣло на открытый глазъ.

— Вы простудите голову и глаза, сказалъ я ему.

— Да ужь я это дѣлаю цѣлые годы, былъ отвѣтъ.

— Кто же вамъ это посовѣтовалъ, Павелъ Андрѣичъ?

— Кто? я самъ выдумалъ.

Къ головной и глазной боли часто присоединялись, съ молодыхъ лѣтъ, нѣкоторое нервное разстройство и безсонница. Какъ бо́льшая часть людей, которыхъ голова находится въ постоянной работѣ, Федотовъ любилъ мертвую тишину ночью, и малѣйшій шумъ отгонялъ у него сонъ, часто до бѣлаго разсвѣта. Одинъ разъ его уговорилъ ночевать у себя одинъ изъ товарищей; но, когда все въ домѣ улеглось, Федотовъ замѣтилъ, что какіе-то часы щелкаютъ надъ его головою. Тщетно пытаясь заснуть, онъ наконецъ повелъ рукой по стѣнѣ и, «схвативъ часы за хвостъ», то есть за маятникъ, остановилъ ихъ тутъ же. Казалось, оставалось только захрапѣть; но нашему художнику пришла мысль вотъ какого рода: «часы съ маятникомъ, конечно, самые вѣрные часы въ домѣ, и слуга смотритъ на нихъ утромъ, собираясь будить хозяина. Хозяинъ человѣкъ служащій, — стало быть, если его не разбудятъ во время, опоздаетъ къ своей должности, получитъ непріятность и всѣмъ этимъ будетъ одолженъ своему гостю». На-

Digitized by Google

силу-насилу служитель былъ предувѣдомленъ, и сонъ удостоилъ сойти на Федотова.

Безпрерывная, пламенная дѣятельность мысли жгла, истощала натуру Павла Андреича. На видъ онъ былъ силенъ и крѣпокъ; но люди, знавшіе его лѣтъ восемь сряду, видѣли, какъ онъ старѣлъ и блѣднѣлъ съ каждымъ годомъ. Вотъ еще анекдотъ по этому предмету, болѣе значительный, чѣмъ исторія о часахъ, пойманныхъ за хвостъ. Ужиная у котораго-то изъ своихъ друзей, на Петербургской или Выборгской сторонѣ, нашъ художникъ склонился на убѣжденія хозяина и вмѣсто того, чтобъ отправляться на Островъ по пустымъ и темнымъ улицамъ, рѣшился переночевать въ его домѣ. На этотъ конецъ отдѣлена была комната въ сторонѣ отъ главнаго помѣщенія, окнами на дворъ; но, къ несчастію, чуть бесѣда кончилась и Федотовъ улегся, пѣтухи, въ изобиліи находившіеся при домѣ, стали пѣть разными голосами, то хриплыми, то звонкими, то яростными. Музыка эта отогнала сонъ отъ художника, а безсонница зародила множество мыслей, плановъ будущихъ сочиненій и т. д. Пока пѣтухи пѣли, въ головѣ Федотова уже составился эскизъ, очеркъ новой картины,—кажется той, которую онъ хотѣлъ назвать «Блуднымъ Сыномъ». За большимъ планомъ послѣдовали новые, поменьше; изъ нихъ одинъ занялъ Федотова до такой степени, что онъ ждалъ утра, для того, чтобъ немедленно приняться за работу. Стало свѣтать, пѣтухи залились съ новымъ рвеніемъ, рисуночекъ обозначался все яснѣе и яснѣе; наконецъ Федотовъ увидѣлъ себя въ совершенной невозможности улежать на своемъ мѣстѣ. Вставши, онъ тихо прошелъ въ переднюю, нашелъ тамъ свое платье и чьи-то претрокіе сапоги, надѣлъ все это, бросился на улицу, съ великими успѣхами (по причинѣ широкихъ сапоговъ) дошелъ до дому и тотчасъ же сѣлъ за работу. Понятно, до какой степени подобныя продѣлки должны были развивать въ немъ болѣзнь глазъ и головы, особенно опасную при его воздержной жизни, сильномъ темпераментѣ и сидѣньи за работою. Одинъ изъ медиковъ, не шутя, совѣтовалъ ему хоть разъ въ мѣсяцъ слѣдовать примѣру артистовъ, такъ ихъ охуждаемыхъ, то есть дозволять себѣ успленныя развлеченія, даже разгулъ; но чѣмъ болѣе трудился нашъ художникъ, тѣмъ ровнѣе и усидчивѣе становился образъ его жизни.

При всякой тяжкой и необыкновенной болѣзни, постигающей лицо, извѣстное публикѣ, особы ему знакомыя и незнакомыя начинаютъ тотчасъ же строить догадки о причинахъ недуга, разсказывать, что они давно, давно уже какъ подмѣчали его начало,

Digitized by Google

и, пользуясь этимъ случаемъ, придумывать заключенія, не всегда вѣрныя, но всегда замысловатыя или романическія. Болѣзнь и смерть Павла Андренча въ этомъ отношеніи дали пищу многимъ разскащикамъ въ ущербъ истинѣ; недаромъ сказано: «если съ извѣстнымъ человѣкомъ не было въ жизни романическихъ происшествій, публика ихъ сама придумаетъ». Съ моей стороны, подкрѣпляя свои слова отзывами десяти или двѣнадцати искреннѣйшихъ друзей покойнаго, я могу только сказать, что причина послѣдней болѣзни Павла Андренча въ высшей степени трогательна, но проста какъ нельзя болѣе. Онъ изнурилъ себя работою, неотступнымъ, пламеннымъ умственнымъ трудомъ. За мѣсяцъ или за три недѣли до полученія мною изъ Петербурга рокового письма, мы видались и бесѣдовали ежедневно, и никогда я не помню Федотова болѣе ровнымъ по характеру, увѣреннымъ въ себѣ и спокойно неутомимымъ, какъ въ это время. Онъ оканчивалъ двѣ копіи: «Вдовушки» и «Сватовства», набрасывалъ очерки двухъ картинъ; оба произведенія имѣли быть оконченными къ выставкѣ, а до выставки оставалось не болѣе четырехъ мѣсяцевъ *). Конечно, Федотову не въ новость приходилась такая горячая работа: полагаясь на свою энергію и примѣры прошлыхъ лѣтъ, онъ позабылъ, что его здоровье уже было расшатано годами труда необыкновеннаго, и что трудъ творческій изнуряетъ художника несравненно болѣе, нежели трудъ ученическій. Ему некогда было сообразить, что онъ давно уже не имѣлъ тѣхъ спасительныхъ періодовъ отдохновенія, которые передъ тѣмъ отъ времени до времени предохраняли его умъ и тѣло.

Со дня выхода своего изъ полка нашъ художникъ далъ себѣ только два раза полный отдыхъ отъ занятій, только два раза судьба посылала ему возможность развлеченій, возстановляющихъ силы, и волею-неволею заставляла Павла Андренча на довольно зна-

*) Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною черезъ снисходительность г. конференцъ-секретаря Академіи, усматривается, что весною Федотовъ приготовлялся писать еще одну картину: «Возвращеніе институтки въ родительскій домъ». Сколько мнѣ извѣстно, Павелъ Андренчъ понималъ этотъ сюжетъ двояко: то ему просто хотѣлось изобразить день семейной радости, то онъ имѣлъ въ виду придать всей вещи характеръ печальный, представивъ изумленіе дѣвушки, отвыкшей отъ семейной жизни, при видѣ бѣдности своихъ родителей. Не знаю, на которомъ изъ двухъ плановъ остановился нашъ художникъ.

Долгомъ считаю, при этомъ случаѣ, изъявить глубокую признательность за свѣдѣнія, доставленныя мнѣ г. Григоровичемъ, однимъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ друзей покойнаго, много разъ оказывавшимъ истинно отеческія услуги нашему художнику.

Digitized by Google

чительное время отрываться отъ полотна и красокъ. Въ первый разъ академическая выставка и успѣхъ картинъ Федотова, поставивъ его въ необходимость прислушиваться къ отзывамъ цѣнителей, поддерживать вновь завязавшіяся знакомства, заставили нашего художника отложить на нѣсколько недѣль всѣ свои изнуряющія силы занятія. Павелъ Андреичъ наслаждался этими недѣлями, какъ человѣкъ, тяжкимъ трудомъ добывшій себѣ право на отдыхъ, знающій цѣну каждому часу, каждой минутѣ спокойствія послѣ бури. «Помните — говаривалъ онъ въ это время — какъ на службѣ мы наслаждались послѣ утомительныхъ переходовъ, гдѣ нибудь на дневкѣ, лѣтомъ, посреди зелени и деревенскаго веселья? Или помните, какъ, воротясь въ городъ, по домамъ, мы радостно ложились въ сухія постели и на нѣсколько дней дѣлались объѣдалами? Тоже теперь со мной». Пока длилась выставка, онъ рисовалъ только маленькія вещицы карандашомъ и сухими красками, скопировалъ съ гравюръ двѣ прелестныя головки Лауренса *) и окончилъ два женскіе портрета; все это для Федотова было не болѣе какъ легкой забавой. Послѣ трехъ-годичной выставки 1848 года онъ опять было пустился работать по прежнему, не взирая на короткіе зимніе дни; но вскорѣ семейныя обстоятельства, и обстоятельства довольно печальныя, побудили его отправиться въ Москву, на самое, какъ говорилъ онъ, короткое время. По прошествіи двухъ недѣль, друзья Павла Андреича получили извѣстіе, всѣхъ чрезвычайно обрадовавшее: «Мои картинки производятъ фуроръ — писалъ Федотовъ — и мы здѣсь помышляемъ устроить маленькую выставку изъ моихъ эскизовъ и конченныхъ работъ. Новымъ знакомствамъ и самымъ радостнымъ, теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Въ участи моего отца и сестры-вдовушки первыя лица города приняли участіе; съ Божіей помощью, я надѣюсь, что ихъ обезпечатъ навсегда. Я рѣшаюсь полѣниться еще немножко, потому что въ этой суматохѣ нельзя работать. Каюсь здѣсь кстати въ одномъ прегрѣшеніи: моя стихотворная бездѣлушка **) ходитъ по рукамъ, и меня часто заставляютъ ее читать. Знаю, что вы меня выбраните по пріѣздѣ; ну, да ужь дѣлать нечего!» Сколько могу припомнить, Федотовъ оставался въ Москвѣ около четы-

*) Обѣ вещи находятся у меня въ обдѣлкѣ, устроенной самимъ Павломъ Андреичемъ.

**) Объясненіе картины «Сватовство». Это стихотвореніе дѣйствительно принадлежитъ къ лучшимъ вещамъ, когда либо написаннымъ въ стихахъ Павломъ Андреичемъ.

Digitized by Google

рехъ мѣсяцевъ и воротился оттуда весною, веселымъ, довольнымъ и помолодѣвшимъ. О радушіи московскихъ жителей онъ не могъ наговориться достаточно и даже началъ было поговаривать о хорошенькой невѣстѣ, которую ему тамъ сватали.

При всемъ томъ, лицамъ, уже изучившимъ натуру нашего художника, вскорѣ сдѣлалось яснымъ, что Павелъ Андреичъ, вмѣстѣ съ тысячью самыхъ отрадныхъ воспоминаній, вывезъ изъ старой столицы одну мысль, — мысль скорбную и томительную. Семейство свое онъ оставилъ въ положеніи болѣе чѣмъ стѣсненномъ: послѣ долгой разлуки, онъ увидѣлъ особъ, дорогихъ его сердцу, посреди нищеты совершенной и оставилъ ихъ убѣдясь въ томъ, что всѣ жертвы, имъ приносимыя въ теченіе столькихъ лѣтъ, оказывались недостаточными. Каждый день, возвращаясь съ дружескихъ бесѣдъ, изъ собраній, гдѣ его привѣтствовала и ласкала лучшая часть московскихъ жителей, Павелъ Андреичъ былъ свидѣтелемъ страданій своего отца, почтеннаго и престарѣлаго воина, заставалъ своихъ нѣжно любимыхъ сестеръ за грубой работою для насущнаго хлѣба, утѣшалъ ихъ, дѣлилъ съ ними свой малый достатокъ и успокоивалъ ихъ надеждами на блестящую будущность. Къ несчастію, дѣла семейства именно находились въ положеніи, недопускавшемъ надеждъ, неизмѣнявшемся вслѣдствіе временныхъ облегченій: домикъ, гдѣ родился Павелъ Андреичъ, проданъ былъ за долги; съ его продажею все многочисленное семейство художника лишилось крова и половины средствъ къ существованію. Федотовъ увидѣлъ, что ему, хотя нѣкоторое время, придется работать не то, что ему хотѣлось, — работать не для извѣстности, а *для денегъ*. День, въ который онъ рѣшился *самъ копировать* свое «Сватовство» и запродать свою копію, былъ однимъ изъ немногихъ печальнѣйшихъ дней его жизни *). И вотъ почему, къ маю мѣсяцу 1852 года, мастерская Павла Андреича была наполнена начатыми вещами, а самъ онъ видѣлъ впереди себя цѣлые мѣсяцы труда самаго тяжкаго.

При упоминаніи объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, сердце мое сжимается и на глаза выступаютъ слезы. За два дня до

*) Можетъ быть, читателямъ покажется странною эта рѣшимость. Федотовъ уже былъ такъ извѣстенъ, что всякая *новая* его картина не могла остаться некупленною. Но, съ сокрушеннымъ сердцемъ рѣшаясь копировать свои вещи въ то время, когда сотни плановъ ждали своего исполненія, Павелъ Андреичъ имѣлъ въ виду разсчетъ денегъ и времени. Натуры не требовалось, а работа шла несравненно скорѣе. Само собой разумѣется, что и тутъ онъ былъ добросовѣстенъ до мелочности.

Digitized by Google

моего отъѣзда изъ Петербурга, я заходилъ къ Федотову и звалъ его вмѣстѣ съ собою въ деревню на полный отдыхъ, прерываемый поѣздками по живописнымъ сельскимъ окрестностямъ нашего края. Я вызвался устроить ему особую мастерскую, въ саду, посреди цѣлой рощи изъ бѣлыхъ розъ, перетащить изъ столицы вещи, имъ начатыя, заманивалъ его обѣщаніями свиданій съ нѣсколькими изъ близкихъ къ намъ лицъ. Нѣсколько минутъ Павелъ Андреичъ колебался; но мысль о выставкахъ взяла свое: «Я и такъ уже — сказалъ онъ — упустилъ одинъ годъ, не напомнивая о себѣ публикѣ. Наша извѣстность требуетъ, чтобъ о ней чаще толковали: знаете сравненіе «*слава — дымъ*». Надо чаще подпускать этого дыма; нето онъ разойдется по воздуху». Спорить съ Федотовымъ было безполезно. Еслибъ судьба, хотя въ эти рѣшительныя минуты жизни человѣческой, посылала намъ даръ смутнаго предвидѣнія, я бы не отошелъ не побѣдивши, не покинулъ на минуту одного изъ лучшихъ друзей моей молодости, не далъ бы ему подойти къ проклятымъ копіямъ (на нихъ онъ не могъ глядѣть безъ терзаній), увелъ бы его съ собой, какъ уводилъ его столько разъ изъ квартиры его, послѣ цѣлаго дня работы, насильно держа за рукавъ шинели, — сдѣлалъ бы все возможное для его успокоенія и развлеченія. Черезъ день мы сошлись съ Павломъ Андреичемъ въ послѣдній разъ, вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда. Мы бесѣдовали до полночи. Въ это время я долженъ былъ оставить собесѣдниковъ часа на два. Воротясь домой, я узналъ, что Федотовъ говорилъ очень много и мило, ушелъ послѣднимъ и, уходя, объявилъ, что еще зайдетъ по утру проститься. Рано утромъ я выѣхалъ изъ Петербурга и чрезъ мѣсяцъ получилъ горестную вѣсть о послѣдней болѣзни нашего художника.

Исторія этихъ несчастныхъ событій, пяти мѣсяцевъ злого недуга и послѣднихъ дней Павла Андреича, слишкомъ тягостна и слишкомъ свѣжа для того, чтобъ о ней много распространяться. Довольно будетъ сказать, что Федотовъ, уже пораженный болѣзнью, помрачившею его свѣтлый разсудокъ, нѣсколько дней ходилъ по Петербургу и окрестностямъ и успѣлъ разбросать всѣ деньги, только что полученныя имъ за одну изъ своихъ копій, и другую сумму, взятую изъ числа слѣдующаго ему Высочайшаго пособія, для пересылки къ роднымъ. Только по прошествіи нѣкотораго времени результатъ болѣзни былъ узнанъ друзьями покойнаго; лѣченіе началось, сперва въ столицѣ, потомъ за городомъ, въ Больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, что по Петергофской дорогѣ. Выше всякаго описанія были страданія Федотова. Его могучій ор-

Digitized by Google

ганизмъ и пламенная фантазія оказывались въ этомъ случаѣ гибелью: онъ не имѣлъ минуты успокоенія, часу сна, тихихъ или отрадныхъ иллюзій: онъ не поддавался недугу, не разставался съ частью своей необыкновенной памяти, узнавалъ посѣтителей, освѣдомлялся объ отсутствующихъ друзьяхъ, чертилъ рисунки на стѣнахъ своей комнаты, видѣлъ передъ собой чудовищные сцены и образы. Изрѣдка въ его грёзахъ выказывалась прежняя, прекрасная душа; иногда Федотовъ воображалъ себя богачемъ, скликалъ вокругъ себя любимыхъ особъ, говорилъ о томъ, что нужно превратить Васильевскій Островъ въ древніе Аѳины, столицу художествъ и веселія, наполненную мраморными дворцами, садами, статуями, храмами и пантеонами. Вѣрный Коршуновъ, добрый слуга, своей преданностью напоминавшій Вальтеръ-Скотова Калеба, не покидалъ своего барина ни на одинъ день, былъ его постояннымъ собесѣдникомъ, посвящая свободныя свои минуты на то, чтобы или извѣщать друзей художника о его положеніи, или добывать какую нибудь вещицу, лакомство для развлеченія больного.

Въ началѣ прошлаго ноября мѣсяца, Федотовъ вдругъ перестадъ страдать и пришелъ въ себя: то былъ признакъ близкой кончины. Водяная болѣзнь развилась въ немъ; медики потеряли всю надежду. Больной пріобщился Святыхъ Таинъ, прочиталъ письмо, полученное за эти дни отъ старика отца, обнялъ Коршунова, находившагося при немъ, и плакалъ долго-долго. «Видно, придется умереть», сказалъ онъ вѣрному служителю, обнявъ его еще разъ: скажи, что я хочу проститься съ Р.... Б.... и Д.... (тутъ онъ назвалъ нѣсколькихъ друзей своихъ); пусть пошлютъ за ними, пока еще время». Не произвольная медленность въ исполненіи послѣдней просьбы лишила нашего художника послѣдней радости: ни одинъ изъ друзей не засталъ его въ живыхъ. Все было кончено. Павелъ Андреичъ умеръ, ноября 14.

Ноября 18 дня, во второмъ часу дня, погребальная процессія двинулась, по дорогѣ къ Петербургу, съ тѣломъ Павла Андреича; на разныхъ трактахъ, за заставою и до заставы, присоединились къ ней многочисленные друзья покойнаго, старые полковые товарищи, профессора, академики и художники, мужчины и дамы, съ которыми былъ друженъ Федотовъ. Изъ числа лицъ, подвигавшихся за гробомъ, конечно, не отыскивалось ни одного человѣка, явившагося на погребеніе съ холоднымъ сердцемъ: то были похороны безъ слезъ и отчаянныхъ рыданій, но со всѣми проявленіями скорби долгой, разумной и мужественной. Смѣло мо-

Digitized by Google

жно сказать, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ не думалъ о посторонннхъ предметахъ, не скорбѣлъ для вида, не торопился отойти отъ могилы, только что засыпанной. Останки Павла Андреича положены не вдалекѣ отъ большой церкви Смоленской Божіей Матери, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ памятника знаменитой артистки русскаго театра В. Н. Асенковой. Наружность Федотова, въ послѣдніе годы жизни, была привлекательна особеннымъ выраженіемъ энергіи, постоянства и смѣлости, написанныхъ на его лицѣ. Сложенъ онъ былъ крѣпко и, какъ самъ выражался, *суковато*. Силою физическою онъ никогда не хвастался, но во время послѣдней болѣзни могъ выдергивать изъ стѣнъ гвозди своими руками. Голова у него была маленькая и превосходно сформированная въ своей верхней части; обиліемъ волосъ Павелъ Андреичъ не могъ похвастаться. Во взглядѣ его и усмѣшкѣ проявлялось много свѣтлаго, спокойнаго, но довольно размашистаго юмора. Одѣвался онъ бѣдно и небрежно, но не неряшливо. Онъ нравился многимъ, и долженъ былъ нравиться, ибо нельзя было видѣть Федотова и не подумать о нравственной силѣ, рѣзко отражающейся во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ.

По послѣдне-полученнымъ свѣдѣніямъ, все семейство покойнаго Федотова *) проживаетъ въ городѣ Ростовѣ, гдѣ младшая сестра Павла Андреича имѣетъ должность по женскому заведенію. Рѣдко-рѣдко говорилъ нашъ художникъ о стѣсненныхъ дѣлахъ своихъ родственниковъ и, даже говоря о нихъ, всякій разъ избѣгалъ входить въ подробности. Выражая свое безпокойство насчетъ сестры-вдовушки съ двумя сиротами, вскользь упоминая о деньгахъ, высылаемыхъ въ Москву, съ восхищеніемъ отзываясь о томъ, какъ безропотно всѣ члены его семьи встрѣчаютъ невзгоду, помогая другъ другу, утѣшая одинъ другого, онъ всегда избѣгалъ точныхъ указаній, способныхъ бросить свѣтъ на все дѣло. Мнѣ кажется, что Федотовъ скорѣе бы умеръ, нежели сталъ просить помощи у лучшаго своего друга. На его похоронахъ я

---

*) Послѣ покойнаго Павла Андреича Федотова остались:

1. *Отецъ*, Андрей Илларіоновичъ Федотовъ, титулярный совѣтникъ, 83 лѣтъ. Получаетъ за службу небольшую пенсію. Живетъ въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи.

2. *Сестра*, Любовь Андреевна Вишневская, губернская секретарша, вдова. Находится въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи, надзирательницею женскаго заведенія.

При ней дѣти: сынъ 6 и дочь 3 лѣтъ.

3. Старшая сестра покойнаго художника проживаетъ тоже съ отцомъ.

Digitized by Google

удостовѣрился въ томъ, что нѣкоторые изъ самыхъ дорогихъ пріятелей покойнаго не знали ни о положеніи его семейства, ни о постоянныхъ, неистощимыхъ усиліяхъ Павла Андреича для облегченія участи престарѣлаго отца и другихъ своихъ родственниковъ. Федотовъ жилъ такъ же, какъ и трудился: никакая тяжесть ноши не заставляла его помышлять о чужихъ плечахъ.

Этою характеристическою чертою мы окапчиваемъ нашъ трудъ. Принимаясь за него въ самый день похоронъ Павла Андренча, подъ вліяніемъ глубокаго чувства, мы не имѣли въ виду ни оцѣнки художественной дѣятельности покойника, ни указанія русской публикѣ на положеніе семейства, лишившагося своей единственной подпоры въ лицѣ нашего талантливаго и благороднаго труженика. Пусть судьи болѣе опытные произнесутъ свой приговоръ надъ Федотовымъ, какъ живописцемъ, между тѣмъ какъ другія лица, можетъ быть, изыщутъ средства почтить намять художника, оказавъ услуги людямъ, такъ дорогимъ ему при жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста ни критикѣ художественной, ни обращенію къ чтителямъ русскаго искусства. Мы имѣли въ виду одно только — по возможности яснѣйшее изображеніе личности поэтической, воспоминаніе о человѣкѣ, проведшемъ свою жизнь такимъ образомъ, что каждый изъ дней этой жизни былъ олицетвореніемъ труда, успѣха и поученія. Мы хотѣли сказать нѣсколько правдивыхъ словъ надъ могилой Федотова, свершившаго доблестно свое короткое поприще, надъ гробомъ существа, котораго жизнь была не пустой грёзой, а жизнью на яву, исполненною борьбы, труда, дружбы, твердости, безстрашія, славы и, слѣдовательно, счастія.

1853.

II.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СТЕПАНОВЪ,

АВТОРЪ «ПОСТОЯЛАГО ДВОРА».

1.

Благодаря обязательной предупредительности наслѣдниковъ А. П. Степанова, мы получили возможность еще разъ пробѣжать, въ общей совокупности, всѣ сочиненія автора «Постоялаго Двора» и сверхъ того ознакомиться съ нѣкоторыми событіями его полезной и тревожной жизни, по семейнымъ запискамъ и матеріаламъ,

Digitized by Google

писанным его собственною рукою. Снова могли мы задуматься надъ произведеніями, въ свое время такъ нравившимися нашей публикѣ, еще разъ возобновить свѣтлыя впечатлѣнія дѣтства нашего, и въ заключеніе — узнать кое-что о личности литератора, въ свое время подарившаго намъ столько свѣтлыхъ и отрадныхъ минутъ, въ нашу первую молодость. Строго провѣривъ всѣ наши первыя впечатлѣнія, отдѣливъ временное отъ постояннаго, отдѣлавшись отъ преувеличенной симпатіи дѣтства нашего къ Степанову, какъ писателю, мы все-таки не находимъ возможности говорить о немъ иначе, какъ о дѣятелѣ, замѣчательномъ до крайности, какъ о повѣствователѣ, вполнѣ заслужившемъ свою прошлую славу. По нашему твердому убѣжденію, покойный Александръ Петровичъ былъ тѣмъ, что называется человѣкъ одной книги. Его повѣсти и романъ «Тайна» не выдерживаютъ даже снисходительной критики. Его «Описаніе Енисейской губерніи», драгоцѣнное какъ статистическій матеріалъ, не способно однакоже прославить имени своего сочинителя. Но «Постоялый Дворъ» есть твореніе, которое должно жить и будетъ жить въ русской литературѣ. Съ точки зрѣнія современной, оно изобилуетъ странными мыслями, страницами, не имѣющими художественнаго значенія, наконецъ моральной дидактикой старыхъ годовъ, съ которой теперь трудно мириться. Но точка зрѣнія современности не есть еще истинная точка, съ которой всѣ предметы должны казаться въ самомъ настоящемъ свѣтѣ. Еслибъ Степановъ захотѣлъ подлаживаться къ идеямъ и стремленіямъ младшей части своей публики, при его сильномъ умѣ и пониманіи людскихъ слабостей, ему было бы легко избѣгнуть недостатковъ или, лучше сказать, того, что намъ кажется недостатками въ его романѣ. Этого онъ не сдѣлалъ и не желалъ сдѣлать, по своей честности и правдивости. Онъ высказался намъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ — благороднымъ мыслителемъ стараго поколѣнія, художникомъ стараго поколѣнія, даже дидактикомъ стараго поколѣнія. Полный искренности и смѣлости, онъ умѣлъ быть самимъ собою. Онъ не побоялся положить всю свою душу на свое любимое произведеніе, и отъ того въ немъ сосредоточились, въ художественномъ и оригинально-художественномъ видѣ, всѣ мысли, всѣ страсти, всѣ стремленія, всѣ радости, всѣ мечтанія, даже фантазіи и причуды людей стараго вѣка. Полу-романъ, полу-автобіографія «Постоялый Дворъ» въ своемъ родѣ есть рѣдкость, памятникъ, которому подобные не часто встрѣчаются даже въ самыхъ богатыхъ европейскихъ литературахъ. Въ немъ много поэзіи и поэзіи самой рѣдкой изъ всѣхъ, поэзіи тихаго преклоннаго возраста.

Digitized by Google

Книга писана не юношей, не литераторомъ, долгимъ развитіемъ дошедшимъ до извѣстной ступени творчества: она есть рядъ поэтическихъ фантазій человѣка дѣятельнаго, добраго и сильнаго, почти кончившаго свою жизненную дѣятельность и отдыхающаго отъ мірскихъ тревогъ посреди міра, населеннаго созданіями его могучей, неправильной, не остывшей еще фантазіи. Въ этой книгѣ — поэзія и міросозерцаніе отцовъ нашихъ, въ ней — жизнь и нравы передъ-предшествовавшаго намъ поколѣнія, въ ней—свѣтлые воздушные замки старцевъ былого времени, въ ней—то, чѣмъ были сильны лучшіе люди былого времени, то-есть возвышенная кротость духа, честность натуры и чистота направленія. Книги, подобныя «Постоялому Двору», никогда не могутъ имѣть невнимательныхъ читателей: онѣ или откидываются прочь съ первыхъ страницъ, или читаются съ наслажденіемъ по нѣскольку разъ сряду. Натурамъ, не искусившимся жизнью и не разочарованнымъ новизною, онѣ почти что противны; людямъ много видѣвшимъ и добывшимъ себѣ широкую терпимость воззрѣнія, онѣ будутъ всегда милы. Для насъ лично, какъ мы уже сказали, поэзія «Постоялаго Двора» не только дорога и понятна, но какъ будто становится свѣтлѣе съ каждымъ годомъ. Новое его изданіе мы будемъ привѣтствовать, какъ крайне отрадное явленіе въ текущей словесности. Авторъ «Постоялаго Двора», по догадкамъ нашимъ, долженъ былъ принадлежать къ числу благороднѣйшихъ представителей стараго времени: въ лучшихъ его страницахъ не даромъ слышалось намъ что-то строгое и трогательное, что-то подобное обожаему голосу стараго отца, спокойнаго патріарха и любимаго наставника. Матеріалы, добытые нами изъ семейства покойнаго романиста, вполнѣ оправдали справедливость сказанныхъ догадокъ. Александръ Петровичъ Степановъ несомнѣнно принадлежалъ къ разряду людей, о которыхъ думать отрадно и полезно. Жизнь его была достойна его лучшаго сочиненія — какъ оно, эта жизнь оказывалась широкою, поэтическою и ненапрасною жизнью, исполненною неровностей и, можетъ быть, причудливостей, но во всей своей сложности изобилующей твердостью, добромъ и поученіемъ.

Александръ Петровичъ Степановъ родился въ 1781 году, Калужской губерніи, Мѣщовскаго уѣзда, въ старинномъ имѣніи своего отца, Зеновкѣ. Родъ Степановыхъ ведетъ свое начало издревле; еще при великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ Степановымъ были пожалованы помѣстья по Хопру, въ Саратовской губерніи, до настоящихъ дней находящіяся во владѣніи этого рода. Нѣсколько

Digitized by Google

именъ Степановыхъ встрѣчается въ исторіи, между прочими имя Василія Степанова, новгородскаго думнаго дьяка, котораго убилъ Грозный, и потомъ внесъ въ свой помпнальный списокъ, предписывая молиться объ успокоеніи души его. Имя Степановыхъ очень просто, и часто встрѣчается въ народѣ, но документы и семейныя бумаги, хранящіяся въ родѣ Александра Петровича и саратовскихъ Степановыхъ, показываютъ ихъ родство съ новгородскимъ Степановымъ. Зная, какъ мало наши состечественники интересуются генеалогическими подробностями, и сверхъ того, сами не находя въ нихъ большой занимательности, мы пропускаемъ все, что могли бы сказать, на основаніи доставленныхъ намъ свѣдѣній, объ отдаленныхъ предкахъ, дѣдахъ и прадѣдахъ нашего романиста. Только объ отцѣ и дядяхъ Александра Петровича позволимъ мы себѣ сказать нѣсколько словъ, ибо они всѣ были людьми оригинальными и замѣчательными какъ по своему характеру, такъ и по событіямъ, связаннымъ съ ихъ жизнью. Отъ Семена Моисѣевича Степанова, дѣда нашего писателя, родилось три сына, Ипполитъ, Руфъ и Петръ (отецъ Александра Петровича); на ихъ личностяхъ и приключеніяхъ намъ нельзя не остановиться.

Ипполитъ Семенычъ, старшій братъ, служилъ при императрицѣ Екатеринѣ въ конной гвардіи, и потомъ, оставивъ службу, поселился въ своихъ имѣніяхъ. То былъ человѣкъ ума смѣлаго и дерзкаго, предпріимчивости достойной самыхъ романическихъ временъ, но соединенной, какъ кажется, съ характеромъ необузданнымъ. Назначенный депутатомъ въ извѣстную коммисію, для которой императрица начертала свой «Наказъ», великій памятникъ ея генія, Степановъ прибылъ вторично въ Петербургъ, гдѣ въ скоромъ времени, по своей жосткости, мстительности и заносчивости, пріобрѣлъ враговъ весьма сильныхъ. Смѣшивая свои личныя антипаніи съ политическими воззрѣніями, Ипполитъ Семеновичъ навлекъ на себя въ скорости справедливое наказаніе. Замѣшанный въ разныхъ предосудительныхъ поступкахъ, онъ былъ сосланъ въ Камчатку и тамъ сошелся съ всѣмъ извѣстнымъ авантюрьеромъ *Беньовскимъ*. Вѣчно безпокойный характеръ Ипполита не утпшился въ ссылкѣ — вмѣстѣ съ новымъ своимъ товарищемъ онъ придумалъ планъ освобожденія. Съ компаніей людей, имъ подобныхъ, эти отчаянные люди захватили судно, стоявшее въ Большерѣцкомъ портѣ, снялись съ якоря и пустились въ открытое море. Но тутъ произошолъ раздоръ между авантюрьерами. Ипполитъ Семеновичъ составилъ заговоръ противъ своего недавняго товарища. Часть экипажа рѣшилась высадить Беньовскаго куда нибудь на бе-

Digitized by Google

регъ, бросить съ нимъ вмѣстѣ людей, ему преданныхъ, и плыть куда придется, подъ начальствомъ Степанова. Но коса нашла на камень: перехитрить Беньовскаго было трудно — участь, предназначенная ему, выпала на долю его непримиримому недругу. Соумышленники Степанова были схвачены, и самъ онъ оставленъ на островѣ Явѣ, чѣмъ все дѣло и кончилось. Что сталось на Явѣ съ Ипполитомъ Степановымъ, никто не знаетъ, вѣроятно, никогда и знать не будетъ. Вся эта исторія подробно описана въ запискахъ Беньовскаго, всегда любившаго выставлять себя добродѣтельнымъ героемъ. Очень вѣроятно, что высадка Степанова на Явѣ есть фантазія сочинителя мемуаровъ, а что въ самомъ дѣлѣ — Беньовскій или убилъ, или повѣсилъ человѣка, противъ него злоумышлявшаго.

Отъ такого мрачнаго и необузданнаго лица довольно пріятно перейти къ другому брату, *Руфу Семеновичу*, мудрецу и мистику старыхъ годовъ, оригиналу недавнихъ временъ, словно отдѣленныхъ отъ насъ цѣлыми столѣтіями. Онъ служилъ въ гражданской службѣ, отличался честностью и знаніемъ дѣлъ; изъ заслугъ его памятнѣйшею было основаніе гернгутеровской колоніи въ Саратовской губерніи, при чемъ онъ составилъ постановленіе для колонистовъ, долгое время руководствовавшее ихъ бытомъ и даже получившее между ними названіе «руфовыхъ законовъ». Наклонность къ мистицизму и сильно, но не совсѣмъ правильно, развитая способность мышленія скоро сдѣлали Руфа Семеновича не только замѣчательнымъ лицомъ въ обширномъ кругѣ мистиковъ стараго времени, но какъ бы ихъ оракуломъ и наставникомъ. Онъ изучалъ *духовидцевъ* и иллюминатовъ, бесѣдовалъ съ своими друзьями о сокровеннѣйшихъ таинствахъ науки, видѣлъ видѣнія, разговаривалъ съ мертвецами и такъ далѣе. Все это не мѣшало ему быть человѣкомъ набожнымъ, благотворительнымъ и всѣми уважаемымъ. Когда онъ лишился зрѣнія подъ старость, его домъ въ Москвѣ никогда не оставался пустымъ. Образованнѣйшіе люди столицъ ѣздили къ нему, читали ему духовныя книги и слушали его бесѣду. Нерѣдко, если въ его комнатѣ случалось сидѣть людямъ молодымъ и не просвѣтленнымъ мудростью, этихъ посѣтителей безъ церемоніи удаляли, какъ профановъ. Слѣпецъ дожилъ до 1828 года и умеръ въ Москвѣ, окруженный общимъ почетомъ.

Третій братъ, *Петръ Семеновичъ*, представлялъ собой совершенно иную сторону русской старой жизни: въ немъ жилъ типъ человѣка, преданнаго философіи энциклопедистовъ. Онъ былъ выпущенъ изъ шляхетнаго корпуса въ армію подпоручикомъ. Стоя

Digitized by Google

съ полкомъ въ Смоленской губерніи, познакомился онъ съ семействомъ К—скихъ, людей богатыхъ, гордыхъ своими связями при дворѣ императрицы. У старика К—скаго было три дочери, изъ которыхъ въ старшую страстно влюбился Петръ Семеновичъ. Сильный своей молодостью и взаимностью дѣвушки, юный офицеръ сдѣлалъ предложеніе, но, какъ и слѣдовало ожидать, не получилъ ничего, кромѣ отказа, по всей вѣроятности самаго жосткаго. Время, проведенное въ сношеніяхъ съ изящнымъ и знатнымъ семействомъ, не прошло безъ пользы для молодого офицера, а между тѣмъ любовь его, по своей силѣ, не могла погаснуть вслѣдствіе препятствій. Открылась кампанія съ Пруссіей. Петръ Семеновичъ въ ней участвовалъ. По заключеніи мира съ Пруссіей, онъ пробылъ нѣсколько времени въ Берлинѣ и имѣлъ случай представляться Фридриху Великому, говорить съ королемъ-философомъ, сѣвернымъ Соломономъ, котораго слава наполняла собой всю Европу. Очарованный умомъ, привѣтливостью и славой великаго государя, Петръ Семеновичъ, подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, взбралъ его своимъ героемъ, своимъ идеаломъ, своимъ кумиромъ. Все, что любилъ Фридрихъ, стало дорого русскому офицеру. Онъ проводилъ ночи за твореніями философовъ, которымъ покровительствовалъ король Прусскій. Вольтеръ сталъ вожатаемъ, законодателемъ Петра Семеновича, который, однакоже, благодаря удивительной способности русскаго человѣка, не во всемъ соглашался съ фернейскимъ мудрецомъ, и увлекаясь имъ, хранилъ многія убѣжденія стараго русскаго времени. Кому изъ насъ во время дѣтства не случалось встрѣчать этихъ оригинальныхъ стариковъ, чтителей Вольтера и его философіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не утратившихъ даже частицы своей самостоятельности и своихъ вѣрованій? До какой степени понятія Петра Семеновича расходились съ понятіями его вождей и кумировъ, мы не имѣемъ очень положительныхъ свѣдѣній. Достаточно будетъ сказать, что онъ не разорвалъ всей связи съ убѣжденіями своей первой молодости. Твердый въ своемъ міросозерцаніи, онъ былъ не менѣе твердъ въ своихъ привязанностяхъ. Болѣе осьми лѣтъ оставался онъ вѣренъ избранницѣ своего сердца, а она, въ свою очередь, отвергала всѣ представлявшіяся партіи. Ни походы, ни веселости Берлина, ни эпикурейскія теоріи тогдашнихъ философовъ не поколебали постоянства въ молодомъ человѣкѣ. Онъ вернулся въ Россію уже премьеръ-маіоромъ и снова посватался на Пелагеѣ Степановнѣ К—ской. На этотъ разъ отецъ дѣвушки не повторилъ своего отказа. Онъ позволилъ влюбленнымъ вступить въ бракъ, но не далъ за до-

Digitized by Google

черью никакого приданаго, кромѣ одежды и нѣсколькихъ служителей.

Вскорѣ послѣ брака, Степановы поселились въ Зеновкѣ, Калужской губерніи, гдѣ, какъ мы уже сказали, и родился у нихъ сынъ Александръ, предметъ настоящаго этюда нашего. Младенецъ былъ счастливъ со дня своего вступленія на свѣтъ Божій—судьба дала ему добрыхъ и умныхъ родителей. Петръ Семеновичъ служилъ сперва городничимъ въ Козельскѣ, потомъ по выборамъ — судьей въ Мѣщовскомъ уѣздѣ; домашнее хозяйство и управленіе имѣніемъ лежало на заботливости Пелагеи Степановны. Въ деревню счастливыхъ супруговъ часто съѣзжались ихъ друзья и сосѣди, жизнь текла мирно и весело, когда скоропостижная смерть главы семейства произвела большое измѣненіе въ Зеновкѣ. Петръ Семеновичъ умеръ отъ апоплексическаго удара, оставивъ жену съ девяти-лѣтнимъ сыномъ; но онъ могъ умереть спокойно: единственное его дитя оставалось на рукахъ женщины, находившейся въ полной силѣ зрѣлаго возраста, ума и характера. Личность Пелагеи Степановны, такъ какъ она представляется намъ послѣ прочтенія краткихъ семейныхъ замѣтокъ, передъ нами находящихся, во многомъ напоминаетъ лучшее созданіе въ «Воспоминаніяхъ» С. Т. Аксакова, его Марью Николаевну Багрову.

«Это была женщина» — такъ значится въ замѣткахъ — «ума необыкновеннаго. При воспитаніи старинномъ, самомъ слабомъ, она не только не терала въ присутствіи просвѣщенныхъ людей, но блистала разговорами и разсужденіями въ самомъ образованномъ обществѣ. Дѣла по управленію имѣніями повела она отлично. У ней были только двѣ деревни: Зеновка въ Калужской и Ивлево въ Московской губерніи, но вскорѣ она прикупила еще три. Выстроила прекрасную каменную церковь и вблизи отъ нея большой деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ. Кромѣ того развела фруктовой садъ, приносившій доходъ, построила каменныя оранжереи, выстроила мельницу. Подъ ея руками все шло живо и двигалось впередъ. Весь околодокъ до того ее уважалъ, что иныя барыни, пріѣзжавшія къ ней въ домъ, подходили къ ручкѣ хозяйки. Пелагея Степановна еще болѣе бы увеличила свое состояніе, но сынъ ея, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, оказался человѣкомъ далеко не экономнымъ, такъ что ей часто приходилось платить долги Александра Петровича. До сихъ поръ имя ея помнится и съ уваженіемъ произносится не только въ ея бывшихъ владѣніяхъ, но и во всемъ околодкѣ.»

«Не получивъ самаго основательнаго воспитанія» — такъ продолжаются замѣтки, служащія намъ главнымъ источникомъ по части біографическихъ подробностей — «Пелагея Степановна не могла сама руководствовать воспитаніемъ Александра Петровича. Она попробовала взять къ себѣ въ домъ иностранца-гувернера, придала сыну въ товарищи занятій одного изъ своихъ племянниковъ, но, не смотря на родительское наблюденіе, ученье шло плохо. Пелагея Степановна, не долго думая, рѣшилась пожертвовать материнскою нѣжностью и разстаться съ сыномъ. Молодого Степанова отправили въ московскій университетскій пансіонъ, имѣвшій

Digitized by Google

славу лучшаго учебнаго заведенія въ Россіи, а между тѣмъ, по ходатайству дяди своего, оберъ-церемоніймейстера Матвѣя Ѳедоровича К—скаго, мальчикъ былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ сержантомъ. Распоряженія Пелагеи Степановны были награждены совершеннымъ успѣхомъ, ибо замѣчательныя способности ея сына ждали только первой возможности развитія. Успѣхи Александра Петровича въ пансіонѣ не только были хороши, но и весьма замѣчательны для своего времени. Тогда Карамзинъ произвелъ сильный переворотъ въ русской словесности измѣненіемъ формъ языка. Вся молодежь увлеклась его нововведеніями, всѣ стали писателями, и Александръ Петровичъ Степановъ принялся за поэзію еще на школьной скамейкѣ. А. А. Антонскій, тогдашній инспекторъ пансіона, поощрялъ въ дѣтяхъ развитіе литературныхъ стремленій.»

Молодой Степановъ далеко еще не кончилъ курса своего воспитанія, когда въ его жизни произошла важная перемѣна, увлекшая мальчика, вмѣстѣ со многими его сверстниками, изъ мирнаго храма науки на поприще ранней практической дѣятельности. Императоръ Павелъ Петровичъ, вступивъ на престолъ, положилъ предѣлъ огромному скопленію неслужащихъ воинскихъ чиновъ въ полкахъ гвардіи. Молодыхъ дворянъ въ ней записанныхъ, потребовали на дѣйствительную службу и шестнадцати-лѣтній А. П. явился въ свой лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Но сверхъ-комплектныхъ молодыхъ людей по гвардейскимъ полкамъ собралось столько, что ихъ приказано было перевести въ армію, съ повышеніемъ чина. Степановъ получилъ чинъ прапорщика и отправился къ новому мѣсту служенія, въ Московскій гренадерскій полкъ, уже поступившій въ составъ войскъ, двигавшихся въ Италію, подъ предводительствомъ безсмертнаго Суворова.

Офицеры-дѣти не были рѣдкостью въ то время, но по всей вѣроятности, А. П., или по малому своему росту, или по своему хорошему воспитанію, или по наружности своей, сколько нибудь отличался отъ своихъ молодыхъ товарищей. Очень вѣроятно, что въ войскахъ находились начальники, помнившіе его отца и дѣлавшіе съ нимъ не одну компанію, очень можетъ быть, что связи и рекомендація Пелагеи Степановны оказались не лишними для юноши. Какъ бы то ни было, начальники А. П. принимали въ немъ искреннее участіе. Вообще, изъ разсказовъ, слышанныхъ нами отъ старыхъ суворовскихъ ветерановъ, мы очень хорошо знаемъ, что жизнь молодыхъ офицеровъ въ то время (особенно при походахъ) не была жизнью очень тяжелою. Генералы сдавали мальчиковъ на руки полковымъ командирамъ, съ предписаніемъ о нихъ заботиться, полковые командиры поручали новыхъ служакъ бдительности лучшихъ капитановъ въ полку, кормили ихъ своими обѣдами и вообще обращались съ ними какъ съ учениками, къ которымъ не-

Digitized by Google

возможно примѣнять правилъ военной дисциплины во всей строгости. Во время дѣла къ маленькимъ прапорщикамъ приставлялись надежные унтеръ-офицеры, наблюдавшіе за ихъ сохранностью и умѣрявшіе въ нихъ порывы ребяческой храбрости, способные повредить общему дѣлу. Ласковое, снисходительное значеніе, которое до сихъ поръ еще придается въ нашемъ войскѣ слову *прапорщикъ*, прямо перешло къ намъ черезъ нѣсколько поколѣній. При Суворовѣ слово прапорщикъ означало ребенка, котораго надо было беречь по мѣрѣ своихъ силъ, которому въ походѣ слѣдовало давать пустое мѣсто въ повозкѣ, котораго надо было при тяжеломъ переходѣ сажать на лафетъ орудія а при настоящемъ дѣлѣ держать за фалды для обузданія его пылкости. «Прапорщикъ не офицеръ», — улыбаясь говорили старые служаки, къ большому огорченію шестнадцати-лѣтнихъ прапорщиковъ. Нынче прапорщики старѣе годами и готовѣе къ трудностямъ службы, но идеи, сопряженныя съ этимъ званіемъ, существуютъ какъ одно изъ милыхъ и поэтическихъ военныхъ преданій. Даже нѣмецкое слово *фендрихъ*, въ незапамятныя времена, бывшее синонимомъ прапорщика въ нашей арміи, до сихъ поръ понятно и офицерамъ, и солдатамъ.

Вниманіе начальниковъ къ молодому прапорщику Степанову, во время итальянской кампаніи, не ограничивалось обѣдами у полкового командира, надежнымъ капитаномъ для наблюденія за юношей и пустымъ мѣстомъ въ какой нибудь полковой повозкѣ. Юному воину давались нетрудныя порученія и должности, его назначали то ординарцомъ, то адъютантомъ; такъ онъ перебывалъ въ свитѣ у Кушникова, у Багратіона и наконецъ поступилъ въ штабъ самого главнокомандующаго. Суворовъ обращался съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, а узнавъ, что онъ хорошо владѣетъ перомъ, поручалъ ему писать отвѣты на поздравительныя оды, которыя присылались во множествѣ въ главную квартиру. Нѣсколько разъ Суворовъ, довольный трудами А. П., звалъ его «своимъ маленькимъ Демосѳеномъ». Въ какомъ-то городѣ, гдѣ назначена была торжественная раздача орденовъ (мы заимствуемъ этотъ анекдотъ изъ бумагъ, намъ доставленныхъ наслѣдниками А. П.), Суворовъ поручилъ прапорщику сочинить слова на польскій, которые и были пропѣты военными пѣвчими, при собраніи отборнаго итальянскаго общества. Во время раздачи наградъ, великій полководецъ подозвалъ къ себѣ Степанова, надѣлъ ему крестъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, и обратясь къ дамамъ, вскричалъ, указывая на мальчика: «eccolo il nostro piccolo Demosteno!» (вотъ онъ, нашъ крошечный Демосѳенъ!)

Digitized by Google

Нужно ли говорить, что восторженныя чувства А. П. къ особѣ Суворова, чувства общія ему со всей итальянскою арміею, дошли до обожанія, вслѣдствіе близкихъ сношеній съ великимъ военачальникомъ. Въ «Постояломъ Дворѣ», книгѣ имѣющей замѣчательный автобіографическій характеръ, находимъ мы нѣсколько словъ о Суворовѣ, ясно показывающихъ, что преданное сердце бывшаго маленькаго Демосоена никогда не остывало, подъ старость даже, къ памяти великаго человѣка и воина. Не всегда, однакоже, нашъ юный воинъ видѣлъ одну ласку со стороны своего обожаемаго командира. По живости своего характера, А. П. позволялъ себѣ иногда шалости, совершенно извинямыя его годами, но не всегда сообразныя съ военной осторожностью. Не смотря на чинъ поручика, ему данный, по годамъ онъ все-таки оставался шалуномъ-прапорщикомъ, а боевая жизнь, полная впечатлѣній, новый край и полная свобода поступковъ, дѣлали его еще болѣе воспріимчивымъ. Сынъ фельдмаршала, Аркадій Александровичъ, былъ очень друженъ съ молодымъ Степановымъ. Одинъ разъ они оба уѣхали безъ спроса изъ главной квартиры и цѣлый день прогуляли по Комскому озеру и на Изола-Белла. По всей вѣроятности, время было опасное и отлучаться никому не дозволялось,— иначе трудно намъ объяснить себѣ эту отлучку безъ спроса, гнѣвъ Суворова и его великое безпокойство объ участи ослушниковъ приказа. Когда, къ ночи, туристы вернулись къ штабу, ихъ встрѣтило извѣстіе о томъ, что фельдмаршалъ въ жестокомъ гнѣвѣ. Аркадія Александровича, не смотря на его генеральское званіе, тотчасъ же взяли подъ арестъ; какая же участь должна была, послѣ этого, ожидать мальчика-прапорщика Степанова? Суворовъ потребовалъ къ себѣ А. П. и объявилъ ему, что сейчасъ же его высѣчетъ. «Высѣку»— говорилъ фельдмаршалъ — «высѣку мальчишку, и къ матушкѣ отпишу!» Только горькія слезы шестнадцати-лѣтняго Демосоена понемногу смягчили гнѣвъ фельдмаршала. Другихъ послѣдствій шалость не имѣла и великій человѣкъ не измѣнился въ снисходительности своей къ маленькому подчиненному.

Изъ Швейцаріи Суворовъ послалъ князя Горчакова въ Баварію — просить у короля зимовки и отдыха для войскъ, измученныхъ переходомъ черезъ горы. Къ свитѣ князя Горчакова присоединился, по приказанію главнокомандующаго, и поручикъ Степановъ. Увеселенія и праздники, даваемые русскимъ офицерамъ на пути до Мюнхена и въ самой столицѣ Баваріи, навсегда остались однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ оазисовъ въ памяти А. П. Но скорый конецъ похода положилъ предѣлъ его быстрымъ повыше-

Digitized by Google

ніямъ по службѣ. По возвращеніи въ Россію, Степановъ назначенъ былъ адъютантомъ къ генералу Б-ву, шефу Старооскольскаго пѣхотнаго полка. Отъ блистательной дѣятельности молодому человѣку пришлось перейти къ дѣятельности скромной, отъ похода, будто совершеннаго по волшебной силѣ, въ странѣ, полной волшебной прелести, обратиться къ прозаической армейской службѣ. Но для А. П. измѣненіе совершилось незамѣтно. Пора любви для него наступила, онъ плѣнился пятнадцатилѣтней дочерью своего генерала, Катериной Ѳедосѣевной, которая брала у него уроки итальянскаго языка. Осьмнадцати-лѣтній Абеларъ безъ труда овладѣлъ сердцемъ своей Элоизы, и любовь и уроки шли рядомъ; не теряя времени, А. П. отписалъ къ своей матери, прося у нея родительскаго благословенія. Пелагея Степановна отвѣтила совершеннымъ, рѣшительнымъ отказомъ. Она знала, что генералъ Б-въ не имѣетъ никакого состоянія; но едва ли это обстоятельство, хотя важное само по себѣ, было причиной ея гнѣва. Она сама вышла безъ приданаго за небогатаго человѣка. Но она вышла замужъ послѣ осьмилѣтней любви, не за несовершеннолѣтняго мальчика. И теперь рѣдкая мать позволитъ жениться сыну, не имѣющему еще двадцати лѣтъ отъ роду, а въ старое время, когда дѣвушки тринадцати и четырнадцати лѣтъ безпрепятственно вступали въ бракъ, осьмнадцатилѣтній мужъ считался предметомъ общаго посмѣянія. Генералъ, отецъ Катерины Ѳедосѣевны, смотрѣлъ на дѣло тѣми же глазами, хотя и объявилъ своему адъютанту, что если его мать измѣнитъ рѣшеніе, то и онъ со своей стороны не станетъ препятствовать соединенію влюбленной пары.

•Получая отказы со всѣхъ сторонъ (мы снова выписываемъ отрывки изъ семейныхъ замѣтокъ, почти безъ измѣненія), А. П. рѣшился обвѣнчаться безъ согласія. Подговоривъ двухъ пріятелей быть свидѣтелями, онъ выбралъ вечеръ, отправился въ церковь съ Катериной Ѳедосѣевной и тамъ обвѣнчался. Возвратясь домой, нашли отца невѣсты за партіей бостона, упали ему въ ноги и попросили благословенія. Дѣлать было нечего. Генералъ благословилъ новобрачныхъ, потребовалъ шампанскаго и спокойно продолжалъ партію, прерванную такъ оригинально. Но Пелагея Степановна, на извѣщеніе о женитьбѣ, запретила сыну показываться на глаза, и отказала ему во всякой помощи. Генералъ не могъ дать ничего за дочерью, у А. П. въ наличности не было тоже ничего, а жить было надо. Вышелъ онъ въ отставку, ровно двадцати лѣтъ отъ роду, поѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился въ министерство юстиціи. Министромъ юстиціи былъ тогда И. И. Дмитріевъ. Извѣстный поэтъ покровительствовалъ поэту начинающему, отличалъ его и представилъ Державину. Всѣмъ хорошо было бы жить А. П., но средства его были ничтожны, дѣти у него родились, умирали и все-таки ихъ оставалось много. Положеніе его съ семьей начинало становиться невыносимымъ, когда наконецъ Пелагея Степановна стала смягчаться. Она потребовала, чтобъ сынъ перешолъ на службу

Digitized by Google

въ Калугу; А. П. исполнилъ ея желаніе, получилъ мѣсто прокурора, переѣхалъ куда требовала мать, купилъ въ Калугѣ домъ и зажилъ въ немъ спокойно и весело. Пелагея Степановна простила дѣтей, но оставалась холодна къ невѣсткѣ и до самой смерти обращалась съ нею безъ особенной ласки.»

Острый, веселый и очень любезный въ обществѣ, А. П. былъ любимъ всѣми и всѣми уважаемъ, какъ человѣкъ, чиновникъ и литераторъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его вступленія въ новую должность, въ Жиздренскомъ уѣздѣ продавалось село Ловать съ деревнями, за крайне дешевую цѣну: шесть-сотъ душъ были оцѣнены въ 20,000 руб. ассигнаціями. Какъ не купить? но денегъ не было, и хотя Пелагея Степановна имѣла небольшой капиталъ, но до полной суммы много недоставало. Жилъ тогда въ Калугѣ старикъ князь Ч—й, мизантропъ и чудакъ, не водившій ни съ кѣмъ знакомства, но А. П. рѣшился обратиться къ нему, потому-что у него одного во всемъ городѣ постоянно имѣлись въ распоряженіи большія деньги. Разсчетъ на успѣхъ былъ плохой, но къ общему удивленію, князь далъ А. П. просимую сумму, съ самой радушной готовностью. Такъ его всѣ любили. Управленіе купленнымъ имѣніемъ приняла на себя Пелагея Степановна, хотя ей, по ея благородно-патріархальнымъ понятіямъ, крайне не нравился винокуренный заводъ, устроенный въ новомъ имѣніи.

Такъ прошло время до 1812 года. Французы грозно двигались на Россію, — все поднялось, все взялось за оружіе противъ общаго врага; кто могъ, тотъ поступалъ въ военную службу, помѣщики удалялись изъ имѣній, лежавшихъ на пути слѣдованія французовъ. А. П. отправилъ мать и всю семью въ тамбовское имѣніе своего дяди Руфа Семеновича, а самъ вышелъ въ отставку, для того, чтобъ снова пойти въ военную службу. Главная квартира русской арміи находилась уже въ Тарутинѣ, когда Степановъ къ ней прибылъ. Тутъ нашелъ онъ одного изъ бывшихъ своихъ начальниковъ и спутниковъ по итальянскому походу — Милорадовича, который охотно вызвался взять его въ адъютанты. Встрѣтилось однако затрудненіе въ чинѣ Степанова: онъ былъ давно коллежскимъ совѣтникомъ, а въ военную службу могъ онъ вступить только старымъ своимъ военнымъ чиномъ штабсъ-капитана.

Пока А. П. колебался, твердо рѣшась однакоже не сидѣть безъ дѣла посреди общаго движенія, ему представилась новая дѣятельность, сообразная и съ его способностями, и его служебнымъ разсчетомъ. Онъ поступилъ по особымъ порученіямъ къ сенатору Каверину, на котораго были возложены важныя порученія по продовольствію арміи, а потомъ по приведенію въ порядокъ губерній,

Digitized by Google

опустошенныхъ непріятелемъ. Работы было много и Степановъ усердно занимался ею до прекращенія занятій, возложенныхъ на Каверина. По изгнаніи непріятеля и устройствѣ дѣлъ въ областяхъ, имъ раззоренныхъ, А. П. оставилъ службу и поселился въ своемъ имѣніи. Дѣти подростали, надо было ихъ образовать. Сверхъ того, начатки литературнаго воспитанія, полученные имъ въ университетскомъ пансіонѣ, клонили А. П. къ литературной дѣятельности. Вниманіе Суворова къ его первымъ трудамъ, знакомство съ Державинымъ и Дмитріевымъ, не могли не подѣйствовать на Степанова съ большой силою. Проживая въ деревнѣ, онъ всякое утро проводилъ въ своемъ кабинетѣ, много писалъ стихами и прозою, если же вдохновеніе не приходило, то составлялъ записки по разнымъ предметамъ для преподаванія дѣтямъ. Въ его Ловати составился цѣлый маленькій пансіонъ изъ дѣтей самого хозяина, да еще нѣсколькихъ мальчиковъ, присланныхъ его друзьями и родственниками. Дѣло воспитанія производилось со тщаніемъ и любовью, самъ А. П. читалъ ученикамъ географію, исторію, преподавалъ имъ правила русскаго языка и слѣдилъ за уроками другихъ преподавателей.

«Образъ жизни А. П., въ своемъ имѣніи, былъ пріятенъ и правиленъ. Хозяиномъ онъ былъ плохимъ, но деньги тратилъ въ изобиліи, съ пользой и удовольствіемъ. Онъ построилъ прекрасный домъ, садъ свой украсилъ рѣдкими растеніями, ибо страстно любилъ садоводство, устроилъ обширныя оранжереи и теплицы. Мы сказали уже, что утро его было занято литературными занятіями, послѣ обѣда онъ спалъ, принималъ сосѣдей, занимался съ дѣтьми, а къ ночи очень часто опять запирался въ кабинетѣ. Одинъ предметъ болѣе всего похищалъ времени у А. П., но предметъ этотъ былъ его любимѣйшимъ и задушевнымъ предметомъ. Онъ обработывалъ и оканчивалъ поэму «Суворовъ», задуманную и начатую еще въ Калугѣ. Въ видѣ отдыха отъ большого труда, писалъ онъ разныя мелкія стихотворенія, отсылалъ ихъ въ Москву и Петербургъ, гдѣ они и печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Наконецъ поэма была кончена, отвезена въ Москву и напечатана. Конечно, «Суворовъ» не могъ доставить славы сочинителю, но онъ не заслуживалъ тѣхъ ожесточенныхъ критикъ, какія отовсюду посыпались на поэму. Трудъ многихъ лѣтъ палъ окончательно и, кажется, своимъ паденіемъ отбилъ у А. П. охоту къ дальнѣйшимъ стихотворнымъ опытамъ.»

Мы не читали поэмы «Суворовъ», не знаемъ и суровыхъ рецензій, ею возбужденныхъ. По всей вѣроятности, критики были правы въ своемъ приговорѣ, по-крайней-мѣрѣ самъ сочинитель поэмы въ томъ откровенно сознавался. Въ «Постояломъ Дворѣ» имѣется, какъ мы уже сказали, множество подробностей чисто-автобіографическихъ. Горяновъ, содержатель постоялаго двора, мирный философъ на склонѣ лѣтъ, честный наблюдатель, утомлен-

Digitized by Google

ный бурями жизни, но не смотря на то, вполнѣ сохранившій всю чистоту своего правдиваго сердца, есть самъ Степановъ — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ этомъ лицѣ сосредоточились не только всѣ физическія и моральныя черты автора, но самый его взглядъ на вещи, самыя его фантазіи, самыя его невинныя слабости. По описанію Горянова въ «Постояломъ Дворѣ», мы можемъ комментировать жизнь А. П., какъ по лучшему собранію біографическихъ данныхъ. И такъ, вотъ что говоритъ самъ авторъ про образованіе и литературную дѣятельность своего героя.

«Горяновъ учился въ университетѣ, но ученымъ человѣкомъ не былъ. Оставя училище, онъ имѣлъ познанія энциклопедическія, но довольно ограниченныя. Науки точныя были ему невѣдомы. *Поэтъ въ душѣ, не могъ однакоже съ успѣхомъ отличаться на аренѣ литературы.* Сначала журналы встрѣтили его похвалою; «на безлюдьи и дуракъ человѣкъ», говаривалъ Горяновъ, разсказывая про свои литературные подвиги. Державинъ состарѣлся до уродливости. Странная судьба геніи! Отчего поэтъ фернейскій, какъ началъ, такъ и кончилъ? Отчего Богдановичъ написалъ одну только «Душеньку»? Отчего геній философа Канта развернулся лишь при старости? Современникъ Державина, Дмитріевъ, этотъ корифей поэзіи прошлаго столѣтія, сдѣлавшись человѣкомъ государственнымъ, замолкъ; но явился новый геній во «станѣ русскихъ воиновъ», преобразователь нашей поэзіи. Всѣ пѣвцы затихли и слушали. Горяновъ на бѣду запѣлъ одинъ; запѣлъ, какъ поютъ птицы ночныя въ дуплахъ вѣковыхъ дубовъ; разумѣется, его освистали. Онъ пересталъ пѣть по соловьиному, но не могъ отвыкнуть чирикать по воробьиному.»

Вообще надъ бытомъ и познаніями Горянова будемъ мы еще не разъ останавливаться, какъ надъ дорогимъ матеріаломъ, поэтическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримымъ поясненіемъ заключеній нашихъ.

Пока все вниманіе А. П. устремлено было на литературу, дѣла по имѣнію шли весьма худо. Степановъ не былъ разсчетливъ, любилъ просторъ и довольство, хозяйство довѣрялъ управляющимъ и не наблюдалъ за ихъ управленіемъ. Воспитаніе дѣтей стоило большихъ денегъ. Приходы не сходились съ расходами, подряды на вино брались большіе, а хлѣбъ для завода приходилось покупать за высокую цѣну, ибо наступили голодные года съ неизбѣжной дороговизною. Имѣніе пошло въ залогъ, въ казну и частнымъ лицамъ: А. П. началъ убѣждаться въ томъ, что онъ не рожденъ для занятій сельскимъ хозяйствомъ. Дѣти уже подростали: старшимъ мальчикамъ было по 13 и 12 лѣтъ; ихъ рѣшился онъ отдать въ Московскій университетскій пансіонъ, съ тѣмъ, чтобы самому поступить на службу. Отвезя дѣтей въ Москву, Степановъ самъ проѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ еще у него оставались многія близкія лица изъ прежнихъ сослуживцевъ: Кушниковъ, князь Кочубей и Милорадо-

Digitized by Google

вичъ. По ихъ ходатайству, ему даны были чинъ статскаго совѣтника и мѣсто губернатора во вновь открывавшейся Енисейской губерніи. Въ 1822 году, сдавъ имѣніе въ управленіе своей матери, А. П., взявъ съ собой всю семью, кромѣ двухъ старшихъ сыновей, отправился къ новому мѣсту служенія.

Всякому извѣстно, до какой степени всѣ просвѣщенные люди, находившіеся по службѣ или по частнымъ своимъ дѣламъ въ разныхъ губерніяхъ Сибири, восхищаются богатствомъ, разнообразіемъ, оригинальностью и величественной природою этого края, предназначеннаго со временемъ быть величайшею драгоцѣнностью въ ряду земель и областей русскихъ. А. П., принимая новую должность, сознавалъ, что его дѣятельности открывается безграничное поприще, не безъ основанія думалъ, что новый край, съ его свѣжестью, съ его богатствомъ, съ его почти нетронутыми сторонами, въ скорости привяжетъ къ себѣ все его вниманіе. Такъ и вышло. Степановъ страстно полюбилъ страну, ему ввѣренную, и самъ заслужилъ въ ней общее уваженіе. По своей физической и нравственной бодрости, соединенной съ поэтически-здравымъ настроеніемъ духа, онъ былъ какъ нельзя способнѣе къ своему дѣлу во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣсколько разъ онъ нашелъ время объѣзжать огромную губернію къ сѣверу до Туруханска, и на югъ до горъ, отдѣляющихъ ее отъ китайскихъ владѣній, представляя отчеты о своихъ объѣздахъ Государю Императору, который постоянно оставался ими доволенъ. Отчеты Степанова были замѣчательны по живости, занимательности изложенія, обилію новыхъ фактовъ, наконецъ по тому литературному достоинству, которое въ послѣдствіи такъ замѣчательно проявилось въ его «Описаніи Енисейской Губерніи». Въ своихъ статистическихъ отчетахъ А. П., если можно такъ выразиться, былъ поэтомъ на столько же, на сколько онъ имъ не былъ въ «Суворовѣ» и мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ. Его картины природы живы и вѣрны, его подробности о нравахъ населенія изложены превосходно, его служебныя замѣчанія высказаны съ изяществомъ, нисколько не исключающимъ дѣла и необходимыхъ фактовъ. Искренняя любовь къ краю производила эту пріятность въ изложеніи. Степановъ, по своей безпредѣльной честности, не могъ говорить хладнокровно о злоупотребленіяхъ со стороны лицъ, глядѣвшихъ на обязанности службы не его глазами; страстно любя естественныя науки, онъ умѣлъ оживлять свѣдѣнія о произведеніяхъ и природѣ края, — антикваріи и любитель археологіи, онъ толковалъ о народной старинѣ, о народныхъ преданіяхъ, какъ о своемъ любимомъ предметѣ. Всѣ вышеразсказан-

Digitized by Google

ныя особенности, соединясь въ одно цѣлое, придавали жизнь даже офиціальному слогу новаго губернатора. Стоитъ только прочитать одну главу «Описанія Енисейской Губерніи», чтобы совершенно убѣдиться въ справедливости словъ нашихъ.

Главныя занятія А. П., по устройству края, происходили въ городѣ Красноярскѣ, назначенномъ губернскимъ городомъ. Въ этомъ средоточіи области новый губернаторъ поселился не безъ особенной радости. Мѣсто приходилось ему по сердцу, климатъ оказывался отличнымъ и здоровымъ для малолѣтныхъ его дѣтей...

Степановъ видѣлъ передъ собой безконечное поле дѣятельности въ краѣ любопытномъ и изобильномъ, счастливомъ по своему положенію, хранящемъ въ себѣ всѣ залоги быстраго развитія. Ему было много дѣла, какъ честному администратору, какъ ученому человѣку и какъ христіанину. Не говоря уже о разнообразномъ коренномъ населеніи края, его заботливости была ввѣрена участь его случайнаго населенія, участь многочисленныхъ преступниковъ, изъ которыхъ иные принадлежали къ разряду заблуждавшихся несчастливцевъ, иные выкупили свои преступленія годами безукоризненной жизни. Какъ губернаторъ, Степановъ соблюдалъ къ нимъ всю строгость наказанія, но какъ добрый человѣкъ, онъ умѣлъ снискать ихъ преданность какъ помощью, такъ и облегченіями, сообразными съ закономъ. Не довольствуясь временными мѣрами помощи, А. П. устроилъ для ссыльныхъ прочную осѣдлость въ превосходныхъ колоніяхъ, устроенныхъ по большой сибирской дорогѣ. Между тѣмъ и дѣла края шли отлично — на этой благодарной почвѣ стоило бросить доброе сѣмя для того, чтобъ оно принесло свои плоды съ быстротою. Красноярскъ изъ небольшого города все болѣе и болѣе дѣлался настоящею столицей богатой губерніи; многія мѣры, придуманныя для блага края, или уже были окончательно введены, или начали получать свое примѣненіе. Неоднократно, въ теченіе своей службы въ Сибири, енисейскій губернаторъ получалъ Высочайшія награды и заслуживалъ одобрительные отзывы отъ Государя Императора, а усердіе его, еще болѣе возбуждаемое Высочайшими знаками вниманія усиливалось съ каждымъ годомъ. Поселеніе ссыльныхъ, устройство училищъ, заведеніе хлѣбныхъ запасовъ по всѣмъ частямъ края, въ нихъ нуждающимся, устройство Енисейскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, многочисленныя мѣры, касающіяся до бродячихъ народовъ округа—вотъ малая часть занятій, которымъ посвящено было время А. П. Любя науки и литературу, онъ умѣлъ самые часы своего развлеченія употреблять на пользу. По его понятіямъ, поселять въ

Digitized by Google

краѣ любовь къ наукѣ, значило создавать въ немъ прочный центръ благородной дѣятельности, общій центръ, такъ полезный для людей благонамѣренныхъ и хорошо развитыхъ. Подъ его руководствомъ былъ составленъ и напечатанъ «Енисейскій Альманахъ», обратившій на себя особенное вниманіе цѣнителей даже въ ту пору, такъ обильную альманахами. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ 1826 году; одною изъ лучшихъ его статей было извѣстное сочиненіе самого А. П., до сихъ поръ замѣчательное и по занимательности предмета, и по изяществу изложенія. Это «Поѣздка въ китайскій городъ Маймачень», изданная вторично въ 1838 году, въ Петербургѣ, при собраніи мелкихъ повѣстей Степанова.

Статья эта, о которой необходимо намъ сказать хотя нѣсколько краткихъ словъ, во многомъ напоминаетъ замѣтки самаго же автора, по поводу природы и жителей Енисейской губерніи. Въ ней таже живость разсказа, тоже умѣнье подмѣчать характеристическія подробности, тотъ же замѣчательный слогъ, мѣстами сжатый и безукоризненный, мѣстами небрежный и какъ будто запутанный. «Путешествіе въ Маймачень» должно непремѣнно войти въ собраніе лучшихъ вещей Степанова, чего нельзя сказать о его мелкихъ повѣстяхъ. Оно состоитъ изъ трехъ писемъ: первое, адресованное изъ Тельмы (въ 56 верстахъ отъ Иркутска), заключаетъ въ себѣ описаніе Тельминскаго селенія, замѣчательнаго своими фабриками и заводами. А. П. попалъ въ селеніе какъ бы сюрпризомъ, послѣ утомительнаго зимняго переѣзда по лѣсамъ и пустынямъ. Впечатлѣніе, внезапно произведенное на него видомъ богатаго селенія съ каменной церковью и каменными зданіями фабрики, мастерски передано читателю. Исторія этого величественнаго промышленнаго поселенія, будто утонувшаго въ дикой окрестности, занимаетъ собою все письмо, которое однако же короче двухъ прочихъ.

Второе письмо начинается краткими подробностями объ Иркутскѣ и описаніемъ Байкальскаго озера, зимою... Остановившись въ Троицко-Савской крѣпости, Степановъ проѣхалъ Кяхту и очутился передъ Маймачеемъ, который, какъ извѣстно, находится тотчасъ же за Кяхтою. Городъ окруженъ низенькою стѣной, съ такими же башенками, кровли домовъ не выше городской стѣны, улицы въ городѣ ровныя, не шире 8 аршинъ, съ деревянными тротуарами по бокамъ, на иныхъ перекресткахъ имѣются башни, съ остроконечными китайскими кровлями, башни, изъ которыхъ каждая заслоняла бы всѣ четыре улицы, если бы не имѣла воротъ въ каждую. Въ Маймачеѣ нѣтъ женщинъ, но ихъ отсутствіе выкупается ожи-

Digitized by Google

вленною дѣятельностью мужчинъ, которые безпрерывно толпятся на улицахъ, кричатъ, носятъ товары, суетятся или отдыхаютъ у воротъ своихъ группами. О нарядѣ китайцевъ въ письмѣ говорится много, но мы вообще пропускаемъ изъ него излишнія подробности, нынѣ уже всѣмъ извѣстныя. «Кажется, китайцы любятъ чорный цвѣтъ» — говоритъ нашъ путешественникъ — «потому что на улицахъ встрѣчалъ я всѣхъ почти въ чорномъ. *Курьму* (короткое верхнее платье съ рукавами) надѣваютъ они только въ парадъ. Вообще они въ длинномъ своемъ платьи, подпоясанные снуркомъ, съ заплетенною косою, напоминаютъ монастырскихъ служекъ, которые разгуливаютъ по переходамъ своихъ келій.» За осмотромъ города слѣдуетъ визитъ къ Зжаргуци, чиновнику китайскому, которому ввѣрена таможенная, полицейская и духовная власть въ Маймачень. Зжаргуци живетъ не очень великолѣпно, хотя, по данной ему власти, можетъ бить палками купцовъ первостатейныхъ и обыкновенно обогащается въ три года своей должности, до смѣны. Дворъ его жилища украшенъ (или былъ украшенъ во время посѣщенія Степанова) шестами, флагами, огромными львами изъ глины, окрашенной въ зеленую краску, и воротами, около которыхъ развѣшаны луки, колчаны и стоитъ еще восемь знаменъ. Самъ хозяинъ, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, занималъ всего одну комнату въ небольшомъ надворномъ строеніи. Онъ встрѣтилъ русскаго чиновника весьма ласково и накормилъ его обѣдомъ, который и описывается въ письмѣ со всею подробностью. Второе письмо кончается бесѣдой съ Зжаргуци о государственномъ устройствѣ Китая и описаніемъ обѣда, о которомъ говорено выше.

Въ письмѣ третьемъ и послѣднемъ, адресованномъ уже изъ Иркутска, находимъ мы дальнѣйшія подробности о внутренности Маймачена, о правилахъ нашей мѣновой торговли съ Китаемъ, о видѣ китайскихъ лавокъ и товаровъ. Умѣя подмѣчать многое въ самое короткое время, нашъ авторъ умѣетъ и разсказывать о томъ, что онъ видѣлъ, не придерживаясь ни малѣйшей рутины туристовъ и нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что его мнѣнія очень часто отклоняются отъ мнѣній общепринятыхъ. Не одинъ антикварій и обладатель китайскихъ рѣдкостей съ ужасомъ пробѣжитъ страницу, въ которой Степановъ откровенно говоритъ, что не понимаетъ никакой прелести въ китайскомъ фарфорѣ, ставя его не только ниже саксонскаго, но даже, въ отношеніи краски, и нашего...

Въ остальной части письма разсказывается подробно посѣщеніе китайской кумирни, разговоръ съ Зжаргуци о духахъ, управляющихъ стихіями, и наконецъ выѣздъ изъ Троицкосавска. Не

Digitized by Google

смотря на то, что рѣка Селенга тронулась и дороги находились въ ужасномъ положеніи, А. П. рѣшился, по своимъ словамъ, или утонуть или посмотрѣть знаменитую бурятскую кумирню, стоящую въ сорока верстахъ отъ Селенгинска, въ безлѣсной степи, на берегахъ Гусинаго озера...

Мы съ намѣреніемъ подолѣе остановились надъ «Поѣздкою въ Маймачень», дабы ознакомить читателя съ тѣмъ оригинальнымъ слогомъ и оживленнымъ даромъ разсказа, съ какими намъ будетъ предстоять еще ближайшее знакомство при оцѣнкѣ болѣе замѣчательныхъ трудовъ Степанова.

Служба А. П. въ Енисейской губерніи продолжалась болѣе девяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ отчислился отъ своей должности и уѣхалъ въ бывшее село своей матери, Троицкое, куда призывали его и семейныя, и хозяйственныя обстоятельства. Еще въ 1825 году онъ лишился и жены, и матери почти въ одно время; управленіе имѣніями, ввѣренное въ чужія руки, пошло до крайности несчастливо, а между тѣмъ старшіе сыновья Степанова, начавшіе свою службу, требовали поддержки, тогда какъ слѣдовало еще заниматься воспитаніемъ младшихъ сиротъ. Пелагея Степановна, умирая, отказала имѣніе своимъ внукамъ, такъ что съ одной стороны А. П. былъ успокоенъ, но за то его собственныя имѣнія были проданы съ аукціона во время его отсутствія. Дѣла по хозяйству пришли въ такое положеніе, что нельзя было думать о выкупѣ потерянныхъ имѣній, слѣдовало лишь заботиться о томъ, чтобы дѣти не остались безъ куска хлѣба. Положеніе свое около 1832 года Степановъ, съ полной откровенностью благородной натуры, передастъ, говоря о семейныхъ дѣлахъ своего героя Горянова, во введеніи къ роману «Постоялый Дворъ». «Горяновъ» — говоритъ онъ — «видѣлъ много бѣдъ въ жизни своей, прошелъ чрезъ большія испытанія. Онъ предавался страстямъ пылкимъ и безпеченъ былъ къ собственнымъ выгодамъ. Онъ женился рано; лишился жены, имѣлъ до десяти прекрасныхъ дѣтей, которымъ его мать укрѣпила небольшое имѣніе. Его собственное подверглось, по частнымъ долгамъ, публичной продажѣ во время службы, которую продолжалъ онъ въ отдаленнѣйшихъ концахъ имперіи. Не желая стѣснять дѣтей своихъ, онъ удержалъ для себя изъ остатковъ богатаго состоянія не болѣе пяти тысячъ рублей, и всѣ ихъ употребилъ на заведеніе постоялаго двора, на одной изъ губернскихъ дорогъ, пролегающихъ къ Москвѣ, въ двухъ стахъ верстахъ отъ столицы.» Всѣ эти слова буквально вѣрны, за исключеніемъ устройства постоялаго дома. А. П. тихо проживалъ въ селѣ

Digitized by Google

Троицкомъ, мирно взирая на жизнь, философски покоряясь житейской невзгодѣ и снова обращаясь къ своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ. Постоялаго двора ему было строить не на что, этотъ постоялый дворъ существовалъ лишь въ его фантазіи. Послѣ великихъ душевныхъ потрясеній и изнурительной служебной дѣятельности, ему было отрадно успокоиться въ тихомъ пріютѣ своей матери, припомнить все видѣнное и прожитое, устроить себѣ невинный воздушный замокъ въ видѣ постоялаго двора, и изъ этого скромнаго заведенія выглядывать на жизнь другихъ людей, въ качествѣ добродушнаго зрителя. И фантазія честнаго труженика не прошла даромъ, — ибо плодомъ ея вышла книга, которая навсегда останется въ русской литературѣ, какъ спокойная, вѣрная, живо набросанная картина одной стороны помѣщичьихъ правовъ нашего столѣтія.

2.

Александру Петровичу было болѣе пятидесяти лѣтъ, когда онъ принялся за свое лучшее произведеніе; не смотря на эти года, нашимъ поколѣніемъ почти признаваемые за преклонный возрастъ, онъ находился въ самой лучшей порѣ для серьезной литературной работы. Талантомъ врожденнымъ и безсознательнымъ Степановъ никогда не былъ богатъ, но онъ былъ богатъ тѣми данными, которыя, при полномъ развитіи и хорошемъ примѣненіи, часто даютъ результаты, недоступные для самаго щедро одареннаго художника. Онъ видѣлъ жизнь на дѣлѣ, видѣлъ ея темныя и свѣтлыя стороны, зналъ свой родной край и всѣ его сословія. Онъ трудился много и сближался съ людьми всѣхъ возможныхъ званій и характеровъ. Съ жизнью военныхъ русскихъ людей сливались его драгоцѣннѣйшія, почти дѣтскія, воспоминанія о Суворовѣ, о чудныхъ подвигахъ и герояхъ италійской кампаніи. Помѣщичью жизнь узналъ онъ въ счастливый періодъ своего зрѣлаго возраста, гражданскую дѣятельность онъ могъ цѣнить не по наслышкѣ, а изъ прямого и практическаго опыта. Наконецъ онъ провелъ послѣдніе девять лѣтъ въ краѣ, вполнѣ ему ввѣренномъ, въ краѣ оригинальномъ и свѣжемъ, гдѣ всякій шагъ сопровождался какой нибудь находкой для умнаго наблюдателя. Степановъ былъ уменъ, тѣмъ твердымъ, устойчивымъ умомъ стараго умнаго поколѣнія, въ которомъ нѣтъ ничего туманнаго, ничего непрак-

Digitized by Google

тическаго, ничего дерзко охлажденнаго, ничего заносчиваго или принятаго отъ чужихъ людей на честное слово. Онъ былъ весьма начитанъ и даже ученъ для своего времени; но, подобно своему отцу, почитателю Фридриха Великаго и Вольтера, онъ ни разу не разрывалъ духовной своей связи съ вѣрованіями и убѣжденіями своего дѣтства. Какъ во всѣхъ натурахъ широкихъ и еще болѣе разширенныхъ могучимъ опытомъ жизни, въ Степановѣ примирялись и совмѣщались противоположности по видимому несогласимыя. Онъ могъ назваться мечтателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глядѣлъ на жизнь взглядомъ строго практическаго смертнаго. Онъ пилъ эпикурейскія привычки и вмѣстѣ съ тѣмъ не тяготился переходомъ отъ богатства къ бѣдности. Умъ его отличался пытливостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ душа Степанова была исполнена чистой младенческой вѣрою. Наконецъ онъ мастерски подмѣчалъ слабости и пороки людскіе, — а по словамъ семейныхъ записокъ — «ничего не было легче, какъ вкрасться въ его довѣренность, обмануть его и обморочить». Онъ не требовалъ отъ жизни многаго, на людей смотрѣлъ насмѣшливымъ глазомъ Вольтера или фонъ-Визина, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ жить безъ людей, и любилъ ихъ чрезвычайно. Онъ состроилъ себѣ кроткую и спокойную философію, и тѣшился ею, хотя она была ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ невинныхъ общихъ мѣстъ и воздушныхъ замковъ. Но подъ этой философіею, не заключающей въ себѣ ничего оригинальнаго, таилось цѣлое самостоятельное міросозерцаніе, не вполнѣ сознанное самимъ его обладателемъ, — но тѣмъ не менѣе вполнѣ благородное, вполнѣ уважительное, вполнѣ сильное, даже несокрушимое въ своихъ жизненныхъ примѣненіяхъ.

Таковы были умственныя и нравственныя силы, вполнѣ разпоряжаясь которыми, приступалъ А. П. къ труду, гдѣ должны были отразиться весь опытъ его жизни, всѣ сокровеннѣйшія его убѣжденія, какъ человѣка и какъ литератора. Не мѣшаетъ прибавить здѣсь, что онъ, по случайному ходу обстоятельствъ жизни, былъ поставленъ на точку зрѣнія оригинальную и вслѣдствіе того плодотворную. Послѣ долгой службы въ краѣ прекрасномъ, но все-таки полудикомъ и чуждомъ, увидѣлъ онъ себя снова посреди тихихъ картинъ родного уголка, всегда милаго его сердцу. За усиленнымъ трудомъ, неразлучнымъ съ непріятностями и огорченіями, безъ которыхъ рѣдко обходится самая усердная служба, послѣдовалъ трудъ кабинетный, любимый, всегда ровный и всегда равно отрадный. Потеря состоянія, какъ мы уже сказали, не могла сильно потрясти того человѣка, который постоянно требовалъ отъ

Digitized by Google

жизни лишь спокойствія и маленькаго мѣстечка на солнцѣ. Успокоенный на счетъ будущности дѣтей своихъ, Степановъ не былъ способенъ заботиться о себѣ слишкомъ много. Онъ имѣлъ право отдыхать, не такъ, какъ отдыхаютъ мальчишки, превратившіе себя въ тряпку какой нибудь сумасшедшей страстишкою, но какъ отдыхаютъ мужи дѣла и труда послѣ долгой, не напрасно прожитой жизни. Поэтому-то онъ, безъ всякаго поползновенія къ сантиментальности, умѣлъ сообщить своему роману, во всѣхъ его подробностяхъ, тонъ мудрый и успокоительный.

Пора однако же намъ приступить къ подробному анализу романа «Постоялый Дворъ», въ свое время такъ восхищавшаго русскихъ читателей. Романъ открывается введеніемъ, мысль котораго не нова, содержаніе отличается нѣкоторою странностію, но это введеніе весьма вѣрно, какъ по чрезвычайно живому изложенію, такъ и по множеству автобіографическихъ подробностей, касающихся самого автора. Алексѣй Павловичъ Горяновъ, содержатель постоялаго двора и сочинитель тетрадокъ дневника, которыя въ общей своей сложности составляютъ романъ, просыпается 14-го августа, въ день своего рожденія, въ послѣднемъ пріютѣ своей тревожной жизни, то-есть въ самомъ постояломъ дворѣ, по которому и названа вся книга. Онъ начинаетъ свой день короткою молитвою, дѣлаетъ хозяйственныя распоряженія, обдариваетъ дворню, явившуюся къ нему съ поздравленіемъ, и принимаетъ своего лучшаго друга Малова, будущаго издателя своихъ замѣтокъ. Пока друзья сидятъ за скромнымъ деревенскимъ пиромъ и толкуютъ о разныхъ высокихъ предметахъ, приличныхъ ихъ возрасту, Горянову докладываютъ, что въ отдѣленіи проѣзжающихъ кричитъ и бѣснуется какой-то буйный путешественникъ и требуетъ себѣ почтовыхъ лошадей, не имѣя на то права. Горяновъ хладнокровно надѣваетъ звѣзду на свой деревенскій казакинъ, и идетъ объясняться съ дерзкимъ незнакомцемъ. Но едва перешагнулъ онъ черезъ порогъ, какъ проѣзжій, лежавшій на диванѣ, вскочилъ, выкатилъ ужасные свои глаза, отступилъ назадъ нѣсколько шаговъ, закричалъ что-то въ изступленіи и въ тоже время, обнаживъ охотничій ножъ, ударилъ имъ въ бокъ Горянова. Убійца оказался однимъ изъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь въ то время, какъ тамъ служилъ Алексѣй Павловичъ. Горяновъ тихо умеръ, поручивъ своему другу поцаловать своихъ дѣтей, а тетрадки его, поступившія въ распоряженіе Малова, обязаны своимъ появленіемъ его кончинѣ.

Таково введеніе «Постоялаго Двора», очень занимательное и

Digitized by Google

въ литературномъ, и въ автобіографическомъ отношеніи. Смерть Горянова можетъ казаться страшною лишь для поверхностнаго читателя, въ самомъ же дѣлѣ она ничто иное, какъ воздушный замокъ и свѣтлая фантазія человѣка, скопировавшаго самого себя въ лицѣ Горянова. Умереть быстро, неожиданно, тихо; умереть христіанномъ, въ объятіяхъ друга и рыдающихъ домочадцевъ, такой кончины Степановъ желалъ бы и для самого себя, не только что для своего героя. Потому-то, не смотря на картину убійства, послѣднія страницы введенія нисколько не возмущаютъ насъ, нисколько не мѣшаютъ намъ останавливаться на подробностяхъ въ лицѣ Горянова, живописующихъ намъ самого его біографа. А. П. такъ мало маскируется въ своемъ твореніи, что всякій человѣкъ, его знавшій, и даже не знавшій, безъ труда видитъ тождество между героемъ и сочинителемъ. Горянову 52 года — Степановъ кончилъ свой романъ, имѣя пятьдесятъ два года отъ роду. «Что-то дѣлаютъ мои дѣточки?» съ улыбкою говоритъ содержатель постоялаго двора, передъ смертью. «Не явлюсь ли я которому? Не зазвеню ли я о мечъ Петра? не потрясу ли кисти Николая?» Старшія дѣти А. П. звались этими именами. Петръ Александровичъ, если не ошибаемся, до сихъ поръ въ военной службѣ, Николай Александровичъ, какъ художникъ, хорошо извѣстенъ въ петербургскомъ артистическомъ кругѣ.

Такою же откровенностью манеры, такимъ же обиліемъ личныхъ подробностей отличаются и другія страницы вступленія: по нимъ не только можно набросать весьма сходный портретъ самого романиста, но даже составить понятіе о всей его жизненной обстановкѣ въ селѣ Троицкомъ. Подробности, нами указанныя, не только крайне занимательны по своему значенію, но и высказаны занимательно. Читая ихъ и примѣняя ихъ къ личности А. П., испытываешь то самое удовольствіе, какое даютъ намъ лучшіе отрывки изъ историческо-литературныхъ монографій Форстера, Мура или Ирвинга...

Какъ старичокъ, одаренный большой юностью сердца, Горяновъ не могъ водиться съ однимъ старикамъ. Между многими сосѣдними семействами, его привлекали только семьи разнообразныя и оживленныя, украшенныя присутствіемъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Не уклоняясь отъ знакомства со всѣми сосѣдями, не отказывая себѣ въ наблюденіяхъ надъ личностями, не совсѣмъ симпатическими, Горяновъ, однакоже, съ особеннымъ усердіемъ ведетъ хронику семействъ, удовлетворяющихъ его сердце. Такихъ семействъ въ его тетрадкахъ выведено нѣсколько, съ

Digitized by Google

бо́льшей или меньшей живостью. Всюду Горянова считаютъ любимымъ и невзыскательнымъ гостемъ. Молодыя красавицы безъ церемоніи зовутъ его дѣдушкой, молодые люди, разъ понявшіе всю молодость этой души, не отцвѣтшей съ годами, дѣлаютъ Горянова повѣреннымъ своихъ несчастій и своихъ радостей. Отъ роли простого повѣреннаго, авторъ тетрадокъ часто переходитъ къ роли совѣтника и помощника. Онъ часто оказываетъ услуги лицамъ, его приласкавшимъ, дѣлается въ ихъ домахъ истиннымъ другомъ дома, и благодаря своему исключительному положенію, такъ удобному для наблюденій, часто сосредоточиваетъ въ рукахъ своихъ нити самыхъ важныхъ событій.

Между дѣвицами, называющими старика Горянова дѣдушкою, двѣ особенно милы его сердцу. Обѣ незамѣтно становятся героинями его замѣтокъ, группируя вокругъ себя всѣ главныя основы произведенія. Одна изъ нихъ дочь суворовскаго генерала Катенева, другая княжна Анна Серпуховская. Обѣ прекрасны собою, какъ только могутъ быть прекрасны любимыя созданія писателя карамзинской школы. Обѣ знатны, обѣ превосходно воспитаны, обѣ умны, обѣ окружены поклонниками. Катенева выступаетъ на сцену уже совершеннолѣтней невѣстой, княжна Анна вступаетъ въ возрастъ невѣсты лишь въ послѣднихъ тетрадкахъ «Постояла-го Двора». Обѣ достойны всего лучшаго въ жизни, но разная участь ожидаетъ каждую изъ нихъ. Катинька Катенева, испытавши безконечныя горести, едва не сокрушившія ее въ конецъ, становится счастливой женой и нѣжной матерью, княжна Анна Серпуховская, съ дѣтскихъ лѣтъ не знавшая ни одной даже малой бѣды, невозвратно гибнетъ жертвою своей собственной необузданной страстности. Авторъ умпляется надъ этой параллелью и по поводу ея дѣлаетъ нѣсколько умныхъ выводовъ, съ которыми едва ли согласится читатель нашего времени. Въ жизни двухъ героинь Степанова случай играетъ гораздо бо́льшую роль, нежели нравственные выводы, сдѣланные сочинителемъ. Но намъ мало дѣла до случая, даже самые выводы, о которыхъ говоримъ мы, интересуютъ насъ какъ проявленіе личныхъ воззрѣній Степанова на жизнь и судьбу женщины. Лица двухъ дѣвушекъ, имъ очертанныя, занимаютъ насъ не какъ аллегорическія воплощенія поучительной мысли, а какъ созданія, за которыми, не взирая на всѣ ихъ недостатки, мы считаемъ должнымъ утвердить названіе художественныхъ созданій. И Катенева, и Серпуховская не выдуманы романистомъ, но взяты имъ изъ положительной дѣйствительности. Мало того, первая изъ героинь этихъ, главное лицо всей книги,

Digitized by Google

даетъ нашему автору возможность касаться такихъ сторонъ дѣвическаго существованія, къ которымъ подступались рѣдкіе изъ величайшихъ знатоковъ женскаго сердца.

Катерина Михайловна Катенева, какъ главная любимица старика Горянова, по понятіямъ своего историографа, есть истинный и совершенный идеалъ дѣвушки. Но идеалъ поколѣнія, намъ предшествовавшаго, всегда во многомъ разнится съ понятіями и требованіями поколѣній новыхъ, и это простое обстоятельство, по видимому, противное авторскимъ цѣлямъ, весьма часто дастъ особенную жизнь героямъ и героинямъ стараго времени. Ричардсонъ, рисуя свою Кларису, никакъ не думалъ, что читатель девятнадцатаго столѣтія найдетъ недостатки и даже комическія стороны въ его непорочной голубицѣ, — но не соображалъ онъ и того, что эти погрѣшности, сливаясь съ общей прелестью созданія, сдѣлаютъ его Кларису существомъ безсмертнымъ. Фильдингъ, стоя на колѣнахъ передъ Ameліей, не думалъ, что его идеалъ покажется намъ женщиной не безъ большихъ погрѣшностей — время обнаружило слабыя стороны Амеліи, но тѣмъ самымъ вывело ее изъ ряда безплотныхъ идеаловъ, пріобщило ее къ разряду всегда живыхъ и всегда прекрасныхъ, хотя слабыхъ, женщинъ. Мы не равняемъ Степанова съ Ричардсономъ и Фильдингомъ, — но признаемся, что его идеальная героиня, во многихъ мѣстахъ книги, является достойною сестрой Клариссы и Амеліи. Идеальность, сообщенная ей нашимъ романистомъ, намъ вовсе не кажется идеальностью. Не одинъ порокъ видимъ мы въ Катинькѣ Катеневой, которая, по мнѣнію своего творца, должна разливать небесный свѣтъ на все его твореніе. И однакоже, результатъ отъ несогласія нашихъ понятій съ понятіями авторскими, только служитъ къ полному оживленію его героини. Вмѣсто неземной и безплотной дѣвушки, слишкомъ чистой для этого міра, передъ нами стоитъ живое и привлекательное созданіе, въ которомъ женская слабость слита съ женскимъ геройствомъ, ошибки съ достоинствами, ложь съ правдою, сила привлекательная съ силой почти отталкивающею.

Катерина Михайловна Катенева, если взглянуть на нее съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ понятій о женщинѣ, есть типъ блистательно воспитанной и очень умной аристократической дѣвицы стараго времени. Гориновъ описываетъ ее съ полнымъ увлеченіемъ, не думая о томъ, что самое это описаніе уже заставляетъ читателя предполагать въ его ангелѣ не одни ангельскія совершенства:

«Какъ мила дочь Катенева! Тонкій, высокій станъ ея, стройный и гибкій какъ мятъ, не влечетъ за собой погрѣшности, почти обыкновенной при

Digitized by Google

подобномъ сложеніи, напротивъ, возвышаетъ еще болѣе другія ея прелести. Бѣлизна ослѣпительная покрываетъ лицо ея, легкій только румянецъ играетъ на щекахъ, *черныя, тонкія, прямыя ея брови сходятся немного близко, что придаетъ ей какую-то мрачность, которая смягчается однако же вѣчною улыбкою на губахъ. Общность ея физіогноміи показываетъ гордость.* Если бы она была падшій духъ, то конечно уже первой степени, но, къ счастію, она ангелъ, какъ называютъ ее всѣ, и то, что кажется въ ней гордостью, есть чувство собственнаго своего достоинства, чувство ангела, служащаго съ кротостью Богу на землѣ.»

Это краткое описаніе превосходно: оно рисуетъ передъ нами всю женщину и бьетъ гораздо далѣе цѣли, которую авторъ себѣ простодушно поставилъ. Его Катинька, какъ это подтвердится въ послѣдствіи, не ангелъ и не идеалъ, а существо замѣчательное, живое, исполненное силы и слабости. Катерина Михайловна страшно горда, хотя этого никакъ не хочетъ видѣть ея пятидесяти-двухъ-лѣтній поклонникъ. Катерина Михайловна достаточно засушила свое рѣдкое сердце вслѣдствіе полной власти надъ отцомъ и всѣмъ домомъ, вслѣдствіе высокаго мнѣнія о себѣ и своихъ совершенствахъ. Она была воспитана своей теткою, бывшею статсъ-дамою при императрицѣ Екатеринѣ, воспитана по системѣ того философскаго вѣка, въ который женщины умѣли спорить съ мудрецами, вдохновлять Дидро и Жанъ-Жака. Воспитаніе это, среди тишины и помѣщичьей жизни, видимо гнететъ гордую дѣвушку. Катинька Катенева какъ нельзя лучше знаетъ, что она умнѣе, просвѣщеннѣе, знатнѣе, даже добрѣе и снисходительнѣе всѣхъ лицъ, къ ней подходящихъ. Она слишкомъ увѣрена въ томъ, что между современными ей, наскоро воспитанными дѣвочками и юношами, не смотря на свои осьмнадцать лѣтъ, она все-таки маркиза дю-Шатле и госпожа Дюдеффанъ. Сознаніе это не можетъ сдѣлать ей видимаго вреда, при большомъ ея умѣ, но оно жестоко вредитъ ея искренности и даже заставляетъ ее на цѣлыхъ страницахъ пускаться въ диссертаціи, достойныя синяго чулка старыхъ временъ. Прелестная улыбка, такъ восхитившая Горянова и такъ ловко смягчающая мрачноватое впечатлѣніе отъ бровей, сходящихся близко, не есть безсознательная улыбка, изобличающая постоянно счастливую и ласковую душу. Катинька Катенева гораздо старѣе своихъ лѣтъ, душевная сосредоточенность, отличительное свойство умныхъ русскихъ дѣвушекъ, въ ней развита до степени болѣзненности. Натуры, ей подобныя, не смотря на всю свою прелесть, рѣдко кончаютъ счастливо; покой, природа и одиночество, такъ полезныя для юности, часто обращаются имъ во вредъ. «Она превосходная музыкантша», говоритъ намъ Горяновъ, «она учона удивительно, она богомольна, она ри-

Digitized by Google

суетъ отлично. Все въ ней прекрасно — тѣло, душа и духъ. Все въ ней натурально — свѣтскость, нравственность, религія.» Однако же онъ прибавляетъ, будто нехотя, что въ ней замѣчали маленькую сухость и что будто она скупенька. Въ первомъ хранится слабый отпечатокъ строгаго этикета, который существовалъ въ домѣ ея тетки; второе подъ сомнѣніемъ. «Впрочемъ, я люблю дѣвицъ скупыхъ», прибавляетъ Горяновъ и снова пускается восхищаться своей гордой красавицей.

Для читателей менѣе восторженныхъ, ясно, какъ день, что первая героиня «Постоялаго Двора», подобно прелестной миссъ Этели, въ «Пьюкомахъ» Теккерея, стоитъ на опасномъ распутіи между зломъ и добромъ, долгимъ счастіемъ и долгими бѣдами. Къ счастію, у Катерины Михайловны, какъ и у дѣвушки англійскаго романиста, есть та точка оноры, безъ которой онѣ обѣ погибли бы неминуемо. Сильная любовь спасаетъ Катиньку отъ сухости и ничтожества. Эта любовь достаточно горестна и трудна для того, чтобъ своей силою надломить эту гордую женскую натуру. Катинька холодна темпераментомъ, но въ сердцѣ ея много потребности любить, и воображеніе дѣвушки развито не по лѣтамъ. При этихъ условіяхъ, да еще при сосредоточенности героини, первая страсть тотчасъ же дѣлается вѣчною страстью, дѣломъ всей жизни. Когда-то въ имѣніи генерала Катенева стоялъ эскадронъ кавалеріи, подъ командой молодого офицера Долинскаго, изъ поляковъ самого незнатнаго рода. Долинскій и Катинька влюбились другъ въ друга отчаянно. Старикъ отецъ открылъ любовь молодыхъ людей, но не оскорбился ею, хотя не любилъ бѣдныхъ людей и къ полякамъ питалъ большую ненависть. Онъ слишкомъ хорошо зналъ свою дочь и вѣрилъ ея гордости. Онъ попросилъ начальство выдвинуть эскадронъ изъ его имѣнія и взялъ съ Катиньки слово не имѣть никакихъ сношеній съ ротмистромъ. По его идеямъ, Катерина Михайловна могла скорѣе рѣшиться на какое-нибудь дѣло, достойное двухъ-лѣтняго ребенка, нежели подумать о возможности брака съ Долинскимъ. И старикъ нисколько не ошибся: дочь покорилась ему безъ слезъ, безъ борьбы, только объявивши, что она не выйдетъ ни за кого замужъ, и требуя отъ отца полной свободы въ этомъ отношеніи. Политика генерала стоила всевозможныхъ похвалъ: она была вся основана на пониманіи женской гордости и сосредоточенности Катинькинаго характера. Въ своихъ разговорахъ съ Горяновымъ, послѣ великихъ испытаній, окончательно смягчившихъ сердце гордой дѣвушки, она выражается такъ о бывшемъ положеніи своего сердца: «мнѣ казалось, что человѣкъ можетъ быть выше небесныхъ

Digitized by Google

существъ, потому только, что выходитъ на эту степень черезъ трудныя, горькія испытанія. Я находила отраду въ моей жертвѣ. Когда я убѣдилась въ жестокой волѣ моего отца, мнѣ сдѣлалось скучно, скучно и ничего болѣе. Но скука моя сдѣлалась похожа на тоску, когда я рѣшилась изгнать его изъ моихъ мыслей. Прежде, при всякой горестной минутѣ, образъ Долинскаго носился передъ моими глазами, всякая идея моя, такъ сказать, цѣплялась за него, но тутъ скука моя *опустѣла*, какъ пустой домъ послѣ смерти своего хозяина. Я изгнала Долинскаго изъ души своей, но вмѣстѣ съ нимъ оставила меня и теплота любви небесной...» Этотъ анализъ дѣвическихъ чувствъ замѣчателенъ по своей вѣрности и новости, но его мы не должны принимать буквально. Не смотря на всѣ усилія своей натуры, не смотря на всю борьбу Катинька, она, наперекоръ своему рѣшенію, никогда не перестаетъ любить своего избранника, не разсчитывая ни на какія измѣненія обстоятельствъ, ни на какія вѣроятности житейскія.

Въ такомъ положеніи находятся дѣла при началѣ романа, когда Горяновъ становится «дѣдушкой» Катерины Михайловны и пріятелемъ ея родителя. Самъ старикъ Катеневъ, домъ Катеневыхъ, штатъ Катеневыхъ описаны замѣчательно хорошо; отъ описаній этихъ вѣетъ тихой и привлекательной поэзіею нашей помѣщичьей жизни. Тутъ нѣтъ ничего идеальнаго, розоваго, и даже, еслибы и нашлося что нибудь такое, воспоминаніе о тяжелой драмѣ, разыгрывающейся въ сказанномъ семействѣ, можетъ уравновѣсить всѣ отклоненія отъ грустной стороны жизни.

Старый генералъ добръ и привѣтливъ въ обращеніи; Горяновъ ему очень понравился, тѣмъ болѣе, что оба они въ свою молодость дѣлали италійскую кампанію. Сблизившись съ отцомъ и дочерью, содержатель постоялаго двора незамѣтно сближается со всѣмъ ихъ штатомъ, который, какъ легко догадаться, не только весьма многочисленъ, но какъ бы составляетъ собою цѣлое крошечное государство. Въ оживленныхъ очеркахъ, между приключеніями и бесѣдами, проходятъ передъ нами всѣ эти гости, родственники, компаньонки, должностныя лица и простые приживальщики. Нѣкоторые фигуры, напримѣръ, дальній родственникъ генерала, добрый армейскій кутила Ершовъ, очерчены почти по гоголевски. Весьма удались также — молодой докторъ Крузе, дерптскій студентъ стараго времени, компаньонка нѣмочка, при всякой трогательной исторіи утирающая слезы мизинчикомъ, другая компаньонка Картаулова, дѣвица цыганскаго происхожденія и натуры самой преступной, дряхлая эмигрантка де-Люзиньянъ и молоденькая Ка-

Digitized by Google

тинька Радищева, двѣ особы, безумно преданныя Катеринѣ Михайловнѣ и готовыя умереть за нее по первому приказу. Горянову очень тепло въ этомъ старомъ, патріархальномъ семействѣ, хотя онъ не питаетъ никакихъ надеждъ увидѣть свою идеальную красавицу счастливою. И отецъ и дочь, подъ самой мягкою оболочкой, таятъ непомѣрное упорство убѣжденій. Оба они, каждый съ своей стороны, слишкомъ привыкли повелѣвать всѣмъ ихъ окружающимъ. При такихъ характерахъ трудно ожидать какихъ бы ни было уступокъ.

По объему анализа нашего, мы имѣемъ возможность слѣдить лишь за главными катастрофами романа. Въ помѣстье Катеневыхъ пріѣзжаетъ со всѣмъ семействомъ новый гость, съ очевиднымъ намѣреніемъ сватать Катерину Михайловну. Молодого человѣка зовутъ графъ Чижовъ; онъ красивъ собой и знатенъ, имѣетъ родительницу, немного похожую на кіевскую вѣдьму, но одаренную способностью устраивать супружества; сверхъ всѣхъ этихъ достоинствъ онъ богатъ и образованъ. Не смотря на свою неблагозвучную фамилію и поступки, нѣсколько мелодраматическіе, графъ Чижовъ, по созданію своему, намъ кажется лицомъ чрезвычайно удачнымъ и вѣрнымъ своему времени. До появленія «Воспоминаній» С. Т. Аксакова, мы почти готовы были считать это лицо не вполнѣ естественнымъ, но понявъ созданіе Куролесова и подумавъ о временахъ, въ какія появлялись герои, подобные Куролесову, мы совершенно постигаемъ графа Чижова. Это натура дикая и необузданная, но въ тоже время прикрытая внѣшнимъ лоскомъ. Злая сосредоточенность и хитрость составляютъ основы характера, испорченнаго въ конецъ отчасти своеволіемъ, отчасти праздностью, но всего болѣе потребностями могучаго темперамента, не направленнаго ни къ какой доброй цѣли. Графъ съ первыхъ свиданій влюбляется въ Катиньку до изступленія. На сватовство его она отвѣчаетъ отказомъ, однакоже отказомъ кроткимъ и дружескимъ. Натуры молодыхъ людей, не смотря на всю великую разницу между зломъ и добромъ, гораздо ближе одна къ другой, нежели о томъ думаетъ Горяновъ и его біографъ. Графъ безъ труда разгадываетъ душевное состояніе Катеневой и начинаетъ дѣйствовать сообразно своимъ догадкамъ. Онъ остается гостить въ домѣ генерала. Не скрывая своей привязанности, онъ не скрываетъ и своихъ усилій переломить прежнюю любовь Катиньки. Онъ дѣлается повѣреннымъ мечтаній дѣвушки, говоритъ о ея любимцѣ съ уваженіемъ, льститъ ея гордости, дивится ея самообладанію, и такимъ образомъ, мало-по-малу, дѣлается почти необходимымъ существомъ

Digitized by Google

для своей возлюбленной. До сихъ поръ въ поведеніи графа нѣтъ ничего возмутительнаго, но, къ несчастію для себя, онъ хитеръ болѣе, чѣмъ того требуютъ обстоятельства. Необузданная страсть его не можетъ удовлетворяться далекой перспективой обладанія, не способна находить утѣху въ медленныхъ шагахъ, каждый день приближающихъ его къ сердцу Катеневой. Убѣдившись въ томъ, что всѣ сношенія между Долинскимъ и дѣвушкой навсегда прерваны, графъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ недозволенной хитрости. Катерина Михайловна получаетъ собственноручное письмо Долинскаго, въ которомъ избранникъ ея сердца, наскучивъ безнадежностью своего положенія даетъ полную свободу дѣвицѣ, предоставляя себѣ тоже самое.

Только при этой первой катастрофѣ читатель чувствуетъ себя вполнѣ привязаннымъ къ особѣ гордой Катерины Михайловны. Письмо попало дальше своей цѣли. Но лучше будетъ пріостановить нашъ разсказъ и выслушать самого автора:

«Капитанъ (братъ Катиньки) скомкалъ письмо рукою. Сестра его сидѣла спокойно и глядѣла на него пристально. Мы подошли къ ней—тоже положеніе. Братъ хотѣлъ взять руки ея, но она приросла къ кресламъ. Онъ приклонился къ лицу ея—она смотрѣла на него также, какъ и прежде. «Смерть!» закричалъ Борисъ и побѣжалъ къ отцу.

«Я поспѣшилъ въ половину Катеневой, собралъ всѣхъ ея приближенныхъ: мы съ кресломъ отнесли ее въ спальню. Шумъ сдѣлался всеобщимъ по всему дому. Послали за Крузе. Я пошолъ къ генералу—старикъ спалъ. Борисъ имѣлъ столько присутствія ума, что остановился въ передспальнѣ. «Ступай къ сестрѣ, мой другъ, сказалъ я, и предоставь мнѣ увѣдомить отца». Онъ послушался.

«Когда старикъ проснулся, я вошелъ къ нему.—Есть новости, Михайло Борисовичъ, сказалъ я: — Долинскій пишетъ къ Катеринѣ Михайловнѣ.

«— Ну! сказалъ генералъ, усмѣхнувшись.

«— Онъ женился.

«— Наконецъ, воскликнулъ генералъ, эта безмозглая голова развязала насъ.

«— Но Катерина Михайловна приняла это близко къ сердцу.

«— Пройдетъ, мой другъ, пройдетъ, — это послѣдній кризисъ.

«— Ей очень дурно — она находится въ какомъ-то оцѣпененіи.

«— Пойдемъ же къ ней, Алексѣй Павловичъ; послали за Крузе?

«— Послали.

«— Экая бѣда какая!

«По комнатамъ люди суетились взадъ и впередъ, не зная сами зачѣмъ суетятся. Мы приблизились къ спальнѣ — дверь отворилась. Бѣдная дѣвица сидѣла все на тѣхъ же креслахъ и въ томъ же положеніи, и съ тѣми же открытыми глазами. Графъ плакалъ тихо у ногъ ея. Капитанъ стоялъ недвижимъ, приклонясь къ притолкѣ дверей. Женщины, опустя руки, отирали слезы свои.

«— Катя! вскричалъ генералъ — не было отвѣта.—Катя, другъ мой! дитя мое милое! воскликнулъ генералъ — не было отвѣта.

Digitized by Google

«Онъ хотѣлъ поднять ее съ креселъ — это было невозможно. Губы ея сжаты; пульса не слышно; дыханіе не замѣтно. Страданіе отца неизъяснимо. Онъ сѣлъ противъ нея, сцѣпилъ свои руки и казался такъ же окаменѣлымъ, какъ она.

«Пріѣхалъ Крузе. Требовалъ, чтобъ ему объяснили всѣ обстоятельства подробно и потомъ просилъ не забрасывать его вопросами. Онъ велѣлъ подпилить ручки креселъ. Съ трудомъ освободили ихъ отъ больной, съ трудомъ и большими снаровками положили ее въ постель....»

Такъ, и именно такъ должно было проявиться отчаяніе въ сосредоточенной натурѣ Катиньки, — любовь, развитая и усиленная всемъ вліяніемъ нравственнаго одиночества, уже не могла быть вырвана изъ ея сердца. Послѣ долгихъ страданій, дѣвица вышла изъ опасности; графъ поспѣшилъ воспользоваться минутами ея физической слабости и снова предложить ей свою руку. Вся семья, полюбившая графа, хлопотала за него, видя въ этомъ бракѣ лучшее спасеніе для дѣвушки. И отецъ и братъ стали передъ больной на колѣни, умоляя ее согласиться. Время было выбрано самое удобное, Катинька не имѣла силы спорить. Она понимала обычаи стараго времени; въ моленіяхъ семидесятилѣтняго отца ясно видѣла она непреклонное приказаніе. Но и тутъ дѣвическая гордость этой мощной натуры сверкнула какъ будто своимъ послѣднимъ блескомъ. «Съ этихъ поръ», сказала она графу, «съ этихъ поръ, кромѣ супружескаго права, не имѣете вы ни любви моей, ни уваженія».

У Катиньки сдѣлалась нервическая горячка, Горяновъ съ негодованіемъ уѣхалъ изъ дома, гдѣ еще недавно все казалось ему такъ милымъ и такъ пріютнымъ. Возвратясь на свой постоялый дворъ, онъ съ удивленіемъ услыхалъ, что графъ Чижовъ, въ это такъ важное для него время, пріѣзжалъ туда и долго бесѣдовалъ съ какимъ-то бѣдно-одѣтымъ и даже нетрезвымъ проѣзжимъ. Одного мелкаго обстоятельства было достаточно для человѣка, привычнаго къ дѣламъ уголовнымъ и много наблюдавшаго за преступниками, во время своей службы въ Сибири. Горяновъ приказываетъ людямъ дожидаться проѣзжаго, и при его появленіи, зазываетъ его въ отдаленную комнату своего помѣщенія. По счастію, проѣзжій, оказавшійся отставнымъ подъячимъ, принимаетъ Горянова за мѣщанина, никакъ не думая, чтобъ содержатель постоялаго двора могъ быть чѣмъ-нибудь болѣе значительнымъ. Отъ простой бесѣды, новые пріятели переходятъ къ чаю, отъ чая къ пуншу, отъ пунша къ совершенной попойкѣ. Налимаепковъ, такъ зовутъ подъячаго, раздосадованъ на графа Чижова, выписавшаго его издалека по весьма важному дѣлу и жалѣющаго денегъ теперь,

Digitized by Google

когда дѣло покончено. Искусно продолжая свой допросъ, Горяновъ безъ труда проникаетъ всю немногосложную интригу, которой подобныя безпрестанно раскрываются при разборѣ дѣлъ уголовнаго свойства. Подъячій мастерски поддѣлываетъ чужой почеркъ. Его послали въ Вильно и велѣли подсмотрѣть почеркъ Долинскаго. Остальное приходитъ само собою. Черезъ нѣсколько часовъ Катерина Михайловна свободна, происки графа раскрыты, и самъ онъ, благодаря старымъ связямъ своего семейства съ семьей Катеневыхъ, ускакалъ изъ генеральскаго дома, безъ заслуженнаго наказанія.

Не успѣла Катинька избавиться отъ человѣка, способнаго навѣки погубить все ея счастіе, какъ пришлось ей бороться съ другимъ врагомъ, еще болѣе опаснымъ и еще болѣе скрытнымъ. Первые мѣсяцы послѣ ея выздоровленія прошли тихо и благополучно; отрадная тишина снова возстановилась въ домѣ Катеневыхъ, однако вмѣстѣ съ тишиною пришли часы дѣвической скуки. Въ генеральскомъ палаццо все опустѣло: сынъ уѣхалъ опять на службу, Горяновъ отлучился надолго изъ постоялаго двора, семья графа, разумѣется, исчезла, въ лицѣ недостойнаго жениха исчезъ для Катерины Михайловны единственный человѣкъ, съ которымъ могла она вести живую бесѣду. Физическія силы дѣвушки возстановились, приведя вмѣстѣ съ собою эпоху полнаго развитія физическаго. Сокровища, данныя Катинькѣ щедрой природою, не могли оставаться подъ спудомъ: для нея пришла та пора, въ которую женщины должны любить, должны жить съ мужьями, должны привязываться къ своимъ дѣтямъ. На мѣсто всѣхъ этихъ живыхъ привязанностей, Катерина Михайловна не имѣла ничего, кромѣ безнадежной мечты о Долинскомъ. Скука начала ее мучить, слѣдомъ за скукой появились искушенія, о которыхъ слишкомъ мало говорятъ и знаютъ знатоки женскаго воспитанія. Она расцвѣла совершенно, говоритъ Горяновъ про Катерину Михайловну, а между тѣмъ этотъ великолѣпный цвѣтокъ долженъ былъ оставаться въ постоянномъ одиночествѣ, тогда какъ милліоны цвѣтковъ, самыхъ незавидныхъ, безпрерывно находили себѣ любителей и обладателей. Любимая компаньонка Катеневой и ея воспитанница, о которой мы упомянали, готовилась выйти замужъ, по любви, за молодого человѣка Родищева, дружески принятаго въ генеральскомъ домѣ. Женихъ и невѣста всегда были при Катеневой, цаловались передъ нею, торопились свадьбой и тѣмъ сердили Катерину Михайловну, которая нѣсколько разъ пыталась отсрочить день брака. Была ли то зависть при видѣ чужого счастія, было ли то усиліе

Digitized by Google

продлить неопредѣленныя наслажденія, доставляемыя одинокой, жаждущей любви дѣвицѣ видомъ влюбленной пары? Горяновъ, вернувшись въ домъ генерала, не одобрялъ такого поведенія. Скоро симптомы скуки стали рѣзче и опаснѣе. Катинька Катенова не была невинна той институтской невинностью, которая никакъ не могла бы подходить къ ея пытливой, богато-развитой натурѣ,— но все-таки она была чиста духомъ и далека отъ вредныхъ помысловъ. И вдругъ, странное дѣло, она стала думать о предметахъ, недоступныхъ дѣвицѣ въ ея положеніи, убѣгать мужчинъ, бесѣдовать лишь съ замужними женщинами. «Грусть и тоска стали замѣтны во всѣхъ ея поступкахъ. Глаза ея томились, щеки пылали, самыя движенія получили что-то странное, судорожное. Де-Лузиньянъ былъ такъ дряхла, что не могла соображать послѣдствій, шутила надъ моими догадками, сердилась за предположенія, находила меня микроскопическимъ и совѣтовала не мѣшаться въ эти дѣла».

Подступая къ тончайшей сторонѣ своей задачи, именно къ дѣйствію одиночества на умную, сосредоточенную и блистательно одаренную дѣвушку, нашъ авторъ выказываетъ тактъ, совершенно достойный такого оригинальнаго дѣла. Онъ знаетъ, что пишетъ не для младенцевъ, но совсѣмъ тѣмъ, не позволяетъ себѣ ни пустой сантиментальности, ни игривыхъ стариковскихъ замѣтокъ, ни наблюденій, соприкасающихся къ области медицины. Онъ простодушно рисуетъ намъ дѣвицу, которой необходимо надо выйти замужъ, хотя бы даже не за страстно любимаго человѣка. Только одни Тиресіасы стараго времени или Эрасты Чертополоховы могутъ видѣть что-нибудь неприличное въ такой задачѣ, уже потому законной, что она взята изъ ежедневнаго опыта дѣйствительности. Во время страшнѣйшаго кризиса своей тоски, Катинька признается Горянову, что къ ея молитвамъ примѣшивается горячая молитва о супружествѣ.

«Воображеніе мое вспыхнуло, говоритъ она, и породило призраки, преслѣдующіе меня безпрестанно. Я горѣла въ пламени: вся природа казалась мнѣ адомъ, и я наслаждалась своимъ мученіемъ, и я, какъ подруга ангела тьмы, желала плавать въ огненной его атмосферѣ. Воображеніе мое усиливало свое могущество во время сна. Я чувствовала раздраженіе и боялась даже постели. Всю ночь бродила я по садамъ и, освѣженная воздухомъ, возвращалась къ утру въ мою спальню, гдѣ забывалась легкимъ сномъ на два и на три часа... Когда я одержала надъ собой побѣду по поводу Долинскаго, я предалась самонадѣянности. «Когда я забыла Долинскаго», думала я, «то кто же въ состояніи растревожить мое сердце?» Я не знала, что любовь и желанія различны, и думала, что въ одной только любви могутъ онѣ возраждаться; но я ошиблась: желанія дѣйствуютъ безъ любви. Взявъ на свои руки Настиньку и ея жениха, я прежде любовалась ихъ ласками, я играла, и пор-

Digitized by Google

хала какъ безсмысленная Фалена возлѣ огня. Прикосновенія, пожатія руки, мнѣ сначала казались непреличными, поцалуи еще болѣе... Я смотрѣла, досадовала, но запретныя слова замирали на губахъ моихъ, я таяла отъ неизвѣстнаго мнѣ наслажденія. Что не приходило мнѣ въ голову при заманчивыхъ мечтахъ моихъ, чего не сливали ко мнѣ воспоминанія? Я не теряла ни малѣйшаго слова изъ разговора влюбленныхъ, ни одного движенія, — и не смотря на мой характеръ, который любитъ повелѣвать, не могла я не любоваться страдательнымъ положеніемъ Настиньки, ея послушаніемъ, какимъ-то усладительнымъ терпѣніемъ, способностью переносить докучливость своего жениха, полной преданностью его прихотливой волѣ... Мой умъ начинаетъ разстроиваться, я боюсь мужчинъ, взглядъ на нихъ заставляетъ меня трепетать всѣми членами... Цѣломудренная еще тѣломъ, но развращенная душою, я готова утратить все при первомъ удобномъ случаѣ».

Этотъ анализъ удивителенъ, и что еще важнѣе, полонъ истинной поэзіи. Смѣло можемъ сказать, что въ своемъ родѣ страницы, сейчасъ приведенныя намп, стоятъ самымъ превосходнѣйшихъ страницъ, когда-либо и кѣмъ-либо написанныхъ по-русски. Тутъ цѣнимъ мы не одни искусно подмѣченные симптомы дѣвическаго недуга, но настоящій и пламенный вопль прекрасной женской души, слишкомъ тяжко наказанной за свою недавнюю гордость. Разсказъ самого Горянова о страданіяхъ его идеальной Катиньки, служитъ прекраснымъ дополненіемъ признаній самой Катерины Михайловны. Съ восторгомъ сообщая намъ о неземныхъ совершенствахъ своей дѣвушки, влагая въ ея уста свои собственныя резонерскія мысли, авторъ «Постоялаго Двора» скорѣе отталкивалъ читателя, нежели привязывалъ его къ Катеневой. Но здѣсь, изображая жизнь обычную, разсказывая намъ, какъ Катерина Михайловна борется съ собою, одиноко бродитъ по сумрачнымъ аллеямъ сада, забываетъ молиться, сидитъ на диванѣ, напрасно силясь читать нераскрытую книгу, онъ заставляетъ истинно любить свое поэтическое созданіе. Не величіемъ гордости, но силой слабости намъ мила Катинька Катенева, въ ея одинокой борьбѣ болѣе драмы и поэзіи, нежели во всѣхъ ея отношеніяхъ къ несравненному красавцу Долинскому.

Благодаря силѣ воли и дружескимъ пособіямъ Горянова, время опаснѣйшаго кризиса благополучно проходило для Катерины Михайловны. Торжество описано гораздо слабѣе, чѣмъ искушеніе,— въ «Постоломъ Дворѣ» нѣтъ красокъ ровныхъ, съ этимъ уже должно помириться критику. За психической драмой, съ которой мы сейчасъ познакомили читателя, слѣдомъ идетъ счастливый эпизодъ, скорѣе достойный Августа Лафонтена, нежели романиста, выказавшаго такія сильныя способности къ своему дѣлу. Катинь-

Digitized by Google

ка прошла черезъ всѣ испытанія и заслужила вѣнецъ, всегда находившійся въ распоряженіи повѣствователей былого времени. Изъ «Сѣверной Пчелы» генералъ Катеневъ узнаетъ, что командиръ уланской бригады, Долинскій (въ «Постояломъ Дворѣ» чины идутъ удивительно скоро), съ опасностью жизни, спасъ двадцать четыре рядовыхъ, барабанщика и офицера, провалившихся сквозь ледъ въ рѣкѣ Полотѣ, близъ Витебска. Въ довершеніе счастливаго событія, полкъ, къ которому принадлежали утопавшіе, состоялъ подъ начальствомъ брата Катиньки, полковника Катенева. Долинскій находился въ опасномъ положеніи вслѣдствіе простуды, — безъ этой горькой капли нельзя было обойтись. Прочитавъ извѣстіе, суворовскій генералъ торжественно объявилъ, что за спасеніе слишкомъ двадцати русскихъ солдатъ «Долинскому должна быть наградою дочь моя, Катерина».

Всѣ литературные періоды имѣютъ свою рутину, надъ которой никто никому не мѣшаетъ посмѣиваться, лишь бы насмѣшки эти не вредили здравому пониманію достоинствъ произведенія. Очень вѣроятно, что черезъ тридцать лѣтъ, дѣти теперешнихъ повѣствователей будутъ смѣяться надъ общими мѣстами нашего времени, надъ нашими микроскопическими картинками природы, надъ нашимъ филантропическимъ и мизантропическимъ пафосомъ, надъ нашими вѣчными закатами солнца, надъ нашими стремленіями къ карающему юмору, тамъ, гдѣ по существу дѣла, никакого каранія и никакого юмора не требуется. Будемъ надѣяться, что при своихъ шуткахъ они не захотятъ смѣшать временнаго съ вѣчнымъ, и смѣясь надъ рутиной нашего поколѣнія, не закроютъ глазъ для его истинныхъ заслугъ, какія бы онѣ ни были. Что касается до насъ, то мы признаемся въ нашей способности мириться съ ошибками литераторовъ, намъ предшествовавшихъ, если эти ошибки не вредятъ общей цѣлости произведенія. Мы очень хорошо знаемъ, что развязка любви Катеневой недостойна самой этой любви, но Степановъ, съумѣвши привязать насъ къ своей Катинькѣ, вполнѣ выкупилъ слабую сторону развязки. Вымыселъ не играетъ важной роли тамъ, гдѣ есть интересъ, независимый отъ вымысла произшествій. Водевильный эпизодъ способенъ погубить собой какого нибудь «Графа Монте-Кристо», книгу, гдѣ все вертится на искусномъ расположеніи внѣшнихъ фактовъ. Но авторъ «Постояла Двора» и дѣятели одного съ нимъ поколѣнія никакъ не могутъ быть судимы однимъ судомъ съ А. Дюма и сказочниками, ему подобными.

Digitized by Google

Слухи о томъ, что Катинька выходитъ за Долинскаго, что счастливаго жениха каждый день ждутъ въ Крутыхъ Верхахъ, имѣніи генерала Катенева, — наконецъ доходятъ до графа Чижова, который, со дня отказа и позорнаго отъѣзда, живетъ и буйствуетъ въ обширныхъ своихъ имѣніяхъ. По немногимъ разсказамъ о неистовой жизни молодого человѣка, такъ сходнаго съ Куролесовымъ Аксакова, мы можемъ догадываться, что графъ не поддается своей судьбѣ безъ послѣдней отчаянной попытки. Онъ выѣхалъ изъ своихъ деревень, пересталъ мучить крестьянъ и сосѣдей, былъ въ окрестностяхъ Витебска, подкарауливалъ Долинскаго гдѣ-то въ лѣсу, и наконецъ исчезъ неизвѣстно куда. Носились слухи, что графъ скитается въ окрестностяхъ «Постоялаго Двора», свидѣтеля его первыхъ злыхъ умысловъ. Горяновъ и семейство Катеневыхъ, слишкомъ занятые предстоящею свадьбою, поджидаютъ жениха, не помышляя объ опасности. А между тѣмъ опасность близится. Въ огромной и распущенной дворнѣ Крутыхъ Верховъ графу не трудно было добыть вѣстовщиковъ и помощниковъ. Между прожившалками Катеневой находилась старая пріятельница Чижова, злая и совершенно безлутная дѣвица, по имени Картаулова. Нѣсколько бѣглыхъ людей, шлявшихся по окрестностямъ, примкнули къ разряду графскихъ челядинцевъ. Вся исторія происходила задолго до нашего времени, въ тѣ года, когда всякая почти помѣщичья усадьба имѣла свою страшную легенду; когда предпріимчивые злодѣи, въ родѣ Куролесовыхъ, не были еще вполнѣ обузданы закономъ и смягченіемъ нравовъ. Скоро въ домѣ генерала Катенева стало происходить что-то неладное. Тревожные слухи носились по окрестности, сторожа по ночамъ видѣли какихъ-то необыкновенныхъ людей кругомъ усадьбы, — самый домъ, громадный и недостаточно населенный, какъ будто служилъ пріютомъ этимъ людямъ. Къ страху разумному, началъ примѣшиваться страхъ безотчетный, къ разсказамъ, имѣвшимъ существенное значеніе, присоединились разсказы о мертвецахъ и видѣніяхъ, о нечистой силѣ, и такъ далѣе. Дѣло происходило въ глухую осень, время до крайности подходящее къ разсказу. И надо отдать справедливость Степанову: главы, о которыхъ идетъ рѣчь, едва ли не лучшія главы въ его романѣ. Эти страшные разсказы и ожиданія, этотъ огромный палаццо, объятый какимъ-то паническимъ страхомъ, эта перспектива бѣдъ передъ радостью, эти подвѣнечныя хлопоты рядомъ съ тревогою, эта маленькая колонія честныхъ людей, начинающая угадывать рядъ злѣйшихъ на себя умысловъ — описаны въ совершенствѣ. Тутъ опять чистая

Digitized by Google

поэзія, тѣмъ болѣе разительная, что она, во всей своей правдѣ и оригинальности, идетъ слѣдомъ за эпизодами, почти водевильными...

3.

Мы сказали уже въ своемъ мѣстѣ, что «Постоялый Дворъ» Степанова есть вѣрное и по временамъ весьма поэтическое воспроизведеніе свѣтлой стороны русской помѣщичьей жизни за старое время. Отрадное успокоеніе духа, подъ вліяніемъ котораго было писано все произведеніе, во многомъ отразилось на лучшихъ сторонахъ книги, иногда отбрасывая Степанова къ прямой сантиментальности воззрѣній; но не взирая на это обстоятельство, «Постоялый Дворъ» нельзя назвать твореніемъ односторонним. Оглядывая романъ въ его цѣлости, мы все-таки видимъ у его автора и глазъ дѣльнаго администратора, и филантропическія побужденія зрѣлаго человѣка, и простодушную вражду къ человѣческимъ заблужденіямъ. Уже въ исторіи Катинькиной скуки сказывается намъ темная сторона сельскаго одиночества; уже въ персонажахъ графа Чижова и безстыдной Картауловой можемъ мы наблюдать за худыми сторонами человѣка. Эпизодъ, отрадный и успокоительный по своему значенію, никакъ не поражаетъ розовымъ свѣтомъ подробностей, а съ нимъ сплетаются другіе эпизоды, еще характернѣйшіе въ ихъ восторженности.

Таковы, напримѣръ: вводный разсказъ Малова объ уголовномъ дѣлѣ помѣщика Барова, происходившемъ во времена императора Павла Петровича, замѣтки Горянова о праздникѣ у своего сосѣда Желбинскаго, наконецъ, исторія княжны Анны Серпуховской, убѣжавшей съ какимъ-то бродягой вслѣдствіе своей собственной необузданной страстности. На послѣдней исторіи мы остановимся съ особеннымъ вниманіемъ, хотя и не съ такимъ удовольствіемъ, какъ на приключеніяхъ Катиньки Катеневой. Замыселъ эпизода прекрасенъ, и разсказъ изобилуетъ многими превосходными частностями, но преувеличеніе иныхъ подробностей, и какой-то странный, мелодраматическій оттѣнокъ катастрофы до крайности вредятъ и княжнѣ Аннѣ, и персонажамъ, поставленнымъ съ нею въ соприкосновеніе.

Княжна Анна Серпуховская, въ романѣ Степанова, является два раза, сперва очаровательной и рѣзвой дѣвочкой, потомъ дѣвицей двадцати лѣтъ, пылкой, страстной и быстро увлекающейся. Въ первомъ видѣ она не только привлекательнѣе, но вѣрнѣе дѣйствительности. Единственная дочь нѣжной матери, взросшая посреди роскоши, воспитанная по самой новѣйшей методѣ, одаренная под-

Digitized by Google

живостью и горячностью всей натуры, она въ четырнадцать лѣтъ кажется гораздо моложе своего возраста. Княгиня Серпуховская, мать Анеты, была лучшимъ украшеніемъ того стараго, нѣсколько изнѣженнаго свѣта, который такъ хорошо жилъ и веселился, ставя наслажденіе жизнію выше всѣхъ своихъ заботъ, даже любя добро не по принципу его, а за наслажденіе, имъ доставляемое. Вслѣдствіе ли собственной прихоти, или по причинѣ довольно эксцентрическихъ методъ воспитанія, бывшихъ въ большомъ ходу при началѣ нашего столѣтія, мать княжны воспитываетъ ее довольно странно. Ребенокъ въ иныхъ отношеніяхъ стѣсненъ и доведенъ до смѣшного подчиненія; въ другихъ онъ — дитя природы, предоставленное всѣмъ неправильнымъ порывамъ сердца. Съ достовѣрностью оказывается одно только — княжна Анета не имѣетъ строгаго нравственнаго развитія, не думаетъ о томъ, что наша жизнь бываетъ трудна и горестна, что религіозное пониманіе жизни, что святыя цѣпи долга — для нея необходимы. Княжна Серпуховская не эгоистка, но балованное дитя, думающее, что жизнь есть одно баловство, одинъ рядъ восторговъ и утѣхъ. Она способна на подвиги, на великодушіе даже, — но всѣ эти добрыя стремленія приходятъ къ ней безъ всякаго основанія. При разсказѣ о чужомъ несчастіи, она рыдаетъ и раздаетъ свои деньги, при видѣ дѣвочки, упавшей въ воду, сама кидается за нею; но впечатлѣніе минуты уходитъ съ минутой, а благородный порывъ иногда влечетъ за собой одно неразумѣніе. Пока еще для нея идутъ года ребячества, она очень мила, на нее всѣ любуются. Княжна скачетъ по стульямъ, разсказываетъ молодымъ людямъ, что собачку ея зовутъ Амъ, что на елкахъ живутъ звѣри, впивающіеся въ человѣка и сосущіе изъ него кровь, что мухи очень лютыя животныя: кусаютъ не только людей, но сами такъ нападаютъ другъ на друга, что по цѣлому часу грызутся. Ее одѣваютъ по дѣтски, ея шалостями любуются; по словамъ брата Катеневой, княжна Анета «это игрушка! Ее надо поставить на столикъ и любоваться». Съ наступленіемъ 16 лѣтъ, княжну увозятъ за-границу для окончанія воспитанія. Оттуда она пишетъ Горянову письмо до крайности бойкое, до причудливости смѣлое. Княжна засыпаетъ своего дѣдушку фразами, исполненными жизни и современности. Она уже знаетъ всю неистовую французскую литературу тридцатыхъ годовъ, изучаетъ анатомію, компануетъ Геркулеса масляными красками, ѣздитъ къ тюльерійскому двору, не чуждается политики и поддается нѣкоторому дѣвическому разочарованію тѣхъ годовъ. «Что же мы будемъ смотрѣть въ Европѣ?» говоритъ она своей матери передъ поѣздкою: «одно

Digitized by Google

искусство, искусство, искусство? Я хочу видѣть природу не испорченную рукой человѣка. Я хочу видѣть неизмѣримыя трясины береговъ Ледовитаго моря, Алтай, хребетъ Становой, въ дикомъ ихъ состояніи. Надо ѣхать туда или въ середину Африки; что мы станемъ дѣлать въ Европѣ?»

Все это отзывается ребячествомъ, весьма позволительнымъ, но въ отношеніяхъ княжны къ свѣту и людямъ худыя сѣмена оказываются сильнѣе. Міръ простой и будничный не удовлетворяетъ ее, ни съ подругами по годамъ, ни съ молодыми мужчинами она не сближается. Еще до заграничной поѣздки у княжны Анны нашлись три жениха — старый генералъ, потомъ молодой богачъ невысокаго ума и еще одинъ князь старой породы. Всѣмъ тремъ отказано, и это не можетъ назваться бѣдою; но бѣда въ томъ, что каждый изъ женховъ послужилъ предметомъ для высокомѣрныхъ, оскорбительныхъ комментарій. Одинъ, по своей важности, напомнилъ Аннѣ индѣйскаго пѣтуха, другого признала пустымъ человѣкомъ, третій «переродился въ призракъ человѣчества, какъ перерождается рожь ваза на поляхъ нашихъ!» Чего же надобно княжнѣ Аннѣ? какихъ идеаловъ хочетъ она отъ жизни?...

Чѣмъ долѣе живетъ княжна за границею, тѣмъ вреднѣе начинаетъ дѣйствовать на нее духъ времени. Она вовсе не ослѣплена чужеземнымъ, даже на Парижъ смотритъ довольно холодно, но въ ея шутливыхъ письмахъ видно направленіе, рѣдко приносящее пользу женщинамъ. Рѣзкость сужденій, увлеченіе всѣмъ блестящимъ и порывистымъ, недовольство обыденною сферою жизни — вотъ особенности этихъ любопытныхъ писемъ. «Парижъ», пишетъ княжна, «это настоящій старикъ, и хотя онъ моложе какого нибудь дряхлаго патриція римскаго, временъ отдаленныхъ, свѣжаго, съ опрятною тогою, съ пурпуровою мантіею, молчаливаго, важнаго — за всѣмъ тѣмъ Парижъ старикашка, и еще судорожный, въ истасканномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, неряха, пустомеля, брюзга... Окрестности его—точно растянутый фокусъ камеръ-обскуры. Рѣка его... но что это за рѣка? что она въ сравненіи съ Леною, Волгою, Енисеемъ?...»

На этомъ мѣстѣ мы пріостановимъ нашъ разсказъ и скажемъ нѣсколько замѣчаній о той мысли А. П. Степанова, которая служитъ полнымъ объясненіемъ всей дальнѣйшей судьбы его младшей героини. Романъ «Постоялый Дворъ» былъ писанъ въ тридцатыхъ годахъ, въ странную литературную эпоху, о которой теперь можно судить только по преданіямъ. Въ то время Викторъ Гюго и неистовая школа, которой онъ былъ корифеемъ, казалась чѣмъ-то но-

Digitized by Google

вымъ, незыблемымъ, предназначеннымъ на огромное вліяніе въ потомствѣ. Въ ту пору Бальзакъ удивлялъ не умомъ своимъ, не даромъ анализа или другими достоинствами художника, нынѣ за нимъ признанными, а причудливостью фантазіи, странностью нѣкоторыхъ нравственныхъ (или вѣрнѣе, не очень нравственныхъ) воззрѣній. Французская литература тридцатыхъ годовъ, въ наше время всѣми попятая, всѣми осужденная и отчасти осмѣянная, въ свое время казалась литературой опасной, разрушительной. Ея рѣзкія стороны, нынѣ возбуждающія насмѣшку и холодность, глубоко огорчали писателей и моралистовъ въ родѣ Степанова. Временныя успѣхъ, временная самонадѣянность господъ Гюго, Дюма, Сю, Бальзака не на шутку заставляли задумываться всѣхъ спокойныхъ философовъ, всѣхъ друзей искусства, всѣхъ чтителей простоты, какъ въ жизни, такъ и въ художествѣ. Намъ хорошо подшучивать надъ «Ганомъ Исландцомъ», надъ «Антони» Дюма, надъ «Феррагюсами» Бальзака, надъ «Ссафи» Евгенія Сю, но въ тѣ года, когда «Ганъ Исландецъ» расходился въ тысячахъ экземпляровъ, когда неблагопристойныя «Contes drolatiques» читались дамами, когда мальчики видѣли идеаловъ человѣчества въ корсарахъ и бандитахъ, оппозиція, возбужденная неистовой французской литературой, была понятна. Весь грѣхъ означенной оппозиціи заключался въ томъ, что она глядѣла на предметъ опасенія въ увеличительное стекло, мыльные пузыри считала зловѣщими метеорами, противъ ребяческой шалости ополчалась какъ противъ крайняго беззаконія. Въ нашъ періодъ словесности смѣшно даже и подумать о сочиненіи романа, въ которомъ бы громилось направленіе Гюго, Сю и такъ далѣе. Никто не говоритъ объ этомъ направленіи: оно исчезло и выдохлось въ теченіи самаго короткаго времени. Но А. П. Степановъ жилъ не въ наше время; его лучшій романъ писался въ тѣ самые года, когда русская публика приходила въ восторгъ отъ *Атаръ-Гюлля* и русскія дѣвушки упивались «Notre Dame de Paris», читаемой въ тихомолку. Нашъ авторъ не понялъ всего дѣла, и къ минутному капризу общества отнесся, какъ къ цѣлой вредной сторонѣ цѣлаго молодого поколѣнія. Для него Викторъ Гюго и Бальзакъ (въ худшихъ своихъ произведеніяхъ) были не талантливые люди, ступившіе на ложную дорогу, а развратители и вожатаи всей дурной части новаго общества. Но его идеѣ, княжна Анна, заслушивающаяся стиховъ Гюго, такъ же близка къ погибели, какъ юный нѣмецкій читатель, плачущій надъ Вертеромъ, или страстная дѣвушка, не читающая ничего, кромѣ «Новой Элоизы». Простодушно равняя посредственнаго французскаго поэта съ Гёте и Жанъ-Жа-

Digitized by Google

комъ, нашъ авторъ «Постояльаго Двора» вдается въ ошибку, отъ которой терпятъ иныя частности въ его собственномъ произведеніи. Приготовляясь бороться съ призракомъ, онъ самъ вдается въ нѣкоторую призрачность...

Княгиня Серпуховская давно уже помышляла объ участи дочери, давно желала пріискать ей мужа по сердцу. Ей была извѣстна (прибавляетъ Горяновъ, съ тонкостью проницательнаго старика), ей была извѣстна и разборчивость ея дочери, и пылкость ея темперамента, два обстоятельства, которыя, соединясь вмѣстѣ, рѣдко не доводятъ до бѣды. Лѣтомъ, и въ столицахъ, неудобно было собрать около себя компанію лицъ по душѣ; зная это, княгиня рѣшилась устроить у себя въ имѣніи широкую жизнь на старый барскій образецъ, пригласивъ отовсюду ближнихъ знакомыхъ и сосѣдей по владѣніямъ. Репутація княжны Анны, какъ умницы и красавицы, побудила многихъ не-женатыхъ людей, молодыхъ и старыхъ, знатныхъ и просто богатыхъ, рѣшиться на нѣсколько мѣсяцевъ роскошной vie de chateau, въ губерніи не очень отдаленной отъ Москвы, въ хорошемъ богатомъ домѣ, гдѣ ихъ не стѣсняли ни въ чемъ и увеселяли всѣми средствами. Женихи всякаго покроя тѣснились около разборчивой дѣвушки — тутъ былъ и знатный генералъ, князь Таракутовъ, существо некрасивое, но весьма доброе, камергеръ Шебаровъ, человѣкъ дурной наружности, но ума увлекательнаго, наконецъ полковникъ Катеневъ, братъ Катерины Михайловны, безукоризненный красавецъ во вкусѣ старыхъ романовъ, да къ тому еще и большой мастеръ играть на скрипкѣ. Казалось, было бы изъ чего выбрать,— но княжна Анна, такъ благоговѣющая передъ Гюго и Бальзакомъ, осталась холодна и къ знатности рода, и къ обаятельному уму и даже къ полковничьимъ эполетамъ красавца Катенева. Напрасно каждый изъ трехъ Линдоровъ истощалъ всѣ средства и качества, данныя ему отъ щедрой природы, — дѣло не двигалось. Княжна не только не желала проститься со своей свободой въ пользу одного изъ претендентовъ, но отчасти провела ту мысль, что достоинства всѣхъ трехъ вздыхателей порознь, слитыя въ одномъ человѣкѣ, ее бы не удовлетворили. Сердце ея требовало любви, огненный организмъ шелъ за одно съ сердцемъ, и не смотря на то, положеніе княжны Анны было едва ли не безнадежнѣе прошлаго положенія бѣдной Катерины Михайловны, отчаянно влюбленной и погибавшей посреди одиночества.

Всѣ эти эпизоды и перипетіи у Александра Петровича вышли довольно удачно. Vie de chateau въ имѣніи Серпуховскихъ, пред-

Digitized by Google

метъ такъ благодарный для романиста и всегда близкій къ сердцу Степанова, — описанъ не безъ поэзіи, но съ большими преувеличеніями. Гости княгини уже чрезъ мѣру умны и пзящны, праздники ея уже до крайности блистательны, увеселенія молодыхъ дамъ и кавалеровъ подчасъ идилличны до приторности. По мѣрѣ того, какъ весь разсказъ близится къ эффектной и мелодраматической катастрофѣ, онъ самъ пріобрѣтаетъ нѣчто эффектное и мелодраматическое. Собираясь передать читателю о всѣхъ бѣдахъ, причиняемыхъ человѣчеству идеями Виктора Гюго и Бальзака, талантливый авторъ, съ гибкостью настоящаго русскаго человѣка, не гнушается манерой Гюго и Бальзака. Смѣло можемъ сказать, что самъ авторъ «Исторіи Тринадцати» не погнушался бы заключеніемъ этюда княжны Анны. Мы судимъ его строже, потому-что вкусъ нашъ, не смотря на всѣ колебанія русской литературы, требуетъ возможной простоты въ созданіяхъ искусства.

Продолжаемъ нашъ разсказъ, уже близящійся къ окончанію. Былъ душный, но сырой вечеръ; послѣ многочисленныхъ увеселеній дня, многочисленные гости княгини Катеневой ужинали на террассѣ ея палаццо; два оркестра, хозяйскій и Катеневскій, играли въ саду; воздухъ былъ напоенъ лѣтнимъ, раздражающимъ нервы ароматомъ. Ужинъ подходилъ къ концу; разговоръ шолъ не очень живо; княжна Анна весь день была какъ-то особенно разсѣянна, съ гостями она говорила очень мало. Музыка примолкла по всѣмъ концамъ, какъ вдругъ послышался въ отдаленіи привлекательный голосъ соловья. Всѣ сперва подумали, что это «запоздамый пѣвецъ весны», но принуждены были образумиться, когда голосъ залился варіаціями старинной русской пѣсни и, постоянно придерживаясь одного мотива, фантазировалъ въ безконечныхъ измѣненіяхъ. — «Кто это?» спросили всѣ. Звуки неслись изъ-за плотины. Послали узнать — никого не было. Музыка послышалась въ другомъ направленіи: таинственная флейта заливалась въ страстныхъ мелодіяхъ. По словамъ полковника Катенева, страстнаго артиста, во всей Европѣ не удавалось ему слышать подобной флейты. Всѣ поиски въ саду были безуспѣшны, наконецъ имъ положилъ конецъ бойкій мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, находившійся въ услугахъ у княжны. Вытаращивъ глаза и раскраснѣвшись, онъ донесъ компаніи, что на флейтѣ игралъ какой-то проѣзжій. — «Молодецъ!» въ восторгѣ закричалъ князь Таракутовъ, и всѣ принялись ему вторить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ неожиданнаго соло, Маловъ за-

Digitized by Google

ѣхалъ на постоялый дворъ Горянова. — «Ахъ, я позабылъ сообщить о важномъ происшествіи», сказалъ онъ между прочимъ: «княжна было сгорѣла». — «Какъ это?» — «Угораздились иллюминовать китайскую бесѣдку, а въ ней была княжна съ другими дамами. Вся бесѣдка вдругъ обнялась огнемъ, а при музыкѣ и общемъ заревѣ отъ иллюминаціи сада, ни крика, ни огня никто не замѣтилъ. Когда всѣ сбѣжались, то увидѣли княжну и дѣвицъ въ безпамятствѣ, лежащихъ на травѣ. Вдругъ бесѣдка обрушилась, жестяная кровля упала на землю и прикрыла весь костеръ; въ это время дамы опомнились, а изъ-подъ крыши вылѣзъ могучій великанъ въ красной русской рубашкѣ и синихъ шаравархъ, — весь запачканный, обгорѣлый. Дамы въ одинъ голосъ закричали, что это ихъ спаситель, а онъ отыскалъ свой армякъ, дубинку, молча взялъ ихъ подъ мышку и скрылся въ гущѣ деревьевъ. Кто былъ спасителемъ княжны — неизвѣстно. Кликали кличъ между пріѣзжими кучерами, между всѣмъ народомъ, никто не отзывался. Въ одномъ изъ садовыхъ буфетовъ говорили, что кажется онъ приходилъ туда еще до происшествія, велѣлъ опорожнить винный фарфоровый холодильникъ, влилъ въ него семь стакановъ крѣпкаго пуншу и выпилъ залпомъ... Говорили даже странности, ужасы: будто бы видѣли, что онъ возлѣ ограды парка носилъ на рукахъ и качалъ княжну, какъ ребенка». — «Княжну!» вскричалъ Горяновъ, вскакивая со стула. — «Вздоръ, сущій вздоръ», беззаботно отвѣтилъ Маловъ. — «Воля ваша», сказалъ Горяновъ, опускаясь въ кресло: «а что-то дурное дѣлается съ княжной». — «Родищевъ говоритъ», замѣтилъ его пріятель: «что у мужчины бѣсъ въ ребро, когда ему сѣдина приходитъ на голову, а у женщины въ двадцать лѣтъ».

Съ княжною по днямъ происходили измѣненія. Она проводила ночи безъ сна, часто выходила съ заплаканными глазами. Она уже не краснѣла отъ словъ, нѣсколько свободныхъ для дѣвицъ. Съ Горяновымъ говорила она рѣдко и не охотно. Обожатели ея разъѣзжались, домъ княгини пустѣлъ.

«...Свѣжесть ея исчезла, румянецъ обратился въ блѣдность, глаза помутились, подъ глазами легли свинцовыя полосы. Высокая грудь ея безпрестанно волнуется, походка приняла видъ сладострастный. Она уже не можетъ ничего дѣлать и ничѣмъ заняться. Мать въ унынiи. Докторъ Крузе не можетъ или не хочетъ знать истины. «Я несчастна, сказала она мнѣ, но я хочу быть лучше несчастною въ настоящемъ положеніи моемъ, чѣмъ счастливою по прежнему!» — «Все кончено», подумалъ я молча».

Собравши всѣ предварительныя свѣдѣнія; Горяновъ поймалъ въ нижнихъ переходахъ замка Пашиньку, любимую горничную княжны Аннеты, и сказалъ ей:

Digitized by Google

— «Пашинька, такъ-то ты любишь свою госпожу? Она гибнетъ, и ты ей помогаешь гибнуть. Развѣ это любовь?» — «Я васъ не понимаю», отвѣтила Паша. — «Не правда. Тотъ, кого она любитъ, живетъ въ паркѣ, въ итальянскомъ домикѣ. Скажи, кто онъ таковъ?» — «Не знаю». — «Сжалься надъ нею и надъ собой, Пашинька. Есть еще время предупредить зло». — «Что же мнѣ дѣлать?» спросила она. — «Разсказать мнѣ все». — «Нѣтъ, это слишкомъ низко». — «А высокое въ томъ, чтобъ посредничать между княжной и ея любовникомъ?» — «Да на что это вамъ?» — «Дать знать княгинѣ и остановить, если не поздно». — «О, поздно, поздно!» вскричала она и скрылась.

Горяновъ пошелъ къ Аннетѣ и засталъ ее, лежащею на кушеткѣ.

«Она быстро оберпулась, не поправляя своего платья. Окна были заперты: въ комнатѣ сдѣлалось нестерпимо душно. Все лицо ея пылало пурпуромъ непріятнымъ, волоса были въ безпорядкѣ, коса вилась по плечамъ, губы запеклись, она не могла еще утушить сильнаго своего дыханія. Одною рукою держалась она за круглую ножку столика и щипала себѣ губы другою, отъ которой лоснилось, какъ отъ слоновой кости. Одно только маленькія, прелестныя ручки ея не измѣнились».

Произошло довольно тягостное объясненіе, хотя и въ скрытыхъ словахъ. — «Ваши поступки мнѣ извѣстны», между прочимъ сказалъ Горяновъ: «чѣмъ намѣрены вы окончить ихъ?» — «Чѣмъ оканчивается все въ мірѣ», отвѣчала она весело: «смертію!» — «Стоитъ ли онъ любви вашей», опять спросилъ Горяновъ. — «Онъ стоитъ», отвѣчала она гордо: «но свѣтъ его не стоитъ».

Всѣ эти подробности дѣлаютъ честь автору «Постоялаго Двора». Горянову ясно, что княжна Аннета погубила и себя и мать, что она попрала всѣ законы свѣта, что она отдала свое сердце недостойному человѣку, но нашъ старикъ, при всей своей проницательности, не въ силахъ даже предвидѣть всего ужаса катастрофы, готовящейся въ домѣ княгини. Добродушному содержателю постоялаго двора не было дано дожить до извѣстія о совершенной погибели существа, такъ дорогого его сердцу. Въ тотъ самый день, когда ножъ убійцы покончилъ съ жизнью Горянова, княжна Анна бѣжала изъ родительскаго дома. Нужно ли сказывать, что ея соблазнителемъ былъ тотъ самый злодѣй, который убилъ Горянова, въ отмщеніе за законныя преслѣдованія, какимъ онъ отъ него подвергался въ старое время, находясь въ Сибири за другія преступленія?

Послѣдній эпизодъ «Постоялаго Двора» ведется уже отъ лица Николая Петровича Малова, издателя записокъ покойнаго Горянова. Сдѣлавши нужныя распоряженія для похоронъ своего друга, Маловъ поспѣшилъ извѣстить объ ужасномъ происшествіи его лучшихъ друзей: Катеневыхъ, Долинскихъ и княгиню Серпухов-

Digitized by Google

скую. Но бѣдствія житейскія всегда приходятъ не по одиначкѣ. Въ домѣ Серпуховскихъ, Николай Петровичъ нашелъ все въ жестокомъ волненіи. Люди бѣгали по двору, сѣдлали лошадей, запрягали повозки. Дворовыя женщины выли. Никого на парадномъ крыльцѣ, всѣ двери въ домѣ открыты, всѣ комнаты пусты. Мальчикъ, служившій княжнѣ, вбѣжалъ въ комнаты, напѣвая пѣсню.— «Стой», закричалъ ему Маловъ. «Что у васъ дѣлается? Какъ пропала барышня?» — «Такъ же», отвѣчалъ онъ: «пропала да пропала. Вчера изволила лечь опочивать, прощалась, говорятъ, со слезами съ ея сіятельствомъ княгинею, а нынче въ десять часовъ поутру не нашли ни ея, ни Прасковьи Петровны, ни коляски, ни четырехъ вороныхъ лошадей, ни Васьки кучера».

Чрезъ два дни возвратилась коляска, въ которой уѣхала княжна. Она, онъ и Паша остались за сто верстъ, въ казенной засѣкѣ, въ избушкѣ какихъ-то раскольницъ. Люди, посланные туда, не нашли никого. Княгиня Серпуховская, отъ тревоги и огорченія, повредилась въ разсудкѣ.

Въ паркѣ, возлѣ стараго домика, найдено было нѣсколько листковъ бумаги, исписанныхъ рукою княжны; этими записками кончается, вмѣстѣ съ эпизодомъ княжны Анны, и самый романъ покойнаго Степанова. И надобно отдать справедливость автору «Постоялаго Двора»: онъ достойно кончилъ книгу, которая передастъ его почтенное имя потомству. Не взирая на эффектность катастрофы, не взирая на яркость и жосткость нѣкоторыхъ подробностей, не взирая на сильное неправдоподобіе сближенія между пзящною дѣвушкою и злодѣемъ самаго непстоваго свойства, дневникъ княжны Анны проникнутъ чистѣйшею поэзіею. Зарожденіе пылкой дѣвической любви, ея пламенное развитіе, ея пароксизмъ, ея безумство здѣсь подмѣчены и высказаны блистательнымъ образомъ.

Къ удовольствію взыскательнаго критика, Степановъ, будто совѣстясь напыщенной темы, давшей ему такой случай явиться знатокомъ женскаго сердца, посвящаетъ весьма немного строкъ самой *басни* — психологическая сторона дѣвической любви вся на первомъ планѣ. Надо читать дневникъ княжны Анны, позабывши мелодраматическую исторію, его породившую. Тогда онъ станетъ передъ нами въ настоящемъ свѣтѣ. Тогда онъ сдѣлается отрывкомъ и правдивымъ и естественнымъ, представляя изъ себя признанія страстной женской натуры, вовлеченной въ крайности чрезъ недостойную любовь — обстоятельство, не рѣдко случающееся въ свѣтѣ...

Digitized by Google

4.

Успѣхъ «Постоялаго Двора» былъ весьма значителенъ, хотя, сколько намъ помнится, въ журналахъ того времени не было критическихъ статей, способныхъ разъяснить читателю сущность этого произведенія, такъ нуждающагося въ оцѣнкѣ и истолкованіяхъ. Но съ одной стороны періодическія изданія отозвались о романѣ съ значительной, хотя и голословной похвалою, — съ другой самъ «Постоялый Дворъ», по занимательности событій, въ немъ разсказанныхъ, представлялъ собой явленіе для всѣхъ читателей пріятное. Нашимъ разборомъ мы, какъ кажется, показали, какъ богатъ былъ трудъ А. П. содержаніемъ, но кромѣ содержанія, въ немъ имѣлись частности, достойныя всевозможныхъ похвалъ. Мы не могли указать сказанныхъ частностей, стѣсняясь предѣлами журнальной статьи. Мы не сказали ни слова о той благопамѣренной смѣлости, съ какою авторъ «Постоялаго Двора» (самъ администраторъ и чиновникъ великой честности) касается служебныхъ злоупотребленій, преслѣдуетъ лихоимцевъ, неправедныхъ мужей, недостойныхъ своего высокаго званія. Тѣ эпизоды романа, въ которыхъ изображается провинціальная администрація, гдѣ выводятся наружу недостатки людей, во зло употребляющихъ власть имъ данную отъ правительства, показываютъ въ Степановѣ не только сердце истиннаго вѣрноподданнаго, честнаго сына своей родины,— но и литератора, способнаго служить дѣлу просвѣщенія своимъ мѣткимъ словомъ. Равнымъ образомъ нельзя не остановиться надъ главами романа, гдѣ темныя и невѣжественныя стороны сельскаго быта преданы заслуженному посмѣянію. И для насъ, читателей новаго поколѣнія, весьма понятны образцы нѣкоторыхъ персонажей «Постоялаго Двора», какъ напримѣръ Желбинскаго, пстаго кулака, влачащаго жизнь посреди всякаго неряшества, — помѣщицы Тораторпной, помѣшанной на тщеславіи и высокомъ тонѣ, наконецъ преступника Барова, убійцы своей племянницы, мрачнаго и озлобленнаго человѣка, въ концѣ совращеннаго корыстолюбіемъ и самовластіемъ. Для публики тридцатыхъ годовъ всѣ эти черты имѣли свою новость, свой интересъ, свое значеніе. Все изданіе «Постоялаго Двора» разошлось въ самомъ скоромъ времени, а въ то же время другая книга Степанова, другой плодъ его трудолюбивыхъ досуговъ, обратилъ на себя вниманіе людей ученыхъ и жаждущихъ серьознаго чтенія. Мы говоримъ про описаніе Енисейской губерніи, посвященное Е. И. В., въ Бозѣ почившему Императору Николаю Павловичу.

Digitized by Google

Нами было замѣчено въ свое время о томъ, что доклады губернатора Степанова, доставляемые изъ Енисейска, постоянно удостоивались вниманія Государя Императора, не по одному ихъ служебному значенію, но и по крайней занимательности, съ какою они были изложены. Высочайшее одобреніе, неоднократно передаваемое Александру Петровичу, навело его на мысль ознаменовать время своего служенія въ Сибири какимъ-либо прочнымъ трудомъ, результатомъ его собственной опытности и ученыхъ пособій, какими онъ могъ располагать, какъ начальникъ края. Изданіе «Енисейскаго Альманаха», сосредоточившее около губернатора всѣхъ людей, способныхъ помогать ему въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніи, помогло ему приступить къ дѣлу безъ промедленій. Покидая Красноярскъ, онъ увезъ съ собою весь матеріалъ книги, про которую теперь говорится. Проживая въ деревнѣ и имѣя довольно свободнаго времени, Степановъ занялся обработкою данныхъ, вывезенныхъ имъ изъ Сибири. Трудъ шолъ успѣшно и въ высшей степени добросовѣстно; всякій читатель, сколько нибудь освоившійся съ складомъ авторскаго дарованія, безъ труда найдетъ манеру Степанова въ мельчайшихъ подробностяхъ «Описанія». Вся книга, до сихъ поръ цѣнимая знатоками дѣла, не потерявшая въ теченіи столькихъ лѣтъ даже малой части своей занимательности, состоитъ изъ осьми отдѣленій, въ двухъ томахъ. Издана она въ 1835 году; послѣ поднесенія книги Государю, Степановъ получилъ подарокъ по чину и десять тысячь рублей ассигнаціями на издержки изданія.

Много распространяться по поводу «Описанія Енисейской Губерніи» мы не намѣрены: всѣ достоинства труда сами сказываются при первомъ чтеніи, между тѣмъ какъ его несовершенства (неизбѣжныя вездѣ и всюду) давно уже указаны людьми, болѣе насъ свѣдущими. Достаточно будетъ только указать на двѣ стороны, составляющія важное, основное достоинство книги.

Первая сторона, заключающаяся въ живости разсказа и происходящей отъ нея увлекательности, была замѣчательною новостью въ свое время. Государь Императоръ не даромъ хвалилъ занимательность докладовъ Степанова, въ его высокомъ поощреніи заключалось поощреніе А. П., какъ администратору, ибо дѣловой документъ, интересный по изложенію, всегда показываетъ въ излагающемъ лицѣ несомнѣнную любовь къ своему предмету. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о казацкихъ поселеніяхъ, о водвореніи ссыльныхъ, о винѣ и соли, о полиціи и приказахъ общественнаго призрѣнія — ничего не возьмешь ни риторикой, ни красотами слога. Описаніе

Digitized by Google

края невзученнаго и нелюбимаго никогда не прочтется съ легкостью; группированіе данныхъ, добытыхъ чрезъ чужія руки, фактовъ не близкихъ къ душѣ пишущаго докладъ, не можетъ быть совершено съ удовлетворительностью. Степановъ служилъ горячо, ревностно; край, ему ввѣренный, казался ему краемъ истинно-поэтическимъ, оттого онъ, даже въ повѣстяхъ своихъ и романѣ, не можетъ хладнокровно говорить о Сибири. Независимо отъ дара изложенія и способностей Степанова, какъ повѣствователя, въ его книгѣ слышится голосъ истиннаго сына своей родины. Въ счастливой, обильной Енисейской области онъ видитъ блаженный уголокъ своего собственнаго, ему принадлежащаго, ему дорогого отечества. А потому всѣ его разсказы о Енисейской губерніи поражаютъ горячностью, необыкновенною въ то время, когда по Россіи никто не путешествовалъ охотно, когда о богатѣйшихъ и живописнѣйшихъ областяхъ нашей земли почти ничего не писалось живымъ литературнымъ языкомъ. Со времени изданія «Описанія Енисейской Губерніи» прошло двадцать два года; русская литература въ это время обогатилась многими замѣчательными сочиненіями по части статистики и этнографіи Россіи; основаніе ученыхъ обществъ, учрежденіе премій, печатаніе спеціальныхъ періодическихъ изданій—придали важное развитіе наукѣ землевѣдѣнія; но и въ наше время, послѣ двадцати двухъ лѣтъ, плодотворныхъ для науки, книга Степанова не утратила ни своего значенія, ни той увлекательности, какія были за ней признаны тотчасъ же послѣ ея появленія. Другая свѣтлая сторона въ трудѣ покойнаго А. П.— это обиліе просвѣщенныхъ, честныхъ взглядовъ, въ ней заключающихся. Сухіе умники и чиновники, прирожденные враги людей поэтически развитыхъ, могутъ говорить сколько угодно о неспособности этихъ послѣднихъ къ дѣламъ практической администраціи,—ихъ приговоры всегда останутся пищей для одного невѣжества. Само собой разумѣется, если подъ словомъ «неспособный человѣкъ» мы станемъ разумѣть человѣка, дѣлающаго промахи въ служебной формальности; если подъ именемъ «практической администраціи» мы будемъ понимать умѣніе отписываться и очищать дѣла къ сроку ревизіи, намъ останется только преклониться предъ сухими умниками рутинерами. Но для лицъ, желающихъ видѣть въ администраторѣ гонителя злоупотребленій, просвѣтителя, двигателя однимъ словомъ—весь вопросъ станетъ иначе. Въ душѣ, смягченной наукою, просвѣтленной строгими нравственными началами, подготовленной къ власти опытомъ не напрасно прожитой жизни— не можетъ быть неспособности къ широкой и практической дѣя-

Digitized by Google

тельности. Взглядъ человѣка, взросшаго на идеяхъ красоты, добра и правды, всегда зорче, чѣмъ взглядъ администратора по рутинѣ, его сердце будетъ горячѣе, его слово окажется несравненно мѣтче, а дѣятельность самобытнѣе и смѣлѣе. Покойный Степановъ явился самобытнымъ и смѣлымъ человѣкомъ во всѣхъ главахъ «Описанія», касающихся администраціи края, когда-то ввѣреннаго его попеченію. Не страшась упрека въ несвоевременности и даже рѣзкости нѣкоторыхъ воззрѣній, онъ указываетъ на злоупотребленія по той или другой отрасли, на недостаточность того или другого постановленія по управленію краемъ, на возможность развить такое-то благое начинаніе, на необходимость измѣненія и реформы по многимъ инымъ предметамъ. Ошибаясь во многомъ, онъ ошибается не отъ недобросовѣстности, не отъ желанія отличиться бойкою мыслью, а отъ слабости, общей всѣмъ людямъ. Развивая какую-нибудь идею примѣнимую (а въ настоящее время даже примѣненную), онъ говоритъ такъ, какъ слѣдуетъ говорить человѣку, считающему царскую службу не однимъ средствомъ къ полученію жалованья или знаковъ отличія. Замѣтки его о краѣ, представляющемъ такое неистощимое поприще для истиннаго администратора поражаютъ своей безъискусственностью. Степановъ не маскируется фразами, не употребляетъ пышныхъ рѣчей по поводу благихъ мѣръ правительства, уже данныхъ и принятыхъ къ исполненію; онъ постоянно глядитъ впередъ и впередъ, съ рвеніемъ весьма рѣдкимъ въ чиновникахъ его возраста и воспитанія. И вся книга, наконецъ, заключается трогательными страницами, въ которыхъ авторъ, защищая мысль объ учрежденіи Енисейской губерніи, говоритъ, что пожертвованія казны, неразлучныя съ этимъ отдѣленіемъ цѣлаго края, имѣли благотворное вліяніе на преуспѣяніе области...

Теперь слѣдуетъ намъ снова вернуться къ біографіи А. П. и даже поспѣшить окончаніемъ, можетъ быть, слишкомъ пространнаго труда нашего.

Авторъ «Постоялаго Двора» прожилъ въ с. Троицкомъ до осени 1834 года, доканчивая свой романъ и «Описаніе»; съ наступленіемъ слѣдующаго года, онъ уже былъ въ Петербургѣ и занималъ небольшое помѣщеніе въ Измайловскомъ полку, по близости къ дѣтямъ. Не смотря на быстрый успѣхъ «Постоялаго Двора», не взирая на 10,000 руб. асс., полученные отъ монаршихъ щедротъ на изданіе другой рукописи, дѣла А. П. не только не пришли въ хорошее положеніе, но, напротивъ того, запутались еще болѣе. Старшіе сыновья нуждались въ поддержкѣ; за трехъ младшихъ приходилось платить въ пансіонъ; младшій сынъ оставался еще въ Троицкомъ;

Digitized by Google

двѣ дочери воспитывались въ казенныхъ заведеніяхъ. Расходы могли назваться великими, а между тѣмъ деревенская жизнь не пріучила Степанова къ хозяйству: онъ оставался и на старости лѣтъ тѣмъ же литераторомъ-философомъ, какимъ мы его знали до сихъ поръ, тѣмъ же благодушнымъ смертнымъ, чуждымъ всякаго житейскаго ухищренія. Совсѣмъ тѣмъ, сколько можно судить по семейнымъ замѣткамъ и духу нѣсколькихъ статей, писанныхъ Степановымъ въ то время, онъ не считалъ себя несчастливымъ, не роптalъ на судьбу, жилъ, какъ могъ, и радовался тому, что могъ часто видѣться съ дѣтьми, нѣжно имъ любимыми. Онъ возобновилъ свои столичныя связи, вступилъ въ число сотрудниковъ старой «Библіотеки для Чтенія» и сблизился съ О. И. Сенковскимъ, ея редакторомъ. Въ 1836 году Степановъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Саратовъ, но занималъ этотъ постъ весьма не долго. Высокое покровительство Государя, столько разъ оказываемое А. П. во время прежней его службы, осѣнило его и при концѣ его административной дѣятельности; по Высочайшему повелѣнію, А. П. былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ оставленіемъ содержанія. Трудныя занятія Степанова, во время послѣдней занимаемой имъ должности, значительно разстроили его здоровье и имѣли вліяніе на расположеніе духа и нравственныя его силы.

Грустнымъ и больнымъ старикомъ вернулся авторъ «Постоялаго Двора» въ Петербургъ лѣтомъ 1837 года. Онъ опять поселился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ Княжнина, гдѣ была его квартира и до отъѣзда въ Саратовъ. Въ одной рукописной повѣсти, относящейся къ этому времени (разсказъ идетъ отъ авторскаго лица), находимъ мы нѣсколько автобіографическихъ подробностей, которыя и передаемъ здѣсь, какъ передавали мы подобныя черты изъ «Постоялаго Двора», не ручаясь за полную ихъ достовѣрность. «Черезъ годъ послѣ моего свиданія съ княгиней», говоритъ авторъ рукописи, «притащился я кое-какъ въ столицу. У меня квартиры еще не было, потому-что не на что было нанять. Чемоданчикъ мой съ бѣльемъ оставилъ я у моихъ ближнихъ, тоже бѣдныхъ людей, а самъ обѣдалъ и ночевалъ поперемѣнно у пріятелей, которые не только позволяли мнѣ выспаться на ихъ диванахъ, но еще поили меня хорошимъ кофеемъ или чаемъ». Въ другомъ мѣстѣ той же рукописи Степановъ разсказываетъ отъ своего лица, что постоянной цѣлью его прогулокъ былъ памятникъ его бывшаго начальника Суворова, которому онъ ходилъ каждый день кланяться. Эта черта весьма характеризуетъ покойнаго писателя,

Digitized by Google

также, какъ еще одинъ отрывокъ изъ заключенія той же ненапечатанной повѣсти.

«Испытанія, которыя я прошелъ въ жизни» — говоритъ онъ — «такъ меня умяли и угомонили, что мнѣ остается одна только надежда, и кажется вѣрная, какъ дважды два—четыре. Я говорю о землѣ...» — «Ну, слава Богу», перебила меня княгиня: «а много вамъ дадутъ земли?»—«Я думаю, что не менѣе трехъ аршинъ».

Вообще вся ненапечатанная вещица, о которой говоримъ мы, построена на идеѣ довольно замѣчательной. Цѣлое богатое, избалованное счастьемъ семейство, тревожится отъ мелкихъ горестей жизни, сѣтуетъ на ничтожнѣйшія испытанія, и всѣ эти фантастическія треволненія повѣряются автору, въ самомъ дѣлѣ измученному жизнью и не сѣтующему на свое горе. Отъ противоположности между горемъ дѣйствительнымъ и горемъ «для красоты слога» рождается нѣсколько разговоровъ и сценъ, не лишенныхъ занимательности. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вся повѣсть, выправленная самимъ авторомъ и напечатанная на страницахъ старой «Библіотеки для Чтенія», оказалась бы не хуже «Ветошника Алеши», «Чертовыхъ Салазокъ» и другихъ мелкихъ произведеній Степанова, съ удовольствіемъ читавшихся въ свое время.

Сношенія А. П. съ журналомъ «Библіотека для Чтенія» и ея первымъ редакторомъ продолжались и во время послѣдняго пребыванія нашего автора въ Петербургѣ. Авторъ «Постоялаго Двора» могъ назваться дорогимъ сотрудникомъ для всякаго журнала: его имя было любимо читателемъ; онъ писалъ много и легко; всякая вещь его отличалась умною мыслью, положенною въ ея основаніе; наконецъ, А. П., какъ по своей манерѣ повѣствовательной, такъ по своему взгляду на литературу, составлялъ замѣтное исключеніе въ ряду литераторовъ одного съ нимъ возраста. Онъ занимался дѣломъ съ любовью, не глядѣлъ на журнальную часть, какъ на нѣчто себя недостойное, примѣнялся къ идеямъ и требованіямъ новаго литературнаго періода, не держался никакихъ старпковскихъ замашекъ ни въ слогѣ, ни въ замыслѣ своихъ легкихъ произведеній. Для него не существовало никакихъ литературныхъ партій; на всякаго писателя, отмѣченнаго вниманіемъ публики, Степановъ, не взирая на собственную свою извѣстность, глядѣлъ, какъ на уважаемаго наставника. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ онъ даже слишкомъ далеко заходилъ, отъ недовѣрія къ своимъ силамъ и отсутствія опытнаго руководителя. Его увлекали и парадоксально-цвѣтистая манера Брамбеуса, и метафоричность Марлинскаго, и мелодраматическіе эффекты модныхъ французскихъ писателей. Русская повѣсть, особенно повѣсть журнальная, по мнѣнію

Digitized by Google

А. П., была самымъ легкимъ родомъ литературной дѣятельности, произведеніемъ, почти не подлежащимъ художественной критикѣ. Умная мысль въ основаніи, бойкость въ разсказѣ, эффектность и внѣшній интересъ басни — вотъ все, что только могъ читатель желать отъ повѣсти ему предлагаемой. По правдѣ сказать, въ 1837 году немногіе литераторы думали иначе, а «Библіотека для Чтенія», которую А. П. уважалъ всѣмъ сердцемъ, въ сказанномъ отношеніи была скорѣе позади, нежели впереди русскихъ литераторовъ.

Вслѣдствіе всего нами сказаннаго, мы не будемъ распространяться ни о періодѣ журнальной дѣятельности Степанова, ни о его романѣ «Тайна», въ свое время имѣвшемъ своего рода успѣхъ и возбудившемъ разные толки между читателями. Романъ этотъ вышелъ въ свѣтъ уже послѣ смерти А. П., писанъ былъ онъ торопливо и не ровно, посреди всякаго рода горестей, неудачъ и бурь житейскихъ. Въ немъ есть не мало замѣчательныхъ страницъ и что еще важнѣе, нѣсколько свѣжей, непринужденной веселости, болѣе всѣхъ другихъ данныхъ свидѣтельствующей о душевной твердости сочинителя. Но ни повѣсти, напечатанныя въ «Библіотекѣ для Чтенія», ни романъ «Тайна», какъ мы уже сказали, не прибавляютъ ничего къ литературной репутаціи Степенова; одни лица глубоко сочувствующія трудамъ покойнаго романиста имѣютъ право глядѣть на послѣднія его сочиненія такъ, какъ за нѣсколько лѣтъ до ихъ появленія, европейскій читатель глядѣлъ на «Опасный Замокъ» больного, добраго, измученнаго жизнью Вальтеръ-Скотта.

Въ концѣ 1837 года, крѣпкое здоровье А. П. окончательно подломилось подъ гнетомъ тревогъ и недуговъ, до тѣхъ поръ переносимыхъ съ легкостью. Хроническое воспаленіе печени, начавшееся весьма давно, достигло до крайнихъ предѣловъ. Суворовскій воинъ не поддавался болѣзни, какъ до тѣхъ же поръ не поддавался ударамъ неблагосклонной судьбы, не ложился въ постель и дѣйствительно не чувствовалъ никакихъ страданій, но съ каждымъ днемъ силы его ослабѣвали. Наконецъ А. П. слегъ, зная очень хорошо, что ему не встать болѣе съ одра болѣзни. Какъ у большей части отцовъ нашихъ, крѣпкихъ людей предшествовавшаго намъ поколѣнія, у него первая уступка недугу вела за собой послѣдній фазисъ болѣзни. Степановъ предчувствовалъ свою кончину и радовался ей. Онъ любилъ жизнь, но уже не могъ ждать отъ нея никакихъ радостей. И служебная, и литературная дѣятельность уже не радовали, состоянія у него не осталось никакого; большое семейство и заботы, съ нимъ сопряженныя, обременяли ослабѣвшія силы благороднаго труженика. А. П. говорилъ о смерти

Digitized by Google

какъ объ отдыхѣ, безъ радости и грусти, но съ полной вѣрою въ благость Всемогущаго. И Богъ далъ ему кончину, какой онъ всегда желалъ, какъ лучшей награды за свое многотрудное поприще. 25-го ноября, рано утромъ, авторъ «Постоялаго Двора» скончался тихо и безболѣзненно, въ кругу всѣхъ людей, которые были ему дороги. Его кончина была счастливѣе, чѣмъ кончина его Горянова, не поцѣловавшаго своихъ дѣтей передъ смертью. Степановъ умеръ такъ, какъ въ былое время баснословной италійской компаніи засыпалъ послѣ тяжкаго, усиленнаго перехода. Къ нему можно и должно примѣнить безсмертные стихи великаго поэта:

Онъ умеръ, какъ и многіе: безъ шума,
Но съ твердостью.

Тѣло его отпѣли въ Троицкомъ соборѣ и перевезли въ с. Троицкое, гдѣ оно и похоронено на церковной паперти, къ стѣнѣ противу входа.

1857.

III.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ.

Начало нынѣшняго 1858 года ознаменовалось не однимъ печальнымъ для нашей литературы событіемъ. Еще недавно сообщали мы нашимъ читателямъ о кончинѣ нашего извѣстнаго ученаго и одного изъ редакторовъ «Русскаго Вѣстника» Петра Николаевича Кудрявцова, а теперь намъ снова приходится говорить о новой потерѣ: 5 марта, утромъ, скончался человѣкъ, нѣкогда имѣвшій большое вліяніе на русскую словесность и въ особенности журналистику, бывшій редакторъ и основатель «Библіотеки для Чтенія», *Осипъ Ивановичъ Сенковскій*. Смерть пришла къ нему тихо, безъ сопровожденія обычныхъ страданій: большая часть изъ людей, близкихъ къ покойному, за нѣсколько дней видавшіеся и говорившіе съ нимъ, не подозрѣвали о ея близости. Постоянные и изнурительные недуги, съ которыми О. И. какъ бы сжился за послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни, съ нѣкоторыхъ поръ утратили надъ нимъ часть своей силы, что было для всѣхъ замѣтно по увеличившейся литературной дѣятельности покойника. Оживленіе, начавшееся въ нашей литературѣ въ послѣднее время, какъ будто освѣжило собой угасающія силы ветерана русской журна-

Digitized by Google

листики. Многіе изъ послѣднихъ, такъ сказать, предсмертныхъ фельетоновъ барона Брамбеуса имѣли успѣхъ въ публикѣ и какъ бы напоминали собой его былую дѣятельность, съ ея полезными, оригинальными, и по временамъ неудовлетворительными особенностями.

Въ краткой некрологической статьѣ невозможно прослѣдить за обширной дѣятельностью Сенковскаго, какъ оріенталиста, преподавателя, критика, фельетониста и повѣствователя, — мы не сомнѣваемся, что о его трудахъ и заслугахъ будетъ еще сказано не одно слово въ нашей словесности. Одной стороны мы однако не можемъ и не должны пройти молчаніемъ: на страницахъ журнала, основаннаго покойнымъ О. И., мы хотимъ воздать ему должную честь, какъ русскому журналисту. Издавна чуждаясь всякой литературной рутины, мы и теперь будемъ стараться, чтобъ наши краткія слова не имѣли ничего офиціально-похвальнаго, безстрастно-панегирическаго, какъ оно всегда почти бываетъ съ некрологическими замѣтками. Мы не станемъ утаивать несовершенствъ въ дѣятельности О. И., во время его завѣдыванія «Библіотекою для Чтенія», — не станемъ потому, что благотворная и благородная сторона его трудовъ съ избыткомъ выкупала всѣ сказанныя несовершенства.

Огромный успѣхъ въ публикѣ, которымъ пользовалась «Библіотека для Чтенія» за все время, когда Сенковскій былъ ея *настоящимъ* и *дѣятельнымъ* редакторомъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть приписанъ весь — достоинствамъ и способностямъ О. И. Во всей современной ему русской литературѣ не находилось человѣка, который въ качествахъ, необходимыхъ для журналиста, могъ бы соперничать съ основателемъ «Библіотеки для Чтенія». По высокому, солидному, многостороннему образованію, Сенковскій могъ назваться первымъ изъ первыхъ литераторовъ своего времени. Кромѣ языковъ древнихъ и восточныхъ, онъ зналъ въ совершенствѣ языки: русскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и польскій; кромѣ глубокихъ свѣдѣній по отрасли наукъ, которымъ преимущественно посвятилъ онъ свои занятія въ молодости (восточные языки и восточная литература), онъ имѣлъ обширныя познанія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ. Читая безпрестанно и владѣя удивительной памятью, О. И., когда еще его здоровье допускало «излишества труда», слѣдилъ за всѣми, не только замѣчательными, но даже второстепенными и третьестепенными явленіями современной науки и словесности. Онъ могъ бесѣдовать съ первоклассными медикомъ и удивлять его своими позна-

Digitized by Google

ніями въ области медицинскихъ наукъ; первостепенные европейскіе виртуозы отдавали справедливость его парадоксальнымъ, но глубокимъ взглядамъ на сокровенные законы ихъ искусства; экономистъ, разговаривая съ О. И., видѣлъ, что ему знакомы труды всѣхъ европейскихъ, особенно англійскихъ, писателей по части политической экономіи. Понятно, что при обладаніи такими средствами, Сенковскій могъ вести и велъ свое періодическое изданіе несравненно лучше, чѣмъ его сверстники вели свои журналы. Владѣя даромъ популярнаго и остроумнаго изложенія, создавши себѣ свой слогъ и свою манеру, неутомимо пользуясь всѣми сокровищами французской, нѣмецкой и англійской словесности, онъ не безъ основанія могъ отозваться въ послѣдствіи, разсказывая о первыхъ годахъ «Библіотеки для Чтенія»: «хлопотъ у меня было очень мало, а сотрудниковъ еще меньше: я самъ былъ и редакторомъ, и сотрудникомъ, а иногда и переводчикомъ».

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что способность къ разнообразной журнальной работѣ, въ соединеніи съ полнотою и многосторонностью свѣдѣній О. И., положила начало его славѣ, какъ журналиста, и въ тоже самое время принесла ему нѣкоторый вредъ, какъ журналисту же. Въ цвѣтѣ лѣтъ и умственной энергіи, сильный своею извѣстностью, поощренный блистательнымъ успѣхомъ изданія, имъ предпринятаго и имъ однимъ поддерживаемаго, редакторъ «Библіотеки для Чтенія», надѣясь на огромную силу собственной своей личности, не позаботился окружить себя людьми, изъ числа которыхъ могъ бы онъ сформировать сильный литературный кругъ, связанный одними и тѣми же убѣжденіями, а современемъ выбрать себѣ помощниковъ и товарищей. Трудно объяснить съ достовѣрностью причины того литературнаго одиночества, котораго постоянно держался Сенковскій и которое по временамъ вводило его въ странныя и безвыходныя положенія, но намъ кажется, что въ одиночествѣ этомъ не было ничего преднамѣреннаго или исходящаго изъ пренебреженія къ другимъ литераторамъ. Мы знали О. И. около десяти лѣтъ и во всѣ эти десять лѣтъ не подсмотрѣли въ его характерѣ никакой неуживчивой особенности, не подслушали въ его разговорахъ о литературѣ чего нибудь очень враждебнаго новому ея направленію. Нѣкоторые изъ современныхъ писателей, незнакомые ему лично и даже предубѣжденные противъ его литературной дѣятельности (напримѣръ И. С. Тургеневъ), были любимыми авторами покойника, и всякую ихъ хорошую вещь онъ привѣтствовалъ съ полнымъ радушіемъ. Когда ему приходилось сходиться съ какимъ нибудь литераторомъ, составившимъ себѣ

Digitized by Google

извѣстность за послѣдніе годы, О. И. всегда оказывался и привѣтливымъ, и сообщительнымъ. Но въ его характерѣ — и это мы знаемъ навѣрное—преобладающей особенностью всегда было то, что англичане называютъ *shyness*, то есть отчасти врожденная, отчасти развитая обстоятельствами трудность къ сближенію съ другими людьми. Искать въ комъ нибудь, подлаживаться къ другому человѣку, онъ не могъ бы ни за что въ свѣтѣ, но если обстоятельства сами сводили его съ существомъ достойнымъ пріязни, онъ его держался постоянно и въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ иногда былъ очарователенъ. Мы помнимъ ночныя бесѣды и немноголюдныя собранія, посреди которыхъ покойный Сенковскій любилъ давать волю своему остроумію, а остроуміе это въ изустныхъ бесѣдахъ, по временамъ, далеко оставляло за собой то замѣчательное остроуміе, какимъ восхищались ревностные поклонники печатнаго барона Брамбеуса. Смѣло можемъ сказать, что воспоминанія о подобныхъ разговорахъ принадлежатъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ воспоминаній нашей молодости. И сколько разъ приходила намъ въ то время печальная мысль: «и этотъ высокообразованный человѣкъ, съ его свѣтлымъ умомъ, съ его яснымъ взглядомъ на вещи, съ его терпимостью и пониманіемъ жизни, человѣкъ столько сдѣлавшій для русской словесности, гаснетъ посреди полнаго одиночества, имъ же вызваннаго, имъ же подготовленнаго!» Память о годахъ, когда онъ все дѣлалъ одинъ и могъ самъ быть своимъ первымъ помощникомъ, вредила Сенковскому очень много. Въ молодости ему было весело не нуждаться ни въ комъ, держать себя въ сторонѣ отъ молодого поколѣнія, на сверстниковъ своихъ глядѣть съ иронією, отчасти ими заслуженною. Но съ годами пришли недуги и усталость, а зданіе, поддерживаемое столько лѣтъ одною, хотя очень сильною рукою, рухнуло съ трескомъ, чуть эта рука должна была опуститься.

Въ журнальной дѣятельности О. И., — и стало быть во всемъ значеніи «Библіотеки для Чтенія», въ лучшіе годы ея существованія, необходимо отличать двѣ стороны, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Журналъ, имъ основанный и имъ поставленный на первое мѣсто въ ряду русскихъ періодическихъ изданій, по мнѣнію его редактора, имѣлъ двѣ задачи, изъ которыхъ главную мы можемъ передать такъ: «служить для русскаго читателя *иностраннымъ обозрѣніемъ*, знакомить русскую публику со всѣмъ замѣчательнымъ въ области иностранной и особенно англійской словесности». Русская литература (по первоначальнымъ соображеніямъ основателя) не должна была играть въ журналѣ особенно

Digitized by Google

важной роли: только огромный успѣхъ, какимъ встрѣчены были первыя повѣсти и литературная лѣтопись, побудили редакцію увеличить отдѣлъ критики и заботиться о запасѣ повѣстей на будущее время. Но и тутъ, относительно статей оригинальныхъ, «Библіотека для Чтенія», по идеѣ ея редактора, должна была оставаться ничѣмъ инымъ какъ занимательнымъ альманахомъ, въ родѣ «Новоселья», въ то время имѣвшаго такой успѣхъ въ русской публикѣ. О. И. никогда не обманывался на счетъ значенія своего журнала и своей критики: требованія публики, неслыханный успѣхъ его краткихъ и блистательныхъ рецензій, заставляли его заниматься литературною лѣтописью съ особеннымъ тщаніемъ; но въ годы сильнѣйшаго ея успѣха, остроумный рецензентъ не обманывалъ себя по части ея значенія. Сенковскій зналъ лучше всѣхъ своихъ противниковъ, что судьба не создала его критикомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, зналъ и то, что лучшія страницы его литературной лѣтописи не содержатъ въ себѣ ничего особенно плодотворнаго для современной ему русской словесности. Онъ не преувеличивалъ своей роли, какъ цѣнителя изящныхъ произведеній. Онъ не силился возвести въ какую нибудь теорію своего гоненія на плохихъ поэтовъ, свой походъ противъ *сихъ* и *оныхъ*, свои мѣткія шутки противъ сѣробумажныхъ изданій и раздирательной литературы. Читатель требовалъ остротъ и шутокъ, читатель встрѣчалъ каждую рецензію Сенковскаго выраженіемъ восторженнаго одобренія, и Сенковскій былъ не прочь шутить съ читателемъ, иногда даже шутить надъ читателемъ. Онъ не переставалъ шутить даже и тогда, когда требованія публики стали измѣняться, когда на арену русской критики выступили люди съ болѣе серьознымъ взглядомъ на русскую словесность, съ несравненно болѣе сильнымъ призваніемъ къ критической дѣятельности.

Здѣсь намъ по необходимости приходится коснуться одной изъ самыхъ рѣзкихъ особенностей въ дѣятельности О. И. какъ русскаго журналиста. Невозможно скрывать, да и не нужно скрывать того, что онъ никогда не имѣлъ особенной привязанности къ русской словесности, какъ старой, такъ и современной. Холодность эта происходила не отъ высокомѣрія, не отъ насмѣшливаго воззрѣнія, не отъ какой нибудь эгоистической причины: она была просто холодностью высокообразованнаго иностранца, не жившаго внутри Россіи, едва знакомаго съ силой и поэзіею русской жизни. Погружаясь въ океанъ французской, англійской и нѣмецкой современной литературы, Сенковскій слишкомъ мало думалъ о мелкой, и еще слабой струѣ живой воды, которая текла въ произведені-

Digitized by Google

яхъ юной русской мысли и юнаго русскаго художества. Онъ желалъ всякихъ успѣховъ русской наукѣ и русской поэзіи, вѣрилъ, что современемъ успѣхи эти придутъ сами собою, но въ настоящемъ видѣлъ въ русской словесности лишь одпѣ попытки, робкія слова, подражанія чужеземцамъ, школьныя начинанія. Взглядъ Сенковскаго па русскую литературу мы можемъ выразить такими словами: «намъ надо учиться и учиться, а не кричать о нашихъ необыкновенныхъ успѣхахъ. Мы еще дѣти, мы еще ученики, — наши поэты поютъ съ чужого голоса, наши повѣствователи подражаютъ Бальзаку и Скотту, а наша публика, плохо знакомая съ оригиналами, сгоряча, признаетъ подражателей великими мастерами дѣла. Наука наша ушла весьма недалеко, мы кричимъ обо всякой компиляціи, набросанной общедоступнымъ языкомъ, не зная о томъ, что въ Европѣ ни одинъ порядочный ученый уже не пишетъ языкомъ неудобнымъ. На какомъ основаніи можемъ мы восхищаться собой и своими трудами? что *новаго* и собственно намъ принадлежащаго внесли мы въ сокровищницу европейской науки и европейскаго искусства? Прислушайтесь къ отзыву чужеземцовъ, самыхъ пристрастныхъ въ пользу нашей литературы — этимъ вы лучше всего оцѣните всю мѣру нашей самонадѣянности. Мы не виноваты въ томъ, что мало сдѣлали; давно ли развилась у насъ наука и возможность литературнаго труда? Самовосхваленіемъ тутъ не поможешь. Наши новые журналы, въ которыхъ столько самовосхваленія и толковъ о заслугахъ нашей словесности, тоже, что рукописные журналы, издающіеся въ пансіонахъ и школахъ: въ нихъ одна ученическая рѣзвость съ ученическимъ ребячествомъ. Перечитайте всѣ русскіе романы и повѣсти, имѣвшіе успѣхъ за послѣдніе три года, — а послѣ нихъ пробѣгите хоть «Пиквикскій Клубъ» Диккенса: тутъ вы поймете разницу въ трудѣ учениковъ и трудѣ мастера. Послѣ нашихъ ученыхъ книгъ и журнальныхъ статей возьмите на удачу одну статью изъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія, статью безъ подписи, прочитайте ее—и тогда судите сами о нашей учености. Нашимъ журналистамъ и критикамъ такое сравненіе не придетъ въ голову: они не читаютъ ничего, а изъ иностранныхъ языковъ знаютъ лишь французскій, да и то плохо. Чѣмъ учиться у старшихъ народовъ, гораздо легче восхищаться своими доморощенными мудрецами. Это замашка всѣхъ начинающихъ; можетъ быть она имѣетъ свою полезную сторону, потому-что ученикамъ нужна бодрость. Только не хорошо, если они уже слишкомъ бодры, до того бодры, что ученье считаютъ дѣломъ для себя ненужнымъ». Вотъ въ немногихъ словахъ взглядъ

Digitized by Google

О. И. на значеніе современной русской словесности—взглядъ этотъ не придуманъ нами на основаніи какихъ либо догадокъ, но высказанъ имъ самимъ по частямъ, въ разное время, въ теченіи нашихъ многочисленныхъ бесѣдъ съ покойнымъ. Какъ правдивая, такъ и ошибочная сторона сказаннаго взгляда выражаются съ перваго раза, и мы можемъ повторить по его поводу то, что уже было нами сказано: Сенковскій смотрѣлъ на русскую литературу, какъ безпристрастный и высокообразованный иностранецъ, но не какъ русскій писатель. Онъ былъ правъ во многомъ, съ зоркостью видѣлъ смѣшныя и бѣдныя стороны нашей литературы, но отъ него была скрыта ея живая и сильная сторона, та сторона, благодаря которой русская литература имѣетъ свою великую, ей одной принадлежащую силу въ русскомъ обществѣ. Не въ журналахъ, не въ журнальныхъ повѣстяхъ, не въ ученыхъ трудахъ (тридцатыхъ годовъ) сказывались самобытность и оригинальность этой литературы. Они сказывались въ русской поэзіи, той поэзіи, которая была чисто русскимъ плодомъ русской жизни, которая охватывала собой цѣлое общество, вытекала изъ него, сбрасывала съ себя узы подражательности и выражалась почти непрерывнымъ рядомъ дарованій перваго разбора — Карамзинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Крыловымъ, Кольцовымъ, Гоголемъ. Чтобы понять великое и благотворное значеніе этихъ дѣятелей, чтобъ, при оцѣнкѣ ихъ труда, отдѣлять временное отъ вѣчнаго, заимствованное отъ самобытнаго, обще-европейское отъ чисто-русскаго, надо было, во-первыхъ, имѣть то страшное поэтическое чутье, которымъ у насъ отличался Бѣлинскій, а сверхъ того близко знать Россію съ ея бытомъ, ея природой, ея стремленіями, ея поэтическими и печальными сторонами. О. И., какъ мы сказали, почти никогда не жилъ внутри коренной Россіи; молодость его прошла или въ западныхъ губерніяхъ, или въ странствованіяхъ за границею, въ С.-Петербургѣ же, и въ Москвѣ (куда онъ заглядывалъ по временамъ) велъ онъ жизнь то кабинетную, то роскошную и разсѣянную. Но этотъ недостатокъ, при всей его важности, часто восполняется поэтической воспріимчивостью духа, а покойный редакторъ «Библіотеки для Чтенія» не обладалъ подобной воспріимчивостью. Не только лица, коротко знавшія покойнаго, но и всякій внимательный читатель его сочиненій, легко согласится съ нами въ томъ, что поэтическимъ элементомъ и сочувствіемъ къ поэзіи никогда не былъ богатъ баронъ Брамбеусъ. Иначе и быть не могло при блистательной парадоксальности его взглядовъ, при постоянно скептп-

Digitized by Google

ческомъ настроеніи его ума, при необыкновенной способности схватывать смѣшную сторону каждаго предмета, при оригинальномъ и по временамъ безжалостномъ остроуміи Сенковскаго. Еслибъ эти рѣдкія свойства натуры О. И. были въ добавокъ согрѣты элементомъ поэтической воспріимчивости — изъ него вышелъ бы юмористъ самаго высшаго разбора. Но поэтической стороны не было въ этомъ столь многостороннемъ дѣятелѣ. О. И. зналъ русскихъ и чужеземныхъ поэтовъ, но никогда не изучалъ ихъ съ любовію: въ теченіе нашихъ долговременныхъ съ нимъ сношеній, намъ приходилось съ нимъ сотни разъ бесѣдовать о предметахъ самыхъ странныхъ, самыхъ разнообразныхъ, — но никогда не слыхали мы, чтобъ онъ говорилъ о поэзіи. Онъ хорошо зналъ Гомеровы творенія, но они служили ему однимъ предлогомъ для филологическихъ тонкостей и историческихъ гипотезъ, помимо ихъ художественнаго величія. Онъ слѣдилъ за трудами Шекспировыхъ комментаторовъ, до подробности зналъ исторію всѣхъ драмъ, Шекспиру приписанныхъ, но и въ твореніяхъ великаго поэта не имѣлъ онъ ни одной драмы, особенно любимой. Также холоднымъ казался онъ намъ и въ отношеніи къ своимъ роднымъ, польскимъ поэтамъ и къ первокласснымъ дѣятелямъ русской поэзіи, — къ Пушкину, Жуковскому Грибоѣдову. Мы слышали отъ О. И. десятки любопытныхъ разсказовъ про частную жизнь Пушкина, десятки подробностей о мистическихъ причудахъ Мицкевича въ Парижѣ, но намъ не удавалось слыхать отъ него ни одного восторженнаго слова по поводу «Онѣгина», «Русалки», «Каменнаго Гостя», «Конрада Валленрода», «Сонетовъ» Мицкевича. Мудрено ли, что при такихъ отношеніяхъ къ міру поэзіи, редакторъ и критикъ «Библіотеки для Чтенія» не могъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ чужимъ человѣкомъ въ этомъ мірѣ. Разъ сдѣлавшись лѣтописцемъ русской литературы, не раздѣляя ни съ кѣмъ обязанностей этого званія, онъ естественно шелъ къ цѣлому ряду ошибокъ, тѣмъ болѣе опасныхъ, что современная ему русская словесность, мощно двинутая на новый путь нѣсколькими сильными поэтами (въ особенности Пушкинымъ и Гоголемъ), требовала для себя цѣнителей также сильныхъ и почти также поэтическихъ по натурѣ, какъ эти писатели. Не изъ разсчета, не изъ прихоти, не изъ насмѣшки Сенковскій, критикъ принималъ мишуру за золото, посредственныхъ риѳмотворцевъ за великихъ поэтовъ, — нѣтъ! онъ платился за ложное свое положеніе, за успѣхъ своихъ первыхъ шутливыхъ рецензій, за тотъ успѣхъ, вслѣдствіе котораго онъ противъ воли долженъ былъ войти въ сферу ему чуждую, гдѣ было мало и его

Digitized by Google

высокаго образованія, и его многосторонних свѣдѣній. Не изъ лицепріятія или дурного помысла, О. И. просмотрѣлъ огромное значеніе Гоголя въ русской литературѣ, онъ просмотрѣлъ его совершенно искренно, онъ прошелъ мимо Гоголя такъ, какъ человѣкъ, одаренный тысячью талантовъ, но худо разумѣющій живопись, проходитъ мимо фанъ-Остада или ван-дер-Нэра въ чьей нибудь картинной галлереѣ. Поэтическая понятливость не замѣняется ни какимъ образованіемъ, ни какой наукой. Бѣлинскій, не зная иностранных языковъ, не имѣя десятой доли безконечных свѣдѣній Сенковскаго, сразу угадывалъ значеніе великих поэтовъ и на оборотъ, одною рецензіею отдѣлялъ мишуру отъ золота, сбрасывалъ посредственных дѣятелей словесности съ того незаслуженнаго мѣста, на которое ставила ихъ временная прихоть публики. Потому-то Бѣлинскій, при многих своих несовершенствах, былъ истиннымъ критикомъ и *двигателемъ* родной словесности. Сенковскій не могъ быть двигателемъ, потому что не имѣлъ качествъ, нужных для критики поэтическихъ произведеній, а истинно поэтическія произведенія, какъ оно извѣстно всякому, составляютъ цвѣтъ, корень, сущность (epitome) каждой литературы. Въ этомъ отношеніи роль О. И. была не велика и не значительна, но онъ имѣлъ другую важную роль, выполненную безукоризненно и принесшую нашей словесности большую пользу. Онъ честно исполнилъ задачу, которая сказывалась въ его словахъ: «мы еще ученики передъ Европою, намъ надо учиться и учиться». На этих словахъ зиждется главное значеніе его журнала, значеніе популярнѣйшаго и превосходнѣйшаго «иностраннаго обозрѣнія», какое когда нибудь имѣла русская публика.

Уже одна программа «Библіотеки для Чтенія», программа, вся созданная О. И., въ совершенствѣ показывала, до какой степени редакторъ новаго изданія разумѣлъ умственныя потребности русскаго читателя. Сенковскій былъ основателемъ того энциклопедическаго направленія, котораго до сихъ поръ неуклонно держатся всѣ наши лучшіе журналы и котораго они будутъ держаться до той поры, пока уровень нашего общаго образованія не сравняется съ иностраннымъ. Французы и англичане, имѣющіе нѣкоторое понятіе о русской литературѣ, съ недоумѣніемъ (а часто и съ ироніей) толкуютъ о страшномъ объемѣ нашихъ періодическихъ изданій, о нашихъ 12 книжкахъ въ годъ, о нашихъ 30 листахъ въ каждой книжкѣ; ихъ удивляетъ то, что русская публика, вмѣсто «обозрѣній», выписываетъ себѣ какія-то періодическія энциклопедіи и еще называетъ эти энциклопедіи *журналами*. Имъ не при-

Digitized by Google

ходитъ въ голову того, что такими энциклопедіями ежегодно распространяются массы многостороннѣйшихъ свѣдѣній, большею частью новыхъ для русской публики; что публика эта не промѣняетъ журналовъ, примѣненныхъ къ ея потребностямъ, ни на англійскія обозрѣнія, ни на французскія ученыя изданія. Сенковскій, при своемъ высокомъ образованіи, понималъ очень хорошо новость и странность задуманнаго имъ плана, но онъ тѣмъ не менѣе выполнилъ его со всей точностью и тѣмъ показалъ, что понимаетъ и современнаго читателя и положеніе современной литературы. Разсчетъ его съ перваго года оказался вѣрнымъ: тысячи подписчиковъ устремились къ его ежемѣсячной энциклопедіи, въ которой за стихотвореніемъ шла статья о сельскомъ хозяйствѣ и за новой повѣстью Мишель Массона, слѣдовалъ отчетъ о какихъ нибудь открытіяхъ по химіи. Небывалое до той поры количество подписчиковъ, обезпечивъ матеріальную сторону изданія, дало редактору «Библіотеки» возможность устроить эту важную часть на прочномъ основаніи. Плата за статьи сдѣлалась необходимымъ условіемъ журнальнаго труда, произволъ сталъ невозможнымъ по этой части; обширный классъ писателей, обезпеченный въ своемъ интересѣ, увеличилъ свою дѣятельность, между тѣмъ какъ все журнальное дѣло навсегда получило тотъ правильный и опредѣленный характеръ, отъ котораго малѣйшія уклоненія теперь стали невозможностью.

Убѣдившись въ томъ, что русская публика сочувствуетъ энциклопедическому сборнику въ новомъ родѣ, Сенковскій обратилъ все свое вниманіе на отдѣлы журнала, казавшіеся второстепенными и темными. Русскія повѣсти и стихи онъ цѣнилъ какъ приманку для людей непривычныхъ къ дѣльному чтенію; лѣтописью своей онъ тѣшился, не признавая за ней какого либо важнаго значенія; но на отдѣлы Наукъ, Иностранной Словесности и Смѣси было обращено съ его стороны непрерывное и неусыпное вниманіе. Задача Сенковскаго состояла въ томъ, чтобъ въ двѣнадцати книжкахъ своего журнала дать русской публикѣ наибольшее количество полезныхъ свѣдѣній, переданныхъ какъ нельзя проще и увлекательнѣе. Имѣя подъ рукой всѣ пособія современной литературы и журналистики Европы, О. И. не пользовался ими, какъ матеріаломъ готовымъ, не нуждающимся въ стройной обработкѣ. Ему казалось недостаточнымъ выбрать книгу или статью, велѣть ее перевести со тщаніемъ и затѣмъ отложить дальнѣйшія о ней попеченія: нѣтъ, въ понятіяхъ перваго редактора «Библіотеки для Чтенія» это составляло лишь вступительную часть труда. Надо было во-первыхъ

Digitized by Google

приспособить чужой трудъ къ пониманію своего читателя, стать въ посредники между иностраннымъ писателемъ и русскимъ подписчикомъ, а во-вторыхъ, распорядиться такъ, чтобъ у журнала не было отнято много мѣста, чтобъ «Библіотека для Чтенія» всегда сохраняла свой разнообразно-энциклопедическій характеръ. Потому *всѣ* статьи «Библіотеки», какъ иностраннаго обозрѣнія, проходили черезъ руки Сенковскаго. Онъ ихъ выбиралъ самъ, не полагаясь ни на чью помощь, онъ ихъ сокращалъ или дополнялъ сообразно своимъ понятіямъ о понятливости публики, онъ ихъ вновь просматривалъ передъ напечатаніемъ, оживляя текстъ какимъ нибудь дѣльнымъ примѣчаніемъ, какою нибудь замѣткою, кидавшею свѣтъ на сущность всего дѣла. О. И. былъ убѣжденъ, что можетъ придать популярность и интересъ всякой страницѣ своего изданія, и онъ не ошибался: у него были тотъ драгоцѣнный даръ изложенія, та бойкая особенность языка, вслѣдствіе которыхъ статья, надъ которой случалось ему проработать нѣсколько минутъ, уже влекла къ себѣ читателя. Чтобъ удостовѣриться въ справедливости словъ нашихъ, стоитъ отыскать въ старой «Библіотекѣ для Чтенія» хоть краткіе отчеты о новыхъ романахъ, являвшихся во Франціи, Англіи и Германіи, хоть перечни неистовыхъ драмъ и водевилей, игранныхъ на парижскихъ театрахъ. Рука опытнаго мастера прошла повсюду, слѣдъ ея видѣнъ и въ статейкахъ смѣси, и въ отчетахъ о засѣданіяхъ французской академіи, и въ музыкальныхъ новостяхъ, и въ тысячѣ подобныхъ мелочей, составляющихъ не мелочь въ своей сложности. Вездѣ видны глазъ и рука редактора истинно образованнаго, понимающаго свою публику, заботящагося о ней, какъ умный воспитатель заботится о плохо-подготовленномъ воспитанникѣ. Весь трудъ не имѣетъ въ себѣ ничего отталкивающаго, суроваго, докторальнаго, напротивъ того онъ полонъ жизни и веселости, отъ него не пахнетъ масломъ, какъ говорятъ древніе. Не упуская изъ виду ни одной изъ мелочей своего журнала, Сенковскій тѣмъ не менѣе помнитъ о субстанціальной, существенной его сторонѣ, примѣняя къ ней ту же систему ученія легкаго и увлекательнаго. Отдѣлы его журнала наполнены всѣмъ лучшимъ, что давала ему въ то время современная европейская литература. Изъ англійскихъ обозрѣній беретъ онъ превосходные труды по части естественныхъ наукъ, французская литература даетъ ему повѣсти и романы даровитѣйшихъ разскащиковъ того времени. Постоянно испытывая своего читателя, неутомимо борясь со всѣми препятствіями, не зависящими отъ редакціи, Сенковскій наполняетъ свое иностранное обозрѣніе статьями, компиляціями, отчетами, разбо-

Digitized by Google

рами, сокращеніями самаго разнообразнаго свойства. Въ январѣ пробуетъ онъ говорить съ читателемъ о германской философіи, въ февралѣ, замѣтивъ, что, не смотря на всѣ усилія, предметъ не затрогиваетъ публику, онъ бесѣдуетъ съ ней о какомъ нибудь германскомъ туристѣ, въ родѣ князя Пюклеръ-Мускау. Сегодня печатаетъ онъ рядъ статей о послѣднихъ открытіяхъ въ области естественныхъ наукъ, завтра разсказываетъ объ англійскомъ парламентѣ, послѣ завтра выбираетъ одинъ изъ умнѣйшихъ романовъ Бальзака и, подсмѣиваясь надъ его авторомъ, все-таки слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ переводъ вѣрно передалъ лучшія страницы этого необыкновеннаго романиста. Постоянно затрогивая любознательность своей, еще такъ юной публики, ни на минуту не утомляясь своей сизифовой работой, всегда шутливый, всегда веселый, всегда общедоступный по языку, редакторъ «Библіотеки для Чтенія» постоянно вливаетъ жизнь и единство въ свой трудъ, постоянно кладетъ на него отпечатокъ своей оригинальной личности. По заключеніи каждаго года читатель видѣлъ, что его, безъ труда и усилій, ознакомили съ десятками знаменитѣйшихъ чужеземныхъ писателей, что ему передали, въ рядѣ живыхъ и легкихъ разсказовъ, множество любопытныхъ явленій современной европейской жизни, изящной литературы, науки, журналистики. Самъ не зная какъ, онъ получалъ охоту къ познаніямъ, начиналъ дополнять пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія и такимъ образомъ вырывался изъ-подъ умственной апатіи, вѣчнаго удѣла людей учившихся «чему нибудь и какъ нибудь», по немногу.

Сенковскій зналъ лучше всякаго изъ новыхъ своихъ критиковъ, что въ двѣнадцати книжкахъ самаго толстаго журнала, при всей доброй волѣ редакціи, не передашь читателю всего замѣчательнаго въ современной европейской литературѣ. Но онъ зналъ, что въ дѣлѣ обогащенія человѣка свѣдѣніями, самый методъ ученія важнѣе огромнаго запаса фактовъ. Самъ занимая мѣсто профессора, онъ не могъ не понимать той истины, что иногда десятокъ лекцій, прочитанныхъ съ толкомъ, научаетъ болѣе, чѣмъ цѣлый выдолбленный курсъ, и что въ дѣлѣ умственнаго развитія не столько важно набиваніе ученической головы, какъ способность поставить учащагося въ возможность просвѣщать себя и безъ помощи учителя. Слова доктора Визе, съ превосходными статьями котораго объ англійскомъ воспитаніи русская читающая публика отчасти знакома, слова: «*въ ученіи слово какъ* (wie) *несравненно важнѣе чѣмъ что* (was)» могутъ быть вполнѣ примѣнены къ дѣятельности Сенковскаго, какъ редактора «Библіотеки для Чтенія». Нѣтъ нужды

Digitized by Google

въ томъ, что онъ непочтительно обращался съ первоклассными авторами, выпуская главы изъ Бальзака, сокращая Диккенса, и урѣзывая капитальныя статьи изъ «Эдинбургскаго обозрѣнія» — задача его, какъ журналиста, состояла не въ томъ, чтобъ представлять читателю Диккенса, Бальзака и лорда Брума во всей ихъ цѣлости, но въ томъ, чтобъ *сблизить*, а иногда и просто познакомить читателя съ этими могучими дѣятелями. Сокращенія и компиляціи отвратительны лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ задуманы безъ нужды и выполнены съ бездарностью, а этого нельзя сказать про статьи «Библіотеки для Чтенія», въ первые годы ея существованія. Мы не имѣемъ никакой причины пристрастно глядѣть на дѣятельность редактора Сенковскаго, но должны сказать съ полной откровенностью, что статьи, имъ выбранныя, сокращенныя и напечатанныя, при всѣхъ неполнотахъ и урѣзкахъ, кажутся намъ несравненно поучительнѣйшими для читателя, чѣмъ всѣ эти полные, но тяжелые, небрежные (а иногда безграмотные) переводы, нынѣ появляющіеся въ такомъ изобиліи. Конечно, англійскіе романы въ переводѣ Введенскаго полезнѣе, чѣмъ «Старикъ Горіо» съ пропускомъ важныхъ главъ или труды романиста Морьера съ сокращеніями и дополненіями самого О. П., но много ли у насъ такихъ переводчиковъ, какъ Введенскій? А затѣмъ, кто изъ насъ посмѣетъ серьезно сравнивать теперешніе журнальные переводы, исполненные промаховъ, безцвѣтности, холодности съ живыми, блестящими статьями иностраннаго отдѣла «Библіотеки для Чтенія»? Въ этихъ скромныхъ статьяхъ, часто подписанныхъ именами, нынѣ имѣющими почетную извѣстность въ русской словесности, жило и сохранялось (не смотря на урѣзки и сокращенія) то, что всего важнѣе въ данномъ трудѣ, то-есть духъ его автора, особенность его литературной манеры. Въ старой «Библіотекѣ для Чтенія», во время управленія Сенковскаго, Морьеръ и Гукъ говорили языкомъ, имъ принадлежащимъ, Бальзакъ не имѣлъ ничего общаго съ Мишель Массономъ, а Марріетъ съ Диккенсомъ. Тоже самое, и еще въ замѣчательнѣйшей степени, замѣчалось и въ ученыхъ статьяхъ, взятыхъ съ иностраннаго. У насъ привыкли говорить, что русская публика жаждетъ *оригинальныхъ* статей серьознаго содержанія, что она холодна къ переводамъ изъ умнѣйшихъ иностранныхъ писателей,—если это правда, то надо жалѣть о русской публикѣ, потому что наша наука еще далеко отстала отъ науки европейской. Но не лучше ли будетъ думать, что читатель холоденъ къ переводнымъ ученымъ статьямъ и компиляціямъ лишь вслѣдствіе безцвѣтности, вялости и безхарактерности статей такого

Digitized by Google

рода, статей, въ которыхъ авторъ утрачиваетъ всю свою самобытность, вслѣдствіе неспособности своихъ истолкователей. Если въ вашемъ журналѣ Маколей похожъ на Эмерсона, Карлейль на Макинтоша, Мишле на Тьерри и Гервинусъ на Ранке, не удивляйтесь тому, что читатель зѣваетъ и говоритъ: «не хочу иностранной мудрости!» У Сенковскаго читатель тридцатыхъ годовъ, читатель менѣе развитый и менѣе терпѣливый, чѣмъ теперешніе читатели, никогда не говорилъ ничего подобнаго. Причина этому обстоятельству была та, что редакторъ старой «Библіотеки для Чтенія», въ отношеніи нѣкоторыхъ отдѣловъ своего журнала, могъ назваться редакторомъ небывалымъ, совершеннѣйшимъ и безукоризненнымъ. Онъ читалъ все иностранное и работалъ, какъ рьяный юноша, едва бросившійся въ литературное дѣло, надъ каждою страницей своего періодическаго изданія. Онъ запрещалъ носить къ себѣ русскія газеты и журналы (особенно если замѣчалъ, что они «ругаются», какъ онъ выражался — и оправдывать его въ этомъ пренебреженіи мы не станемъ. Но до того времени, когда здоровье его не разстроилось окончательно, онъ считалъ стыдомъ не читать новыхъ иностранныхъ журналовъ, не выписывать книгъ изъ Франціи, Англіи и Германіи,—не слѣдить за всѣмъ замѣчательнымъ въ области науки и литературы. Гоголя онъ проглядѣлъ, это правда, потому что Гоголь дѣйствовалъ въ области не близкой къ сердцу Сенковскаго, за то въ своей любимой области, въ иностранной словесности, онъ не проглядѣлъ ни одного явленія, тогда какъ его сверстники и критики десятками ихъ проглядывали. Вотъ въ чемъ заключалась главная сила Сенковскаго, какъ редактора, и вотъ почему его журналъ пустилъ такіе крѣпкіе корни въ умахъ современныхъ ему русскихъ читателей.

Сенковскаго, какъ редактора, упрекали и упрекаютъ въ томъ, что журналъ его не имѣлъ никакого направленія, что въ выборѣ статей, въ критикѣ и такъ далѣе основатель «Библіотеки для Чтенія» не руководился никакими серьезными убѣжденіями. Обвиненіе это, какъ намъ кажется, падетъ само собою, когда наша журналистика получитъ должную зрѣлость, когда мы отвыкнемъ отъ ученической заносчивости и стало быть перестанемъ видѣть *направленіе* въ безпрестанномъ выкрикиваніи того, что и безъ крика должно быть извѣстно всякому просвѣщенному человѣку. Относительно русской литературы, взгляды Сенковскаго дѣйствительно могутъ быть оспориваемы, какъ мы уже показали въ своемъ мѣстѣ, но не то съ его задачею, какъ редактора, стоящаго въ головѣ полезнѣйшаго, имъ созданнаго иностраннаго обозрѣнія. О. П. дѣй-

Digitized by Google

ственно любилъ шутить надъ сантиментальнымъ направленіемъ, въ которое стали вдаваться германскіе писатели его времени, онъ безжалостно издѣвался надъ соціальными тенденціями новой французской литературы, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ имѣлъ въ себѣ хотя частицу обскурантизма или антипатіи къ разумному движенію. Сердце его лежало къ Англіи, къ твердымъ и прочнымъ понятіямъ британскихъ мыслителей, къ теоріямъ равно удаленнымъ и отъ вреднаго застоя и отъ лихорадочныхъ порывовъ въ область утопіи. Онъ не навязывалъ этихъ понятій читателю, не трубилъ о нихъ на каждой страницѣ своего изданія (вѣрное средство испошлить всякое хорошее воззрѣніе), не хватался за статьи, въ которыхъ они только одни проводились, для всего этого О. И. былъ и слишкомъ уменъ, и слишкомъ спокоенъ, и слишкомъ остороженъ. Направленіе его журнала можетъ быть оцѣнено лишь судьею очень хладнокровнымъ и очень внимательнымъ, его не схватишь изъ одной книжки «Библіотеки», наудачу выбранной; его не оцѣнишь въ торопливой статейкѣ. Еслибъ Сенковскій не имѣлъ никакихъ убѣжденій, мы имѣли бы въ его журналѣ, какъ иностранномъ обозрѣніи, рядъ статей или противорѣчащихъ одна другой, или отмѣченныхъ однимъ фальшивымъ направленіемъ. И въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи тридцатыхъ годовъ водилось множество обскурантовъ, рыцарей старины, безнадежныхъ скептиковъ, многіе изъ этихъ людей обладали значительнымъ талантомъ; отчего же ихъ труды не переводились, не компилировались и не выхвалялись въ «Библіотекѣ для Чтенія»? Отчего весь журналъ (какъ иностранное обозрѣніе) проникнутъ однимъ и тѣмъ же спокойнымъ, просвѣщеннымъ, благороднымъ духомъ, который, скажемъ мимоходомъ, воспитываетъ юную еще публику лучше всякихъ иническихъ дифирамбовъ? Если намъ объявятъ, что все это было дѣломъ случая, то мы будемъ вправѣ отвѣтить: почему же случай подобнаго рода является лишь въ журналахъ, находящихся подъ самою просвѣщенною редакціею, и тотчасъ же исчезаетъ въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ дѣла ведутся небрежно или переходятъ въ руки людей мало образованныхъ? Наконецъ, въ поясненіе роли О. И., какъ журналиста, мы позволимъ себѣ привести на память нѣсколько словъ изъ давнишней бесѣды нашей съ лицомъ, пользующимся великой любовью со стороны всѣхъ просвѣщенныхъ современниковъ *), лицомъ, имѣвшимъ самыя многоразличныя дѣла съ Сенковскимъ, какъ редакторомъ, и до послѣдняго времени со-

*) Профессоръ А. В. Н.

Digitized by Google

хранившаго къ нему дружескія отношенія. «О. И. говорило намъ это лицо, не понимали и теперь не понимаютъ. При многихъ странностяхъ, онъ не только былъ человѣкомъ здраваго и просвѣщеннаго воззрѣнія на вещи, но былъ имъ всегда, во всѣхъ своихъ журнальныхъ дѣлахъ, во всѣхъ обстоятельствахъ своей дѣятельности. Онъ не увлекался крикомъ и фантазіями, но за свои идеи держался крѣпко, упорно, неотступно. Я видѣлъ и имѣлъ съ нимъ важнѣйшія дѣла въ ту пору, когда его понятія были перетолкованы въ худую сторону, когда его журналъ подвергался нерасположенію людей сильныхъ — въ это время Сенковскій не измѣнилъ себѣ ни однимъ словомъ, ни одной строкою. При его умѣ и изворотливости, ему было легко польстить одному, угодить другому, тиснуть ловкую статейку, которая сняла бы съ него часть незаслуженнаго имъ нареканія, онъ не сдѣлалъ и не желалъ сдѣлать ничего подобнаго. Онъ любилъ просвѣщеніе и служилъ ему вѣрой и правдою. Онъ зналъ, что не употребляетъ во зло ни одного изъ правъ, ему данныхъ, и зная это, уже не склонялся ни къ какимъ уступкамъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ журналистомъ истинно европейскимъ, спокойнымъ въ своей твердости и непреклоннымъ въ своей умѣренности.»

Таковъ былъ О. И. въ исполненіи высшихъ обязанностей русскаго журналиста, — но чтобъ оцѣнить всѣ его необыкновенныя достоинства какъ редактора, нужно имѣть понятіе о вседневныхъ трудахъ, обусловленныхъ его призваніемъ. По этой части мы имѣемъ возможность сообщить читателю нѣсколько подробностей, истинно характеристическихъ. Не задолго до кончины Сенковскаго, намъ случилось взять изъ его библіотеки коллекцію старыхъ англійскихъ журналовъ, являвшихся въ свѣтъ во время наибольшаго успѣха, «Библіотеки для Чтенія». Пробѣгая эти «обозрѣнія», «магазины» (magazines) и періодическія энциклопедіи, мы, такъ сказать, были перенесены въ мастерскую журналиста-Сенковскаго, къ блистательной порѣ его редакторской дѣятельности. Намъ сдѣлался ясенъ главный трудъ его жизни, передъ нами раскрылась вся тихая, темная, никѣмъ не оцѣненная особенность его журнальныхъ занятій. Каждая книжка этихъ забытыхъ, разрозненныхъ, запыленныхъ изданій служитъ памятникомъ заботливости, неусыпности, трудолюбія какими обладалъ бывшій редакторъ «Библіотеки для Чтенія». Всѣ статьи прочитаны, исчерчены справками и дополненіями, указаніями для компиляторовъ, поясненіями для читателя. Во многихъ мѣстахъ, многословныхъ или не близко относящихся къ главному предмету статьи, цѣлыя страницы текста зачеркнуты и замѣнены

Digitized by Google

умнымъ, оживленнымъ сокращеніемъ всего въ нихъ сказаннаго. Почеркъ Сенковскаго, почеркъ такъ намъ памятный, вездѣ пестритъ собой поля книжки, всегда четкій, всегда ровный, всегда щеголеватый. И что замѣчательнѣе всего: и поправки, и сокращенія, и вставки, и прибавленія редактора — *все на англійскомъ языкѣ*, самомъ легкомъ и правильномъ, безъ одной грамматической ошибки, безъ одного сколько нибудь тяжелаго оборота рѣчи! Сенковскій не хотѣлъ дѣлать своихъ замѣтокъ по русски, для того чтобъ его слогъ не составилъ диспарата съ слогомъ переводчика, къ тому же онъ такъ зналъ иностранные языки, что кажется ему ничего не значило даже *думать* по-французски, по-нѣмецки, по-англійски. Занимаясь своимъ журналомъ О. И. не хотѣлъ признавать въ трудѣ редактора ни излишествъ, ни гибельной роскоши. Пока въ немъ жила энергія, онъ не берегъ себя и не гонялся за отдыхомъ. Немногіе изъ страшнѣйшихъ ученыхъ тружениковъ провели безъ сна столько ночей, сколько ихъ провелъ веселый и остроумный баронъ Брамбеусъ. Онъ не берегъ своихъ силъ, онъ обращалъ ночь въ день и для капитальнаго труда, и для передѣлки плохой повѣсти, и для того, чтобъ подбавить жизни въ мелкія статейки своей смѣси. Никогда не обладая желѣзнымъ здоровьемъ, имѣя всѣ средства беречь себя и трудиться въ мѣру, онъ не думалъ ни о здоровьѣ, ни о раздѣленіи своего нескончаемаго труда съ надежнымъ помощникомъ. Природа наконецъ взяла свое, и разъ поднявши свой голосъ, сдѣлала дѣло разрушенія съ безжалостью и неумолимостью. Выпустивши перо изъ рукъ Сенковскій выпустилъ его навсегда. Однажды переставши быть редакторомъ, онъ понялъ, что ему предстоитъ навсегда проститься съ своей любимой, славною дѣятельностью. Съ первой своей серьозной болѣзнью и редакторъ Сенковскій, и баронъ Брамбеусъ умерли для русской литературы.

Мы познакомились съ покойнымъ О. И. въ 1849 году, въ періодъ его полнаго литературнаго бездѣйствія. Едва сблизившись съ нимъ, уже можно было сказать, что періодъ этотъ будетъ постояннымъ, неизмѣннымъ, необходимымъ. Какъ для многихъ людей, сходныхъ съ нимъ по характеру, для Сенковскаго слова *все или ничего* служили всегдашнимъ девизомъ. Разрушенное здоровье его не допускало излишествъ труда, а труда расчетливаго и скупого онъ не могъ понять до конца жизни. Гостепріимный хозяинъ, остроумнѣйшій собесѣдникъ, надежный совѣтникъ и пріятель, онъ уже не былъ ни редакторомъ, ни даже литераторомъ. Онъ читалъ мало — чтеніе раздражало его нервы, будило воспо-

Digitized by Google

минаніе прежней могучей работы, питало въ немъ вредные позывы на неумѣренную дѣятельность мысли. Писалъ онъ еще менѣе, писалъ по необходимости, почти съ отвращеніемъ: ему былъ тягостенъ литературный застой того времени, нападенія разныхъ цѣнителей на его личность не возмущали его нимало, но они поддерживали въ немъ давнишній его предразсудокъ о незрѣлости, ребячествѣ и заносчивости русской литературы. Предразсудокъ этотъ укоренялся въ умѣ его все болѣе и болѣе — рѣдко высказывая свои мнѣнія по этой части, онъ носилъ ихъ въ себѣ и тихо скорбѣлъ о томъ времени, когда его силы не поддавались недугу, когда его голосъ слышенъ былъ по всей читающей Россіи, дорогъ и понятенъ всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ. Литературная несообщительность Сенковскаго и та британская shyness, о которой мы упоминали, полагали какую-то непереходимую грань между нимъ и литераторами новаго поколѣнія, изъ которыхъ многіе питали къ нему непритворную привязанность. Одно время (между 1848 и 1853 годами), О. И. дружески сходился съ цѣлымъ кругомъ молодыхъ литераторовъ, между которыми находились и поэты, и библіографы, и повѣствователи, и даже редакторъ одного изъ новыхъ журналовъ. Въ то время онъ еще могъ бы сгруппировать около себя таланты, придать новыхъ силъ гибнущей «Библіотекѣ для Чтенія», но самъ журналъ уже давно не занималъ собою О. И. Твердый въ своемъ девизѣ, онъ хотѣлъ, чтобъ на его долю доставалось «все или ничего» въ журнальной дѣятельности. Не пренебреженіе къ дѣлу, а недугъ, изнуряющій и непзцѣлимый, вотъ разгадка его пассивной жизни въ послѣдніе годы, его недѣятельности между болѣе молодымъ поколѣніемъ, которое хотя часто поперечило его прежнимъ воззрѣніямъ, но на самомъ дѣлѣ всегда уважало личность и заслуги Сенковскаго. Самая арена прежнихъ успѣховъ опротивѣла О. И., и это чувство не было чувствомъ предосудительнымъ: ветеранъ, изнуренный и измученный, не могъ безъ тяжелаго чувства глядѣть на поле битвъ, прославившихъ его молодость. Сверхъ того, болѣзнь Сенковскаго, по сущности своей, всегда располагала его къ ипохондріи и преувеличенно-печальнымъ помысламъ. Баронъ Брамбеусъ, такъ шутливый въ разговорахъ, такъ блистательно остроумный въ своихъ фельетонахъ, несъ обычный крестъ людей, прославленныхъ за остроуміе. Публика и поклонники считали его эпикурейцомъ, весельчакомъ, всегда смѣющимся Демокритомъ, говоруномъ, исполненнымъ великой вѣры въ свои силы; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ, подобно Мольеру въ старое и Теккерею въ наше время,

Digitized by Google

человѣкомъ наклоннымъ къ меланхоліи, писателемъ, часто сомнѣвавшимся въ великой силѣ, данной ему отъ Бога.

А ему нельзя было, ему не слѣдовало сомнѣваться въ этой силѣ. Не бравши пера въ руки, не изнуряя себя трудами, въ злѣйшую пору болѣзни и видимаго безсилія, Сенковскій все-таки могъ бы приносить огромную пользу родной словесности, потому что онъ оставался просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ и опытнѣйшимъ журналистомъ своего времени. Его взглядъ никогда не терялъ своей мѣткости, всѣ его замѣтки о текущихъ литературныхъ явленіяхъ отличались разительной проницательностью, и очень часто его рѣдкія, небрежныя сужденія, высказанныя изустно, безъ всякаго приготовленія, имѣли въ себѣ что-то истинно глубокое. Онъ могъ бы, не выходя изъ своего кабинета, направлять труды цѣлаго круга сотрудниковъ, противодѣйствовать всему дѣйствительно смѣшному и ученическому въ нашей журналистикѣ, могъ бы, однимъ словомъ, дать новую жизнь когда-то любимому, но безнадежно заброшенному имъ журналу. Этого О. И. не хотѣлъ сдѣлать — подъ вліяніемъ болѣзни, онъ видимо преувеличивалъ свою отсталость отъ новой литературы. Можетъ быть, онъ боялся, что возобновленіе редакторскихъ трудовъ для него не ограничится одной пассивной дѣятельностью совѣтника, что оно перейдетъ въ излишество и приведетъ съ собой ожесточеніе недуга, и намъ кажется, что такое опасеніе было основательно. Сенковскій, какъ истинный воинъ просвѣщеннаго слова, не могъ трудиться въ половину. Онъ не разъ говорилъ, когда заходила рѣчь о малой его производительности въ послѣдніе годы: «я могу умереть надъ работой, но я не въ силахъ писать по клочкамъ, писать по немногу, не въ силахъ писать, хворая и откладывая работу день за день.

1858.

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОГО ТОМА.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Стр.

1850.

1. «Греческія стихотворенія» *Н. Щербины*..... 7

1855.

2. *А. С. Пушкинъ* и послѣднее изданіе его сочиненій 30
3. Полное собраніе сочиненій *Ивана Козлова*..... 82
4. Сочиненія *В. Л. Пушкина* и *В. Д. Веневитинова*..... 97

1856.

5. Стихотворенія *А. А. Фета*..... 115
6. «Зимній путь». Поэма *Н. П. Огарева*..... 131
7. «Иванъ Ивановичъ Мартыновъ». Соч. *Е. Колбасина*..... 140
8. Стихотворенія *графини Ростопчиной*, *Я. П. Полонскаго* и *И. Никитина*..... 153
9. «Метель» и «Два гусара». Повѣсти *графа Л. Н. Толстого*..... 168
10. Критика гоголевскаго періода русской литературы и наши къ ней отношенія..... 189
11. «Всенные разсказы». Соч. *графа Л. Н. Толстого*. — «Губернскіе очерки». Соч. *Н. Щедрина*..... 242

Digitized by Google

Стр.

1857.

12 «Очерки изъ крестьянскаго быта». Соч. *А. Ѳ. Писемскаго*..... 257
13. «Повѣсти и разсказы» *И. С. Тургенева*..... 286
14. «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ», изданный подъ редакціей *Н. В. Гербеля*. Томъ I..... 374
15 «Письма объ Испаніи». Соч. *В. П. Боткина*..... 381
16. Стихотворенія *А. И. Полежаева*..... 414

1858.

17. «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей», изданный подъ редакціей *Н. В. Гербеля*. Томы II и III..... 435
18. «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Соч. *А. П. Милюкова*..... 444

1859.

19. Стихотворенія *А. Н. Майкова*..... 487
20. «Тысяча душъ». Романъ *А. Ѳ. Писемскаго*..... 514
21. Сочиненія *А. Н. Островскаго*..... 528
22. «Украинскіе народные разсказы» Марка Вовчка. Переводъ *И. С. Тургенева*..... 567
23. «Обломовъ». Романъ *И. А. Гончарова*..... 579

1860.

24. Сочиненія *В. Г. Бѣлинскаго*..... 601
25. Сочиненія *Д. В. Давыдова*..... 639
26. Сочиненія *Э. И. Губера*..... 649
27. «Библіотека иностранной поэзіи». Изданіе Н. В. Гербеля. Выпускъ первый. Переводы и подражанія *Н. В. Берга*..... 660
28. «Годъ на Сѣверѣ». Соч. *М. Максимова*..... 661

БІОГРАФІИ.

1853.

1. Воспоминаніе о русскомъ художникѣ Павлѣ Андреичѣ Федотовѣ..... 668

1857.

2. Александръ Петровичъ Степановъ, авторъ «Постоялаго Двора»..... 713

1858.

3. Осипъ Ивановичъ Сенковскій..... 766

Digitized by Google

6252

Digitized by Google

18335

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Barcode is upside down on front cover on the bottom!

Digitized by Google